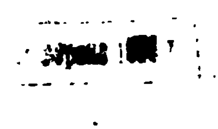

VE
RI
TAS

СОВРЕМЕННИКЪ

СОВРЕМЕННИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И (СЪ 1859 ГОДА) ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый съ 1847 года

И. ПАНАЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ LXXXVII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, апрѣля 30 дня 1861 года

Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

ДВА УБІЙСТВА.

I.

Была лѣтняя ночь, какія бываютъ иногда въ нашей Великой Россіи, — ночь, какой позавидовали бы итальянцы: такъ она тепла и прозрачна; такою душистою прохладою вѣетъ съ поля; такою ароматною свѣжестью дышитъ лугъ, а пушистый лѣсъ такъ и обдаетъ благовоніемъ клена и липы... На голубомъ небѣ ярко высыпали звѣзды; мѣсяцъ высоко стоялъ на горизонтѣ, обливая серебрянымъ свѣтомъ лѣса, поля, долины, или рисуя длинныя тѣни отъ каждаго одиноко стоящаго дерева, отъ каждаго кустика, отъ каждаго строенія деревни, широко раскинувшейся на берегу многоводной рѣки. Струйки ея блестѣли на лучахъ мѣсяца, какъ серебряная чешуя на большой рыбѣ... и дружно бѣжали вдаль, погоняя, догоняя, торопя другую, съ своимъ немолчнымъ, непереставаемымъ лепетомъ... Тихо было на землѣ, какъ будто все вымерло кругомъ; ни вѣтерка не несется ни откуда, ни шороха... только вдругъ иногда фыркнетъ вдали лошадь, гдѣ-то въ темнотѣ, закрытая кустарникомъ; простонетъ сова въ дуплѣ, или издалека, издалека принесется едва слышный гулъ ночнаго сторожеваго колокола сосѣдняго села... а потомъ опять все смолкнетъ, опять замретъ такъ, какъ будто на землѣ нѣтъ ничего живаго, и серебряное покрывало мѣсяца легло на уснувшую сномъ смерти землю...

Но вотъ вдругъ изъ сосѣдняго сарая раздался пронзительный вопль и смолкъ мгновенно: какъ много отчаянія и грусти въ этомъ воплѣ!... какъ отрывисто, внезапно смолкъ онъ, какъ будто перерванный вдругъ постороннею силою, не давшею ему вполнѣ высказаться; какъ будто желавшею скрыть его отъ людей...

Вслѣдъ за этимъ послышался шорохъ... въ сумракѣ длинной тѣни, падающей отъ сарая и охватившей большое пространство, показалась какая-то черная масса... послышалось хрипѣніе и тяжелое порывистое дыханіе... потомъ слабый, едва слышный стонъ — и снова все затихло; завыла въ отдаленіи собака, и тихій, но долгій и торжественный гулъ колокола, пробившаго ровно и медленно полночь, завершилъ это неясное сочетаніе звуковъ, хоть тихихъ, но страшныхъ своею таинственностію...

II.

У избы деревни, вблизи которой начался разсказъ нашъ, стоялъ мужикъ и сильно стучался въ окна. При яркомъ свѣтѣ мѣсяца можно было разсмотрѣть, что то былъ мужчина высокаго роста, въ бѣлой рубашкѣ, покрытой какимъ-то черными пятнами, босой, съ растегнутымъ воротомъ, съ небольшою черною бородкой... Онъ сильно и нетерпѣливо стучалъ въ окно, и хриплымъ голосомъ говорилъ: «отворите, отворите скорѣе...»

Вы знаете, что лѣтомъ въ избахъ, по случаю жару, вообще спятъ мало: всякій старается помѣститься тамъ, гдѣ не такъ жарко и гдѣ не такъ много мухъ: въ сараяхъ, клѣтяхъ, чуланахъ, даже сѣняхъ... Что-же мудренаго, что на стукъ его отозвались не скоро; что много времени прошло прежде, нежели сонный голосъ спросилъ: «кто тутъ?» и получивши отвѣтъ, отперъ калитку.

Незнакомецъ у окна между тѣмъ дрожалъ замѣтно; прохлада ли утра, собственное ли волненіе, другая ли какая нибудь причина производила это — рѣшить трудно. Только онъ часто хватался за горло, на которомъ тоже виднѣлись такія же черныя пятна, какъ и на рубашкѣ; только голосъ, которымъ онъ кричалъ: «отворите, отворите скорѣе!» становился все хриплѣе и хриплѣе.

Когда наконецъ ему отворили, зажгли лучину и собралась

вся семья, состоящая изъ старика, его жены и дочери дѣвицы,— можно было наконецъ узнать, въ чемъ дѣло.

Но прежде нежели мы выслушаемъ разсказъ пришлеца, постараемся описать хозяевъ дома, — это описаніе можетъ намъ пригодиться современемъ.

Отецъ семейства, старикъ лѣтъ 60. Это одна изъ тѣхъ физіономій, которыя не забываются долго, если ихъ разъ увидишь: такъ ярко, такъ остро, какъ лезвее ножа, смотрятъ эти сѣрые, какіе-то безцвѣтно-неподвижные глаза, круглые, какъ глаза ястреба; такъ странно, какъ-то презрительно и ядовито сложился этотъ ротъ, такъ что на тонкихъ губахъ его нельзя никогда узнать, что на нихъ такое: радость ли улыбки, горесть ли обманутаго ожиданія. Худое, осунувшееся лицо, длинная сѣдая борода не внушаютъ ни уваженія, ни участія: встрѣться вамъ это лицо въ сотнѣ другихъ лицъ, вы прошли бы его мимо и даже, можетъ быть, рады бы были, что прошли: такъ много тяжелаго, даже, можетъ быть, злобнаго, свѣтится въ этихъ ястребиныхъ глазахъ, сказывается въ этой недоброй улыбкѣ. Скорыя, какія-то угловатыя движенія способствуютъ общему впечатлѣнію: вамъ хочется скорѣе, скорѣе отдѣлаться отъ этого впечатлѣнія, и сѣдая борода производитъ въ васъ не благопріятное, но отталкивающее чувство.

Жена его, старуха почти такихъ-же лѣтъ какъ и онъ, если не старше, носитъ на себѣ слѣды того страдальческаго, пассивнаго повиновенія, съ какимъ женщины въ ея положеніи несутъ рабство супружеской жизни. Сгорбленная спина, потухшіе глаза, сильно морщиноватое лицо показываютъ, что много труда прошло надъ этой спиной; много выплакано тайныхъ слезъ изъ этихъ глазъ; много горя провело эти морщины. Женщина эта есть воплощеніе страданія и физическаго и нравственнаго; въ ней все убито: и радость, и горе, — убито такъ, что она равно неспособна чувствовать и то, и другое: человѣкъ ли это, рабочая ли лошадь — рѣшить трудно.

Дѣвка, дочь ихъ, совсѣмъ иное лицо; другія мысли, другія стремленія, другая жизнь свѣтятся въ ея глазахъ, въ чертахъ лица, въ поднятой головѣ, въ наглости взгляда, въ презрительной улыбкѣ. Очень замѣтно, что не смотря на молодость, она хорошо знаетъ жизнь; что она освоилась съ нею; что испугать ее будущимъ нельзя.... Не смотря на то, что она недурна собою, что ей едва-ли 18 лѣтъ, на нее смотрѣть непріятно; для дѣвуш-

ки, движенія ея слишкомъ рѣшительны, глаза смотрятъ слишкомъ опредѣленно: видно по всему, что замужъ ей выходить не для чего, какъ другой дѣвушкѣ; и безъ мужа она будетъ умѣть устроить жизнь свою; мужъ только помѣшаетъ ей въ жизни.

Когда лучина была зажжена и можно было наконецъ видѣть пришедшаго, оказалось, что это сынъ старика и братъ дѣвушки; что черныя пятна на рубашкѣ — кровавыя пятна; что пятна на шеѣ представляли зіяющую рану, и что должна была недавно совершиться одна изъ тѣхъ драмъ, которыя будучи неизвѣстны никому, кромѣ населенія канцелярій, проходятъ незамѣтными, хотя и представляютъ очень часто замѣчательные психологическіе вопросы.

Видя кровь на шеѣ сына, мать бросилась помогать ему, насколько позволяли ей силы, но и тутъ суровый взглядъ мужа не оставилъ ея въ покоѣ. Замѣтно было, что ей надо было побѣдить свою привычную робость въ отношеніи къ мужу, чтобъ придти на помощь сыну, — она перевязывала его рану съ заботливостію матери, бросая украдкою робкіе взгляды на мужа, какъ бы отыскивая на лицѣ его состраданіе къ положенію сына. Но на суровомъ лицѣ старика не выражалось ничего: оно было угрюмо какъ всегда, и сѣрые, зловѣщіе глаза его смотрѣли такъ же упорно, какъ всегда, выжидая объясненій, но не возбуждая ихъ.

Бойкое лицо сестры не выражало ни жалости, ни участія, а скорѣе одно холодное и дерзкое любопытство. Она тоже не торопила брата распросами, а ждала, что онъ начнетъ разсказывать самъ. Видно было однако, что она всматривалась въ брата, какъ будто хотѣла угадать то, что онъ будетъ говорить, но угадать не изъ словъ, которыя онъ скажетъ, а изъ тѣхъ мыслей, которыя у него въ головѣ.

Не видя со стороны отца и сестры той суетливой заботливости, которая бываетъ признакомъ привязанности и участія, пришедшій тоже молчалъ угрюмо, предоставя матери дѣлать съ съ нимъ то, что она найдетъ лучшимъ. Когда она перевязала его и уложила въ постель, только тогда онъ началъ говорить. Разсказъ его, сказанный голосомъ хриплымъ и ослабшимъ, при слабо мерцающей лучинѣ, при этихъ лицахъ мрачныхъ и холодныхъ, какъ надгробные памятники, и при слабомъ свѣтѣ едва зажигающейся зари, тоскливо пробивающейся сквозь маленькія окошечки избы, имѣлъ въ себѣ что-то страшное.

— Ты видишь, батюшка, началъ молодой человѣкъ, обращаясь къ отцу: — что меня немного позарѣзали, и что ежелибъ я не проснулся, не жить бы мнѣ больше на бѣломъ свѣтѣ...

Старикъ промолчалъ; суровое выраженіе лица его не измѣнилось ни на волосъ; холодное любопытство замѣтно блеснуло въ чертахъ сестры, — одна мать утерла слезу на морщиноватомъ лицѣ; но и ту утерла она урывкомъ, какъ бы таясь и не смѣя.

— Я легъ было спать съ женою съ сѣннымъ сараѣ, продолжалъ онъ: — въ избѣ больно жарко... и только что заснулъ, меня разбудило что-то я и самъ не знаю, какъ будто лягушка прыгнула мнѣ на горло... Я проснулся и увидалъ, что жена нагнулась надо мной съ ножомъ и что рубаха у меня въ крови; я вскочилъ и прибѣжалъ сюда...

— А жена? замѣтилъ отецъ кротко.

— Не знаю. Я бросился вонъ изъ сарая, какъ бы она съ ножомъ не надѣлала мнѣ чего нибудь еще хуже...

— Гдѣ жь она теперь?

— Не знаю. Не до нея мнѣ ужь было. Я боялся истечь кровью и побѣжалъ сюда...

Старикъ промолчалъ; сестра какъ-то непріязно покачала головою; у матери посыпались слезы, которыя она уже не скрывала, обтирая морщины рукавомъ своей синей пестрединной рубашки...

Наступило нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія, прерываемаго чиликаньемъ сверчка за печкою, да мычаніемъ коровы, начинавшей скучать своимъ затворничествомъ.

Тогда старикъ сказалъ:

— Надо пойдти объявить сотскому и старостѣ. Марька! одѣнься — и повѣсти обоихъ...

И говоря это, не смотря на хрипѣніе сына, онъ оборотился къ женѣ, продолжавшей плакать, и прибавилъ:

— Ну, что расхрюнилась? Али не объ чемъ больше? и пошелъ въ свѣтелку, гдѣ онъ обыкновенно спалъ.

Освободившись отъ его присутствія, старуха бросилась къ сыну и съ той тревожною заботливостію, въ которой выказывается всегда такъ много материнской любви, стала оправлять хотя въ этомъ не представлялось никакой надобности, на немъ шубу, которою, не смотря на душную ночь, она его прикрыла...

Замѣчательнѣе всего то, что сынъ ея, какъ малолѣтній ребе-

нокъ, позволилъ дѣлать съ собою все, что ей было угодно. Не смотря на то, что въ избѣ было нестерпимо душно, онъ далъ покрыть себя шубою, не говоря ни слова; подвергъ себя всѣмъ мелочнымъ преслѣдованіямъ материнской заботливости, которую, при другихъ обстоятельствахъ, онъ грубо оттолкнулъ бы... Видно было, что и старуха, оказывая ему эти наружные знаки скрытой, но затаенной любви, дѣйствовала какъ-то робко и нерѣшительно: видно было, что она не привыкла къ этому, что это даже удивляло ее.

Раненный сынъ ея, малый лѣтъ 30, съ смуглымъ, хоть и красивымъ, но непріятнымъ лицомъ, лежавшій молча и только хрипѣвшій, былъ достойный преемникъ своего отца, какъ по всему замѣтно. То же мрачное лицо, тѣ же глаза, горѣвшіе, какъ угли, какимъ-то зловѣщимъ свѣтомъ; та же улыбка презрительная ко всему,—давали очень хорошо чувствовать, что по пословицѣ: яблочко не далеко падаетъ отъ яблони, онъ наслѣдовалъ отъ отца характеръ.

Марька между тѣмъ одѣлась и побѣжала туда, куда послалъ ее отецъ. Немного погодя, въ избу начали собираться крестьяне всѣхъ половъ и возрастовъ, желающіе слышать разсказъ о ночномъ происшествіи. Меньше нежели въ четверть часа, въ избѣ сдѣлалось такъ тѣсно, что стало невозможно повернуться,—и такъ какъ больной только хрипѣлъ, то мать взяла на себя обязанность разсказывать всякому то, что мы уже слышали изъ устъ самого раненнаго. Онъ лежалъ, закрывъ глаза, не обращая никакого вниманія на толпу, которая между тѣмъ шумѣла, передавая другъ другу свои предположенія и догадки и видимо ожидая начальства, чтобъ принять какое нибудь рѣшеніе...

Начальство это не замедлило явиться въ лицѣ бурмистра съ палочкой и сотскаго съ огромной медалью на ремешкѣ, т. е. съ знакомъ своего достоинства. При ихъ входѣ шумъ прекратился, и когда они подошли къ лавкѣ, замѣнявшей больному постелю, толпа сдвинулась еще плотнѣе и почти прижала къ постелѣ оба начальствующія лица, чтобъ не проронить ничего изъ ихъ вопросовъ и разсказовъ больнаго.

Подошли къ постелѣ, и видя что больной лежитъ съ закрытыми глазами, бурмистръ ткнулъ его палочкой и сказалъ:

— Емельянъ! эй, Емельянъ! Живъ, что ли, ты?

Больной захрапѣлъ вмѣсто отвѣта, открылъ глаза, мутно

обвелъ ими около себя и остановившись ими на бурмистрѣ, сказалъ тихо:

— Живъ, Сидоръ Андреичъ! Что прикажешь?

— Говори, что съ тобой сдѣлалось?

Емельянъ повторилъ, часто останавливаясь, то, что уже мы слышали изъ разсказа его отцу...

— Гдѣ жь теперь твоя хозяйка? спросилъ сотскій.

— Не знаю, продолжалъ больной слабымъ голосомъ: — я убѣжалъ отъ нея, босой и раздѣвшись, какъ видите... Должно быть, осталась въ сараѣ, гдѣ мы спали...

Тогда сотскій, обращаясь къ бурмистру, сказалъ;

— Нады-ть сейчасъ послать къ становому, Сидоръ Андреичъ; а между тѣмъ отыскать ее, разбойницу.

— Дѣло! отвѣчалъ бурмистръ: — я сейчасъ наряжу на станъ конника, а ты, Евсигней Григорьичъ, ступай съ народомъ, поищи ее...

Сотскій, а за нимъ почти вся толпа выхлынули изъ избы. Бурмистръ закричалъ десятника и началъ спрашивать его: «чей чередъ ѣхать на станъ?...»

На приказаніе нарядить сейчасъ нарочнаго къ становому, и на вопросъ, чей чередъ, десятникъ отвѣчалъ вяло и неохотно; замѣтно было, что ему хотѣлось скорѣе идти отыскивать убійцу, нежели хлопотать о коннакѣ.

Хоть неохотно, онъ повиновался однако, и ушелъ въ противоположную сторону отъ толпы.

Начинало свѣтать. Послѣ краткаго совѣщанія толпа раздѣлилась на небольшія кучки, которыя пошли по разнымъ направленіямъ, осматривая каждый кустъ, каждое строеніе и вздрагивая при малѣйшемъ шорохѣ, какъ будто шли на поимку какого нибудь разбойника, а не двадцатилѣтней женщины... Русскій человѣкъ вообще не любитъ ничего дѣлать молча, а ежели онъ говоритъ, то говоритъ больше, нежели громко. Еслибъ дѣйствительно преступница спряталась гдѣ нибудь въ этихъ сараяхъ, овинахъ, анбарахъ, которые были разбросаны по рѣчному берегу, — она имѣла бы вполнѣ достаточно времени не только уйдти отъ нихъ за версту, прежде нежели они догадались бы, что она была тутъ, но даже узнать, о чемъ они говорятъ, и ее ли дѣйствительно ищутъ... Болтать — страсть русскаго; какъ молчаливъ онъ передъ какою бы то ни было властію, такъ что и нужнаго слова отъ него не добьешь-

ся, — напротивъ того, говорливъ или, лучше, шумливъ онъ со своими, въ толпѣ, на сборищахъ... коллективно.

Кучки, числомъ до 8, — каждая изъ 5 или 6 человѣкъ, — безпрестанно увеличиваясь подбывающими вновь изъ деревни, пошли по разнымъ направленіямъ, охватывая пространство огородовъ и гуменъ, чтобы припереть преступницу къ рѣкѣ, если бъ она находилась въ этомъ кругу... Кучки перекликались между собою, пока были въ виду одна другой, — но вотъ голоса стали слышаться рѣже и рѣже, наконецъ все смолкло и затихло, такъ что снова можно было слышать и блеяніе овцы, и пѣсню жаворонка, и долгій лай собакъ, проснувшихся отъ отдаленнаго народнаго говора въ непривычное время, въ непривычномъ мѣстѣ.

Уже солнце начинало краешкомъ показываться изъ-за горизонта, когда одна кучка подошла къ самому берегу рѣки, и наткнулась на женское платье и коты (*), лежавшіе на берегу. Это заставило всѣхъ остановиться... Всѣ принялись разсматривать сарафанъ, юбку, головной платокъ и коты, какъ будто бы эти предметы были имъ совершенно незнакомы, и изо всѣхъ силъ кричать другимъ кучкамъ, чтобъ извѣстить ихъ о своей находкѣ... На громкіе крики ихъ другія кучки отвѣчали издали такими же криками, — и наконецъ вся толпа собралась во-едино и принялась разсуждать: кому принадлежитъ это платье, и не могло ли оно принадлежать той, которую они отыскиваютъ...

Послѣ долгихъ разсужденій, рѣшили: не подымая платья съ берегу, приставить къ нему караулъ, повѣстить бурмистра и вытребовать кого нибудь изъ родныхъ преступницы, для того, чтобъ удостовѣриться, ея ли это платье..?

Выбравши трехъ человѣкъ, которые тотчасъ вооружились кольями изъ плетня, какъ будто бы дѣло шло о караулѣ какого нибудь опаснаго звѣря, толпа отправилась къ конторѣ—обыкновенному мѣсту засѣданій во всѣхъ торжественныхъ и важныхъ случаяхъ. По приказанію сотника, нѣсколько человѣкъ пошли по окошкамъ сзывать на сходъ стариковъ; другіе отправились за бурмистромъ. Дьячокъ приходской церкви, узнавъ о происшествіи, счелъ своей обязанностію ударить въ набатъ, какъ будто дѣло шло о пожарѣ или наводненіи, и на звукъ колокола начали

(*) Женскіе башмаки съ высокимъ задникомъ и росписнымъ передомъ.

сбѣгаться всѣ—и старый и малый; остались дома развѣ только тѣ, кто по недугу не могъ тронуться съ мѣста, да старухи, у которыхъ были грудные внучки на рукахъ. Съ наступленіемъ дня, вся деревня была на ногахъ, и, какъ улей пчелъ, шумѣла около конторы. Всѣ говорили, никто не слушалъ; предположенія сыпались десятками... впрочемъ общая мысль была одна: преступница, не успѣвши совершить злодѣянія своего, изъ страха наказанія бросилась въ воду...

Таково было общее настроеніе; не такъ только думали тѣ, которые близко знали преступницу. Кроткій и тихій нравъ ея былъ извѣстенъ; всѣ знали, какъ безукоризненно вела она себя и какъ часто терпѣла отъ суроваго нрава мужа.

Странно было видѣть однако, что не смотря на все озлобленіе противъ самаго акта преступленія, жертва этого преступленія — Емельянъ не возбуждалъ ни въ комъ ни сожалѣнія, ни участія. Всѣ соглашались въ томъ, что преступницу надо отдать въ руки правосудія, но многіе качали головами и какъ-то недовѣрчиво останавливались посрединѣ рѣчи, какъ бы еще не вѣря тому, дѣйствительно ли это случилось... и случилось ли это такъ, какъ разсказываютъ.

Видно было, что на всѣхъ тяготѣла какая-то тайна; что всякій на половину только высказывалъ то, что онъ думалъ.

Часамъ къ 11 — толпа стала рѣдѣть; тощіе желудки напоминали, что для чужихъ дѣлъ не надо оставлять собственныхъ, и что хотя преступленіе и должно быть преслѣдуемо, но объ обѣдѣ забывать не слѣдуетъ. Хозяйки домовъ давно уже юркнули по своимъ избамъ: онѣ знали, что ихъ мужья и повелители, не смотря на происшествіе, въ урочный часъ потребуютъ обѣда, и тѣ, которыя не приготовятъ этого обѣда, получатъ извѣстную долю тычковъ и затрещинъ, къ которымъ конечно русской женщинѣ не привыкать стать, но которые тѣмъ не менѣе все-таки непріятны...

Когда толпа начала уже расходиться, и сотскій въ своей избѣ снималъ уже съ своей шеи медаль, знакъ своего достоинства,— внезапно прибѣжалъ въ его избу мальчикъ лѣтъ 12, испуганный, блѣдный какъ смерть, въ одной рубашкѣ, и закричалъ ему, чуть только увидалъ его:

— Дѣдушка! дѣдушка! ступай скорѣе! мертвый лежитъ...

Расторопный сотскій вспрыгнулъ какъ будто его укусила пчела или оса. Что было у него на умѣ—рѣшить трудно, толь-

ко онъ какъ-то вдругъ упалъ духомъ; опрометью, на сколько позволяли ему 55-лѣтнія ноги, побѣжалъ онъ къ бурмистру съ печальной новостію: мимоходомъ забѣжалъ къ священнику попросить его снова велѣть ударить въ набатъ, чтобъ скорѣе собрать опять всю деревню, — а самъ, кликнувъ по дорогѣ пять, шесть человѣкъ, или случайно попавшихся ему на встрѣчу, или вызванныхъ палочкою подъ окномъ, направился туда, гдѣ, по указанію мальчика, лежалъ мертвый...

При новыхъ звукахъ колокола, сердца всѣхъ въ деревнѣ дрогнули не на шутку: это былъ знакъ, что случилось какое-нибь новое несчастіе... Закусивъ наскоро, а другіе еще съ кускомъ во рту, побѣжали всѣ къ конторѣ, и меньше нежели черезъ четверть часа вся деревня знала, что на задахъ, то есть на гумнахъ, нашли мертваго... Кто онъ, какъ попалъ сюда, — не зналъ никто; одни утверждали, что это Емельянова жена лежитъ зарѣзанная; другіе говорили, что это управляющій ихъ имѣніемъ, котораго вообще не жаловалъ никто; третьи, что это даже не человѣкъ, а какой-то уродъ, чуть ли не съ пятью ногами и двумя головами на шеѣ.

Узнавъ, что сотскій съ выборными пошелъ на зады къ мертвому, толпа съ глухимъ шумомъ направилась туда... Кучка народа, стоявшая на одномъ мѣстѣ, указала имъ мѣсто.

Въ оврагѣ, въ глубинѣ котораго бѣжалъ ручей, вытекавшій изъ родника тутъ же на огородѣ, лежало мертвое тѣло старика, въ нищенскихъ лохмотьяхъ, окровавленное, съ явными признаками насильственной смерти. Его длинная, сѣдая борода, его обнаженный черепъ не внушили жалости убійцѣ; на боку у него зіяла свѣжая рана, а знаки на лицѣ указывали на борьбу, которую онъ выдержалъ. Лохмотья нищаго изобличали, что не корысть была причиною убійства; эти лохмотья показывали, что рукою убійцы руководила личная месть, что не деньги были тутъ нужны, а жизнь.

Тяжело было смотрѣть на обнаженный черепъ покойника, запачканный кровью и грязью; полураскрытые, стекловидные и мутные глаза и искривленный ротъ, на которомъ запеклась хлынувшая изъ горла кровь, показывали муки предсмертнаго страданія, а сжатые въ кулакъ пальцы изобличали или нестерпимую боль послѣднихъ минутъ, или безсильную угрозу сопротивленія... а лохмотья, запачканныя грязью, пескомъ и кровью и изорванныя во многихъ мѣстахъ, давали пол-

ный поводъ думать, что борьба была отчаянная и что старикъ не разомъ былъ положенъ на мѣстѣ. Такъ какъ крестьяне не смѣли дотронуться до мертвеца прежде пріѣзда земской полиціи, то и нельзя было узнать, какимъ орудіемъ убитъ былъ старикъ, лицо котораго впрочемъ было имъ не вовсе незнакомо, хотя никто не могъ сказать, гдѣ его видали прежде.

Цѣлый день въ этой деревнѣ работы не было: покушеніе на жизнь Емельяна, самоубійство его жены, убійство старика произвели на всѣхъ крестьянъ такое впечатлѣніе, что никто не могъ заняться ничѣмъ; на площади передъ конторой цѣлый день толпились люди, сходились кучками, о чемъ-то жарко спорили, потомъ расходились, для того, чтобъ снова собраться въ другія кучки, со вновь пришедшими. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, чѣмъ объяснится это тройное убійство: найдется ли виновный, кто онъ, что было причиною убійства. На всѣхъ лежала тягость ожиданія; всѣ боялись слѣдствія, какъ будто всѣ вообще и каждый въ особенности были участниками этихъ преступленій, и съ трепетомъ ожидали пріѣзда становаго. Сотскій суетился изо всѣхъ силъ, чтобъ вымести и вычистить контору; писаря въ ней жившаго выгнали въ другую избу; собрали полсотни яицъ, двухъ куръ, масла, молока и штофъ настойки, за которою верхомъ съѣздилъ въ ближайшій кабакъ Сенька косой; не дожидаясь приказу и какъ человѣкъ бывалый, сотскій послалъ въ ближайшія деревни за понятыми,—однимъ словомъ, приготовили все къ принятію земской полиціи. Когда все это было готово, сотскій взошелъ въ избу къ бурмистру, и выгнавши изъ избы его семейство, имѣлъ съ нимъ тайный разговоръ, часть котораго слышала четырехъ-лѣтняя дѣвочка бурмистра, спавшая до этого на полатяхъ, и которую не замѣтили. Дѣвочка эта подругамъ своимъ говорила, что дѣдушка Евсигней (сотскій) все твердилъ: «мало, Сидоръ Андереичъ!» а тятя (бурмистръ) говорилъ: «довольно! чтобъ пропасти на нихъ не было! Вѣдь не сами же мы виноваты въ самомъ дѣлѣ! Кто виноватъ, тотъ и платись какъ знаетъ.» Послѣ чего все разбирали какія-то красненькія да синенькія бумажки, да гремѣли деньгами...

Передъ вечеромъ послышались звуки бубенчиковъ и колокольчиковъ, а черезъ нѣсколько минутъ во всю конскую прыть принеслись прямо къ крыльцу конторы двѣ тройки: одна въ маленькомъ запыленномъ тарантасикѣ; другая въ телегѣ. Изъ перваго экипажа вышли два человѣка: одинъ высокаго роста,

въ гербовомъ сюртукѣ съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ, лѣтъ тридцати, съ кокетливо надѣтой на бекрень фуражкой, тоже съ чернымъ бархатнымъ околышемъ: другой человѣкъ лѣтъ подъ 50, съ весьма красной, покрытой прыщами рожей; а съ телеги соскочили: молодой человѣкъ лѣтъ 20 съ портфелемъ, и другой молодой человѣкъ съ чѣмъ-то завязаннымъ въ черной кожѣ...

Ихъ встрѣтилъ у крыльца и проводилъ въ комнату конторы сотскій, съ низкими поклонами; выстроившіеся у крыльца въ двѣ шеренги понятые тоже низко поклонились. Молодой человѣкъ съ чернымъ бархатомъ отвѣчалъ имъ, слегка-приподнявъ фуражку и нѣсколько наклонившись; господинъ съ красной рожей никому не поклонился, вѣроятно считая это излишнимъ; а два молодые человѣка, сошедшіе съ телеги, не кланялись потому, что знали, что поклоны относятся не къ нимъ и что слѣдственно на нихъ не лежитъ обязанности отвѣчать на эти поклоны...

Читатель вѣроятно уже узналъ въ молодомъ человѣкѣ въ фуражкѣ — становаго; въ старикѣ — медика, а въ остальныхъ двухъ: письмоводителя становаго и фельдшера съ инструментами. Войдя, и несмотря на то, что самоваръ шипѣлъ уже на столѣ и что красноносый медикъ посматривалъ на него съ видимымъ удовольствіемъ, — молодой человѣкъ предложилъ тотчасъ приступить къ осмотру тѣла. Такъ какъ не совсѣмъ еще смерклось, и можно было явственно различать предметы, становой, несмотря на ворчанье медика, вышелъ изъ конторы, позвалъ понятыхъ, и сопровождаемый большой гурьбой жителей деревни, направился къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ убитый.

Подойдя къ оврагу, онъ слѣзъ въ него, хватаясь за растущія травы — для того, чтобъ осмотрѣть положеніе, въ которомъ лежалъ убитый и оставшемуся на берегу оврага своему письмоводителю продиктовать мѣстный осмотръ. Медикъ попробовалъ-было слѣзть тоже въ оврагъ, но его коротенькія ножки и немалое-таки чрево помѣшали, послѣ многихъ, впрочемъ, попытокъ, исполнить это желаніе. Онъ только промычалъ что-то и остался на берегу, видимо недовольный собою и всѣмъ, что его окружало, несмотря на то, что становой, можетъ быть даже съ нѣкоторой иронiей, подзывалъ его посмотрѣть, какъ лежитъ покойникъ.

Когда осмотръ былъ конченъ, становой распорядился перенесеніемъ тѣла въ какую нибудь избу или сарай, гдѣ бы можно

было произвести вскрытіе. Приказъ объ этомъ былъ данъ сотскому, и въ немъ, разумѣется, принялъ тотчасъ участіе подлекарь, какъ ихъ называютъ въ деревняхъ, такъ какъ дѣло касалось его части, — и прежде нежели сотскій вздумалъ что нибудь, у фельдшера лежало уже въ карманѣ разной мелочью чуть ли не рубль съ четвертью, полученные для того, чтобъ найти въ избахъ и сараяхъ, ближайшихъ къ оврагу, помѣщеніе для вскрытія неудобнымъ.

Получивши такія ясныя доказательства неудобности, фельдшеръ сдѣлался необыкновенно прихотливъ на помѣщеніе. Такъ-какъ становой и медикъ послѣ осмотра отправились въ контору пить чай, приказавши только все приготовить къ вскрытію, то фельдшеръ, сдѣлавшись въ силу этого первымъ лицомъ въ вопросѣ, могъ прихотничать сколько душѣ угодно. Избы и сараи, лежащіе близь оврага, оказались рѣшительно неудобными: въ однихъ было слишкомъ темно, въ другихъ—сквозной вѣтеръ, въ третьихъ—тѣсно, въ четвертыхъ—неудобно безъ причины, и кончилось тѣмъ, что когда удобное мѣсто было найдено, у фельдшера лежало чуть ли не десятокъ рублей, монетой всякаго рода, въ карманѣ. Это удобное помѣщеніе состояло изъ старушечьей кельи, смазанной глиной и стоящей совершенно на краю деревни, въ которой и днемъ было такъ же свѣтло, какъ въ сумерки, но которая за то имѣла ту выгоду, что не представила доказательствъ неудобства.

Хотя становой, а главное—коротконогій медикъ и ругнулись, что мертваго перенесли такъ далеко, но фельдшеръ успокоилъ ихъ, или, лучше, заставилъ замолчать тѣмъ, что шепнулъ имъ обоимъ на ухо, что у мужиковъ и въ этомъ случаѣ, точно такъже какъ и во всѣхъ другихъ, соблюдается чередъ, и что несоблюденіе его можетъ показаться обиднымъ.

Становой, которому совершенно было все равно гдѣ бы и какъ бы ни происходило вскрытіе, только засмѣялся, понявъ въ чемъ дѣло; но медикъ, зная, что фельдшеръ сдѣлалъ это *вѣроятно не безъ причины*, успокоился только тогда, когда узналъ *цифру причины*, и пыхтя и обтираясь, поплелся за становымъ.

Вскрытіе произведено было такъ, какъ это обыкновенно водится. Принесли мертваго въ избу, и такъ-какъ келейница не представила доказательствъ неудобности, то положили его на

тотъ самый столъ, на которомъ она обыкновенно обѣдала; позвали понятыхъ, показали имъ тѣло, спросили, не знаютъ ли его, потомъ раздѣли и снова показали, чтобъ они видѣли раны и знаки насилія. Все это дѣлалъ фельдшеръ и сотникъ, — а письмоводитель, скорчившись въ углу, и положивши бумагу на опрокинутую кадку, записывалъ то, что говорили фельдшеръ и понятые. Медикъ между тѣмъ, попыхтѣвъ, попыхтѣвъ въ избѣ, гдѣ начинало становиться нестерпимо жарко и душно отъ запаха мертвеца и живыхъ, вышелъ на улицу, усѣлся какъ только можно покойнѣе на завалинкѣ и захрапѣлъ сномъ праведника, проснувшись только тогда, когда вскрытіе было окончено и становой растолкалъ его, чтобъ идти домой, то есть въ контору, гдѣ онъ съ спокойной совѣстью человѣка, исполнившаго свой долгъ къ отечеству, поѣлъ, выпилъ и легъ снова опочивать, говоря: «дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ! И до завтра можно оставить!» — несмотря на то, что становой представлялъ ему, что надо еще освидѣтельствовать человѣка, котораго хотѣла зарѣзать жена. При этомъ предложеніи коротконогій даже разсердился, и отвѣчалъ, укладываясь на лавкѣ, къ которой подставлена была другая лавка, что онъ не лошадь, что теперь темно и что завтра точно также, ежели только не лучше, можно кончить дѣло.

Когда старика раздѣли, то на боку у него, подлѣ короткихъ реберъ, оказалась широкая и глубокая рана, сдѣланная чрезвычайно острымъ орудіемъ; голова пробита во многихъ мѣстахъ и переломлено семь реберъ. На спросъ: знаютъ ли, кто онъ такой? понятые отвѣчали, что они хотя положительно и не знаютъ этого, но что надо думать, что онъ не дальній, потому что его видали время отъ времени по деревнямъ, сбирающимъ милостыню. Справедливость этого подтвердилась мѣшкомъ съ кусками хлѣба, найденнымъ въ совершенной глубинѣ оврага, въ густой крапивѣ, которою поросло все дно.

Кафтанъ весь изорванный на спинѣ; самая спина, покрытая значительными ссадинами, и слѣдъ по землѣ, пришедшій къ оврагу, изобличали, что покойнаго тащили и бросили въ оврагъ уже мертваго.

Такъ-какъ при этомъ наступила ночь, то изслѣдованіе оставлено было до утра, а священнику послано было вѣдѣніе о томъ, что похоронить убитаго можно.

На другое утро, солнце не успѣло подняться на горизонтъ, становой будилъ уже, или, лучше, толкалъ во всю ночь хранѣвшаго, какъ паровикъ, медика, и звалъ его свидѣтельствовать человѣка, раненаго женой. Но сынъ Эскулапа, несмотря ни на какія увѣщанія, не тронулся съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не принесли самоваръ и онъ не напился чайку, со всѣмъ комфортомъ, какого только можно было добиться при подобномъ случаѣ. Сотскій между тѣмъ бѣгалъ какъ угорѣлый, а понятые, на бревнушкѣ, съ самаго появленія зари, ждали, пока проснутся ихъ благородія... Потребовали было они закусить чего нибудь, — но бурмистръ, боявшійся управляющаго, какъ огня, не посмѣлъ дать имъ ничего изъ господскаго, и выслалъ, вмѣстѣ съ сотскимъ, кое-что отъ себя, что и заставило понятыхъ отрядить отъ себя двухъ, по своимъ деревнямъ, за хлѣбомъ: они видѣли, что ихъ не отпустятъ еще и весь слѣдующій день.

Что дѣлалъ между тѣмъ Емельянъ, котораго мы оставили въ началѣ нашего разсказа на постелѣ, окутаннаго шубой?... Долго лежалъ онъ закрывши глаза, почти не шевелясь; можно было бы подумать, что онъ спалъ, если бъ безпрестанныя вздрагиванія не изобличали противнаго; если бъ какіе-то хриплые стоны не показывали страданій, производимыхъ вѣроятно болью. Можетъ быть онъ пролежалъ бы такъ и цѣлый день, не чувствуя удушливаго жара и избы и шубы; вѣроятно, промолчалъ бы цѣлый день, занятый грустными мыслями о зломъ намѣреніи жены, если бъ около полудня не подошла къ его постелѣ сестра его и ея подруга, дѣвка лѣтъ двадцати пяти, высокая, красивая, съ черными блестящими глазами и съ черными, какъ смоль, волосами... Несмотря на то, что у больнаго глаза были закрыты, сестра подошла къ нему безъ осторожности, которая впрочемъ такъ мало соблюдается у крестьянъ, и подошедши, откинула шубу, наклонилась надъ больнымъ и спросила, что съ нимъ дѣлается?

Несмотря на то, что обѣ онѣ шли далеко не крадучись и что, слѣдственно, если бъ онъ былъ не въ состояніи забытія, испугать его было бы трудно, — при словахъ сестры, къ которымъ черноволосая дѣвушка прибавила что-то отъ себя, Емельянъ вздрогнулъ, какъ будто бы съ нимъ случилось что нибудь неожиданное. Онъ быстро открылъ глаза, — глаза эти вспыхнули какимъ-то страннымъ огнемъ, но чрезъ минуту они потухли, и

онъ отвѣчалъ хриплымъ голосомъ: «теперь мнѣ лучше,...» Дѣвушка не удовлетворилась этимъ. Она остановилась на немъ глазами молча, какъ бы ожидая еще отвѣта; отвѣта этого не послѣдовало, но за то еще ускореннѣе и быстрѣе сдѣлались судорожныя движенія его; хриплѣе и чаще дыханіе... Сестра больнаго какъ бы прислушивалась къ нѣмому разговору, между ними происходившему; она переводила глазами съ одного на другую и какъ будто вслушивалась въ тотъ беззвучный голосъ, который говорилъ ей такъ понятно и внятно, что въ значеніи его и смыслѣ ошибаться было невозможно. Всѣ животные инстинкты разыгрались въ ней; ноздри ея жадно втягивали воздухъ; дыханью сдѣлалось тѣсно въ груди; смотря на нее, можно было подумать, что ей открывается возможность или неизмѣримаго счастія, или страшной и мучительной боли, и что въ эту минуту она переживаетъ ту страшную борьбу, которая рѣшаетъ однимъ мгновеніемъ судьбу цѣлой жизни...

Теперь не больной, не пришедшая дѣвушка стали предметомъ ея наблюденій: она сама сдѣлалась предметомъ ихъ долгихъ взглядовъ... Они взаимно глазами спрашивали другъ друга, что съ нею дѣлается, и въ самомъ дѣлѣ было стоило того, чтобъ спросить: глаза ея налились кровью, губы какъ-то вспухли, и сухія, растрескавшіяся прежде, вдругъ увлажились и задрожали; румяное лицо то вспыхивало, то вдругъ покрывалось мертвою блѣдностію.

Эта страшная, нѣмая сцена продолжалась бы долѣе, еслибъ не взошелъ отецъ, и однимъ взглядомъ, мрачнымъ и грознымъ, не выкинулъ, такъ-сказать, дѣвушекъ изъ избы, оставшись съ сыномъ одинъ. Подъ этимъ взглядомъ сынъ вздрогнулъ; судорожно повернулся онъ на своей постелѣ; хриплые, гортанные звуки его изобличили страшную внутреннюю тревогу; онъ проводилъ глазами уходящихъ дѣвушекъ, и когда они ушли, — безсильно упалъ на подушку...

Что происходило между отцомъ и сыномъ—это знаетъ только одинъ Богъ.

III.

Съ наступленіемъ утра, становой, въ сопровожденіи медика и понятыхъ, отправился продолжать слѣдствіе, прерванное тем-

мотою вечера. Видно было, что молодой человѣкъ зналъ свое дѣло, и что ему не надо чужихъ наставленій; онъ прямо пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ поднятъ былъ убитый старикъ. Теперь, при свѣтѣ дня, можно было хорошо видѣть широкій слѣдъ, по которому тащили убитаго, чтобъ бросить его въ оврагъ: это изобличали полосы на землѣ, примятая трава, даже изрѣдка капли крови. Долго шли они этимъ слѣдомъ, пока не дошли до одного мѣста, гдѣ цѣлая лужа засохшей, хоть и закиданной отчасти землею, крови указывала прямо, что старикъ убитъ былъ тутъ. Его лапти оставили на землѣ совершенно замѣтный слѣдъ, — противникъ его былъ безъ обуви: это ясно было видно по слѣдамъ босыхъ ногъ, какъ будто изрывшихъ землю... Дальше слѣда не было... Изрѣдка только, по направленію къ рѣкѣ, кое-гдѣ видѣнъ былъ отпечатокъ босой ноги, но эта поступь была легкая и торопливая; она терялась въ густой травѣ прибрежья, не далеко отъ того мѣста, гдѣ лежало платье и башмаки утопленицы... Нельзя было не замѣтить, что между этимъ платьемъ и убитымъ старикомъ была какая-то таинственная связь — и это не ускользнуло отъ становаго... Онъ остановился на этомъ, и собравши понятыхъ, сталъ спрашивать:

— Вы видите, ребята, что старикъ былъ убитъ здѣсь, вотъ на этомъ мѣстѣ.

— Здѣсь, батюшка! это виднехонько! отвѣчали понятые...

— Кто же бы могъ убить его?...

— Ужь это Богъ-вѣсть, продолжалъ послѣ нѣсколькихъ минутъ одинъ изъ понятыхъ, старикъ съ бѣлою, почтенною бородою и умнымъ лицомъ. — Нады-ть думать, что слѣдъ, что къ рѣкѣ-то идетъ, смотри — не того ли, кто его угомонилъ. Другаго-ть нѣтъ, ваше благородіе...

— Старикъ-то какъ сюда явился?

— А вотъ видишь, батюшка, слѣдочекъ есть въ лаптяхъ... это, нады-ть думать, слѣдъ старика. Ишь какъ онъ пошелъ между ометами-то...

— Да, это правда, отвѣчалъ становой, какъ бы пораженный внезапной мыслію, и слѣдуя глазами за слѣдомъ, указаннымъ понятымъ.

Слѣдъ перерываясь тамъ, гдѣ шелъ по соломѣ, былъ явственно видѣнъ на землѣ, и прямо велъ въ одинъ изъ овиновъ...

Тамъ, въ пріемникѣ, навалена была солома—и на соломѣ явные признаки того, что на ней лежалъ человѣкъ... Не оставалось сомнѣнія, что убитый старикъ лежалъ тутъ, и если бъ у кого нибудь возникло въ этомъ какое нибудь недоразумѣніе, то куски печенаго хлѣба, совершенно сходные съ тѣми, которые лежали въ сумѣ, убѣдили бы каждаго, что убитый лежалъ тутъ, что онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ происходила борьба, одинъ; что человѣкъ съ босыми ногами вышелъ ему навстрѣчу, убилъ его чѣмъ нибудь очень острымъ, потомъ уже лежачаго билъ чѣмъ нибудь тупымъ по бокамъ, проломилъ ему голову и переломалъ ребра, и уже мертваго оттащилъ и бросилъ въ оврагъ. Это было ясно, какъ день.

Теперь оставалось рѣшить, кто бы могъ сдѣлать убійство и кому было выгодно убить нищаго?...

Конечно, предполагая, что у старика было какое нибудь орудіе, можно было допустить, что Емельянъ раненъ въ горло старикомъ при защитѣ, — но этого орудія не оказалось ни въ платьѣ старика, ни на мѣстѣ убійства... Конечно, его могъ унести Емельянъ съ собою, и тогда—и причину убійства, и орудіе, и самаго убійцу надо было искать въ избѣ Емельяна.

Становой такъ и разсудилъ. По счастію, онъ встрѣтилъ дѣятельное сочувствіе и помощь со стороны понятыхъ. Замѣтно было, что убійство нищаго старика сильно вооружило ихъ противъ убійцы, — а Емельянъ и все его семейство было нелюбимо и въ своей деревнѣ, и въ сосѣднихъ селеніяхъ. Это расположеніе къ тому, чтобъ найти убійцу, было такъ рѣдко въ понятыхъ, большею частію всегда старающихся скрыть слѣды преступленій или для того, чтобъ не выдать кого нибудь изъ своихъ, или для того, чтобъ ихъ скорѣе отпустили, что становой не упустилъ этого изъ виду и постарался имъ воспользоваться... Онъ отправился со всею гурьбою въ сопровожденіи сотника и бурмистра къ избѣ Емельяна.

Онъ засталъ его, какъ выше сказано, вдвоемъ съ отцомъ. Когда они вошли, старикъ хотѣлъ было уйдти, но становой остановилъ его.

Прежде всего приступлено было къ осмотру раны на горлѣ. Рана оказалась поверхностною, хоть и произвела большую потерю крови. Вліянія на здоровье, а тѣмъ болѣе на жизнь, рана эта имѣть не могла, и если больной былъ слабъ, то видимо отъ

какой нибудь другой причины. Знаки на тѣлѣ хотя были, но по этимъ знакамъ ни до чего добраться было нельзя...

Послѣ того, какъ рана была осмотрѣна медикомъ и понятыми, и описана, начался допросъ.

— Отчего у тебя на горлѣ рана?

— Я легъ спать съ женой въ сараѣ. Проснувшись, я почувствовалъ, что у меня какъ будто кольнуло въ горлѣ, я вскочилъ и увидѣлъ, что жена держитъ въ рукахъ ножъ, и что рубашка у меня въ крови. Когда я проснулся, она попыталась меня докончить, но видя, что я уже вскочилъ на ноги, она бросилась отъ меня въ уголъ. Мѣсяцъ свѣтилъ ярко, и я очень хорошо видѣлъ, что у ней въ рукахъ ножъ. Боясь истечь кровью, я побѣжалъ домой, чтобъ мнѣ перевязали горло; матушка это сдѣлала, и я съ тѣхъ поръ не выходилъ изъ избы...

— Куда жь дѣвалась твоя жена?

— Не знаю. Я оставилъ ее въ сараѣ; послѣ мнѣ сказывали, что на берегу рѣки нашли ея сарафанъ и коты, — должно быть она утопилась...

— Въ чемъ ты былъ обутъ, когда пришелъ домой?

— Я былъ босой.

— А въ чемъ ты обыкновенно ходишь?

— Въ сапогахъ.

— Гдѣ жь твои сапоги?..

— Тамъ и оставилъ, гдѣ легъ было ночевать съ женою. Въ сѣнномъ сараѣ...

Становой послалъ въ сарай; сапоги дѣйствительно нашли тамъ, нѣсколько засыпанные сѣномъ...

— Въ эту ночь ты никуда не ходилъ кромѣ сарая?..

— Никуда. Часа за два до полуночи я пошелъ въ сарай спать, а прибѣжалъ оттуда такъ, около пѣтуховъ. Только-что начинало свѣтать...

— Видѣлъ ли кто тебя, какъ ты шелъ изъ сарая?

— Не знаю; только я никого не видалъ. Я долго стучался, прежде нежели отворили мнѣ ворота...

Становой велѣлъ позвать отца, мать и сестру; они всѣ подтвердили слово въ слово справедливость того, что сказалъ Емельянъ относительно своего прихода.

Тогда становой распорядился провести обыскъ въ домѣ и

снять мѣрку съ его ноги. Для этого велѣно было намазать ему сажей ступени и стать на листъ бумаги; потомъ этотъ слѣдъ обвели углемъ. При сличеніи этого рисунка съ тѣми слѣдами босыхъ ногъ, которыя были на гумнахъ, оказалось, что оба они совершенно сходны; это удостовѣрили понятые, и за ихъ подписью внесено было въ свидѣтельство.

Когда такимъ образомъ тождественность слѣдовъ была рѣшительно опредѣлена, становой началъ:

— Слѣды, которые остались на гумнахъ, не даютъ даже повода сомнѣваться, что не ты ходилъ тамъ, что не ты боролся съ нищимъ и что не ты убилъ его. Говори правду, это тебѣ больше можетъ помочь, нежели всякое запирательство.

При такомъ прямомъ обвиненіи, силы Емельяна какъ будто возвратились мгновенно: рѣчь его окрѣпла, судорожныя подергиванія исчезли, хрипота прошла... Онъ сѣлъ на постелѣ и громко и ясно сказалъ:

— Я ничего не знаю. Никогда я старика не убивалъ, никого въ эту ночь не видалъ, и откуда этотъ старикъ взялся и кто онъ такой, мнѣ рѣшительно неизвѣстно. Да и за что мнѣ его убивать, сами разсудите? Чѣмъ мнѣ было покорыстоваться отъ него, ежели онъ нищій? Слава Богу, достатокъ у насъ есть; не изъ нѣсколькихъ же копѣекъ въ самомъ дѣлѣ мнѣ убить его?

— Какъ ты жилъ съ женою?

— Жилъ я съ нею плохо. Она была шибко нравна. Бывало ни чѣмъ на свѣтѣ не угодишь на нее...

— За что она хотѣла тебя зарѣзать? какъ ты думаешь?

— Навѣрное не знаю. Думаю, что она связалась съ кѣмъ нибудь, когда я уѣзжалъ изъ деревни; что кто нибудь ее къ этому научилъ.

— Развѣ ты замѣчалъ за ней что нибудь?

— Замѣчать, положимъ, не замѣчалъ; думаю такъ потому, что она отъ меня все уходила. Ежелибъ у ней не было кого нибудь, зачѣмъ же бы ей уходить отъ мужа?

— Куда жь она уходила?

— Къ матери. Эта старуха всему дѣлу причиной; ежели бъ не она, жена можетъ быть жила бы смирно; она сущала ее и научала противъ меня...

— Замѣчалъ ли ты прежде, что жена хочетъ тебя извести?

— Одинъ разъ я ужиналъ одинъ; батюшка съ матушкой уѣхали къ празднику въ Бѣлголово; сестра гостила у сосѣдей. Она подала мнѣ каши, я только-что хватилъ двѣ ложки, меня стало тошнить, а немножко погодя, вырвало чѣмъ-то зеленымъ. Когда я прижалъ ее хорошенько, она мнѣ покаялась, что хотѣла меня отравить и подмѣшала въ кашу сулемы...

— Знаетъ ли кто объ этомъ?

— Никто; я никому объ этомъ не сказывалъ.

— Даже и роднымъ не сказывалъ?

— Даже и имъ...

— Отчего-жь?

— Мнѣ было жаль подводить ее подъ кнутъ.

— Значитъ, ты любилъ ее?

— Любилъ, ваше благородіе. Когда она не сердилась, она была такъ себѣ, ничего баба.

— По доброй ли волѣ ты женился на ней?

— Батюшка велѣлъ.

Окончивши допросъ и приставивши строгій караулъ, чтобъ никого къ нему не допускали, становой велѣлъ привести въ контору все семейство Емельяново и разсадить ихъ порознь.

Прежде всего былъ сдѣланъ допросъ старику.

— Ты велѣлъ сыну своему жениться на его пропавшей безъ вѣсти женѣ?..

— Я, ваше благородіе! отвѣчалъ старикъ коротко и отрывисто.

— Для чего? развѣ онъ самъ не могъ выбрать себѣ невѣсты?

— У насъ такой обычай. Я запилъ съ сватомъ, и перемѣнить этого было ужь нельзя.

— Значитъ, твой сынъ не хотѣлъ на ней жениться?

— Развѣ я его объ этомъ спрашивалъ?

— Да ежели ты видѣлъ, что это противъ его желанія?

— Какое же мнѣ дѣло до этого? Развѣ можно смотрѣть на то, чего дѣти хотятъ, или чего не хотятъ. На это я отецъ.

— А невѣста, по доброй ли волѣ она шла?

— Я этого не знаю.

— Каково они жили между собою?

— Ничего, жили...

— Часто ссорились?

— Горшокъ съ горшкомъ только не стукается, человѣкъ съ человѣкомъ не можетъ когда нибудь да не столкнуться.

— Значитъ, ссорились часто?

— Бывало-таки.

— А за что оня ссорились?

— Почему же мнѣ знать. Между мужемъ и женой судья одинъ Богъ. Ему одному это извѣстно.

— Какого нрава была твоя невѣстка? и каково себя вела?

— Нраву, положимъ, она была тихаго: слезлива только очень; слова не моги ей сказать, такъ и захнычетъ.

— Правда ли, что у ней былъ полюбовникъ?

— Не знаю. Развѣ эти дѣла будутъ разсказывать, что ли; извѣстно, въ этихъ дѣлахъ таятся...

— А ты ничего не слыхалъ?

Старикъ задумался. Не зная, что говорилъ на допросѣ сынъ, онъ явно затруднялся отвѣтомъ, чтобъ не сказать чего нибудь лишняго, или сказать не то, что показывалъ сынъ. Не желая однако, чтобъ слѣдователь замѣтилъ эту минутную нерѣшительность, онъ отвѣчалъ скоро:

— Ничего не слыхалъ.

— Отчего жь жена отъ сына твоего уходила къ матери?

Старикъ снова замялся: онъ не ожидалъ чтобъ становой зналъ эти подробности.

Становой повторилъ вопросъ свой болѣе настоятельнымъ образомъ. Видя, что отъ него не отвертишься, старикъ махнулъ рукой и сказалъ тихо:

— Емельянъ больно крутъ съ ней былъ...

— Правда ли, что она хотѣла его отравить?

Старикъ быстро поднялъ голову, впился глазами въ слѣдователя и отвѣчалъ неохотно и нерѣшительно:

— Отравить! Я объ этомъ ничего не слыхалъ. Когда жь это было?

— Когда вы ѣздили на праздникъ въ Бѣлголово.

— Не знаю, я не слыхалъ объ этомъ... отвѣчалъ онъ разсѣянно, задумчиво перебирая пальцы рукъ.

Кончивши этотъ допросъ, становой велѣлъ позвать старуху мать. Отъ этой нельзя было ничего добиться. Она только хны-

кыла, плакала и голосила. Отвѣты ея были до такой степени несвязны и сбивчивы, что даже и понять ихъ было нельзя. Общее впечатлѣніе этихъ отвѣтовъ было то, что пропавшая жена Емельяна была нрава тихаго и кроткаго, очень слезлива, и что мужъ обходился съ ней сурово и строго. О томъ, что жена хотѣла отравить Емельяна, старуха тоже ничего не слыхала.

Тогда позвали сестру Емельяна. Она вошла увѣренно и нагло, подошла къ самому столу, за которымъ сидѣлъ становой, и прежде нежели онъ спросилъ ее объ чемъ нибудь, сказала:

— Я ничего знать не знаю и вѣдать не вѣдаю. Я дома жила мало; больше гостила то тамъ, то сямъ. Отпустите меня, ваше благородіе. Право-слово, я ничего не знаю.

Становой былъ малый опытный; онъ понялъ, что такое вступленіе должно заключать въ себѣ что нибудь таинственное, и что можетъ быть тутъ-то и хранится ключъ къ этой ужасной драмѣ.

— Отпустить тебя я не могу, отвѣчалъ онъ.—Ты жила въ семействѣ и слѣдственно должна знать всѣ подробности ихъ жизни... Правда ли, что твой братъ дурно обходился съ женою? что она отъ него бѣгала, что она хотѣла его отравить?

Дѣвушка вздрогнула; щеки ея вспыхнули багровымъ румянцемъ, глаза загорѣлись какимъ-то дикимъ огнемъ... Наглый жестъ ея пріобрѣлъ еще болѣе рѣшительности, даже дерзости... она выступила впередъ еще на одинъ шагъ и сказала громко:

— Братъ мой жилъ съ женою хорошо; это все вздоръ и напраслина. Покойница вела себя дурно; еще не такъ бы съ ней обходиться было надо.

— Чѣмъ покойница вела себя дурно? спросилъ слѣдователь скоро.

Дѣвушка замялась, но это было на минуту.

— Она не слушалась мужа, начала она увѣренно; —прихотничала, хныкала безпрестанно... ничѣмъ ей угодить было нельзя.

— И только?

— Нѣтъ!... да!... развѣ этого мало? Любовники у ней были.

— А! это другое дѣло. Кто жь были у ней любовники?

— Развѣ я знаю кто? она мнѣ это не стала бы разсказывать.

— Ежели ты говоришь, что у ней были любовники, такъ конечно должна и знать, кто они такіе?...

— Всѣ это говорили.

— Кто жь все?..

— Вся деревня...

— Назови хоть одного?..

Дѣвушка подумала съ минуту, и сказала:

— Вотъ хоть Акулину спросите, и она тоже скажетъ.

— А кто такая эта Акулина?

— Это наша дѣвушка. Она у насъ часто бывала въ домѣ; она знаетъ все...

Становой велѣлъ позвать Акулину. Это была та дѣвушка, которая вмѣстѣ съ сестрой Емельяна подходила къ его постелѣ.

Черные глаза ея, покрытые длинными рѣсницами, брови дугою, маленькій ротикъ, высокій и прямой ростъ, открытый лобъ и нѣсколько красноватый румянецъ на черномъ пушку брюнетки, не смотря на то, что она была уже не первой молодости, дѣлали Акулину красивой дѣвушкой... Это не укрылось отъ становаго. Послѣ обычныхъ вопросовъ, онъ спросилъ ее вдругъ:

— Отчего ты такъ близко была знакома съ семействомъ Емельяна?

— Да такъ... знакома была, вотъ и все тутъ.

— Часто ты къ нимъ ходила?

— Ходила таки.

— Во всякое время ходила?

— Да... во всякое... Какъ случится...

— Знала ты жену Емельяна?

— Какъ же не знать, когда ходила.

— Что, она была кроткая женщина, хорошая?

— А кто жь ее знаетъ, хорошая ли она была. Родныхъ спросите, имъ лучше знать.

— Родныхъ-то я уже спрашивалъ: я отъ тебя хочу слышать.

— Да что отъ меня-то, развѣ я родная, что ли?

— Сама же ты сказала, что ты бывала у нихъ часто и во всякое время. Можетъ быть, ты была дружна съ покойницей?..

— О нѣтъ, нѣтъ! закричала дѣвушка, даже какъ будто съ нѣкоторымъ ужасомъ...

— А я такъ слышалъ, что да! сказалъ становой: — что вы даже вмѣстѣ съ ней и къ полюбовникамъ ходили...

— Я! къ полюбовникамъ?... да кто жь вамъ это сказалъ? Вѣрно Машка!... Такъ вздоръ же... у покойницы не было любовниковъ... Зачѣмъ же грѣшить на мертвую... Машка сама

ихъ мутила... Кто ее знаетъ, что у нея было на умѣ... она и меня мутила, проклятая...

Столько увлеченія, страстности, гнѣва было въ этихъ глазахъ, въ звукахъ голоса, что нельзя было даже и сомнѣваться, чтобъ тутъ не скрывалось чего-то тайнаго. Становой рѣшился воспользоваться этимъ и, чтобъ больше еще возбудить гнѣвъ противъ сестры Емельяна, прибавилъ:

— Я знаю, что она тебя мутила. Она сама мнѣ все разсказывала. Она тебя ненавидитъ, и утверждаетъ, что ты должна знать въ точности, что сдѣлалось съ Емельяновой женой...

Дѣвушка затряслась; хотѣла что-то сказать, остановилась въ раздумьѣ, потомъ опять начала было что-то и опять остановилась. Раздумье ея и тревога были слишкомъ замѣтны...

— Я ничего не знаю! сказала она, наконецъ, спустя нѣсколько мгновеній, очень тихо.

— Послушай, Акулина! началъ становой. — И Марья и все семейство Емельяна тебя терпѣть не могутъ: Они всѣ говорятъ, что ты знаешь, куда дѣвалась пропавшая, что ежели ты захочешь, то всѣхъ можешь развязать. Изъ твоихъ словъ я вижу, что жена Емельяна была недурная женщина, и что Емельянъ былъ человѣкъ жестокій — это доказывается убійствомъ нищаго... Кто рѣшился убить старика и изуродовать его такъ, какъ онъ его изуродовалъ, тотъ способенъ рѣшиться на все... Покрывать убійцу грѣхъ... Не бери грѣха на душу...

Дѣвушка заплакала и сказала вполголоса:

— Я ничего объ этомъ не знала.

— Объ чемъ объ этомъ?..

— Да вотъ, что вы говорите-то...

— То есть о томъ, что Емельянъ былъ человѣкъ грубый и жестокій...

— Да вѣдь онъ не со всѣми такой-то. Онъ ласковый.

— Можетъ, съ тобою онъ только ласковъ...

Дѣвушка замялась; щеки ея вспыхнули еще ярче; но вдругъ она оправилась и сказала:

— Не спрашивайте меня больше, ваше благородіе. Я ничего не знаю и ничего не стану говорить. Что вы на меня напали? У Емельяна у самого языкъ есть, — его спрашивайте.

И смолкла.

Сколько становой послѣ этого ни дѣлалъ ей вопросовъ, дѣвушка упорно молчала. Ни угрозы, ни ласки, ни обѣщанія, ничто не могло заставить ее говорить. Видя, что въ настоящую минуту ничего не узнаешь, становой велѣлъ посадить ее особо отъ другихъ. Онъ понималъ, что со временемъ дѣвушка эта можетъ ему пригодиться для раскрытія истины. Узнавъ изъ допросовъ, что у пропавшей была мать, онъ велѣлъ позвать ее къ себѣ.

Вошла слабая, сгорбленная старуха подвязанная синимъ набойчатымъ платкомъ; въ синемъ китайчатомъ сарафанѣ съ дутыми мѣдными пуговицами напереди. Она была такъ слаба, что не могла стоять на ногахъ и становой былъ принужденъ посадить ее.

— Не знаешь ли, старуха, куда дѣвалась твоя дочь?

— Охъ! не знаю, батюшка! Злодѣи-то видно куда нибудь ее дѣли, голубушку мою...

Старуха горько, горько заплакала...

— Каково она съ мужемъ-то жила?

— Какая жизнь, родимый! Мученица она была съ самаго перваго дня. Емельянъ, батюшка, звѣрь... ужь какъ онъ ее тиранилъ, такъ и сказать страшно. Чего она не натерпѣлась отъ него, голубушка моя... бывало, какъ почнетъ разсказывать, такъ инда волосы дыбомъ становятся...

— Такъ она смирная была?

— Водой, батюшка, не замутитъ, такая смирная. Только, бывало, слезьми обливается; бывало, придетъ ко мнѣ, да какъ бросится мнѣ на шею, да зарыдаетъ: «мамка! мамка! за что ты меня погубила — отдала этому звѣрю...»

— Такъ онъ очень дурно съ ней обходился?

— И-и! какъ дурно. Дня не было, чтобъ не бивалъ ее, горькую. Изъ синяковъ, бывало, не выходила. Да мало этого — и убить-то онъ ее сбирался не одинъ разъ... Богъ одинъ хранилъ.

— Убить? Какъ же убить? за что?

— Какъ за что, родимый: видно, надоѣла она ему; видно, на полюбовницѣ своей хотѣлъ жениться... извести ее хотѣлъ.

— Полюбовницѣ?... а кто жь его полюбовница?

— Развѣ ты не знаешь, родимый? Вся деревня это говорила. Да Акулина невиновата... она смирная, Богъ съ ней; видно, попуталъ ее нечистый, что полюбила она этого звѣря; видно, что

сама не рада, да что жь дѣлать? Видно, такъ ужь Богу угодно было, чтобъ погубила она съ нимъ свою душу...

— Такъ Акулина и должна знать все...

— Врядъ-ли, кормилецъ; любить-то онъ ее любилъ, положимъ, да и то подъ пьяную руку колачивалъ... Совѣтница-то у него была сестра... вотъ это-то змѣя подколодная... Все семейство у нихъ хуже дьяволовъ, прости Господи; а ужь эта Машка... сохрани Богъ и злодѣю связаться съ ней...

— Скажи мнѣ, старуха, дочь твоя уходила къ тебѣ отъ мужа?

— Уходила, родимый, не одинъ разъ уходила; житья ужь ей, горемыкѣ, не было. Первой разъ прибѣжала; говоритъ: «мамка! а мамка! спрячь меня... спрячь поскорѣе... Емельянъ меня убить хочетъ. Привязалъ къ столбу на дворѣ, да завертками ужь онъ билъ, билъ... насилу вырвалась, да ушла къ тебѣ... Спрячь, мамка; голубушка, спрячь!..» Я и спрятала, кормилецъ... держала съ мѣсяцъ: гдѣ въ подпольѣ, гдѣ въ сараѣ, — только ночью, бѣдняжка, и выходила на свѣтъ Божій... а черезъ мѣсяцъ идетъ старшина, спрашиваетъ: «у тебя дочь, старуха, Емельянова жена?» — У меня, говорю, Антонъ Михѣичъ! — «Зачѣмъ же ты ее держишь? говоритъ: вѣдь она мужнина жена; что Богъ соединилъ, говоритъ, того, говоритъ, люди разлучить не могутъ; отдай, говоритъ, дочь...» Вывела я ее, мою голубушку, изъ подполья... краше въ гробъ кладутъ, нежели какъ она вышла. Отдала ее злодѣямъ. Только, слава Богу, не надолго.

— Какъ не надолго?

— Да всего, родимый, какихъ ни есть недѣльки три она съ нимъ прожила; прибѣжала вечеркомъ опять, оборванная вся, въ одной рубашонкѣ, лицо все въ крови. Что ты это, дитятко? говорю. «Ахъ, мамка, мамка! мужъ-то меня отравить хочетъ; намѣшалъ какого-то снадобья, да и говоритъ: пей! Я было его спросила: что это такое, Емельянъ Андреичъ? а онъ какъ закричитъ,—пьяный, знаешь, съ базара-то пріѣхалъ: «пей; говоритъ, говорю, пока жизнь твою не рѣшилъ!» Я было просить его: что ты это дѣлаешь, Емельянъ Андреичъ! А онъ какъ схватилъ за косу, да какъ принялся таскать, такъ я Божьяго свѣта не взвидѣла... Не пронялся этимъ, схватилъ меня за голову, сталъ гвоздемъ мнѣ ротъ разжимать, да хотѣлъ влить изъ стакана въ горло... такъ ужь больно я закричала, видно, услыхали

сосѣди, прибѣжали, уговаривать начали: «что это ты, дескать, Емельянъ, дѣлаешь? Бога ты не боишься!..» Куда-те! и за ними съ топоромъ погнался... а она, голубушка моя, этимъ времечкомъ улучила, да и прибѣжала ко мнѣ. Спрятала я ее опять, голубушку мою; согрѣла, помазала снадобьицемъ; прожила она у меня никакъ съ крещенья до вешняго Николы... отдохнула маленечко, поправилась. Только опять взяли ее по начальству въ мужнинъ домъ... Да! забыла сказать, мой родимый... вотъ живетъ она у меня, пришла Святая. Собрались дѣвки у Харлампіевны дожидаться свѣтлой заутрени, пришли за ней... любили ее, батюшка, всѣ... за смиренство любили, мухи въ жизнь не обидѣла. Пошла она къ нимъ... ну, знаешь, дѣло дѣвичье, молодое... хи-хи, да хи-хи... смѣются, батюшка; моя-то и вышла на крылечко — послушать, не благовѣстятъ ли къ заутрени... послушала, послушала, да и хотѣла воротиться въ избу; глядь — подъ крылечкомъ-то сидитъ человѣкъ. Она вскрикнула, да позвала-было подругъ, а человѣкъ-отъ и говоритъ: «не кричи, Аксинья, не смѣй!» а самъ изъ-подъ крылечка-то и вылѣзъ. Глядь она: Емельянъ, ея мужъ, съ топоромъ въ рукахъ... Она, бѣдная, такъ и обмерла. «Много, спрашиваетъ, васъ здѣсь собралось?» — Много, говоритъ. — «Пойдемъ, говоритъ, со мной... я тебѣ къ празднику обнову купилъ...» Какая ужь-те обнова... ни жива, ни мертва стала. Поскорѣй отъ него въ избу, да и кричитъ подругамъ: «дѣвушки! дѣвушки! мужъ меня убить хочетъ! съ топоромъ пришелъ». Дѣвушки и высыпали на крыльцо... Видитъ онъ, что народу много, ушелъ; а недѣли черезъ двѣ опять ее у меня взяли; самъ бурмистръ приходилъ, — велѣлъ ей идти къ мужу.

— И долго она у него въ этотъ разъ прожила?

— Да вотъ до этого разу, ваше благородіе. Такъ я ее съ тѣхъ поръ, голубушку мою, и не видала...

Рыданія и слезы не дали старухѣ договорить.

— Какъ же не видала? развѣ она къ тебѣ не ходила?

— Нѣтъ, родимый; ее не пускали ко мнѣ... Коли узнаютъ, что была, — изобьютъ, истиранятъ всячески; я ужь и сама ее просила, чтобъ она не ходила ко мнѣ; за что ей, бѣдной, мучиться за меня, за старуху...

— Правда ли, что у ней были любовники?

— Эхъ, батюшка! клевета это, родимый. Какъ голубка бѣ-

лая, чиста она была. Помышленія даже не было, не то что дѣла. Кого хочешь спроси, всякій тебѣ скажетъ, что это напраслина. Честная баба была, родимый, какъ есть честная; ежели Богу душеньку отдала, такъ ангелы на небо возьмутъ ее, горькую. Кромѣ горя да слезъ, ничего она въ жизни не видала.

— Смотрѣла ты, старуха, дочернее платье и башмаки на берегу?

— Нѣтъ, родимый, не пошла. Сказывали люди, что будто нашли, да я не повѣрила. Не такая была, родимый, чтобъ утопиться. Скорѣе бы ко мнѣ прибѣжала... коли ужь очень туго приходило...

— Гдѣ же бы она могла быть, ежели жива?

— Гдѣ нибудь въ лѣсу спряталась, али въ сосѣднюю деревню ушла. Кто ихъ знаетъ, что у нихъ тамъ было. Можетъ, онъ зарубить ее хотѣлъ, такъ она и ушла куда глаза глядятъ.

— Не онъ ее зарубить хотѣлъ, а она ему ножомъ горло хотѣла перерѣзать.

— Не можетъ этого быть, кормилецъ; не такой она человѣкъ, чтобъ на мужа руку подняла; курицы—и той не обидѣла, спроси кого хочешь...

Тогда становой позвалъ понятыхъ и жителей деревни, сотскаго, бурмистра, старшину. Всѣ въ одинъ голосъ подтвердили, что жена Емельяна была женщина кроткая, смирная; вела себя примѣрно; а что, наоборотъ, Емельянъ и все его семейство люди грубые, дерзкіе, способные на все... О томъ, что жена уходила отъ Емельяна и что ее брали отъ матери силой и приводили къ мужу—подтвердили и старшина и бурмистръ. О томъ же, что онъ хотѣлъ отравить ее и потомъ въ другой разъ зарубить топоромъ, объ этомъ отозвались незнаніемъ.

Тогда, взявши съ собою старуху, понятыхъ, бурмистра, сопровождаемый огромною толпой, пошелъ становой на берегъ рѣки къ платью и котамъ пропавшей.

На самомъ берегу, въ густой травѣ, въ которой виденъ былъ одинъ слѣдъ, лежало платье, коты, повязка съ головы, даже рубашка. Чтобъ утопиться, страдалица раздѣлась до-нага. Это показалось всѣмъ странно. Кто хочетъ утопиться, тотъ раздѣваться не будетъ; предавшись вполнѣ своему горю, до того ли человѣку, рѣшающемуся умереть?

Старуха признала тотчасъ платье дочери, и признавши, начала выть голосомъ и причитать на разные манеры, какъ водит-

ся въ деревняхъ. Вой этотъ имѣетъ въ себѣ что-то раздирающее, и становой, оставя старуху предаваться своей горести, пошелъ съ толпою къ деревнѣ, намѣреваясь еще попробовать счастія въ распросахъ у Акулины...

Когда они проходили мимо одного овина, стоявшаго поодаль отъ другихъ, — одинъ изъ понятыхъ остановился и, не говоря ни слова, указалъ пальцемъ на заступъ, стоявшій прислоненнымъ къ углу этого овина. Этотъ нѣмой жестъ заставилъ остановиться всѣхъ... Какъ ни ничтожно было это обстоятельство, но при томъ настроеніи, въ какомъ всѣ находились, присутствіе заступа въ такомъ мѣстѣ не могло не показаться страннымъ, особливо когда замѣтили, что къ этому заступу прилипла свѣжая земля, а на ней кусочки свѣжей травы. Эта свѣжая земля, а еще болѣе трава, не успѣвшая даже хорошо завянуть, прямо указывали на то, что заступъ былъ въ употребленіи недавно. Жители деревни были удивлены этимъ болѣе другихъ, ибо знали, что тутъ рыть было нечего; да ежели бъ и было что, то сосѣди не могли бы не знать, что тутъ было рыто. Понятые, крестьяне, женщины, дѣти, всѣ остановились надъ заступомъ, какъ бы ожидая отъ него поясненія загадки, и простояли бы, можетъ быть, долго, ежелибъ одинъ изъ мальчишекъ, побѣжавшій догонять другаго, не закричалъ, что въ одномъ мѣстѣ земля была недавно взрыта. Вся толпа всколыхалась и бросилась туда.

Въ самомъ дѣлѣ, земля взрыта была недавно, и хоть взрывшій и старался послѣ прикрыть это мѣсто травой и соломой, но видно это дѣлалось второпяхъ, такъ что слѣды взрытія были слишкомъ замѣтны. Любопытство всѣхъ было возбуждено до нельзя. Надо было увѣриться, что это такое. Становой потребовалъ рабочихъ, и работа началась.

Не долго пришлось имъ работать. Почти при первыхъ ударахъ заступа открылась человѣческая рука, а за нею другая, ноги, и наконецъ весь трупъ человѣческій изрубленный на части и всунутый въ небольшую кадку. Голова была тутъ же, и въ ней жители деревни съ ужасомъ узнали жену Емельяна.

По толпѣ пробѣжалъ глухой ропотъ. Преступленіе было слишкомъ явно для того, чтобъ въ немъ можно было еще сомнѣваться. Не говоря другъ другу ни слова, не сообщая другъ другу своихъ подозрѣній, всѣ машинально направились къ избѣ Емельяна. Всѣ были увѣрены, что тамъ надо искать убійцу.

Эта толпа, этотъ говоръ, не сдерживаемый даже присутствіемъ становаго, — дошли до слуха убійцы, прежде нежели онъ увидалъ кого нибудь. Совѣсть преступника, а съ нею и слухъ его — чутки; онъ узналъ, какъ бы инстинктомъ, что дѣлается наружи... Онъ бросился было къ окну съ тѣмъ, чтобъ бѣжать, но стоявшіе на караулѣ остановили его, прежде нежели онъ успѣлъ выбить раму, и когда становой, а за нимъ всѣ, кто могъ помѣститься, вошли въ избу, — онъ стоялъ съ изрѣзанными стекломъ руками, блѣдный какъ смерть, съ дикостію во взглядѣ, еще залитый кровью своей жертвы...

Начался допросъ, страшный въ своихъ подробностяхъ. Не смотря на явную улику, на вопли толпы, раздававшіеся снаружи, Емельянъ стоялъ на своемъ, что онъ невиненъ... Когда обвиненіе высказано было ему прямо, онъ какъ будто въ самомъ обвиненіи нашелъ новую силу. Покойно разсказалъ онъ тѣ же самыя подробности, какія разсказывалъ прежде о намѣреніи жены его зарѣзать; о томъ, что оставилъ ее въ сараѣ и что послѣ не выходилъ изъ избы; ни малѣйшаго волненія, ни малѣйшаго замѣшательства или испуга въ немъ не было замѣтно. Хоть и привыкшій къ подобнаго рода сценамъ и запирательствамъ, хоть и привыкшій имъ не вѣрить, становой при такомъ хладнокровіи не могъ не усумниться: справедливо ли его обвиняютъ, и нѣтъ ли другой какой разгадки къ этой драмѣ, кончившейся двумя трупами...

Остатки бѣдной жертвы были собраны и принесены въ одну холодную избу, — но прежде нежели ихъ похоронили, становой захотѣлъ испытать, не произведутъ ли они какое нибудь впечатлѣніе на убійцу. Его привели туда, поставили съ нимъ рядомъ, — но опытъ не удался: Емельянъ оставался также покойнымъ и равнодушнымъ, какъ и прежде, и только твердилъ о своей невинности.

Тогда велѣно было привести его сестру. Марья вошла также нагло, какъ и всегда; посмотрѣла на изрѣзанное въ куски тѣло, точно такъ же, какъ смотрятъ на куски говядины, и даже улыбка презрѣнія или торжества показалась на мгновеніе на губахъ ея. Позвали священника: почтенный, сѣдовласый старикъ именемъ Бога живаго заклиналъ и Емельяна и сестру очистить свою душу покаяніемъ; они остались глухи къ увѣщаніямъ его...

Но то, чего не могли не замѣтить всѣ предстоящіе, — это

были взгляды, которые при очной ставкѣ сестра бросила на Емельяна. Въ смыслѣ этихъ взглядовъ ошибиться было нельзя: они явно говорили: стой твердо; говори одно, и ничего не бойся.

И дѣйствительно, послѣ этой очной ставки Емельянъ сталъ еще упорнѣе, еще жосче; онъ не только отрицалъ, но уже начиналъ обвинять; снова началъ говорить о любовникахъ жены своей, сваливалъ на нихъ преступленіе, и когда становой потребовалъ, чтобъ онъ наконецъ назвалъ того, кого онъ подозрѣваетъ, — онъ, не затрудняясь, назвалъ одного молодаго парня деревни...

Допросы отца и матери ни къ чему не повели. Первый мрачно и угрюмо посмотрѣлъ на останки невѣстки, и только сталъ еще угрюмѣе; старуха зарыдала такъ, что ее надо было вывести безъ допроса.

Оставалось допросить еще Акулину. На этотъ допросъ становой, неизвѣстно почему, возлагалъ особыя надежды.

Когда ее привели и поставили подлѣ трупа, она отшатнулась отъ него, какъ-будто опаленная огнемъ; долго стояла, закрывъ глаза руками; обильныя слезы текли по ея щекамъ; грудь вздымалась высоко, высоко; судорожныя вздрагиванія сдѣлались такъ сильны, что ее надо было вывести. Въ эту минуту она не могла говорить: видно было, что все существо ея было разбито, изломано; что случившееся обламывало послѣднія надежды на жизнь и ея радости, что она какъ бы присутствуетъ на собственныхъ похоронахъ, съ которыхъ воротиться въ жизнь больше невозможно.... Это была не скорбь, а отчаяніе скорби, — но назвать ее преступницей ни у кого недостало бы духу....

Становой понялъ, что онъ обманулся; онъ понялъ, что она не можетъ быть закоренѣлой преступницей, и что если она была причиной, то ужь отнюдь не орудіемъ преступленія.... Въ другомъ мѣстѣ, въ другихъ людяхъ, надо искать этого орудія, и онъ принялся за это дѣло съ прежнимъ жаромъ, заинтересованный открытіемъ преступника не столько вслѣдствіе служебной обязанности своей, сколько человѣческаго побужденія....

Онъ началъ новые допросы, новыя очныя ставки, новыя свидѣтельства: ничто не дало ему ключа къ этой загадкѣ... Сколько ни употреблялъ онъ изворотовъ, стараній, заботъ, усилій — ничто не помогало. Всѣ вообще и каждый въ особенности повторяли то же, что уже извѣстно... и хотя преступленіе

было явно — ничто не давало повода юридически обвинить Емельяна...

Ужь становой хотѣлъ закончить слѣдствіе и отказался отъ надежды довести преступниковъ до сознанія, когда вдругъ пришла ему въ голову одна мысль, довольно оригинальная въ нынѣшнее время, но которую онъ захотѣлъ испытать, для того, чтобъ послѣ совѣсть не могла упрекнуть его, что онъ не сдѣлалъ всего, что только могъ, для раскрытія истины....

Останки бѣдной женщины все еще не были похоронены и начинали уже издавать трупный запахъ: становой пошелъ въ ту холодную избу, гдѣ они лежали, велѣлъ попросить туда священника и привести Емельяна....

Это было поздно вечеромъ; огни въ селеніи уже потухли; все покоилось сномъ; изрѣдка только раздавались сторожевые звуки колокола, какъ-то уныло и торжественно разносившіеся въ темнотѣ ночи. Ночь была мрачная, удушливая; небо заволоклось черными, тяжелыми тучами; вдали вспыхивали молніи и издалека слышались перекаты грома... Въ это-то время привели скованнаго Емельяна въ избу, гдѣ уже находились и становой, и священникъ.

Сальная свѣча разливала дрожащій, невѣрный свѣтъ, рисуя чудовищныя тѣни, и при этомъ свѣтѣ члены трупа то выставляясь, то прячась въ темноту — казались чѣмъ-то ужаснымъ... Сложенные по мѣрѣ возможности вмѣстѣ, они въ темномъ углу комнаты казались какимъ-то ужасающимъ призракомъ... жильцомъ не здѣшняго міра... такъ что самъ становой, хоть кажется уже привыкшій къ подобнымъ сценамъ, не могъ защищаться отъ нѣкотораго чувства страха и робости.

Когда Емельяна привели и звонъ цѣпей смолкъ, становой попросилъ священника сдѣлать ему послѣднее увѣщаніе... Послѣднее, повторилъ онъ, потому, что Богъ знаетъ, доживетъ ли онъ до завтра.

Эта послѣдняя фраза заставила Емельяна бросить одинъ изъ тѣхъ вопрошающихъ взглядовъ, которые изобличютъ, что прежняго равнодушія и ожесточенія уже нѣтъ... Онъ съ ужасомъ поглядывалъ въ тотъ уголъ, гдѣ лежали останки его жены... и отворачивался, и затворялъ глаза, когда свѣча вдругъ обливала своимъ тусклымъ свѣтомъ эти обезображенные члены, эти тусклые, открытые глаза, это облитое запекшеюся кровью тѣло его жертвы...

Старикъ священникъ началъ говорить тихо и мѣрно; онъ представилъ преступнику картину будущей жизни; о томъ, что ожидаетъ его за гробомъ, ежели онъ унесетъ туда тягость содѣяннаго преступленія; онъ говорилъ ему о милосердіи Творца, о раскаяніи, о томъ, что оно смываетъ тягость грѣха и вѣрующему, хоть и преступнику, открываетъ двери спасенія и небеснаго царства; онъ именемъ Того, кто умеръ за насъ на крестѣ, именемъ Его добровольныхъ страданій, заклиналъ его открыть истину, освободить свою душу отъ грѣха, очистить ее покаяніемъ и молитвою, и въ земномъ наказаніи найдти возможность вѣчнаго, невозмущаемаго спасенія.

Емельянъ слушалъ его молча и внимательно — и тяжелые вздохи начали вырываться изъ его груди... Видно, растопилась ледяная кора его сердца; видно, слова истины проникли въ это сердце.

Когда священникъ кончилъ и наступило нѣсколько минутъ тяжелаго, торжественнаго молчанія, преступникъ вздрогнулъ, съ ужасомъ оглядѣлся около себя, и легкій звонъ цѣпей изобличилъ судорожное движеніе его мускуловъ...

Тогда становой всталъ и, дѣлая знакъ священнику, сказалъ:

— Пойдѐмте, батюшка; пусть онъ останется одинъ на ночь съ тою, которую онъ убилъ такъ измѣннически... Пусть она раскажетъ ему ночью, что ждетъ его за гробомъ... Пусть онъ узнаетъ, каково быть убійцею, нераскаяннымъ грѣшникомъ.

При этихъ словахъ, полный неизъяснимаго страха Емельянъ бросился къ дверямъ какъ-бы съ намѣреніемъ загородить имъ дорогу, и съ раздирающимъ воплемъ закричалъ:

— Такъ вы хотите меня оставить одного съ нею?...

— Да, одного, отвѣчалъ становой тихо, какъ-бы стараясь выйти: — ежели ты не хотѣлъ открыть людямъ преступленія своего, пусть она сама потребуетъ у тебя отчета за твое преступленіе!

— Нѣтъ! нѣтъ! закричалъ Емельянъ, порываясь выдти и ломая все передъ собою:—я съ ней одинъ не останусь. Дѣлайте со мною, что хотите; рубите меня, ссылайте въ Сибирь, въ каторгу, только не оставляйте одного; я скажу все...

— Ты убилъ ее?

— Я...

— А старика?...

— Я же...

— И ты согласенъ повторить это сознаніе передъ всѣми?

— Согласенъ, только выведите меня отсюда. Я не могу дышать; мнѣ душно; меня давитъ... скорѣе, скорѣе...

Становой отворилъ дверь, крикнулъ понятыхъ и при всѣхъ объявилъ, что Емельянъ сознался въ двойномъ убійствѣ. Емельянъ подтвердилъ это при всѣхъ...

Тогда отвели его въ контору и формальный допросъ начался.

— Я женился по приказанію отца, такъ началъ онъ: — старикъ нашъ жестокъ, съ нимъ спорить нельзя. Я не любилъ жены своей, давно ужь передъ этимъ я хотѣлъ жениться на Акулинѣ; но отецъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. У нихъ съ Акулининымъ отцомъ была давнишняя вражда: много надо было хлопотъ, чтобъ онъ только позволилъ ей ходить къ намъ въ домъ, подъ видомъ пріятельства съ моею сестрою, но и тутъ, гдѣ только можно, онъ всячески ругалъ и позорилъ, ее. Женитьба не прекратила нашей связи; Акулина была дѣвка добрая, и мы часто говорили съ ней, какъ бы хорошо было намъ жить вмѣстѣ. Сестра знала объ этомъ, — она первая стала говорить, что жена моя можетъ умереть, и что ежели не умретъ скоро, то можно пособить этому. Акулина испугалась, когда услышала въ первый разъ эти рѣчи; она цаловала у меня руки, на колѣняхъ просила, чтобъ я не слушалъ сестры; что она лучше сама умереть, чѣмъ допустить, чтобъ женѣ моей чрезъ нее приключился какой нибудь вредъ. Сначала я было оставилъ эту мысль, только сестра моя не давала мнѣ покоя. Она безпрестанно разжигала меня противъ жены... она мнѣ безпрестанно твердила, что я дуракъ, ежели смотрю на женскія слезы, и что отъ меня зависитъ быть счастливому, любить Акулину явно, не скрываясь. При этомъ она безпрестанно говорила, что Акулина тайкомъ отъ меня плачетъ; что всѣ знаютъ, что она меня любитъ; что ей это стыдно и позорно, и что она только не хочетъ сказать мнѣ этого, но что тотъ день когда насъ обвѣнчаютъ, съ нея спадетъ большая тягость... Я люблю Акулину, мнѣ ее было жалко...кажется, я жизнь свою порѣшилъ-бы, чтобъ только она была весела и довольна. Что думала сестра, чего она хотѣла—я и самъ не знаю. Только когда мы оставались одни—она начинала свою пѣсню,—и я принужденъ былъ уходить отъ нея, чтобъ не слыхать безпрестанныхъ упрековъ, безпрестанныхъ наущеній на убійство. Только это не помогало. Она какъ тѣнь какая нибудь ходила за мною, и все мнѣ твердила одно и тоже. Раздо-

садованный, я однажды избилъ ее больно: подъ кулаками, она все твердила, что хочетъ моего счастія, и что хоть я убью ее, она все будетъ говорить свое. Это заставило меня задуматься. Жена сдѣлалась мнѣ ненавистна; чѣмъ больше она отъ меня плакала, тѣмъ постылѣе мнѣ становилась; отецъ безпрестанно кололъ мнѣ глаза тѣмъ, что у насъ нѣтъ дѣтей; я радъ былъ, когда жена уходила къ матери,—радъ-бы былъ, ежели бъ она осталась тамъ навсегда, но отецъ требовалъ, чтобъ она воротилась и жаловался на это начальству. Я не шутя задумалъ извести жену, хотѣлъ однажды пьяный влить ей мышьяку въ горло, хотѣлъ однажды зарубить ее топоромъ; но все какъ-то не удавалось; надо было придумать что-нибудь похитрѣе,—сестра придумала и это... Съ ея словъ, я позвалъ жену спать въ сарай, убилъ ее тамъ; чтобъ получше спрятать, изрубилъ ее въ куски, положилъ въ кадку и хотѣлъ нести платье и коты на берегъ рѣки, чтобъ подумали, что она утопилась, когда увидалъ, что старикъ нищій глядитъ на все это изъ овина. Думать было нечего. Оставлять въ живыхъ такого свидѣтеля было-бы глупо. Я серпомъ проткнулъ ему бокъ, обухомъ топора докончилъ, и стащилъ въ оврагъ, а самъ, порѣзавши горло, пошелъ домой и расказалъ, что жена хотѣла меня зарѣзать... Вотъ все, какъ было; пусть судятъ меня Богъ и люди; больше мнѣ сказать нечего.

Въ искренности этого показанія сомнѣваться было невозможно: обстоятельства происшествія были съ нимъ совершенно сходны. Теперь, когда главный преступникъ былъ найденъ, оставалось уличить соучастниковъ въ преступленіи: сестру Емельяна и Акулину, ежели Емельянъ не выгородилъ ее единственно изъ желанія спасти ее.

Послѣдствія доказали, что Акулина не знала ничего о преступленіи; на всѣ вопросы она отвѣчала горькими слезами, — и когда ее поставили на очную ставку съ Емельяномъ, она съ отчаяніемъ начала упрекать его, что онъ погубилъ невинную, праведную душу и напомнила ему съ тѣмъ воплемъ, который исходитъ изъ сердца, мольбы свои, чтобъ онъ для нея не дѣлалъ ничего, противнаго совѣсти... Потомъ она впала въ безмолвное отчаяніе, ломала руки и, тихо рыдая, повторяла шопотомъ: «Господи, прости ему!... Господи, помилуй насъ!...»

Не такова была Марья, когда она узнала, что братъ сознался въ своемъ преступленіи... глаза ея засверкали болѣе обыкновеннаго; верхняя губа вздулась съ видомъ презрѣнія и злобы не-

удавшагося дѣла... Гордо стояла она передъ становымъ; глаза ея сыпали искры... и высокая грудь вздымалась не заботою о судьбѣ своей, не тревогою о томъ, что ожидаетъ преступника, но отчаянною злобою...

— Онъ лжетъ на себя! твердила она рѣзко и твердо, смотря во всѣ глаза на слѣдователя и понятыхъ:—онъ не убивалъ жены своей, не убивалъ старика. Вы напугали его Сибирью и плетьми, чтобъ вынудить у него сознаніе; онъ не могъ сознаться, потому что этого не было...

Она говорила такъ, потому что думала, что этого признанія не существовало, и что становой выдумалъ его для того, чтобъ заставить сознаться ее самую. Надо было призвать Емельяна и заставить его повторить передъ нею свое сознаніе со всѣми подробностями...

Тогда бѣшенству ея не было границъ. Она бросилась къ Емельяну и чуть не разорвала его своими руками; дикій, страшный хохотъ ея заставилъ всѣхъ содрогнуться.

— Трусъ! баба! твердила она неистово: — ты погубилъ себя даромъ: къ чему тебѣ было сознаваться? Что бы они тебѣ сдѣлали? Гдѣ доказательства, что убилъ ихъ обоихъ ты, а не кто нибудь другой... развѣ мертвые встанутъ изъ гробовъ, чтобъ разсказывать, кто зарѣзалъ ихъ?—а свидѣтелей этому дѣлу не было никого.

Въ словахъ ея, сыпавшихся безъ счета, безъ порядка, высказывалась жаркая, неистовая страсть, разсказъ которой было страшно слышать. Становой хотѣлъ было остановить ее, но она грубо закричала:

— Молчи! я одна могу говорить здѣсь. Я иду на каторгу, подъ плети, слышишь, — я не боюсь ничего. Жгите меня, рѣжьте, ежели хотите; рвите щипцами, мнѣ все равно. Я погубила свою душу; тѣла жалѣть нечего... Давайте сюда палача — раскладывайте костеръ... сюда всѣ, сюда... на потѣху... теперь всѣ равны... никто не обдѣленъ... слышите, православные... я, я, научила брата зарѣзать жену...

И съ неистовымъ хохотомъ она металась изъ угла въ уголъ, не зная, не помня, что говорила и что дѣлала.

Она была помѣшана.

Рѣшеніе суда было таково, какимъ его можно было предвидѣть. Емельянъ за двойное убійство былъ приговоренъ къ высшей мѣрѣ наказанія; сестра его, какъ сумасшедшая, была помѣ-

щена въ больницу умалишенныхъ, гдѣ она черезъ нѣсколько дней умерла отъ воспаленія мозга, повторяя громко и съ дикимъ смѣхомъ: «я, я убила ихъ... я одна! братъ мой невиноватъ...»

Акулина была освобождена отъ суда, кромѣ церковнаго покаянія... а съ нею и всѣ прикосновенные къ дѣлу.

И. СЕЛИВАНОВЪ.

ГАЙДАМАКИ.

ПОЭМА ТАРАСА ШЕВЧЕНКО (*).

Переводъ П. Гайдебурова.

ПѢСНИ.

(Памяти Тараса Григорьевича Шевченко.)

Помню я тѣ степи дивныя,
Гдѣ въ ночи, вокругъ огней,
Льются пѣсни заунывныя
Милой родины моей.

(*) Желаніе познакомить русскую публику съ однимъ изъ неизвѣстныхъ ей произведеній Тараса Григорьевича Шевченко было единственною побудительною причиною при печатаніи предлагаемаго перевода. Уважая *только* подобное желаніе, читатели простятъ переводчику нѣкоторыя неправильности стиха, встрѣчающіяся впрочемъ и въ оригиналѣ *очень часто*, что̀ придаетъ ему характеръ простаго, безъискуственнаго разсказа. Излишне прибавлять, что при переводѣ было обращаемо вниманіе прежде всего на правильную передачу мысли автора и вообще характера оригинала, а не на тщательную отдѣлку русскаго стиха, что̀ почти всегда стояло на первомъ планѣ въ бывшихъ до сихъ поръ переводахъ Шевченко. То и другое едва ли вполнѣ совмѣстимо.

Примѣч. переводчика.

Что̀ за степи необъятныя
Безъ начала, безъ конца...
Что за пѣсни благодатныя
Безъизвѣстнаго творца!...

Ихъ творила жизнь свободная
И лелѣяла, какъ мать;
Въ нихъ звучитъ струна народная,
Ихъ чужому не понять.

Суждено имъ силой вольною
При созвучьи дивныхъ словъ
Оглашать поля привольныя,
Веселить степей сыновъ;

Ночью ль темною, унылою,
Или жаркимъ лѣтнимъ днемъ,
То рыдать, какъ надъ могилою,
То залиться соловьемъ;

Мыслью свѣтлою, глубокою,
Вереницей грустныхъ думъ,
Трогать сердце одинокое,
Шевелить уснувшій умъ...

Ихъ услышишь — позабудешься
Въ обаяньи сладкихъ сновъ;
Встрепенешься... вдругъ пробудишься...
И уснуть хотѣлъ бы вновь.

П. ГАЙДЕБУРОВЪ.

ГАЙДАМАКИ

(Памяти Евлампія Петровича Ловягина.)

ПРОЛОГЪ.

Было время — шила шляхта
Не зналась съ бѣдою;
Воевала съ Москалями,
Съ Нѣмцами, съ Ордою
И съ Султаномъ... Было время,
Да вѣдь все минуетъ!...
Было — шляхта, знай, кичится,
День и ночь бушуетъ,
Королями помыкаетъ...
Не скажу — Стефаномъ
Иль другимъ, такимъ же дерзкимъ,
Собіесскимъ Яномъ,
А иными... Тѣ бѣдняги
Молча пановали;
Сеймы, сеймики ревѣли,
Сосѣди молчали,
Лишь смотрѣли, какъ короли
Польшу оставляли,
Да слушали, какъ поляки
Бѣшено кричали.
«Nie poswalam! nie poswalam!»
Шляхта восклицаетъ, —
А магнаты жгутъ деревни,
Сабли навостряютъ.
Долго такъ покамѣсть въ Польшѣ
То велося дѣло, —
Воцарился средь поляковъ
Понятовскій смѣлый.

Онъ сѣлъ на тронѣ и думалъ Польшѣ
Подрѣзать крылья, — да не съумѣлъ...
Хотѣлъ добра ей... Ну, а можетъ
Еще чего нибудь хотѣлъ...
Одно лишь слово — «nie poswalam»
Хотѣлъ у Польши отобрать,
А тамъ... Вдругъ Польша запылала,
Взбѣсилась шляхта... ну кричать:
«Слòво гонòру, дàрма прàца!
«Наемникъ гадкій Москаля!»
На крикъ Пулавскаго и Паца
Встаетъ дворянская земля
И — разомъ сто конфедерацій.
Разбрелись конфедераты
По Литвѣ, по Польшѣ,
По Молдавіи, Волыни
И по Украйнѣ.
Разбрелись — и позабыли,
Что за волю встали;
Позабыли — и съ жидами
Вмѣстѣ загуляли.
Разрушали, убивали,
Храмы жгли, палили, —
А порой той гайдамаки
Ножи освятили...

ГАЛАЙДА (*).

«Ярèма! (**) Слышь, отродье Хама!
Пойди кобылу приведи,
Да башмаки подай хозяйкѣ
И принеси скорѣй воды.
Сходи-ка въ погребъ, да къ коровѣ,
Вездѣ избу повымётай,
Гусямъ, индейкамъ корму дай,
Да живо чтобъ было готово —

(*) Прозвище.
(**) Собственное имя.

Ступай скорѣй же... Стой-ка, стой!
Пойдешь, управившись, въ Вильшану,
Хозяйкѣ надо!...» И Ярёма
Побрелъ съ поникшей головой.
Вотъ такъ-то утромъ жидъ поганый
Яремой бѣднымъ помыкалъ;
И парень гнулся; онъ не зналъ,
Не зналъ, сиротина, что выросли крылья,
Что неба достанетъ, коли полетитъ,
Не зналъ, нагибался...
О, Боже мой милый,
Какъ трудно жить въ свѣтѣ, а хочется жить!...
И хочется видѣть, какъ солнце сіяетъ,
И хочется слушать, какъ море играетъ,
Какъ птичка щебечетъ и роща шумитъ,
Или какъ козачка въ саду распѣваетъ...
О, Боже мой милый, какъ весело жить!...
Сирота Ярёма, сирота убогій,
Безъ сестры, безъ брата приходится жить.
Пріемышъ жидовскій, и выросъ у порога,
А доли не проклялъ, людей не бранитъ.
За что жь и бранить ихъ? Они вѣдь не знаютъ,
Кого надо мучить, кого приласкать...
Такъ пусть ихъ пируютъ! имъ все дала доля,
Сироткѣ же надо и долю искать...
Случится, порою тихонько заплачетъ,
Да не оттого, что сердечко болитъ:
То что-нибудь вспомнитъ, то просто увидитъ...
И снова за дѣло... вотъ такъ надо жить!...
Къ чему и родные, къ чему и палаты,
Коль не съ кѣмъ сердцу тоски раздѣлить!
Сиротка Ярема — сиротка богатый:
Вѣдь есть съ кѣмъ и плакать, тоску выливать:
Есть карія очи, какъ звѣзды сіяютъ,
Есть бѣлыя ручки—дрожатъ, обнимаютъ,
Есть дѣвичье сердце, что плачетъ, хохочетъ,
И снова заплачетъ, какъ онъ того хочетъ.
Вотъ таковъ-то мой Ярема,
Сирота богатый...
Все минуло — а такимъ вѣдь

Былъ и я когда-то!...
Все давно уже минуло,
Не вернется больше...
Отчего жь мое ты счастье
Не тянулось дольше?...
И зачѣмъ такъ скоро ты со мной разсталось,
Легче бы было плакать, еслибъ ты осталось!...
Люди отобрали, все имъ видно мало!...
На сиротку глядя, зависть разобрала:
«Зачѣмъ ему счастье? надо закопать—
«Онъ и такъ богатый!...»
На однѣ заплаты
Да на слезы... Чтобъ ихъ вѣкъ не отирать!...
Доля моя, доля, гдѣ тебя искать?...
Вернись хоть на время въ убогую хату...
А нѣтъ, — хоть приснись мнѣ... не хочется спать!...
Позабылся я не кстати,
Можетъ быть, довольно...
Да проклятое несчастье
Придавило больно...
Можетъ встрѣтимся еще разъ
Съ вами на дорогѣ, —
Поплетусь я за Ярёмой
Благо, носятъ ноги...
Трудно, люди, охъ какъ трудно
Въ свѣтѣ уживаться!...
Если гнетъ васъ злая доля,
Надо нагибаться.
Гнуться молча, улыбаться,
Люди чтобъ не знали,
Что запрятано на сердцѣ —
Чтобы не ласкали...
Ихъ, вѣдь, ласка... Пусть приснится
У кого есть счастье;
А сироткѣ чтобъ не снилось
Тѣхъ людей участье...
Трудно сердцу разсказать все,
А помолчать не смѣетъ...
Выливайтесь *слово—слезы*,
Солнышко не грѣетъ.

Не высушитъ. Подѣлюсь я
Горькими слезами...
Да не съ братомъ, не съ сестрою,
Съ мрачными стѣнами
На чужбинѣ.
А покамѣсть
Я къ корчмѣ вернуся;
Тамъ, считая жадно деньги,
Жидъ въ дугу согнулся,
Близь постели... А въ постели —
(Охъ, мнѣ душно стало!)
Бѣлы рученьки нагія
Вольно разбросала
И раскрылась; точно листья
Алаго цвѣточка
Зарумянилась. На груди
Порвана сорочка.
Видно душно одинокой
Спать ей на перинѣ,
Не съ кѣмъ словомъ подѣлиться
Бѣдной сиротинѣ —
Одна шепчетъ... Несказанно
Хороша жидовка!
Это дочка, а то батька,
Чортова ермолка...
На полу лежитъ хозяйка
Въ перинахъ поганыхъ...
Гдѣ жь Ярѐма? Взявши сумку,
Онъ пошелъ въ Вильшану...

КОНФЕДЕРАТЫ.

— «Эй, отворяй-ка, жидъ проклятый,
А то битъ будешь... Выходи!
Ломайте двери, пока выйдетъ
Мерзавецъ старый!»
— Погоди!
— Сейчасъ, постойте!...
— «Ну, кнутами

Свиное ухо!... Баловать
Ты съ нами хочешь?...»
— Я?... Съ панами?...
Избави боже!... дайте встать...
Ясновельможни (тихо) «свиньи!»
— «Да что намъ ждать его — ломи!»
Упали двери, — и плетьми
Жида расписываютъ спину...
— «Здравствуй, Лейба, здравствуй, шельма —
Чортъ не взялъ скотину!...»
Да нагайкой, да нагайкой...
Жидъ согнулъ лишь спину...
— Не шутите, *мости-пане*,
Добрый вечеръ! въ хату!...
— «Ну еще, еще разъ... Будетъ!
Извини, проклятый!...
Добрый вечеръ... А гдѣ дочка?»
— Охъ, похоронили...
«Врешь, Іуда!... Знать, кнутами
Мало еще били!...»
— Ай, голубчики... довольно...
Ей же Богу нѣту!
— «Врешь, каналья!» — Коли вру я,
Богъ накажетъ это!
— «Не Богъ, а мы. Признавайся!...»
Да на чтожь мнѣ прятать,
Коль жива бы? Пусть тогда я
Буду распроклятый!
— «Ха-ха-ха-ха!...
Перекрестись!»
— Какже это?
Право, я не знаю.
— «Вотъ, смотри-ка!...» Ляхъ крестится
А за нимъ Іуда...
«Браво, браво — окрестили!
За такое чудо
Принеси намъ, окрещенный,
Магарычъ скорѣе!»
— Принесу сейчасъ... Постойте!
— «Да копайсь живѣе!»

Ревутъ ляхи... Рюмки, кружки
По столу гуляютъ...
«Еще Польша не згинѣла!...»
Не въ ладъ начинаютъ.
«Давай, Лейба!» Окрещенный
То въ подвалъ, то въ хату
Знай шмыгаетъ, наливаетъ;
А конфедераты
Понукаютъ: «Лейба, меду!»
Жидъ не наберется...
— «Гдѣ цимбалы? Начинай-ка!»
Вся корчма трясется:
Краковяка отдираютъ,
Вальса да мазура...
Жидъ же глянетъ — да тихонько:
«Барская натура!...»
— «Ну, довольно... Теперь пой намъ!»
— Не могу, ей-Богу...
«Не божись, свиное рыло!»
— Что же вамъ?... *Небогу*?

«Давно жила Ганзя
Бѣдно да убого...
Все божилась, все молилась,
Что болѣли ноги...
На барщину не ходила,
Только за парнями,
Тихохонько, смирнехонько
Между бурьянами...»

— «Будетъ! скверно!—Эту пѣсню
Русскіе пусть знаютъ!...»
— Такъ какую жь? Развѣ эту?
Стойте, начинаю:
«Передъ паномъ Федоромъ
Ходитъ жидъ ходоромъ...
И задкомъ и передкомъ
Передъ паномъ Федоркомъ...»
— «Ладно, будетъ. Теперь деньги!...»
— Не шутите, *пане*;

За что деньги?
— «Что слушали...
Не кривись, поганый,
Мы не шутимъ... Гдѣ же деньги?»
— У меня ни гроша.
Гдѣ мнѣ взять ихъ? Я богатый
Ласкою хорошей.
— «Врешь, собака! Признавайся!
Не беретъ, знать, слово —
Такъ кнутами...» Засвистѣли, —
Крестятъ Лейбу снова.
Отстегали такъ, что перья
Отъ него летѣли.
— Ей же Богу нѣтъ ни гроша,
Ѣжьте мое тѣло...
Ни полушки! Гвалтъ! Спасите!
— «Что, братъ, славно пищемъ?...»
— Стойте, что-то я скажу вамъ!
— «Говори, услышимъ;
Да не ври, смотри... Хоть лопни,
Ложь, вѣдь, не поможетъ...»
— Нѣтъ, въ Вильшанѣ...
«Твои деньги?»
— Мои? Избавь Боже!...
Подождите-ко, въ Вильшанѣ...
Былъ народъ богатый;
А теперь по три семейства
Навалило въ хату...
— «Знаемъ, знаемъ... Мы, вѣдь, сами
Такъ ихъ ободрали.»
— Да нѣтъ, не то... Извините...
(Чтобъ бѣды не знали,
Чтобъ вамъ денежки приснились!)
Видите, въ Вильшанѣ,
Тамъ... въ костелѣ... у старосты...
Дочь его Оксана...
Избавь Боже!... Какъ барышню
Берегли, холили...
А червонцевъ! Не его хоть —
Лишь бы деньги были...

— «Ну, конечно, этотъ дьяволъ
Рѣдко правду скажетъ.
А чтобъ намъ не шляться даромъ,
Пусть намъ путь покажетъ.
Одѣвайся!...»
Потащились
Поляки въ Вильшану;
Лишь одинъ въ углу подъ лавкой
Побратимъ ихъ пьяный
Встать не можетъ, а мурлычитъ
Пьяный, да веселый.

КТИТОРЪ.

«Ой въ темномъ лѣсѣ
Вѣтръ не гуляетъ;
Мѣсяцъ высоко,
Звѣзды сіяютъ...
Выйди, сердечко,
Я ожидаю,
Хоть на часочикъ —
Мой голубочикъ.
Выглянь скорѣе,
Да поворкуемъ,
Да потоскуемъ...
Можетъ, на долго
Мы разстаемся,
Можетъ, не скоро
Снова сойдемся!...
Выйди жь скорѣе,
Милая пташка;
Если бъ ты знала,
Сердцу какъ тяжко!...»
Такъ Ярема съ звонкой пѣсней
Подлѣ лѣса бродитъ,
Ожидаетъ; а Оксана
Долго не выходитъ.
Свѣтитъ мѣсяцъ середь неба,

Звѣзды загорѣлись...
Двѣ вербы подъ чьи-то пѣсни
Въ воду загдядѣлись.
Тамъ соловушка въ калинѣ
Громко распѣваетъ,
Будто знаетъ, что козачку
Парень поджидаетъ.
А Ярема по долинѣ
Середь лѣтней ночи
Еле ходитъ. «Зачѣмъ Богъ мнѣ
Далъ такія очи,
Если нѣтъ мнѣ счастья, если нѣту доли?
Лѣта молодыя даромъ пропадутъ!
Одинокъ я въ свѣтѣ, какъ былинка въ полѣ,
Ту былинку вѣтры полемъ разнесутъ.
И меня такъ люди дѣть куда не знаютъ.
За что жь отреклися? Что я сирота.
Одно было сердце, одно на всемъ свѣтѣ,
Душа дорогая... Да вѣрно и та,
И та отреклася.»
И далъ слезамъ волю.
Поплакалъ и вытеръ глаза рукавомъ.
«Такъ будь же здорова! Найду себѣ долю
На чуждомъ я полѣ; а нѣтъ—за Днѣпромъ
Усну я на вѣки. А ты не заплачешь,
А ты не увидишь, какъ воронъ клюетъ
Тѣ карія очи, тѣ очи козачьи,
Что ты цаловала, сердечко мое!
Забудь мои слезы, забудь сиротину,
Забудь, что клялася во вѣкъ не забыть,
Тебѣ я не пара: ты старосты дочка,
А я въ сѣрой свиткѣ. Другаго любить
Тебѣ видно надо. Такая ужь доля!
Забудь меня, пташка, забудь, не томись;
А если узнаешь, что въ дальнемъ во полѣ
Зарыли Ярему — о немъ помолись,
Хоть одна на цѣломъ свѣтѣ,
Пташка помолися!»
И опять изъ глазъ бѣдняги
Слезы полилися.

Зарыдалъ себѣ тихонько
Слезъ не вытираетъ...
Чу! Оксана, точно съ неба
Звѣздочка слетаетъ...
Побѣжалъ, забылъ; обнялись...
«Сердце!» — и замлѣли.
Долго, долго только: «сердце!»
И опять нѣмѣли.
— Будетъ, пташка! «Нѣтъ, немножко!...
Нѣтъ, еще разъ милый...
Ну, еще... еще разочикъ...
Голубь сизокрылый!...»
— Ты, бѣдняжечка, устала,
Какъ звѣзда слетѣла,
Сядь па свитку!
Усмѣхнулась
И на свитку сѣла.
«Такъ и ты жь садись со мною,
Ближе сядь, мой милый!...»
Сѣлъ, обнялись... — Что такъ долго
Ты не выходила?
«Я замѣшкалась сегодня,
Некогда мнѣ было.
Тятя боленъ...» — А меня-то
Видно позабыла!
— «Ну, какой же ты, ей-Богу!»
И слеза блеснула...
Не сердися... я шучу вѣдь...
— «Шутки!»
Усмѣхнулась,
И головку наклонила
Словно какъ уснула...
— Я шучу вѣдь, дорогая,
Развѣ ты не видишь?
Ну, не плачь же, глянь мнѣ въ очи —
Завтра не увидишь.
Завтра буду далеко я
Отъ тебя, Оксана;
Завтра ночью въ Чигиринѣ
Ножъ святой достану.

Много золота онъ дастъ мнѣ,
Завоюетъ славу.
Наряжу тебя, обую,
Посажу, какъ паву —
Точно гетманшу на стулѣ
Да глядѣть все буду,
Все глядѣть, до самой смерти.
— «Можетъ, и забудешь,
Какъ поѣдешь паномъ въ Кіевъ,
Да богатымъ станешь;
Тамъ найдешь себѣ полячку,
Забудешь Оксану!»
— Развѣ лучше гдѣ найду я?
— «Можетъ быть, не знаю!»
— Прогнѣвишь ты Бога, сердце,
Гдѣ жь еще такая?
Ни на небѣ, ни за небомъ,
Ни за синимъ моремъ
Нѣтъ такой, какъ ты, голубка!
— «Что ты! Богъ съ тобою!
— Что сказалъ ты?»
— Правду, рыбко...
И снова, и снова...

Долго они, какъ видите,
Рядышкомъ сидѣли;
И въ глаза другъ другу нѣжно,
Нѣжно такъ глядѣли.
Цаловались, обнимались,
Сколько было силы;
То клялись любить другъ друга
Вѣчно, до могилы.
Ей разсказывалъ Ярема,
Жить они какъ будутъ,
Какъ всю въ золото одѣнетъ,
Счастье какъ добудетъ.
Какъ порѣжутъ гайдамаки
Ляховъ въ Украинѣ,
Какъ онъ будетъ важнымъ паномъ,
Если не загинетъ.

Гадко, дѣвушки, и слушать
Эти разговоры.
— «Вотъ какой! Какъ будто вправду!»
— Ну, а какъ на горе
Мать и батюшка услышатъ?
(Какъ бы не застали!)
Вотъ грѣха-то, какъ узнаютъ,
Что вы здѣсь читали!
Тогда... тогда... да ну-его —
Сохрани насъ Боже!
А вѣдь нужно бъ разсказать вамъ,
Какъ козакъ пригожій
Подъ вербою, надъ водою
Дѣвушку цалуетъ;
А Оксана, какъ голубка,
Пѣсенки воркуетъ.
То заплачетъ, обомлѣетъ,
Голову никлонитъ...
«Сердце мое, доля моя...»
Скажетъ — и застонетъ...
Даже вербы нагибались,
Слушая тѣ рѣчи...
Вотъ такъ рѣчи! — Разсказать вамъ?
Нѣтъ, ужь близко вечеръ,
Лучше послѣ... Вѣдь не дай Богъ,
Ночью вамъ приснится!
Пусть скорѣе разойдутся
Такъ, какъ и сошлися...
Чтобъ никто, никто не видѣлъ,
Какъ они прощались,
Какъ домой съ тяжелой грустью
Оба возвращались...
Пусть ихъ!... Можетъ быть еще разъ
Встрѣтятся на свѣтѣ...

А порой той у ктитора
Ярко окна свѣтятъ...
Что творится тамъ такое?
Разсказать вамъ нужно;
Хоть разсказывать объ этомъ
Боже мой, какъ трудно!...

Трудно, потому что больно становится,
Глядя на людей тѣхъ — лучше промолчать!
Загляните въ избу — то конфедераты,
Люди, что собрались волю защищать...
Славно защищаютъ!... Будь тотъ день проклятый,
И мать, что людей тѣхъ на свѣтъ родила!...
Гляньте, что творится у старосты въ хатѣ

. . . .

Огонь пылаетъ на всю хату,
Въ углу — собакою дрожитъ
Проклятый жидъ... Конфедераты
Кричатъ страдальцу: «Хочешь жить?
Скажи, гдѣ деньги?» Тотъ молчитъ.
Веревкою скрутили руки,
О-земь ударили... Куда!
Молчитъ, ни слова!... «Мало муки!
Смолу давайте, гдѣ смола?
Кропи его; вотъ такъ... Холонетъ?
Что, скажешь, шельма? И не стонетъ,
Молчитъ, каналья!... Ну, постой!...»
Наклали въ голенища жару;
Еще не все; «возьми, забей
Канальи въ голову гвоздей!...»
Не вытерпѣлъ ужасной кары,
Упалъ бѣдняга... «пропадай
Душа въ грѣхахъ, безъ покаянья.—
Оксана, дочка!» — закричалъ
И мертвый на-спину упалъ
Среди жестокаго страданья...
Тѣ посмотрѣли на него,
Сказали: «Ишь, вѣдь, не поддался!
Ужь больше нѣтъ здѣсь никого —
Зажжемъ хоть церковь!»
Вдругъ раздался
Какой-то страшный, женскій крикъ:
«Спасайте, вѣруетъ кто въ Бога!...»
Столпились ляхи у порога
И смотрятъ — умеръ-ли старикъ...
Оксана въ двери: «ай, убили!...»
И на-земь... Всѣ повыходили,

. . . .

Остался старшій; взялъ ее
На руки — и унесъ съ собою...
Гдѣ жь ты, Ярема? Что съ тобою?
Прощай, счастливое житье!...
А онъ идетъ и распѣваетъ,
Какъ Наливайко ляха билъ;
Идетъ — и ничего не знаетъ...
Ушли поляки; чуть жива
Пропала съ ними и Оксана;
Собаки гдѣ-гдѣ по Вильшанѣ
Залаютъ... снова замолчатъ...
Бѣлѣетъ мѣсяцъ.... люди спятъ—
И ктиторъ спитъ... Не скоро встанетъ,
На вѣки, праведный, уснулъ!
Свѣча горѣла, погасла,
Погасла, — трупъ какъ бы вздрогнулъ...
И страшно въ хатѣ стало!...

ПРАЗДНИКЪ ВЪ ЧИГИРИНѢ.

Гетманы, гетманы, о еслибъ вы встали,
Встали, посмотрѣли на тотъ Чигиринъ,
Гдѣ вы на свободѣ, бывало, гуляли,
Заплакали бъ тяжко, — вы бы не узнали
Украинской славы убогихъ руинъ.
Базары, гдѣ войско, какъ яркое море
Передъ бунчуками, бывало, горитъ;
А ясновельможный на ворономъ конѣ
Блеститъ булавою — море закипитъ...
Закипитъ — и разлилося
Бурными рѣками;
Горе прочь бѣжитъ предъ ними,
А за козаками...
Да зачѣмъ объ этомъ думать?
Все уже минуло;
Все давно въ сырой могилѣ
Мертвымъ сномъ уснуло!
Вспомнишь давнее былое,
Вспомнишь — и заплачешь...

Ну, хоть взглянемъ на Чигиринъ
Когда-то козачій...
Изъ-за лѣса, изъ тумана
Мѣсяцъ выплываетъ,
Серебристымъ, яркимъ свѣтомъ
Степь не обливаетъ...
Будто знаетъ, что не надо
Людямъ его свѣта,
Что пожары всю Украйну
Безъ него освѣтятъ...
Потемнѣло; въ Чигиринѣ
Мрачно, какъ въ могилѣ...
(Такъ было по всей Украйнѣ,
Какъ ножи святили
Въ ночь, на праздникъ Маковея...)
Скучно въ Чигиринѣ!
Ни души нигдѣ не видно;
На густой осинѣ
Сова сидитъ, грустнымъ крикомъ
Поле оглашая...
Гдѣ же люди? Надъ Тясминомъ
Ихъ толпа большая.
Всѣ въ одно соединились:
Старые, ребята,—
Ожидаютъ, скоро-ль попы
Ихъ ножи освятятъ.
Средь темнаго лѣса, въ зеленой дубравѣ
На-привязи кони солому жуютъ;
Осѣдланы кони, давно ужъ готовы.
Куда-то поѣдутъ? Кого повезутъ?
А вотъ посмотрите, легли по долинѣ
Какъ-будто побиты... Все тихо кругомъ...
То все гайдамаки: на крикъ Украины
Орлы налетѣли... Съ заклятымъ врагомъ
Хотятъ побороться... Они разнесутъ
Ляхамъ, жидамъ кары;
За кровь и пожары
Адомъ гайдамаки ляхамъ отдадутъ.

Телеги съ острыми ножами

Подъ той дубравою стоять;
То нашей матушки подарокъ....
Успѣла что кому давать!...

Пронежъ возами негдѣ стать;
Какъ будто стая налетѣла
Съ Смолянщины, съ Чигирина
Козаковъ на святое дѣло...
Козачье панство важно ходитъ,
Въ жупанахъ чорныхъ — какъ одинъ,
И рѣчь несмѣлую заводитъ,
Украдкой глядя на Чигринъ.

СТАРШИНА ПЕРВЫЙ (*).

Старый Головатый что-то ужь слишкомъ привередничаетъ.

СТАРШИНА ВТОРОЙ.

Мудрая голова —сидитъ себѣ на хуторѣ, какъ-будто ничего не знаетъ, а глянешь—вездѣ Головатый. «Если самъ, говоритъ, не покончу, такъ сыну передамъ».

СТАРШИНА ТРЕТІЙ.

Ну, да и сынъ же штука!... Я вчера встрѣтился съ Желѣзнякомъ; такое разсказываетъ про него, что ну его!.,. «Кошевымъ, говоритъ, будетъ и только!... а можетъ еще, чего добраго, и гетманомъ, если тово...»

СТАРШИНА ВТОРОЙ.

А Гонта на что?... А Желѣзнякъ?... Къ Гонтѣ сама... сама писала: «Если, говоритъ....»

СТАРШИНА ПЕРВЫЙ.

Постой-ко, какъ-будто звонятъ!...

СТАРШИНА ВТОРОЙ.

Да нѣтъ, то говоръ людской...

СТАРШИНА ПЕРВЫЙ.

Вотъ договорятся, пока ляхи услышатъ... Эхъ! старыя головы, да разумныя!... Думаютъ, думаютъ — а сдѣлаютъ изъ топора шило (**). Промѣняютъ ремень на лыко.

(*) Проза въ оригиналѣ.
(**) Въ оригиналѣ: зъ леменя швайку.

Купили хрѣну—надо съѣсть; плачьте глаза, хоть повылѣзайте; видѣли, что покупали; деньгамъ не пропадать. А то думаютъ, думаютъ — ни туда, ни сюда... А ляхи догадаются—вотъ тебѣ и шишъ!... Что тамъ за сборище?... Отчего не звонятъ? Какъ заставишь народъ молчать?... Не десять душъ, а слава Богу вся Смолянщина, если не вся Украйна... Вонъ, слышите, поютъ.

СТАРШИНА ТРЕТІЙ.

Да, да, поетъ кто-то... Пойду остановлю.

СТАРШИНА ПЕРВЫЙ.

Оставь, не мѣшай; пускай себѣ поетъ, лишь бы не громко.

СТАРШИНА ВТОРОЙ.

Это вѣрно валахъ!... Не утерпѣлъ-таки, старый дуракъ; надо, и только.

СТАРШИНА ТРЕТІЙ.

А умно поетъ!... Когда ни послушаешь, — все разное. Подкрадемся, братцы, да послушаемъ, а тѣмъ временемъ зазвонятъ.

СТАРШИНЫ ПЕРВЫЙ и ВТОРОЙ.

А что жь, и въ самомъ дѣлѣ пойдемъ...

СТАРШИНА ТРЕТІЙ.

Коли идти—такъ идти.

(Старшины тихо становятся за дубомъ, а подъ дубомъ сидитъ слѣпой кобзарь; вокругъ его запорожцы и гайдамаки. Кобзарь поетъ медленно и не громко).

«Ой, волохи, волохи
Васъ осталось немного,
И вы, молдаваны,
Теперь вы не паны.
Ваши господари
Продались татарамъ,
Турецкимъ Султанамъ...
Въ оковахъ, въ оковахъ!...
Полно жь, не томитесь —
Богу помолитесь,
Да идите съ нами,
Съ нами-козаками.
Вспомните Богдана,
Стараго гетмана,
Будете панами,

Да, какъ мы съ ножами,
Съ ножами святыми
Да съ батькой Максимомъ
Ночку погуляемъ,
Ляховъ покачаемъ....
Да такъ погуляемъ,
Что адъ засмѣется,
Земля затрясется,
Небо запылаетъ —
Лихо погуляемъ!...»

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Лихо погуляемъ!... Правду говоритъ старый, если не вретъ... А какой бы изъ него кобзарь былъ, еслибъ не валахъ!...

КОБЗАРЬ.

Да я и не валахъ... Такъ только былъ когда-то въ Валахіи, а люди и зовутъ валахомъ — самъ не знаю за что.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Ну, да ладно!... хвати-ка еще какую-нибудь... А ну про батька Максима дерни...

ГАЙДАМАКЪ.

Да только не громко, чтобъ старшина не услышалъ.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

А что намъ вашъ старшина!... Услышитъ — такъ послушаетъ, коли есть чѣмъ слушать. У насъ одинъ старшина — батька Максимъ; а онъ какъ услышитъ, такъ еще цѣлковый дастъ. Пой, старина, не слушай его.

ГАЙДАМАКЪ.

Да оно такъ,братъ, такъ, — я это и самъ знаю; да вотъ что: *«не такъ бары, какъ барченки»* (*), или *«пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ.»*

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Пустяки!... Пой, пой, старина, какую знаешь, а то и звона не дождемся — уснемъ.

ВСѢ.

И въ-правду уснемъ; спой что-нибудь.

(*) Въ оригиналѣ: «не такъ паны, якъ пидпанки.»

КОБЗАРЬ (*поетъ*).

Ой летаетъ орликъ сизый
Да подъ небесами;
Ой гуляетъ Максимъ-батька
Темными лѣсами.
Ой летаетъ орликъ сизый,
А за нимъ орлята;
Ой гуляетъ Максимъ-батька,
А за нимъ ребята.
Тѣ ребята — запорожцы—
Атамàна любятъ:
Скажетъ слово — и за слово
Жизнь свою погубятъ.
Скажетъ слово — затанцуютъ,
Что земля трясется;
Запоетъ онъ — и зальются,
Что бѣда смѣется.
Медъ и водку не рюмкою
А ковшемъ черпаетъ;
А врага гдѣ только встрѣтитъ,
Бьетъ, не выжидаетъ.
Вотъ такой-то атаманъ нашъ,
Орликъ сизокрилый!...
И гуляетъ, и воюетъ
Всей козацкой силой.
Не имѣетъ ни хозяйства,
Ни пруда, ни сада —
Степь и море — все дорога,
Нѣтъ ему преграды.
Берегитесь же вы, ляхи,
Лютыя собаки:
Идетъ Максимъ *Чернымъ Шляхомъ* (*),
Съ нимъ и гайдамаки.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Вотъ это такъ! хватилъ, нечего сказать; и складно, и правда! Лихо, ей-Богу, лихо! Что хочетъ—то такъ и начнетъ. Спасибо, спасибо...

(*) Собственное имя — названіе дороги.

ГАЙДАМАКЪ.

Я немного не понялъ, что это онъ про гайдамаковъ пѣлъ?

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Какой же ты олухъ, право!.. Видишь, вотъ что онъ пѣлъ: чтобъ поганые ляхи, злыя собаки, каялись, потому что идетъ Желѣзнякъ Чернымъ Шляхомъ съ гайдамаками, чтобъ ляховъ, видишь, рѣзать.

ГАЙДАМАКЪ.

И рѣзать, и вѣшать! Славно, ей-богу, славно! Ну, вотъ это такъ!.. Непремѣнно далъ бы цѣлковый, если бы не пропилъ вчера! Досадно!.. Ну, *«пускай старая вязнетъ, больше мяса будетъ»*. Подожди, пожалуйста, завтра отдамъ... Дерни еще что нибудь про гайдамаковъ.

КОБЗАРЬ.

До денегъ я не слишкомъ падокъ. Лишь бы была охота слушать, буду пѣть, пока не охрипну; а охрипну — рюмочку, другую... и снова. Слушайте жь!

Ночевали гайдамаки
Въ зеленóй дубровѣ;
На веревкахъ пасли коней
Сѣдланыхъ, готовыхъ.
Ночевали разъ поляки
Въ кабакахъ съ жидами.
Напились всѣ, протянулись,
Да и....

ВСѢ.

Подожди-ка... тсс!.. Какъ будто звонятъ... Слышишь? еще разъ... о!..

КОБЗАРЬ.

Зазвонили — загорѣлся
Мѣсяцъ въ поднебесьи;
Идите жь вы, да молитесь:
Допою я пѣсни.

Повалили гайдамаки—
Стонетъ вся దуброва;
А они несутъ на плечахъ
Телеги воловьи,

Чтобъ не слышно... А за ними
Слѣпой Валахъ снова:
«Ночевали гайдамаки
Въ зеленой дубровѣ...»
— «Ну, другую, человѣче!»
Съ возами на плечахъ
Кричатъ ему гайдамаки.
— «Ладно, ладно — на-те!»
«Вотъ такъ, вотъ такъ! Лихо, любо!
Ну-те-ко, ребята,
Хватимъ разомъ!»
Земля гнется,
А онѝ съ возами
Такъ и рѣжутъ! Дѣдъ играетъ,
Додаетъ словами:
«Ой гопъ такъ-и-такъ!..
Зоветъ дѣвицу козакъ:
«Иди, Гандзя, поцалую,
Иди, Гандзя, пошучу я;
Пойдемъ, Гандзя, до попа
Богу помолиться.
Нѣту жита ни снопа,
Вари вареницы...»
Обвѣнчался — да и горе!
Хлѣба не хватаетъ;
Дѣти босые, — козакъ же
Пѣсни распѣваетъ:
«И по хатѣ ти-ни-ни,
«И по сѣнямъ ти-ни-ни,
«Ты пеки, жена, блины,
«Ти-ни-ни, ти-ни-ни!..»

«Славно, славно!.. Ну, еще разъ!»
Кричатъ гайдамаки.

«Ой гопъ, вотъ такъ диво!
Наварили ляхи пива;
Мы же будемъ продавать,
Польскихъ пановъ угощать;
Мы то пиво разопьемъ,

Красныхъ дѣвокъ соберемъ...
Ой гопъ, такъ-и-такъ!
Кличетъ панну козакъ:
«Панна, пташка моя!
«Панна, доля моя!
«Не стыдися, дай мнѣ ручку,
«Пѣсенку затянемъ;
«Пускай людямъ горе снится,
«Мы его вспомянемъ:
«Пѣсенку затянемъ,
«Въ пѣсенкѣ вспомянемъ...
«Панна, пташка моя!
«Панна, доля моя!...»

— Еще разъ, еще разъ!...

— «Еслибъ таки, или такъ, или сякъ,
Хоть бы былъ онъ запорожскій козакъ,
Хоть бы былъ онъ молодой, молодой,
Чтобъ по хатѣ разъ прошелся онъ со мной
Я и то — хоть не хотѣлось —
Съ старымъ дѣдомъ засидѣлась!
Хоть бы былъ онъ...»
— «Тсс! цыцъ! Опомнитесь, безумцы!
Ишь расходились какъ!.. А ты,
Собака старый, средь молитвы
Поешь тутъ пѣсни! Вотъ скоты!..»
Кричитъ атаманъ... Осмотрѣлись:
Предъ ними церковь; дьякъ поетъ,
Попы съ кадилами, съ кропиломъ...
Нигдѣ, ничто не шелохнетъ,
А ни гу-гу! Промежь возами
Попы съ кропилами пошли,
Хоругви съ ними понесли:
Точь-въ-точь Христово Воскресенье...
«Молитесь, братья, для спасенья...»
Такъ благочинный начиналъ:
«Господь намъ крестъ въ защиту далъ;
Украйну вы обороняйте,
Не дайте матери, не дайте

Въ рукахъ тирана пропадать!
Отъ Конашевича доселѣ
Пожаръ не гаснетъ, люди мрутъ
Въ сырыхъ подвалахъ... А сыны-то
Неокрещенные ростутъ,
Козачьи дѣти! Да и дочки,
Земли Украинской краса,
У ляховъ гибнутъ, одиночки,
И непокрытая коса
Стыдомъ сочится; кари-очи
Въ неволѣ гаснутъ; расковать
Козакъ сестру свою не хочетъ,
Не стыдно самому конать
Въ плѣну у ляха... Горе, горе!..
Молитесь, дѣти! Страшный судъ
Въ Украйну ляхи принесутъ —
И зарыдаютъ рѣки, горы...
Вспомянемъ праведныхъ гетмановъ.
Гдѣ ихъ могилы? Гдѣ лежитъ
Прахъ незабвеннаго Богдана?
Гдѣ Остраницына стоитъ
Хоть бы убогая могила?..
Гдѣ Наливайки, — гдѣ она?
Его и мертваго палили.
Гдѣ тотъ Богунъ, гдѣ та зима?..
Ингулъ зимою замерзаетъ —
Богунъ не встанетъ завалить
Враговъ тѣлами... Ляхъ гуляетъ!..
Богдана нѣтъ, чтобы залить
Окрестность вражескою кровью;
Тоскуетъ Корсунь стародавній,
Знать, не съ кѣмъ горе раздѣлить;
И Альта плачетъ: «Тяжко жить мнѣ,
«Я сохну, вяну... Гдѣ Тарасъ?
«Его не слышно... не гуляетъ!..»
Не плачьте, братіе, — за насъ
И души праведныхъ, и сила
Архистратига Михаила.
Не за горами кары часъ,
Молитесь, братія!..»

Молились,
Молились жарко козаки,
Какъ дѣти малые... а сбылось:
Надъ ихъ могилами—платки (*).
Лишь одна осталась слава,
Что платокъ бѣлѣетъ,
И тотъ сникутъ...
А діаконъ:
«Пусть врагъ околѣетъ!
«Разбирайте ножи живо,
«Ихъ ужь освятили!..»
Звонъ и радостные крики
Воздухъ огласили...
Освятили, освятили!..
Шляхты нѣтъ въ поминѣ!
Разобрали, заблистали
По всей Украинѣ...

ТРЕТЬИ ПѢТУХИ.

Еще день грабили Украйну
Жиды съ поляками... Одинъ
Денекъ послѣдній лишь страдали
И Украина и Чигринъ.
И тотъ минулъ — день Маковея...
День незабвенный козаковъ;
Минулъ — и, жизни не жалѣя,
Возстали тысячи головъ.
Враги Украйны горевали,
Что больше нечего имъ взять,—
А гайдамаки, молча ждали,
Пока поляки лягутъ спать.
Враги уснули — и не знали,
Что завтра имъ ужь не вставать...
Одни жиды лишь не ложились:
Они надъ деньгами возились,

(*) Народный обычай: На кладбищахъ, гдѣ козаковъ хоронятъ вмѣстѣ съ крестьянами, надъ могилами первыхъ, для отличія, вѣшаютъ платки.

Въ потьмахъ считая барыши...
И тѣ на золото легли
И сномъ нечистымъ задремали...
Дремлютъ... Не пришлось бы долго имъ дремать!
А той порой мѣсяцъ, по ясной лазури
Плыветъ — и глядитъ онъ на землю, на море,
И слушаетъ рѣчи про радость, про горе,
Чтобъ Богу на утро про все разсказать...
Онъ свѣтитъ далеко, на всю Украину —
Да, знать, не увидитъ мою сиротину
Оксану-голубку... Гдѣ теперь она?
Видно истомилась, бѣдная, одна!..
Такъ ли, какъ и прежде, пѣсенки воркуетъ?..
Знаетъ ли Ярема, знаетъ-ли онъ, чуетъ?..
То послѣ увидимъ... Теперь же не ту,
Не ту запою я, другую сыграю;
Бѣда, а не дѣвки начнутъ танцовать.
Невзгоду пою я козацкаго края;
Слушайте-жь, чтобъ дѣтямъ потомъ разсказать,
И дѣти, чтобъ знали, сынамъ разсказали,
Какъ шляхту козаки жестоко карали,
Что та не умѣла свой вѣкъ доживать.
Волновалась Украина,
Долго волновалась;
Долго, долго кровь степями
Моремъ разливалась.
Разливалась — и высохла...
Степи зеленѣютъ;
Лежатъ дѣды, а надъ ними
Насыпи синѣютъ.
Хоть могилы тѣ высоки,
Да никто не знаетъ,
И никто, никто слезами
Ихъ не обливаетъ;
Лишь порою вольный вѣтеръ
Жалобно завоетъ,
Да роса лишь ихъ слезами
Свѣтлыми умоетъ.
Взойдетъ солнышко — тѣ слезы
Высушитъ, пригрѣетъ;

Внуки дѣдовъ позабыли,
Въ полѣ жито сѣютъ.
Много тамъ ихъ; а кто скажетъ
Гонты гдѣ могила?
Мученика праведнаго
Гдѣ похоронили?..
Гдѣ Максимъ съ душой открытой,
Гдѣ онъ почиваетъ?..
Тяжко, грустно!.. Никто, никто
Ихъ могилъ не знаетъ!..
Волновалась Украина,
Долго волновалась:
Долго, долго кровь степями
Моремъ разливалась.
День и ночь палятъ изъ пушекъ,
Земля стонетъ, гнется;
Тяжко, больно, — а какъ вспомнишь,
Сердце усмѣхнется!..
Мѣсяцъ ты мой ясный, спрячься на ночь эту,
Спрячься хоть за гору, намъ не надо свѣту;
Страшно тебѣ будетъ, хоть ты видѣлъ Рось,
И Альту, и Сену — и тамъ разлилось,
И крови кипѣло широкое море...
А нынче, что будетъ!.. Такъ спрячься жь за гору,
Чтобъ плакать на старость тебѣ не пришлось!..
Тускло, мрачно середь неба
Свѣтитъ блѣднолицый;
Вдоль Днѣпра козакъ плетется—
Можетъ, съ вечерницы.
Онъ плетется грустный, мрачный,
Еле тащитъ ноги...
Знать козачка разлюбила
За то, что убогій.
Нѣтъ, его козачка любитъ,
Хоть онъ весь въ заплатахъ;
Чернобровый, — а вернется,
Станетъ жить въ палатахъ.
Что жь такой онъ невеселый,
Грустный, чуть не плачетъ?..
Можетъ, тяжкой непогоды

Сердце ждетъ козачье...
Чуетъ сердце, да не скажетъ,
Что за горе будетъ...
Минетъ горе... А вкругъ будто
Вымерли всѣ люди...
Нѣтъ ни птицы, ни собаки.
Даже сердце ноетъ,
Какъ порой, за темнымъ лѣсомъ,
Сѣрый волкъ завоетъ...
Все равно!... Идетъ Ярема,
Да не на свиданье,
Не въ Вильшану, а въ Черкасы,
Въ вольное изгнанье,
Противъ ляховъ... Скоро третій
Пѣтушокъ зальется,
А тамъ... а тамъ... У Яремы
Сердце сильно бьется.
«Охъ, ты Днѣпръ родимый, сильный, да могучій!..
Много ты козацкой крови въ море снесъ...
Вражескіе трупы вваливались кучей
Въ пурпурныя воды. . Все ты морю несъ.
А ему казалось это данью малой;
Въ эту ночь упьется; праздникъ небывалый
Закипитъ въ Украйнѣ... Скоро будетъ онъ:
Огласитъ всю землю страшный, страшный стонъ....
Оживутъ гетманы въ золотомъ жупанѣ,
Счастье намъ проглянетъ... каждый запоетъ:
«Нѣтъ жидовъ и ляховъ...» А въ степяхъ Украйны
(Помоги намъ, Боже) булава блеснетъ!...»
Такъ думалъ Ярема, идя по долинѣ
Въ изорванной свиткѣ съ *свяченымъ* въ рукахъ;
А Днѣпръ словно слышалъ: широкій, да синій
Горой волновался... Въ густыхъ тростникахъ
Реветъ, стонетъ, завываетъ,
Лозы нагиная;
Громъ... и молнія сверкаетъ,
Тучу раздирая...
Да для бѣднаго Яремы,
Ничего не значитъ:
Одна душушка смѣется,

А другая плачеть.
Тамъ Оксана... тамъ и въ свиткѣ
Позабудешь горе;
А тутъ... а тутъ... что тутъ будетъ?
Пропаду я скоро!
А порой той крикъ пѣтушій
Раздался уныло;
«А Черкасы!... Близко, близко...
Господи помилуй!...»

КРОВАВЫЙ ПИРЪ. (*)

Зазвонили на Украйнѣ,
На всемъ на просторѣ;
Закричали гайдамаки:
«Горе шляхтѣ, горе!
Гибнетъ шляхта! погуляемъ —
Всѣмъ намъ будетъ дѣло!...»
Завылала Смолянщина,
Туча заалѣла;
Всѣхъ Медвѣдевка скорѣе
Тучу нагрѣваетъ,
Смола горитъ, Смолянщина
Кровью подплываетъ.
Горитъ Корсунь, горитъ Каневъ,
Чигиринъ, Черкасы,
По дорогѣ все пылаетъ —
И кровь полилася
До Волыни... На Полѣсьѣ
Гонта пиръ справляетъ;
А Желѣзнякъ въ Смолянщинѣ
Саблю вынимаетъ;
И Ярема тамъ гуляетъ
Средь гостей незванныхъ...
«Такъ ихъ, такъ ихъ!.. Славно, дѣтки,
«Такъ ихъ окаянныхъ!...
«Ай да дѣтки!..» на базарѣ

(*) Въ оригиналѣ: «Червоный»,—буквальный переводъ «Красный».

Батька понукаетъ...
Адъ кругомъ; а гайдамаки
Пò-аду гуляютъ.
А Ярема — страшно глянуть!—
Какъ солому валитъ...
Такъ и рубитъ!. «Славно, сынъ мой!
Богъ тебя похвалитъ!
Бей ихъ, бей ихъ! будешь въ раѣ;
Нѣтъ, — такъ эсауломъ...
Ну, ребята!» Степь далеко
Огласилась гуломъ:
Разбрелися гайдамаки,
Разбрелися всюду,
Всѣхъ уклали, все забрали...
«Ну, ребята — будетъ!—
«Вы устали отдохните!.»
Улицы, базары—
Все покрыто было кровью.
«Мало ляхамъ кары!..
«Надо ихъ совсѣмъ замучить,
«Чтобъ не повставали
«Дѣти дьявола, собаки!..»
На базаръ сбирались
Гайдамаки. А Ярему
Старшій подзываетъ:
— Эй, поди сюда, не бойся—
Я не испугаю...
— «Не боюсь я..»
Снявши шапку,
Сталъ, какъ передъ паномъ...
—Ты откуда? кто такой ты?
«Я? изъ Вильшаны...»
— Изъ Вильшаны, гдѣ ктитора
Ляхи доканали?.
«Гдѣ! какого?..»
—Да въ Вильшанѣ;
Говорятъ, украли
Дочь его, коли знавалъ ты...
«Дочь его? въ Вильшанѣ?»
— Да, у ктитора, въ Вильшанѣ...

«Охъ, моя Оксана! ..»
Еле вымолвилъ Ярема,
Повалившись долу...
— А! смотри, какая штука!
Подними, Микола!..
Подняли, очнулся.— «Батька,
Чтò я не сторукій?
Дайте ножъ мнѣ, дайте силу—
Муки ляхамъ, муки!.
Муки имъ! чтобъ подземелье
И тряслось и млѣло!»
— Славно, парень, — ножикъ будетъ
На святое дѣло!—
Вотъ пойдемъ-ко, братъ; въ Лисянкѣ
Знать себя дадимъ мы!..
— «Хоть сейчасъ идемъ, голубчикъ,
Мой отецъ родимый!..
Полечу на край я свѣта,
Полечу, достану.
На край свѣта. — Да ужь видно
Не сыщу Оксану!..»
Богъ дастъ сыщешь!.. А какъ тебя
Зовутъ, прозываютъ?
— «Яремою...»
— А прозванье?
«Я и самъ не знаю...»
— «Ну, да ладно!.. Безъ прозванья
Запиши Микола
Въ этотъ списокъ... Пусть онъ будетъ...
Ну, пускай хоть Голый...
— Нѣтъ, не надо, это скверно!
— Такъ пиши... Бѣдою...
— Все не такъ... Постой-ка... Пусть онъ
Будетъ Галайдою...»
Записали.
«Ну, Галайда,
Лихо погуляемъ!
Сыщешь долю... А не сыщешь,—
Наградитъ Богъ раемъ.»
И Яремѣ дали лошадь

Лишнюю съ обоза;
Сѣлъ верхомъ... и улыбнулся,
Да и снова въ слезы.
Отъѣхали, оглянулся—
Пылаютъ Черкасы...
— «Всѣ ли, дѣтки?...»
— Всѣ, родимый!...
«Съ Богомъ!...» Протянулась
Вдоль Днѣпра козаковъ смѣлыхъ
Братчина большая...
А за ними старый кобзарь,
Братьямъ не мѣшая,
Ѣдетъ вслѣдъ и тихо, подъ носъ
Пѣсню запѣваетъ:
«Гайдамаки, гайдамаки,
«Желѣзнякъ гуляетъ!...»

Потянулись... а Черкасы
Пуще все пылаютъ...
Все равно! Никто не смотритъ,
Всѣ лишь шляхту лаютъ;
Кто съ сосѣдомъ лясы точитъ,
А кобзарь играетъ...
Желѣзнякъ же молодецки
Молча выступаетъ.
Идетъ тихо, куритъ трубку,
Никому ни слова...
А за нимъ нѣмой Ярема:
Темная дуброва,
Лѣсъ густой, и Днѣпръ широкій,
Высокія горы,
Небо, звѣзды, слава, люди,
Даже злое горе—
Все пропало!... Ничего онъ
Словно знать не знаетъ;
Сердце ноетъ; а бѣдняга
Слезъ не проливаетъ...
Нѣтъ, не плачетъ; горе жадно,
Жадно выпиваетъ
Его слезы, давитъ душу,

Сердце раздираетъ.
«Охъ, горючія вы слезы,
«Смоете вы горе,
Смойте его... Тяжко, трудно!...
И синяго моря,
И Днѣпра, чтобъ горе вылить,
И Днѣпра не станетъ...
Погублю свою я душу...
Оксана, Оксана!...
Гдѣ ты, гдѣ ты? Что съ тобою,
Милая, родная?...
Посмотри ты на Ярему,
Поцалуй, лаская!...
Можетъ, трудно ей, бѣдняжкѣ,
Трудно — умираетъ,
Иль у барина... въ оковахъ
Жизнь свою кончаетъ,
Вспоминая край родимый,
Милую Вильшану,
И меня зоветъ: «голубчикъ,
Обними Оксану!...
Обними меня сильнѣе,
Мой желанный, милый...
Гдѣ ты? Гдѣ ты?... Жизнь на свѣтѣ
Безъ тебя постыла...
Вѣтеръ вѣетъ, завываетъ,
Гнетъ тополю въ полѣ...
И дѣвица гнется молча,
Гнетъ куда недоля,.
Потоскуетъ, и поплачетъ —
Забудетъ... А можетъ,
Ходитъ барыней спѣсивой...
Ляхъ же... Боже, Боже!...
Покарай на вѣки душу,
Вылей муки море,
Погуби меня на вѣки...
Да не этимъ горемъ
Губи сердце... разорвется,
Хоть было бы камень.
Доля моя, сердце мое,

Оксана, Оксана!...
Гдѣ ты дѣлася, подѣлась?...»
И хлынули слезы;
Сильно, сильно полилися,
Гдѣ онѣ взялися!...
А Максимъ велитъ ребятамъ
Въ лѣсѣ становиться...
«Въ лѣсъ, ребята, ужь свѣтаетъ...
«Лошади устали...»
Всѣ тихонько въ темномъ лѣсѣ
Отдохнуть пристали...

ГУПАЛИВЩИНА (*).

Взошло солнце. Украина
Гдѣ пылала, тлѣла;
Кой-гдѣ шляхта по хоромамъ
Запершись—горѣла.
Всюду въ селахъ висѣлицы
Заняты тѣлами,
Только старшихъ.... Остальные жь
Такъ лежатъ гурьбами.
На улицахъ, на распутьяхъ
Собаки и птицы
Ѣли шляхту и гуляли
По нечистымъ лицамъ.
И никто не защититъ ихъ:
Дѣти да собаки
Лишь остались... Жены тоже
Пошли въ гайдамаки.
Вотъ бѣда была какая
Страшная, когда-то...
Хуже ада!... Ну, за что же
Братъ идетъ на брата?
Вѣдь у всѣхъ одинъ отецъ былъ...
Жить бы, веселиться!...
Не умѣли, не хотѣли —

(*) Отъ слова «гупать»: бить, стучать.

Надо побраниться!...
Надо крови брата, крови,
Потому — у брата
И добра всего довольно,
И не скучно въ хатѣ...
«Убьемъ брата, спалимъ хату!...»
Сказали — и сталось!...
Все бъ, казалось... Нѣтъ, на горе
Сироты остались.
Росли въ слезахъ, и выросли!
Связанныя руки
Развязались — и кровь за кровь,
И муки за муки...
Больно сердцу, какъ вспомянешь,
Сколько ужь убито!...
Кто жь виновенъ въ этомъ дѣлѣ?
Ксендзы, езуиты.

Проходили гайдамаки
Темными лѣсами:
А за ними и Ярема
Съ горькими слезами.
Ужь Ворòновку минули,
Вèрбовку; въ Вильшану
Пріѣхали... «Спросить развѣ,
Спросить про Оксану?
Не спрошу, чтобы не знали,
За что пропадаю...»
А порой той гайдамаки
Вильшану минаютъ.
Обратился къ ребятишкамъ:
«Ктитора убили?»
— «Нѣту, дядя; мы слыхали,
Что его спалили
Тѣ—вонъ ляхи, что лежатъ тамъ;
И дочь утащили;
А ктитора на кладбищѣ
Мы похоронили...»
Не дослушалъ... «Неси, конь мой!...»
И поводья кинулъ;

«Что вчера, пока не зналъ я;
Съ ляхами не згинулъ!..
А сегодня, хоть умру я,—
И изъ гроба встану
Мучить ляховъ... Охъ, моя ты
Бѣдная Оксана!...
Гдѣ ты?..» Голову повѣсилъ
И шажкомъ плетется...
Тяжко, трудно сиротинкѣ
Съ горемъ побороться...

Между тѣмъ и Боровиковъ
Хуторокъ минаютъ;
А корчма, гдѣ жилъ Ярема,
Тлѣетъ, догораетъ.
Усмѣхнулся мой Ярема,
Тяжко усмѣхнулся!...
Здѣсь предъ Лейбой сиротина
Такъ недавно гнулся,
А сегодня... И жаль стало,
Что бѣда минула!...
Гайдамаки же съ дороги
Влѣво повернули...
И нагнали словно парня
Въ бѣдной, старой свиткѣ,
И въ заплатахъ... Вся одежа—
Ниточка на ниткѣ.
— Слушай, дѣдушка, постой-ко!
— «Что на старыхъ падки!
Я не дѣдъ, а гайдамака...»
— У, какой же гадкій!
Ты откуда?
— «Съ Кириловки...»
— Что, Будища знаешь,
И озеро тамъ же, близко...
— «И озеро знаю...
Тамъ оно; ступайте прямо,
Ѣхать вамъ ужь мало...»
— Что, сегодня ляховъ видѣлъ?
— «Нѣту, не бывало;

Вотъ вчера такъ пропасть было!...
Воду не святили,
Все кѣрпали... Да за то жь ихъ
Лихо и побили!...
Вотъ и я валялъ *свяченымъ*
Эту чертовщину;
Мать больна, а тоже лѣзла...»
— Ай да молодчина!...
На жь возьми себѣ на пряникъ,
Будетъ на дорогу...
Взялъ червонецъ... удивился...
— «Ну, ребята, съ Богомъ!...
Да потише, не шумите...
Галайда, за мною!...
Есть здѣсь озеро большое,
Роща подъ горою;
Какъ къ тому подъѣдемъ лѣсу,
Чтобъ кругомъ всѣ стали...
Тамъ добро есть; можетъ, ляхи
Наблюдать остались
За добромъ тѣмъ...» Пріѣхали
И вкругъ лѣса стали;
Смотрятъ... словно ни души нѣтъ.
— «Чтобъ ихъ черти взяли!...
Ишь они гдѣ, будто груши...
Ну-ка сбей, ребята!...
Да живѣе... Такъ ихъ, такъ ихъ!...»
И конфедераты,
Точно сгнившія на вѣткахъ
Груши, посладали.
Живо справились козаки:
Погреба сыскали
И добро въ нихъ повытрясли
Всѣ мошны у ляховъ...
Да и снова потащились
Колотить поляковъ...

ПИРЪ ВЪ ЛИСЯНКѢ.

Вечерѣло; изъ Лисянки
Ярко засвѣтило:
Это Гонта съ Желѣзнякомъ
Трубки закурили.
Страшно, страшно закурили!
Въ адѣ не умѣютъ
Такъ курить. Рѣка далеко
Кровію алѣетъ,
Кровью шляхетской, жидовской;
А надъ ней пылаютъ
Избы, барскія хоромы;
Доля, знать, караетъ
И вельможу, и бѣднягу...
А середь базара
Желѣзнякъ съ удалымъ Гонтой
Кричатъ: «Ляхамъ кары!..
Чтобъ покаялись собаки!...»
И сынки караютъ.
Стонъ и плачъ!... Одинъ врагъ проситъ,
Этотъ проклинаетъ,
Тотъ предъ братомъ, ужь убитымъ,
Душу открываетъ.
Словно смерть, не уважаютъ
Ни годовъ, ни рода:
Кровь полячки и жидовки
Вмѣстѣ льется въ воду...
Ни больнаго, ни калѣки,
Даже и дѣтины
Не осталось; не уняли
Жажды злой годины.
Всѣ легли, на вѣкъ уснули
Въ этомъ адскомъ знoѣ;
А пожаръ сильнѣй пылаетъ,
Разгорѣлся вдвое;
И широкими огнями
Тучу нагрѣваетъ...

А Ярема то-и-дѣло
Ляховъ проклинаетъ.
Мертвыхъ рѣжетъ... Видно, сильно
Злоба разобрала:
«Дайте ляха, дайте жида:
Мало все мнѣ, мало!—
Дайте ляха, дайте крови
Наточить съ поганыхъ!...
Море крови... Мало моря...
Охъ, моя Оксана,
Гдѣ ты?...» крикнетъ и исчезнетъ
Въ полыми пожара.
А порой той гайдамаки
Столы вдоль базара
Посбирали; несутъ явству
Гдѣ что понабрали,
Чтобы засвѣтло поужинать;
«Тѣшься!» заорали.
Всѣ усѣлись; а кругомъ ихъ
Словно адъ алѣетъ,
И въ аду томъ на стропилахъ
Труповъ рядъ чернѣетъ...
Загораются стропилы
И валятся съ ними:
«Пейте дѣтки, пейте, лейте;
Съ барами такими
Можетъ снова мы сойдемся,
Снова погуляемъ!...»
И Максимъ горѣлки кружку
Разомъ осушаетъ.
«За проклятые тѣ трупы
Выпьемъ, братцы, снова!...
Выпьемъ, Гонта, выпьемъ ради
Праздника такова.
Можетъ, долго не сойдемся
Въ задушевной парѣ...
Гдѣ жъ Валахъ нашъ? позовите
Поскорѣй кобзаря!
—«Пой не дѣдовъ—ихъ не хуже
Сами мы караемъ;

Пой не горе — вѣдь его мы
Знать совсѣмъ не знаемъ...
Ты хвати, братъ, веселѣе,
Чтобъ земля ломилась—
Про вдовицу молодую,
Какъ она томилась...»

(КОБЗАРЬ ИГРАЕТЪ, ПРИПѢВАЯ).

«Отъ села до села
Музыка и танцы,
Отдала за башмаки я
Курицу и яйца.
Отъ села до села
Баба расплясалась:
Ни коровы, ни вола —
Лишь изба осталась.
Я отдамъ, я продамъ
Куму ту избу;
Я куплю, я куплю
Будочку сторонкой.
Продавать, торговать
Буду ведерцами,
Танцовать, да гулять
Буду съ молодцами.
Охъ вы дѣтки мои,
Умныя головки,
Посмотрите, какъ танцуетъ
Матушка въ обновкѣ.
Сама въ наймы пойду,
Дѣтокъ въ школу отдамъ,
Башмачкамъ же, что купила,
Лихо тренку задамъ...»
— «Славно, славно!.. Ну-ка къ танцамъ!..
Мѣсто для кобзаря!..»
И слѣпой кобзарь въ присядку
Дернулъ по базару.
«Что жь, братъ Гонта, дернемъ вмѣстѣ,
Дернемъ, братецъ, что-ли?...
Ну, въ присядку!.. Вѣдь покамѣсть
Не отняли воли!...

«Не дивитесь, чернобровки,
Что я оборвался;
Мой отецъ все дѣлалъ гладко, —
Я въ него удался...»
— Лихо, любо! — Ей же Богу!..
Ну, — теперь Максиму...»
— «Подожди-ка!...»
«Вотъ такъ твори, какъ я творю,
Люби дочку — не гляди чью:
Хоть попову, хоть дьякову,
Хоть и просто мужикову.»
Все танцуетъ. Что жь Ярема
Грустенъ такъ, бѣдняжка?
Сидитъ молча, одиноко,
Да рыдаетъ тяжко,
Какъ ребенокъ... Ну, чего бы?...
И въ цвѣтномъ кафтанѣ
Есть и золото, и слава? —
Плачетъ по Оксанѣ.
Не съ кѣмъ счастьемъ подѣлиться,
Какъ домой вернется;
Одинокимъ, сиротою
Умирать прійдется...
Плачетъ горько — и не знаетъ,
Что его Оксана
На томъ берегѣ, за рѣчкой,
Въ комнатахъ съ панами;
Съ тѣми самыми ляхами,
Что отца убили!..
(Что, злодѣи, людоѣды,
Много вы добыли?
Изъ-за стѣнъ теперь глядите,
Какъ судьба караетъ
Вашу братью?) Тамъ Оксана
Друга поджидаетъ,
Грустно глядя на Лисянку;
«Гдѣ-то мой желанный?»
Горько думаетъ... Не знаетъ,
Что онъ, безталанный,
Здѣсь... въ Лисянкѣ; и не въ свиткѣ,

А въ цвѣтномъ жупанѣ,
И томится, и крушится
Все по ней, Оксанѣ.
«Ґдѣ она, моя голубка,
Бѣдненькая, плачетъ?
Горько, больно!» А изъ лѣсу
Въ одеждѣ козачьей
Кто-то крадется...
— «Кто это?»
Парень окликаетъ;
— «Я посланникъ пана Гонты...
Пусть онъ погуляетъ,
Я дождуся...»
— «Не дождешься,
ерзкій жидъ, собака!»
— «Богъ съ тобою! Что за жидъ я,
Видишь — гайдамака;
Вотъ копѣйка; посмотри-ко,
Всякъ меня здѣсь знаетъ...»
— «Ладно, ладно!»—и свяченый
Ножикъ вынимаетъ.
— «Признавайся, жидъ проклятый,
Гдѣ моя Оксана?...»
Замахнулся...
— «Что вы? Боже!
Въ комнатахъ... съ панами...
Вся въ золотѣ...»
— «Выручай же,
Выручай, проклятый!»
— «Ладно, ладно... Да какой же
Стали вы завзятый!
Живо выручу Оксану,
Деньги все ломаютъ! —
Скажу ляхамъ: вмѣсто Папа...
Ну, а какъ узнаютъ?!
— Мнѣ-то что?
— «Иду, иду я...
Гонту забавляйте
Хоть немного; а тамъ пусть ихъ!..
Вы же погуляйте...

Привезти куда Оксану?»
— Въ Лебединъ скорѣе!
«Ладно, ладно!» — И Ярема
Сталъ повеселѣе.

Желѣзнякъ взялъ въ руку кобзу;
«Гляньте на кобзаря:
Я сыграю, онъ станцуетъ
Лихо на базарѣ!»
Замахалъ кобзарь ногами,
Приговаривалъ словами:
«Въ огородѣ ростетъ макъ, ростетъ макъ!
Чѣмъ тебѣ я не козакъ, не козакъ?
Чѣмъ тебя я не люблю, не люблю,
Иль тебѣ я черевичковъ не куплю?..
Накуплю всего, родная,
Распотѣшу, дорогая...
Буду, сердце, холить,
Буду, сердце, любить...»

«Ой гопъ-гопака!
Полюбила козака,
Да рябаго, да сѣдаго,
Знать ужь долюшка горька!
Иди жь, доля, за тоскою,
Ты же, старый, за водою:
Я—такъ прямо до шинка.
Выпью чарку, и другую,
Третью, пятую, шестую...
Расплясалася въ конецъ!
А за бабой молодецъ.
Дѣдъ горбатый бабу кличетъ —
Баба дѣду кукишъ тычетъ...
Коль женился, сатана,
Накупи ты мнѣ пшена;
Надо дѣтокъ покормить,
Платьемъ плечики прикрыть,
И себя не позабыть.
Ты же, старый, не грѣши,
Нашихъ дѣтокъ колыши,
Да молчи, не дыши.

«Какъ была я молодою да озорницею,
Я повѣсила передникъ надъ оконницею;
Кто идетъ — не минетъ:
То кивнетъ, то моргнетъ...
А я шелкомъ вышиваю
Да въ окошечко моргаю:
Охъ, Семены да Иваны!
Надѣвайте вы кафтаны,
Да со мной гулять идите,
Пляски, пѣсни заводите...»

«И... гу!..
Согнулъ батька дугу,
Мать веревочкой стяни,
Дочка узелъ затяни...»

— «Ну, довольно, кричитъ Гонта,
Будетъ, — погасаютъ
Ужь огни... А гдѣ же Лейба,
Гдѣ онъ пропадаетъ?
Отыскать бы, да повѣсить
То свиное рыло!..
Съ Богомъ, дѣтки, въ путь-дорогу,
Чтобъ не темно было!..»
А Ярема: «Погуляемъ,
Погуляемъ, батька!..
Ишь, горитъ какъ; на базарѣ
И свѣтло, и гладко.
Потанцуемъ, пусть играетъ...»
— «Нѣтъ, конецъ пирушкѣ!
Огня, дѣтки, дегтю! Живо
Заряжайте пушки.
Все зажжемъ; ни мѣсть, ни рода
Мы не разбираемъ!..»
Заревѣли гайдамаки:
«Ладно, батька, знаемъ!..»
Повалили черезъ рѣчку,
Пѣсни распѣвая.

А Ярема: «Стойте, братцы...
Стойте, пропадаю!
Подождите — не убейте
Тамъ мою Оксану...
Хоть минуточку, родные!
Я ее достану...»
— «Ладно, ладно!.. Желѣзнякъ, братъ,
Крикни, чтобъ палили...
Что тутъ много чваниться съ ляхами!..
Ты же, сизокрылый,
Сыщешь лучше...» Оглянулся —
Парня не встрѣчаетъ;
Ревутъ горы — а хоромы
Съ ляхами гуляютъ
Подлѣ тучи... Что осталось —
Мигомъ запылало.
«Гдѣ Ярема?» А Яремы
И слѣда не стало...

Пока ребята забавлялись,
Ярема съ Лейбою пробрались
Въ хоромы, а изъ нихъ въ подвалъ.
Оксану тамъ Ярема взялъ...
Бѣдняжка еле ужь дышала,
И ничего не понимала —
И въ Лебединъ...

ЛЕБЕДИНЪ.

«Я сиротка изъ Вильшаны,
Добрая бабуся;
Ляхи тятеньку убили,
А меня... боюся,
Боюсь вспомнить, дорогая, —
Увезли съ собою!..
Не разспрашивай, родная,
Что было со мною...
Я молилась, и рыдала,
Сердце разрывалось,

Сохли слезы, душа ныла....
Охъ, когда бъ я знала,
Что увижусь съ нимъ еще разъ,
Поцалую снова —
Вдвое, втрое пострадала бъ
За одно лишь слово...
Извини, моя голубка,
Можетъ, я грѣшила,
Можетъ, Богъ за то караетъ,
Что я полюбила —
Полюбила станъ высокій
И карія очи;
Полюбила — какъ умѣла,
Какъ сердечко хочетъ.
И въ неволѣ не за тятю
День и ночь молилась, —
Нѣтъ, родна́я, я по миломъ
Плакала, томилась...
За грѣхи мои такіе
Богъ меня не любитъ...
Я ужь думала, что горе
Жизнь мою погубитъ.
Я бы, можетъ быть, и душу
На̀-вѣки сгубила...
Трудно было!.. Я думала:
«Го́споди мой милый!
Онъ сиротка; кто жь бѣдняжку
Въ горѣ приласкаетъ?
Кто о счастьѣ, о несчастьѣ
Сердцемъ угадаетъ?
Кто, какъ я, его обниметъ,
Душу кто покажетъ,
Кто убогому сироткѣ
«Люблю тебя» скажетъ?»
Такъ я думала, родная,
И душа смѣялась;
Я сиротка, одинокой
Безъ родныхъ осталась,
Онъ одинъ на этомъ свѣтѣ
Меня вѣрно любитъ,

А услышитъ, что меня нѣтъ —
И себя погубитъ.
Такъ я думала, молилась,
Друга поджидая;
Нѣтъ и нѣтъ... Не скоро будетъ, —
Знать, опять одна я...»
И заплакала... А съ нею
Вмѣстѣ и монашка...
— Гдѣ я, бабушка, скажи мнѣ?
—« Въ Лебединѣ, пташка.
Не тревожься, будетъ хуже...»
— Развѣ я больная?
А давно ужь я живу здѣсь?
Ахъ, припоминаю!...
Жидъ... Майдановка... хоромы...
Пламя надъ водою...
Вспоминаю... О, мой Боже!...
Звали Галайдою!...
— «Галайдою, Яремою
Что привезъ тебя».
— А гдѣ жь онъ?...
О, теперь я знаю!...
— «Въ воскресенье обѣщался
Здѣсь быть... за тобою...»
— Въ воскресенье?.. Ахъ, какъ скоро!...
Что это со мною,
Дорогая? Миновала
Страшная годинa!
Галайда тотъ — мой Ярема;
Въ цѣлой Украинѣ
Его знаютъ... Я видала,
Села какъ горѣли,
Я видала, какъ поляки
И тряслись, и млѣли,
Лишь заслышатъ его имя
(Не ждали пощады!...)
Они знаютъ, кто такой онъ,
И что ему надо...
Онъ меня искалъ, голубчикъ,
Орликъ сизокрилый;

Прилетай же поскорѣе,
Голубочикъ милый...
Охъ, какъ весело на свѣтѣ,
Весело какъ стало!...
Въ воскресенье, дорогая...
Три денька осталось —
Охъ, какъ долго!...
Загребай, мама, жаръ, жаръ,
Будетъ тебѣ дочки жаль, жаль!... (*)
Охъ, какъ весело мнѣ стало! —
А тебѣ, бабуся,..
Тоже весело?
— «Тобой я,
Пташка, веселюсь...»
— Что же ты запѣть не хочешь?
— «Я уже напѣлась!...»
Затрезвонили къ вечернѣ,
Бабушка одѣлась,
И иконамъ помолившись,
Въ церковь поплелася...

Въ воскресенье въ Лебединѣ
Въ церкви распѣвали
«*Исаія ликуй*!...» Утромъ
Ярему вѣнчали,
А подъ вечеръ мой Ярема,
(Вотъ чудной дѣтина!..)
Чтобъ Максима не разсердить,
Оксану покинулъ.
Съ Желѣзнякомъ на пожарахъ
Праздники справляетъ;
А бѣдняжка молодая
Ждетъ да поджидаетъ...
Ожидаетъ, не ѣдетъ ли
Съ боярами въ гости...
Перевезть ее изъ кельи
Въ хату на поностѣ.
Не томися, а надѣйся

(*) Свадебная пѣсня

Да молися Богу;
Мнѣ жь теперь взглянуть на Умань
Надо хоть немного.

ГОНТА ВЪ УМАНИ.

Проходятъ дни, проходитъ лѣто,
А Украина все горитъ.
По деревнямъ рыдаютъ дѣти,
Отцовъ лишившись... Шелеститъ
Сухими листьями дуброва,
Гуляютъ тучи, солнце спитъ:
Нигдѣ не слышно звука, слова...
Лишь воетъ звѣрь, идя въ село,
Гдѣ чуетъ трупы... Гайдамаки
Ихъ не мѣшали ѣсть собакамъ,
Пока ихъ снѣгомъ занесло...
Не мѣшали снѣгъ и вьюга
Этой адской карѣ:
Ляхи мерзли, а козаки
Грѣлись на пожарѣ.
Ужь весна дыханьемъ теплымъ
Землю пробудила
И цвѣтами молодыми
Всю ее покрыла.
Громкой пѣсенкой залился
Жаворонокъ въ полѣ;
Соловей отвѣтилъ трелью
Звонкою на волѣ.
Рай, и только!... Для кого же?
Для людей. А люди
Не хотятъ въ него и глянуть;
Глянутъ — такъ осудятъ.
Надо кровію подкрасить,
Освѣтить пожаромъ:
Солнца мало, красокъ мало,
Много тучъ — и даромъ.
Ада мало!... Люди, люди!
Скоро ли съ васъ будетъ

Того добра, что есть у васъ?
Странные вы люди!...

И весна не помѣшала
Разливаться крови...
Больно глянуть! А какъ вспомнишь —
Такъ было и въ Троѣ,
Такъ и будетъ!...
Гайдамаки
Рѣжутъ, да караютъ:
Гдѣ пройдутъ — земля пылаетъ,
Кровью подплываетъ.
Отыскалъ Максимъ сыночка,
Счастье Украины,
Не родной хоть сынъ Ярема,
А лихой дѣтина!
Батька рѣжетъ, и Ярема
Рѣжетъ, да лютуетъ,
На пожарищахъ съ ножами
Днюетъ и ночуетъ.
Не помилуетъ, не минетъ
Ляха ни одного...
Онъ за ктитора имъ платитъ,
За отца святаго,
За Оксану... И вздрогнетъ весь,
Вспомнивъ объ Оксанѣ,
А Максимъ: «Гуляй, покамѣсть
Всѣ мы не устанемъ!...
Погуляемъ!...»
И козаки
Лихо погуляли!
Вплоть отъ Кіева по Умань
Трупы все лежали...

Черной тучей гайдамаки
Умань обложили,
И до утра, ранымъ рано
Умань запалили.
Запалили, закричали:
«Бейте ляховъ снова!»

Покатились по базару
Конны narodowi (*);
Покатились ребятишки,
Хворые калѣки,
Крикъ и шумъ... А на базарѣ
Крови рѣки, рѣки...
А въ рѣкахъ тѣхъ смѣлый Гонта
Съ Максимомъ завзятымъ
Понукають: «Славно, дѣтки,
Такъ ихъ распроклятыхъ!»
А вотъ тащать гайдамаки
Ксендза езуита
И двухъ дѣтокъ... «Гонта, это
Вѣдь твои сыны-то!...
Ты насъ рѣжешь — и они вѣдь
Дѣти католички...
Что жь стоишь ты? Что не рѣжешь,
Благо, не велички.
Рѣжь... А то повыростають
И тебя зарѣжуть...»
— Пса убейте, а щенять я
Самъ сейчасъ зарѣжу.
Кличь *громаду*. Признавайтесь,
Вы полячки дѣти?...
— «Да, полячки... Наша мама...»
Охъ, какъ тяжко въ свѣтѣ!
Замолчите, знаю, знаю!...
Дѣти вы полячки...
Вотъ, *громада*, чтобъ козакамъ
Не было потачки...
Присягалъ я... долженъ драться
Вѣкъ свой съ поляками...
Охъ, сынки мои родные,
Какъ мнѣ горько съ вами!
Что не рѣжете вы ляхи?
— «Будемъ рѣзать, тятя!»
— Нѣтъ, не будете, бѣдняжки...
Отчія проклятья

(*) Польская конница.

Пусть убьютъ ту мать, что на свѣтъ
Бѣдныхъ васъ родила!
Что она до утра рано
Васъ не утопила!
Вы бы умерли, родные,
Съ меньшими грѣхами...
А сегодня!... Охъ, сыночки,
Какъ мнѣ тяжко съ вами!...
Васъ убить бы безъ присяги
Силушки бъ не стало!...
Поднялъ ножъ... взмахнулъ — и дѣтокъ
Словно не бывало!...
Повалились мертвецами.
«Тятя!» лепетали;
«Тятя, тятя... Мы не ляхи,
Мы...» — и замолчали.
— Схоронить ихъ? — Нѣтъ, они вѣдь
Дѣти католички.
Охъ сынки мои, сыночки,
Что вы не велички?...
Что̀ не рѣзали вы ляха,
Матерь не убили,
Ту полячку, что на свѣтъ васъ
Бѣдненькихъ родила...
Ну, идемъ братъ! —
Взялъ Максима
И пошли базаромъ,
И идя вдвоемъ кричали:
«Кары ляхамъ, кары!»
И карали жь! Страшно, страшно
Умань запылала!...
Ни въ хоромахъ, ни въ костёлѣ
Ляха не осталось —
Всѣ легли. Тотъ праздникъ будешь
Помнить по неволѣ,
Что̀ когда-то былъ въ Украйнѣ!...
Базиліянъ школу,
Гдѣ училась дѣты Гонты,
Самъ онъ разрушаетъ:
«Ты поѣла бѣдныхъ дѣтокъ!»

В горѣ восклицаетъ;
Ты заѣла, и добру ихъ
Бѣдныхъ не учила...
Бейте стѣны!...»

Гайдамаки

Стѣны развалили,
Развалили — и о камни
Ксендзовъ всѣхъ побили.
Ребятишекъ же въ колодцахъ
Разомъ утопили.

До самой до ночи съ ляхами возились,
Души не осталось. А Гонта кричитъ:
«Вы, гдѣ людоѣды, куда позабились?
Заѣли сыночковъ... Какъ трудно мнѣ жить!
Какъ больно мнѣ плакать! Не съ кѣмъ говорить!
Куда подѣвались ихъ черныя брови?
О, дайте напиться мнѣ шляхетской крови,
Чтобъ кровью той жажду на вѣкъ утолить;
На вѣкъ насмотрѣться, какъ кровь та чернѣетъ,
И вдоволь напиться... Что вѣтеръ не вѣетъ,
Ляховъ не нагонитъ?... Какъ трудно мнѣ жить!
Какъ трудно мнѣ плакать! Вы, звѣзды, зайдите
И спрячьтесь за тучи... Я васъ не видалъ!...
Родные сыночки отцемъ ихъ убиты!
Куда-то я дѣнусь?...»

Такъ Гонта кричалъ!

По Умани бѣгалъ; а середь базара,
Въ крови, гайдамаки сбирали столы,
Гдѣ что понабрали, сюда все снесли
И сѣли поужинать... Послѣдняя кара,
Послѣдній и ужинъ!

«Гуляйте, сыны!

Кути, пока пьется, руби, пока бьется!»
Кричитъ Желѣзнякъ имъ. — «А ну, молодецъ,
Вальни веселѣе, земля пускай гнется,
Пускай погуляютъ мои молодцы!»
И кобзарь запѣлъ имъ:

«А мой батька арендарь,
Чоботарь;

Моя матка пряха
Да сваха;
Мои братья соколы,
Привели
И корову изъ дубровы
И монистовъ нанесли.
А я себѣ Христя (*)
Въ монистахъ,
А вкругъ ворота все листья
Да листья,
И сапожки, и подковы...
Выйду утромъ я къ коровѣ:
Я корову напою,
Подою,
Съ молодцами постою,
Постою!...»
Всѣ гуляютъ... Гдѣ же Гонта?
Что онъ не гуляетъ?
Что не пьетъ онъ съ козаками,
Пѣснь не распѣваетъ?
Нѣтъ его; теперь бѣднягѣ
Видно не поется!...
Кто жь такой среди базара
Словно воръ крадется?
Сталъ надъ кучей мертвыхъ ляховъ,
Кучу разрываетъ,
И оттуда двухъ малютокъ
Трупы вынимаетъ.
Взялъ съ собой — и скоро, скоро
Позади базара
Зашагалъ по вражьимъ трупамъ
Въ полымя пожара,
За костеломъ. Кто же это?
Гонта, какъ убитый,
Хоронить идетъ сыночковъ,
Чтобъ землей покрыты
Были; чтобъ козачье тѣло
Злые псы не ѣли...

(*) Собственное имя.

И по улицамъ по темнымъ,
Меньше гдѣ горѣло —
Онъ понесъ своихъ сыночковъ:
Пусть никто не знаетъ,
Какъ козакъ надъ сыновьями
Слезы проливаетъ.
Вынесъ въ поле; освященный
Ножикъ вынимаетъ,
И ножомъ тѣмъ роетъ яму...
Умань же пылаетъ,
Освѣщая степь далеко;
И въ багровомъ свѣтѣ
Видны мертвыя головки...
Что жь такъ страшны дѣти?
И чего боится Гонта?
Даже затрясется,
Какъ порою крикъ козаковъ
Въ поле пронесется.
Онъ глубокую могилу
Дѣточкамъ копаетъ...
Приготовилъ... Взялъ обоихъ,
Глазъ не отрываетъ...
И кладетъ ихъ въ ту могилу,
На сынковъ не глядя...
Будто слышитъ голосокъ ихъ:
«Мы не ляхи, тятя!»
Положилъ ихъ, и китайку
Скоро вынимаетъ...
Смотритъ... въ очи ихъ цалуетъ,
Креститъ... накрываетъ
Той китайкою головки,
Головы козачьи...
Сдернулъ... снова смотритъ въ очи...
Горько, горько плачетъ!...
«Охъ вы дѣтки, посмотрите
«На ту Украину,
«За которую легли вы...
«За нее жь я сгину!
«Кто жь меня тогда зароетъ
«На далекомъ полѣ?

«Кто заплачетъ надо мною?
«Доля моя, доля!...
«И зачѣмъ меня ты доля
«Горемъ подарила?
«Ты зачѣмъ дала мнѣ дѣтокъ,
«Батьку не убила?
«Пусть зарыли бъ... А теперь ихъ
«Батько зарываетъ!...»
Снова креститъ, и землею
Яму засыпаетъ.
«Спите жь, дѣтки, въ темной ямѣ
«Сномъ глубокимъ, тяжкимъ!
«Сука-мать другой постели
«Не дала бѣдняжкамъ.
«Безъ цвѣточковъ, василечковъ.
«Спите вѣчно, дѣти!
«Да просите вы у Бога,
«Чтобъ на этомъ свѣтѣ
«Покаралъ меня жестоко
«Безъ конца, безъ мѣры...
«Я жь васъ бѣдненькихъ прощаю,
«Что вы польской вѣры...»
Сравнялъ землю, покрылъ дерномъ,
Чтобъ не видно было,
Гдѣ рука отца-козака
Дѣтокъ схоронила.
«Спите, батьку ожидайте,
«Скоро онъ прибудетъ!...
«Скороталъ онъ вѣкъ вашъ, дѣтки, —
«И ему то будетъ...
«И меня схоронятъ скоро...
«Кто же? Самъ не знаю....
«Гайдамаки? Такъ еще жь разъ
«Съ ними погуляю!...»

И пошелъ, бѣдняга, грустный,
Ступитъ — спотыкнется...
На пожаръ порою взглянетъ,
Взглянетъ — усмѣхнется...
Страшно, страшно усмѣхался:

Дрожь за сердце брала!...
Вытеръ слезы... И за дымомъ
Еле видно стало...

ЭПИЛОГЪ.

Давно то минуло, какъ малой дѣтиной
Сироткой я бѣднымъ когда-то блуждалъ
Безъ платья, безъ хлѣба по той Украинѣ,
Гдѣ Гонта съ Максимомъ, бывало, гулялъ...
Давно то минуло, какъ тѣми путями,
Гдѣ шли гайдамаки, босыми ногами
Ходилъ я и, плача, людей все искалъ...
Я долго о прошломъ въ слезахъ вспоминалъ,
И долго жалѣлъ я, что горе минуло...
О, еслибъ ты снова ко мнѣ завернуло,
Отдалъ за тебя бы я счастье свое!
Какъ вспомню то горе, тѣ степи родныя,
И дѣда, и батька... О, годы былые,
Какъ грѣли, холили вы сердце мое!...
Бывало, въ субботу, Минею закрывши,
По чаркѣ съ сосѣдомъ горѣлки хвативши,
Просилъ отецъ дѣда, чтобъ тотъ разсказалъ
Про Колійвщину (*), какъ прежде бывало...
Какъ Гонта съ Максимомъ ляховъ покаралъ.
Столѣтнія очи, какъ звѣзды сіяли,
А слово за словомъ смѣялось, лилось
Какъ ляхи страдали, какъ села горѣли...
Сосѣди, бывало, отъ страха нѣмѣли,
И мнѣ, молодому, не разъ довелось
За ктиторомъ плакать... И рѣдко кто знаетъ,
Что малый ребенокъ за печкой рыдаетъ.
Спасибо, родимый, что ты разсказалъ,
Про славу козачью, про славу родную,
Теперь я потомкамъ ее передалъ.

(*) Отъ мѣста, замѣчательнаго по бунту. Выраженіе, сходное съ русскимъ «Пугачевщина».

Люди добрые, простите,
Что былину эту,
Не спросившись прежде книги,
Я повѣдалъ свѣту.
Такъ давно мнѣ дѣдъ передалъ
Просто безъ затѣи,
Онъ не зналъ, что прочитаютъ
Люди-грамотѣи.
А теперь, покамѣсть, кончу
Я свою былину;
И сквозь сонъ хоть насмотрюся
На ту Украину,
Гдѣ ходили гайдамаки
Съ острыми ножами;
На пути тѣ, что я мѣрялъ
Малыми ногами.

Погуляли гайдамаки,
Славно погуляли!...
Чуть не годъ поляковъ кровью
Землю обливали
Украины; и замолкли —
Ножъ свой иззубрили.
Нѣту Гонты, и креста нѣтъ
На его могилѣ.
Вѣтры буйные раздули
Пепелъ гайдамака...
И некому помолиться,
Некому заплакать!...
Лишь одинъ его названный
Братъ на цѣломъ свѣтѣ;
Да и тотъ, узнавъ, какъ страшно
Вражескія дѣти
Его брата замучили —
Желѣзнякъ уныло
Первый разъ заплакалъ въ жизни...
Да и слегъ въ могилу...
Злое горе задавило
Средь чужаго поля,
И чужой землей накрыло...

Знать такая доля!
Грустно, грустно гайдамаки
Желѣзную силу
Со слезами уложили
Въ темную могилу...
И, поплакавъ, разошлися
Кто куда попало...

Лишь названнаго сыночка
Горе разобрало,
Пріуныдъ... Усни, отецъ мой,
На чужомъ на полѣ,
На своемъ, знать, мѣста мало...
Мало мѣста волѣ...
Спи, козакъ! — И надъ тобою
Кто нибудь заплачетъ!...

И побрелъ, бѣдняга, степью
Горько, горько плача,
Шелъ, да шелъ, назадъ глядѣлъ все...
И не видно стало...
Лишь одна могила въ полѣ
Темная осталась...

Гайдамаки на Украйнѣ
Жито засѣвали;
Да пожать не удалось имъ —
Все чужіе сжали.
Нѣту правды, не выросла,
Кривдѣ лучше стало...
Разбрелися гайдамаки,
Кто куда попало:
Кто домой, а кто съ *свяченымъ*
Въ темную дуброву
Добивать жидовъ... Такая
И осталась слава.:.
А порой той и до Сѣчи
Старой подобрались:
Все разрушили, разбили;
Только и остались,

Что пороги середь степи
Страшно завываютъ:
«Позарыли нашихъ дѣтокъ
«И насъ разрываютъ...»
Разревѣлись... Пусть ихъ воютъ,
Время ихъ минуло...
А Украйна знать на вѣки,
Бѣдная, заснула...

И съ тѣхъ поръ на Украинѣ
Жито зеленѣетъ;
Нѣтъ ни грохота, ни плача,
Только вѣтеръ вѣетъ,
Нагиная вѣрбу въ лѣсѣ
И траву на полѣ.
Все замолкло, все заснуло...
Знать, ужь Божья воля.

Лишь порою, гайдамаковъ
Братчина большая
Проплетется въ часъ вечерній,
Пѣсни распѣвая:

«У нашего Галайды хата на помостѣ.
Тѣшься, море! Славно, море!
Славно будетъ, Галайда!...»

ЛѢСЪ.

СЦЕНЫ ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА.

(Ночь. Луговина въ лѣсу. Посрединѣ разложенъ костеръ. Направо шалашъ).

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Антонъ и Семенъ сидятъ у костра; Прохоръ поодаль лежитъ на армякѣ.

Антонъ (*подкладывая хворостъ*). Ночь-то какая... Тихо!...

Семенъ. Тихо...

Прохоръ (*зѣвая*). Время чудесное... (*Молчаніе*) Эко, братцы, это лѣсъ!.. Чего въ ёмъ нѣту: и трава всякая, и птица разная...

Антонъ. Божье произволенье...

Семенъ. И кладъ, ежели когда попадется — все въ лѣсу... Что за причина, братцы: тетка Арина девять зорь ходила за кладомъ. Станетъ копать — все уходитъ; пойдетъ домой — опять покажется. Такъ и не дался.

Прохоръ. Брать, значитъ, не умѣла. Безъ разуму тоже не возьмешь.

Семенъ. Я бы сейчасъ ухватилъ.

Прохоръ. Ухватилъ одинъ такой-то!.. Я тоже одновá ходилъ, ходилъ...

Антонъ. Може, его и не клали...

Прохоръ. Кладъ былъ... это вѣрно.

Семенъ. Что жь, братецъ мой, во снѣ тебѣ это привидѣлось, аль какъ? Тетка Арина сказывала, вишь ей старецъ во снѣ объявился: «хочу, говоритъ, я, раба Божья, счастье твое тебѣ

сдѣлать; ступай ты, говоритъ, на зорѣ къ Ѳедькину дубу, только ты иди, а назадъ чтобы не оглядывайся; придешь ты, говоритъ, къ Ѳедькину дубу, оборотись къ зеленому лугу, отойди девять шаговъ и копай тутъ....»

Прохоръ. Нѣтъ, мнѣ бѣглый солдатъ означилъ... по его рѣчамъ я искалъ.

Антонъ. Поймалъ ты, значитъ, его, солдата-то?

Прохоръ. Поймалъ.

Семенъ. Какой смѣлый!..

Прохоръ. Чего робѣть-то?

Семенъ. Какъ чего, братецъ мой, — убьетъ.

Прохоръ. Ничего. На войнѣ ежели — извѣстно убьетъ; а въ лѣсу онъ ничего, потому отощаетъ. Въ лѣсу, что онъ ѣстъ? Ѣсть ему нечего... Ягода... Ягодой, али корешкомъ какимъ ни на есть сытъ не будешь. Ну, и отощалъ человѣкъ, — силу, значитъ, забрать не можетъ. Опять и ружья этого при ёмъ нѣтъ.

Антонъ. А ты въ лѣсу его захватилъ?

Прохоръ. Въ лѣсу; опричь лѣсу ему жить негдѣ. Шелъ я тогда на покосъ, только-что солнышко встало; смотрю, голова, а онъ сидитъ это, муницію свою заправляетъ. Подошелъ я къ ему. Увидалъ это онъ меня—ровно бы вотъ листъ затрясся. — Какой ты такой есть человѣкъ? говорю. — «Ступай, говоритъ, дядюшка, своей дорогой, коли худа себѣ не хочешь.» — Зачѣмъ, говорю: — идти мнѣ некуда: я здѣшній. — «Ничего ты, говоритъ, сдѣлать мнѣ не можешь; потому, говоритъ, я служу Богу и великому государю.» — Мнѣ, говорю, твоя душа ненужна, а что собственно къ начальству я тебя предоставлю. Испужался.

Семенъ. Испужался?!...

Антонъ. Испужаешься! За это ихняго брата не хвалятъ.

Прохоръ. Гдѣ хвалить!... Дѣлать, говорю, нечего, другъ мой сердешный, пойдемъ. — «Есть, говоритъ, на тебѣ крестъ?» — Есть, говорю. — «Крещеный ты, говоритъ, человѣкъ, а своего брата не жалѣешь: мнѣ вѣдь, говоритъ, наказанье великое будетъ.» — Я этому, говорю, голубчикъ, не причиненъ.

Семенъ. Какъ же, сейчасъ ему лопатки назадъ и закрутилъ?

Прохоръ. Безъ этого нельзя... порядокъ. Завязалъ это я ему назадъ руки, повелъ къ становому. — «Пусти, говоритъ, меня, дядюшка, кладъ я тебѣ за это покажу, въ купцы тебя произведу.» — Сказывай, говорю, гдѣ? Коли вѣрно скажешь — помилую. — Сталъ это мнѣ сказывать примѣты, гдѣ и что, а ребята ваньковскіе намъ на встрѣчу: «на войну, что ли, говорятъ, госпо-

да честные, вдовей» Обступили насъ, стали допрашивать, да такъ вплоть до становаго и шли. Опосля ужь я искалъ, искалъ этого мѣста: ровно и похоже найдешь,—станешь копать—нѣтъ. Такъ и бросилъ.

Сименъ. А кабы нашелъ — ладно бы было.

Прохоръ (*повернувшись на другой бокъ*). Пущай кто другой ищетъ.

Антонъ. Соловьи-то пѣть перестали. Оченно ужь я люблю, когда соловей поетъ.

Прохоръ (*зѣвая*). Синица лучше.

Антонъ. Гдѣ жь синицѣ!... Синицѣ супротивъ соловья не сдѣлать.

Прохоръ. Сдѣлаетъ...

Антонъ. Невозможно!... Да ты соловьевъ-то слыхалъ ли?

Прохоръ. Гдѣ слыхать! У насъ ихъ на мельницѣ тьма тьмущая, и домики такіе для ихъ понадѣланы.

Антонъ. Это скворцы!...

Прохоръ. То бишь, скворцы... Все равно, и скворцы поютъ.

Антонъ. Соловей, ежели теперича, когда пѣть ему, онъ сейчасъ... фіу, фіу. (*Подражаетъ пѣнью соловья; въ лѣсу раздается свистъ*).

Сименъ (*прислушиваясь*). Что свистишь-то!

Антонъ. А что?

Сименъ. Погоди... молчи... (*Всѣ прислушиваются; опять раздается свистъ*).

Прохоръ. Разгуляться вышелъ.

Антонъ. Кто?

Прохоръ. Кто? — Извѣстно, кто.

Сименъ. Теперича, ежели табунъ гдѣ близко, весь табунъ угонитъ.

Прохоръ. Ничего, стороной пройдетъ.

Антонъ. Да что вы, черти, это сычъ.

Сименъ. Похоже!

Антонъ. А то нѣтъ?! Эхъ вы оглашенные!...

Прохоръ. Коли свистнитъ — ничего; а иной разъ ровно малое дитя плачетъ... какъ есть ребенокъ.

Сименъ. У насъ лѣто-сь подъ самый Успеньевъ день табунъ угналъ.

Антонъ. Ну, ври подъ пятницу-то!

Сименъ. Вплоть до рѣки гналъ.

Прохоръ. Какъ до рѣки догвалъ, такъ и шибаетъ; дальше не погонитъ, жалѣетъ тоже скотинку-то.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Павелъ, лѣсникъ (выходитъ справа).

Павелъ. Что жь огонь-то не гасите... не спите.

Семенъ. Такъ, сами промежду себя разговариваемъ.

Павелъ. Спать чай пора.

Прохоръ (*тихо*). *Самъ* сейчасъ окликался...

Павелъ. Въ обходъ ходилъ — не слыхалъ. Что жь, мы къ этому привычны, это намъ ничего.

Семенъ. А мнѣ, братецъ ты мой, жутко стало.

Павелъ. По первоначалу, какъ я въ лѣсъ пошелъ, и мнѣ жутко было. Привыкъ. Идешь, бывало, по лѣсу-то, все нутро въ тебѣ переворачивается, а теперь ничего. Лихаго человѣка бойся, а лѣшій ничего тебѣ не сдѣлаетъ. Домовой хуже; тотъ наваливается, а лѣшій, коли онъ ужь очень когда разбалуется, такъ онъ только тебя обойдетъ. Опять же на него молитва такая есть... особенная. Коли кто эту молитву знаетъ, тому ничего.

Семенъ. А ты, дядя Павелъ, знаешь?

Павелъ. Намъ нельзя безъ этого. Я окромя молитвы заговоръ на его знаю. Куда хошь иди — не тронетъ.

Прохоръ. Обучи насъ.

Павелъ. Не перейметe. Зря тоже этого не сдѣлаешь.

Семенъ. Ему заговоръ ничего: заговору онъ не боится.

Антонъ. А мнѣ, братцы, дворянинъ одинъ въ Калугѣ сказывалъ про лѣсовиковъ-то: «ты, говоритъ, ничему этому не вѣрь: никакихъ лѣсовиковъ нѣтъ, такъ это болтаютъ».

Павелъ. Много знаетъ твой дворянинъ-то!

Антонъ. Ни лѣсовиковъ этихъ самыхъ, ни вѣдьмовъ—ничего, говоритъ, этого нѣтъ.

Павелъ. Посадилъ бы я его ночи на двѣ въ сторожку, такъ онъ бы узналъ, какъ ихъ нѣтъ-то. Вотъ темныя ночи пойдутъ осенью, пущай придетъ посидитъ. Нѣту!... Да вотъ, какъ разъ трафилось, слушай. Знаешь лапинскій оврагъ—мы тамъ рощу караулили. (*Садится у костра*) Дѣло близь Покрова было. Объ эту пору ночи бываютъ темныя... дожди пошли... холодно... смерть!.. Идешь по лѣсу-то, да думаешь, зачѣмъ мать на свѣтъ родила.

Семенъ. Бѣда, сейчасъ умереть!

Павелъ. Спимъ это мы... Часу такъ въ двѣнадцатомъ, слышу, братецъ мой, словно кто около сторожки ходитъ. Походилъ, походилъ — перестало. Орелка была у насъ собака... просто, бывало, отца родного не подпуститъ... волка разъ затеребила... Орелка раза два тявкнула, замолчала. Думаю, должно вѣтеръ. Только опять-то легъ, какъ Орелка завизжитъ, какъ завоетъ, вотъ надо быть кто ей задъ отшибъ. Такъ меня морозъ по кожѣ. Мартынъ проснулся. Выдь, говоритъ, Павелъ, посмотри. Отворилъ я дверь-то, Орелка прижалась къ косяку, сидитъ... Слышу, братецъ ты мой, около самой сторожки лошадь заржала... Такъ у меня волоса на головѣ поднялись. Хочу назадъ-то идти, ужь и двери не найду. Ходилъ, ходилъ, индо лихоманка забила, а лошадь нѣтъ-нѣтъ, да опять заржетъ.

Семенъ. Страсть!... Я бы убѣгъ!

Павелъ. Да куда бѣжать-то? Окромя сторожки — некуда. Воротился въ сторожку-то: дядя Мартынъ, говорю, у сторожки лошадь ржетъ, должно, за лѣсомъ прiѣхали. Заругался мой Мартынъ — нужникъ онъ былъ хворый, сердитый — «убью, говоритъ, до смерти кто попадется.» Вышли мы изъ избы-то, а по лѣсу топорище такъ и звонитъ. Слышь, говорю, дядя Мартынъ. — «Слышу, говоритъ... убью сейчасъ!...» Побѣжали мы. Сталъ Орелку уськать — не лаетъ, идетъ сзади. Что, думаю, за причина? Далъ раза въ бокъ, — только заскучала.

Семенъ. Слышь, ребята?

Павелъ. Не трожь спятъ.

Семенъ. Ну!

Павелъ (*вполголоса*). Съ полверсты мы прошли: топоръ близко, а на слѣдъ не попадемъ, потому темно оченно. Шли, шли... рядомъ шли... дядя Мартынъ, говорю... Дядя Мартынъ голосу своего не подаетъ. Что за оказiя! крикнулъ это я; дядя Мартынъ! Слышу, Мартынъ далече отъ меня вправо остался. Я вправо взялъ, опять крикнулъ: дядя Мартынъ слѣва окликнулся, а топорище тяпъ, тяпъ... Завернулъ я къ ему на голосъ-то, сталъ Орелку кликать и Орелка пропала!... Ну, думаю: пущай всю рощу вырубятъ — пойду домой, потому страшно ужь оченно стало, опять же и озябъ... такъ, голова, продрогъ... смерть! Повернулъ назадъ, пошелъ. Иду да и думаю: «*самъ* не балуетъ ли?..» Только, братецъ, это я подумалъ, какъ по всему-то лѣсу: ого-го-го-го! Отродясь такого я крику не слыхивалъ. Такъ у меня,

руки-ноги подкосились! хочу крестъ на себя положить—рученьки мои не владѣютъ.

Семенъ. Меня индо и теперь дрожь прохватила.

Павелъ. Очувствовался—не знаю, куда идти. Батюшка, говорю, угодникъ, выручи... Сотворилъ молитву, легче стало. Къ свѣту ужь домой-то пришелъ: за пять верстъ онъ меня отъ сторожки-то угналъ, да въ самое бучило въ оврагъ-то завелъ. Кабы, кажись, маленько еще — утопъ бы.

Семенъ. Ахъ ты, Господи!

Павелъ. «Ну», думаю: «какъ приду домой, этого самого дядю Мартына на части разорву.» Сталъ ему выговаривать-то, а онъ говоритъ: ты, надо полагать, въ умѣ рехнувши. Я, говоритъ, всю ночь изъ избы-то не выходилъ.

Семенъ. *Онъ* все, значитъ.

Павелъ. Кому жь, окромя *его*. Шесть недѣль опосля этого я выхворалъ; всѣ волосья повылѣзли. Разовъ пять меня отчитывали, на силу на ноги поставили. Сама енеральша Пальчикова лечила, корочки съ нашатыремъ давала, ничего не дѣйствовало. Такъ вотъ, какъ *ихъ* нѣтъ-то! Можетъ, дворянина-то онъ не трогаетъ, а нашему брату отъ *его* шибко достается. (*Встаетъ и потягивается*) Спать теперича.

Семенъ. Кому спать, а намъ Господи благослови!... По травушку, по муравушку... (*Надѣваетъ армякъ*) Оченно ужь я люблю, когда ежели разговариваютъ про чертей, али бы про разбойниковъ... просто, сейчасъ умереть! спать не хотца.

Павелъ. Какже, не спамши-то?

Семенъ. Я выспался. Я съ вечеремъ спалъ. (*Подходитъ къ Антону и толкаетъ его ногой*). Вставайте, ребята.

Антонъ. Только было...

Семенъ. Скотину выгнали.

Прохоръ. Господи благослови!

Павелъ. Жисть вамъ, ребята!

Семенъ. Какая жисть!...

Павелъ. Покосъ подошелъ... коси да коси...

Антонъ (*набивая трубку*). Акштафу на дорогу закурить, дѣло-то ходчѣй пойдетъ.

Всѣ. Прощай, дядя Павелъ.

Павелъ. Съ Богомъ.. дай Богъ часъ!...

Москва,
14 апрѣля.

И. ГОРБУНОВЪ.

ЖУРНАЛИСТИКА ВО ФРАНЦІИ ДО ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

II.

Приведенные нами въ первой статьѣ факты достаточно свидѣтельствуютъ, что во французской прессѣ прошедшаго столѣтія не-незнакома была такъ-называемая благодѣтельная гласность; только на первыхъ порахъ писателямъ прежде всѣхъ пришлось видѣть свои имена и поступки выведенными печатно на поученіе или потѣху читателей, безъ похвалъ, нерѣдко съ приправой обвиненій и желчныхъ выходокъ. Объяснить такое явленіе не трудно, если знать состояніе современнаго французскаго общества и положеніе въ немъ людей, занимавшихся литературой. Кромѣ того, существуетъ повѣрье, что писатели вообще народъ самый раздражительный и всегда высокаго мнѣнія о себѣ, а тѣмъ паче о своихъ произведеніяхъ. Повѣрье это разительно оправдывается исторіею французской журналистики рассматриваемой эпохи. Въ тѣ времена, если какой нибудь скептикъ, соскучась застоемъ и пошлостью, въ которые бываетъ иногда погружена литература вслѣдствіе разныхъ вліяній, рѣшался во Франціи выместить свое недовольство меткой выходкой, или даже просто шуткой на своихъ собратій, то послѣдніе, пользуясь правами авторитетовъ на основаніи пословицы — «на безлюдіи и Ѳома дворянинъ», тотчасъ же накидывались съ ожесточеніемъ на бѣднаго скептика. Немедля долго, они начинали или сами, если были только въ состояніи, кропать отвѣтныя статейки, или поручали это своимъ клевретамъ и наемникамъ, готовымъ на все, лишь бы только прислужиться обиженному патрону. Эти наемники и клевреты, въ пылу

продажнаго негодованія, почти всегда заходили такъ далеко, что вмѣсто оправданія благодѣтеля, дѣлали его смѣшнымъ въ глазахъ читателей, а онъ набиралъ новыхъ бойцевъ за себя и т. д.

Первый маневръ, который дѣлали освистанные французскіе hommes de lettres, состоялъ по обыкновенію въ томъ, что заявлялось почтеннѣйшей публикѣ о размноженіи въ послѣднія, тяжелыя по истинѣ времена мальчишекъ-сорванцовъ, которые изъ шарлатанства не признаютъ ничего возвышеннаго и готовы закидать грязью самыя почтенныя личности. Разумѣется, возвышенными и почтенными самолюбивые писаки имѣли слабость считать ни кого инаго, какъ свои собственныя, часто весьма обыкновенныя особы, долженствовавшія, также по ихъ мнѣнію и неизвѣстно почему, быть неприкосновенными. Если маневръ не удавался, если публика продолжала оставаться на сторонѣ скептика, то пускалась въ дѣло благодѣтельная гласность, т. е. за насмѣшку, часто невинную, сыпались уголовныя обвиненія, ядовитые намеки, и все это въ игривой формѣ, которая должна прикрывать худо затаенную желчь и раздраженіе. Такъ почти во всѣхъ случаяхъ начинались у французовъ журнальныя перебранки въ XVIII столѣтіи. Эта перебранка считалась существеннымъ отдѣломъ каждаго журнала; желавшаго привлечь подписчика; а если который нибудь нѣкоторое время и крѣпился, то непремѣнно подъ конецъ не выдерживалъ и разражался такимъ задоромъ, что становился смѣшнымъ и тѣшилъ падкихъ до скандальчиковъ читателей, какъ тѣшитъ обыкновенно постороннихъ какой нибудь раздражительный господинъ, придирающійся изъ пустяковъ ко всѣмъ встрѣчнымъ и поперечнымъ.

Литературныя знаменитости, въ родѣ Вольтера и д'Аламбера, первые подавали примѣръ нетерпимости самыхъ лёгкихъ критическихъ замѣтокъ. Слѣдуя имъ, и разные мелкіе писаки спѣшили дѣлиться съ публикой своими домашними сплетнями, а ничтожные журнальцы и періодическіе листки съ жадностью подбирали ихъ въ свои столбцы въ видахъ привлеченія подписчиковъ, чтобы при помощи грязи, лжи и клеветы поддержать свое бренное существованіе. Но если и это все не оказывало желаемаго дѣйствія, тогда принимались за средство рѣшительнѣйшее — за доносы. Въ первой статьѣ были уже указаны нѣкоторые примѣры тому: такъ редакторъ привилегированной Gazette de France, Оберъ, никакъ не могъ переварить, что у Парижскаго журнала гораздо болѣе подписчиковъ, нежели у издаваемой имъ газеты, вслѣдствіе чего, то подавалъ письменные доносы на враждебное изданіе то словесно при случаѣ внушалъ вліятельнымъ лицамъ о дурномъ направленіи его. Вліятельныя лица во Франціи XVIII столѣтія читали болѣе списки о производствахъ,

и награжденіяхъ, литературѣ были не причастны и вообще не обращали никакого вниманія на такіе пустяки: но въ тоже время, считали, въ видахъ острастки, не излишнимъ подавить при удобномъ случаѣ бумагомарателей, а съ ними уже кстати и цензоровъ ихъ.

Г. Гатэнъ, трудъ котораго доставилъ намъ матеріалы для настоящаго очерка, представилъ и ключъ къ разгадкѣ особенной наклонности французской прессы къ перебранкамъ и въ тоже время особенной воздержности ея касательно вопросовъ серьёзныхъ и достойныхъ вниманія. Французская журналистика XVIII столѣтія состояла въ зависимости отъ разныхъ постороннихъ литературѣ вліяній, отъ которыхъ ей освободиться могло помочь только само общество, но оно еще не достигло тогда той самостоятельности, которая необходима въ подобныхъ случаяхъ. Надобно здѣсь отдать справедливость мудрости французскаго правительства, которое по возможности облегчало и помогало литературѣ и журналистикѣ. Такъ г. Гатэнъ (со словъ Бомарше) свидѣтельствуетъ, что съ успѣхами просвѣщенія разрѣшено было въ періодическихъ изданіяхъ, подъ надзоромъ двухъ или трехъ благонамѣренныхъ цензоровъ, печатать свободно и безвозбранно все, что только не касалось правительства, вѣры, политики, морали, особъ высоко поставленныхъ, учрежденій, пользующихся довѣріемъ, театровъ, также лицъ, имѣющихъ почему либо значеніе.

Французскіе журналисты, надѣленные отъ природы стоицизмомъ или привязанные по обстоятельствамъ къ Парижу, продолжали вплоть до 1790 года пользоваться плодами такой свободы, довольствуясь для разнообразія полемическими статейками или проглатывая литературныя пилюли, подносимыя имъ братьями по оружію. Но были между ними и такіе, которымъ или дѣйствительно приходилось не подъ силу переливать изъ пустаго въ порожнее, или просто по принужденію надобно было покидать милую Францію и искать безопасности въ другихъ странахъ. Во второй половинѣ XVIII столѣтія, такихъ выходцевъ становилось все болѣе, и болѣе и они, бросивъ родину, не бросали однако своихъ занятій и продолжали издавать свои журналы на французскомъ языкѣ, слѣдовательно прямо предназначая ихъ для чтенія своихъ соотечественниковъ.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что въ началѣ XVIII столѣтія въ Парижѣ были разрѣшены только двѣ политическія газеты «Gazette de France» и «Меркурій». Онѣ постоянно служили складочнымъ мѣстомъ для сухихъ перечней о самыхъ ничтожныхъ политическихъ событіяхъ, придворныхъ извѣстій и разныхъ ребяческихъ разглагольствій въ родѣ, что $2\times2=4$, и несмотря на это, иногда и здѣсь встрѣчались затрудненія высказывать подобныя истины, такъ какъ

во Франціи описываемой эпохи много было людей, которые хотѣли во чтобы то ни стало, чтобы изъ 2×2 выходило, напримѣръ, не 4, а 5. При такомъ положеніи прессы, любознательность читателей могла найти себѣ удовлетвореніе только въ голландскихъ журналахъ, но они, часто нетолные, были, сверхъ того, доступны весьма немногимъ: высокая цѣна, затруднительность пересылки и доставки были препятствіями къ распространенію ихъ въ большинствѣ публики, почему тотъ, кто не жилъ въ большомъ городѣ, почти лишенъ былъ возможности знать о замѣчательнѣйшихъ событіяхъ въ настоящемъ свѣтѣ, а тѣмъ болѣе принимать въ нихъ участіе, какъ гражданинъ или даже дѣловой человѣкъ. Между тѣмъ, событія съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ становились серьезнѣе: Европа переживала одинъ изъ рѣшительнѣйшихъ кризисовъ, когда либо случавшихся послѣ реформаціи, и всякой успѣхъ, всякая неудача усиливали всеобщее напряженіе и алчность знать обо всемъ, что ни происходило въ разныхъ краяхъ. Чтобы хотя нѣсколько удовлетворить общественной любознательности и въ тоже время обойти зловредное вліяніе привилегированныхъ парижскихъ журналовъ, во Франціи пробовали основывать политическія газеты въ провинціи. Такъ, во Вердюнѣ издавался довольно долгое время журналъ, подъ заглавіемъ «La clef du cabinet des princes de l'Europe»: онъ выходилъ каждый мѣсяцъ, тетрадью отъ 5 до 6 печатныхъ листовъ, въ которыхъ помѣщались достопримѣчательныя политическія новости съ сужденіями о событіяхъ и лицахъ, принимавшихъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Журналъ издавался съ крайнею осторожностью, что однако не могло помѣшать ему скончаться насильственною смертью: ему не помогла ни давность существованія, ни его осторожность. Въ декабрѣ 1776 года, редакторъ закончилъ послѣдній нумеръ своего журнала такимъ обращеніемъ къ читателямъ: «Считаю обязанностью предъ публикою и самимъ собою довести до свѣдѣнія о настоящихъ причинахъ прекращенія моего журнала. Уничтоженіе политическаго отдѣла, къ чему я вынужденъ вслѣдствіе приказаній свыше, лишило его самой существенной принадлежности. Это измѣненіе поставило журналъ въ такое положеніе, что онъ уже не можетъ, при умѣренности платы подписчиковъ, выплачивать пенсіоны и другіе налоги, которые на немъ лежали. Поэтому-то я и издатель рѣшились прекратить изданіе.»

Вердюнскій журналъ породилъ многочисленныхъ подражателей, въ особенности въ Голландіи, куда стремились всѣ, кто по призванію или изъ барышей хотѣлъ основывать періодическое изданіе. Печатанные тамъ французскіе политическіе журналы пользовались вообще успѣхомъ, и могли существовать долгое время. Были случаи,

что вслѣдствіе жалобъ иностранныхъ посланниковъ, голландское правительство дѣлало выговоры журналистамъ и даже иногда запрещало журналы; однако журналистика въ Гагѣ и Амстердамѣ наслаждалась вообще свободой, которой не было допускаемо нигдѣ въ другихъ странахъ, и которою дѣйствительно пользовались, чтобы заманить читателей. Голландскія газеты на французскомъ языкѣ въ XVIII столѣтіи имѣли какъ бы привилегію снабжать всю Европу политическими новостями и обозрѣніями. Онѣ постоянно отличались сатирическимъ и обличительнымъ направленіемъ, свободою въ приговорахъ, сильнымъ злословіемъ, рѣшимостью доводить до всеобщаго свѣдѣнія о придворныхъ сплетняхъ, наконецъ, что главнѣе всего, постоянною непріязнію къ существовавшему во Франціи порядку вещей. Это послѣднее обстоятельство было главнѣйшею причиною успѣха ихъ въ самой Франціи, и объясняетъ ту извѣстность, которою они пользовались.

Во Франціи XVIII столѣтія, изданіе политической газеты стало дѣломъ чрезвычайно выгоднымъ, что тотчасъ же понялъ одинъ ловкій промышленникъ, не смыслившій ничего ни въ журналистикѣ, ни въ литературѣ, но взамѣнъ того надѣленный отъ природы тонкимъ чутьемъ на способы наживать деньги изъ ничего. Онъ назывался Шарль-Іосифъ Панкуке. Въ настоящемъ очеркѣ нѣсколько разъ уже упоминалось, что во Франціи почти до самой революціи только «Gazette de France» и «Меркурій» имѣли исключительное право на обнародываніе политическихъ извѣстій; между тѣмъ потребность въ подобныхъ извѣстіяхъ росла тамъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе; иностранныя газеты были и дороги, и трудно доставались, такъ что большинство волей-неволей должно было пробавляться двумя журналами отечественной фабрикаціи. Какъ человѣкъ, надѣленный свыше способностью къ обогащенію, Панкуке прежде всѣхъ смекнулъ, что если писатели сами и не наживаютъ денегъ отъ своихъ трудовъ, то все же онъ не останется въ накладѣ, употребивъ ихъ, какъ орудіе, для полученія себѣ барышей. Не медля долго, онъ поспѣшилъ выхлопотать разными окольными путями право на изданіе двухъ названныхъ выше привилегированныхъ газетъ. Какъ вѣренъ былъ разсчетъ и блистательны коммерческія способности Панкуке, то доказывается тѣмъ, что до него во Франціи не было еще примѣра, чтобы кто нибудь разбогатѣлъ отъ изданія журнала; а промышленникъ, пользуясь несправедливою привилегіею, споря за за каждую копѣйку съ бѣдняками сотрудниками, бывшими отъ него въ полной зависимости, съумѣлъ получить отъ жуналистики неслыханные барыши, хотя всю жизнь занимался только приходо-расход-

зными книгами и зоркимъ наблюденіемъ за поступленіемъ въ его кассу каждой копѣйки.

Однако, Панкуке все еще казалось мало, что онъ забралъ въ свои руки привилегированные журналы, почему со свойственною ему изворотливостью выхлопоталъ *для* себя право издавать *Журналъ политики и литературы*, будто бы печатающійся въ Брюсселѣ, на самомъ же дѣлѣ среди Парижа. Послѣднее предпріятіе опять-таки очень хорошо рисуетъ спекуляторскія способности Панкуке: онъ понялъ, что французское общество второй половины XVIII столѣтія уже не могло довольствоваться скудными политическими обозрѣніями его двухъ привилегированныхъ журналовъ, и вотъ Панкуке принялся спекулировать на либерализмъ (которому въ душѣ, какъ человѣкъ торговый, нисколько не сочувствовалъ): у него явился журналъ, будто бы издававшійся въ свободной Голландіи и, слѣдовательно, не подвергавшійся ограниченіямъ, владычествовавшимъ въ Парижѣ. Въ редакторы этому псевдоголландскому журналу Панкуке нанялъ адвоката Линге (Linguet), который какъ будто былъ созданъ журналистомъ. Не касаясь здѣсь разныхъ подробностей о дѣятельности и направленіи этой типической личности, дѣлавшей въ свое время столько шума, постараемся познакомить съ нимъ читателя, какъ съ человѣкомъ, оказавшимъ большія услуги французской прессы тѣмъ, что онъ первый настойчиво и упрямо началъ ратовать противъ тираніи авторитетовъ въ политикѣ, въ литературѣ и въ наукѣ, противъ инквизиціи мысли, которая такъ нравилась французскимъ визирямъ XVIII столѣтія.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія, во Франціи образовался цѣлый кружокъ людей, которымъ Вольтеръ проложилъ дорогу къ всеобъемлемости. Они были способны все предпринять, обо всемъ говорить; искатели приключеній въ литературѣ, наукѣ, политикѣ и промышленности, они находили свое призваніе въ обстоятельствахъ, въ которыя ставила ихъ случайность. Къ этому-то кружку людей, чрезвычайно дѣятельныхъ и неоспоримо даровитыхъ, принадлежали Линге, Бомарше, Мерсье, Бриссо и нѣсколько другихъ, менѣе извѣстныхъ. Съ приближеніемъ переворота, они много заставляли говорить о себѣ, и вліяніе ихъ на современное общество тѣмъ было сильнѣе, что росло вмѣстѣ съ умноженіемъ строгостей, изъ глубины изгнанія, не рѣдко изъ-за желѣзныхъ затворовъ Бастильи. Въ поступкахъ этихъ лицъ замѣтны черты, которыя не могли не признать враги ихъ,—это смѣлость, сила воли и непоколебимость, а онѣ для дарованія все равно, что шпора для коня. Въ нихъ съ ужасающею вѣрностью отражалась вся объятая пламенемъ современная эпоха. Не страшась скандала, они, напротивъ, сами первые готовы были

вызвать, услѣдить, привлечь его. Подобные литературные дѣятели не могли не быть революціонерами, хотя нѣкоторые изъ нихъ дѣлались ими, сами того не зная, противъ своей воли, лишь вслѣдствіе борьбы, которую они вели съ министрами и знатными, подъ обаяніемъ, всегда возбуждаемымъ угнетеніями и преслѣдованіями борцевъ за свободу слова. Таковъ былъ и Линге. «Онъ жжетъ и блещетъ», говорилъ про него Вольтеръ, — и точно нельзя было лучше охарактеризовать этой личности. Въ продолженіе двадцати лѣтъ, всю Францію занимали малѣйшія подробности о Линге; его статьи волновали сановниковъ, даже послѣ сочиненій Руссо и энциклопедистовъ.

По собственному признанію, у Линге, съ самаго дѣтства, не было другаго занятія, не было другой страсти, кромѣ литературы. Онъ мечталъ, что сдѣлавшись писателемъ, достигнетъ славы и почестей, что найдетъ удовольствіе въ сношеніяхъ съ тѣми, кто посвятилъ себя умственнымъ занятіямъ. Самыя лучшія десять лѣтъ жизни Линге прошли въ погонѣ за подобными химерами и, послѣ усиленныхъ трудовъ, онъ увидѣлъ, что его ждутъ только огорченія и разочарованіе на всю остальную жизнь. Тогда онъ оставилъ литературное поприще, на которомъ имѣлъ неблагоразуміе подвизаться нѣкоторое время, и гдѣ для дѣятеля честнаго всегда готово болѣе униженій, нежели славы. Ему надобно было рѣшиться избрать какое нибудь занятіе, и онъ, не безъ отвращенія, впрочемъ, сдѣлался адвокатомъ. «Я, говорилъ онъ, никогда не уважалъ этого званія, но вступаю въ него: надобно же быть чѣмъ нибудь въ жизни; надобно заработывать деньги, потому что лучше быть богатымъ поваромъ, нежели бѣднымъ и безвѣстнымъ ученымъ...» Первые шаги Линге на адвокатскомъ поприщѣ надѣлали много шума, а нѣсколько блестящихъ дѣлъ, произведшихъ огромное впечатлѣніе, скоро поставили его высоко въ общественномъ мнѣніи. Ободренный этими успѣхами, Линге не преминулъ въ своихъ рѣчахъ и запискахъ нападать не только на своихъ собратій по ремеслу, но и на чиновниковъ. Это не понравилось ни тѣмъ, ни другимъ — и Линге былъ вычеркнутъ изъ списка адвокатовъ, а Парижъ выразилъ свое сочувствіе къ его бѣдѣ тѣмъ, что всѣ наперерывъ носили полосатыя матеріи и шляпы à la Linguet. Въ это то время, Панкуке пригласилъ его участвовать въ затѣянномъ имъ изданіи «Journal de Bruxelles».

Первые мѣсяцы своего редакторства Линге сдерживался, но потомъ, увлекаемый страстью къ борьбѣ, характеромъ смѣлымъ и наступательнымъ, онъ объявилъ войну всему, что было самаго могущественнаго въ Парижѣ: министрамъ, парламенту, такъ называемымъ философамъ; ничто не было пощажено его смѣлою, наровящею кри-

чикою,—а его перо умѣло въ самой замысловатой формѣ надѣлять сатирическимъ презрѣніемъ своихъ противниковъ. Неудивительно, что Лингс скоро сталъ виноватымъ, потому что часто былъ уже слишкомъ правъ. Въ 1776 г., говоря о пріемѣ во французскую академію наукъ новаго члена Лагарпа, онъ не выдержалъ и разразился и противъ вновь принятаго академика, и противъ самой академіи. Послѣдняя не терпѣла никакого противорѣчія себѣ въ журналистикѣ, адвокаты ей уже показали образецъ, какъ обходиться съ Линге, и она потребовала отмщенія, конечно, оффиціальнымъ путемъ. Одинъ дюкъ и одинъ маршалъ были ходатаями за академію, и Панкуке получилъ приказаніе удалить Линге изъ редакціи журнала. Литературный промышленникъ былъ очень радъ случаю, доставлявшему ему благовидный предлогъ отдѣлаться отъ редактора, котораго и самъ боялся за его энергическій и рѣшительный характеръ. Того мало: отказавъ Линге, онъ передалъ завѣдываніе редакціею заклятому врагу его — Лагарпу. И въ свѣтѣ, и въ журналистикѣ такой поступокъ Панкуке называли низостью, но онъ заботился о прибыляхъ, и мало было ему нужды, что думали о его чести.

Лишенный права быть адвокатомъ и журналистомъ, Линге не задумался апеллировать къ самому королю. Въ письмѣ своемъ къ Людовику XVI, онъ высказался раздраженнымъ, но не умоляющимъ: вмѣсто просьбы, тамъ были выходки противъ Лагарпа, который названъ надутымъ человѣкомъ, наглымъ и низкимъ, и противъ самой академіи. Всю безполезность и даже опасность послѣдней Линге доказывалъ, между прочимъ, тѣмъ, что слогъ смѣшной, надутый и неестественный принято называть академическимъ. Оправдывая проступокъ, который былъ вмѣненъ ему въ преступленіе, онъ доказывалъ несоразмѣрность и несправедливость наказанія, которому подвергнулся: безъ сомнѣнія, человѣкъ, давшій пощечину виновенъ, ему опредѣляется наказаніе, но не воспрещаютъ навсегда владѣть рукою, такъ какъ было бы безсмысленно осуждать кого нибудь за минуту забвенія бездѣйствіемъ на всю жизнь. Пусть онъ виноватъ предъ академіею и ея любимцемъ; требовалось возмездіе—онъ на него согласенъ: но его журналъ не весь же былъ наполненъ нападками на академію. Зачѣмъ же запрещать его подъ тѣмъ предлогомъ, что въ немъ двѣ страницы не понравились учрежденію, которое думаетъ почему-то, что къ нему должны быть всѣ почтительны? «Подъ какой несчастной звѣздой, подъ какимъ непонятнымъ вліяніемъ», продолжаетъ Линге: «рожденъ я? Какъ, государь, въ отношеніи низшихъ классовъ, всѣхъ болѣе пріученныхъ видѣть себя принесенными на жертву общественному порядку, преданныхъ въ непосредственный произволъ полиціи, даже въ отношеніи этихъ

классовъ соблюдается осмотрительность, едва дѣло пойдетъ о томъ, чтобы связать человѣку руки. У послѣдняго мелочнаго торговца не опрокинутъ его лотка прежде, нежели не будетъ доказано и взвѣшено преступленіе, вслѣдствіе котораго онъ заслуживаетъ такого наказанія, а у меня въ двухъ карьерахъ возмутительному деспотизму, постыднѣйшимъ интригамъ удалось дважды, безъ суда и расправы, лишить моихъ занятій!» Линге оканчивалъ просьбою о назначеніи надъ нимъ формальнаго суда, и еслибы и здѣсь вліяніе его враговъ превозмогло и помѣшало раскрыться справедливости, то ему тогда остается только оплакивать несчастіе своей судьбы, которая для него одного дѣлаетъ безплодными высокія добродѣтели монарха.

Эта просьба осталась безъ послѣдствій, несмотря на вмѣшательство королевы, принявшей сторону Линге и желавшей возвратить ему журналъ. «Journal de Bruxelles» ей нравился своимъ сатирическимъ и насмѣшливымъ направленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что была за нужда преслѣдовать за то, что говорилъ редакторъ, когда онъ былъ остороженъ до всего, что ни касалось августѣйшихъ особъ? Людовикъ XVI былъ въ этомъ случаѣ иного мнѣнія и возражалъ, что есть много лицъ, хотя и не столь важныхъ, но все же чувствительныхъ, когда въ печати доходило до нихъ дѣло. А такъ какъ Линге ему былъ описанъ, какъ безсовѣстный зоилъ, ярый Аретинъ, нападавшій на академію, а, слѣдовательно, могшій добраться и до правительства, то заступничество королевы оказалось безсильнымъ.

Линге покинулъ Францію и отправился въ Лондонъ, гдѣ основалъ свой знаменитый журналъ Лѣтописи (Annales), въ которомъ могъ изливать свободно все свое негодованіе. Вотъ какъ говорилъ онъ самъ о своемъ изданіи:

«Литература казалась мнѣ средствомъ для существованія трудамъ, для меня неизбѣжнымъ и переполненнымъ огорченій и сожалѣній, но Академія не захотѣла, чтобы я и ими пользовался, у меня отняли послѣднія крохи съ насиліемъ, отъ котораго трепещетъ истина, краснѣетъ приличіе. Понятное чувство негодованія на столько несправедливостей и жестокостей заставило меня искать въ Англіи убѣжища, которое такъ или иначе служило порукою въ вознагражденіи. По-истинѣ, я обязанъ объявить, что когда принялъ такое рѣшительное намѣреніе, мнѣ представлялись предложенія, которыя могли бы отклонить отъ него; государи предлагали мнѣ, не буду ли я доволенъ убѣжищемъ у нихъ, почетнымъ и выгоднымъ; равномѣрно, и частныя лица обѣщали изгнаннику свои услуги, также на выгодныхъ условіяхъ. Любовь къ независимости и подозрительная деликатность заставили меня отвергнуть все это. Я всегда смотрѣлъ

на денежныя пособія, особенно отъ иностранныхъ государей, какъ на униженіе для писателя, который его получаетъ, и какъ неосторожность со стороны лица, которое платитъ. Первый продаетъ свои мнѣнія, а второй старается подкупить свидѣтеля, котораго опасается...»

Первымъ сочиненіемъ Лингe изъ неприступнаго далека было «письмо къ графу Вержену, министру иностранныхъ дѣлъ», съ эпиграфомъ изъ Виргилія: Insula portum efficit. Это письмо, замѣчательное своимъ энергическимъ изложеніемъ и особенною смѣлостью, надѣлало въ свое время много шума. Лингe писалъ здѣсь, между прочимъ:

«Человѣкъ общественный, такъ низко угнетаемый въ продолженіи трехъ лѣтъ, какъ я, принужденный наконецъ, въ видахъ личной безопасности, прибѣгнуть къ крайнему средству — покинуть отечество,—обязанъ предъ обществомъ отдать отчетъ о причинахъ, побудившихъ его къ тому; онъ обязанъ поставить современниковъ и потомство между нимъ и его преслѣдователями; онъ обязанъ вызвать послѣднихъ на нелицепріятный судъ, предъ которымъ преклоняются сильные земли, на судъ, на которомъ дѣло излагается при посредствѣ книгопечатанія, какъ выразился въ торжественной рѣчи одинъ изъ достойнѣйшихъ и, слѣдовательно, безполезнѣйшихъ министровъ, когда либо у насъ бывшихъ (Малезербъ).»

«Мнѣ необходимо предупредить англичанъ, что меня привела къ нимъ не жажда корысти, развращающая души, не нужда, разслабляющая ихъ. Огражденный отъ первой своимъ характеромъ, а отъ второй привычкою съ ранней поры довольствоваться малымъ, я выше надеждъ, также какъ и внѣ опасеній. Я ищу на этомъ гордомъ островѣ только свободы. Я долго вѣрилъ, что ея не существуетъ здѣсь, какъ и въ остальной Европѣ,—желаю разувѣриться въ этомъ. Опытъ покажетъ, ошибался ли я въ моихъ заключеніяхъ, а чтеніе настоящаго письма познакомитъ англичанъ съ человѣкомъ, можетъ быть, страннымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ строго безукоризненнымъ, — онъ ожидаетъ отъ нихъ гостепріимства.»

Вскорѣ послѣ этого письма, Лингe выпустилъ первый нумеръ своихъ «Политическихъ и литературныхъ лѣтописей» и, чѣмъ изумило несказанно всѣхъ современниковъ, съ посвященіемъ... французскому королю:

«Государь, писалъ Лингe, несмотря на извѣстное уваженіе вашего величества къ справедливости, несправедливое насиліе лишило меня моего званія въ отечествѣ; потомъ это же насиліе принудило меня оставить полезный трудъ, который, при одобреніи и свободѣ, могъ бы быть почетнымъ.

«Я принимаюсь за него подъ чуждымъ владычествомъ, но не подъ чуждымъ покровительствомъ: посвящаю его вашему величеству. Враги не отняли у меня только перо и сердце. Первое, до послѣдняго моего издыханія, будетъ служить на выраженіе чувствъ, которыми проникнуто второе къ Франціи и вашей священной особѣ. Не пропущу ни одного случая заявлять этотъ образъ моихъ мыслей.

«Посвятивъ мою жизнь на борьбу за угнетенныхъ, я самъ въ свою очередь жертва угнетенія. Тѣмъ не менѣе я питаю твердое убѣжденіе, что ваше величество отмститъ за меня, когда будутъ ниспровергнуты препятствія, мѣшающія достигнуть до васъ моимъ жалобамъ. Если жизнь моя прервется прежде, нежели буду имѣть это утѣшеніе, то мнѣ остается по крайней мѣрѣ другое утѣшеніе, что, умирая, я обращаюсь къ суду потомства, а оно, проливъ слезы надъ нѣкоторыми моими сочиненіями, скажетъ: послѣ невинности, для него ничего не было дороже своего государя и отечества. Лондонъ 24 марта 1777 года.»

Появленіе въ Парижѣ перваго нумера «Лѣтописей» возбудило тамъ изумленіе еще по другой причинѣ: никакъ не ожидали, что министры, недавно разруганные въ письмѣ Линге въ Вержену, были къ нему столько снисходительны, что дозволили журналу его обращаться въ Парижѣ. Разсказываютъ, что они были къ тому подвигнуты по тѣмъ же доводамъ, по которымъ уже прежде терпѣлись во Франціи нѣкоторые иностранные журналы, непріязненные правительству; при этомъ думали, что дозволяя журналу Линге являться во Франціи, сдѣлаютъ его болѣе осмотрительнымъ; но какъ въ то же время знали его горячую голову и увлеченіе, то на его изданіе не было дано открытаго разрѣшенія. Въ совѣтѣ министровъ положили, что журналъ будетъ только терпимъ, но не дозволенъ.

Дѣйствительно, Линге не былъ человѣкомъ, способнымъ укротиться и быть снисходительнымъ отъ подобныхъ уступокъ; притомъ же у него много накопилось желчи на сердцѣ. Вдали отъ Парижа, онъ могъ свободно громить тѣхъ, которые думали раздавить его въ Парижѣ. Съ самаго начала онъ напалъ на «Gazette de France» и «Меркурій»; но особенно былъ вооруженъ противъ «Journal des Savants»: «одинъ отсталый журналъ, прозывающійся ученымъ, пользуется господствомъ въ литературѣ. Въ Римѣ убиваютъ мысль доминиканецъ, главный распорядитель священнаго замка, и великій инквизиторъ. Инквизиція мысли въ Парижѣ не менѣе страшна, хотя и дѣйствуетъ безъ наплечника и капюшона». Скоро Линге сталъ нападать и на англійское правительство; нѣкоторыя неодобрительныя замѣчанія его о британскомъ законодательствѣ и лондонскихъ правахъ —

вызвали строгія порицанія, которыя Линге принялъ очень дурно, и какъ онъ не былъ рожденъ для уступокъ, тѣмъ болѣе за границей, то и предпринялъ героическое намѣреніе возвратиться на континентъ.

Покинувъ Англію, Линге направился въ Швейцарію, но не могъ остановиться ни въ Лозаннѣ, ни въ Нёфшателѣ, ни въ Женевѣ, такъ какъ повсюду ему, въ случаѣ изданія журнала, хотѣли навязать цензуру, — онъ отъ нея рѣшительно отказывался. По собственному признанію, на его перо смотрѣли какъ на электрическій проводникъ, способный притягивать молнію и разрѣшаться ударомъ вездѣ, гдѣ бы его ни утвердили. Наконецъ, Линге поселился въ Брюсселѣ и тамъ снова принялся за свои «Лѣтописи». Замѣчательно, что ни этотъ журналъ, выходившій за границей и, слѣдовательно, внѣ французскихъ законовъ, былъ сдѣланъ публичный доносъ въ торжественномъ засѣданіи парижскаго парламента. Одинъ изъ его членовъ, д'Эпременилль, взявъ на себя роль доносчика, въ рѣчи своей прежде всего началъ оправдываться въ томъ, что онъ рѣшился доносить на человѣка, покинувшаго родину и по своимъ несчастіямъ какъ бы неприкосновеннаго. Послѣ того слѣдовалъ подробный историческій обзоръ всѣхъ винъ Линге, какъ журналиста. Какъ ни краснорѣчиво и ни убѣдительно ораторствовалъ доносчикъ, однако его стараніе было вотще: пренія по этому предмету было опредѣлено оставить до слѣдующаго раза, другими словами — доносъ былъ не принятъ во вниманіе: думали, что вступивъ въ борьбу съ частнымъ лицомъ, парламентъ унизилъ бы свое достоинство. Вообще же поданныя мнѣнія были очень трусливаго свойства: одни страшились еще большей раздражительности журналиста и говорили, что, затѣявъ дѣло, только разожгутъ желчь Линге и сдѣлаютъ его еще болѣе настойчивымъ въ нападкахъ; другіе опасались, что разсмотрѣніе журнала въ парламентѣ привлечетъ Линге во Францію, гдѣ онъ будетъ непремѣнно требовать суда и оправданія; третьи ссылались на покровительство, которымъ пользовался бывшій адвокатъ у Monsieur (брата короля) и удовольствіе, которое испытывали при чтеніи его журнала сами король и королева. Однако, такую неудачу доноса посиѣшилъ исправить одинъ изъ тогдашнихъ министровъ, покончивъ съ Линге гораздо проще: предательски заманивъ его во Францію въ 1780 г., онъ безъ всякаго суда и расправы засадилъ въ Бастилью. Здѣсь журналистъ оставался въ продолженіе двухъ лѣтъ; потомъ его было хотѣли перевести въ другую государственную тюрьму въ Ренсель, но на дорогѣ туда Линге успѣлъ скрыться сначала въ Брюссель, а оттуда въ Лондонъ, гдѣ и поспѣшилъ дрожащею еще отъ ярости рукою написать свои знаменитыя записки о

Бастиліи, которыя могутъ считаться первымъ ударомъ, потрясшимъ эту старинную твердыню произвола. На гравюрѣ, украшавшей «Записки», былъ изображенъ Людовикъ XVI со всѣми аттрибутами королевской власти, посреди развалинъ полуразрушеннаго замка (т. е. Бастильи); король съ благодушіемъ простираетъ руки къ освобожденнымъ узникамъ. Молнія чертитъ на стѣнѣ слова новаго закона о тюрьмахъ, 30 августа 1780 года: «Эти безвѣстныя мученія, эти тайныя страданія, какъ скоро они безсильны для поддержанія порядка посредствомъ гласности и примѣра, становятся безполезными въ нашемъ судопроизводствѣ. Этой одной мысли достаточно для осужденія Бастилій, потому что ихъ спеціальное назначеніе и состоитъ въ терзаніяхъ, въ терзаніяхъ деспотическихъ, въ терзаніяхъ людей, чаще невинныхъ, нежели виновныхъ, и именно при помощи безвѣстныхъ мученій и тайныхъ страданій.»

Съ 1783 г. Ленге возобновилъ изданіе своихъ «Лѣтописей» опять въ Лондонѣ. «Читатели, знакомые съ предъидущими томами настоящаго изданія, писалъ онъ въ предисловіи, — могутъ быть увѣрены, что они найдутъ прежнее направленіе и въ слѣдующихъ выпускахъ. Если правило — не писать иначе, какъ по внутреннему убѣжденію, могло придать нѣкоторую энергію моему перу, то это правило и здѣсь встрѣтятъ вмѣстѣ съ откровенностью, безпристрастіемъ, жертвою которыхъ былъ я столько разъ и которыя, къ счастью, не могутъ болѣе вредить мнѣ.

«Во рвѣ львиномъ новѣйшаго Вавилона, неприступномъ даже небеснымъ вѣстникамъ и утѣшеніямъ, иногда проникавшимъ въ ветхозавѣтную подобную пропасть, могли терзать мое сердце, могли разрывать его всевозможными огорченіями, могли покушаться всячески на мою жизнь, но не могли унизить моей души. Силы мои ослабли, но не ослабло мое рвеніе, моя любовь къ истинѣ.

«*Лѣтописи*, слѣдовательно, испытаютъ въ содержаніи своемъ только то измѣненіе, которое можетъ произойти съ одной стороны отъ полнѣйшей независимости, а съ другой — отъ большей опытности автора. Два года заключенія въ крѣпости, — заключенія столько же тяжелаго, сколько и жестокаго,—измѣнили мой образъ мыслей о многихъ предметахъ, а о другихъ утвердили его. Я буду отрекаться безъ стыда, отстаивать безъ упрямства. Напримѣръ, я теперь во многомъ перемѣнилъ прежнее мнѣніе свое объ англійской конституціи. Мое возвращеніе на островъ, оживотворяемый ею, служитъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ тому. Обстоятельное разсмотрѣніе ея поможетъ окончательно оправдать то уваженіе, которымъ я проникнутъ къ ней. Не боюсь, что просвѣщенные цѣнители найдутъ противорѣчіе между теперешними похвалами и прежними от-

звѣзами моими. При помощи хорошихъ зрительныхъ трубъ звѣзды виднѣе, чѣмъ простымъ глазомъ, а Бастилья такой превосходный телескопъ для оцѣнки Англіи и ея законовъ!

«Если послѣ чести и уваженія къ себѣ, личная свобода, увѣренность лишиться ея не иначе, какъ вслѣдствіе важныхъ причинъ и притомъ съ соблюденіемъ формъ, которыя даютъ невинности всѣ способы получить эту свободу немедленно, — если это самыя драгоцѣнныя блага для мыслящаго человѣка, то, конечно, конституція, ограждающая ихъ съ большею твердостью, есть наисовершеннѣйшая. И вотъ преимущество той, которою англичане, по справедливости, могутъ гордиться. До сихъ поръ меня поражали въ ней нѣкоторыя несообразности; теперь мнѣ опытъ показалъ, что въ ней нѣтъ такихъ, которыя бы могли сравниться съ lettre de cachet» (особый родъ бланковыхъ бумагъ, за подписью короля, о заключеніи въ Бастилью безъ всякаго слѣдствія и при совершенномъ отсутствіи какихъ бы то ни было обрядовъ судопроизводства. Lettre de cachet исчезло только въ революцію).

Въ революцію Линге вернулся въ Парижъ, чтобы тамъ погибнуть на эшафотѣ за невинный парадоксъ. И въ послѣднія минуты адвокатъ-журналистъ не измѣнилъ себѣ: ждалъ съ нетерпѣніемъ, когда его позовутъ предъ страшное судилище, и весело увѣрялъ своихъ товарищей по заключенію, что для него будетъ торжествомъ доказать глупость и жестокость своихъ враговъ. Вышло иначе: въ судилищѣ его даже и не слушали. «Это не судьи, а тигры!» сказалъ съ горестью Линге, возвращаясь въ тюрьму.

Одинаковою извѣстностью съ «Лѣтописями» Линге, только по другимъ причинамъ, пользовался французскій журналъ, также издававшійся въ Лондонѣ и называвшійся «Вѣстникъ Европы» (Courier de l'Europe). Начало его относится къ 1776 году. До этого времени Англія оставалась какъ бы постороннею для остальной Европы; ничего не вѣдали, что происходило внутри ея; англійская конституція была извѣстна во Франціи лишь по сочиненію Монтескье и по россказнямъ путешественниковъ, ѣзжавшихъ въ Лондонъ недѣли на двѣ на счетъ книгопродавцевъ и возвращавшихся повѣдывать Парижу о своихъ впечатлѣніяхъ. Голландскія газеты могли бы восполнять пробѣлы, но ихъ отрывочныя статейки, ихъ безобразные переводы англійскихъ газетъ были такъ утомительны и запутанны, что ихъ съ трудомъ можно было читать, а если и прочитывался подобный хаосъ, то трудно было что нибудь разобрать изъ него. Одинъ смѣтливый французъ предвидѣлъ во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ всѣ

условія огромнаго успѣха журнала, посвященнаго преимущественно Англіи, тѣмъ болѣе, что на континентѣ все болѣе и болѣе чувствовалась потребность въ основательномъ знаніи дѣлъ ея, и что въ этомъ случаѣ огромная масса ежедневныхъ и періодическихъ журналовъ, процвѣтавшихъ и тогда въ Лондонѣ, могла доставлять самые разнообразные матеріалы для новаго изданія.

Этотъ смѣтливый французъ былъ Серръ де-Латуръ. Онъ происходилъ изъ аристократической фамиліи, воспитывался въ большомъ свѣтѣ, но не былъ въ состояніи поддерживать тамъ своихъ связей. Несмотря на то, что былъ женатъ и отцомъ многихъ дѣтей, Латуръ ухаживалъ за чужой женой, своей родственницей, мужъ которой былъ его начальникомъ. Жена была молода, обворожительна—мужъ старъ, безобразенъ и ворчливъ, а потому не нужно было много времени, чтобы секретарь одержалъ верхъ надъ начальникомъ. Обстоятельство это не оставалось долго неузнаннымъ и навлекло разныя злоключенія на любовниковъ: они рѣшились бѣжать, взявъ съ собою на дорогу столько, сколько требовалось, чтобы не впасть съ перваго шагу въ бѣдность. Одна Англія представляла имъ вѣрное убѣжище отъ всѣхъ поисковъ французскихъ министровъ, и они прибыли въ Лондонъ. Тамъ, первые мѣсяцы для бѣглецовъ прошли восхитительно, но потомъ явилась бѣдность. Беззаботный Латуръ сначала не думалъ о средствахъ избѣгнуть ея; однако потомъ надобно было какъ нибудь выпутываться, хотя несчастная его подруга съ твердостію переносила лишенія и долго работала непривычными къ труду руками, для поддержанія скуднаго хозяйства.

Въ это время, война Англіи съ Америкой занимала всѣ умы; опасались разрыва съ Франціею. Послѣдней необходимо было знать все, что происходило въ Англіи. Такія отношенія двухъ государствъ навели Латура на мысль издавать въ Лондонѣ французскій журналъ для Франціи. Онъ обратился къ нѣкоему Суинтону, который тогда пользовался большою извѣстностью между французами, хотя оказывалъ имъ одолженія не иначе, какъ на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Суинтонъ былъ проходимецъ, очень подозрительной честности. Бывъ корреспондентомъ Бомарше и принимая у себя въ домѣ всѣхъ французовъ, онъ въ то же время не гнушался никакимъ ремесломъ: носились слухи, что онъ составилъ себѣ состояніе игрою и отдачею денегъ въ ростъ за огромные проценты, особенно французскимъ баричамъ, пріѣзжавшимъ въ Лондонъ брать уроки въ англоманіи и т. п. Суинтонъ держалъ подъ чужимъ именемъ ресторанъ, имѣлъ такимъ же образомъ винный погребъ, но главнѣйшими статьями его доходовъ были значительные паи, которыми онъ владѣлъ въ разныхъ англійскихъ журналахъ. Отъ Суинтона не могла укрыться вы-

годная сторона проэкта Латура и онъ поспѣшилъ снабдить его деньгами, необходимыми на изданіе англо-французскаго журнала.

Весь успѣхъ этого изданія разсчитывался, разумѣется, на Францію; но какимъ способомъ заставить его проникнуть въ страну, гдѣ свобода прессы была очень стѣснена? Политическіе разсчеты устранили всѣ препятствія: Латуръ ловко далъ понять французскому правительству, какого рода пользу могъ принести ему журналъ во время войны, которая имѣла открыться; именно, онъ замѣнялъ бы правительству сотню политическихъ шпіоновъ и доставлялъ бы такимъ образомъ барыши, вмѣсто расходовъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ де-Верженъ далъ разрѣшеніе, и «Вѣстникъ Европы» могъ являться одновременно и въ Лондонѣ, и въ Парижѣ.

Журналу, издававшемуся въ такой странѣ, какъ Англія, трудно было держаться той мѣрки, которая требовалась по ту сторону пролива. На второмъ же нумерѣ «Вѣстникъ» во Франціи запретили, такъ какъ было замѣчено, что въ немъ неприлично критиковались французскіе министры. Полиція стала отбирать всѣ нумера его въ общественныхъ мѣстахъ и даже король казался такъ раздраженнымъ смѣлостью новаго газетчика, что не только воспретилъ пропускать «Вѣстникъ» во Францію, но и заказалъ всѣмъ своимъ министрамъ имѣть у себя хотя даже одинъ экземпляръ. Такое запрещеніе было смертельнымъ ударомъ для изданія, что очень хорошо соображали его собственники. Они вступили въ переговоры съ Верженомъ о помилованіи, сваливая при томъ всю вину на одного изъ своихъ сотрудниковъ и обѣщая на будущее время держаться въ предѣлахъ, которыхъ требуетъ французское правительство. Вержену удалось побѣдить нерасположеніе короля къ «Вѣстнику Европы» увѣреніемъ, что лучшее средство прекратить нападки этого журнала состоитъ въ томъ, чтобы дiя выгодъ издателей дозволить выписывать его во Францію. Изданіе Латура снова появилось туда съ 1 ноября 1776 г. Опытъ показалъ на дѣлѣ справедливость увѣренія министра, оказавшагося знатокомъ сердца человѣческаго вообще и издательскаго въ особенности: съ той минуты, какъ «Вѣстнику» было возвращено право являться во Францію, этотъ журналъ сдѣлался столько же остороженъ въ своихъ приговорахъ французскому правительству, сколько былъ до той поры смѣлъ. На его заглавіи печаталось извѣщеніе: «продолжается по новому плану съ 1 ноября 1776 года». Это значило, что онъ изъ барышей и чтобы не лишиться французскихъ подписчиковъ перемѣнилъ направленіе и сталъ потому же снисходительнымъ и почтительнымъ. Такимъ маневромъ англо-французская газета достигла благоденствія, и на долю одного Латура досталось въ первый же годъ 25 т. ливровъ.

Однако не должно думать, чтобы послѣ того «Вѣстникъ Европы» пользовался невозмутимымъ спокойствіемъ во Франціи. Сколько ни обѣщалась редакція его быть на будущее время благоразумнѣе, въ журналѣ проскакивали тамъ и самъ либеральные промахи, что возбуждало всегда опасенія между его французскими подписчиками и поклонниками. «Обиліе предметовъ, о которыхъ толкуетъ «Вѣстникъ Европы», замѣчено въ однихъ современныхъ мемуарахъ: необходимо привлекаетъ къ нему гораздо болѣе подписчиковъ, нежели къ другимъ газетамъ, тѣмъ болѣе, что тамъ допущена несравненно большая свобода, почему и страшатся, чтобы его наконецъ не запретили. Уже многіе изъ нумеровъ «Вѣстника» были задержаны на почтѣ, несмотря на удивительную снисходительность къ нему министра, вѣроятно по уваженію къ англійскому происхожденію журнала, предполагающему исключительную свободу...»

Не отъ одного, впрочемъ, Парижа «Вѣстникъ» встрѣчалъ затрудненія: однажды онъ сдѣлался жертвою раздоровъ между берлинскимъ и вѣнскимъ дворами. Австрійскій министръ не будучи въ состояніи удовлетворительно отвѣчать на нѣкоторыя статьи, напечатанныя въ «Вѣстникѣ» сторонниками прусскаго короля, запретилъ, изъ жалкаго мщенія, обращеніе и чтеніе его въ областяхъ Маріи Терезіи. Прусскій король, какъ бы въ возмездіе, не велѣлъ пропускать въ Пруссію всѣ иностранныя газеты, которыя были извѣстны подъ названіемъ газетъ главнаго императорскаго почтамта. И это запрещеніе послѣдовало вслѣдствіе ребяческой обидчивости прусскаго правительства на нѣкоторые изъ помянутыхъ журналовъ. Однако, несмотря ни на что, «Вѣстникъ» успѣлъ восторжествовать и надъ щепетильностью нѣмцевъ, а временное преслѣдованіе его въ Германіи только увеличило тамъ число его подписчиковъ.

Однажды давнишнія опасенія французскихъ подписчиковъ «Вѣстника» осуществились: въ апрѣлѣ 1778 г., они перестали вовсе получать его, за исключеніемъ немногихъ нумеровъ, и то доходившихъ до Франціи контрабандой. На этотъ разъ препятствія были не со стороны французскаго министра, такъ какъ въ самомъ Лондонѣ, что кажется почти невѣроятнымъ, задержаны были нумера, предназначавшіеся во Францію. Англійское министерство было поражено тѣмъ зломъ, которое могло ему причинить изданіе «Вѣстника Европы». Война продолжала опустошенія, когда англо-французская газета начала свои; за нее распинались отъ Парижа до Петербурга; у ней подписчики были во всѣхъ углахъ Европы; чрезъ нее узнавали о Фоксѣ, Боркѣ, которыхъ рѣчи твердили наизусть, и уродовали имена. Каждый наперерывъ восхищался возвышеннымъ краснорѣчіемъ ораторовъ, до того времени безвѣстныхъ; каждый приходилъ

въ изумленіе, что король Георгъ такъ терпѣливо дозволялъ имъ поносить себя и даже не засаживалъ котораго нибудь изъ этихъ витій въ тюрьму. Какъ! нѣтъ ни произвольныхъ заточеній, ни Бастильи? Вотъ, говорили, въ Англіи такъ — народъ королемъ! Начитавшись реторическихъ рѣчей, которыя французскіе журналисты за-частую или сами приписывали тѣмъ лицамъ или же фабриковали со словъ англійскихъ журналистовъ, первыхъ сочинителей ихъ,—въ Европѣ стали думать, что пріобрѣли основательныя свѣдѣнія объ англійской конституціи.

Во всемъ этомъ еще не было вреда Англіи; но что было для нея опасно, такъ это передача, болѣе или менѣе точная, парламентскихъ преній, съ разсужденіями и размышленіями, сопровождавшими или возбуждавшими ихъ; чрезъ все это вдругъ раскрылась слабость администраціи, то разъединеніе, которое царствовало и между государственными людьми, и между тремя народами королевства. Случалось часто, что за нѣсколько мѣсяцевъ прежде отгадывали самыя изъ важнѣйшихъ министерскихъ мѣръ и пользовались тѣмъ, чтобы ихъ ниспровергнуть.

Лордъ Стормантъ, во время пребыванія своего въ Парижѣ, былъ свидѣтелемъ успѣховъ «Вѣстника Европы», распространенія свѣдѣній, которыя сообщалъ этотъ журналъ объ англійскихъ дѣлахъ и вреда отъ того англійскимъ интересамъ. Отозванный въ Англію вслѣдствіе неожиданно заключеннаго между Франціею и Соединенными Штатами трактата, и войны, которая должна была затѣмъ возгорѣться, онъ не преминулъ указать парламенту, и особенно своему дядѣ лорду Мэнсфильду, печальныя послѣдствія терпимости къ этой французской газетѣ, которую онъ называлъ публичнымъ шпіономъ. Мэнсфильдъ, какъ опытный судья, возражалъ ему, что уже искали всѣ законныя средства для прекращенія изданія ея, но законъ былъ нѣмъ, или, лучше сказать, дозволялъ печатать по-французски, гречески и еврейски всѣ глупости, которыя англійскіе бумагомаратели могли писать на своемъ отечественномъ языкѣ. Слѣдовательно, надобно было уважать законъ или издать новый. Таково было мнѣніе Мэнсфильда, таково было заключеніе и четырехъ извѣстнѣйшихъ юрисконсультовъ, съ которыми совѣтовались по этому предмету. Потомъ казалось недостойнымъ великой націи снизойти до изданія никогда прежде не существовавшаго закона противъ свободы книгопечатанія, что показалось бы малодушіемъ со стороны Англіи. Можно было запретить журналъ, но дѣлали видъ, что его презираютъ, и французскій редакторъ продолжалъ сообщать вредныя для Англіи извѣстія, подъ защитою самихъ же англійскихъ законовъ. Однако возрастающій успѣхъ «Вѣстника Европы» все болѣе и болѣе безпо-

コнялъ англійское правительство, и оно, не имѣя права остановить его изданія, придумало способъ, который по крайней мѣрѣ затруднялъ доставленіе журнала во Францію.

Въ Лондонѣ велѣно было считать тюки, въ которыхъ находились предназначавшіеся для Франціи экземпляры «Вѣстника Европы», за товарныя мѣста, а потому они подверглись наложенію запрещенія. Полагали, что обойдя такимъ образомъ законъ, можно было парализировать журналъ, становившійся все болѣе и болѣе опаснымъ.

Суинтонъ не потерялся при такомъ злоключеніи: чтобы отпарировать ударъ, онъ основалъ въ Булонѣ типографію для печатанія тамъ «Вѣстника», издаваемаго въ Лондонѣ. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ далъ на то согласіе съ условіемъ, чтобы перепечатка эта производилась подъ наблюденіемъ французскаго цензора аббата Обера, извѣстнаго, какъ уже видѣли выше, доносчика на Парижскій журналъ... Завѣдываніе булонскою газетою Суинтонъ возложилъ на Бриссо, игравшаго десять лѣтъ послѣ видную роль во время революціи во Франціи. Бриссо, принявъ на себя редакторство, такъ говорилъ въ своей программѣ: «будемъ уважать ремесло (журналиста): оно не безчеститъ меня. Вмѣсто пошлыхъ анекдотовъ, вмѣсто скандалезной хроники, будемъ говорить о конституціи и истинныхъ пользахъ народовъ; вмѣсто плохихъ стишковъ, грубыхъ насмѣшекъ, продажныхъ похвалъ посредственнымъ писателямъ, надобно дѣлать извлеченія изъ лучшихъ сочиненій и такимъ образомъ знакомиться съ ними; надобно распространять здравыя начала, содѣлывающія людей просвѣщенными и добродѣтельными; надобно высказать все достоинство англійской литературы, остающейся совершенно неизвѣстною во Франціи; надобно оказывать услуги почтеннымъ писателямъ, которые сохранятъ о томъ воспоминаніе и признательность».

Все это написано было очень хорошо, но возникало справедливое опасеніе, понравятся ли всѣ части такой программы французскому правительству, которое было очень далеко отъ того, чтобы раздѣлять мнѣнія юнаго филантропа о здравыхъ началахъ, дѣлающихъ людей счастливыми, о необходимости разсуждать о пользахъ народовъ? И дѣйствительно, скоро министръ нашелъ «Вѣстникъ» опасною трибуною, которую надо было ниспровергнуть, и она была ниспровергнута. Многія изъ замѣчательнѣйшихъ статей Бриссо стали запрещать, а вмѣсто нихъ читатели получали басни аббата Обера, плохіе стихи, неудачныя эпиграммы и литературные отрывки, пропущенные сквозь строгую цензуру. Бриссо скоро на-

доѣло все это, и онъ бросилъ изданіе «Вѣстника» въ Булонѣ и перешелъ въ сотрудники къ Латуру по лондонскому изданію.

Обзоръ французской журналистики былъ бы неполонъ, безъ упоминанія о Церковныхъ Извѣстіяхъ (Nouvelles écclésiastiques), періодическомъ изданіи, выходившемъ во Франціи съ 1728 по 1793 годъ. Это былъ органъ партіи янсенистовъ, извѣстныхъ своею непримиримою враждою къ іезуитамъ. Вражда эта въ XVII и XVIII столѣтіяхъ выражалась въ борьбѣ на смерть между послѣдователями обѣихъ партій, и въ ней принималъ горячее участіе цѣлый народъ, что особенно замѣчательно для XVIII вѣка, эпохи скептической и насмѣшливой по преимуществу. Въ настоящее время, янсенизмъ принадлежитъ исторіи, и въ самой Франціи едва помнятъ объ ученіи, дѣлавшемъ въ свое время столько шума, подавшемъ поводъ къ столь многимъ гоненіямъ, а слѣдовательно, и фанатическому раздраженію. Корнелій Янсеній, родомъ голландецъ, представлялъ ученіе святаго Августина, какъ единое католическое, отвергалъ дѣятельность разума въ предметахъ религіозныхъ, считалъ матерью всѣхъ ересей философію, особенно Аристотеля, какъ источникъ пелагіанизма (послѣдователи котораго отвергали испорченность человѣческой природы чрезъ первородный грѣхъ) и проч. Противниками Янсенія и его многочисленныхъ послѣдователей явились іезуиты. Они, будучи въ силѣ при Людовикѣ XIV, выхлопотали въ 1713 году у папы Климента IX знаменитую буллу Unigenitus, которая подала поводъ къ жестокимъ гоненіямъ французскихъ янсенистовъ; послѣдніе, впрочемъ, несмотря ни на что, продолжали борьбу на перьяхъ съ послѣдователями Лойолы, и только революція могла потушить фанатизмъ противниковъ и приверженцевъ обѣихъ партій. Вскорѣ послѣ изданія названной буллы, янсенисты, гонимые и угнетенные врагомъ сильнѣйшимъ, начали издавать свои Nouvelles écclésiastiques. Нужно ли говорить, съ какою яростью было узнано о томъ іезуитами? Но гдѣ этотъ журналъ издавался, кто былъ его редакторомъ — того, при всей ловкости и изворотливости отцовъ іезуитовъ, узнать не было возможности, хотя самъ начальникъ парижской полиціи былъ на сторонѣ ихъ и употреблялъ всѣ мѣры, чтобы напасть на слѣдъ смѣльчака-издателя.

«Вотъ уже три года, писали въ Nouvelles écclésiastiques въ 1731 году, какъ выходитъ это небольшое изданіе и повидимому на немъ почіетъ благословеніе божеское. Извѣстно, какъ много встрѣтило оно противодѣйствія отъ людей, сколько препятствій ему было надобно превозмочь и сколько еще и теперь ему предстоитъ опасно-

стей и затрудненій. Но до тѣхъ поръ, пока оно будетъ подъ защитою Всемогущаго, кто въ состояніи погубить его? Предпринятое единственно для защиты истины, во времена, когда истина и ея защитники находятъ только доступъ къ суду общественнаго мнѣнія, его участь должна имѣть нѣкоторое сходство съ судьбою самой истины: до тѣхъ поръ, пока она будетъ опровергаема и поражаема, до тѣхъ поръ и наши *Извѣстія* должны испытывать борьбу и противорѣчіе.

«Каждый день, съ удивленіемъ и горестью слышится, что г. Геро (начальникъ полиціи) ни о чемъ такъ не хлопочетъ въ безпрерывныхъ розыскаиіяхъ, какъ только объ открытіи того, кого называетъ онъ авторомъ *Церковныхъ Извѣстій*. Что всего страннѣе, что онъ, безъ всякихъ доказательствъ и причинъ, по самымъ неосновательнымъ подозрѣніямъ и пустѣйшимъ доносамъ, обвиняетъ въ такъ-называемомъ имъ преступленіи всѣхъ невинныхъ, которыхъ онъ захватываетъ или которые успѣваютъ избѣгнуть его преслѣдованій. Неужели этотъ сановникъ одинъ въ свѣтѣ убѣжденъ, вопреки всякаго вѣроятія, что этотъ авторъ (если онъ заслуживаетъ такого названія) человѣкъ единственный въ своемъ родѣ и не можетъ быть никѣмъ замѣненъ? Разумѣется, будетъ замѣненъ и даже съ вящшею пользою для читателей и для блага общаго дѣла. Когда дѣло идетъ объ изложеніи фактовъ, полезныхъ истинѣ, всѣ уста служителей Божіихъ отверсты, чтобы ихъ повѣдать, а перья готовы, чтобы описать ихъ».

Если неутомимо преслѣдовали автора «Извѣстій», то не слабѣе производили травлю и типографщику ихъ. Такъ, въ современныхъ запискахъ читаемъ: «2 апрѣля 1728 года (журналъ тогда только-что началъ выходить), посадили въ Бастилію Ботца сына, типографщика, съ однимъ изъ его прислужниковъ, шляпочника и портнаго, — они всѣ замѣшаны по дѣлу о составленіи и печатаніи еженедѣльнаго изданія «Церковныя извѣстія», которыя распространены въ Парижѣ. Теперь началось слѣдствіе, чтобы потомъ наказать виновныхъ по строгости законовъ».

«Церковныя извѣстія» печатались повсюду, то здѣсь, то тамъ, сегодня въ городѣ, завтра въ какой нибудь деревнѣ, въ подвалѣ, сараѣ, даже посреди лѣса. Однажды, начальникъ полиціи, выведенный изъ себя смѣлостью газеты, которая подсмѣивалась надъ нимъ даже въ его собственномъ кабинетѣ, позвалъ къ себѣ всѣхъ парижскихъ типографщиковъ и грозилъ имъ примѣрнымъ наказаніемъ, если они сами, въ кратчайшій срокъ, не отыщутъ ему виновнаго. Итакъ, надобно было выбирать между Бастильею и доносомъ. Одинъ изъ этихъ господъ, разсматривая виньетту, украшавшую послѣдній

нумеръ «Извѣстій» — это было изображеніе попугая — вспомнилъ, что онъ видѣлъ ее на какомъ-то провинціальномъ альманахѣ, и послѣ многихъ поисковъ, точно отъискалъ виньетту на альманахѣ, напечатанномъ въ Оксеррѣ. Болтливая птица, въ самомъ дѣлѣ, была типографскимъ знакомъ нѣкоего книгопечатника того города, Фурнье, человѣка очень способнаго по своей части, но въ тоже время, если правда, что разсказывается объ этомъ происшествіи, не очень осторожнаго. Тѣмъ не менѣе блуждающая газета была вынуждена искать себѣ другаго убѣжища, и какъ дѣло было въ очень доброй для янсенизма странѣ, то скоро нашла его. Думали, что она печаталась нѣкоторое время въ одномъ замкѣ, владѣльцы котораго были янсенисты. Другіе увѣряютъ, что типографскій станокъ былъ перенесенъ въ лѣсныя дебри Пюизе, въ жилище угольщика. Говорятъ болѣе: однажды самъ начальникъ полиціи руководилъ розысканіями, и они навѣрное бы остались безъ успѣха, если бы крайняя смѣлость не испортила всего дѣла: садясь въ свою карету, начальникъ полиціи нашелъ тамъ еще влажные экземпляры дерзкой газеты. Тогда-то принялись снова за поиски и тайникъ былъ открытъ.

«Невозможно было, говоритъ Барбье, открыть автора «Церковныхъ извѣстій»; обыкновенно они переходили чрезъ руки столькихъ лицъ и очень при томъ честныхъ, что авторъ всегда оставался неизвѣстнымъ для тѣхъ, кто его могъ арестовать. Когда онъ, по имѣвшимся у него матеріаламъ, составлялъ свой листокъ, то бросалъ черновые въ огонь, а бѣлый передавалъ другому; этотъ, его списывалъ, подлинникъ сжигалъ, а свою копію сообщалъ третьему, который уничтожалъ вторую копію, а свою относилъ къ типографщику. Онъ же принималъ изъ типографіи экземпляры, чтобы раздавать ихъ въ Парижѣ. Въ разныхъ частяхъ города, было до двадцати лицъ, которыя брали себѣ по сту, напр., экземпляровъ, каждый. Къ этимъ двадцати лицамъ разносился журналъ не однимъ человѣкомъ, а двадцатью, которымъ и платили принимавшіе сто экземпляровъ. Одинъ экземпляръ приходился каждому разнощику даромъ, а тѣ уже хорошо знали, кому передать газету, чтобы получить за нее деньги. Если сегодня утромъ одинъ изъ получателей попадался, то всѣ остальные девятнадцать были уже о томъ предупреждены; экземпляры переносились въ другое мѣсто, и такимъ образомъ, кого бы ни арестовали, заведенная машина не останавливалась, и было почти невозможно преградить обращеніе «Извѣстій».

«29 мая 1728 года, обнародовали указъ, воспрещавшій подъ страхомъ ссылки въ первый разъ на галеры, печатать все, что могло имѣть какое нибудь соотношеніе къ буллѣ (Unigenitus—см. выше)

или религіи подъ заглавіемъ «Церковныя записки или извѣстія»; наказаніе изгнаніемъ опредѣлено авторамъ ихъ. Несмотря на это, въ первой половинѣ іюня успѣли напечатать и раздать «Церковныя извѣстія» на четырехъ печатныхъ листахъ». Въ февралѣ 1731 года: «Вотъ уже три года, какъ «Церковныя извѣстія» обращаются въ публикѣ, а начальникъ полиціи до сихъ поръ не можетъ открыть ни автора, ни мѣста, гдѣ они печатаются. Парламентъ, приговоромъ 9 сего мѣсяца, осудилъ послѣдніе пять нумеровъ на сожженіе рукою палача, что́ и было исполнено. Это должно огорчить янсенистовъ. Они безвозбранно извѣщали обо всемъ, что происходило по случаю конституціи, критиковали безъ милосердія сановниковъ и магистратуру, — послѣдніе тѣмъ взбѣшены несказанно... Каждый изъ нихъ получаетъ на свое имя пакетъ... Сожженіе не остановило продолженія «Извѣстій» и возбудило только еще бо́льшее усердіе въ партіи...»

Недостатокъ политическихъ газетъ во Франціи второй половины XVIII столѣтія и особенное положеніе тѣхъ изъ нихъ, которымъ было дозволено существовать въ силу несправедливыхъ привилегій, породили во французской прессѣ контрабандную журналистику — рукописные листки, которые составлялись разными собирателями новостей, бюллетинистами. Послѣдніе занимались также сообщеніемъ текущихъ новостей и въ разныя иностранныя газеты. Правительство, разумѣется, не могло смотрѣть благосклонно на этихъ тайныхъ лѣтописцевъ скандалезной хроники и потому иногда преслѣдовало ихъ со строгостью, доходившею до крайностей; впрочемъ, не смотря на то, уничтожить бюллетинистовъ, чрезвычайно размножившихся и привлеченныхъ барышами, въ послѣднее время передъ революціею, уже не было никакой возможности, а потому и чтобы сколько нибудь предупредить вліяніе тайной журналистики, рано начали прибѣгать къ сдѣлкамъ и уступкамъ.

Въ журналѣ Барбье подъ 1745 читаемъ: «одно частное лицо выхлопотало негласное позволеніе раздавать рукописныя извѣстія, съ условіемъ, что они будутъ просматриваемы и одобряемы кѣмъ нибудь изъ назначенныхъ для того полицейскихъ чиновниковъ. Эти извѣстія разносились по домамъ и кофейнямъ два раза въ недѣлю, съ платою отъ 30 до 40 су въ мѣсяцъ, что́ и приносило значительные барыши. Въ рукописныхъ извѣстіяхъ, каждый нумеръ въ форматѣ почтоваго листа, было сообщаемо о частныхъ дѣлахъ, бракахъ, наслѣдствахъ, все это съ разными скандальчиками, привлекавшими къ нимъ праздное любопытство. Многіе изъ бюллетинистовъ попадали нерѣдко въ Бастилью, писалъ Барбье; но такая мѣра ока-

зывается ребяческою. Правда, что въ Парижѣ много злонамѣренныхъ людей, прозванныхъ австрійцами, которые, пользуясь застоемъ журналистики и безгласностью, стараются распространять невыгодныя для Франціи новости; но, право, когда послѣднія въ самомъ дѣлѣ плохи и порождены дурными распорядками, то невозможно же всякому доброму французу восторгаться и кричать о побѣдахъ! Настоящая причина всѣхъ дурныхъ слуховъ происходитъ оттого, что вовсе не существуетъ возможности получать какія бы то ни было извѣстія. Нація довольствовалась бы отъ министерствъ, вмѣсто истины, призракомъ ея. Безпокойные умы пользуются минутами всеобщихъ ожиданій, чтобы распространять недовѣріе и недовольство, выражавшіяся въ повсемѣстныхъ жалобахъ противъ министровъ и правительства».

Мы замѣтили выше, что нѣкоторыхъ бюллетинистовъ терпѣло правительство иногда по разсчетамъ политическимъ; чаще же по личнымъ отношеніямъ, въ которыхъ нерѣдко женщины играли важную роль.

Однажды, министру иностранныхъ дѣлъ Вержену представили о разрѣшеніи какому-то бюллетинисту сообщать извѣстія въ голландскій журналъ. Ходатаемъ въ этомъ дѣлѣ былъ аббатъ Сюаръ, писавшій, что его protégé никогда не позволитъ себѣ распространяться въ своей корреспонденціи о томъ, что можетъ оскорблять деликатность гражданина, а еще болѣе значительной особы. Верженъ отвѣчалъ на это: «Я имѣлъ честь получить письма, которыя писаны вами и г. Сюаромъ касательно дозволенія одному неизвѣстному частному лицу сообщать извѣстія къ голландскому журналисту, подъ условіями сообщенія полиціи имени и корреспонденціи его... Я полагаю, что вреда отъ терпимости въ подобныхъ случаяхъ гораздо болѣе, нежели пользы, отъ того ожидаемой, даже и при административномъ надзорѣ. Опытъ намъ доказалъ, что изъ всѣхъ родовъ писателей, состоящихъ на жалованьѣ, нувеллистовъ всего труднѣе удержать въ надлежащихъ предѣлахъ. Какой благоразумный человѣкъ поручится за поведеніе бюллетиниста, разсчитывающаго на барыши по количеству секретныхъ разсказовъ, которые онъ можетъ собрать? и какой честный человѣкъ позволитъ взять на себя подобное порученіе, послѣ стольких злоупотребленій его собратій и безчестій, которыя они тѣмъ навлекли на себя? Предполагаю даже, что лицо, извѣстное своимъ благоразуміемъ, получаетъ ходатайствуемое имъ разрѣшеніе, и что по личнымъ качествамъ оно того заслуживаетъ, но въ то же время не смотря на всѣ свои достоинства оно не въ состояніи помѣшать журналисту, которому доставляетъ свои извѣстія, получать тайныя, часто вредныя свѣдѣнія и потомъ разглашать ихъ въ своей

газетѣ. Что произойдетъ оттого? Публика будетъ жаловаться на такую легкомысленную терпимость, частныя лица потребуютъ отчета въ злословіи и нескромности газетчика, правительство найдется вынужденнымъ прибѣгнуть къ печальной необходимости наказать корреспондента, который извѣстенъ, и признается виновнымъ, не смотря на всѣ увѣренія въ своей невинности; частныя лица, зная объ одномъ случаѣ терпимости, будутъ винить правительство въ каждой наглости иностранныхъ газетчиковъ и ихъ безвѣстныхъ корреспондентовъ. Эти соображенія... утверждаютъ меня въ мнѣніи, что мы не должны ни разрѣшать, ни признавать французскихъ корреспондентовъ для иностранныхъ газетъ, что этотъ родъ промысла долженъ быть, по прежнему, оставленъ запрещеннымъ, и что тѣ, которые будутъ имъ заниматься, должны подвергаться строгой отвѣтственности. Я вполнѣ надѣюсь на ваши, милостивый государь, неусыпныя старанія слѣдить за поступками корреспондентовъ; секретныя предупрежденія и снисходительные совѣты могутъ быть дѣйствительны для нѣкоторыхъ изъ нихъ, заблуждающихся временно; у другихъ же развратныя наклонности, привычки и жажда къ прибыли причиняли много зла, и для такихъ совѣты безсильны, почему однѣ только мѣры строгости могутъ удерживать ихъ въ границахъ.»

Аббатъ Сюаръ, самъ журналистъ, не нашелся ничего отвѣчать противъ такихъ доводовъ.

Скоро Верженъ воспользовался случаемъ примѣнить высказанныя имъ начальнику полиціи начала противъ одного несчастнаго корреспондента.

«Версаль, 7-го сентября 1782 года.

«Нѣкто Дезессаръ, издатель французской газеты въ Утрехтѣ, подалъ, милостивый государь, поводъ ко многимъ жалобамъ на вольности этого журнала, и еще недавно по случаю клеветническихъ и оскорбительныхъ статей противъ гг. Флери и Грасса, напечатанныхъ въ № 63. Вслѣдствіе настоящій обиженныхъ, я сообщалъ о томъ голландскому посланнику, который и выхлопоталъ выговоръ редактору отъ утрехтскаго магистрата. Редакторъ выслушалъ выговоръ съ нѣкоторыми признаками раскаянія, но въ тоже время отправилъ своему парижскому корреспонденту письмо, въ которомъ, насмѣхаясь надъ голландскими бургомистрами и ихъ выговорами, поручаетъ корреспонденту ничего не измѣнять въ своихъ бюллетеняхъ, такъ какъ рѣшился сохранить преимущество своей газеты

производить шумъ, какъ онъ выражался (*). Упрямая наглость этого газетчика побудила насъ запретить выписку и раздачу въ королевствѣ газеты его, о чемъ и дано уже надлежащее предписаніе отдѣленію иностранныхъ журналовъ. Также я увѣдомилъ о томъ посланника, поручивъ ему предупредить Дезессара, что если онъ еще разъ попадется въ подобнаго рода проступкахъ, то мы о личномъ наказаніи его будемъ ходатайствовать предъ штатами утрехской области. Корреспондентъ Дезессара и въ тоже время другихъ газетъ, какъ-то брюссельской и проч., называется Фуилу, живетъ въ домѣ минеральныхъ водъ, улица Платріеръ, въ Парижѣ; письма онъ получаетъ по адресу къ дѣвицѣ Розаліи Томасъ, которая никто иная, какъ его жена. Онъ-то признается авторомъ бюллетеня, изъ котораго газетчикъ составилъ двѣ статьи, подавшія поводъ къ обвиненію. Подобная нескромность заслуживала бы строжайшаго наказанія; но съ одной стороны его сознаніе, а съ другой предположеніе, что въ его поведеніи болѣе неблагоразумія, нежели злаго умысла, — побудили насъ быть къ нему снисходительными. Однако, извольте потребовать Фуилу къ себѣ, сдѣлать ему строгое внушеніе и воспретить всякое сношеніе съ Дезессаромъ, съ угрозою наказанія въ случаѣ преслушанія. О послѣдующемъ покорнѣйше прошу меня увѣдомить. Верженъ.»

На этотъ разъ, полиція удовольствовалась занесеніемъ въ свой списокъ подозрительныхъ личностей Фуилу, давъ знать своимъ надзирателямъ его примѣты: «ростъ — 2 ар. 6 верш., плечи широкіе, лицо длинное, полонъ, округленъ, краснолицъ: волосы свѣтлокаштановые, глаза блуждающіе и безпокойные; платье изъ свѣтло-сѣраго камлота, камзолъ и панталоны нанковые; — часто бываетъ въ Caveau (одинъ изъ парижскихъ ресторановъ), садится около Филидора». Съ такими отмѣтками, сдѣланными красными чернилами, трудно было долго скрываться отъ толпы шпіоновъ, у которыхъ рукъ было столько же, сколько и глазъ, и которые только и существовали доносами и воровствомъ. Какъ собаки, они выжидали приказанія начальника: «пиль» (pille). Оно было произнесено 14 января 1786 года. Поиски шпіонской стаи, какъ и слѣдовало ожидать, увѣнчались успѣхомъ. Начальнику ея достоитъ честь разсказать о томъ:

(*) Почему министру иностранныхъ дѣлъ хорошо было извѣстно содержаніе письма утрехтскаго журналиста, объясняется тѣмъ, что французское правительство, до революціи, слѣдило за заграничною перепискою съ Франціею и для того особые чиновники вскрывали бóльшую часть пакетовъ, какъ получаемыхъ, такъ и отправляемыхъ изъ королевства. Увѣряютъ, что будто подобный обычай и донынѣ въ силѣ тамъ.

вечеро къ нему явился ловкій сыщикъ и донесъ о первоначальныхъ дѣйствіяхъ: «я не преминулъ разставить моихъ людей около ресторана «Caveau», при чемъ употребилъ тѣхъ, которыхъ я бралъ прежде при задержаніи Фуилу (онъ былъ уже въ тюрьмѣ). Когда онъ пришелъ туда вечеромъ, они его тотчасъ же узнали и не теряли изъ виду почти до полуночи; потомъ слѣдя за нимъ, узнали объ его мѣстѣ жительства.» На слѣдующій день коммиссаръ, надзиратель и К° явились въ улицу Платріеръ, чтобы задержать несчастнаго корреспондента именемъ короля, который, разумѣется, и не подозрѣвалъ о происходящемъ; продолжаемъ выписки изъ шпіонскаго донесенія:

«Мы чрезвычайно старательно обыскивали квартиру Фуилу, чтобы найти доказательства его заграничной переписки, но кажется онъ имѣетъ обыкновеніе жечь всѣ уже ненужныя ему бумаги. Будучи спрошенъ о разныхъ статьяхъ его, подавшихъ поводъ къ наказанію, онъ увѣрялъ, какъ это обыкновенно водится, что былъ только эхомъ общественныхъ слуховъ, что никогда не имѣлъ и помышленія оскорблять правительства и частныхъ лицъ. Чтобы избѣжать огласки и предупредить сцену, которая неминуемо воспослѣдовала бы при разлученіи съ огорчённою женою, я счелъ нужнымъ оставить его въ невѣдѣніи, куда его отправляютъ. Такимъ образомъ, думая, что его везутъ въ Бастилью или другую тюрьму, онъ сначала переносилъ арестованіе неустрашимо; но потомъ, когда замѣтилъ, что его засаживаютъ въ сумашедшій домъ, то трудно описать вамъ, какая произошла въ немъ внезапная перемѣна — его покинула вся философія...»

«Его философія!» восклицаетъ по этому случаю Барбье, сообщившій эти страшныя подробности. «Достаетъ силъ не бояться деспотовъ и смерти, но не безчестья! Гражданинъ, супругъ, отецъ можетъ быть ввергнутъ въ домъ умалишенныхъ, куда отсылали самыхъ страшныхъ и порочныхъ злодѣевъ, и за что? за то, что повѣрили ложному доносу, за то, что корреспондентъ осмѣлился написать о главноуправляющемъ Клермонѣ, что онъ засадилъ въ тюрьму сорокъ сборщиковъ! Съ наступленіемъ переворота, когда достойные люди, наконецъ, стали получать мѣста, Фуилу сдѣлался однимъ изъ первыхъ представителей общины; однако уѣздъ св. Евстафія не могъ побѣдить предубѣжденій противъ него, — несчастія Фуилу не всѣ знали...»

И такъ, съ приближеніемъ первой революціи, во французской прессѣ стали все болѣе и сильнѣе обрисовываться стремленія къ обнародованію во всеобщее свѣдѣніе событій и явленій, остававшихся долгое время подъ печатью таинственности, въ совершенномъ

мраки. Такъ какъ за средства для осуществленія этихъ стремленій трудно было приняться въ самой Франціи и притомъ открыто, то прежде всего стали являться періодическія изданія за границей, потомъ размножились и въ самомъ королевствѣ рукописныя газеты и корреспонденты, собиравшіе матеріалы для обнародованія ихъ или въ заграничныхъ журналахъ, или въ домашнихъ бюллетеняхъ. Чѣмъ болѣе сближалось время къ перевороту, тѣмъ болѣе разростался классъ писателей и журналистовъ. Отъ правительства не ускользало зло, которое могло современемъ произойти оттого; но оно думало, что предотвратить его можно при помощи порабощенія. Бо́льшая часть министровъ сами старались довести до униженія писателей, платя за брошюры въ свою пользу и дѣлая изъ награжденій извѣстныхъ авторовъ приманку для ихъ снисхожденія. Нѣкоторые писатели надѣвали на себя ошейникъ рабства, т. е. получали пенсіоны, благодаря щедрости г. Калонна. Пенсіонеры дѣлались по бо́льшей части льстецами, шпіонами, интриганами. Сколько скандала и развращенія! Между тѣмъ, парижскіе литераторы приходили въ восторгъ отъ такихъ милостей: триста изъ нихъ хлопотали о пенсіонахъ, и даже самъ Мерсье, сдѣлавшійся потомъ ярымъ членомъ Конвента! Въ возмездіе за великодушіе, сановникамъ воскурялся еиміамъ лести, который щедро расточали будущіе пѣвцы революціи. Бо́льшая часть такъ-называемыхъ писателей во Франціи второй половины XVIII-го столѣтія только и старались объ удовлетвореніи своей алчности къ наградамъ и пенсіонамъ; но встрѣчались и такіе, которые мѣтили далѣе и предчувствовали переворотъ, въ которомъ надѣялись найдти пищу и патріотизму и честолюбію своему. Нѣкоторые изъ нихъ не старались скрывать этого, а другіе облекали свои планы и надежды въ болѣе или менѣе прозрачные покровы. Такъ, Бриссо явился въ Лондонъ основывать журналъ и учебное заведеніе повидимому для распространенія наукъ, на дѣлѣ же для борьбы съ деспотизмомъ. Мирабо распространялъ самыя смѣлыя идеи въ изданіи, носившемъ невинное наименованіе «Разборъ англійскихъ бумагъ.» Бергасъ, подъ предлогомъ распространенія успѣховъ животнаго магнетизма, служилъ собственно дѣлу свободы. Въ концѣ XVIII столѣтія магнетизмъ привлекалъ всеобщее вниманіе и занималъ всѣ умы. Бриссо, при самомъ началѣ этого открытія, чувствовалъ къ нему величайшее недовѣріе; но замѣчая непоколебимость многочисленныхъ послѣдователей магнетизма, примѣры, которые они приводили въ подкрѣпленіе тому, наконецъ имена почтенныхъ лицъ, занесенныхъ въ списки партизановъ магнетизма, — онъ рѣшился разсмотрѣть ихъ опыты и познакомиться съ проповѣдниками новаго ученія. Такимъ

образомъ онъ сошелся съ Бергасомъ, былъ имъ принятъ съ отверстыми объятіями и узналъ отъ него тотчасъ же, что не магнетизму онъ хлопоталъ воздвигнуть жертвенникъ. «Время пришло, говорилъ Бергасъ, чтобы во Франціи произошелъ переворотъ, но совершить его открыто, значитъ погибнуть; чтобы имѣть успѣхъ, необходима тайна, необходимо собираться подъ предлогомъ физическихъ опытовъ, а на самомъ же дѣлѣ, чтобы ниспровергнуть деспотизмъ. Въ этихъ-то видахъ, составилось въ домѣ Корнмана общество изъ людей, чувствовавшихъ склонность къ политическимъ нововведеніямъ. Другое общество, менѣе многочисленное, состояло изъ писателей, трудившихся надъ приготовленіемъ умовъ къ перевороту—и здѣсь обсуживались важнѣйшіе вопросы. Бриссо былъ за республику, но за исключеніемъ Клавьера, ее никто не одобрялъ. Д'Эпременилъ былъ согласенъ лишить Францію Бурбоновъ (débourbonnailler la France) для того, чтобы вмѣсто нихъ дать царствовать парламенту. Бергасъ хотѣлъ короля и двѣ палаты; у него былъ собственный свой планъ, исполненія котораго въ точности онъ требовалъ настойчиво. У Бергаса была манія воображать себя Ликургомъ.»

Наконецъ, дѣло дошло до того, что сами принцы крови обратили вниманіе короля на происходившее кругомъ ихъ, объясняя причину и источникъ тогдашняго порядка вещей возмущеніемъ и анархіею. Должно сознаться, что дѣйствительно положеніе Франціи передъ революціею было ненормальное; только замѣтившіе это принимали дѣйствіе за причину, и симптомы зла за самое зло. Ненормальное состояніе королевства проистекало изъ двухъ причинъ. Восемнадцатый вѣкъ преобразовался: изъ теоретическаго онъ стремился сдѣлаться политическимъ и практическимъ. И потомъ, новое поколѣніе, воспитанное на энциклопедистахъ, нетерпѣливо желавшее принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, руководимое тѣми смѣлыми умами, тѣми раздраженными головами, которыя всегда являются на зарѣ переворотовъ. Всѣ эти новые люди чувствовали влеченіе къ литературѣ, потому что тогда это было единственнымъ средствомъ принимать участіе въ общественной жизни и удовлетворить той кипучей потребности къ дѣятельности, которая волновала молодые умы. Сверхъ того, молодежь въ предчувствіи будущности, заключенная весьма въ ограниченный кругъ частныхъ занятій, не находила въ обычной жизни ничего, что было бы на уровнѣ съ дѣятельностью и желаніями ея.

Увлеченіе умовъ сначала выразилось въ миріадахъ памфлетовъ, въ которыхъ съ удивительною живостью обсуждались жгучіе вопро-

сы, возбужденные приближеніемъ открытія національнаго собранія (Etats généraux) и затрогивавшіе всѣ страсти, всѣ народныя фибры. Но едва только составилось національное собраніе, возникло, какъ будто по волшебному мановенію, безчисленное множество журналовъ—одни, чтобы слѣдить за актами собранія; другіе, чтобы обсуждать ихъ. Вниманіе всей Европы было приковано къ происходившему тогда во Франціи. Роль книги кончилась, пришла очередь журнала.

Читатели настоящаго очерка поймутъ, конечно, что пишущій эти строки лишенъ возможности представить обзоръ французской прессы временъ революціи, а потому въ заключеніе ограничимся нѣсколькими замѣтками о дѣятельности Мирабо: ему, какъ журналисту и борцу за свободу книгопечатанія, безспорно принадлежитъ первое мѣсто въ ряду многочисленныхъ редакторовъ и издателей, подвизавшихся на журнальномъ поприщѣ, съ 1790 года, до временъ консульства и имперіи.

Здѣсь не мѣсто разсказывать о бурной жизни Мирабо; замѣтимъ только, что онъ съ раннихъ лѣтъ своей молодости долженъ былъ искать въ литературныхъ трудахъ себѣ средствъ, въ которыхъ ему отказывало его аристократическое семейство, и эти труды были долгое время единственнымъ источникомъ, на который онъ могъ разсчитывать. Далекій оттого, чтобы жаловаться, Мирабо, напротивъ, вмѣнялъ себѣ это въ честь, такъ какъ въ его глазахъ ничего выше не было званія писателя, лишь бы только онъ сознавалъ свое назначеніе: «Ахъ, говорилъ онъ, если бы писатели честно посвящали себя благородному ремеслу на пользу общую! Если бы они могли оканчивать миролюбивой сдѣлкой съ своимъ неукротимымъ самолюбіемъ и жертвовать суетностью—достоинству. Если бы вмѣсто того, чтобы унижаться, ссориться между собою и вредить взаимно своему вліянію, они соединили свои усилія и труды для ниспроверженія честолюбца, который захватываетъ, обманщика, который вводитъ въ заблужденіе, подлеца, который продаетъ себя; если бы презирая низкое ремесло литературныхъ бойцевъ, они возстали, какъ настоящіе братья по оружію, противъ предразсудковъ, лжи, шарлатанства, суевѣрій, тираніи какого бы то ни было рода,—тогда, конечно, менѣе нежели въ одно столѣтіе измѣнилась бы поверхность земная!..»

Мирабо сильно влекла къ себѣ журналистика, однако онъ чувствовалъ въ себѣ нѣкоторое отвращеніе къ этой карьерѣ или, по крайней мѣрѣ, разъ избравъ ее, онъ хотѣлъ остаться полнымъ хозяиномъ въ избраніи предметовъ для сочиненій и для статей, въ которыхъ отдавался отчетъ о новыхъ произведеніяхъ; но это условіе

часто ставившее его въ затруднительное положеніе и противъ него часто возмущался его непокорный духъ. «Да, говорилъ онъ, я очень хорошо знаю, что одно и тоже обстоятельство, которое заставляетъ пѣть попугаевъ и другихъ птицъ и птичекъ, голодныхъ и болтливыхъ, какъ я, принуждаетъ меня безпрестанно уступать и погрязнуть наконецъ въ тинѣ бумагомарателей. Работать подъ диктовку другихъ, по мысли другихъ, по мнѣ не есть хорошее правило, если только не лишенъ ума; но наконецъ необходимость—это такой законъ, котораго никакъ нельзя обойти, и я очень хорошо вижу, что отнынѣ до минуты полученія наслѣдства, которое никакъ не минуетъ меня, мнѣ надобно волей-неволей разработывать этотъ неблагодарный рудникъ.»

Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ, онъ писалъ къ Монморену, впослѣдствіи министру: «У меня вовсе нѣтъ пошлыхъ мыслей объ уваженіи; я чувствую его только къ тому, который его заслуживаетъ, къ добродѣтели, къ талантамъ, но никогда къ поддѣльной обстановкѣ общества. Съ давнихъ поръ, освободившись отъ обманчивыхъ грезъ, къ которымъ могла привлечь меня случайность происхожденія, привыкнувъ быть никѣмъ другимъ, какъ только самимъ собою, и уважая себя лично по себѣ, я буду стараться быть достойнымъ всякой должности и утѣшаться, что ни занимаю никакой, если только ваша доброта не успѣетъ когда нибудь побѣдить мое предопредѣленіе.

«Право, англичане стоютъ насъ, если даже не болѣе,—и что же? у нихъ нѣтъ человѣка съ достоинствомъ, человѣка общественнаго, съ неоспоримымъ дарованіемъ, который бы долгое время не работалъ въ періодическихъ изданіяхъ, въ этихъ летучихъ листкахъ, которыми пренебрегаетъ наша малограмотность, и которые повсюду производили огромныя измѣненія въ предметахъ, огромные перевороты въ мысляхъ, огромное вліяніе на людей. Я не считаю для себя униженіемъ дѣлать тоже, что дѣлали и всегда дѣлаютъ избранные люди въ Англіи, и никогда не буду считать себя безполезнымъ для своей страны даже въ томъ смыслѣ, если примѣръ человѣка, котораго имя, дарованія и поступки не изъ посредственныхъ, разрушаетъ этотъ безсмысленный и вредный предразсудокъ...»

Сначала Мирабо задумалъ издавать журналъ «Консерваторъ», такъ названный потому, что издатель имѣлъ намѣреніе помѣщать въ немъ замѣчательнѣйшіе отрывки изъ старинныхъ произведеній, совершенно забытыхъ и поглощенныхъ приливомъ новыхъ журналовъ. Это предпріятіе не имѣло однако успѣха, точно также, какъ и желаніе Мирабо получить право на изданіе «Меркурія». Тогда-то онъ выхлопоталъ министерское дозволеніе издавать журналъ подъ неточнымъ заглавіемъ: «Разборъ англійскихъ бумагъ» (Anallyse des

papiers anglais), и здѣсь началъ обсуждать политическіе вопросы цѣлой Европы, несмотря ни на какія жалобы журнальнаго промышленника и любителя привилегій Панкуке, кричавшаго противъ нарушенія его правъ. Въ новомъ журналѣ много сотрудничалъ и Бриссо, но большая часть его статей носили подпись Мирабо. Послѣдній далеко былъ не такъ ученъ, усидчивъ и трудолюбивъ, какъ можно было бы это думать по многочисленнымъ сочиненіямъ, вышедшимъ подъ его именемъ. Разсѣянная жизнь, интриги поглощали у Мирабо лучшую часть времени. Другіе обдумывали, писали и печатали вмѣсто его. Онъ только ссужалъ своимъ именемъ; это имя, по странности приключеній носившаго его, по смѣлости характера, привлекало всегда вниманіе; оно имѣло большую цѣну, и купить его считалось умной и полезной спекуляціей. Такая продажа у Мирабо была слѣдствіемъ разсчета, скорѣе политическаго, нежели денежнаго. Надобно было дѣйствовать на народъ великимъ именемъ. Что же за дѣло до средствъ, которыми это достигалось? Что за нужда до сатиръ? Мирабо нашелъ секретъ тушить ихъ, или по крайней мѣрѣ возбуждать къ нимъ сомнѣніе, оставляя безъ отвѣта всѣ нападки противъ себя.

Съ самаго начала своей литературной дѣятельности Мирабо сдѣлался однимъ изъ горячихъ проповѣдниковъ успѣховъ прессы. Еще въ молодости онъ въ этомъ смыслѣ высказывалъ начала, которымъ потомъ слѣдовалъ въ продолженіе всей жизни.

Въ началѣ 1788 года онъ писалъ: «дѣйствительное средство противъ всѣхъ золъ (политическихъ въ государствѣ) есть процвѣтаніе прессы, вышедшей изъ искусства книгопечатанія, этого непогибающаго хранилища человѣческихъ знаній, которое вѣчно будетъ служить утѣшеніемъ для мудрыхъ, свѣтомъ для народовъ, ужасомъ для тирановъ. Безъ успѣховъ прессы неудобомыслимы ни просвѣщеніе, ни конституція. И пусть не говорятъ въ опроверженіе о распущенности, которая можетъ оттого послѣдовать: ограниченія подобнаго рода, какъ и всякая другія стѣсняютъ только честныхъ людей, какъ контрабанда служитъ къ выгодѣ только мошенниковъ. Драгоцѣнное право это подобно тому знаменитому копью, которое одно и наноситъ раны, и излечаетъ ихъ».

Не только публично, но и въ своей частной, короткой перепискѣ, Мирабо постоянно выражался въ этомъ смыслѣ. 20 мая 1790 года онъ писалъ къ своей сестрѣ: «ты права, что этотъ памфлетъ гадокъ, но это зло блага, которое вознаграждаетъ всевозможныя бѣдствія. И не говори мнѣ объ отреченіи отъ этого блага, потому что возстающіе противъ книгопечатанія подъ предлогомъ злоупотребле-

ній, которыя отъ него могутъ послѣдовать, очень похожи на кареагенскій сенатъ, который безумнымъ постановленіемъ запретилъ кареагенянамъ учиться говорить и писать по гречески единственно потому, что одинъ измѣнникъ написалъ къ Діонисію по гречески, что кареагенская армія отправляется осаждать Сиракузы».

Въ концѣ 1788 года Мирабо издалъ объ этомъ особую брошюру, въ которой предметъ разбирается съ юридической точки зрѣнія. Эпиграфомъ ея было англійское изрѣченіе: «убить человѣка, значитъ убить разумное существо, но истребить хорошую книгу — значитъ убить самый разумъ».

Съ такими-то началами и образомъ мыслей Мирабо дожилъ до собранія трехъ сословій (Etats généraux). За много дней до открытія засѣданій онъ издалъ объявленіе о журналѣ, носившемъ названіе Etats généraux, первый нумеръ котораго явился безъ всякаго разрѣшенія, чѣмъ и были какъ бы отмѣнены самимъ редакторомъ всѣ существовавшія до того времени стѣснительныя мѣры касательно прессы.

Въ первомъ нумерѣ (2 мая 1789 года) Мирабо описывалъ церемонію представленія трехъ сословій къ королю съ тѣми отмѣнами въ церемоніалѣ каждаго изъ нихъ, которыя оскорбили среднее сословіе; потомъ о процессіи отъ церкви Богородицы Версальской до храма св. Людовика, которая соединила три сословія или, лучше сказать, представителей націи. Далѣе, разбиралась неудобоваримая, безцвѣтная, не шедшая къ обстоятельствамъ рѣчь нансійскаго епископа, «рѣчь по образцу новѣйшихъ трагедій александрійскими стихами. Неудачнѣе нельзя было никогда воспользоваться такимъ прекраснымъ случаемъ...»

Во второмъ нумерѣ Мирабо отдавалъ отчетъ о церемоніи, бывшей при открытіи собранія: здѣсь, послѣ краткаго упоминанія о рѣчахъ короля и хранителя печати, обращено особенное вниманіе на рѣчь генералъ-котролера финансовъ, и замѣчено съ горечью, что національному собранію ничего не сообщено о неопровержимомъ и священномъ правѣ его утверждать подати, тогда какъ король призналъ торжественно это право за своимъ народомъ еще годъ тому назадъ. За тѣмъ, слѣдуетъ строгое осужденіе пространнаго, но вовсе неприличнаго обстоятельствамъ исчисленія причинъ, по которымъ король могъ бы обойтись безъ созванія представителей націи. Отчетъ кончается нападками на разныя теоріи министра Неккера и особенно на его предложеніе обсуждать вопросы и подавать мнѣнія въ собраніи отдѣльно по сословіямъ. Касательно послѣдняго обстоятельства, Мирабо выражался такимъ образомъ:

«Вообще въ собраніи представителей народа со стороны королевскаго министра было въ высшей степени неприлично затрогивать вопросъ, который могъ быть предоставленъ только свободнымъ преніямъ и вполнѣ абсолютному рѣшенію представителей сословій въ общемъ засѣданіи. Даже власть самаго короля въ этомъ случаѣ можетъ простираться только до того, чтобы заставить, прежде всякаго разъединенія депутатовъ, обсудить, должны ли члены, составляющіе собраніе, отдѣляться другъ отъ друга? Въ совокупности съ голосомъ монарха, депутаты образуютъ народное представительство на столько, на сколько можетъ его дать временное созваніе представителей. Подъ предсѣдательствомъ короля, они одни они имѣютъ право постановить о порядкѣ своихъ преній; но король неоспоримое имѣетъ право воспрепятствовать, чтобы важный вопросъ: представители сословій должны ли раздѣлиться, или же оставаться соединенными — былъ рѣшенъ прежде обсужденія его. Онъ будетъ рѣшенъ, если король допуститъ, чтобы депутаты были въ разъединеніи. Естественное состояніе каждаго собранія очевидно зависитъ отъ соединенія его членовъ; они тогда только вполнѣ соединены, когда не разъединены между собою. Чтобы рѣшить, должны ли они быть разъединены, надобно, конечно, ихъ созвать, такъ какъ было бы безсмысленно разъединять ихъ, чтобы узнать, останутся ли они соединенными...

«Будемъ надѣяться, что министръ финансовъ пойметъ наконецъ, что теперь уже не время хитрить; что невозможно болѣе противиться потоку общественнаго мнѣнія; что царство интригъ, какъ и шарлатанства, уже кончилось, что всѣ заговоры останутся безуспѣшными, если министръ останется вѣренъ принципамъ и, напротивъ, его ожидаютъ однѣ неудачи, если онъ отступится отъ этихъ принциповъ; что сильный неслыханною дотолѣ популярностью, онъ долженъ опасаться только отреченія отъ собственнаго дѣла, и что если въ положеніи, въ которое нынѣ повергнуто королевство, необходимо стойкое терпѣніе, то не менѣе нужна и невозмутимая непоколебимость.

«Будемъ надѣяться, что представители народа отнынѣ будутъ болѣе проникнуты важностью ихъ должностей, ихъ назначенія, ихъ званія; пусть не будутъ они казаться восторженными чѣмъ бы то ни было и безусловно; наконецъ — вмѣсто того, чтобы представлять Европѣ зрѣлище ребятъ-школьниковъ, освободившихся изъ-подъ ферулы и безумныхъ отъ радости за обѣщанный имъ отпускъ болѣе нежели на недѣлю, они выкажутъ себя людьми, и людьми, избранными народомъ, которому, чтобы быть первымъ въ мірѣ, недостаетъ только конституціи....»

Эти слова сами по себѣ не имѣли ничего враждебнаго для правительства, однако они казались новыми въ газетѣ и потомъ цѣль ихъ была на столько смѣла, чтобы испугать и изумить министровъ, еще не привыкшихъ къ тому, чтобы видѣть себя такъ задѣтыми въ печати. Заключеніе Мирабо непріятно звучало въ ихъ ушахъ. Оно возбуждало въ нихъ опасенія, что общественное мнѣніе, если допускать его до свободнаго выраженія, выйдетъ скоро изъ границъ. Впрочемъ, министры знали хорошо Мирабо, знали все, что можно было ожидать отъ смѣлой энергіи этого человѣка. Они рѣшились на сопротивленіе, и въ государственномъ совѣтѣ, 6 мая, было опредѣлено запретить изданіе какого бы то ни было журнала безъ точнаго на то разрѣшенія правительства, а на слѣдующій день запрещенъ былъ первый нумеръ журнала Мирабо.

Эта мѣра, внушенная быстрымъ развитіемъ революціи и опиравшаяся на феодальныхъ началахъ, принята была гражданами съ негодованіемъ. Она болѣе или менѣе вредила интересамъ всѣхъ сословій и предрѣшала вопросъ о книгопечатаніи, который долженъ былъ обсуждаться въ національномъ собраніи. Запрещеніе журнала Мирабо подало поводъ къ первой стычкѣ между народными представителями и исполнительною властію. Надлежало рѣшить: имѣла ли пресса право нападать прямо на злоупотребленія, разоблачать несправедливости, или же она, какъ орудіе министровъ, должна была продолжать попрежнему представлять обманутой публикѣ самые возмутительные акты въ благопріятномъ свѣтѣ и фразами прикрывать самыя преступныя дѣянія?

Постановленіе 7 мая было сообщено на другой день собранію избирателей средняго сословія Парижа, которое прекратило занятіе всѣми текущими дѣлами, чтобы разсмотрѣть этотъ случай. Послѣ нѣкоторыхъ разсужденій, было принято слѣдующее опредѣленіе:

«Собраніе средняго сословія города Парижа единогласно протестуетъ противъ указа совѣта 7 мая, запрещающаго журналъ Etats généraux № 1, воспрещающаго продолженіе его и опредѣляющаго мѣру взысканія противъ типографщика; хотя собраніе не принимаетъ на себя ни одобренія, ни осужденія этого журнала. Оно протестуетъ, потому что указъ совѣта наноситъ ударъ общественной свободѣ, въ ту минуту, когда она всего дороже для народа; потому что онъ нарушаетъ свободу прессы, признанную всею Франціею; нарушаетъ въ ту эпоху, когда народъ, зорко слѣдящій за своими представителями, чувствуетъ величайшую потребность знать всѣ пренія великаго собранія, гдѣ идетъ дѣло о его правахъ и касаются его судебъ... Потому наконецъ, что этотъ указъ, въ самыя первыя минуты свободы для народа, напоминаетъ полицію и учрежденія, кото-

рыя уничтожены по мудрости и благодушію короля....» Этотъ протестъ сообщенъ былъ представителямъ прочихъ сословій дворянства и духовенства. Первые рѣшили такъ же, какъ и среднее сословіе, т. е. представить объ уничтоженіи указа 7 мая, прибавивъ впрочемъ нѣсколько словъ въ осужденіе журнала Мирабо. Представители же духовенства, которое вообще не жаловалось изъ понятныхъ личныхъ разсчетовъ на распорядки, бывшіе до того времени во Франціи, отказалось вовсе отъ протеста. Въ національномъ собраніи рѣшено было согласиться съ мнѣніемъ двухъ сословій единогласно, за исключеніемъ впрочемъ только одного голоса, — этотъ голосъ принадлежалъ извѣстному писателю Мармонтелю!

П. ПЕКАРСКІЙ.

ОЧЕРКИ СТАРИННАГО БЫТА ПОЛЬШИ.

I.

ЯНЪ СОБѢСКІЙ ПОДЪ ВѢНОЮ.

Недалеко отъ Варшавы, на небольшомъ пригоркѣ, называемомъ Маримонтомъ, т. е. горою Маріи (Mariae mons), королева Марія-Казиміра, жена короля Яна III Собѣскаго, построила маленькій загородный дворецъ. Дворецъ этотъ былъ окруженъ въ ту пору густымъ лѣсомъ, который обхватывалъ кругомъ почти всю тогдашнюю Варшаву и въ которомъ водилось много дикихъ звѣрей. Въ этомъ лѣсу любилъ охотиться Собѣскій.

Однажды, въ исходѣ августа 1683 года, громкіе звуки охотничьихъ роговъ и лай собакъ дали знать королевѣ Маріи-Казимірѣ, что къ Маримонту приближается король, возвращавшійся въ то время съ охоты на пиръ, устроенный для него королевой. На этомъ пиру, Янъ III, окруженный первѣйшими сановниками королевства, далъ слово, что онъ не приметъ мира, предложеннаго ему грозною въ ту пору Турціею, и что онъ пойдетъ для избавленія Вѣны, къ которой, какъ страшныя тучи, приближались съ юга турецкія полчища.

Храбрый Собѣскій сдержалъ свое слово.

11-го сентября того же года, король, при заходѣ солнца, располагался лагеремъ на горѣ Каленбергъ вблизи Вѣны. Громадныя башни церкви св. Стефана величаво возвышались передъ королемъ на гаснувшемъ небѣ, а съ занятой Собѣскимъ горы онъ могъ ясно видѣть всю столицу римско-нѣмецкаго кесаря, которая какъ будто лежала у его ногъ. Турецкія войска были въ это время расположены подъ Вѣною на протяженіи слишкомъ полмили. Вскорѣ послѣ прихода поляковъ къ Вѣнѣ поднялся

сильный вихорь, съ ожесточеніемъ подулъ онъ противъ польскаго лагеря, развѣвая въ воздухѣ огромные клубы пыли и засыпая ею глаза польскимъ всадникамъ, которые, отъ сильныхъ порывовъ вихря, едва могли держаться на коняхъ. Двадцать шесть часовъ сряду бушевала непогода.

Между тѣмъ для короля на опушкѣ дубовой рощи разбили небольшой наметъ, и въ немъ разостлали на землѣ его походную постель. Король усѣлся на постелѣ, а передъ нимъ стали въ почтительномъ молчаніи вожди польской рати.

— Не знаю я, на кого мнѣ положиться, сказалъ въ раздумьѣ Собѣскій: — самъ я усталъ, и мнѣ непремѣнно нужно отдохнуть передъ завтрашней работой, а между тѣмъ нынѣшней ночью вѣнскій комендантъ будетъ давать мнѣ сигналы, нельзя пропускать ихъ; но я такъ усталъ, что никакъ не могу наблюдать за ними самъ.

— Положитесь на меня, ваше величество! громко и торопливо сказалъ королевскій конюшій, стараясь предупредить этими словами всѣхъ находившихся въ наметѣ, изъ которыхъ, какъ онъ зналъ, каждый наперерывъ готовъ былъ предложить королю свои услуги.

— Хорошо, сказалъ ласково король, и затѣмъ отдалъ по своему войску слѣдующій лозунгъ: «Во имя Богородицы помоги намъ Господи!»

Послѣ этого распоряженія король привѣтливымъ поклономъ далъ знакъ своимъ сподвижникамъ, чтобъ они удалились изъ намета. По выходѣ ихъ, Собѣскій улегся на постели и вскорѣ заснулъ. Между тѣмъ конюшій сѣлъ въ дверяхъ намета, на деревянной скамеечкѣ, которую королевскій стремянной всегда возилъ за Яномъ III, такъ какъ онъ, по своей тучности, не могъ сѣсть на коня, не ставши одной ногой на скамейку. Ровно въ полночь взвилась ракета надъ башней св. Стефана.

— Ваше величество! крикнулъ громко конюшій: — первый сигналъ поданъ.

— Это значитъ, отвѣчалъ, пробудившись, Собѣскій: — что они переправились благополучно черезъ Дунай.

Спустя нѣсколько времени, на темномъ небѣ разсыпалась красными искрами другая ракета.

— Ваше величество, крикнулъ также громко конюшій: — второй сигналъ поданъ.

— Это значитъ, проговорилъ король: — что они двинулись изъ укрѣпленій.

Прошло немного времени и снова надъ тихой и погруженной во мракъ Вѣной сверкнула и лопнула ракета.

— Ваше величество! уже третій сигналъ поданъ! громче прежняго крикнулъ конюшій, входя въ королевскій наметъ.

Король быстро поднялъ съ подушки голову, и сталъ набожно креститься, приговаривая:

— Да будетъ прославлено имя Господне!—это значитъ, что они подошли къ намъ на помощь.

Сказавъ это, король завелъ часы съ будильникомъ, поставивъ стрѣлку на трехъ часахъ; послѣ этого онъ улегся на постель, закрылъ глаза и заснулъ богатырскимъ сномъ. Конюшій между тѣмъ дремалъ на скамейкѣ, покачивая голову то внизъ, то изъ стороны въ сторону. Вскорѣ послѣ полуночи вихорь унялся, звѣзды ярко засверкали на темномъ небѣ, тихая и ясная ночь предвѣщала погодное утро.

Въ три часа, будильникъ въ наметѣ Собѣскаго сперва зашипѣлъ, а потомъ принялся стучать и звенѣть. Король встрепенулся на постелѣ.

— Кто тутъ? крикнулъ онъ громкимъ голосомъ.

На зовъ короля прибѣжалъ одинъ изъ шляхтичей, спавшихъ подлѣ королевскаго намета.

— Бѣги поскорѣе къ ксендзамъ-капелланамъ, сказалъ Собѣскій:—разбуди ихъ и скажи, чтобы они велѣли составить алтари изъ барабановъ и чтобы сами готовились служить обѣдню.

Опрометью побѣжалъ шляхтичъ исполнять королевское приказаніе. Между тѣмъ проснулся и конюшій; король взялъ отъ него скамеечку, положилъ на нее листъ бумаги и, сидя на постелѣ, принялся писать письмо къ женѣ. Настоящее письмо короля, какъ и вообще всѣ его письма къ королевѣ Маріи-Казимірѣ, начиналось слѣдующимъ обычнымъ привѣтствіемъ:

«Единственная отрада моей души и моего сердца, моя прехорошенькая и моя premиленькая Маруся!»

Въ письмѣ своемъ Собѣскій подробно разсказывалъ женѣ о своей счастливой переправѣ черезъ Дунай, онъ описывалъ ей имперскихъ князей, которые съ своими небольшими отрядами прибыли къ Вѣнѣ на подмогу и которые поступили подъ его главное начальство; Собѣскій сообщалъ Маріи-Казимірѣ о трудахъ и лишеніяхъ войска во время похода, а также о той страш-

ной непогодѣ, которую привелось испытать полякамъ предъ Вѣной. Ужасный, двадцати шести-часовой вихорь Собѣскій простодушно приписывалъ колдовству великаго визиря, который, по словамъ короля, былъ великій чародѣй. Письмо свое король окончилъ замѣчаніемъ о томъ, что по всей вѣроятности рѣшительный бой между поляками и турками будетъ не ранѣе, какъ дня черезъ два: королевскому войску, утомленному не близкимъ походомъ, необходимъ былъ порядочный отдыхъ; нужно было также построить батареи и полевыя укрѣпленія; а между тѣмъ—на дѣлѣ—Собѣскому пришлось биться съ турками въ тотъ же день, въ который онъ отправилъ свое письмо въ Варшаву.

Окончивъ письмо, король вышелъ къ войску и въ виду его благоговѣйно отслушалъ обѣдню подъ открытымъ небомъ, а какъ только что стало подниматься солнце, король и гетманъ приказали войскамъ садиться на коней. Скоро загремѣли трубы, литавры и барабаны, а спустя немного времени съ вершины Каленберга потянулись густыми рядами конница, пѣхота и артиллерія, занимая назначенныя имъ мѣста.

На широкомъ пространствѣ растилался передъ поляками укрѣпленный лагерь великаго визиря Кара-Мустафы и его сподручника — крымскаго хана. Съ изумленіемъ услышалъ визирь о томъ, что на него наступаютъ поляки; онъ сперва не повѣрилъ этой грозной вѣсти и опрометью выбѣжалъ изъ своей ставки, стараясь убѣдиться своими глазами въ справедливости этой вѣсти. Легко убѣдился визирь, что онъ имѣетъ дѣло съ тѣмъ, кто и прежде такъ безпощадно громилъ турецкія полчища, потому что утреннее солнце ярко освѣщало знамена Собѣскаго.

— О, король! вскрикнулъ съ отчаяніемъ визирь:—какъ жестоко ты поступаешь со мною!

Между тѣмъ войска Яна III становились въ боевой порядокъ. Король былъ постоянно впереди ихъ. На немъ, въ это славное для него утро, былъ надѣтъ суконный кунтушъ голубаго цвѣта, бѣлый шолковый жупанъ и литой золотой поясъ, на головѣ былъ серебряный шишакъ съ золотымъ одноглавымъ орломъ. Король былъ верхомъ на конѣ золотисто-гнѣдой масти. На правой сторонѣ королевскаго сѣдла былъ притороченъ небольшой барабанъ, въ который, время отъ времени, ударялъ король, призывая къ себѣ, условленнымъ числомъ ударовъ, того или другаго изъ польскихъ военачальниковъ.

За Яномъ III безотлучно слѣдовали стремянной и щитоно-

сецъ; послѣдній держалъ въ рукѣ щитъ съ королевскимъ гербомъ, въ которомъ на золотомъ полѣ была изображена черная воловья голова, пронзенная мечомъ. За Яномъ III слѣдовалъ также королевскій хорунжій, на древкѣ его значка горделиво развивались соколинныя перья; по этимъ перьямъ королевскія войска должны были узнавать то мѣсто, гдѣ во время боя находился Собѣскій.

Королевичъ Якубъ не отставалъ ни на шагъ отъ своего отца; онъ былъ въ серебряномъ шишакѣ, латахъ и имѣлъ у сѣдла такъ-называемый кончаръ, оружіе въ родѣ меча, заостренное съ обѣихъ сторонъ.

Когда все войско окончательно стало въ боевой порядокъ, то король приказалъ сѣрадзскому воеводѣ Щенсному Потоцкому, чтобы онъ первый ударилъ на турокъ съ своей гусарской хоругвью. Исполняя приказаніе государя, воевода выѣхалъ впередъ передъ своимъ отрядомъ; по командѣ его гусары нагнули къ землѣ пики и, склонивъ немного свои головы, покрытыя блестящими шишаками, пустились, какъ вихорь, во весь опоръ противъ показавшейся передъ ними турецкой конницы. Шумѣли и вѣяли холодомъ крылья изъ орлиныхъ и соколиныхъ перьевъ, прикрѣпленныя, по обычаю того времени, за плечами гусаровъ. Съ пронзительнымъ свистомъ прорѣзывали воздухъ ихъ длинныя пики, шелестя своими разноцвѣтными значками. Все это сливалось въ какой-то неопредѣленный, но грозный гулъ; казалось, что на врага неслась теперь стая какихъ-то чудовищныхъ птицъ, закованныхъ въ стальные доспѣхи.

Не выдержала турецкая конница дружнаго и неожиданнаго натиска поляковъ; ошеломленная и разстроенная, она въ безпорядкѣ попятилась назадъ; турецкіе кони, испуганные видомъ крылатыхъ всадниковъ, бѣшено метались изъ стороны въ сторону, закусывали удила, ржали, становились на дыбы и сбрасывали съ себя оробѣвшихъ турокъ. Опомнившись, однако, отъ перваго испуга и видя малочисленность поляковъ, турки собрались снова и съ грозныхъ гикомъ окружили со всѣхъ сторонъ отрядъ сѣрадзскаго воеводы. Вѣрная гибель угрожала его хоругви. Въ это время проворно спѣшилась съ коней панцерная хоругвь другаго Потоцкаго, Станислава, старосты калишскаго, и кинулась на выручку своихъ погибавшихъ товарищей.

Завязалась жестокая сѣча. Между тѣмъ на другомъ концѣ равнины засѣвшіе за окопами янычары осыпали поляковъ гра-

домъ пуль. Три раза ходили на штурмъ окоповъ поляки и три раза устилали къ нимъ путь своими трупами. Наконецъ, только послѣ четвертой самой ожесточенной и самой продолжительной схватки, окопы достались полякамъ.

Въ это время Собѣсскій двинулъ часть своихъ войскъ прямо на визирскую ставку, съ неудержимымъ напоромъ рванулись впередъ поляки. Тщетно визирь, окруженный плотною толпою своихъ тѣлохранителей, приказалъ распустить большое знамя Магомета, желая этимъ воодушевить свои оробѣвшія рати во имя Аллаха и его пророка. Но горсть храбрецовъ скоро пробилась до этого знамени и, къ ужасу Кара-Мустафы, овладѣла имъ.

— Спасай меня, если можешь, вскрикнулъ въ отчаяніи визирь, обращаясь къ бывшему близь него татарскому хану.

— Я знаю короля польскаго, отвѣчалъ татаринъ:—онъ спуску не дастъ! Мнѣ теперь не до тебя, только бы самому мнѣ улизнуть отсюда! Прощай!

И съ этими словами ханъ ударилъ нагайкой своего коня и поскакалъ во весь опоръ съ поля битвы. Слѣдомъ за нимъ помчался и великій визирь. Видя, что на обѣихъ крылахъ непріятель дрогнулъ, самъ король ударилъ на турецкій лагерь. Тщетно отстаивали его янычары съ мужествомъ, доходившимъ до отчаянія. Собѣскій скоро овладѣлъ турецкимъ укрѣпленіемъ.

Но опасность для Вѣны, не смотря на успѣхъ Яна III, еще не миновала; часть янычаровъ пошла на штурмъ императорской столицы, а между тѣмъ турецкіе полки, обратившіеся въ бѣгство, оставались безъ преслѣдованія. Собѣскій выходилъ въ это время изъ себя, досадуя на то, что комендантъ Штаренбергъ не воспользовался удобной минутой для того, чтобъ, сдѣлавъ вылазку, отбить штурмъ и потомъ преслѣдовать бѣжавшихъ.

— Не будь я король, сказалъ онъ въ припадкѣ гнѣва:—если завтра не велю повѣсить Штаренберга посреди Вѣны; непріятель бѣжитъ, а онъ съ двѣнадцати-тысячнымъ гарнизономъ точно дремлетъ.

Впрочемъ, отбивать штурмъ янычаровъ отъ Вѣны было напрасно: едва только они узнали, что великій визирь и ханъ бѣжали съ поля битвы, какъ сами послѣдовали ихъ примѣру. Густыя толпы янычаровъ поспѣшно отхлынули отъ стѣнъ Вѣны и пустились въ разсыпную во всѣ стороны.

Но Собѣскій былъ не Штаренбергъ. Онъ воспользовался разстройствомъ турокъ. Быстро ударивъ въ тылъ бѣгущихъ,

онъ на большомъ пространствѣ кололъ, рубилъ и топталъ непріятеля. Увидя же, что турки разбиты и разсѣяны окончательно, Собѣскій приказалъ прекратить преслѣдованіе.

Солнце было уже высоко и припекало сильно. Король и войско были утомлены, и по удаленіи турковъ они расположились на отдыхъ въ захваченномъ ими турецкомъ лагерѣ. Король занялъ ставку визиря и тотчасъ же принялся писать письмо къ своей дорогой Марусѣ. Въ этомъ письмѣ Янъ III передавалъ своей женѣ всѣ подробности славнаго боя и упомянулъ, что турецкій лагерь былъ такъ обширенъ, какъ Львовъ или Варшава. Слова короля были вполнѣ справедливы, потому что лагерь Кара-Мустафы могъ вмѣстить въ себѣ не только трехъ-сотъ тысячное турецкое войско, но и огромный турецкій обозъ, а также множество плѣнниковъ, захваченныхъ турками. Когда же въ этомъ лагерѣ расположилось польское войско съ вспомогательными отрядами имперскихъ князей, то въ общей сложности вся армія Собѣскаго заняла только четвертую часть турецкаго лагеря. Это обстоятельство ясно показывало, какой неравный бой выдержалъ Янъ III подъ Вѣной.

Среди торжества побѣдителей наступилъ вечеръ, а за нимъ и ночь. Король, не смотря на утомленіе, не ложился спать, но продолжалъ писать письмо къ своей женѣ. Въ полночь страшный грохотъ встревожилъ все войско, всѣ проснулись и засуетились, стали заряжать ружья, садиться на коней, а пѣхота выстроилась въ боевой порядокъ. Самъ король былъ ужь верхомъ, когда оказалось, что тревога была напрасна. Весь ночной переполохъ объяснился тѣмъ, что поляки въ нѣсколькихъ мѣстахъ подожгли огромные пороховые склады, оставленные близь лагеря убѣжавшими турками. Отъ взрыва пороха дрогнула земля. Описывая этотъ случай своей Марусѣ, король замѣчалъ, что онъ «видѣлъ подобіе страшнаго суда». Къ счастью, однако, не смотря на ужасный взрывъ, никто не былъ ни убитъ, ни раненъ.

Богатая добыча досталась побѣдителямъ. По словамъ короля, цѣнность того, что̀ поляки забрали въ турецкомъ лагерѣ подъ Вѣной, нельзя даже было сравнить съ тѣмъ, что они отбили у турокъ подъ Хотиномъ, хотя и тамъ досталось имъ слишкомъ много. Кромѣ палатокъ, обоза, коней, стоимость однихъ сѣделъ, унизанныхъ рубинами и сапфирами, оцѣнивали на нѣсколько тысячъ тогдашнихъ червонцевъ. Добыча эта пополнялась множествомъ сабель въ золотыхъ ножнахъ, кинжаловъ въ

драгоцѣнной оправѣ, ружей, пистолетовъ и дорогой сбруи. Число захваченныхъ наметовъ простиралось до ста тысячъ. Въ письмѣ Собѣскаго къ женѣ, написанномъ, какъ мы сказали, въ ту же самую ночь, онъ между прочимъ замѣчалъ: «не укоришь меня теперь, моя душечка, какъ укоряютъ татарскія жены своихъ мужей, возвращающихся съ войны безъ поживы, говоря имъ: «видно, что вы не молодцы, если вернулись безъ добычи, потому что она достается только тѣмъ, кто бываетъ впереди.»

Въ числѣ трофеевъ была и хоругвь Магомета. Огромное это знамя, древко котораго было въ вышину 12 футовъ, имѣло въ длину 8 футовъ. Оно было сдѣлано изъ зеленой шелковой матеріи, богато и узорчато вышитой серебромъ и золотомъ. На этой хоругви, кромѣ арабской надписи, было изображеніе двухъ звѣздъ и полумѣсяца, обращеннаго рогами внизъ. Хоругвь, отбитую подъ Вѣной, король отправилъ въ Римъ съ однимъ изъ польскихъ епископовъ, и папа Инокентій XI приказалъ повѣсить ее на вѣчныя времена въ храмѣ св. Петра, на память торжества христіанъ надъ невѣрными.

Послѣ взятія турецкаго лагеря, въ немъ найдено было множество христіанскихъ плѣнниковъ, и въ особенности плѣнницъ. Убѣгавшіе турки, въ дикой злобѣ, предавали смерти беззащитныхъ невольниковъ.

«Много оставили они живыхъ людей въ лагерѣ, писалъ въ другой разъ король къ своей женѣ,—но и убили тѣхъ, кого успѣли, въ особенности же много убито женщинъ. Мы нашли также множество раненныхъ плѣнниковъ, изъ которыхъ, вѣроятно, нѣкоторые останутся въ живыхъ. Вчера, продолжаетъ король: я видѣлъ одного ребенка, прехорошенькаго мальчика лѣтъ трехъ, которому негодяй турокъ отрѣзалъ губы и разсѣкъ голову.»

Только мужествомъ и рѣшимостью польскаго короля была освобождена Вѣна отъ страшнаго разгрома, а вся Австрія была избавлена отъ конечнаго разоренія, потому что въ ту пору всюду, гдѣ только проходили турки или крымцы, оставались однѣ безлюдныя пустыни. Случалось, что крымцы, при своихъ набѣгахъ на пограничныя польскія области, выводили иногда оттуда въ одинъ разъ болѣе 60,000 плѣнныхъ дѣвушекъ! Долго бы не забыла Австрія грозившій ей турецко-татарскій разгромъ, если бы на выручку ей не поспѣшилъ Собѣскій.

На другой день послѣ битвы, т. е. 13 сентября, король въѣхалъ въ Вѣну. Комендантъ Штаренбергъ, просилъ короля

пожаловать въ императорскую столицу не черезъ главныя ворота, которыя были завалены во время осады, но просилъ его въѣхать въ Вѣну какимъ-то узкимъ и темнымъ проходомъ, устроеннымъ для вылазокъ и освѣщеннымъ на этотъ разъ нѣсколькими факелами. Едва король показался въ городѣ, какъ народъ кинулся на встрѣчу Собѣскому и бѣжалъ за нимъ, цалуя его руки и ноги и провозглашая его своимъ избавителемъ. Вѣна, которая могла бы продержаться лишь нѣсколько дней, представляла въ это время ужасную картину опустошенія; императорскій дворецъ, почти до основанія разметанный турецкими ядрами, лежалъ въ печальныхъ развалинахъ, стѣны большей части домовъ были прострѣлены и едва держались; не мало было и такихъ зданій, отъ которыхъ остались однѣ только груды камней.

Въ сопровожденіи ликующей толпы, заступавшей дорогу, король шагомъ едва могъ добраться до церкви Св. Стефана. Здѣсь встрѣтилъ его проповѣдникъ и началъ свою привѣтственную латинскую рѣчь примѣненіемъ къ королю Яну или Іоанну слѣдующихъ евангельскихъ словъ: «и бысть посланъ отъ Бога человѣкъ нѣкій, имя ему Іоаннъ.» Съ подобающимъ благоговѣніемъ выслушалъ Собѣскій обѣдню и благодарственное молебствіе, при громѣ пушекъ и звонѣ колоколовъ, и затѣмъ, окруженный снова плотною толпою, отправился на обѣдъ къ коменданту; а послѣ обѣда тотчасъ оставилъ спасенную имъ Вѣну.

Съ грустью увидѣлъ король, что возвратъ его въ лагерь изъ Вѣны не сопровождался уже тѣми радостными кликами, которыми привѣтствовалъ народъ въѣздъ его въ столицу Леопольда I. Зависть успѣла въ нѣсколько часовъ сдѣлать свое дѣло,—и толпѣ запрещено было величать Собѣскаго освободителемъ Вѣны. Въ молчаніи, только протягивая къ королю руки, жители Вѣны проводили Яна до городскихъ воротъ, которыя были теперь уже распахнуты настежь, для его выѣзда; между тѣмъ какъ за нѣсколько часовъ, передъ этимъ побѣдитель турокъ, долженъ былъ какъ будто украдкой пробираться въ освобожденную имъ столицу!

Тщеславный императоръ Леопольдъ I оказалъ Собѣскому за его богатырскій подвигъ черную неблагодарность. Король, не смотря на свое добродушіе, не могъ сдержать справедливаго негодованія противъ надменнаго кесаря, и въ письмахъ къ женѣ горько сѣтовалъ на то, какъ отплатила ему Австрія за польскую кровь, пролитую подъ стѣнами Вѣны.

Двѣ поговорки остались у поляковъ въ память этого славнаго, но не оцѣненнаго Австріей похода; первая изъ нихъ насмѣшливо твердитъ людямъ, растерявшимъ свое добро въ чужую пользу, что они ходятъ «съ саблей и съ босыми ногами» (z kołdem a boso), намекая этими словами на то, что храбрые отряды польскихъ гусаровъ и польскихъ панцырниковъ, потерявъ на обратномъ походѣ изъ Вѣны своихъ лихихъ коней по недостатку корма, вернулись домой хоть и съ саблями, но зато пѣшкомъ и притомъ съ босыми ногами. Другая поговорка употребляется для оцѣнки труда, не приносящаго самому трудящемуся никакого вознагражденія: «это стоитъ столько же, сколько сражаться за Вѣну», приговариваютъ въ иныхъ случаяхъ поляки.

Замѣчательно, что ни одна пѣсня, ни народная, ни шляхетская, не сохранила въ Польшѣ памяти о славной побѣдѣ подъ Вѣною. Народъ какъ будто оцѣнилъ это событіе, прежде чѣмъ исторія произнесла ему свой справедливый приговоръ. Между тѣмъ какъ будто въ противоположность этому грустному забвенію родной славы, у поляковъ, за десять лѣтъ до Вѣнскаго похода, явилась народная пѣсня о побоищѣ съ турками подъ Хотиномъ, гдѣ Янъ Собѣскій, въ то время еще только гетманъ коронный, разбилъ на голову огромное турецкое войско. Пѣсня о хотинской побѣдѣ быстро разнеслась по всей тогдашней обширной Польшѣ, которая растилалась отъ Балтійскаго моря до Чернаго и отъ Днѣпра до Эльбы. Пѣснь о хотинскомъ побѣдителѣ распѣвали долгое время и въ богатыхъ замкахъ магнатовъ, и въ уголку скромной хаты поселянина; еще дольше пѣли ее во всѣхъ походахъ и на всѣхъ стоянкахъ польскаго рыцарства. Пѣсня эта увѣковѣчила въ народѣ память о Собѣскомъ, а между тѣмъ не смотря на то, что побѣда подъ стѣнами Вѣны, изумившая всю Европу, была гораздо славнѣе побѣды хотинской, — никто однако не сложилъ въ честь вѣнскаго побоища никакой пѣсни.

Скажемъ впрочемъ, что между словаками и венгерцами сохранилась память о Собѣскомъ въ народной пѣснѣ. Пѣсня эта разказываетъ о томъ, какъ на гнѣдомъ конѣ, съ золотыми поводьями съѣзжалъ съ вершины бѣлой горы король Янъ, готовясь на битву съ турчинами, окружившими Вѣну...

II.

СВЯТОСЛАВА САНДЕЦКАЯ.

Зáмокъ богатой и славной фамиліи Тенчинскихъ былъ одинъ

изъ самыхъ обширныхъ и самыхъ великолѣпныхъ замковъ, существовавшихъ когда-либо въ Польшѣ и въ Литвѣ. Въ этомъ замкѣ, обратившемся теперь въ груду развалинъ, старинное преданіе еще не такъ давно показывало на одну башню, въ которой, по распоряженію главы уже угаснувшаго рода Тенчинскихъ, лѣтъ за триста назадъ, содержалась одна изъ представительницъ этого имени. Изъ окна башни, какъ добавляетъ преданіе, молодая и прекрасная узница разсказывала проходившимъ о своей любви къ бѣдному и незнатному юношѣ, бывшей причиною ея томительнаго заключенія. Разсказами о своей грѣшной любви она хотѣла разгласить повсюду тотъ позоръ, который она нанесла имени Тенчинскихъ и тѣмъ самымъ отмстить своей жестокой роднѣ за ея надменность. Несчастная дѣвушка, какъ добавляетъ преданіе, насильственной и преждевременной смертью искупила пылъ своего сердца. Она не нашла мстителя, который разбилъ бы окружившія ея стѣны и только потомъ время и непогоды обратили въ развалины ея мрачную и тѣсную темницу.

Надобно замѣтить, что вся польская шляхта вообще, а магнаты въ особенности, дорожили въ старинной Польшѣ честью ихъ родоваго имени, и позорившій или позорившая его подвергались жестокой карѣ не только со стороны общественнаго мнѣнія, но и со стороны своихъ самыхъ близкихъ родственниковъ. Кары этого рода кончались иногда насильственной смертью виновнаго и виновной. Въ эти расправы сильныхъ пановъ съ ихъ родными не смѣлъ мѣшаться никто, кромѣ духовника; при томъ расправы эти всегда совершались въ глубокой тайнѣ, и лѣтописи оставили весьма мало разсказовъ о подобныхъ случаяхъ. Только мѣстное преданіе, измѣняясь при переходѣ отъ одного поколѣнія къ другому, гласило въ околодкѣ о кровавой развязкѣ семейнаго суда. Эта безпощадная строгость къ лицу, опозорившему носимое имъ фамильное прозваніе, объясняется не столько родовой спесью, сколько общей чистотою семейныхъ нравовъ, которою такъ отличалась Польша прежняго времени. Еще въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія показывали въ одномъ изъ старинныхъ краковскихъ домовъ обширную залу, которая, какъ передавали изъ поколѣнія въ поколѣніе, была въ XVIII вѣкѣ свидѣтельницей кровавой семейной драмы. По разсказамъ краковскихъ старожиловъ, въ этой залѣ была отрублена голова молодой дѣвушкѣ, опозорившей знаменитое имя своего отца грѣшною любовью къ юношѣ, неравному ей по происхожденію.

Проводникъ, показывавшій любопытнымъ путешественникамъ эту залу, разсказывалъ между прочимъ, что ксендзъ, котораго привезли для исповѣди дѣвушки, обреченной на смерть, успѣлъ какъ-то ослабить повязку. Вошедши въ залу, онъ увидѣлъ передъ собою женщину, лицо которой было закрыто черной бархатной маской, но густая темная коса, бѣлизна открытыхъ плечъ и рукъ, а также и стройность стана этой женщины безошибочно заставляли предполагать, что подъ таинственной маской скрывалось личико только-что разцвѣтшей красавицы. Подлѣ дѣвушки стоялъ высокій и статный мужчина пожилыхъ лѣтъ, съ гордымъ и суровымъ выраженіемъ лица. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него находился палачъ, у котораго былъ въ рукахъ широкій обнаженный мечъ. Выходя изъ залы, ксендзъ сосчиталъ ступеньки и успѣлъ украдкой отъ своихъ проводниковъ сдѣлать знакъ на перилахъ лѣстницы. Этимъ способомъ онъ узналъ впослѣдствіи то мѣсто, гдѣ ему привелось видѣть осужденную на смерть дѣвушку. Глухая молва о страшномъ происшествіи разнеслась по Кракову, а вмѣстѣ съ молвой пошло повѣрье, будто бы въ томъ домѣ, гдѣ погибла дѣвушка, являлось обезглавленное привидѣніе, и что появленіе его каждый разъ предвѣщало смерть домоваго владѣльца или особенное несчастіе въ его семействѣ.

Въ замкѣ Тенчинскихъ, о которомъ мы сказали прежде, жилъ воевода Навуй, храбрый и безукоризненный боецъ, честно служившій своей родинѣ и на полѣ брани, и въ совѣтѣ королевскомъ. Въ замкѣ воеводы жила племянница его Святослава Сандецкая, оставшаяся молодой вдовой послѣ смерти своего мужа. Святослава, въ замкѣ своего дяди, вела жизнь чрезвычайно роскошную; огромная толпа слугъ и служанокъ окружала ее. Всѣ въ замкѣ оказывали почеть вдовѣ знаменитаго каштеляна, и во всей тогдашней Польшѣ не было ни одной пани богаче Святославы, у которой было много обширныхъ волостей, доставшихся ей отъ отца и перешедшихъ къ ней отъ мужа; много было также у ней и серебра, и золота, и драгоцѣнныхъ камней. Старикъ дядя любилъ Святославу, какъ родную дочь; онъ гордился ею и передъ своими близкими соѣдами, и передъ гостями, заѣзжавшими издалека въ его пышный замокъ. Воевода надѣялся, что молодая вдова скоро выдетъ опять замужъ и что она своимъ бракомъ еще разъ породнитъ фамилію Тенчинскихъ съ какимъ нибудь самымъ знатнымъ домомъ. Воевода не безъ основанія

разсчитывалъ, что тогда, вслѣдствіе подобнаго брака, вліяніе его будетъ еще сильнѣе и на сеймѣ, и въ войскѣ, и въ сенатѣ. Воевода однако обманывался: старикъ плохо зналъ сердце молодой женщины.

Вскорѣ послѣ того, какъ поселилась Святослава Сандецкая въ домѣ своего дяди, къ пану Тенчинскому явился на службу молодой и красивый юноша Иштванъ, родомъ венгерецъ. Въ непродолжительномъ времени Иштванъ успѣлъ пріобрѣсти особенное расположеніе воеводы. Живя подъ одной кровлей съ Святославой, Иштванъ имѣлъ случай довольно часто встрѣчаться съ нею. Молодая парочка несовсѣмъ равнодушно посматривала другъ на друга. Началось съ того, что они сперва робко заговорили между собою о какихъ-то пустякахъ, потомъ стали говорить о другихъ болѣе заманчивыхъ предметахъ, близкихъ къ любви и къ сердцу. Погодя немного, они стали видѣться украдкой. Страстнымъ шопотомъ и горячими поцалуями начинались и оканчивались эти таинственныя свиданія. На первыхъ порахъ и онъ и она были чрезвычайно осторожны, ихъ пугали и ихъ собственная тѣнь, и отдаленные шаги, раздававшіеся иногда вдалекѣ отъ нихъ подъ сводами длинныхъ корридоровъ. Они дрожали и боязливо прислушивались, если порою какой нибудь слабый звукъ долеталъ до ихъ слуха. Извѣстно однако, что тайна влюбленныхъ, не смотря на всѣ ихъ хитрости и осторожности, открывается довольно скоро. Это самое было и съ Иштваномъ, и со Святославой. Вскорѣ заговорили въ замкѣ объ ихъ свиданіяхъ, а вслѣдъ за тѣмъ о любви венгерца къ Святославѣ провѣдалъ и самъ воевода. Впрочемъ Тенчинскій не далъ много вѣры носившейся около него молвѣ. Надменный воевода никакъ не предполагалъ, чтобъ такая богатая и знатная пани, какъ Святослава, могла когда нибудь полюбить бѣднаго и незнатнаго красавца.

Прошло нѣсколько времени. Взаимная страсть Иштвана и Святославы не только что не охладѣла, но еще съ каждымъ днемъ разгоралась все сильнѣе и сильнѣе, а между тѣмъ панъ Тенчинскій получилъ приглашеніе пріѣхать на сеймъ въ Варшаву. По окончаніи же сейма, воеводѣ предстояла вѣроятность далекаго похода. Въ замкѣ стали готовиться къ отъѣзду, а воевода изъ жившихъ при немъ шляхтичей и драбантовъ составилъ значительный отрядъ, который долженъ былъ сопровождать его на сеймъ и потомъ сопутствовать ему въ предстоящемъ походѣ. Въ

ту пору такіе отряды показывали богатство и могущество польскихъ магнатовъ.

Уѣзжая въ Варшаву, воевода призвалъ къ себѣ Иштвана.

— Я уѣзжаю сегодня изъ зàмка и самъ не знаю, когда опять вернусь сюда, сказалъ онъ молодому человѣку.—Я оставляю тебя здѣсь на моемъ мѣстѣ, оберегай мой зàмокъ и охраняй всѣхъ, кто живетъ въ немъ. Но берегись однако и самъ, добавилъ строгимъ голосомъ воевода, погрозивъ Иштвану пальцемъ:—веди себя такъ, чтобы до меня не дошли другой разъ вѣсти о твоей любви къ моей племянницѣ.

— Милостивый панъ, отвѣчалъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ венгерецъ: — вы убѣдитесь сами, что прежнія вѣсти были ничего болѣе, какъ только пустыя выдумки тѣхъ, которые хотѣли лишить меня вашего расположенія.

— Вѣрю тебѣ, какъ честному шляхтичу, проговорилъ отрывисто воевода: — но во всякомъ случаѣ не забывай того, что̀ я сказалъ тебѣ сейчасъ, а то погубишь ты и ее, и себя...

— Все будетъ исполнено по волѣ ясновельможнаго пана, сказалъ Иштванъ, почтительно кланяясь Тенчинскому.

Кивнувъ головой на прощанье Иштвану, воевода спустился съ лѣстницы, сѣлъ въ колымагу и выѣхалъ изъ зàмка, въ сопровожденіи своихъ прислужниковъ. Вскорѣ облако пыли застлало поѣздъ Тенчинскаго, но еще долго тянулся по дорогѣ его длинный обозъ.

Послѣ отъѣзда пана, Иштванъ не сейчасъ рѣшился повидаться съ Святославой, онъ не могъ забыть строгаго взгляда, брошеннаго на него воеводой и угрозъ Тенчинскаго, которыя, какъ зналъ Иштванъ, никогда не были напрасны. Оставшись главнымъ лицомъ въ замкѣ, Иштванъ первый день охотился въ окрестномъ лѣсу; на другой день онъ отправился оборонять проѣзжихъ купцовъ отъ разбойниковъ, показавшихся послѣ отъѣзда Тенчинскаго въ окрестностяхъ его замка. Какъ ни старался Иштванъ позабыть о Святославѣ, но вскорѣ любовь взяла свое.

На третій день Иштванъ не зналъ, что ему дѣлать, и вотъ онъ принялся думать о томъ, какъ бы провѣдать Святославу. Искушеніе взяло верхъ надъ благоразуміемъ и Иштванъ повидался съ нею тайкомъ. Потомъ влюбленные, какъ это впрочемъ всегда бываетъ, сдѣлались и смѣлѣе, и безпечнѣе, и въ заключеніе начали видѣться уже безъ всякихъ предосторожностей. Цѣлые дни, такъ быстро пролетавшіе для счастливаго Иштвана, онъ

проводилъ у ногъ Святославы, положивъ на ея колѣни свою кудрявую голову. И онъ и она забыли объ опасности, которая ждала ихъ, если бы о любви ихъ провѣдалъ воевода, а между тѣмъ старый слуга зорко сторожилъ за беззпечными счастливцами.

Прошелъ мѣсяцъ, прошелъ другой; предположенный походъ не состоялся, а потому воевода прямо съ сейма возвратился домой. Тотчасъ же, по своемъ пріѣздѣ, онъ узналъ отъ вѣрнаго слуги обо всемъ, что дѣлалось въ замкѣ во время его отсутствія, и о чемъ, еще къ большему его негодованію, заговорили даже во всемъ околодкѣ. Тенчинскій велѣлъ слѣдить за Иштваномъ, и вскорѣ донесли воеводѣ, что смѣлый венгерецъ прокрадывается по ночамъ въ комнаты Святославы. Вспылилъ воевода и, заскрежетавъ отъ ярости зубами, приказалъ окружить замокъ многочисленной стражей и не выпускать оттуда ни Иштвана, ни Святославы, а самъ между тѣмъ созвалъ на совѣтъ нѣкоторыхъ близкихъ родственниковъ, гостившихъ у него въ это время.

Дрожавшимъ отъ гнѣва голосомъ объявилъ имъ Тенчинскій о томъ позорѣ, который положила на всѣхъ ихъ вѣтреная Святослава. До утренней зари продолжалось семейное совѣщаніе: кто совѣтовалъ одно, кто другое. Вслѣдствіе этого разногласія, совѣщаніе не кончилось ничѣмъ опредѣленнымъ, и тогда воевода, подумавъ немного, покрутилъ свой сивый усъ и, тяжело вздохнувъ, положилъ рѣшить судьбу Святославы по-своему.

Насупившись, вышелъ онъ въ залу, съ мрачныхъ стѣнъ которой сурово смотрѣли на него старинные портреты его предковъ. Тенчинскій велѣлъ позвать сюда стараго драбанта.

— Иди въ спальню моей племянницы, сказалъ ему глухимъ, зловѣщимъ голосомъ воевода: — и если ты тамъ найдешь ее и Иштвана, то изруби ихъ въ мелкіе куски.

Старикъ въ ужасѣ отступилъ назадъ передъ своимъ паномъ при этихъ словахъ. Драбанту стало жаль Святославу: старикъ вспомнилъ, въ это мгновенье, какъ онъ носилъ на рукахъ крошечку Святославу въ ту пору, когда она только-что начинала лепетать, какъ онъ забавлялъ ее, смѣялся съ нею и какъ онъ въ ясное, теплое лѣто плелъ вѣнки изъ васильковъ и надѣвалъ ихъ на бѣлокурую головку Святославы.

— Милостивый мой панъ, проговорилъ дрожащимъ голосомъ старикъ: — дѣлай со мною что хочешь; но я выполню твое приказаніе только надъ нимъ, а не надъ нею. Я чувствую, что у меня не поднимется на нее рука.

Задумался на минуту воевода, и потомъ сказалъ драбанту:

— Пусть будетъ по твоему: ее ты не трогай; но только расправься съ нимъ....

Теперь безпрекословно пошелъ драбантъ исполнять волю своего пана, а между тѣмъ Тенчинскій кликнулъ другаго драбанта, родомъ хорвата.

— Ты пойдешь къ моей племянницѣ и нарубишь ее въ куски, сказалъ ему твердымъ голосомъ воевода.

— Воля ясневельможнаго пана будетъ исполнена, почтительно отвѣчалъ драбантъ и хотѣлъ уже выйдти.

Чувство жалости какъ будто промелькнуло по лицу воеводы.

— Или нѣтъ, въ куски ее не руби, а только отсѣки ей голову, и пусть Иштвану будетъ то же самое.

Сказавъ это, воевода вышелъ изъ залы; а драбантъ нагналъ своего товарища и передалъ ему приказанія пана о способѣ расправы съ Иштваномъ.

Первый драбантъ встрѣтилъ Иштвана въ одномъ изъ длинныхъ и темныхъ корридоровъ замка; онъ зазвалъ его въ ближайшую пустую комнату и тамъ объявилъ венгерцу смертный приговоръ. Молодой человѣкъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ отъ ужаса при этой неожиданной вѣсти. Въ первое мгновенье онъ рванулся было ко дверямъ и хотѣлъ защищаться, но потомъ, видя безполезность защиты, онъ сталъ на колѣни посреди комнаты, помолился усердно Богу и покорно склонилъ свою кудрявую голову. Драбантъ разомъ снесъ ее съ плечъ Иштвана....

Въ то время, когда погибалъ Иштванъ, другой драбантъ вошелъ въ спальню Святославы и сказалъ ей:

— Милостивая пани, я пришелъ къ тебѣ по приказанію пана. Вели выдти отсюда своимъ служанкамъ.

Святослава подала имъ рукою знакъ, чтобъ онѣ вышли. Служанки удалились.

— Твоя смерть близка! сурово проговорилъ хорватъ, вытаскивая изъ ноженъ свой широкій мечъ.

Святослава вскрикнула и въ ужасѣ бросилась къ дверямъ, но драбантъ заслонилъ ей дорогу.

— Напрасно, ясневельможная пани, хочешь уйти отъ смерти, проговорилъ хладнокровно хорватъ: — не уйдетъ отъ нея никуда тотъ, кто приговоренъ къ ней моимъ паномъ....

Святослава залилась слезами и въ изнеможеніи опустилась въ кресло.

— Я все отдамъ тебѣ, только пощади меня! вскрикнула она, хватаясь въ отчаяніи за голову и вскакивая съ мѣста.

— Мнѣ ничего не надобно, кромѣ твоей головы, грубо отвѣчалъ драбантъ.

Святослава увидѣла, что ей нѣтъ никакого спасенья и что она должна умереть по приговору своего безпощаднаго дяди.

Со слезами раскаянья кинулась она теперь на колѣни предъ образомъ Богоматери.

— О, если бы живъ былъ мой отецъ, онъ спасъ бы меня отъ смерти!... Но если мнѣ приходится умирать такъ позорно, то предаю мою грѣшную душу въ твои руки, Пречистая Матерь Господа!... Подкрѣпи и поддержи меня твоею благостью!... лепетала въ ужасѣ Святослава.

Съ какою-то дикой жадностью посматривалъ драбантъ на Святославу.

Она стояла еще на колѣняхъ и продолжала усердно молиться, когда онъ, подкравшись сзади на цыпочкахъ, махнулъ мечомъ, и вотъ окровавленная головка Святославы покатилась по полу....

Сумрачно выслушалъ воевода о погибели любимой племянницы и вѣроломнаго Иштвана. Ни слезой, ни вздохомъ не выразилъ онъ сожалѣнія, и только судорожная дрожь едва замѣтно пробѣжала по его суровому лицу.

Тенчинскій взялъ со всѣхъ обитателей замка страшную клятву въ томъ, что они не будутъ разглашать о случившемся. Боялись слуги произнести въ замкѣ имя Святославы и Иштвана, и только порою въ окрестныхъ деревняхъ повторялся, въ уголкѣ какой нибудь бѣдной хаты, перенначенный разсказъ о грозной расправѣ дяди съ племянницей.

Въ день казни Сандецкой воевода отправилъ ко всѣмъ своимъ родственникамъ нарочныхъ гонцовъ съ извѣстіемъ о скоропостижной смерти племянницы, а между тѣмъ приказалъ сложить въ одинъ гробъ оба обезглавленные трупа и закопать ихъ въ фамильномъ склепѣ. Мирно почивала Святослава въ родовой усыпальницѣ, но надъ могилой ея не блистали гербы Тенчинскихъ и Сандецкихъ, опозоренные ею.

III.

СѢВЕРСКІЕ ПОСЛЫ.

Княжество Сѣверское было въ Рѣчи Посполитой удѣльнымъ

владѣніемъ князя-епископа краковскаго, а потому, когда на епископскую каѳедру въ Краковѣ сѣлъ Петръ Гембицкій, то сѣверская шляхта опредѣлила отправить къ новому владыкѣ двухъ пословъ, которые привѣтствовали бы отъ имени ея князя-епископа и представили ему о нѣкоторыхъ потребностяхъ его княжества. Выборъ пословъ сопровождался шумнымъ съѣздомъ мѣстной шляхты. Дружеская веселая пирушка была необходимымъ условіемъ подобныхъ съѣздовъ тогдашняго времени.

На пирушкѣ сѣверской шляхты, послѣ многихъ круговыхъ обходовъ огромной стопы съ крѣпкимъ прадѣдовскимъ медомъ, каждый изъ присутствовавшихъ шляхтичей началъ давать избраннымъ посламъ свои собственныя инструкціи, кто какъ могъ и кто какъ съумѣлъ. Широки и длинны были эти инструкціи, а между тѣмъ круговая стопа по прежнему продолжала обходить какъ избирателей, такъ и избранныхъ. Весело, по старинному обычаю, пировали сѣверскіе шляхтичи, а между тѣмъ мало по малу одни изъ нихъ, вслѣдствіе забористаго меда, попадали какъ отравленныя мухи, а другіе кое-какъ доплелись домой и улеглись спать.

Несмотря однако на пирушку, длившуюся далеко за полночь, послы встрепенулись чѣмъ свѣтъ и, сѣвши на коней, отправились къ князю-епископу по краковской дорогѣ.

Долго ѣхали они, то рядомъ, то обгоняя одинъ другаго, по произволу своихъ коней, такъ какъ сѣдоки едва держали въ рукахъ поводья и кони ихъ шли, какъ хотѣли. Послѣ безсонной ночи и послѣ лихой выпивки, ихъ одолѣвала еще сладкая утренняя дремота. Но вотъ все выше и выше стало подниматься майское солнце на безоблачномъ небѣ и все теплѣе и теплѣе начало оно пригрѣвать путниковъ. Послы мало по малу стали разгуливаться и позѣвывать, но въ это время показалась передъ ними небольшая корчма. При видѣ ея, ободрился сперва панъ Вацлавъ, а потомъ и товарищъ его панъ Михалъ. Оба они, пріостановивши своихъ коней, вопросительно посмотрѣли другъ на друга.

— День добрый! сказалъ, позѣвывая, панъ Вацлавъ.

— День добрый, отвѣчалъ панъ Михалъ, тоже позѣвывая.

— Вѣдь мы, кажется, ѣдемъ въ Краковъ послами къ князю-епископу?... спросилъ первый.

— А развѣ ты не помнишь данныхъ намъ порученій?... перебилъ хитроватымъ голосомъ его спутникъ.

— Вѣдь о нихъ-то я только что хотѣлъ спросить тебя, отозвался панъ Вацлавъ.

— У меня рѣшительно все выпало изъ памяти послѣ того угощенія, какое намъ задали, проговорилъ панъ Михалъ.

— И у меня медъ отбилъ всю память, замѣтилъ товарищъ пана Михала.

— А вѣдь я полагался на тебя...

— А я такъ на тебя...

— Хороши же мы! Нечего сказать!... крикнули оба шляхтича въ одинъ голосъ и опять вопросительно посмотрѣли другъ на друга.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Только конскій топотъ раздавался по дорогѣ.

— Что жь намъ дѣлать, спросилъ наконецъ панъ Вацлавъ у своего товарища, придерживая коня и въ недоумѣніи пожимая плечами.

— Вернуться назадъ, замѣтилъ довольно равнодушно панъ Михалъ.

— Стыдно!...

— Такъ поѣдемъ впередъ; чтò будетъ, то будетъ...

— Пусть будетъ по твоему, отвѣчалъ панъ Вацлавъ: — видишь ли не вдалекѣ передъ нами стоитъ корчма: не закусить ли тамъ?... Вѣдь извѣстно, что во время ѣды мысли дѣлаются свѣжѣе и спокойнѣе, мы станемъ припоминать по немногу обо всемъ, чтò съ нами было, и такимъ образомъ, по ниткѣ дойдемъ коекакъ и до клубка...

— Совѣтъ твой сдѣланъ очень кстати, замѣтилъ панъ Михалъ:—онъ кстати, во-первыхъ, потому, что желудокъ проситъ перехватить чего нибудь, а во-вторыхъ, намъ непремѣнно должно подумать о томъ, зачѣмъ мы ѣдемъ послами отъ нашей братьи шляхты къ его милости, князю-епископу.

Пришпоривъ разомъ своихъ коней, которые прежде шли шагомъ, какъ будто желая дать сѣдокамъ возможность подремать на разсвѣтѣ, оба шляхтича молодецки подскакали къ корчмѣ. У воротъ ея стоялъ старый еврей Азикъ, въ шелковомъ потертомъ жупанѣ; онъ поглаживалъ свою бороду и подергивалъ свои пейсики въ ожиданіи проѣзжихъ пановъ. Вѣжливо встрѣтилъ онъ своихъ гостей, объявляя имъ, еще при входѣ ихъ на крыльцо, что у него не только есть овесъ, сѣно, молоко, рыба и яица, но

что у него найдется и такое отличное вино, какого нельзя достать даже и въ Краковѣ.

— А вотъ, панъ арендаторъ, мы это сейчасъ увидимъ!... крикнули и Вацлавъ и Михалъ.

Спрыгнувши проворно съ коней, они вошли въ корчму. Покуда гости расправляли ноги и осматривались кругомъ, Азикъ успѣлъ сбѣгать въ кладовую и вскорѣ явился къ своимъ вельможнымъ гостямъ, неся имъ на пробу нѣсколько фляжекъ венгерскаго.

Проѣзжіе усѣлись за столомъ и, въ ожиданіи закуски, опершись на столъ локтями, крѣпко призадумались о цѣли своего посольства, стараясь припомнить данныя имъ на этотъ случай инструкціи. Какъ однако они ни силились, все было напрасно, а между тѣмъ поставленное Азикомъ на столъ венгерское манило ихъ къ себѣ своимъ золотистымъ цвѣтомъ.

— Ну, что, панъ Михалъ, припомнилъ? спросилъ Вацлавъ.

— А ты?...

— А вотъ закусимъ, такъ быть можетъ и вспомнимъ.

Пріятели дружно принялись за поставленную передъ ними закуску. Закуска поубавилась скоро.

— Ну что, теперь ты вспомнилъ? спросилъ Михалъ.

— Нѣтъ, еще.

— И я еще нѣтъ.

— Попробуемъ пополоскать горло, сказалъ Вацлавъ:—такъ быть можетъ память послѣ этого сдѣлается посвѣжѣе.

Съ этими словами, оба шляхтича принялись за венгерское, которое, по своему превосходному качеству, упрочило въ ихъ мнѣніи славу Азика на вѣки-вѣчные.

Послы однако призадумались крѣпче прежняго, а между тѣмъ предъ ними замѣтно опорожнилась большая миса квашенной капусты и быстро исчезло все венгерское. Несмотря однако ни на закуску, ни на выпивку, шляхтичи не припомнили данныхъ имъ порученій; мало этого—оказалось даже, что послѣ часовой ѣды и часоваго питья въ корчмѣ Азика, они не могли пошевелить ни рукой, ни ногой, ни языкомъ, почему они растянулись тутъ же, около стола, на скамейкѣ, бормоча другъ другу, что сонъ и отдыхъ необходимы послѣ ѣзды верхомъ и въ особенности послѣ хорошей закуски и отличнаго венгерскаго. Выспавшись порядкомъ, они вскочили со всѣхъ ногъ и вопросительно посмотрѣли другъ на друга.

— Ну что жь, теперь припомнилъ? спросилъ Вацлавъ.

— Снилось что-то, а теперь забылъ опять все!... А ты?...

— И со мной было тоже самое: припоминалъ что-то во снѣ, а теперь хоть по лбу хвати, ровно ничего не вспомню; знаю только то, что мнѣ рѣдко приходилось пить такое отличное вино, какимъ потчивалъ насъ Азикъ.

— А знаешь, пріятель, что намъ нужно сдѣлать для того, чтобъ вспомнить наши порученія? сказалъ Михалъ:—намъ нужно не торопиться. Вѣдь когда же нибудь мы вспомнимъ все то, что̀ намъ поручили. Переночуемъ-ко лучше здѣсь. Неужели же мы и на завтра ничего не вспомнимъ... Хоть бы что нибудь вспомнить, а тамъ по ниткѣ доберемся до клубка, повторилъ панъ Михалъ.

— А вотъ я помолюсь хорошенько св. Антонію Падуанскому. Молитва ему помогала мнѣ всегда находить то, что мнѣ случалось терять, замѣтилъ Вацлавъ.

На такіе убѣдительные доводы очень легко сдались оба пріятеля, и они рѣшились выспаться хорошенько гдѣ нибудь въ сараѣ—въ холодкѣ, на душистомъ сѣнѣ. Шляхтичи объявили Азику о своемъ намѣреніи переночевать въ его корчмѣ и спросили обѣдать. Услужливый карчмарь угостилъ ихъ за обѣдомъ рыбой, еврейской лапшой, а за ужиномъ опять подалъ имъ рыбу съ горячительными приправами и яичницу, съ прибавкой отличнаго венгерскаго, какъ за обѣдомъ, такъ и за ужиномъ.

Послѣ ужина пріятели весело поболтали между собою и, запивая свою бесѣду венгерскимъ, дошли наконецъ до того, что уже не узнавали другъ друга. Они не отправились спать въ холодокъ, какъ думали прежде, но въ той же комнатѣ улеглись на сѣнѣ и, какъ впослѣдствіи разсказывалъ Азикъ, храпѣли такъ богатырски, что отъ храпу ихъ дрожали стекла.

— Уй!... Я боялся, что стекла выскочатъ изъ рамъ, добавлялъ Азикъ, передавая проѣзжимъ о ночлегѣ шляхтичей, и въ изумленіи покачивая головой и поправляя на ней свою засаленную ермолку.

На разсвѣтѣ оба шляхтича вскочили со всѣхъ ногъ и вопросительно посмотрѣли другъ на друга.

— Ну что, ты вспомнилъ? спросилъ панъ Михалъ.

— Нѣтъ.

— А ты?

— И я тоже.

— Видно, нечистый обморочилъ насъ, сказали въ голосъ оба пріятеля.

— Что жь дѣлать, вѣдь лбомъ стѣны не прошибешь, сказалъ утѣшающимъ голосомъ панъ Вацлавъ:—поѣдемъ, лучше дальше: дорога не то, что корчма, гдѣ сидишь въ заперти,—на чистомъ воздухѣ другое дѣло, тамъ все вспоминается какъ-то легче.

Оба пріятеля безпрекословно согласились въ справедливости этихъ словъ. Разсчитавшись съ Азикомъ и привѣтливо поблагодаривъ его за радушное угощеніе и за умѣренность въ разсчетѣ, шляхтичи отправились далѣе во имя Божіе. Воздухъ былъ чудный, на поляхъ и въ лѣсахъ пѣли птички; гдѣ жужжалъ жукъ, гдѣ трещала стрекоза, гдѣ щелкалъ кузнечикъ. Шляхтичи ѣхали молча, и каждый изъ нихъ силился припомнить данныя имъ инструкціи, и только время отъ времени то Вацлавъ у Михала, то Михалъ у Вацлава спрашивалъ:

— А что, вспомнилъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ обыкновенно и тотъ и другой.

И затѣмъ оба начинали припоминать позабытое.

Въ каждой встрѣчной корчмѣ послы останавливались на ночлегъ, закусывали, обѣдали, ужинали, пили и спали, и потомъ отправлялись далѣе, твердо надѣясь, что если не сонъ, то закуска, если не закуска, то обѣдъ, если не обѣдъ, то ужинъ, если не ужинъ, то чистый воздухъ помогутъ имъ припомнить цѣль ихъ поѣздки къ князю-епископу. Такимъ образомъ, послѣ продолжительнаго странствованія, они добрались наконецъ до Кракова и остановились въ одной изъ тамошнихъ гостинницъ.

Сидя за столомъ, опершись на него локтями, они крѣпко думали о томъ, что имъ слѣдуетъ говорить, явившись передъ княземъ-епископомъ и вопросительно посматривали другъ на друга, выжидая, кому изъ нихъ посчастливится первому вспомнить забытыя порученія.

— А вѣдь рано или поздно, но все же намъ нужно будетъ идти къ его княжеской и епископской милости, проговорилъ Вацлавъ, послѣ долгаго молчанія.

— Разумѣется, въ глубокой задумчивости отозвался Михалъ.

— Ну, а что жь ты ему скажешь отъ имени нашей братьи—шляхты? спросилъ первый.

— Господь какъ нибудь поможетъ намъ. Кто знаетъ, не вспомнимъ ли мы на пути къ его дворцу, зачѣмъ мы сюда пріѣхали.

— И то правда.

— Что будетъ, то будетъ, крикнули разомъ оба пріятеля: — пойдемъ поскорѣе къ князю-епископу. — И съ этими словами они принялись одѣваться.

Цирульникъ проворно и ловко подбрилъ имъ головы и расчесалъ ихъ длинные чубы. Шляхтичи надѣли кунтуши, только что съ иголочки и, прицѣпивъ сабли, отправились въ княжескій дворецъ, думая во всю дорогу, о чемъ они будутъ говорить съ его княжескимъ преосвященствомъ.

Недолго представителей сѣверской шляхты заставили ждать въ епископской пріемной. Осторожно вошли шляхтичи въ ту комнату, гдѣ сидѣлъ князь-епископъ и, робко поднявъ глаза, они увидѣли предъ собою еще бодраго старика, съ добрымъ открытымъ лицомъ, въ фіолетовой сутанѣ и съ темной бархатной шапочкой на головѣ.

Почтительно поклонились шляхтичи преосвященному владыкѣ.

Епископъ при входѣ ихъ всталъ съ креселъ, подошелъ къ нимъ и подалъ правую руку, которую они и поцаловали.

— Здравствуйте, дорогіе мои братья-сѣверяне, проговорилъ ласковымъ голосомъ князь-епископъ. — Что же скажете вы мнѣ отъ имени всей вашей братьи — сѣверской шляхты?...

Панъ Вацлавъ подтолкнулъ изподтишка пана Михала локтемъ, промолвивъ въ полголоса:

— Ну, начинай!...

Панъ Михалъ сдѣлалъ тоже, пробормотавъ:

— Начинай ты, вѣдь ты старше меня.

Но ни тотъ, ни другой, какъ говорится, ни п-т-у, ни ну.

Не безъ нѣкотораго удивленія посмотрѣлъ князь-епископъ на молчаливыхъ пословъ, которые мялись на одномъ мѣстѣ, откашливались, блѣднѣли, краснѣли и отирали потъ, выступавшій крупными каплями на ихъ лицахъ.

Въ это затруднительное время вдругъ мелькнула въ головѣ пана Вацлава ужасная мысль, что позоръ его и его товарища падетъ на всю сѣверскую шляхту, избравшую такихъ нерасторопныхъ представителей. Въ отчаяніи отъ этой мысли панъ Вацлавъ одушевился, откашлялся и твердымъ голосомъ сказалъ:

— Ясневельможный князь-епископъ! Жители Сѣверскаго княжества избрали насъ для того, чтобы мы сложили къ стопамъ вашей княжеской и епископской милости ихъ покорнѣй-

шую просьбу. Судьбѣ однако угодно было, чтобы и мы и отправлявшіе насъ не поняли содержанія этой просьбы. Кто тутъ правъ, кто тутъ виноватъ — разбирать этого мы не можемъ. Довольно того, что намъ или не умѣли передать порученій, или мы не умѣли ихъ выслушать. Поэтому, заключилъ съ почтительнымъ поклономъ панъ Вацлавъ:—всенижайше просимъ вашу княжескую и епископскую милость благосклонно принять высокое къ вамъ уваженіе всей сѣверской шляхты; что же касается собственно насъ, то мы впередъ такими послами не будемъ...

Въ продолженіе этой рѣчи панъ Михалъ то раскланивался съ княземъ-епископомъ, то поддакивалъ своему товарищу, то мурлыкалъ себѣ что-то подъ носъ.

Добродушно улыбнулся ученый князь-епископъ, выслушавъ рѣчь пана Вацлава и, потрепавъ обоихъ пословъ по плечу, сказалъ имъ:

— Передайте отъ меня братьи моей, шляхтѣ сѣверской, что я сдѣлаю для нихъ все, что могу. Если же вамъ что нибудь понадобится, то не издерживайтесь напрасно—на поѣздку ко мнѣ въ Краковъ, а лучше напишите на бумагѣ, добавилъ его преосвященство, закусывая отъ смѣха нижнюю губу.

Почтительно поцаловали шляхтичи руку снисходительнаго архипастыря и съ радостію вышли изъ его дворца.

— А вѣдь и правду говорятъ, что не святые горшки лѣпятъ, сказали оба шляхтича въ одинъ голосъ, возвращаясь въ гостинницу въ отличномъ расположеніи духа.

— Только не надобно разсказывать, какъ было дѣло, а то, пожалуй, въ другой разъ и въ послы не выберутъ, замѣтилъ панъ Вацлавъ.

По пріѣздѣ пословъ домой, шляхта встрѣтила ихъ такой же пирушкой, какой прежде напутствовала ихъ въ Краковъ. Заходила снова круговая стопа и, такъ какъ въ старое время люди были и откровеннѣе и проще, то и послы не утерпѣли, чтобъ не разсказать своимъ землякамъ, какъ было дѣло. Всѣ отъ души посмѣялись, — и прослыли съ тѣхъ поръ панъ Вацлавъ и панъ Михалъ людьми хоть и съ слабою памятью, но за то весьма находчивыми...

Е. КАРНОВИЧЪ.

О РЕКРУТСКОЙ ПОВИННОСТИ.

Намъ доставлены замѣтки «о рекрутской повинности», написанныя г. Волковымъ (въ Кяхтѣ). Помѣщаемъ существенныя мѣста этой небольшой статьи.

Оба способа отправленія рекрутской повинности, какъ очередной, такъ и жеребьевой, имѣютъ свои невыгоды. О невыгодахъ очереднаго порядка довольно будетъ сказать, что иногда семейства, состоящія даже изъ 3-хъ работниковъ, вовсе не отправляютъ рекрутской повинности, по тѣлеснымъ только недостаткамъ всѣхъ братьевъ, тогда какъ изъ семейства, менѣе обязаннаго къ ней (напримѣръ, два брата, недостигшіе 60 лѣтъ, и племянникъ ихъ, имѣющій всѣ нужныя качества), берется рекрутъ, и семейство остается безъ поддержки. Въ жеребьевомъ порядкѣ вся справедливость зависитъ отъ случайности. Напримѣръ, если въ данное время въ одномъ семействѣ находится три работника: 30, 25 и 20 лѣтъ, — въ первый наборъ жеребій на это семейство, по счастію, не выпадетъ; къ слѣдующему же набору, бывающему чрезъ два года, семейство это отдаляется уже отъ очереди: законъ обязываетъ ставить на очередь людей, имѣющихъ 20 лѣтъ, и только по недостатку 20 и 21-лѣтнихъ дается жребій 22-лѣтнимъ; если же младшій членъ того семейства, о которомъ здѣсь говорится, или не будетъ поставленъ на жребій, какъ 22-лѣтній, или опять ему не выпадетъ жребій, — тогда при третьемъ наборѣ семейство это еще болѣе отдалится отъ жребья, тогда какъ обязанность его въ поставкѣ рекрута должна, въ сравненіи съ другими семействами, увеличиваться. Такимъ образомъ, часто случается, что большія семейства, съ полнымъ составомъ работниковъ, остаются вовсе избавлены отъ повинности и замѣняются другими, менѣе обязанными. Кромѣ того, при жеребьевомъ порядкѣ много уходитъ въ рекруты людей, оставляющихъ малолѣтнія семейства; для нихъ въ жеребьевомъ порядкѣ нѣтъ изъятія,

тогда какъ по очередному порядку идутъ въ рекруты сначала холостые, потомъ женатые бездѣтные, и уже по недостатку ихъ—отдаются женатые, имѣющіе дѣтей.

Самымъ лучшимъ и справедливымъ способомъ было бы несеніе рекрутской повинности установить посредствомъ охотниковъ; стоитъ только возложить на цѣлое общество или участокъ, состоящій не менѣе какъ изъ 1,000 душъ, сборъ особыхъ средствъ, чтобы имѣть возможность выдавать поступающимъ въ рекруты охотникамъ значительную награду. Потребную для этого сумму слѣдуетъ собирать со всѣхъ членовъ общества, обязанныхъ нести рекрутскую повинность. Тогда повинность эта упадала бы на всѣхъ равно.

Потому весьма полезно было бы установить при отправленіи рекрутской повинности, сначала хотя по городамъ, слѣдующій порядокъ:

1) Каждое общество или участокъ избираетъ ежегодно изъ среды своей 24 человѣка добросовѣстныхъ и рекрутскаго старосту.

2) Добросовѣстные, вмѣстѣ съ рекрутскимъ старостою, составляютъ ежегодно списки наличнымъ членамъ своего общества или участка отъ 18 до 36-лѣтняго возраста.

3) Этотъ общій списокъ провѣряется одинъ разъ въ году въ общемъ собраніи общества, подъ предсѣдательствомъ градскаго головы, или бургомистра, или городоваго судьи.

4) По объявленіи набора устанавливается особый сборъ по приговору общества, составляемому также въ общемъ собраніи, подъ предсѣдательствомъ городскаго головы. Размѣръ этого сбора долженъ простираться по числу слѣдующихъ съ общества или участка рекрутовъ, полагая по 400 р. на каждаго и какую либо часть на расходы, нужные при сдачѣ, и обмундированіе рекрутовъ.

5) Способъ сбора или раскладки предоставляется самому обществу, которое можетъ разлагать эти деньги по числу душъ, или по состояніямъ, или посредствомъ добровольной складки, или другимъ въ обществѣ установленнымъ способомъ.

Примѣчаніе. Можно бы предоставить обществамъ составлять эту сумму благовременно, разлагая взносъ ея на двѣ половины года, какъ платятся подати, только бы имѣть эту сумму всегда въ готовности. Конечно, желалось бы, чтобы для отправленія рекрутской повинности образовались въ каждомъ обществѣ особые рекрутскіе капиталы, чтобы не прибѣгать къ ежегодному сбору или раскладкамъ; впрочемъ, со временемъ можно ожидать, что всѣ общества примутъ подобныя мѣры.

6) По полученіи манифеста о наборѣ, добросовѣстные вызываютъ охотниковъ къ поступленію въ рекруты.

7) Если охотниковъ не окажется, или число ихъ будетъ недостаточно для пополненія числа слѣдующихъ съ общества или участка рекрутъ, тогда добросовѣстные составляютъ уже очередной и жеребьевой списки, въ которыхъ первое мѣсто должны занимать холостые молодые люди, годные въ рекруты, считая таковыхъ для рекрута по 5 человѣкъ; имъ дается жребій отдѣльно отъ прочихъ членовъ общества;

когда они всѣ вынутъ жеребья и полнаго количества рекрутовъ не окажется, тогда остальные берутся уже съ прочихъ членовъ общества.

8) При существованіи подобныхъ правилъ, каждое общество конечно будетъ стараться отправлять рекрутскую повинность посредствомъ охотниковъ; для этого слѣдуетъ ему увеличивать свои средства. Итакъ, можно бы было предоставить большимъ семействамъ откупаться отъ очереди, внося въ общественный рекрутскій капиталъ по 400 р., что и должно быть поставлено этому семейству въ рекрутскихъ очередныхъ спискахъ послугой.

9) Поступающимъ въ рекруты охотой, или по очереди, или по жеребью, выдается награда не менѣе 400 р. Если же общество увидитъ, что награда эта не привлекаетъ охотниковъ и средства общества позволяютъ, то оно можетъ увеличить ее по своему усмотрѣнію, объявивъ объ этомъ благовременнѣе.

10) Изъ слѣдующей рекруту награды $^1/_4$ часть, т. е. 100 р., выдается ему на руки, остальныя 3 части (300 р.) отдаются въ проценты; изъ полученныхъ процентовъ половина выдается на содержаніе оставшагося послѣ рекрута семейства, остальные проценты причисляются къ капиталу; если же у рекрута не остается никакого семейства, то всѣ проценты причитаются къ капиталу, который и выдается ему по выходѣ въ отставку. Если онъ во время службы бѣжитъ или сдѣлаетъ такое преступленіе, которое лишаетъ его всѣхъ правъ состоянія, то деньги его поступаютъ въ пользу наслѣдниковъ, а по неимѣнію ихъ, какъ вымороченыя, въ пользу общества.

11) Поступающему въ рекруты слѣдуетъ предоставить право избирать изъ среды общества опекуна, который, ежегодно получая изъ думы или ратуши свѣдѣнія о состояніи капитала, сообщаетъ ихъ рекруту.

12) Всѣми этими правами должны пользоваться и охотники, поступающіе въ зачетъ будущихъ наборовъ; они зачитаются обществу въ первый же наборъ.

Установленіе подобнаго порядка очень облегчитъ отправленіе рекрутской повинности.

Мысли, очень кратко изложенныя г. Волковымъ, представлены въ гораздо болѣе развитой формѣ неизвѣстнымъ авторомъ статьи, помѣщенной недавно въ одномъ изъ спеціальныхъ нашихъ журналовъ. Предметъ такъ важенъ, а начинать объ немъ рѣчь намъ отъ самихъ себя такъ затруднительно, что мы рѣшаемся сдѣлать очень большія заимствованія изъ статьи этого журнала, — или, прямѣе говоря, перепечатать большую половину ея. Читатель увидитъ, что планъ автора этой статьи во всѣхъ важныхъ чертахъ совершенно сходенъ съ мыслями, къ которымъ, конечно совершенно независимо отъ него пришелъ г. Волковъ: судя по времени, въ [illegible] книжка журнала, заключающаго въ себѣ статью о рекрутской по-

винности, получена была спустя уже очень много времени послѣ того, какъ отправилъ въ Петербургъ свои замѣтки г. Волковъ. Такое согласіе взглядовъ конечно усиливаетъ вѣсъ мыслей, предлагаемыхъ и г. Волковымъ, и авторомъ статьи.

«Рекрутская повинность въ мѣщанскихъ обществахъ отправляется въ Россіи, въ настоящее время, по двумъ системамъ: очередной и жеребьевой. Въ обоихъ случаяхъ, повинность эта отбывается обществомъ натурою, и, притомъ, за все число ревизскихъ душъ, состоящихъ въ немъ, кромѣ льготныхъ. Въ основаніи очередной системы лежитъ та мысль, что какъ мѣщанскія общества слагаются изъ семей, представляющихъ собою какъ бы отдѣльныя общества, члены которыхъ, по духу нашего законодательства, обязаны платить всѣ подати и отправлять возлагаемыя на нихъ закономъ повинности сообща, — то посему и рекрутская повинность должна быть отбываема не каждымъ членомъ общества отдѣльно, а семьями.

«Такимъ образомъ, по этой системѣ, семья, давшая рекрута, становится на нѣкоторое время свободною отъ этой повинности. Большая или меньшая продолжительность этого льготнаго времени зависитъ отъ состава семьи: чѣмъ больше рабочихъ рукъ, тѣмъ льготный періодъ меньше, и наоборотъ. Слѣдовательно, сущность этой системы заключается въ томъ, что семьи даютъ рекрутъ поочередно, а очередь обусловливается числомъ рабочихъ силъ и душъ, въ ней заключающихся.

Основная же мысль жеребьевой системы заключается въ томъ, что не семьи, составляющія общества, а каждый членъ его отдѣльно долженъ участвовать въ отправленіи рекрутской повинности, по достиженіи опредѣленнаго возраста, а именно 20 и 21 года. А потому, при объявленіи набора, призываются къ отправленію его всѣ молодые люди, имѣющіе назначенный возрастъ; но какъ такихъ однолѣтковъ всегда въ обществѣ больше, нежели сколько требуется для исполненія набора, то кому изъ нихъ идти въ рекруты—рѣшаетъ жребій; остальные же, за исключеніемъ отчисляемыхъ въ запасные и подставные, освобождаются навсегда отъ этой повинности, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда лицъ, имѣющихъ призываемый возрастъ и годныхъ къ военной службѣ, окажется меньше, нежели сколько ихъ нужно для отправленія набора: въ такомъ случаѣ призывается въ пособіе тому возрасту слѣдующій высшій и т. д.

«Всѣ дальнѣйшія подробности, въ приложеніи этихъ системъ къ самому дѣлу, должны бы прямо вытекать изъ главныхъ началъ ихъ; но какъ для поступленія въ военную службу необходимо имѣть опредѣленныя физическія качества, и, сверхъ того, не каждая семья, по своему положенію, можетъ дать одного изъ ея членовъ въ рекруты, не лишаясь совершенно средствъ къ пропитанію своему честнымъ трудомъ, то, вслѣдствіе этого, а также и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ, оказалось необходимымъ — при взиманіи рекрутъ какъ по той, такъ и по другой системѣ дѣлать нѣкоторыя исключенія. А какъ, по пра-

видахъ обѣихъ системъ, лица, освобожденныя почему либо отъ рекрутства, не несутъ въ возмездіе за это никакой другой повинности въ пользу общества, то отъ сего тотчасъ же произошла неравномѣрность въ распредѣленіи тягости этой повинности на членовъ одного и того же сословія, и затѣмъ явились льготы для однихъ, влекущія за собою обремененіе для другихъ, безъ всякаго за то вознагражденія со стороны первыхъ.

«При изученіи подробностей обѣихъ системъ, недостатки ихъ и вытекающія изъ тѣхъ недостатковъ послѣдствія выдаются такъ рѣзко, что каждый невольно долженъ придти къ мысли о настоятельной необходимости или замѣнить эти системы новою, или, избравъ лучшую изъ нихъ, сдѣлать въ ней исправленія, указываемыя опытомъ.

Авторъ говорящій собственно только о мѣщанскихъ обществахъ, перечисляетъ неудобства той и другой системы въ примѣненіи къ нимъ:

«1) Первый и главный недостатокъ, общій обѣимъ рекрутскимъ системамъ, состоитъ въ томъ, что, какъ выше сказано, всѣ члены мѣщанскаго общества участвуютъ въ отбываніи рекрутской повинности. Слабосиліе, нѣкоторыя весьма обыкновенныя болѣзни, какъ напримѣръ: золотушное состояніе, выражающееся хотя и незначительными опухолями шейныхъ желѣзъ, но не дозволяющее носить киверъ или каску, незначительная хромота, происходящая оттого, что одна нога нѣсколько короче другой, наконецъ малый ростъ и тому подобные недостатки хотя и не мѣшаютъ исполнять всѣ, или, по крайней мѣрѣ, почти всѣ, работы, но относятся къ разряду такихъ физическихъ недостатковъ, съ коими воспрещено принимать въ военную службу.

«А какъ мѣщанскія общества отправляютъ рекрутскую повинность только натурою, то мѣщане съ помянутыми недостатками совершенно избавляются отъ этой повинности; общество же, давая рекрутъ по числу ревизскихъ душъ, вынуждено давать ихъ и за неспособныхъ, не получая за то съ нихъ никакого возмездія; а потому тягость этой повинности падаетъ только на тѣ семьи, гдѣ есть члены, годные къ военной службѣ. Такимъ образомъ, семья, которой ни по очереди, ни по жеребью не слѣдуетъ дать рекрута, весьма часто даетъ его только потому, что въ тѣхъ семьяхъ, которыя стоятъ по списку выше, оказалось нѣсколько человѣкъ негодныхъ. За что же однѣ семьи пользуются льготою лишь вслѣдствіе того, что члены ихъ имѣютъ нѣкоторые физическіе недостатки, а другіе несутъ за нихъ повинность, и часто съ полнымъ разстройствомъ своего семейнаго быта, безъ всякаго за то вознагражденія?

«Для ближайшаго усмотрѣнія подобныхъ несправедливостей, какъ вредныхъ послѣдствій существующихъ рекрутскихъ системъ, возьмемъ въ примѣръ слѣдующія два семейства:

1) Андрей Петровъ . . 49 лѣтъ.
его жена Вѣра . . . 47 —
ихъ дѣти: Николай 20 —
— Петръ . 15 —
братъ Павелъ . . . 40 —
его жена Анна . . 38 —
ихъ сынъ Антонъ. 19 —

«Итого 7 душъ, изъ коихъ 5 мужескаго пола и почти всѣ работники, хотя Петръ и не достигъ еще законныхъ лѣтъ работника.

2) Антонъ Ивановъ . . 58 лѣтъ.
его сынъ Прокофій 39 —
Прокофія жена Анна 38 —
ихъ дѣти: Иванъ . . 20 —
— Андрей . 12 —
— Петръ . . 5 —
— Павелъ . 3 —
— Анна . . 14 —
— Агафья 8 —

Итого 9 душъ, изъ нихъ 6 мужескаго, изъ коихъ только три работника.

«По очередной системѣ, первое семейство должно стать на очередь раньше втораго, а по жеребьевой — члены ихъ Иванъ и Николай должны быть призваны одновременно. Допустимъ теперь, что Николай малорослъ, а Антонъ золотушенъ, — и вотъ семья благоденствуетъ, благодаря недостаткамъ, которые хотя и не мѣшаютъ всѣмъ имъ быть хорошими работниками, но, однакожь, избавляютъ отъ исполненія одной изъ самыхъ тяжелыхъ повинностей; а между тѣмъ выбытіе одного члена изъ этой семьи не произвело бы въ ней никакого разстройства. Во второй же семьѣ Иванъ оказался молодцомъ по всему: и по росту, и по здоровью, и бѣдная семья должна разстаться съ своимъ молодцомъ потому только, что въ первой семьѣ и въ другихъ ей подобныхъ не оказалось годныхъ членовъ, — должна разстаться, несмотря на то, что въ этой семьѣ пятеро малолѣтковъ и одинъ старикъ-дѣдъ, который, въ эти лѣта, большею частію не только не работникъ, но еще требуетъ ухода: работникъ же остается всего одинъ. Что же будетъ съ семьею? Какъ одинъ работникъ прокормитъ, одѣнетъ и обуетъ всю семью да, сверхъ того, заплатитъ подати и повинности за шесть душъ? Поневолѣ окажется несостоятельнымъ, и его посадятъ въ рабочій домъ, а семья отправится нищенствовать или промышлять какимъ либо незаконнымъ образомъ. Но если бы первая семья и другія, подобныя ей, отправили, въ свою очередь или по доставшемуся жеребью, повинность, то второй семьѣ досталось бы дать рекрута позже, и, быть можетъ, черезъ нѣсколько лѣтъ: тогда у нея былъ бы еще подростокъ, который могъ бы помогать отцу, и семья не разстроилась бы окончательно. Кто изъ родителей-мѣщанъ будетъ болѣе благодарить Бога — тѣ ли, у коихъ дѣти молодцы по росту и здоровью, или тѣ, у коихъ дѣти имѣютъ какіе либо недостатки: короткошеи, кривоплечи, золотушны? Я слышалъ, какъ одна мать, во время набора, благословляла судьбу свою за то, что у нея одинъ сынъ малорослъ, а другой кривошей, что, однакожь, не мѣшаетъ одному изъ нихъ быть хорошимъ сапожникомъ, а другому шить тулупы. Какое странное положеніе общества: родители радуются тому, что ихъ дѣти имѣютъ какое либо

уродство! А нерѣдко бываютъ еще и такіе случаи, что родители, въ видахъ освобожденія сыновей своихъ отъ рекрутства, стараются, во время дѣтства ихъ, изуродовать нѣкоторые ихъ члены, не лишая, однакожъ, возможности работать и, слѣдственно, быть полезными своей семьѣ. Вотъ послѣдствія неравномѣрнаго отправленія повинности.

«2) Статьею 192 Уст. Рекр. запрещается принимать въ рекруты лицъ, оставленныхъ по суду въ подозрѣніи по такимъ преступленіямъ, за которые, на основаніи закона, они подлежали бы лишенію всѣхъ правъ состоянія или же всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію имъ присвоенныхъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ ссылкѣ въ Сибирь на каторгу или на поселеніе, отдачѣ въ арестантскія роты и рабочіе дома, и кои, притомъ, во время слѣдствія на повальномъ обыскѣ, опорочены въ поведеніи. Такимъ образомъ, подозрѣніе въ преступленіи даетъ всегдашнюю льготу отъ рекрутской повинности, и человѣкъ, ни въ чемъ не заподозрѣнный, идетъ въ рекруты за мошенника, а онъ, въ вознаграждіе за это, даже не облагается никакою излишнею противъ другихъ повинностію и пользуется льготою, какъ бы въ награду за хорошее дѣло. Поэтому, чтобы избавиться отъ рекрутства, нужно только похлопотать, чтобъ какой либо уголовный преступникъ припуталъ къ своему дѣлу, тогда, при допросахъ, самому нѣсколько сбиться и затѣмъ устроить такъ, чтобы судъ оставилъ въ подозрѣніи, чему и бывали примѣры. Опять приходимъ къ результату весьма неутѣшительному.

«3) Есть семейства, которыя, по небольшому своему составу, какъ то: отецъ съ сыномъ, дѣдъ съ внукомъ, дядя съ племянникомъ, одиночка и т. п., поименованные въ ст. 79, 80 и 814 Уст. Рекр., освобождаются отъ рекрутской повинности, однакожъ, безъ исключенія изъ того числа душъ, за которое общество отправляетъ эту повинность. Вслѣдствіе таковаго освобожденія мѣщанскія семейства стараются раздробиться. А какъ раздѣлы на семьи, въ которыхъ меньше трехъ работниковъ, воспрещаются, то они достигаютъ этого слѣдующимъ образомъ: все семейство перечисляется въ купечество; на слѣдующій годъ члены его по одному и по два, смотря по тому, какъ имъ нужно раздѣлиться, объявляютъ капиталы въ разныхъ городахъ, и на слѣдующій годъ каждый въ своемъ городѣ, по необъявленію капитала, сходитъ въ мѣщане, и вотъ семейство раздробилось, согласно его желанію, и избавилось отъ рекрутства во вредъ другимъ. Такихъ примѣровъ множество. Жеребьевая система отчасти устраняетъ это тѣмъ, что по 814 ст., только тѣ изъ одиночекъ и двойниковъ пользуются освобожденіемъ отъ рекрутской повинности, которые владѣютъ не менѣе пяти лѣтъ недвижимою собственностію, приносящею не менѣе 60 руб. сер. въ годъ чистаго дохода. Но законъ этотъ, устраняя означенное неудобство, не устраняетъ неравномѣрное распредѣленіе рекрутской повинности: избавляя богатыхъ, онъ заставляетъ бѣдныхъ нести ее вдвойнѣ, то есть и за себя и за богатыхъ. Вотъ главнѣйшіе недостатки, общіе обѣимъ системамъ.

«Кромѣ того, въ очередной системѣ особенно выдаются слѣдующіе недостатки:

«1) Весьма обременительно для общества правило, по коему одиночки и двойники, въ опредѣленныхъ степеняхъ родства, тогда только подвергаются отправленію рекрутской повинности, когда число такихъ семей составляетъ не менѣе третьей части всѣхъ семей; въ противномъ случаѣ, повинность эта отправляется за нихъ многорабочими семьями, и они избавляются отъ оной безъ всякаго съ ихъ стороны возмездія тѣмъ семьямъ или обществу.

«2) Весьма тяжело условіе для исключенія изъ числа работниковъ по болѣзни. Для этого, по ст. 77, нужно или быть слѣпымъ на оба глаза, или не имѣть которой либо руки или ноги, или не владѣть одною изъ нихъ вслѣдствіе перелома или иной болѣзни, пресѣкшей дѣйствованіе ими, и вообще быть разслабленнымъ до неподвижности, и то, если общественное собраніе участка, большинствомъ голосовъ, признаетъ справедливымъ сдѣлать это исключеніе до выздоровленія. Какже можно признать работникомъ того, который хотя и не разслабленъ совершенно, но страдаетъ сильною ломотою во всѣхъ членахъ и не можетъ даже ходить безъ помощи другихъ, или имѣетъ тѣло, покрытое язвами, или одержимъ другими какими либо хроническими болѣзнями, которыя не только лишаютъ его возможности быть полезнымъ семейству, но, напротивъ, требуютъ еще ухода за нимъ, — и, наконецъ,

«3) Отдѣлъ одного члена отъ семьи дозволяется лишь для вступленія чрезъ женитьбу въ домъ, гдѣ одинъ работникъ, но непремѣнно чрезъ женитьбу. Почему же не дозволить подобнаго отдѣла по случаю усыновленія, а также въ домъ родной матери, которая могла бы пріобрѣсти этотъ домъ на собственныя деньги, не принадлежащія семьѣ умершаго ея мужа, или чрезъ вступленіе во второй бракъ? Эти причины законны для отдѣла и должны быть приняты во вниманіе. Если же обратимся къ жеребьевой системѣ, то найдемъ тамъ еще болѣе отсутствія справедливости.

«Основная мысль этой системы, заключающаяся въ томъ, что кому изъ общества слѣдуетъ отправить возложенную на него повинность, долженъ рѣшить жребій, едва ли можетъ быть признана правильною.

«Если сословіе обязано отправлять какую либо государственную повинность, то справедливость требуетъ, чтобы всѣ члены его участвовали въ этомъ сообразно ихъ средствамъ и чтобы распредѣленіе повинности было основано въ началѣ разумномъ. Съ принятіемъ же жеребьевой системы все предоставляется случаю, и семьи, находящіяся совершенно въ одинаковомъ положеніи, большею частію отбываютъ рекрутскую повинность неравномѣрно.

«При распредѣленіи рекрутской повинности на членовъ общества, могутъ быть только два случая: или повинность эта должна быть разложена на семьи, или на каждаго члена отдѣльно, но непремѣнно уже на каждаго. Въ первомъ случаѣ прійдемъ къ очередной системѣ, а во второмъ — къ конскрипціи. По вводимой же въ мѣщанскихъ обще-

ствахъ жеребьевой системѣ, хотя и призываются къ отправленію повинности всѣ одногодки, но дѣйствительно отправляютъ лишь тѣ, у которыхъ, по вынутіи ими нумеровъ жеребья, окажутся цифры нумеровъ, не превышающія числа требуемыхъ отъ общества рекрутъ, а остальные освобождаются навсегда. Такимъ образомъ, въ самой основѣ этой системы лежитъ неравномѣрность распредѣленія повинности, которая еще рѣзче выкажется, если мы посмотримъ, какимъ образомъ тягость повинности разлагается ею на семьи. Дѣйствительно, возьмемъ два семейства, изъ которыхъ каждое состоитъ изъ отца съ тремя сыновьями-одногодками, совершенно годными въ военную службу.

«Пусть эти семейства будутъ таковы:

а) Иванъ	. . . . . . 42 лѣтъ.			б) Сидоръ	. . . . . . 42 лѣтъ.		
Его дѣти:	Климъ	. 20	—	Его дѣти:	Ѳома	. . 20	—
—	Петръ	. 18	—	—	Кузьма	. 18	—
—	Семенъ	. 16	—	—	Василій	. 16	—

«Въ первый объявленный наборъ призываются изъ семьи а) Климъ, а изъ семьи б) Ѳома. Предположимъ, что Климу достался № 10, и онъ пошелъ въ рекруты, освободивъ, такимъ образомъ, навсегда брата своего Петра отъ призыва къ жребью (*), а Ѳомѣ достался № 40, превышающій требуемое число рекрутъ, и потому онъ остался свободенъ. Чрезъ два года призывается изъ семьи б) Кузьма. Допустимъ, что, по взятому имъ нумеру жеребья, онъ поступаетъ въ рекруты, освободивъ отъ призыва брата своего Василія. Спустя еще два года будетъ призванъ изъ семьи а) Семенъ, и если ему достанется одинъ изъ первыхъ нумеровъ, что легко можетъ случиться, то тогда, при одномъ и томъ же семейномъ положеніи, изъ одной семьи будетъ взято два рекрута, а изъ другой одинъ. Справедливо ли это? А можетъ случиться, что изъ семьи б) никому не попадутся первые нумера, и тогда она не даетъ ни одного рекрута, между тѣмъ, какъ семья а) даетъ двухъ рекрутъ. По очередной системѣ эти семьи несли бы повинность совершенно одинаково.»

Дѣйствительно, въ тѣхъ странахъ, гдѣ срокъ службы не очень длиненъ, какъ во Франціи, предоставленіе жребію рѣшать, что одинъ будетъ нести военную повинность, а другой освобождается отъ нея, не имѣетъ такой тяжелой несправедливости, какъ у насъ, гдѣ срокъ службы остается еще очень длиненъ.

«Какъ въ многорабочихъ семействахъ призываются только молодые люди 20 и 21 года, то сколько нибудь зажиточные мѣщане всегда могутъ избѣгнуть рекрутской повинности, перечисляясь на время въ купечество.

(*) По правиламъ жеребьевой системы (ст. 814 § 2 п. 1), если у поступившаго въ военную службу мѣщанина остались сыновья, то старшій сынъ освобождается навсегда отъ призыва къ жеребью, а если не осталось сыновей, то льгота эта предоставляется слѣдующему за нимъ брату. *Примѣч. авт.*

«Въ настоящее время, переходъ еще болѣе облегченъ дозволеніемъ и состоящимъ на рекрутской очереди перечисляться въ купечество. Слѣдовательно, достаточно перечислиться на два года въ купцы, чтобы избавить своего члена отъ призыва, потомъ — сойдти въ мѣщане, а когда второму члену будетъ 19 лѣтъ, тогда вновь перейдти на два года въ купечество, и т. д.

«Поэтому избавленіе отъ рекрутской повинности каждаго мѣщанина, годнаго къ военной службѣ, обойдется семьѣ рублей во сто съ небольшимъ, и затѣмъ вся тягость повинности опять падаетъ на бѣдныхъ.

«Всѣмъ въ обществѣ мѣщанамъ, имѣющимъ отъ 18 до 20 лѣтъ, паспорты должны быть выдаваемы только трехмѣсячные. Постановленіе весьма стѣснительное.

«По очередной системѣ, такіе паспорты давались только членамъ семействъ, состоящихъ на первой и второй очереди, разсчитывая по шести такихъ семей на каждую тысячу человѣкъ, что было несравненно легче. Сверхъ того, и по исполненіи набора, по жеребьевой системѣ, должно быть отчислено по 20 человѣкъ на каждую тысячу въ запасные и подставные, которые также должны быть въ теченіе года всегда наготовѣ.

«Всѣ нынѣ причисляемые въ мѣщане, отпущенные на волю и кантонисты получаютъ, по существующимъ законамъ, льготу отъ рекрутства на пять лѣтъ, со времени причисленія ихъ, если первымъ болѣе 21, а вторымъ 20 лѣтъ; если же въ настоящее время имѣютъ менѣе 20 лѣтъ, то первые пользуются означенною льготою до 26, а вторые до 25 лѣтъ. Слѣдовательно, кантонисты тогда только будутъ призваны къ жеребью, когда потребуются къ призыву 25-лѣтніе, что случается весьма рѣдко; а отпущенники — когда и сего послѣдняго возраста окажется недостаточно для исполненія набора; если же они изъ дворовыхъ, то имъ дается льгота на десять лѣтъ, со времени отпуска на волю. А какъ тѣ и другіе, по истеченіи льготнаго времени, вносятся въ рекрутскіе списки и увеличиваютъ счетъ лицъ, за которыхъ общество должно дать рекрутъ, то, слѣдовательно, вступленіе ихъ въ общество весьма обременительно для него, такъ-какъ впослѣдствіи общество должно будетъ давать за нихъ рекрутъ изъ своихъ членовъ, безъ всякаго за то возмездія со стороны ихъ.

«По § 2 ст. 814. Если членъ семьи поступаетъ по жеребью въ военную службу, то изъ этой семьи освобождается отъ призыва къ жеребью навсегда сынъ или братъ поступившаго; если же нѣтъ у него сына или брата, то никто не изъемлется. Между тѣмъ, въ 1 примѣч. къ тому же пункту, изъяснено: «что если отъ семьи самовольно отдѣлится часть ея и за прежде отведенную послугу этою семьею, изъятіе отъ призыва къ жеребью будетъ принадлежать одному изъ членовъ отдѣлившейся части, то право это или вовсе уничтожается, или переходитъ къ одному изъ членовъ той части семьи, которая осталась въ прежнемъ союзѣ, если только эта часть будетъ, по числу ревизскихъ

душъ, болѣе отдѣлившейся». Слѣдовательно, въ такомъ случаѣ, можетъ воспользоваться изъятіемъ не только сынъ или братъ, но и другой какой либо родственникъ. Посмотримъ, къ чему это ведетъ. Возьмемъ составъ семьи слѣдующій:

Антонъ Ивановъ	48	лѣтъ.
Его сыновья: Петръ	18	—
— Иванъ	12	—
Его племянники: Сидоръ . .	20	—
— Антонъ . .	19	—

«Представимъ, что изъ этой семьи поступилъ въ военную службу Сидоръ, а изъятіе отъ призыва дано Антону, но Антонъ малъ ростомъ и потому въ военную службу негоденъ, слѣдовательно и изъятіе ему не нужно. А какъ двоюродный братъ его Петръ по всему годенъ въ рекруты, то, для избавленія его отъ этой повинности, Антонъ вступаетъ въ сдѣлку съ дядею, который, съ его согласія, объявляетъ думѣ, что Антонъ самовольно отдѣлился отъ семьи, а дума, на основаніи приведеннаго закона, лишаетъ Антона за такой поступокъ даннаго ему изъятія, предоставляя его одному изъ оставшихся членовъ семьи. Вотъ законъ и обойденъ по желанію, и, притомъ, самымъ законнымъ образомъ.

«Много бы можно указать и еще подобныхъ послѣдствій этой системы; но на первый разъ, кажется, достаточно и этихъ.

«Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній, какими началами руководился составитель этихъ правилъ. Быть можетъ, при этомъ была преслѣдуема какая нибудь цѣль, совершенно отъ насъ скрытая.»

Эта критическая часть статьи не подлежитъ никакому спору. Затѣмъ слѣдуютъ соображенія автора о средствахъ избавить мѣщанскія общества отъ обременительной неравномѣрности по отправленію воинской повинности. Съ нѣкоторыми изъ нихъ нельзя не согласиться; объ общемъ же характерѣ его предположеній мы выскажемъ свое мнѣніе ниже.

«Кажется, что очередная система, какъ основанная на разумномъ началѣ, несравненно правильнѣе, удобопримѣнимѣе и легче для обществъ, нежели жеребьевая, которая въ высшей степени обременительна для нихъ и, сверхъ того, предоставляетъ все рѣшать случаю. Посему, при устраненіи въ очередной системѣ, если не совершенно, то хотя отчасти, существующихъ въ ней недостатковъ, оставленіе ея въ мѣщанскихъ обществахъ было бы для нихъ величайшимъ благодѣяніемъ, что могутъ подтвердить самыя общества, если ихъ спросятъ.

«Недостатки эти можно устранить слѣдующими мѣрами:

«Какъ первый и главный недостатокъ состоитъ въ томъ, что повинность рекрутская въ мѣщанскомъ сословіи отправляется за все общество только частію его, а нѣкоторые изъ членовъ вовсе не несутъ этой повинности, то слѣдуетъ также привлечь и ихъ къ общей обя-

зависости, а именно: двойниковъ, одиночекъ и лицъ, коихъ по суду воспрещено представлять въ военную службу, какъ заподозрѣнныхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, отдѣлить отъ многорабочихъ и составить изъ нихъ особый рекрутскій участокъ, обложивъ всѣхъ членовъ онаго ежегоднымъ денежнымъ платежемъ. Деньги эти должны быть вносимы черезъ выборныхъ въ думу для храненія и своевременнаго употребленія на наемъ охотниковъ и сдачу ихъ за этотъ участокъ, также и для составленія участковаго рекрутскаго капитала.

«Сборъ этотъ долженъ быть производимъ ежегодно, примѣрно 1 руб. 25 коп. сер. съ души (*). А какъ рекрутскіе наборы у насъ бываютъ, кромѣ экстренныхъ случаевъ, чрезъ годъ, то получимъ, что на наемъ и сдачу рекрутъ будетъ собрано съ 1,000 душъ въ промежуткѣ между двумя наборами въ два года 2,500 руб. Если допустимъ, что, по разнымъ причинамъ, не поступитъ одна пятая сего сбора, то и тогда, предположивъ, что въ каждый наборъ потребуется отъ 5 до 6 рекрутъ съ 1,000 душъ, придется на каждаго рекрута отъ 400 до 333 руб. сер., а за вычетомъ 50 руб. въ казну въ счетъ податей за охотника на будущее время, а равно денегъ, слѣдующихъ на сдачу охотниковъ, т. е. вносимыхъ на обмундировку, провіантъ и жалованье, на гербовую бумагу и другіе мелочные расходы по 20 руб. на человѣка, остается еще на каждаго рекрута отъ 330 до 263 руб., изъ которыхъ если отдѣлить на наемъ каждаго охотника по 250 руб. сер., цѣна, за которую и нынѣ нанимаются мѣщане, останется еще въ кассѣ въ первомъ случаѣ 400, а во второмъ 80 руб. сер. на каждую 1,000 душъ. Остатокъ этотъ долженъ составлять особую вспомогательную рекрутскую сумму, въ которую также должны поступать деньги, слѣдующія на каждаго рекрута, замѣняемаго квитанціею, поступившею въ участокъ за мѣщанина, отданнаго въ военную службу за порочное поведеніе, по приговору общества, а также и излишекъ сбора, если въ который либо наборъ потребуется рекрутъ меньше противъ предполагаемаго здѣсь. Деньги эти должны быть сохраняемы для пособія участку, какъ при могущихъ быть чрезвычайныхъ наборахъ, такъ и въ видахъ уменьшенія сбора на будущее время, каковое уменьшеніе и предоставить дѣлать общему собранію участка по его усмотрѣнію, а также и для уплаты съ самыхъ неимущихъ семей, съ тѣмъ, чтобы онѣ, при первой возможности, эти деньги возвратили въ кассу. Если же ко времени исполненія набора участокъ не представитъ столько охотниковъ, сколько съ него слѣдуетъ рекрутъ, то брать ихъ натурою изъ одиночекъ, выдавая поступившему за участокъ деньги, слѣдующія охотникамъ по разсчету, и затѣмъ поступившихъ въ военную службу исключать вовсе изъ участка, какъ по

(*) Еще бы правильнѣе было, если бы рекруты брались съ общества не по числу ревизскихъ душъ, а по числу наличныхъ работниковъ, и сборъ рекрутскихъ денегъ былъ разлагаемъ также на работниковъ. Можно положить и по 1 руб., ибо теперь, когда лѣта службы убавлены, стали наниматься за 150 и за 200 руб.

платежу податей, такъ и по отправленію рекрутской повинности, навсегда; а дабы количество рекрутъ всегда поступало безнедоимочно, то установить слѣдующій порядокъ: въ первый мѣсяцъ, по окончаніи истекшаго набора, всѣхъ одиночекъ, исключая единственныхъ сыновей при матеряхъ, внуковъ при бабкахъ и единственныхъ работниковъ въ семьяхъ, гдѣ есть хотя одинъ малолѣтокъ или вышедшій изъ лѣтъ работникъ, призывать къ вынутію жеребья для исполненія будущаго набора, и изъ вынувшихъ первые нумера отчислять на каждую 1,000 душъ по 12 нумеровъ, т. е. по 6 для исполненія набора и по 6 въ подставные и запасные, при чемъ относительно годности ихъ къ военной службѣ сообразоваться съ правилами, изложенными въ наставленіи сдатчикамъ. Если взявшій одинъ изъ первыхъ жеребьевыхъ нумеровъ окажется негоднымъ, то замѣнять его слѣдующимъ нумеромъ и, въ то же время, составить жеребьевый списокъ. Призывъ этотъ дѣлать по возрастамъ, согласно правиламъ жеребьевой системы, то есть начиная съ 20-лѣтняго возраста; если же въ обществѣ будетъ такъ мало одиночекъ, что недостанетъ ихъ для исполненія предстоящаго набора, то тогда призывать изъ двойниковъ прежде тѣ семьи, гдѣ два брата, а потомъ — гдѣ дядя съ племянникомъ, при чемъ призываются преимущественно такія семьи, въ которыхъ нѣтъ малолѣтковъ.

«Наемъ охотниковъ предоставить дѣлать самимъ призваннымъ къ жеребью, которые и заключаютъ съ ними условія, при посредствѣ выборныхъ отъ участка. Предварительно заключенія условія, охотникъ долженъ быть засвидѣтельствованъ въ годности къ военной службѣ, или въ губернскомъ рекрутскомъ присутствіи, или въ общемъ присутствіи думы, при участіи городоваго врача, съ тою же отвѣтственностію лицъ, его освидѣтельствовавшихъ, каковая возлагается на членовъ рекрутскаго присутствія, при чемъ охотникъ получаетъ 75 р. сер. изъ кассы участка. Но если и за симъ охотникъ, во время набора, окажется негоднымъ, то долженъ идти самъ жеребьевый; равномѣрно онъ долженъ идти и тогда, когда не пріищетъ за себя охотника. Но, въ обоихъ этихъ случаяхъ, онъ получаетъ отъ участка тѣ деньги, которыя ему слѣдовали на наемъ охотника, за вычетомъ, въ первомъ случаѣ, задатка, выданнаго непринятому охотнику.

«Можно надѣяться, что, при означенномъ вознагражденіи, охотники всегда найдутся, а одиночки, тѣмъ болѣе двойники, весьма рѣдко будутъ отправлять рекрутскую повинность по доставшемуся имъ жеребью, ибо если наемная плата современемъ и увеличится сравнительно съ нынѣшнею, то за назначеніемъ въ пособіе отъ общества 250 р. сер. каждому жеребьевому облегчаются средства найма, и они будутъ пріискивать охотниковъ заблаговременно.

«Тѣ лица, которыя будутъ замѣщены охотниками, никогда не призываются уже къ жеребью.

«Весьма полезно бы было постановить, чтобы изъ числа денегъ, слѣдующихъ охотнику или жеребьевому, половина вносилась въ банкъ на его имя, но съ тѣмъ, что онъ не иначе можетъ ихъ получить, какъ

по выходѣ въ отставку; другую же половину выдавать ему на руки, а именно 75 р. сер. при заключеніи условія и 50 р. по принятіи въ рекруты. Въ случаѣ смерти такого солдата на службѣ, деньги, внесенныя на его имя, выдавать его дѣтямъ и женѣ. Если же ихъ нѣтъ, то обращать въ резервную кассу того участка, за который онъ поступилъ.

«Дозволить мѣщанамъ, состоящимъ въ денежномъ участкѣ, избирать изъ среды себя выборныхъ, которые должны заботиться какъ о своевременномъ взносѣ рекрутскихъ денегъ въ участкѣ, такъ и о храненіи ихъ; они же, какъ выше сказано, обязаны содѣйствовать жеребьевымъ къ заключенію условій съ охотниками и представлять ихъ въ присутствіе думы для осмотра.

«Въ участкѣ многорабочемъ оставить существующую нынѣ очередную систему; но тѣ семьи, въ которыхъ, по дошедшей до нихъ очереди, не окажется ни одного члена, годнаго въ рекруты, по какимъ бы то ни было причинамъ, сносить тотчасъ же въ участокъ денежный, облагая ихъ платежемъ, наравнѣ съ прочими, по 1 р. 25 к. въ годъ съ каждой души.

«*Примѣчаніе.* Дозволить и многорабочему участку ввести у себя вышеобъясненный порядокъ сбора рекрутскихъ денегъ для найма охотниковъ за очередныя семьи, съ тѣми измѣненіями, какія будутъ общимъ его собраніемъ признаны полезными. Въ такомъ случаѣ, семьи, въ коихъ, по дошедшей очереди, не окажется годныхъ въ военную службу, не сносить въ участокъ двойниковъ и одиночекъ.

«Дозволить обществу входить въ разсмотрѣніе положенія тѣхъ семействъ, съ коихъ слѣдуетъ взять рекрута, и если большинствомъ голосовъ участка будетъ признано необходимымъ, для избѣжанія разстройства семьи, освободить ее на время отъ дачи рекрута, то ходатайствовать о томъ чрезъ думу у начальника губерніи или представлять на разсмотрѣніе казенной палаты, смотря по тому, какой путь правительство признаетъ лучшимъ. Объ освобожденныхъ семьяхъ должны быть составляемы каждый наборъ приговоры, и когда общество признаетъ возможнымъ взять изъ нихъ рекрута, тогда брать безостановочно.

«Какъ въ каждомъ полку есть нестроевыя роты, въ которыхъ требуется отъ солдата лишь хорошее здоровье, то было бы весьма полезно дозволить принимать малорослыхъ, не совершенно здоровыхъ, хотя на 10 рекрутъ одного. Возможность этого видна уже изъ того, что и нынѣ принимаются въ военную службу, отъ помѣщиковъ безъ зачета за рекрутъ, люди, имѣющіе ростъ, не превышающій 2 арш. 2 вершк., а при чрезвычайныхъ наборахъ допускается принимать въ зачетъ въ 2 арш. 3 вершка. Возможность этого доказывается тѣмъ, что въ полкахъ всегда были малорослые кантонисты, которыхъ теперь уже не будетъ.

«Какъ нынѣ срокъ службы солдата продолжается только 15 лѣтъ, то весьма полезно бы было предоставить хорошимъ и неопороченнымъ солдатамъ, по выслугѣ этого срока, оставаться на второй срокъ въ ка-

чествѣ охотника, съ тѣмъ, что деньги, слѣдующія рекруту, котораго онъ замѣняетъ, общество обязано выдавать уже въ пользу солдата, остающагося на вторичную службу, а квитанцію выдавать тому мѣщанскому обществу, изъ котораго онъ поступилъ; если же это общество не будетъ имѣть нужды въ зачетной квитанціи, то она передается въ другія общества той же губерніи за ту же плату. Это еще удобопримѣнимѣе было бы, если бы срокъ службы солдатъ былъ сокращенъ до 10 лѣтъ.

«Выдача пособія отъ общества жеребьевымъ одиночкамъ для найма за себя охотниковъ дастъ возможность пополнять войска охотниками, которые, конечно, будутъ служить лучше, нежели поступившіе въ службу противъ ихъ желанія; уменьшится число укрывающихся отъ рекрутства и вовсе исчезнетъ ужасный порокъ — членовредительство.

«Солдаты, при выходѣ въ отставку, не будутъ въ тягость тому обществу, среди коего поселятся, ибо положенныя на имя ихъ въ банкъ деньги — не менѣе 125 руб. — составятъ съ % за 15 лѣтъ сумму, достаточную для устройства ихъ, при водвореніи на новомъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что почти всѣ они, послѣ 15-лѣтней службы, будутъ еще крѣпки и годные работники. Возвратъ солдата въ семью будетъ не обремененіе, а помощь ей, и народъ отвыкнетъ смотрѣть на рекрутскую повинность съ тѣмъ ужасомъ, съ какимъ смотритъ теперь.

«Кажется, полезнѣе всего было бы предоставить каждому мѣщанскому обществу руководствоваться жребьевою или очередною системою по его выбору. Такимъ образомъ, выработалась бы изъ среды самихъ отправляющихъ повинность болѣе удобная для нихъ система; правительство же оставило бы за собою лишь право требовать отъ нихъ поставки нужнаго числа рекрутъ.»

Читатель замѣтитъ чрезвычайную умѣренность плана, предлагаемаго авторомъ статьи, и г. Волковымъ. Оба они ограничиваются примѣненіемъ своей системы на первый разъ лишь къ податному сословію городскихъ обывателей, составляющему менѣе одной десятой части въ массѣ податныхъ сословій, несущихъ рекрутскую повинность. Быть можетъ такую скромность объема предлагаемой реформы слѣдуетъ назвать практичнымъ благоразуміемъ въ частныхъ лицахъ, предлагающихъ ее. На само собою разумѣется, что если разсматривать дѣло въ коренныхъ его основаніяхъ, то не найдется причинъ дѣлать по отношенію къ рекрутской повинности разницу въ правилахъ для городскаго и для сельскаго податнаго населенія. Что касается до неудобствъ очередной и жеребьевой системъ, доводы, которые выставлены въ прочтенныхъ нами мысляхъ относительно мѣщанъ, вполнѣ примѣняются и къ поселянамъ. А на сколько удобно введеніе предлагаемой системы въ мѣщанскихъ обществахъ, на столько же удобно оно и въ сельскихъ, — или въ сельскихъ обществахъ оно еще легче.

Масса мѣщанъ не превосходитъ своими средствами къ уплатѣ предлагаемаго сбора массы поселянъ, а, напротивъ, даже уступаетъ ей въ этомъ отношеніи. Слѣдовательно, если можно установить предлагаемый способъ отправленія рекрутской повинности у мѣщанъ, можно установить его и у поселянъ. Преимущества его надъ обоими существующими способами очевидны. Имъ въ очень значительной степени уменьшалась бы нынѣшняя неравномѣрность.

Но все-таки она уменьшалась бы, а не вполнѣ отстранялась бы и при новомъ способѣ, — нѣтъ, далеко не вполнѣ. Совершенно отстранилась бы она при немъ лишь въ томъ случаѣ, когда бы число охотниковъ оказывалось не меньше количества требуемыхъ рекрутъ и затѣмъ уже не оставалось бы надобности въ требуемое число брать никакихъ другихъ рекрутъ ни по жребію, ни по очереди. Ожидать этого трудно. Расчитываютъ, что въ нынѣшнемъ вѣкѣ число рекрутъ, взятыхъ съ каждаго поколѣнія податныхъ сословій, состояло около 4-й части всего числа людей мужескаго пола, достигавшихъ совершеннолѣтія. Конечно нельзя ожидать, чтобы число охотниковъ стало простираться до четвертой части населенія, — а если пропорція охотниковъ меньше, то при подобномъ размѣрѣ наборовъ часть рекрутъ должна будетъ ставиться по очереди или жребію. Конечно, если примѣнить предлагаемую систему къ однимъ мѣщанскимъ обществамъ, дозволивъ имъ нанимать охотниковъ изъ всѣхъ податныхъ сословій, то для отправленія рекрутской повинности одного городскаго населенія быть можетъ и окажется достаточнымъ количество охотниковъ, доставляемое всею массою податныхъ сословій. Но если предположить распространеніе предлагаемаго плана на всѣ податныя сословія, то большая часть рекрутъ все-таки будетъ не изъ охотниковъ, а изъ людей, подвергающихся отправленію повинности по жребію или очереди.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА.

Орелъ, марта 30, 1861 г.

Городъ Орелъ, какъ извѣстно, построенъ очень недавно. Не свѣряясь съ лѣтописями, — да это и не подходитъ къ моей задачѣ, — я разскажу исторію города Орла по здѣшнимъ изустнымъ сказаніямъ; впрочемъ, у насъ есть подъ руками «Исторія города Орла», написанная здѣшнимъ мѣщаниномъ Дмитріемъ Ивановичемъ Басовымъ въ 1837 году, а какъ она составлена тоже по изустнымъ преданіямъ, то я буду пользоваться и этою «исторіею».

По преданіямъ, до временъ Ивана Грознаго за литовскими набѣгами, до самой Орлы (Орешка), никакихъ поселеній не было; а какъ Грозный сталъ строить много городовъ, то по благословенію московскаго митрополита Макарія *Богослова*, въ 1565 году былъ построенъ и Орелъ. Говорятъ, что при впаденіи рѣки Орлика въ Оку, на правомъ берегу Орлика, гдѣ теперь стоитъ церковь Богоявленія, росъ большой дубъ, а на томъ дубѣ водились Орлы; поэтому рѣка назвалась Орлой, а городъ Орломъ. Едва городъ сталъ населяться, какъ наступили смуты: явились самозванцы. Въ исторіи г. Басова объ этомъ времени такъ сказано: *«Грѣхъ ради нашихъ, по напущенію Божію, былъ гладъ въ Россіи три лѣта; въ то время появился въ польскомъ королевствѣ самозванецъ, по имени Гришка Отрепьевъ, назвал-*

ся царевичемъ Дмитріемъ, и обольстилъ короля и вельможъ, которые ему, Отрепьеву, и повѣрили, и далъ ему король войска...»

Самозванецъ Гришка Отрепьевъ, или Гришка-Разстрижка, какъ зоветъ его народъ, съ королевскимъ войскомъ пошелъ на Москву и въ Брянскѣ былъ встрѣченъ царскимъ войскомъ; но царское войско, вмѣсто отпора, целовало крестъ Гришкѣ-Разстрижкѣ. И стало у Разстрижки много войска: всѣ войска съ двухъ царствъ — со всего царства русскаго и со всего королевства польскаго. Сталъ Гришка-Разстрижка въ Брянскѣ и послалъ, какъ и заправскіе царскіе указы и въ Москву, и Тулу, и въ Рязань, и въ Калугу, и въ *Орловское Городище*; а указъ написалъ такой: «всѣ знай: я Гришка-Разстрижка— царевичъ Дмитрій; а Борисъ Годуновъ, всѣхъ бояръ, народъ надулъ! Онъ самозванецъ, а я настоящій царь», и всѣ города во всей *Россіи* целовали Разстрижкѣ крестъ; только одинъ городъ—Орловское городище, не сталъ целовать ему креста: для того,—царскій братъ родной Иванъ Ѳедоровичъ Годуновъ былъ здѣсь воеводою; онъ и укрѣпилъ народъ здѣшній своему брату царю Борису Годунову. Тогда Гришка со всѣми своими полками бросился на Орелъ и всѣхъ гражданъ казнилъ и перевѣшалъ, а которые остались въ живыхъ, тѣхъ разослалъ по разнымъ городамъ (*).

Послѣ того Гришка пошелъ на Москву; на Москвѣ сперва-наперво онъ всѣхъ прельстилъ; ну, да скоро дознались до подлиннаго, что Разстрижка точно Разстрижка, а не Дмитрій царевичъ; какъ скоро признали его Гришкой-Разстрижкой, такъ и убили его шельмеца, какъ собаку.

Убили Гришку, проявился другой самозванецъ, Петрушка (**) Болотниковъ; этотъ Петрушка Болотниковъ собралъ шайку бродягъ, всякой сволочи, къ нему пристали и бояре... только не всѣ, а много таки бояръ пристало; тогда Петрушка Болотниковъ бросился на Орелъ, и сталъ изъ Орла указы посылать; а когда стали тѣхъ указовъ слушать, онъ перешелъ въ Калугу, *гдѣ и убіенъ бысть*, и вся та сволочь, татары, какіе съ нимъ были, крымскіе, нагайскіе, бросились по разнымъ городамъ и стали города жечь, и Орелъ городъ весь выжгли до послѣдняго двора.

Послѣ всего этого, выбранъ былъ царемъ на русское царство Михайло Ѳедоровичъ Романовъ; а поляковъ изъ Москвы выго-

---

(*) Въ исторіи г. Васова сказано: что это было въ 1602 году, и хоть ему сказывалъ столѣтній старецъ за вѣрное, но должно быть ошибся: самозванецъ появился въ московскомъ царствѣ только въ октябрѣ 1604 года.

(**) Болотникова, сподвижника втораго самозванца, звали Иваномъ.

нить стали, тѣ бросились къ Орлу и остановились по рѣкѣ-Орлицѣ, на Царевомъ Броду; тогда царь Михайло послалъ на нихъ князя Пожарскаго и гражданина Минина, которые ихъ выбили на кромскую дорогу, а потомъ послали ихъ къ Окѣ. Поляки отошли къ тому мѣсту, гдѣ рѣка Цанъ впадаетъ въ Оку, верстъ за 10 отъ Орла, и построили себѣ городокъ; этотъ городокъ и теперь виденъ, прозывается онъ Лисовскимъ курганомъ; ну, только князь Пожарскій и оттуда ихъ выгналъ и они бросились къ Кромамъ. Тамъ ихъ отбилъ воевода и въ Кромы не пустилъ; поляки — къ Болхову, и тамъ ихъ дѣло не подошло; они побѣжали къ городу Бѣлеву, тамъ ихъ князь Пожарскій и гражданинъ Мининъ и порѣшили!

Когда поляковъ не стало, народъ весь усмирился; царь Михайло, благословясь у своего роднаго батюшки Филарета Никитича, патріарха московскаго, приказалъ срубить въ память убіенныхъ деревянную церковь во имя Введенія Божіей матери (*), и въ 1636 году срубили церковь уже на лѣвомъ берегу Орлика и стали опять строить городъ; сперва, говорятъ, было только пять *дворцовъ* (**), и всѣ пять избушекъ стояли лицомъ къ рѣкѣ Орлику, а на старомъ мѣстѣ были огороды и виднѣлись кое-гдѣ отъ стараго города развалины.

Городъ сталъ строиться на правомъ берегу Орлика; съ полверсты выше стараго мѣста были построены воеводскія палаты и соборная церковь; на правомъ берегу Оки почти не было строеній, и въ концѣ Ильинки (***) или на Новосельской улицѣ стоялъ глаголь (Г), на этомъ глаголѣ людей вѣшали; на этомъ мѣстѣ въ настоящее время, какъ говорятъ, 3-й части съѣзжій домъ стоитъ и питейная контора; но только или было нѣсколько глаголей, или онъ переносился на разныя мѣста; такъ г. Басову разсказывала старуха, что *«житель города Орла Иванъ Өедоровичъ Давыдовъ, за разные его нехорошіе поступки и за бродяжничество, и тутъ же за воровство, былъ повѣшенъ на глаголь; глаголь стоялъ за Орликомъ* (на лѣвомъ берегу Орлика), *гдѣ теперь старый Окуловъ домъ».*

— Мы стояли, говорила старуха: — съ этой стороны (на правой) у самаго берега и все было видно; да и тѣнь-то въ водѣ видна была; все было видно: какъ рвался-то, какъ метался, какъ кричалъ... а повѣсили его за ребра.

— А давно это было?

(*) При этой церкви былъ послѣ женскій монастырь, который теперь переведенъ къ церкви Рождества Богородицы.

(**) Уменьшительное отъ слова *дворъ*, то есть *дворишко*.

(***) Площадь, на которой теперь базаръ.

— А какъ придти Пугачеву, передъ тѣмъ временемъ: передъ самой пугачевщиной; тогда за царя была у насъ царица Катерина Алексѣевна. Еще должно сказать, что около Никитской церкви, среди лѣсу, стоялъ убогій домъ, куда зимой сносили мертвыхъ изъ бѣдныхъ семействъ, гдѣ они лежали до вторника Ѳоминой недѣли; въ этотъ день сходился народъ изъ города и изъ деревни, торжественно хоронили всѣхъ, и въ этотъ день, по разсказамъ стариковъ, бывала значительная ярмарка.

О постройкахъ церквей, часовенъ, воеводскихъ домовъ я говорить не буду; я думаю для вашихъ читателей, незнающихъ положенія Орла, это незанимательно; да и для самыхъ жителей орловскихъ это описаніе лишено бы было большей части интереса, такъ какъ нынѣшній Орелъ *по плану произведенъ*, всѣ улицы перемѣнились, зданія, церкви перенесены на другія мѣста, и на бывшій, только-что рождавшійся Орелъ, совсѣмъ не походитъ; а потому и разскажу нѣсколько историческихъ воспоминаній города Орла.

Изъ историческихъ лицъ здѣсь болѣе всѣхъ помнятъ Петра Перваго; разсказываютъ, что онъ проѣзжалъ черезъ Орелъ; черезъ Оку, его перевозили на паромѣ (тогда моста на Окѣ во все лѣто не строили).

Сперва перевозили самого императора, а тамъ поѣхали за его бричкой что ли, коляской ли,—не знаю, какъ назвать, такъ говорилъ мнѣ батюшка, бричечка безъ ресоръ, говорилъ мнѣ одинъ старикъ. Пока привезли царскую коляску съ того берега, царь стоялъ на этомъ берегу, и царю поднесли вмѣсто хлѣба-соли—блюдо малины; и стоялъ онъ на берегу, говорятъ, такой суровый, строгій.

Замѣчательно, что Петръ Первый здѣшнимъ народомъ прилагается, часто вовсе не къ мѣсту, ко многимъ пѣснямъ, даже и не историческимъ; такъ въ пѣсни о смерти генерала здѣсь поютъ:

Царя Бѣлаго гусары
Петра Перваго...

Или про татарскій полонъ:

Отпусти меня
На святую Русь,
Въ свою сторону,
Къ императору
Къ Петру Первому.

Собственно же пѣсенъ, относящихся къ Петру Первому, ни въ Орлѣ, ни въ Орловской губерніи, я не слыхалъ ни одной, хотя и по-

помнятъ его; такъ о вышеописанномъ проѣздѣ его черезъ Орелъ разсказываютъ, что Петръ ѣхалъ на *Преславное Полтавское* сраженіе; основаніе Пушкарской и Стрѣлецкой слободъ также приписываютъ (что и достовѣрно) петровскимъ преобразованіямъ, впрочемъ мало уважая эти преобразованія. Разсказываютъ, что пушкари московскіе забунтовали противъ Петра, Петръ и велѣлъ ихъ переселить по разнымъ городамъ; которыхъ прислали въ Орелъ, тѣхъ поселили особой слободой, и стала та слобода прозываться Пушкарской; послѣ дознался Петръ, что съ пушкарями вмѣстѣ за одно были и стрѣльцы; онъ и стрѣльцовъ разбилъ по разнымъ тоже городамъ; переселенные въ Орелъ—поставили подъ Орломъ Стрѣлецкую слободу.

Въ прежнее время, да не такъ еще давно, кругомъ всего города Орла стоялъ лѣсъ, только за Богоявленіемъ и сѣяли хлѣба, а то все лѣсъ; старики, которые есть еще, помнятъ здѣшнія лѣса, помнятъ и жителей тѣхъ лѣсовъ — страшныхъ разбойниковъ. Про злодѣйства ихъ и теперь разсказываютъ со страхомъ.

— Здѣсь кругомъ верстъ на сто, а то и на другое сто—все лѣса были, говорилъ мнѣ здѣшній старожилъ:—лѣса были дремучіе, а въ тѣхъ лѣсахъ не столько звѣря было дикаго, сколько разбойниковъ. Недаромъ орловцевъ зовутъ «проломленныя головы», а то и другая поговорка есть: «Орелъ да Кромы,—старинные воры; Ливны всѣмъ ворамъ дивны; Елецъ всѣмъ ворамъ отецъ; да и Карачевъ на поддачу!..» Значитъ, всю губернію похвалилъ! И какихъ воровъ не было!.. Вотъ, слыхалъ ты, къ примѣру взять, Рытикъ Өедька — чего чего онъ ни дѣлалъ! Поймаютъ его, засадятъ его въ острогъ, скуютъ руки ему, ноги, а онъ напишетъ угольками на стѣнѣ лодку, плеснетъ на лодку водой, сядетъ въ лодку со всѣми острожными да и поплыветъ куда ему надо! Сколько разъ его ловили, сколько разъ онъ пропадетъ да и пропадетъ изъ острога! Насилу догадались: какъ попроситъ пить, такъ дадутъ квасу, а воды хоть распросись — ни ложки... ну, и извели. А то еще былъ Кудеяръ; этотъ, гдѣ-гдѣ не разбойничалъ! и къ Калугѣ, и къ Тулѣ, и къ Рязани, и къ Ельцу, и къ Воронежу, и къ Смоленску—вездѣ побывалъ, вездѣ свои станы разставлялъ, и много кладовъ позарылъ въ землю, да все съ проклятіями: страшный колдунъ былъ. И какою поганой силой владѣлъ: раскинетъ на берегу рѣчки, озера, такъ какого ручья, раскинетъ полушубокъ или свиту, и ляжетъ спать; однимъ глазомъ спитъ, другимъ сторожитъ, нѣтъ ли погони гдѣ; правый глазъ заснулъ, лѣвый сторожитъ: а тамъ лѣвый спи, правый сторожи,—такъ въ перемѣну; а какъ завидитъ гдѣ сыщиковъ, вскочитъ на ноги, броситъ на воду полушубокъ, на чемъ спалъ, и станетъ тотъ полушубокъ не полушубокъ, а лодка съ веслами; сядетъ Кудеяръ въ ту лодку — и поми-

ной какъ звали... Такъ и издохъ своей смертью, — никакъ изловить его не могли, какъ тамъ ни старались.

— Давно онъ жилъ?

— Давно! Видишь ты: въ Брянскѣ прошла Десна рѣка, за Брянскомъ дальше Десна рѣка, до Кудеяра все прямо текла, а при Кудеярѣ луку дала.

— Какъ луку дала?

— А вотъ, какъ: сперва шла прямо, *а пóслѣ* крюкомъ пошла, крюкомъ выгнулась.

— Отчего же Десна луку дала?

— Вотъ отчего: на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь лука, это былъ дремучій лѣсъ, и въ томъ лѣсу Кудеяръ притонъ имѣлъ, а въ томъ лѣсу на самомъ берегу на Деснѣ стоялъ дворишко, или два, — такъ выселочекъ небольшой. Въ этомъ выселкѣ жилъ мужикъ степенный, мужикъ настоящій, и велъ онъ порядки по-Божьи: людей не забижалъ, дурными дѣлами не занимался, и была у него дочь прераскрасавица-красавица, и полюбилась она этому Кудеярищу-разбойнику; у хорошаго мужика дѣвка-дочь не зашалитъ, да и дѣвка-то не такая была, чтобъ прельститься на разбойника. Кудеяръ и такъ и сякъ—все его дѣло не выгораетъ! Захотѣлъ Кудеяръ дѣвку силкомъ захватить. Присмотрѣлъ онъ пору-времячко, когда отецъ съ матерью на работу что ли пошли, на крестины ли къ кому,—только во всей избѣ однимъ одна эта дѣвка осталась. Глядитъ дѣвка въ окно, видитъ, Кудеяръ въ избу идетъ; та двери на запоръ и сидитъ ни жива, ни мертва... Сталъ Кудеяръ въ двери стучаться.

— Что тебѣ надо? спрашиваетъ дѣвка: — зачѣмъ пришелъ?

— Пусти, говоритъ Кудеяръ: — надо.

— Да что надо-то?

— А мнѣ тебя надо: съ собой хочу взять, — долго я этого времени дожидалъ! Отвори скорѣй!

— Не отворю, говоритъ дѣвка: — ступай, разбойникъ этакой, ступай откуда пришелъ!

— А не хочешь волею, рыло воротишь, такъ силою заставлю полюбить!

Какъ сказалъ эти слова Кудеяръ—и сталъ двери ломать; а дѣвка, сама не своя, схватила икону Пресвятой Владычицы Богородицы, что въ переднемъ углу стояла,—схватила да въ окно и выпрыгнула; не успѣла дѣвка выскочить въ окно, какъ Кудеяръ разломалъ дверь и въ избу смотритъ, а въ избѣ никого нѣтъ. Глядь въ окно: видитъ дѣвка къ рѣчкѣ Деснѣ бѣжитъ; онъ за ней въ догонку побѣжалъ; дѣвка отъ него, онъ за ней; совсѣмъ ужь было догналъ, только дѣв-

ка подбѣжала къ Деснѣ и стала молиться: «Матушка, Пречистая Богородица! Матушка, Десна-рѣка! не сама я тому виною, — пропадаю отъ злаго человѣка!» — Сказала тѣ слова и бросилась въ Десну-рѣку; и Десна-рѣка тотъ же часъ на томъ мѣстѣ пересохла и въ сторону пошла, луку дала, такъ-что дѣвка стала на одномъ берегу, а Кудеяръ, разбойникъ, очутился на другомъ! Такъ Кудеяръ никакого зла и не сдѣлалъ; а другіе говорятъ, что Десна какъ кинулась въ сторону, такъ волною-то самого Кудеяра захватила да и утопила.

— А еще про старинныхъ разбойниковъ, про кого народъ здѣсь не разсказываетъ?

— Да народъ болтаетъ еще про попа Ерему.

— Что, попъ Ерема тоже былъ колдунъ?

— Нѣтъ, какъ попу можно! попъ крестомъ!

Орелъ, апрѣля 2.

Разсказываютъ еще про разбойниковъ Сироту Зерина или Зельнина; Сирота звѣрства не дѣлалъ, больше мошенничалъ; его нѣсколько разъ ловили, кажется, разъ двѣнадцать, и онъ каждый разъ находилъ способы уходить изъ острога. Говорятъ, что входя, пойманный, въ судъ, онъ обращался къ судьямъ съ слѣдующею рѣчью:

«Господа судьи! вы меня поберегите, я васъ поберегу, такъ-то хорошо будетъ и вамъ и мнѣ!»

И въ самомъ дѣлѣ выходило хорошо и судьямъ и Сиротѣ: онъ указывалъ на богатыхъ мужиковъ, какъ на своихъ сообщниковъ, тѣхъ привозили въ судъ, брали съ нихъ все, что могли, потомъ сводили на очныя ставки съ Сиротой; на очныхъ ставкахъ Сирота отпирался, что онъ того человѣка знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ. Наконецъ онъ былъ окончательно пойманъ и, кажется, сосланъ въ Сибирь. Разбойничалъ онъ очень недавно: лѣтъ тридцать тому назадъ, проживалъ около Липовицы лѣтъ двѣнадцать, и несмотря на то, что онъ почти ни отъ кого не скрывался, его никто не рѣшался поймать: всѣ знали, что изъ суда Сироту выпустятъ, а Сирота послѣ краснаго пѣтуха подпуститъ. Про пожаръ и вспоминать страшно; пожаръ, по поговоркѣ, хуже всякаго вора: воръ хоть стѣны оставитъ, а пожаръ и стѣнъ не оставитъ.

Сирота сложилъ пѣсню, которую и теперь всю можете услыхать въ Орловской губерніи. Вотъ эта пѣсня:

Сирота-ли, Сирота,
Ты сиротушка!
Сиротецъ, удалецъ
Горе — вдовкинъ сынъ.
Да ты спой, сирота,

Съ горя пѣсенку!
— «Хорошо пѣсни пѣть,
Да пообѣдавши;
Я и я ли молодецъ
Легъ не ужиналъ,
По утру рано всталъ,
Да не завтракалъ;
Да плохой былъ обѣдъ,
Коли хлѣба нѣтъ!
Нѣтъ ни хлѣба, нѣтъ ни соли,
Нѣтъ ни кислыхъ щей.
Я пойду ли, молодецъ,
Съ горя въ темный лѣсъ,
Я срублю-ли, молодецъ,
Я иголочку!
Я иголочку, я дубовую
Да я ниточку
Я вязовую!
Хорошо иглой шить
Подъ дорогой жить:
Ужь и разъ-то я стебнулъ
Да я сто рублей,
А другой то разъ стебнулъ
Да я тысячу.
А какъ третій разъ стебнулъ—
Казны смѣты нѣтъ!»
Сирота ты, Сирота!
Ты сиротушка,
Гдѣ твоя казна?
— «А моя, братцы, казна
Во сыромъ бору
Подъ сосною;
Подъ сосною
Подъ земною!

Про Зельнина разсказываютъ, что онъ разъ зарѣзалъ женщину въ лѣсу ни за грошъ.

Шла черезъ лѣсъ беременная баба, на встрѣчу той бабѣ Зельнинъ разбойникъ.

— Здравствуй, баба! говоритъ Зельнинъ.

— Здравствуй, батюшка.

— Узнала ты, баба, меня?

— Нѣтъ, кормилецъ, не признала.

— Я Зельнинъ!

Баба тякъ и обмерла, да въ ноги.

— Батюшка! у меня ничего нѣтъ; возьми одежку, какая есть; отпусти, пожалуйста; не меня одну пустишь, — пустишь еще душу; душу, что у меня въ утробѣ: я беременна.

— Давно я искалъ беременной бабы.

— Да на что жь тебѣ, родимый, беременная баба? говоритъ, перепугавшись, та баба.

— А посмотрѣть, какъ младенецъ въ утробѣ своей матери сидитъ, какъ онъ тамъ находится.

— Батюшка! кормилецъ!...

— Да что толковать!

Хватилъ Зельнинъ бабу въ брюхо, пропоролъ животъ бабѣ, да и сталъ смотрѣть, какъ лежитъ младенецъ въ утробѣ своей матери, а на бѣду его, ѣхалъ обозъ, — ну, и застали молодца на дѣлѣ; скрутили руки назадъ, да въ острогъ!...

Приходилъ народъ въ острогъ, спрашивали у Зельнина: «какъ младенецъ во чревѣ своей матери сидитъ? Какъ онъ тамъ находится?»

— Вотъ такъ! скажетъ Зельнинъ, и скорчится: показываетъ, какъ младенецъ сидитъ; скорчится, засмѣется—и пойдутъ его корчи ломать, ломать самаго Зельнина; и до самой смерти сидѣлъ Зельнинъ въ острогѣ, какъ помѣшанный. А и смерть его была не легкая: судъ присудилъ Зельнина повѣсить.

Когда сказали Зельнину, что̀ судъ присудилъ, то онъ только засмѣялся, какъ будто это дѣло несбыточное.

— Ну, это еще посмотримъ, говоритъ Зельнинъ:— кто кого повѣситъ: или меня, Зельнина, палачъ Камчатниковъ, или я, Зельнинъ, того палача Камчатникова!

Въ то время палачомъ въ Орлѣ былъ орловскій мѣщанинъ Камчатниковъ. Услыхалъ Камчатниковъ про похвальбу Зельнина.

— Ну, говоритъ, посмотримъ! Богъ не выдастъ, говоритъ пословица, свинья не съѣстъ!

А зналъ Камчатниковъ, что Зельнину трехъ здоровыхъ мужиковъ на одну руку было мало.... Зельнинъ силачемъ по всему городу слылъ.

Пришло время Зельнину расплачиваться за свои тяжкіе грѣхи; сперва повели его въ церковь, исповѣдали, причастили святыхъ таинъ; послѣ дали въ руки толстую желтаго воску свѣчу и повели на висѣлицу его за большимъ карауломъ; какъ ни хвастался Зельнинъ своей силой, а пришло дѣло къ расправѣ, задрожалъ... пока дошелъ

изъ церкви до висѣлицы, — всѣ руки воскомъ залилъ. Пришли къ висѣлицѣ, взвели его на рундукъ, который былъ поставленъ спереди висѣлицы.... а народу собралось весь городъ; самъ воевода пріѣхалъ смотрѣть, какъ палачъ Камчатниковъ будетъ съ Зельнинымъ поступать.

Когда взвели Зельнина на рундукъ, Камчатниковъ, не трогая еще Зельнина, закричалъ громкимъ голосомъ:

— Господинъ воевода! прикажи мнѣ надъ нимъ свою волю взять!

— Когда онъ тебѣ даденъ въ руки, отвѣчалъ воевода: — то воля твоя съ нимъ, какъ хочешь!

Тогда Камчатниковъ вынулъ изъ кармана припасенную веревочку, сложилъ Зельнину руки, ладонь къ ладони, пальцы къ пальцамъ, и перевязалъ ему пальцы по парно, потомъ надѣлъ ему на голову шнурокъ, а послѣ петлю и толкнулъ его съ рундука. Зельнинъ рванулся всей силой, — думалъ веревку перервать: тогда былъ законъ такой: кто съ висѣлицы сорвется, тому все прощалось. Но какъ Зельнинъ ни силенъ былъ, веревки все-таки не оборвалъ; палачъ Камчатниковъ за похвальбу на него сердитъ былъ, и веревку принесъ крѣпкую; такъ и кончился Зельнинъ.

Убійство матери, съ единственною цѣлію видѣть ребенка во чревѣ, приписываютъ многимъ; подобное преступленіе должно быть было сдѣлано давно и такъ поразило всѣхъ, что его приписываютъ многимъ злодѣямъ-разбойникамъ.

Орелъ, 4-го апрѣля.

Лѣтъ около ста тому назадъ, жилъ купецъ Никита Ивановичъ Давыдовъ; на дочери этого Давыдова былъ женатъ Медвѣдевъ, а у Медвѣдева въ домѣ жилъ самъ воевода; стало быть Давыдовъ былъ въ силѣ. Нанялъ онъ у купца Олябьева харчевню, въ которой самъ Олябьевъ калачи пекъ.

Приходитъ Давыдовъ рано по утру въ харчевню; Олябьевъ подрѣзалъ калачи ножомъ, хотѣлъ въ печь сажать; Давыдовъ сталъ Олябьева гнать изъ харчевни.

— Дай, говоритъ Олябьевъ: — калачи опеку, тогда сей же часъ и выйду изъ харчевни.

— Ступай, кричитъ Давыдовъ: — ступай сейчасъ! Давыдовъ сильно на воеводу надѣялся...

Слово за слово, дошло дѣло до драки; у Олябьева на бѣду былъ ножикъ, которымъ онъ калачи подрѣзалъ, и пырнулъ тѣмъ ножомъ Давыдова въ животъ.

Давыдовъ бросился изъ харчевни въ тайную канцелярію къ воеводѣ; только добѣжалъ до половины дороги — упалъ; изъ окна увидала лекарка, то схватила иголку и зашила Давыдову животъ; тотъ сперва пошелъ все-таки въ тайную канцелярію, показалъ воеводѣ раны и тогда уже отправился домой пѣшкомъ, а къ вечеру умеръ.

Олябьева взяли подъ караулъ.

Бургомистромъ тогда былъ Степанъ Степановичъ Кузнецовъ; человѣкъ онъ былъ великій; любилъ честь, чтобы всѣ его боялись и кланялись; когда что говоритъ, чтобы всѣ его слушали. Къ несчастію Олябьева, Кузнецовъ дослуживалъ срокъ, и на слѣдующихъ выборахъ онъ зналъ, что его не выберутъ. Народъ сталъ Кузнецову смѣяться: «вотъ ты бургомистръ, а Олябьева дѣла не могъ кончить, да и не кончишь. Не твоего ума это дѣло!...» и эти слова показались Кузнецову за великую обиду. Не долго думалъ онъ, приказалъ привести на площадь Олябьева, кликнулъ палача Ивана, онъ же Голованъ-Волокитинъ-Кореневъ, и сталъ Олябьевымъ разыскивать. Пытки тогда были разныя: какого обливали на морозѣ холодною водою, иныхъ сѣкли на перекресткахъ плетьми, инымъ крячили головы, инымъ хомутъ надѣвали; а то кормили селедкой, а пить не давали. И все то пытали, чтобы правды добиться; а какъ добьются правды, тогда станутъ по винѣ наказывать: кнутомъ бить да ноздри рвать, а то и совсѣмъ повѣсятъ... Сталъ Кореневъ разыскивать Олябьевымъ: надѣли на него *хомутъ*; Олябьевъ закричалъ благимъ матомъ... разнеслось по улицамъ: «Кузнецовъ разыскиваетъ Олябьевымъ.» Одни побѣжали смотрѣть на казнь, другіе бросились къ Степану Окулову. Степанъ Окуловъ по всему Орлу за перваго силача слылъ, да и работники у него были подобраны молодецъ къ молодцу — ребята удалые... Прибѣжалъ народъ къ Окулову, кричитъ:

— Кузнецовъ на площади Олябьевымъ разыскиваетъ! Олябьевъ кричитъ не своимъ голосомъ, жалостнымъ голосомъ!

Какъ Окуловъ вскочитъ, крикнетъ своихъ работниковъ, сейчасъ прибѣжало человѣкъ 18 работниковъ, ухватили дубье, рогачи да на площадь—Олябьева отбивать. Окулову очень жалко стало Олябьева: у Окулова сердце было очень жалостливое. А тѣмъ временемъ прибѣжали на площадь къ Кузнецову сосѣди Окулова.

— Убѣгай куда, кричатъ ему:—бѣжитъ вонъ самъ Степанъ Окуловъ съ товарищами!

Бургомистръ Кузнецовъ зналъ ухватку Степана Окулова, узналъ, что тутъ придется многимъ пить смертную чашу, не сталъ дожидаться Окулова, а побѣжалъ чрезъ рѣку Оку въ бродъ, а на ту пору

былъ поводокъ; прибѣжалъ онъ на дворъ къ Ивану Пастукову, да тамъ и спрятался... Увидѣлъ народъ, что бургомистръ убѣжалъ и народъ разсыпался во всѣ стороны. Палачъ Кореневъ видитъ—дѣло плохо! Самъ бѣжитъ... на площади остался одинъ Олябьевъ въ хомутѣ, безъ всякаго движенія: какъ хомутъ ему надѣли, такъ руки и вывихнулись — лопатки назадъ, такъ до смерти и ходилъ...

— Гдѣ бургомистръ? крикнулъ Окуловъ. Степанъ прибѣжалъ съ своими товарищами на площадь.

Только никто ему не отвѣтилъ: на площади народу не было, а Олябьевъ только стоналъ, а отвѣчать не могъ.

— Отыскать Кузнецова!

Товарищи Окулова бросились за Кузнецовымъ, отыскивали по всему городу, но отыскать не могли, а привели только одного палача Коренева.

— Гдѣ бургомистръ? спросилъ его Окуловъ, весь дрожа отъ ярости, замахиваясь на него дубовымъ рогачомъ.

— Не знаю, едва проговорилъ палачъ отъ страху.

Онъ думалъ, что тутъ его смертный часъ насталъ.

— Снять съ Олябьева хомутъ, сказалъ Окуловъ своимъ товарищамъ: — надо высвободить его.

Какъ ни старались товарищи, какъ ни хлопоталъ самъ Окуловъ, все-таки хомута снять не могли: станутъ снимать, Олябьевъ закричитъ, у тѣхъ и руки опустятся.

— Снимай ты! приказалъ тогда Степанъ Кореневу-палачу.

Палачъ сейчасъ же снялъ хомутъ, тогда Олябьевъ поклонился Окулову и всѣмъ его товарищамъ.

— Спасибо вамъ, сказалъ онъ: — спасибо всѣмъ вамъ, добрые люди, что не оставили меня у моего смертнаго часу!

— Не на чемъ, отвѣчалъ Окуловъ, и пошелъ домой; Олябьевъ тоже, какъ его ни измучили, а пѣшкомъ побрелъ во-свояси.

Когда выздоровѣлъ Олябьевъ, пошелъ въ Петербургъ къ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, съ просьбой на бургомистра Кузнецова; царица за такой его, Кузнецова, поступокъ приказала: Кузнецова сослать въ Таганрогъ, Олябьева отъ всякаго суда освободить, да еще въ пользу его со всего суда штрафъ взять.

Сослали Кузнецова въ Таганрогъ; только онъ тамъ недолго прожилъ: вышелъ манифестъ, а по тому манифесту его вернули опять въ Орелъ, гдѣ Кузнецовъ жилъ до самой смерти своей.

— Кузнецовъ былъ сердитъ за что нибудь на Олябьева? спрашивалъ я разсказчиковъ.

— Нѣтъ, отвѣчали мнѣ,—Кузнецовъ былъ человѣкъ большой, а Олябьевъ маленькій; бургомистръ Кузнецовъ, чай, и совсѣмъ не зналъ Олябьева.

— Какъ же Кузнецовъ рѣшился, не дождавшись суда, разыскивать Олябьевымъ?

— Да такъ сдуру! порядки старые забросили, а къ новымъ еще не привыкли: сперва такія-то дѣла на міру рѣшали; міръ, извѣстное дѣло, не ошибается: одинъ соврётъ, десять человѣкъ правду скажутъ; а какъ подѣлали бургомистровъ, да поставили ихъ по городамъ, они и задумали, что бургомистръ замѣстъ цѣлаго міра дѣла рѣшать можетъ. Отъ этой-то необразованности Кузнецовъ и разыскивалъ самъ собою Олябьевымъ; ну, Кузнецова и хотѣли наказать: а міръ — какъ накажешь! Міра наказать нельзя!

Орелъ, 7 *апрѣля.*

Здѣсь разсказываютъ про многихъ разбойниковъ; но замѣчательно, что народъ про нихъ вспоминаетъ съ сочувствіемъ; Сироту, Дуброву, Тришку Сибиряка, Засарина и другихъ народъ выставляетъ протестовавшими и—только; злодѣянія разбойниковъ, злодѣйства безъ цѣли, я разсказалъ всѣ, или почти что всѣ; но удалыя шутки *всѣ* разсказать довольно трудно; только въ нихъ есть *одно*: это — защита слабыхъ отъ сильныхъ, бѣдныхъ отъ богатыхъ, и въ особенности господскихъ крестьянъ отъ злыхъ помѣщиковъ. Разскажу нѣсколько такихъ происшествій.

Тришкѣ Сибиряку, который жилъ тому лѣтъ 20 — 25-ть назадъ, разбойничалъ въ Орловской, Смоленской губерніи, и *не загубилъ ни одной христіанской души*, приписываютъ, какъ послѣднему, всѣ удалыя штуки, объ которыхъ тотъ можетъ быть и самъ не слыхивалъ, которыя сохранились въ народѣ, какъ легенды.

Услыхало начальство, что Тришка Сибирякъ разбойничаетъ и приказало его поймать во что-бы-то ни стало; кажись, какъ и не поймать: то въ одномъ мѣстѣ покажется середи бѣлаго дня, то въ другомъ, да еще и скажется: «я, молъ, Тришка Сибирякъ»; а все изловить никакъ не могли!...

Въ женскомъ монастырѣ былъ праздникъ; къ обѣднѣ собралось народу — полная церковь; вокругъ церкви — народъ... къ концу обѣдни монахини пошли съ кружкой на храмъ собирать, подходятъ къ какому-то купцу, тотъ и выкинулъ на тарелку 1000 руб.; обходили церковь съ кружкой, монахини сказали матери игуменьѣ, что купецъ, молъ, стоитъ, 1000 рублей на тарелку положилъ.

— Поди, говоритъ казначеѣ мать игуменья, спроси, какъ его зовутъ; надо записать въ книгу — поминать на вѣчныя времена.

Казначея поклонилась матери игуменьѣ, подошла къ тому купцу и спрашиваетъ его:

— Матерь игуменья приказала спросить, какъ васъ зовутъ; надо васъ, за вашу добродѣтель, за святую милостыню, въ книгу записать; поминать васъ станемъ на вѣчныя времена.

— А меня, говоритъ купецъ, меня зовутъ Трифономъ, прозываюсь — Тришка Сибирякъ.

Казначея такъ и обомлѣла.

— Какъ? какъ? говорила казначея, а сама ни жива, ни мертва стоитъ.

— Тришкой Сибирякомъ зовутъ, матушка, зовутъ Тришкой Сибирякомъ!...

Пока опомнилась казначея, пока пошла къ матери игуменьи, разсказала игуменьѣ, — а Тришкинъ и слѣдъ простылъ! На томъ мѣстѣ гдѣ стоялъ Тришка, — Тришки нѣтъ; бросились за нимъ изъ церкви, и тамъ невидно!... Только смотрятъ, лежитъ на паперти свита синяя, да борода какая-то! Тутъ только догадались, что у Тришки была подвязана борода; ну, какъ его сыщешь, какъ признаешь, когда онъ бороду отвязалъ? такъ на ту пору и не нашли!...

Узналъ Тришка Сибирякъ: въ Смоленской губерніи живетъ баринъ; у этого барина — его мужикамъ житья не было; всѣхъ въ разоръ-разорилъ! Прослышалъ про того барина Тришка Сибирякъ: «надо, думаетъ, проучить хорошаго барина, безъ науки тому барину жить — вѣкъ дуракомъ слыть; стало, надо его на умъ навести, чтобы ему на тотъ народъ нестыдно свои очи выставить!..» Посылаетъ ему Тришка письмо, а въ письмѣ было написано: «Ты, баринъ, можетъ, и имѣешь душу, да анаѳемскую; а я, Тришка, пришелъ къ тебѣ повернуть твою душу на путь — на истину. Ты своихъ мужиковъ въ разоръ-разорилъ, а я думаю теперь, какъ тѣхъ мужиковъ поправить. Думалъ я думалъ, и вотъ что выдумалъ: ты виноватъ, ты и въ отвѣтѣ будь. Ты обижалъ мужиковъ, ты имъ и вознагради; а потому прошу тебя честію: выдай мужикамъ на каждый дворъ по пятидесяти рублевъ (а тогда еще на ассигнаціи считалось); честію прошу, не вводи ты меня, баринъ, во грѣхъ — разсчитайся по Божія.»

Получилъ баринъ то письмо, — не то, что спокоиться, а выше въ гору пошелъ: больше озлился, сталъ мужиковъ перебирать, сталъ допрашивать: кто подметное письмо принесъ? А мужики про то дѣло и не вѣдали... Такъ-тому письму баринъ не внялъ, вѣрнѣе письму не

далъ. Проходитъ сколько тамъ время, баринъ прочиталъ еще письмо отъ Тришки: «ты моимъ словамъ не повѣрилъ; я не люблю этого; только вотъ что я скажу тебѣ: не въ моемъ обычаѣ за первую вину казнить; а по моему, за первую вину, только научить надо; вотъ тебѣ какая выучка: не хотѣлъ ты дать мужикамъ по пятидесяти рублевъ, дай по сту; это тебѣ наука. Только мужиковъ трогать не моги: съ живаго кожу сниму; мужики въ томъ невиноваты. Жду три дня.»

Прошло три дня — баринъ ни кому ни слова: денегъ жаль и за мужиковъ приниматься боялся—со шкурой своей барской разстаться нехочется; хоть и не дорого своя шкура обошлась, только эту снимутъ,—другой не скоро и наживешь. Стало, надо беречь пока эту...

Пока баринъ раздумывалъ, Тришка написалъ еще письмо:

«Просилъ я тебя, баринъ, честію мужикамъ помочь тысячью — ты не помогъ; просилъ тебя помочь двумя; ты мои слова ни во что поставилъ. Теперь жди меня, Тришку, къ себѣ въ гости. А какъ тебѣ барину, надо сготовиться, какъ бы получше гостя принять, даю тебѣ сроку двѣ недѣли—сготовься. Только пироги, что въ Тулѣ печены, по нашему ружьями зовутъ—не надо, не готовь: я до нихъ не охотникъ.»

Получилъ баринъ это письмо, сталъ снаряжаться, какъ бы гостя непрошеннаго принять такъ, чтобы самому не остаться не при чемъ: всѣхъ своихъ мужиковъ, всю дворню собралъ, раздалъ всѣмъ ружья; послалъ и въ городъ сказать: гостя молъ жду.

Къ пріему гостя было сготовлено все какъ слѣдуетъ; съ самаго ранняго утра всѣ были на ногахъ; на барскомъ дворѣ толкотня страшная, всѣ съ ружьями, просто ко двору приступу нѣтъ!... Передъ раннимъ обѣдомъ пришли солдаты съ офицеромъ.

— За чѣмъ пожаловали? спрашиваетъ баринъ у офицера.

— Такъ и такъ, говоритъ офицеръ: наслышаны мы, что къ вамъ нынче обѣщался пріѣхать воръ Тришка Сибирякъ; такъ изъ города меня съ моей командой и прислали къ вамъ на подмогу.

— Очень благодаренъ говоритъ баринъ: хоть я и не боюся Тришки, а все-таки народу больше—лучше. Милости просимъ съ дорожки закусить чѣмъ Богъ послалъ, пойдемте ко мнѣ въ домъ, а солдатушки ваши пусть здѣсь останутся, я имъ сюда велю вынести водки, закусить...

Пошелъ баринъ съ офицеромъ въ домъ, приказалъ подать сейчасъ закуску. Закусили, стали толковать о томъ о семъ, баринъ и повеселѣлъ. Выпилъ еще. Офицеръ еще приободрился: такъ и сы-

петь про войну, гдѣ онъ воевалъ, когда, какъ... да на рѣчахъ-то вышелъ такой легкій!...

— Ужь какъ я вамъ благодаренъ, говоритъ баринъ: — какъ вамъ благодаренъ и сказать нельзя! съ вами я не только Тришки, а просто никого не боюся. Что мнѣ Тришки бояться? скажите мнѣ?

— Разумѣется, говоритъ офицеръ: чего бояться Тришки!

Сказалъ это офицеръ, посмотрѣлъ кругомъ: видитъ въ комнатѣ только они вдвоемъ съ бариномъ сидятъ, а больше никого нѣтъ.

— Коли вы, баринъ, говоритъ офицеръ: — не боитесь Тришки, мнѣ и подавно его бояться нечего!...

— Отчего жь такъ? спросилъ баринъ.

— Оттого такъ, баринъ, что я тотъ самый и есть Тришка Сибирякъ; такъ мнѣ самому себя бояться не приходится.

Баринъ такъ и обомлѣлъ отъ великой радости.

— Слушай, сказалъ Тришка, а самъ изъ кармана пистолетъ вынулъ: — слушай, просилъ я у тебя, баринъ, тысячу; не для себя просилъ, а просилъ для твоихъ же рабовъ, — ты не далъ; наказалъ тебѣ: просилъ двѣ тысячи, ты и тутъ не восчувствовалъ! Теперь ты давай мнѣ двадцать тысячъ: двѣ тысячи я отдамъ твоимъ мужикамъ, а остальные, что тамъ останется, на свою братію возьму: надо что нибудь и намъ съ твоей милости на водку получить. За такую науку какъ не взять!...

Баринъ стоитъ, только глазами хлопаетъ: никакъ того дѣла въ толкъ не возьметъ...

— Полно, баринъ, глазами-то хлопать, разсчитаемся честно, да и Богъ съ тобою и со всѣмъ! мнѣ некогда, пора домой.

— У меня деньги, говоритъ баринъ, какъ опомнился: — въ другой комнатѣ; ты здѣсь погоди, я тебѣ сейчасъ всѣ сполна принесу.

— Охъ, баринъ! молодецъ баринъ: подростешь — плутъ будешь! Думаешь надуть? Васъ мало обманываютъ, а то еще онъ хочетъ обмануть!

— Да, я право... да я ей-Богу, забормоталъ баринъ.

— Ничего, баринъ, сочтемся! Ты ступай спереди, а я хоть и сзади; только знай пальцемъ кивнешь — въ затылокъ пулю пущу. Ты дѣлай свое дѣло, а я свое сдѣлаю.

Баринъ пошелъ передомъ; а позади барина Тришка Сибирякъ. Вышли за двери, а въ другой комнатѣ народу-то народу! Да всѣ съ ружьями!...

Перешли еще въ другую комнату — тамъ никого нѣтъ... Отсчиталъ баринъ денежки, ровно двадцать тысячъ, отсчиталъ, отдалъ Тришкѣ, остальныя завернулъ, и опять подъ замокъ. . . . . . .

— Видишь, я не въ тебя, я слово свое держу: обѣщалъ быть у тебя въ гостяхъ —былъ; далъ слово взять двадцать тысячъ — взялъ двадцать, больше не беру; а хоть видишь самъ, и всѣ бы отнялъ, нечего дѣлать, всѣ своими руками бы отдалъ. Теперь проводи ты меня хоть за версту отъ деревни, а тамъ и простимся.

Баринъ проводилъ самъ, самолично Тришку съ товарищами за ворота, а тамъ еще версты полторы, да и раскланялся...

— Смотри жь, на прощаньи наказываетъ Тришка барину: смотри жь, мужиковъ не обижать. Обидишь мужиковъ, Богъ тебя обидитъ, а то, можетъ, и я грѣшный къ тебѣ тогда въ гости побываю!

Съ тѣхъ поръ баринъ шолковый сдѣлался! что значитъ хорошая наука! много значитъ!...

И много онъ училъ ихъ братію! Ѣдетъ разъ мужичонко съ возомъ; а на возу было накладено, что и на хорошей лошади не свезти; а у мужичонка была лошаденка плохенькая, а еще и поклажа-то барская; съ которой стороны ни поверни, все тяжело!... Ѣдетъ мужикъ съ возомъ, горе мычитъ, а на встрѣчу ему катитъ шестерикомъ самъ баринъ. Поровнялся баринъ съ мужикомъ.

— Стой! кричитъ баринъ:—стой, что ты тихо ѣдешь? Отчего у тебя лошадь не везетъ?

Не успѣлъ баринъ хорошій раскричаться какъ надо, какъ изъ-за куста выросъ какой-то мужикъ, снялъ шапку, низехонько поклонился барину, да и говоритъ:

— Пожалуйста, баринъ, ваше благородіе, окажи такую милость: подари ты этому мужику лѣвую пристяжную...

— Какъ ты смѣешь, мужикъ, мнѣ это говорить, дуракъ! и закричалъ баринъ.

— Ужь сдѣлай милость, пристаетъ мужикъ:—подари мужику лѣвую пристяжную!...

— Какъ ты смѣешь мнѣ это говорить? да знаешь, что я съ тобою сдѣлаю!?... да кто ты такой?...

— А осмѣлюсь вашей милости доложить: я человѣкъ небольшой, а прозываюсь Тришка Сибирякъ.

Какъ услыхалъ баринъ, что передъ нимъ стоитъ Тришка Сибирякъ, куда и прыть вся дѣлась!...

— А, говоритъ, здравствуй, Триша! Возьми лошадь, какую хочешь; пусть мужичокъ доѣдетъ до дому, я и пятерикомъ доѣду, лошади ничего не сдѣлается; послѣ только пусть назадъ приведетъ.

— Нѣтъ ужь, баринъ хорошій, подари пожалуйста мужичку со-

всѣмъ лошадку; а ты прикупишь еще лошадку, а то и пятерикомъ проѣздишь, и пятерикомъ тебѣ чай можно... На своихъ лошадяхъ ты ѣздишь не далеко, а подальше, чай, на сотскихъ!...

— Изволь, Триша, изволь! я для тебя, Триша, и совсѣмъ могу это сдѣлать, могу и подарить!

— Только ужь не изволь, баринъ хорошій, лошадки отнимать у мужика: не *для себя* прошу, прошу *для* твоего же здоровья: ты знаешь, можетъ, мой обычай; не введи, для Христа, меня во грѣхъ.

— Изволь, изволь!

Припрегъ мужикъ къ возу лѣвую пристяжную, да съ крестомъ да молитвой благополучно и до дому доѣхалъ, да еще и послѣ сколько на той лошади ѣздилъ!...

Никого Тришка Сибирякъ *не обижалъ крѣпко*, развѣ какого барина лихаго до крестьянъ, что разъ поучитъ — не послушаетъ, другой разъ поучитъ — въ толкъ не возьметъ; такъ такому лихому подъ колѣнками жилки подрѣжетъ — «чтобъ не оченно, говоритъ, прытко бѣгалъ!» Вотъ только и всего!...

Велѣно было поймать Тришку во что бы то ни стало. Поѣхалъ отыскивать Тришку исправникъ; пріѣзжаетъ исправникъ на станцію, на станціи сидитъ купецъ, пьетъ чай съ пуншемъ.

— Не угодно ли вашему благородію чайку покушать? спросилъ купецъ исправника.

— Пожалуй! отвѣчалъ исправникъ, подсаживаясь къ столику:—пожалуй, на дворѣ-то ужь очень холодно.

— Холодно-съ, извольте-ко-съ чашечку...

Слово за слово и пошелъ разговоръ.

— Куда ѣдете ваше благородіе?

— Да вотъ туда-то.

— А позвольте спросить: по какой надобности ѣдете, ваше благородіе?

— Тришку Сибиряка надо поймать.

— Почему жь вы, ваше благородіе, знаете, что тамъ Тришка Сибирякъ долженъ быть?

— Мнѣ передали, что Тришка Сибирякъ нынѣшній день поѣдетъ отсюда; съ этой станціи туда-то; а передали мнѣ самые вѣрные люди.

— Такъ-съ... а хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть, какъ ваше благородіе изловите этого разбойника Тришку Сибиряка. Очень бы хотѣлось!...

— Что жь, это можно.

— Какъ же, ваше благородіе?

— Да поѣдемъ со мной вмѣстѣ.

— Сдѣлайте милость, батюшка, ваше благородіе! дѣло-то ужь очень занятное.

— Изволь, изволь.

Напились они чаю, да и поѣхали вмѣстѣ въ исправницкой бричкѣ; дорогой больше толковали все о Тришкѣ; какъ его, разбойника, исправникъ своими руками поймаетъ, и самъ его въ городъ въ острогъ засадитъ.

— Какъ же вы, ваше благородіе, узнаете этого разбойника, Тришку Сибиряка?

— Какъ не узнать! у меня примѣты его имѣются; говоритъ исправникъ.

— А позвольте взглянуть.

Исправникъ подалъ купцу примѣты.

Волосы русые, брови черные, сталъ читать купецъ, лѣтъ отъ роду тридцать... Баринъ, да вѣдь это, пожалуй и, на меня смахиваетъ!...

Глянулъ исправникъ, съ нимъ точно сидитъ не купецъ, а самъ Тришка Сибирякъ.

— Слушай, исправникъ, заговорилъ Тришка, васъ дураковъ надо обманывають, а ты еще и меня хотѣлъ обмануть! вотъ тебѣ и наказаніе: ступай пѣшкомъ домой!

Нечего дѣлать, исправникъ вылѣзъ изъ брички, да и бричка-то была новая, вылѣзъ да поплелся домой—откуда пришелъ; а Тришка покатилъ куда ему надо было!

Тришка Сибирякъ, какъ я уже сказалъ, что его смѣшиваютъ съ Засоринымъ, Сиротой, Дубровой и другими, то и всѣ они никого не убивали; только ужь когда честію не возьмешь—злыхъ помѣщиковъ учили, и тою же наукой подъ колѣнкаци жилки подрѣзывали, и опять-таки для того все, чтобъ не шибко бѣгали.

Орелъ, 10 апрѣля.

Сохранились и теперь преданія: что до назначенія Орла губернскимъ городомъ, на рѣкѣ Окѣ моста не было, и что въ самый годъ этого назначенія началось здѣсь судоходство; въ первый разъ отправились только двѣ маленькія барки по 12 саженъ длиною, и какъ дѣло было для орловцевъ новое, то почти весь городъ провожалъ эти барки верстъ за десять. И теперь есть старики, которые помнятъ, что въ Орлѣ былъ одинъ только трактиръ, одна табачная лавка; будочниковъ, пожарныхъ солдатъ совсѣмъ не было: на пожаръ

сбѣгались и тушили сами жители; которые опаздывали или вовсѣмъ не приходили, съ тѣхъ брали пени. По ночамъ караулили по очереди сами хозяева, и между очередными караульщиками случались караульщицы — молодыя женщины и дѣвушки.

— Зачѣмъ же будочниковъ завели? спросилъ я старика, разсказывавшаго мнѣ это.

— А затѣмъ, батюшка, отвѣчалъ старикъ: — больно задорно стало; въ одной улицѣ караульщикъ, въ другой караульщица; долго ли до грѣха! Сейчасъ грѣхъ, какъ есть грѣхъ!...

— Такъ и тогда доходило до грѣха?

— Какъ не доходить, доходило! А все грѣха въ тѣ времена было куда меньше! а жили веселѣе: скромнѣе жили, по Божію, оттого хорошо и было... Вотъ я тебѣ докладывалъ: у насъ въ Орлѣ всего только одинъ трактиръ и былъ, Теленковъ прозывался... Стоялъ онъ супротивъ Егорьевской церкви... Такъ и въ томъ-то одномъ трактирѣ народу почесть не бывало! А зайдетъ какой въ трактиръ, да узнаетъ отецъ, такой задастъ трактиръ — три недѣли на мѣсто сѣсть не сядетъ; а провѣдаютъ по городу про холостаго, такъ пальцами тычутъ: «вонъ, говорятъ, трактирщикъ изъ трактира ползетъ». Да такому парню и дѣвку не скоро сыскать: весь городъ исходи, ни одна дѣвка замужъ не пойдетъ! А теперь что? зайдетъ въ трактиръ... и трактировъ-то сколько развелось! идетъ всякій въ трактиръ, при отцѣ родномъ... да тамъ еще табачище проклятый закуритъ.

— Куда же заходили выпить?

— Была пѣвчая.

— Тоже трактиръ?

— Нѣтъ, какъ можно! тамъ можно было спросить чего: водки, пива, закусить чего, подадутъ; а закуришь табачище, хоть кто будь, въ шеямъ проводятъ, ни на кого не посмотрятъ!..

— Отъ этого и трактиромъ не назывался?

— Нѣтъ, не отъ этого, не отъ табаку; для того пѣвчей назывался, что тамъ пѣвчіе были, пѣсни разныя пѣли; а кто прикажетъ, и по духовному могли; а кому и простую пѣсню споютъ, пожалуй и съ торбаномъ.

— Съ однимъ только торбаномъ?

— Нѣтъ, и гудки и рожки разные были въ той пѣвчей; только этихъ органовъ проклятыхъ не было...

— Давно же эта пѣвчая уничтожилась?

— Она-то и не уничтожилась...

— Да гдѣ же она?

— На трактиръ повернули.

— Ты помнишь эту пѣвчую?

— А какъ не помнить?! Лѣтъ пятьдесятъ тому привезли органъ. Сперва народу повалило въ пѣвчую; протолкаться нельзя было. Да и кругомъ-то пѣвчей народу—труба нетолченная.

— И ты ходилъ слушать?

— Ходилъ, глупъ былъ.

— Отчѐго же глупъ?

— А оттого глупъ: не зналъ я, что это грѣхъ большой! Вотъ отчего!

— А!..

— То-то другъ, а!

Мой собесѣдникъ хотѣлъ идти домой, а мнѣ не хотѣлось съ нимъ такъ скоро разстаться; чтобъ остановить его, я спросилъ:

— Давно новый соборъ строится?

— Да лѣтъ за шестьдесятъ будетъ. Былъ у насъ царь-императоръ Павелъ Петровичъ и былъ онъ имянинникъ на Павла исповѣдника; такъ губернія вся положила для императора Павла Петровича,— Павлу исповѣднику соборъ построить. Стали собирать со всѣхъ деньги, да и по сю пору собираютъ, а все никакъ этого собора не отстроятъ.

— Отчего же?

— А оттого: церковь, по писанію, положено ставить алтаремъ на востокъ, а этотъ соборъ куда смотритъ?

— Кажется, на востокъ...

— На какой востокъ?

— Куда же?

— Посмотри на другія церкви: всѣ смотрятъ на самый востокъ, а этотъ больше на полдень подался.

Въ самомъ дѣлѣ, новый соборъ алтаремъ стоитъ не прямо на востокъ, а на Ю. Ю. В.

— Такъ отъ этого и соборъ не отстроивается?

— Отъ самаго отъ этого... Отстроили было совсѣмъ, а тамъ опять перестроивать надо... Вотъ и теперь снова перестроиваютъ! да вѣдь тоже самое будетъ!

— Что будетъ?

— Отстроютъ, начнется служба, а тамъ...

— Была уже служба въ этомъ соборѣ?

— Какъ же, была! и обѣдню служили и другія службы справляли; да вотъ, хоть бы взять: Яковъ Ѳедоровичъ Скорятинъ когда умеръ, отпѣвали въ новомъ соборѣ.

— Отчего же его въ соборѣ отпѣвали?

— Баринъ былъ именитый, службу свою справлялъ при томъ самомъ императорѣ Павлѣ Петровичѣ; какъ померъ императоръ Павелъ, такъ Яковъ Өедоровичъ и служить пересталъ. Должно быть отъ этого и хоронили его въ новомъ соборѣ.

— Похоронили въ новомъ соборѣ?

— Нѣтъ, только отпѣвали, а хоронить его повезли въ его вотчину, верстъ за сто отъ Орла.

П. ЯКУШКИНЪ.

СЕМЬ КЛЕВЕТЪ НА ЛЮБОВЬ.

(РАЗСКАЗЪ ДОКТОРА.)

— ...Ахъ, отвяжитесь, господа, я никогда, никогда не любилъ, и даже нахожу, что самое слово *любовь*... какое пустое, безсмысленное и темное слово! Не спать ночей, трепетать и волноваться, мучиться и горѣть не то огнемъ, не то лихорадкою, называя это страстью, возвышеннымъ чувствомъ... Какъ это глупо, господа! Если я здоровъ, веселъ и независимъ, такъ это потому, что я твердо убѣжденъ, что какая нибудь хорошо зажаренная котлетка гораздо лучше и питательнѣе любви.

— Какіе вы дѣлате неприличныя сравненія, - докторъ, замѣтилъ одинъ молодой человѣкъ. — Любовь, эту неоцѣненную красоту и прелесть жизни, эту, позвольте такъ выразиться, миловиднѣйшую голубку, смягчающую самую чорствую душу — сравнивать съ котлеткою... это неблагородно, докторъ, да притомъ вовсе не остро и старо.

Слова эти были произнесены такимъ теплымъ и убѣдительнымъ тономъ, что докторъ слегка понурилъ свою посѣдѣвшую голову. Онъ немного помолчалъ и потомъ, какъ человѣкъ добросовѣстный, любящій все подтверждать фактами, тихо замѣтилъ:

— Вы хотите заставить меня, молодой человѣкъ, говорить о томъ, чего я никому не разсказывалъ. Извольте, извольте, я разскажу вамъ про свою, съ позволенія сказать, любовь, — еще

не про одну... Я имѣю семь фактовъ, — меня ровно, счетомъ, семь разъ чуть-чуть да не женили.

— Браво, браво, заговорили слушающіе.

— Итакъ, нашъ докторъ былъ влюбленъ семь разъ! Каково? мы защищаемъ любовь, а между тѣмъ рѣдко кому изъ насъ удавалось любить хоть одинъ разъ, тогда какъ докторъ семь разъ былъ влюбленъ и, слѣдовательно, семь разъ обманутъ. Славно, славно, вотъ онъ, наконецъ, сказался!

— Былъ ли я обманутъ, или нѣтъ,—это еще вопросъ, горячо произнесъ докторъ. — Однако, разскажу вамъ все, какъ на исповѣди.

— *Первая любовь* моя происходила давно, только не въ деревнѣ, не при свѣтломъ ручейкѣ, какъ водится, а въ мрачныхъ стѣнахъ петербургской Медико-Хирургической Академіи. Я былъ на послѣднемъ курсѣ, любилъ учиться и терпѣть не могъ женскаго общества; надо вамъ сознаться, что въ то время я не допускалъ даже мысли, что на свѣтѣ есть хоть одна безупречная женщина, исключая моей матери. Мать моя—чудесное, благороднѣйшее созданіе; но не о томъ рѣчь, я не то хотѣлъ вамъ сказать. Знакомыхъ въ Петербургѣ у меня было довольно мало; я рѣдко куда ходилъ. Одно семейство я посѣщалъ чаще обыкновеннаго, — тамъ была старушка, добрая, какъ сама доброта, а у этой старушки двѣ хорошенькія дочки. Я былъ тогда дикъ, и старшей дочери ужасно боялся. Она черезчуръ бойка была. Терпѣть я не могъ, когда она смотрѣла мнѣ прямо въ глаза. Когда я цаловалъ у ней руку (а это случалось рѣдко, только во время ея именинъ), я сжимался и думалъ про себя: «охъ, эта ручка не дастъ никому пощады; чего добраго, а ужь за вихры непремѣнно будетъ таскать будущаго супруга». За то меньшая дочка — тиха, скромна и проста была, и голосъ такой, какого я никогда не слыхалъ! Онъ производилъ на меня впечатлѣніе такое, точно дождикъ весенній, безъ шороху и шуму, падаетъ вамъ на открытую голову: проведешь ладонью — кажется, ничего, и дождя не видно, а между тѣмъ чрезвычайную свѣжесть чувствуешь. Такого рода впечатлѣніе всегда производили на меня мягкіе звуки ея голоса. Лучшій знатокъ женщинъ, Шекспиръ, господа, видно не даромъ сказалъ: «о, голосъ въ женщинѣ—признакъ вѣрный!» Я любилъ съ нею разговаривать, съ *моею* Ольгою, какъ я тогда называлъ ее; правда, я боялся всѣхъ, особенно старшей сестры ея, но съ

Ольгою, клянусь вамъ, какъ-то вдругъ измѣнялся: переставалъ мяться, кашлять, теребить безъ толку носовой платокъ, — словомъ, самъ чувствовалъ, что съ нею и отъ дикихъ своихъ привычекъ отстаю. У меня была скверная привычка грызть ногти; бывало, вѣчно упражняюсь: когда мнѣ досадно — грызу съ ожесточеніемъ, а когда пріятно — то безъ всякаго ожесточенія, а все-таки грызу. Она замѣтила и сказала: не кусайте, руки гадкія будутъ, да и говорятъ, что это злой характеръ означаетъ. Я съ тѣхъ поръ и отсталъ; а вѣдь какого усилія мнѣ это стоило; бывало, по цѣлымъ днямъ перчатокъ не снимаю. «Злой характеръ означаетъ!» Мнѣ тогда весьма серьёзнымъ показалось такое замѣчаніе. «Видно, она хочетъ меня сдѣлать лучшимъ, чѣмъ я есть», думалось мнѣ.

Между тѣмъ старшая сестрица была со мною то холодна и надменна, то вдругъ такъ внимательна, что мнѣ даже досадно дѣлалось. Во время экзаменовъ я, по привычкѣ, забѣгалъ къ нимъ и разсказывалъ, какъ прошелъ для меня тотъ или другой экзаменъ, — и Ольга всякій разъ мнѣ на счастье руку свою давала, и каждый разъ отлично экзаменъ сходилъ.

— Что, вы выйдете со степенью доктора? спросила одинъ разъ меня старшая дочь.

— Да, и кромѣ того, я надѣюсь тотчасъ мѣсто получить.

— Неужели? спросила она съ любопытствомъ и съ недовѣрчивостью.

— Что же ты удивляешься, возразила мать: — Иванъ Иванычъ одинъ изъ лучшихъ студентовъ, ему сейчасъ мѣсто дадутъ.

— И вамъ въ Петербургѣ предлагаютъ мѣсто? съ внимательною улыбкою обратилась ко мнѣ старшая сестра.

— И въ Петербургѣ, если захочу; одинъ изъ нашихъ профессоровъ — онъ меня любитъ — просто напрямикъ сказалъ, что мнѣ и думать не слѣдуетъ объ отъѣздѣ: послѣ послѣдняго экзамена онъ хочетъ сейчасъ же опредѣлить меня на мѣсто, съ казенною квартирою, дровами и освѣщеніемъ.

Этотъ маленькій разговоръ, какъ впослѣдствіи оказалось, окончательно заставилъ старшую сестру перемѣнить обращеніе со мною. Я видѣлъ, что она какъ будто снисходительнѣе стала смотрѣть на мои грубыя, студенческія манеры; даже нашла случай похвалить мои густые, длинные волосы, которые, по ея мнѣнію, весьма шли ко мнѣ. Наконецъ, экзаменъ мой кончился.

Съ дипломомъ въ рукахъ, съ надеждою въ сердцѣ, что передо мною открывается теперь—великая будущность, слава, деньги, и множество добрыхъ дѣлъ, — словомъ, со всѣмъ святымъ, но ребяческимъ задоромъ, который такъ краситъ молодость, — я, какъ сумасшедшій, кинулся прежде всего къ моимъ знакомымъ.

Помню, это было въ воскресенье.

Кухарка, встрѣтивъ меня въ передней, съ улыбкою проговорила: «ахъ, баринъ, легки на поминѣ... у насъ сегодня чудесный пирогъ съ вязигой будетъ.»

— Ладно, отвѣчалъ я, и при этомъ рублевую бумажку ей въ руку сунулъ, точно она не о пирогѣ мнѣ сообщала, а какъ будто первая во мнѣ великаго человѣка узнала.

— Ты прекрасная женщина, Мароа! сказалъ я кухаркѣ, чувствуя въ то же время неизъяснимую потребность, чтобъ и меня она похвалила тоже.

— И, батюшка-баринъ! говорила кухарка:—какая я нонече ужь прекрасная, когда, слышь, за сорокъ стукнуло и девять зубовъ, слышь, у меня изо рта фельдшера повыдергали.

— Ничего, ничего, отвѣчалъ я благосклонно и вошелъ въ залу.

Тамъ я никого не засталъ, кромѣ Ольги, съ грустнымъ и блѣднымъ личикомъ. Увидя ее, мнѣ какъ будто совѣстно сдѣлалось... «Отчего же», промелькнуло у меня вдругъ въ головѣ: «отчего же я въ минуту своего торжества менѣе всего объ бѣдной Оленькѣ думалъ... а она, быть можетъ, всю ночь обо мнѣ продумала...»

Послѣ первыхъ обычныхъ привѣтствій, она на меня взглянула такимъ серьёзнымъ и важнымъ взоромъ, что я изумился и даже дрогнулъ почему-то.

— Послушайте, сказала она мнѣ тихо, съ какой-то важной медленностью, поправляя на себѣ бѣленькую пелеринку:—я къ вамъ имѣю большую, большую просьбу...

— Позвольте узнать, какую?

— Нѣтъ, вы не шутите, пожалуйста не шутите. Я хочу съ вами говорить о дѣлѣ.

При словѣ *дѣло* ея маленькое, хорошенькое личико вдругъ приняло озабоченное выраженіе.

— Садитесь, только прямо противъ меня, продолжала она:— я хочу видѣть ваше лицо... это для меня чрезвычайно важно клянусь вамъ, важно.

Я машинально сѣлъ.

— Ну, вы теперь докторъ? спросила она тѣмъ же тономъ.

— Да, докторъ.

— Я это знала напередъ. Теперь я вамъ скажу безъ обиняковъ: послушайте, добрый, милый Иванъ Ивановичъ, заклинаю васъ всѣмъ святымъ, женитесь на моей старшей сестрѣ... она влюблена въ васъ...

— Она? спросилъ я съ изумленіемъ.

— А вы? прибавилъ я едва слышно.

— Я васъ не люблю, мнѣ пятнадцать лѣтъ, простодушно отвѣчала она: — мнѣ любить еще нельзя. Но сестра моя очень, очень васъ любитъ... Она вчера плакала всю ночь отъ любви къ вамъ; спросите Маѳу, если мнѣ не вѣрите; мы съ нею всю ночь за бѣдной моей сестрой ухаживали.

Я стиснулъ только зубы и молчалъ.

— Вы знаете, гдѣ теперь моя сестра? съ жаромъ продолжала дѣвочка: — она теперь въ Казанскомъ соборѣ, и за ваше счастье пошла съ маменькой отслужить молебенъ. — О, какъ мнѣ весело будетъ съ вами породниться, и какъ моя сестра васъ любитъ, еслибъ вы знали... Она прямо объявила, что умретъ съ горя, если только вы на ней не женитесь...

Не успѣлъ я еще опомниться, какъ раздался звонокъ и въ залу вошла мать съ старшею своею дочерью. Я задрожалъ отъ злобы, и въ эту минуту добрая моя старушка показалась мнѣ до того противною, что я готовъ былъ въ мелкій порошокъ ее стереть. «О старая, безобразная фурія, это твое, твое дѣло!» думалъ я съ горечью: «молебны служитъ!.. нѣтъ, я тебя похороню съ твоими коварными замыслами!»

А между тѣмъ Ольга, съ своимъ бѣленькимъ платьицемъ, порхнула на встрѣчу сестрѣ и начала ее цаловать такъ горячо, горячо, что у меня голова закружилась.

— Маменька, маменька, залепетала она: — вы устали, позвольте, я раздѣну васъ.

И торопливо и радостно увела мать въ другую комнату, откуда мнѣ послышались тѣ же восторженные дѣтскіе поцалуи.

Я очутился лицомъ къ лицу съ моею названною невѣстою.

— Что вы на меня такъ глядите? спросила она своимъ бойкимъ и развязнымъ тономъ.

— Вы, говорятъ, влюбились въ меня? спросилъ я рѣзко и отрывисто, а самого точно лихорадка била.

— Это моя тайна, отвѣчала она кокетливо, прищуривъ свои глазки.—Какъ вы нескромны! прибавила она, показывая видъ, будто смутилась, а сама опять взглянула на меня своимъ прямымъ, острымъ взглядомъ, который меня всегда такъ пугалъ и такъ неправился.

— Такъ знайте же, заговорилъ я, выходя изъ себя и дрожа всѣмъ тѣломъ: — такъ знайте же, что я терпѣть васъ не могу, что я въ Петербургѣ не остаюсь, казенной квартиры не получаю, ни дровъ, ни освѣщенія, ни мѣста—ничего не получаю!— Прощайте и служите молебны объ другихъ женихахъ.

Я выскочилъ на лѣстницу, и, бѣжа вплоть до академіи, все твердилъ: «нѣтъ, не женюсь, и ты за вихры драть меня не будешь.»

Такъ кончилась моя первая любовь.

Послѣ я узналъ, что бѣдной Ольгѣ, за ея горячее желаніе устроить судьбу старшей сестры, крѣпко досталось, и сестра потомъ всѣхъ увѣряла, что Ольга будто изъ-зависти и ревности все это разстроила.

Скоро я уѣхалъ изъ Петербурга, получивъ мѣсто полковаго доктора въ одномъ пѣхотномъ полку.

Мы стояли въ огромномъ селѣ, за Москвою. Сфера моей дѣятельности была весьма ограниченная. Полковой бытъ, съ его попойками, картами, деньщиками, и телегами, не по душѣ мнѣ пришелся. Бывало, проснешься, солнце такъ весело въ окно къ тебѣ заглядываетъ, надъ прудомъ еще волнуется мягкая утренняя мгла, а между тѣмъ поручикъ Битюковъ ужь пьянъ мертвецки и во все горло деньщика своего честитъ. Сдѣлается досадно, поскорѣе одѣнешься и пойдешь къ подпоручику Рѣзвому: у него на столѣ еще свѣчки горятъ, зеленый столъ весь мѣломъ исписанъ, и онъ пристаетъ къ своимъ партнёрамъ съ ножомъ къ горлу, чтобъ послѣднюю пульку доиграть. Уйдешь и отъ подпоручика Рѣзваго, думаешь, ну, хоть съ капитаномъ Мѣшковымъ душу отведешь; но и капитанъ Мѣшковъ на четвереньках ползаетъ и требуетъ цаловать его въ губы, потому что онъ плевать хочетъ на полковаго командира и одинъ одинешенекъ шестнадцать бутылокъ вина вытянулъ. Еще досаднѣе сдѣлается, и, отъ горя, къ прапорщику Миронову уйдешь, но и тотъ все денегъ взаймы проситъ и о псовой охотѣ разсказываетъ. Ну, и вернешься домой. Тутъ деньщикъ съ мрачнымъ видомъ докладываетъ, что у него кострюли украли, а по лицу видишь, что вретъ, въ кабакъ

ихъ станціяхъ; просто, такая дурь самого возьметъ, что отъ скуки подсядешь къ окну и начнешь походку солдатъ наблюдать. Одинъ идетъ ровно, вытянувшись,—точно не живое существо, а желѣзный штыкъ по улицѣ проходитъ; другой—пробирается маленькимъ неровнымъ шажкомъ, немножко вкривь, все бочкомъ забираетъ и подъ чужія ворота заглядываетъ; третій такъ забавно плечами шевелитъ, точно сказать хочетъ: «эхъ братцы, полетѣлъ бы я далече, да вотъ бѣда, фельдфебель зачѣмъ-то къ себѣ зоветъ.»

Въ одинъ изъ такихъ веселенькихъ деньковъ прислалъ за мною экипажъ сосѣдній помѣщикъ. Говорятъ: «пожалуйте, баринъ занемогъ.»

Я только, что собрался и съ двора выѣзжаю, какъ вдругъ мнѣ на встрѣчу капитанъ Мѣшковъ.

— Куда ѣдешь? гаркнулъ онъ мнѣ.

Капитанъ Мѣшковъ всѣмъ ты говорилъ.

— Больнаго лечить.

— Отправляй его, братецъ, на тотъ свѣтъ поскорѣе, да самъ живѣе возвращайся: у меня вечеринка нынче; я цѣлый ящикъ коньяку изъ Москвы привезъ. У меня, братъ, правило: жги жизнь съ обоихъ концовъ. Я-то жгу ее, разбойницу, жгу съ обоихъ концовъ! Шампанское, братецъ, дрянь, а ужь насчетъ коньячка— просто пальчики оближешь!

Съ такимъ напутствіемъ я отправился къ моему больному. Пріѣзжаю; домъ весьма порядочный, все на барскую руку; немножко грязновато, но богато. Больной мой оказался старый отставной воинъ, съ одною ногою, съ почтеннымъ и честнымъ лицомъ. Осматриваю — плохъ, сердечный, одною только половиною легкихъ дышитъ, да и та уже попорчена. Въ довершеніе, несмотря на лѣто, застудилъ горло.

Я провозился цѣлый день, и только на другой, къ вечеру, заговорилъ мой больной.

— Послушайте, докторъ, сказалъ онъ: —ради Бога останьтесь у меня еще дня на два, на три.

Другихъ больныхъ у меня не было, я согласился, тѣмъ болѣе, что за больнымъ ухаживала вмѣстѣ со мною его дочка, лѣтъ двадцати, съ густыми черными волосами, статная и красивая дѣвушка. Кромѣ дочки, тутъ же болтался ея братецъ, малый лѣтъ семнадцати, горѣвшій безконечнымъ желаніемъ поступить къ намъ въ юнкера. И сестрица, и братецъ, и безногій старикъ такъ

мнѣ понравилась, что я выѣхалъ изъ ихъ дому съ нѣкоторою печалью.

Недѣли черезъ три послѣ этого я получилъ приглашеніе отъ старика, давно уже оправившагося, пріѣхать погостить къ нему. Я прискакалъ къ нимъ въ тотъ же день.

Меня приняли, какъ роднаго. Отвели во флигелѣ особыя комнаты, и старикъ сдѣлался такимъ молодцомъ, такъ исправно ковылялъ своею деревяшкою, что со стороны нельзя было подумать, что онъ дышалъ на послѣдніе остатки своего легкаго.

Все шло хорошо, господа, но тутъ опять любовишка завязалась; а гдѣ она появится, тамъ ничего путнаго не бываетъ.

Однажды, часу въ 12 ночи, я, распростившись съ своими хозяевами, къ себѣ во флигель побрелъ. Только что раздѣлся, ко мнѣ шибко постучались: горничная черезъ дверь кричитъ, что барышнѣ сдѣлалось дурно. «Что за притча», подумалъ я: «сейчасъ была здорова и вдругъ дурно!»

Одѣвшись поскорѣе, тотчасъ отправился къ ней. Гляжу, лежитъ совсѣмъ одѣтая и съ закрытыми глазами. Пробую руку— пульсъ бьется отлично. Касаюсь лба—жару никакого. «Ну», думаю: «шалитъ моя барышня, через-чуръ пуглива.» Однако, для приличія, какой-то освѣжительный сиропецъ ей приготовилъ. Сдѣлавши свое дѣло, я хотѣлъ уйдти.

— Куда же вы? спросила она меня быстро. Ахъ,—докторъ, я больна, а вы меня оставляете одну.

И вдругъ заплакала. Я сѣлъ около ней и началъ уговаривать, что все вздоръ, что ей бояться нечего, что она просто немножко устала, но опаснаго ничего не можетъ быть. Она замолчала, но такъ печально смотрѣла, что я счелъ своимъ долгомъ быть съ нею любезнѣе и проболталъ съ нею до двухъ часовъ.

Это, видно, моей барышнѣ понравилось.

На другую ночь, въ то же самое время, когда всѣ улеглись, опять постучалась ко мнѣ тихонько горничная и объявила, что барышнѣ ея сдѣлалось дурно.

На этотъ разъ я засталъ ее въ дезабилье, какъ настоящую больную. Боже, какъ она была мила, съ своимъ розовымъ, точно невзначай выставившимся плечикомъ, съ распущенными волосами и съ закрытыми глазами! Но я только взглянулъ на нее, сейчасъ догадался, что она меня надуваетъ, болѣзни ни-

никой нѣтъ, а закрыла она глаза собственно потому, чтобъ дать мнѣ время полюбоваться ею. Это мнѣ не понравилось.

— Да вѣдь вы не больны, сказалъ я ей грубо, закрывая ея соблазнительное плечо бѣлымъ одѣяломъ.

— Ахъ, право, я больна, больна, больна! залепетала она самымъ здоровенькимъ и веселымъ тономъ.

Она немного приподнялась, съ умоляющимъ видомъ протянула мнѣ руку и сказала: «безжалостный докторъ, у меня такъ сердце бьется, какъ вы себя представить не можете!»

Признаюсь, это меня поставило въ тупикъ; у меня самого что-то начинало шевелиться въ сердцѣ. Она это замѣтила и вдругъ начала разсказывать о своихъ снахъ, видѣніяхъ, и очень мило, увлекательно даже стала разсказывать. Я и развѣсилъ уши... не прощу себѣ никогда, никогда, зачѣмъ я тогда развѣсилъ уши!...

— Вы не повѣрите, говорила она, закрывая лицо руками:— какая я несчастная: каждую ночь я вижу какія-то видѣнія, и чувствую, что мнѣ очень дурно. Сердце у меня стучитъ такъ шибко, и я удивляюсь, какъ это вы не слышите? Неужели вы этого не слышите, докторъ?

— Нѣтъ, не слышу.

— Ну, такъ послушайте, непремѣнно послушайте. У меня, вѣроятно, аневризмъ въ сердцѣ... Я видѣла, какъ доктора грудь слушаютъ,— прислоните ваше ухо къ моей груди и послушайте серьёзно...

Я нагнулся, но прижалъ не ухо, а все лицо къ ея сердцу. Вдругъ мнѣ пришла мысль: «одинъ, ночью, въ комнатѣ молодой дѣвушки, слушаю біеніе сердца, — чортъ возьми, да меня самого убить слѣдуетъ!»

Я сейчасъ же порывисто оторвалъ голову и взволнованно произнесъ: «M-lle, будьте покойны, аневризма у васъ никакого нѣтъ».

— Ну, я очень рада, замѣтила она какъ будто простодушнымъ тономъ.—Значитъ, мнѣ придется еще много и весело жить.

— Конечно, пробормоталъ я, не зная самъ, что сказать, поклонился и ушелъ.

Но это *конечно*, сказанное мною невпопадъ, надѣлало мнѣ много хлопотъ... На другой день она со мною была чрезвычайно мила, любезна, подшучивала надъ моею неловкостью, нѣжно пѣняла, что я дикъ и въ манерахъ и въ разговорѣ, намекала на

то, что мнѣ нужно почаще бывать въ свѣтѣ и т. п. Уговоривъ отца устроить прогулку, и мы, отецъ, она, братъ и я, вдругъ засуетились, уѣхали въ поле, забрали самоваръ, слушали, какъ въ травѣ коростели кричатъ, кузнечиковъ съ нею ловили,—словомъ, цѣлый день я какъ въ угарѣ ходилъ и совсѣмъ потерялъ голову.

Вернулись мы домой около девяти часовъ вечера. Старикъ, усталый и довѣрчивый, какъ дитя, тотчасъ въ креслахъ задремалъ; братишка побѣжалъ распоряжаться насчетъ ужина, потому что сестра была баловница въ семействѣ и всѣ ей угождали.

— Чтò, вы довольны сегодняшнимъ днемъ? спросила она шопотомъ.

— Да.

— А вотъ и кузнечикъ, котораго вы давеча поймали, произнесла она, вынимая его изъ кармана.

Я опустилъ голову, какъ преступникъ.

«Кузнечикъ!» сказалъ я самъ себѣ: «такъ ты ужь, братъ, и кузнечиковъ ловишь...»

Но это была послѣдняя вспышка моего мужества, и, какъ теперь помню, я въ тоже самое время подумалъ: «отчего же и кузнечиковъ не ловить? да, буду ловить и кузнечиковъ».

Представьте себѣ мое ослѣпленіе: въ ту ночь я долго не могъ уснуть, все ждалъ: вотъ-вотъ стукнетъ горничная и объявитъ, что барышнѣ сдѣлалось дурно. Но, къ большой моей досадѣ, за мною не присылали, а мнѣ хотѣлось окончательно съ нею переговорить, высказать всю душу, пасть на колѣни и прямо объясниться насчетъ брака. Однако, жду, жду... чуть мимо окна ночная птица пролетитъ, я вздрогну; вѣтка на деревѣ захруститъ, я уже хватаюсь за шапку; проклятая муха, какъ на зло, все головкою объ оконное стекло стучалась, я бранилъ ее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ счастливъ, что эта муха страдаетъ безсонницей.

«Вотъ, маленькая тварь», разсуждалъ я, сидя совершенно одѣтый, но безъ свѣчи: «муха, кажется, а вѣдь поди, и та крылышки распускаетъ... и она живетъ, и ей хочется, какъ капитану Мѣшкову, жечь жизнь съ обоихъ концовъ... Однако, это ужь глупо... какъ будто въ самомъ дѣлѣ капитанъ... то бишь муха можетъ... но чортъ съ ними, и съ мухою и съ капитаномъ! отчего же это горничная до сихъ поръ не приходитъ»?

Съ такими мыслями я уснулъ, не раздѣваясь, и видѣлъ во снѣ... неужели и сонъ разсказывать? Ну, да, видѣлъ, будто я по зеленому лугу съ нею гуляю, и платье Катеньки (такъ звали мою барышню) все изъ кузнечиковъ сдѣлано, ну, настоящіе кузнечики, двѣ капли воды похожіе на того, котораго я поймалъ съ нею.

На другой день меня позвали въ штабъ. Я не успѣлъ никого видѣть, и уѣхалъ, сказавши горничной, что вернусь обратно дня черезъ три. Между тѣмъ меня вызвали за вдоровъ—у полковницы сдѣлалось что-то въ родѣ насморка; я замѣтилъ ей, что нехорошо за подобными пустяками доктора выписывать, и въ тотъ же день, къ вечеру, снова отправился къ помѣщику. На дворѣ совсѣмъ смерклось; вечеръ былъ теплый, душистый, не слишкомъ темный и не слишкомъ свѣтлый. Не желая безпокоить моихъ знакомыхъ, я, подъѣхалъ къ деревнѣ, отпустилъ ямщика обратно, а самъ пошелъ пѣшкомъ. Къ усадьбѣ вела широкая аллея, обсаженная съ обѣихъ сторонъ кленомъ. Вмѣсто того, чтобъ идти по ней, я выбралъ лучшую дорогу — повернулъ немного въ сторону и прошелъ въ садъ: такимъ образомъ я могъ прямехонько дойдти до флигеля.

Прежде всего, что меня немножко удивило,—это раскрытая калитка, выходящая въ поле, и верховая красивая лошадь, которая, при моемъ появленіи, чуть-чуть мнѣ на голову не фыркнула. Меня точно что-то ужалило, и я въ ту же минуту почувствовалъ, что у меня есть тайный, неизвѣстный мнѣ соперникъ. Почти воровски я вошелъ въ калитку и очутился въ саду. Странное дѣло, я сдѣлался спокоенъ и началъ хладнокровно обдумывать, въ какую сторону мнѣ идти. Сначала повернулъ налѣво, потомъ вдругъ направо, остановился и рѣшилъ идти серединой, нѣтъ, — думаю, пойду на лѣво, и, дѣйствительно, пошелъ налѣво. Отъ деревьевъ падала такая широкая тѣнь, что съ трудомъ можно было различать предметы. Прошелъ я эдакъ шаговъ двѣсти: и ухо, и глазъ сильно работаютъ.

Преглупое, скажу вамъ, положеніе, когда порядочный человѣкъ обращается вдругъ въ шпіона.

Слышу, направо, какъ будто голоса: я поворачиваю направо. Иду дальше—точно голоса; подхожу ближе—ровно ничего. Вдругъ мнѣ явственно показалось, какъ впереди что-то забѣлѣлось. «А! вотъ оно и бѣленькое платьице, вотъ оно...» Тутъ я

собрался съ духомъ и подхожу: новая сосновая кадка, наполненная водою, на дорожкѣ стоитъ. Я толкнулъ ее ногою.

— Не тронь, баринъ, это вода для парниковъ припасена, отозвался чей-то сонный голосъ.

Это былъ садовникъ, Петръ. Я отрезвился, ревность улетѣла, и, оглянувшись, увидѣлъ, что я очутился въ концѣ сада, гдѣ были парники и оранжереи. Бодрымъ и веселенькимъ шажкомъ, чуть не приплясывая, я отправился по направленію къ дому, прямо къ воротамъ, которыя выходили на дворъ. Точно чугунная гора съ меня свалилась. И домъ изъ-за деревьевъ глянулъ, и мой флигилекъ съ огоньками заблестѣлъ, и въ душѣ просвѣтлѣло. Не доходя до воротъ, я остановился, захотѣлось вздохнуть. Но... вздохъ мой замеръ на губахъ: вижу, шагахъ въ десяти отъ меня, Катенька съ какимъ-то мужчиною стоитъ и спокойно разговариваетъ. До сихъ поръ не постигаю, какъ они меня не замѣтили. Я, какъ вкопанный, наострилъ уши и немножко подался назадъ, чтобъ войти въ тѣнь. Но, кажется, эта предосторожность была лишняя, потому что я въ ту же минуту явственно услышалъ голосъ моей барышни:

— Нѣтъ, не пойду дальше, тамъ сыро, говорила она. — Я и безъ простуды доктора морочу. Будь покоенъ, Сержъ, будь покоенъ, онъ непремѣнно на мнѣ женится.

— О, я въ этомъ не сомнѣваюсь, отвѣчалъ мужской нахальный голосъ. — Только, пожалуйста, поскорѣе скрути этого докторишку....

При этомъ онъ чмокнулъ ее въ губы и быстро пошелъ по направленію къ калиткѣ, гдѣ стояла привязанная лошадь. Я едва вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ: такъ это было просто и безцеремонно.

Дальше разсказывать нечего.

Тамъ кончилась моя вторая любовь. Я въ ту же ночь въ штабъ отправился, прямо на квартиру къ капитану Мѣшкову.... Да, въ первый разъ восемь рюмокъ коньяку выпилъ! Зато и Катенька, точно отрѣзанный ломоть, навсегда отлетѣла отъ моей души.

Отлетѣла.... да и кузнечиковъ съ тѣхъ поръ я ненавижу болѣе, чѣмъ лягушекъ....

Только-что кончилась вторая исторія, какъ вдругъ началась третья.

Полкъ нашъ долженъ былъ отправиться въ Москву, на маневры. Я тоже примкнулъ и очутился среди лагерной жизни.

Въ одно жаркое послѣобѣденное время я лежалъ у себя въ палаткѣ. Вошелъ деньщикъ и объявилъ, что пришелъ какой-то человѣкъ и желаетъ переговорить со мною.

Это былъ не то вольноотпущенный, не то купчикъ, съ бѣлокурою бородкою, въ синей чуйкѣ, съ развязными манерами и плутовскимъ глазомъ.

— Что вамъ надо?

— Извините, ваше благородіе, я имѣю-съ къ вамъ важное дѣло.

— Ну-съ, говорите, что тамъ за важное дѣло!

— Прощенія просимъ, ваше благородіе; велите, напредъ-сего, солдатику вашему удалиться.... на малое мгновенье удалиться....

— Говори, братецъ, перебилъ я съ досадою: — у меня нѣтъ такихъ тайнъ, которыя отъ деньщика скрывать слѣдовало бъ.

— И радъ, да не могу-съ, ваше благородіе... Извольте хоть это въ соображеніе принять, что деньщикъ, конечно, царскій человѣкъ.... кто противъ этого-съ! Но когда рѣчь, примѣрно, промежь себя, да по душѣ, да по секрету пойдетъ, тамъ-съ.... и деньщикъ, хотя бы Егорій у него на груди висѣлъ, а все-таки и ему слѣдуетъ за дверью стоять.

Я сдѣлалъ знакъ — и деньщикъ удалился изъ палатки.

Я поглядѣлъ на него молча. Человѣкъ въ синей чуйкѣ замялся, тряхнулъ своею бородкою и вдругъ бойко заговорилъ:

— Не велите казнить, а прикажите рѣчь говорить, ваше благородіе!

— Полно, полно, безъ прибаутокъ, что тебѣ надо?

— Не по своему желанью, а по влеченью красной-дѣвицы къ вамъ пришелъ. Ступай, говорятъ, ступай, иди, Степанъ Алексѣевъ, и всю тайну моего дѣвическаго сердца ихъ благородію объяви.

— Ну?

— Вотъ-съ я и пришелъ, ваше благородіе, прямо въ палаточку къ вамъ. Спрашиваю крещеный народъ: гдѣ такой-то соколикъ живетъ? Вонъ тамъ, говорятъ, въ бѣлой палаточкѣ, борода.

— Ну?

Мое «ну» замѣтно отбавило краснорѣчіе у словоохотливаго разсказчика.

— Позвольте съ вашимъ высокоблагородіемъ ужъ по-просту говорить. Есть барышня-красотка, и она-то такъ васъ полюбила, что не приведи Господи, какъ! даже дѣвическую робость забыла, и проситъ, чтобъ вы къ ея папенькѣ пожаловали.

— Зачѣмъ?

— Извѣстно, зачѣмъ.... за нею капитальцу десять тысячъ есть. Прекрасная-съ жена, ваше благородіе, будетъ. Она хотѣла къ вамъ сваху подослать, да та побоялась: «не хочу, говоритъ, въ лагерь идти, не хочу; офицеры — буйный народъ, — такъ и норовятъ либо поцаловать, либо по лицу съѣздить.» А я тутъ какъ-то случился, да и говорю ей, свахѣ-то: «ахъ ты, московская дура! да я самъ къ ихъ благородію пойду, и увѣренъ, что рыла на сторону они мнѣ не свернутъ, а еще ихъ благородіе стаканчикъ водочки мнѣ поднесутъ».

— Въ первомъ ты не ошибся, братецъ, а что касается до стаканчика, такъ я тебѣ его не поднесу, ступай себѣ съ Богомъ. Я невѣстъ не ищу, и ты, видно, случайно ко мнѣ попалъ; ужь не послали ли тебя къ другому кому?

— Нѣтъ-съ, не къ другому, а прямо къ вашей милости. Мнѣ сама барышня, разсердившись на сваху, прямо наказала: «къ доктору, говоритъ, Степанушка, ступай; одно развѣдай — чтобъ онъ не пьющій человѣкъ былъ, — мнѣ лишь бы не пьяница только....»

Меня это разсмѣшило и взбѣсило вмѣстѣ. Какова отважность выйдти за человѣка совсѣмъ неизвѣстнаго! — и говорятъ, послѣ этого, что женщины не храбры! И каковы должны быть требованія души — *лишь бы не пьяница только*, а объ остальномъ.... объ остальномъ и помину нѣтъ!

Я открылъ двери и выразительно указалъ на нихъ моему свату, даже не желая знать, кто такая эта барышня. Не успѣлъ я еще закурить папироску, какъ вдругъ онъ снова ворвался ко мнѣ и жалобно заговорилъ:

— Ваше благородіе, приходите хоть въ церковь-то, что на Моросейкѣ, тамъ барышня у обѣдни будетъ... хоть посмотрите, авось полюбится вамъ. Сквозь землю готовъ провалиться, что вы съ нею въ любви, да въ согласіи будете жить. Ваше благородіе, отецъ родной, приходите же на Моросейку, къ обѣдни...

Охъ, Царица праведная, ужь какъ барышня-то, сердечная, васъ любитъ, любитъ....

«И этотъ тоже о любви толкуетъ!» воскликнулъ я, выпроводивши вторично за дверь моего свата. — «Пожалуй, и барышня горевать станетъ, сообщитъ подругѣ, что судьба ей не выходитъ, но что она влюблена, несчастная; пожалуй, и заплачетъ даже, а какая нибудь сваха и подскажетъ: «а все потому, что дѣло безъ меня, сударушка, начали.» Вѣдь выдумали жь словцо *«любовь»* и твердятъ его безъ устали; да, болѣе пошлаго, неопредѣленнаго и глупаго слова во всѣхъ лексиконахъ нѣтъ!...»

Само собою разумѣется, я въ церковь не пошелъ и тѣмъ и порѣшилъ это дѣло.

Я думалъ, что болѣе никогда слова *любви* въ жизни своей не встрѣчу, и съ наслажденіемъ, потирая руки, повторялъ себѣ: «о, какъ я буду счастливъ, когда меня любить перестанутъ». А между тѣмъ, черезъ три года, опять подвернулось это скверное словцо, этотъ безсмысленный звукъ, эта любовь... И я долженъ разсказать вамъ и объ этой любви, прибавилъ докторъ уныло. Но прежде дайте мнѣ пуншу и крѣпкую сигару; вы будете слушать, но за то я по крайней мѣрѣ не потеряю время, и добрую сигару выкурю.

Я сказалъ уже вамъ, что случилось это года три или четыре послѣ разсказанной исторіи.

Я былъ тогда человѣкъ уже положительный, то есть имѣлъ орденъ на шеѣ, пару лошадей, собственный экипажъ, и лишняя деньга у меня про запасъ водилась, что очень хорошо было извѣстно нашимъ офицерамъ... До сихъ поръ девять человѣкъ изъ нихъ долгъ мнѣ не отдали, но Христосъ съ ними! я готовъ имъ еще столько же занять за одно счастье, что вырвался изъ ихъ общества.

Полковой нашъ штабъ стоялъ тогда въ Каменецъ-Подольскѣ. Я преждевременно понадѣялся на себя и смѣло входилъ во всѣ общества, и ужь нисколько не дичился ни дамъ, ни дѣвицъ. Смотрѣлъ на нихъ просто, какъ на обыкновенныхъ смертныхъ, и твердо держался дѣйствительной почвы, считая остальное все вздоромъ, а себя человѣкомъ испытаннымъ и непоколебимымъ.

Однако, иногда чувствовалъ, что мнѣ чего-то не достаетъ... То сердце какъ-то глухо стукнетъ, то вдругъ ни съ того ни съ сего въ веселой бесѣдѣ задумаешься. Это меня бѣсило, и я упор-

но не хотѣлъ дать самому себѣ яснаго отчета. А причина, между тѣмъ, была, господа, но я передъ самимъ собою стыдился въ ней признаться. Я... какъ бы сказать? заинтересовался славнымъ, отличнымъ существомъ, молодымъ и граціознымъ... И мнѣ непріятно было, что передъ этимъ лукавымъ, ребяческимъ взглядомъ я не могъ оставаться вполнѣ спокоенъ. Сколько разъ, бывало, я принуждалъ себя устремить на нее юпитеровскій взглядъ, а только подойду — тотчасъ изъ Юпитера обращаюсь въ барашка. Тѣмъ болѣе это было досадно, что я, человѣкъ уже проученый, съ безпокойствомъ видѣлъ, что съ каждымъ Божьимъ днемъ моя самостоятельность упадывала. Я, напримѣръ, отличался всегда пунктуальностью, какъ нѣмецъ; если я рѣшу, положимъ, обѣдать дома, то пусть богъ-знаетъ-что произойдетъ, а я все-таки пообѣдаю дома. Я съ молоду пріобрѣлъ привычку заранѣе распредѣлять свой день, — и ужь измѣненія ни для кого не допускаю. А тутъ, какъ на грѣхъ, это хорошенькое, вертлявое существо въ прахъ разбивало мои привычки. Бывало, она скажетъ:

— Вы пойдете сегодня послѣ обѣда гулять со мною?

— Пойду, отвѣчаю я, и тутъ же внутренно покраснѣю, потому что, скажи мнѣ это другая особа, я безъ запинки отвѣтилъ бы: «нѣтъ, не пойду, я долженъ уснуть послѣ обѣда, это мнѣ здоровѣе прогулки». Въ другой разъ, рѣшусь сидѣть дома: присылаетъ полковница — отказываюсь, зовутъ товарищи — нейду, кличутъ больнаго осмотрѣть — я указываю на другаго доктора, и все-таки остаюсь дома. А слово сказать стоило ей — я былъ тутъ, какъ тутъ.

Въ жизнь мою я никогда не былъ въ болѣе зависимомъ и обидномъ положеніи. И чѣмъ она мнѣ нравилась такъ? Самъ не знаю, чѣмъ: ни ума, ни особенной красоты въ ней не было, но вся ея стройная, молодая фигурка была облита такой неизъяснимою граціею, что невозможно передать. Повернетъ свою головку — ну, никто въ мірѣ не съумѣетъ сдѣлать это такъ свободно и благородно, какъ она! Подыметъ глаза, что за взглядъ! Постучитъ ручкою по клавишамъ (играла она дурно), но ручка ея какъ-то особенно подымется и опустится легко, красиво. Бывало, прическу, или платье поправитъ, и то у ней какъ-то необыкновенно выходитъ. А ужь, бывало, какъ опрокинетъ слегка голову на спинку кресла, такъ налюбоваться невозможно.

Въ одинъ вечеръ я на нее долго, долго смотрѣлъ.

— Отчего вы на меня смотрите такъ пристально?

— Отчего? Я вамъ скажу послѣ когда нибудь.

— Ну, нѣтъ, скажите теперь. Я сдѣлаю для васъ все, что угодно, только скажите теперь.

— Все? возразилъ я шутя: — подумайте хорошенько: я, быть можетъ, попрошу васъ сдѣлать то, что вамъ будетъ не совсѣмъ пріятно?

— Что же это, докторъ? Развѣ вы хотите заставить меня яду выпить? или другое какое нибудь лекарство?

— Нѣтъ, это много. Мое требованіе будетъ гораздо легче и удобоисполнимѣе.

Въ эту минуту вошелъ въ комнату одинъ изъ нашихъ офицеровъ, и продолжать долѣе разговоръ намъ обоимъ показалось неловко.

На другой день она завела снова объ этомъ рѣчь.

— Такъ ваше требованіе легко и удобоисполнимо?

— Да, требованіе мое самое маленькое.

— Въ такомъ случаѣ напередъ обѣщаюсь его исполнить, но прежде доскажите то, чего вы не договорили вчера.

— Нѣтъ, прежде я долженъ видѣть, какъ-то вы исполните то, о чемъ я вамъ скажу, а то, пожалуй, вы меня обманете.

— Нѣтъ, нѣтъ, право не обману. Развѣ это можно? Я полагаю, докторъ, что нѣтъ болѣе тяжкаго грѣха, какъ обманывать другихъ, — не правда ли?

Какой взглядъ, какое выраженіе были въ эту минуту на ея лицѣ! При этомъ она какъ-то гордо выпрямилась и скрестила такъ красиво свои руки, что просто бери кисть и рисуй эту прелестную позу.

— Что же, скажете вы, наконецъ? нетерпѣливо твердила она, смѣясь и шаловливо качая головой въ обѣ стороны.

Но я и тутъ удержался, превозмогъ себя и ничего ей не сказалъ, боясь остаться въ дуракахъ, потому что на губахъ моихъ уже шевелилось признаніе въ любви.

Я ушелъ домой, твердо рѣшившись не видаться болѣе съ нею. Но въ тотъ же вечеръ получилъ отъ нея коротенькую записку:

«Если вы не придете завтра къ намъ обѣдать, я поссорюсь «съ вами на вѣкъ. Вы должны прійдти, если у васъ есть хоть «крошечка сердца».

Ворочалъ я эту записочку, ворочалъ, а кончилось тѣмъ, что на другой день отправился къ нимъ обѣдать.

Она была еще лучше и граціознѣе въ тотъ день. Подали обѣдъ и я усѣлся около нея. «Откуда», думалъ я: «берется у ней столько разнообразія въ движеніяхъ, такая прелесть во всемъ»?

Пока я это думалъ, она, обратившись къ своей матери, со смѣхомъ заговорила:

— Вы не замѣчаете, маменька, какъ докторъ охуждаетъ нашъ супъ, и брови у него надвинулись, и ложкою какъ-то лѣниво онъ двигаетъ.

— О, нисколько! отвѣчалъ я, пойманный врасплохъ.—Супъ очень хорошъ.

— Что же, скажете вы, наконецъ? вдругъ заговорила она, припоминая нашъ прежній разговоръ, съ такою милою, недовольною гримасою, что я невольно разсмѣялся.

— Ахъ, Полинька, не мѣшай доктору кушать, отвѣчала мать:—а то ты, пожалуй, совсѣмъ ему надоѣшь.

Надо вамъ знать, что мать ея была женщина небогатая, даже бѣдная, поэтому, немудрено, что я старухѣ казался выгоднымъ женихомъ, и она меня баловала.

— Вы думаете послѣ обѣда соснуть? отнеслась ко мнѣ Полинька.

— Думаю.

— А если я вамъ сыграю изъ «Лукреціи Борджіи»?

— Я терпѣть не могу музыки; сонъ, право, слаще.

— А если я вамъ разскажу одну маленькую исторію?

— Я послушаю.

— И спать не будете? спросила она.

— Не буду.

— Ахъ, маменька, закричала она съ торжествующимъ лицомъ:—докторъ спать не будетъ! гдѣ бы записать уголькомъ это диво: на потолкѣ, или стѣнкѣ?

— Гдѣ хотите, но только не забывайте, отвѣчалъ я:—если не спать вы находите жертвою съ моей стороны, то и вы должны постараться сообщить мнѣ что-нибудь необыкновенное.

— Постараюсь, отвѣчала она, и задумалась.

Дѣйствительно, она *постаралась*, и когда мы остались, послѣ обѣда, вдвоемъ, она незамѣтно заставила меня сознаться, что я влюбленъ въ нее, и тутъ же объявила, что она меня любитъ еще больше, чѣмъ я ее. Я припалъ къ рукѣ ея и долго не вѣ-

рилъ своему счастію. Тутъ же мы начали проэктировать о нашихъ будущихъ планахъ и рѣшили, по ея совѣту, до поры-до времени ничего не говорить старухѣ. Полинька хотѣла поразить ее разомъ: заказать потихоньку вѣнчальное платье и обручальныя кольца и потомъ просить у ней благословенія, и, безъ всякаго шуму и эфекту, отправиться прямо въ церковь.

Меня восхитила эта мысль, въ которой не было никакого пустаго тщеславія, свойственнаго молодымъ дѣвушкамъ, любящимъ тотчасъ ударить въ набатъ по цѣлому городу, разъѣзжать по знакомымъ и хвастать жениховыми подарками.

— Какъ же мы это сдѣлаемъ, проговорила Полинька: — вѣдь, маменька, пожалуй, замѣтитъ, если я возьму у ней деньги?

— Конечно, замѣтитъ, Полинька, ты этого не дѣлай. Я завтра же вручу тебѣ деньги, только скажи, сколько надо?

— Ахъ, я, право, не знаю! отвѣчала она наивно.—Это не будетъ для тебя много, если, напримѣръ, тысячу... ай, нѣтъ, что я говорю, это много, намъ нужно быть экономными.

— Нѣтъ, нѣтъ, не много, отвѣчалъ я, цѣлуя ее руки. — Я завтра же принесу тысячу рублей.

— О, въ такомъ случаѣ, весело отвѣчала она:—я черезъ недѣлю все устрою.

— Будто такъ скоро? Смотри, чтобъ не догадались.

— О, будь спокоенъ, мой милый, мой ненаглядный! Вѣдь я теперь еще болѣе тебя люблю, потому что ты мой! воскликнула она и отъ всего сердца поцаловала меня въ губы.

На другой день я отдалъ ей деньги. Цѣлая недѣля прошла для меня самая блаженная: я каждый день видался съ нею, исключая часовъ, когда она уходила дѣлать приготовленія къ нашей свадьбѣ. Все нами было обдумано такъ ловко, что даже старуха ничего не подозрѣвала; я самъ все забывалъ, когда Полинька возвращалась домой веселая, довольная и съ лукавой улыбкою, которая мнѣ ясно говорила: «дѣло идетъ хорошо!»

— Не надо ли еще денегъ? спрашивалъ я украдкою.

— Нѣтъ, шептала она: — не надо...

— Да можетъ быть тебѣ болѣе надо заказать?

— Нѣтъ, милый, надо спѣшить, съ бѣльемъ возни много.

— И мы жали другъ другу руки и только перекидывались веселыми взглядами. Этотъ шопотъ, эти недосказанныя рѣчи, маленькія хитрости противъ старухи, поцалуй, схваченный на лету, радостное волненіе и поджиданіе, нетерпѣливое поджида-

ніе свѣтлаго, лучезарнаго будущаго, съ ускоренною тревогою сдержаннаго чувства... помню, какъ одинъ разъ она торопливо вырвала маленькую картинку изъ своего альбома, завернула въ душистую ленту изъ пунцоваго бархата и проворно сунула мнѣ за жилетъ.

— Зачѣмъ это? спросилъ я.

— Такъ, я отъ счастія рѣшительно не помню, что дѣлаю! отвѣчала она.—О, ты не знаешь, какъ много ты сдѣлалъ для меня, ты воскресилъ меня...

Въ субботу, наканунѣ дня, когда мы должны были объявить весь нашъ заговоръ старухѣ, я нарочно провелъ цѣлый день дома, чтобъ и съ своей стороны сдѣлать кой-какія распоряженія. Я видѣлъ, что намъ придется еще одну недѣльку подождать. «Ни я, ни Полинька», разсуждалъ я: «не успѣли еще всего приготовить».

Съ этою мыслью отправился я, въ воскресенье утромъ, къ ихъ дому, чтобъ предварительно переговорить съ Полинькою, никакъ не думая, что моя несравненная, дорогая Полинька успѣла уже все приготовить...

Почти въ одно время я и старуха узнали, что Полиньки нѣтъ въ городѣ... она, ночью, бѣжала... бѣжала съ однимъ маленькимъ, незначительнымъ чиновникомъ. Онъ, видно, нравился ей давно; но старуха и слышать не хотѣла объ ихъ бракѣ; Полинька же, получивъ средства, ускакала съ нимъ изъ города и перевѣнчалась.

Вотъ чѣмъ кончилось все дѣло. А старуха-то, мать ея, вѣдь до сихъ поръ убѣждена, что я помогалъ этому бѣгству...

Вы можете представить себѣ, какъ подѣйствовало на меня это происшествіе, и какія послѣ того усилія употреблялъ я, чтобъ рѣшительно не имѣть никакихъ столкновеній съ женщинами. Однако, видно, чему быть, того не миновать никакимъ образомъ, — и всѣ мои старанія не повели ровно ни къ чему.

Довелось мнѣ прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ одномъ прескверномъ, прескучномъ губернскомъ городѣ. Какъ ни былъ ожесточенъ я противъ всевозможныхъ семействъ и обществъ, однако, подъ-часъ, меня разбирала тамъ сильная скука. А тутъ еще осень подступила съ своими темными вечерами, съ своими сѣрыми непогодами...

Вотъ, въ одинъ изъ такихъ злополучныхъ вечеровъ, присылаютъ за мною просить въ домъ баронессы Д...

— «Сынокъ захворать изволилъ», сказалъ мнѣ присланный ими лакей. — «Домашній-то докторъ ихъ превосходительства уѣхалъ, — такъ матушка баронесса всю надежду на васъ полагаютъ».

Пріѣзжаю. Точно ослѣпило меня, — такое кругомъ великолѣпіе. Лѣстница, устланная коврами, вся въ цвѣтахъ, освѣщенная лампами. А комнатъ-то, комнатъ...

Больной былъ мальчикъ лѣтъ 12-ти, и лежалъ въ небольшомъ жару, окруженный гувернёрами и прислугою.

Осмотрѣвъ его и сдѣлавши нужныя распоряженія, я хотѣлъ было ужь и домой направиться, да въ эту минуту подошелъ ко мнѣ тотъ же лакей и сказалъ, что «баронесса меня просить къ себѣ на половину изволили.»

Это меня покоробило... Однако, утѣшая себя тѣмъ, что, по всей вѣроятности, визитъ этотъ кончится ничѣмъ, и что у меня никогда не можетъ быть ничего общаго съ какой нибудь богатой баронессой, — я храбро направился за показавшимъ мнѣ дорогу человѣкомъ.

Чрезъ нѣсколько секундъ очутился я лицомъ къ лицу съ его барыней, сидѣвшей какъ-то необыкновенно величественно на бархатномъ диванѣ, въ глубинѣ своего роскошнаго, прихотливаго кабинета.

Около нея сидѣла еще какая-то дама, но я, подъ вліяніемъ своей злобы на весь прекрасный полъ, — и глядѣть на нее не хотѣлъ, а стоялъ и ждалъ объясненія, для чего угодно было видѣть меня ея превосходительству?

— Садитесь, докторъ, сказала мнѣ баронесса самымъ пріятнымъ, аристократически-утонченнымъ тономъ: — и скажите мнѣ, ради Бога, что съ моимъ сыномъ?

Я успокоилъ её и сказалъ, что болѣзнь вовсе незначительна.

— Ахъ, благодарю васъ, благодарю васъ; вы меня воскрешаете!.. а я даже не рѣшалась взглянуть на него! — и она поднесла вышитый платокъ къ глазамъ.

Какъ ни старался я уйти, а сдѣлать этого не было ни малѣйшей возможности: баронесса рѣшительно не пускала меня и безпрестанно говорила, «что она очень рада, что встрѣтила въ этомъ скучномъ городѣ такого милаго и пріятнаго знакомаго».

— Мужъ мой уѣхалъ по дѣламъ, добавила она: — и я постоянно одна, скучаю вотъ здѣсь съ моей кузиной.

Тутъ сидѣвшая около нея дама приподнялась, и я долженъ

былъ поневолѣ поглядѣть на нее: это была не то молодая и не то старая, разряженная особа, поклонившаяся мнѣ съ большимъ достоинствомъ. Я просидѣлъ у нихъ еще нѣсколько времени и наконецъ ушелъ, вынужденный дать слово, что буду бывать у нихъ какъ можно чаще.

Мальчикъ, противъ моихъ ожиданій, поправлялся довольно медленно; я поневолѣ бывалъ у нихъ каждый день, и каждый разъ, по окончаніи моего визита въ дѣтской, являлся передъ мною тотъ же лакей и тѣмъ же невозмутимымъ тономъ объявлялъ: «пожалуйте въ кабинетъ къ баронессѣ».

Кончилось тѣмъ, что я, наконецъ, привыкъ къ этимъ барынямъ.

И въ самомъ дѣлѣ, обращеніе ихъ и обстановка были такого рода, что могли разубѣдить хоть какого заклятаго врага женщинъ. Разговоръ шелъ обыкновенно дѣльный; баронесса и ея кузина читали много, знали толкъ во всемъ; и, казалось, такъ мало имѣли претензій на обыкновенныя женскія замашки, и между тѣмъ незамѣтно такъ умѣли ловко польстить иногда моему самолюбію, что я чувствовалъ себя необыкновенно пріятно въ ихъ домѣ. Сидишь, бывало, въ ихъ уютномъ, какъ игрушечка убранномъ кабинетикѣ, и даже забываешь, что возлѣ тебя сидятъ недоступныя аристократки: и говорили-то онѣ, бывало, только то, что было мнѣ ближе и пріятнѣе.

Баронесса иногда по цѣлымъ часамъ расправшивала меня о службѣ, о моихъ занятіяхъ...

— Что вы не переходите въ Петербургъ? спросила она у меня однажды. И потомъ, какъ бы размышляя о чемъ-то, добавила: — вотъ пріѣдетъ мужъ, это будетъ моя первая къ нему просьба...

«И все это ни за что, такъ, даромъ!» думалъ я. «Вотъ какъ важны иногда бываютъ послѣдствія какой нибудь ничтожной встрѣчи!»

Сначала я косился, правда, нѣсколько на эту чопорную кузину: на меня наводила непріятное чувство всякая незамужняя женщина; да къ тому же, не любилъ я, бывало, когда она садилась пѣть и вѣчно требовала, чтобъ я переворачивалъ ей ноты и потомъ разсказывалъ, какъ подѣйствовало на меня ея пѣніе.

Но потомъ и къ этому привыкъ я. Меня успокоило ея уже отжившее, нѣсколько подрумяненное лицо, ея накладные локоны и вѣчные разговоры объ ученыхъ предметахъ. «По всему

видно», думалъ я: «что пора ея прошла. Да и что ей во мнѣ? Экъ, напугали меня, подумаешь, эти пошлыя барышни! Здѣсь и мысль-то не можетъ прійдти о подобной грязи!»

Мы иногда и веселились. Такъ однаъ разъ составилась у насъ поѣздка на загородную мызу баронессы, и мы всю ночь прокатались съ горъ и протанцовали.

Передъ отъѣздомъ домой, кузина баронессы подошла ко мнѣ и очень мило попросила покатать ее немножко съ горъ.

Мы отправились, и я благополучно проѣхался съ нею раза четыре, какъ вдругъ, помогая въ послѣдній разъ встать ей съ саней, я замѣтилъ, что руки моей дамы какъ-то опустились и что она падаетъ...

— Что съ вами? спросилъ я ее, и наклонившись, увидалъ, что ей дѣлается дурно. Я схватилъ ее и кое-какъ дотащилъ до бывшаго тутъ недалеко павильона. Къ счастью, онъ былъ освѣщенъ, и я, усадивъ мою даму на диванъ, побѣжалъ за стаканомъ воды.

Общество, между тѣмъ, снова возвратилось въ залу и танцовало; я не хотѣлъ тревожить баронессы и объявлять ей о положеніи ея сестры.

Прихожу — дама моя совсѣмъ умираетъ: глаза закрыты, поблѣднѣла, руки висятъ и какъ ледъ холодны... Наконецъ, я привелъ ее въ чувство.

— Докторъ, это вы? спросила она меня слабо, и вдругъ, съ испугомъ оглядѣлась кругомъ.

— Ахъ, ради Бога, докторъ, пойдемте, пойдемте отсюда скорѣе! И она встала и шатаясь схватила меня за руку.

— Ахъ, что вы со мною надѣлали, ахъ, это несчастное катанье, ахъ, какъ все это неприлично! и зачѣмъ я съ вами? что обо мнѣ теперь подумаютъ! Боже мой, какъ не хочется мнѣ идти въ эту скучную залу!

И она старалась идти, спотыкаясь и почти падая на каждомъ шагу.

При входѣ въ залу, насъ встрѣтила баронесса, и лукаво посмотрѣвъ на насъ, погрозила пальчикомъ...

По пріѣздѣ домой, больная моя слегла въ постель, и несмотря на всѣ мои противорѣчія, увѣряла, что она чувствуетъ себя очень дурно.

Спустя нѣсколько времени, я пришелъ къ нимъ съ отвѣтомъ по одному порученію баронессы, очень рано утромъ. Узнавъ

отъ людей, что господа еще почиваютъ, я взялъ газету и расположился подождать ихъ въ залѣ.

Изъ сосѣдней комнаты долеталъ до меня шумъ метущей полъ щетки. Погодя нѣсколько, я услышалъ разговоръ:

— Что жь, скоро ль конецъ-то у васъ будетъ? говорилъ мужской голосъ. — Аль не все еще приготовили къ свадьбѣ?

— Хорошо вамъ спрашивать-то, Григорій Матвѣичъ, отвѣчалъ тоненькій женскій голосъ, вѣроятно принадлежавшій горничной: — а побыли бы вы на моемъ мѣстѣ, такъ не то заговорили бы. Вчера вонъ, такъ-то меня избила да изщипала, «всѣ волосы, говоритъ, тебѣ выдергаю, коли ты не причешешь меня, какъ я хочу... И безъ того, говоритъ, по твоей милости я на урода похожа!»

Наступило небольшое молчаніе, и снова послышалось шарканье щетки.

— Да и что жь это, опять заговорилъ мужской голосъ: — она такъ привязалась къ нему? Коли не подается, нешто другихъ жениховъ мало?

— Да, скоро найдутъ опять дурака такого,—какъ же, держи карманъ! отвѣчала горничная: — намедни Настя изъ магазина подслушала, какъ онѣ тамъ бранились съ барышней-то, по-французскому: моя-то все плачетъ, а барыня-то кричитъ на нее, «что, молъ, коли ты еще этого осла-доктора не поймаешь, такъ я, говоритъ, больше тебя и знать не хочу; и безъ того, говоритъ, того и гляди, старое-то узнаетъ, тогда и поѣзжай ты отъ меня хоть на всѣ четыре стороны; и такъ я для тебя довольно разорилась, теперича одинъ пикникъ, говоритъ, чего мнѣ стоитъ!...»

Услыхавъ такіе разговоры, я всталъ, тихонько пробрался въ переднюю и свободно вздохнулъ только на свѣжемъ воздухѣ.

Въ продолженіе трехъ дней, въ которые я не показывался къ баронессѣ, ко мнѣ принесли отъ нея ровно шесть записокъ. Послѣдняя заключала въ себѣ самое нѣжное поздравленіе съ днемъ моего ангела, и самое любезное приглашеніе провести этотъ день въ ея семействѣ, запросто, «а можетъ быть», прибавлялось въ запискѣ: «мы и потанцуемъ».

Я внутренно хохоталъ и съ какой-то дикой злостью перечитывалъ эту аристократическую записку...

На этомъ занятіи засталъ меня одинъ пріятель. Я разсказалъ ему подслушанный утромъ разговоръ и показалъ записки.

Пріятель мой былъ веселый малый, и плачевная развязка такъ блистательно начатаго мною знакомства послужила ему только средствомъ лишній разъ повеселиться.

Мы довольно долго съ нимъ поспорили, и кончилось тѣмъ, что, заранѣе кое-въ-чемъ другъ съ другомъ условившись, мы отправились на званый вечеръ.

Когда мы вошли, гости уже танцовали. Едва пробрались мы съ пріятелемъ въ особую, свободную комнату, какъ къ намъ подошла баронесса подъ руку съ своею кузиною. Надѣлавъ самыхъ милыхъ выговоровъ за долгое отсутствіе, онѣ стали звать меня танцовать.

— Я сегодня рѣшительно, кромѣ васъ, докторъ, ни съ кѣмъ танцовать не хочу! сказала кузина баронессы и подала мнѣ руку. Но я попятился назадъ и сухо поклонился.

— Въ такомъ случаѣ, вы навсегда, значитъ, распрощались съ танцами, отвѣчалъ я ей.

— Почему это?

— Потому, что я не танцую больше.

— Ни съ кѣмъ?

— Это смотря по обстоятельствамъ...

— Ну, такъ вы? обратилась сконфуженная дама къ моему пріятелю.

— Я съ большимъ бы удовольствіемъ, отвѣчалъ онъ, и юркнулъ за стулъ:—да вотъ докторъ запретилъ мнѣ: «говоритъ, я и лечить тебя не стану, коли ты натрудишь изъ пустяковъ свою больную ногу».

— Ну, такъ можно будетъ устроить фанты, сказали обѣ хозяйки, едва замѣтно переглянувшись между собою:—докторъ будетъ оракуломъ!

И меня усадили, накрыли мою голову платкомъ и поочереди стали спрашивать будущее.

Долго подглядывалъ я сквозь платокъ, скоро ли подойдетъ съ вопросомъ моя «суженая»... Наконецъ, почувствовалъ, какъ ея худая рука легла мнѣ на голову...

— Это существо фальшивое, сказалъ я. — Фальшивое съ головы до ногъ, и совѣтовалъ бы я ему почаще вспоминать свое прошедшее и помнить, что «стараго воробья на мякинѣ обмануть трудно!»

— Вы все загадками говорите, докторъ, сказала мнѣ кузина баронессы, когда игра кончилась.

— Теперь давайте разыгрывать фанты: чей фантъ вынется, что тому дѣлать?

По секрету сказать каждому на ухо, сказалъ кто-то.

— Доктору, доктору! закричала кузина баронессы, подавая мнѣ вынутый ею фантъ.

Всѣ усѣлись, и я сталъ обходить публику, говоря каждому по секрету.

— Я знаю всѣ ваши продѣлки, сказалъ я тихо кузинѣ баронессы, когда очередь дошла до нея, и она наклонилась ко мнѣ, бросивъ сначала нѣжный взглядъ: — и совѣтую скорѣе прекратить ваши любезности, потому что я въ послѣдній разъ у васъ въ домѣ и никогда и не думалъ на васъ жениться...

На этотъ разъ, она не съумѣла овладѣть собою и, что-то несвязно пробормотавъ своей сестрѣ, вышла сконфуженная изъ комнаты...

Многіе изъ гостей переглянулись съ улыбкою. Видно было, что каждому моему слову съ кузиною баронессы всѣ привыкли придавать особенное значеніе.

— Нѣтъ, рѣшительно танцовать веселѣе, сказала баронеса: — докторъ! прибавила она съ упрекомъ тихо: — вѣдь этотъ вечеръ я устроила именно для васъ, а вы имъ не хотите и пользоваться!

— Пусть пользуются другіе, отвѣчалъ я ей также тихо: — а обо мнѣ напрасно безпокоились!

За ужиномъ мы сѣли съ пріятелемъ на концѣ стола и довольно удачными остротами встрѣчали многочисленные тосты, вызываемые хозяйкою въ честь имянинника.

— Пей больше, говорилъ мнѣ мой пріятель: — вѣдь ты имянинникъ! «Господа! за здоровье имянинника!» кричалъ онъ нетвердымъ языкомъ, покачиваясь во всѣ стороны: — пей, обращался онъ снова ко мнѣ: эффектнѣе отдѣлаешься!

Между тѣмъ баронесса хмурилась, а кузина ея сидѣла, какъ приговоренная къ смерти.

Едва кончился ужинъ, ко мнѣ подошла баронесса, и взявъ меня подъ руку, увела въ свой кабинетъ.

— Я вынуждена переговорить съ вами, докторъ, сказала она мнѣ, сдерживая свой гнѣвъ: — вы должны объяснить мнѣ, что все это значитъ? какъ понять должны мы ваше поведеніе?

— О чемъ вы говорите, баронесса? потрудитесь выразиться яснѣе.

— Ну, хорошо! я скажу вамъ прямо: — развѣ такъ обращаются съ особой, которая васъ любитъ?

— Съ кѣмъ это, смѣю спросить?

— Полноте хитрить, докторъ! вѣдь я давно все знаю! развѣ неизвѣстно вамъ, что весь городъ говоритъ, что кузина моя ваша невѣста...

— Невѣста? моя? давно ли порѣшили вы это съ вашей кузиной?

— А! закричала баронесса: — такъ вы еще и съ дерзостями! хорошо же: вотъ прiѣдетъ мой мужъ!... Неужели, продолжала она съ злостью: — вы были такъ просты, что думали, что мы принимаемъ васъ безъ всякой цѣли? И за *что* же мы ласкали васъ, за *что* принимали?

— За ласки, извините баронесса, отвѣчалъ я: — платить вамъ тѣмъ же я не хочу, а что касается до прiемовъ вашихъ, до издержекъ насчетъ меня, пришлите мнѣ счетъ, я заплачу.

И я поклонился и вышелъ.

Долго послѣ трезвонила по городу обо мнѣ баронесса, и потерпѣлъ же вѣдь я изъ-за нея: во многихъ домахъ мнѣ отказали въ практикѣ.

Въ то время, когда происходили всѣ эти плачевныя исторiи по части любви, служба моя, напротивъ, шла великолѣпно.

Все, что только выходило изъ круга любви, удавалось мнѣ какъ нельзя лучше. Я составилъ себѣ изрядную репутацiю, какъ докторъ, пацiентовъ у меня было пропасть и, не хвастаясь скажу, я былъ общимъ любимцемъ. Даже у людей самыхъ сосредоточенныхъ и гордыхъ я всегда находилъ привѣтливое расположенiе къ себѣ, добрую улыбку и откровенное слово. То, что другимъ не прощали, для меня сходило всегда легко, безъ всякихъ послѣдствiй: вообще, люди были ко мнѣ скорѣе добры, чѣмъ злы. Но — непостижимая вещь!—чуть-чуть дѣло касалось любви, какъ нарочно, все выходило замѣчательно гадко. Богъ вѣсть, наружность ли моя ужъ такая, что ничего другаго не можетъ внушить женщинѣ, кромѣ одной мысли—смотрѣть на меня, какъ на подставнаго жениха, или что либо другое, но женщины, и однѣ только женщины, терзали, кололи, посягали на мое счастье. Ужъ я ли не былъ остороженъ на этотъ счетъ, но ничего не помогало, ничего не спасало.

Судите сами, господа.

Перешелъ я изъ военной службы въ гражданскую, и на от-

личное мѣсто еще перешелъ. Одна только слава, что есть начальство, а въ сущности, и больница, и фельдшера, и кругъ моихъ занятій предоставлены были совершенно мнѣ. Зажилъ я чудесно: поселился въ деревнѣ, не вдалекѣ отъ города; завелся хорошими книжками, сталъ мужичковъ лечить съ любовью и стараніемъ, не думая ни о какихъ визитахъ,—благо, жалованье хорошее, квартира просторная, подъ окномъ сиренью пахнетъ, въ двухъ шагахъ судоходная рѣка протекаетъ; пароходы взадъ и впередъ каждый день снуютъ: стоитъ сѣсть только, и въ городѣ черезъ часъ очутился, и для хозяйства купилъ все, что надо. Кромѣ того, меня навѣщалъ хорошій, небольшой кружекъ умныхъ пріятелей; натянемъ парусъ, сядемъ въ лодку и пѣсенку запоемъ,—словомъ, не жизнь была, а просто отдыхъ душевный.

Между тѣмъ мнѣ надо было, по дѣламъ, съѣздить на нѣсколько дней въ Петербургъ. Тамъ познакомился я съ однимъ чиновникомъ, милымъ и неглупымъ человѣкомъ. Сталъ онъ расспрашивать меня о моей жизни; расхвастался я своею деревенскою жизнью и, глядя на его больное, измученное лицо, предложилъ ему пріѣхать ко мнѣ погостить лѣтомъ.

— Что вамъ стоитъ, заключилъ я: — тутъ по желѣзной дорогѣ, а тамъ пересядете на пароходъ и, въ нѣсколько часовъ, къ самому порогу моей квартиры доѣдете.

Тѣмъ и кончилось; я возвратился домой, забылъ о чиновникѣ, но чиновникъ обо мнѣ не забылъ. Черезъ нѣсколько времени получаю отъ него письмо. Пишетъ, что хочетъ воспользоваться моимъ приглашеніемъ и, вмѣсто петербургской дачи, предпочитаетъ провести лѣто въ деревнѣ, на берегахъ Волхова.

Лишній человѣкъ въ деревнѣ — не лишній, поэтому я тотчасъ отписалъ, что жду его съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, мнѣ хотѣлось и подлечить немножко этого господина, сильно страдавшаго грудью.

Въ одинъ день, пароходъ подвезъ ко мнѣ ожидаемаго гостя, но не одного... Я не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ, когда увидѣлъ изъ окна, что ко мнѣ на крыльцо взбирались сперва извѣстный мнѣ чиновникъ, потомъ какая-то старуха, потомъ молодая женщина, за нею другая, тоже молодая, далѣе горничная, а за горничною нянька съ ребенкомъ: цѣлыхъ шестеро штукъ, исключая ревущаго ребенка. Сильно мнѣ это не понравилось, но нечего дѣлать — пошелъ на встрѣчу.

Чиновникъ мой замѣтно былъ сконфуженъ; я тотчасъ по лицу его догадался, что это нашествіе не отъ него зависѣло, а ему только приказали везти всю эту обозу вмѣстѣ съ собою. Мнѣ даже жаль его сдѣлалось, и я старался принять ихъ ласковѣе. Тутъ онъ мнѣ представилъ свою жену, женину мать, свояченицу и нѣсколько оправился отъ перваго замѣшательства.

— Какая у васъ большая квартира, замѣтила старуха-мать. — Вотъ, говорятъ, деревня, а поди, какія палаты бываютъ. Мебель, позвольте спросить, ваша?

— Моя.

— Собственная?

— Собственная.

— Заказная, или купленная?

— Купленная.

— Вотъ такая же точно мебель была у моего дяденьки, когда они были частнымъ приставомъ... Ахъ, и фруктовый садъ есть... онъ тоже принадлежитъ вамъ?

— Да.

— Какія чудесныя яблоки въ немъ растутъ, воскликнула молодая дѣвушка.

— Да, пояснила мать: — это мирончики...

— Ай, нѣтъ, маменька, это карабовки...

— Говорю тебѣ, душенька, что это мирончики: десятокъ такихъ яблоковъ въ Петербургѣ, на Садовой, трехрублевый стоитъ — и не подходи лучше! А вотъ этотъ орѣховый столъ... орѣховый, кажется?

— Орѣховый, подтвердилъ я почтительно.

— Двѣ капли воды похожъ на тотъ, который былъ у моего дяденьки, и также о двѣнадцати ножкахъ. Помнишь, Дунечка, онъ еще въ столовой у него стоялъ?

— Ахъ, помню, помню, маменька! съ жаромъ воскликнула молодая дѣвица. — Онъ еще на немъ устроивалъ о Рождествѣ ёлку.

— Ну, да, тотъ именно. Боже мой, какая дивная мебель была у моего дяденьки, заключила старуха и при этомъ снова окинула быстрымъ, орлинымъ окомъ мои комнаты. — Не хвастаясь, доложу вамъ, батюшка, у дяденьки моего чудная, божественная квартира была! А вотъ это зеркало, добавила она съ пріятною улыбкою; — немножко криво у васъ виситъ, гвоздочки надо переставить.

Я почувствовалъ, что старуха съ первыхъ же словъ хочетъ взять меня подъ свое покровительство, и понялъ ту молчаливую, страдательную роль, какую разыгрывалъ несчастный зять въ ея присутствіи. Онъ молчалъ и только изрѣдка болѣзненно кашлялъ.

Наконецъ кой-какъ я ихъ устроилъ. Отвелъ имъ почти весь домъ, а самъ помѣстился въ одной комнаткѣ. Тутъ такая пытка для меня началась, что и представить невозможно.

Старуха покою мнѣ не давала, дѣлала прямые и косвенные намеки на прежнее свое величіе (а величіе-то ея все состояло въ томъ, что дяденька ея былъ въ Петербургѣ частнымъ приставомъ), шипѣла противъ моей кухарки, замѣчала, что она скверного характера и дурно бѣлье мнѣ моетъ. Дочка ея, дѣвица, тоже не отставала отъ матушки — сплетничала по утрамъ, наряжалась къ обѣду и говорила мнѣ любезныя пошлости. Старшая сестрица, замужняя, удерживала ее, давая почувствовать, что молодой дѣвушкѣ негодится быть такимъ сорванцомъ; меньшая злилась на нее и плакала, безпрерывно жалуясь матери,— словомъ, я увидѣлъ вполнѣ, что такое семейная жизнь людей бѣдныхъ, грубыхъ и дурно воспитанныхъ. Одинъ только страдалецъ-мужъ похожъ былъ на человѣка: заткнетъ, бывало, уши и по цѣлымъ днямъ сидитъ надъ рѣкою и грѣется на солнышкѣ. Онъ вовсе не походилъ на того умнаго и развязнаго человѣка, какимъ я видѣлъ его въ Петербургѣ; въ присутствіи семьи онъ ничего не говорилъ и какъ-то скорбно и робко смотрѣлъ все въ землю. Богъ-вѣсть, какимъ образомъ онъ попалъ въ такую семейку.

— Иванъ Иванычъ, Иванъ Иванычъ, кричала однажды молодая дѣвица, стуча ко мнѣ въ окно.—Велите устроить мнѣ качели, я страхъ какъ люблю качаться.

— Можно будетъ устроить, подождите, отвѣчалъ я равнодушно, выглядывая на улицу, гдѣ молодая дѣвушка, вооружившись палкою, отчаянно махала ею на собравшихся деревенскихъ ребятишекъ.

— Когда же вы устроите, Иванъ Иванычъ, качели-то?

— А вотъ, какъ нибудь, современемъ.

— Какой милый отвѣтъ! И вамъ не стыдно, Иванъ Иванычъ, если я умру здѣсь со скуки.

— Не умрете, отвѣчалъ я тѣмъ же равнодушнымъ тономъ.

Она надулась. Я обрадовался, полагая, что послѣ этого раз-

говора, она оставитъ меня въ покоѣ. Не тутъ-то было: не прошло и часу, какъ она стала хохотать и снова вызывать меня. Я открылъ окно, и что же вижу? моя дѣвица привязала веревку къ двумъ столбамъ у садовой калитки и, сидя лицомъ ко мнѣ, со всего размаху летаетъ себѣ по воздуху.

— Вотъ на зло вамъ, кричала она: — я устроила для себя качели.—Нянюшка, нянюшка! продолжала она:—подай мнѣ маленькаго Васю, я его тоже покачаю.

— И, барышня, въ умѣ ли вы! сердито отвѣчала няня, защищая груднаго ребенка. — Да вы эдакъ головку ему свернете.

Барышня расхохоталась и, по прежнему, продолжала размахивать себя.

Сценъ въ подобномъ родѣ было множество. Ни крестомъ, ни пестомъ не могъ я отдѣлаться отъ этой развязной барышни. На всѣ ея продѣлки, мать смотрѣла съ какимъ-то умиленіемъ ослѣпленной индѣйки.

— Вотъ такая же точно и я была въ дѣвкахъ, обыкновенно замѣчала она. И такая я была ловкая, да сильная, что когда придетъ, бывало, охота подурачиться, такъ любого мужчину за поясъ заткну... И у Дунечки моей такая же рѣзвость, все бы порхать ей, моей голубушкѣ. Извѣстно, невинная молодость, что ей!...

Поощряемая такимъ образомъ матушкою, Дунечка вела себя крайне неприлично. Одинъ разъ, за обѣдомъ, она, какъ маленькая дѣвчонка, болтала ногами и разсказывала страшныя глупости,—зять не выдержалъ на этотъ разъ и съ неудовольствіемъ ей замѣтилъ:

— Какъ это у тебя языкъ не устанетъ молоть такіе вздоры.

— А что жь по вашему, вмѣшалась сердито мать: — все въ молчанку играть? Вотъ вы все молчите, а много ли проку отъ этого? Всего 22 рубля жалованья получаете!

— Въ настоящее время, молчальники и постники только въ монастыряхъ водятся, прошипѣла Дунечка.

— А дяденька мой, на что, кажется, приставомъ былъ, цѣлой Сѣнною площадью и Гостинымъ дворомъ заправлялъ, съ укоромъ продолжала старуха: — однако, такой веселый кавалеръ былъ, что помираешь со смѣху, сидя съ нимъ! Вотъ это мужчина, какъ есть мужчина! А вамъ, сударь, стыдно Дунечку смущать; у васъ есть жена, такъ смотрите за нею, а Дунечку

оставьте... Вы, съ вашимъ злымъ языкомъ, готовы партію ей разстроить! заключила она, дрожа отъ злости.

При словѣ «партія», сорвавшемся съ языка у раздосадованной матушки, я насторожилъ уши.

«Ба», подумалъ я: «такъ это она привезла свою дочку ко мнѣ въ качествѣ невѣсты! вотъ отчего безпрерывные намеки, что кухарка моя и бѣлья мыть не умѣетъ, и обкрадываетъ меня безпощадно».

Съ этого дня принялъ я другую методу, и сдѣлался весьма сухъ съ ними. Но старуха почему-то все это приписывала навѣтамъ и ехидности своего зятя, злилась на него страшно, а мнѣ льстила, угождала и всячески хотѣла подобрать меня въ свои руки. Планы ея расширились: смотрю, изъ Питера для Дунечки разомъ двѣ шляпки выписали, Дунечка охаетъ, Дунечка закатываетъ глазки, Дунечка въ шляпкѣ вертится, Дунечка руку мнѣ жметъ, Дунечка на ночную прогулку меня зазываетъ... Словомъ, самую энергическую атаку противъ меня повели. Въ собственномъ домѣ своемъ я былъ осажденъ такъ, что шагу свободнаго не могъ сдѣлать, чтобы не подвернулась Дунечка.

Я сталъ серьёзно задумываться, какъ бы сбыть ихъ съ рукъ скорѣе. Отступнаго готовъ былъ дать. Но что вы думаете, спасло меня? Утюгъ!—да, милостивые государи, клянусь вамъ честью, меня спасъ утюгъ, желѣзный, обыкновенный утюгъ, которымъ бѣлье гладятъ...

Одинъ разъ прибѣгаетъ ко мнѣ моя кухарка, вся разстроенная, и объявляетъ, что мало того, что гости всѣмъ хозяйствомъ моимъ завладѣли, но не позволяютъ ей бѣлья моего гладить и гонятъ ее съ кухни. Я безъ церемоніи отправляюсь самъ на кухню: вижу, Дунечка свои юпки гладитъ и въ сильно раскаленную печку бросаетъ утюги.

— Послушайте, сказалъ я: — вы этакъ мнѣ утюги испортите.

— Что такое?

— Я, говорю, M-lle, что вы мнѣ утюги испортите. Гладьте, сколько вашей душѣ угодно, но для этого надо въ огонь бросать не утюгъ, а вотъ эту желѣзную плитку: когда она накалится, тогда отодвиньте эту штучку и вкладывайте плитку во'внутрь утюга, такимъ образомъ и ваши юпки несравненно чище будутъ, и утюги вы мнѣ сбережете.

Слова мои произвели эффектъ необыкновенный. Только-что

повернулся я, чтобъ уйдти изъ кухни, слышу — бацъ!.. Дунечка моя швырнула на землю утюги и расплакалась.

— Подбери утюги, сказалъ я кухаркѣ: — барышня хочетъ непремѣнно ихъ испортить.

Барышня заревѣла еще пуще и прямо побѣжала къ матери. Ужь не знаю, что она тамъ насказала матери и какое значеніе всему придала, только на другой день онѣ прислали ко мнѣ горничную съ объявленіемъ, что барышня уѣзжаетъ.—«Скажи, что я желаю ей счастливаго пути».

Въ тотъ же день они уѣхали, проживъ у меня болѣе двухъ мѣсяцевъ, и я съ тѣхъ поръ не могу равнодушно видѣть ни одного утюга, съ удовольствіемъ вспоминая, что этимъ скромнымъ, кухоннымъ орудіемъ я спасся отъ любви навязчивой невѣсты.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ всего, мною разсказаннаго, обстоятельства мои неожиданно перемѣнились, и я переселился изъ деревни въ губернскій городъ.

Пообжившись и попривыкнувъ мало-по-малу къ своему новому житью, я купилъ себѣ маленькій домикъ, обзавелся хозяйствомъ и устроилъ по возможности свою жизнь спокойно и пріятно.

Обязанности мои скоро доставили мнѣ случай и тутъ кое-съ-кѣмъ познакомиться, и я, проводя все свободное время въ задушевномъ, пріятельскомъ кружкѣ, долго не желалъ ничего болѣе и жилъ припѣваючи... Да видно, ужь человѣкъ никогда не бываетъ ничѣмъ доволенъ. Повѣрите ли? среди спокойной этой и невозмутимой жизни, среди непринужденнаго, мужскаго общества, мнѣ стали, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, приходить на память мои прежнія приключенія, мои неудачныя знакомства съ женщинами, и мнѣ стало какъ будто жаль чего-то... однимъ словомъ, на меня не шутя стала нападать скука, и я сталъ убѣждаться, что какъ бы тамъ ни было, а все лучше имѣть подлѣ себя жену и что одному жить въ мои годы плохо. Пора ужь, что ли, такая подступила, а только почувствовалъ я, что вотъ, кажется, такъ бы закрывши глаза и позволилъ женить себя.

При такихъ-то обстоятельствахъ, случайно наняла у меня квартирку одна пріѣзжая старушка, чиновница.

Я было о ней и думать забылъ, да она сама о себѣ напомнила: приходитъ разъ отдать за квартиру деньги.

Старушка была стариннаго покроя, бойкая, говорливая.

Слово за слово, разговорились, и оказалось, что мы еще седьмая вода на киселѣ, сродни другъ другу приходимся.

По праву родственницы, гостья моя обо всемъ меня распросила, обошла весь мой домъ, заставила отдать отчетъ во всѣхъ подробностяхъ хозяйства, и надавала множество совѣтовъ.

— Живешь-то ты, какъ и слѣдуетъ хорошему человѣку, заключила она, обводя глазами комнату. — Домъ-то у тебя, какъ полная чаша, одного недостаетъ: хорошей хозяйки нѣту. Не будь я проѣзжая, посватала бы тебѣ невѣсту славную, да дѣла-то мои спѣшныя, домой зовутъ.

— Да что ты все прячешься, дома сидишь? добавила она: — зашелъ бы когда, провѣдалъ старуху, у меня племянница молодая, можетъ, и не соскучился бы. И она ушла.

Несмотря на такъ кстати подвернувшійся случай, я долго еще не собрался навѣстить мою новую знакомую.

Между тѣмъ наступила весна.

Одинъ разъ, копаясь въ новоразведенномъ мною садикѣ и пересаживая цвѣты, я случайно поднялъ голову, и глазамъ моимъ представилась, шагахъ въ десяти отъ меня, сидящая на скамьѣ и работающая что-то дѣвушка, въ хорошенькомъ, кисейномъ платьицѣ, бѣленькая и полненькая, съ низконаклоненной на шитье бѣлокурой головкой.

Я былъ озадаченъ, — такъ неожиданно очутилась она тутъ, близь меня, въ саду.

Подъ предлогомъ пересаживанія цвѣтовъ, я нѣсколько разъ прошелъ мимо ея, пристально взглядывая каждый разъ на ея личико, и, на этотъ разъ, самъ желая вызвать ее на разговоръ со мною.

Но какъ ни ходилъ я, какъ ни заглядывалъ, — дѣвушка сидѣла неподвижно, скромно, и не поднимала глазъ отъ работы. Это мнѣ очень понравилось, — и я, догадавшись, что хорошенькая дѣвушка эта была племянница пріѣзжей старушки, немедля долго, отправился къ нимъ.

Старушка приняла меня съ распростертыми объятіями и усадила въ гостиной на первое мѣсто.

Вскорѣ появилась и моя красавица...

Но — рѣшительно я никогда еще не видалъ подобныхъ дѣвушекъ.

Выраженіе лица ея, манеры, обращеніе были исполнены такой скромности; покорность и послушаніе ея къ теткѣ были

такъ велики, — что я, спустя нѣсколько часовъ, почувствовалъ, что она не шутя начинаетъ мнѣ нравиться...

Меня сильно подстрекало и то, что несмотря на всѣ мои хитрости, въ этотъ вечеръ мнѣ никакъ не удалось поговорить съ нею.

Появится она въ комнатѣ, — постоитъ около тетки, — выслушаетъ ея приказанія по хозяйству, — какъ будто случайно, лукаво взглянетъ на меня, — повернется и выпорхнетъ изъ комнаты. «Хозяйка, хозяйка у меня Машенька», говорила моя старушка, нюхая табакъ и, уложивъ въ вязаный ридикюль табакерку, подвинула ко мнѣ присланное Машенькою варенье.

— Одному только не могу научить ее: больно дика, съ мужчинами разговаривать не любитъ.

Въ эту минуту въ залѣ послышалась музыка; играли какую-то пьесу изъ старинныхъ русскихъ пѣсенъ.

— Сохрани тебя Богъ, родной, торопливо остановила меня старушка. — При тебѣ и играть не станетъ: сиди здѣсь да слушай.

Когда, окончивъ игру, Машенька проходила по гостиной, я привсталъ, чтобъ благодарить ее. Она пріостановилась, поглядѣла на меня своими застѣнчивыми глазами, сдѣлала что-то въ родѣ книксена, — и побѣжала изъ комнаты.

Я воротился домой въ необыкновенно свѣтломъ и пріятномъ расположеніи духа, и даже чувствовалъ себя какъ будто влюбленнымъ.

«Вотъ женщина!» думалъ я. «Какая разница со всѣми другими. Какое солидное воспитаніе и притомъ, какъ невинна!»

Съ этого вечера мнѣ окончательно опротивѣлъ мой одинокій домъ, и я сталъ бывать у нихъ часто.

И какъ хорошо проходили у меня вечера въ ихъ маленькой, уютной квартиркѣ: бывало, сижу себѣ съ старушкою, да болтаю съ ней о старинѣ, а Машенька моя такъ и мелькаетъ по комнатѣ: то варенье подастъ, то цвѣты польетъ на окнахъ, то взглянетъ и улыбнется на меня. А скромная-то какая! только заикнусь бывало, съ самымъ пріятнымъ вопросомъ хочу обратиться, — покраснѣетъ, смутится и убѣжитъ!...

«Да! такую жену не скоро сыщешь», думалъ я, глядя на нее. «И какъ съумѣла воспитать ее эта добрая тетушка: только глазомъ покажетъ, — та ужь и бѣжитъ мигомъ исполнять... а какъ смотритъ-то, смотритъ потомъ на тетку! точно говоритъ она лицомъ-то!»

Разъ, какъ-то, мнѣ чуть не удалось объясниться съ нею: захожу я къ нимъ—старушки не было дома. Гляжу,—Машенька моя сидитъ за пяльцами, а сама все взглядываетъ въ какую-то книжку.

— Что это вы читаете? спросилъ я ее и подошелъ ближе...

Но скромница моя сконфузилась, вскочила, уронила пяльцы и хотѣла бѣжать вонъ изъ комнаты...

— А ты, родной мой, впередъ не ходи пугать дѣвушекъ, раздался въ эту минуту за мной голосъ старушки:—коли меня нѣтъ дома, такъ тебѣ и сидѣть не зачѣмъ! Поди-ка сюда, да разскажи, что видѣлъ новаго,— а Машенька напоитъ насъ чаемъ.

Такъ и не удалось мнѣ поговорить съ нею.

Дѣла старушки, удерживавшія ее такъ долго въ нашемъ городѣ, между тѣмъ кончились, и она стала сбираться ѣхать. При мысли о разлукѣ съ ними, съ моей милой Машенькой, сердце у меня сжалось такой болью,— что я въ одинъ вечеръ бросился къ нимъ, и чуть не со слезами, цалуя руки старушки, умолялъ ее переговорить за меня съ племянницей и передать ей мое предложеніе.

Старуха успокоила меня и сказала: «спасибо тебѣ, что полюбилъ мою Машеньку. Она, я знаю, не заупрямится выйти за хорошаго человѣка. Да бѣда вотъ въ чемъ: послѣ завтра я уѣзжаю, ты знаешь,—а откладывать свадьбу по моимъ старинным понятіямъ не приходится...»

— Такъ что же? возразилъ я.—Послѣ завтра обвѣнчаемся, и вы уѣдете, оставивъ Машеньку на моихъ рукахъ.

Дѣло было слажено. Тетка отправилась переговорить съ невѣстой и оставалась тамъ довольно долго.

Послышались увѣщанія старушки, и слезы Машеньки...

Я началъ ужь безпокоиться...

Но въ эту минуту въ дверяхъ появилась старушка, ведя за руку, какъ будто нехотя слѣдовавшую за нею Машеньку...

Я подошелъ и робко спросилъ: «согласна ли она составить мое счастье?»

Но Машенька молчала.

Я посмотрѣлъ на нее... и меня поразило ея смятеніе: глаза ея какъ-то странно бѣгали, губы шевелились, она какъ будто силилась сказать что-то,— и вдругъ, по лицу ея полились слезы, и она, зарыдавъ, бросилась къ теткѣ.

Ее увели. Я стоялъ на мѣстѣ, какъ ошеломленный. Положеніе мое было самое неловкое. Я ждалъ появленія тетки, чтобъ расспросить ее и окончательно узнать о моей судьбѣ.

Чрезъ минуту старушка воротилась, и по веселому лицу ея можно было угадать, что не было ничего важнаго.

— Вотъ, поди ты, сладь съ ней, говорила она, усаживаясь на диванъ и отдуваясь:—умаяла она меня, глупая. «Боюсь» да «стыдно» — да и все тутъ. Конечно, съ непривычки-то ей дико кажется... извѣстно, дѣло дѣвичье! да ты не сокрушайся; какъ обвѣнчаешься, такъ попривыкнетъ, небось.

Я однако же весь остальной вечеръ какъ-то странно себя чувствовалъ, и все поглядывалъ, не появится ли Машенька... Но ея не было. Я такъ съ тѣмъ и ушелъ.

Не спалось мнѣ въ эту ночь. Богъ знаетъ, какъ непріятно мнѣ было, и чего только не передумалъ я въ эти долгіе, скучные часы: меня начинало сбивать съ толку поведеніе моей невѣсты, и невольно вспомнилъ я, что ни разу еще не добился отъ нея отвѣта. Однако, не смотря на это, желаніе мое жениться на ней не уменьшалось.

Сильно обрадовался я, когда, наконецъ, разсвѣло, и солнышко заиграло тамъ и сямъ въ моей комнатѣ.

Я отворилъ окно и взглянулъ въ садъ. Вдали, сквозь деревья, мелькнула передо мною Машенька; а что это была непремѣнно она,—я узналъ ее по голубому платочку.

Я схватилъ фуражку и быстро выбѣжалъ въ садъ...

Но что же со мною сдѣлалось, когда я увидалъ, что невѣста моя круто повернула назадъ, и почти бѣгомъ побѣжала къ выходу.

Я пріостановился и такъ отчаянно, точно жизнь моя отъ того зависѣла, бросился шагать чрезъ аллеи навстрѣчу къ дѣвушкѣ,что, какъ она ни бросалась, а очутилась прямо передо мною, и я загородилъ ей дорогу.

— Нѣтъ, вы скажите, задыхаясь, говорилъ я ей, глядя прямо въ глаза и крѣпко стиснувъ ея руки:—говорите рѣшительно, хотите ли вы идти за меня, — слышите?

И я еще крѣпче сжалъ ея руки и трясъ ихъ, что было силы.

Машенька съ испугомъ вперила въ меня свои глаза, открыла ротъ и поблѣднѣла, какъ полотно...

— Да что жь это вы смѣетесь надо мою? закричалъ я ей

не своимъ головъ и наклонился къ самому ея уху.—Если вы не скажете...

Въ эту минуту Машенька, казалось, собрала всѣ свои силы, и высвободивъ отъ меня одну свою руку, жестомъ показала мнѣ, что она — нѣмая!

Теперь только я понялъ все... Тоскливо побрелъ я въ свою квартиру, заперъ крѣпко на-крѣпко дверь, и, какъ дуракъ, сидѣлъ въ фуражкѣ, не двигаясь нѣсколько часовъ сряду. Больно было мнѣ и за себя, и за эту дѣвушку.

«Нѣмая!» думалъ я: «и тутъ обманъ!»

Однако, какъ долго ни сидѣлъ я, а досада моя не унималась. Я отправился къ старушкѣ, чтобъ раздѣлаться съ нею и выместить на ней мою злобу.

Слушала, слушала меня старушка, — да какъ вскинется на меня же:

— Что ты, что ты, отецъ родной, ужь больно разпѣтушился! ты не женись, никто тебя не неволитъ, да не порочь дѣвушку. Эка важность, что нѣмая: да не бойсь, Господь поможетъ, сойдетъ у меня съ рукъ. Прошлымъ лѣтомъ за нее полковникъ сватался,—деньги въ ломбардѣ и крестьянъ имѣетъ, — «да мнѣ что за дѣло, что она такая—говоритъ—въ хозяйствѣ-то это не помѣха; мнѣ ужь — говоритъ — трещотки-то эти надоѣли; я, по крайней мѣрѣ, спокоенъ буду, что жена моя съ худымъ человѣкомъ слова не скажетъ.» Такъ было и поладили совсѣмъ,— да жаль стало, вижу, плачетъ дѣвка, — больно ужь старъ, что-ли, онъ ей показался.

— Да отчего же вы прежде мнѣ объ этомъ не сказывали? твердилъ я, подступая къ ней.

— А тебя никто не неволитъ! небойсь, и безъ тебя жениха найдемъ.

Такъ жалко кончилась и эта лучшая, послѣдняя моя любовь. Съ тѣхъ поръ ни о женитьбѣ, ни о любви, у меня нѣтъ и помину.—А? что вы теперь скажете? Вотъ вамъ семь, семь истинныхъ, невыдуманныхъ фактовъ о любви.

— Развѣ это любовь?

— А что-же, по вашему?

— Это, отвѣчалъ молодой человѣкъ тѣмъ же выразительнымъ и спокойнымъ тономъ: — это... семь клеветъ на любовь.

К. КОЛБАСИНЪ.

ПОДЗЕМНЫЯ ТАЙНЫ.

ПРОЛОГЪ.

ЛЯГУШКА.

— Допивайте вашъ чай, господа, да пойдемте въ садъ, сказала Валентина Васильевна.—Въ такую чудную погоду, право, грѣшно сидѣть въ комнатѣ. Докторъ, подайте мнѣ вашу руку, а ты, Анатоль, веди нашего гостя.

И мы пошли въ садъ. Правду сказала Валентина Васильевна: вечеръ былъ чудный. Солнце только-что закатилось и вечерняя зоря румянила ясное небо. Ночная прохлада смѣняла дневной жаръ, и еще неостывшій воздухъ былъ пропитанъ запахомъ цвѣтущихъ яблонь и сиреней. Деревья задумчиво качали верхушками; надъ недвижной водой черными столбами кружились рои комаровъ, предвѣщая назавтра новый зной. Въ густой травѣ неугомонно стрекотали кузнечики, и изъ глубины сада долетала до насъ звонная трель соловья. Проникнутые какимъ-то грустнымъ и вмѣстѣ сладостнымъ чувствомъ, мы шли молча; даже, постоянно веселый и разговорчивый Анатолій Ивановичъ находился подъ обаяніемъ волшебной майской ночи. Право, чтобъ чувствовать весну, надобно родиться въ Петербургѣ! Только тотъ, кто восемь мѣсяцевъ видитъ надъ собою вмѣсто неба какой-то

гороховый кисель, а вмѣсто воздуха дышетъ болотными міазмами,—только тотъ можетъ достойно цѣнить нашу мимолетную весну и отъ души наслаждаться ея дарами. Въ этомъ случаѣ, мы, жители Петербурга, похожи на голодныхъ бѣдняковъ, попавшихъ на роскошный обѣдъ: намъ дорога каждая кроха, каждая капля!

Заключая свой договоръ съ Мефистофелемъ, Фаустъ положилъ непремѣннымъ условіемъ, что демонъ тогда только овладѣетъ имъ, когда ученый произнесетъ слова: «чудное мгновеніе! не улетай—ты такъ прекрасно!» Будь я на мѣстѣ Фауста, я непремѣнно проговорился бы: — въ майскую ночь. Въ послѣдній разъ, съ наслажденіемъ «затянулся бы» (какъ говорятъ курильщики) этимъ чуднымъ воздухомъ; мой послѣдній вздохъ понесся бы къ небу вмѣстѣ съ ароматомъ цвѣтовъ; меня убаюкивала бы на вѣчный сонъ—пѣснь соловья... Право, мнѣ думается, что въ маѣ легко умирать! Весна—пора любви и надежды: а развѣ любовь и надежда не должны быть нашими спутницами за рубежъ, отдѣляющій жизнь временную отъ жизни вѣчной?

Во время моихъ размышленій, вдругъ, Валентина Васильевна дико вскрикнула, и, истерически задыхаясь, прошептала: «Лягушка! лягушка!»

— Ахъ, другъ мой, отвѣчалъ Анатолій Павловичъ:—какъ тебѣ не стыдно быть такой трусихой? Я подумалъ и Богъ-знаетъ что! Сколько разъ я говорилъ тебѣ, что лягушка самое безвредное, самое невинное животное или насѣкомое... Докторъ, что такое лягушка: животное или насѣкомое?

— Пресмыкающееся, съ разстановкой отвѣчалъ докторъ...

— Вамъ и книги въ руки: и жабы и раны по вашей части! перебилъ Анатолій Павловичъ, смѣясь своему плохому каламбуру. — Вы такой натуралистъ, естествоиспытатель, скажите-ко намъ: какая польза отъ лягушекъ? неужели онѣ созданы только на то, чтобы пугать такихъ трусихъ, какъ моя жена, да лакомить гастрономовъ своими лапками?

— Разумѣется, нѣтъ! Я могъ бы разсказать вамъ очень много о пользѣ, приносимой лягушками, но оно будетъ для васъ незанимательно, такъ какъ вы до учености небольшой охотникъ. Напомню вамъ только, что лягушкѣ ученый міръ обязанъ открытіемъ гальванизма!

— Это какъ?

— Очень просто. Пропишши докторъ, пользовавшій жену слав-

наго Гальвани — вмѣсто лягушачьяго супу, супъ изъ улитокъ, или телячьихъ ножекъ, то можетъ быть намъ пришлось бы и по сіе время дожидаться обрѣтенія гальванической силы...

Въ отвѣтъ на это Анатолій Павловичъ захохоталъ. «Послѣ этого», сказалъ онъ сквозь смѣхъ: «и русская литература обязана лягушкамъ? Крыловъ написалъ нѣсколько басенъ, въ которыхъ эти гадины играютъ важную роль... Вѣдь и гальванизмъ своимъ открытіемъ обязанъ не живой лягушкѣ... Нѣтъ-съ, извольте-ко вы мнѣ указать хоть на одинъ случай, гдѣ-бы *живая* лягушка принесла непосредственную пользу?...»

— Могу-съ, Анатолій Павловичъ, и случай весьма интересный. Я увѣренъ, что если вамъ объ этомъ разсказать, то Валентина Васильевна будетъ смотрѣть на бѣдныхъ лягушекъ благосклоннѣе, да и вы перемѣните ваше обидное о нихъ мнѣніе. Право, лягушки премилыя созданія! Я всегда ихъ любилъ, но послѣ прочитанной мною исторіи—уважаю!

— Кого? лягушекъ? воскликнула Валентина Васильевна.— Какъ это любезно! И послѣ этого смѣете говорить, что уважаете меня и моего мужа? Да, впрочемъ, доктора—люди нецеремонные: для нихъ и человѣкъ-то что-то въ родѣ лягушки...

— Судя по тому, каковъ человѣкъ... Отчего не сравнить его съ лягушкой, если и онъ иногда пресмыкается. Замѣчали-ли вы когда нибудь наружное сходство между человѣкомъ и лягушкою? Я даже думаю, что у лягушки человѣкъ выучился плавать... Гм! продолжалъ докторъ вполголоса: — даже это разительное сходство головастиковъ, т. е. лягушечьихъ личинокъ съ микроскопическими инфузоріями... Да, очень странно!

— Вы намѣрены, кажется, уморить насъ цѣлой диссертаціей, перебила его Валентина Васильевна:—извольте-ко лучше разсказать намъ вашу исторію. Мы слушаемъ.

— Нѣтъ, Валентина Васильевна, на этотъ разъ увольте... дѣло къ ночи, а мой разсказъ можетъ нагнать на васъ безсонницу...

— Не нагналъ-бы только сна!.. Разсказывайте...

— Но разсказъ страшный...

— Ужь, вѣрно, не страшнѣе романа Феваля, который я обыкновенно читаю на ночь...

— Да, но тамъ вымыселъ, — а это быль...

— Быль? Гдѣ же случилась эта исторія?

— Въ Англія, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ... Я читалъ въ газетахъ...

— Послѣ этого предупреждаю васъ, что я вамъ не повѣрю, смѣясь замѣтилъ Анатолій Павловичъ: — ваша *лягушка* ничто иное какъ *утка*...

— Анатоль, перебила Валентина Васильевна: — пожалуйста не остри, а вы, докторъ, начинайте.

— Смотрите, съ уговоромъ: чуръ послѣ на меня не пенять! Позвольте-же мнѣ закурить сигару... вотъ такъ! Теперь — слушайте.

Въ іюлѣ 1817 года изъ Бомбая въ Лондонъ прибылъ корабль Ост-индской компаніи:—«*Адонисъ*», съ грузомъ пряныхъ кореньевъ. Въ числѣ пассажировъ находился нѣкто Робертъ Бриджъ, пятнадцать лѣтъ тому назадъ простой матросъ — а нынѣ старшій конторщикъ центральной Бомбайской факторіи. Чего ни испыталъ Робертъ въ эти пятнадцать лѣтъ, куда только ни закидывала его судьба? Работалъ онъ и на золотыхъ пріискахъ, и три года въ плѣну у индійцевъ провелъ, раза два петля *фансегара* охватывала горло нашего искателя приключеній, да разъ десять лежалъ онъ при смерти... но видно не было на то воли Божіей: привелось же Роберту, хотя и чрезъ пятнадцать лѣтъ, увидѣть родимые берега Англіи. Вотъ вдали сквозь туманъ показались куполъ церкви св. Павла, Тоуэръ и мрачное вестминстерское аббатство. Тутъ Робертъ почувствовалъ, какъ со дна его сердца поднялись двѣ жгучія струи и брызнули изъ глазъ блестящими слезинками... Пятнадцать лѣтъ—не бездѣлица! Бриджъ уѣхалъ дватцатилѣтнимъ парнемъ, полненькимъ, румянымъ, а возвращался тритцатипятилѣтнимъ мужчиной, съ лицомъ загорѣлымъ отъ индійскаго солнца. Тогда сердце его было полно, а кошелекъ пустъ, теперь, наоборотъ, растолстѣлъ кошелекъ, а сердце изсохло; тогда у Бриджа по плечамъ вились темнорусые кудри, а теперь въ коротко остриженныхъ волосахъ— сѣдина, серебро... зато въ карманахъ золото!..

Что-то подѣлываетъ отецъ? живъ ли онъ? Пятнадцать лѣтъ назадъ ему было сорокъ два года, тѣлосложеніе у него крѣпкое, здоровое; отчего бы ему не дожить до пятидесяти семи лѣтъ? Это еще не-Богъ-знаетъ какая старость! То-то обрадуется старикъ Арчибальдъ, увидя Роберта, котораго конечно уже давнымъ давно считаетъ умершимъ; да и не безъ причины: двѣнадцать лѣтъ Робертъ не писалъ къ нему, и отъ него въ свою очередь не

получалъ писемъ. Арчибальдъ человѣкъ стараго покроя,—не вѣрилъ почтѣ, и всегда упорно доказывалъ, что изъ десяти писемъ развѣ только два доходятъ по назначенію. Причиною этого предубѣжденія была какая-то непріятная исторія, случившаяся съ отцомъ Роберта еще въ молодости.

По мѣрѣ приближенія къ берегу, воспоминанія цѣлымъ роемъ являлись душевнымъ глазамъ нашего странника. Угрюмое лицо отца—быстро смѣнила хорошенькая головка съ большими голубыми глазами, и живо вспомнилъ Робертъ канунъ своего отъѣзда въ Индію. Вечеръ отецъ кряхтитъ, укладывая скромный чемоданъ Роберта, и жалуется при этомъ на слабость зрѣнія. «Чего прежде, никогда не бывало», говоритъ онъ, «чуть нагнусь, — такъ глаза и разслезятся!... Схожу къ доктору... на дняхъ, даже — въ пятницу!» Канунъ отъѣзда была среда, но Арчибальду тяжело было выговорить слово: *послѣзавтра*. Тогда Робертъ не замѣтилъ этой деликатности родительской любви; его голова и сердце были не тѣмъ заняты: тамъ, у церковной ограды его ждетъ Агнеса, чтобы сказать послѣднее прости... И вотъ Робертъ отнимаетъ нѣсколько минутъ отъ бесѣды съ отцомъ, и подъ какимъ-то ничтожнымъ предлогомъ ускальзываетъ изъ дому. Съ замирающимъ сердцемъ спѣшитъ къ оградѣ — Агнеса тутъ, давно тутъ. Съ громкими рыданьями бросается она на шею Роберта... Какія клятвы въ вѣрности до гроба, даже за гробомъ! Какія крупныя горячія слезы, какіе жгучіе поцалуи! «Я непремѣнно хочу, чтобы ты началъ свое поприще съ моей помощью!» говоритъ милое дитя сквозь слезы и подаетъ Роберту — плодъ своей бережливости: новенькій червонецъ съ изображеніемъ короля Георга III. Робертъ отнѣкивается, Агнеса настаиваетъ: «это зерно, которое принесетъ тебѣ богатый урожай!» говоритъ она вдохновенно. Этотъ червонецъ—цѣлъ!

И Робертъ поспѣшно прижалъ руку къ груди, выхватилъ изъ подъ жилета висѣвшую на шеѣ ладонку и вынулъ изъ нея завѣтную гинею — она была неразлучна съ Бриджемъ пятнадцать лѣтъ. Сколько разъ, томимый голодомъ, Робертъ думалъ было разстаться со своимъ сокровищемъ! Сколько труда стоило ему сберечь эту гинею въ бытность свою въ плѣну... И не смотря на все это, червонецъ не потускнѣлъ, блеститъ, будто вчера вычеканили; портретъ короля и 1801 годъ оттиснуты такъ отчетливо... Ахъ, еслибъ время также точно не сгладило въ сердцѣ Агнесы лица Роберта, дня, часа и минуты ихъ разлуки...

Теперь Агнесѣ тридцать второй годъ, — чѣмъ она не жена Роберту? Поднявшаяся на кораблѣ суматоха вывела Бриджа изъ его сладостной дремоты... Берегъ, берегъ!..

Съ легкостью юноши Робертъ вспорхнулъ на трапъ и, поручивъ свои вещи носильщику, бросился въ первую попавшуюся ему на глаза гостинницу подъ вывѣскою «Золотой арфы». Подкрѣпивъ себя стаканомъ портвейна и сочнымъ кускомъ ростбифа, Робертъ раскрылъ свои чемоданы и принялся перебирать вывезенныя изъ Индіи диковинки. Вотъ толстая золотая цѣпочка—отцу, брильянтовыя запонки—ему же; шаль—за которую въ любомъ лондонскомъ магазинѣ дадутъ двѣсти фунтовъ, фуляры, куски драгоцѣнныхъ матерій... Кому-же все это? Разумѣется, Агнесѣ! Это жатва отъ ея посѣва... Увѣренному въ радости отца и невѣсты — Роберту не приходила въ голову самая простая мысль, а именно, что пятнадцать лѣтъ—не бездѣлца!...

У дверей комнаты, занятой Бриджемъ, раздался легкій стукъ, на который Робертъ отвѣчалъ: «войдите.»

Вошелъ прислужникъ и съ низкимъ поклономъ спросилъ: «что будетъ угодно приказать милорду?»

— Я попросилъ бы васъ, мой милый, сказалъ Бриджъ, закуривая сигару:—нанять мнѣ коляску или другой какой нибудь экипажъ до Виндзора.

— Это обойдется милорду слишкомъ дорого. Не лучше ли ѣхать въ дилижансѣ? Они отправляются каждый часъ...

— Что вамъ за дѣло — дорого оно или дешево? Я спрашиваю, можете ли вы нанять мнѣ коляску?

— Сію же минуту.

— Такъ наймите. Я заплатилъ вашему хозяину за два дня впередъ; большой чемоданъ останется здѣсь, а маленькій вмѣстѣ съ дорожнымъ мѣшкомъ я возьму съ собою.

Черезъ полчаса щегольская коляска, запряженная парой статныхъ лошадей, рысью неслась по виндзорской дорогѣ. Дорогою Робертъ замѣтилъ, что въ пятнадцать лѣтъ окрестности Лондона значительно измѣнились къ лучшему. На мѣстѣ прежнихъ пустырей—роскошные *коттеджи* богачей и знатныхъ господъ; а фабрикамъ съ дымящимися трубами — и счету нѣтъ. Но вотъ показалось предмѣстье Виндзора, а вотъ и дворецъ съ своимъ паркомъ.

— Теперь возьмите немного влѣво къ Ольдъ-Кэстлю... сказалъ Робертъ въ волненіи кучеру.

— То есть, милорду угодно сказать, отвѣчалъ тотъ вѣжливо:—къ Аргиллю? Вотъ уже шестой годъ,какъ мѣстечко Ольдъ-Кэстль переименовано въ Аргилль.

«Странно!» въ задумчивости, и какъ-бы самому себѣ прошепталъ Робертъ: «зачѣмъ перемѣнили названіе моего роднаго мѣстечка? И чѣмъ Аргилль лучше Ольдъ-Кэстля?»

— Это мѣстечко, продолжалъ словоохотливый кучеръ:—называлось Ольдъ-Кэстль — отъ развалинъ стариннаго замка...

— Да, да, — построеннаго норманнами...

— Не знаю, кѣмъ онъ былъ построенъ, но на мѣстѣ этихъ развалинъ теперь построенъ бумагопрядильный заводъ.

«О, промышленники! Вы готовы откармливать ваши стада травой, выросшей на могилѣ вашихъ отцовъ!» прошепталъ Бриджъ сквозь зубы. Ему стало жаль этого гранитнаго остова Ольдъ-Кэстля. Онъ вспомнилъ то время, когда, по воскресеньямъ, игралъ и рѣзвился съ сосѣдними мальчиками на этихъ развалинахъ;какъ ребятишки пугали другъ-друга мрачнымъ эхомъ, гудѣвшимъ подъ сводами феодальнаго жилища.

— Прикажете остановиться у гостинницы? спросилъ кучеръ.

— Да, остановитесь!.. едва выговорилъ Робертъ, задыхаясь.

Онъ пріѣхалъ на родину. Боже мой, какая перемѣна! На мѣстѣ прежнихъ уютныхъ домиковъ — двуэтажные дома, на мѣстѣ прежняго лѣса — поле, на мѣстѣ поля — паркъ. Одна церковь осталась безъ перемѣны; та же каменная ограда, тотъ же черепичный шпиль, только намогильныя ивы и плакучія березы разрослись выше и лучше прежняго... Пятнадцать лѣтъ! Аргилльская гостинница не отличалась ни изяществомъ, ни особеннымъ комфортомъ. Прежняя таверна дяди Тома была гораздо лучше! Хозяинъ, тучный, рыжій мужчина лѣтъ сорока, встрѣтилъ Бриджа, какъ будто нехотя, и на всѣ распросы путешественника отвѣчалъ отрывисто, — что хотя и содержитъ гостинницу уже одиннадцать лѣтъ, однакоже не можетъ доставить ему никакихъ свѣдѣній ни объ Арчибальдѣ Бриджѣ, ни объ Агнесѣ Фортъ, хотя и слыхалъ объ этихъ именахъ.

— Но если вы не знаете ни Бриджа, ни Форта, отвѣчалъ нетерпѣливо Бриджъ:—то скажите по крайней мѣрѣ, гдѣ Томъ Никольсонъ, прежній хозяинъ Ольдъ-Кэстельской гостинницы?

При этомъ простомъ вопросѣ трактирщикъ поблѣднѣлъ, потомъ покраснѣлъ и отвѣчалъ съ какой-то настойчивостью:

онъ умеръ апоплексическимъ ударомъ одиннадцать лѣтъ тому назадъ, и жена моя — его вдова!..

— Неужели!.. радостно воскликнулъ Робертъ: — Бетси Никольсонъ, урожденная Уайтъ?

— Бетси Никольсонъ, урожденная Уайтъ, мрачно промычалъ трактирщикъ.

— Такъ сдѣлайте одолженіе — скажите вашей супругѣ, что одинъ ея старинный знакомый желаетъ поговорить съ нею. Имя мое Робертъ Бриджъ...

— А почему вы знаете мою жену? недовѣрчиво спросилъ хозяинъ.

— Ея отецъ былъ друженъ съ моимъ отцомъ...

— А! вотъ что... Хорошо, сейчасъ позову.

Черезъ минуту въ комнату вошла Бетси. Это была полная, румяная женщина лѣтъ тридцати семи или восьми. Увидя Бриджа, она съ притворною радостью протянула ему руку.

— Я васъ сію минуту узнала! заговорила она очень часто и скоро (желая, какъ видно, недостатокъ чувства пополнить словами):—вы очень мало измѣнились! Скажите, я думаю, мы лѣтъ двадцать не видались?..

— Пятнадцать, мистриссъ.

— Да, пятнадцать! какъ давно... А я уже вышла за втораго мужа. Томъ скончался апоплексическимъ ударомъ, такъ неожиданно...

Бриджъ былъ пораженъ, какая-то странная мысль промелькнула у него въ головѣ; но это была одна минута! Довольный тѣмъ, что видитъ подругу дѣтства, Робертъ съ увлеченіемъ предался воспоминаніямъ.

— Помните-ли вы, какъ мы воровали вишни въ саду у сосѣда? спросилъ онъ съ улыбкой.

— Вишни? Какъ же, помню... помню... разсѣянно отвѣчала Бетси.

— Какъ, бывало, сердился старикъ! Я помню, какъ онъ однажды поймалъ насъ и сказалъ, что намъ съ вами не миновать висѣлицы!..

Бетси принужденно засмѣялась. Какъ это вы все помните!.. проговорила она съ гримасой.

— Ахъ, мистриссъ, припоминая блаженное время моего дѣтства, я, кажется, дѣлаюсь ребенкомъ! Счастливый, безгрѣшный возрастъ!

— Безгрѣшный?.. Да, ваша правда, — безгрѣшный! отвѣчала Бетси, тупо уставивъ глаза въ уголъ комнаты.

— Ольдъ-Кэстль до того измѣнился, что трудно будетъ мнѣ найдти домъ моего отца... Скажите, какъ мнѣ пройдти къ нему? въ волненіи спросилъ Бриджъ.

— Покойный вашъ батюшка...

— Покойный?!

— Онъ скончался въ одинъ день съ моимъ мужемъ, дрожащимъ голосомъ отвѣчала Бетси: — а домъ свой продалъ за полгода передъ смертью фермеру Бильзу...

— Умеръ? умеръ... повторилъ Бриджъ въ раздумьи. — Да вы не ошибаетесь-ли? Его звали Арчибальдъ Бриджъ...

— Знаю, знаю, и повторяю вамъ, что онъ скончался девятаго сентября 1806 года, въ одинъ день съ моимъ мужемъ! Онъ...

— Да сколько разъ ты будешь, какъ сорока, повторять одно и то же? съ досадою перебилъ трактирщикъ: — ну, сказала: умеръ — и довольно! Очень нужно знать мистеру Бриджу и число!...

Робертъ съ изумленіемъ взглянулъ на мужа Бетси и отвѣчалъ, блѣднѣя отъ негодованія:

— Я думаю, что сыну весьма любопытно знать день смерти отца?

— День смерти отца, не спорю, — но день смерти перваго мужа вовсе нелюбопытенъ для втораго!

— О, мистриссъ! Да вашъ мужъ настоящій Отелло! съ усмѣшкой замѣтилъ Бриджъ: — избави Боже, если когда нибудь ревность его оправдается, онъ задушитъ васъ въ постели...

Трактирщикъ яростно заскрежеталъ зубами, и что-то хотѣлъ сказать, — но слова замерли у него въ горлѣ.

— Теперь я найду отца моего безъ вашего указанія, съ грустной улыбкой сказалъ Бриджъ: — но еще одинъ вопросъ: гдѣ Агнеса Фортъ?

— А, ваша страстишка? нескромно переспросила Бетси. — Она уѣхала въ Лондонъ лѣтъ восемь тому назадъ, — и съ того времени мы не видались.

— Она... замужемъ?...

— Этого не знаю. Ей вышло прекрасное мѣсто камеръ-юнгферы у леди Торнгилль. Теперь она, вѣроятно, замужемъ...

— Да, вѣроятно! отвѣчалъ задумчиво Бриджъ и всталъ съ мѣста.

— Куда же вы? спросила радостно Бетси.

— На кладбище, поклониться праху моего отца.... До свиданія!...

— Бетси! сказалъ трактирщикъ по уходѣ гостя: — ты женщина, — а женщины въ иныхъ случаяхъ дальновиднѣе нашего брата-мужчины... Скажи мнѣ: появленіе этого заморскаго гуся не произвело на тебя никакого непріятнаго впечатлѣнія?

— Какъ тебѣ сказать... отвѣчала нерѣшительно трактирщица: — особенно непріятнаго — нѣтъ... но я бы желала, чтобъ онъ поскорѣе уѣхалъ въ Лондонъ...

— И я также... Его появленіе не предвѣщаетъ ничего добраго...

— Какія глупости! Почему ты это думаешь?...

— Думаю потому, что въ эти одинадцать лѣтъ всѣ наши прежніе знакомые, которые перемерли, которые повыѣхали изъ Ардгилля, — но пріѣздъ этого стариннаго знакомаго будто напоминаніе... Знаешь-ли... (тутъ трактирщикъ понизилъ голосъ) знаешь-ли, что мнѣ показалось, будто онъ догадывается?... Замѣтила ли ты, какъ онъ посмотрѣлъ на меня, когда сказалъ, что я тебя убью когда нибудь въ постели... Какая дьявольская усмѣшка!... А когда онъ говорилъ про дѣтство, зачѣмъ онъ сказалъ: «безгрѣшный возрастъ»?...

— Все вздоръ! сказала Бетси съ принужденной веселостью. — Я скажу тебѣ только, что тебѣ не мѣшало-бы съ посѣтителями быть немножко повѣжливѣе, — а то ты грубилъ ему ни за что, ни про что...

— А я тебѣ скажу: будь поменѣе разговорчива съ посѣтителями: къ чему было говорить ему о девятомъ сентября? Для чего эти подробности?

— Полно, полно, Джемсъ, успокойся. Повѣришь ли ты мнѣ, что въ эти одинадцать лѣтъ, я въ первый разъ сегодня вспомнила объ этомъ днѣ... Но довольно, — что было, то прошло.

Робертъ между тѣмъ пришелъ на кладбище, и бесѣдовалъ съ пасторомъ, три года тому назадъ смѣнившимъ прежняго. Они перебирали кладбищенскія книги, чтобы можно было, сообразуясь съ надписями на памятникахъ, отыскать могилу Арчибальда Бриджа. Въ Англіи, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ чужихъ краевъ, могилы покупаются на вѣкъ и навремя: за первыя вносится значительный вкладъ, за вторыя цѣна соразмѣряется годами; впрочемъ, черезъ двадцать пять лѣтъ, всякая мо-

тела упраздняется. Есть и общія могилы для бѣдныхъ,—опорожняемыя чрезъ опредѣленное число лѣтъ. Что дѣлаютъ съ вынутыми костями? Про то знаетъ смотритель кладбищъ и могильщики. Говорятъ, будто пережженная человѣческая кость употребляется на изготовленіе ваксы и на рафинировку сахару...Очень можетъ быть: блаженъ человѣкъ, приносящій и послѣ смерти пользу своему ближнему!...

По справкамъ оказалось, что Арчибальдъ Бриджъ похороненъ въ общей могилѣ, находящейся близь ограды, на самомъ отдаленномъ краю кладбища.

— Могу ли я вырыть его кости и похоронить въ особенной могилѣ? спросилъ Робертъ у пастора.

— Особенныхъ препятствій къ этому быть не можетъ, но самое главное затрудненіе въ томъ: — почему вы узнаете кости вашего отца? Въ одиннадцать лѣтъ, въ здѣшнемъ грунтѣ, отъ мертваго тѣла остаются однѣ кости. Это еще возможно, если у покойника былъ какой нибудь природный недостатокъ или онъ былъ оперированъ,—напримѣръ: лишенъ руки, ноги... но кости всѣхъ людей, одинаково сложенныхъ и не искалеченныхъ, похожи другъ на друга какъ двѣ капли воды... Впочемъ, желая угодить вамъ, совѣтую обратиться къ здѣшнему могильщику. Этотъ старый кротъ знаетъ всѣ закоулки кладбища. Повремените немного, я пошлю за нимъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату пастора вошелъ старикъ Самуилъ; пасторъ не ошибся, назвавъ его кротомъ: наружность могильщика дѣйствительно имѣла много общаго съ наружностью четвероногаго минера; даже толстыя, широкія его руки походили на лапы крота.

— Самуилъ, спросилъ пасторъ:—можешь ли ты припомнить, много-ли похоронено тѣлъ въ общей могилѣ четвертаго отдѣла, № 7? Въ ней хоронили съ 1806 по 1809 годъ?

— Это должно быть около ограды, отвѣчалъ старикъ, прищурясь:—да тамъ по моему счету лежитъ сорокъ два покойника.

Пасторъ съ улыбкою обратился къ Бриджу.

— Видите ли, сказалъ онъ:—вамъ надобно будетъ перерыть могилу и осмотрѣть сорокъ два гроба...

— А чего угодно его чести? смиренно вмѣшался Самуилъ.

Пасторъ сказалъ ему о желаніи Роберта.

— Что же?Это возможно...Я помню, что въ тотъ же день вмѣстѣ съ Арчибальдомъ Бриджемъ хоронили трактирщика Тома

Никольсона и старуху Рахиль Стаффъ... Они положены рядомъ— съ правой руки влѣво...

— И вы надѣетесь, что я найду гробъ моего отца? радостно спросилъ Робертъ.

— Что вы его найдете, за это я вамъ ручаюсь головой,— но узнаете-ли, который изъ трехъ остововъ именно остовъ вашего отца,—за это не отвѣчаю...

— Если не глаза мои угадаютъ, то сердце... Вы позволите, г. пасторъ?...

— Съ моей стороны нѣтъ никакого препятствія, но я долженъ снестись съ мирнымъ судьей и окружнымъ начальникомъ .. Это неизбѣжная формальность, на которую прійдется употребить день-другой... Чтобы не было проволочекъ, я напишу сегодня-же.

Слухъ о намѣреніи Роберта Бриджа перенести прахъ покойника отца изъ общей могилы въ особенную — быстро распространился въ Аргиллѣ, и возбудилъ много разнородныхъ толковъ. Пуще всѣхъ шумѣли трактирщикъ съ женой.

— Если правительство разрѣшитъ этому сумасброду разрывать могилы, говорили они:—то это будетъ величайшая несправедливость!... Изъ пустой прихоти тревожить мертвыхъ!...

Однако же, не взирая на этотъ ропотъ, черезъ четыре дня послѣ посѣщенія Аргилля Робертомъ, на тамошнемъ кладбищѣ, рано утромъ была необыкновенная суматоха. Нѣсколько полисменовъ, Робертъ, старикъ Самуилъ съ шестью работниками суетились около высокой насыпи, обозначавшей общую могилу четвертаго отдѣла. По распоряженію пастора, во избѣжаніе стеченія народа, ворота были заперты, что не мѣшало однако же нѣкоторымъ смѣльчакамъ лѣзть черезъ ограду. Сначала эти незванные зрители обнаруживали одно только любопытство, но оно мало-по-малу стало переходить въ негодованіе, выражавшееся смутнымъ говоромъ.

— Это святотатство! кричалъ какой-то работникъ, размахивая руками.

— Богачамъ все можно... ревѣлъ какой-то мясникъ.

— Боже мой, Боже мой! плаксиво голосилъ приходскій учитель:—а еще говорятъ, что въ могилѣ нашъ покой!...

Не обращая никакого вниманія на эти жалобы, могильщики работали усердно и чрезъ полчаса — заступъ одного изъ нихъ ударился въ крышку гроба. Воцарилось глубокое молчаніе...да-

же недовольные зрители пріутихли. Въ это время между ними показалось новое лицо. Джемсъ, трактирщикъ, второй мужъ вдовы Никольсонъ, стоялъ на оградѣ, охвативъ руками толстый сукъ плакучей березы. Лицо его было блѣдно, рыжіе волосы стояли дыбомъ, зубы стучали какъ въ лихорадкѣ. Самуэлъ между тѣмъ спустился въ разрытую могилу, на минуту исчезъ въ ней и потомъ вытянулъ и положилъ на край два черепа.

Должно замѣтить, что это происходило въ ясное лѣтнее утро, небо было чисто, воробьи весело чирикали въ густыхъ вѣтвяхъ на могильныхъ деревьяхъ. Вся природа была полна жизни и счастія, — и потому-то на каждаго изъ присутствующихъ появленіе изъ могилы двухъ череповъ, послѣ одиннадцати-лѣтняго затворничества, произвело страшное впечатлѣніе. Всѣ глаза невольно устремились на печальныхъ выходцевъ изъ могилы. Но предоставляю вашему воображенію судить объ ужасѣ, объявшемъ всѣхъ, когда одинъ изъ череповъ самъ собою закачался и издалъ какой-то странный звукъ, похожій на блеяніе овцы...

Тутъ нашъ расказчикъ остановился и пристально посмотрѣлъ на всѣхъ насъ. Валентина Васильевна, положивъ свою хорошенькую головку на плечо мужа, зажмурила глаза; Анатолій Павловичъ смотрѣлъ на доктора съ усмѣшкою, которую можно было перевести словами: «что за сказка!» И я былъ совершенно согласенъ съ его мнѣніемъ.

— Валентина Васильевна, вы заснули? спросилъ докторъ.

— Нѣтъ, отвѣчала наша милая собесѣдница бодрымъ голосомъ:—я слушаю, и признаюсь, съ большимъ вниманіемъ.

— И вѣришь этой сказкѣ? сказалъ Анатолій Павловичъ.

— Это быль! настойчиво перебилъ его докторъ и продолжалъ:

Итакъ, черепъ покачнулся и издалъ звукъ. Потомъ онъ опять покачнулся и покатился къ ногамъ Роберта. Всѣ, кромѣ Бриджа, остолбенѣли отъ ужаса... Онъ одинъ спокойно поднялъ черепъ, осмотрѣлъ его, тряхнулъ разъ-два и вытряхнулъ изъ него большую лягушку. Присутствующіе поняли тогда причину движенія черепа и изданный имъ звукъ. Полисмены съ улыбкою переглянулись, между зрителями раздался хохотъ... одинъ только трактирщикъ и Робертъ были въ сильнѣйшемъ волненіи: вѣтви дерева, за которыя держался Джемсъ, качались,

будто колеблемыя бурей,—а Бриджъ, блѣдный, задыхаясь, разсматривалъ черепъ.

— Что, мистеръ? спросилъ одинъ изъ полисменовъ, подойдя къ нему: — неужели вы узнали черепъ вашего отца?

Робертъ молча взглянулъ на него и съ прежнимъ вниманіемъ разсматривалъ черепъ.

— Или вы еще не можете успокоиться отъ испугу?

— Нѣтъ... не то... отвѣчалъ наконецъ Бриджъ съ глубокимъ вздохомъ: — но что это такое?

И онъ показалъ полисмену заржавленную шляпку гвоздя, воткнутаго въ затылокъ черепа... «Какимъ образомъ этотъ гвоздь могъ попасть въ голову покойника?» спросилъ онъ громко, окидывая взглядомъ всѣхъ присутствующихъ...

— Вздоръ! пустяки! никакого гвоздя нѣтъ! хрипло отозвался трактирщикъ, потрясая вѣтку такъ, что листья дождемъ сыпались съ нея. —Онъ умеръ апоплексическимъ ударомъ!...

Досказывать?—Или вы уже сами догадались? Не знаю, нашелъ ли Бриджъ кости своего отца,—но черезъ двѣ недѣли въ лондонскихъ газетахъ было напечатано слѣдующее:

«Приговоръ уголовнаго суда, по дѣлу объ убійствѣ арнгильскаго трактирщика Тома Никольсона бывшимъ у него въ услуженіи поваромъ Джемсомъ Дорномъ — состоялся пятаго сего августа. Убійца приговоренъ къ висѣлицѣ, а жена его къ ссылкѣ въ Ботани-Бей на двадцать лѣтъ, съ выставкою у позорнаго столба».

Эти строки огнемъ жгли глаза бѣдному Роберту... «Боже мой!» нерѣдко повторялъ онъ себѣ: «зачѣмъ ты сдѣлалъ меня орудіемъ твоего праведнаго гнѣва? Неужели я ѣхалъ изъ Индіи затѣмъ только, чтобы отрыть изъ-подъ земли эту страшную тайну?... Отецъ мой—умеръ; всѣ, кого я знавалъ въ молодости—или въ землѣ, или далеко... Агнеса?»

Жестоко отвѣтила судьба Бриджу на этотъ вопросъ. Наканунѣ своего отъѣзда, часу въ одиннадцатомъ вечера онъ возвращался въ нумеръ занимаемой имъ гостинницы. Моросилъ мелкій дождь, тускло мерцали фонари, уныло плескала Темза своими мутными волнами. Близь Соутвартскаго моста кто-то схватилъ Роберта за руку; онъ поднялъ голову и при свѣтѣ фонаря увидѣлъ предъ собою женщину лѣтъ тридцати двухъ, въ соломенной шляпкѣ и полиняломъ кисейномъ платьѣ. Когда-то красивое лицо ея было покрыто густымъ слоемъ бѣлилъ и ру-

мянъ, тусклые глаза были полны какого-то отчаяннаго безстыдства.—«Милордъ!» сказала она хриплымъ голосомъ: «что вамъ за охота шататься такъ поздно по улицѣ; не лучше ли угостить меня стаканчикомъ грогу?...» Бриджъ прислушался къ звукамъ этого голоса... что-то знакомое... «Ваше имя?» пролепеталъ онъ.

— Агнеса Фортъ! отвѣчала несчастная съ глубокимъ реверансомъ.

— Дочь фермера въ Ольдъ-Кастлѣ? задыхаясь, прохрипѣлъ Робертъ, сжавъ ей руку.

— Не жмите же такъ больно! отвѣчала она съ гримасой: — да, мой отецъ былъ фермеръ въ Ольдъ-Кэстлѣ. А почему вы меня знаете?...

Тутъ вспомнилъ Бриджъ свое прощаніе съ нею, пятнадцать лѣтъ тому назадъ — и все, что еще уцѣлѣло въ его сердцѣ чистаго, добраго и молодаго, все вырвалось, все вылилось въ одномъ отчаянномъ рыданьи. Онъ сорвалъ съ шеи ладонку съ завѣтной гинеей, подалъ монету Агнесѣ и скрылся въ ночномъ сумракѣ.

Несчастная женщина внимательно осмотрѣла гинею, слезы навернулись у нея на глазахъ, она задумалась о чемъ-то, потомъ пошла своей дорогой...

— Докторъ! сказала Валентина Васильевна, вставая со скамьи: — прежде я чувствовала къ лягушкамъ омерзѣніе, а теперь ужасъ!

— А я стою на своемъ, что это сказка во вкусѣ Гофмана... замѣтилъ Анатолій Павловичъ.—Вашъ разсказъ, любезный докторъ, пропитанъ Гофманскими каплями.

Что касается до меня, я молча пожалъ руку доктора. Его разсказъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе.—«Докторъ, говорилъ я ему дорогою (мы вмѣстѣ возвращались въ городъ): — неужели то, что вы разсказывали быль?»

— Неужели же нѣтъ? Главный фактъ: раскрытіе преступленія лягушкою—чистѣйшая правда; остальное авторская вольность, прикраса. Но что намъ съ вами за дѣло до англичанъ? И у насъ творились (если не творятся) вещи ничѣмъ не хуже. На любомъ кладбищѣ есть могилы, въ которыхъ тлѣютъ остовы, если не съ гвоздями въ черепахъ, то, по крайней мѣрѣ, пропитанные добрыми пріемами мышьяку, сулемы или опіуму... А какого вы мнѣнія о летаргическомъ снѣ?

Тутъ докторъ какъ-то странно засмѣялся.

— Неужели же у насъ... началъ было я съ ужасомъ.

— Какъ и вездѣ. Надобно вамъ сказать, что я веду записки, и въ нихъ, въ теченіе моей долговременной практики накопилось очень много любопытнаго. Записки эти будутъ вполнѣ напечатаны никакъ не прежде моей смерти... Отрывки же исподволь я готовъ отдавать въ печать подъ именемъ *Подземныхъ тайнъ*.

— Читатели могутъ подумать, что въ нихъ рѣчь идетъ о рудокопахъ или, пожалуй, о гномахъ?

— Авось не подумаютъ этого, а догадаются съ первыхъ строкъ, что я разсказываю не о томъ, что выкапываютъ изъ земли, а напротивъ, что закапываютъ въ землю. Далѣе трехъ аршинъ глубины я не иду... Какъ быть! О томъ, что дѣлается на поверхности земли — такъ много написано, такъ много пишется, что поневолѣ ищешь чего нибудь новаго подъ землею...

— И вы нашли?

— Нашелъ очень много новаго и любопытнаго. Повѣрьте мнѣ, каждое градское кладбище — Помпея своего рода. Это подземные города, заселенные людьми, исключенными или вычеркнутыми изъ списка живыхъ, — и у этихъ городовъ есть свои тайны. Есть на кладбищахъ могилы съ простодушными, откровенными эпитафіями, и онѣ напоминаютъ собою мирныя жилища добрыхъ горожанъ... Но есть и такія могилы, въ которыхъ вмѣстѣ съ усопшими зарыто преступленіе. Виновники живутъ себѣ, спокойно повторяя стихи:

Спящій въ гробѣ мирно спи,
Жизнью пользуйся, живущій!

Все такъ, господа! Но вы, какъ видно, позабыли басню о Мидасовомъ брадобрѣѣ; вы, вѣроятно, не думали, что лепетъ кустарниковъ, посаженныхъ надъ могилами жертвъ вашихъ, можетъ быть переведенъ на общепонятный человѣческій языкъ? Или вы позабыли старую, избитую истину: что преступленіе обнаруживается рано или поздно? Въ моихъ разсказахъ я выкопаю изъ могилъ не остовы — на что они намъ? — я отрою одни только имена и громко произнесу ихъ... Почему знать, можетъ быть,

Въ гробу на вѣкъ умолкнувшее имя —

ударитъ по уху того, кому оно знакомо, даже можетъ быть нѣсколько и съ родни, и доставитъ ему двѣ-три безсонныя ночи; и па-

ложить на его гладкій, мѣдный лобъ—вмѣсто клейма—нѣсколько морщинокъ и посеребрить на его головѣ сотню, другую волосъ... Больше мнѣ ничего и не надобно! Вѣдь послѣ этого все войдетъ въ прежній порядокъ! Такъ-какъ безсонница есть слѣдствіе пробудившейся совѣсти въ негодяѣ, понятно, что она пройдетъ, какъ только заснетъ эта крикливая жеманница; что же касается до морщинъ и сѣдыхъ волосъ, это дипломы на уваженіе! Въ нынѣшнее время мы всѣ заговорили о гласности... Но неужели ея назначеніе обличать уличныхъ буяновъ, и рыцарей промышленности въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ? Полноте, не смѣшите! На это есть полиція. Нѣтъ, по моему мнѣнію, гласность должна срывать маску съ лицемѣра, она должна выказывать смрадныя язвы общества, прикрытыя бархатомъ и золотомъ. Вотъ, напримѣръ, судья, который тридцать лѣтъ выдаетъ себя за образецъ честнѣйшаго человѣка; онъ кричитъ о правосудіи, онъ выхваляетъ гласность... Долой маску, сѣдой негодяй! Разскажи намъ лучше, какъ ты выстроилъ свои три дома и дачу; разскажи намъ, или мы сами разскажемъ во всеуслышаніе то, что слышали о тебѣ отъ людей, отъ которыхъ ты не стыдился брать взятки въ наше время—не хуже подъячаго временъ матушки Екатерины!

Вотъ по моему мнѣнію это настоящая гласность!

Мои разсказы напомнятъ читателямъ комедію, которую Гамлетъ заставляетъ разыгрывать передъ своимъ дядюшкой, и я беру эпиграфомъ слова Шекспира:

«Сію минуту вы увидите самое гадкое дѣло, но что намъ съ вами до этого? Вѣдь у насъ совѣсть чиста. Кричи тотъ, кого это кусаетъ!»

I.

МАРЬЯ ИВАНОВНА.

Подгородскъ, на рѣкѣ Варяжкѣ, рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ великаго множества уѣздныхъ городовъ Русскаго царства. Тамошній соборъ съ зелеными главами и высокой колокольней, какъ двѣ капли воды, похожъ на соборъ въ Ряжскѣ; каменные ряды или гостиный дворъ такой же точно, какъ и въ Кирсановѣ; съѣзжій домъ, съ выставленными подъ навѣсомъ

пожарными инструментами — фотографическая копія съѣзжаго дома въ Козловѣ; наконецъ, питейный домъ и другія благотворительныя заведенія точно такія же, какъ въ Чухломѣ или Аткарскѣ. Подгородска не громили ни татары, ни ляхи, ни Разинъ, ни Пугачевъ—по весьма уважительной причинѣ: онъ основанъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II, и въ нынѣшнемъ, 1861 году, вступилъ въ восемьдесятъ четвертое лѣто благополучнаго своего существованія. Жителей въ Подгородскѣ (за исключеніемъ квартирующихъ уланъ) до двухъ съ половиною тысячъ. Мужской полъ занимается преимущественно доставленіемъ доходовъ питейному откупу; женскій же—хозяйствомъ, а на досугѣ и сплетнями. Въ быстротѣ передаваемыхъ извѣстій, языки жительницъ Подгородска могутъ смѣло потягаться съ проволоками электромагнетическихъ телеграфовъ. На одномъ концѣ города, напримѣръ, въ Собачьей слободкѣ, Яковъ Степанычъ чихнулъ, а на другомъ концѣ, въ Бондаревской улицѣ, черезъ двѣ секунды уже извѣстно, что онъ чихнулъ отъ табаку, который ему отпускаетъ въ долгъ инвалидъ Ѳоменко, а Ѳоменко потому въ долгъ табакъ отпускаетъ, что жена Якова Степаныча и проч. Петриха еще только собирается пироги въ печь сажать, а у Никитихи уже извѣстно, что пироги съ капустой и что ими будутъ угощать Абрама Васильевича... А между тѣмъ, отъ дома Петрихи до дома Никитихи будетъ версты двѣ, если не больше. Лѣтомъ житье въ Подгородскѣ, благодаря множеству садовъ, очень пріятное; за то весна и осень — несносны. Зимою, на святкахъ, бываютъ довольно частыя вечеринки съ платою по гривеннику или двугривенному за входъ; танцуютъ подъ звуки уланскихъ трубъ и фаготовъ, *побѣдители сердецъ* разсыпаются въ любезностяхъ и угощаютъ своихъ дамъ комплиментами и калеными орѣхами... Словомъ, Подгородскъ городъ, какихъ много очень на Святой Руси.

Въ этомъ городѣ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, жила зажиточная вдова Марья Ивановна. Покойный мужъ ея служилъ въ Одессѣ, въ конторѣ у одного богатаго негоціанта, и оставилъ Марьѣ Ивановнѣ довольно порядочное состояньице, которое вдова разными оборотами съумѣла удвоить въ весьма короткое время. Собою она была, что называется, молодецъ-баба: рослая, дородная, румяная, зубы какъ жемчугъ, на головѣ ни одного сѣдаго волоса, а между тѣмъ въ метрикѣ очень явственно значилось, что Марьѣ Ивановнѣ недавно пошелъ шестой десятокъ.

Досадный возрастъ! осень не осень, зима не зима, отъ молодыхъ отстала, а къ старухамъ не пристала. Разумъ шепчетъ: «надѣвай очки и принимайся за чулокъ, да за наставленія молодежи»... а сердце толкуетъ: «поживи еще, Марья Ивановна! право, ты еще баба хоть куда! Замужъ идти, пожалуй поздненько, а жить затворницей рано... Подумай!»

Вдовушка долго не думала. Тутъ же въ Подгорскѣ жилъ нѣкто Павелъ Никифорычъ — человѣкъ молодой, пріятной наружности, ремесломъ фельдшеръ, извѣстный по всему околодку своимъ искусствомъ дергать зубы, бросать кровь, и даже (безъ всякаго каламбура) ставить рожки. Томный взглядъ, брошенный вдовушкою на фельдшера, произвелъ желанное дѣйствіе. — Любовь, если не къ ней, то къ ея деньгамъ зажглась въ сердцѣ Павла Никифорыча. Онъ сталъ навѣщать Марью Ивановну, сначала изрѣдка, наконецъ чаще и чаще. Благосклонность вдовушки достигла крайняго предѣла и выражалась болѣе или менѣе цѣнными подарками: то являлась у Павла Никифорыча золотая цѣпочка, то дорогія запоночки, и фельдшеръ-камелія, нимало не заботясь о репутаціи Марьи Ивановны, щеголялъ и хвасталъ обновками. Жительницы Подгородска заговорили... забасила Маслиха, затараторила Никитика, застрекотала Петриха и вся честная компанія... «Да разрази меня Господь Богъ, если бы я, теперь, на старости лѣтъ, влюбилась въ молокососа!» говорила Маслиха: «еще прежнихъ грѣховъ не замолила, а эткось, какими дѣлами занимается! Вѣрите, даже говорить стыдно, какъ предъ Богомъ, стыдно!»

А неволя, подумаешь, говорить! Всего досаднѣе то, что Марья Ивановна и ухомъ не ведетъ, и вниманія-то не обращаетъ на рѣчи кумушекъ: она любитъ и любима, а до всего прочаго ей нѣтъ никакого дѣла! Какой-то философъ сказалъ великую истину: «Жаждущій! не разсматривай въ микроскопъ воду, которою хочешь утолить свою жажду! Счастливый! не разбирай пытливымъ умомъ своего счастья!» Марья Ивановна была баба не глупая, но пытливымъ умомъ ее Господь не наградилъ, а потому она и не анализировала своего счастья; ни на одну минуту не задавала она себѣ простаго вопроса: «подъ пару ли ей двадцатипятилѣтній франтикъ, и можетъ ли онъ искренно любить ее? Любитъ ли онъ ее безкорыстно?» Она умѣла усыплять въ себѣ ревность, умѣла находить оправданіе самымъ неблаговиднымъ поступкамъ своего любимца. Иногда, на нѣсколько минутъ осво-

— Вѣдь выдумаете же вы, Марья Ивановна! Дѣлать-то вамъ нечего... А это у васъ, что за колечко?

— Ты видалъ его нѣсколько разъ... это подарокъ покойнаго мужа.

— Никакъ съ бриліянтомъ?

— Кажется.

— Да, надо быть бриліантъ, и золото 56 пробы. Подарили бы мнѣ...

— Павлуша, это единственная память объ мужѣ.

— Такъ вамъ жалко, что ли? Ну, и не нужно мнѣ вашего кольца.

— Нѣтъ, нѣтъ! возьми, возьми, я такъ сказала.

— На что мнѣ оно? Я пошутилъ! Вѣдь оно не дорогое: рублей десять, больше не дадутъ.

— Дорого ли оно, дешево ли, во всякомъ случаѣ я тебѣ его дарю! Дай, я сама надѣну тебѣ на палецъ.

И надѣвая кольцо на палецъ Павла Никифорыча, Марья Ивановна поцаловала его руку.

— Ладно! Что вы мнѣ руку-то цалуете? Вѣдь я не попъ и не отецъ! Смѣшно, право!...

Иногда между ними происходили разговоры другаго рода. Это случалось тогда, когда Павелъ Никифорычъ былъ въ болѣе нѣжномъ расположеніи духа.

— Вы, просто красавицы, Марья Ивановна, говорилъ онъ, прищуривъ глаза.

— Такъ я тебѣ очень нравлюсь?

— Очень нравитесь.

— И этимъ я совершенно счастлива и довольна. Не правда ли, Павлуша, вѣдь ты любишь меня одну? Только меня одну?

— А то, кого же еще? Васъ однѣхъ....

— И еслибъ нужно было, то за меня ты готовъ идти...

— Куда угодно.

— Въ огонь и въ воду?...

— Хоша въ петлю.

— И ты никогда не измѣнишь мнѣ, не правда ли? Это было бы безсовѣстно съ твоей стороны, это было бы низко! Такъ ли?

— Чего хуже. Да не бойтесь, не измѣню; зачѣмъ измѣнять?

— Конечно, можетъ быть, ты встрѣчаешь молоденькихъ и хорошенькихъ дѣвушекъ...

— Конечно, встрѣчаю...

— Но не обращаешь на нихъ никакого вниманія?

— Никакого вниманія, Богъ съ ними!

— И ты думаешь обо мнѣ постоянно?

— Съ утра до вечера... То есть, вотъ какъ ни есть, весь день!

— Видаешь ли когда меня во снѣ?

— И во снѣ видаю очень часто!

— Ахъ, Павлуша, я вѣрю тебѣ, и вижу, что ты точно меня любишь! говорила съ восторгомъ Марья Ивановна, довольная своимъ другомъ. Нѣжный любовникъ говорилъ (выражаясь техническимъ театральнымъ терминомъ) *по суфлеру*. Суфлеромъ была сама Марья Ивановна, и вслушиваясь въ повторенье подсказываемыхъ нѣжностей, заставляла себя думать и вѣрить, что не она — а собственное его сердце подсказываетъ Павлушѣ всѣ эти нѣжности. Только влюбленная старуха можетъ такъ дружно сочетать нѣжную мечтательность съ грубой дѣйствительностію. Такъ прошло два года. Марья Ивановна выкупила Павла Никифорыча изъ подъ красной шапки, сладила ему прекрасный гардеробъ, твердо рѣшилась купить ему парикмахерское заведеніе — если только онъ согласится принять его вмѣстѣ съ рукою Марьи Ивановны. Однакожe о женитьбѣ, несмотря на всѣ *подсказыванья*, Павелъ Никифорычъ и не заикался... Напротивъ, въ началѣ третьяго года, посѣщенія его къ Марьѣ Ивановнѣ становились рѣже и непродолжительнѣе. Каждый разъ являлся новый благовидный предлогъ къ отказу отъ приглашенія вдовушки. Подгородскіе телеграфы усердно заработали. Петриха передала Никитихѣ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что Павелъ Никифорычъ ѣздитъ въ сосѣдній городъ, и тамъ намѣренъ посвататься за дочерью купца Бѣлобрысова; Самсониха же клятвенно увѣряла Маслиху, что дѣло уже кончено, купецъ далъ согласіе и все приданое слажено: семь шелковыхъ платьевъ, два салопа чернобурыхъ лисицъ; бѣлья, столоваго серебра безъ счету — а Божье милосердіе усыпано жемчугомъ и вотъ «этакими брильянтами!» И Самсониха, вытянувъ правую руку, отдѣлила ногтемъ перваго пальца верхній суставъ указательнаго.

Хотя эти слухи и не доходили до ушей Марьи Ивановны, тѣмъ не менѣе и она начала призадумываться и сомнѣваться въ своемъ Павлушѣ. Прямо спросить у него не рѣшалась, боясь, что онъ убьетъ ее своимъ утвердительнымъ отвѣтомъ. «Заботы»,

говорятъ добрые люди, «не молодятъ», а ужъ тѣмъ болѣе пожилаго-то не красятъ. Въ два-три мѣсяца Марья Ивановна до того перемѣнилась, что ее трудно было узнать. Любовь дѣлала ее красавицей, — любовь же и отняла всю ея красоту. Глаза потускли отъ слезъ и безсонницы и окаймились коричневыми кругами, морщины избороздили все лицо, волосы посѣдѣли; то, чего не дѣлали года, сдѣлало горе!

Прошло лѣто, приближалась осень: пошли дожди, грязь, слякоть; пожелтѣли подгородскіе сады, разлилась Варажка. Въ концѣ сентября, Павлуша дня на три уѣхалъ въ сосѣдній городъ и тамъ, въ церкви св. Архистратига Михаила, повѣнчанъ съ дочерью купца Бѣлобрысова, дѣвицею Серафимою.

— Какая же свадьба-то была, батюшки мои свѣты! голосила Маслиха дней черезъ пять: — невѣста, правда, не очень-то собой, того... Но ужь, какъ была одѣта! Вуаль, значитъ, блондовый, изъ Петербурга выписанъ и триста рублей заплаченъ; платье бѣлое *мора*...

— Анъ врешь! перебиваетъ Никитиха: — платье розовое *гласе*...

— Ты-то не ври, платье *мора!* Ужь это *я* навѣрно знаю!

— Много ты знаешь! Нешто видѣла, лежа на печи?

— А ты, ходя за курами! Вѣдь не была въ церкви?

— А ты была?

— Не была, да знаю!

— Безстыжіе твои глаза, вотъ что! Ты вечоръ-то гдѣ была, вспомни?

— Гдѣ была? Мало ль гдѣ: и дома была, и къ Надеждѣ Савельевнѣ ходила...

— Вотъ то-то и есть! Тебѣ бы только по гостямъ шляться, а нѣтъ, чтобы дома посидѣть, да хоть бы ребятишекъ-то обмывать, — вѣдь нагишомъ бѣгаютъ!

— Не твои дѣти, не твоя и забота, жаба ты болотная!

— Кто? я-то? Сама ты жаба!

И уклоняясь отъ первоначальнаго предмета разговора, телеграфы начали размѣниваться краткими, но выразительными депешами, наконецъ превзошли своего соперника, электро-магнетическій телеграфъ, въ томъ, до чего ему во вѣки вѣковъ не дойти, несмотря на всѣ старанія Морзе и другихъ ученыхъ: телеграфы размѣнялись пощечинами и готовились вступить въ рукопашный бой; къ счастью, ихъ розняли промежуточныя стан-

ціи, то есть Петрихи и Самсоныча. Но Богъ съ ними! Что-то поделываетъ Марья Ивановна? Сердце давно сказало ей всю правду на своемъ таинственномъ языкѣ,—но голосъ сердца еще не былъ переведенъ на человѣческій языкъ, и еще какой-то смутный призракъ надежды утѣшалъ Марью Ивановну. Въ волненіи сидѣла она у окна и съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣла на улицу,—а тамъ все по прежнему, тоже, что было вчера, что было и два года назадъ. Тотъ же рѣшетчатый заборъ, изъ-за котораго выбиваются вѣтви раскидистыхъ яблоней, тѣ же тумбы, таже бесѣдка съ пестрымъ флюгеромъ на кровлѣ. Глаза Марьи Ивановны остановились на флюгерѣ, которымъ былъ украшенъ куполъ бесѣдки сосѣдняго сада; этотъ флюгеръ, изображавшій какого-то дракона, напомнилъ бѣдняжкѣ многое... а почему именно напомнилъ? Какъ-то въ недавно минувшее, счастливое время, Павлуша сидѣлъ у нея въ гостяхъ и о чемъ-то нѣжно разговаривалъ, а Марья Ивановна смотрѣла на флюгеръ... Теперь, черезъ два года, взглядъ на этотъ ничтожный предметъ воскресилъ въ памяти Марьи Ивановны весь разговоръ, съ мельчайшими подробностями... Это бываетъ!

Вдругъ старуха со стономъ опрокинулась въ кресла и если не чувство, то мысли совершенно ее покинули. Мимо ея оконъ проѣхали дрожки, а на нихъ щегольски одѣтый Павлуша и съ нимъ молодая дама въ бѣлой шляпкѣ съ перомъ, — молодые, ясно, что молодые!

Къ чести Марьи Ивановны должно замѣтить, что горе не заставило ее отважиться ни на какую глупую выходку. Не желая встрѣчаться съ негодяемъ, она переѣхала въ отдаленный отъ его жилья край города, въ Исправленную улицу, и наняла небольшую комнату у портнаго Курoганова.

Наука физіономики, изобрѣтенная въ досужную минуту Лафатеромъ, годится, право, только на пополненіе сонниковъ да оракуловъ. «Лицо — зеркало души», сказалъ кто-то безъ сомнѣнія своей возлюбленной, и этотъ комплиментъ сталъ любимымъ афоризмомъ физіономистовъ; несмотря на то, что опроверженія ему встрѣчаются на каждомъ шагу. Красавцы душою и тѣломъ — точно такое же исключеніе изъ общаго правила, какъ и таковые же уроды. Мнѣ думается, что благоразумная природа, у которой во всемъ равновѣсіе и гармонія, лишая человѣка одного качества, удвоиваетъ другое. У слѣпыхъ, такимъ образомъ, необыкновенно развиты органы слуха и осязанія, у

глухаго — зрѣніе. Такъ же точно давая человѣку прекрасную душу, судьба нерѣдко облекаетъ ее въ некрасивую оболочку — и наоборотъ: черную душонку одѣваетъ самою привлекательною наружностью. Есть, наконецъ, такія ординарныя физіономіи, при взглядѣ на которыя невольно скажешь: «этотъ человѣкъ — *ничего!*» И вдругъ это *ничего* свершаетъ какой нибудь удивительный подвигъ великодушія или низости — и вы, послѣ того всматриваетесь въ его лицо, начинаете, по системѣ Лафатера, дѣлать свои умозаключенія, смотря по тому, доброе или худое дѣло сдѣлалъ анализируемый субъектъ. Мнѣ случалось видѣть на своемъ вѣку очень много преступниковъ разнаго рода: убійцъ, поджигателей и тому подобныхъ штукарей. Всѣ они не отличались никакими особенностями въ физіономіи, и были скорѣе привлекательны, нежели безобразны.

Это разглагольствованіе затѣялъ я къ тому, чтобы поговорить о Куреганов‍ѣ и его сестрѣ. И тотъ и другой тысячу разъ попадались, и можетъ быть еще попадутся вамъ на встрѣчу: братецъ — съ узелкомъ подъ мышкой, а сестрица съ просфирой и книжечкой поминанья въ рукахъ — возвращаются изъ обѣдни. У обоихъ физіономіи — *ничего*.

Къ этимъ-то людямъ — *ничего* — и переселилась Марья Ивановна. За комнату со столомъ, отопленіемъ, прислугой и водой, братецъ съ сестрицей заломили неимовѣрную цѣну. Старуха не торговалась; ей квартира нужна была только для ночлега, да и то не всегда. Въ продолженіе осени, она по цѣлымъ днямъ и даже по цѣлымъ суткамъ бродила по Подгородеку и его окрестностямъ. Платье ея мокло насквозь и на ней же просыхало, старый чепчикъ былъ плохою защитою сѣдой головы отъ дождя и леданаго осенняго вѣтра. Бывало, погода такая, что добрый хозяинъ собаки на улицу не выпуститъ, а бѣдная Марья Ивановна плетется по грязи, и Богъ вѣсть куда! Куда глаза глядятъ. Идетъ, да только головой мотаетъ, и что-то про себя бормочетъ. Видно было по ея глазамъ и выраженію лица, что мысли несчастной старухи блуждаютъ на границѣ, отдѣляющей разумъ отъ помѣшательства. Сначала подгородекія кумушки надъ ней подсмѣивались, потомъ, наговорившись до-сыта, пріумолкли, а тамъ начали и жалѣть старуху. Ей до ихъ сожалѣній такъ же мало было дѣла, какъ въ прежнее время до ихъ пересудъ; она ни на кого и ни на что не обращала вниманія. Тщетны были старанія сестры Куроганова заслужить ласку Марьи Ивановны

ласками и услужливостью... Старуха во весь день не говорила съ нею и двухъ словъ.

Какъ-то въ отсутствіе полоумной, Куроганозы забрались къ ней въ комнату, и, по праву хозяевъ, рылись у нея въ камодѣ.

— Посмотри-ко, Миша, говорила сестрица:—какія богатыя серьги... такъ и горятъ!...

— Нешто, флегматически отвѣчалъ портной:—серьги-то хороши, а вотъ это еще лучше!

И онъ вынулъ изъ шкатулки банковый билетъ на имя неизвѣстнаго, въ пятьсотъ рублей.

— Э-эхъ, продолжалъ онъ философствовать:—прости Господи! Счастье богатымъ... Оттого-то видно они и съ ума сходятъ! Ну, какого ей бѣса еще старой дурѣ? Жила бы себѣ да жила въ свое удовольствіе... Одна, какъ перстъ...

— То-то и хорошо, Миша, вкрадчиво перебила сестрица:—жить ей, можетъ быть, остается уже немного; мнѣ кажется, могла бы въ благодарность за нашу хлѣбъ-соль и попеченія осчастливить насъ!...

— Держи карманъ, осчастливитъ! Сдохнетъ, какъ собака, имѣнье опечатаютъ, а мы на бобахъ и останемся...

— Останемся, либо нѣтъ... Надобно теперь, покуда еще время не ушло не плошать...

— То есть, что это значитъ—не плошать?

— А то, что вѣдь, я чай, она не знаетъ, много ль у нея всего-то добра? Вишь, колецъ да серегъ полная коробка... Не трудно чему и потеряться!

— Извѣстно. Вонъ и банковыхъ билетовъ только три именныхъ, а то все на неизвѣстнаго... Была-не-была! Господи благослови!

И Куроганов дрожащей рукой опустилъ банковый билетъ въ карманъ своего халата.

— Миша, Миша! прошептала сестра: — что ты дѣлаешь?

— А ты молчи - знай, коли ты дура! отвѣчалъ портной, судорожно смѣясь.—Ужь нечего перемминаться-то... Бери сережки! Благо, нравятся!..

— Спасибо, голубчикъ! простодушно отвѣчала сестрица, будто за подарокъ, поспѣшно хватая серьги. — И то сказать, Миша, отчего не поймаетъ рыбку, коли сама въ руки идетъ.

— Ну, конечно...

— Иной подлецъ скажетъ, пожалуй, что мы воры.... а развѣ

воры такіе бываютъ? Куда всѣ эти вещи пойдутъ, когда старуха умретъ? Вѣдь въ чужія же руки! Родни у нея никого нѣтъ: а мы все же ей не чужіе! Право, только мы одни ее и любимъ...

— Да это ужь, что и говорить!

— Я увѣрена, что еслибы она была въ своемъ умѣ, то сама бы все намъ раздѣлила...

— Ладно, ладно! запирай-ко комодъ, да ключъ-то въ ящикѣ оставь, какъ былъ... Да въ комодѣ-то не перерыла-ли ты?..

— Ничего, ничего не перерыла, братецъ, все на своемъ мѣстѣ!

— Ну, смотри-же: если ты да кому нибудь слово скажешь...

— Ну вотъ! ужь будто я не знаю! Будь спокоенъ — все будетъ шито и крыто...

Комодъ запертъ и все на своемъ мѣстѣ: сережки у сестрицы, банковый билетъ у братца. Марья Ивановна пришла домой около полуночи, измокшая, продрогшая...

— Чаю не прикажете-ли, Марья Ивановна? заботливо спросила Куроганова. — И гдѣ это вы были? У меня все сердце по васъ изныло... Перемѣните бѣлье, лягьте въ постель, укройтесь потеплѣе...

— Хорошо, хорошо, бормотала непонятно старуха.

— Вамъ холодно?

— Да, болитъ... очень болитъ!..

— Что же у васъ болитъ?

— Голова... сильно болитъ...

— Лягьте спать... я вамъ постель приготовлю...

— Постель?.. Хорошо.

Марью Ивановну уложили въ постель; долго металась она, отрывисто что-то выговаривая, будто въ бреду, — наконецъ уснула.

На утро Куроганова тихохонько подошла къ ея постели. Старуха лежала въ прежнемъ положеніи, легкій румянецъ игралъ на ея впалыхъ щекахъ, глаза были плотно заперты... но она не дышала.

— Марья Ивановна! вполголоса проговорила Куроганова, трогая спящую за плечо: — Марья Ивановна! повторила она погромче...

Старуха не просыпалась.

— Да неужели же она умерла? прошептала портниха: — вотъ было бы счастье! только вчера говорила...

— Марья Ивановна! крикнула она во все горло, — и черезъ минуту позвала братца.

Курогановъ спокойно взглянулъ въ лицо спящей, положилъ свою широкую ладонь ей на грудь, приложилъ зеркало къ ея губамъ и сказалъ сестрѣ: «Кажись, умерла!..»

— Неужели! вскричала та радостно.

— Погоди радоваться, можетъ, и обморокъ... Да нѣтъ! Вашъ не дышетъ и не шелохнется...

— Нѣтъ... вонъ зеркало потѣетъ...

— Гдѣ? съ досадой вскрикнулъ портной. — Да... точно потѣетъ... Эхъ чортъ возьми! ну умирать, такъ ужь умирать, а не дурачиться!.. Досадно даже... Подождемъ часъ другой, а тамъ надобно дать знать въ полицію...

Любопытнѣе всего то, что ни братъ, ни сестра ни слова не сказали про доктора, а оно бы въ этомъ случаѣ не мѣшало.

Прошло три часа. Марья Ивановна не просыпалась. Сдѣлавъ судебно-медицинское вскрытіе комода живой покойницы и оставивъ на видномъ мѣстѣ три именные банковые билета, Курогановъ отправился въ полицію.

Нагрянули гости. Имущество Марьи Ивановны переписали и опечатали; частный врачъ кольнулъ ее въ пульсъ ланцетомъ— кровь не пошла! Явно, что старуха умерла... надо быть ударомъ, а можетъ и другимъ чѣмъ, а можетъ статься, что она и въ летаргическомъ снѣ... Да вздоръ! Въ летаргическій сонъ погружаются только нѣмцы да французы,—нашъ братъ, русакъ, человѣкъ откровенный: умеръ—такъ ужь умеръ *взаправду*.

— Надобно было бы, по настоящему, тѣло вскрыть... сказалъ лекарь Куроганову.

— Помилуйте, ваше благородіе! вскричалъ тотъ, и забывая всякое приличіе, хваталъ лекаря за руку:—за что же мнѣ квартиру-то поганить!

Лекарь искоса взглянулъ себѣ на ладонь: красненькая... Подумаешь, какъ крѣпко стиснулъ руку портной! Иногда отъ рукопожатія въ рукѣ появляются и радужные цвѣта, но это случается только при рукопожатіи откупщика... Впрочемъ съ лихой собаки хоть шерсти клокъ!..

— Она умерла, положительно отвѣчалъ врачъ. — Можете обмывать и класть на столъ.

— Покорно васъ благодаримъ! отвѣчала Куроганова. — А какъ прикажете хоронить?

— Разумѣется, черезъ три дня, по закону... даже лучше всего черезъ четыре,—потому что бывали случаи, правда, очень рѣдкіе...

— Ну, ну, полно вамъ, Иванъ Иванычъ! сказалъ частный приставъ, вставая изъ-за стола и складывая протоколъ:—пора и до дому. Прощай, Курогановъ.

Вечеръ. Марья Ивановна лежитъ на столѣ. Въ головахъ теплится лампада, у стола псалонщикъ Парамонычъ, только-что выпившій стаканчикъ очищенной, поднесенный Курогановымъ; дождь звенитъ въ окна, вѣтеръ воетъ въ трубѣ... Вотъ и всѣ слезы, вотъ и всѣ вопли по тебѣ, Марья Ивановна. За дверьми раздаются шаги, и Парамонычъ, собравшись съ силами, жалобно *продолжаетъ* (хотя еще и не начиналъ). «Не отврати лица «Твоего отъ мене, въ онъ же аще день скорблю, преклони ко «мнѣ ухо Твое...»

На порогѣ являются Никитиха, Маслиха, Петриха, и Самсониха. Робко крадутся онѣ другъ за дружкой, подходятъ къ столу и усердно кладутъ земные поклоны. Маслиха откидываетъ отъ лица покойницы простыню, и шепчетъ Никитихѣ:

— Ну просто, какъ живая... Нисколько не измѣнившись!..

— Точно спитъ, голубушка моя! отвѣчаетъ та, отирая слезы: — какая красивая! просто молоденькая...

— И духу-то отъ нея никакого нѣтъ! шопотомъ же замѣчаетъ Никитиха, всхлипывая.

— Какой тутъ духъ — давно-ли скончалась?... Охъ, охъ! куда-то все ея добро пойдетъ? вѣдь все растащутъ до нитки... А капотъ-то на ней богатый, — никакъ она въ немъ прошедшій годъ было у причастья?

— Да, кажется; а чепчикъ-то новый, ленты славныя: по рублю шести гривенъ аршинъ...

— Экъ хватила! хрипло шепчетъ Самсониха: — въ лавкѣ у Крупицына точно такія-же по девяти гривенъ!..

— Нѣтъ, мать моя, ужь вѣрно не такія!.. Ты посмотри, какія широкія, да и цвѣтъ дорогой — сиреневой...

— За девять гривенъ такихъ не купишь!

— Бѣдная, бѣдная Марья Ивановна! не отвѣчая, говоритъ Петриха: — умерла сиротой горемычной на чужой сторонѣ... Царство тебѣ небесное, а душенькѣ твоей вѣчный покой! Добрый была человѣкъ! Никогда ни про кого худаго слова не ска-

зала, нищую братію кормила... Да ты никакъ плачешь? спрашиваетъ она Самсониху.

— Да, жалко ее бѣдную! отвѣчаетъ та всхлипывая.

И подгородскія кумушки дѣйствительно плачутъ: отъ нихъ живому житья нѣтъ, а про мертваго всегда найдутся въ запасѣ и слезы и молитва!

— Батюшка идетъ! сказалъ живо Парамонычъ, взглянувъ за окно, и съ новою энергіею продолжалъ: «Не отврати лица Твоего «отъ мене, въ онъ же аще день скорблю, преклони ко мнѣ ухо «Твое!...»

Священникъ, сопровождаемый дьячкомъ, вошелъ въ комнату, кумушки бросились опрометью къ нему на встрѣчу — принять благословеніе. Дьячокъ отправился на кухню, насыпать угольевъ въ кадильницу; священникъ же, надѣвая облаченіе и приглаживая волосы, спросилъ Никитиху:

— Гдѣ-же хозяева?

— Сію минуту пріидутъ, батюшка, отвѣчала та подобострастно.

— Долго хворала покойница?

— Никакъ нѣтъ, батюшка; она скончалась скоропостижно. Вчера, въ эту пору, я видѣла ее на улицѣ... Ужасно, батюшка, умереть безъ христіанскаго покаянія!...

— Воля Божія! отвѣчалъ священникъ. — Одной минуты искренняго раскаянья достаточно, чтобы Господь предалъ забвенію грѣхи многихъ лѣтъ...

— Это истинно, батюшка.

Пришли Курогановы. Дьячокъ, помахивая кадиломъ, возвратился изъ кухни. Парамонычъ зажегъ пучокъ восковыхъ свѣчекъ и сталъ съ поклонами одѣлять ими присутствующихъ; клубы синяго ладану заструились по комнатѣ, захватывая дыханье. Лицо Марьи Ивановны открыли: румянецъ по прежнему рдѣлъ на ея щекахъ, губы были розовыя, глаза выпуклы. Священникъ подошелъ къ ея изголовью, долго, пристально всматривался въ лицо, и наконецъ сказалъ строгимъ голосомъ:

— Гасите свѣчи... Я не могу и не смѣю служить панихиды... Она жива!

— Помилуйте, батюшка, возразилъ дрожа всѣмъ тѣломъ Куроrановъ: — у насъ есть докторское свидѣтельство...

— Хотя бы ихъ было сто, я повторяю вамъ, что она жива, а живыхъ не отпѣваютъ. Стыдно вашему доктору давать ложныя

свидѣтельства. Я довольно видалъ покойниковъ на своемъ вѣку, и повторяю, что она жива!

— Но почему-же вы это думаете, батюшка? спросила Куроганова.

— По этому румянцу, по глазамъ, по упругости тѣла.... Смотрите: я приложу палецъ къ щекѣ и отъ нажима не дѣлается впадины, а бѣловатое отъ пальца пятно покрывается румянцемъ! Давайте стаканъ воды.

Кумушки, умирая отъ любопытства, обступили столъ. Священникъ поставилъ стаканъ на грудь покойницы: вода колебалась....

— Наше дѣло сторона! отвѣчалъ Курогановъ недовольно; — мы не доктора.

— Но вѣдь и докторъ, давшій вамъ свидѣльство, — не портной! — Сергѣевичъ, продолжалъ онъ обращаясь къ дьячку, сходи отъ меня къ Адаму Феликсовичу и попроси его сюда. А, вы голубушки, идите съ Богомъ по домамъ! Вамъ тутъ дѣлать нечего!

Кумушки побрели домой. Дорогою Маслиха рѣшила, что это не съ-просту.

— А что ты думаешь? спросила Никитиха.

— А то, что Марья Ивановна — прошу не прогнѣваться — вѣдьма.

— Ой-ли?

— Да ужъ такъ-съ, повѣрьте мнѣ. Моего глупаго совѣта, конечно, никто не послушаетъ, но знайте, что если ей вбить осиновый колъ въ спину, — то она не встанетъ! Ни подъ какимъ видомъ!

— Еще бы! перебила Петриха, легкое ли дѣло ожить, когда въ спину колъ вобьютъ! Увидимъ, что будетъ!

Уѣздный докторъ Адамъ Феликсовичъ, хотя и носилъ не русскую фамилію, но былъ чистый русакъ: говорилъ, особенно съ простымъ народомъ, очень чисто по-русски, былъ большой хлѣбосолъ и радушный хозяинъ. Въ городѣ его вообще любили. Несмотря на дурную погоду, онъ, по приглашенію священника, тотчасъ же явился къ Кsurvive Курогановымъ. Любезно расшаркиваясь, онъ сказалъ священнику:

— Дорогой, мнѣ сказалъ вашъ посланный, что тутъ какое-то загадочное дѣло...

— Да, кажется, летаргическій сонъ....

— О! это любопытно, очень рѣдкостный случай...

И докторъ подошелъ къ покойницѣ. Со всѣмъ цинизмомъ человѣка привыкшаго не церемониться съ трупами, онъ сталъ тормошить тѣло, щупать глаза и губы, и послѣ долгаго размышленія, сказалъ:

— Дѣйствительно, похоже на летаргію. Впрочемъ, эти признаки очень обманчивы; иногда разложеніе мертваго тѣла бываетъ такъ медленно, что.... Во всякомъ случаѣ, батюшка, не могу не выразить вамъ искренней благодарности за ваше участіе въ этомъ дѣлѣ.... Вы, врачъ души, помогли мнѣ, врачу тѣла—и я немедленно приму необходимыя мѣры.... Хозяинъ! дайте мнѣ перо, чернилъ и бумаги. Да что вы такъ дрожите?

— Еще бы не дрожать, Адамъ Феликсовичъ? отвѣчала Куроганова:—такія ужасти! Еще меня съ братцемъ притянутъ!...

— Полноте пустяки говорить, за что васъ притягивать? Развѣ за то, что пригласили для свидѣтельствованія дурака Еремеева? Но это еще не-Богъ-вѣсть какая вина... Гдѣ его свидѣтельство?

— Вотъ оно, прошепталъ Куроганевъ, подавая бумагу.

— Гм! сказалъ съ усмѣшкой Адамъ Феликсовичъ, прочитавъ свидѣтельство.—*Апоплексія*... Этимъ невѣждамъ рѣшительно ничего не значатъ поставить имя болѣзни наобумъ; имъ все равно: апоплексія, эпилепсія, пневмонія.... Эхъ, досадно даже! У этихъ господъ ни такту, ни знанія, ни даже человѣколюбія...

И докторъ съ досадой разорвалъ въ куски свидѣтельство частнаго врача... Куроганевъ чуть не вскрикнулъ... Было за что такъ крѣпко жать руку Еремееву!

По распоряженію Адама Феликсовича, комнату, гдѣ стояла Марья Ивановна, жарко натопили, а у стола помѣстили двухъ полицейскихъ солдатъ, со строгимъ приказаніемъ наблюдать за мнимо-умершей.

— Ну, что скажете, Лукерья Сидоровна? говорилъ Куроганевъ сестрѣ, въ полночь, когда уже прошла вся эта передряга.— Скверно дѣло!

— Да еще какъ скверно-то, Миша! отвѣчала она со вздохомъ.

— Прощай, наши денежки, сережки и колечки!..

— Это бы еще все не бѣда, — а не пришлось бы отвѣтить...

— Дура ты! за что тутъ отвѣчать?

— А вещи да ломбардные билеты у насъ найдутъ?...

— А если не найдутъ?

— Ну, а если та очнется?

— И то не бѣда! очнется, ну и прахъ ее побери.... Не судьба, значитъ! А жаль, ей Богу жаль! Теперича умри она, окаянная, деньги наши; а ужъ мы бы съумѣли распорядиться, какъ слѣдуетъ.... Что дѣлать: нашелъ—молчи, потерялъ—молчи!

— Да вѣдь глупо же упускать изъ рукъ счастье... Авось Богъ милостивъ, наше отъ насъ не уйдетъ,—и Марья Ивановна взаправду умерла....

— А вотъ увидимъ. Утро вечера мудренѣе.

Но пришло и прошло утро, день, два—пять. Весь городъ сбѣгался смотрѣть на живую покойницу: лежитъ,—а румянецъ играетъ по прежнему; въ комнатѣ, отъ жару дохнуть нельзя, а между тѣмъ ни малѣйшаго признака разложенія.... Покойница лежитъ, какъ живая, за то Курогановы ходятъ, какъ убитые; сестрица даже похудѣла, да и братецъ сталъ на себя непохожъ. Кумушки охрипли отъ разговоровъ, и живая покойница, наконецъ, перестала быть предметомъ ихъ бесѣдъ. Изрѣдка навѣщалъ Курогановыхъ Адамъ Феликсовичъ, и только твердилъ: «очень, очень странно!» Братецъ пробовалъ было подобраться къ нему лазаремъ,—да докторъ такъ на него взглянулъ, что у портнаго и душа ушла въ пятки.... Наступилъ девятый день — покойница все та же.

Утромъ, часу въ десятомъ, у дверей квартиры Адама Феликсовича раздался робкій звонокъ; слуга отворилъ: на порогѣ стоялъ Курогановъ.

— Баринъ вставши?

— Вставши.

— Можно ихъ видѣть?

— Да ты по дѣлу?

— Да, и очень важное дѣло! Доложите, что, молъ, портной Куроганов пришелъ.

— А! это... гдѣ живая покойница?... Ну, что она... еще не померла?

— Вотъ объ этомъ-то самомъ я и хотѣлъ попросит Адама Феликсовича... Какъ, значитъ, онъ порѣшитъ... Доложите же, пожалуйста...

И Куроганов пожалъ руку лакею; въ рукѣ явилась желтенькая. Лакей доложилъ, и черезъ минуту Куроганов явился предъ ясныя очи Адама Феликсовича.

— Ну, что скажешь? спросилъ протекторскимъ тономъ докторъ: — что подѣлываетъ наша покойница?

— Лежитъ, ваше высокоблагородіе.

— Не портится?

— Все въ одномъ положеніи, какъ и вчера... Сколько же еще дней ждать, Адамъ Феликсовичъ?

— Дня три... даже, можетъ быть, еще недѣлю...

— Такъ нельзя ли, Адамъ Феликсовичъ, хоть въ больницу ее перенести... а то, ей-богу, спокою нѣтъ мнѣ съ этой покойницей! Хоть самому приходится въ гробъ лечь. Оба мои мальчишки-ученики убѣжали къ роднымъ, давальцы отъ меня отшатнулись...

— Ну, что жь дѣлать, мой милый! Это такой рѣдкій случай... Такъ тѣло, говоришь ты, не портится?

— То есть, какъ вамъ сказать, Адамъ Феликсовичъ? оно, дѣйствительно, не темнѣетъ, а какъ будто даже духъ есть...

— Надобно было бы мнѣ самому посмотрѣть... Сегодня-то некогда, такъ завтра, либо послѣзавтра...

— Адамъ Феликсовичъ! отчаянно крикнулъ Куроганов.

— Что, мой милый?

— Позвольте намъ ее похоронить!

— Чудакъ! А если она жива?

— Умерла, Адамъ Феликсовичъ; вотъ отсохни у меня языкъ, если не умерла!.. Это она такъ только дурака строитъ... Ужь позвольте намъ ее съ рукъ сбыть... а тамъ, что насчетъ благодарности...

Докторъ какъ-то странно посмотрѣлъ на Куроганова. Портной продолжалъ:

— Послѣ моего покойнаго тятеньки у меня остался одинъ документъ... и самъ я не знаю какой... Будьте милостивы, скажите мнѣ, что въ немъ написано.

И Куроганов поспѣшно подалъ доктору банковый билетъ въ двѣсти рублей. Адамъ Феликсовичъ разсмотрѣлъ его очень внимательно, полюбовался на изящную каемку и превосходно отпечатанный гербъ, изображающій неясыть, кормящую птенцовъ своею внутренностью. Увы! ей уподоблялся въ настоящую минуту и самъ Куроганов! По крайней мѣрѣ, ему легче было бы угостить Адама Феликсовича кусочкомъ своего мяса, нежели банковымъ билетомъ... Но — увы! судьба...

— Гм! промычалъ докторъ, вопросительно глядя на Куроганова.

— Не откажите, отвѣчалъ тотъ, низко кланяясь.

Адамъ Феликсовичъ сѣлъ къ столу и взялъ перо въ руки.

— Повтори же, мой милый, то, что ты говорилъ мнѣ о покойницѣ... Тѣло разлагается?

— Какъ-съ? Что вы изволили сказать?

— То есть, портится тѣло? Вѣроятно есть признаки...

— Да-съ, ужь начало портиться...

— Не замѣтилъ ты черныхъ пятнышекъ около рта и ноздрей? Такихъ маленькихъ — въ маковое зернышко?..

— Есть, есть! я еще сегодня утромъ видѣлъ...

— Глазныя вѣки потемнѣли? посинѣли?

— Совершенно синія.

— О, такъ теперь нѣтъ никакого сомнѣнія: она точно умерла! Вотъ тебѣ свидѣтельство и хорони ее спокойно... Ты бы, мой милый, съ самаго начала это сказалъ! А то мнѣ самому странно: какъ же, думаю, человѣкъ можетъ быть въ обморокѣ девять дней? Небывальщина! Иди же, ступай!

Курогановъ возвратился домой съ сіяющимъ лицомъ. Въ свидѣтельствѣ, данномъ Адамомъ Феликсовичемъ, было восемь строкъ: стало быть, по 25 цѣлковыхъ за строку! Да, не худо! такихъ денегъ, я думаю, не платилъ своему сотруднику ни одинъ редакторъ въ мірѣ... Но принимая въ соображеніе то важное обстоятельство, что отъ этихъ восьми строкъ зависѣла жизнь человѣка, что эти восемь строкъ были смертнымъ приговоромъ несчастной Марьѣ Ивановнѣ — оно дешево! Пятенъ на тѣлѣ никакихъ не было, лицо покойницы было румяно по прежнему, члены гнулись и были упруги, какъ у живой....

Снова явился въ квартирѣ Кsurvo Курогановыхъ Парамонычъ, опять раздался его гнусливый, дребезжащій голосъ: «Не отврати лица Твоего отъ мене...» Сестра Куроганова занялась на кухнѣ приготовленіемъ поминальнаго обѣда. Живо уложили покойницу въ гробъ, увѣдомили священника. Пастырь прочелъ докторское свидѣтельство... задумался-было, но не надолго: затѣять уголовное дѣло не трудно, но каково-то его кончить? Во-первыхъ, удалятъ отъ должности, будутъ таскать по судамъ, а у него — жена и пятеро ребятишекъ... И скрѣпя сердце, священникъ сталъ служить литію...

Мелкій дождь моросилъ, какъ сквозь сито, и застилалъ окрест-

ность; пара полумертвыхъ лошадей везли Марью Ивановну въ малиновомъ гробу — къ мѣсту вѣчнаго успокоенія. За гробомъ плелись, плача и голося, несмотря на ненастье, всѣ подгородскія кумушки. Пріѣхали на кладбище... отпѣли — и, покачиваясь на холстахъ, гробъ исчезъ подъ землею. «Вѣчная память!» пропѣли дребезжащимъ голосомъ дьячки... Вѣчная память!

Нѣсколько дней послѣ похоронъ Марьи Ивановны по Подгородску ходили странные слухи. Петриха увѣряла Сансониху, будто могильщики слышали стоны подъ землей; Никитиха клялась Маслихѣ, что встрѣтила Марью Ивановну близь кладбища... Многіе жители блѣднѣли, разсказывая другъ другу въ вечернюю пору исторію живой покойницы. Одни Куроганoвы, да Адамъ Феликсовичъ были невозмутимо спокойны. Братъ и сестра раза два зачѣмъ-то были въ полиціи, но скоро переселились въ губернскій городъ и зажили богато и счастливо, да кажется, живутъ тамъ и поднесь; Адамъ Феликсовичъ съ тѣхъ поръ надавалъ столько подорожныхъ на тотъ свѣтъ, что вѣроятно позабылъ о Марьѣ Ивановнѣ...

Если бы теперь поднять это дѣло, то, само собою, доносчикъ останется въ дуракахъ: разроютъ могилу, найдутъ кости и слѣдователь скажетъ глубокомысленно: «зачѣмъ же вы изволите дѣлать облыжное показаніе? Вы говорите, что въ этой могилѣ похоронена *живая*, а между тѣмъ тутъ оказались однѣ кости и мертвая голова?»

— Такъ, теперь тутъ однѣ кости! Но я одѣлъ ихъ тѣломъ, я подѣлился съ этимъ тѣломъ моею душою и посвящаю разсказъ мой почтеннѣйшему Адаму Феликсовичу, доктору медицины и разныхъ орденовъ кавалеру.

II.

КОМПАНЬОНКА.

Генеральша Елизавета Сергѣевна Задуваева уже нѣсколько лѣтъ страдала не то русской хандрой, не то англійскимъ сплиномъ. Подобнаго рода болѣзни—бѣднякамъ невѣдомы. Доктора единогласно рѣшили, что ея превосходительству необходимо разсѣяніе—и начала она разсѣеваться. Прожила два года заграницей; была въ Эмсѣ, Киссингенѣ, Маріенбадѣ, Карльсбадѣ и мно-

гихъ другихъ водолечебныхъ городахъ Германіи, пила тамъ и горькія, и кислыя, и соленыя воды, скушала фунтовъ тридцать винограду; въ Висбаденѣ, даже проиграла около полутора-ста червонныхъ въ рулетку,—а все-же хандра не унимается! Видѣла генеральша вѣчно живой Парижъ, вѣчно умирающую Венецію, пламенный Неаполь, животворную Ниццу — вывезла отовсюду разныхъ разностей на нѣсколько тысячъ, и въ таможнѣ, по знакомству, все безпошлинно пропустили... а тоска не проходитъ! Весною, третьяго года, Задуваева отправилась въ свое тамбовское помѣстье, но тамъ ей сдѣлалось хуже: переходъ отъ цивилизированной Европы къ дикой сельской жизни непріятно подѣйствовалъ на нервы Елизаветы Сергѣевны. Въ концѣ лѣта она возвратилась въ Петербургъ, всю осень и зиму восхищала столицу своими обѣдами, раутами и балами, и хотя этого рода леченіе обошлось вчетверо дороже заграничнаго, но польза была та-же!

Тогда ея превосходительство изволили убѣдиться, что все на свѣтѣ «прахъ бо есть и суета», а вслѣдствіе этого убѣжденія всѣ свои помыслы благоволили обратить на предметы душеспасительные и на добрыя дѣла. Поваръ-французъ подалъ въ отставку, или, вѣрнѣе, ему отказано за то, что какъ-то въ пятницу онъ осмѣлился подать на столъ сотэ изъ стерляди, съ подливкой на сливочномъ маслѣ; домъ генеральши наполнился паломниками, странниками, странницами, даже юродивыми. По вечерамъ какой-то старецъ разсказывалъ объ Аѳонской горѣ, либо о Кіево-Печерской лаврѣ. Однажды генеральша посѣтила тюрьму, гдѣ роздала на три цѣлковыхъ булокъ и калачей; въ одну изъ гражданскихъ больницъ прислала бутыль деревяннаго масла и кусокъ домашняго полотна—отъ имени смиренной рабы Божіей Елизаветы; подарила дѣтямъ сосѣдняго ремесленника, человѣка крайне бѣднаго, прехорошенькую механическую игрушку и двѣ коробки *монпансье*... Но увы! даже въ этихъ подвигахъ благотворительности, генеральша не только не нашла утоленія своего душевнаго недуга, но даже встрѣтила одну черную неблагодарность. Взяла она къ себѣ въ домъ на воспитаніе — сиротку Лизаньку, свою крестницу, дочь покойнаго дворецкаго Архипыча. Кормила ее, поила, одѣвала, обувала—и что-же? мѣсяцевъ черезъ пять принуждена была выгнать негодницу. Эта Лиза, позабывъ чувства долга, совѣсти и благодарности, осмѣлилась разставить сѣти единственному сыну генеральши — Борису Ан-

дреевичу. Онъ, конечно, невиноватъ: человѣкъ молодой, пылкій — ему не долго было увлечься... Но она-то, она-то, безстыдница, никогда не должна была забывать, какая огромная дистанція отдѣляетъ ее отъ Бориньки... Она уже не ребенокъ — ей шестнадцатый годъ, могла-бы понять... «Вылитый отецъ!» говорила генеральша, на другой день изгнанія неблагодарной, съ умиленьемъ глядя на сына: — «покойникъ Андрей Ивановичъ, (царство ему небесное) порассказалъ мнѣ многое о своихъ aventures galantes! Ты весь въ него уродился! Конечно, тутъ я не совсѣмъ благоразумно поступила, взявъ эту дѣвчонку въ свой домъ; но je vous demande: могла-ли я думать, чтобы подобная дрянь могла тебѣ понравиться?»

Портретъ маменьки, въ главныхъ чертахъ, готовъ: детали послѣ... Теперь, Борисъ Андреевичъ, на сцену! Позвольте мнѣ описать вашу наружность: отъ роду вамъ, кажется, двадцать пятый годокъ? Maman говоритъ, что двадцать — но она шутитъ: вамъ двадцать четыре года. Вы осчастливили свѣтъ своимъ рожденіемъ въ 1829 году, — дѣйствіе разсказа моего происходитъ въ 1853 — потрудитесь разсчитать... Впрочемъ, виноватъ! ариѳметика для васъ всегда была камнемъ преткновенія, — да кажется и исторія съ географіей то-же? Что жь, за важность! За то, съ десяти лѣтъ вы говорите по французски не хуже (и по русски не лучше) парижскаго gamin, танцуете очень мило... однимъ словомъ — истинно свѣтскій человѣкъ! Но объ этомъ послѣ; а теперь покуда, наружность-то вашу надобно описать... Да что и описывать? красавецъ — да и только! Волосы — что твой шелкъ, и какъ всегда мило причесаны и напомажены, заглядѣнье! Вѣдь вы, Борисъ Андреевичъ, постоянно употребляете филокомъ и eau athénienne изъ магазина à la toilette? Знаю, знаю, по три рубля за банку! Мнѣ говорили, будто вы бѣлитесь, но я не вѣрю — у васъ отъ природы такой удивительный цвѣтъ лица. Лобъ-то у васъ какой чудесный, Борисъ Андреевичъ, ровный, гладкій, бѣлый — чудо! Каково вамъ было носить юнкерскую каску? Я думаю, головушка не разъ болѣла? Конечно, вы были юнкеромъ не долго — всего четыре мѣсяца, лѣтомъ, и изъ этихъ четырехъ мѣсяцевъ, три провели въ отпуску, на дачѣ у maman... но вѣдь и мѣсяцъ военной службы, особенно въ лагерѣ — не бездѣлица! Чего вы только не натерпѣлись, бѣдняжка! Помните-ли, какъ васъ хотѣли поставить на часы за то, что вы ударили вашего дядьку? Да и какъ-же было не ударить? Дерзкій... смѣлъ ска-

зать вамъ, что вы не такъ стоите и ружье криво держите... Онъ, глупецъ, думалъ, что вы можете быть такимъ-же фронтовикомъ, какъ и онъ! Ему легко говорить: онъ съ дѣтства носилъ сѣрую шинель, чуть-ли не въ ней родился, двадцать два года на службѣ, имѣетъ пять ранъ — и если всѣ его медали навѣсить вамъ на шинельку, онѣ вамъ всю грудку отдавятъ. Что-же, и служили, какъ могли! Припомните выступленіе изъ лагеря: вы прошли ровно двѣсти шаговъ—въ каскѣ, съ ружьемъ и ранцемъ за плечами... а ранецъ-то былъ не пустой: десятокъ апельсиновъ, двѣ плитки шоколаду, на одиннадцать рублей серебряной монеты, духи, помада, мыло, и почти полная манерка мюскатъ-люнелю... Не шутка!

Доблестное служеніе Марсу разстроило ваше драгоцѣнное здоровье, и вы, по болѣзни, вышли въ отставку. Думали было рискнуть по статской, — но прямо столоначальникомъ не примутъ, а чтобъ быть канцеляристомъ надобно умѣть писать... скоро и хорошо, а вы ни такъ, ни сякъ не умѣете,—да и Богъ съ ней со службой! Чинъ вашъ (юнкеръ въ отставкѣ) конечно не великъ, но что значитъ чинъ при вашемъ состояніи, а главное— при вашей обаятельной наружности. Ужъ будто благовоспитанному юношѣ, какъ вы, и занятій нѣтъ? А Невскій проспектъ, Милютины лавки, Дюссо, Излеръ, театры, балы, пикники... о! да тутъ голова кругомъ пойдетъ! На Невскомъ, вы обращали на себя всеобщее вниманіе щегольскимъ нарядомъ, коляской и парой вороныхъ, не то Масловскаго, не то Хрѣновскаго завода. Прикащики милютиныхъ лавокъ величали васъ по имени и по отчеству; у Дюсо и у Излера вы пользовались неограниченнымъ кредитомъ; въ театрѣ, маскарадахъ, на балахъ — всюду эффектъ былъ вашимъ безсмѣннымъ спутникомъ. А ваши интрижки? Признайтесь, положа руку на лѣвую сторону груди, гдѣ у васъ помѣщается туго-набитый бумажникъ, признайтесь откровенно: много-ли наберется жертвъ вашей нѣжности, кромѣ папенькиной крестницы? «Tout ce qui se vend s'achète!» отвѣчаете вы самодовольно. Правда! продажное покупается! но для чего же покупать то, что иногда продается по нуждѣ... И неужели... однако довольно! Все это «дѣла давно минувшихъ дней,» вы совершенно остепенились съ того времени, какъ судьба связала васъ съ Глашенькой. Но позвольте, —эта исторія очень любопытна.

Maman Бориса Андреевича весьма благоразумно изволила

разсудить, что интрижки милаго сынка внѣ дома и недешево обходятся и до добра не доведутъ — это во первыхъ; а во вторыхъ, зачѣмъ искать далеко то, что можно найдти въ стѣнахъ родительскаго дома. И выписала Елизавета Сергѣевна изъ своего помѣстья нѣсколько дѣвушекъ, будто бы для домашней прислуги.

Одна изъ нихъ обратила на себя особенное вниманіе Бориса Андреевича, а потому и оставлена дома подъ безгрѣшнымъ псевдонимомъ «горничной», прочія отпущены по оброку. Эту избранницу звали Глашенькой. Дѣвочка она была неглупая, годами ровесница молодому барину, собой — самая бѣдая блондинка, но очень недурна. Братца ея пожаловали въ камердинеры Бориса Андреевича, и всѣ остались довольны.

Теперь, вникните хорошенько въ маккіавелизмъ домашней тактики Елисаветы Сергѣевны: брата фаворитки Бориньки сдѣлать его камердинеромъ; какая тонкость! Камердинеръ у молодаго барина бываетъ обыкновенно его повѣреннымъ, его *руффіано*, какъ говорятъ итальянцы, или Фигаро, какъ болѣе вѣжливо выражаются французы. Но могъ ли Боринька, не боясь грѣха, довѣрять свои стороннія интрижки своему чуть чуть что не шурину? Разумѣется, нѣтъ, и тѣмъ болѣе, что Глашенька взяла барчонка въ ежовыя рукавицы. Собирается ли онъ куда нибудь въ гости, у него сперва повыспросятъ, есть ли тамъ молодыя дѣвицы? Есть—тогда бѣда! Глашенька плачетъ, осыпаетъ Бориньку упреками, ревнивыми распросами... Если же Борисъ Андреевичъ, чтобы отвязаться, говоритъ, что идетъ въ холостую компанію — тогда было еще хуже. «Это значитъ у васъ тамъ будутъ разныя безпутства!» восклицала Глашенька. «Видно я вамъ надоѣла, видно у васъ новый предметъ?» и т. д. Иной разъ, и сказалъ бы Борисъ Андреевичъ, что хотя у него новаго предмета и нѣтъ, но что Глашенька дѣйствительно ему надоѣла немножко... сказалъ бы, да нельзя: Глашенька постоянно въ такомъ положеніи... Но, Боже мой! довольно, довольно... Все это, какъ видите, такъ гадко, такъ грязно... Мы лучше возвратимся опять къ Елисаветѣ Сергѣевнѣ. . . . .

Хандра ея была рѣшительно неизлечима. Посѣщенія ея знакомыхъ не доставляли ей ни малѣйшаго развлеченія; нѣкоторые изъ нихъ еще пуще раздражали ея нервы. Между знакомыми были чадолюбивыя маменьки со спѣлыми дочерями, которыхъ прочили въ невѣсты Борису Андреевичу. Согласно

инструкціямъ маменекъ, прелестныя дѣвы не щадили, какъ говорятъ балаганныя афиши, «ни трудовъ, ни издержекъ», чтобы заполонить сердце молодаго Задуваева. Онѣ пѣли любимые его романсы, сами ангажировали его на кадрили; одна изъ нихъ, въ рожденье генеральши, протанцовала даже *па де шаль*... Увы! вотще! Боринька холоденъ и твердъ, какъ кабанъ невскаго льду. Холодности этой было двѣ причины: первая — та, что ни одна изъ этихъ барышенъ ему не нравилась; а вторая — что онъ хорошо зналъ, что, скрытая портьеркой, въ сосѣдней комнатѣ находится Глашенька и слѣдитъ за нимъ ястребиными глазами. Барышни умѣли однако же истолковать равнодушіе Бориньки въ свою пользу.

Охъ, маменьки, маменьки—Богъ вамъ судья! Слова: «нравственность, приличіе» у васъ съ языка не сходятъ, а между тѣмъ какъ часто заботы о счастіи дочерей увлекаютъ васъ за черту благоразумія и заставляютъ нарушать самыя первыя правила и приличія нравственности! Я увѣренъ, что ни одна изъ васъ, конечно, не поѣдетъ съ дочерью въ гости къ холостому мужчинѣ, хотя бы за строгость его правилъ вамъ ручался весь городъ... Какъ можно! прилично-ли? Ѣздить же въ домъ къ старухѣ, у которой взрослый сынъ—совершенно прилично и нравственно,—не правда-ли? Вы составите съ матерью партію въ пикетъ или ералашъ, и въ тоже время будете льстить себя пріятной надеждой, что дочь ваша составитъ иную партію... хоть *въ марьяжъ* напримѣръ?.. Мило, мило и мило!..

Но что же дѣлать генеральшѣ съ ея хандрой? Не застрѣлиться же!.. Утопающій хватается за соломенку,—а Елисавета Сергѣевна ухватилась за книги. Онѣ дѣйствительно занимали ее на нѣсколько времени, — но тутъ, опять новое горе: глаза слабы, а печать, какъ на зло, такая мелкая, слѣпая... Хорошо, еслибы кто вслухъ читалъ, — но кому читать? Бориньки цѣлый день дома нѣтъ, а когда и бываетъ, то ужь вѣрно найдетъ себѣ болѣе пріятное занятіе. «Да что долго думать? возьму компаньонку!» рѣшила генеральша. «Какую нибудь иностранку среднихъ лѣтъ. Дамъ ей рублей семьсотъ жалованья, столъ, квартиру, прислугу: пусть мнѣ книжки читаетъ, что нибудь, авось веселѣе будетъ... все же живой человѣкъ! А то моська и попугай, такъ надоѣли...»

Черезъ нѣсколько дней, въ «Полицейской газетѣ» было напечатано объявленіе, которымъ, на весьма выгодныхъ условіи

ахъ, приглашали компаньонку—въ домъ генеральши Задуваевой на Итальянской улицѣ № 987. И ежедневно являлись къ генеральшѣ разныя искательницы выгоднаго мѣста. Сначала пришла какая-то шведка, непонимавшая ни слова по русски; за ней швейцарка, страшно нюхавшая табакъ, съ весьма подозрительнымъ краснымъ носомъ. Была и нѣмка—отрекомендовавшаяся тѣмъ, что хотя она и не умѣетъ читать по французски, но за то отлично знаетъ домоводство и превосходно солитъ грибы и варитъ варенье; за ней явилась русская,—дѣвица лѣтъ пятидесяти, бывшая монастырка, дочь убитаго подъ Аустерлицемъ полковника. Съ ней бы еще можно было поладить; но она настоятельно требовала, чтобы генеральша всюду выѣзжала не иначе, какъ съ нею, и позволила ей называть себя «maman». Послѣднимъ условіемъ генеральша даже обидѣлась.

Наконецъ, въ одно прекрасное утро, ей доложили, что пришла какая-то французская мамзель или мадамъ и желаетъ видѣть ея превосходительство. «Просить», нехотя отвѣчала генеральша и ожидала появленія какого нибудь новаго феномена, въ родѣ шведки или нѣмки... но на этотъ разъ Задуваева пріятно обманулась въ своихъ ожиданіяхъ. Въ пріемной увидѣла она миловидную француженку, лѣтъ тридцати пяти, одѣтую съ тѣмъ шикомъ и вкусомъ, который составляетъ шестое чувство каждой француженки.

—Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить? начала генеральша, величественно опускаясь въ кресла.

— Меня зовутъ Амалія Робильяръ, отвѣчала посѣтительница, превосходнымъ парижскимъ выговоромъ: — одна особа изъ знакомаго мнѣ семейства генерала Короваева — говорила, что вы желаете взять компаньонку?

— Да, я публиковала въ газетахъ, отвѣчала генеральша, стараясь картавить. — А вы изъ Парижа?

— Я долгое время жила тамъ, и пріѣхала въ Петербургъ оттуда; но я родилась въ Марсели.

— Гм! А вы давно въ Россіи?

— Пять лѣтъ. Я воспитала дочерей у г. Мезенскаго...

Слово за слово, бесѣда оживилась. Елисавета Сергѣевна была вскорѣ рѣшительно очарована мадмуазель Робильяръ. Француженка, безъ всякаго жеманства, разсказала генеральшѣ всю свою исторію. Противъ обыкновенія, не назвалась дочерью полковника великой арміи. Покойный отецъ ея былъ штурманомъ

купеческаго судна и умеръ, оставивъ жену и дочь въ крайней бѣдности. Вдова, съ маленькой Амаліей, переселилась въ Ліонъ, къ брату, фабриканту шелковыхъ матерій. Амалія выросла, поѣхала съ матерью въ Парижъ, гдѣ была гувернанткой въ пансіонѣ; послѣ смерти матери поступила наставницей, сперва въ одно англійское семейство, а потомъ къ дочерямъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Мезенскаго, и съ ними пріѣхала въ Петербургъ. Вотъ и все. Тутъ, какъ видите, нѣтъ ни братца убитаго въ Алжирѣ, ни дядюшки уѣхавшаго въ Калифорнію, отъ котораго получать милліоны наслѣдства; нѣтъ никакого Альфреда или Адольфа, который воспользовался неопытностью,—словомъ, тутъ одна правда. Всматриваясь въ лицо мадмуазель Робильяръ, генеральша замѣтила въ немъ то спокойствіе, ту покорность, которыя свойственны дѣвушкѣ нравственной, честной, достигшей возраста, когда замужество становится анахронизмомъ. Елисаветѣ Сергѣевнѣ почему-то стало жаль француженки и она спросила не совсѣмъ скромно:

— Вы не молоды... Но гдѣ-же ваша молодость?

— О! отвѣчала Робильяръ съ грустной улыбкой: — молодость бѣдняковъ — скоро блекнетъ... Я ее и не замѣтила...

— И вы никогда не любили?

— Никогда, отвѣчала Амалія совершенно спокойно: — мнѣ было некогда...

— Однако-же, когда нибудь мечтали же вы о высокомъ назначеніи женщины быть подругою мужчины, вѣрною женой, доброй матерью...

— Не имѣя понятія о любви жены къ мужу, я старалась любить материнскою любовью тѣхъ дѣтей, которыхъ поручали моему надзору—и, какъ могла, свято соблюдала мои обязанности. Надѣюсь, что ни одна изъ моихъ воспитанницъ не помянетъ меня лихомъ. Но извините, заключила Робильяръ съ улыбкою: —эти слова похожи на рекомендацію себя самой... Оставимъ это. Въ чемъ же будетъ состоять моя должность у васъ въ домѣ?

— Быть моей собесѣдницей, иногда читать мнѣ, помогать въ вышиваньи и... и, кажется, только...

— Вы не страдаете безсонницей?

— Нѣтъ, слава Богу, сплю хорошо, но иногда на меня нападаетъ какая-то тоска, и сама не знаю, отчего... Въ эти роковые

дни, я попрошу васъ, принимать за меня гостей и брать на себя скучную роль хозяйки.

— Все это необременительно, и я съ удовольствіемъ принимаю эти условія.

Дѣло кончено. Мадмуазель Робильярдъ поступила въ компаньонки къ генеральшѣ и все пошло прежнимъ порядкомъ. Первую пору прислуга искоса посматривала на новое лицо, а пуще всѣхъ злилась ключница Савельевна, бывшая няня Бориньки. Она была увѣрена, что мамзель нанята для того, чтобы слѣдить за нею и ловить ее на кражѣ сахару, кофе и прочей провизіи; однако посмотрѣла: нѣтъ!—мамзель на нее не обращаетъ никакого вниманія. Ключница убѣдилась, что мамзель нанята не для нея, и принялась воровать по прежнему. Борисъ Андреичъ, увидя новое лицо у своей maman, тотчасъ-же причислилъ его къ разряду приживалокъ, и потому едва-едва удостоивалъ компаньонку взглядомъ. Въ продолженіе двухъ первыхъ мѣсяцевъ онъ не сказалъ ей и десяти словъ; въ свою очередь и мадмуазель Робильяръ обходилась съ нимъ съ самою холодною учтивостью. Это удивило Бориньку. Привыкшій съ дѣтства встрѣчать во всѣхъ окружающихъ генеральшу—раболѣпство и подобострастіе къ своей персонѣ, онъ вдругъ видитъ въ какой-то наемницѣ, француженкѣ, такое обидное равнодушіе... Странно! И Борисъ Андреичъ попристальнѣе началъ всматриваться въ компаньонку, которую прислуга перекрестила въ Амалію Ѳедоровну. Въ первый разъ это случилось вечеромъ за чайнымъ столомъ. Елисавета Сергѣевна дремала, Боринька курилъ сигару, искусно пуская дымъ кольцами, Амалія Ѳедоровна задумчиво что-то чертила ложечкою на подносѣ. Глаза Бориса Андреича сначала слѣдили за причудливыми очертаніями сигарнаго дыма, потомъ отразились въ серебряномъ самоварѣ,—наконецъ, мягко опустились на голову Амаліи Ѳедоровны. Барченка поразилъ лоскъ черныхъ, какъ вороново крыло, волосъ, очень мило причесанныхъ; потомъ взглядъ его скользнулъ по тонкимъ бровямъ и упрямо остановился на глазахъ, полузакрытыхъ длинными рѣсницами. Какъ ни напрягалъ Борисъ Андреичъ своего взора, какъ ни старался придать ему самое убійственное выраженіе, рѣсницы Амаліи Ѳедоровны были неподвижны; но юноша не унимался. Наконецъ глаза ему начало рѣзать: вмѣсто одной — онъ видѣлъ двухъ компаньонокъ... Боринька заморгалъ, но глазъ съ Амаліи Ѳедоровны не сводилъ. Тогда она нечаянно взглянула

на него и своимъ взглядомъ обожгла Бориса Андреича: онъ вздрогнулъ, осовѣлъ и вспыхнулъ до ушей.... Взглядъ этотъ выражалъ полное презрѣніе.

Боринька всталъ изъ-за стола, сердито оттолкнулъ свой стулъ и, процѣдивъ сквозь зубы: «adieu», удалился на свою половину раздавленный, уничтоженный. На вѣжливыя привѣтствія Глашеньки, впервые въ жизни отвѣчалъ сердито; на ея распросы, что съ нимъ, — попросилъ оставить себя въ покоѣ. Глашенька вздохнула, медленно пошла къ дверямъ, остановилась... Боринька и не оглядывается. Фаворитка зашелестила особымъ шагомъ: «авось молъ подумаетъ, что плачу!» Не тутъ-то было! Глашенька плюнула и ушла, хлопнувъ дверью, а Борисъ Андреичъ два раза повернулъ ключъ въ замкѣ. Сѣлъ къ столу, взялъ книгу: буквы такъ и прыгаютъ, а между строчками будто огненныя змѣйки перебѣгаютъ; дышать тяжело, душно, въ темномъ углу точно сверкаютъ жгучіе глаза Амаліи Ѳедоровны. Хорошо, Боринька—человѣкъ не суевѣрный, а будь на его мѣстѣ простакъ, вѣдь рѣшилъ бы, что сглазили! — Что вы думаете, Борисъ Андреичъ, не сглазили-ли васъ и въ самомъ дѣлѣ? Спросите у вашей Савельевны, и она докажетъ вамъ, что сглазить не трудно: она приведетъ вамъ этому тысячи примѣровъ, вспрыснетъ васъ водичкой, пошепчетъ надъ вами... Право, посовѣтуйтесь, не мѣшало-бы...

Легъ Борисъ Андреичъ спать — не спится! То его броситъ въ жаръ, то въ холодъ. Мало по малу самолюбіе и самонадѣянность начали напѣвать Боринькѣ свои утѣшительныя пѣсни. «Тебѣ ли не побѣдить француженку? Полно, Борисъ Андреичъ. Сообрази только: она что? Наемщица, дрянь, голь... а ты богатъ и знатенъ. Можно подарить браслетецъ отъ Брейтфуса или Фаберге — рубликовъ въ семьдесятъ—и дѣло съ концомъ!» И убаюканный сладкой надеждой Боринька, наконецъ, заснулъ богатырскимъ сномъ.

Первою мыслію Бориса Андреича при пробужденіи была вчерашняя исторія съ глазами. Встрѣтивъ Амалію Ѳедоровну за утреннимъ чаемъ, Боринька очень любезно раскланялся и даже протянулъ къ ней руку. Компаньонка вѣжливо отвѣчала на привѣтствіе, но руки не подала. Боринька нахмурился и рѣшился мстить Амаліи Ѳедоровнѣ колкостями и сарказмами. Но для этого надобно имѣть въ своемъ умственномъ арсеналѣ богатый запасъ оружія и оборонительнаго и наступательнаго, а

молодой Задуваевъ ничѣмъ похвастать не могъ. Было у него нѣсколько фразъ, вычитанныхъ изъ романовъ графини Дашъ и Гондрекура; но эти фразы отъ частаго употребленія обратились въ совершенную негодность. «Однако, рискну!» подумалъ Борисъ Андреичъ и сказалъ Амаліи Өедоровнѣ, разумѣется по-французски:

— Я чрезвычайно люблю вашъ языкъ, мадмуазель, его почему-то считаютъ бѣднымъ, но считаютъ тѣ, которые съ нимъ плохо знакомы... Есть слова, проникнутыя такимъ глубокимъ смысломъ, что рѣшительно непереводимы на другой языкъ. Напримѣръ, какъ мило слово: *pruderie?* А какъ перевести его на русскій языкъ? Невозможно!

— Вы выбрали изъ французскаго лексикона одно изъ слабыхъ словъ, отвѣчала холодно Амалія Өедоровна, — слово *fatuité* — гораздо лучше!

Боринька покраснѣлъ... сорвался; хотѣлъ было сказать какую-то дерзость, да передумалъ. «Чортъ съ ней!» сказалъ онъ самому себѣ: «это также своего рода кокетство... Она воображаетъ, что можетъ плѣнить меня своими отрѣшенными прелестями. Жаль только, что не на дурака напала!» Послѣ этого, недѣли двѣ, онъ ни слова не говорилъ съ компаньонкой. Генеральша замѣтила эти странныя отношенія и какъ-то спросила у Бориньки: что это значитъ?

— А что такое, maman? отвѣчалъ Задуваевъ.

— Что ты, поссорился съ Амаліей Өедоровной?

— И не воображалъ... Почему вы такъ думаете?

— Да помилуй, вѣдь я не слѣпая? Ты едва ей кланяешься, никогда съ ней не поговоришь... Чѣмъ она тебя разсердила?

— Рѣшительно ничѣмъ. Если мы не разговариваемъ, то вѣроятно потому, что не о чемъ.

— Съ ней-то не о чемъ? О, какъ же ты мало ее знаешь! Да это такая умница, что въ состояніи поддержать какой угодно разговоръ. Какая она музыкантша, какъ мило рисуетъ!...

— Какое мнѣ до этого дѣло? Если она умна и любезна, тѣмъ лучше для нея... вѣдь она компаньонка, стало быть любезность ея ремесло!

— Фи, Борисъ, какъ ты тривіально выражаешься. Во чтобы то ни стало я хочу помирить тебя съ Амаліей, и хочу, чтобы ты перестал быть о ней такого дурнаго мнѣнія. Постой, сегодня же за обѣдомъ я познакомлю васъ другъ съ другомъ покороче.

Оно не опасно. Робильяръ хотя и хорошенькая, но ей подъ сорокъ, и она такъ благоразумна...

— Нѣтъ, maman, прошу васъ, не дѣлайте этого. Что за мировая у людей, которые не ссорятся и не ссорились, и вѣроятно никогда не будутъ ссориться? Къ чему же намъ сближаться?

— А къ тому, что мнѣ хочется, чтобы ты полюбилъ ее, какъ сестру, потому что я люблю ее, какъ дочь...

— Но что же мнѣ дѣлать, если у меня къ ней антипатія...

— Вздоръ, вздоръ! Это какой-то капризъ, и больше ничего. Мнѣ тѣмъ болѣе досадно, что она о тебѣ всегда отзывается съ самой выгодной стороны.

— А что же она, напримѣръ, про меня говорила?

— Хвалила твою наружность, твой голосъ... Намедни она слушала, какъ ты пѣлъ романсъ, и плакала. Неужели ты не замѣтилъ?

— Въ самомъ дѣлѣ плакала? самодовольно спросилъ Боринька.

— Такъ неужели я лгу? Она сказала при этомъ, что у тебя голосъ не великъ, но прекрасно выработанъ и что ты поешь съ большимъ чувствомъ...

— А что я такое пѣлъ?

— Ты пѣлъ элегію: «Погасло дневное свѣтило!»

— И она, вы говорите, плакала? Но вѣдь она очень мало понимаетъ по русски?

— Я перевела ей, какъ умѣла. Благодаря меня, она сказала, что твое пѣніе понятно даже безъ перевода!

Борисъ Андреичъ засмѣялся.

— Чему же ты смѣешься? спросила генеральша.

— Такъ... Пожалуй, чтобъ угодить вамъ, сегодня за столомъ я постараюсь быть съ нею любезнымъ, а потомъ спою элегію. Увидимъ, заплачетъ ли Амалія Ѳедоровна.

— Охъ, Боря, Боря! воскликнула Елисавета Сергѣевна, погрозивъ сыну. — Насъ, женщинъ, бранятъ... а я скажу, что кокетками бываютъ и мужчины!

— Какъ! чтобъ я кокетничалъ съ ней? Ха, ха, ха! Это забавно! И въ мысляхъ не держу, хочу только угодить вамъ, вотъ и все!

Къ обѣду Борисъ Андреичъ, противъ обыкновенія, принарядился, подфабрилъ и закрутилъ усики, долго всматривался, прищурясь, въ зеркало, наклоняя голову то на право, то на

лѣво, опрыскался духами и нетерпѣливо посматривалъ на часы, а между тѣмъ странныя мысли приходили ему въ голову. «Мое пѣніе нравится компаньонкѣ», мечталъ Донъ-Жуанъ: «слѣдовательно и я ей нравлюсь; если же я ей нравлюсь, то побѣда моя! Какъ подумаешь, наружность обманчива! Я сначала думалъ, что Амалія Ѳедоровна нѣчто въ родѣ Гибралтара: неприступная, непреступная — и что же? Дня черезъ два, много черезъ три — она моя! Признаюсь, я даже не охотникъ до этихъ мелкихъ побѣдъ, тѣмъ болѣе, что тутъ съ ея стороны болѣе разсчета, нежели любви. Любопытно знать, во сколько мнѣ обойдется эта интрижка?»

Въ столовой мнимые враги встрѣтились: на почтительный поклонъ Бориса Андреича, компаньонка отвѣчала церемоннымъ реверансомъ. Задуваевъ опять уставилъ на нее глаза, почти уже какъ на свою собственность. Хороша, очень хороша! Глаза прекрасные, зубы какъ слоновая кость, бюстъ превосходный, а какая ножка!... Право, только француженки умѣютъ такъ граціозно обуваться... Глаза Бориса Андреича замаслились, зрачки расплылись, какъ у разсерженнаго попугая, — и опять, какъ въ тотъ роковой вечеръ, впились въ глаза Амаліи Ѳедоровны, и опять глаза француженки метнули искры и обожгли Бориньку. На этотъ разъ, однако же, онъ выдержалъ огонь непріятельской батареи и даже пролепеталъ какую-то любезность. Амалія Ѳедоровна снисходительно улыбнулась, Боринька пріободрился. Елисавета Сергѣевна хотя и не замѣтила глазныхъ маневровъ своего дѣтища, однако же поняла, что онъ конфузится и рѣшилась его выручить. Она очень искусно завела разговоръ о чужихъ краяхъ вообще и Франціи въ особенности. Воспоминаніе о родинѣ вдохновило компаньонку, она разговорилась, и генеральша, и даже Борисъ Андреичъ ее заслушались. Амалія Ѳедоровна разсказывала имъ о Марсели, о прелестномъ его мѣстоположеніи; сообщила имъ нѣсколько мѣстныхъ легендъ и преданій, между прочимъ о страшной чумѣ тысяча семьсотъ двадцать перваго года. Лицо ея горѣло живымъ румянцемъ, глаза блестѣли... Въ эту минуту компаньонка была красавицей. Не сводя съ нея глазъ, Боринька мысленно сравнивалъ ее съ Глашенькой,—и увы!—фаворитка много, очень много утратила при этомъ сравненіи; это собственно въ отношеніи физическомъ, о моральномъ уже и говорить нечего. Потомъ Борисъ Андреичъ спѣлъ нѣсколько романсовъ, элегію Пушки-

на. Амалія Өедоровна слушала съ непритворнымъ вниманіемъ, а при послѣдней пьесѣ, хотя и не прослезилась, какъ ожидалъ Задуваевъ, но глубоко задумалась,—а это еще того лучше! Случайно Боринька взглянулъ на часы: «Десять уже?» сказалъ онъ матери съ удивленіемъ, и это слово было самой лучшей похвалой Амаліи Өедоровнѣ.

Въ двѣнадцатомъ часу Борисъ Андреичъ ушелъ на свою половину съ самыми пріятными впечатлѣніями. Компаньонка окончательно очаровала его. Ея свѣтлый умъ, развитый превосходнымъ образованіемъ, разговоръ чуждый педантизма, любезность безъ малѣйшаго кокетства — могли потрясти и не такую мелкую душонку, каковою судьба наградила Бориса Андреича. При входѣ въ свой будуаръ, онъ былъ выведенъ изъ задумчивости плаксивымъ голосомъ Глашеньки:

— Такъ вотъ вы какъ? Хорошо же вы дѣлаете, Борисъ Андреичъ, спасибо вамъ!...

— А что такое? съ неудовольствіемъ отвѣчалъ Боринька, садясь къ столу.

— А то, что я все видѣла, какъ вы съ вашей француженкой любезничали и романцы ей разные пѣли. Что жь, ваша воля! Ее можетъ быть за этимъ и наняли! Богъ съ вами! Будьте счастливы, и не оставьте только моихъ дѣтей. А я знаю, что сдѣлаю...

— Что же ты сдѣлаешь?

— Да ужь знаю. Въ Невѣ много мѣста для такихъ несчастныхъ, какъ я! А если не въ Невѣ, то мало ли есть способовъ лишить себя жизни? Вѣдь я знаю, вы будете очень этому рады. У меня уже все готово...

Борисъ Андреичъ поблѣднѣлъ.

— Ты, Глаша, прошепталъ онъ дрожащимъ голосомъ: — глупостей не дѣлай!

— А вы хорошо дѣлаете? Правду говорятъ, что мужчины всѣ обманщики! Дайте мнѣ вашу бритву, я сейчасъ зарѣжусь...

И Глашенька поднесла пустую руку къ своему горлу. Боринька съ ужасомъ бросился къ ней, чтобы отнять небывалую бритву. Глашенька увертывалась; наконецъ чуть слышно проговорила:

— Все равно! не зарѣжусь, такъ удавлюсь! Вотъ кстати шнурокъ отъ вашего халата.

— Глаша! началъ умолять испуганный Боринька: — Глаша, перестань дурачиться! Ты напрасно меня подозрѣваешь: я и не

думаю любить француженку. Это все маменька... Глаша, полно? Я одну тебя люблю!... Постой, вотъ тебѣ доказательство, какъ я о тебѣ думаю. Какъ ты находишь эти сережки?

И тутъ Борисъ Андреичъ подалъ ей сафьянную коробочку. Глашенька открыла: тамъ золотыя съ брильянтами сережки.

— Ахъ, какія прелести! воскликнула она радостно: — какой вы душка, Борисъ Андреичъ; вотъ, теперь, я точно вижу, что вы меня любите, да вѣдь и я васъ очень люблю, прибавила Глашенька, разсматривая сережки. — А это какой камень?

— Аметистъ.

— А-ме-тисъ?... вотъ онъ какой — аметисъ... А какой это камень, зеленый?

— Вѣроятно, изумрудъ. Ну, теперь, ты спокойна?

— Да, теперь спокойна. Купите мнѣ, Борисъ Андреичъ, когда нибудь сережки съ изумрудомъ... Одна знакомая дѣвица продаетъ по случаю.

— Хорошо, хорошо! Ступай же спать и будь спокойна.

— Дайте же я васъ поцалую, хорошенько, вотъ такъ!... Прощайте, *а ревуаръ*... — Это что значитъ, *а ревуаръ*?

— До свиданья, до свиданья.

— А какъ сказать: покойной вамъ ночи и пріятнаго сна?

— Bonne nuit et dormez bien, отвѣчалъ съ улыбкой Боринька.

— Бонюи э... не выговорить! Прощайте. — И Глаша ушла.

Теперь необходимо сказать нѣсколько словъ въ оправданіе генеральши. Ее побуждало сблизить сына съ компаньонкой не что иное, какъ материнское самолюбіе. Ей любопытно было услышать безпристрастное мнѣніе о Боринькѣ и его образованіи; она хотѣла знать, какое впечатлѣніе можетъ произвести сынъ ея на дѣвицу умную, образованную и любезную, какъ компаньонка. Другаго умысла не было. Борисъ Андреичъ, въ первую минуту очарованный умомъ Амаліи Ѳедоровны, началъ впослѣдствіи увлекаться уже совершенно чувственными мечтами. Строгость правилъ компаньонки особенно распаляла страсть Бориньки. Есть люди, которые любовью своею возвышаютъ падшую женщину до степени дѣвственницы; но еще болѣе есть людей на свѣтѣ, которые дѣлаютъ наоборотъ. Женщинъ давнымъ-давно сравнивали съ цвѣтами, и руководствуясь этимъ сравненіемъ — скажу, что для Бориса Андреича компаньонка была тѣмъ же, чѣмъ для любителя цвѣтовъ бываетъ какая нибудь альпійская

роза, выросшая на неприступной высотѣ. Цвѣтокъ самъ по себѣ не очень красивый, но добыча-то его сопряжена съ такими затрудненіями и опасностями, что за цвѣткомъ тянутся изъ удальства и самолюбія. Камеліи и чужеземныя и доморощенныя Борису Андреичу давно прискучили, и онъ потянулся за альпійской розой. Удастся — хорошо, а нѣтъ — не судьба!

Подражая главному персонажу греческой миѳологіи, Боринька, для обольщенія Амаліи Ѳедоровны, сталъ принимать на себя разные образы и виды. То разсыпался онъ передъ нею золотымъ дождемъ, сорилъ деньгами, обвѣшивался драгоцѣнностями,—но компаньонка была не Даная; то превращался онъ въ нѣжнаго голубка и томно ворковалъ нѣжности; то, наконецъ, дѣлался виртуозомъ, по цѣлымъ днямъ игралъ на флигелѣ и пѣлъ романсы; компаньонка слушала, благодарила, но — и только. Отчаянный Борисъ Андреичъ догадался, что не этимъ можно снискать расположеніе компаньонки, что она, если кого и полюбитъ, тотъ долженъ быть человѣкомъ съ душой... Да, легко сказать—съ душой! А гдѣ ее возьмешь? Въ магазинѣ не купишь. Боринька началъ рыться и въ своихъ мысляхъ и въ сердцѣ — нѣтъ ли гдѣ нибудь той души, за которую бы полюбила его Амалія Ѳедоровна? Вмѣсто сердца — золотой хронометръ, не на тринадцати, а на одномъ камнѣ, эгоизмѣ, выбиваетъ себѣ аккуратно по семидесяти ударовъ въ минуту. Въ головѣ, что? Акціи, банковые билеты, векселя, — ни одного свѣтлаго воспоминанія, ни одной теплой юношеской мечты! И таковъ Боринька съ двѣнадцати лѣтъ.

Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ постояннаго ухаживанья за компаньонкой, Боринька успѣлъ только въ одномъ: узналъ тонъ, который нравится Амаліи Ѳедоровнѣ. Музыка, цвѣты, природа — вотъ ея слабыя струнки, и Борисъ Андреичъ постоянно бесѣдовалъ съ нею о прелестяхъ гармоніи, о чудесахъ растительнаго царства. Компаньонкѣ достаточно было заикнуться о какомъ нибудь цвѣткѣ, чтобы завтра же онъ являлся на окнѣ ея комнаты. Въ первый разъ Амалія Ѳедоровна разсердилась, во второй — пожаловалась генеральшѣ. Та засмѣялась и отвѣчала, что цвѣтокъ не вещь, и обижаться на подарки подобнаго рода несправедливо. Видя, что Амалія Ѳедоровна по прежнему безчувственна, Боринька ударился въ меланхолію. Сталъ жаловаться на усталость отъ жизненнаго пути, бранилъ

свое богатство, называя его золотою клѣткою, въ которую заключена его душа; что все ему постыло...

— Не знаете ли вы причины моей тоски? спросилъ онъ какъ-то у Амаліи Ѳедоровны.

— Какъ не знать! отвѣчала она съ кроткой улыбкой:—есть двѣ причины вашей тоски. Первая — праздность, а вторая — эгоизмъ. Страдая отъ излишества, отчего вы не подумаете о тѣхъ, которые страдаютъ отъ недостатковъ? Помогайте бѣднымъ.

— Скажите, если я буду помогать имъ, тогда можно ли будетъ любить меня? утихнутъ ли тогда мои страданья? И Борисъ Андреичъ устремилъ на компаньонку самый убійственный взглядъ.

— Увидите, холодно отвѣчала она.

— Будутъ ли тогда любить меня? прошепталъ Боринька.

— Тѣ, которымъ вы сдѣлаете добро? Можетъ быть. Вѣрнѣе же всего, что нѣтъ. Но что вамъ до этого за дѣло? Разсчитывая на благодарность, нельзя дѣлать добрыхъ дѣлъ. Въ такомъ случаѣ, вы торгашъ, а не благотворитель!

— Не знаете ли вы какого нибудь бѣднаго семейства,—укажите мнѣ, и я съ радостью помогу.

— Monsieur Борисъ, отвѣчала компаньонка съ важностью:—зачѣмъ же я буду дѣлиться съ вами моими добрыми дѣлами? Ужь неужели на вашу долю и бѣдныхъ нѣтъ? Зачѣмъ искать далеко: посмотрите на вашу дворню. Я уже не говорю о вашихъ деревняхъ, гдѣ, вѣроятно, крестьяне не блаженствуютъ. Будьте имъ отцомъ!

Боринька непримѣтно улыбнулся. Между дворовыми и крестьянами было нѣсколько ребятишекъ, которыхъ баринъ могъ дѣйствительно назвать своими дѣтьми, но благотворить-то имъ—какая стать?

— Итакъ, вы думаете, сказалъ онъ: — что добрыя дѣла отличное лекарство отъ скуки?

— Говорятъ.

— Но я гдѣ-то читалъ, что сѣющій благодѣянія пожинаетъ неблагодарность?

— Сѣйте, не заботясь о жатвѣ.

Я позабылъ сказать, что разговоръ происходилъ на дачѣ. Амалія Ѳедоровна сидѣла на балконѣ съ какимъ-то рукодѣльемъ, а Боринька стоялъ, облокотясь на балюстраду.

— Ваша система благотворительности очень оригинальна! отвѣчалъ онъ, смѣясь: — но кромѣ моихъ крѣпостныхъ, гдѣ же есть еще бѣдные?

«Господа, благодѣтели, подайте ради Христа», раздался кстати чей-то голосъ подъ балкономъ. Въ порывѣ великодушія Борисъ Андреичъ вынулъ изъ кармана свой шелковый кошелекъ, подарокъ одной изъ своихъ жертвъ; взвѣсилъ его на рукѣ: рубля съ три мелочи... куда ни шло! и кинулъ кошелекъ въ шапку нищему.

— Довольны ли вы? спросилъ онъ компаньонку.

— Это вы должны спросить у самого себя.

— Я доволенъ, а вы? приставалъ Боринька.

Компаньонка какъ-то странно на него поглядѣла и молча углубилась въ свою работу.

— Дай вамъ Господи много лѣтъ здравствовать! восклицалъ нищій подъ балкономъ, родителямъ вашимъ царствіе небесное и душенькамъ-то ихъ вѣчный покой! Отцы-то вы наши, благодѣтели, родимые вы наши, кормильцы...

— Ну, ну, хорошо! сердито крикнулъ Боринька: — я ужь тебѣ подалъ — больше не подамъ; убирайся, надоѣлъ!

— Онъ благодаритъ васъ, сказала компаньонка, улыбаясь.

— Очень мнѣ весело отъ его благодарности! Боже мой, еще нищая! Съ дѣтьми... Богъ подастъ, Богъ подастъ! закричалъ Борисъ Андреичъ, махая руками какой-то деревенской бабѣ, которая, съ тремя дѣтьми, прихрамывая, тащилась къ балкону.

— Это вы, мадмуазель Амели, сказалъ онъ съ ироніей: — накликали нищихъ. Тутъ въ полчаса можно истратить полсотни рублей.

Амалія Ѳедоровна, не отвѣчая, вынула изъ кармана серебряный четвертакъ и бросила его черезъ перила прямо подъ ноги нищей. Та даже и не видала лица компаньонки.

— Вамъ пріятно? спросилъ Борисъ Андреичъ.

— Нѣтъ, потому что при свидѣтеляхъ доброе дѣло перестаетъ быть добрымъ.

— Амалія, вы ангелъ! восторженно прошепталъ Борисъ Андреичъ: — скажите мнѣ, любите ли вы меня?

— Какой странный вопросъ! За что же не любить васъ? Я люблю всѣхъ.

— Да я не объ этой любви васъ спрашиваю....

— А то о какой же другой? Я васъ не понимаю, да признаться, и не хочу понимать.

— Но скажите, неужели въ эти десять мѣсяцевъ я рѣшительно ничѣмъ не могъ заслужить вашего вниманія? Помните ли вы зиму? Тотъ вечеръ, когда я пѣлъ романсы... Вы были тронуты, вы даже плакали...

— Была тронута и плакала, но что же изъ этого слѣдуетъ? Что же вы заключаете изъ моихъ слезъ? Иногда я плачу, слушая и шарманку...

— И только?

— Только.

Борисъ Андреичъ ушелъ. «Зачѣмъ это я три-то цѣлковыхъ бросилъ?» сказалъ онъ самому себѣ, бродя по саду. «Подари я ихъ Глашѣ, та, по крайней мѣрѣ, была бы мнѣ благодарна... а этой все равно!»

И послѣ этого, дня три Борисъ Андреичъ не говорилъ съ Амаліей Ѳедоровной и даже избѣгалъ встрѣчъ съ нею. Онъ утѣшался бесѣдою съ Глашенькой... Грустное утѣшеніе! На четвертый день Боринька не выдержалъ, пришелъ съ повинной. Компаньонка, какъ и три дня тому назадъ, сидѣла на балконѣ.

— Вы сердитесь? спросилъ Борисъ Андреичъ.

— На кого? отвѣчала она, не поднимая глазъ.

— На меня.

— За что мнѣ на васъ сердиться?

— За разговоръ третьяго дня?

— Я его совершенно забыла, — а въ доказательство моего миролюбиваго расположенія къ вамъ примите отъ меня эту бездѣлицу...

Амалія Ѳедоровна подала Боринькѣ связанный въ тамбуръ шелковый кошелекъ.

— Какъ! вскричалъ съ восторгомъ юноша:—вы мнѣ дарите эту прелестную вещицу, вѣроятно, вашей работы.

— Если позволите. Это вмѣсто того кошелька, который вы бросили нищему.

— Благодарю, тысячу разъ благодарю васъ, Амели! Постараюсь, чтобы деньги изъ этого кошелька постоянно употреблялись мною на добрыя дѣла. Позвольте мнѣ поцаловать вашу ручку. Если вы не согласны, я попрошу maman уговорить васъ.

Амалія Ѳедоровна протянула Боринькѣ свою хорошенькую ручку, онъ пылко прильнулъ къ ней губами и почувствовалъ,

какъ эта ручка вздрогнула и дѣлала напрасныя усилія освободиться отъ этого огненнаго клейма. Борисъ Андреичъ взглянулъ на компаньонку, лицо ея было въ огнѣ, глаза ея сверкали, она была въ сильнѣйшемъ волненіи...

— Амели! прошепталъ Борисъ Андреевичъ; но компаньонка, отдернувъ руку, быстро ушла съ балкона.

«Кажется, дѣло идетъ на ладъ!» подумалъ Боринька, покручивая усы: «ужь ледъ начинаетъ таять... она будетъ моей! Эхъ, признаюсь, ни одна интрижка не стоила мнѣ столькихъ хлопотъ, какъ эта, за то ни одна не была такъ пріятна!.. Теперь, я думаю, можно написать письмо и положить къ ней въ рабочій ящикъ. На переписку надобно убить недѣльки двѣ, да на изустные переговоры —, недѣльку... О, до переѣздки въ городъ успѣю!.. Глашенька не мѣшаетъ: ей подаришь какой нибудь браслетъ цѣлковыхъ въ семь, либо брошку — и квитъ!

Но за столомъ Бориньку поразили ужаснымъ извѣстіемъ. «Вообрази себѣ», сказала генеральша: «что задумала наша милая, добрая M-lle Амели? Она намѣрена насъ оставить...»

— M-lle вѣроятно шутитъ.... пролепеталъ Борисъ Андреичъ.

— Нѣтъ, не шучу M-r Борисъ, отвѣчала Амалія Ѳедоровна: — ваша maman не вѣритъ мнѣ только, что я уѣзжаю во Францію...

— Не можетъ быть!

— И вы то же? Прекрасно! Я изъ вѣры вышла. Но почему же вы не хотите допустить, что я наконецъ намѣрена переселиться на родину, нанять себѣ гдѣ нибудь скромный уголокъ и пожить нѣсколько лѣтъ въ свое удовольствіе?

— Амели, скажите откровенно: — не я ли разсердилъ васъ чѣмъ нибудь? спросилъ Боринька смиренно.

— Вы? Помилуйте, чѣмъ же вы можете разсердить меня? А! понимаю... вы думаете, что я разсердилась на то, что вы у меня руку поцаловали? Не такъ ли? Но если вы это думаете, то я серьёзно разсержусь,—неужели я такая жеманница? Нѣтъ, M-r Борисъ! мы разстанемся самыми добрыми друзьями.

— Но, Амели, нѣтъ дѣйствія безъ причины, сказала генеральша.—Недѣлю тому назадъ вы говорили мнѣ, что здѣсь на дачѣ такое пріятное житье, что вы бы во вѣки не разстались съ нею... и вдругъ сегодня, будто васъ какая муха укусила, собираетесь во Францію...

— Ахъ, вѣдь вы знаете, что мы, француженки, превзбалмош-

ный народъ! Живя у васъ здѣсь, на дачѣ, я начала сравнивать здѣшнюю природу съ марсельскою, замечталась, замечталась—и рѣшилась. Старыя дѣвы вообще рѣшительны.

Тутъ Амалія Өедоровна принужденно засмѣялась, и продолжала съ какой-то лихорадочной поспѣшностію: «Сегодня вторникъ, завтра я съѣзжу въ городъ, узнаю, когда отправляются пароходы, зайду въ посольство, — а тамъ дней черезъ пять — уѣду.

— Да нѣтъ же, Боже мой, не уѣдете! отчаянно воскликнула генеральша:—что это такое? Жили, жили у насъ, я и скуку мою позабыла, а вы? Вскружили голову,—а сами и были таковы!... Хорошо!

При словахъ: «вскружили голову», компаньонка вспыхнула и закашлялась, чтобы скрыть смущеніе, а Боринька уставилъ на нее глаза съ такимъ плачевнымъ выраженіемъ, какое можно найдти развѣ только въ глазахъ зарѣзаннаго теленка. Тотчасъ же послѣ обѣда компаньонка ушла въ свою комнату и не выходила изъ нея до самаго вечера. Боринька велѣлъ осѣдлать себѣ коня, и подпрыгивая на сѣдлѣ, поскакалъ по аллеямъ Каменнаго острова. Душевно желалъ онъ упасть съ лошадью и хоть бы руку вывихнуть, если только это не больно! Хоть бы лошадь понесла мимо ея оконъ... нѣтъ! какъ на зло, гадкая скотина отлично выѣзжена. Встрѣтилъ Борисъ Андреичъ одну знакомую барыню, завелъ съ ней разговоръ — не клеится! Амалія Өедоровна не выходитъ изъ памяти. Возвратился нашъ рыцарь довольно поздно и засталъ Амалію Өедоровну въ саду, одну. Генеральша еще не спала.

— Итакъ, завтра вы рѣшительно ѣдете? спросилъ Боринька.

— Ѣду непремѣнно. Не хотите ли дать мнѣ какія нибудь порученія въ городъ?

— Никакихъ. Я все еще не могу прійдти въ себя отъ удивленія: что побудило васъ вдругъ оставить насъ?

— Прихоть, фантазія... Передъ отъѣздомъ, у меня до васъ есть большая просьба—исполните?

— Все, что вамъ угодно.

— Спойте мнѣ элегію про море... Я ѣду на пароходѣ, оно же будетъ кстати...

— Сію же минуту, Амели... И въ этомъ вся ваша просьба?

— Да, только въ этомъ. Спойте, если можно, теперь же... Кстати и maman васъ послушаетъ. Она въ залѣ.

Боринька бѣгомъ бросился въ комнаты, открылъ флигель и послѣ нѣсколькихъ бурныхъ аккордовъ, запѣлъ элегію. Амалія Θедоровна ходила взадъ и впередъ по комнатѣ. За нѣсколько тактовъ до окончанія, стала подлѣ Бориньки, искоса взглянула на него, а по окончаніи, пожавъ ему обѣ руки, съ чувствомъ прошептала: «благодарю васъ!» Боринька хотѣлъ-было что-то отвѣчать, но компаньонка быстро скрылась изъ комнаты. Задумаевъ бѣшено ударилъ по клавишамъ... «Кокетка, кокетка!» «все это комедія и притворство! Досадно, а видно придется отложить попеченіе. Рѣшусь, впрочемъ, на послѣдній опытъ»,— пугнуть ее тѣмъ же, чѣмъ иногда пугала Глашенька Бориса Андреевича.

И Донъ-Жуанъ пошелъ на свою половину, досталъ изъ своего бюро скляночку эсс-букета, спряталъ ее въ карманъ и возвратился въ залу. Компаньонка сидѣла у флигеля и задумчиво перебирала клавиши.

— Амели! сказалъ Боринька томно:—угодно ли вамъ выслушать меня въ послѣдній разъ?

— Я васъ слушаю.

— Поняли ли вы, наконецъ, что я люблю васъ, что разлука съ вами для меня невыносима? Скажите мнѣ: чѣмъ заслужить ваше вниманіе?

— Полноте, М-r Борисъ, что за неприличныя шутки... Оставьте этотъ разговоръ и побесѣдуемъ о чемъ нибудь другомъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы должны меня выслушать. Вы знаете, я одинъ сынъ у матери и моя смерть неминуемо убьетъ ее... Берегитесь, чтобы не отвѣчать за насъ обоихъ. Здѣсь—моя судьба! И Борисъ Андреичъ показалъ ей стклянку съ духами.

— Что это? Мятныя капли? съ притворнымъ спокойствіемъ спросила компаньонка.

— Да, мятныя капли! съ горькою улыбкою отвѣчалъ негодяй:—это лекарство отъ болѣзни, называемой жизнію... Смотрите!.. Тутъ Боринька поднесъ флаконъ къ губамъ... Амалія Θедоровна поблѣднѣла, и съ умоляющимъ видомъ протянула къ нему руки... Нашъ герой остановился.

— Вы ѣдете, Амели? прошепталъ онъ.

— Я должна ѣхать, отвѣчала задыхаясь компаньонка: — это необходимо. Выслушайте вы меня, Борисъ. Я бѣдная дѣвушка, труженица... Я живу въ услуженіи у вашей матушки. Она такъ добра, такъ внимательна ко мнѣ, что у меня нѣтъ силъ быть не-

благодарною... А между тѣмъ... (тутъ компаньонка перевела духъ) а между тѣмъ, продолжала она, немного погодя:—я неблагодарная, презрѣнная женщина, я преступница передъ нею...

— Что же вы такое сдѣлали? спросилъ съ недоумѣніемъ Борисъ Андреичъ, — и мысль о кражѣ мелькнула у него въ головѣ.

— Я преступница—и только! Болѣе не скажу вамъ ни слова... Я уѣду, вы не должны удерживать меня! Зачѣмъ пугать меня ядомъ? Зачѣмъ выпытывать отъ меня признанье?.. Оставьте, оставьте меня, ради Бога!.. До сихъ поръ я жила себѣ спокойно, никому не замѣтная, ничтожная... и была, по своему, счастлива! Съ самаго того вечера, когда вы впервые бесѣдовали со мною, я совершенно стала другая, мысли мои перепутаны, сбиты. Я отдалялась отъ васъ, сколько позволяли мнѣ силы. Теперь онѣ слабнутъ—я должна бѣжать. Ради Бога, забудьте меня, оставьте... Ради Бога, если вы добрый, благородный человѣкъ, забудьте меня; а я уже постараюсь забыть васъ... Слова, которыя вы бросали мнѣ можетъ быть изъ жалости, или шутя — я вѣрила имъ, я... Но довольно, довольно! Прощайте...

— Но я уже сказалъ вамъ, что безъ васъ я не могу жить, и если вы уѣдете... тогда...

— Тогда — ничего! Вы мало-по-малу забудете меня, успокоитесь—и все пойдетъ по старому.

— Нѣтъ, Амели, никогда! Останьтесь, я буду вашимъ братомъ и защитникомъ!...

— Братомъ? Помните же...

— И вы останетесь?

— Можетъ быть, а теперь я пойду къ себѣ, мнѣ такъ нужно успокоиться.

Амалія Ѳедоровна тотчасъ вышла изъ комнаты. Но мнѣ наскучило шагъ за шагъ слѣдить за развитіемъ этой печальной исторіи. Полагаясь на свое благоразуміе и на честность Бориса Андреича, Амалія Ѳедоровна осталась у генеральши,—и надежда овладѣть ею снова зажглась въ мысляхъ Боришьки.

Человѣкъ — существо, сотканное изъ противорѣчій. Можно ли было подумать, чтобы Амалія Ѳедоровна, проживъ безмятежно тридцать семь лѣтъ, влюбилась на тридцать восьмомъ году, и въ кого же? Въ двадцати-пятилѣтняго матушкинаго сынка, избалованнаго, развращеннаго до мозга костей. Неужели въ немъ она нашла хотя слабое подобіе идеала, созданнаго ея воображе-

ніемъ? неужели она нашла въ немъ чувство, умъ и душу? Какъ могла она повѣрить, что изъ любви къ ней онъ готовъ отравиться? Не знаю, Богъ вѣсть! Ну, а онъ, какъ по вашему мнѣнію, правъ или виноватъ?

Разумѣется, правъ! отвѣчаютъ многіе: что же за преступленье ухаживать за компаньонкой матери? Это такая обыкновенная исторія, что объ этомъ не стоитъ и говорить!

— Конечно, господа, не стоитъ говорить! Ваша правда. Что такое любовь, по вашимъ понятіямъ?—Раздраженіе нервовъ, учащенное біеніе сердца, вспышка, а чаще всего игра воображенія. «Любовь», сказалъ Ла Рашфуко, двѣсти лѣтъ тому назадъ: «похожа на привидѣніе, о которомъ всѣ говорятъ, но никто не видалъ!» А потомъ развѣ компаньонки, гувернантки способны любить истинно? Quelle idée! Да если бы онѣ истинно любили всѣхъ тѣхъ, которые признаются имъ въ любви, что же бы это такое было? Да однимъ словомъ: любовь ничто иное, какъ препровожденіе времени, та же игра въ карты, у которыхъ одна только — *червонная* (кёровая) масть. Одни играютъ ради скуки; другія (напримѣръ, камеліи) ради насущнаго хлѣба, — это своего рода шулера... Наконецъ, и игра-то эта большею частью подобна карточной: тоже въ пользу воспитательнаго дома! Но ставить на карту жизнь, въ эту игру, глупо, и только! Таковъ современный взглядъ на любовь не только у насъ, въ Петербургѣ, но даже вездѣ и всюду; развѣ только въ Лапландіи да въ Патагоніи думаютъ иначе.

Генеральша была въ восторгѣ, когда Амалія Ѳедоровна сказала ей, что передумала ѣхать во Францію. Борисъ Андреичъ первую пору былъ этимъ очень доволенъ; но тамъ, видя, что бесѣды его съ компаньонкой ограничиваются только разговорами, началъ скучать, скучать и съ каждымъ днемъ Амалія Ѳедоровна теряла въ глазахъ его прежнюю прелесть. Онъ понялъ, что тутъ, какъ говорится, взятки гладки. Бѣдная же компаньонка душою привязывалась къ нему все болѣе и болѣе. Его охлажденіе къ себѣ она объясняла благоразумною осторожностью съ его стороны; онъ скучалъ съ нею, а она думала, что это мечтательность. Но когда осенью Боринька сталъ по цѣлымъ недѣлямъ отлучаться изъ дому, а возвращаясь, едва говорилъ съ нею, Амалія Ѳедоровна стала въ тупикъ, и не могла понять, куда исчезъ прежній Борисъ. Какъ-то она попросила его спѣть ей любимую элегію, но онъ отговорился нерасположеніемъ; въ дру-

гой разъ отвѣчалъ, что онъ не въ голосѣ. Когда къ генеральшѣ собирались знакомыя барышни, Боринька ухаживалъ за ними, любезничалъ, и потомъ хвалилъ ихъ компаньонкѣ, стараясь превозносить дѣвицъ этихъ въ ущербъ компаньонкѣ. Она очень хорошо понимала, что это говорится съ цѣлію уязвить ее; она поняла, что роль ея кончена и рѣшилась окончитьее съ неожиданнымъ эффектомъ.

Однажды вечеромъ, когда Борисъ Андреичъ вошелъ въ залу нарядно одѣтый, завитой, раздушеный и остановясь передъ зеркаломъ, сталъ надѣвать перчатки, собираясь въ маскарадъ,—Амалія Өедоровна, вся въ черномъ, также подошла къ трюмо и устремила на Бориньку долгій, испытующій взглядъ... Красавецъ отвѣчалъ небрежнымъ взглядомъ и усмѣхнулся.

— Вы ѣдете въ маскарадъ, М-г Борисъ? спросила она спокойно.

— Да; а вамъ не угодно ли поѣхать со мною?

— Зачѣмъ?

— Зачѣмъ ѣздятъ въ маскарады? Интриговать, мистифировать... Вы это отлично умѣете! Ѣздятъ и съ другой цѣлью, но вы такъ высоко нравственны, что...

— Почему, скажите, вы думаете, что я отлично умѣю мистифировать?

— По опыту, М-lle Амели. Вы и на дружбу, и на любовь смотрите, какъ на мистификацію...

— Но что же любовь и дружба, по вашему мнѣнію?

— И то и другое — самопожертвованіе...

— Самопожертвованіе? Прекрасно, но кто же долженъ быть кумиромъ, кто—жертвой?

— Въ дружбѣ, жертва тотъ или другой мужчина; въ любви —женщина.

— Чѣмъ же они должны жертвовать? Жизнью?

— Въ дружбѣ, иногда жизнію, а въ любви — собою...

— Мы друзья? Не правда ли?

— А что же другое? Друзья настоящіе, холодные, мороженные... У насъ не понадобится жертвовать ни жизнію, ни собой!..

— Но если бы вамъ пожертвовали жизнію въ доказательство дружбы? Повѣрили бы вы?

— Я и даромъ вѣрю. Да и къ чему жертвовать жизнію тамъ, гдѣ достаточно только...

— Пожертвовать собою? То есть, честью, добрымъ именемъ

—всѣмъ, на что я привыкла съ дѣтства смотрѣть, какъ на святыню... Подобныя жертвы надобно цѣнить... А если наградою этого самопожертвованія будетъ одинъ позоръ и насмѣшка, даже отъ того, кто бы менѣе всѣхъ имѣлъ на это право?...

— Вы, вѣроятно, говорите это по опыту?

Компаньонка, будто ужаленная ядовитой змѣей, быстро отошла отъ Бориньки, подошла къ столу и налила себѣ стаканъ воды... Боринька закуривалъ папироску.

— Борисъ, сказала она:—позвольте мнѣ хорошенько посмотрѣть на васъ... Такъ, хорошо. Теперь спойте мнѣ элегію...

— Ахъ, она мнѣ ужасно надоѣла!...

— Попробую же я сама съиграть ея голосъ, отвѣчала компаньонка, садясь ко флигелю и взявъ нѣсколько аккордовъ.

Боринька, охорашиваясь передъ зеркаломъ, изрѣдка говорилъ:

— Нѣтъ! не такъ... тутъ надобно взять *до* діэзъ, а здѣсь *фа* бемоль. Да нѣтъ же... Вы фальшите, дайте я съиграю!

И онъ, подойдя ко флигелю, нетерпѣливо сталъ барабанить пальцами по спинкѣ стула, на которомъ сидѣла компаньонка, какъ бы приглашая ее встать, но Амалія Ѳедоровна не вставала. Она продолжала фантазировать, и было что-то нестройное, дикое въ этой фантазіи... Человѣкъ съ душой понялъ бы въ ней многое; для Бориньки это былъ только какой-то хаосъ звуковъ.

— Пустите же меня сѣсть, сказалъ онъ наконецъ нетерпѣливо.

— Садитесь, отвѣчала компаньонка, вставая:—теперь всѣ разсчеты покончены, теперь я вижу свои ошибки... Кончено!... Прошло то счастливое время, оно проглочено вѣчностью... Что же? И я въ слѣдъ за нимъ!

— Да вы меня и не слушаете, сказалъ съ неудовольствіемъ Борисъ Андреичъ:—я только напрасно теряю время, а мнѣ пора!

— Мнѣ также, прошептала Амалія Ѳедоровна, подходя къ столу и выпивая стаканъ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ брякнулъ объ полъ и разлетѣлся въ дребезги. Упала и компаньонка съ глухимъ стономъ. Боринька дернулъ за сонетку, сбѣжались люди, пришла и генеральша.

— Maman! что съ нею? говорилъ, запыхавшись, Борисъ Андреичъ:—говорила какую-то чепуху, разбила стаканъ, упала...

— Да видно, она чего нибудь выпила, сказалъ кто-то изъ прислуги:—вонъ какъ каплей проѣло платье! еще и теперь дымится...

— Она отравилась! вскричала генеральша:—какая мерзость! Унесите ее прочь поскорѣй, противно даже... Боринька, шепнула она сыну: — да ты не сказалъ ли ей чего?

— Что же мнѣ ей сказать? говорилъ объ маскарадѣ,—вотъ и все!... Только она такъ странно отвѣчала, что мнѣ показалось, будто она какъ помѣшанная!... Досадно, чортъ возьми! Видно ужь мнѣ въ маскарадъ не ѣхать... Надобно дать знать въ полицію... Скандалъ, ужасный скандалъ!

Трупъ унесли въ отдаленную комнату; генеральша ушла къ себѣ въ спальню; Боринька расхаживалъ саженными шагами по залѣ. По всему дому поднялась бѣготня. Къ барченку подошла Савельевна.

— Охъ, Борисъ Андреичъ, сказала она, задыхаясь:—тяжелый грѣхъ взяли вы на свою душу!

— Что ты врешь, старая дура! съ ужасомъ вскричалъ Боринька:—ты пьяна?

— Нѣтъ сударь, не пьяна. Но по чьей, какъ не по вашей милости, француженка-то наша чортовымъ барановъ стала? Поменьше бы вы ей пѣсенокъ напѣвали, да не кружили бы ей голову...

— Не твое дѣло, старая корга! Убирайся прочь!...

Явилась полиція, составили актъ. Частный врачъ объявилъ, что тѣло требуетъ немедленнаго вскрытія. По вскрытіи оказалась какая-то болѣзнь въ печени и приливы крови къ оболочкѣ мозга. Ясно, что покойница отравилась въ припадкѣ умопомѣшательства. Вслѣдствіе чего, тѣло означенной французской подданной Амаліи-Шарлотты-Софіи Робильяръ можетъ быть предано землѣ на кладбищѣ по обряду ея вѣроисповѣданія. Это извѣстіе принесъ генеральшѣ частный врачъ.

— Стало быть она завтра же можетъ быть похоронена? спросила та съ радостью.

— Конечно. Если вамъ угодно!

— Ахъ да, пожалуйста! Избавьте меня отъ этой развратной женщины! съ омерзѣніемъ сказала генеральша.

Врачъ взглянулъ на нее съ глубокимъ презрѣніемъ. Въ докторѣ воскресъ добрый студентъ—теплая душа, и онъ проговорилъ:

— То есть, отъ чистой, безгрѣшной дѣвицы, ваше превосходительство? Ваше мнѣніе о покойной такъ рѣзко противорѣчитъ

наукѣ, что мой долгъ поправить вашу ошибку. Вы судите о ней a priori, какъ говорится у насъ, въ медицинѣ...

Недѣли черезъ двѣ послѣ этой трагедіи, я встрѣтилъ въ маскарадѣ Бориса Андреича. Какое-то черное домино въ розовой маскѣ висѣло у него на рукѣ; онъ разсыпался въ любезностяхъ, разумѣется на французскомъ языкѣ. Ужь вѣрно не Амаліи Ѳедоровнѣ чета! Многая вамъ лѣта, Борисъ Андреичъ, вашимъ чадамъ и домочадцамъ. Вѣдь Глашенька по-днесь здравствуетъ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

МЕЛОЧИ ВОЕННАГО БЫТА.

(СЦЕНЫ И ОЧЕРКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ТУКИНА.)

ТРЕВОГИ.

I.

Городокъ Копыловъ въ необыкновенномъ волненіи, потому что сегодня вступаетъ сюда штабъ полка на постоянныя зимовыя квартиры. Квартирная коммиссія сбита съ ногъ, квартирьеры кое-гдѣ, кое съ кѣмъ уже и подрались; квартальный скачетъ взадъ и впередъ, верхомъ, на пожарной лошади; на главной, хотя единственной улицѣ и на базарной площади сбираются густыя толпы народа, разумѣется, всего болѣе жидковъ; болѣе нетерпѣливые спѣшатъ къ самому въѣзду въ городъ, къ заставѣ, то есть, къ тому пункту, гдѣ въ шалашикѣ, изъ древесныхъ вѣтвей, сидитъ подслѣповатый, но недремлющій аргусъ, инвалидъ, съ желѣзнымъ щупомъ... Даже чиновники присутственныхъ мѣстъ, оставивъ всѣ дѣла, высыпали на крыльцо такъ называемой ратуши (*), и, заложивъ перья за уши, прикрывая руками глаза отъ солнца, пристально смотрятъ вдаль; между тѣмъ, какъ по дорогѣ, откуда долженъ прійти полкъ, давно

(*) Т. е. зданія, гдѣ помѣщаются и уѣздный и земскій суды, и казначейство, и пр.

уже дымятся тучи пыли, среди которой темная масса, словно исполинскій змѣй, извиваясь, спускается по косогору внизъ по направленію къ городу... Какъ будто плывя, она подвигается ближе и ближе... Вотъ уже ясно рисуются силуэты сѣрыхъ лошадей трубачевскихъ, и лучи полуденнаго солнца весело заблистали на мѣдныхъ хоровыхъ трубахъ.

— Городъ! городъ! вскрикиваетъ вдругъ, ѣхавшій до тѣхъ поръ впереди всѣхъ, по вольности дворянской, поручикъ Змѣевъ, привставъ на стременахъ и поворачиваясь на сѣдлѣ, въ три четверти оборота назадъ къ своимъ товарищамъ... «Господа! городъ видно!»

— Гдѣ? гдѣ? раздается десятокъ нетерпѣливыхъ голосовъ за нимъ, и каждый, толкнувъ шенкелями коня своего, быстро подается впередъ, жадно устремляя взоръ, по направленію руки Змѣева; даже тощій, длинный, флегматическій, вѣчно сосредоточенный въ себѣ самомъ, совершенный рыцарь печальнаго образа, баронъ Куксъ вставляетъ поспѣшно въ глазъ свое стеклышко...

— А вонъ, въ лощинѣ-то налѣво! Видите костелъ?

— Да! да! въ самомъ дѣлѣ!

— Брау! брау! раздается голосъ Михайлы Антоновича, никогда не называемаго впрочемъ по фамиліи, и усвоившаго междометіе это отъ какого-то паяца бродячей нѣмецкой труппы... На полномъ, добродушномъ, всегда веселомъ лицѣ его, въ эту минуту разливается особенное какое-то удовольствіе... Тучное тѣло его какъ-то восторженно подпрыгиваетъ раза два на сѣдлѣ, и снова тяжело опускаясь, заставляетъ кряхтѣть могучаго коня...

— Городъ, городъ близко! проносится говоръ по рядамъ солдатъ, отъ головы колонны до самаго арьергарда, и каждый невольно, самъ того не замѣчая, прибавляетъ ходу... На запыленныхъ, загорѣлыхъ отъ вѣтра и солнца лицахъ расцвѣтаютъ улыбки.

— Слава тебѣ Господи! конецъ походу! повторяетъ въ восторгѣ каждый — и офицеръ, и солдатъ.

— Трубачи, стройся! командуетъ полковой адъютантъ Млодницкій, живой, энергическій молодой человѣкъ, то же привскакивая на полъ-аршина въ сѣдлѣ... Но уже трубачи, безъ приказанія, сами построились давно, и приложивъ мундштуки трубъ къ губамъ, только ждутъ знака...

— Пѣсенники, впередъ! слышатся между тѣмъ сзади голоса эскадронныхъ командировъ.

— Запинай! только не переверяй! говоритъ капельмейстеръ Шпицманъ, маленькій, пузатенькій, сѣденькій, гладко остриженный старичокъ, обращаясь къ трубачамъ, и давая знакъ: эйнъ, цвей, дрей! не переверяй! Разъ, два, три...

Грянулъ маршъ... Въ эскадронахъ залились пѣсенники... Вся окрестность встрепенулась,—ожила отъ этихъ звуковъ...

Черезъ часъ полкъ уже въ городѣ... вотъ онъ уже приближается, сопровождаемый и взрослыми, и ребятами, къ площади... и обдаетъ праздную толпу зѣвакъ облаками пыли, которая клубами вьется изъ-подъ-конскихъ копытъ. Офицеры ведутъ коней въ лансадахъ... многіе при этомъ любуются на тѣнь свою, которая рисуется на землѣ... Говоръ толпы, отдаленный звукъ пѣсенъ, звукъ трубъ, топотъ копытъ—все сливается въ какой-то неопредѣленный гулъ...

— Семнадцатый номеръ! вскрикиваетъ снова адъютантъ трубачамъ, сажая совсѣмъ почти на заднія ноги взмыленнаго, сѣраго въ яблокахъ коня своего, и граціозно откидывая корпусъ назадъ, оттягивая невѣроятнѣйшимъ образомъ, съ истинно кавалерійскимъ кокетствомъ, каблуки свои книзу, рисуется передъ молоденькими жидовками, черные глаза которыхъ, какъ звѣзды, а зубы бѣлые, какъ перлы, свѣтятся въ толпѣ тамъ и самъ.

— А гите пурицъ! красивый молодой человѣкъ! передаютъ шопотомъ голоса другъ-дружкѣ, между тѣмъ, свои замѣчанія еврейскія красавицы, кокетничая по своему, и произнося звукъ *р*, по обыкновенію, почти какъ *гр*...

Раздается полька... Боже мой, что это за бурная, что за неистовая полька!... Вѣдь вотъ такъ и поднимаетъ всякаго съ сѣдла... даже жиды не могутъ вытерпѣть и начинаютъ пошевеливать плечами, притопывать шлёпанцами... Черномазыя жиденята, хлопая въ ладоши, визжать въ тактъ: «Цвибеле-цибеле, гопъ-ча-ча!» а что касается до самаго творца ея, капельмейстера Шпицмана, то онъ рѣшительно входитъ въ азартъ... Онъ запѣлъ, защелкалъ, засвисталъ, заработалъ головой, руками, ногами... Бракованная, шелохвостая кобыла его, не смотря на извѣстную, почти басословную кротость нрава своего, съ покорностію не разъ лелѣявшая на хребтѣ своемъ даже самого штабъ-лекаря, на этотъ разъ формально выходитъ изъ терпѣнія: яростно взмахнувъ жалкими останками хвоста, злобно прижавъ уши, пронзительно взглянувъ, она, можетъ быть, въ первый разъ въ продолженіе всей своей жизни страшно подбрасываетъ три раза сряду, задомъ, отъ чего задорный всадникъ теряетъ стремена, упускаетъ изъ рукъ поводья, и что называется, клюется носомъ впередъ, воскликнувъ: «не переверни!»

Пѣсенники, въ особенности дежурнаго эскадрона, то же, какъ говорится, превосходятъ самихъ себя... Запѣвало, по имени Середа, маленькій человѣкъ, съ огромнѣйшими усами и невообразимо широкимъ ртомъ, то поднимая высоко надъ головою своею разукрашенный кистями и бубенчиками бунчукъ, то выдѣлывая имъ разныя

сверхъестественныя, непостижимыя человѣческому уму эволюціи, заливается соловьемъ:

«Какъ у нашего дьяка
Миколая Миколаевича
Была дочь хороша,
Свѣтикъ — Аннушка душа.
Какъ повадилась Анюта
Въ черному избу ходить,
Въ черновой избѣ сидѣть,
Въ черны карты играть,
Козырями козырять,
Принозыривати!»

Хоръ звучно подхватываетъ, а бубны, тарелки и скрипка, которая пронзительно визжитъ подъ смычкомъ эскадроннаго кузнеца—цыгана, еще болѣе увеличиваютъ эффектъ этой истинно хоровой и нѣкоторымъ образомъ назидательной пѣсни... Самъ почтенный Марко Микитичъ, старшій вахмистръ, который давно уже краситъ сѣдые усы свои и бакенбарды черною фаброю, поддается ея обаянію и увлекается несвойственнымъ, ни званію своему, ни годамъ, восторгомъ... Онъ тоже, самъ не зная какъ, пристроился къ пѣсенникамъ на правый флангъ, и, выбивая рукою тактъ по ногѣ своей, густымъ низкимъ басомъ подтягиваетъ:

«Въ чорны карррты играть,
Козырями козырять,
Принозыривати!»

Крашеные усы его оттопыриваются, губы и вся нижняя часть лица его куда-то далеко ѣдутъ впередъ...

Однимъ словомъ, всѣ веселы, всѣ довольны, всѣ оживлены необыкновенно... Самыя даже лошади, круто собирая шеи, какъ-то особенно весело тротирують подъ сѣдоками, точно чуютъ, что конченъ дальній путь... Именно, есть что-то невыразимо-отрадное въ томъ чувствѣ, которое испытываетъ всякая походная тварь, когда приходитъ наконецъ на мѣсто, хотя бы и не на долгое время... Даже арестантъ, вступая въ мрачную, сырую арестантскую камору на гауптвахтѣ, какъ-то весело говоритъ своимъ караульнымъ: «Вотъ и до фатеръ добрался, господа!... Слава тебѣ Господи!» прибавляетъ онъ, складывая на нары пожитки свои, и набожно крестится на небо, сквозь маленькое, съ толстыми желѣзными рѣшетками окошечко...

Но что же такое Копыловъ? что въ немъ особеннаго?

Да ничего. Копыловъ—уѣздный городокъ, маленькій, скверненъ-

кій, грязненькій, одинъ изъ тѣхъ городишекъ, которые обыкновенно для стоянокъ достаются на долю армейскихъ кавалерійскихъ полковъ... Въ немъ помѣстится штабъ; эскадроны, разумѣется, разойдутся по деревнямъ... Тамъ солдаты займутъ свиные хлѣвушки, обдѣлаютъ изъ нихъ конюшенки и сами пристроятся тутъ же гдѣ нибудь, подъ самыми хвостами у лошадей... Офицеры помѣстятся по крестьянскимъ избамъ, и отдохнувъ послѣ похода, всѣ начнутъ, какъ обыкновенно, кто глотать пыль въ манежѣ, кто скучать... По праздникамъ будутъ ѣздить въ Копыловъ... Все это извѣстно напередъ каждому... Въ Копыловѣ развлеченій тоже мало; впрочемъ тамъ въ трактирѣ есть бильярдъ, хотя шары на немъ величиною не больше горошины. Вечеромъ можно найти партію для ералаша, а въ праздникъ утромъ сходить въ костелъ...

Общества здѣсь, разумѣется, нѣтъ никакого: городъ населенъ одними почти евреями, коммерческая и промышленная дѣятельность которыхъ значительно оживаетъ съ приходомъ полка... Евреи—единственныя существа, сочувствующія квартированію войскъ въ извѣстномъ мѣстѣ... Не считая подрядчиковъ, поставщиковъ фуража, сотни мелкихъ торговцевъ, промышленниковъ и ремесленниковъ, благодаря квартированію одного какого нибудь полка въ городѣ, завсегда имѣютъ возможность пріобрѣсть себѣ кусокъ хлѣба...

Въ то время, когда полкъ съ шумомъ и гамомъ проходитъ по главной улицѣ и чрезъ базарную площадь, густая толпа жидовской публики по своему радостно привѣтствуетъ вожделѣнныхъ гостей. Шапки снимаются, головы и бороды дружелюбно киваютъ. Порою изъ толпы вырываются отдѣльныя личности въ характеристическихъ длиннополыхъ ластиковыхъ сюртукахъ, подпоясанныхъ черными кушаками, въ грязныхъ, нѣкогда бѣлыхъ, чулкахъ и истоптанныхъ шлепанцахъ...Съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ, и улыбаясь, и изгибаясь, онѣ суетливо забѣгаютъ впередъ, умильно заглядываютъ офицерамъ въ лицо, ловятъ ихъ взгляды и, задыхаясь, учащенно восклицаютъ, страшно злоупотребляя звуками: *р* и *х*.

— Ромъ! аракъ доскональый! начинаетъ одинъ.

— Цукеръ, гербата, свицэ стеаринóвэ, мамъ багргдзо добгргэ! вскрикиваетъ другой.

— Шевцъ естэмъ! сапожникъ! проше бить знайомымъ!.. Шевцъ Альтеръ-Мошка, кулявый се называмъ! рекомендуетъ себя третій.

— Шампаньске мамъ доскоnaлэ! а-фейнъ! проше захóдить! О-ту! подъ лабендземъ (*) О-ту, о-ту! заявляетъ съ какимъ-то азар-

(*) Подъ вывѣскою «Лебедь.»

домъ о себѣ четвертый, показывая рукою на вывѣску, на которой изображенъ дѣйствительно бѣлый лебедь, но съ такою длинною шеею, что ея стало бы и на десятокъ этихъ птицъ.

— А кредитъ будетъ? вдругъ неожиданно выстрѣливаетъ Змѣевъ.

— Герстъ-ду!.. герстъ-ду, кредитъ? произноситъ какъ-то недовѣрчиво, растягивая послѣднее слово, и вмѣстѣ съ тѣмъ перестаетъ толочься впереди лошади Змѣева озадаченный жидокъ... Укорачивая шаги свои, онъ пытливо оглядываетъ его отъ кивера до шпоръ, и потомъ переводя взоры свои на другаго жидка, который бѣжитъ тутъ же въ припрыжку, бормочетъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе растягивая послѣдній слогъ каждаго слова: «герстъ-ду кредитъ!? На-цо пану кредитъ?! Аль-бо панъ не ма пенёндзы??!

— Я пану вшисьтки дамъ, цо тылько панъ зехце! вскрикиваетъ другой, какъ-то рѣшительно хлопнувъ себя по груди. — У пана длугъ—то у мне въ кешени! прибавляетъ онъ съ видомъ безграничной довѣренности, и снова себя ударивъ рукою, но на этотъ разъ по карману.

— И я пану дамъ! и я дамъ на крѐдитъ... на картэчке!.. на рос-писове! снова восклицаетъ первый, какъ будто захлебываясь... У мне шампаньске лѣпше! подъ хейримъ! (*) — Очевидно, что это соперники...

— Молодцы! одобрительно произноситъ Змѣевъ. — А гдѣ трактиръ?

— О-ту! зàразъ! вдругъ вскрикиваетъ новая какая-то, словно выскочившая изъ-подъ брюха его лошади, фигурка съ рыжею бородкою и плутовскою, подвижною до-нельзя, словно у гоголевскаго Янкеля, физіономіею, ободранная, общипанная, съ палочкой въ рукахъ... О! тутъ зà-разъ! сейчасъ! вшиськи тамъ для пановъ готово!..

— А ты что за птица? Мишуресъ, что-ли?

— Такъ есть, пане! такъ! Факторъ Шлёмке! готовъ пану служить... Цо тылько панъ кàже! Вшиськи панъ пршезъ мене достане!...

А между тѣмъ Михайло Антоновичъ, котораго, благодаря почтенной полнотѣ, принимаютъ всѣ почти за самаго полковника, самодовольно покачиваясь въ сѣдлѣ, на ласковые улыбки и низкіе поклоны отвѣчаетъ нѣсколькими стихами лирическаго содержанія, которые произноситъ на-распѣвъ, какъ слѣдуетъ, и въ совершенствѣ подражая еврейскому выговору:

(*) Клянусь.

Поюжи михубетъ шинилъ оуменъ
Шеицесъ оуменъ цириль-уменъ
Шабашъ литайши бель-мелъ гхгехо
Реедъ менодении гелегигехо!!

или что-то въ родѣ этого...

— Вусъ-истъ?! Пулькôвнихъ-есъ! перебрасываются между собою замѣчаніями озадаченные жидки...

...Но вотъ уже и квартира полковаго командира... Штандарты съ церемоніею внесены къ нему въ комнаты. Всѣ слѣзаютъ съ лошадей и въ первую минуту едва могутъ устоять на ногахъ. Солдаты, въ сопровожденіи квартирьеровъ, расходятся по конюшнямъ, а офицеры, предшествуемые все тѣмъ же рыжимъ мишуресомъ Шлёмкою и какимъ-то еще подобнымъ же индивидуумомъ, не то Мошкою, не то Хаимомъ, какъ были въ походной амуниціи, отправляются прямо въ трактиръ... Ихъ опять сопровождаетъ густая толпа любопытныхъ жидовъ, жидовокъ, жиденятъ...

— Мамеле!—мамеле! а гои! (*) пищитъ, хватаясь за юбку матери, какой нибудь маленькій черномазый Янкель въ ермолкѣ, въ нагрудникѣ спереди, въ нагрудничкѣ сзади съ болтающимися тесемками и рубашонкою, вылѣзшею сзади изъ панталонъ, и указывая крошечнымъ пальцемъ на Михайла Антоновича...

— Киндере гее-а-вегъ! раздается голосъ чадолюбиваго отца: — румъ, аракъ, цукеръ, гербата, свицэ стеариновэ! шампаньскэ дословнэ! снова надоѣдаютъ практическія личности, забѣгая по обыкновенію впередъ и снимая шапки, болтая и пейсиками и бородками. Какая-то фигура съ черною окладистою бородою, съ краснымъ носомъ, опухшимъ лицомъ и сильно выпившая, тоже егозитъ тутъ безъ шапки и, кривляясь, произноситъ поздравительный спичъ на разныхъ языкахъ: на русскомъ, на польскомъ, на нѣмецкомъ и даже на французскомъ, разумѣется съ жидовскимъ акцентомъ... А у дверей трактира уже видны и контрабасъ, и скрипка, и флейта. Съ приближеніемъ кортежа раздается убійственный маршъ...

— Нехъ жийонъ гузары!! вскрикиваетъ ораторъ, бросая и шапку и ермолку свою вверхъ...

Городской трактиришко оживляется необыкновенно... Хозяинъ его, бѣдный шляхтичъ Березницкій, изгибается въ три погибели передъ дорогими гостями... — «Падамъ до ногъ! Падамъ до нужекъ, ясновельможно панове!» повторяетъ онъ, отвѣшивая сугубые поклоны входящимъ... Въ самомъ дѣлѣ, какой вожделѣнный доходъ предстоитъ ему въ будущемъ!..

— Водки! Борщу! Водки! Супу! Водки! Водки! Котлетъ! Водки!

(*) Христіанинъ.

Бифтексу! Водки! оглушительно вскрикиваютъ дорогіе, проголодавшіеся во время перехода гости, страшно стуча каблуками, звякая шпорами, брякая саблями.

— Гхшампаньска мамъ досконалэ! слышится между тѣмъ, откуда-то, чей-то чрезвычайно вкрадчивый, соблазнительный голосъ, сквозь всю эту сумятицу.

— А и въ самомъ дѣлѣ, господа! раздается вдругъ энергическій и звучный голосъ какого нибудь штабъ-ротмистра Дроздова.

— Попробуемъ здѣшняго шампанскаго! Попробуемъ на радостяхъ? продолжаетъ онъ вопросительнымъ тономъ, окидывая орлинымъ, бойкимъ взглядомъ почтенную компанію.

— Попробуемъ, попробуемъ! Непремѣнно попробуемъ! отзывается десятка полтора радостныхъ голосовъ...

— А гдѣ же, у кого шампанское? восклицаетъ Дроздовъ, водя кругомъ глазами...

Но уже и Шварцманъ, и Цукерманъ и Перельманъ давно несутся по улицѣ быстрѣй арабскихъ скакуновъ, подымая полы, перегоняя другъ-друга и перебраниваясь; дѣло доходитъ даже до драки... Жены и дѣти соперниковъ, родные и знакомые принимаютъ участіе въ свалкѣ... Шумъ, крикъ, плачъ дѣтей оглашаютъ базарную площадь, все сливается въ оглушительный, совершенно адскій вопль: «гевалтъ!!!» Лица исцарапаны, пейсы оборваны, сюртуки изодраны, ермолки и шлепанцы растеряны...

И однакожъ все-таки шампанское въ трактирѣ является; вмѣсто одной дюжины — ихъ приносится нѣсколько...

II.

Поздно вечеромъ, поручикъ Зиѣевъ водворяется въ новой своей квартиркѣ, у жида Шмуйлы Зильбермана; и несмотря на то, что она отъ близкаго сосѣдства съ хозяевами вся пропитана запахомъ луку, чесноку, рыбы etc., — послѣ шестинедѣльнаго утомительнаго похода и это жалкое убѣжище кажется ему сноснымъ... Къ разнаго рода запахамъ въ [illegible], впрочемъ, армейскому офицеру не привыкать; что же касается до самой квартирки, то наружности ея, правильнѣе сказать, внутренности ея по возможности данъ уже приличный, комфортабельный видъ: у стѣны поставлена желѣзная, походная кровать, надъ нею прибитъ коверъ; на противоположной сторонѣ, надъ диванчикомъ — другой, и сверхъ того, на полу передъ кроватью разостланъ третій, конечно поменьше... Въ простѣнкѣ между окнами поставленъ столикъ, покрытый зеленымъ сукномъ... Стоитъ

только это сукно переворотить на другую сторону, такъ хоть сейчасъ играть въ ералашъ можно... На столикѣ, разумѣется, шкатулка, зеркало, два подсвѣчника съ цѣльными стеариновыми свѣчами, и шитый портфель. Затѣмъ нѣсколько книгъ въ красномъ переплетѣ, именно: «Уставъ», «Памятная книжка», сочиненія Лермонтова и два тома какого-то журнала, зажиленные на прежней стоянкѣ у уѣзднаго учителя... Далѣе, два конскія копыта, отлично препарированныя полковымъ ветеринаромъ, снаружи выкрашенныя черною, а внутри розовою краскою, покрытыя лакомъ и превосходно подкованныя,— бренные остатки нѣкогда любимаго, безвременно погибшаго коня...

На стѣнахъ, кромѣ сабель, пистолетовъ и ружья съ патронташемъ, появились двѣ литографіи въ красныхъ рамкахъ: одна изображаетъ Лолу Монтесъ, одѣтую дебардеромъ съ бокаломъ въ рукахъ; другая—улана, вылѣзающаго откуда-то изъ окна, по всей вѣроятности возвращающагося съ интрижки и принимаемаго крестьяниномъ на вилы... А вотъ и собственное фотографическое изображеніе Змѣева; съ трубкою въ зубахъ, въ фуражкѣ на бекрень, онъ сидитъ верхомъ на скамейкѣ; кругомъ штукъ шесть какихъ-то личностей съ бородками, стоятъ съ какими-то хартіями въ рукахъ. Кромѣ того, тутъ есть также и хозяйскія картинки — несомнѣнно произведенія туземной кисти. На одной художникъ изобразилъ Авраама, приносящаго въ жертву Исаака на изразцовой печи. Всторонѣ, челядь Авраамова держитъ въ поводу лошадей, засѣдланныхъ гусарскими вальтрапами, и съ убійственнымъ равнодушіемъ ко всему окружающему покуриваетъ трубочки, оперпись на сабли... и баранъ, запутавшійся рогами въ кустахъ, и ангелъ въ облакахъ, удерживающій протянутою оттуда рукою десницу Авраамову, какъ слѣдуетъ, тутъ же на лицо... Только спрашивается: зачѣмъ у ангела пейсики? На другой картинѣ — Давидъ, сражающійся съ Голіафомъ; оба въ полной боевой аммуниціи, въ подсумкахъ съ двуглавыми орлами... Далѣе, наконецъ, портретъ какого-то господина въ чрезвычайно высокой лисьей шапкѣ, съ длинною бородою, завитою въ колечки, и съ какимъ-то неопредѣленнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Подпись на польско-еврейскомъ языкѣ свидѣтельствуетъ слѣдующее;

«Вадатъ отъ глины! Дражайшій надъ всѣ клейноды! (драгоцѣнности). Кто не видывалъ его, кто не слыхивалъ о его мондрости, тотъ имѣетъ чистый визерунокъ (портретъ) предъ собою!! Ицко Берукъ —рабинъ. Шануйте (почитайте) его!!!»

Лежа на кровати и покуривая трубку изъ длиннаго черешневаго чубука, совершенно такъ, какъ это съ успѣхомъ изображается иногда въ нашихъ отечественныхъ иллюстраціяхъ, Змѣевъ вполнѣ наслаждается настоящимъ своимъ положеніемъ; кроткое спокойствіе

разлито по лицу его, невыразимо отрадное чувство наполняетъ существо его, и чувство это — увѣренность, что отнынѣ ничто не въ состояніи возмутить его покоя... Заранѣе утѣшаетъ онъ себя картиною безмятежной жизни въ продолженіе наступающей зимы, безмятежной въ томъ смыслѣ, что въ эту пору не бываетъ никакихъ особыхъ треволненій.... ни кампаментовъ, ни передвиженій; начальническихъ смотровъ, о которыхъ уже одни слухи обыкновенно повергаютъ всякаго въ лихорадочное волненіе, поглощаютъ всѣ умы и отравляютъ спокойствіе душъ офицерскихъ — тоже не предвидится, по крайней мѣрѣ до новаго года. Настроеніе поручика такъ благодушно, что его не гнѣваютъ даже ни громкая перебранка жидовъ за стѣной, ни пронзительный визгъ дѣтей. Громкія: «Мамеле-мамеле! Штилле! Гег-а-вегъ! Шпицбубе! Кербеле, кербеле!» не раздражаютъ его слуха, не поднимаютъ у него желчи.

— Та мовчать вы, бисовы диты! Поручикъ спочивае! слышится иногда оттуда же суровый на этотъ разъ голосъ деньщика его Хоменки.

— Хома! Хоменко? ау! ласково окликаетъ его Змѣевъ.

— Чого изволыте? отзывается тотъ.

— Оставь ихъ, пускай себѣ шумятъ! съ кротостью ангела говоритъ Змѣевъ.

— Та колы гомонять, нехай ихъ зовсимъ! спочивать вамъ не дадуть.

— Э, братъ! будетъ еще время, выспимся!

И новая, свѣжая, самая розовая улыбка озаряетъ благодушное лицо счастливаго поручика...

«Нѣтъ, уже баста!» думаетъ онъ. «Кончено! теперь отоспимся на славу... а то вотъ походомъ этотъ проклятый Соколя надоѣлъ хуже горькой рѣдьки...» И воображеніе уноситъ Змѣева, противъ воли его, назадъ... Снова грезятся ему всѣ эти мелочи обыденной походной жизни.

Хозяевъ, по обыкновенію, квартирьеры выгнали изъ избы еще наканунѣ... но что касается до разныхъ насѣкомыхъ, безъ которыхъ, какъ извѣстно, не обходится ни одно крестьянское жилище, то они остаются здѣсь всѣ въ полномъ комплектѣ... И; Боже мой, какъ назойливы они, особливо съ вечера, съ какимъ неистовствомъ впиваются они въ дворянское тѣло Змѣева и какъ мечется онъ, бѣдный, на своемъ походномъ ложѣ! Жара и духота въ избѣ невыносимыя: съ вечера бабы топили печь, готовили для себя ужинъ, ибо великодушный поручикъ снисходительно имъ это дозволилъ... Изъ сѣней, гдѣ стоятъ кадки съ квашеной капустой, проникаютъ въ избу удушливые, убійственные міазмы...

А заснуть бы Змѣеву, право, не мѣшало: съ вечера долго сидѣлъ онъ съ товарищами на заваленкѣ, и на утро предстоитъ эскадрону огромный переходъ... Едва къ утру забывается онъ, и то какимъ-то чуткимъ, лихорадочнымъ, болѣзненнымъ сномъ.

Заря только-что занялась, а уже эскадронный трубачъ Соколя словно съ цѣпи сорвался. Торопливо выскакиваетъ онъ изъ сосѣдняго сарайчика на улицу, въ доломанѣ на-опашь, безъ шапки, и какъ нарочно противъ той избы, гдѣ ночуетъ Змѣевъ, раздается пронзительная, дребезжащая, дьявольская трель сигнала.

— Хома! Хоменко! ау! вскрикиваетъ въ изступленіи, въ бѣшенствѣ внезапно пробужденный поручикъ. — Бѣги! лети! гони! души! лупи! бей! стрѣляй этого ракалью!!!

Старый, дряхлый деньщикъ Хома, спящій въ сѣняхъ, заслышавъ вопли *барина*, босикомъ, въ одной рубахѣ, какъ барсъ, выскакиваетъ на улицу.

— Та вже годи, трубачъ, годи! кричитъ въ свою очередь Хома, махая отъ себя обѣими руками на трубача въ высшей степени отрицательнымъ образомъ. — Годи, трубачъ! поручикъ спочиваe!

Но — увы! сонъ поручика нарушенъ невозвратно. Звуку Соколиной трубы начинаетъ вторить пѣтухъ, сперва одинъ, потомъ другой, третій... все пѣтушье населеніе деревни дружно подхватываетъ, и особенно выходитъ изъ себя одинъ, очевидно хозяйскій, помѣщающійся тутъ же, подъ стрѣхою змѣевской квартиры... Шавка, едва угомонившаяся къ утру и улегшаяся-было подъ окномъ на заваленкѣ, тоже заливается звонкимъ лаемъ. Раздается громкое протяжное мычанье коровы... и реветъ она такъ, какъ будто жалуется, что ее жестоко обидѣли... слышится жалобное, за душу тянущее, блеяніе овецъ... заскрипѣли колодези. «На-по-вать ко-ней!» несутся изъ разныхъ концовъ голоса. На улицѣ раздаются шаги, поднимается шумъ, говоръ, стукотня... Деревня проснулась.

Гдѣ ужъ тутъ спать! И Змѣевъ встаетъ, выходитъ на дворъ, чтобы освѣжить утреннимъ воздухомъ свою пылающую голову. Между тѣмъ солнце уже поднялось и кругомъ кипитъ дѣятельная работа: и здѣсь, и на сосѣднихъ дворахъ идетъ уборка, чистка лошадей. Скребницы, щетки въ полномъ дѣйствіи.

— Но! ты! сенбирная! вер-то! У! слышится какой-то грозный солдатскій голосъ.

Ударъ угломъ скребницы въ бокъ лошади слѣдуетъ за этимъ возгласомъ, и, въ отвѣтъ на послѣдній маневръ, раздается пронзительный визгъ. Лошадь дѣлаетъ отчаянный, изступленный прыжокъ... слышится страшный топотъ и дикое храпѣнье...

— Ха-ха-ха-ха! разражаются между тѣмъ другіе солдатскіе голоса.

— Ишь какая она нѣжная у тебя, Петровъ! замѣчаетъ одинъ.

— Не даромъ панною зовется! острить другой.

— На караулъ дѣлаетъ—задомъ честь отдаетъ! прибавитъ третій.

— Живо, живо, ребята, не копаться! баситъ скороговоркою въ то же время не вдалекѣ чей-то голосъ повелительнаго и внушительнаго свойства.

И вслѣдъ затѣмъ изъ-за плетня появляется собственная фигура Марка Микитича. Онъ уже чисто выбритъ, его бакенбарды и усы принафабрены, сѣдины въ волосахъ зачернены, фуражка на ухѣ, въ рукахъ хлыстикъ... «Живо, живо, ребята! Нечего проклажаться!» снова покрикиваетъ онъ, съ важностью вынимая изъ-за борта мундира своего увѣсистые серебряные часы—подарокъ ротмистра Клыкова: «сѣдлать пора».

— Сѣд-лай! раздается минуты двѣ спустя...

Но это уже не голосъ... это какой-то страшный, звучный ревъ...

— Отсе-жъ рявкнувъ! шепчутъ солдаты между собою, чуть не присѣвши на первыхъ порахъ на землю съ испугу, несмотря на то, что давно бы пора было привыкнуть къ голосу Марка Микитича...

Даже Змѣевъ слегка вздрагиваетъ въ это мгновеніе.

Лошади посѣдланы, и Соколя въ полной боевой аммуниціи снова уже торчитъ на серединѣ улицы, въ ожиданіи приказанія трубить *сборъ*, и по временамъ прикладывая къ губамъ свою помятую, старую сигнальную трубу, пробуя амбушюръ.

Змѣевъ выпилъ стакана два мутнаго, соленаго чаю, одѣлся въ походную форму и судорожно затягивается трубкою, между тѣмъ какъ Хома, уложивъ въ бричку послѣднія мелкія вещи, ласково прощается съ хозяевами, благодаритъ ихъ за ночлегъ, усаживается на козлы и крестясь съѣзжаетъ со двора... Змѣевъ, подавъ ему на козлы докуренную трубку, тоже выходитъ на улицу.

Въ тоже самое время и изъ другихъ избъ, одинъ за другимъ, выходятъ *господа*. Вотъ ротмистръ Клыковъ, командиръ эскадрона, пожилой мужчина лѣтъ сорока съ хвостикомъ, немножко сѣдой, немножко лысый, не толстый и не тонкій, съ умнымъ, кроткимъ, добродушнымъ лицомъ, которое цѣлый вѣкъ, кажется, хотѣлъ бы видѣть передъ собою, съ сѣрыми, ласковыми глазами, хотя глаза эти давно уже утратили приличный блескъ, потухли, навсегда.... Должно быть отъ долгихъ стоянокъ по курнымъ избамъ, а можетъ быть и отъ чего другаго... Кто скажетъ, отъ чего вообще армейскій

офицеръ скоро *оседлаютъ?*... И идетъ Клыковъ-то немного сгорбившись, и правая нога его выдѣлываетъ какія-то штуки, точь-въ-точь, какъ это бываетъ у лошадей со шпатомъ.

Вотъ штабсъ-ротмистръ Михайло Антонычъ... Этотъ помоложе Клыкова, но лысъ немножко тоже. На полномъ, широкомъ лицѣ его постоянно отражается какое-то довольство и самимъ собою, и всѣми окружающими его предметами, не говоря о людяхъ. Подъ длинными русыми усами его вѣчно шевелится ласковая, привѣтливая, симпатическая улыбка. Это будущій Артамонъ Сергѣичъ, на котораго онъ очень похожъ даже и корпусомъ: видъ у него препочтенный и спереди и сзади; у него такой же двухъярусный подбородокъ, такая же могучая шея и вѣроятно не одно офицерское поколѣніе въ полку смѣнится передъ его глазами. Онъ дилеттантъ службы; вакансій не разсчитываетъ, и въ этомъ случаѣ можетъ быть онъ единственное исключеніе изъ сонма штабсъ-ротмистровъ. На эскадронъ онъ зубъ не точитъ, а служитъ единственно потому, что привыкъ къ товарищескому кружку, безъ котораго существовать не можетъ, служить онъ будетъ—вѣчно, и это несомнѣнно.

Вотъ Хаджи Эдиковичъ, маленькій, приземистый, широкоплечій, курчавый «рыцарь безъ страха и упрека», кабардинское сѣмя, взросшее на русской военной почвѣ, нашедшее въ полку вторую родину, семейство; существо привязанное, преданное родному полку безгранично, беззавѣтно, готовое за каждаго товарища, за каждаго солдата позволить распять себя на крестѣ, двадцать разъ въ сутки стать на барьеръ, поднять баранту противъ цѣлаго міра, защитить слабаго, вести войну противъ сильнаго... Вотъ наконецъ Веніаминъ эскадрона—корнетъ Куксъ, съ своимъ стеклышкомъ въ глазу, съ вѣчно вялою походкою, съ меланхоліей на лицѣ.

Однимъ словомъ—вотъ эта маленькая эскадронная община, которая живетъ душа въ душу, вмѣстѣ ѣстъ, вмѣстѣ пьетъ, вмѣстѣ дѣлитъ радости и горе, если только могутъ быть у армейскаго офицера какія нибудь особыя радости, вмѣстѣ до полуночи бесѣдуетъ на завалинкѣ деревенской избы всякій вечеръ... И однакожь всякое утро, сходясь по серединѣ улицы, встрѣчаютъ другъ-друга они съ такимъ радушіемъ, что, право, подумать можно, что они не видались лѣтъ десять по крайней мѣрѣ... О, идиллія!

Но спрашивается: что именно, такъ крѣпко, такъ тѣсно связываетъ людей въ военномъ быту?..

Трубачъ между тѣмъ уже протрубилъ сборъ и эскадронъ выравнялся на лужайкѣ за деревнею. Клыковъ здоровается съ эскадрономъ...

— Хорошо ли, ребята, было стоять? спрашиваетъ онъ.

— Чудесно, ваше благородіе! Солдаты довольны! отвѣчаютъ всѣ почти въ одинъ голосъ.

— А кормили мужики хорошо?

На на этотъ вопросъ большая часть солдатъ отвѣчаютъ какимъ-то сосредоточеннымъ молчаніемъ, и только нѣкоторые, болѣе рѣшительные отзываются:

— Плоховато, ваше благородіе! Только одну картошку давали...

Лицо Клыкова какъ-то болѣзненно, судорожно передергивается, — правый усъ его моргаетъ.

— Справа по шести маршъ! командуетъ онъ, круто поворачивая коня, и нетерпѣливо толкая его шенкелями впередъ...

— Вахмистръ, говоритъ онъ затѣмъ вполголоса, подзывая къ себѣ Марка Микитича: — прикажи всякій разъ, какъ будутъ квартиры плохи, покупать для людей говядину.

— Полкъ-съ въ разсчетъ не приметъ! баситъ тотъ, тоже слегка вглядываясь глазами въ Клыкова.

— Да и не надобно... Изъ моихъ денегъ вели покупать.

— Слушаю-съ!...

И Марко Микитичъ осаживаетъ на ходу назадъ.

«Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится имя твое!» между тѣмъ тихо, едва слышно начинаютъ пѣсенники, какъ будто бы про себя.

— Громче, ребята, громче! ободрительно произноситъ Марко Микитичъ, дирижируя рукою: — подхватывай, ребята за мной:

«Да пріидетъ царствіе твое,
«Да будетъ воля твоя!

Дружно, съ благоговѣніемъ хоръ принимаетъ слова святой, дивной пѣсни, и густой, могучій басъ Марко Микитича, какъ-то особенно торжественно звучитъ въ воздухѣ; между тѣмъ, какъ солдаты въ рядахъ, набожно осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Пропѣли: *Единородный Сыне! Вѣрую!* — «А ну-те-ко, ребята, херувимскую! отзывается Змѣевъ, осаживая лошадь и помѣщаясь самъ въ ряды пѣсенниковъ.

Солнце между тѣмъ поднялось высоко и эскадронъ съ проселочной дороги выходитъ на почтовый трактъ, который въ это время оживленъ сверхъ обыкновенія. По дорогѣ тянется полковой обозъ, эскадронные фургоны, офицерскія повозки, обывательскія подводы съ казенными вещами... По сторонамъ дороги слѣдуютъ разныя личности, принадлежащія къ полку, но которымъ суждено всѣ походы совершать по образу пѣшаго хожденія, какъ-то: писаря, мастеровые... День безвѣтреный; надъ всѣмъ пространствомъ по доро-

гѣ впередъ и назадъ, которое только можно окинуть взглядомъ, стоятъ столбы густой пыли... Сзади въ верстѣ, или въ двухъ, слышны музыка, пѣсни.

— А что? будемъ дѣлать привалъ? спрашиваетъ Михайло Антоновичъ у Клыкова. — Вотъ и корчма впереди! Штаба дождемся.

— Сдѣлаемъ! отвѣчаетъ Клыковъ.

— Да! да! именно сдѣлаемъ! Время осеннее... холодновато!.. И Михайло Антоновичъ, приложивъ лѣвый шенкель, поднимаетъ лошадь свою въ галопъ, чтобы скорѣе добраться до цѣли... Прочіе тоже слѣдуютъ за нимъ.

Подведя эскадронъ къ корчмѣ, Клыковъ, къ величайшему удовольствію и лошадей и солдатъ, командуетъ: *Стой, слѣзай! Подтянуть подпруги! Оправиться! Ефрейтора съ котелками!*

При первыхъ словахъ раздается ласковое ржаніе лошадей, при послѣдней командѣ радостной говоръ солдатъ... Что касается до офицеровъ, то они давно ужè въ корчмѣ, давно уже выпили водки; Михайло Антоновичъ даже уже повторилъ... «Какъ бы теперь чего нибудь закусить?»

Но что же за закуска можетъ быть въ какой нибудь придорожной корчмѣ?.. Развѣ тарани какая нибудь?

— Давай, давай этой тарани сюда! вскрикиваетъ проголодавшійся Михайло Антоновичъ.

— Mais c'est affreux! говоритъ баронъ Куксъ, дѣлая ужаснѣйшую гримасу, и съ отвращеніемъ искоса посматривая сквозь свое стеклышко на злополучную тарань... Какъ можно ѣсть такія гадости?

— Послужи съ мое, и не такую гадость станешь ѣсть... отвѣчаетъ Михайло Антоновичъ, уплетая съ жадностію рыбу... На-ко, братъ, попробуй!

...Но вотъ звенитъ колокольчикъ, и слышенъ стукъ колесъ. «Кто сей странникъ? и откуда?» восклицаетъ Михайло Антоновичъ, выглядывая въ окошко... «А! да это Александръ Матвѣичъ! Александръ Матвѣичъ, сюда! сюда! Александръ Матвѣичъ! вожделѣннѣйшій! сюда!»

— Александръ Матвѣичъ, здравствуйте, здравствуйте! уже не говоритъ, а поетъ Михайло Антоновичъ, на голосъ: «о, мейнъ лейберъ аугустинъ», когда тотъ появляется въ корчмѣ... Александръ Матвѣичъ) никто иной, какъ полковой штабъ-лекарь, родомъ петербургскій нѣмецъ, совершенно русской закваски человѣкъ, высокій, полный, румяный, здоровый, веселый, докторъ — посредственный, въ холостой компаніи собесѣдникъ несравненный.

— Хотите водки? спрашиваетъ Михайло Антоновичъ...

— Еще бы! развѣ я нехристь?!.. А хотите колбасы?..

— А у васъ есть?

— Еще бы! Развѣ я не нѣмецъ!

Скоро подходитъ и штабъ, и другіе эскадроны. Встрѣчи въ походѣ съ товарищами обыкновенно одна изъ самыхъ пріятныхъ... Грязная, придорожная корчма на этотъ разъ дѣлается самымъ пріятнымъ, самымъ веселымъ мѣстомъ...

— А ну, Середа, затягивай! говоритъ Клыковъ, когда уже и пѣсенники и эскадронъ, подкрѣпивъ себя водкою, сѣли на лошадей... Середа ловко взмахнулъ бунчукомъ, быстро описалъ имъ надъ головою своею кругъ, ткнулъ въ воздухъ вверхъ, махнулъ на-отмашь разъ, потомъ другой, и опять вскинулъ имъ вверхъ.

«Ахъ ты сельскій пѣтухъ,
«Деревенскій буянъ,
«Ты почто рано встаешь,
«Голосисто поешь,
«Да мнѣ спать не даешь!

Разрѣшается онъ какою-то отчаянною, невыносимою для слуха фистулой.

Воспоминанье о пѣтухѣ заставляетъ Змѣева очнуться отъ своего забытья, въ которое онъ было совсѣмъ погрузился... Въ то же самое время Хома всовывается въ дверь и какимъ-то особенно просительнымъ тономъ произноситъ:

— Та вже лягайте, баринъ, спать, бо и я вже хочу...

— А и въ самомъ дѣлѣ пора! отвѣчаетъ Змѣевъ, вставая съ кровати и приказывая ее перестлать... Да, смотри же, не буди же меня завтра.

Спустя нѣсколько минутъ, онъ уже съ какою-то плутовской многозначительной улыбкой завертывается герметически въ свое красное шерстяное одѣяло, и наконецъ засыпаетъ мертвымъ сномъ, убаюканный шумомъ осенняго дождя, который зачастилъ съ вечера самымъ немилосерднымъ образомъ.

III.

Но такова уже видно судьба нашего злополучнаго поручика! Спокойно дремлетъ голубое озеро среди роскошныхъ, зелено-цвѣтущихъ береговъ. Но вотъ налетѣла туча небесная, вѣчная странница, и буйный вѣтеръ свирѣпо взбороздилъ волны озера, исчезъ роскошный голубой цвѣтъ его.

Среди самаго глубокаго, безмятежнаго сна, Змѣевъ пробужденъ

своимъ вѣрнымъ, старымъ Хомою... Звукъ солдатскихъ шпоръ раздается въ сѣняхъ, и Хома, зажегши свѣчу, подаетъ Зміеву какую-то засаленную книгу большаго формата и зловѣщаго вида...

— Что, приказъ, что ли, изъ канцеляріи принесли? спрашиваетъ Зміевъ сердитымъ, недовольнымъ голосомъ. — Можно бы и до завтра оставить... Давай сюда!

Но увы! — Это не приказъ. Это неотразимое, какъ сама судьба, не допускающее никакихъ *на*, предписаніе высшаго начальства: «по случаю одержимой болѣзни поручика такого-то, бывше-назначеннымъ съ командою нижнихъ чиновъ, для узнанія правилъ артиллерійской службы въ такую-то баттарею, отправиться вмѣстѣ съ таковыми завтрашній день вашему благородію».

Ударъ грома при безоблачномъ небѣ, ушатъ холодной воды, вдругъ опрокинутый на спящаго, наконецъ даже лопнувшія чешуи у кивера во время прохожденія церемоніальнымъ маршемъ мимо грознаго начальника — не въ состояніи произвести на человѣка такого потрясающаго впечатлѣнія, какое ощущаетъ бѣдный Зміевъ въ первую минуту... Но

Nec Hercules contra plures!

Прощайте же, сладкія иллюзіи! Прощай, ералашъ! прощайте, вечернія сходки съ дорогими товарищами.

На другой день, собравъ немногосложное свое хозяйство и приказавши Хомѣ отправляться съ вещами, получивши отъ кого слѣдуетъ нужныя бумаги и фуражныя деньги, распростясь на скорую руку съ товарищами, злополучный Зміевъ выступаетъ съ командою въ путь... въ какое-то убійственное Окунево, гдѣ принужденъ будетъ прожить цѣлыхъ полгода, совершенно одинъ одинехонекъ, въ совершенномъ разобщеніи съ остальнымъ свѣтомъ, то есть съ полкомъ.

Подъ проливнымъ осеннимъ дождемъ онъ, по назначенію свыше, дѣлаетъ сорока-верстный переходъ въ одинъ день и приходитъ въ обѣтованную землю, когда уже падаютъ сумерки. Холодная струя течетъ съ лакированнаго вицъ-кивера ему за воротникъ... Желудокъ его, безпокойная тварь, громко вопіетъ о пищѣ. Завидѣвъ квартирьеровъ, онъ даетъ шпоры коню своему и скачетъ галопомъ впередъ.

— Гдѣ моя квартира? первый его вопросъ. — Хорошо ли будетъ командѣ стоять?

Но, къ удивленію его, квартирьеры докладываютъ, что большая часть деревни уже занята подобною же командою отъ другаго полка и, конечно, по распоряженію земскаго начальства; что всѣ осталь-

ные крестьянскіе сараи и хлѣвы или заняты хозяйскими земледѣльческими орудіями, и ихъ хлѣбными запасами, или въ нихъ помѣщается скотъ; что слѣдовательно строевыхъ лошадей помѣстить больше негдѣ, что сверхъ того мужики отказываются продовольствовать солдатъ приваркомъ, потому что сами очень бѣдны.

— Сотскаго сюда! вскрикиваетъ озадаченный Змѣевъ.

Но и сотскій, являясь въ сопровожденіи крестьянъ и кланяясь въ поясъ, рѣшительно объявляетъ то же самое.

— Что хоцице, то и робице! говоритъ онъ на своемъ туземномъ нарѣчіи.

— Кормить солдатъ! кричитъ Змѣевъ.

— Не ма чимъ, паночку! отвѣчаетъ сотскій.

Положеніе Змѣева очень затруднительно. Лошади и люди устали, голодны; дождь между тѣмъ не перестаетъ. Вся мѣра, на которую онъ можетъ въ эту минуту рѣшиться, состоитъ въ томъ, что онъ посылаетъ просить офицера другой команды — потѣснить и уступить нѣсколько конюшенъ, а затѣмъ обратясь къ сотскому, рѣшительно объявляетъ ему, что онъ пришелъ сюда съ командою не по своей фантазіи, что само земское начальство дало на эту деревню палетъ, что затѣмъ крестьяне должны давать солдатамъ приварокъ непремѣнно, и что ему Змѣеву ни до чего больше дѣла нѣтъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ приказываетъ командѣ слѣзать съ лошадей, искать конюшенъ, а сотскому назначать квартиры.

Между крестьянами послышался глухой ропотъ: «ой, коли жь гэтая зараза марноваць насъ перестане!» говорятъ многіе. Самъ сотскій пробуетъ еще представить свои резоны.

— Ту команду, говоритъ онъ: — что прежде васъ пришла, мы размѣстили кое-какъ, а теперь вашихъ солдатъ придется ставить по такимъ мужикамъ, что сами едва могутъ прокормиться.

Бабы, услыхавши, въ чемъ дѣло, тоже выбѣгаютъ изъ своихъ хатъ, и начинаютъ голосить и причитывать словно на похоронахъ, то складывая руки ладонями вмѣстѣ, то разнимая ихъ. — «Ай доля жь моя горькая! Ничегусенька у насъ не машика!» воютъ онѣ нараспѣвъ и растягивая послѣдніе слоги... «А тутотка москали прійшли!! А что мы будемъ робицъ! А не ма у насъ ни картошки, ни бураки-и-въ!»

Дѣти выскакиваютъ изъ хатъ вслѣдъ за матерями въ однѣхъ рубашонкахъ и тоже принимаются ревѣть въ свою очередь.

Крики эти производятъ на Змѣева впечатлѣніе самаго раздирающаго свойства. Бѣдные солдаты, уставшіе, проголодавшіеся, тоже опускаютъ носы. Не только на этотъ день они должны оставаться при одномъ сухомъ хлѣбѣ, но и въ будущемъ предстоитъ имъ пе—

чальная перспектива голодать цѣлую зиму. Доброму поручику становится жаль и бѣдныхъ мужиковъ и бѣдныхъ солдатъ, но что онъ можетъ сдѣлать? Вовсе не разсчитывая на возвратъ изъ казны, онъ даетъ изъ собственныхъ денегъ, на команду, нѣсколько рублей, съ тѣмъ, чтобы люди по крайней мѣрѣ могли купить себѣ водки и что нибудь изъ съѣстнаго, если бы нашли въ деревенской корчмѣ.

Между тѣмъ сотскій, послѣ митиннаго совѣщанія съ мужиками, дѣлаетъ ему предложеніе такого рода, что въ трехъ верстахъ отъ Окунева есть еще деревушка Грулино, принадлежащая помѣщицѣ, какой-то вдовѣ Качинской, не занятая постоемъ; что мужички въ ней зажиточны, и что поэтому нельзя ли хоть часть людей отправить туда.

«А! и въ самомъ дѣлѣ, чего же лучше?» думаетъ Змѣевъ, хватаясь за эту мысль. Деревня не далеко, и солдаты и лошади найдутъ по крайней мѣрѣ пристанище, а первые, сверхъ того, можетъ быть, еще и поѣдятъ.

Сказано — сдѣлано. Отправивъ половину команды по указанію сотскаго въ Грулино и размѣстивъ кое-какъ другую въ Окуневѣ, усталый и прозябшій, но нѣсколько успокоенный поручикъ устремляется въ отведенную ему избу. Тамъ выпивъ наскоро стакана два чаю и закусивъ, чѣмъ Богъ послалъ, онъ спѣшитъ улечься спать, чтобы вознаградить себя за тревогу прошлой ночи... Конечно, мечты его теперь не такъ радужны... Онъ знаетъ, что въ новомъ положеніи своемъ, въ качествѣ самостоятельнаго начальника, отца и командира команды своей, онъ будетъ имѣть въ продолженіе зимы и занятія, и хлопоты; но впрочемъ и то сказать: не такъ страшенъ чортъ, какъ его рисуютъ...

«А вѣдь вотъ въ Грулинѣ и помѣщица есть, и къ тому же вдова!» думаетъ онъ между прочимъ. «Можетъ быть мнѣ еще и не такъ дурно будетъ здѣсь... Коли молода, то и пріударить можно... благо, мѣшать некому. А то вѣдь у насъ такъ: гдѣ одинъ, тамъ и всѣ, только портятъ другъ-другу». И воображеніе его увлекается ловеласовскими замашками; вскорѣ потомъ, однако же, онъ засыпаетъ самымъ неистовымъ образомъ.

— Ваше благородіе! ваше благородіе!

— Убирайся къ чорту! Приказанья никакого! До завтра! вскрикиваетъ внезапно пробужденный поручикъ, на минуту открывая глаза и увидѣвъ предъ собою своего вахмистра.

— Да, ваше благородіе, отвѣчаетъ вахмистръ: — изъ той деревни прибѣжалъ Афонинъ, сказываетъ, что мужики солдатъ въ хаты не пущаютъ.

— Какъ такъ!? опять вскрикиваетъ Змѣевъ, почти инстинктивно вскакивая съ кровати и дико съ просонья ворочая глазами. Воображенію его въ одну секунду представляется вся картина: — какъ несчастные, усталые солдаты, въ темнотѣ ночи и подъ дождемъ, въ холодную пору, еще до сихъ поръ остаются безъ пріюта... «Какъ такъ?! Отчего?!»

— Да не могимъ знать. — Говорятъ, помѣщица не приказала, и хаты всѣ позапирали, а которые изъ солдатъ успѣли было въ хаты взойти, такъ хозяева вонъ выгоняютъ, гвалтъ подымаютъ.

— Вотъ вздоръ какой! вскрикиваетъ уже въ бѣшенствѣ Змѣевъ. — Что жь, на дворѣ, что ли, людямъ пропадать? Вели насильно хаты занимать!

— Помилуйте, ваше благородіе, какъ можно! И такъ аммуницію и вещи мужики въ грязь повыкидали, да на цѣлую деревню голосятъ, что солдаты разбой дѣлаютъ... отвѣчать будемъ!

Дѣло принимаетъ страшно непріятный характеръ...

— Вѣрно солдаты сами затѣяли буйство, говоритъ поручикъ, и тутъ же думаетъ про себя: «чего добраго, пожалуй, съ голодухи-то станется. У меня жь въ командѣ вѣрно архаровцы собраны, кто ихъ знаетъ?» — А подай-ко сюда Афонина.

— Что тамъ такое? что за исторія? вопрошаетъ онъ Афонина, когда тотъ является передъ нимъ, запыхавшись, едва переводя духъ и облитый потомъ.

— Не могимъ знать! Помѣщица не велѣла мужикамъ пущать солдатъ, а мы, говорятъ, должны пани своей слушать.

— Отчего жь ты самъ къ ней не сходилъ?

— Ходилъ, ваше благородіе, ходилъ... да на силу, ваше благородіе, ноги-то унесъ. Я, говоритъ, связать тебя велю, какъ, говоритъ, ты смѣлъ въ мой домъ придти?... Разбойники вы, говоритъ, всѣ... и постоя у меня, говоритъ, не слѣдуетъ... Палетъ покажи, говоритъ.

Увы! — слишкомъ поздно сознаетъ поручикъ, что онъ поступилъ не совсѣмъ осмотрительно, потому что палета на Грулино у него дѣйствительно нѣтъ, и M-me Качинская отчасти права.

— Гдѣ же люди? спрашиваетъ онъ.

— Да все еще на дворѣ... Совсѣмъ изморились.

Бѣдный Змѣевъ совершенно не знаетъ, на что рѣшиться. Ѣхать сейчасъ же въ Грулино и объясниться лично съ задорной помѣщицей — дико, поздно; велѣть командѣ возвратиться назадъ — тоже не имѣетъ смысла, потому что когда она придетъ назадъ въ Онунемо, будетъ уже, что называется, бѣлый день.

— Неѣзжай, Афонинъ, назадъ, говоритъ онъ наконецъ. — Ужь эту-то ночь переночуйте какъ нибудь.

— Слушаю-съ.

— Понимаешь меня?

— Понимаю, ваше благородіе.

— Завтра утромъ я самъ туда пріѣду. — Да ты на своей лошади?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, я пѣшки.

— Отчего же пѣшки? Отчего не верхомъ?

— Да коня, ваше благородіе, жаль стало.

Несмотря на усталость, Звѣревъ заснуть болѣе уже не можетъ. Щемитъ ему сердце положеніе солдатъ, бѣситъ поведеніе мужиковъ и самой помѣщицы, ея жестокосердіе... А онъ еще пріударить за нею хотѣлъ. Тревожитъ его опасеніе, не надѣлали ли сами солдаты какого нибудь буйства...

«Да и я тоже хорошъ!» думаетъ онъ между прочимъ. — «Нечего сказать, славно распорядился! Помѣститься *какъ нибудь*. Какъ же это, какъ нибудь-то?»

Рано утромъ, на другой день, онъ уже въ Грулинѣ. Кавалерійское сердце его сжимается въ горошину при видѣ бѣдныхъ лошадокъ, стоящихъ у плетня по колѣни въ грязи. Перепачканные отъ маковки до пятъ, продрогшіе отъ стужи, перемокшіе до костей солдаты бивуакируютъ тутъ же.

Составивъ умозрительно кодексъ убѣжденій, которыми намѣренъ дѣйствовать на строптивый, повидимому, нравъ обладательницы Грулина и вполнѣ полагаясь на свое не разъ испытанное, свѣтское, вполнѣ галантерейное обращеніе съ дамами, онъ отправляется въ ея резиденцію. Звяканье сабли его, въ то время, когда онъ проходитъ по двору, и которую онъ надѣлъ для вящшаго эффекта, для того, чтобы визитъ его имѣлъ приличный характеръ, — производитъ въ домѣ неописанное волненіе.

Но что сказать о самой встрѣчѣ? Едва ли Лукреція встрѣчала нѣкогда Тарквинія такимъ изступленнымъ образомъ.

Не успѣвъ пристукнуть шпорами съ ловкостію военнаго человѣка, какъ это подобаетъ всякому благовоспитанному кавалеристу, не успѣвши даже разсмотрѣть лица своей Лукреціи, бѣдный герой нашъ уже осыпанъ градомъ и упрековъ, и проклятій, и угрозъ... Всѣ прекрасныя, сладкія рѣчи его, заготовленныя имъ для встрѣчи, остаются безъ употребленія... Аттакованный грозною вдовою, онъ уже самъ готовъ вспыхнуть, какъ порохъ, но... Звѣревъ прежде всего — рыцарь...

— Позвольте! успокойтесь! я вамъ сейчасъ объясню! началъ было онъ сколь возможно ровнымъ голосомъ, ухищряясь придать

галантерейное выраженіе лицу своему и сконфуженный тактъ ужь черезъ-чуръ не галантерейнымъ пріемомъ; но героиня, кажется, только и ждала того момента, чтобы онъ открылъ ротъ.

— Какъ?! какъ! вскрикиваетъ она всплеснувъ руками и испуская пронзительный вопль.—Мнѣ? мнѣ говорить дерзости? въ моемъ домѣ? меня оскорблять?! О! я буду жаловаться!

Разбитый, уничтоженный картечью неистовыхъ криковъ, Змѣевъ... сказать ли?... постыдно ретируется, преслѣдуемый дюжиною комнатныхъ собаченокъ и утративъ весь гусарскій авантажъ.

Во избѣжаніе всякихъ кляузъ, онъ тотчасъ же выводитъ команду назадъ въ Окунево, гдѣ добрые крестьяне кое-какъ соглашаются давать солдатамъ приварокъ до тѣхъ поръ, пока онъ не испроситъ у начальства разрѣшенія кормить ихъ изъ котла.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого скандалезнаго происшествія, Змѣевъ уже почти успокоившійся, благодаря своему характеру, отъ перечувствованныхъ на прошедшей недѣлѣ волненій, сидя въ своей избенкѣ, внезапно изумленъ появленіемъ передъ своею особою нарочно присланнаго изъ штаба почтоваго фурштата, съ конвертомъ самаго зловѣщаго вида, съ надписью о самонужнѣйшемъ, съ кусочками пера, прилѣпленными сургучемъ. Дрожащими руками Змѣевъ распечатываетъ конвертъ и едва вѣритъ глазамъ своимъ. Приставъ того стана, въ которомъ находится деревушка г-жи Качинской, относится къ полковому командиру съ просьбою, чтобы отъ героя нашего потребовано было объясненіе: «на какомъ основаніи онъ осмѣлился занимать деревню Грулино, не имѣя на нее палета, тогда какъ самовольное занятіе деревни, по силѣ такихъ-то и такихъ-то статей, есть уголовное преступленіе?»

Исполинскій вопросительный знакъ, стоящій въ концѣ этого грознаго вопроса, показался въ эту минуту бѣдному Змѣеву чудовищемъ, готовымъ пожрать его. «О нанесеніи же вышерѣченнымъ поручикомъ Змѣевымъ госпожѣ Качинской», говорилось далѣе въ отзывѣ становаго: «личныхъ глубокихъ оскорбленій въ ея собственномъ домѣ, куда онъ (якобы) ворвался съ азартомъ, вооруженный, съ солдатами, ею особо подано, куда слѣдуетъ, прошеніе».

При изложеніи плачевнаго факта сего, необходимо замѣтить, что вышерѣченный Змѣевъ есть единственнѣйшій въ мірѣ трусъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается до его служебной репутаціи, до его добраго имени вообще...

— Вотъ тебѣ и разъ! Въ два уголовныхъ дѣла попалъ разомъ! Что тутъ дѣлать? Боже! какая отвратительная кляуза! залепеталъ

онъ бѣдный, схватывая себя руками за голову и чувствуя, какъ кровь приливаетъ у него къ мозгу... Онъ давно знаетъ, что въ подобныхъ случаяхъ, особенно въ послѣднемъ, если къ тому же еще замѣшается въ дѣло гражданское начальство,—офицеръ безъ аппелляціи признается виновнымъ, какъ бы онъ правъ ни былъ, потому что искони существуетъ убѣжденіе, что военный народъ по преимуществу народъ буйный, дерзкій... А одна мысль о кляузѣ, о слѣдствіи, о вопросныхъ пунктахъ леденитъ кровь въ жилахъ его... Что скажетъ о немъ начальство, или, что всего важнѣе, что скажутъ товарищи?

Къ оскорбленной вдовѣ ѣхать на вторичное объясненіе онъ уже не рѣшается, а впопыхахъ скачетъ въ штабъ полка...

— А что? накуралесилъ? спрашиваетъ его съ улыбкою и прищуривая лѣвый глазъ, добрѣйшій Артамонъ Сергѣичъ, къ которому онъ врывается за помощью, за совѣтомъ...

— Да какое накуралесилъ! Дѣло было такъ и такъ, возражаетъ, чуть не плача, Змѣевъ.

— Ахъ, кан-нальи! Сѣчь ихъ надо! рѣшаетъ добрѣйшій Артамонъ Сергѣичъ, выслушавъ весь ходъ дѣла...

Другіе, и, конечно, весьма благоразумно, совѣтуютъ замять дѣло, войдя въ мировую сдѣлку какимъ-бы то ни было образомъ, если только онъ не желаетъ уронить себя въ глазахъ начальства и подвергнуться взысканію...

Но кого же избрать въ посредники мира?..

Змѣевъ рѣшается ѣхать къ становому.

Понимая, что нѣкоторымъ образомъ Змѣевъ попался къ нему въ когти, достойный господинъ этотъ долго играетъ съ субъектомъ своимъ, какъ кошка съ мышью... Онъ въ такихъ ужасныхъ краскахъ представляетъ ему всѣ, могущія произойти отъ самовольнаго занятія имъ деревни, послѣдствія, такъ пугаетъ его тѣмъ, что можетъ выйти изъ его исторіи съ вдовою, что спасая свою служебную репутацію, и чувствуя трепетъ при одной мысли попасть подъ слѣдствіе, — Змѣевъ рѣшается на все....

Конецъ концовъ, при содѣйствіи становаго (онъ же писалъ и просьбу Качинской на Змѣева) миръ, то есть, ему вручена для удовлетворенія претензіи нѣкоторая сумма, и черезъ его же руки получена отъ вдовы росписка въ томъ, что болѣе уже претензіи она не имѣетъ; самъ становой тоже отказывается отъ преслѣдованія законнымъ порядкомъ уголовнаго преступленія, то есть самовольнаго занятія Змѣевымъ деревни подъ постой, въ то время, когда ввѣренные его попеченію солдаты, усталые, голодные, въ глухую ночную пору должны были пропадать на открытомъ воздухѣ, мок-

нуть на лежакѣ, довольствоваться кускомъ сухаго хлѣба... Становой приставъ оказывается на этотъ разъ властелиномъ судьбы Змѣева, его протекторомъ, благодѣтелемъ...

Предоставляется всякому судить о той степени униженія, которое испытываетъ гордый своимъ званіемъ поручикъ послѣ всей этой передряги!

Многіе изъ добрыхъ товарищей Змѣева, оскорбленные всей этой исторіей не менѣе его самаго, въ порывѣ усердія, клянутся отомстить, но чрезъ нѣкоторое время успокоиваются, особенно когда Змѣевъ, какъ-то вечеромъ, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, при многочисленной полковой публикѣ подробно разсказываетъ весь ходъ этой драмы, и съ такимъ комизмомъ, котораго передать нѣтъ возможности.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, когда Змѣевъ уже окончательно возвращается въ полкъ, одинъ изъ помѣщиковъ сосѣдняго уѣзда, познакомясь съ Змѣевымъ на короткую ногу, спрашиваетъ его, между прочимъ:

— Скажите пожалуйста, кто это изъ вашихъ офицеровъ стоялъ эту зиму въ Окуневѣ?

— А что? спрашиваетъ этотъ въ свою очередь.

— Да у насъ въ уѣздѣ разсказываютъ, что надѣлалъ тамъ какихъ-то авантюръ. Разбилъ домъ у помѣщицы, напалъ съ солдатами, такъ что бѣдная женщина чуть не умерла со страху... Вѣдь эдакой бѣдовый народъ вы, господа военные!

А. ФАТѢЕВЪ.

ЧЕТЫРЕ МѢСЯЦА ВЪ БЕЙРУТѢ.

Въ полдень мы пріѣхали въ Яффу, сдѣлавъ путь изъ Іерусалима туда въ одни сутки. Море было тихо, покойно, какъ зеркало. И какъ оно было дивно-величественно послѣ голыхъ, каменныхъ пустынь Палестины! Какъ оно было грозно и въ своемъ, кажется, невозмутимомъ спокойствіи! Отдаленный гулъ, доступный только привычному и самому напряженному слуху, дѣлалъ изъ него страшное чудовище, готовое ежеминутно подняться и поглотить того, кто дерзнетъ довѣриться его тишинѣ.

Еще день, и я дѣйствительно на морѣ; но только море было не вчерашнее. Бурно оно кипѣло сегодня. Такъ пріятно вчера я носился по его гладкимъ глыбамъ, а сегодня оно такъ нелюбезно, такъ сердито, что дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, когда съ парохода не совсѣмъ привычный глазъ оглядываетъ его бурную, надутую физіономію. Точно страшно голодный звѣрь оно сердится, рычитъ при видѣ своей добычи, которою не можетъ завладѣть. Ревъ его валовъ наводитъ паническій страхъ на непривыкшую душу; но невольно его слушаешь!... Морозъ и дрожь по кожѣ, но не хочется оставить его!... Съ какимъ-то упоеніемъ смотрю и слѣжу за этою могучею, свободною, полною силы, нѣмою жизнію природы.

Давно уже скрылась съ глазъ нашихъ Яффа; только бурное море и покойное небо представлялись нашему глазу, которому, правда, не наскучило еще это однообразіе послѣ мертвой, пустынной Палестины. Тамъ взоръ человѣка замыкается среди высокихъ горъ, и на что обратитъ пытливое вниманіе далекій пришлецъ?—развѣ на ящерицъ, которыя здѣсь во множествѣ, какъ нигдѣ я не видалъ, бѣ-

гаютъ по камнямъ? Только онѣ оживляютъ эту мертвую, окаменѣлую природу, нѣкогда богатѣйшую въ мірѣ! — Но этотъ безжизненный трупъ былъ богатъ жизнію, но эта увядшая красавица славна своимъ былымъ! Каждый камень какъ будто шепчетъ тебѣ что-то, напѣваетъ изъ стараго. Но наскучитъ это, и тѣмъ болѣе, что воспоминаются на самомъ мѣстѣ событій, едва ли самыя событія, а скорѣе лекціи семинарскія, которыя вообще въ лучшія минуты довольно непріятно заявляли о себѣ моей памяти. Но то ли дѣло здѣсь, на морѣ! Тутъ вѣетъ свободой!...

Давно уже Яффы было не видно, а я все ёще стоялъ у борта парохода. Правда, не у того борта я стоялъ, который былъ на сторонѣ къ Яффѣ, — я смотрѣлъ на море и мечталъ сладко, но неопредѣленно, мутно мечталъ; — и только подошедшая ко мнѣ M-lle NN вывела меня изъ волшебной мечты. «М-сье Южаковъ! Будетъ вамъ мечтать! уже Кайфу видно. Прощайте. Надѣюсь еще увидѣться съ вами», сказала она мнѣ, протянувъ руку. Эта дѣвушка удивила всѣхъ въ Іерусалимѣ своею отважностію, предпріимчивостію: она одна себѣ путешествовала по всей почти Европѣ, и оттуда пробралась въ Азію; въ Палестину тоже одна: Теперь мы ее видимъ на пути въ Назаретъ, и тоже одну. «Какъ же вы изъ Кайфы отправитесь?» спросилъ я ее. — «Очень просто, на лошади.»—«Одна?»—«О, нѣтъ! говорятъ, оттуда завтра пойдетъ католическій караванъ въ Назаретъ». — «А если это не правда, тогда какъ?»—Тогда? посмотрю, и одна можетъ быть поѣду. Найму провожатаго. Здѣсь очень многіе говорятъ по итальянски — не погибну».

Дружески пожали мы другъ-другу руки. — Долго потомъ смотрѣлъ я въ слѣдъ ей, пока она не скрылась на баркасѣ, когда пароходъ бросилъ якорь противъ Кайфы. Она заинтересовала меня своею рыцарскою предпріимчивостію; и мнѣ хотѣлось тогда узнать, что у нея за цѣль, такая высокая, когда она требуетъ такой сильной жертвы, и гдѣ она набралась такой храбрости? Что заставляетъ ее рисковать собой? Можетъ быть отъ сильной набожности она рыцарствуетъ? Но не это же вывело ее изъ теплаго уголка въ Москвѣ!—да по набожности въ Европу и не ѣздятъ! Можетъ быть глубокая и высокая ея набожность есть результатъ путешествія по Европѣ?!... «Все можетъ быть, чего и не можетъ быть», говоритъ наша народная пословица.

На другой день рано утромъ показался изъ-за небосклона сѣдой Ливанъ, сталъ выдвигаться впередъ и наконецъ предсталъ предъ нами во всемъ его величіи, или, лучше, мы предстали предъ него съ смиреннымъ почтеніемъ его заслуженному вѣками достоинству. Подъ ногами его чрезвычайно живописно раскинутъ Бейрутъ. Я

видѣлъ я прежде Бейрутъ, и два раза, но тогда онъ почему-то не обратилъ на себя особеннаго моего вниманія, — вѣроятно потому, что тогда была буря и дождь. Но теперь!.. предъ этой картиной нѣмѣешь. Такъ живописна его мѣстность, что смотришь и не можешь насмотрѣться. Никакая игривая фантазія художника ничего подобнаго не начертитъ себѣ. Бейрутъ расположенъ какъ бы на полуостровѣ. Полуостровъ имѣетъ видъ холма, величиною будетъ около 5-ти верстъ длины и 3-хъ ширины. На этомъ-то пространствѣ раскинутъ Бейрутъ, и каждый домъ лежитъ въ саду. Надъ нимъ въ отдаленіи величественно возвышается Ливанъ, охватившій его почти съ трехъ сторонъ. Подъ ногами Бейрута море, тихое и прозрачное. Теперь уже іюль, но морской воздухъ сохраняетъ еще зелень на землѣ.

Я переѣхалъ съ парохода на берегъ. Признаюсь, хоть и очаровалъ меня видъ Бейрута, но не твердою ногою я вступилъ въ него.—Мое очарованіе имъ было только до него самого. Съ грустью въ сердцѣ я оставилъ русскій пароходъ, гдѣ я находилъ еще себѣ свое, родное, знакомое. Съ тяжелою думою я вышелъ на берегъ... Первымъ моимъ дѣломъ было — представиться генеральному русскому консулу, къ которому имѣлъ я письмо. Взять нумеръ въ гостинницѣ было для меня тогда довольно рисковано, не по опасности, которую, правда, здѣсь легко предполагать чужестранцу, не знакомому съ востокомъ, но по недостатку финансовъ. Мое путешествіе по Турціи почти выворотило мой карманъ. Поэтому, кромѣ представленія себя, я имѣлъ просить консула дать мнѣ квартиру въ консульскомъ домѣ, въ которомъ помѣщеніе порядочное. Г. консулъ принялъ меня такъ, какъ я и ожидалъ; конечно, не потому ожидалъ, чтобъ я зналъ его, или хотя бъ слышалъ что нибудь объ немъ: нѣтъ, онъ еще лицо здѣсь новое; а по какому-то предубѣжденію къ русскимъ чиновникамъ. Но уже тѣмъ однимъ онъ безконечно обязалъ меня (т. е. потому обязалъ, что онъ могъ бы этого и не сдѣлать), что далъ мнѣ писца изъ своей канцеляріи помочь мнѣ найти себѣ квартиру. Писецъ былъ арабъ, но хорошо говорилъ по-французски, слѣдовательно онъ былъ мнѣ и драгоманомъ; онъ же помогъ мнѣ и вещи перенести съ парохода. Однако въ таможнѣ мнѣ пришлось дать бакшишъ какому-то, тоже, вѣроятно, чиновнику ея... виноватъ! это ужь по-русски,—просто, служащему: въ Турціи чиновнаго міра не существуетъ.

«Гдѣ я? Зачѣмъ?», сказалъ я себѣ, когда остался одинъ среди разбросаннаго своего багажа въ чистенькой комнатѣ одного небогатаго араба. На пути сюда я еще не вникалъ, не спрашивалъ себя: куда я ѣду? зачѣмъ? Теперь мнѣ страшно было отвѣчать самому себѣ на эти вопросы. Быть одному среди арабовъ! но главное — зачѣмъ?

Арабы православные въ Бейрутѣ, Дамаскѣ и даже на Ливанѣ просили преосвященнаго Кирилла,—и кажется, формально, сколько я помню,—открыть русскую школу, дать русскаго учителя. Они этимъ не ограничились, они шли далѣе: они просили и русскаго священника, но — это меня не касается. Кириллъ предложилъ мнѣ этотъ трудъ. Тогда я видѣлъ въ этомъ службу человѣчеству и съ жаромъ изъявилъ свою готовность служить на пользу арабовъ. Но теперь съ недоумѣніемъ я спрашивалъ себя: «Гдѣ я? зачѣмъ?» Первое — очевидно; но зачѣмъ? Я не зналъ, что сказать. Сколько я ни старался найти свѣтлую, лучшую сторону этого дѣла, за которое имѣю взяться, но доходилъ только до одного: ничего я не сдѣлаю для арабовъ; мой трудъ пропадетъ, время будетъ для меня потеряно. Для чего арабамъ русскій языкъ? какая польза имъ отъ него? А что они сами просили объ этомъ владыку, изъ этого видна только ихъ охота заявить свое несомнѣнное расположеніе къ Россіи; а можетъ быть это ихъ искреннее желаніе (чему я вѣрю) ближе познакомиться съ Россіей, которой они горячо преданы, какъ единственной опорѣ въ ихъ незавидномъ положеніи, имя которой имѣетъ магическую силу для нихъ; можетъ быть они ищутъ, чѣмъ бы сблизиться съ ней. И кромѣ этого все русское, при такой горячей вѣрѣ въ Россію, не могло имъ не нравиться. Но какъ бы то ни было, а они не обдумали, о чемъ просили. Это былъ наивный дѣтскій порывъ.

Я не успѣлъ еще осмотрѣться въ своей комнатѣ, какъ хозяинъ привелъ ко мнѣ гостей: трехъ арабокъ, въ сопровожденіи двухъ арабовъ. Мужчины были одѣты прилично, чистенько. Изъ этого я могъ видѣть, что имѣю предъ собою порядочныхъ (между ними) людей. Но ихъ быстрый, болѣе чѣмъ смѣлый, даже едва не дерзкій взглядъ, черезъ-чуръ безцеремонное обращеніе въ присутствіи посторонняго, котораго они въ первый разъ видятъ, и притомъ чужестранца, совершенно не расположили меня въ ихъ пользу: мнѣ непріятно, даже противно было ихъ присутствіе въ моей комнатѣ. Боже мой, сколько наглаго въ ихъ взорѣ, сколько дерзкаго въ ихъ жестахъ и самой позѣ!...

Сдѣлавъ мнѣ привѣтствіе по-восточному, т. е. поднявъ руку снизу ко лбу, они сѣли на полъ, и указывая то на меня, то на мои вещи, отвратительно заговорили своимъ грубымъ языкомъ, картавя охриплой октавой, но такъ, какъ-будто они съ жаромъ спорили, или ссорились между собою.

Таково было первое впечатлѣніе арабовъ на меня. Его я оправдываю теперь тѣмъ, что былъ совершенно незнакомъ съ ними и въ первый разъ былъ съ ними одинъ, глазъ на глазъ. Тѣмъ болѣе

естественно такое впечатлѣніе, что я имѣлъ дѣло съ бедуинами и горными арабами, которые — совершенные дикари.

Не менѣе удивили меня арабки. Совершенно разбился объ эти личности мой идеалъ восточныхъ женщинъ. Я представлялъ ихъ застѣнчивыми, раболѣпными. Этому идеалу была поддержка въ Палестинѣ: тамъ я видѣлъ въ городахъ арабокъ большею частію закрытыхъ, безмолвныхъ, робкихъ, недоступныхъ для незнакомца, дикарокъ. Тамъ я не былъ знакомъ ни съ однимъ арабскимъ домомъ и потому не зналъ ихъ домашней жизни, видѣлъ ихъ только на улицѣ. Но — эти такъ прямо, такъ открыто, свободно смотрѣли на меня, что я даже потуплялъ внизъ, или отводилъ отъ нихъ глаза. Ихъ огненный взглядъ такъ свободенъ, что получаетъ наглый, дерзкій характеръ. Ихъ роскошная грудь была почти открыта до пояса, только покрывалась тонкимъ и рѣдкимъ крепомъ, который развѣ служилъ для приличія, но нисколько не покровомъ. Поэтому я даже стѣснялся смотрѣть на нихъ. Онѣ также довольно громко разговаривали и съ мужчинами, и между собой.

Вскорѣ я избавился отъ этихъ докучливыхъ гостей. Но тяжелое, непріятное впечатлѣніе произвели онѣ на меня. Послѣ нихъ я думалъ какъ-то неопредѣленно, слишкомъ мутно, или, лучше сказать, боялся думать. Я стоялъ у окна. Чрезъ нѣсколько минутъ я непримѣтно перешелъ отъ своего положенія къ разсматриванію окружающей мѣстности, и мнѣ стало легче, веселѣе. Я забылъ о моемъ одиночествѣ. Я находился среди великолѣпной, почти на закатѣ солнца, перспективы. Моя свѣтелка—такъ называлъ я свою комнату—возвышалась надъ всѣмъ, вблизи окружающимъ. Она была устроена на верху дома — что-то въ родѣ нашего мезонина; но главное ея достоинство было въ томъ, что она имѣла на всѣ четыре стороны по окну, такъ что въ какую бы сторону я ни посмотрѣлъ, мнѣ было открыто огромное пространство: въ сѣверо-западное окно представлялось мнѣ дивное море съ множествомъ судовъ; въ сѣверо-восточное окно, надъ зеркальною поверхностью моря возвышался грозный сѣверный конецъ Ливана; въ юго-восточное окно серьёзно, задумчиво всматривался самъ сѣдой дѣдушка-Ливанъ, всѣмъ своимъ громаднымъ хребтомъ; а въ юго-западное окно покатый южный конецъ Ливана безконечно тянулся на юго-западъ, окаймляя свѣтлыя теперь воды моря и какъ-бы впиваясь въ него. Подъ ногами на востокъ кипитъ Бейрутъ. Какъ сладко мнѣ улыбнулась природа и особенно теперь, когда я не ожидалъ ни отъ кого ни симпатіи, ни участія! Какъ будто она сочувствовала мнѣ, такъ ласково смотрѣла на меня, что мнѣ сдѣлалось и легко, и весело. Я вышелъ на террасу. Въ нѣмомъ восторгѣ я любовался природой. Но эта див-

мая природа, этотъ мягкій, нѣжный, освѣжающійся, при закатѣ солнца, воздухъ наводятъ какую-то обворожительную задумчивость... Я долго сидѣлъ и мечталъ, между тѣмъ уже темнѣло. Въ этой глухой, мертвой и полутемной тишинѣ какъ бы не чувствуешь себя на своемъ мѣстѣ и носишься гдѣ-то, только не на землѣ.... И только — тутъ и тамъ, съ разныхъ сторонъ раздающіеся. дико-заунывные, поразительно-трогательные мотивы пѣсни одинокаго голоса, прорѣзываютъ эту тишину и отрываютъ отъ заоблачнаго міра. При этой тишинѣ, при этомъ полумракѣ грустно, томно раздаются они и, ужь не знаю, какъ будто совершенно гармонируютъ этому тайному, тихому говору отдыхающей природы. Невольно слушаешь и вслушиваешься въ ея голосъ мелодическій, дрожишь и замираешь при дико-томныхъ, печальныхъ, порывистыхъ ея переливахъ, — точно съ болью отрываются они отъ сердца. Летѣлъ бы тогда къ нему, взглянулъ бы ему въ лицо, что выражаетъ оно? отражается ли на немъ то, что онъ поетъ?... и если можно раздѣлилъ бы съ нимъ всю горечь его жизни, подарилъ бы его живымъ сочувствіемъ!.... Рабство ли его давитъ, или ему не достаетъ чего-такого, за что, кажется, онъ отдалъ бы полжизни! То страсть, то отчаяніе, то воодушевленіе, но больше сильная,рѣзкая печаль говорятъ этими переливами голоса, — и долго, долго, почти до полночи, въ этомъ дремлющемъ воздухѣ дрожитъ печальный голосъ араба...

Цѣлую недѣлю я почти только присматривался къ новой моей жизни, только вслушивался въ незнакомые мнѣ звуки голоса. Положительно я ни за что еще не смѣлъ, да и не умѣлъ взяться при тѣхъ средствахъ и правахъ, какія предоставили мнѣ для этого дѣла. Я исключительно занимался только изученіемъ арабскаго языка съ сыномъ хозяина.

На другой день своего пріѣзда являлся я къ консулу. Г. консулъ сказалъ, что онъ и готовъ бы помочь мнѣ въ моемъ дѣлѣ, но не имѣетъ никакой возможности; одно только онъ мнѣ предложилъ: не спѣшить, держать себя осторожно, чтобъ не дать повода къ разнымъ толкамъ иностранцамъ. И за то спасибо,—что же мнѣ было дѣлать? И при отправленіи моемъ изъ Іерусалима, было сказано мнѣ только: «Надѣюсь, что вы оправдаете мое довѣріе къ вамъ» — и больше ничего. Виноватъ! еще прибавили, что будутъ посылать мнѣ по 15 руб. жалованья на каждый мѣсяцъ.

Съ поникшей головой я вышелъ отъ консула. Не видя никакой возможности даже начать дѣло, я рѣшился только дожидаться русскаго парохода и оставить Бейрутъ другимъ дѣятелямъ по этой части. День былъ чрезвычайно жаркій, какъ и всѣ здѣшніе дни съ апрѣля до ноября. Атмосфера была до того накалена, если мож-

но такъ сказать, что жгло и въ носу и во рту, — и заслонивъ носъ и ротъ рукою, какъ бы отъ сильнаго холода, весь въ огнѣ, едва переводя дыханіе, искалъ я спасенья въ тѣни, на пути отъ консула домой. Но, нѣтъ! здѣсь не сѣверъ, гдѣ во время самой сильной жары можно найдти себѣ прохладу. Здѣсь надобно зарыться въ землю или скрыться туда, куда бы не проникалъ воздухъ, чтобъ не чувствовать на себѣ его жгучаго давленія со всѣхъ сторонъ. И только у моря, куда я теперь пришелъ, подъ каменною скалою берега, въ тѣни чувствуешь небольшое освѣженіе отъ моря, защищенный отъ пожирающихъ лучей солнца скалою. Но какъ хорошо въ тѣни на берегу моря! Немного вѣетъ прохладой въ этомъ раскаленномъ воздухѣ; чувствуешь, какъ кипитъ кровь въ жилахъ, какъ разливается пламень по тѣлу; но вотъ мало по малу пламень и кровь утихаютъ; становится прохладнѣе, находитъ необъяснимо пріятная нѣга, и распаленное воображеніе рисуетъ дивные образы... Но какъ мертва природа въ это время! какая замогильная тишина! никого, ничего и ничто! только безчисленное множество ящерицъ бѣгаютъ по камнямъ; но въ Бейрутѣ — самая живая, въ полномъ разгулѣ жизнь и дѣятельность: народъ кипитъ на улицахъ....

Довольно уже поздно; на закатѣ солнца я воротился домой съ моря, и послѣ чаю началъ писать письмо преосвященному Кириллу въ Іерусалимъ, что не имѣлъ никакой возможности оправдать его «довѣріе».

Такъ я ничего не могъ придумать, какъ взяться за свое дѣло.

Въ одинъ день утромъ пошелъ я съ хозяиномъ своимъ въ народную школу и пройтись по городу. Въ училищѣ уже занимались, хотя было только шесть часовъ утра.

Училище устроено при церкви въ архіерейскомъ домѣ. Оно занимало двухъэтажный корпусъ. Вверху было высшее отдѣленіе, внизу— низшее. Въ первомъ было три класса: французскій, греческій и арабскій. Во французскомъ классѣ читались еще всеобщая и священная исторія и географія на французскомъ языкѣ. Въ классѣ арабскомъ читались еще ариѳметика и законъ Божій. Въ комнатахъ было довольно чисто. Низшее отдѣленіе состояло изъ 7 классовъ, замкнутыхъ въ небольшихъ, довольно грязныхъ комнатахъ съ нарами. Я съ удивленіемъ спросилъ моего хозяина (хозяинъ говорилъ коекакъ, почти столько, сколько и я, по гречески), чему здѣсь учатъ?— «Арабскому языку», отвѣчалъ онъ. Какъ! во всѣхъ этихъ классахъ учатъ грамотѣ только?... Я предполагалъ сначала, что здѣсь учатъ разнымъ предметамъ, но оказалось: сколько учителей, столько и классовъ, и во всѣхъ нихъ учатъ только грамотѣ; потому всегда неизмѣнно одинъ учитель для каждаго класса. Ученики платятъ своему

учителю по 2 піастра (по 10 к. сер.) въ недѣлю, слѣдовательно въ мѣсяцъ по 8 піастровъ (40 к. с.); если 30 учениковъ, учитель получитъ 240 піастровъ, 12 р. сер. Но только въ одномъ классѣ оказалось около 30 мальчиковъ, а въ другихъ было отъ 40 до 100. Учитель долженъ заниматься за такую плату отъ 6 часовъ утра до 4. Съ 12 до 2 свободное время для закуски.

Лишь только я показался въ училищѣ, тотчасъ пронеслось по нему, по рекомендаціи моего хозяина: «маллемъ москоббе» русскій учитель. Они слышали обо мнѣ уже раньше. И только что пронеслось по училищу «маллемъ москоббе», какъ я былъ окруженъ всѣхъ сортовъ мальчиками: около меня образовался ужасный хаосъ крику, шуму и голосовъ; но мало по малу утихло это волненіе и большіе изъ мальчиковъ, которые видимо имѣли вліяніе на меньшихъ и чище одѣтые, возстановили порядокъ (*). Тогда тотчасъ же съ увлеченіемъ стали предлагать (на французскомъ языкѣ) себя въ ученики ко мнѣ. Я имъ отвѣчалъ, что готовъ бы съ большимъ удовольствіемъ предложить имъ свои услуги, но не имѣю ни средствъ, ни способовъ для этого. Они опять повторили, что давно и весьма охотно желаютъ учиться русскому языку и что они будутъ платить мнѣ за ученіе, а между тѣмъ я буду съ своей стороны просить русскаго императора, наивно упрашивали они меня,—чтобъ онъ послалъ денегъ и книгъ на школу. Видя твердую готовность познакомиться съ русскимъ языкомъ, я согласился ихъ учить, но съ тѣмъ, чтобы они на себя взяли хлопоты по классу, потому что моя квартира была около 2½ верстъ отъ центра города.

Весь этотъ, теперь уже порядочный, кружокъ въ одинъ голосъ предлагалъ себя въ ученики ко мнѣ: «У ана, у ана бириданъ таалленъ москоббе», и я, и я хочу учиться по русски — слышалось отвсюду. Но я передалъ имъ о своей несостоятельности для такого большаго числа учениковъ, безъ способовъ учить ихъ, и притомъ на первый разъ: тогда старшіе изъ себя выбрали 10 человѣкъ, а остальнымъ пока отказали. Но чтобы показать, что я не изъ матеріальныхъ выгодъ предлагалъ имъ свои услуги, я отказался отъ платы за ученіе. Пока я съ ними разговаривалъ, одинъ изъ взрослыхъ мальчиковъ, жившій подлѣ церкви, сходилъ домой и возвратился съ благою вѣстію, что его отецъ даетъ одну изъ комнатъ его дома подъ русскій классъ. Это произвело едва не фуроръ радости въ окружавшей меня толпѣ мальчиковъ. На другой день, въ 5 часовъ вечера, назначенъ былъ первый урокъ изъ русскаго языка.

(*) Только тогда, когда нѣсколько мальчиковъ получили отъ старшихъ по нѣскольку пощечинъ и ударовъ.

Довольный этимъ успѣхомъ, я отправился бродить по Бейруту. Съ моря надобно любоваться городомъ, то есть не столько самымъ городомъ, сколько его дивнымъ, живописнымъ мѣстоположеніемъ, его видомъ. Но не заставитъ онъ любоваться собой, когда будешь въ немъ самомъ, — какъ и всякій другой восточный или, ближе, турецкій городъ. Чувство глубокаго отвращенія возбуждается при видѣ его гадостей и мерзостей внутреннихъ! И такъ мы выходимъ съ вами изъ ограды церковной, въ которой находится училище; но куда мы вышли? Не пугайтесь, это улица. Она большею частію глухо крытая, какъ корридоръ, или, лучше, подземная мина: она проведена подъ домами, и только между домами оставлены для свѣта открытыя мѣста (впрочемъ въ Бейрутѣ такихъ улицъ очень немного). Что жь дѣлать, что темно? зато не жарко, а даже прохладно; этимъ же выкупается и то, что здѣсь такой ѣдкій газовый воздухъ, чтобы дышать которымъ, нужны привычные органы... Мало того, на это же взвалимъ, что здѣсь не совсѣмъ живописные и привлекательные виды: вы увидите и дохлую собаку, и кошку, и крысу, и прочія невеликія, но домашнія или домовыя животныя; вы увидите ихъ распростертыми на землѣ среди улицы, такъ-что если собака лежитъ поперегъ улицы, то приводится перешагивать черезъ нее, потому что улица такъ широка, что ставъ на средину, можно руками достать ея стѣны; къ тому же, подлѣ стѣны много грязи отъ мусору и чуть не навозу. Впрочемъ дохлая собака не даетъ еще такого отвратительнаго виду, какъ другіе предметы и вещи, которыя въ каждомъ почти углу и углубленіи въ стѣнѣ представляются глазу прохожаго.... Но какъ нельзя лучше идетъ сюда русская поговорка: «не плюй въ колодецъ: не пришлось бы напиться». Знакомый съ востокомъ не избѣгаетъ и не презираетъ такихъ улицъ, потому что часто приводится здѣсь спѣшить къ нимъ, чтобы немного постоять въ нихъ во время страшной жары. Однакожь не заглядывайтесь на эти прелести Бейрута! Иначе, можно, вмѣсто улицы, пройти въ какой нибудь дворъ (тоже темный и подъ домомъ, ворота котораго всегда открыты), или, еще хуже, наткнуться на кого, или на что нибудь, потому что улица ужь черезъчуръ лавируетъ около домовъ. По такой улицѣ мы пройдемъ около 200 саженъ. Она приведетъ насъ на самую средину города, гдѣ кипитъ народъ. И вотъ тутъ представляется перспектива самая разнообразная. Чего мы тутъ не увидимъ! Всевозможные плоды сирійскіе, мелочныя лавки, пекарни, харчевни, кофейни, разныя мастерскія: то шьютъ, то порютъ, то столярня, то слесарня, табачныя, красныя лавки и проч., — все на виду, такъ-что декорація улицы постоянно мѣняется. Тутъ же, среди толпы, хаманы (носильщики), нагруженные

вещами; такъ-что его самого едва видно; тутъ и на мулахъ и на ослахъ, возятъ въ торбахъ (*) камни, воду и разныя тяжеловѣсныя вещи; нерѣдко и цѣлый караванъ на верблюдахъ проходитъ по этой улицѣ, — тогда уже приводится лавировать между ними и подъ ними, чтобъ идти. Я забылъ предупредить васъ, чтобы вы заткнули основательнѣе свои уши: иначе, этотъ ужасный, пронзительный крикъ арабовъ, аккомпанируемый отвратительнѣйшимъ ревомъ ословъ, оглушитъ васъ. На первый разъ достаточно будетъ и одного органа нашего зрѣнія, чтобъ оцѣнить всю внутреннюю прелесть Бейрута. Однакожь любопытно будетъ взглянуть здѣсь на этихъ горячихъ, раздраженныхъ ярою дѣятельностью арабовъ, на этихъ безмолвныхъ, нѣмыхъ, почти недвижныхъ мумій-арабокъ, которыя, какъ привидѣнія, стоятъ, какъ вкопанныя, на мѣстѣ, или идутъ.... нѣтъ, вѣрнѣе — плывутъ, движутся тихо, ровно, не шевелясь будто; вы не замѣтите ни ея поступи, ни даже ногъ, точно всѣмъ тѣломъ она подается впередъ, или на низенькой тележкѣ кто будто катитъ ее... Но особенно эта кипучая торговля обратитъ на себя ваше вниманіе. Станемъ въ уголокъ, чтобы никому не мѣшать и чтобъ намъ не мѣшали смотрѣть и наблюдать. Впрочемъ это будетъ напрасно, потому что въ этой толпѣ и сквозь эту толпу мы не увидимъ и не замѣтимъ ровно ничего, кромѣ этого рельефнаго разнообразія толпы, въ которой рядомъ съ порывисто-живыми арабами, одѣтыми большею частію въ желтое платье, движутся неподвижныя, какъ муміи, арабки въ бѣлыхъ саванахъ. Лучше идти потише, насколько возможно, авось мимоходомъ что нибудь замѣтимъ. Вотъ прежде всего рядъ лавокъ съ сирійскими плодами: тутъ финики, персики, гранаты, лимоны, апельсины, виноградъ, яблоки и пр. и пр. (**). Это не можетъ намъ не понравиться; но оно не удерживаетъ на себѣ долго нашего вниманія. За этими лавками — табачная; тутъ самъ хозяинъ и табакъ рѣжетъ, и продаетъ въ то же время. Надъ мелочными лавками и останавливаться нечего: тамъ мелочь. А вотъ пекарня. Тутъ увидите вы выставленный простой хлѣбъ, и пироги слоеные, и пироги съ тѣстомъ. На Востокѣ нѣтъ ни въ одномъ домѣ хлѣбной печи, и потому хлѣбъ печется въ торговыхъ печахъ, устроенныхъ, какъ лавки, на рынкѣ; туда приносятъ жители приготовленное тѣсто, и пла-

(*) Родъ широкой лямки, на концахъ которой устроены мѣшки. Лямка кладется на осла или мула такъ, что мѣшки ея висятъ по бокамъ.

(**) Вотъ какая цѣна этихъ плодовъ: финики и персики—10 к. око (3 фунта), гранаты—по 5 коп. отъ 5 до 8 штукъ, лимоны и апельсины по 5 коп. отъ 4 до 10 штукъ, виноградъ око 10, 5 и даже $2^1/_2$ копѣйки.

татъ за печеніе хлѣба. Но не всѣ печи для хлѣба: другія исключительно для слоеныхъ пироговъ. Это — любимый или, лучше, обыкновенный арабскій десертъ.

За пекарней увидимъ грязную, даже грязнѣйшую харчевню, гдѣ приготовляется нѣсколько жаркихъ и нѣчто въ родѣ соуса; на грязныхъ столахъ руками ѣдятъ и то и другое нѣсколько человѣкъ, съ непремѣннымъ присутствіемъ бутылки вина — едва не передъ каждымъ. Потомъ увидимъ и цирюльню; тамъ цирюльникъ, держа за уши турка одною рукою, другою брѣетъ его голову.

И такъ вы видите, какъ хороша перспектива улицы, набитой народомъ и наполненной множествомъ лавочекъ съ разными товарами; но когда мы пройдемъ ее, какъ будто гора съ плечь свалится, и мы свободно вдохнемъ сирійскій воздухъ уже внѣ города. Но мы устали: вѣдь прошли около $1/2$ версты — не шутка по такой улицѣ и въ жару! Не угодно ли вамъ зайти въ лавочку, гдѣ продаются разные прохладительные напитки? Довольно интересное било обращаетъ вниманіе и привычныхъ къ нему прохожихъ, и возбуждаетъ аппетитъ — выпить стаканъ лимонаду, или чего другаго прохладительнаго. Въ большомъ жестяномъ тазѣ круговоротъ воды, сверху внизъ и снизу вверхъ, вертитъ перпендикулярную палочку, вставленную въ перекрестную пластинку таза; въ верхній конецъ палочки вставлены двѣ маленькія горизонтальныя палочки, на концахъ которыхъ привѣшены маленькіе желѣзные кусочки, которые ударяютъ въ стаканы, висящіе около палочки, и такимъ образомъ производятъ разнотонный звонъ, который тѣмъ скорѣе совершается, чѣмъ скорѣе круговращеніе воды, а слѣдовательно, чѣмъ скорѣе вертится палочка. Подлѣ этой палочки, въ перпендикулярномъ положеніи, стоитъ другая, въ верхній конецъ которой воткнутъ порядочный комъ снѣгу. Итакъ, мы вошли въ эту лавочку. На столѣ стоятъ около 10 зеленыхъ, алыхъ, желтыхъ, малиновыхъ графиновъ съ прохладительными напитками. Въ эту ужасную жару страшная жажда томитъ насъ, мы съ аппетитомъ начинаемъ по небольшому стаканчику пробовать то того, то другаго, и дѣлаемъ довольный видъ. Дѣйствительно, за что ни возьмись—отличная вещь, чего однакожъ, къ удивленію моему, вы не найдете ни въ Константинополѣ, ни въ Смирнѣ, исключая, конечно, великолѣпныя гостинницы и кафе-рестораны: тамъ все это найдется, но въ восемь разъ дороже здѣшняго,—слѣдовательно, для большинства недоступно. Здѣсь порядочный стаканъ лимонаду или чего другаго стоитъ 10 парачекъ (*); въ

(*) 40 парачекъ въ піастрѣ, а піастръ — 5 копѣекъ.

гостинницахъ же и ресторанахъ такой же точно стаканъ, ничѣмъ не лучше, стоитъ 2 піастра. И въ Бейрутѣ чрезвычайно много такихъ лавочекъ, такъ-что идя по немъ, вы почти постоянно слышите этотъ однообразный звонъ въ стаканы. Сначала я боялся пить эти холодные напитки въ такую страшную жару, когда потъ рѣкою льется изъ каждой поры тѣла; но потомъ, видя, что пьютъ всѣ, несмотря на потъ и жаръ, и самъ началъ. Я удивлялся, что здѣсь, при такой страшной жарѣ, сохраняется снѣгъ, между тѣмъ какъ въ Перми, на моей родинѣ, въ рѣдкомъ погребѣ снѣгъ едва сохраняется до осени. Здѣсь получаютъ его съ вершинъ Ливана, гдѣ зимою бываетъ весьма много снѣгу, между тѣмъ какъ подъ горой, въ долинахъ, множество роскошныхъ и разнообразныхъ цвѣтовъ, зеленѣютъ деревья съ нависшими отъ плодовъ вѣтвями и растетъ хлѣбъ.

Теперь вы отдохнули и прохладились; пойдемъ на берегъ моря посмотрѣть другую жизнь того же Бейрута. Вы увидите правильную улицу, ведущую на берегъ оттуда, гдѣ мы пили лимонадъ, съ хорошими домами на концѣ ея, у самаго берега. Здѣсь совсѣмъ другая жизнь — болѣе покойная, съ довольнымъ и даже пріятнымъ видомъ. Тутъ вы увидите европейскіе магазины, кафе-рестораны, кандитерскія, между которыми тамъ и сямъ помѣщаются простыя восточныя кофейни и локанды. Здѣсь вы увидите народъ покойный, прогуливающійся съ довольными лицами. Васъ конечно не займетъ европейская ресторація или магазинъ — они почти пусты; но вотъ въ простой арабской кофейнѣ набито народу; посмотримъ туда, что тамъ такое? Вы увидите не больше какъ шалашъ, покрытый полотномъ или лѣсомъ (*). Этотъ шалашъ съ боковъ защищенъ только рѣдкимъ тыномъ или просто перегородкой, только-чтобъ не вошелъ туда оселъ, который одинъ пользуется иногда свободой на Востокѣ прогуляться, куда ему вздумается. Въ кофейнѣ почти всегда, если не 50, то 100 или 150 человѣкъ. Но здѣсь нѣтъ ни крику, ни гаму, — тишина нарушается только довольно скромнымъ разговоромъ и громкими грубыми распоряженіями хозяина со своей прислугой. Всѣ углублены во что-то и куда-то, и почти неподвижно смотрятъ на море; то ли онъ моремъ любуется, то ли его восточная фантазія чертитъ ему милые образы, сладко нашептываетъ, мило напѣваетъ ему на ухо... И кажется, самое урчанье наргиле, какъ иногда мурлыканье кошки, не толь-

---

(*) Есть кофейни и въ домахъ; тамъ кофейня представляетъ собою голую комнату, безъ полу, какъ сарай, съ однимъ очагомъ и низенькими плетеными губуретками.

ко не мѣшаетъ, но будто еще поддерживаетъ это фантастическое настроенiе въ чудномъ заоблачномъ мiрѣ... Взгляните вы на ихъ лица! Вотъ вамъ самое тупое, неопредѣленное выраженiе. Этотъ человѣкъ какъ будто ничего не видитъ и не слышитъ, и даже будто не чувствуетъ своей жизни, хотя тоже куритъ свой наргиле. Какое-то мертвое отупѣнiе! но такихъ мало. — Но вотъ у другаго, какое воодушевленное лицо! Какой-то безмолвный восторгъ, сильное наслажденiе, жизнь, сила отпечатлѣваются имъ. А здѣсь тихая и сладкая улыбка, чрезвычайное и нѣжное довольство. А вотъ у этого, какое живое и грозное выраженiе лица—глаза бѣгаютъ, полные огня, силы; какое нетерпѣнiе по всѣму тѣлу, судорожное движенiе по лицу! онъ забылъ и курить наргиле, и чубукъ выпалъ изъ рукъ.—Какой страшный, но безмолвный круговоротъ мыслей и чувствъ совершаются въ немъ! Но вотъ запѣлъ арабъ въ другомъ углу — и всѣ, погруженные въ сладкую думу, со вниманiемъ слушаютъ и вслушиваются въ дикiе, но чрезвычайно печальные, трогательные переливы голоса.

На другой день утромъ, я уже писалъ для своихъ учениковъ уроки. Весь вечеръ думалъ я вчера, какъ мнѣ начать учить по-русски 10 или 15 мальчиковъ съ тремя только книгами, даже безъ азбуки?—По пальцамъ? — Я еще не дошелъ до такого педагогическаго совершенства! Нужно же было какъ-нибудь начать,—и я сталъ копировать буквы съ печатной книги (чтобъ легче было ученикамъ), и 10 экземляровъ буквъ приготовилъ. Потомъ пошелъ къ консулу передать ему о счастливомъ началѣ. Консулъ высказалъ сочувствiе къ началу моего поприща, съ приличными, конечно, совѣтами. Въ 4 часа я пришелъ въ школу, и оттуда отправился, въ сопровожденiи моихъ учениковъ, въ домъ, любезный хозяинъ котораго предложилъ одну изъ комнатъ подъ русскiй классъ. Комната, послужившая теперь для русскаго класса, была очень чистая, порядочно меблированная въ восточномъ вкусѣ, устланная коврами. Мои ученики тотчасъ же обступили меня и ждали приступленiя къ дѣлу. Они всѣ хорошо знали французскiй языкъ, и потому мнѣ было весьма легко учить ихъ. Мы тотчасъ взялись за русскiя а, б, в. Тогда же начали складывать и цѣлыя слова. Я не ожидалъ такого быстраго успѣха. И ученикамъ такъ понравилось, что нетрудно научиться читать, что они имѣли терпѣнiе заниматься 1½ часа послѣ 10-ти часовъ занятiй въ своей народной школѣ (отъ 6-ти часовъ утра до 4-хъ вечера, исключая 2-хъ часовъ обѣда). По окончанiи класса, я раздѣлилъ мои три книги на 10-ть учениковъ. Лишь только успѣлъ я покончить съ моими учениками, вошла цѣлая толпа арабовъ къ комнату; передоваго въ ней отрекомендовали мнѣ за хозяина. Это былъ почтенный старецъ

лѣтъ 80 (какъ я узналъ послѣ), но крѣпкій и духомъ и тѣломъ. Онъ, судя по лицу, былъ очень доволенъ, даже радъ. Поднявъ руки и глаза кверху, онъ восторженно произнесъ: *Машъ алла.* Мнѣ передали, что онъ благодаритъ Бога за то, что его соплеменники имѣютъ возможность больше сблизиться съ единовѣрною Россіей, и такимъ образомъ удержаться сами и другихъ поддержать въ православіи, которое начинаетъ пошатываться здѣсь. Это имѣло магическую силу на моихъ учениковъ; голосъ такого почтеннаго старца имѣлъ у нихъ сильный авторитетъ. Его фигура, въ восторженной позѣ, съ воздѣтыми кверху руками, яркіе, еще полные огня и силы глаза, дрожащій голосъ придавали ему поэтическій, взволнованный видъ, показывали въ немъ неподдѣльную радость, — но чему?... Впрочемъ это объясняется тѣмъ, что онъ питаетъ безграничную преданность къ Россіи, и живетъ надеждою, что рано или поздно, даже довольно скоро, русскій флагъ исключительно будетъ развѣваться и въ Сиріи, и въ Палестинѣ и даже на морѣ. Въ толпѣ было много женщинъ. Вся толпа жадно смотрѣла на меня. Впрочемъ вѣроятнѣе, что мнѣ это такъ только показалось, смотря на ихъ живые глаза; тутъ было, можетъ быть, только любопытство: вѣдь у этой толпы достало терпѣнія ждать окончанія класса, чтобъ потомъ посмотрѣть на *маллемъ москоббе*!

Я за нужное счелъ поблагодарить хозяина за позволеніе устроить русскій классъ въ его домѣ и за сочувствіе къ Россіи. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ, что онъ очень радъ случаю, доставившему ему удовольствіе высказать свое расположеніе къ Россіи. Потомъ онъ попросилъ меня сѣсть на диванъ, и мнѣ тотчасъ поднесла его внучка варгиле, сдѣлавъ мнѣ привѣтствіе по-восточному — рукою снизу вверхъ. Ея поза, ея ростъ и фигура невольно обратили на себя мое вниманіе. Какіе чудные глаза, какая стройная талія и роскошная грудь! Это восточный перлъ, это красавица ливанская! Но нѣтъ въ ней той скромной миловидности, той кокетливой граціи, какою обладаютъ европейки. За то, какъ все въ ней естественно, оригинально, а главное — роскошно!... Если бы не арабы, я бы заглядѣлся на нее!...

Арабы кричали между собою (то есть разговаривали), но я мало участвовалъ въ ихъ разговорѣ, не зная ничего по-арабски: чрезъ драгомана было не легко; притомъ, я и французскимъ языкомъ владѣлъ весьма плохо.

Внукъ хозяина, по волѣ дѣда, прочелъ русскія буквы. Немного погодя, толпа стала расходиться, но я остановленъ былъ самимъ хозяиномъ, и намъ тотчасъ по удаленіи арабовъ принесли огромный на ножкахъ, круглый подносъ съ разставленными для 5 особъ тарелка-

ли при полотенцахъ, и мы усѣлись, конечно, на полу. Сидя на полу, самъ хозяинъ прочелъ «Отче нашъ» вслухъ, и тогда уже начали ѣсть. Обѣдъ былъ постный. На востокѣ вообще весьма строго соблюдаются обряды и установленія религіозныя. Я по крайней мѣрѣ не видалъ, чтобы кто нибудь не соблюдалъ постовъ. Здѣсь считаютъ за необходимое правило поутру и вечеромъ молиться Богу и непремѣнно вся семья вмѣстѣ; глава семейства приказываетъ кому читать молитвы и служитъ всѣмъ примѣромъ, какъ патріархъ въ семьѣ, какъ геронда въ монастырѣ. Хозяинъ между прочимъ спрашивалъ меня: постятся ли въ Россіи, и былъ доволенъ, получивъ утвердительный отвѣтъ; но съ желчью говорилъ потомъ о европейцахъ (франджя — францевуй), не имѣющихъ никакихъ постовъ. Обѣдъ кончился по обыкновенію молитвою, которую опять вслухъ читалъ самъ хозяинъ.

Послѣ обѣда поднесли кувшинъ съ теплой водой, мыломъ и полотенцемъ, чтобъ мыть руки и натирать зубы. Зубы натираютъ мыломъ по всему востоку. Оттого здѣсь всѣ жители съ прекрасными, бѣлыми, какъ жемчужина, и здоровыми зубами. Я не слыхалъ здѣсь о зубной боли, и не видалъ стариковъ или старухъ безъ зубовъ.

Затѣмъ подали кофе изъ восточныхъ чашечекъ, какими въ Россіи дѣти играютъ, то есть съ 4 наперстка — не больше. Кофе, чрезвычайно густой, но безъ сахару, и такъ горекъ и противенъ, что я не могъ выпить этой мизерной чашечки. Передъ обѣдомъ у нихъ пьютъ съ сахаромъ, а послѣ обѣда безъ сахару. Кофе на всемъ востокѣ такое обыкновенное угощеніе, что всегда, въ какое бы время кто ни пришелъ, вмѣстѣ съ наргиле или чубукомъ подаютъ и кофе.

Итакъ съ 12 іюня стали раздаваться а, б, в, въ Бейрутѣ. Каждый день потомъ я посѣщалъ свой классъ, и вскорѣ мы уже порядочно стали читать. Тогда я взялъ къ себѣ еще 5 новыхъ учениковъ. На мою квартиру, само собой, приходили мальчики учиться—и съ этихъ я не хотѣлъ брать платы за ученье, разсчитывая, что чрезъ это я пріобрѣту надъ ними больше нравственнаго вліянія, и кромѣ того мое положеніе не вѣчно будетъ такимъ бѣднымъ; — о чемъ я тотчасъ же писалъ въ Іерусалимъ.

Жизнь моя тянулась довольно разнообразно. До обѣда я занимался въ канцеляріи консульства, послѣ обѣда—въ классѣ, вечеромъ—на квартирѣ, а потомъ уходилъ въ знакомые домы къ арабамъ учиться арабскому языку. Когда хозяинъ моей квартиры представлялъ меня своимъ сосѣдямъ и знакомымъ, то вездѣ, тотчасъ по приходѣ моемъ въ домъ, дѣвица подносила мнѣ цвѣтокъ, непремѣнно душистый. Когда я спрашивалъ послѣ, что это значитъ,

мнѣ сказали только, что это у нихъ такъ принято встрѣчать тѣхъ, кого они любятъ или хотятъ полюбить, напримѣръ, родственниковъ, которыхъ прежде не видали или близкихъ по племеннымъ связямъ людей. Какъ ни скучна мнѣ была эта прогулка по знакомымъ арабамъ, я радъ былъ своему самому ничтожному успѣху. Но признаюсь, надобно громадный запасъ терпѣнія! День — это была пытка для меня. За то ночью я вполнѣ вознаграждалъ себя за несносный день. Какія дивныя ночи въ Бейрутѣ! А небо—это чудное, синее съ свѣтлыми полосами небо, усѣянное блестящими звѣздами, лучи которыхъ колеблются въ тихомъ, свѣтломъ, безоблачномъ воздухѣ! А видъ какой кругомъ на сотни верстъ! Только Ливанъ за 50 верстъ (самая вершина) загораживаетъ собою юго-востокъ. Блѣдная луна освѣщаетъ сѣдой хребетъ его, оставляя въ синемъ полумракѣ покрытые садами его скаты. А съ другой стороны прозрачное, свѣтлоголубое море, по которому мѣсяцъ разостлалъ свой роскошный хвостъ съ запада. А звѣзды то утопаютъ, то всплываютъ на воздухѣ; особенно послѣ жаркаго дня совершенно свѣжій, чистый, ароматный воздухъ, какъ легко и сладко дышится. Чувствуешь, какъ пріятная прохлада пробирается по всему тѣлу. Послѣ несноснаго, тяжелаго дня, который способенъ заглушить, подавить все живое, эта благотворная, дивная ночь, упоенная бальзамическимъ воздухомъ, должна бы пробудить въ человѣкѣ всѣ уснувшія или задавленныя ужасною жарою силы, пробудить въ немъ жизнь... Да, человѣкъ чувствуетъ ее теперь, какъ никогда днемъ, но только чувствуетъ жизнь; а силы для дѣла еще слабѣе, чѣмъ днемъ: пріятная слабость разливается по всему тѣлу, сладкая нѣга пропитываетъ его... Чувствуешь всю прелесть жизни; полнымъ пульсомъ бьется она, но нѣтъ силъ для дѣла; только мечтать и мечтать; даже ходить будто ужь работа,—только бы лежать или по крайней мѣрѣ сидѣть и дышать, мыслію носиться въ раяхъ, упитанныхъ блаженствами Востока... Въ такую ночь, на этомъ мѣстѣ, въ этомъ воздухѣ—нѣтъ, тутъ не можетъ быть несчастныхъ! Сладко улыбается жизнь и убитому горемъ: завтрашній день не приходитъ ему на память; онъ такъ доволенъ настоящимъ...

Съ первымъ же пароходомъ я написалъ въ Одессу къ своему знакомому, о присылкѣ мнѣ нужныхъ для моей школы книгъ, на 30 р. сер., которые были у меня въ запасѣ на черный день.

Такъ прошло у меня 15 дней. Наконецъ я начинаю уже безпокоиться на свой классъ. Нѣкоторые изъ учениковъ перестали ходить въ него, потому что ихъ родители не короткіе знакомые хозяина дома, гдѣ былъ классъ; а другіе были въ потомственной враждѣ съ нимъ. И самъ я сталъ опасаться, чтобъ не надоѣсть хозяину дома.

Изъ Іерусалима нѣтъ еще ничего. Отъ консула только совѣты дѣйствовать поосторожнѣе.

Къ счастію моему, я познакомился съ смотрителемъ здѣшней народной православной школы, зажиточнымъ арабомъ. Это очень дѣльный и трудолюбивый господинъ, онъ знаетъ довольно порядочно чуть не всѣ европейскіе языки. Его братъ — драгоманъ русскаго консульства. Видя мое положеніе, онъ принялъ въ немъ дѣятельное участіе и тотчасъ же предложилъ мнѣ двѣ комнаты во вновь построенной народной школѣ — одну для меня, другую для класса; вотъ кто помогъ моей бѣдѣ.

II.

9-го іюля я перешелъ на новую квартиру. Первая была за городомъ, около двухъ верстъ отъ него, въ отличномъ мѣстоположеніи. Эта почти въ самомъ городѣ — съ четверть версты отъ городской стѣны.

На другой же день, по переходѣ на новую квартиру, въ моемъ классѣ прибыло 10 новыхъ учениковъ. Чрезъ нѣсколько дней онъ состоялъ уже изъ 30; притомъ еще 6-ти было отказано по малолѣтству. Теперь-то (съ 11 числа) положительно началось русское преподаванье въ Бейрутѣ. Ученики съ такою охотою брались за русскій языкъ, что просили меня, чтобъ я дѣлалъ 2 класса въ день — утромъ съ 6 до 7 часовъ и вечеромъ съ 4 до 5. Я удивлялся ихъ терпѣнію и охотѣ заниматься русскимъ языкомъ, который не могъ имъ дать ничего въ жизни: въ $5^1/_2$ часовъ утра они у меня въ классѣ, въ $7^1/_2$—въ народной школѣ до 4 часовъ вечера, а потомъ опять ко мнѣ на часъ. Правда, что они у меня не занимались, не работали, а отдыхали: шутя и играя учились читать и писать, а главное — были покойны; потому имъ пріятнѣе было провести время у меня, чѣмъ дома у себя; а о народной школѣ и говорить нечего. Тамъ во время класса они дрожатъ отъ одного взгляда учителя, такъ же, какъ у насъ въ благословенной Россіи въ семинаріяхъ. Тамъ за неуспѣхъ и за шалость ждетъ ученика или жиденькая тростка для ладоней и мягкихъ частей тѣла, или ременный (чаще верблюжій) кнутъ, по чемъ ни попало. Но я не позволялъ себѣ сказать имъ и грубаго или оскорбительнаго слова, и старался вліять на нихъ нравственно; какъ ни груба была ихъ, хотя и дѣтская натура, но я съ перваго же раза замѣтилъ, что они стали заискивать моего вниманія, ласкались около меня. А главное, я былъ русскій; это было для нихъ дороже и сильнѣе всего; это, какъ мнѣ кажется, льстило ихъ самолюбію.

Съ перваго раза они привязались ко мнѣ, когда увидѣли, что я безъ педантства протягиваю къ нимъ руку. Когда кто изъ нихъ будетъ вести себя безпорядочно, шалости его будутъ уже очень рѣзки, особенно, когда кто нибудь говоритъ или дѣлаетъ пошлости, я тотчасъ спрашивалъ сначала его самого: хорошо ли онъ сдѣлалъ? объяснялъ ему, насколько это дурно, и такимъ образомъ доводилъ его до сознанія, что онъ сдѣлалъ дурно. Если онъ не убѣждался, я спрашивалъ всѣхъ остальныхъ учениковъ или одного изъ нихъ, и такимъ образомъ какъ бы дѣлалъ довѣріе имъ. Это имъ нравилось: въ другомъ мѣстѣ нигдѣ никто не спрашивалъ ихъ мнѣнія. Кто плохо приготовитъ урокъ (все мнѣ не хотѣлось терять напрасно время), я его не упрекалъ, однако давалъ ему замѣтить, что я его не принуждаю учиться, что онъ можетъ тотчасъ оставить русскій классъ, если ему не хочется учиться: и онъ даже просилъ извиненія за неисправность и давалъ обѣщаніе исправиться. Я старался облагороживать ихъ взгляды на вещи, на сколько я самъ понималъ тогда. Мои ученики, безъ палки и кнута, слушались меня почти безпрекословно; такъ что ихъ родители и учителя изъ народной школы удивлялись этому, и первые иногда обращались ко мнѣ за нравственнымъ вліяніемъ на дѣтей. Родители давали мнѣ полное право наказывать ихъ дѣтей и просили объ этомъ. Я старался разувѣрить ихъ, что это дурное средство воспитывать дѣтей. Они не вѣрили мнѣ; но потомъ увидѣли оправданіе моихъ словъ въ моей школѣ. Такъ одинъ арабъ жаловался на своего сына, только что поступившаго ко мнѣ въ классъ, что ничего не можетъ съ нимъ сдѣлать. «Какъ только побью его», говорилъ онъ: «тогда на другой день ужь и не жди его домой, а дней черезъ 5 придетъ; и чортъ знаетъ, гдѣ онъ бываетъ въ это время». Я обратилъ особенное вниманіе на этого молодца. Дѣйствительно, такая горячая натура, что когда на кого разсердится, то едва не трясется. Это былъ мальчикъ отчаянный; постоянно шалилъ, со всѣми дрался, ссорился. Я сначала какъ будто не обращалъ на это много вниманія, но при подобныхъ случаяхъ, то есть при дракахъ и ссорахъ, старался примирить ихъ и даже держалъ его сторону (послѣ объяснялъ другому, если онъ умнѣе его, для чего я такъ поступалъ); и такимъ образомъ онъ сталъ довѣряться мнѣ, а потомъ и вполнѣ слушался моего слова. Въ воскресенье всѣ они приходили ко мнѣ по утру, и мы вмѣстѣ шли въ церковь, а оттуда иногда гулять за городомъ. Къ несчастію, я плохо говорилъ по-французски, и потому не всегда могъ сказать то, что хотѣлъ.

Кромѣ двухъ классовъ въ день, я дѣлалъ еще третій—вечеромъ, въ 8 часовъ для тѣхъ, которые не могли быть у меня днемъ, какъ напримѣръ ремесленники, торгующіе. Такъ искренно они желали

учиться по-русски, и такъ наивно, умилительно просили меня, что я не могъ отказать имъ, хотя это было мнѣ уже весьма тяжело. Между прочимъ, что удивило даже русскаго консула, въ числѣ этихъ учениковъ трое были марониты-арабы, находящіеся подъ сильнымъ вліяніемъ французскихъ отцовъ іезуитовъ, и всегда враги православныхъ. Теперь мнѣ было еще тяжеле, чѣмъ прежде: для моихъ старыхъ учениковъ пришло время учиться грамматикѣ; и они хотѣли покороче познакомиться съ русскимъ языкомъ. Какъ же быть? Я сталъ переводить русскую грамматику на французскій языкъ, не имѣя подлинника; поэтому теперь я писалъ урокъ только въ одномъ экземплярѣ, и они уже списывали его каждый для себя, также и слова и фразы французско-русскія.

Тогда же пригласилъ меня одинъ богатый арабъ давать уроки его двумъ уже взрослымъ сыновьямъ. Вслѣдъ затѣмъ я получилъ такія же приглашенія еще отъ нѣсколькихъ почтенныхъ лицъ, но долженъ былъ отказать имъ по недостатку времени и способовъ преподаванія русскаго языка.

Я рѣшительно не понималъ, что побуждаетъ арабовъ такъ сильно желать знанія русскаго языка, неприложимаго здѣсь къ практикѣ; теперь я нахожу тому причины политическія, религіозныя и личныя. Россія у нихъ слыветъ за государство, искренно и сильно радѣющее о благѣ всѣхъ православныхъ христіанъ. Къ тому же тупые турки вѣрятъ въ свое глупое преданіе, что Турція падетъ отъ Россіи. Это нравится православнымъ христіанамъ Турціи, исключая грековъ, которые сами хотятъ освободить престолъ византійскій изъ-подъ *ногъ* турокъ. Естественно, такимъ образомъ, здѣсь горячее расположеніе къ Россіи. Они впередъ заявляютъ ей о своемъ сочувствіи, какъ бы заискиваютъ ея вниманія. Въ Турціи больше, чѣмъ гдѣ нибудь въ другомъ государствѣ, совершенный разладъ племенъ, не съ правительствомъ — ужь это не спорно, но между собою; даже одно племя раздѣляется на нѣсколько партій, враждебныхъ другъ другу. Разладъ этотъ не оттого, что между ними была природная или историческая вражда, но потому только, что надъ ними тяготѣетъ иго турецкое. Имъ сильно хочется выйдти изъ подъ этой негодной опеки, но идея самостоятельности и независимости не вполнѣ еще привилась къ нимъ; а потому, вмѣсто того, чтобы сблизиться между собою, соединиться всѣмъ въ одно и дѣйствовать единодушно, они ищутъ опоры не въ себѣ самихъ, а вовнѣ, что совершенно согласно съ восточной натурой. У нихъ нѣтъ вѣры въ себя, а главное — народъ чрезвычайно любитъ чужими руками жаръ загребать. Религіозныя вѣрованія разъединяютъ ихъ въ выборѣ внѣшней опоры: и вотъ католики льнутъ къ западнымъ католическимъ

державамъ, преимущественно къ Франціи, а православные къ Россіи. Это ихъ страшно разъединяетъ и ожесточаетъ другъ противъ друга; потому они стараются всегда оправдать свой выборъ и похвалиться имъ другъ передъ другомъ. Этимъ объясняется фанатическая преданность католиковъ къ Франціи, а православныхъ къ Россіи. И вотъ постоянно слышится между ними: «je suis protegé Russe»; «je suis protegé Français». Остальные, евреи и даже турки преданы Англіи. Одни хотятъ офранцузиться, другіе обруситься, чтобъ были гарантіи въ покровительствѣ предъ турками, или въ ожидаемомъ избавленіи отъ нихъ. Въ Турціи быть протежé французскимъ или русскимъ дѣлаетъ уже какую-то честь: такъ кажется не только тяжелымъ, но даже мерзкимъ рабство турецкое! Кромѣ того, въ Турціи народъ чрезвычайно избалованный европейской политикой, участіемъ дворовъ въ ихъ судьбѣ. «Если теперь», думаютъ и даже говорятъ они: «европейскіе дворы посылаютъ намъ деньги, заботятся о насъ, строятъ школы, благодѣтельныя и человѣколюбивыя заведенія, принимаютъ подъ свое покровительство, то что будетъ, когда мы будемъ ихъ подданными! Тогда насъ будутъ и одѣвать, и кормить, какъ даже теперь въ школахъ; тогда можно будетъ жить безъ труда на европейскія денежки». И вотъ они кричатъ наперерывъ: «я голову положу за Францію!... я умру за Россію!...» При одномъ словѣ «Франція» или «Россія» приходятъ въ восторгъ, благоговѣютъ предъ русскимъ и французскимъ флагомъ и даже предъ самими французами или русскими; слова ихъ принимаютъ съ восторгомъ и всегда за чистую монету,—оттого здѣсь разгулъ французамъ... Поэтому каждый желалъ бы знать эти языки, чтобъ научиться мудрости европейской. Кромѣ того, они увѣрены, что знаніе языка пріобрѣтетъ или по крайней мѣрѣ облегчитъ имъ пріобрѣсть подданство тому или другому. Есть еще и религіозное побужденіе у православныхъ къ изученію русскаго языка. Видя свою несостоятельность бороться съ отцами іезуитами и католиками, они почти ничего не могутъ сказать кромѣ того, что такъ завѣщали имъ ихъ отцы, — они хотятъ познакомиться чрезъ него съ исповѣдуемой ими религіей; а греческій языкъ, какъ извѣстно, кромѣ грековъ и русскихъ, никто не уважаетъ.

Теперь мнѣ понятно, почему православные арабы такъ охотно берутся за русскій языкъ, и желаютъ слушать русское богослуженіе, т. е. по-русски и Богу молиться. И нерѣдко около моей квартиры раздается, особенно по вечерамъ: «vive l'empereur Alexandre! Vive la Russie!»

Съ 7 часовъ вечера до 8½ я принималъ посѣтителей. Это время — самое свободное: до 6 или 7 час. здѣсь работаютъ, а потомъ

обѣдъ и прогулка до ночи. Съ перваго почти вечера меня начали посѣщать въ это время арабы бейрутскіе и пріѣзжіе — ливанскіе, дамасскіе и триподьскіе. Сначала меня удивляли эти посѣщенія,— особенно ихъ грубая безцеремонность казалась мнѣ дика, и я долго не могъ привыкнуть къ ней; — безцеременно они, по приходѣ, разговаривали между собой, указывая на меня пальцемъ. Но потомъ я привыкъ къ нимъ. Конечно, не одно любопытство приводило ихъ ко мнѣ; въ ихъ взглядѣ проглядывала симпатія, у нѣкоторыхъ сильное участіе ко мнѣ. Когда я пилъ чай, то предлагалъ и имъ стаканъ чаю, и они впятеромъ едва выпивали. И имъ, какъ мнѣ казалось, было очень пріятно, что я угощалъ ихъ. Это они принимали за честь и хвалились въ городѣ.

Но чаще другихъ посѣщали меня мѣстные арабы, — большинство изъ нихъ говорили по-французски, и это большинство страшно надоѣдало своей болтовней. — Это чрезвычайно веселый народъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ — большой охотникъ помечтать; если арабъ одинъ, онъ непремѣнно мечтаетъ. Но если ихъ двое или болѣе — постоянный смѣхъ, говоръ, хохотъ и даже пѣсни, такъ что я не зналъ, какъ избавиться отъ такихъ гостей: дѣлаю намеки — напрасно; лягу на постель и показываю видъ, что хочу спать и что они мнѣ мѣшаютъ—ничто не помогаетъ... а прямо сказать — совѣстно. Однакожь это было единственное средство, и я всегда къ нему прибѣгалъ, но они нисколько не конфузились никакими замѣчаніями.

III.

Въ первыхъ числахъ іюля пришло извѣстіе въ Бейрутъ, что скоро пріѣдетъ сюда самъ султанъ. Это извѣстіе, какъ и должно быть, надѣлало очень много хлопотъ и больше того шуму; а толкамъ не было ни конца, ни границъ. И прежде въ Бейрутѣ кипѣла жизнь, но жизнь торговая: теперь она поддернулась какою-то офиціальностью и вмѣстѣ съ тѣмъ таинственностью. Смѣло можно сказать, что лежачій Бейрутъ поднялся на ноги, а стоячій легъ. Турки прежде скрывались въ народѣ, были почти незамѣтны; но теперь — точь-въ-точь по пословицѣ русской: «не изъ тучи громъ», на каждомъ шагу бросаются въ глаза въ торжественномъ видѣ, съ радостной и вмѣстѣ угрожающей физіономіей. Появился цѣлый полкъ арміи; выставлены пушки, противъ казармъ, на возвышающемся надъ Бейрутомъ холмѣ, изъ которыхъ каждый день съ утра едва не до ночи палили; появляются на улицахъ Бейрута генералы, окруженные огромной свитой, осматриваютъ городъ и наблюдаютъ за при-

веденіемъ его въ порядокъ и лучшій видъ; на каждомъ консульскомъ домѣ приготовляются разные гербы и иллюминаціи съ различными флагами; частные дома украшаются гирляндами изъ цвѣтовъ и разноцвѣтныхъ лампъ; — вездѣ кипитъ работа. Но это могло бы еще и понравиться своимъ разнообразіемъ, только вотъ бѣда: на ряду съ этимъ въ городѣ стали бѣлить дома и красить лавки зеленой краской, такъ что совершенно нѣтъ возможности пройти по городу безъ того, чтобъ самому не возвратиться въ праздничномъ платьѣ— съ зелеными и бѣлыми пятнами по всему платью. Въ тоже время сверху сметали пыль, которая потомъ осаживалась на выбѣленные дома и разукрашенныя лавки; особенно чувствительно было, когда дотрогивались до мѣстъ, которыхъ не касалась бейрутская жизнь,— угловъ, углубленій, ямъ и проч., — тогда не только дышать, но и смотрѣть нельзя было отъ пыли и газа, испаряющагося изъ этихъ запущенныхъ мѣстъ.

Турецкіе кварталы и главный базаръ преимущественно принимали праздничный видъ: тамъ, кромѣ того, что красили и бѣлили домы и лавки, улицы сверху покрывали холстомъ, съ желтымъ полукружіемъ луны на срединѣ. Но забавнѣе всего было, что каждый турокъ, даже лодочникъ — принималъ величественный видъ, грозную позу, чрезвычайно солидную и чванную, съ претензіей на геніальность физіономіи, что̀ дѣлало ихъ, къ несчастію, ужасно каррикатурными. Лодочники — съ поднятыми веслами и размахивая руками, пѣли ухорскія пѣсни,—такъ я думаю, смотря на ихъ жесты и позу. Да, сидячій Бейрутъ всталъ! Но съ другой стороны можно было видѣть совершенно противоположное вліяніе этого извѣстія.

Никто изъ арабовъ-христіанъ не украшалъ своего дома, не принималъ восторженнаго вида,—легко было замѣтить *болѣе*, чѣмъ равнодушіе; нѣкоторыя лица приняли озабоченный, но не весело озабоченный видъ; а бо̀льшая часть смотрѣли,—какъ смотрятъ на Руси передъ пріѣздомъ начальства или въ чистый понедѣльникъ. Были и такіе, которые даже высказывали другъ-другу свои какія-то загадочныя опасенія (*). Такъ — говорю — не весь Бейрутъ радостно улыбнулся благой вѣсти, но большинство осталось равнодушно, — если не больше. Однакожь, какъ бы ни было, всѣ ждали чего-то необыкновеннаго для Бейрута. Консулы сходились другъ у друга потолковать. Учитель-арабъ написалъ пѣснь и рѣчь въ честь высокаго посѣтителя, а ученики выучили ихъ. А между тѣмъ страшно надоѣдала эта ремонтировка города. Дней пять продолжалась она, и

(*) «Que diable l'emporte» — отвѣчали мнѣ арабы, когда я спрашивалъ ихъ о пріѣздѣ султана.

потомъ около 5 дней все носило праздничный видъ; но — 14 числа пришло извѣстіе, что султанъ доѣхалъ только до Смирны, а поѣздку въ Бейрутъ отложилъ до болѣе удобнаго времени. Бейрутъ вздохнулъ свободнѣе, — только турки приняли кислую, но таинственную физіономію; вѣроятно ломаютъ голову, почему султанъ не пріѣхалъ.

Жизнь потекла опять по прежнему, съ восточною горячностью днемъ и съ южною нѣгою ночью. Исчезли со сцены эполеты, сабли и ружья, скрылись и пушки съ высокаго холма. Бейрутъ опять принялъ безпечный видъ. Опять все старое вернулось на сцену. Но у меня было столько дѣла, столько возни по классу, что для меня было все равно; въ средѣ моей жизни не было ни прилива, ни отлива. Нѣсколько времени еще волновали умы разныя догадки, почему султанъ воротился съ дороги, — но потомъ и это смолкло — все по прежнему. Ни одной свѣжей вѣсти изъ Россіи и Европы, — ни откуда ничто не волновало штиля бейрутскихъ умовъ: кой-когда какія нибудь нелѣпѣйшія слухи занимаютъ арабовъ, пока они не услышатъ или не узнаютъ, что это нелѣпость.

Среди этого покойнаго штиля, вдругъ пронеслась въ ученомъ арабскомъ мірѣ Бейрута благая вѣсть, встрѣченная радостью большинства, и иллюминаціонною лампою освѣтила нашу бѣдную, будничную жизнь. Это освященіе вновь устроеннаго народнаго училища и переходъ въ него изъ стараго. «Посмотримъ», сказалъ я, «какъ цѣнитъ народъ здѣшній образованіе, и какъ они будутъ сочувствовать этому торжеству!»

Это было 19 іюля. Наканунѣ, вечеромъ, учитель народнаго училища принесъ мнѣ писанный по-французски пригласительный билетъ на торжество.

Поутру въ 5½ часовъ разбудили меня мои ученики; просили, чтобъ я поспѣшилъ, и говорили, что скоро будетъ освященіе училища, что дѣло стоитъ только за архіереемъ, который сейчасъ будетъ. Не успѣлъ я одѣться, какъ пришелъ ко мнѣ учитель арабскаго языка съ извѣстіемъ, что уже и архіерей готовъ и сейчасъ начнутъ. Я тотчасъ отправился съ нимъ. Молебенъ уже совершился, когда я вошелъ въ комнату, гдѣ была служба. Около 100 человѣкъ арабовъ были присутствующими при торжествѣ. По окончаніи молебна, г. надзиратель очень умно догадался, что присутствующимъ мальчикамъ не нужно подходить ко кресту и св. водѣ, потому что это много займетъ времени въ оффиціальномъ торжествѣ. Архіерей, очень скоро окропивъ водою всѣ входы и выходы и углы классовъ, возвратился на свое мѣсто, и подлѣ него тотчасъ пріятно заурчалъ наргиле. Это точно было сигналомъ для всѣхъ гостей —

присутствующихъ: у каждаго во рту задымились и засверкали папироски. Мнѣ очень понравилась эта безцеремонность, свобода, непринужденность. Здѣсь я видѣлъ совершенно равныхъ между собою. Отдѣлялся отъ другихъ только одинъ архіерей, — но онъ такъ безцеремонно и просто обращался со всѣми, что не признавалъ за собою никакихъ правъ надъ другими, какъ и другіе — долга къ нему: не видно ни свѣтлыхъ пуговицъ, ни шитыхъ воротниковъ, — каждый тоже, что и всѣ. Даже по одеждѣ съ трудомъ можно отличить богатаго отъ небогатаго. Совершенно свободно говорятъ, смѣются, курятъ: каждый чувствуетъ себя у себя — между своими, — чужаго нѣтъ. Это удивляло меня; я ждалъ другаго, помня родную Русь, гдѣ при свѣтлыхъ пуговицахъ и шитомъ воротникѣ, и особенно при эполетахъ и саблѣ, боятся и шопотомъ говорить. Между арабами я вздохнулъ полною грудью.

Чрезъ четверть часа архіерей всталъ и подошелъ къ открытымъ дверямъ другой комнаты, гдѣ въ то время были ученики. Ему поднесли стулъ, онъ сѣлъ въ самыхъ дверяхъ и началъ говорить назидательную рѣчь, приличную торжеству. Рѣчь была довольно хорошая, по словамъ присутствующихъ, однакожь ученики слушали ее съ рѣзкой улыбкой. Между прочимъ, тамъ онъ напоминалъ ученикамъ о благодарности къ русскому правительству, которое содѣйствовало устройству этой школы. Хотя архіерей и превосходно зналъ по-арабски, но для шику говорилъ по-гречески, и его рѣчь переводилась на арабскій драгоманомъ, должность котораго исполнялъ іеромонахъ.

По окончаніи рѣчи, снова сѣлъ онъ на свое мѣсто, и опять у ногъ его заурчалъ наргиле.

Не успѣло еще все успокоиться послѣ рѣчи архіерея, какъ изъ другой комнаты ученики стали выходить въ эту по-парно и по порядку отъ маленькихъ и младшихъ къ большимъ и старшимъ. Только-что тронулись они изъ своей комнаты, какъ запѣли арабскую пѣснь въ честь торжества, составленную нарочно для него учителемъ арабскаго языка. Процессія двигалась чрезвычайно медленно, такъ что пѣсня пѣлась до тѣхъ поръ, пока послѣдніе вошли въ нашу комнату. Когда они всѣ вошли и образовали собою полукругъ, тогда одинъ изъ нихъ вышелъ на средину и произнесъ предъ собраніемъ рѣчь на арабскомъ языкѣ, по окончаніи которой они обратно ушли въ свою комнату. Послѣ этого воцарилась тишина, но такая, за которою должно слѣдовать какое нибудь явленіе. Опять всѣ внимательно смотрѣли въ открытую дверь. Дѣйствительно, тамъ было какое-то приготовительное движеніе. Чрезъ пять минутъ выходитъ оттуда одинъ ученикъ и, повертываясь на срединѣ комнаты, съ изумленнымъ видомъ и восторженными жестами, поэтическимъ голосомъ,

говоритъ: «Quel joli et bel édifice! Comme tout respire un air de propreté, que ça a compté des soins!» Только-что успѣлъ онъ это сказать, какъ является другой и обращаясь къ нему (тогда уже первый стоялъ прямо), говоритъ: «Vraiment, mon cher camarade! Je suis de votre sentiment, que ne devons nous a ces messieurs, qui prennent tant des soins de nous.» Тотчасъ является третій и вопросительно обращается къ обоимъ: «Mes chers et bien aimés camarades! Qui est ce, qui a eu l'attention si delicate d'observer, que nous souffrions beaucaup en ville de la chaleur?» Затѣмъ является четвертый, и съ упрекомъ говоритъ другимъ: «Comment messieurs doutez-vous de tendre sollicitude, dont nous sommes l'objet? indigne celui qui ne pense pas au bien de la jeunesse!» Потомъ являются еще трое; первый обращается къ предшественникамъ: «Est-ce vrai ce que vous dites-là mon ami?—pour moi, je ne croyais qu'on prit tant de soins de nous.» Затѣмъ второй: «Les soins, dont nous entourent nos tendres parents ne sont ils pas innombrables? que ne font-ils pas pour nous? ils font les privations, et tout cela pour rendre heureux les enfants, qui souvent ne le payents, que par des ingratitudes!» Теперь третій, съ воодушевленіемъ: «Ingrats?! loin, bien loin de nous ce titre adeux! S'il y a des enfants ingrats, c'est ordinairement ceux, qui ont le malheur d'etre libertins; mais comme grâce à Dieu, on ne peut accusez aucun parmi nous d'etre libertin; nous n'avons par consequent pas la douleur de supposer, qu'il y a ait parmi nous des ingrats.» Потомъ продолжаютъ говорить, одинъ за другимъ, уже не по порядку ихъ разстановки. Этотъ разговоръ составилъ учитель маронитъ, прозелитъ французскій; поэтому и въ разговорѣ учениковъ онъ дошелъ до того, что всю честь цивилизаціи отдалъ исключительно Франціи, и предавалъ себя подъ опеку ей. Ученики говорили, что Франція шла впереди всѣхъ, была свѣточемъ, звѣздой путеводной для всѣхъ народовъ, и что поэтому и они исключительно одной Франціи обязаны своимъ образованіемъ.

Наконецъ явился среди нихъ самъ учитель; согласившись въ сказанномъ съ ними, онъ произнесъ панегирикъ Наполеону III, по милости котораго они имѣютъ кой-какія человѣческія права отъ турокъ.

По окончаніи этого всѣ вышли назадъ въ свою комнату. Чрезъ минуту выходятъ за ними выборные ученики высшаго класса изъ своей комнаты такъ же съ пѣснью, составленною тѣмъ же учителемъ на французскомъ языкѣ, послѣ которой слѣдуетъ рѣчь на французскомъ языкѣ, произнесенная однимъ изъ нихъ.

Этимъ кончается торжество.

Отсюда архіерей заходилъ въ мою комнату и въ классъ.

Я замѣтилъ въ присутствующихъ не любопытство, но радость,

сочувствіе торжеству; правда — это не удивило меня, потому что я зналъ, что въ Бейрутѣ около 4-хъ школъ, состоящихъ изъ 200—400 школьниковъ; и съ кѣмъ я ни встрѣчался, всѣ умѣли читать и писать по-арабски, исключая положительно бѣдныхъ. Это уже исключительно вліяніе Европы, потому что въ горахъ и въ неторговыхъ городахъ, гдѣ нѣтъ столкновенія съ европейцами, тамъ съ трудомъ можно найдти араба, который бы умѣлъ читать по-арабски. И чѣмъ больше я знакомлюсь съ ними, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь, что это преспособный народъ. Такихъ тяжелыхъ и тупыхъ головъ какъ въ сѣверныхъ лѣсахъ, я между ними не встрѣчалъ. Особенно рѣзко выдаются у нихъ счастливая память и воображеніе. Въ Бейрутѣ очень много такихъ молодцовъ изъ арабовъ, которые хорошо знаютъ французскій, итальянскій, англійскій, греческій и свой языки, а немногіе — и нѣмецкій. Но что касается до воображенія, то можно сказать, что каждый арабъ поэтъ, фантазеръ почти до полнаго забвенія дѣйствительности; на это есть у нихъ, впрочемъ, какъ будто урочное, опредѣленное время: арабъ днемъ работаетъ до упаду, а ночью весь предается фантазіи.

Послѣ этого торжества, я получилъ изъ Одессы книги для моихъ учениковъ, на 30 р. сер. Тогда они уже порядочно читали и выучили всѣ склоненія и нѣсколько фразъ французско-русскихъ, составленныхъ мною. Теперь на каждаго досталось по книгѣ, другіе получили и по двѣ. То были азбуки, грамматики, разговоры русско-французскіе и греко-русскіе и такіе же лексиконы.

Теперь наше ученіе пошло регулярнѣе. Я раздѣлилъ свой классъ на три части: одни стали учить спряженія, другіе склоненія, а третьи читать; писать же было дѣломъ всѣхъ. Теперь особенно хорошо занимались мои ученики, потому что были свободны отъ своей народной школы: съ августа до сентября у нихъ каникулы. Я тогда сказалъ, что кто хочетъ, можетъ приходить ко мнѣ учиться по-русски, и только нѣсколько мальчиковъ не являлись въ классъ, и то потому, что были въ то время на дачахъ, или заняты домашней работой. Теперь мы занимались 4 часа въ день и даже болѣе.

Въ это время я познакомился съ однимъ арабомъ мусульманиномъ. Однажды вечеромъ, въ 8 часовъ, я сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ. Вдругъ слышу: «Здорова, русскій, какъ поживаешь?» Надобно сказать, что окна моей комнаты всѣ (ихъ 6) открыты, безъ оконницъ, только рѣшетка деревянная, въ отверстія которой легко просунуть голову, — на ночь я затворялъ ихъ ставнями. Такъ почти во всѣхъ домахъ на востокѣ, исключая богатыхъ домовъ. Я оборотился къ окну и съ удивленіемъ увидѣлъ, что говоритъ ко мнѣ арабъ. Здорово, любезный! отвѣчалъ я. — «Что твой подѣлываетъ?» снова началъ

онъ.—Пишу, отвѣчалъ я. Онъ замолчалъ. Меня чрезвычайно заинтересовало, какимъ образомъ арабъ бейрутскій говоритъ по-русски. Ты знаешь по-русски? спрашиваю я его?

— Ошень плохо, отвѣчаетъ онъ.

— Гдѣ ты научился?

— Я былъ въ плѣну на Россія.

Я попросилъ его войдти въ комнату. Войдя въ комнату, онъ протянулъ мнѣ руку противъ обыкновенія турокъ.

— Богъ помошь, началъ онъ.

— Спасибо. Садись, поговоримъ.

— А што, нѣтъ у тебя икона?

— Здѣсь вѣдь не Россія.

— О, на Россія карашо живутъ русскій!

— Тебѣ очень понравилось?

— Э! ошень карашо! маруски, водка въ кабакъ.... У! карашо! ошень карашо! Э,маруска! мужъ твоя дома? Пойдемъ гулять!... Э! карошо, ошень карошо! Здѣсь хуже.

— Ужь и хуже! зачѣмъ же ты не остался тамъ, если тебѣ понравилось?

— Нилза, у мемя свой жина здисъ. А здисъ маруска нема! не карашо это! Водки кабакъ есть, да пить нилза!

Такимъ образомъ мы разговаривали съ нимъ часа два. Онъ, дѣйствительно, очень плохо не только говорилъ, даже понималъ по-русски: говорилъ, что прежде лучше зналъ по-русски, но теперь перезабылъ почти все; и потому мы говорили русско-арабскимъ языкомъ. Пренаивно разсказывалъ онъ мнѣ о своей жизни въ плѣну въ Россіи, о севастопольской войнѣ; говорилъ, что онъ, когда его взяли въ плѣнъ, думалъ, что его тотчасъ станутъ мучить, и удивлялся, что его хозяинъ и хозяйка ласково обращались съ нимъ, угощали его блинами и проч. Заключилъ тѣмъ, что онъ опять поѣдетъ въ Россію. Какъ ни скучно было мнѣ съ нимъ, но я радъ былъ и ему. Когда онъ уходилъ, я просилъ его посѣщать меня — чай пить.

Съ того времени онъ чуть не каждый день ходилъ ко мнѣ по вечерамъ пить чай.

Чрезъ недѣлю послѣ этого, онъ предложилъ мнѣ посѣтить его, и я отправился съ нимъ тогда же,въ 7 часовъ вечера. Онъ жилъ отъ меня довольно далеко, и потому я согласился идти къ нему только съ тѣмъ, чтобъ онъ проводилъ меня назадъ. У него домъ очень порядочный. Снявъ башмаки, мы вошли въ комнату въ одних ъчулкахъ. Комната, въ которую онъ привелъ меня, была устлана хорошими коврами. Кругомъ лежали продолговатыя подушки. Положивъ двѣ подушки одна на другую, онъ предложилъ мнѣ сѣсть

на нихъ; самъ сѣлъ на коверъ противъ меня, поджавъ ноги; потомъ хлопнулъ три раза въ ладоши, и тотчасъ явился мальчикъ съ чубукомъ для меня и наргиле для хозяина. Чубукъ здѣсь пользуется большимъ почетомъ, и потому гостямъ всегда предлагается прежде чубукъ. Но я отказался отъ чубука и попросилъ себѣ наргиле. Тотчасъ потомъ подали кофе. Подъ урчанье наргиле мы вспоминали, сколько могли, Россію.

— Русска табакъ, у–у! горька! замѣтилъ онъ, потягивая наргиле: — а наша сладка, не горька; а русска махорка языкъ кусалъ. Русска мужикъ — вотъ така чубукъ куритъ, не карошъ!

Съ часъ такъ болталъ онъ со мной. Я, конечно, не все понималъ, да и на половину только слушалъ его. Что дѣлать? здѣсь востокъ: такая безцеремонность и невѣжливость гостя въ отношеніи къ хозяину не преслѣдуется такъ строго, какъ въ цивилизованныхъ салонахъ Европы.

Наконецъ смолкъ мой хозяинъ, и тотчасъ пошелъ изъ комнаты, не сказавъ мнѣ ни слова. Я остался одинъ, и началъ уже дремать. Едва слышно скрипнула дверь, я очнулся, смотрю: четыре арабки вошли въ мою комнату. Я былъ изумленъ этимъ приходомъ. Сдѣлавъ мнѣ привѣтствіе по-восточному, онѣ сѣли въ полукругъ противъ меня. Я, привставъ немного, отвѣтилъ на ихъ привѣтствіе также. Это были жены любезнаго хозяина дома. Сначала я не могъ смотрѣть на нихъ прямо: открытая роскошная грудь, огненные глаза, страстная, черезъ-чуръ свободная поза смущали меня. Облокотившись руками на-плечи другъ друга, онѣ, рѣзво и весело разговаривая, смотрѣли на меня. Онѣ попеременно стали предлагать мнѣ вопросы, но я не могъ понять всѣхъ, а меньше того отвѣчать; и потому привелось обратиться къ единственному средству въ такомъ случаѣ, къ пантомимамъ. Тогда поднялся самый рѣзкій, веселый дѣтскій смѣхъ. Такъ наивно дѣлали онѣ мнѣ пантомимы, что у меня прошла застѣнчивость. Пренаивно стали онѣ разсматривать мой костюмъ. Вскорѣ, какъ бы вспомнивъ что-то, онѣ всѣ вдругъ хлопнули три раза въ ладоши. Явилась черная арабка съ кофе. Теперь уже свободнѣе и я предлагалъ тоже вопросы; но не зная, какъ выразить ихъ словами, доканчивалъ пантомимами. Тотчасъ поднимался смѣхъ; и потому понимая и не понимая другъ-друга, мы весело говорили, смѣялись. Иногда ни слова, ни пантомимы не дѣлали яснымъ, что передавалось ими; и мы бились-бились, такъ и бросали это; брались за другое. Такъ въ одинъ такой фазисъ, я совершенно ничего не могъ понять, что онѣ хотѣли передать; онѣ и словами и пантомимами объясняли, — все напрасно. Наконецъ одна изъ нихъ сдѣлала мнѣ воздушный поцалуй, я отвѣчалъ тѣмъ же, и

все-таки не понялъ, что онѣ хотѣли сказать мнѣ этимъ. Этотъ мой отвѣтъ вызвалъ просто истерическій смѣхъ у нихъ.

Я, кажется, не понималъ больше потому, что заглядывался на нихъ, — глаза — эти черные волшебные глаза просто жгли меня. Какія правильныя лица! Ихъ рѣзвость, звонкій голосъ, небрежная поза — все придавало имъ какую-то волшебную прелесть. Подмѣтивъ вѣроятно, что я любуюсь ими, онѣ встали всѣ и стали плясать. Какая у нихъ граціозная осанка! какія страстныя движенія и позы принимали онѣ въ своемъ дикомъ танцѣ!...

Кончивъ его, одна изъ нихъ опять хлопнула разъ въ ладоши, — явилась та же арабка. Что-то она приказала ей. Чрезъ минуту та является съ периной; положила ее на полъ, потомъ отправилась назадъ и принесла подушки, одѣяло и простыню. Тогда я вспомнилъ, что засидѣлся, и объявилъ имъ, что мнѣ время уже идти домой. Онѣ всѣ хоромъ возстали противъ этого и сказали, что теперь поздно и опасно идти, и что вотъ для меня постель, что онѣ меня не отпустятъ отъ себя такъ поздно. Потомъ всѣ вскочили и стали приготовлять мнѣ постель. Приготовивъ ее, онѣ сказали мнѣ: «Мессаинеконъ хавайже!» — Алла и садъ мисаекъ! отвѣчалъ я. Онѣ ушли.

Чрезъ пять минутъ является прежній арабъ и спрашиваетъ меня, не нужно ли мнѣ чего.

Отославъ его, я легъ спать, и долго потомъ не могъ уснуть.

Утромъ, только-что я одѣлся, явились ко мнѣ опять онѣ. Опять повтореніе вчерашняго: кофе и наргиле и такой же разговоръ. Чрезъ полчаса онѣ простились со мной.

Тотчасъ послѣ нихъ вошелъ ко мнѣ хозяинъ. «Добро утро! какъ твоя ночевалъ? карашо?» началъ онъ. — Благодарю, очень хорошо, сказалъ я. Я думалъ, что онъ заведетъ со мной разговоръ о своихъ женахъ, но не было и намека; а я, естественно, не зная правилъ ихъ, не смѣлъ говорить о нихъ. Поговоривъ еще на старый ладъ и на старую тему, я отправился домой. Онъ меня провожалъ, и дорогою секретно сказалъ мнѣ, чтобъ я никому не говорилъ, что былъ у него.

Я не допытывался отъ него, для чего такая осторожность; вѣроятно онъ имѣлъ тому причины.

Потомъ отъ своихъ учениковъ я узналъ, — не давъ имъ замѣтить, что я былъ у магометанина и видѣлъ его женъ, — что арабы мусульмане показываютъ иногда своихъ женъ, но только тѣмъ, въ кого вѣрятъ и кого любятъ и уважаютъ; но что арабъ самъ не покажетъ ихъ, и только позволитъ имъ представиться гостю, а самъ никогда не присутствуетъ при этомъ. Это противно ихъ правиламъ. Теперь я понялъ, почему мой знакомый не былъ въ комнатѣ, когда представлялись мнѣ его жены. Этого уже не повторялось; хотя я и же-

далъ бы, но предложить боялся. Это такая нѣжная струна у магометанина, что опасно дотрогиваться до ней.

Итакъ мало-по-малу я болѣе и болѣе привыкалъ къ новой моей жизни, болѣе и болѣе сближался съ арабами; но тѣмъ не менѣе сильнѣе и сильнѣе чувствовалъ всю тяжесть моего положенія. Одно меня утѣшало — это сочувствіе арабовъ моему одиночеству и труду, ихъ привязанность ко мнѣ, какъ русскому, на которую, къ сожалѣнію, я могъ отвѣчать имъ только тѣмъ же; но арабы — народъ небезкорыстный: у нихъ все на разсчетахъ, все для выгоды и выгоды матеріальной. Меня очень часто приглашали на обѣдъ то тотъ, то другой, и я встрѣчалъ самый радушный пріемъ: не знали, какъ угодить мнѣ, куда посадить, чѣмъ угощать. Обыкновенно при такихъ обѣдахъ были сосѣди и знакомые хозяина. Тутъ дѣлались мнѣ самые наивные распросы о Россіи. Каждый наперерывъ заявлялъ о своемъ горячемъ сочувствіи къ ней. Многіе высказывались, что поѣдутъ туда, научатся тамъ говорить по русски, посмотрятъ царя и русскія церкви. Потомъ обыкновенно начинались монологи объ ихъ бытѣ подъ властію турокъ, которые, правду сказать, не столько тяжелы, сколько противны имъ; и это потому, что они чувствуютъ себя лучше турокъ.

Такимъ образомъ я вскорѣ сдѣлался извѣстенъ почти всему Бейруту. Куда бы ни шелъ, вездѣ приводится слышать: «моилемъ москоббе!» Выйду ли на площадь (подлѣ моей квартиры), гдѣ, обыкновенно, гуляютъ арабы отъ 6 до 8 часовъ, меня тотчасъ окружаетъ толпа. Часто во время такой прогулки подходили ко мнѣ почтенные старцы и, потрепавъ меня по плечу, говорили: «таибъ моилемъ москоббе!» Подходили иногда ко мнѣ европейцы, преимущественно негоціанты-французы, но чаще всего пропагандисты папы и Франціи; они обыкновенно добивались узнать отъ меня, зачѣмъ я тутъ живу.

Изъ Бейрута въ Дамаскъ проведена шоссейная дорога; она начинается съ этой площади. На ней же помѣщеніе дилижансовъ и разныхъ телегъ и бричекъ. Арабы все еще не привыкли видѣть, какъ ѣздятъ въ телегахъ, и доселѣ удивляются; съ изумленіемъ слѣдятъ они за ѣдущей парой, запряженной дышломъ въ телегу. Здѣсь этого нигдѣ прежде не бывало, потому что по здѣшнимъ дорогамъ только верхомъ и можно ѣздить, и то съ опасностью.

Скоро надоѣла мнѣ и эта прогулка, и я сталъ замѣнять ее потомъ прогулкой по уединенному берегу моря. Тутъ я чувствовалъ себя внѣ жизни бейрутской; но и тамъ рѣдко оставляли меня въ покоѣ. Когда приходилъ русскій пароходъ, арабы толпами шли на берегъ или даже на пароходъ смотрѣть на русскихъ матросовъ, поклонниковъ и поклонницъ. Къ счастію, они ничего не понимали по-

русски, иначе имъ пришлось бы разочароваться въ своемъ идеалѣ русскаго: они ничего не услышали бы отъ нихъ, кромѣ самой жесткой, площадной брани. Это бы еще ничего; но въ городѣ эти христа-ради странники, покупая припасы на путь, заставляли арабовъ задумываться надъ русскими. Здѣсь эти смиренные паломники, особенно эти блаженныя странницы — дѣлали такія возмутительныя вещи, что въ другомъ мѣстѣ, только не въ Турціи, имъ бы приходилось постоянно подвергаться любезности полисменовъ. Арабы православные, по своей приверженности къ русскимъ, окружаютъ ихъ, стараются высказать имъ свое сочувствіе, даже предлагаютъ свои услуги, какъ я не одинъ разъ замѣтилъ. Но паломники видятъ въ нихъ людей злонамѣренныхъ. Вотъ что было разъ на моихъ глазахъ. Поклонники пришли въ городъ, и ходятъ для закупокъ по рынку, но больше — поглядѣть. На рынкѣ постоянно они слышатъ отъ арабовъ: «Этаибъ москоббе хаджи!» Тутъ и мои ученики, которые уже стали во главѣ руссофиловъ, и пользуются привилегіей этой предъ другими, и они окружаютъ ихъ или слѣдуютъ за ними и стараются разговаривать. Надобно замѣтить, что это были всѣ странницы. Мои ученики знали десятка 3 или 4 фразъ по русски. Странницы, вѣроятно подозрѣвая въ нихъ негодяевъ, стали кричать на нихъ; но арабы, конечно, ничего не поняли и продолжали слѣдовать за ними, но уже тихо, видя грозный взглядъ странницъ. Странницы остановились въ одной фруктовой лавкѣ и стали покупать себѣ фруктовъ. Торговецъ, дѣйствительно, не много принадулъ ихъ, потому что онѣ не знали ни цѣны вещамъ, ни курса денегъ, ни самыхъ денегъ. Арабы, слѣдовавшіе за ними, замѣтили обманъ торговца и вступились за нихъ; странницы подумали, что они сговариваются вѣроятно еще больше обмануть ихъ, бросились считать сдачу мелкихъ денегъ и купленныя вещи, и требовали у купца своихъ денегъ назадъ. Конечно, ихъ не понимали. А арабы, вступившіеся за нихъ, упрекали торговца въ обманѣ, и стали пересчитывать сдачу, чтобъ уличить его; но странницы, предполагая, что эти арабы хотятъ взять и сдачу себѣ, выхватили ее изъ рукъ арабовъ съ страшнымъ крикомъ и даже съ претензіей плевать на нихъ: «ахъ вы воры, мошенники! обокрасть, обидѣть насъ хотѣли! Ужо мы консулу пожалуемся. Въ Сибирь васъ сослать надо, подлецовъ!» прибавляя къ тому доморощенныя русскія фразы, въ надеждѣ, впрочемъ, что ихъ никто тутъ не пойметъ. Къ счастію, я подоспѣлъ на эту сцену и разрѣшилъ ихъ недоумѣніе. «Охъ, батюшка нашъ», говорили онѣ мнѣ потомъ: «что здѣсь за народъ живетъ, — чистые разбойники! Вѣдь на улицѣ живьемъ грабятъ; а глазища-то, глазища-то—такъ и бѣгаютъ, какъ у звѣря. Эхъ, не Россія здѣсь; а

то въ полиціи ихъ пробрали бы. Да вѣдь какъ глупы: что ни говори, только хлопаютъ глазами». Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе производятъ эти странницы на арабовъ. Здѣсь женщина не слышна; она идетъ тихо, скромно, даже не смотритъ по сторонамъ; а голоса почти не услышишь. И вотъ русская баба является на сцену, почти съ поднятыми кулаками, съ крикомъ. Къ счастью, говорю, арабы не понимаютъ по-русски.

Такія сцены не рѣдки; такъ что арабы говорили мнѣ, что «les femmes de Russie sont heroines, sont braves, sont courageuses!» Если таковы женщины въ Россіи, то что сказать о мужчинахъ?! Но это говорилось не съ ироніей, а съ удивленіемъ: изъ такихъ данныхъ въ головѣ православныхъ арабовъ сложилось еще очень выгодное мнѣніе о русскихъ. Да, при ихъ безпредѣльномъ довѣріи къ русскимъ; иначе, кажется, и не переварили бы ихъ головы эти данныя.

Совершенно другое впечатлѣніе, весьма благопріятное, произвелъ на нихъ другой посѣтитель Бейрута и моей школы, — это бывшій протодіаконъ русской миссіи въ Іерусалимѣ—отецъ А..., человѣкъ очень почтенный, возвратившійся изъ Іерусалима въ Россію. Онъ былъ у меня въ классѣ, говорилъ съ моими учениками, экзаменовалъ ихъ, говорилъ и съ надзирателемъ народной школы и оставилъ по себѣ весьма хорошее, лестное воспоминаніе арабамъ. Если бы побольше такихъ посѣтителей моей школы, мое дѣло шло бы сильнѣе. Но, къ сожалѣнію, только этотъ господинъ и былъ у меня: ни консулъ, ни секретарь его, ни агентъ общества пароходства и торговли ни разу не посѣщали моей школы. Только мѣстный архіерей былъ нѣсколько разъ.

Тихо, смирно текла жизнь бейрутская. Ничто не нарушало покоя. Совершеннѣйшій штиль. Кой-какіе слухи изъ Европы, иногда довольно тревожные, проносились въ немъ, и замирали, не затемняя собою свѣтлаго горизонта Сиріи. Но въ концѣ іюня вдругъ пришло съ Ливана страшное извѣстіе, нарушившее тишину Бейрута: марониты и друзы поссорились между собою, и началась уже рѣзня. Тотчасъ сталъ подниматься на ноги христіанскій Бейрутъ; арабы-христіане какъ бы вспрянули отъ сна. Куда ни посмотришь, и днемъ и ночью разъѣзжаютъ они въ полномъ своемъ вооруженіи. Какой героизмъ проявился въ нихъ! Каждый день отрядами отправлялись они изъ Бейрута на Ливанъ, въ полномъ вооруженіи, съ пиками и бубнами. Съ рыцарской храбростью они хвалились истребить всѣхъ друзовъ. Даже одинъ изъ моихъ учениковъ, мальчикъ 15 лѣтъ, отправился въ отрядѣ. Всѣхъ занималъ одинъ разговоръ — о предстоящей борьбѣ двухъ племенъ, одно

желаніе—истребить злое языческое племя. Съ увлеченіемъ разсказывали одни, какъ арабы-христіане поколотили друзовъ; съ ужасомъ другіе говорили о неистовствахъ друзовъ; и всѣ стали закупать оружіе, порохъ и дробь; но тутъ они спохватились, что рано немного похвалились перебить друзовъ: съ трудомъ, и то лишь секретно, можно было достать порохъ. Турки-купцы заперли свои пороховые магазины, а христіанамъ запрещено торговать порохомъ. Однако это заставило задуматься только разсудительныхъ арабовъ; остальные увлеклись общимъ потокомъ стремленія перебить друзовъ.

Изъ-за чего произошелъ раздоръ — слухи были различные; но всѣ винили друзовъ. Большинство разсказывало такъ:

Маронитскіе мальчики занимались чѣмъ-то въ своихъ садахъ. При нихъ вошли туда быки друзскіе. Друзы еще по сіе время обоготворяютъ быковъ, впрочемъ, говорятъ, не всѣ. Мальчики, конечно, стали выгонять этихъ быковъ, и не уважили неприкосновенности друзскихъ боговъ: они стали выгонять ихъ своими арапниками. Это увидѣли мимоходомъ друзы, и вступились за оскорбленную честь. Мальчикамъ, конечно, пришлось бы поплатиться жизнію за такое безбожіе. Къ счастію, тотчасъ же подоспѣли на выручку ихъ арабы-марониты: завязалась драка. Между тѣмъ, такъ-какъ это было подлѣ селенія друзо-маронитскаго, то противныя стороны увеличивались постоянно, и дошли до порядочныхъ партій. Этотъ раздоръ перешелъ тотчасъ и въ другія селенія. Агитаторы съ той и другой стороны устремились во всѣ концы Ливана и Сиріи. Отовсюду стали стекаться въ разные пункты друзы и арабы-христіане, и нападать другъ на друга. Такимъ образомъ вскорѣ составились два ополченія: одно друзское въ 30,000, а другое арабское въ 20,000, и произошла разбойническая война: горы не позволяли дѣйствовать открыто и массой. Конечно, регулярной войны и въ открытомъ мѣстѣ не могло быть у арабовъ. Такимъ образомъ поднялся весь Ливанъ: вооружились и старъ и младъ отстаивать уже не собственность только свою, но и жизнь. Ожесточеніе другъ противъ друга было ужасное: если вѣрить слухамъ, выкалывали глаза, отрѣзывали уши, носъ, пальцы плѣннымъ, и отпускали ихъ куда угодно; но большею частію, потѣшаясь страданіями своихъ враговъ, замучивали ихъ до смерти; больше и тяжеле всего доставалось женщинамъ и дѣтямъ. О спасеніи собственности — вопросъ былъ второстепенный. Что можно было унести и увезти, богатые ливанцы-христіане отправляли въ Бейрутъ. Каждую ночь Ливанъ освѣщался заревомъ въ разныхъ мѣстахъ. Картина была ужасная, живописная и великолѣпная. Плачъ и крикъ почти долетали до Бейрута; такъ что и въ Бейрутѣ всѣ стали побаиваться за себя; а онъ все пустѣлъ

и пустѣлъ, потому что множество молодыхъ арабовъ умчались на выручку своихъ; другіе, забравъ лучшія вещи, на пароходахъ уѣхали въ Александрію. Страхъ все со дня на день увеличивался, и тѣмъ болѣе, что стали поговаривать, что и турки помогаютъ друзамъ. Уже страшныя вѣсти стали приходить съ Ливана, но говорили все разное. Друзы не нападали на вооруженные отряды, но врывались въ села, и били, и жгли, и грабили, что могли; были, говорятъ, стычки, но небольшія, между вооруженными. Дѣло принимало ужасающіе размѣры. Консулы иностранныхъ державъ уже представляли пашѣ объ угрожающей опасности, требуя, чтобъ онъ силою прекратилъ этотъ раздоръ; но паша старался ихъ увѣрить, что опасности большой нѣтъ, и только. Наконецъ они заставили его своимъ энергичнымъ протестомъ послать туда полкъ солдатъ, но и это не принесло ожидаемыхъ результатовъ: войско гдѣ-то простояло, и не двигалось съ мѣста въ виду рѣзни. Тогда консулы обратились къ пашѣ съ ультиматумомъ, грозя иначе оставить свои посты. Это подѣйствовало немного на пашу, и онъ послалъ своихъ агентовъ примирить враждующія стороны, а консулы—своихъ драгомановъ для контроля за турками и на помощь посламъ паши. Эта миссія консуловъ имѣла полный успѣхъ. Арабы-христіане, при первомъ появленіи драгомановъ, сейчасъ подчинились ихъ вліянію; а друзы съ недавняго времени уважаютъ англичанъ, и потому драгоманъ англійскаго консула уговорилъ ихъ примириться съ арабами-христіанами. Но это было уже въ началѣ сентября. Цѣлый мѣсяцъ они рѣзались, и, говорятъ, нанесли другъ другу страшные уроны. Я говорилъ, что были отправлены обѣими враждующими сторонами агитаторы по всей Сиріи; они явились и въ Бейрутѣ, который поднялся съ перваго же раза на зовъ ливанскихъ арабовъ-христіанъ. Но и друзы нашли себѣ прозелитовъ здѣсь: сѣмя ихъ пало на турокъ, встрепенулись они отъ своей летаргіи; религіозное движеніе пронеслось по магометанскому кварталу, но оно тотчасъ же успокоилось: говорятъ, не было на это разрѣшенія отъ паши. Однакожь секретно, одинъ по одному и болѣе, турки отправлялись въ горы, что замѣчали христіане. Въ Бейрутѣ же самомъ сначала ни опасности, ни тревоги не было, и мы еще не ждали грозы. Но вдругъ, въ одинъ прекрасный день, вбѣгаютъ ко мнѣ двое моихъ учениковъ,—это было во 2 половинѣ августа, въ понедѣльникъ, въ 6 часовъ вечера. — «Qu'est ce que vous dormez, monsieur? Courez dehors! Sortez tant de suite! turques avec les drouses attaquent a nous!» Меня какъ холодомъ обдало! Кое-какъ одѣвшись, я тотчасъ выбѣжалъ изъ квартиры и попалъ на улицѣ въ толпу, которая, вооруженная, двигалась на площадь подлѣ моей квартиры, гдѣ я обыкновенно гулялъ по вечерамъ. Я послѣдо-

валъ за толпой. Но ни у кого я не могъ добиться, что такое дѣлалось; только и слышно было: «турки... друзы... друзы... турки!.. Вся площадь была занята народомъ, когда мы вошли на нее. На самой срединѣ стояло войско, около роты, и между народомъ разъѣзжалъ паша и прочіе начальствующіе въ Бейрутѣ. По одну сторону войска стояли турки, а по другую арабы-христіане. Меня тотчасъ увели арабы, мои знакомые, подальше отсюда, опасаясь за меня. Тотчасъ, говорятъ, разошлись и турки, и арабы. На другой уже день я узналъ, что это за исторія была. Двое арабовъ-христіанъ — protégés de Russie—поссорились на площади съ двумя турками. Раздоръ, говорятъ, произошелъ изъ пустяковъ. Турки какъ-то хвалились своимъ политическимъ достоинствомъ, что они въ дружбѣ съ англичанами; а арабы говорили, что они протеже русскіе, и хвалились своею преданностію къ ней. Турки замѣтили, что на Ливанѣ не спрашиваютъ, кто протеже русскій, кто французскій, а рѣжутъ всѣхъ. Разговоръ дѣлался крупнѣе, и, при восточномъ темпераментѣ, дошелъ до кинжаловъ. Арабы нанесли сильныя раны туркамъ, такъ что одинъ изъ нихъ на другой же день умеръ. Арабы тотчасъ были окружены турками, но въ то же мгновеніе подоспѣла на выручку ихъ толпа арабовъ изъ ближайшихъ кофеенъ, тутъ находящихся на площади, и видѣвшихъ эту сцену. Началась ссора; къ рѣшительному дѣлу не смѣли еще приступить. Во время перебранки явился батальонъ солдатъ и развелъ враждующихъ. Двоихъ арабовъ, по успокоеніи враждовавшихъ, отвели въ темницу, и паша на другой день хотѣлъ военнымъ судомъ разстрѣлять ихъ. Но они были работниками у богатаго фабриканта-араба, подданнаго русскаго; поэтому они были протеже русскіе. Ихъ хозяинъ тотчасъ обратился къ русскому консулу просить защиты. Консулъ отправилъ своего секретаря съ протестомъ противъ взятія въ темницу арабовъ, состоящихъ подъ покровительствомъ Россіи, безъ его на то согласія; и арабы спасены. Но турки хотѣли отмстить за смерть своего брата; на другой день они собирались у фабрики этого араба, съ цѣлію напасть и разграбить ее, но не успѣли: арабы успѣли принять мѣры противъ того.

Непріязненному движенію турокъ приписывали характеръ заговора — перерѣзать всѣхъ христіанъ. Не знаю, насколько это правда, но самъ вѣрю.

Съ того времени Бейрутъ былъ въ весьма тревожномъ состояніи. По вечерамъ боялись выходить, и днемъ ходили не иначе, какъ вооруженные. Косо смотрѣли турки и арабы другъ на друга. Я приготовился совсѣмъ, при первомъ непріязненномъ движеніи, перейти на какое нибудь судно или пароходъ, если случатся на то время.

Тревожное состояніе продолжалось до сентября, потомъ опять все пошло по прежнему.

Опять все пошло по старому — та же тема, на тотъ же ладъ; и я, не ожидая ничего новаго, покойно распивалъ чай 2 сентября, въ шесть часовъ вечера. Тогда я вдругъ слышу выстрѣлъ издалека; потомъ опять все тихо; чрезъ нѣсколько минутъ опять, а потомъ и еще, и еще, и пошла безпрерывная перестрѣлка. Что такое? Я испугался. Выбѣгаю на улицу — кругомъ раздаются выстрѣлы по городу. На улицѣ, въ разныхъ мѣстахъ, горятъ кучи щепокъ, палокъ и хворосту; народу много, но народъ расхаживаетъ покойно, или смотритъ на огни. Я удивился. Что жь бы это такое?—Завтра у католиковъ празднуется Воздвиженіе Честнаго Креста; и вотъ они, въ память того, какъ Елена съ факелами искала въ горѣ крестъ, спрятанный туда евреями, зажигаютъ въ этотъ вечеръ костры на улицѣ, или — больше — на дворѣ, и стрѣляютъ изъ ружей. Каждый маронитъ считаетъ за святую обязанность сдѣлать хоть одинъ выстрѣлъ. Паша, конечно, запрещаетъ стрѣлять, но полиція ничего не можетъ сдѣлать, потому что гдѣ она появляется, тамъ тотчасъ все умолкаетъ; но даже и тогда въ оградахъ стрѣляютъ, затворивъ предварительно ворота. Но это дѣлаютъ не одни марониты, но и православные арабы, — послѣдніе 13 сентября, вечеромъ на 14-е. Тогда точно такая же исторія.

Въ сентябрѣ, въ одно воскресенье, утромъ, ученики мои предложили мнѣ прогуляться за городомъ и между прочимъ осмотрѣть мѣста, освященныя здѣшнимъ преданіемъ. Но прежде я познакомлю читателя съ преданіемъ. Вотъ что говорятъ.

Въ IV вѣкѣ здѣсь, въ Бейрутѣ, жили еще язычники. Тогда Сирія состояла изъ нѣсколькихъ небольшихъ областей, которыя имѣли каждая своего царя. Въ это время явился подлѣ самаго Бейрута змѣй-чудовище, котораго не могли убить; и онъ безпрепятственно входилъ въ городъ, схватывалъ перваго попавшагося человѣка, съѣдалъ его, и потомъ, если еще былъ недоволенъ этимъ обѣдомъ, бросался и на другихъ и съѣдалъ или хотя убивалъ ихъ. Весь городъ былъ въ страхѣ. Бейрутъ былъ столичный городъ, и въ немъ жилъ царь. Змѣй, вѣроятно, опредѣлилъ уже для себя весь городъ провіантскимъ магазиномъ, и потому держалъ его въ совершенно осадномъ положеніи, такъ-что жители были заперты въ городѣ. И такъ, жители были въ страхѣ отъ ежедневныхъ нападеній змѣя, въ добычу которому подвергалось нѣсколько человѣкъ. Тогда они, въ отчаяніи, рѣшились между собою выставлять отъ города въ день по одному человѣку, на котораго выпадалъ жребій. Дѣйствительно, съ того времени змѣй не входилъ уже въ городъ, и довольство-

вался одною выставленною жертвою, между тѣмъ какъ прежде съѣдалъ по нѣскольку человѣкъ. Городъ былъ въ печальномъ положеніи; жребій каждодневно вызывалъ крикъ, плачъ, отчаяніе и траурную процессію до мѣста, назначеннаго для пріема страшнаго гостя. Жители были въ постоянномъ страхѣ и отчаяніи: каждый могъ ждать на другой день участи—свариться въ желудкѣ змѣя. Горю этому, говорятъ, сочувствовало самое небо какими-то знаменіями. Впрочемъ, тутъ преданіе устное съ письменнымъ не сходится: устное говоритъ, что земля стонала, а арабское письменное — что небо было мрачное, но безъ тучъ, и издавало какіе-то странные звуки. Но разногласіе не велико, а главное — дорогъ фактъ.

Царь сочувствовалъ общей бѣдѣ, но въ своемъ домѣ не видѣлъ еще бѣды. Наконецъ жребій выпалъ на его любимую дочь. Несчастную одѣли въ бѣлое платье и повели въ пріемное мѣсто. Весь городъ составлялъ траурную процессію. И вотъ она уже стоитъ на назначенномъ мѣстѣ. Но тутъ преданіе дѣлаетъ изъ нея героиню: она безъ страха ждетъ чудовища. Вдругъ подъѣзжаетъ юноша поразительной красоты и величія, въ бронѣ, съ копьемъ, на златоубранномъ конѣ. Она тотчасъ обращается къ нему: «послушай, милый молодой человѣкъ! зачѣмъ ты тутъ ѣздишь? Развѣ не знаешь, что здѣсь обитаетъ страшное чудовище? — если оно увидитъ тебя, то не спасешься на своемъ конѣ отъ него. Оставь меня одну погибать! бѣги, бѣги!»

— Нѣтъ, прекрасная! Я не уйду отъ тебя, а спасу тебя отъ этого чудовища.

— Бѣги, бѣги скорѣе! съ отчаяніемъ вскричала она, видя приближающагося змѣя.

Юноша уже мчался на конѣ на встрѣчу змѣю и, подъѣхавъ къ нему, копьемъ ударилъ его въ отверзтую пасть; и — чудо! — ужасный змѣй не убитъ, но притихъ, сдѣлался, какъ овца, смиренъ. Подошедшая царевна, по просьбѣ юноши, перевязала у него шею однимъ концомъ своего пояса, а за другой конецъ повела его, по указанію юноши, ѣхавшаго впереди на лошади. Народъ, на стѣнѣ и у воротъ города, съ страшнымъ удивленіемъ смотрѣлъ на чудо. Змѣй приведенъ былъ на возвышенное, чистое мѣсто среди города (*) и, по приказанію юноши, сожженъ на томъ мѣстѣ, и пепелъ развѣянъ по морю. Царь обращается къ юношѣ и предлагаетъ ему въ благодарность полцарства и спасенную имъ дочь. Но необыкновенный юноша — это былъ Георгій, будущій великомученикъ — отказался отъ предлагаемаго и попросилъ, въ замѣнъ его, позволенія

(*) На этомъ мѣстѣ стоитъ теперь главная православная церковь во имя великомученика Георгія.

построить христіанскую церковь на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ убилъ змѣя, и чтобъ онъ далъ свободу христіанству въ его столицѣ и даже царствѣ. Царь согласился. Юноша этотъ былъ сынъ царя, который жилъ за 5 дней пути отъ Бейрута и былъ также язычникъ. Георгій былъ преслѣдуемъ отцомъ за принятіе христіанства. Вскорѣ царь бейрутскій раскаялся, что далъ такія права Георгію, потому что народъ постоянно толпами обращался въ христіанство. Дѣло, конечно, дошло до того, что царь сталъ мучить его. Но какія средства онъ ни принималъ, никакъ не могъ замучить Георгія: тотъ былъ необыкновенно живучъ. Тогда царь принужденъ былъ спросить самого Георгія: какъ его лишить жизни? Георгій сказалъ, что только тотъ можетъ лишить его жизни, кто далъ ее ему. Поэтому его родной отецъ отсѣкъ ему голову своею рукою. Онъ причисленъ церковью къ лику святыхъ, и мощи его находятся въ землѣ скрытыми въ 4 часахъ отъ Бейрута, въ селѣ Св. Георгій. Вотъ какую легенду передали мнѣ ученики изъ древняго быта Бейрута.

Итакъ мы пошли гулять за городомъ и между прочимъ на мѣста, ознаменованныя этою легендою. Я почти постоянно спотыкался о камни, заглядываясь на живописную мѣстность. Скаты горъ представлялись какъ бы въ панорамѣ. Я не могъ налюбоваться ими. Но меня удивило главное то, что весь Ливанъ покрытъ лѣсомъ, и подлѣ самаго Бейрута великолѣпная роща, какой я не встрѣчалъ и не ожидалъ встрѣтить нигдѣ въ Турціи. Вся роща была оглашена пѣніемъ птицъ. Въ различныхъ мѣстахъ разставлены были маленькіе шалаши, окруженные множествомъ столовъ и стульевъ, разбросанныхъ между деревьями. Это кофейни. Было жарко на открытомъ мѣстѣ, а тутъ прохладно, прелестно! Еслибы можно, я переселился бы сюда поближе къ рощѣ смотрѣть на Ливанъ и дышать этимъ прохладнымъ, ароматнымъ воздухомъ.

Чрезъ полчаса прогулки, мы пришли къ ознаменованнымъ легендою мѣстамъ. Мнѣ указали на квадратное строеніе подлѣ дороги. Это просто масса желтаго, крѣпкаго, какъ гранитъ, камня. Тутъ былъ источникъ въ эпоху легенды. Георгій, убивъ змія, умылъ здѣсь свои руки. Потомъ въ память этого христіане построили здѣсь часовню, съ престоломъ, на которомъ совершалась и литургія. Это строеніе замѣчательно, по преданію, тѣмъ что камень, изъ котораго оно построено, имѣетъ свойство мылиться; но на опытѣ, который я тотчасъ же сдѣлалъ предъ глазами учениковъ, этого не оказалось, — что однакожъ они приписали особенному случаю, но больше—оспоривали, что онъ и у меня мылился, принимая мутную, сгустившуюся отъ отдѣлавшихся частицъ песку и пыли воду за мыло. По преданію, когда турки брали Бейрутъ, они никакъ не могли сломать этого строенія, даже

стрѣляли ядрами все напрасно; такъ и оставили. Къ камню благочестивые христіане прикладываются и теперь. Отсюда въ 250 саженяхъ стоитъ мечеть турецкая, — это бывшая церковь, построенная самимъ Георгіемъ великомученикомъ. Дикіе, громадные камни въ основаніи и стѣнахъ свидѣтельствуютъ ея древность. За бакшишъ мы вошли въ мечеть. Извнутри — подъемъ, заваленный на половину камнемъ и мусоромъ, на колокольню бывшей церкви или на минаретъ этой мечети; но турки никогда не кричатъ съ нея въ часы молитвы. Преданіе говоритъ, что великомученикъ Георгій съ колокольни этой пѣлъ передъ службой. Потомъ, когда турки овладѣли церковью и сдѣлали изъ нея мечеть, они по своему правилу хотѣли кричать съ колокольни въ часы молитвы; но въ то время являлся змѣй на колокольнѣ, или тогда уже минаретѣ, и прогонялъ крикуна или пѣвуна. Тогда турки установили никогда не кричать съ ней. Это единственный минаретъ, съ котораго турки не кричатъ; сторожъ мечети — турокъ предупредилъ насъ, чтобы мы ничего не пѣли тамъ; но я пропѣлъ одну церковную пѣсню, — и змѣй не появлялся; что турка, принявшаго уже испуганный видъ, удивило.

Въ 200 саженяхъ отъ мечети находится неширокая, но длинная — около трехъ верстъ — лощина, которая была прежде русломъ рѣки, вытекавшей съ Ливана разными истоками и впадавшей въ море.

Во 100 саженяхъ отъ моря показали мнѣ тотъ глубокій прежде омутъ, въ которомъ жилъ пресловутый змѣй, пришедшій сюда съ ливанскихъ горъ.

Здѣсь великомученика Георгія чтутъ и турки, наравнѣ съ пророкомъ Иліей, ознаменовавшимъ собой кармильскую гору на берегу Средиземнаго моря — у Кайфы.

Въ концѣ сентября я собирался съ знакомыми арабами на Ливанъ, чтобы объѣхать его и потомъ посѣтить Дамаскъ. Одинъ изъ предложившихъ мнѣ ѣхать съ нимъ былъ человѣкъ состоятельный, имѣлъ дачу на Ливанѣ и домъ въ Дамаскѣ. Посѣщавшіе меня арабы ливанскіе тоже просили меня пріѣхать къ нимъ. Такимъ образомъ я имѣлъ возможность побывать, даже погостить въ разныхъ мѣстахъ Ливана, что чрезвычайно льстило моему любопытству. Бывшіе у меня, предъ этимъ приготовленіемъ моимъ къ поѣздкѣ, ливанскіе арабы говорили мнѣ, что они привезутъ мнѣ своихъ дѣтей учиться по-русски, когда я возвращусь съ поѣздки; всѣхъ наберется — увѣряли они — до 40 мальчиковъ, за которыхъ они будутъ платить мнѣ 400 піастровъ въ мѣсяцъ (20 р. сер.)

Итакъ я уже почти собрался ѣхать, но вдругъ, наканунѣ дня поѣздки, получаю отъ консула приглашеніе представиться къ нему. И что же? Какую новость сообщилъ мнѣ консулъ?

«Преосвященный Кириллъ», сказалъ онъ мнѣ: «не имѣетъ болѣе возможности содержать васъ: и потому вы можете удотворить вашему желанію — ѣхать въ Россію; да и нечего дѣлать въ Бейрутѣ». — Я сказалъ консулу, что имѣю надежду жить въ Бейрутѣ собственными средствами; но мнѣ было замѣчено, что мой заграничный паспортъ просроченъ.

Объявилъ я это своимъ ученикамъ, что русскій классъ въ Бейрутѣ кончилъ свою исторію; а самъ сталъ готовиться къ отъѣзду въ Россію. На другой же день пришли ко мнѣ родители моихъ учениковъ и другіе знакомые просить меня остаться у нихъ для преподаванія русскаго языка. Я сказалъ, что это зависитъ отъ консула. Они послали отъ себя смотрителя народнаго училища къ консулу.

На слѣдующій день приходили трое ливанцевъ — и та же исторія.

Чрезъ нѣсколько дней пришелъ русскій пароходъ, и я отправился на немъ восвояси.

Не только мои ученики, но почти все народное училище съ учителями и мои знакомые провожали меня до парохода...

Такъ кончилась моя карьера въ Бейрутѣ. — Съ тѣмъ пріѣхалъ, съ тѣмъ и уѣхалъ; — только карманъ сдѣлался уже окончательно пустъ...

Но можно было многое сдѣлать... а что сдѣлано, то останется, можетъ быть, только въ памяти нѣсколькихъ.

К. ЮЖАКОВЪ.

ГРОМООТВОДЪ.

АКЦІОНЕРНАЯ КОМЕДІЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ДМИТРІЙ ПЕТРОВИЧЪ ВОЛТОВЪ, молодой человѣкъ, лѣтъ 26, ищущій мѣста въ одномъ изъ министерствъ. Худощавъ, бѣлокуръ и блѣденъ. Въ движеніяхъ его нѣкоторая вялость. Говоритъ неровно: то медленно и апатично, то съ одушевленіемъ. Способенъ къ восторженности. Одѣтъ опрятно, но безъ особеннаго вкуса.

АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ ПАНЬШИНЪ, сверстникъ Болтова, лѣтъ 27, сынъ богатаго откупщика. Полонъ; сложенія сыраго, глаза и волосы черные. Говоритъ скоро; склоненъ къ веселости. Одѣтъ хорошо и съ нѣкоторыми признаками франтовства.

МЭРИ, бывшая швея. Хорошенькое личико брюнетки; движенія смѣлы, но не лишены природной граціи. Разговоръ живой. Одѣта съ роскошью и вкусомъ.

МАРЬЯ МИХАЙЛОВНА, хозяйка квартиры Болтова. Полная женщина, лѣтъ 50, изъ отпущенницъ.

ИВАНЪ КОНДРАТЬИЧЪ ДЕРГАЧЕВЪ, капиталистъ и издатель журнала, лѣтъ 30. Внѣшность изящная. Говоритъ плавно, цвѣтисто; подъ-часъ впадаетъ въ докторальный тонъ. Любитъ дорогое бѣлье и брелоки.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА ДЕРГАЧЕВА, жена его, худенькая дама, лѣтъ 25.

Бѣлокура и желта. Въ манерахъ замѣтна ловкость и нѣкоторая юркость. Одѣта богато и по модѣ.

ОЛЬГА ПЕТРОВНА МАМАЕВА, племянница Дергачевыхъ, дѣвица, лѣтъ 22. Черные волосы; большіе сѣрые глаза; прямой изящный носъ; ротъ, выражающій кроткій и нѣсколько флегматическій характеръ. Движенія ея плавны; разговоръ ровенъ и отличается искренностью. Одѣта просто, но съ особеннымъ изяществомъ.

КНЯГИНЯ ПОДОЛЬСКАЯ, вдова, лѣтъ 45, съ перезрѣлыми формами, выказывающими увядшую красоту. Любитъ молодиться; носитъ дорогія платья и много золотыхъ вещей. Кокетлива, искательна; тонъ разговора вкрадчивый и льстивый.

МИХАИЛЪ ИВАНЫЧЪ БЕЛЬМЕСОВЪ, молодой человѣкъ, лѣтъ 25, получившій большое наслѣдство. Наружность довольно красивая, но не симпатичная. Въ манерахъ замѣтна сухость, съ нѣкоторыми признаками фатства.

ГРАФЪ ПЕТРЪ ѲЕДУЛЫЧЪ, вліятельный человѣкъ, лѣтъ 60. Величавъ, надутъ; носитъ парикъ; любитъ резонировать, и очень боится уронить свое достоинство. Смѣется сухо, какъ бы нехотя.

БАРОНЪ АЛЕКСАНДРЪ КАРЛЫЧЪ ЭЙЗЕНШМИДТЪ, добродушный лысый старичокъ, съ эпикурейскимъ выраженіемъ на лицѣ. Слабонервенъ и склоненъ къ смѣшливости.

ШЕСТИПАЛОВЪ, пожилой служака; подобострастенъ и труслив. Носитъ декораціи и заикается.

ХАСАНОВЪ, уроженецъ Кавказа. Волосы черные съ просѣдью. Носъ большой, съ горбомъ. Рѣчь груба, неправильна, и отличается горловыми звуками. Не лишенъ подобострастія, и также носитъ декораціи.

ИВАНЪ САМОЙЛЫЧЪ МЮЛЬШТЕЙНЪ, бывшій откупщикъ, пожилыхъ лѣтъ. Безобразенъ, грязенъ; говоритъ съ жидовскимъ акцентомъ.

КОНТОРЩИКЪ ДЕРГАЧЕВА, типъ ловкаго петербургскаго артельщика, вышедшаго въ люди.

Шарманщикъ, итальянецъ.

Лакей Дергачева.

Лакей графа Рива-де-Нейра.

Лакей Бельмесова.

Гости, покупщики акцій, оффиціанты и прислуга на балѣ Дергачевыхъ.

(Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ. Между первымъ и вторымъ актами проходятъ два мѣсяца; между вторымъ и третьимъ — мѣсяцъ; между третьимъ и четвертымъ — около года; между четвертымъ и пятымъ — около трехъ мѣсяцевъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ скромную, низенькую комнатку, занимаемую Болтовымъ въ четвертомъ этажѣ одного изъ многолюдныхъ петербургскихъ домовъ. Дверь налѣво ведетъ въ покой хозяйки Болтова; другая дверь, прямо, выходитъ въ корридоръ, сообщающійся съ сѣнями. У правой стѣны стоитъ большой кожанный диванъ; посерединѣ сцены — ветхій письменный столъ, заваленный кипами бумагъ и книгами, и передъ нимъ кресло; близь стола — этажерка, также съ книгами. На столѣ стоятъ двѣ стеариновыя свѣчи, уже догорающія. Шкапъ съ платьемъ, гитара, два-три стула и нѣсколько простыхъ картинокъ, по стѣнамъ, дополняютъ убранство комнаты. Десять часовъ вечера.

ЯВЛЕНІЕ I.

Болтовъ и Марья Михайловна. (Болтовъ, одѣтый въ поношенное домашнее пальто, сидитъ у письменнаго стола и пишетъ; Марья Михайловна съ боку, у того же стола, вяжетъ чулокъ).

Мар. Мих. (*съ досадой*). Ахъ, мои батюшки, — опять спустила петлю!... Вишь, какъ глаза-то плохи стали!... (*Старается поправить ошибку*)... Да вы у меня совсѣмъ свѣчи-то заполонили!... Смотритка, куда удвинулъ!...

Болт. (*поднявъ голову*). А что?... Не видите?...

Мар. Мих. (*пододвигая къ себѣ свѣчи*). Гдѣ, тутъ, увидишь, черезъ столъ! Вотъ, хоть бы сюда, что ли, поставилъ... А то, поди-ка, зарылся въ бумагахъ, и знать не хочетъ, что я безъ огня сижу!... (*Понизивъ голосъ*) Чего вы, только, все пишете — не знаю... Чай, ужь всѣ глаза проглядѣли... Только свѣчкамъ переводъ...

Болт. Погодите, Марья Михайловна, можетъ быть и мои дѣла поправятся; тогда заживемъ!...

Мар. Мих. Разсказывайте, по пятницамъ-то... До васъ жилецъ былъ — то же толковалъ. Все, бывало, пишетъ, сердечный...«Карьеру, говоритъ, надо сдѣлать»...Маялся, маялся, а кончилъ тѣмъ, что въ долговое посадили... такъ и пропали за нимъ мои денежки!...

Болт. Да что онъ писалъ-то?

Мар. Мих. Все просьбы, что ли, какія-то... Народу къ нему хаживало не мало...

Болт. Вѣрно былъ кляузникъ; немудрено, что попался!...

Мар. Мих. Кляузникъ!... Поди-ка, какъ скоро разсудилъ!... Нѣтъ, онъ дѣло-то очень хорошо зналъ... Все въ губернское правленіе ходилъ... Ну, а вы-то, что?... Намедни не знали, какъ съ *отмѣткой* сладить... Инда дворника насмѣшили...

Болт. Я этихъ мелочей, точно, не знаю... не занимался такими пустяками... У меня теперь дѣло важнѣе... Видите эту кипу бумагъ? Это проэктъ... Когда я его разсмотрю, начальство скажетъ: «молодецъ, Дмитрій Петровичъ! Дать Дмитрію Петровичу мѣсто! Дать ему жалованья — тысячу — двѣ тысячи рублей!» А, каково! Вотъ тогда и закутимъ! (*Хлопаетъ Марью Михайловну по плечу*).

Мар. Мих. (*съ легкой ироніей*). Все это, батюшка, *буки*... А теперича, я посмотрю: и бѣлья-то у васъ нѣтъ порядочнаго, и свѣчи-то догораютъ послѣднія.

Болт. (*перебивая*). Какъ свѣчи послѣднія?... Да вѣдь мнѣ надо заниматься!... Я, можетъ быть, буду писать всю ночь... Нѣтъ, ужь, пожалуйста, достаньте!... Голубчикъ, Марья Михайловна (*ласкаясь къ ней*), смастерите, возьмите въ долгъ... На этихъ дняхъ, судьба моя рѣшится... (*Слышенъ въ сѣняхъ звонокъ*).

Мар. Мих. Кого это Богъ даетъ въ такую пору?...

Болт. Отворите же. Можетъ быть, ко мнѣ. Да свѣчекъ достаньте непремѣнно... (*Торжественно*) Полъ-царства за свѣчку!... (*Марья Михайловна уходитъ*). Прескверное положеніе! Вожусь съ проэктомъ, а рѣшительно не знаю, выйдетъ ли изъ него что нибудь путное... (*Задумывается*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Болтовъ; потомъ Паньшинъ, Мэри и Марья Михайловна. (Паньшинъ, одѣтый въ бальный фракъ, вбѣгаетъ, канканируя и держа подъ руку Мэри. Мэри — въ маскарадномъ домино, но безъ маски. Она напѣваетъ извѣстный романсъ: «Что ты грустно глядишь на дорогу?...» и заливается звонкимъ хохотомъ. Марья Михайловна слѣдуетъ за ними, съ радостнымъ лицомъ, и украдкой доставъ двѣ свѣчки, незамѣтно вставляетъ ихъ въ подсвѣчники).

Пан. (*бросаясь къ Болтову на шею*). Болтовъ, дружище!...

Болт. Паньшинъ! Ты ли это? Какими судьбами?...

Пан. Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались! Дай посмотрѣть на тебя!... (*Вглядываясь въ Болтова*) Постарѣлъ, братецъ, ты, выцвѣлъ — точно молью тронутъ!... Ну, а эту особу узнаешь? (*Указываетъ на Мэри*).

Болт. Боже мой, Мэри подруга моей юности! Какъ похорошѣла! Позволь разцаловать тебя. (*Цалуются съ Мэри, которая, взявъ его за бакенбарды, начинаетъ разсматривать съ важностью*).

Мэри. Ты все такой же, растрепанный, гадкій и ужь посѣдѣлъ! Ахъ, страмъ какой! Вотъ тебѣ за это! (*Цалуетъ его въ губы, звонко чмокая*).

Болт. Какой счастливый случай васъ занесъ сюда?... Садитесь же, да разсказывайте... А вы, Марья Михайловна, сдѣлайте намъ чайку...

Мар. Мих. Сейчасъ, сейчасъ! (*Начинаетъ хлопотать, приготовляя чай на письменномъ столѣ, по временамъ уходитъ, и наконецъ приноситъ самоваръ*).

Пан. Мы собрались съ Мэри въ маскарадъ, да еще немного рано. Успѣемъ поговорить... (*Садятся, втроемъ, на диванъ; Мэри беретъ гитару, протягивается вдоль дивана, положивъ голову на колѣни къ Паньшину, и, прислушиваясь къ разговору, слегка перебираетъ струны*). Кому же начинать? Я самъ желалъ бы пораспросить тебя, братецъ, кое о чемъ... Вѣдь давно не встрѣчались.

Болт. Какъ же! Съ университетской скамьи.

Пан. Да, съ той поры, какъ, помнишь, долбили наизустъ «Ифигенію въ Авлидѣ?...»

Болт. (*перебивая*). И восхищались, изъ подъ палки, Теокритомъ...

Пан. (*перебивая*). И вѣрили въ непогрѣшительность римскаго права и въ добродѣтель женщинъ...

Болт. (*перебивая*). А ты развѣ потерялъ эту вѣру?

Пан. Въ состоятельность римскаго права?

Болт. Нѣтъ, въ добродѣтель женщинъ?

Пан. Потерялъ, братецъ, вѣру, и въ то, и въ другое... А ты, неужели, вѣришь *симъ* вѣроломнымъ существамъ? (*Указываетъ на Мэри*).

Болт. Я допускаю исключенія...

Пан. Я, такъ, не допускаю, — оно покойнѣе. Заранѣе задаюсь тѣмъ, что женщины — плутовки, обманщицы. Но это не

мѣшаетъ мнѣ ихъ любить, — разумѣется, не всѣхъ, а хорошенькихъ. За то нѣтъ мѣста сомнѣніямъ, и любовь, говоря высокимъ слогомъ, не теряетъ для меня розоваго колорита...

Болт. Такъ ты... эпикуреецъ... по прежнему?

Пан. По прежнему; я, въ этомъ отношеніи, постояненъ.

Болт. Скажи: что наши бывшіе товарищи? Что, напримѣръ, Пандусовъ, — что ходилъ всегда въ спальныхъ сапогахъ, и танцовалъ за даму, на танцъ-классахъ?

Пан. Спился, братецъ; очень ужь сильно налегалъ на шпанку. Онъ точно напророчилъ себѣ смерть. Помнишь, бывало, все поетъ латинскую пѣсню:

«Mihi est propositum
In taberna mori.»

Онъ даже перевелъ эту пѣсню: — голосъ, еще, изъ Лучія, — какъ это? (*Задумывается*) Да! (*беретъ у Мэри гитару*) начиналось такъ: (*Напѣваетъ*)

«Мнѣ судьбой назначено
Кончить жизнь въ трактирѣ...»

И дѣйствительно, братецъ, — по сказанному, какъ по писанному, — кончилъ жизнь у трактирнаго бильярда...

Болт. Жаль!... А что толстякъ Жмуровъ, что такъ неистово надувалъ валторну въ оркестрѣ?...

Пан. Сошелъ съ ума. — Его надула, въ свою очередь, какая-то толстая вдова... Однако, позволь, — разскажи лучше о себѣ, чѣмъ распрашивать о другихъ. А то мнѣ придется давать тебѣ все такіе отвѣты: «пьетъ», — «пьетъ и беретъ взятки», — «пьетъ, беретъ взятки, и обыгрываетъ въ карты». Немногіе, братецъ, уцѣлѣли...

Болт. Уцѣлѣлъ ли ты, по крайней мѣрѣ?

Пан. Я, братецъ, самыхъ строгихъ правилъ. Почти не пью — докторъ не велѣлъ; въ карты не играю вовсе — не умѣю; взятокъ не беру, потому что не даютъ. Моя главная слабость — это женскій полъ... Когда я вижу вотъ такія ножки (*показываетъ на ноги Мэри*), — съ бантиками на концахъ ботинокъ, или край шитой юпки, тогда у меня, вотъ здѣсь, точно что-то порвется (*показываетъ на сердце*). Передъ глазами, какъ у преступника, проходитъ кровавое облако... Я бываю тогда способенъ на всякую глупость...

Болт. Полно шутить... Разскажи серьёзно, что съ тобой происходило, все это время.

Пан. Изволь, изволь!... Ты помнишь,—отецъ мой былъ откупщикомъ. Дѣла его сначала шли хорошо. Онъ и самъ жилъ отлично, и мнѣ давалъ много денегъ... Бывало, цѣлый день рыщешь на лихачѣ!.. Однако, страстишка, въ родѣ этой (*показываетъ на Мэри*), подъ-конецъ разорила моего родителя... Когда онъ умеръ, дѣла его были очень разстроены... Мнѣ пришлось сильно позаняться... Я съ мѣсяцъ просидѣлъ въ четырехъ стѣнахъ, пересмотрѣлъ бумаги и счеты, передалъ откупъ въ другія руки, и теперь переселяюсь сюда, чтобы вести дѣла на биржѣ... Тысячекъ полтораста мнѣ очистилось... Можно жить припѣваючи...

Болт. Чѣмъ же ты будешь заниматься?

Пан. Пущу капиталъ въ оборотъ, а самъ буду наслаждаться... Женщины, женщины—вотъ цѣль моей жизни!

Болт. (*обращаясь къ Мэри*). Ну, а ты какъ поживаешь?

Мэри. Квартира въ бель-этажѣ, на Михайловской площади, карета, пара рысаковъ, соболій салопъ, денегъ—въ волю...

Бол. Недурно. Откуда же такая благодать?

Мэри (*полусерьёзно*). Какъ откуда? Выработываю.

Болт. Знаю, что выработываешь. Но кто же главная-то практика?

Мэри. Баронъ Эйзеншмидтъ, лысый старикашка... Онъ меня очень балуетъ; я его чудо какъ люблю!

Болт. Прекрасно. А этотъ молодой человѣкъ? (*Показываетъ на Паньшина*).

Пан. Видишь ли, въ чемъ дѣло? Баронъ Эйзеншмидтъ даетъ ей общественное положеніе. Онъ — основной фондъ ея благосостоянія. Я только прихоть, — забава...

Болт. (*смотря на Мэри*). Какъ она перемѣнилась... Во время оно,—мы жили рядомъ на чердакѣ у Марьи Михайловны... (*Къ Марьѣ Михайловнѣ*). Помните?

Мар. Мих. (*съ чувствомъ*). Какъ не помнить! Полюбила я тогда васъ, какъ родныхъ!.. Оба были сироты: ни отца, ни матери!.. (*Наливаетъ чай и разноситъ на подносѣ, потомъ садится за столъ у самовара*).

Болт. Бывало, и у меня, и у нея (*показываетъ на Мэри*) странное безденежье. Приходилось подъ-часъ дѣлить цикорный ко-

фей и занимать другъ у друга четвертаки... Чуть ли я тебѣ не остался еще долженъ полтинникъ, — а?

Мэри. А ты мнѣ за-то покупалъ лекарства, когда я была больна. (*Понизивъ голосъ такъ, чтобы Марья Михайловна не могла слышать*). Теперь нечего скрывать: я знала, что ты заложилъ тогда для меня свою цѣпочку...

Болт. Ахъ, да: въ самомъ дѣлѣ. Скажите, какъ это трогательно!.. Такъ ты, хоть и вышла въ знать, а не забыла меня?

Мэри. Никогда не забуду... я знаю, что ты тратился на меня не изъ-интереса...

Болт. Въ самомъ дѣлѣ... наши отношенія были совершенно чисты... Мы жили, какъ братъ и сестра... Мэри, бывало, работаетъ надъ чепцами да платьями; я сижу возлѣ нея за книгой... Вечеромъ, иногда сойдемся у топленной печки, да вмѣстѣ пожалуемся на судьбу... Она все мечтала, какъ бы открыть магазинъ; я—какъ бы сдѣлаться профессоромъ... А вѣдь славное было время! Не такъ ли, Мэри?

Мэри. Чѣмъ славное?

Болт. Какъ чѣмъ? На душѣ было свѣтлѣе,—на сердцѣ легче... Мнѣ тогда вѣрилось, что я добьюсь чего нибудь... А теперь что-то не вѣрится...

Мэри. Ты все такой же, — хандришь да жалуешься... Бывало, выйдутъ деньги, — и повѣситъ носъ; точно, въ самомъ дѣлѣ, бѣда... Нѣтъ, я не въ тебя... Посмотрѣла, посмотрѣла— вижу, шитьемъ много не добудешь,—бросила чепцы, переѣхала къ барону, да и зажила барыней. Что тутъ думать-то!...

Пан. (*гладя Мэри по головѣ*). Молодецъ, молодецъ женщина. (*Къ Болтову*). За-то, посмотри, братецъ, какая атласная ручка, — какіе изящные ногти! Я ужь не вхожу въ подробности... Надо правду сказать, — прелесть дѣвочка!..

Мэри (*къ Болтову*). Пріѣзжай ко мнѣ; съ меня теперь пишутъ портретъ для барона...

Пан. (*съ увлеченіемъ*). Если бы ты видѣлъ, что это за великолѣпіе!.. Венера, братецъ, да и только!... Я хочу заказать себѣ копію... Нѣтъ, знаешь, чѣмъ еще она хороша?.. Занимается своимъ воспитаніемъ, — къ ней ходитъ студентъ, даетъ уроки. (*Къ Мэри*) Да ты ужь не кокетничаешь ли съ своимъ учителемъ,—а? (*Грозитъ пальцемъ*).

Мэри. Вотъ, вздумалъ! Съ этимъ рыжимъ человѣкомъ?.. Что я—не нашла, что ли, лучше-то никого? (*Обращаясь къ Болтову*)

Однако, чѣмъ пустяки толковать, разскажи-ка лучше про себя... Гдѣ ты побывалъ съ тѣхъ поръ, какъ мы вмѣстѣ горе-то тяпали?

Пан. Въ самомъ дѣлѣ!... Мы теряемъ время, а мнѣ еще нужно передать тебѣ кое-что?

Болт. Что такое?...

Пан. Нѣтъ, прежде изволь разсказывать... Мы вѣдь, братецъ, не видались съ тѣхъ поръ, какъ ты вышелъ изъ университета... Помню, какъ блистательно ты выдержалъ экзаменъ. Но за то, какая у тебя была въ ту пору испитая физіономія,—просто умора! Ты тогда чуть совсѣмъ не извелся за работой...

Болт. Да, лѣзъ изъ кожи, и Богъ-знаетъ-для чего!.. Теперь иногда становится досадно...

Пан. (*оглядываясь кругомъ*). Въ самомъ дѣлѣ, «науки», кажется, тебя не очень сытно «питаютъ»!.. Однако, разсказывай, разсказывай, — мы слушаемъ...

Болт. Разсказывать мнѣ много нечего... По окончаніи курса, я тотчасъ поѣхалъ за-границу...

Пан. Это знаю; ты рѣшилъ заниматься политической экономіей?

Болт. Именно... Пробылъ годъ въ Берлинѣ, два года въ Парижѣ. Изъ Парижа ѣздилъ въ Англію... Мнѣ хотѣлось поучиться за-границей, чтобы приложить потомъ свои знанія здѣсь, въ Россіи... Мечталъ выйти въ люди... Потрудился я не мало,—перечиталъ много книгъ; сошелся съ нѣкоторыми экономистами; даже кое-гдѣ пописывалъ въ газетахъ...

Пан. Знаю, знаю. Недавно былъ объ этомъ разговоръ...

Болт. Гдѣ? у кого?

Пан. Послѣ скажу, а ты продолжай...

Болт. Да я почти кончилъ... Я вернулся въ Россію мѣсяца четыре тому назадъ... Хотѣлось поскорѣе пристроиться на службу... Я желалъ дѣятельности практической... Карьера ученая мнѣ казалась слишкомъ замкнутой... Нашлись знакомые, — пристроили меня въ министерство — *на испытаніе*. Вотъ это испытаніе и стало мнѣ поперекъ горла... Дали мнѣ разсматривать одинъ проэктъ; надъ нимъ-то я и вожусь теперь уже двѣ недѣли... Ужасно трудно!.. То есть, не самый предметъ труденъ, а тяжело то, что приходится доказывать пользу такого дѣла, которому не сочувствуешь...

Пан. Что же это за проэктъ?

Болт. Знаешь? Теперь вѣдь всѣ бросаются въ акціонерныя предпріятія!.. Вотъ и нашлись господа—затѣваютъ новую компанію на акціяхъ; хотятъ назвать ее «Громоотводъ.» Цѣль у нихъ, видишь, та, чтобы застраховать акціонеровъ всѣхъ компаній отъ большихъ потерь, уравнять проигрышъ и выигрышъ... Если какое предпріятіе начнетъ падать, они вызываются поддержать его; если слишкомъ зазнается, они собьютъ ему спеси. Они обезпечиваютъ акціонерамъ извѣстный процентъ, и за это берутъ процентъ въ свою пользу... Вотъ главныя основанія проэкта... Оттого происходитъ и самое названіе — «Громоотводъ». Онъ долженъ предупреждать акціонерныя грозы...

Пан. Это, значитъ, почти то же, что «Crédit Mobilier» во Франціи?

Болт. Не совсѣмъ-то; но между ними есть сходство... На мой взглядъ, это сходство, впрочемъ, не въ пользу «Громоотвода»... Про «Crédit Mobilier» кто-то сказалъ, что это — игорный домъ, гдѣ хозяева заглядываютъ въ карты... По моему, и «Громоотводъ» былъ бы въ томъ же родѣ... Онъ сдѣлался бы центромъ биржевой игры, а главное—убилъ бы прочія предпріятія.

Пан. (*шутливо*). Ну, этого, братецъ, я что-то не понимаю... Ты говоришь, что онъ, напротивъ, хочетъ поддерживать другія компаніи?..

Болт. То есть, какъ поддерживать?.. Взять ихъ въ опеку — значитъ, подавить предпріимчивость, развить безпечность, безотвѣтственность, заставить выдавать чрезмѣрные дивиденды, произвольно возвышать и понижать цѣну акцій!.. Вотъ послѣдствія!.. Внѣшность тутъ, правда, прилична; но пораскопай-ка, и увидишь такія прорѣхи, что бѣда!..

Пан. Ты, братецъ, кажется, увлекаешься! Если люди идутъ въ это дѣло, стало быть есть же въ немъ что нибудь путное!..

Болт. Какъ не идти въ дѣло?.. Теперь такое время!.. Затѣй, какой хочешь вздоръ, да распиши позаманчивѣе, такъ всѣ полѣзутъ къ тебѣ, какъ мухи на отраву... (*Послѣ нѣкотораго раздумья*). Хотятъ застраховать цѣлыя предпріятія!.. Вѣдь это, значитъ, поручиться за стихіи, за политическія обстоятельства, за нравственность людей... Каково! Признаюсь, если бы такое страхованіе удавалось, мы жили бы, какъ на Макарійскихъ островахъ... Да, вотъ, пришлось къ слову... Не хочешь ли, я устрою компанію для застрахованія вѣрности женщинъ? Пойдешь ли ты въ долю, — а?

Пан. Ну, нѣтъ, братецъ, извини: это значитъ — проиграть на-вѣрное!.. (*Обращаясь къ Мэри*). Не такъ ли?

Мэри. Ужь и вы хороши! Кто и за вашу братью поручится — чай, двухъ дней не проживетъ!

Мар. Мих. (*къ Мэри*). Машинька! Поди-ка сюда, дружокъ, поговоримъ, пока господа-то заняты дѣломъ... Давно вѣдь мы, мой ангелъ, не видались.

Мэри. Сейчасъ, сейчасъ!.. (*Вставая и обращаясь къ Паньшину*) Не хочу съ тобой сидѣть—ты гадкій! (*Встаетъ и садится возлѣ Марьи Михайловны. Обѣ начинаютъ говорить вполголоса*).

Болт. (*къ Паньшину*). Такъ ты не хочешь поручиться за женщинъ, а готовъ поручиться за стаю торгашей?

Пан. (*вспыливъ*). Что ты толкуешь?.. Между торгашами, братецъ, есть много честнѣйшихъ людей. Если гдѣ еще встрѣчаешь честность да аккуратность, — такъ это именно въ коммерческихъ дѣлахъ...

Болт. Честность и аккуратность! Разумѣется! Но эта честность и эта аккуратность развиты въ торговлѣ на столько, на сколько необходимо для успѣха дѣла. Это не въ силу принципа, а потому, что если начать надувать на каждомъ шагу, такъ тебѣ не повѣрятъ ни на-грошъ.

Пан. Да не все ли тебѣ равно, лишь бы не надували?

Болт. (*съ жаромъ*). Все равно — лично для меня, и когда я имѣю дѣло съ мелочной лавкой. Но далеко не все равно, когда сюда замѣшаются общественные интересы... Что мы видимъ на каждомъ шагу? Человѣкъ былъ честенъ, пока могъ воровать только гривенники, а оставь ему на руки худо-запертый сундукъ, откуда можно утащить сотню тысячъ,—того и гляди, утащитъ, — утащитъ, да еще начнетъ проповѣдывать о честности, да карать другихъ за плутовство.

Пан. Ты ошибаешься, братецъ, право ошибаешься.

Болт. Какъ ошибаюсь?

Пан. (*полусерьёзно*). Да такъ. Я того мнѣнія, что всякій начинаетъ воровать именно съ пятаковъ да гривенниковъ, и если не попадается, то потомъ разомъ хватаетъ сотню тысячъ.

Болт. (*съ усмѣшкой*). Ну, то-то же! Развѣ мы не знаемъ, какъ обкрадываютъ банки за-границей?.. Прислушайся къ толкамъ между торговцами, — не тѣми, что ворочаютъ милліонами и ведутъ только книги (такіе скрытны и не проговариваются),

а съ практиками, что̀ имѣютъ дѣло съ *людьми*, и ты услышишь, что вся ихъ механика основана на взаимномъ надувательствѣ. Нужно только знать, когда надуть и на сколько. Вотъ и весь фортель... Какая же, послѣ этого, гарантія, что такой духъ не войдетъ и въ это дѣло? А тутъ ужь такой просторъ плутовству, какъ нигдѣ...

Пан. (*съ ироніей*). Такъ, значитъ, братецъ, по твоему, нельзя начинать никакихъ дѣлъ? Надо сидѣть, сложа руки, да читать книжки, какъ ты до сихъ поръ?

Болт. (*успокоившись*). Напротивъ, надо дѣйствовать... Я самъ жалѣю, что до сихъ поръ только читалъ книги... Скажу тебѣ искренно: книжныя занятія сдѣлали меня очень непрактичнымъ. Вовсе не умѣю ладить съ людьми... Вотъ, чрезвычайно желалъ бы заняться чѣмъ нибудь полезнымъ, да не знаю, куда пріютиться... Я тебѣ сгоряча разругалъ «Громоотводъ»... Но это мое личное убѣжденіе. Надо потолковать съ практиками... Начальство, кажется, расположено въ пользу проэкта; стало быть, есть же въ немъ что нибудь хорошее.

Пан. Тебѣ, братецъ, какъ я посмотрю, надо начать работать настоящимъ образомъ, да изрѣдка приносить жертвы граціямъ, — какъ кто-то изъ древнихъ совѣтовалъ такому же бирюку, какъ ты... Здѣсь ты совсѣмъ зачерствѣешь, заплеснѣешь... Ну, да противъ всего этого лекарство найдется...

Болт. А что такое? Не хочешь ли ты начать воспитывать меня, какъ Поль-де-Кокъ одного изъ своихъ героевъ, въ обществѣ лоретокъ?

Пан. Боже упаси, — зачѣмъ? Около тебя ихъ сестрѣ, кажется, нечѣмъ поживиться... Нѣтъ, у меня къ тебѣ серьёзное предложеніе...

Болт. А именно?..

Пан. Ты желаешь практической и полезной дѣятельности?..

Болт. Больше всего на свѣтѣ...

Пан. Такъ хочешь быть редакторомъ одного журнала!

Болт. Какого?

Пан. «Биржеваго Вѣстника», что издается Дергачевымъ? Это редакторство было бы по тебѣ...

Болт. (*съ удивленіемъ*). Вотъ неожиданное предложеніе!

Пан. Ну, да полно удивляться... Хочешь, или нѣтъ?

Болт. Какъ не хотѣть; но вотъ что! Вѣдь это журналъ чисто-

практическій?... Я не приготовленъ, чтобы вести его съ достоинствомъ... Да и какъ тебѣ пришло въ голову?...

Пан. Эхъ, какая ты, братецъ, мямля! Коли предлагаютъ, такъ, значитъ, дѣло возможное... Ты слыхалъ о Дергачевѣ?...

Болт. Слыхалъ мелькомъ... Не тотъ ли это Дергачевъ, что былъ въ наше время въ университетѣ?...

Пан. (*перебивая*). И убоялся бездны премудрости?... Именно. Онъ вышелъ изъ перваго курса...

Болт. Чѣмъ же онъ теперь? Неужели издаетъ журналъ?

Пан. А отчего бы и нѣтъ! Теперь только лѣнивый не издаетъ журналовъ...

Болт. Да вѣдь онъ русскую грамоту-то плохо зналъ, сколько мнѣ помнится!

Пан. Экой, братецъ, ты какой! Тебѣ бы журналъ издавать, да еще и грамоту знать! Будетъ съ тебя и одного чего нибудь.

Болт. Нѣтъ, серьёзно, — какъ же это такъ?

Пан. Ну, вотъ, присталъ! Что тебѣ за дѣло, какъ это происходитъ. Принимай *совершившійся фактъ*, какъ говорятъ дипломаты, да и ступай къ Дергачеву въ редакторы.

Болт. Послушай: тутъ есть что-то странное!

Пан. (*съ досадой*). Прошу покорно! Сейчасъ твердилъ, что желаетъ дѣятельности, а теперь, предлагаютъ ему дѣло, — такъ кобенится!

Болт. Я не прочь; но какъ вспомню про Дергачева, такъ сдѣлается смѣшно... Дергачевъ — издатель журнала!.. Просто смѣхъ!.. Ха, ха, ха!..

Пан. Вишь, расходился! Да что ты думаешь про Дергачева? Это, братецъ, человѣкъ замѣчательный. Въ университетѣ онъ *былъ въ черномъ тѣлѣ*; потому и незамѣтно было въ немъ прыти. А теперь поди-ка!... Онъ, видишь, прямо принялся за практику, — оттого ему все и далось... Какъ вышелъ изъ университета, Дергачевъ нашъ сталъ, говорятъ, живиться около какой-то купчихи; скоро у него явился и капиталецъ; тогда онъ пріютился къ старовѣру подрядчику, сталъ, черезъ барынь, доставлять ему поставки въ казну; потомъ принялъ дѣла его на себя; женился на богатой, переѣхалъ въ Петербургъ, перекупилъ журналъ, да теперь такъ ведетъ дѣла, что только карманы отдуваются... Вотъ, оно что — практика-то! А ты, вотъ, съ своими высшими взглядами, только въ кулаки себѣ дуешь!.. Ну, что присмирѣлъ?... Завид-

но стало?... Берись за гужъ. Можетъ статься, и ты въ Дергачева выйдешь!..

Болт. Ты все шутишь! Говори серьёзно.

Пан. Я говорю, братецъ, серьёзно... Видишь ли? у Дергачева скопилось теперь много дѣлъ... Онъ, между прочимъ, затѣваетъ и «Громоотводъ».

Болт. Вотъ какъ! Въ проэктѣ, однако, нѣтъ его фамиліи.

Пан. Все равно... Но потому, что онъ тутъ участвуетъ, я и думаю, что дѣло должно быть не дурно... Да, — такъ я опять о его предложеніи... Дергачевъ — только практикъ... Междутѣмъ ему хотѣлось бы сдѣлать изъ «Биржеваго Вѣстника» серьёзный коммерческій органъ, подпустить туда, знаешь, этакихъ всякихъ воззрѣній и велерѣчія. Статьи твои ему бросились въ носъ. Вотъ, онъ узналъ, какъ-то, что мы съ тобой товарищи, и попросилъ меня передать тебѣ его *предварительное* предложеніе. Оно, конечно, ни къ чему тебя не обязываетъ... Ну, понялъ теперь, какъ это произошло?

Болт. Понялъ, понялъ; но я не знаю, каковы убѣжденія этого Дергачева: буду ли я достаточно независимъ?

Пан. Эхъ, братецъ, какой ты скучный! Носишься съ своими убѣжденіями, точно Богъ-вѣсть, съ какимъ сокровищемъ... Что же? Ты думаешь, только твои убѣжденія и хороши?..

Болт. Вовсе не думаю!... Но какъ же взяться за дѣло, и не знать, къ чему его вести?

Пан. Кто тебѣ говоритъ!.. Повидайся съ Дергачевымъ, — переговори... Сообщи ему свой взглядъ, пойми его. Можетъ быть, *теорія* съ *практикой* на этотъ родъ сойдутся! а?

Болт. Только, вотъ что! Я къ нему не пойду первый. Это значило бы заискивать...

Пан. Прошу покорно, какъ строго себя держитъ! Ай да Болтовъ!.. А кабы ты посмотрѣлъ, братецъ, какъ передъ Дергачевымъ извиваются всякія *особы* обоихъ половъ... Ну, да хорошо, хорошо! Онъ къ тебѣ самъ заѣдетъ... По рукамъ, что ли? (*Протягиваетъ руку).*

Бол. По рукамъ (*хлопаетъ его по рукѣ*).

Пан. (*глубоко вздохнувъ*). На силу-то! какъ гора съ плечь! Замаялъ ты меня совсѣмъ! И не помню, когда я съ кѣмъ такъ возился!... (*Къ Марьѣ Михайловнѣ*) Марья Михайловна, дайте-ка чайку; совсѣмъ въ горлѣ пересохло!..

Мар. Мих. Сейчасъ, сейчасъ! (*Подаетъ чай*).

Пан. (*къ Марьѣ Михайловнѣ*). О чемъ вы, тамъ, съ Мэри-то бесѣдовали?

Мар. Мих. А я ее, признаться, все распрашивала, какое, то есть, у барона насчетъ ея положеніе...

Пан. Ну, что же? Я думаю, богатое положеніе?

Мар. Мих. Да ужь чего! Умирать не надо! Вотъ, я все и говорю, что надо держаться барона. Старичокъ всегда лучше: скорѣе обезпечитъ... Съ вашимъ братомъ свяжись, такъ пропадешь... Право, такъ!..

Пан. Я тоже ей внушаю постоянно... (*Марья Михайловна уходитъ на прежнее мѣсто, и продолжаетъ говорить съ Мэри*). (*Къ Болтову*). Такъ, значитъ, мы о дѣлѣ кончили! Теперь мнѣ нужно дать тебѣ еще кое-какія наставленія... Постарайся, братецъ, сойтись съ Дергачевыми... Жена у него прелюбезная особа, а племянница жены, что живетъ у нихъ, просто, братецъ, прелесть!... Такой лакомый кусочекъ, что какъ смотришь, только слюньки текутъ!.. Эхъ, кабы киса-то у тебя была потолще да нравъ посмѣлѣе, могъ бы ей, этакъ, турусы на колесахъ, да и *законнымъ*...

Болт. Вотъ, нашелъ ей партію! (*Грустно*) У меня даже нѣтъ порядочнаго имени!... Не знаю, кто былъ мой отецъ и мать!... А, кстати, какъ зовутъ Дергачева?

Пан. Иванъ Кондратьичъ. Только ты, смотри, какъ попадешь въ биржевой кружокъ, не вздумай проговориться, что не зналъ Ивана Кондратьича... «Какъ», скажутъ: «вы не знали Ивана Кондратьича? — Ивана Кондратьича не знали?»—просто засмѣютъ тебя. «Что, скажутъ, это за человѣкъ: Ивана Кондратьича не зналъ!» Такъ вотъ каковъ Иванъ Кондратьичъ! А ты давеча вздумалъ надъ нимъ трунить!.. Жена у него Катерина Ивановна, а племянница Ольга Петровна, по фамиліи Мамаева.

Болт. (*съ удивленіемъ*). Мамаева? Ольга Петровна?..

Пан. Ну, да, Мамаева Ольга Петровна. Отчего же ей не быть Мамаевой Ольгой Петровной? Что? не нравится, что ли, фамилія, или имя?

Болт. (*въ раздумьи*). Нѣтъ, ничего...

Пан. У тебя, братецъ ты мой, есть что-то на умѣ; изволь каяться.

Болт. Право, ничего... Можетъ быть, это случайное сходство. Я разъ встрѣтился съ одной Ольгой Мамаевой.

Пан. Какъ, гдѣ? Ужь началъ, такъ разсказывай!

Болт. Да что разсказывать? Можетъ быть, это вовсе не она.

Пан. Нѣтъ, нѣтъ, любезнѣйшій; такъ не отдѣлаешься... Я здѣсь всю ночь просижу, а ужь выжму изъ тебя, что мнѣ надо... Вишь, какой скромникъ!.. (*Къ Мэри*). Мэри, поди-ка сюда, Болтовъ сейчасъ будетъ разсказывать про женщину,—слышишь ли? про женщину!...

Мэри (*подбѣгая къ Болтову*). Ну? слушаю!..

Мар. Мих. (*вслушавшись*). Грѣховодники, право, грѣховодники? (*Машетъ рукой и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, кромѣ Марьи Михайловны.

Пан. (*къ Мэри*). А если онъ начнетъ упрямиться, такъ ты его булавкой; онъ этого ужасно не любитъ.

Мэри (*къ Болтову*). Говори же! А то, вотъ, какъ-разъ запущу! (*Показываетъ на булавку.*)

Болт. Перестань, перестань... Начинаю... Видите ли, годъ тому назадъ, я ѣхалъ изъ Англіи во Францію,—разумѣется, черезъ проливъ...

Пан. Понятно , братецъ, дѣло, что черезъ проливъ.

Болт. Сѣлъ я въ Ньюгавенѣ, а направлялъ путь къ Діэппу... Погода была сначала довольно тихая... На пароходѣ пассажировъ было немного... Въ числѣ ихъ я замѣтилъ и русское семейство.

Пан. По разговору, что ли, узналъ?

Болт. Да, по французскому разговору: русскіе за границей всегда говорятъ по-французски.

Пан. Ты, вѣрно, представился въ качествѣ компатріота?

Болт. Нѣтъ, вовсе не представлялся, потому что было не до того... Море скоро забушевало; пассажиры получили морскую болѣзнь; лица у всѣхъ поблѣднѣли, вытянулись; тутъ ужь было не до любезностей... Русское семейство состояло изъ отца, дочери и компаньонки. Отецъ лежалъ, какъ пластъ, кажется, спалъ; дѣвицы сильно страдали, но сначала были въ памяти... Я тоже чувствовалъ сильный припадокъ... Все разсказывать долго... Дѣло въ томъ, что началась буря, у парохода соскочилъ руль, потомъ испортился винтъ; волны стали заливать

насъ... Тогда спустили шлюпку и начали переносить туда дамъ... Надо сказать, что когда опасность усилилась, я принялся ухаживать за одной изъ дѣвицъ...

Пан. Это и была Ольга Манаева?

Болт. Да; но въ ту минуту я вовсе не зналъ, кто она.

Пан. Почему же ты, братецъ, именно къ ней подрезонился?

Болт. Сначала потому, что она страдала больше, чѣмъ компаньонка, а потомъ тутъ была и другая причина... Ты испыталъ, что такое морская болѣзнь, или видалъ другихъ въ этой болѣзни?

Пан. Нѣтъ, братецъ, Богъ хранилъ; я терпѣть не могу моря; дальше Петергофа не пускался въ плаваніе.

Болт. Дѣло въ томъ, что въ сильномъ припадкѣ иные совершенно теряютъ сознаніе, особенно женщины... Такъ и Ольга Манаева, когда сдѣлалось опасно, была ужь безъ памяти... Металась, бѣдняжка, старалась сорвать съ себя все, что̀ на ней было, такъ-что я разстегнулъ ей корсетъ... Но какъ она была хороша въ эту минуту!... Ахъ, какъ хороша! Я-было совсѣмъ засмотрѣлся.

Пан. *(дрожа отъ восторга)*. Ужь и не говори лучше!... У меня и вчужѣ такъ мурашки по кожѣ забѣгали!... Ужасно люблю хорошенькія плечики!... Ухъ! бррр! прелесть, братецъ,—а?

Мэри *(слегка ударивъ его по щекѣ)*. Вотъ тебѣ, молчи! *(Къ Болтову)* А какой былъ у нея корсетъ?

Болт. Изъ бѣлаго муаръ-антикъ...

Пан. *(къ Мэри)*. Полно, не мѣшай разсказывать. *(Къ Болтову)* Ну, что же далѣе?

Болт. Что далѣе?... Да, надо тебѣ замѣтить, когда я ей растегнулъ корсетъ, я увидалъ у нея на шеѣ медальонъ на цѣпочкѣ — ни дать ни взять, какъ у меня. Это ли, или плечики ея особенно подѣйствовали, только я получилъ къ ней чрезвычайную симпатію...

Пан. *(лукаво)*. Ужь признайся, что плечики болѣе подѣйствовали, чѣмъ медальонъ!

Болт. *(улыбаясь)*. Можетъ быть!.. *(Продолжая)* Намъ приходилось плохо... Всѣ бросались въ шлюпку; я потащилъ и Ольгу, уложилъ ее тамъ, и собирался опять на пароходъ, чтобы перенести компаньонку; но шлюпка переполнилась водой; послышались крики; я сталъ глотать воду; что-то меня сильно ударило, и затѣмъ я не помню, что происходило... Осталось только въ

Мэри. (*взглянувъ на часы*) Не пора ли намъ, Саша? Скоро полночь.

Пан. (*суетливо*). Вѣдь въ самомъ дѣлѣ пора; когда-то еще доѣдемъ... (*къ Болтову*) Такъ прощай, дружище!

Бол. Прощай, — спасибо! (*Цалуются*) Заверни когда и опять!

Пан. (*перебивая*). Смотри же, не пяться назадъ... Не жалѣй кармановъ Дергачева—толсты, вынесутъ. Да не ершись, пожалуйста, своими убѣжденіями; выѣденаго яйца они, братецъ, не стоятъ, убѣжденія-то твои... (*Къ Марьѣ Михайловнѣ*) Прощайте, Марья Михайловна, прощайте, не поминайте лихомъ! (*Цалуетъ ее*). Пора, пора! Мэри, поѣдемъ!

Мэри. Карета на улицѣ?

Пан. На улицѣ, — маршъ!

Мэри (*къ Болтову*). Прощай, медвѣженокъ, — смотри же, не плошай съ своей Ольгой!.. (*Цалуетъ его*) Марья Михайловна, до свиданія, душечка; такъ приходите, непремѣнно приходите!

Мар. Мих. Приду, приду, моя радость; отчего не придти! (*Цалуются*).

Болт. Прощайте, — желаю веселиться!

Пан. Спасибо! До свиданія.

Мэри. До свиданія. (*Паньшинъ и Мэри выходятъ; Болтовъ ихъ провожаетъ; Марья Михайловна свѣтитъ за дверью. Слышенъ голосъ Мэри, которая поетъ: «Что ты грустно глядишь на дорогу!»*)

(*Занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ внутренность кабинета Дергачева. Это большая богато убранная комната, съ каминомъ, въ которомъ тлѣетъ каменный уголь, модною мебелью, бронзой и драпировкой. По серединѣ стоитъ письменный столъ, окруженный этажерками, на которыхъ навалены книги, бумаги, денежные счеты и листики газетъ. У стѣны шкапъ съ книгами, и желѣзный, несгараемый шкапъ для денегъ. Кабинетъ примыкаетъ къ конторѣ, гдѣ, чрезъ растворенную дверь, виденъ прилавокъ съ рѣшеткой, за которою сидятъ прикащики. Къ при-

лавку, то-и-дѣло, подходятъ посѣтители, для заключенія денежныхъ сдѣлокъ. Оттуда слышится, по временамъ, стукъ косточекъ на счетахъ и легкій говоръ. На боковой стѣнѣ кабинета другая дверь, ведущая въ прихожую. — Утро.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дергачевъ и Мюльштейнъ. (Дергачевъ одѣтъ въ изящное бѣлье, съ бриліантовыми запонками на груди и у рукавовъ рубашки, и домашній сюртукъ съ бархатными лацканами. По жилету его распущена широкая золотая цѣпочка отъ часовъ, съ брелоками. Пальцы правой руки его изукрашены перстнями. Онъ куритъ гаванскую сигару, сладострастно упиваясь дымомъ и сбрасывая пепелъ въ красивую пепельницу изъ раковины. Мюльштейнъ одѣтъ неопрятно, хотя также довольно богато. У него дурно приглаженные волосы, довольно грязныя руки, измятые воротнички у рубашки и потертые лакированные сапоги. Онъ куритъ папиросы, которыя свертываетъ самъ изъ турецкаго табаку — куритъ много и жадно, и сбрасывая пепелъ, большею частію, на себя, потомъ неудачно обмахивается грязнымъ платкомъ. Оба продолжаютъ начатый разговоръ).

Мюльшт. Такъ вы, Иванъ Кондратьичъ, полагаете — «Громоотводъ» пойдетъ-съ?

Дерrач. (*съ жаромъ*). Пойдетъ, непремѣнно пойдетъ. Графъ Петръ Ѳедулычъ заинтересованъ тутъ всѣмъ своимъ капиталомъ; баронъ Эйзеншмидтъ на нашей сторонѣ, какъ директоръ въ этомъ дрянномъ «Сѣверномъ Оленѣ;» редактору «Безпристрастнаго наблюдателя» обѣщаны изъ учредительскихъ долей тысяча акцій, по первоначальной цѣнѣ; другія газеты не пикнутъ противъ насъ, потому что не знаютъ въ дѣлѣ толку. Значитъ, главное сдѣлано. Остается заманить Бельмесова, съ его двумя милліонами. Онъ, правда, не смыслитъ въ коммерціи ни бельмеса (*слегка улыбается собственной остротѣ*), да тѣмъ лучше: намъ нужны его денежки, а головъ-то и нашихъ станетъ, чтобы пустить дѣло въ ходъ. За то, онъ, хоть и недалекъ, а проныра такая, что любо-дорого, и тѣмъ хорошъ, что юлитъ передъ знатью и хлопочетъ изъ любви къ искусству... Я имѣю на него серьёзные виды, и надѣюсь его также заманить; — фортель, кажется, найденъ... Что скажете, — а?

Мюльшт. (*усмѣхнувшись и отъ восторга засыпавъ себя пепломъ*).

Славно, славно!.. Да узъ про васъ сто говорить! На сцетъ коммерціи вы...

Дергач. (*перебивая его*). Первый *архитектуръ*—не правда ли? Такъ всегда отзывался обо мнѣ мой наставникъ въ дѣлахъ, Махровъ Петръ Степанычъ Вотъ, напримѣръ,—мужикъ былъ сиволапый, а какое состояніе нажилъ!.. Такъ я опять къ дѣлу-то... Извольте видѣть, какая обстановка... Власти также противъ насъ не пойдутъ. Тутъ у насъ тоже подведены турусы на колесахъ... Капиталецъ составится порядочный. Наклевывается еще одинъ юноша — Паньшинъ; — чай знаете, сынъ откупщика?

Мюльшт. Знаю, знаю, — такой плотный.

Дергач. Вотъ онъ—тоже человѣкъ въ капиталѣ: тысячъ полтораста — побольше. Деньги его почти всѣ у меня. Онъ-то отъ насъ не уйдетъ... Вы, Иванъ Самойлычъ, и говорить нечего,— неизмѣнное копье, а чрезъ васъ Одесса и Таганрогъ, въ случаѣ нужды, поддадутъ намъ пару.

Мюльшт. Это мозно, — теперь телеграфы. .

Дергач. Я съ нашимъ журналомъ, разумѣется, тоже не дремлю. Добылъ себѣ новаго редактора. Вы, какъ участникъ въ изданіи, должны о томъ знать да вѣдать... Давно ужь я собирался вамъ сказать объ этомъ, да хотѣлось выждать, чѣмъ между нами рѣшится.

Мюльшт. Кто зе редакторъ?

Дергач. Болтовъ—молодой малый. Года три, какъ вышелъ изъ университета. Съ тѣхъ поръ жилъ все за-границей и занимался финансовыми науками, да политической экономіей. По наружности вялъ, а перо бойкое... Я еще прежде читалъ его заграничныя письма въ нашихъ газетахъ... Мнѣ давно хотѣлось его заманить къ себѣ... Устроилъ это Паньшинъ. Я черезъ него началъ дѣйствовать.

Мюльшт. (*почесавъ за ухомъ*). Такъ-съ, такъ-съ, Иванъ Кондратьицъ... да вѣдь онъ, знацитъ, изъ уценыхъ?

Дергач. Да, не нынче-завтра будетъ магистромъ.

Мюльшт. Такъ въ дѣлѣ-то, пай, не смыслитъ?...

Дергач. Разумѣется, не смыслитъ. Да это ничего—это даже намъ на руку. Намъ такого надо.

Мюльшт. То есть, какъ зе это-съ?

Дергач. А вотъ, изволите видѣть, какъ! Представилъ я, напримѣръ, нашъ компанейскій проэктъ, да и говорю, кому слѣдуетъ: надъ, молъ, нужно избрать, для разсмотрѣнія, человѣка свѣду-

щаго; тутъ, молъ, дѣло идетъ не о пережиганіи извести, или не о тюлевой фабрикѣ какой нибудь; тутъ, говорю, нуженъ взглядъ пошире, голова попросторнѣе... Поручите, говорю, разсмотрѣніе специіалисту — хоть Болтову, что ли! Этакій человѣкъ, по крайней мѣрѣ оцѣнитъ, пойметъ, чего мы желаемъ, и не испугается дѣла потому, что оно новое»... Начальство выслушало внимательно всѣ мои резоны; слышу я, затѣмъ, что проэктъ у Болтова, и что онъ корпитъ надъ нимъ, сердечный, и день и ночь. А ѣсть-то между тѣмъ ему нечего, — начальство только *обѣщаетъ* мѣсто по службѣ. — «Хорошо, думаю себѣ, проголодайся-ка, голубчикъ, а тамъ мы тебѣ и покажемъ лакомый кусочекъ на удочкѣ». Настраиваю Паньшина, прикидываюсь, разумѣется, блаженнымъ, сердобольнымъ, и прошу его, во что бы то ни стало, добыть мнѣ Болтова, заманить его къ намъ. Паньшинъ ѣдетъ къ нему, и привозитъ отвѣтъ, что Болтовъ согласенъ; только, изволите видѣть, онъ ни за что не сдѣлаетъ перваго шага, а нужно, чтобы я къ нему съѣздилъ самъ. «Тѣмъ лучше, думаю, малый самолюбивъ, — значитъ, алтынничать не станетъ, и если подастся разъ, не отступитъ назадъ». Прекрасно. Выбираю денекъ похолоднѣе, да помрачнѣе: въ такіе дни бѣдняки сговорчивѣе, и ѣду къ Болтову. Указываютъ мнѣ квартиру — чуть не на чердакѣ. Поднимаюсь туда. Въ комнатѣ холодъ смертный. Застаю Болтова за дѣломъ. Закутался, сердечный, въ теплый халатъ, а дрожитъ дрожьмя. Я къ нему; говорю нѣсколько лестныхъ словъ: — «такъ и такъ, молъ, вы человѣкъ незамѣнимый; Россія, молъ, нуждается въ такихъ дѣятеляхъ». Разумѣется, все это развелъ водой, чтобы не казалось приторно... Слово за слово, мы порѣшили. Я ему назначилъ, когда пріѣхать ко мнѣ; хозяйкѣ, что отворяла мнѣ дверь, далъ десять цѣлковыхъ за хлопоты, и такъ дѣло было устроено. Теперь Болтовъ принимается за редакторство. Чай, читали въ «Биржевомъ Вѣстникѣ» вчерашнюю статью его о «Громоотводѣ»... Каково?

Мюльшт. Славно, славно! То есть, какъ слѣдуетъ—для публики. Тутъ все есть этакое... (*Затрудняется докончить фразу и дѣлаетъ жестъ рукой, выражающій выспренній полетъ мысли*).

Дерган. А что какъ же! Иначе нельзя. Нашего брата, разумѣется, не проведешь такой статьей, а публика падка на задушевный тонъ да горячія фразы. Ей подавай и жалобы на прежній застой, и похвалы прогрессу и гласности, и заботы объ об-

щемъ благѣ... (*Улыбаясь*). Да, нынче и откупщики стали радѣть о пользѣ «меньшихъ братій», такъ какъ же намъ-то отстать отъ нихъ?

Мюльшт. (*заливаясь истерическимъ смѣхомъ*). Такъ-съ, такъ-съ. Поневолѣ надо хвалиться. Такъ что зе: заключили формальное условіе съ нимъ, — какъ его?...

Дергачъ. Съ Болтовымъ? Нѣтъ еще — все не рѣшается; говоритъ, что нужно прежде всмотрѣться въ дѣло... Признаюсь, это нѣсколько меня заботитъ. Хотѣлось бы окончательно его запречь... Первый шагъ, правда, сдѣланъ; статья съ его именемъ есть. Затѣмъ заключить бы съ нимъ условіе, заплатить его должишки, да дать ему акцій, которыя идутъ побойчѣе; тогда онъ поневолѣ клюнетъ, а клюнувши разъ, войдетъ во вкусъ, и изъ самолюбія не захочетъ сознаться, что опростоволосился. Вотъ какой у меня планъ... А что онъ всей нашей механики не знаетъ, такъ это тѣмъ лучше. Правда, мнѣ пришлось долго уговаривать его написать первую статью... Ужь какимъ лазаремъ я тутъ передъ нимъ прикинулся, и чего не напѣлъ ему! За то, кажется, онъ мнѣ повѣрилъ,—цифры же, благо, въ мою пользу; теперь его не вдругъ разувѣришь. Практики я нарочно не буду ему открывать... Стану его только по губамъ мазать, а пусть онъ и толку не знаетъ, что̀ такое биржа, да маклера. Я ему такъ и сказалъ: «я, молъ, буду ѣздить на биржу и сообщать вамъ практическія свѣдѣнія, а вы давайте всѣмъ этимъ мелочамъ общее направленіе; влагайте свою душу въ журналъ; поставьте его на достойную ногу». Онъ, кажется, согласился; практика его какъ будто пугаетъ; онъ радехонекъ отъ нея избавиться... Потому-то я и говорилъ вамъ, Иванъ Самойлычъ, что ученый, да не понимающій дѣла — для насъ лучше. Нашъ братъ, практикъ, всякаго встрѣчнаго считаетъ за мошенника; потому насъ и трудно надуть. А эти ученые готовы повѣрить кому угодно. Напой въ уши вотъ этакому барину что нибудь поискуснѣе, такъ онъ, сердечный, и будетъ разыгрывать эту музыку на разные лады....

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и лакей Дергачева. (Лакей, одѣтый въ ливрейный фракъ, короткіе бархатные панталоны и штиблеты, входитъ изъ боковой двери, съ пакетами въ рукѣ, и обращается къ Дергачеву).

Лакей (*подавая пакеты*). Пакеты съ почты.

Дергач. Дай сюда! (*Беретъ пакеты*). (*Лакей уходитъ*).

Мюльшт. (*вставая*). А мнѣ пора, Иванъ Кондратьичъ; къ графу Петру Ѳедулычу надо заѣхать — деньзонокъ дать въ займы. Межъ тѣмъ его настрою...

Дергач. Доброе дѣло — хорошенько его, старикашку!... До свиданья, до свиданія (*Привстаетъ и подаетъ руку Мюльштейну. Мюльштейнъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Дергачевъ, одинъ.

Дергач. (*принимаясь распечатывать полученные пакеты*). Посмотримъ, посмотримъ, что̀ тутъ хорошенькаго? Кажется, все изъ компанейскихъ правленій. (*Пробѣгаетъ одну изъ бумагъ*). Ба, ба, ба! Съ «Бѣломорскимъ пловцомъ» несчастье!... Прошу покорно!... Транспортъ мѣховъ потонулъ!... Вѣдь это, я думаю, на милліонъ убытку... Надо имѣть въ виду, — можетъ пригодиться!.. (*Откладываетъ въ сторону*). А здѣсь, что? (*Вскрываетъ еще пакетъ и пробѣгаетъ бумагу*). Вотъ тебѣ и разъ! У «Сѣвернаго оленя» тоже бѣда! Потонули два парохода со всѣмъ грузомъ... (*Читаетъ*) «Убытокъ простирается, *примѣрно*, до 1,850,000 р.» (*Всторону*). Знаемъ мы это «примѣрно». Это, значитъ, клади, навѣрняка, два милліона съ половиной. Эхъ, какъ одна буря огрѣла двѣ компаніи!... Славно!... Надо, значитъ, сбывать акціи-то... (*Подумавъ*) Объявленія напечатаю завтра... А сегодня можетъ быть удастся сдѣлать хорошее дѣло... Пока припрячемъ!... (*Прячетъ двѣ бумаги въ столъ, и продолжаетъ пересматривать прочія*). Ну, это не важно: общія собранія, выдача дивиденда, дополнительные взносы. (*Всторону*) Это все рутина — тутъ не къ чему приложить способностей... Нѣтъ, а на счетъ «Бѣломорскаго пловца», да «Сѣвернаго оленя», я потѣшусь; не я буду, если не обработаю дѣльца! (*Потираетъ руки*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тотъ же и лакей.

Лакей (*входя изъ двери*). Шестипаловъ пріѣхали; желаютъ переговорить.

Дергач. Проси, проси! (*Лакей уходитъ. — Вестороку*). Вотъ съ этого барина и начну пробу; можетъ быть удастся...

ЯВЛЕНІЕ V.

Дергачевъ и Шестипаловъ.

Шестипал. Здр–аствуйте, пп–очтеннѣйшій Иванъ Кк-ондратьичъ; о–чень радъ съ вами повидаться... повидаться...

Дергач. Честь имѣю кланяться. Неугодно ли присѣсть? (*Подвигаетъ ему кресло*). Какъ вы въ своемъ здоровьи?

Шестипал. Нн–е дурно, скрипимъ, вашими молитвами. Только, какъ сегодня хх–олодно, бб–ѣда! (*Потираетъ руки*).

Дергач. Не хотите ли къ камину?

Шестипал. Нн–ѣтъ, нѣтъ, я тутъ сс–лавно усѣлся... усѣлся...

Дергач. Не прикажете ли сигару, папироску?

Шестипал. Нн-ѣтъ, благодарю: утреннюю сс-игару я уже выкурилъ дома, я курю всего пп–о двѣ въ день... (*Немного задумывается*) А сс-кажите, пожалуйста, кто этотъ господинъ, что вв-ышелъ — этотъ зз-амарашка?...

Дергач. Это Мюльштейнъ, бывшій откупщикъ таганрогскій; теперь онъ занимается дѣлами на здѣшней биржѣ.

Шестипал. Должно быть пп-родувной... продувной!

Дергач. Ужасная каналья!...

Шестипал. То-то, вв-идно по глазамъ. Я на службѣ, знаете, на-мм-етался. Только взгляну на человѣка, сейчасъ вамъ скажу, кк-акого поля ягода... Что же, у васъ съ нимъ дд-ѣла?

Дергач. Къ несчастію, дѣла. Разумѣется, я ему не ввѣряюсь; но онъ богатъ, ворочаетъ милліонами; я часто вынужденъ бываю входить въ общія предпріятія съ нимъ.

Шестипал. (*указывая пальцемъ по направленію къ двери*). Долженъ быть, изъ жж-идовъ... изъ жидовъ?

Дергач. Кажется. Впрочемъ, я думаю, онъ смѣшанной крови.

Шестипал. Непремѣнно изъ жж–идовъ. Я въ мм-олодости долго сс–луживъ въ Бѣлоруссіи, такъ привыкъ отличать эту пп-ороду... (*Барабанитъ пальцами по ручкѣ кресла*).

Дергач. Вотъ одна изъ непріятныхъ сторонъ коммерческой дѣятельности.

Шестипал. (*разсѣянно*). Что тт-акое?

Дергач. (*вкрадчиво*). То, что нужно водиться съ людьми, которыхъ не можемъ уважать... Напримѣръ, я презираю Мюльштейна, а поневолѣ протягиваю ему руку... Государственная служба въ этомъ отношеніи несравненно благороднѣе... Человѣкъ извѣстнаго сана всегда увѣренъ, что товарищи его болѣе или менѣе люди порядочные...

Шестип. (*самодовольно*) Д-да, да, конечно. Ну, и вотъ это что нибудь да зз-начитъ (*показываетъ на свои ордена*), и этого изъ слова не вв-ыкинешь... не выкинешь...

Дергач. Признаюсь, я съ-молоду хотѣлъ начать служить, да обстоятельства помѣшали... Меня утѣшаетъ только то, что теперь Россія нуждается въ людяхъ опытныхъ, въ промышленныхъ дѣлахъ...

Шестип. Именно... Правда, что чч-ины и кресты дѣло хх-орошее, да вотъ что: увлечешься службой, забудешь о сс-себѣ. Не знаемъ иногда, куда съ своими деньгами дд-ѣваться. Вотъ, у меня теперь опять скопилось дд-еньжонокъ, такъ я къ вамъ, пп-очтеннѣйшій Иванъ Кондратьевичъ, за совѣтомъ; пособите, научите уу-му-разуму.

Дергач. (*поспѣшно*) Вы желаете купить?

Шестип. Кк-упить. Да что нибудь по-выгоднѣе,—что нибудь такое, что̀ бы дд-авало, этакъ, процентиковъ десятокъ съ хх-востикомъ (*прищолкиваетъ пальцами*). А, мм-ожно?

Дергач. (*задумываясь—и довольно сухо*). Не знаю, что бы вамъ рекомендовать. .

Шестип. (*льстиво*) Ужь вы, дд-а не знаете! Кто же этому пп-овѣритъ? Первый дока во всемъ Питерѣ, да не съумѣетъ дать добрый сс-овѣтъ! Вишь, что̀ выдумалъ!... (*Принужденно усмѣхается*)

Дергач. А на много ли,—смѣю спросить?

Шестип. (*съ легкимъ замѣшательствомъ*) Да я, тутъ, пп-онаша-рилъ, признаться, и чужихъ деньжонокъ,—у родственниковъ;—такъ, если бы что нибудь хх-орошее представилось, можно бы тысячъ пп-ятьдесятъ пустить... пустить...

Дергач. (*съ большимъ сочувствіемъ*) Кушъ порядочный! Хотѣлось бы присовѣтовать вамъ что нибудь повыгоднѣе. Позвольте сообразить! (*Размышляетъ и чертитъ карандашомъ по листу бумаги. Шестипаловъ все время молчитъ, барабанитъ пальцами по ручкѣ кресла, и тупо смотритъ въ пространство.*)

Дергач. (*выходя изъ раздумья*). Вотъ, что я придумалъ. Вы, вѣрно, слыхали о компаніи «Бѣломорскій пловецъ»?

Шкстип. (*лукаво*) Сс-лыхалъ, а что?

Дергач. Мы только-что получили извѣстіе, что, во время бури на Бѣломъ морѣ, цѣлый транспортъ мѣховъ этой компаніи погибъ. Вотъ оффиціальное свѣдѣніе (*Вынимаетъ изъ ящика стола бумагу, и подаетъ ее Шестипалову; тотъ бросаетъ на бумагу разсѣянный взглядъ*). Шутка сказать: десять тысячъ бобровыхъ шкуръ, пять тысячъ соболей, лисицы до двухъ тысячъ штукъ— и все это кануло въ море! Милліономъ пахнетъ!

Шкстип. (*встревожась и перебивая Дергачева*) Кк-акъ? ми-илліонъ убытку! Ахъ, Создатель мой, да вѣдь у меня есть акціи этой компаніи!—Кк-акъ же теперь быть, какъ быть?

Дергач. (*сдерживая улыбку*) Извините, я не зналъ, что вы акціонеръ этой компаніи; я бы не испугалъ васъ такъ,... не приготовивши; напрасно вы мнѣ не сказали прежде...

Шкстип. (*съ нервическимъ раздраженіемъ и трусостію*) Что ужъ, тутъ, пп-риготовлять, когда деньги изъ кармана пп-адаютъ?... Я не малый рр-ребенокъ!.. Но, какъ же быть-то мнѣ?—пособите, пп-очтеннѣйшій. (*плаксиво*) Не хотѣлось бы терять; все на-жито трудами... трудами. (*Смотритъ на Дергачева съ жаднымъ любопытствомъ*).

Дергач. (*успокоительнымъ тономъ*). Не пугайтесь, не пугайтесь; какъ нибудь пособимъ; только выслушайте меня хладнокровно до конца.

Шкстип. Гг-оворите, гг-оворите!... (*Онъ все время сидитъ, какъ на иголкахъ, и съ трудомъ удерживается отъ возгласовъ и замѣчаній.*)

Дергач. Изволите видѣть, я началъ рѣчь къ тому, что какъ транспортъ съ мѣхами «Бѣломорскаго пловца» потонулъ, то значительный барышъ должна заработать другая такая же компанія — «Сѣверный олень». Эта компанія также занимается звѣриннымъ промысломъ на сѣверныхъ морахъ, и ведетъ дѣла прекрасно... Понятно, что компаніи эти соперницы. Теперь, убытокъ «Бѣломорскаго пловца» дастъ барышъ «Сѣверному оленю», — и барышъ огромный. Если взять въ разсчетъ, что цѣны на пушной товаръ и безъ того сильно возвышались, то надо ожидать, что «Сѣверный олень» въ нынѣшнемъ году, просто, озолотитъ своихъ акціонеровъ... Потому-то я и хотѣлъ посовѣ-

товать вамъ купить побольше акцій «Сѣвернаго оленя». Раскаяваться не будете.

Шестип. (*торопливо*) Съ величайшимъ удовольствіемъ. Но кк-акъ бы развязаться съ «Бѣломорскимъ-то пловцомъ», бб-езъ убытку... безъ убытку?

Дергач. (*хладнокровно и докторально*). Подождите; кончимъ сперва съ «Сѣвернымъ оленемъ», а потомъ дойдетъ очередь и до «Бѣломорскаго пловца». По знакомству съ вами (*Шестипаловъ беретъ руку Дергачева и прижимаетъ къ своему сердцу*)—я доставлю вамъ случай купить акцій «Сѣвернаго оленя» на пятьдесятъ тысячъ, но, разумѣется, съ барышкомъ въ мою пользу...

Шестип. (*умиляясь*). Рр-азумѣется, разумѣется. Какъ же иначе; — кк-то себѣ врагъ... врагъ?

Дергач. (*взявъ со стола листокъ своего журнала и отыскавъ таблицу цѣнъ акцій, водитъ пальцемъ по столбцамъ цифръ*). Вотъ, посмотрите. Первоначальная цѣна акцій «Сѣвернаго оленя» была 125 р.; потомъ премія на нихъ постоянно возростала, и теперь продажная цѣна дошла до 165 р. Когда всѣ узнаютъ объ убыткахъ «Бѣломорскаго пловца», цѣна эта непремѣнно дойдетъ до 180... Я же съ васъ возьму по 170, и доставлю вамъ, по этой цѣнѣ, около 300 акцій. Согласны?

Шестип. Сс-огласенъ, согласенъ, нн-о...

Дергач. (*перебивая*). Постойте. Теперь объ—акціяхъ «Бѣломорскаго пловца». Сколько у васъ ихъ?

Шестип. Пп-ятьсотъ штукъ.

Дергач. Именныя?

Шестип. Нн-ѣтъ, на пп-редъявителя... на предъявителя...

Дергач. Прекрасно! 500 штукъ. (*Задумывется*) По теперешнимъ цѣнамъ (*справлясь съ таблицей*), онѣ стоятъ по 100 р., но непремѣнно упадутъ, по крайней мѣрѣ, на 10 процентовъ, т. е. до 90. Хотите, я продамъ вамъ ихъ по 95-ти?

Шестип. Ахъ, вы бб-лагодѣтель мой! Устройте это въ самомъ дѣлѣ. Кк-акъ не хотѣть? Вы избавите меня отъ большой бб-ѣды... бѣды. Я самъ ихъ купилъ по 96 р.; значитъ, пп-отеряю только пятьсотъ руб. За то, на «Сѣверномъ оленѣ» я вѣдь, пожалуй, пп-олучу по 10 р. на акцію бб-арыша, а на всѣ 300 акцій тт-ри тысячи руб. Не шш-утка, разомъ хватитъ три тт-ысячи... тысячи...

Дергач. Съ вами есть деньги на «Сѣвернаго оленя?»

Шестип. Нн-е деньги, а бб-илеты есть... билеты.

Дергач. Билеты? Какіе? не именные ли?

Шестип. На нн-еизвѣстнаго. Нашему бб-рату, служащему, именные какъ-то нн-ейдутъ. Могутъ возникнуть нн-едоразумѣнія...Я всегда кладу на неизвѣстнаго: чч-ище дѣло по службѣ, да и съ рукъ лучше идутъ... Сс-колько слѣдуетъ?

Дергач. Пятьдесятъ одна тысяча. Достанетъ?

Шестип. Дд-останетъ, Богъ дастъ, съ пп-роцентами...(*Достаетъ изъ кармана толстый бумажникъ, и вынувъ оттуда билеты, начинаетъ считать ихъ, раскладывая по столу.*)

Дергач. Я, пока, напишу для васъ записку (*Садится къ столу и пишетъ*)... Вотъ, готова. Теперь извольте писать вы объ уступкѣ акцій «Бѣломорскаго пловца», а я между тѣмъ сдѣлаю расчетъ по билетамъ. (*Садится за столъ и считаетъ.*)

Шестип. (*пишетъ записку*). Ну, кк-ончилъ, — тт-акъ ли? (*Показываетъ Дергачеву.*)

Дергач. Совершенно... Ятоже кончилъ. Вотъ, ровно пятьдесятъ-одна тысяча. Вамъ сдачи приходится двадцать-пять рублей; извольте получить (*Передаетъ ему деньги*). Теперь обмѣняемтесь записками, и дѣло будетъ въ шляпѣ (*Отдаетъ свою записку Шестипалову и беретъ отъ него его записку, которую, вмѣстѣ съ полученными билетами, запираетъ въ столъ*).

Шестип. Ухъ, какъ гг-ора съ плечъ! Выручилижевы меня, пп-очтеннѣйшій Иванъ Кондратьичъ, — вѣкъ не забуду. Надо же было этимъ пп-роклятымъ шкурамъ утонуть! Совсѣмъ было пп-одъѣли... подъѣли... Ну, да, слава Богу, кажется, вв-ыпутаюсь, благодаря вамъ. (*Взявшись за шляпу*). Прощайте, пп-очтеннѣйшій Иванъ Кондратьичъ, прощайте! Поцалуйте рр-учки у Катерины Ивановны и Ольги Петровны. Прощайте... А кк-огда же акціи-то доставите?

Дергач. Непремѣнно завтра. Мы такихъ дѣлъ не откладываемъ въ долгій ящикъ; а вы «Бѣломорскаго пловца» своего присылайте какъ можно скорѣе,—хоть сейчасъ, напримѣръ.

Шестип. Сс-ейчасъ же пришлю... Вишь, пп-роклятый «Бѣломорскій пловецъ» совсѣмъ было пп-одкузьмилъ... подкузьмилъ... (*Уходитъ. Дергачевъ провожаетъ его до двери.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Дергачевъ, одинъ.

Дергач. Вѣдь, этакая бестія! Скажите пожалуста: въ одинъ годъ наворовалъ пятьдесятъ тысячъ! И хоть бы тутъ что нибудь было (*показываетъ на лобъ*)! Какъ же не проучивать такихъ мошенниковъ! (*Садится къ столу и принимается за дѣла; но дверь снова отворяется; входитъ Хасановъ; Дергачевъ оставляетъ занятія, и идетъ къ нему на встрѣчу, съ вопросительнымъ выраженіемъ на лицѣ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Дергачевъ и Хасановъ.

Хасан. (*подойдя къ Дергачеву*). Честь имѣю рекомендовать себя... Хасановъ — жительствую въ Петербургѣ — родомъ съ Кавказа.

Дергач. (*протягивая ему руку*). Очень пріятно... Садитесь, пожалуйста. (*Подвигаетъ для него кресло*).

Хасан. Благодарю... (*Садится*).

Дерач. Не прикажете ли сигару, папироску?

Хасан. Не курю... Я вамъ лучше скажу-съ: и безъ того здоровьишко плохое, а съ этимъ табачищемъ совсѣмъ бы зачахъ... Я на крыльцѣ тутъ встрѣтилъ Шестипалова; онъ, должно быть, отъ васъ выходилъ?

Дергач. Да, онъ сейчасъ былъ у меня. А вы изволите его знать?

Хасан. Я вамъ лучше скажу-съ: вмѣстѣ подъ розги ходили, однокашники были. Ему повезло. Правда, и я добился до хорошаго чина, да житьишко-то мое, сударь мой, какое-то горькое... У Шестипалова, вонъ, деньжищъ тьма. Чай и къ вамъ, разбойникъ, приходилъ, чтобы купить,—а? (*Дергачевъ улыбается*). Я вамъ лучше скажу-съ: предметшу содержитъ, стырый хрычъ. Нѣтъ, у насъ не наживешь. Съ этой дороговизной да новыми порядками только проживаешься... Что, каково съ акціями?

Дергач. Смотря по свойству предпріятій; вообще обороты

кредитными бумагами тихи. Это, я думаю, отъ бывшаго въ Европѣ денежнаго кризиса.

Хасан. (*съ озлобленіемъ*). А намъ-то какое дѣло до ихъ кризисовъ? Не по міру же, на старости лѣтъ, идти!.. Я къ вамъ, сударь мой, — имя и отчество?...

Дергач. Иванъ Кондратьичъ... впрочемъ, напрасно безпокоитесь...

Хасан. Да, да... Я къ вамъ, Иванъ Кондратьичъ. Нужны деньги: хотѣлось бы продать акціи; нечего дѣлать, — таковскія и были! (*Дѣлаетъ жестъ, какъ будто низвергаетъ что-то въ бездну*).

Дергач. А какія у васъ акціи?

Хасан. «Сѣвернаго оленя», — компанія солидная...

Дергач. (*сухо*). Да, компанія эта пользовалась хорошей репутаціей; но, въ послѣднее время, она понесла значительный убытокъ. Большаго дивиденда въ нынѣшнемъ году ожидать нельзя; я даже думаю, что она вовсе не раздастъ дивиденда. Значитъ, акціи упадутъ, упадутъ непремѣнно.

Хасан. (*тревожно и недовѣрчиво*). Да отчего же это, сударь мой?.. Я вамъ лучше скажу-съ: вчера мнѣ за нихъ предлагали по 165, только не хотѣлось отдавать...

Дергач. Вчера была одна цѣна,—сегодня другая... Напрасно вы не отдали по 165; теперь ужь, пожалуй, не продадите и по 140.

Хасан. Да какой же резонъ-то тому, сударь мой; что же онѣ, за-ночь-то, усохли, что ли, — убыло, что ли, ихъ? (*Принужденно усмѣхается.*)

Дергач. (*взявъ изъ стола бумагу, предъявляетъ ее Хасанову и самъ пробѣгаетъ глазами*). Потрудитесь прочесть; тогда увидите, что предположенія мои довольно основательны.

Хасан. (*надѣвъ очки, читаетъ бумагу, съ запинками и сильнымъ волненіемъ*). «Правленіе Общества Пароходства «Сѣверный олень» считаетъ долгомъ довести до всеобщаго свѣдѣнія, что въ бывшую на Бѣломъ морѣ, въ ночь съ 20 на 21 ноября, сильную бурю, принадлежавшіе обществу пароходы «Рѣзвый» и «Шалунъ» набѣжали на большія массы льда и бывъ заперты льдинами, погибли, вмѣстѣ со всѣмъ грузомъ.» (*Остановившись*). Вотъ тебѣ и разъ! (*Продолжаетъ читать*) «Убытокъ простирается, примѣрно, до 1.850,000 р.» (*Окончивъ чтеніе и обраща-

жсь къ Дергачеву) Я вамъ лучше скажу-съ: вѣдь это, выходитъ, я болванъ, что не отдалъ по 165!

Дергачъ. (*хладнокровно*). Теперь, вы сами убѣдились, что акціи «Сѣвернаго оленя» должны упасть. Шутка сказать — 1.850,000! Это почти четверть всего складочнаго капитала Общества. Если такъ, то акціи упадутъ на 25 процентовъ, т. е., вмѣсто 165, понизятся до 125. Покрайней мѣрѣ, эта послѣдняя цѣна будетъ раціональна; а впрочемъ, нельзя поручиться, что онѣ не упадутъ еще ниже.

Хасан. (*съ ужасомъ*). Такъ, этакъ, на четыреста моихъ акцій?..

Дергач. (*перебивая его*). Вы потеряете болѣе шестнадцати тысячъ.

Хасан. (*съ сильнымъ негодованіемъ*). Я вамъ лучше скажу-съ: это, значитъ, вовсе не надо было связываться съ вашими компаніями... Вы же, сударь мой, въ своемъ журналѣ завѣряли, что «Сѣверный олень» дастъ золотыя горы, — а вотъ теперь и поете матушку рѣпку... Я вамъ лучше скажу-съ: — это, просто, грабежъ!..

Дергач. (*улыбаясь*). Вы напрасно горячитесь. Акціонерныя предпріятія—предпріятія болѣе или менѣе рискованныя. Предвидѣть всѣ случайности никто не въ состояніи; мы, также какъ и всѣ, можемъ разсчитывать только бо̀льшую или меньшую вѣроятность успѣха; все остальное во власти Божіей...

Хасан. (*съ досадой*). Немного я, сударь мой, смыслю во всѣхъ этихъ вѣроятностяхъ... Я вамъ лучше скажу-съ: я люблю дѣйствовать на чистоту. Выгодно дѣло—давай сюда, невыгодно — проваливай. Вотъ какъ мы привыкли, а не то, что:—«и такъ и сякъ, и хочется, и колется — и нашимъ и вашимъ»,—не разберешь!.. (*Вскакиваетъ*) Чортъ знаетъ что такое — шестнадцать тысячъ! Правда, я самъ заплатилъ за эти акціи по 153 рубля, да и тутъ, если онѣ упадутъ до 140, убытку вѣдь на каждую по 13 рублей. а на всѣ больше 5,000.

Дергач. 5,200 рублей.

Хасан. Вонъ! 5,200 рублей! Да гдѣ же я возьму эти 5,200 рублей? Я вамъ лучше скажу-съ:... эти деньги-то казенныя... Я ихъ пустилъ въ оборотъ, — думалъ, что заработаю... Что же, теперь,—меня по головкѣ, что ли, погладятъ — а? Какъ вы полагаете?

Дергач. (*хладнокровно*). Я полагаю, что за растрату казенныхъ денегъ вы пойдете подъ судъ.

Хасан. (*поблѣднѣвъ*). Я вамъ лучше скажу-съ: со всѣмъ буду ошельмованъ. Фу, ты, проклятая жадность! (*Въ отчаяніи беретъ себя за голову*).

Дергач. Зачѣмъ же падать духомъ? Успокойтесь. Поговоримъ хладнокровно. Можетъ быть, есть еще средство помочь бѣдѣ.

Хасан. Какое средство? Говорите, — отпустите душу на покаяніе. — Лишь бы развязаться...

Дергач. Чтобъ выручить васъ, я, пожалуй, куплю ваши акціи по 150. Въ такомъ случаѣ, вы потеряете 1,200 рублей, вмѣсто 5,200. Мнѣ кажется, это разница.

Хасан. Я вамъ лучше скажу-съ: большая разница; только, позвольте, я попробую: не возьметъ ли прежній покупщикъ за 165...

Дергач. Не думаю. Если вы пойдете сейсасъ, это ему покажется страннымъ; онъ не рѣшится на сдѣлку, и подождетъ до завтрашней биржи; а между тѣмъ объявленіе, что вы читали, будетъ разослано. Да къ тому же, никто не поручится, что это извѣстіе не распространилось ужь въ публикѣ другими путями.

Хасан. (*въ раздумьи*). Правда, правда!.. (*Очнувшись*) Я вамъ лучше скажу-съ: тотъ баринъ, просто, ротъ разинетъ. Подумаетъ: «что это? — То ломался, рожу воротилъ, а тутъ вдругъ опять лѣзетъ съ своими акціями». Догадается, что дѣло нечисто... Ну, а какъ же вы-то, сударь мой, ихъ сбудете?..

Дергач. У насъ есть на это фортель... Во-первыхъ, я пріостановлю разсылкку объявленія. Понимаете, я это сдѣлаю для себя. Во-вторыхъ, у меня есть уже въ виду покупщикъ; онъ не откажется отъ сдѣлки... Впрочемъ, я не настаиваю; дѣлайте, какъ знаете. Завтра, когда объявленіе появится въ моей газетѣ, я куплю этихъ акцій дешевле... Подумайте...

Хасан. Я вамъ лучше скажу-съ: «что думай, то хуже»: съ этимъ думаньемъ совсѣмъ въ петлю залѣзешь... Берите, сударь мой, по 150; пропадай кровные 1,200 рублей!..

Дергач. Акціи съ вами?

Хасан. Со мной, со мной! (*Достаетъ изъ кармана свертокъ бумаги, и вынимаетъ оттуда акціи*).

Дергач. (*сдѣлавъ разсчетъ на бумагѣ*). Вамъ слѣдуетъ получить съ меня, за 400 акцій, 60,000; не такъ ли?

Хасан. (*повѣривъ разсчетъ*). Такъ, такъ... (*Всторону*). А вчера-то давали 66,000. Дуракъ я, дуракъ!

Дергач. (*вынувъ изъ желѣзнаго шкафа деньги и сосчитавъ ихъ*). Вотъ шестьдесятъ тысячъ, — извольте пересчитать.

Хасан. (*пересчитавъ*). Вѣрно — шестьдесятъ тысячъ.

Дергач. Мы обыкновенно беремъ записки о каждой денежной сдѣлкѣ. Угодно вамъ будетъ дать?

Хасан. Ну, нѣтъ, ужь избавьте. Я вамъ лучше скажу-съ: и такъ было влопался. А тутъ, вдругъ, будетъ документъ. Начальство узнаетъ. «Откуда, скажетъ, у Хасанова шестьдесятъ тысячъ?» Пойдутъ распросы да разнюхиванья... Нѣтъ, ужь не взыщите... И такъ, много доволенъ, — проучили, вѣкъ не забуду...

Дергач. Какъ знаете... Впрочемъ, я увѣренъ, что вы на меня не въ претензіи. Тутъ — случайность стихійная; предотвратить ее не во власти человѣка... Напротивъ, я желалъ вамъ помочь...

Хасан. Благодарю!.. Что дѣлать?.. Я вамъ лучше скажу-съ: самъ виноватъ, что 6 тысячъ изъ рукъ выпустилъ... Самъ на себя пеняй... (*Со вздохомъ*) Прощайте, сударь мой. (*Помолчавъ*). Только, знаете, на счетъ того-то: сору изъ избы не выносите — на счетъ *казенныхъ*-то суммъ. Не равно узнаютъ,... не хорошо!..

Дергач. (*успокоительнымъ тономъ*). Будьте увѣрены: я никогда не проговариваюсь, — особенно, если болтовня ведетъ, такъ сказать, къ соблазну...

Хасан. Я вамъ лучше скажу-съ: именно къ соблазну. Прощайте, добраго здоровья! (*Пожимаетъ Дергачеву руку и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Дергачевъ, одинъ.

Дергач. (*проводивъ Хасанова до двери, возвращается*). Удачный сегодня денекъ (*Потираетъ руки*). Однако, нужно смекнуть, сколько доставитъ мнѣ этотъ фокусъ. (*Беретъ листокъ бумаги, разсчитываетъ и говоритъ съ растановкой*). Я купилъ у Хасанова 400 акцій «Сѣвернаго оленя» по 150; изъ нихъ 300 акцій продалъ Шестипалову по 170. Значитъ, зарабатано 6,000. Остальныя 100 акцій еще успѣю сбыть къ завтраму, по нынѣш-

ной цѣнѣ, т. е. по 165. Значитъ, еще прибыли 1,500. Затѣмъ, у Шестипалова куплено 500 акцій «Бѣломорскаго ловца» по 95-ти; но я ихъ спущу сегодня по 100. Вотъ еще барышъ въ 2500. И такъ, въ нынѣшнее утро, по случаю какой-то дурацкой бури и по милости двухъ олуховъ, я заработаю 10,000. Сумма кругленькая. Славно, славно!.. Только нужно торопиться, и послать за маклеромъ... (*Звонитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тотъ же, и лакей; потомъ конторщикъ.

Лакей (*входя*). Что прикажете?

Дергач. Позови ко мнѣ главнаго конторщика,—да скорѣе! (*Лакей уходитъ, а вслѣдъ затѣмъ является конторщикъ*).

Конторщ. (*входя и ставъ въ почтительной позѣ*). Изволили присылать...

Дергач. Да. Вотъ, въ чемъ дѣло. Поѣзжайте, сію минуту, къ маклеру и скажите ему, чтобы онъ, на нынѣшней биржѣ и непремѣнно по настоящимъ цѣнамъ, продалъ 100 акцій «Сѣвернаго оленя» и 500 акцій «Бѣломорскаго ловца.» Покупщикъ уже былъ на примѣтѣ—онъ знаетъ... (*Конторщикъ хочетъ уйти*). Постойте... (*Беретъ изъ стола два листка*). Вотъ объявленія отъ правленій обѣихъ компаній; ихъ нужно помѣстить въ завтрашнемъ нумерѣ, но сдайте ихъ въ редакцію не прежде, какъ по закрытіи биржи. Да слышите: никому о томъ ни-гугу. Откладывать далѣе мы не имѣемъ права, но терять не хотѣлось бы... Такъ вотъ все... Живѣе же—къ маклеру.—Чтобы непремѣнно продалъ,—слышите?

Конторщ. Слушаю-съ.

Дергач. А объявленіе придержите до вечера, да не проболтайтесь.

Конторщ. Понимаю, понимаю-съ. Зачѣмъ болтать!

Дергач. Ну, только. Съ Богомъ! (*Конторщикъ посиъшно уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Дергачевъ, одинъ.

Десять тысячъ! Право, очень удачно. Эта буря пришлась

какъ нельзя больше кстати... Нѣтъ, еще нашему брату можно жить... Ну, что, напримѣръ, чиновникъ?.. Положимъ, и онъ возьметъ иногда ловко, да потомъ и дрожитъ дрожкой, чтобы не узнали... А узнаютъ,—неровенъ часъ—отъ службы отставятъ. (*Презрительно*). Да то и называется: *взятка*!.. Самое слово какое-то грязное, антипатичное. У насъ не то. У насъ—*спекуляція*,— умѣнье пользоваться коммерческими обстоятельствами... Есть смѣтка — загребай денежки; пуста голова — самъ на себя пеняй... Вѣдь по совѣсти сказать: что, собственно, предосудительнаго въ нынѣшней моей продѣлкѣ? Положимъ, я позадержалъ объявленія, и они появятся днемъ позже; но что же за бѣда? Они могли запоздать въ пути, отъ какой нибудь вьюги въ Архангельской губерніи; вотъ и все. А что я *объъхалъ* этихъ двухъ господъ, — такъ чортъ же имъ велѣлъ уши-то развѣшивать? На то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ... (*Съ пренебреженіемъ*). Да и жалѣть-то ихъ нечего: одинъ—взяточникъ; грѣетъ руки около подрядовъ; другой спекулируетъ казенными деньгами. (*Съ нѣкоторымъ умиленіемъ*). Нѣтъ, что ни говорятъ, тамъ, разные крикуны, а я приношу моимъ журналомъ пользу обществу; — журналъ мой все-таки лучшій проводникъ гласности. Если я иногда и позволяю себѣ проказы, за то я строгъ къ другимъ: у меня держи ухо востро! (*Съ одушевленіемъ*). Погодите, милостивые государи, теперь я подцѣпилъ новаго редактора. Нужно только его направлять, такъ мы зададимъ вамъ трезвону, — вы станете предо мною изгибаться... (*Со вздохомъ и умиляясь*). Вотъ, только бы провести «Громоотводъ», вабить на немъ цѣну журнальными статейками, а, тамъ, сбылъ себѣ учредительскія акціи, да и въ сторону; — потѣшайся только, когда другіе станутъ вязнуть по горло... Лишь бы это дѣло обработать, тогда можно пуститься и въ благотворительность, начать дѣлать пожертвованія. Тогда можно будетъ громче толковать объ общемъ благѣ; а дѣло извѣстное, что когда твердишь о филантропіи, то и свои дѣлишки какъ-то ходчѣе обрудаются... Вотъ Валерьянъ Алексѣичъ, — откупщикъ, изъ цѣловальниковъ вышелъ, а увѣрялъ же печатно, что взялъ Царевскій откупъ изъ любви къ меньшей братіи, — «чтобы, дескать, рабочій народъ могъ добыть хорошую чарку вина»... Вотъ, какъ надо дѣйствовать!.. Проказникъ, право, Валерьянъ Алексѣичъ! (*Улыбается полуодобрительно-полунасмѣшливо*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Дергачевъ и княгиня Подольская.

Кн. Подольск. (*съ шляпкой и съ муфтой въ рукахъ, входитъ черезъ контору*). Bonjour, M-r Дергачевъ! — Какъ поживаете?

ДерГач. (*нѣсколько пристыженный*). Здравствуйте, княгиня. Вотъ неожиданно обрадовали! Позвольте вашу муфту (*беретъ муфту*); да снимите шляпку, и присядьте къ камину. Я думаю, озябли; — кажется, холодно.

Кн. Подольск. Нѣтъ, cher, куда озябнуть! *Я съ ранняго* утра ужь на ногахъ, и успѣла побывать въ десяти мѣстахъ... Вы знаете, что я еще очень жива... *для моихъ лѣтъ*... (*Садится на подставленное ей кресло, и снимаетъ перчатку.*)

Дергач. (*перебивая*). Полноте вызывать меня на комплименты... Позвольте, лучше, поцаловать вашу ручку! (*Цалуетъ ея руку, съ искуственнымъ увлеченіемъ, и медлитъ ее опустить*). Какая ручка! Кажется, не будь я женатъ, я былъ бы способенъ теперь на чудовищный поступокъ... (*Хочетъ повторить поцалуй*).

Кн. Подольск. (*кокетливо отдергивая руку, но такъ, что Дергачевъ успѣваетъ ее поцѣловать*). Finissez, finissez! Я вовсе не желаю искушать васъ, — перестаньте; иначе, я буду жалѣть, что вошла сюда безъ Катерины Ивановны... (*Съ торжественностію*) Мы съ ней друзья; я вовсе не хочу разстроивать ваше семейное счастіе... Полноте шутить, успокойтесь, и поговоримте о дѣлѣ... Я съ утра въ каретѣ: все хлопочу о жидовочкѣ, которую завтра будутъ крестить... Что это за милое созданье!... Заѣзжала купить для нея крестикъ и ризки, а теперь явилась къ Катеринѣ Ивановнѣ — предложить ей быть *dame patronesse* въ нашемъ благотворительномъ обществѣ... Но мнѣ сказали, что ея нѣтъ дома; вотъ я и пришла сюда...

Дергач. (*перебивая*). Въ какомъ благотворительномъ обществѣ?

Кн. Подольск. А какъ же? У насъ устроивается новое благотворительное общество для пособія швеямъ.

Дергач. Швеямъ? какимъ швеямъ?

Кн. Подольск. Бѣднымъ швеямъ... Давно бы пора за это взяться... Вы вѣдь знаете, въ какомъ моральномъ... (*ищетъ вы-*

раженія) dans quel abrutissement moral находятся эти созданія... Назначеніе нашего общества—поднять ихъ нравственно!... Не-правда ли, прекрасная цѣль?

Дергач. (*сдерживая улыбку*). Прекрасная, прекрасная; но какъ же вы этого добьетесь? Признаюсь, мой слабый умъ остановился бы передъ такой задачей...

Кн. Подольск. Это потому, что вы, мужчины, хотите всегда дѣйствовать умомъ, однимъ только умомъ... Нѣтъ, въ такихъ дѣлахъ нужно участіе сердца,—женскаго, любящаго сердца...

Дергач. Но я все-таки не вижу, какія у васъ средства?...

Кн. Подольск. (*съ неудовольствіемъ*). Какъ не видите?... Да развѣ не довольно женщинѣ за что нибудь взяться, чтобы достигнуть цѣли?.. Мы будемъ посѣщать этихъ швей, бесѣдовать съ ними, возить имъ книги, заказывать поучительныя статьи для нихъ. Тѣмъ, которыя будутъ отличаться нравственностію, будемъ выдавать награды—родъ шифра: съ одной стороны *пчелка*, эмблема трудолюбія, а съ другой надпись: «*за добрую нравственность*». Наконецъ, тѣмъ, которыя на возрастѣ, мы будемъ стараться отыскивать хорошихъ жениховъ... (*Съ торжествующимъ видомъ*) Теперь поняли?..

Дергач. (*показывая видъ совершеннаго участія.*) Дѣятельность очень почтенная и очень занимательная... (*Простодушно*) Скажите, какъ взгляды-то разны!... Въ молодости, т. е. въ ранней молодости, до женитьбы, я часто проводилъ время между гризетками; но мнѣ вѣдь, право, никогда и въ голову не приходило приняться за ихъ нравственное возрожденіе...

Кн. Подольск. (*понявъ насмѣшку и ударивъ Дергачева по рукѣ*). Вотъ вамъ за это, насмѣшникъ! Да ещё пожалуюсь Катеринѣ Ивановнѣ; разскажу ей, какъ ваша супружеская вѣрность держится на волоскѣ!... Однако, полноте шутить... (*Послѣ минутнаго раздумья*) Третьяго дня, я была на балѣ у княгини Красносельской; видѣла тамъ вашу племянницу M-lle Мамаеву. Что это, какъ она мила! Какіе чудные волосы; какой прекрасный ростъ, какъ много граціи въ манерахъ! а талія вотъ, право, не больше! (*дѣлаетъ изъ ладоней рукъ тонкій объемъ*). Ravissante, ravissante! Сколько ей лѣтъ?

Дергач. Ольгѣ?.. Да ужъ 22 года, кажется...

Кн. Подольск. Что же? пора бы замужъ.

Дергач. Будто это такъ легко,—взяла да и вышла?...

Кн. Подольск. Да почему же трудно?... Хороша собой, и состояніе вѣдь, я думаю, недурное?...

Дергач. Состоячіе у нея хорошее. Но, видите, дѣло въ чемъ: тутъ вопросъ довольно сложный. Состояніе Ольги заключается въ капиталѣ; капиталъ этотъ весь у меня въ оборотѣ, вмѣстѣ съ деньгами моей жены и моими собственными... Главные мои обороты состоятъ въ сдѣлкахъ по кредитнымъ бумагамъ. Тутъ деньги приливаютъ и отливаютъ безпрестанно. Сегодня, напримѣръ, за однѣ акціи я выдалъ шестьдесятъ тысячъ и, вѣроятно, сегодня же получу эту сумму назадъ, можетъ быть съ барышемъ. Слѣдить за такими переходами суммъ очень трудно, а реализировать наши капиталы можно только при ликвидаціи всѣхъ моихъ дѣлъ...

Кн. Подольск. Все это, cher, для меня китайская грамота: однако, кажется, я понимаю вашу мысль.

Дергач. Я хочу этимъ сказать, что Ольга не можетъ вдругъ отстать отъ меня, и потрѣбовать свои деньги обратно... Между тѣмъ, держать свой капиталъ безъ оборота, или получать только казенные проценты, было бы ей невыгодно. Ольга привыкла къ комфорту; она не можетъ обойдтись безъ нѣкоторыхъ прихотей... Вотъ что, по моему мнѣнію, можетъ затруднить ея замужество... Женихъ ея, вѣроятно, захочетъ разузнать о ея состояніи, а допустить его къ разсмотрѣнію моихъ книгъ и счетовъ было бы неприлично, даже невозможно. Я говорю съ вами, княгиня, совершенно откровенно и по опыту: Ольгѣ представлялись ужь партіи; но какъ тутъ встрѣчались всегда щекотливые вопросы, то это и не приводило ни къ чему положительному..

Кн. Подольск. Почему же вы думаете, однако, что не найдется человѣкъ, который не станетъ и спрашивать о приданомъ, лишь бы получить руку Ольги?

Дергач. (*грустнымъ тономъ*). Безкорыстные люди нынче рѣдки, княгиня; деньги играютъ теперь такую важную роль, что подъ-часъ, право, становится страшно.

Кн. Подольск. Не отчаявайтесь, — Ольга такъ мила: elle vaut bien son pésant d'or!.. Да, напримѣръ, Бельвесовъ!.. Отчего бы вамъ не пристроить его къ вашей семьѣ?... Откровенно вамъ скажу, онъ неравнодушенъ къ вашей племянницѣ. Charmant jeune homme! можетъ сдѣлать хорошую карьеру, а о состояніи и говорить нечего: два милліона...

Дергач. (*оживляясь*). Мнѣ очень пріятно слышать это, особенно отъ васъ, княгиня. Мы съ Catherine такъ любимъ Ольгу, что всякій знакъ участія къ ней принимаемъ съ особенною благодарностью. (*Съ чувствомъ*) У насъ нѣтъ своихъ дѣтей. Ольга заняла въ нашихъ сердцахъ мѣсто дочери... О Бельмесовѣ я самъ очень хорошаго мнѣнія: это молодой человѣкъ съ душой и сердцемъ.

Кн. Подольск. (*перебивая*). И съ какимъ сердцемъ... un coeur d'or! Я думаю даже, что эта партія была бы выгодна для обѣихъ сторонъ: Бельмесовъ могъ бы вступить въ общія предпріятія съ вами. Тогда, его деньги, ваше умѣнье,—это привело бы къ чему нибудь хорошему.

Дергач. Теперь особенно, когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы поставить на ноги нашъ «Громоотводъ», намъ нужно собрать, какъ можно болѣе капиталовъ... Я разсчитываю, между прочимъ, и на ваши деньги, княгиня...

Кн. Подольск. Ну, мои деньги не могутъ много фигюрировать въ такомъ предпріятіи,—какія нибудь пятьдесятъ, шестьдесятъ тысячъ!...

Дергач. Дѣло не всегда въ цифрахъ. Для насъ важно ваше имя, княгиня, ваши связи, ваше вліяніе на графа Петра Ѳедулыча; для насъ важна симпатія женщины... (*Одушевляясь*) Это придастъ намъ силы окончить трудъ, начатый не изъ личныхъ разсчетовъ, а для пользы общества и государства...

Кн. Подольск. (*съ чувствомъ*). Прекрасно сказано!... Да, въ нашъ эгоистическій вѣкъ такое сознаніе отрадно; не все же жить и хлопотать только для себя!... (*Послѣ минутнаго раздумья*) Кстати, уступите мнѣ акціи «Громоотвода» подешевле. Графъ человѣкъ богатый; съ нимъ вамъ нечего женироваться, а для меня сдѣлайте уступку!.. Слышите? — Я на это разсчитываю...

Дергач. (*поспѣшно*). Разумѣется, княгиня, какъ же иначе! Для васъ я назначу часть изъ учредительской доли и уступлю вамъ по первоначальной цѣнѣ... Служить вамъ—первая потребность моей души... Это дѣло кончено, и, въ задатокъ, позвольте поцаловать вашу ручку.

Кн. Подольск. Требованіе законное! (*Протягиваетъ Дергачеву руку, которую тотъ цалуетъ съ увлеченіемъ. Въ это время, на порогѣ двери, ведущей изъ конторы, показывается Дергачева.*

Она закутана въ шаль; на головѣ у нея шляпа, въ рукахъ муфта. Она, нѣкоторое время, медлитъ войдти въ кабинетъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и Дергачева.

Дергачева (*съ торжественностью*). Браво! Какъ это трогательно! Финансы у ногъ граціи! (*Подбѣгаетъ къ кн. Подольской*). Bonjour, cherè princesse! Здравствуйте! (*Цалуетъ ее, пожимая ей обѣ руки*). Какъ вы милы, что остались; а я только ѣздила сдѣлать нѣсколько визитовъ...

Кн. Подольск. (*поздоровавшись съ Дергачевой, разсматриваетъ ее въ лорнетъ*). Какъ вы разрумянились, мой ангелъ!...

Дергачева (*стараясь казаться серьёзной*). Это отъ ревности, княгиня. Какъ же? Застаю васъ наединѣ съ мужемъ, и вы хотите, чтобы я была равнодушна?

Кн. Подольск. (*указывая на Дергачева*). Да, мы назначили здѣсь другъ другу rendez-vous.

Дергач. (*перебивая и обращаясь къ женѣ*). И если бы ты не вошла, я не отвѣчалъ бы за послѣдствія! (*Всѣ трое смѣются, и дамы снова нѣжно цалуются*).

Дергачева. А гдѣ же Ольга?

Кн. Подольск. Мнѣ сказали, что она дома, въ своей комнатѣ; но я не хотѣла ее тревожить, и прошла сюда...

Дергачева. Надо ее позвать... Она васъ очень любитъ, княгиня... (*Звонитъ въ колокольчикъ. Входитъ лакей. — Обращаясь къ лакею*). Доложи Ольгѣ Петровнѣ, что княгиня здѣсь. Вѣдь Ольга Петровна дома?

Лакей. Дома-съ.

Дергачева. Гдѣ она?

Лакей. Сидятъ, въ диванной, съ господиномъ Болтовымъ, и читаютъ книгу.

Дергачева (*вполголоса*). Вѣчно съ Болтовымъ! (*Громко*) Такъ ступай, доложи. (*Лакей уходитъ.*)

Кн. Подольск. (*обращаясь къ Дергачевой*). А я хотѣла переговорить съ вами, ma cherè, о нашемъ благотворительномъ обществѣ, о нашихъ бѣдныхъ гризеткахъ... (*Отходитъ съ Дергачевой всторону, и говоритъ вполголоса*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же, Ольга и Болтовъ. (Ольга входитъ поспѣшно, и обращается тотчасъ же къ княгинѣ Подольской; Болтовъ слѣдуетъ за нею, въ нѣкоторомъ отдаленіи).

Ольга. Bonjour, princesse... Мнѣ только сейчасъ сказали, что вы здѣсь...

Кн. Подольск. Bonjour, mon ange... Что за церемоніи?... Вы были заняты, я тоже пріѣхала по дѣлу... Вѣдь вы знаете... мою слабость къ вамъ? (*Цалуетъ ее*)... Сейчасъ про васъ говорили съ M-r Дергачевымъ (*съ улыбкой*), и, разумѣется, васъ бранили...

Дергач. (*показывая кн. Подольской на Болтова*). Вы, кажется, не знакомы, княгиня?... Позвольте вамъ представить — Дмитрій Петровичъ Болтовъ — нашъ добрый знакомый и сотрудникъ мужа но «Биржевому Вѣстнику»...

Кн. Подольск. (*къ Болтову*). Очень рада, очень рада... много наслышана. Читала вашу статью о «Громоотводѣ» — съ большимъ удовольствіемъ. Сколько силы, одушевленія!... Правда, предметъ, самъ по себѣ, можетъ внушить симпатію... (*Болтовъ молча кланяется*).

Ольга (*подходя къ Дергачеву*). А я еще не успѣла поздороваться съ тобой, Jean. Здравствуй! (*Протягиваетъ ему руку, которую тотъ цалуетъ*). Впрочемъ, ты не будешь на меня сердиться, когда узнаешь, какъ я провела утро...

Дергачевъ. Какъ? Я думаю, читала?

Ольга. Да, сейчасъ мы читали съ Дмитріемъ Петровичемъ... Но дѣло вотъ въ чемъ... Оказывается, что M-r Болтовъ — мой старый знакомый... Помнишь происшествіе, что случилось со мной и съ покойнымъ отцомъ, когда мы на пароходѣ переѣзжали Ламаншъ?... Я тебѣ и Catherine разсказывала объ этомъ... Молодой человѣкъ, который спасъ мнѣ жизнь, никто иной, какъ M-r Болтовъ... Вотъ онъ, мой избавитель!... (*Дергачевъ хочетъ протянуть обѣ руки Болтову, съ намѣреніемъ благодарить его; но Ольга его останавливаетъ*). Постой, постой... дай кончить... Покуда, это—моя радость, а вотъ подарокъ и для тебя: Дмитрій Петровичъ принимаетъ твое предложеніе насчетъ редакторства, и этимъ ты отчасти обязанъ мнѣ...

Дергач. (*съ восторгомъ*). Возможно ли?... Дмитрій Петровичъ! Ахъ, какъ я радъ! Благодарю васъ, вдвойнѣ благодарю, и за Ольгу, которую мы любимъ какъ дочь, и за то, что вы рѣшились дѣйствовать вмѣстѣ съ нами... Теперь я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ; будемъ стоять за правду; покажемъ людямъ, что истина рано или поздно торжествуетъ... (*Обнимаетъ Болтова*). Какой счастливый день!... (*Къ Ольгѣ*) Merci, Ольга, — теперь я еще больше буду любить тебя...

Кн. Подольск. Что это вы, messieurs, обнимаетесь? Что такое случилось? Позвольте и намъ принять участіе въ вашей радости.

Ольга. Рекомендую вамъ, княгиня (*указывая на Болтова*), моего избавителя. Этотъ молодой человѣкъ спасъ мнѣ жизнь.

Кн. Подольск. Когда? Какимъ образомъ?...

Дергачевъ (*перебивая и подводя Болтова*). Рекомендую вамъ, княгиня, новаго редактора «Биржеваго Вѣстника»...

Дергачева. Какъ? Дмитрій Петровичъ согласился? Очень рада, очень рада! (*Протягиваетъ Болтову руку*).

Дергачевъ (*съ торжественностью*). Да, то, чего я не могъ добиться силою своего краснорѣчія, совершилось, благодаря хорошенькимъ глазкамъ Ольги...

Ольга. Полно, Jean, шутить...

Дергачевъ. Да какъ же? (*Обращаясь къ Болтову*) Не правда ли, Дмитрій Петровичъ? Скажите, положа руку на сердце...

Болт. (*застѣнчиво*). Правда, что...

Дергачевъ (*перебивая*). Ну, вотъ, онъ самъ признается! А вѣдь съ виду какой смиренникъ! (*Обнимаетъ и цалуетъ Болтова*) Ничего, мы сочтемся, не сердитесь; что я васъ вывожу на свѣжую воду!...

Кн. Подольск. Позвольте однакожь, — что все это значитъ?... (*Входитъ лакей*).

Лакей. Кушанье подано.

Дергачевъ. Останьтесь съ нами обѣдать, княгиня; за столомъ мы вамъ все разскажемъ подробно, и съ радости разопьемъ бутылку Vin Royal. (*Лакею*) Подать къ обѣду шампанскаго. (*Лакей уходитъ*).

Кн. Подольск. Merci, но вѣдь я обѣщала...

Ольга. Полноте, княгиня; вы, вѣрно, не откажетесь раздѣлить съ нами нашу радость... (*Не слушая ея возраженій, смѣ-

мать съ нея шляпу). Я предложу тостъ за здоровье моего избавителя!...

Дергачевъ. А я въ честь новой редакціи. Княгиня, вашу руку! (*Беретъ ее подъ руку, и уводитъ изъ комнаты*).

Ольга. А мы, съ Catherine, возьмемъ подъ руки виновника торжества, и заключимъ шествіе! (*Ольга и Дергачева берутъ подъ руки Болтова, и также уходятъ*).

Занавѣсъ опускается.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Въ квартирѣ Дергачевыхъ балъ. Театръ представляетъ боковую залу, отдѣляемую арками отъ залы, въ которой танцуютъ. Изъ бальной залы слышится музыка, и, чрезъ арки, тамъ видны танцующіе. Комнаты освѣщены великолѣпно и уставлены цвѣтами и зеленью. Лакеи, въ бѣлыхъ жилетахъ и галстухахъ, разносятъ конфеты и прохладительныя. По стѣнамъ боковой залы стоятъ легкіе диваны, безъ спинокъ, и табуреты. Впереди сцены, по бокамъ, поставлены два ломберные стола. За однимъ изъ этихъ столовъ сидятъ графъ Петръ Өедулычъ, баронъ Эйзеншмидтъ, Хасановъ и Шестипаловъ; они ведутъ игру, которую прерываютъ разговорами; за другимъ столомъ сидитъ партія молчаливыхъ господъ, внимательно занятыхъ игрою.

ЯВЛЕНІЕ I.

Партіи играющихъ.

Гр. Петръ Өедулычъ (*оставя карты и обращаясь къ барону Эйзеншмидту*). Что ни говорите, баронъ, а это весьма и весьма неприлично... Нужно разбирать дѣла и людей... Предпріятіе наше обставлено великолѣпно... Какъ же позволять метать въ него каменьями?... Возьмите: у насъ—все люди солидные, люди съ вѣсомъ, съ заслугами, а тутъ, вдругъ, какой-то молокососъ печатно увѣряетъ, что мы монополисты, что мы поднимаемся на фокусы и хотимъ надуть публику... Что за тонъ!... Я готовъ держать пари, что авторъ не изъ дворянъ; — это какой нибудь пролетарій!... (*Грозно поводитъ глазами*).

Бар. Эйзеншм. (*мягкимъ голосомъ*). Я его знаю, — автора-то, — знаю... Онъ сынъ сѣдельника... У него славные глаза, точно у матери... Мать была красавица... Я ее помню, — очень помню... Вотъ была женщина!... (*Целуетъ себѣ концы пальцевъ, чмокаетъ и вздыхаетъ*).

Гр. Петръ Өедулычъ. (*съ досадой*). Вы, баронъ, всегда увлекаетесь... Тутъ дѣло не о глазахъ сына и не о прелестяхъ матери... Надо на это смотрѣть съ высшей точки... По моему, авторъ все-таки торгашъ, а статья его — извините меня, messieurs, за выраженіе — напоминаетъ сыромятный ремень, отъ нея пахнетъ дегтемъ... Хэ, хэ! (*Хасановъ и Шестипаловъ подобострастно усмѣхаются*).

Бар. Эйзеншм. (*съ нѣкоторымъ сладострастіемъ*). Я, признаться, не нюхалъ статьи, даже не читалъ ея, — право, не читалъ!... Знаю только, что отъ автора не пахнетъ дегтемъ, а отъ сестры его, которая прелестна (*задыхается отъ восторга*) всегда вѣетъ тончайшимъ es-bouquet... Знаете? — Именно, вѣетъ... (*Дѣлаетъ дуновеніе по воздуху.*)

Гр. Петръ Өедулычъ (*оскорбясь*). Съ вами, баронъ, нельзя вести серьёзнаго разговора!... О чемъ ни заведи рѣчь, вы всегда своротите на кринолиновую юпку... (*Хасановъ и Шестипаловъ стараются смириться и потупляютъ глаза*).

Бар. Эйзеншм. Вы не совсѣмъ справедливы, графъ... не совсѣмъ справедливы... Хорошенькія женщины, особенно этакія полненькія, кругленькія (*описываетъ руками нѣчто сферическое*)— моя слабость, — хи, хи, хи! Когда я вижу, какъ колышется юпка, я чувствую въ себѣ присутствіе чего такого... наркотическаго... Я говорилъ объ этомъ даже съ докторомъ... Знаете, что̀ онъ мнѣ сказалъ?... (*Смотритъ вопросительно на графа Петра Өедулыча, который упорно молчитъ*). Онъ осматривалъ мою голову, и нашелъ, что у меня очень развитъ бугорокъ любви... Стало быть, я невиноватъ: — это ужь врожденное... Но вы не совсѣмъ правы, графъ: я въ отношеніи къ женщинамъ совершенный демократъ... Мнѣ все равно крашенинный сарафанъ или великолѣпнѣйшая кринолина... хи, хи, хи! (*Заливается смѣхомъ*).

Гр. Петръ Өедулычъ (*разгорячившись*). Вы не хотите, баронъ, чтобы я говорилъ?...

Бар. Эйзеншм. Напротивъ, напротивъ, графъ, мнѣ очень пріятно васъ слушать, очень пріятно... Но, видите? Какъ скоро рѣчь коснется хорошенькихъ,—не могу быть хладнокровнымъ...

Что дѣлать? Теперь ужъ поздно отвыкать... хи, хи, хи! Продолжайте, продолжайте, графъ; меня вашъ разговоръ очень интересуетъ; извините только; дайте насмѣяться... Я слабонервенъ; у меня часто истерическій смѣхъ!... Иногда нападаетъ это на меня, когда я бываю наединѣ съ женщиной... Просто, не могу выговорить слова... такая досада... хи, хи, хи! (*Достаетъ изъ кармана успокоительный порошокъ, который тотчасъ же принимаетъ*).

Шестип. (*робко*). А пп-озвольте, ваше сс-іятельство, — о чемъ изволили гг-оворить?

Гр. Петръ Өедулычъ (*иронно*). Я началъ говорить о статьѣ, что появилась на дняхъ въ новой газетѣ «Тиски». Статья эта о нашей компаніи «Громоотводъ»... Газета, кажется, хочетъ составить оппозицію «Биржевому Вѣстнику»; но какъ бы то ни было, эта статья, по моему, неприлична...

Хасан. Я вамъ скажу-съ, — просто ругательная...

Гр. Петръ Өедулычъ (*сухо*). Вы развѣ читали?

Хасан. Нѣтъ-съ, не удалось; — а я только изъ того заключаю, что̀ вы изволили изъяснить...

Гр. Петръ Өедулычъ (*несотря на барона Эйзеншмидта, который, между тѣмъ, пришелъ въ нормальное состояніе*). Статья, по моему мнѣнію, вредная. Господа, пишущіе подобные статьи, — просто алармисты...

Шестип. (*вторя*). Аа-лармисты, аа-лармисты!

Бар. Эйзеншм. (*мягко*). Почему же именно алармисты?

Гр. Петръ Өедулычъ. Я вамъ сейчасъ скажу, если только съ вами не сдѣлается опять истерическаго припадка...

Бар. Эйзеншм. (*спокойно*). Нѣтъ, нѣтъ, — я принялъ порошокъ; теперь не сдѣлается... не сдѣлается...

Гр. Петръ Өедулычъ. Эти писаки задались тѣмъ, чтобы подрывать всякій авторитетъ... Они трубятъ тревогу, задираютъ, оскорбляютъ все, что̀ выше ихъ ничтожества, и воображаютъ, что приносятъ пользу... Между тѣмъ, какъ же безъ авторитета? Я васъ спрашиваю, какъ же безъ авторитета? (*Смотритъ грозно на собесѣдниковъ*).

Хасан. (*подобострастно*. Я вамъ лучше скажу-съ: — просто, невозможно.

Шестип. (*струхнувъ*). Нн-евозможно, — невозможно!

Бар. Эйзеншм. (*кротко*). Это еще не доказател стяо, графъ... не доказательство!..

Гр. Петръ Θедулычъ (*съ горячностью*). Какъ не доказательство! Какихъ же вамъ еще доказательствъ?.. Акцій не выпущено, а на промессы ужъ премія!.. Развѣ это не выражаетъ довѣрія публики?.. И все это дѣло авторитета, потому что публика, между нами сказать, не понимаетъ, чтò такое «Громоотводъ»... И послѣ всего этого, вдругъ люди рѣшаются увѣрять, что проэктъ нашъ, изволите видѣть, — «сусальное золото, которое прикрываетъ сосудъ, наполненный нечистотой»!.. Такое изрѣченіе обращено было къ фарисеямъ; но мы вѣдь не фарисеи, не Мюльштейны какіе нибудь...

Бар. Эйзеншм. А кстати,—говорятъ, Мюльштейнъ хочетъ открыть банкирскій домъ... Не слыхали вы, графъ, ничего объ этомъ, — ничего не слыхали?

Гр. Петръ Θедулычъ. Нѣтъ, ничего. Да что мудренаго? Мюльштейнъ пройдоха порядочный!..

Бар. Эйзеншм. Я слышалъ, что и «Тиски»-то издаются на его деньги...

Гр. Петръ Θедулычъ. Того и гляди: мудренаго нѣтъ... А я все опять на счетъ «Громоотвода»... Теперь вѣдь идетъ рѣчь о томъ, какъ бы выхлопотать нашему предпріятію гарантію отъ казны... А вѣдь хорошо бы, — какъ вы думаете, баронъ?

Бар. Эйзеншм. Такъ, такъ; но вѣдь теоретики не то говорятъ; они говорятъ, что гарантіи—зло... что гарантіи мѣшаютъ успѣху хорошаго предпріятія, и поддерживаютъ предпріятіе дурное... Вотъ чтò теоретики говорятъ...

Гр. Петръ Θедулычъ. Я вамъ дамъ совѣтъ, баронъ:—не слушайте никогда теоретиковъ; это все завистники; они разсуждаютъ такъ съ-голода и отъ зависти; это собаки, что лежатъ на сѣнѣ... (*Улыбаясь и потирая руки*) Нѣтъ, когда я отъ этой гарантіи получу и положу въ шкатулку кругленькую сумму денегъ, меня никакой крикунъ не увѣритъ, что гарантія — зло... Однако, мы совсѣмъ заговорились...

Хасан. Я вамъ лучше скажу-съ: такихъ рѣчей можно совсѣмъ заслушаться...

Гр. Петръ Θедулычъ (*снисходительно*). Такъ, такъ, но кому же сдавать?

Шестип. Бб-арону, барону!

Гр. Петръ Θедулычъ. Такъ не угодно ли, баронъ?

Бар. Эйзеншм. Сейчасъ, сейчасъ;—совсѣмъ было забылъ... (*Сдаетъ карты.*)

Гр. Петръ Ѳедулычъ. А знаете, кого я вчера встрѣтилъ, баронъ,—какъ бы вы думали?

Бар. Эйзеншм. Кого, кого?

Гр. Петръ Ѳедулычъ. Вашу Мэри... Ѣхала по Милліонной... Что за карета, что за сѣрые рысаки—великолѣпіе!.. Сама въ бархатной шубѣ съ соболемъ, щечки, какъ розанчики,- глазки, какъ звѣздочки!.. Дѣлаетъ честь вашему вкусу... За то, каюсь вамъ, я свезъ ей сегодня букетъ изъ бѣлыхъ камелій... хэ, хэ!

Бар. Эйзеншм. (*снисходительно*) Браво, графъ! Да вы опасный соперникъ! Смотрите,—не дошло бы дѣло до дуэли, хи, хи, хи! Правду сказать, Мэри славный ребенокъ. Чудо, какъ тѣшитъ меня... тѣшитъ... Если «Громоотводъ» пойдетъ, возьму акцій на ея долю; надо ее обезпечить... непремѣнно надо...

Гр. Петръ Ѳедулычъ. Вы великодушны и щедры, баронъ, какъ рыцарь... Я не буду жалѣть, если вамъ проиграю, а это, кажется, случится... весьма и весьма случится... (*Перебрасываются картами*).

Бар. Эйзеншм. Что, каково нынче съ акціями, вообще, каково, а?

Шестип. Пп-лохо, плохо-съ! Я нн-едавно продалъ «Бѣломорскаго пловца», съ убыткомъ!.. Да, спасибо, еще Дд-ергачевъ вв-ыручилъ... выручилъ...

Хасан. Я вамъ лучше скажу-съ: я спустилъ «Сѣвернаго оленя», чрезъ Дергачева же, да тоже съ убыткомъ...

Шестип. А я кк-упилъ «Сѣвернаго оленя», да такъ ппр-омахнулся, что бб-ѣда! (*Машетъ рукой.*)

Хасан. У кого купили?

Шестип. Да все у Дд-ергачева же...

Хасан. Такъ это онъ вамъ, видно, мои акціи-то всучилъ!..

Шестип. Нн-езнаю, не знаю!

Хасан. Да какія акціи-то?—воняетъ отъ нихъ водкой?

Шестип. Бб-ѣда, какая вонь,—я все удивлялся!..

Хасан. Такъ это мои; у меня сынишко графинчикъ съ настойкой на нихъ пролилъ; —какъ я ни сушилъ послѣ,—все воняетъ...

Шестип. Вв-оняетъ, воняетъ!..

Бар. Эйзеншм. (*иронически*). Значитъ, Дергачевъ-то вамъ обоимъ услужилъ, обоимъ?..

Хасан. (*съ чувствомъ*). Я вамъ лучше скажу-съ: просто, облагодѣтельствовалъ: безъ него я совсѣмъ бы погибъ съ этими акціями...

Шкстип. (*съ смиреніемъ*). Сс-пасибо ему — помогъ и мнѣ... Только «Сс-ѣверный олень-то» меня очень пи-одъѣлъ!.. Ну, ужь это Бб-ожья воля... Дд-ергачевъ тоже можетъ оо-шибиться.

Хасан. Я вамъ лучше скажу-съ; тутъ никакъ нельзя : какъ вы ни расчитывайте, налетитъ, это, изъ Европы кризисъ, и такъ подкузьмитъ, что терпѣнья нѣтъ... Нѣтъ, нечего говорить: Дергачевъ мужикъ добрый!..

Шкстип. Дд-обрый, добрый!.. (*Графъ Петръ Ѳедулычъ и баронъ Эйгеншмидтъ насмѣшливо переглядываются, и затѣмъ продолжаютъ играть.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, княгиня Подольская и Ольга. (Княгиня Подольская и Ольга, взявшись за руки, выходятъ изъ бальной залы, чтобы освѣжиться. На обѣихъ бальные туалеты. Княгиня Подольская одѣта моложаво, но богато и со вкусомъ; она обмахивается вееромъ. Туалетъ Ольги отличается изысканной простотой; въ рукѣ ея букетъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Обѣ продолжаютъ начатый разговоръ.)

Кн. Подольск. (*съ увлеченіемъ*). Увѣряю васъ, ma cheré, что Бельмесовъ влюбленъ, влюбленъ до безумія... Надо было слышать, какъ онъ восхищался вами... Такъ-то, ma petite, послушайтесь меня,—выходите за него замужъ... Вы, конечно, увѣрены, что я желаю вамъ добра... да и Дергачевы вамъ совѣтуютъ тоже; не такъ ли?

Ольга (*въ смущеніи*). Очень благодарна вамъ, княгиня, за участіе... Catherine и Jean одного мнѣнія съ вами, но, посудите: вѣдь я едва знаю Бельмесова... Правда, онъ кажется уменъ, образованъ; но я не чувствую къ нему ничего особеннаго...

Кн. Подольск. Вы забываете, ma cherè, главное: онъ страшно богатъ!... Вотъ, что значитъ — молодость! Вы все мечтаете о какой-то романической привязанности... Это хорошо въ книгахъ, mon ange, да при всѣхъ другихъ условіяхъ... Деньги теперь много значатъ... Богатый мужъ будетъ исполнять всѣ ваши желанія, всѣ ваши прихоти; вы сдѣлаетесь царицей боль-

шаго свѣта... Тогда, отъ васъ будетъ зависѣть подъ-часъ дать волю вашему воображенію и чувству...

Ольга (*съ замѣшательствомъ*). Полноте, княгиня...

Кн. Подольск. Да, разумѣется, моя прелесть! Вы теперь еще слишкомъ неопытны (*целуетъ ее*), mais il faut absolument passer par-là! Надо смотрѣть на вещи прямо... Вы знаете, что отъ этого замужества зависитъ ваше благосостояніе?... Капиталъ вашъ въ биржевыхъ оборотахъ, а не всякій рѣшится жениться, прежде чѣмъ узнаетъ, что̀ есть у невѣсты...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Бельмесовъ. (Бельмесовъ, войдя въ боковую залу и замѣтивъ Ольгу, торопливо подходитъ къ ней. Изъ бальной залы слышны звуки мазурки.)

Бельм. Ольга Петровна, васъ ищутъ; вы танцуете въ первой парѣ. (*Къ кн. Подольской*) Pardon, princesse!..

Ольга. Какъ же, я помню!.. Сейчасъ, сейчасъ... До свиданія, княгиня... (*Пожимаетъ кн. Подольской руку и уходитъ. Бельмесовъ хочетъ за ней слѣдовать, но кн. Подольская знакомъ заставляетъ его остаться. Бельмесовъ остается, глядя на нее вопросительно*).

Кн. Подольск. (*таинственно показывая на дверь, въ которую вышла Ольга*). Я сейчасъ говорила съ ней о тебѣ... Кажется, можно будетъ сладить... Только смотри, не теряй времени... и главное — никому ни слова...

Бельм. (*вполголоса*). Знаю, знаю... я уже началъ дѣйствовать; положись на меня...

Кн. Подольск. Да не забудь объ условіяхъ... Однако, тебя ждутъ. Ступай,—желаю успѣха!.. (*Бельмесовъ, давъ знакъ, что понялъ, въ чемъ дѣло, уходитъ въ бальную залу. Кн. Подольская подходитъ къ зеркалу, и поправляетъ себѣ прическу. Въ этомъ занятіи застаетъ ее Дергачева.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же (кромѣ Ольги и Бельмесова) и Дергачева.

Дергачева. (*войдя въ боковую залу, и замѣтивъ кн. Подоль-*

скую). Я все искала васъ, княгиня;— хотѣла сообщить вамъ новость...

Кн. Подольск. Что такое, что такое, ma chère, говорите!..

Дергачева. Бельмесовъ сейчасъ, почти формально, предупреждалъ меня, что намѣренъ просить руки Ольги...

Кн. Подольск. Браво! онъ дѣйствуетъ энергически!.. Что же вы ему отвѣчали?

Дергачева. Я ему отвѣчала, что ни я, ни мужъ мой ничего не имѣемъ противъ этого; что, напротивъ, мы сочли бы за особенную честь съ нимъ породниться; но что Ольга не зависитъ отъ насъ и должна сама рѣшить...

Кн. Подольск. Прекрасно, ma chère; вы поступили съ достоинствомъ.

Дергачева. Я думаю, что если онъ обратится къ Ольгѣ, она будетъ такъ благоразумна, что не откажетъ ему, не посовѣтовавшись съ нами, а мы ужь какъ нибудь ее настроимъ... Въ самомъ дѣлѣ, странно было бы отказываться отъ такой блистательной партіи...

Кн. Подольск. У насъ съ ней сейчасъ было маленькое совѣщаніе... Я старалась ее приготовить и расположить въ пользу Бельмесова...

Дергачева. Ну, что же, — успѣли? Я знаю, что Ольга вѣритъ вамъ...

Кн. Подольск. Кажется, я успѣла представить ей Бельмесова въ выгодномъ свѣтѣ... Собственно, противъ него она ничего не имѣетъ... Но, если я не ошибаюсь, тутъ есть препятствіе другаго рода... Скажите, не любитъ ли ужь Ольга кого нибудь?

Дергачева (*нерѣшительно*). Развѣ — Болтовъ?..

Кн. Подольск. Какъ, этотъ рыцарь печальнаго образа? Вотъ странный вкусъ!

Дергачева. По крайней мѣрѣ, они, по цѣлымъ часамъ, говорятъ, читаютъ вмѣстѣ книги, разсуждаютъ, спорятъ и, кажется, очень любятъ проводить время другъ съ другомъ...

Кн. Подольск. Э! коли такъ,—тутъ, значитъ, нѣтъ ничего опаснаго... Повѣрьте моей опытности, ma chère: когда любовники много говорятъ, любовь вылетаетъ вмѣстѣ съ фразами... Настоящая любовь неболтлива...

Дергачева. Тѣмъ лучше... Я знаю только, что Ольга очень хорошаго мнѣнія о Болтовѣ...

Кн. Подольск. Это ничего не значитъ, ma chère: вы можете

быть очень хорошаго мнѣнія о вашемъ домашнемъ учителѣ, о вашемъ дворецкомъ; но отъ этого еще далеко до того, чтобы говорить имъ нѣжности, или вѣшаться къ нимъ на шею...

Дергачева. Что Ольга нравится Болтову, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія... Я признаюсь, даже всегда радовалась этому: такая страстишка можетъ крѣпче привязать Болтова къ намъ, а это очень важно для дѣлъ Jean...

Кн. Подольск. И очень, и очень; потому-то и нужно его ненажировать...

Дергач. Все это такъ... Но, видите, дѣвицы наши вообще чрезвычайно экзальтированы... Мнѣ кажется, и Ольга придаетъ слишкомъ большую цѣну тому, что Болтовъ когда-то спасъ ей жизнь... Скажите сами, княгиня: стоитъ ли это глупѣйшее происшествіе того, чтобы придавать ему такъ много значенія?.. На повѣрку выходитъ, что нашъ герой горячился по-пустому: Ольгу спасли бы и безъ него... Мнѣ кажется даже, что чувство благодарности меня бы только связывало...

Кн. Подольск. Безъ сомнѣнія, ma chère... Потому-то я и думаю, что страстишка эта неопасна... Зачѣмъ же намъ идти противъ этой страстишки? Лучше воспользуемся ею.

Дергачева. Какъ воспользуемся?

Кн. Подольск. По-моему, очень кстати случилось, что Ольгу интересуетъ человѣкъ совсѣмъ изъ другой сферы; ему, конечно, не придетъ въ голову оспоривать ее у Бельмесова... Надо воспользоваться этимъ... Если у Ольги есть настоящая склонность къ Болтову, надо дать понять ей, что замужемъ она будетъ свободнѣе и что отъ нея будетъ зависѣть позволять себѣ кое-какія развлеченія... Впрочемъ, я задерживаю васъ, ma chère; пойдемте въ залу; мы можемъ поговорить и тамъ... (*Разговаривая вполголоса, уходятъ въ бальную залу.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Партіи играющихъ, и потомъ Дергачевъ.

Гр. Петръ Өедулычъ. Ну, вотъ, — не правъ ли я былъ? Вы меня обыграли, баронъ, весьма и весьма обыграли...

Бар. Эйзеншм. Вы, кажется, несчастливо играете, графъ... Должно быть, зато счастливы въ любви, — а? въ любви?.. Хи-хи-хи!

Гр. Петръ Өедулычъ. Въ прежнее время, случалось — бывало — видали виды. Теперь ужь не то! Укатали горку... крутыя сивки... Нѣтъ, какъ эта пословица?..

Хасан. Укатали сивку крутыя горки!

Гр. Петръ Өедулычъ. Да, укатали... сивку... сивку крутыя горки! Хэ, хэ!

Бар. Эйзенштм. Почему же именно укатали?.. Мужчины нашихъ лѣтъ, — солидные, скромные, — очень нравятся моленькимъ дѣвочкамъ, — знаете, дѣвочкамъ, что носятъ коротенькія платьица, только-что перестаютъ играть въ куклы и начинаютъ любить... Я самъ люблю этотъ возрастъ... очень люблю... Букольки, или косы по сторонамъ, — открытая шейка!... Право, славно!... У меня есть много обожательницъ между пансіонерками; всегда ихъ перецалую — въ губки, въ шейку... Славно! Какъ-то на душѣ сдѣлается веселѣе!...

Хасан. *(увлекшись)*. Я вамъ лучше скажу-съ: самое пріятное занятіе-съ женскимъ поломъ. Бывало, какъ стоишь гдѣ нибудь, у чорта на куличкахъ, такъ только и отрады, что съ бабенкой какой нибудь (*Приходитъ въ себя и конфузится*).

Бар. Эйзенштм. На Мэри тоже нельзя пожаловаться: привязанность примѣрная, испытанная привязанность... А ужь какъ она умѣетъ приласкаться да утѣшить, — именно профессоръ!.. Хи-хи-хи! (*Выражаетъ полный восторгъ*). Однако, сочтемтесь!.. (*Дѣлаютъ разсчетъ по игрѣ, расплачиваются и потомъ встаютъ съ своихъ мѣстъ. Дергачевъ подходитъ къ ихъ столу въ половинѣ разговора, и ждетъ окончанія расплаты.*)

Дергач. (*замѣтивъ, что разсчеты кончены*). Вотъ какъ! баронъ вышелъ побѣдителемъ!... А вѣдь, по началу игры, нельзя было ожидать... Извините меня, пожалуйста, messieurs, что я такъ долго не приходилъ васъ провѣдать... Не сочтите это за равнодушіе... (*Всѣ четверо дѣлаютъ успокоительные жесты.*) Дѣло въ томъ, что я цѣлый часъ толковалъ съ чиновникомъ, который привезъ важную новость, касающуюся и васъ...

Гр. Петръ Өедулычъ и бар. Эйзенштм. (*въ одинъ голосъ*). Что? Что такое? — Говорите, говорите!

Дергач. Представьте! Въ высшихъ сферахъ не соглашаются обезпечить «Громоотводъ» гарантіей отъ казны; говорятъ, что гарантировать такое предпріятіе невыгодно, неудобно...

Гр. Петръ Өедулычъ (*глубокомысленно*). А вѣдь пожалуй, что такъ!.. Вопросъ о гарантіяхъ, вообще, вопросъ спорный... Я,

[illegible]жется, выразилъ это мнѣніе не далѣе, какъ полчаса тому назадъ...

Бар. Эйзенш. (*съ лукавой улыбкой*). Мнѣ кажется, напротивъ, графъ: вы говорили именно въ пользу гарантій... въ пользу гарантій говорили...

Гр. Петръ Өедулычъ. Я говорилъ? Когда же, когда? (*Обращаясь къ Шестипалову*) Развѣ я говорилъ въ этомъ смыслѣ?

Шестип. (*робко*). Не-ѣтъ!.. ва-аше сс-іятельство говорили только насчетъ шш-катулки, шкатулки...

Гр. Петръ Өедулычъ (*смягчаясь*). Да, насчетъ шкатулки... Но тутъ дѣло—не въ шкатулкѣ: тутъ государственный вопросъ, который я, признаюсь, не рѣшился бы поддерживать...

Бар. Эйзеншм. Однако, вы сейчасъ его поддерживали, графъ, сейчасъ поддерживали! Хи-хи-хи! (*Къ Хасанову*) Не правда ли, не правда ли?

Хасан. (*торопливо*). Я вамъ лучше скажу-съ: у меня что-то уши заложило; не дослышалъ-съ!..

Бар. Эйзеншм. Да, вы не дослышали!.. А я такъ очень хорошо дослышалъ, какъ графъ доказывалъ пользу гарантій, доказывалъ... Хи-хи-хи!

Гр. Петръ Өедулычъ (*примирительнымъ тономъ*). Значитъ, вы меня не поняли, баронъ... Я старался отыскать въ этомъ началѣ нѣкоторыя благопріятныя стороны, пока можно было предполагать, что... что мѣра эта полезна... Теперь же, когда очевидно, что она безполезна, даже вредна,—мнѣ кажется, долгъ каждаго изъ насъ усвоить себѣ такой взглядъ... (*Съ достоинствомъ*) Государственная мудрость въ томъ и состоитъ, чтобы приноравливаться къ обстоятельствамъ...

Бар. Эйзенш. (*полушутливо*). Положимъ, это высшій государственный взглядъ, высшій взглядъ... хи-хи-хи! (*Обращаясь къ Дергачеву*) А что скажетъ намъ коммерческая мудрость? *Вы* какого мнѣнія объ этомъ, Иванъ Кондратьичъ? — Какого *вы* мнѣнія?..

Дергач. Не скрою отъ васъ, messieurs, что гарантія отъ казны придала бы нашему предпріятію большой вѣсъ... Удайся намъ это, мы разыграли бы на такую тему цѣлую симфонію... Но неудача не должна лишать насъ бодрости... Все дѣло — въ пріемахъ... Теперь, когда извѣстно, что гарантія не состоится, мы должны и въ литературѣ, и въ обществѣ проводить ту мысль, что всякая гарантія вредитъ успѣху, поселяетъ недовѣріе

къ разумности и состоятельности предпріятія... Все дѣло — въ пріемахъ!..

Гр. Петръ Өедулычъ (*съ важностію*). Весьма и весьма,— все дѣло въ пріемахъ!

Бар. Эйзеншм. Хи-хи-хи! Именно, въ пріемахъ!

Дергач. Теперь мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ, чего держаться... Теперь мы не можемъ разсчитывать на гарантію... Сужденія наши объ этомъ предметѣ должны теперь, какъ мнѣ кажется, опредѣляться слѣдующими главными положеніями... (*Обращаясь къ своимъ собесѣдникамъ*) Вы позволите мнѣ, messieurs, произвести родъ спича, чтобы показать вамъ мой взглядъ на дѣло?

Гр. Петръ Өедулычъ. Весьма и весьма, — говорите!..

Бар. Эйзенши. Это, именно, необходимо... Хи, хи, хи!

Дергач. (*докторальнымъ тономъ и съ разстановками*) Положенія мои слѣдующія:

Первое.—Задумавъ предпріятіе, мы считали его состоятельнымъ и выгоднымъ, и потому оно, собственно говоря, не нуждалось въ гарантіи;

Второе. — Считая предпріятіе выгоднымъ, мы, по чувству патріотизма и въ видахъ государственной пользы, находили неприличнымъ присвоить исключительное пользованіе ожидаемыми выгодами самимъ себѣ, или имѣющему образоваться обществу, а поставили своимъ долгомъ допустить къ участію въ дѣлѣ и казну;

Третье. — Узнавъ теперь, что участіе казны и правительственная гарантія неосуществимы, мы освобождаемъ себя отъ всякихъ обязательствъ, внушаемыхъ чувствомъ патріотизма. За то, тѣмъ съ большимъ правомъ и большими надеждами на успѣхъ, принимаемся за дѣло, для личной нашей пользы и для пользы того общества, которое намѣрены составить... (*Перемѣнивъ тонъ*). Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, та программа, которой, какъ мнѣ кажется, мы должны теперь слѣдовать... Впрочемъ, если она несогласна съ вашими убѣжденіями, заявите мнѣ ихъ; я не остановлюсь передъ уступками...

Гр. Петръ Өедулычъ. Вы весьма и весьма разъяснили дѣло... Мнѣ самому не разъ приходили въ голову подобныя же мысли... Но не дурно было бы, если бы вы дали намъ, для памяти, записочки о томъ, что сейчасъ говорили... (*Къ барону Эйзеншмидту*). Какъ вы находите наше мнѣніе, баронъ?

Бар. Эйзеншм. (*съ легкой ироніей*). Непогрѣшительнымъ, графъ; именно, не къ чему придраться, хи, хи, хи! (*Къ Дергачеву*) Однако, все это еще только фразы, фразы!... Скажите, Иванъ Кондратьичъ, что намъ дѣлать, какъ именно дѣйствовать, какъ дѣйствовать?...

Дергач. На дняхъ, уставъ «Громоотвода» утвердится... Мы напечатаемъ, по этому поводу, въ «Биржевомъ Вѣстникѣ» великолѣпную статью; поразимъ тамъ теорію гарантій въ самое сердце; распишемъ предпріятіе въ обольстительныхъ краскахъ; пустимъ слухъ, что акціи будутъ доставаться съ трудомъ и не иначе, какъ по протекціи, и затѣмъ уже объявимъ подписку; но съ такими формальностями, чтобы казалось, что мы не прочь сами захватить всѣ акціи... Это произведетъ надлежащій эффектъ; публика бросится на нашъ «Громоотводъ» съ азартомъ...

Гр. Петръ Өедулычъ. Весьма и весьма... Такъ и должно дѣйствовать... Я такъ и думалъ... Только вы намъ записочку-то...

Дергач. Очень хорошо-съ... Впрочемъ, мы пятеро, какъ участники предпріятія, можемъ переговорить объ этомъ подробнѣе за ужиномъ. Сядемте за однимъ столомъ, а теперь не угодно ли въ залу — посмотрѣть на молодежь?...

Гр. Петръ Өедулычъ, бар. Эйзеншм., Хасан. и Шестипал. (*вмѣстѣ*). Весьма и весьма! Именно, именно! Очень радъ-съ... Пп-ойдемте! (*Идутъ по направленію къ бальной залѣ*).

Гр. Петръ Өедулычъ (*уходя*). Я всегда говорилъ, что въ такихъ случаяхъ все дѣло въ пріемахъ, въ однихъ только пріемахъ... (*Уходятъ. — Господа, составлявшіе другую партію, также встаютъ съ мѣстъ, и отправляются въ большую залу*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Ольга и Болтовъ. (Ольга и Болтовъ входятъ вмѣстѣ, и осматриваются кругомъ, желая убѣдиться, что они одни).

Ольга (*въ сильномъ волненіи*). Наконецъ-то мы наединѣ!... Мнѣ нужно объясниться съ вами, Болтовъ... Помогите мнѣ, если у меня не достанетъ хладнокровія...

Болт. (*тревожно*). Вы пугаете меня, Ольга Петровна!... Что случилось?

Ольга (*собираясь съ духомъ*). Буду говорить прямо... Бельмесовъ проситъ руки моей... Что вы на это скажете?

Болт. (*уныло*). Что сказать вамъ?... Скажу, что Бельмесовъ счастливецъ... Онъ считаетъ себя въ правѣ стать рядомъ съ вами!... Боже мой! Чего бы я не далъ за это право!... (*Вполголоса*) Вотъ, когда чувствуешь всю тягость бѣдности и зависимости! (*Закрываетъ лицо руками*).

Ольга (*протягивая ему руку*). Вы любите меня, Болтовъ; — я это знаю... хоть вы никогда не говорили мнѣ о любви.

Болт. (*прижимая ея руку къ губамъ*). Да, Ольга Петровна, — я люблю васъ... Я не смѣлъ признаться вамъ до сихъ поръ, потому... потому, что ничто не давало мнѣ на это права. Я хотѣлъ трудиться, мечталъ сдѣлаться извѣстнымъ, занять въ обществѣ положеніе достойное васъ... Но все это были мечты; теперь дѣло кончено...

Ольга (*съ состраданіемъ*). Я пришла къ вамъ за совѣтомъ; я такъ вамъ обязана, что сочла это своимъ долгомъ... Но будьте же тверды... Я сама не знаю, на что рѣшиться...

Болт. Какой совѣтъ могу я вамъ дать?... Могу ли я быть безпристрастнымъ?... Если бы вы не были мнѣ такъ близки, такъ дороги, — я сказалъ бы, что Бельмесовъ — прекрасная партія; теперь, я скажу, что онъ васъ не стоитъ, — не стоитъ, несмотря на его богатство и блестящую карьеру.

Ольга (*ласково*). Ахъ, Болтовъ, вы преувеличиваете мои достоинства...

Болт. Но чѣмъ же я виноватъ, что я не могу смотрѣть на васъ иначе?... До сихъ поръ, каждое слово, каждое движеніе ваше меня восхищало... Что бы вы ни говорили, что бы вы ни дѣлали, все мнѣ нравилось безусловно; я любилъ васъ, со всѣми вашими достоинствами и недостатками... Мнѣ кажется даже, что недостатки ваши мнѣ были милѣе достоинствъ... Достоинства ваши цѣнили и другіе, недостатки ваши я скрывалъ для себя, чтобы любоваться ими втихомолку... Какого же безпристрастія вы отъ меня требуете?...

Ольга (*съ усиліемъ*). Перестаньте, Болтовъ, вы увлекаетесь!...

Болт. (*послѣ нѣкотораго раздумья*). Да и въ чемъ же тутъ вопросъ?... (*Рѣшительно*) Вы любите Бельмесова?

Ольга. Я едва его знаю...

Болт. Любите кого нибудь другаго?

Ольга (*тоскливо*). Къ чему теперь признанія?... Обстоятельства таковы, что мнѣ нельзя слушаться сердца... Вѣдь вы не признавались же до сихъ поръ, что любите меня... Я почти въ такомъ же положеніи...

Болт. (*строго*). Такъ вы рѣшаетесь пожертвовать истиннымъ чувствомъ,—чему?—свѣтскому положенію, мишурному блеску?.. Берегитесь, Ольга Петровна... Это—святотатство... Вы за него отвѣтите передъ Богомъ...

Ольга. Пощадите меня, Болтовъ... я и безъ того въ отчаяніи...

Болт. Я теперь ужь не говорю о себѣ... Моя судьба рѣшена; о ней не стоитъ заботиться... Но я считаю долгомъ сказать слово о васъ... Признайтесь, истинно ли вы любите?...

Ольга. Кого?...

Болт. Я не смѣю спрашивать... Пусть это останется тайной... Но, вотъ, на что я *требую* отвѣта; слышите? *требую:* любите ли вы истинно?... Ваша натура такова, что въ ней не должно быть фальшивыхъ струнъ... Любите или не любите?... (*Тревожно ожидаетъ отвѣта*).

Ольга (*съ усиліемъ и закрывъ лицо руками*). Не люблю... То есть, не люблю на столько, чтобы всѣмъ пожертвовать для любви!

Болт. (*грустно*). Я такъ и понялъ васъ... Любовь, не способная на самопожертвованіе, не есть любовь... (*Торопливо*) Въ такомъ случаѣ, выходите за Бельмесова: вотъ вамъ послѣднее слово!... (*Опускаетъ голову*).

Ольга (*взявъ его за руку*). Вы не повѣрите, Болтовъ, какъ мнѣ тяжело это призананіе... Вы будете осуждать, презирать, можетъ быть ненавидѣть меня?..

Болт. (*страстно*). Я буду молиться за васъ, Ольга, буду молиться о вашемъ счастіи... Съ этихъ поръ, у меня нѣтъ другаго интереса въ жизни...

Ольга (*съ чувствомъ*). Простите меня, Болтовъ... Ваше великодушіе только сильнѣе убѣждаетъ меня, что я преступница!...

Болт. (*съ горечью*). Отчего же: преступница? Вы слишкомъ строги къ себѣ... Счастіе самолюбиво... Самопожертвованіе не всякому по плечу... Лучше не браться за то, что̀ превышаетъ наши силы...

Ольга. Такъ; но выслушйте меня... Мнѣ хотѣлось сколько нибудь оправдаться предъ вами...

Болт. Говорите, Ольга Петровна; готовъ слушать васъ, но заранѣе оправдываю... (*Съ увлеченіемъ*) У меня нѣтъ ни силъ, ни умѣнья обвинить васъ въ чемъ бы то ни было!..

Ольга (*въ раздумьи и съ разстановкой*). Я, въ самомъ дѣлѣ, упала нравственно... Я ужь теперь не та, какою была годъ назадъ... Тогда я съумѣла бы найти счастіе и въ скромной долѣ...

Болт. (*перебивая*). А теперь, вы представляете себѣ счастье на раззолоченномъ пьедесталѣ?.. Смотрите, не ошибитесь!...

Ольга (*продолжая*). Послушайте... Годъ тому назадъ, едва мы возвратились изъ-за-границы, какъ отецъ мой умеръ... Мать моя скончалась еще прежде... Я осталась совершенно одна... Состояніе мое заключалось въ капиталѣ, съ которымъ я не знала, что̀ дѣлать... Мы жили въ Курскѣ... Скоро тетка моя, Дергачева, пріѣхала за мной, и взяла меня съ собой въ Петербургъ... У Дергачевыхъ собиралось большое общество... Общество это мнѣ, правда, не нравилось... Тамъ говорили постоянно о томъ, какъ наживать деньги и добиваться чиновъ и орденовъ... Сначала мнѣ было душно, тяжело; но я скоро привыкла... Удовольствія и выѣзды меня очень занимали... Дамы и кавалеры за мной ухаживали; на балахъ я играла первую роль; мнѣ писали стихи, посвящали музыкальныя пьесы, портретъ мой былъ ужь въ академіи... Однимъ словомъ, я вошла въ моду... Я знала, что многое дѣлается изъ видовъ на протекцію Jean; но все это меня тѣшило... Я сдѣлалась тщеславна, привыкла къ роскоши, и стала считать бѣдность самымъ ужаснымъ несчастіемъ...

Болт. (*съ горечью*). Вы были правы, Ольга Петровна: бѣдность—страшное несчастіе... Не дай Богъ испытать это на дѣлѣ!...

Ольга (*продолжая*). Встрѣча съ вами живо напомнила мнѣ прошлое... Прежнее время какъ будто снова пронеслось передо мной... Когда я васъ слушала, мнѣ казалось, что говоритъ мой отецъ... Ваши мнѣнія такъ близко подходили къ его чистымъ, благороднымъ убѣжденіямъ!.. Мнѣ кажется, даже голосъ вашъ напоминаетъ мнѣ отца. Вы подѣйствовали на меня благодѣтельно... Но свѣтлыя минуты проходили; я снова чувствовала, что принадлежу къ обществу, гдѣ деньги ставятся выше всего... Я многимъ обязана вамъ, Болтовъ; никогда не забуду, что̀ вы для

меня сдѣлали; навсегда сохраню къ вамъ самую нѣжную дружбу... (*Протягиваетъ ему руку*).

Болт. (*грустнымъ тономъ*). Дружбу!.. Какой тяжелый урокъ!..

Ольга (*перебивая*). Дружбу, Болтовъ, — не смѣю иначе назвать это чувство... Выслушайте, и поймите меня... Я, можетъ быть, скажу жосткое слово, но уваженіе къ вамъ обязываетъ меня говорить правду...

Болт. (*торопливо*). Говорите, говорите!..

Ольга. У васъ прекрасныя правила; вы добры, великодушны... Но вамъ не достаетъ силы воли; ваши убѣжденія чисты, но не тверды... Въ васъ нѣтъ энергіи, предпріимчивости; характеръ вашъ слишкомъ легко подчиняется... Вспомните, какъ вы принялись за вашу теперешнюю обязанность!.. Вы написали первую статью о «Громоотводѣ», когда еще не знали, каково это предпріятіе... Взялись за редакторство потому, что я подвернулась тутъ съ любезнымъ словомъ... И теперь, вы не убѣжены, что вашъ трудъ чистъ и полезенъ.,. а между тѣмъ вы не оставляете его, и продолжаете работать... Развѣ такъ долженъ поступать человѣкъ, который серьёзно смотритъ на свою обязанность?

Болт. (*съ отчаяніемъ*). Вы жестоки, Ольга Петровна!..

Ольга. Я откровенна, Болтовъ... Докажу вамъ это сейчасъ... (*Съ усиліемъ*). Чувство, которое вы мнѣ внушили, — болѣе, нежели дружба...

Болт. (*восторженно*). Возможно ли?..

Ольга (*продолжая*). Но это — не любовь, Болтовъ... Люби я васъ истинно, я не могла бы высказать вамъ то, что́ сейчасъ сказала; — люби я васъ, я не впала бы въ раздумье... Я отдалась бы вамъ, безъ размышленія... безъ заботы... (*Отрезвляясь*). Нѣтъ, я не люблю васъ, Болтовъ!.. Я не люблю васъ!..

Болт. (*кротко*). Вы правы, Ольга Петровна, — я не стою вашей любви...

Ольга (*съ ожесточеніемъ*). Утѣшьтесь; я также не стою вашей... Видите? Я не чувствую къ Бельмесову никакой привязанности, а между тѣмъ рѣшаюсь выйти за него замужъ... для того только, чтобы быть богатой, чтобы блестѣть въ свѣтѣ, чтобы угодить роднѣ... Я желаю сдѣлать выгодную партію... Неправда ли, какъ это пошло! Нѣтъ, Болтовъ, я не стою вашей любви... Постарайтесь разлюбить меня... Тогда мнѣ будетъ легче... А теперь, Богъ видитъ, какъ мнѣ тяжело!..

Болт. Скажите, Ольга Петровна; съумѣетъ ли Бельнесовъ оцѣнить васъ, способенъ ли онъ на это?

Ольга. Онъ любитъ меня, искренно любитъ, — я это вижу... Это только и миритъ меня съ судьбой...

Болт. Въ такомъ случаѣ выходите за него... Жизнь вамъ улыбается... Страданія и лишенія не для васъ созданы...Рѣшайтесь, и будьте счастливы...

Ольга (*протягивая ему руку*). Благодарю васъ, Болтовъ... Ваше рѣшеніе меня подкрѣпило... Простите, что я наговорила вамъ столько непріятнаго...

Болт. Напротивъ, Ольга Петровна; я долженъ благодарить васъ... Вы мнѣ открыли глаза; вы, можетъ быть, спасли меня отъ паденія... У меня нѣтъ теперь ничего, кромѣ добраго имени; я долженъ имъ дорожить...

Ольга (*замѣтивъ движеніе въ бальной залѣ.*) Однако, я совсѣмъ забылась... Прощайте, Болтовъ... Это — послѣднее свиданіе ваше съ Ольгой Мамаевой... Вы, конечно, понимаете, что будущія наши отношенія не должны заходить далѣе дружбы... Прощайте... Молитесь за Ольгу!... (*Ольга протягиваетъ Болтову руку, которую тотъ страстно цалуетъ, — и убѣгаетъ въ бальную залу. Болтовъ остается, погруженый въ раздумье*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Болтовъ и потомъ Паньшинъ.

Пан. (*входя и замѣтивъ Болтова*). А я, братецъ, все тебя искалъ... Хотѣлось сѣсть вмѣстѣ съ тобой за ужинъ... Да что это ты, какъ будто муху съѣлъ, или точно тебя выпороли!...

Болт. (*мрачно*). Я сейчасъ проглотилъ такую пилюлю, что не знаю, какъ переварю ее...

Пан. (*съ легкой ироніей*). Что? Вѣрно, поспорилъ?... Не съумѣлъ доказать кабашнику, что онъ грабитель; не успѣлъ убѣдить биржеваго спекулянта, что биржевой обманъ — все-таки обманъ; не добился того, чтобы внушить взяточнику отвращеніе къ взяткамъ?... Угадалъ-ли?

Болт. Хуже — я убѣдился, что я самъ чуть-чуть не грабитеть, не обманщикъ и не взяточникъ... Къ этому прибавь пол-

ное отреченіе отъ всего, что привязывало меня къ жизни и къ дѣлу.

Пан. (*съ тревогой*). Да ты, братецъ, бѣлены, что ли, объѣлся, или вздумалъ меня морочить?... Что за гиль ты несешь?.. Это даже неприлично...

Болт. (*не слушая его*). Помнишь тотъ вечеръ, когда ты пріѣхалъ ко мнѣ, отъ имени Дергачева, съ предложеніемъ принять редакторство по «Биржевому Вѣстнику»?

Пан. Помню...

Болт. Я говорилъ тебѣ тогда, что я вовсе не практикъ, что подобное редакторство не совсѣмъ по мнѣ...

Пан. Говорилъ, братецъ, говорилъ, и, надо тебѣ отдать справедливость, — все, что ты ни говорилъ, была совершенная галиматья!.. Мнѣ искренно хотѣлось тогда тебя поколотить...

Болт. Однако, на повѣрку выходитъ, что я былъ правъ...

Пан. Что это? Не вздумалъ ли ты раскаяваться, что взялся за редакторство?..

Болт. Раскаяваюсь, искренно раскаяваюсь...

Пан. Это что за извѣстіе?

Болт. Я говорю серьёзно... Когда я брался за дѣло, я надѣялся изучить его, и принести пользу... Вліяніе Ольги придало мнѣ рѣшимости...

Пан. (*перебивая*). За то, ты врѣзался въ Ольгу по уши, и изъ редактора едва не превратился въ трубадура... Я все ожидалъ, что ты, вмѣсто экономическихъ обзоровъ, скоро начнешь писать любовные стансы, и собирался даже подарить тебѣ лютню или арфу... Это бы очень шло къ тебѣ!...

Болт. (*не слушая*). ...Первые мѣсяцы прошли для меня очень пріятно... Но чѣмъ болѣе я знакомился съ дѣломъ, особенно съ практической стороной дѣла, тѣмъ болѣе убѣждался, что тутъ что-то не такъ, — тутъ между теоріей и практикой есть какой-то пробѣлъ. Дергачевъ постоянно сообщалъ мнѣ биржевыя извѣстія; но мнѣ все казалось, что онъ говоритъ не искренно, что когда рѣчь коснется его интересовъ, онъ бываетъ пристрастенъ... Сомнѣніе стало меня преслѣдовать... Въ одномъ обществѣ, я нечаянно подслушалъ разговоръ, который касался меня... Обо мнѣ говорили въ такомъ тонѣ, что будто бы я изъ-за денегъ пишу противъ убѣжденія, и содѣйствую какимъ-то темнымъ планамъ Дергачева... Я не довѣрялъ себѣ, потому не

могъ требовать объясненій... Между тѣмъ, я всматривался въ свое положеніе все пристальнѣе и пристальнѣе... Недовѣріе къ себѣ усиливалось... Наконецъ, не далѣе, какъ часъ тому назадъ, чиновникъ, знающій подробно дѣло о «Громоотводѣ», открылъ мнѣ закулисныя тайны; теперь я убѣжденъ, что попался въ ловушку... Оказывается, что Дергачевъ обманывается, что Дергачевъ обманываетъ публику, а журналъ его помогаетъ обману... Скажи, не ужасно ли это?

Пан. (*спокойно*). Это было бы ужасно, если бы было справедливо; но это все вздоръ, небылица,—ergo, это смѣшно и глупо... Вотъ тебѣ силлогизмъ; извини, что нелестный!..

Бол. (*не слушая*). И ко всему этому — узнать, что Ольга, какъ и всякая другая дѣвушка, желаетъ, прежде всего, сдѣлать карьеру, и способна выйти за-мужъ, не любя...

Пан. (*насмѣшливо*). Вотъ, вотъ, вотъ!.. Наконецъ-то ты договорился!.. Вотъ, гдѣ скрывался весь фортель! Теперь вижу, откуда проистекала іеремiада!.. Понимаю, понимаю!.. То-то, тебя такъ перевернуло... Эхъ, Болтовъ, Болтовъ, умный ты парень, а куда еще ты простъ!

Болт. (*съ нетерпѣніемъ*). Ты все паясничаешь, да говоришь дерзости: это, наконецъ, скучно!..

Пан. Да нельзя, братецъ, не ругать-то тебя... ты чортъ знаетъ, что такое... Точно повредился... Скажу тебѣ, вопервыхъ, что противъ Дергачева ты не правъ. Я берусь выбить изъ тебя эту дурь... Въ доказательство, — не отстану отъ «Громоотвода», хоть у меня тамъ положено все состояніе... Что касается до Ольги, неужели ты разсчитывалъ на ея сердце и руку?.. Посмотри-ка мнѣ прямо въ глаза?.. (*Болтовъ дѣлаетъ жестъ нетерпѣнія*). Скажите, какое самообольщеніе! Да благодари, братецъ, судьбу, что не завлекла тебя дальше... Тебѣ ли, твоей ли флегматической натурѣ, стать въ уровень съ Ольгой?.. Не намъ съ тобой, братецъ, разсчитывать на обладаніе такой женщиной!.. Всмотрись-ка въ нее: въ ней примѣсь южной натуры; въ ней частица азіатской крови; отъ нея вѣетъ нѣгой, зноемъ... А ты, что?.. Вялъ, бѣлобрысъ, вмѣсто крови — вода; привыкъ къ покою да халату... Гдѣ тебѣ съ ней тягаться!.. Эй, образумься, да перестань дурачиться... Впрочемъ, я тебя не выпущу; поѣдемъ ко мнѣ... Я дамъ тебѣ на-ночь порошокъ, что Эйзеншмидтъ принимаетъ отъ разстройства нервовъ... Можетъ быть,

завернетъ Мэри изъ маскарада, — выпьемъ бутылочку шампанскаго... Такъ-то, по моему

«Lustig hier und lustig da!»

Значитъ, по рукамъ; ѣдемъ, немедленно ѣдемъ!..

Болт. (*улыбаясь не хотя*). Пожалуй, — поѣдемъ!.. Только слушай, въ случаѣ разрыва съ Дергачевымъ, мнѣ придется заплатить неустойку; я безъ церемоніи, разсчитываю на твой кошелекъ...

Пан. Разумѣется: казна моя всегда для тебя открыта. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Мюльштейнъ, Шестипаловъ и Хасановъ. (Мюльштейнъ выходитъ изъ бальной залы; за нимъ торопливо слѣдуютъ Хасановъ и Шестипаловъ).

Шестип. (*съ жаднымъ любопытствомъ*). Тт-акъ вы, Иванъ Самойлычъ, хх-отѣли намъ оо-бъяснить что-то на счетъ Дергачева...

Мюльшт. (*лукаво*). Да сто тутъ объяснять-то: Дергацовъ васъ просто надулъ...

Хасан. (*съ удивленіемъ*). То есть, какъ же это надулъ-съ?

Мюльшт. Такъ, надулъ, какъ всѣхъ надуваетъ...

Шестип. Оо-днако, кк-акъ же это?

Мюльшт. Очень просто... (*Къ Шестипалову*) У васъ «Бѣломорскій пловецъ»?

Шестип. Дд-а!

Мюльшт. (*къ Хасанову*). А у васъ «Сѣверный олень»?

Хасан. Истинно, — «Сѣверный олень».

Мюльшт. Ну, такъ какъ зе не понимаете? Дергацовъ, какъ узналъ, сто съ этими компаніями плохо, такъ и напугалъ васъ... Вы оба спустили ему акціи, а онъ ихъ перепродалъ съ барысомъ, — цасть вамъ зе (*обращается къ Шестипалову*), другія на бирзѣ... А объявленія - то напецаталъ на другой день, когда все было улазено... Вы оба поплатились, а онъ-то полозилъ себѣ въ карманъ десять тысяцъ... Вотъ, какъ дѣла-то обдѣлываютъ!..

Хасан. (*съ ожесточеніемъ*). Да вѣдь это, значитъ, разбой, — дневной грабежъ!

Шкстип. (*вторя*). Гр–абежъ, — грабежъ!..

Мюльшт. Да какъ зе вы не догадались?

Хасан. Я вамъ лучше скажу–съ: и въ умъ не приходило; все считалъ Дергачева благодѣтелемъ...

Шкстип. (*вторя*). Бб–лагодѣтелемъ, — благодѣтелемъ.

Мюльшт. Да вѣдь, цай, процитали зе объявленія-то?

Хасан. Прочитать-то прочитали, да не вдомекъ-съ: не изловчились, значитъ, на счетъ этихъ плутней...

Шкстип. Сс-овсѣмъ въ гг-олову не пришло: тт-очно, затмѣніе какое... затмѣніе...

Хасан. Я вамъ лучше скажу-съ: давеча еще разговоръ былъ; призналъ я, кажется, что мои-то акціи у нихъ (*указываетъ на Шестипалова*), — для того настойкой, слышь, воняютъ: сынишко — у меня облилъ, — такъ и то не вдомекъ... Вотъ, говоритъ пословица: «простота хуже воровства».

Шкстип. (*вторя*). Хх–уже воровства...

Хасан. Ахъ, разбойникъ, разбойникъ!... Да мы его, этакъ, къ суду... У меня тутъ есть дока: такую просьбу намахаетъ, что небу будетъ жарко;—всѣ косточки переберемъ.

Шкстип. Дд–а, да, къ сс–уду, къ суду!

Мюльшт. (*улыбаясь*). Какой тутъ судъ!... Судомъ ницего не сдѣлаете—сами оплосали... (*Таинственно*) Слусайте только меня: мы ему нанакостимъ луцсе суда!...

Хасан. (*съ восторгомъ*). Истинно вамъ доложу: готовъ бы, кажется, головой къ кому идти, только бы Дергачева подвести!... Послѣднее бы отдалъ: «на, молъ, ни тебѣ, ни мнѣ, пропадай лучше!» (*Входитъ въ азартъ*).

Шкстип. Кк–акъ же теперь бб–ыть-то?

Мюльшт. Вы вѣдь уцаствуете въ «Громоотводѣ»?

Хасан. и Шкстип. (*вмѣстѣ*). Участвуемъ! Уу–частвуемъ!

Мюльшт. Дерзитесь зе его... Не отставайте... Онъ и тутъ думаетъ надуть, да не удастся... Слусайтесь меня: мы его сами надуемъ...

Хасан. (*радостно*). Важно!... Будетъ, значитъ, и на нашей улицѣ праздникъ!

Шкстип. Хх–орошо бы его, мошенника!...

Мюльшт. Только, никому ни слова!.. Дайте ему нацать дѣло... А то все испортите...

Хасан. Я вамъ лучше скажу–съ: ротъ себѣ, кажется, зашью, а не проговорюсь...

Шестип. Сс–охрани Богъ проговориться!...

Мюльшт. (*собираясь уйдти*). Такъ, по рукамъ! (*Подаетъ имъ руки*). Безъ меня, ни сагу... Мы его обработаемъ... (*Уходитъ*).

Хасан. Обработаемъ, мошенника! Бррр! Такъ бы, кажется, и разразилъ! (*Машетъ кулакомъ*).

Шестип. Им–менно, рр–азразилъ!... (*Уходятъ вслѣдъ за Мюльштейномъ, выражая жестами сильное негодованіе.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Дергачевъ и Дергачева. (Входятъ изъ двери бальной залы).

Дергач. Наконецъ-то спровадили гостей!... Вотъ чучелы-то... хоть въ кунсткамеру!...

Дергачева. Замѣтилъ ты туалетъ княгини Подольской? Все еще молодится,—кокетничаетъ!... Я очень люблю, когда ты съ ней любезничаешь... Вѣдь, вотъ, умна, а вѣритъ, что можетъ нравиться!...

Дергач. Какъ бы то ни было, а мы не даромъ производили *кормленіе звѣрей*... Барышъ, пожалуй, будетъ побольше того, что заработываетъ Крейцбергъ... Я обдѣлалъ славныя дѣлишки... Во-первыхъ, свелъ всѣхъ тузовъ нашего «Громоотвода», и доказалъ имъ, какъ дважды два-четыре, что, если съ гарантіей хорошо, то безъ гарантіи еще лучше!... умора, право! (*хохочетъ*); во-вторыхъ, завербовалъ Бельмесова; въ-третьихъ, закрѣпилъ въ своихъ рукахъ деньги Ольги; ей теперь не видать капитала, какъ ушей своихъ; будемъ только выплачивать ей процентики; въ-четвертыхъ, заполонилъ совсѣмъ Паньшина... Все — операціи приличныя, округленныя... Ну, а для развлеченія публики, показывалъ двухъ идіотовъ, Шестипалова и Хасанова... Вотъ, люди! Просто кладъ!... Ихъ обираешь, а они только кланяются да благодарятъ!...

Дергачева. Неужели не догадались?

Дергач. Рѣшительно, нѣтъ... Я, нарочно, ихъ сондировалъ, — ни тѣни сомнѣнія!... А что Ольга?

Дергачева. Кажется, довольно весела... Говоритъ, что съ тѣхъ поръ, какъ дала слово Бельмесову, стала спокойнѣе... Я такъ и думала... Первый шагъ труденъ, — а тамъ пойдутъ подарки, да веселости—слезы, какъ разъ высохнутъ... Къ хороше-

му скоро привыкнешь... (*Смотритъ на часы*) Однако, ужь пятый часъ, Jean,—пора спать!...

Дергач. (*цалуя жену*). Пора, мой ангелъ!... Спи спокойно... Я сейчасъ приду... только сведу маленькіе счеты...

(*Занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ пріемную комнату въ квартирѣ Бельмесовыхъ. Посерединѣ стоитъ круглый столъ, окруженный диванами; у стѣнъ также по дивану и по нѣскольку креселъ. Комната убрана очень изящно.

ЯВЛЕНІЕ I.

Бельмесова и княгиня Подольская. (Бельмесова и княгиня Подольская сидятъ у круглаго стола и разбираютъ кружева, принесенныя, въ большомъ картонѣ, изъ магазина).

Кн. Подольск. (*вынувъ кружевной приборъ*). Вотъ, что очень хорошо, ma chère!... Взгляните: берта, рукава и весь передъ платья... Какъ это легко;—какой роскошный рисунокъ!...

Бельмес. Ваша правда, княгиня!... Но что̀ это должно стоить! Настоящее point d'Alençon, и такихъ размѣровъ!... Позвольте, — здѣсь есть записка... Вотъ, посмотрите: полторы тысячи! Прошу покорно!

Кн. Подольск. За то, хорошо, ma chère...

Бельмес. Но я не могу бросить такихъ денегъ на одно кружево... Вспомните: нужно еще платье, куафюру, а нынче модистки такъ дороги...

Кн. Подольск. Вы все толкуете о дороговизнѣ... C'est extrêmement bourgeois! Скупость нейдетъ къ вашему хорошенькому личику, ma chère... Я рѣшительно не узнаю васъ.

Бельмес. (*слегка вспыливъ*). Какая же скупость!... Я просто не въ состояніи столько тратить. (*Со вздохомъ*) Теперь не прежнее время... Прежде, я, разумѣется, и не подумала бы отказать себѣ въ такой прихоти...

Кн. Подольск. (*съ важностью*). Прихоти!... Вы называете

это прихотью?.. Ѣхать на балъ къ маркизѣ Петруччи, гдѣ будетъ вся аристократія, весь Corps diplomatique, и одѣться кое-какъ,—какъ одѣваются всѣ,—да возможно ли это!.. Я, этакъ, скоро отрекусь отъ васъ, ma chère. Вспомните, только, про туалетъ M-me Папандоконаки... Мужъ ея не больше, какъ бывшій откупщикъ, грязный, съ огромнымъ носомъ, а выписалъ женѣ къ этому балу кружевное платье изъ Парижа. Я заѣзжала давеча къ Lepine, и видѣла, какъ къ этому платью придѣлывали modestie. M-me Папандоконаки нашла, что лифъ слишкомъ открытъ. Скажите, какіе строгіе нравы... у женщины, которая обобрала сербскаго князя и малдованскаго господаря! (*Хохочетъ*) Удивительны эти дамы!.. Вышла теперь замужъ за откупщика, и хочетъ всѣхъ увѣрить, что она недоступна даже взгляду мужчины... Преуморительная!.. Неужели же вы уступите какой нибудь Па-п-ан-до-ко-на-ки? Едва выговоришь фамилію! (*Хохочетъ*).

Бельмкс. Но эта Папандоконаки во сто разъ богаче меня! У мужа ея, говорятъ, больше десяти милліоновъ, а мы потеряли почти все, что у насъ было.

Кн. Подольск. А вы думаете, откуда эти десять милліоновъ? Папандоконаки, правда, занимался откупами, но повѣрьте мнѣ, ma chère, что больше половины его капитала взято въ Сербіи и Молдавіи.

Бельмкс. Не потому ли M-me Папандоконаки и интересуется такъ придунайскими княжествами? У нея всегда безконечный разговоръ объ этомъ съ дипломатами.

Кн. Подольск. Именно... На балѣ у Елецкихъ она совсѣмъ заговорила моего милаго Рива-де-Нейра, секретаря испанскаго посольства.

Бельмкс. (*съ любопытствомъ*). Рива-де-Нейра говорилъ съ ней, и долго?

Кн. Подольск. Чуть не цѣлый вечеръ. Она, вѣдь, какъ привяжется, такъ не отстанетъ... Мужчины очень тщеславны, ma chère... Знаете? мнѣ случалось замѣчать: иногда ихъ привлекаетъ къ женщинѣ собственно туалетъ... Прежде, чѣмъ доберешься до нашего сердца, увидишь только то, чѣмъ прикрыто это сердце и въ такомъ случаѣ, повѣрьте мнѣ, ma chère, ни *rivière* изъ брильянтовъ, ни берта изъ point de Venise не помѣшаютъ дѣлу. Вы говорите, что вы разорились!.. А я развѣ не въ томъ же положеніи?.. Этотъ негодный Дергачевъ чуть всѣхъ насъ не пустилъ по міру. Однако, я не унываю... (*Показываетъ на свое

платье) Видите: одѣваюсь по прежнему, принята во всѣхъ аристократическихъ домахъ, и не отказываю себѣ ни въ чемъ. Какъ же иначе?.. Свѣтская женщина, съ моей опытностью, всегда съумѣетъ извернуться и устроиться.

Бельмкс. Однако, какъ же вы это дѣлаете, княгиня?.. Состояніе ваше, послѣ нашего общаго несчастія, кажется, очень уменьшилось...

Кн. Подольск. Между нами,—ma chère, у меня не осталось почти ничего, кромѣ заемнаго письма отъ графа Петра Өедулыча, что онъ мнѣ выдалъ, когда мы оба были помоложе... Графъ также немало поплатился, по милости вашего почтеннаго дядюшки; потому, это заемное письмо, хоть и написано въ пятьдесятъ тысячъ, теперь не много стоитъ... Я жду, когда дѣла графа поправятся... Вы меня спрашиваете, ma chère, какъ я обработываю свои дѣла? Пока, вамъ безполезно это знать. Вы еще слишкомъ молоды и хороши собой; вамъ не нужно хлопотать, чтобы имѣть все, что вздумается. Пожелайте только, и я ручаюсь, что вы затьмите туалетомъ самыхъ блистательныхъ дамъ въ Петербургѣ...

Бельмкс. Какъ понять васъ, княгиня?...

Кн. Подольск. Э, ma chère! Вы щекотливы и застѣнчивы, какъ какая нибудь пансіонерка. Съ вами нельзя говорить прямо о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ... Притомъ же, на васъ такой пуританскій костюмъ, точно на воспитанницѣ Сенъ-Дени!...

Бельмкс. Вы какъ будто сердитесь на меня, княгиня...

Кн. Подольск. Нисколько, ma chère; но нельзя же жить въ свѣтѣ, и не получить никакой свѣтской опытности!... Ну, да объ этомъ послѣ... Давайте лучше выбирать для васъ платье (*Перебираетъ кружева*).

Бельмкс. Давайте, давайте; только пожалуйста не увлекайтесь, а то вы доведете меня до банкротства...

Кн. Подольск. До банкротства!... Что это вы, ma chère! Я не въ Дергачева, хоть и кокетничала съ нимъ когда-то... Ужасный человѣкъ! Какъ бы я желала, чтобы его, вмѣстѣ съ вашей тетушкой, засадили въ тюрьму!

Бельмкс. Да чѣмъ же тетушка тутъ виновата?

Кн. Подольск. Я на нее сержусь, не столько за себя, сколько за васъ, ma chère.

Бельмкс. За меня?... Что же она сдѣлала противъ меня?

Кн. Подольск. Неужели вы не знаете, что пока вашъ капиталъ былъ въ рукахъ Дергачевыхъ, они, общими силами, отдаляли отъ васъ молодыхъ людей?... Они ловко давали понять, что деньги ваши въ оборотѣ, и не могутъ быть отдѣлены... А вы знаете нашу молодежь: она нынче очень практична... Такіе намеки не внушали ей довѣрія... За вами ухаживали, говорили вамъ любезности; но предложенія вамъ не дѣлалъ никто... Бельмесовъ былъ исключеніе... Дергачевы ухватились за него потому, что онъ былъ богатъ, не спрашивалъ о приданомъ, и самъ могъ поддержать вашего дядю деньгами...

Бельмес. Однако и вы, княгиня, принимали живое участіе въ этомъ дѣлѣ; вы также уговаривали меня дать согласіе на предложеніе Мишеля...

Кн. Подольск. (*съ легкимъ замъшательствомъ*). Правда, ma chère, правда... Но вы, конечно, увѣрены, что намѣренія мои были чисты... Я всегда жалѣла, что такая прелестная дѣвушка, какъ вы, не выходитъ замужъ... Я была убѣждена тогда, что Бельмесовъ любитъ васъ искренно... Мнѣ и въ голову не приходило, что онъ ищетъ только случая выгоднѣе употребить свой капиталъ!... Люди нынѣшняго вѣка такъ испорчены, что, право, легко обмануться...

Бельмес. (*съ негодованіемъ*). Вы все твердите мнѣ, княгиня, о холодности моего мужа; вы какъ будто даете понять, что онъ даже мнѣ невѣренъ... Правда, что Мишель очень перемѣнился: онъ задумчивъ, молчаливъ, избѣгаетъ оставаться со мною наединѣ... но я это приписываю разстройству его денежныхъ дѣлъ: онъ очень озабоченъ... Я сама, когда выходила за него замужъ, не чувствовала къ нему особенной любви; потому мнѣ должно быть снисходительной... тѣмъ болѣе, что обстоятельства наши вовсе не располагаютъ къ нѣжностямъ...

Кн. Подольск. Вы обезоружите хоть кого своей кротостью... Это дѣлаетъ вамъ честь, ma chère... Но я все-таки не вижу, почему мужъ вашъ въ правѣ дѣлать дорогіе подарки другимъ женщинамъ?...

Бельмес. (*тономъ оскорбленнаго самолюбія*). Почему же вы такого мнѣнія о немъ, княгиня? Гдѣ доказательства?... Я знаю, что у Мишеля теперь нѣтъ денегъ; стало быть, онъ не въ состояніи дѣлать подарки...

Кн. Подольск. (*колко*). *Вамъ*, ma chère — можетъ быть... Но если у него нѣтъ денегъ на кружевное платье *для* жены,

то, видно, есть деньги на бриллiантовые ферпуары для какой нибудь Берты...

Бельмес. (*встаетъ съ дивана, въ сильномъ волненiи*). Для Берты? Кто эта Берта?...

Кн. Подольск. Это одна изъ модныхъ камелiй... Красавица!... Продолговатые глаза, точно миндалины, тоненькiй носикъ, какъ изъ фарфора, на правой щекѣ мушка...

Бельмес. (*прерывистымъ голосомъ*). Ахъ, да... Должно быть, я ее видѣла... Разъ, въ Петергофѣ, на музыкѣ, возлѣ нашей коляски остановился великолѣпный фаэтонъ; въ немъ лежала женщина, вся въ черномъ... Она была поразительно хороша... Я спросила одного изъ кавалеровъ, кто это... Тотъ какъ-то странно улыбнулся... и отвѣчалъ: «C'est une femme qui n'a pas de nom!» Такой отвѣтъ меня удивилъ... Послѣ, мнѣ сказали, что это M-lle Bertha... (*Съ негодованiемъ*) Однако, это ужасно, княгиня!... Неужели Мишель влюбленъ въ нее?...

Кн. Подольск. (*улыбаясь*). Влюбленъ? Не думаю. Онъ, просто, ухаживаетъ за ней, чтобъ разсѣяться, чтобъ не отстать отъ другихъ... Говорятъ, впрочемъ, — Берта способна привязать къ себѣ мужчину... не надолго...

Бельмес. Послушайте, княгиня!... вы, можетъ быть, ошибаетесь; можетъ быть тутъ нѣтъ ничего серьёзнаго?...

Кн. Подольск. Да, по моему, это вовсе и не серьёзно... Мужъ вашъ въ связи съ Бертой... Что жь тутъ необыкновеннаго? Сегодня будетъ Берта, завтра Клара, послѣ завтра Фанни... Я думаю, для васъ это все равно...

Бельмес. Однако, такое поведенiе возмутительно!... Я ничѣмъ не подала Мишелю повода искать развлеченiя у камелiй, и тратить на нихъ послѣднiя деньги...

Кн. Подольск. А развѣ всѣ мужья не таковы? У васъ какiя-то аркадскiя понятiя, ma chère... Вы даже сами отчасти виноваты въ томъ, что мужъ вашъ скучаетъ съ вами и проводитъ время съ Бертой...

Бельмес. Я виновата? Чѣмъ же? Скажите скорѣе, скажите!...

Кн. Подольск. Вотъ, видите ли, ma chère!.. Въ послѣднее время, вы очень измѣнились... Прежде, вы были веселы, любили свѣтъ, выѣзды, удовольствiя; теперь вы часто задумываетесь, грустите, пропускаете очень интересные балы, и какъ будто удаляетесь отъ свѣта!...

Бельмес. Что же тутъ страннаго, княгиня? Всему свое время. Я сдѣлалась постарше... Притомъ же, по милости Jean, я потеряла все состоянiе и стала въ зависимость отъ мужа... Все это не можетъ располагать къ веселости; деликатность даже заставляетъ меня всячески уменьшать расходы...

Кн. Подольск. А я скажу вамъ, ma chère, что разсчетъ вашъ вовсе невѣренъ. Скромничаньемъ и бережливостью вы думаете принести пользу мужу и сдѣлать ему угодное, а на повѣрку выходитъ противное. Бельмесовъ самолюбивъ. Онъ желалъ бы, чтобы жена его играла роль въ свѣтѣ, чтобы за ней ухаживали, чтобы туалетъ ея восхищалъ и удивлялъ всѣхъ. Это доказывало бы, что дѣла его вовсе не такъ худы, какъ иные думаютъ; даже помогло бы ему подняться въ общемъ мнѣнiи...

Бельмес. Но какое же средство, княгиня, мнѣ выѣзжать и одѣваться теперь такъ, какъ прежде? Тогда мы были богаты; у меня было независимое состоянiе: теперь мы потеряли почти все, и я должна жить на счетъ мужа.

Кн. Подольск. Вы, ma chère, все за свое: унываете, хандрите, задумываетесь надъ тѣмъ, какъ сдѣлать себѣ бальное платье, и только губите такъ свою молодость... Понятно, что вы наводите унынiе и на мужа; онъ, поневолѣ, скучаетъ дома... Для женщины молоденькой и съ такой наружностью, какъ ваша, не должно быть ничего невозможнаго... Вамъ стоитъ только захотѣть, чтобы у васъ было все, что вздумается. (*Целуетъ ее*). Такъ-то, mon ange, перестаньте грустить и докажите мужу, что вы вовсе ему не подвластны... Онъ находитъ же средства дѣлать подарки Бертѣ, вы также найдете средства, какъ вести жизнь элегантной дамы...

Бельмес. Такъ вы думаете, княгиня, что мнѣ должно пренебречь невѣрностью Мишеля; по крайней мѣрѣ, показать видъ, что я ничего не замѣчаю?

Кн. Подольск. Не только показать видъ, ma chère, но въ самомъ дѣлѣ стать выше его интригъ и проказъ... Если вы будете уступать ему на каждомъ шагу, онъ перестанетъ уважать васъ, вы потеряете его навсегда; если же вы выкажете маленькое упрямство и нѣсколько эмансипируете себя, то, повѣрьте мнѣ, онъ, рано или поздно, броситъ всѣхъ Бертъ, и придетъ къ вамъ же, такой нѣжный и влюбленный, какимъ былъ въ первый день брака... Перемѣните же тактику съ нынѣшняго дня, съ этой минуты... Начнемъ съ выбора платья. (*Перебираетъ кру-*

жева) Вотъ платье, которое было бы вполнѣ достойно васъ, ma chère, — взгляните. Я, на вашемъ мѣстѣ, выбрала бы его непремѣнно!... (*Вынимаетъ платье, и растягиваетъ его вмѣстѣ съ Бельмесовой*).

Бельмес. Ахъ, какая прелесть!.. Цѣлое платье изъ point d'Alençon! Какъ это хорошо!.. Кружева — моя слабость... Чувствую, что я еще неравнодушна къ туалету...

Кн. Подольск. Такъ зачѣмъ же дѣло стало? Берите это платье, ma chère! А каковы рукава, — чудо! (*Обѣ разсматриваютъ рукава*).

Бельмес. Но, я думаю, за это платье назначили сумасшедшую цѣну... Позвольте! (*Смотритъ въ записку*) Шесть-тысячъ!.. Однако, это ужасно; такая сумма ужь никакъ не по моимъ средствамъ! (*Вздыхаетъ*) Увы, княгиня, не могу, хоть бы и желала!..

Кн. Подольск. Вамъ это платье нравится? Значитъ, оно — ваше. Извольте его отложить, и приказать приготовить къ балу. (*Вынимаетъ платье изъ картона, и хочетъ его положить особо*).

Бельмес. Вы шутите, княгиня! Кто же заплатитъ за это платье?

Кн. Подольск. За него ужь заплачено, ma chère; стало быть, оно принадлежитъ вамъ. (*Любуясь платьемъ*). Какова прелесть!

Бельмес. Какъ заплачено?.. Не можетъ быть!

Кн. Подольск. (*Вынимая изъ кармана и подавая ей счетъ*.) Взгляните, — увѣрьтесь, что я говорю правду!

Бельмес. (*пробѣжавъ глазами счетъ*). Въ самомъ дѣлѣ! Однако, я тутъ ничего не понимаю... Неужели Мишель вздумалъ сдѣлать мнѣ сюрпризъ? Но, какъ онъ угадалъ мой выборъ?

Кн. Подольск. Вотъ вздумала! Мишель! Ея Мишель мечется теперь, — ищетъ денегъ, чтобы меблировать гостиную Берты, а она воображаетъ, что онъ вѣрный и любезный мужъ...

Бельмес. Такъ кто же это могъ быть?

Кн. Подольск. Это, пока, — моя тайна. Скажу вамъ только, ma chère, что вы можете принять этотъ подарокъ, не краснѣя... Такъ поѣзжайте же на балъ, mon ange, будьте любезны и очаровательны по прежнему... Съ какимъ нетерпѣніемъ Рива-де-Нейра желаетъ съ вами встрѣтиться! Вы не можете себѣ представить, какъ вы вскружили его дипломатическую голову!..

Бельмес. (*съ легкимъ замѣшательствомъ*). Рива-де-Нейра?.. Онъ говорилъ съ вами обо мнѣ?..

Кн. Подольск. Пріѣзжалъ вчера къ мнѣ, и только и разго-

вора было, что про васъ... Просилъ меня устроить непремѣнно такъ, чтобы вы ѣхали на балъ къ Петруччи... Ему нужно о чемъ-то объясниться съ вами, mon ange! Онъ не хотѣлъ мнѣ сказать, о чемъ именно; но я увѣрена, что дѣло идетъ о чемъ нибудь пріятномъ для васъ... Не будьте же къ нему жестоки!.. Какъ хорошъ собой Рива-де-Нейра! Глаза—рѣшительно жгутъ; нельзя вынести его взгляда... Совершенный джентльменъ!.. И какъ богатъ! Представьте, ma chère: у него, въ Пиренеяхъ, однихъ пастуховъ три тысячи; у каждаго пастуха по три тысячи барановъ; вѣдь это составляетъ... (*задумывается*) Да! девять милліоновъ барановъ. У каждаго барана на шеѣ по колокольчику. Говорятъ, звонъ такой, что слышно на нѣсколько миль кругомъ. А вы замѣтили, какія руки у Рива-де-Нейра?.. Удивительныя руки!..

Бельмес. (*въ раздумьи*). Да, онъ очень хорошъ собой... Только, знаете, о чемъ я думала сейчасъ, княгиня?.. Ѣхать ли мнѣ на балъ?

Кн. Подольск. Что вы, что вы, мой ангелъ! Да на что это похоже? Согласилась-было, а теперь опять назадъ... Нѣтъ, нѣтъ, моя прелесть, вы дали мнѣ слово, а главное — я дала за васъ слово... Понимаете ли? Мнѣ необходимо, чтобы вы ѣхали... Я знаю, впрочемъ, вы не будете раскаяватяся... Не ѣхать было бы даже не великодушно... Рива-де-Нейра давно ужь твердитъ вамъ о любви своей, и вдругъ вы перемѣнитесь къ нему именно теперь, когда дѣло дошло до маленькой жертвы... Такъ рѣшено: — вы ѣдете; я могу дать благопріятный отвѣтъ! (*Собирается надѣть шляпу*).

Бельмес. Поѣду, поѣду, княгиня; но куда же вы такъ рано?.. (*Задумчиво*). Скажите мнѣ вотъ что: отъ кого это платье?

Кн. Подольск. Объ этомъ послѣ, mon ange, — послѣ. Узнаете въ свое время. Во всякомъ случаѣ, обѣщаю вамъ пріятный сюрпризъ. Теперь, прощайте; мнѣ пора ѣхать. (*Цалуетъ Бельмесову, и собирается уйти*).

Бельмес. Прощайте, княгиня. Завтра увидимся?

Кн. Подольск. Какъ же! Я заѣду къ вамъ передъ баломъ... Вашъ туалетъ возложенъ на мою отвѣтственность; я хочу, чтобы вы въ этотъ вечеръ превзошли всѣ ожиданія... (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Бельмесова, одна.

Бельмес. (*проводивъ кн. Подольскую, садится на диванъ, задумывается, и говоритъ вполголоса*). Я не ошибалась: Мишель измѣнилъ мнѣ. Онъ скучаетъ, — тяготится моимъ присутствіемъ... Онъ вовсе не говоритъ со мной и о дѣлахъ... Должно быть, дѣла идутъ дурно!.. Боже мой, сколько перемѣнъ въ одинъ годъ! Годъ назадъ, я была богата; я выходила замужъ за человѣка съ огромнымъ состояніемъ, съ блестящей карьерой. Я думала, что буду счастлива... Разореніе Дергачева, точно, повернуло все верхъ дномъ... Мишель потерялъ бо́льшую часть состоянія; я лишилась почти всего... Между нами родилась холодность. Мы встрѣчались у себя только случайно; едва успѣвали сказать другъ другу нѣсколько словъ... Я это приписывала разстройству нашихъ дѣлъ, неудачамъ; теперь оказывается, что тутъ замѣшалась женщина—камелія... (*Тревожно*) Однако, не я ли сама причиной такого поведенія Мишеля?.. Не узналъ ли онъ о моихъ отношеніяхъ къ Рива-де-Нейра?.. (*Встаетъ съ дивана, и говоритъ, одушевляясь*). Впрочемъ, развѣ это — *отношенія*, — развѣ я хоть сколько нибудь виновата?.. (*Задумчиво*) Какъ теперь помню... На балѣ у Елецкихъ, послѣ вальса, я вышла въ одну изъ дальнихъ комнатъ... За трельяжемъ изъ плюща, я хотѣла поправить себѣ, передъ зеркаломъ, прическу... Я очень довольна была, въ тотъ вечеръ, своимъ туалетомъ... Щеки у меня разгорѣлись; я съ удовольствіемъ смотрѣлась въ зеркало... Вдругъ глаза мои встрѣчаютъ въ стеклѣ чей-то взглядъ, — темный, глубокій... Я была не въ силахъ ни повернуть голову, ни сойти съ мѣста... Нѣсколько секундъ я смотрѣла молча, неподвижно... Мнѣ было и жутко, и невыразимо-пріятно... У меня захватило духъ... Взоръ мой потонулъ въ какой-то таинственной дали... Я не выдержала и зашаталась... Тихій, звучный голосъ заговорилъ тогда у моего уха; я увидѣла *его* возлѣ себя. *Онъ* взялъ меня подъ-руку, подвелъ къ дивану, и осторожно опустилъ на подушку. — Я скоро оправилась... Когда я открыла глаза, *онъ* все стоялъ передо мной... *Онъ* сказалъ мнѣ, что его зовутъ Рива-де-Нейра... *Онъ* только-что получилъ тогда депешу о томъ, что братъ его убитъ въ колоні-

ахъ... Эта вѣсть сильно потрясла *его*; *онъ* вышелъ изъ бальной залы, чтобы собраться съ мыслями... мы встрѣтились... На лицѣ *его* были слѣды глубокаго горя... *Онъ* сказалъ мнѣ, что былъ близокъ къ отчаянію, — что убитый — его любимый братъ... «Но встрѣча съ вами миритъ меня съ жизнью»—проговорилъ *онъ*, вполголоса... Мы встрѣчались нѣсколько разъ... Онъ всегда подходилъ ко мнѣ, говорилъ со мной подолгу... Я восхищалась *его* изящными манерами, благороднымъ и почтительнымъ тономъ *его* разговора. (*Торопливо*) Для чего однако эти совѣщанія между нимъ и княгиней Подольской?.. Развѣ *онъ* не могъ самъ пріѣхать ко мнѣ?.. Наконецъ, что значитъ жертва, о которой *онъ* хочетъ меня просить?.. Не отъ *него* ли и платье?... Что, если въ самомъ дѣлѣ!.. Мнѣ это было бы чрезвычайно больно... Я не имѣю накакого права принимать отъ *него* подарки... (*Ободривишсь*). Впрочемъ, какъ *онъ* великодушенъ и щедръ!.. Мнѣ кажется, *онъ* съумѣетъ сдѣлать самый щекотливый вопросъ такъ, что не будешь имѣть духа разсердиться... (*Задумывается, и слегка краснѣетъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и лакей.

Лакей. (*Неся на подносѣ письмо, хочетъ пройти чрезъ комнату.*)

Бѣльмкс. Что это?

Лакей. Къ барину письмо...

Бѣльмкс. Отъ кого?

Лакей. Не могу знать. Приносилъ человѣкъ; не сказалъ отъ кого.

Бѣльмкс. Дай сюда,—я посмотрю. (*Беретъ письмо и смотритъ на адресъ и облатку*). Хорошо; — оставь здѣсь. (*Кладетъ письмо на столъ. — Лакей уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Бѣльмесова и потомъ Бѣльмесовъ.

Бѣльмесова (*разсматривая конвертъ, въ волненіи*)... Женскій почеркъ, — французскій адресъ, и на облаткѣ *В*... Не отъ

Берты ли?.. Можетъ быть,—благодаритъ за подарокъ, или проситъ денегъ, или назначаетъ свиданіе!.. И все это такъ просто, натурально... безъ усилій, безъ борьбы, — я думаю, вовсе безъ участія сердца!.. (*Входитъ Бельмесовъ.*)

Бельмес. (*съ разсѣяннымъ и озабоченнымъ видомъ*). А!.. ты одна, Ольга? Я думалъ здѣсь встрѣтить княгиню Подольскую...

Бельмесова. Княгиня была здѣсь сейчасъ, но уѣхала. А ты откуда?

Бельмес. Изъ Коммерческаго суда... Справлялся тамъ по нашему дѣлу... (*Махнувъ рукой*) Да что! Только себя разстроилъ, безъ всякой пользы! (*Опускается на диванъ, и закрываетъ лицо руками.*)

Бельмесова (*съ безпокойствомъ*). Да разскажи мнѣ, пожалуйста, въ чемъ дѣло? За что мы тутъ страдаемъ?

Бельмес. (*съ нетерпѣніемъ*). Ахъ, Богъ мой! Мнѣ, право, ужь надоѣло повторять одно и тоже! Съ кѣмъ ни встрѣтишься, только и распросовъ: «что ваше дѣло? скоро ли кончится? по скольку копѣекъ на рубль?» Если бы еще эти распросы къ чему нибудь вели, а то, право, болтовней не поможешь!

Бельмесова (*обиженнымъ тономъ*). Послушай, однако, Мишель: мнѣ кажется, съ моей стороны тутъ не простое любопытство: отъ рѣшенія этого дѣла зависитъ: останется ли у меня что нибудь, или нѣтъ?

Бельмес. (*рѣзко и съ нетерпѣніемъ*). Ну, изводь: я тебѣ разскажу все, съ начала до конца; только, чтобы это было въ послѣдній разъ!.. Можешь послѣ распрашивать Болтова; онъ тамъ надъ чѣмъ-то хлопочетъ,—разумѣется, понапрасну... Помнишь? Когда я на тебѣ женился, Дергачевъ только-что затѣвалъ «Громоотводъ»... Твои деньги были у него; я тоже имѣлъ глупость ввѣрить ему весь свой капиталъ, — около двухъ милліоновъ... Уставъ былъ утвержденъ: на акціи, прежде чѣмъ появились онѣ, была ужь премія... Все шло хорошо; мы надѣялись, Богъзнаетъ, на какіе барыши... Вдругъ оказалось, что Мюльштейнъ сбылъ всѣ свои 50,000 акцій, — слишкомъ на пять милліоновъ. Такая масса бумагъ совершенно завалила биржу... Распространилась паника; акціи «Громоотвода» вдругъ упали на 25 процентовъ ниже *пàри*. Мы растерялись... Мюльштейнъ объявилъ, что отказывается отъ участія въ предпріятіи. Въ своей газетѣ «Тиски», онъ сталъ ругать не только «Громоотводъ», но и другія компаніи... Публика поднялась противъ насъ, а Болтовъ

отказался отъ редакторства по «Биржевому Вѣстнику». Не берусь судить, добросовѣстенъ ли такой поступокъ... Тебѣ лучше знать образъ мыслей Болтова...

Бельмесова (*сухо*). Мнѣ кажется, Болтовъ поступилъ благородно. Онъ убѣдился, что намѣренія Дергачева нечисты, и тотчасъ разошелся съ нимъ... Жаль, что мы ему не повѣрили въ то время...

Бельмес. (*продолжая*). Какъ бы то ни было, кредитъ «Биржеваго Вѣстника» и Дергачева упалъ; а «Тиски» и Мюльштейнъ, напротивъ, поднялись... Съ Мюльштейномъ соединилось все, что прежде составляло оппозицію Дергачеву... Акціонерныя дѣла въ тотъ годъ шли, вообще, очень дурно... Отъ бурь, пожаровъ и денежнаго кризиса главныя компаніи понесли убытка до двадцати милліоновъ, а какъ мы обезпечивали ихъ барыши, то намъ пришлось страшно поплатиться... Черезъ восемь мѣсяцевъ, «Громоотводъ» ликвидировался, и мы получили по 25 копѣекъ на рубль... На мою долю, это составило около пятисотъ тысячъ... Какъ ни жаль было денегъ, а лучше бы на этомъ остановиться... Такъ нѣтъ... Дергачевъ опять поддѣлъ насъ: онъ вздумалъ скупить, для Англіи, все сало на здѣшней биржѣ, и мы опять ввѣрили ему капиталы... Мюльштейнъ, чрезъ свою банкирскую контору, убилъ насъ и тутъ; сало привезено было обратно непроданнымъ... Дергачевъ объявленъ банкротомъ, арестованъ, дѣло о немъ еще не кончено... Говорятъ, что мы получимъ копѣйки по 3 или по 4 на рубль, такъ что отъ моихъ двухъ милліоновъ у меня останется 15 или 20 тысячъ... Ну, что, — пріятная новость?

Бельмесова (*съ ужасомъ*). Неужели это правда? Значитъ, мы — почти нищіе?

Бельмес. Не *почти*, а въ полномъ смыслѣ слова — нищіе... (*Высокомѣрно*). Вотъ, сударыня, что̀ насъ ожидаетъ, когда мы считаемъ деньги идоломъ, когда у насъ въ виду одни денежные интересы!.. Теперь вы видите: деньги исчезли, сердечной привязанности не существуетъ, разочарованіе полное, и нигдѣ никакой поддержки! (*Закрываетъ лицо руками.*)

Бельмесова (*тономъ оскорбленнаго самолюбія*). За что же ты меня упрекаешь, Мишель?.. Не ты ли самъ искалъ руки моей?.. Я не вдругъ согласилась на твое предложеніе, и, можетъ быть, если бы не родня...

Бельмес. (*прерывая*). Хорошо оправданіе!.. Вышла замужъ

безъ малѣйшей склонности къ человѣку, — потому только, что ей совѣтовала родня!.. Скажите, какая странная почтительность!.. Теперь поздно притворяться, сударыня... Признайтесь лучше, что вы выходили не за меня, а за мои два милліона, на которые ваша родня зарилась не меньше васъ!..

Бельмесова (*съ упрекомъ*). Послушай, однако, Мишель: если ужь ты такъ неделикатенъ, то позволь и тебѣ замѣтить, что ты также разсчитывалъ на спекуляціи въ компаніи съ Дергачевымъ.

Бельмес. Можетъ быть, — не отпираюсь... Но я все-таки поступилъ честнѣе... Во-первыхъ, я говорилъ и дѣлалъ то, что дѣлаетъ каждый мужчина, желая понравиться женщинѣ... Это — общія мѣста, азбука, которыя не должны бы вводить въ заблужденіе самую неопытную дѣвушку. Во-вторыхъ, я никогда не подымался на ходули, не старался представиться какимъ-то феноменомъ, и если не любилъ тебя, то потому... потому, что не любилъ никогда другихъ женщинъ, кромѣ камелій... Моя откровенность, можетъ быть, жостка; но пора же было и мнѣ высказаться... Церемониться намъ другъ съ другомъ нечего... Прими существенность, какова она есть...

Бельмесова (*въ отчаяніи*). Это ужасно!.. Ты жестокъ, Мишель!.. Ты все обвиняешь меня!.. Когда же я мечтала о себѣ такъ много?

Бельмес. Я очень хорошо помню, какъ тебя считали фениксомъ, восьмымъ чудомъ свѣта... Ты была въ большей модѣ; тебѣ приписывали какіе-то возвышенные помыслы, необыкновенныя стремленія... Все это очень можетъ быть; но я бы желалъ знать, гдѣ у тебя сердце?

Бельмесова. Какъ? Ты думаешь, что я вовсе безъ сердца?

Бельмес. Знаю: у тебѣ есть сердце на то, чтобы сочувствовать герою романа, уличному бродягѣ, левреткѣ, что выгнали на тротуаръ въ морозный день. Ты умѣешь кстати поплакать и о восточныхъ христіанахъ, и о сицилійцахъ... А когда дѣло дошло до того, чтобы изъ-за денегъ пожертвовать сердечной привязанностью, — вѣдь ты не задумалась: откуда явилось благоразуміе и практичность!.. Какое же участіе принимало твое сердце въ этомъ рѣшеніи? — Интересно бы знать!

Бельмесова (*умоляющимъ тономъ*). Мишель, пощади меня: я, право не заслужила такихъ ужасныхъ упрековъ!..

Бельмес. (*съ горячностью*). Не заслужила! Да я не знаю на-

-казанія, котораго ты бы не заслужила!.. Пожертвовать истинной привязанностью, пренебречь чувствомъ, которое одно въ состояніи украсить жизнь — и все изъ-за денегъ, — развѣ это дѣло женской натуры?.. По моему, твой поступокъ безнравственнѣе поведенія камелій: въ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ притворства; онѣ даютъ, что̀ могутъ; и ужь не щеголяютъ добродѣтелью... А ты вѣдь взбиралась на такія подмостки, что, бывало, рукой не достанешь! (*Ходитъ, въ волненіи, по комнатѣ*).

Бельмесова (*съ негодованіемъ*). Это ужь слишкомъ!.. Ты меня ставишь ниже какой нибудь Берты!..

Бельмес. (*нѣсколько смѣшавшись*). Берты?... Отчего же именно Берты?.. Развѣ тебѣ кто нибудь сказалъ, что я близокъ съ Бертой? (*Осматривается кругомъ, и замѣчаетъ на столѣ письмо*) А понимаю! Ты прочитала это письмо! (*Беретъ письмо со стола.*)

Бельмесова (*вспыхнувъ*). У меня нѣтъ привычки читать чужихъ писемъ!.. Ты, точно, задался тѣмъ, чтобы предполагать во мнѣ всѣ дурныя наклонности... Это однако невыносимо!..

Бельмес. (*сухо*). Не читала?.. Тѣмъ лучше!.. Я могу прочесть тебѣ его самъ. (*Распечатываетъ письмо*) Ты думала, можетъ быть, что я буду притворяться, скромничать? Для чего? Ты случайно узнала то, что̀ я самъ намѣренъ былъ тебѣ разсказать... Между нами все кончено... Намъ нечего и щадить другъ друга... (*Смотря на письмо*) Вотъ, видишь? Берта благодаритъ меня за брилльянтовый фермуаръ, который я ей вчера отвезъ, зоветъ меня сегодня къ себѣ на ужинъ!.. (*Дерзко*) Какъ ты думаешь? Ѣхать мнѣ?

Бельмесова (*рыдая*). Какъ хочешь... Мнѣ все равно!

Бельмес. Поѣду, разумѣется... У меня еще остается довольно денегъ на то, чтобы провести весело нѣсколько дней... А тамъ, постараюсь раздѣлаться съ жизнью...

Бельмесова (*съ ужасомъ*). Мишель, что ты говоришь, — побойся Бога!..

Бельмес. (*съ отчаяніемъ*). А что же прикажешь мнѣ дѣлать?.. Я привыкъ къ роскоши, я избалованъ, работать не могу... и вдругъ остаться безъ куска хлѣба!.. По моему, лучше совсѣмъ покончить съ жизнью... (*Нѣсколько успокоившись, и замѣтивъ картонъ съ кружевами*). Впрочемъ, ты, кажется, не унываешь... Это ты для себя выбирала кружева?

Бельмесова. *Да...* я думала-было ѣхать на балъ къ Петруччи...

Бельмес. И поѣзжай, мой другъ... Это тебя нѣсколько разсѣетъ...

Бельмесова. Ты, кажется, смѣешься надо мной!..

Бельмес. (*какъ бы одумавшись и перемѣнивъ тонъ*). Прости меня, Ольга, я слишкомъ погорячился... Ты видишь сама, — я теряю голову... Я тоже заслуживаю сожалѣнія! (*Хочетъ взять ее за руку; но она отдергиваетъ ее...*) Ты сердишься?... Что дѣлать!.. Послѣ разговора, какой у насъ былъ сейчасъ, конечно, не можетъ быть рѣчи о примиреніи... Но видишь ли, мой другъ?.. Наша общая польза требуетъ, чтобы мы, хоть нѣсколько дней, не показывали вида, что мы разорились... Это еще можетъ поднять нашъ кредитъ... Потому, мнѣ кажется, тебѣ необходимо ѣхать на балъ къ Петруччи... Постарайся одѣться, какъ можно богаче... и быть веселой и любезной... Это зажметъ рты говорунамъ, и будетъ полезно для нашего дѣла... Я самъ не могу ѣхать, и потому ты хорошо бы сдѣлала, если бы поѣхала съ княгиней Подольской... Мы даже совѣтовались съ ней о твоемъ туалетѣ...

Бельмесова (*съ удивленіемъ показывая на кружевное платье*). Какъ,—это платье?..

Бельмес. (*кивнувъ головой и улыбаясь*). Я не всегда такой извергъ, какимъ кажусь... А! да вотъ и княгиня; ты можешь съ ней условиться, какъ ѣхать.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и княгиня Подольская.

Кн. Подольск. (*Входя торопливо*). Здравствуйте, M-r Бельмесовъ. Я все искала васъ: думала застать у нашего адвоката, но онъ мнѣ сказалъ, что вы уѣхали домой,—я тотчасъ же сюда. Какъ поживаете? Что наше дѣло? (*Пожимаетъ руку Бельмесову*). Bonjour, Ольга, еще разъ! (*Цалуетъ Бельмесову*).

Бельмес. О дѣлахъ послѣ, княгиня... У насъ съ Ольгой къ вамъ просьба...

Кн. Подольск. (*посмотрѣвъ на Бельмесову*). Что такое?.. Да вы, мой ангелъ, кажется, плакали? Что это значитъ?..

Бельмес. (*перебивая*). Ничего, княгиня!.. Левретка наша переломила лапку, такъ Ольга и расплакалась: вы знаете, какая она чувствительная и нервная!.. Но левретку обѣщаютъ вылечить, и Ольга дала мнѣ слово утѣшиться... Просьба наша состоитъ въ томъ, чтобы вы поѣхали съ ней (*указывая на жену*) на балъ къ маркизѣ Петруччи... Мнѣ самому ѣхать нельзя... Вы, вѣрно, не откажете намъ въ этомъ?

Кн. Подольск. (*улыбаясь*). То есть, вы хотите, чтобы я прошлатамъ незамѣченной,—совершенно стушевалась?.. Это—судьба всѣхъ дамъ, которыя выѣзжаютъ съ вашей женой... Ольга затьмитъ хоть кого угодно...

Бельмесова. Ахъ, княгиня, у васъ вѣчно комплименты наготовѣ...

Бельмес. (*льстиво*). Княгиня, право, всегда такъ любезна...

Кн. Подольск. (*перебивая*). И великодушна: очень рада, что могу служить вамъ, мой ангелъ. Поѣдемте, поѣдемте вмѣстѣ... Постараюсь забыть о себѣ, и буду любоваться вами...

Бельмесова. Благодарю васъ, княгиня; вы такъ добры, что я не нахожу словъ...

Бельмес. Позвольте, княгиня, поцаловать вашу ручку (*Цалуетъ ея руку*).

Бельмесова. Такъ я пойду распоряжусь на счетъ платья, пошлю за модисткой (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, кромѣ Бельмесовой.

Кн. Подольск. (*проводивъ глазами Бельмесову*). Что сказали въ коммерческомъ судѣ?

Бельмес. Надъ дѣлами Дергачёва назначена администрація... Гово ятъ, мы получимъ копѣекъ по двадцати на рубль.

Кн. Подольск. Это еще порядочно. Я ожидала хуже...

Бельмес. Я тоже. Но это, пока, секретъ. Женѣ я сказалъ, что можно разсчитывать копѣйки на 3, или на 4.

Кн. Подольск. Что же твоя жена, вообще? Ты пустилъ ужь въ ходъ нашъ маневръ?

Бельмес. Какъ же! И очень удачно. Я напугалъ ее, наго-

те Рива де-Нейра... Онъ будетъ умолять васъ назначить ему свиданіе въ первомъ маскарадѣ; вы согласитесь...

Бѣльмесова (*перебивая*). Кто же далъ вамъ право думать, что я соглашусь?... Вы забываетесь!...

Мэри (*твердо*). Вы согласитесь,—должны согласиться, или вы погибнете.

Бѣльмесова (*съ негодованіемъ*). Никогда! Ни за что!...

Мэри. Мнѣ остается испытать послѣднее средство! (*Достаетъ изъ кармана записку*) Вотъ записка отъ человѣка, которому вы должны повѣрить... (*Подаетъ ей записку*).

Бѣльмесова (*съ удивленіемъ*). Записка отъ Болтова!... (*Читаетъ съ ужасомъ*). «Дѣло идетъ о спасеніи вашей чести... Исполняйте буквально все, что вамъ присовѣтуютъ... Иначе мы не ручаемся за успѣхъ!..» (*Окончивъ чтеніе*) Однако, что все это значитъ?... Какъ вы напали на слѣдъ этого заговора?

Мэри. Я близка съ Бертой, любовницей вашего мужа... Берта нарочно написала къ нему письмо,съ тѣмъ, чтобы оно попалось вамъ на глаза... Васъ старались оскорбить, и внушить вамъ презрѣніе къ мужу, съ тѣмъ, чтобы вы скорѣе рѣшились измѣнить ему. Всѣ они дѣйствовали за-одно... Берта открыла мнѣ эту тайну потому, что мужъ вашъ хотѣлъ обмануть и ее... Онъ прежде занималъ у нея деньги, и далъ ей заемное письмо въ тридцать тысячъ; теперь онъ устроилъ такъ, чтобы продать дѣло съ Дергачевымъ, получить деньги съ испанца, развестись съ вами, и уѣхать за-границу, не заплативши Бертѣ...

Бѣльмесова. Что же связываетъ моего мужа съ княгиней Подольской?

Мэри. Они, кажется, неравнодушны другъ къ другу; впрочемъ, я не ручаюсь, что мужъ вашъ не обманетъ и Подольскую...

Бѣльмесова. Я, рѣшительно, теряюсь... Тутъ такая сѣть обмановъ, что я не вижу исхода... Скажите, что мнѣ дѣлать?

Мэри. Не показывайте вида, что вы знаете о заговорѣ; поѣзжайте, съ Подольской, на балъ; будьте веселы, любезны; назначьте испанцу свиданіе въ маскарадѣ...

Бѣльмесова. Зачѣмъ, съ какой цѣлью?...

Мэри. Не перебивайте меня,—время дорого... назначьте испанцу свиданіе въ маскарадѣ; поѣзжайте въ черномъ домино съ кружевами, и здѣсь (*показываетъ себѣ на лифъ*) приколите себѣ кокарду, вотъ изъ этой ленты (*беретъ со стола лиловую ленту*,

половину которой отрѣзываетъ и кладетъ къ себѣ въ карманъ). Это будетъ условной примѣтой... Смотрите же, исполните все... Иначе я ни за что не ручаюсь...

Бельмесова (*съ покорностью*). Все исполню, непремѣнно исполню... Но какъ мнѣ больно, право, что я такъ приняла васъ!... Скажите, чѣмъ я заслужила ваше участіе?

Мэри. Вы обязаны не мнѣ, а Болтову... Я исполняю то, что онъ мнѣ поручилъ... Но скажу вамъ, что я ревнива къ чести женщинъ... Какъ мнѣ ни страшно было войти къ вамъ, прямо, безъ доклада, я рѣшилась... Теперь не раскаяваюсь... По крайней мѣрѣ, я близко видѣла особу, которую Болтовъ такъ искренно любитъ... (*Встаетъ и хочетъ уйти.*)

Бельмесова (*со слезами на глазахъ*). Какъ мнѣ благодарить васъ? (*Хочетъ ее поцаловать*).

Мэри (*уклоняясь отъ поцалуя*). Полноте, я не позволю себѣ забыться... Между нами слишкомъ большое разстояніе. Я, просто, камелія — Мэри, а передо мной стоитъ графиня Рива де-Нейра...

Бельмесова (*съ удивленіемъ*). Какъ?...

Мэри (*приложивъ палецъ къ губамъ*). Сюда идутъ! Прощайте. (*Опускаетъ вуаль и убѣгаетъ*).

(*Занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Сцена дѣлится на двѣ половины. Лѣвая сторона ея представляетъ внутренность стеклянной аркады, которая сообщается съ роскошными сѣнями дома, занимаемаго графомъ Рива-де-Нейра. Какъ аркада, такъ и сѣни ярко освѣщены газомъ. Правая сторона сцены представляетъ улицу, куда изъ аркады ведетъ широкое крыльцо, изъ рамъ. Въ глубинѣ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ крыльца, стоитъ карета; на улицѣ горятъ газовые фонари. Ночь ясная и морозная.

ЯВЛЕНІЕ I.

Болтовъ и Паньшинъ. (Болтовъ и Паньшинъ, въ теплыхъ пальто и шляпахъ, выходятъ справа, изъ-за угла улицы, осматриваются, и говорятъ вполголоса, стараясь оставаться въ тѣни.)

Болт. (*посмотрѣвъ налѣво, въ глубину сцены*). Карета еще здѣсь... значитъ, не опоздали... А славно морозитъ!...

Пан. (*потирая руки*). Да, братецъ, морозецъ хоть куда... Хорошо, что еще удалось закусить... А то, на тощій желудокъ, въ этой засадѣ, куда бы плохо!... Который-то часъ?

Болт. (*вынувъ часы и подойдя къ фонарю*). Скоро пять.

Пан. Ага, поздненько; я думаю, скоро и развязка, — пора бы!

Болт. Тс! — идутъ! (*Слышны слѣва, изъ глубины сцены, шаги. Болтовъ и Паньшинъ уходятъ направо, за уголъ, гдѣ остаются, наблюдая затѣмъ, что происходитъ на сценѣ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же (за кулисами), Шестипаловъ и Хасановъ. (Шестипаловъ и Хасановъ одѣты по зимнему, выходятъ слѣва, изъ-за аркады... Они ступаютъ по снѣгу тихо, и тревожно осматриваются кругомъ).

Хасан. (*въ досадѣ*). Вотъ, чортъ дернулъ таскаться по ночамъ... Истинно — наказаніе!... Съ тѣхъ поръ, какъ съ этими акціями связался, всякое униженіе испытываешь...

Шестип. И и-менно, униженіе...

Хасан. Я вамъ лучше скажу-съ: просто позоръ!... Вотъ хоть бы теперь, свидѣтелями... Ну, какіе мы свидѣтели! Что бы намъ за дѣло?... Лежалъ бы себѣ дома, вверхъ ногами, такъ нѣтъ — шляйся, точно воръ какой!...

Шестип. Дд-енежный интересъ... интересъ...

Хасан. Правда, по тысячѣ цѣлковичей намъ обѣщано; теперь, и это для насъ деньги, на голодные зубы... Вотъ оно, акціи-то! Поневолѣ, на скверное дѣло бросаешься...

Шестип. И и-менно, поневолѣ!..

Хасан. Я вамъ лучше скажу-съ: съ этими акціями скоро нашему брату жрать нечего будетъ... Какое бы мнѣ, теперь, дѣло, что у Бельмесова жена гуляетъ? Что я, — рожалъ, что ли, ее, или посаженымъ отцомъ, что ли, былъ? Мнѣ, провались она совсѣмъ!... Такъ нѣтъ, стой, вотъ, тутъ, да жди, какъ ее выпустятъ отъ любовника... Проклятое дѣло!.. Да и мужъ-то мерзавецъ!.. Только, что деньги-то лестно получить; такъ и унижаешься!..

Шестип. Сс-обственно, денежный интересъ — интересъ! (*Отходятъ всторону*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Бельмесовъ. (Бельмесовъ, въ шубѣ и шляпѣ, торопливо выходитъ слѣва, изъ-за аркады, и, замѣтивъ Шестипалова и Хасанова, приближается къ нимъ, вглядываясь въ ихъ лица.)

Бельмес. (*Шестипалову и Хасанову*). А, это вы!.. Что, жена не выходила?

Хасан. (*тупо*). Какая жена?

Бельмес. (*нетерпѣливо*). Ну, дама, въ маскѣ, не выходила? (*Показываетъ по направленію къ сѣнямъ*).

Хасан. (*мрачно.*) Не выходила...

Шестип. Нн-ѣтъ, не выходила, не выходила!

Бельмес. Я такъ и думалъ,—карета еще тутъ... А я сейчасъ ходилъ предупредить кое-кого... Смотрите же! Жена выйдетъ, вѣроятно, съ лакеемъ. Вы (*къ Хасанову*) побойчѣе... старайтесь задержать лакея, а вы (*къ Шестипалову*) будьте при мнѣ... Я нарочно при васъ сорву съ нея маску... Поняли?

Хасан. и Шестипал. (*вмѣстѣ*) Тише; кажется, идетъ! (*Всѣ трое приготовляются занять мѣста. — Болтовъ и Паньшинъ, изъ-за кулисъ направо, показываютъ также видъ, что готовятся къ дѣлу. Налѣво, изъ сѣней раздается шорохъ; выходитъ дама, въ собольей шубѣ и маскѣ. За ней слѣдуетъ лакей, который провожаетъ ее, съ тѣмъ, чтобы довести до кареты. Лакей отворяетъ дверь на улицу, и бережно спускаетъ даму со ступенекъ крыльца.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, дама въ маскѣ и лакей графа Рива-де-Нейра.

Маска. (*тихо*). Карета здѣсь?

Лакей. Здѣсь,—сейчасъ! (*Рукой даетъ знакъ кучеру; въ это время, Хасановъ подходитъ къ лакею, и старается заговорить съ нимъ. Бельмесовъ, украдкой, приближается къ дамѣ въ маскѣ, и дерзко хватаетъ ее за руку. Дама вскрикиваетъ, и старается вырваться; лакей хочетъ броситься къ ней на помощь, но Хасановъ его удерживаетъ*).

Бельмес. (*злобно*). Наконецъ-то вы попались, сударыня!... Хорошо, очень хорошо!.. Такъ, вотъ, каковы ваши правила, ва-

ша нравственность!.. Ну, скрываться нечего... снимите вашу маску! Снимите, снимите! (*Къ Шестипалову.*) Подойдите же сюда, полюбуйтесь на мою супругу—на мое семейное счастіе!.. ха, ха, ха! (*Возвышая голосъ*). Что же вы, сударыня, — не слышите, что ли? (*Грозно*) Снимите маску, — говорю я вамъ!

Маска (*пряча лицо*). Прости меня!.. Я очень виновата!.. Но я несчастна!.. (*Плачетъ и падаетъ на колѣни*).

Бельмес. (*любуясь ея отчаяніемъ*). Слезы-рыданія!... Какъ натурально!... Иной бы повѣрилъ, что раскаяніе искренне... И, такъ, постоянно обманывать мужа!.. Продавать себя за деньги!... (*Нетерпѣливо*)... Однако, намъ некогда разговаривать... Долой маску! Слышишь?

Маска. (*вставая*). Не могу,—ни за что!.. Лучше умру!..

Бельмес. А, ты не хочешь,—не можешь?.. Ну, такъ я тебѣ пособлю!.. (*Бросается къ ней, чтобы сорвать маску; она старается вывернуться; но Шестипаловъ ее держитъ за руку. Въ это же время, Хасановъ борется съ лакеемъ, который хочетъ вмѣшатся въ общее смятеніе*). Вотъ, твоя маска!... (*Срываетъ маску и топчетъ ее ногами*). Смотри же, теперь, на насъ—смотри!—покажись намъ, безстыдница!

Мэри (*совсѣмъ открывая голову*). Изволь—изволь!.. Что-жь ты молчишь?.. Не ожидалъ?..

Бельмес. (*съ ужасомъ*). Боже мой!.. Я обманутъ!.. Кто вы, сударыня?..

Мэри (*насмѣшливо*). Кто я?.. Я подруга Берты, которую ты хотѣлъ обмануть!.. Ты думалъ, что ты одинъ хитеръ,—не воображалъ, что тебя проведутъ?..

Бельмес. (*въ отчаяніи*). Боже мой, Боже мой!.. Вездѣ измѣна!.. (*Хасановъ выпускаетъ лакея, и конфузится. Шестипаловъ также теряется*).

Мэри. Тебя удивляетъ измѣна!.. А ты развѣ не измѣнилъ женѣ... не измѣнилъ потомъ Бертѣ... не задумалъ измѣнить княгинѣ Подольской?..

Бельмес. (*вполголоса*). Я погибъ... Они все знаютъ. (*Опомнившись*). Но какъ же это могло случиться?... Мнѣ положительно извѣстно, что жена моя поѣхала въ маскарадъ, что она встрѣтилась съ Рива де Нейра, и отправилась, въ его каретѣ, къ нему... Я слѣдилъ за ней...

Мэри. Все это очень просто... Жена твоя поѣхала въ маскарадъ; ходила тамъ съ испанцемъ, и назначила ему свиданіе...

Это между нами было условлено; мы даже нарочно надѣли одинакія домино... Потомъ, при выходѣ съ маскарада, мы подмѣнили одна другую..., Я, въ каретѣ испанца, поѣхала къ нему, сюда; а жена твоя, въ моей каретѣ, поѣхала къ себѣ домой... Я, разумѣется, разсказала все испанцу... Хорошо, что ты еще не попался ему въ ту минуту: онъ убилъ бы тебя на мѣстѣ...

Бельмес. (*теряясь*). Это ужасно!... Всѣ планы разрушились!.. (*Ободрившись нѣсколько*). Однако, тутъ что нибудь не такъ; тутъ — недоразумѣніе... Я пойду къ графу Рива де Нейра... Я не могу такъ оставить дѣло. (*Къ лакею*) Гдѣ графъ? Мнѣ нужно его видѣть! (*Хочетъ идти къ подъѣзду*).

Лакей. Графъ теперь въ постелѣ;—но вотъ отъ него письмо... (*Подаетъ письмо*).

Бельмес. (*съ удивленіемъ*). Письмо,—ко мнѣ?—Давай сюда! (*Торопливо вскрывъ письмо, и совершенно растерявшись*). Дуэль!... Графъ вызываетъ меня съ нимъ драться!... Но это невозможно... это незаконно... Я не могу на это согласиться!... (*Болтовъ и Паньшинъ выходятъ изъ-за кулисъ и подойдя къ Бельмесову сзади, становятся по объ стороны*).

Болт. (*спокойно и твердо*). Вы должны на это согласиться...

Пан. (*перебивая*).. И если вы выйдете живымъ изъ этой дуэли, мы оба (*показываетъ на Болтова*) будемъ драться съ вами, пока не положимъ васъ на мѣстѣ!.. Поняли?..

Бельмес. (*въ отчаяніи*). Господа, это насиліе: я буду жаловаться!..

Болт. Молчите... Поступки ваши извѣстны... Извѣстно, какъ вы, вмѣстѣ съ Подольской, предложили испанцу купить вашу жену; какъ вы нарочно тиранили, оскорбляли, развращали ее. Извѣстно, какъ вы обманули Берту, и собирались бѣжать въ Англію... Да нѣтъ: Подольская вывела васъ въ свѣжую воду!..

Бельмес. Я погибъ, погибъ!

Пан. Старыя бабы ревнивы: вы думали, надуете Подольскую, такъ это вамъ пройдетъ даромъ?.. Нѣтъ, съ старой хуже попадешься!.. Какъ она узнала, что вы затѣяли улепетнуть, — она тотчасъ по начальству; теперь бумаги и деньги ваши пріостановлены... Хорошо?

Бельмес. (*въ отчаяніи*). Ну, вижу, что все потеряно... Господа, я въ вашихъ рукахъ... Что мнѣ дѣлать?

Болт. Отвѣчайте немедленно Рива-де-Нейра, что вы принимаете вызовъ... О прочемъ мы успѣемъ еще переговорить... От-

управитесь съ нами... (*Улыбаясь*) Вы намъ теперь слишкомъ дороги, чтобы васъ выпустить. (*Хасановъ и Шестипаловъ, замѣтивъ, какой оборотъ приняло дѣло, хотятъ уйти; Паньшинъ ихъ останавливаетъ.*)

Пан. (*къ Хасанову и Шестипалову*). Господа, куда вы?

Хасан. и Шестип. (*вмѣстѣ*). Никуда! ни-никуда!

Пан. Останьтесь; вы намъ нужны... Вы хотѣли быть, за деньги, свидѣтелями Бельмесова противъ его жены; теперь вы будете свидѣтелями Бельмесовой противъ ея мужа, но ужь безвозмездно!.. Такая гадкая услуга не стоитъ вознагражденія!.. Поняли?

Хасан. Однако, какъ же-съ?

Пан. Молчите!.. (*Вполголоса*) Ваши плутни тоже выходятъ наружу. Дергачевъ надулъ васъ; вы надули Дергачева; Мюльштейнъ надулъ и Дергачева и васъ... Казенныя проказы тоже всплываютъ... Такъ ужь вы не горячитесь, а лучше исполняйте то, что̀ вамъ велятъ... Слышите?

Хасан. Слышимъ. (*Въ отчаяніи*) Господи! послѣднее время приходитъ!.. И Мюльштейнъ надулъ, разбойникъ!

Шестип. (*плаксиво*). Бб-ѣда, просто бѣда... Хх-оть караулъ кричи!.. Ми-ошенникъ на мошенникѣ!..

Пан. Полноте плакаться-то!.. Маршъ за нами!..

Болт. (*къ Бельмесову*). Извольте дать отвѣтъ графу Рива де Нейра!

Бельмес. (*къ лакею*). Доложи графу, что я получилъ его письмо, и немедленно пришлю отвѣтъ...

Лакей. Слушаю-съ.

Болт. Такъ отправитесь, господа, всѣ впятеромъ и составимъ планъ дѣйствій... (*Всѣ собираются идти. — Къ Мэри*) Прощай, Мэри, спасибо за услугу; вѣкъ не забуду!.. (*Подойдя къ ней и понизивъ голосъ*) Поѣзжай сейчасъ къ Ольгѣ; успокой ее; скажи, что мужъ ея у меня, да не говори пока о дуэли... Понимаешь?

Мэри. Понимаю. Прощай!.. (*Паньшину*) Прощай, Саша; завтра буду къ тебѣ. (*Цалуетъ его.*) (*Лакею*) Ѣдемъ! (*Лакей отправляется, чтобы велѣть подать карету; Мэри идетъ за нимъ, напѣвая романсъ:* «Что ты грустно глядишь на дорогу?»)

Пан. (*къ оставшимся*). Ну, дружина храбрая, впередъ — маршъ! (*Уходятъ, вмѣстѣ, направо.*)

(*Занавѣсъ опускается*).

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Театръ представляетъ квартиру Болтова, съ такимъ же убранствомъ, какъ и въ первомъ актѣ. Одно изъ оконъ отворено. Ранняя весна; девять часовъ вечера.

ЯВЛЕНІЕ I.

Болтовъ и Марья Михайловна. (Болтовъ сидитъ у письменнаго стола за бумагами; Марья Михайловна у того же стола вяжетъ чулокъ. Свѣчи догараютъ.)

Болт. (*оставивъ бумаги и взглянувъ на свѣчи*). Марья Михайловна! А свѣчи-то опять догараютъ! Есть ли другія?

Мар. Мих. Нѣтъ, больше нѣту... Ну, да пораньше спать ложитесь... Оно здоровѣе, да и расходу меньше... (*Спускаетъ петлю.*) Эхъ, грѣхъ какой, — опять, никакъ, петлю спустила. (*Подвигаетъ къ себѣ свѣчу и старается поправить ошибку.*)

Болт. (*веселымъ тономъ*). Марья Михайловна! А, Марья Михайловна!

Мар. Мих. (*съ легкой досадой*). Что-о?.. Ну, что пристаете?

Болт. Мнѣ пришелъ въ голову тотъ вечеръ... Помните? Когда Паньшинъ съ Мэри къ намъ пріѣхали. А вѣдь мы не далеко съ тѣхъ поръ съ вами уѣхали, Марья Михайловна,—а? Только лишній годъ за плечами!..

Мар. Мих. Ужь подлинно! А вы-то все хвалились безъ памяти, что я-де въ тысячу, въ двѣ тысячи мѣсто!.. Вотъ вамъ и мѣсто!.. Пересматривала я давеча ваши сорочки!.. Какъ есть, лохмотья, шобонъ па шобонѣ... Инда штопать нельзя!.. Не все ли этакія бываютъ отъ тысячныхъ-то мѣстъ?..

Болт. Ничего, Марья Михайловна... Въ лохмотьяхъ ходимъ, да зато на душѣ легко!.. Не знаю, мнѣ что-то очень весело!.. Жаль вотъ только, что свѣчи-то послѣднія... Расписался-было, а тутъ и кончай!..

Мар. Мих. Да что это на васъ за веселье напало? Кажись, не отъ чего: денегъ-то, какъ и прежде, меньше гроша...

Болт. Богъ съ ними, съ деньгами! (*Раздается звонокъ у дверей.*) Вотъ, слышите, звонокъ!.. Денегъ нѣтъ, да друзья есть!.. Вѣрно, кто нибудь изъ пріятелей... (*Марья Михайловна выходитъ*

отворить. Въ двери являются Мэри и Паньшинъ, и бѣгутъ къ Болтову, который ихъ радостно встрѣчаетъ. Марья Михайловна является вслѣдъ за ними.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Мэри и Паньшинъ.

Болт. (*Паньшину*). Здравствуй, здравствуй! очень радъ!..

Пан. Здравствуй, братецъ! Вотъ я и опять въ Питерѣ! Слеталъ въ Москву... да и назадъ къ тебѣ, на чердакъ... Да что золотое время терять? — Марья Михайловна, выпляску! Ну, Мэри, валяй!.. Разъ, два, три! (*Хлопаетъ въ ладоши и прыгаетъ.*)

Мар. Мих. Полноте, полноте безобразничать-то, грѣховодники!.. (*Къ Мэри*) Здравствуй, Машенька... Что, голубка, здорова?

Мэри. Здорова, здорова... Что намъ дѣлается? (*Цалуетъ Марью Михайловну. Марья Михайловна уходитъ хлопотать по хозяйству.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, кромѣ Марьи Михайловны.

Болт. Здравствуй, Мэри! Что, проказница? Безъ него (*указывая на Паньшина*), ко мнѣ не ѣздила, — боялась за себя?...

Мэри. Какъ не бояться? Видишь, какой опасный: того и гляди, влюбишься!

Болт. Садитесь же, садитесь!.. (*Къ Паньшину*) Ну, что, — въ Москвѣ устроилъ дѣло?

Пан. Устроилъ, братецъ, славно устроилъ... Нужда научитъ ѣсть калачи... Какъ просадилъ всѣ денежки этому проклятому Дергачеву, такъ, вотъ, теперь и принимаюсь за каррикатуры...

Болт. За каррикатуры?

Пан. Буду, братецъ, поставлять каррикатуры для одного юмористическаго журнала...

Болт. Что это тебѣ вздумалось?

Пан. Да вѣдь надо же что нибудь кусать... Хорошо, что

у меня дохь этотъ талантъ былъ — рисовать уродовъ... А то, теперь, просто, бѣда бы!.. Деньги обѣщаютъ хорошія... Да и знаешь? Пока другихъ дурачишь, такъ самому-то дѣлается пріятно, точно, будто ты самъ умнѣе всѣхъ...

Болт. Когда же ты примешься?

Пан. Да немедленно, братецъ... У меня вотъ какой планъ. Тутъ ужь, этакъ, немножко сформировалось (*указываетъ себѣ на голову*). Хочу представить всѣ скандалы за прошлый годъ...

Болт. Въ томъ числѣ, — и скандалъ съ Дергачевымъ и нами?

Пан. Непремѣнно... Представлю, тутъ, Гласность, въ видѣ подслѣповатой старухи... Хочетъ старуха штопать прорѣхи, а вмѣсто того дѣлаетъ новыя дыры...

Болт. (*перебивая*). Какъ, подъ-часъ, наша Марья Михайловна?..

Пан. Именно, — какъ наша милѣйшая Марья Михайловна... Ну, а вокругъ этой старухи, — знаешь? — винегретъ, изъ всѣхъ насъ... Да, вотъ, я къ тебѣ — за матеріаломъ...

Болт. Какъ, за матеріаломъ?

Пан. Съ этой поѣздкой, я немного поотсталъ... Разскажи, какъ дѣло было?..

Болт. Да вѣдь ты, чай, все знаешь?

Пан. То-то не все, — недосконально!.. конца не знаю, въ подробностяхъ..,

Болт. Ну, помнишь, какъ мы привели къ себѣ Бельмесова и этихъ двухъ дураковъ, Хасанова и Шестипалова?..

Пан. Какъ не помнить?.. Бельмесовъ, пока писалъ письмо испанцу, все плакалъ да дрожалъ, какъ осиновый листъ, а тѣ двое творили молитвы да подкрѣплялись, для бодрости, настойкой...

Болт. На другой день была дуэль, и Бельмесовъ былъ такъ догадливъ, что отправился на тотъ свѣтъ...

Пан. Я думаю, это первое, что онъ сдѣлалъ порядочнаго...

Болт. Первое и послѣднее; остальное все — подлости и мошенничества!..

Пан. Ну, а что нашъ нàбольшій — Дергачевъ?

Болт. Изъ тюрьмы выпущенъ; кое какъ отдѣлался отъ кредиторовъ; заплатилъ копѣекъ по пятнадцати на рубль, и теперь,

говорятъ, вмѣстѣ съ женой, куда-то уѣхалъ, — служитъ по откупамъ...

Пан. Повѣрь мнѣ, — опять примется за прежнее: такихъ людей исправляетъ только могила... А что Ольга?..

Болт. Ольга, я слышалъ, выходитъ замужъ за Рива де Нейра... Испанецъ оправдался предъ ней. Оказалось, что Бельмесовъ съ Подольской сами втянули его въ эту подлую штуку: онъ бы и не подумалъ... А Ольга его любила истинно!..

Пан. Что, ея деньги — всѣ пропали?

Болт. Нѣтъ, мнѣ удалось спасти пятьдесятъ тысячъ, въ акціяхъ на ея имя... И то едва успѣлъ: Дергачевъ — было и припряталъ... Теперь, у нея, по крайней мѣрѣ, есть собственность...

Пан. Подольская уѣхала?

Болт. Успѣла взять деньги, и уѣхала въ Англію; говорятъ, захватила съ собой какого-то юношу...

Пан. Ну, а что, тузы — графъ Петръ Ѳедулычъ да баронъ Эйзеншмидтъ?

Болт. Ругаютъ акціонерныя дѣла, на чемъ свѣтъ стоитъ!..

Пан. Да, они порядочно поплатились!... Однако, кто же — въ выигрышѣ?

Болт. Мюльштейнъ; онъ, говорятъ, теперь въ десяти милліонахъ... Кто же еще?..

Мэри. Я... Мнѣ баронъ подарилъ акцій на пятьдесятъ тысячъ... Я ихъ тотчасъ же и спустила... Теперь, зато, я капиталистка... Знай нашихъ!..

Пан. Браво!.. Вотъ, гдѣ скрывается истинная-то практичность! Ай да Мэри!

Болт. Поднялся еще бывшій конторщикъ Дергачева... Пообчистилъ своего патрона, и ужь теперь — купецъ первой гильдіи.

Пан. А что Хасановъ да Шестипаловъ?

Болт. Выгнаны изъ службы... Мюльштейнъ ихъ обманулъ, и почти совсѣмъ разорилъ... Чуть не ходятъ по міру...

Пан. Значитъ, — всѣмъ сестрамъ по серьгамъ... Ты вышелъ голъ, какъ соколъ...

Болт. (*перебивая*). Да, чтобы раздѣлаться съ Дергачевымъ задолжалъ еще тебѣ три тысячи, которыя не знаю ужь, какъ и отдамъ...

Пан. Это что!.. У тебя, положимъ, и прежде не было ни гроша, а у меня вѣдь было состоянье кругленькое. Такъ, нѣтъ; такъ съумѣлъ спустить, что теперь, хоть карманы выворотн,—ни копѣйки!..

Мэри. Нѣтъ, и у тебя еще есть три тысячи...

Пан. Какія три тысячи? Очень бы радъ сознаться, да, право, нѣтъ...

Мэри. А тѣ три тысячи, что ты далъ ему (*указываетъ на Болтова*), для уплаты Дергачеву?..

Пан. (*не хотя*). Да!.. Но, что объ этомъ говорить?.. Я объ нихъ забылъ... Изъ чего ему отдать теперь?

Мэри. Ты получишь ихъ съ меня!..

Пан. Какъ, съ тебя?

Мэри. (*улыбаясь*). У насъ съ Болтовымъ счеты, и онъ поручилъ мнѣ отдать тебѣ три тысячи...

Болт. (*къ Мэри*). Что это значитъ?.. Я на это несогласенъ!.. Я постараюсь отдать самъ...

Мэри. Какъ несогласенъ? Что за вздоръ! Я должна тебѣ три тысячи, и передаю ихъ за тебя Сашѣ... (*Паньшину*). На, вотъ тебѣ деньги Болтова! (*Подаетъ ему пачку кредитныхъ билетовъ*). Теперь вы квиты?

Пан. (*кладя деньги въ карманъ*). Квиты;—спасибо, дружище: очень кстати! (*Пожимаетъ руку Болтову*).

Болт. (*смѣшавшись*). Полно, — мнѣ, право, совѣстно!.. (*Къ Мэри*). Какъ ты добра, Мэри!.. Но, когда же я тебѣ отдамъ?

Мэри. Ты мнѣ ничего не долженъ!.. Я сейчасъ отдала проценты, а за мной еще капиталъ...

Болт. Какой капиталъ?..

Мэри. А то, что ты платилъ за меня, когда я была больна... Этотъ капиталъ у меня здѣсь (*указываетъ на сердце*), и все растетъ, растетъ!..

Болт. Полно, Мэри, — то были бездѣлицы; мнѣ, право, совѣстно вспомнить...

Мэри. Бездѣлицы, да отъ души и изъ послѣдняго... А эта цѣпочка! (*Указываетъ на цѣпочку, которая у нея на шеѣ*). Я знаю, чего тебѣ стоило съ ней разстаться...

Болт. (*съ чувствомъ*). Да, это память отъ жены моего отца!.. (*Вздыхая*) Жена моего отца не была моей матерью... Я не знаю, кто была моя мать... Но ту, которая благословила меня этимъ образомъ (*показываетъ на медальонъ, висящій у него на груди*), я

съ дѣтства привыкъ считать матерью... Вотъ онъ (*разсматривая медальонъ*) — образъ апостола Петра, патрона моего отца!... (*Къ Мэри*) Да, во время твоей болѣзни, я, тихонько отъ Марьи Михайловны, заложилъ цѣпочку... Но образъ былъ всегда при мнѣ...

Мэри. Возьми же назадъ и цѣпочку; я, нарочно, ее выкупила: вотъ, возьми (*снимаетъ съ себя цѣпочку*); съ такими вещами не надо разставаться...

Болт. Спасибо, Мэри; ты меня очень утѣшила!.. Спасибо!..

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Марья Михайловна.

Мар. Мих. (*войдя и поглядѣвъ въ окно*). Вотъ, чудо-то: никакъ, гроза собирается! Не затворить ли?..

Болт. Нѣтъ, оставьте такъ; теперь пріятно освѣжиться... (*Къ Марьѣ Михайловнѣ*) Подите-ка сюда, посмотрите, что у меня есть!..

Мар. Мих. Ну, что еще выдумалъ? Чай, пустяки какіе нибудь?

Болт. Посмотрите-ка: цѣпочка-то отъ образа апостола опять у меня!..

Мар. Мих. (*съ живостью*). Ахъ, мои батюшки, вотъ радость-то!.. Да откуда же это? Откуда Богъ послалъ?.. А я думала, она совсѣмъ ужь сгинула!.. Шутка ли: больше трехъ годовъ не видѣла!..

Болт. Мэри приберегла, да отдала мнѣ сейчасъ...

Мар. Мих. (*къ Мэри*). Ахъ, ты моя разумница, золотая моя!.. Слава тебѣ, Господи!.. Смотри-ка, радость какая!.. (*Къ Болтову*) А я, признаться, всегда мекала, что оттого вамъ Богъ и счастья не даетъ, что благословеніе не соблюли... (*Раздается ударъ грома. Марья Михайловна набожно крестится*). Слава Тебѣ, Господи,—Слава Тебѣ, Господи,—Слава Тебѣ, Господи!..

Пан. Какъ гроза-то разыгралась!.. Но, что за воздухъ — чудо! (*Подходитъ къ окну. — По временамъ, раздаются раскаты грома*).

Болт. (*къ Паньшину*). Что же? ты хотѣлъ приниматься за каррикатуры?..

Пан. Погоди, братецъ, — теперь нерасположенъ; вовсе

не чувствую въ себѣ желчи и злобы къ людямъ... Напротивъ, такъ бы, кажется, и бросился всѣхъ обнимать!.. Дайте, начну съ васъ. Марья Михайловна, — Болтовъ, Мэри! (*Обнимаетъ ихъ по очереди*). Мэри, прелесть моя!.. Я теперь бѣденъ, а не меньше прежняго счастливъ... Люби только ты меня; мнѣ больше ничего не нужно! (*Цалуетъ ее нѣсколько разъ*).

Болт. А баронъ?

Пан. О баронѣ я не забочусь: какъ она знаетъ, — я не ревнивъ!..

Мар. Мих. Зачѣмъ оставлять барона! Баронъ человѣкъ хорошій, почтенный; еще наградитъ... Ахъ, батюшки, счастье-то какое!.. А я думала, — совсѣмъ цѣпочка пропала: сгинула, думала, да и только! (*Раздается звонокъ у двери.*)

Болт. Кто бы это? Марья Михайловна, потрудитесь!... (*Марья Михайловна выходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, лакей, и потомъ графиня Рива де-Нейра.

Лакей (*входя*). Графиня Рива де-Нейра!..

Болт. (*съ удивленіемъ*). Какъ? Сама графиня? Мнѣ, право, совѣстно!.. Проси, проси!.. (*Лакей уходитъ*). Приберемте, что можно!.. (*Всѣ бросаются наскоро прибирать. Входитъ графиня Рива-де-Нейра; за ней Марья Михайловна*).

Болт. (*встрѣчая графиню*). Графиня — вы здѣсь, — въ такую пору? Не знаю, какъ благодарить васъ!...

Гр. Рив. де-Нейр. Я уѣзжаю изъ Россіи... Вчера была моя свадьба съ графомъ Рива де-Нейра... Завтра мы отправляемся въ Испанію, и потомъ тотчасъ же въ Маниллу... Мужъ мой назначенъ туда губернаторомъ... Но я не могла уѣхать, не простившись съ друзьями... (*Къ Болтову*) Вамъ, Дмитрій Петровичъ, я обязана жизнью, добрымъ именемъ, счастьемъ!... Я не съумѣю выразить вамъ то, что я чувствую... Одинъ Богъ въ состояніи заплатить вамъ... Я, съ своей стороны, обѣщаю вамъ только неизмѣнную дружбу и любовь сестры... Обнимите меня, мой лучшій другъ!... Вы моя гордость, моя слава! (*Прижимаетъ его къ груди, и рыдаетъ отъ восторга*)...

Болт. (*съ замѣшательствомъ*). Графиня!... Вы придаете слишкомъ много цѣны моей услугѣ... Я не менѣе обязанъ вамъ...

Вы первая открыли мнѣ глаза, когда я готовъ былъ запутаться въ этомъ биржевомъ омутѣ. Репутація моя спасена вами...

Гр. Рив. де-Нейр. (*къ Мери*). M-lle Мари, не откажитесь поцаловать меня на этотъ разъ...

Мэри (*съ чувствомъ*). Графиня! Вы слишкомъ добры...

Гр. Рив. де-Нейр. (*цалуя Мэри*). Вотъ, вамъ поцалуй, отъ чистаго сердца!... Будьте счастливы, добры и милы, какъ прежде!... (*Къ Паньшину*) Вамъ, Александръ Петровичъ, я также многимъ обязана...

Пан. (*перебивая*) Помилуйте, графиня!... Я дѣлалъ только то, что всякій сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ...

Гр. Рив. де-Нейр. Во всякомъ случаѣ, искренно благодарю васъ (*протягиваетъ ему руку, которую онъ цалуетъ*)... Прощайте, друзья мои... Васъ, Болтовъ, я жду къ намъ, въ Маниллу... Тамъ, подъ южнымъ небомъ, поговоримъ про Петербургъ, да про былое время... Пріѣзжайте же!...

Болт. Постараюсь, графиня... Я, въ самомъ дѣлѣ, ѣду въ кругосвѣтное плаваніе: надо освѣжиться послѣ этой катастрофы...

Гр. Рив. де-Нейр. (*къ Болтову*). Такъ мы васъ ждемъ... До свиданія!... Мнѣ хотѣлось бы вамъ оставить что нибудь на память... (*Снимаетъ съ себя медальонъ*) Вотъ память моей покойной матери... Это — образъ апостола Петра, которымъ благословила меня мать, предъ смертью; у меня нѣтъ вещи драгоцѣннѣе... Возьмите, возьмите!... (*Передаетъ ему медальонъ*) Если мать моя смотритъ на меня теперь съ неба, она не оскорбится моимъ поступкомъ... (*Буря стихаетъ*). Взгляните, какъ ясно небо, какъ мирно въ воздухѣ!... Видно, душа матери довольна мной!... (*Подымаетъ глаза, и мысленно молится*).

Болт. (*съ удивленіемъ разсматривая медальонъ*). Это непостижимо!...Мой медальонъ точно такой же... (*Къ Марьѣ Михайловнѣ*) Марья Михайловна, посмотрите-ка!

Мар. Мих. (*Подбѣжавъ и разсмотрѣвъ медальонъ, съ восторгомъ и изумленіемъ осматриваетъ графиню*). Господи, — Мать Пресвятая Богородица!... Неужели я сподобилась этой милости?... (*Къ графинѣ*) Сударыня—извините моей простотѣ:—откуда у васъ образокъ-то?

Гр. Рив. де-Нейр. Это—благословеніе моей матери, Софьи Ивановны Мамаевой...

Мар. Мих. Супруги Петра Иваныча?

Гр. Рив. де-Нейр. Да. Петра Иваныча Мамаева,—Петръ Иванычъ былъ мой отецъ... Онъ скончался недавно, а матери я вовсе не помню...

Мар. Мих. (*съ восторгомъ*). Такъ и есть!.. Силы небесныя!.. Сердце-то, сердце-то: словно голубь — вылетѣть хочетъ!... (*Держитъ себѣ рукою сердце*)... Сударыня, не взыщите со старухи! (*Бросается къ графинѣ*) Дайте ручку!.. Вѣдь я знавала вашихъ родителей-то; жила у нихъ въ домѣ... При мнѣ и вы родились...

Гр. Рив. де-Нейр. (*съ чувствомъ*). Возможно ли? Какъ это было?.. Давно ли вы изъ нашего дома?..

Мар. Мих. Пришло, видно, время все разсказать... Такъ, значитъ, Богу угодно... Жила я въ вашемъ домѣ — ужь годовъ, двадцать, чай, — либо поболѣе... При маменькѣ вашей находилась; къ ней во дворъ взята была... Помню, какъ васъ маменька-то рожала... Много страданья перенесла она, сердечная... Съ тѣхъ поръ все и болѣла... Вотъ, когда вамъ было годочка, знать, два, почувствовали, это, маменька себя больно плохо; за священникомъ послали... Помните, чай, отца Пахомія?.. Славный былъ старикъ!..

Гр. Рив. де-Нейр. Помню, помню...

Мар. Мих. Позвали отца Пахомія; маменька исповѣдалась, причастилась... да и велѣли васъ привести къ себѣ, къ постели, да еще мальчика... сынка Петра-то Иваныча...

Гр. Рив. де-Нейр. Какъ? У меня вѣдь не было братьевъ!..

Мар. Мих. (*закраснѣвшись*). Ужь извините, сударыня, вамъ разскажу... Сыночекъ-то у Петра Иваныча не отъ вашей маменьки былъ... былъ до брака прижитъ... Однако, маменька его очень, очень любили... Вотъ привели ихъ обоихъ къ постели... Маменька приказали себѣ достать два образочка апостола Петра, — нарочно заказаны были одинакіе,—да и изволили надѣть и на дочку-то свою, — значитъ на васъ, — и на сынка-то Петра Иваныча... Скоро затѣмъ и скончались... Царство ей небесное!.. (*Утираетъ слезы*).

Гр. Рив. де-Нейр. (*съ любопытствомъ*). Гдѣ же другой образокъ,—у кого?.-

Болт. (*съ восторгомъ*). Теперь, мнѣ все понятно! Сестра, другъ мой!.. (*Бросается въ объятія графини*).

Гр. Рив. де-Нейр. (*съ радостнымъ удивленіемъ*). Какъ? ты мой братъ!.. Боже благодарю Тебя!.. (*Обнимаетъ Болтова*).

Болт. (*любуясь графиней*). Ахъ, какое счастье! Сестрица, ангелъ мой! Какъ ты хороша, какъ мила, какъ добра!.. Боже!.. Я, кажется, съ ума сойду, отъ радости... Да! (*къ Марьѣ Михайловнѣ*) Марья Михайловна! А вѣдь вы не все досказали... Кто же была моя мать?.. Вы должны знать... Не скрывайте;—не грѣшите предъ Богомъ!..

Мар. Мих. (*опускаясь на колѣни*). Да будетъ его святая воля... Я, Митя,—я твоя мать,—я грѣшная раба Божія!.. Прости меня, голубчикъ... Тяжкій грѣхъ мой предъ Господомъ!..(*Заливается слезами*).

Болт. (*бросаясь къ ней на шею*). Матушка, благодѣтельница моя!... Да вѣдь не вы ли меня вскормили?... Не вы ли ходили за мной, какъ родная? Какъ же это я не догадывался!... Господи, сколько радостей!... Значитъ, я не одинокъ на свѣтѣ: есть кого мнѣ любить, есть для кого жить и работать, есть за кого молиться!...

Гр. Рив. де-Нейр. Обнимите меня, Марья Михайловна... Вы мнѣ не меньше близки: вы воспитали моего брата, моего благодѣтеля!... (*Обнимаетъ ее*).

Мэри (*въ раздумьи*). А я, такъ, и не знаю, кто были мои родители!...

Пан. (*вполголоса*). И не старайся узнавать, а то, пожалуй, откроется, что ты мнѣ сестра... съ которой нибудь стороны... (*Улыбаясь*) Нѣтъ, лучше не узнавай!...

Болт. (*восторженно*). Ахъ, какъ мирно, какъ легко на душѣ!... Тучи разсѣялись, сомнѣній какъ не бывало... Свѣтло, ясно!...

Пан. (*взглянувъ въ окно*). Гроза совсѣмъ прошла; небо просвѣтлѣло. Въ воздухѣ не шелохнетъ!...

Болт. Просвѣтлѣло и въ нашей жизни... Гроза очистила воздухъ!... За то, нельзя не вспомнить добрымъ словомъ и нашъ «Громоотводъ».

(*Занавѣсъ опускается.*)

ОЧЕРКИ
ИЗЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ
(по миллю.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ началѣ прошлаго года сталъ я печатать при «Современникѣ» «Переводъ Основаній Политической Экономіи» Милля, съ прибавленіемъ своихъ замѣчаній и дополненій. Въ теченіе года успѣлъ я напечатать такимъ образомъ изъ пяти книгъ переводимаго трактата только одну первую, въ которой излагается теорія производства. Я увидѣлъ, что ошибся, когда считалъ удобнымъ прилагать свой переводъ къ журналу. Одна первая книга уже составила около 27 печатныхъ листовъ, и оказывается, что весь трактатъ будетъ составлять листовъ 100, если не больше. Я полагалъ, что не расширю его до такого объема. По шрифту, выбранному для печатанія перевода, собственно переводъ долженъ занимать около 55 листовъ. Я думалъ, что примѣчаній и дополненій сдѣлаю не много, такъ что, отъ нихъ объемъ переводимаго сочиненія увеличится листовъ на 7, много на 10, и всего выйдетъ листовъ 65. Въ такомъ размѣрѣ печатаніе перевода при «Современникѣ» можно было кончить въ два года, т. е. къ концу нынѣшняго. Читатель видѣлъ, что мнѣ не удалось удержаться въ границахъ, которыя, какъ теперь разсказываю, ставилъ я себѣ при началѣ печатанія. Я увидѣлъ, что при размѣрѣ, какой принимаетъ моя работа, нѣтъ возможности продолжать ея изданіе въ преж-

ней формѣ: оно въ этомъ случаѣ растянулось бы по четыремъ годамъ журнала, а при такой растянутости, конечно, служило бы ему только обремененіемъ. Потому-то я только докончилъ печатаніе первой книги при «Современникѣ» и остановился.

Но остановился я только въ печатаніи моей работы при «Современникѣ», а не въ самой работѣ. Главную часть ея, — самый переводъ Милля, — я теперь уже кончилъ, а на то, чтобы прибавить примѣчанія — потребуется не очень много времени. Поэтому я разсчитываю, что издамъ остальныя 4 книги трактата Милля отдѣльными томами довольно скоро.

Я считаю обязанностью напечатать прежде въ «Современникѣ», въ замѣнъ полнаго перевода, обзоръ остальныхъ книгъ трактата Милля, въ размѣрѣ, удобномъ для журнала, такъ чтобы не имѣли надобности, для пополненія къ первой книгѣ, покупать отдѣльнаго изданія читатели, которые не захотѣли бы имѣть переводъ этого сочиненія безъ того обстоятельства, что первая книга была напечатана въ получаемомъ ими журналѣ.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ.

[МИЛЛЬ, КНИГА ВТОРАЯ.]

А. СОПЕРНИЧЕСТВО, КАКЪ НОРМА РАСПРЕДѢЛЕНІЯ. — В. КЛАССЫ, МЕЖДУ КОТОРЫМИ ДѢЛИТСЯ ПРОДУКТЪ.

(гл. III—X).

Разумѣется, мы должны обозрѣвать содержаніе трактата Милля по порядку книгъ и главъ. Первая книга уже извѣстна въ полномъ составѣ читателю. Стало быть намъ приходится начинать со второй; а во второй первыя двѣ главы трактуютъ о системахъ экономическаго устройства, основанныхъ на принципѣ, различномъ отъ господствующаго принципа новой экономической исторіи, и потомъ объ этомъ принципѣ, о частной собственности, о степени ея экономической полезности въ нынѣшнемъ ея видѣ и о томъ, какія измѣненія нынѣшняго ея вида справедливы и полезны по мнѣнію Милля, — слѣдовательно (заключаете вы) статьи наши должны начаться обзоромъ этихъ главъ, — о коммунизмѣ и о частной собственности. Какъ бы не такъ! — «держи карманъ!» — Извините за простонародное выраженіе. — Неужели, читатель, вы до сихъ поръ такъ наивны,

что думаете, будто мы (я говорю собственно про себя, про другихъ не знаю) — будто мы поступаемъ, какъ слѣдуетъ поступать? — Напримѣръ, будто мы пишемъ о томъ, о чемъ слѣдуетъ писать?—Никогда! Да, съ гордостью могу сказать я о себѣ, что никогда не отступалъ до сихъ поръ отъ правила: пиши не о томъ, о чемъ слѣдуетъ, да и о томъ, о чемъ почти что не стоитъ писать, пиши не такъ, какъ слѣдуетъ. Неужели захочу я теперь испортить репутацію, пріобрѣтенную годами неуклоннаго слѣдованія этому принципу? Неужели захочу я подвергнуться угрызеніямъ совѣсти? Никогда. Я ненарушимо держусь принципа и съ удовольствіемъ жертвую ему двумя первыми главами II книги Милля, обзоромъ которыхъ мнѣ слѣдовало бы начать.

Да и на что намъ онѣ? Что касается до меня, мнѣ въ коммунистическомъ обществѣ жить не придется, слѣдовательно плевать я хотѣлъ на коммунизмъ (съ вашего позволенія). А вы, читатель, смѣю спросить, кто вы такой? До вашей нравственности, до вашего ума мнѣ нѣтъ никакого дѣла; я только спрашиваю: каковъ размѣръ вашего имущества? Если вы владѣете порядочной собственностью или хотя ждете порядочнаго наслѣдства, тогда вы, безъ всякаго Милля, знаете, какое это хорошее учрежденіе — собственность (конечно, если она не должна идти не нынѣ-завтра подъ аукціонный молотокъ), и знаете вы, что всѣ другія системы общественнаго устройства, кромѣ системы частной собственности, фальшивы и гибельны. Если же у васъ недвижимаго имущества нѣтъ, движимаго маловато, — тогда, — тогда простите меня за прямоту: я съ вами толковать не намѣренъ, потому что я не хочу знаться съ людьми не порядочными. Стало быть, во всякомъ случаѣ, нечего мнѣ ни для себя, ни для читателя останавливаться на первыхъ двухъ главахъ II книги Милля.

Развѣ только для приличія, чтобы ужь не совсѣмъ пренебречь этими двумя первыми главами, не стоющими никакого вниманія, выпишемъ первую страничку пропускаемаго нами отдѣла II книги, да и то больше не для самой этой странички, а такъ лишь для общаго предисловія къ слѣдующимъ выпискамъ.

Рутинные политико-экономы выставляютъ всѣ части экономическаго быта одинаково независящими въ своихъ основныхъ чертахъ отъ соображеній человѣка о лучшемъ устройствѣ человѣческаго быта. На самомъ же дѣлѣ принципы только одной части экономическаго быта, именно производства, налагаются на человѣка съ необходимостью физическихъ законовъ, — остальные элементы экономическаго быта устроиваются уже самимъ человѣкомъ и вполнѣ подлежатъ власти историческихъ обстоятельствъ; — разъясненіемъ

этой важной разницы теоріи производства отъ теоріи распредѣленія обмѣна и начинаетъ Милль свою вторую книгу:

Принципы, изложенные въ первой части нашего трактата, сильно отличаются въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ принциповъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь приступаемъ. Законы и условія производства имѣютъ характеръ истинъ, о какихъ говорятъ естественныя науки. Въ нихъ нѣтъ ничего, зависящаго отъ воли, ничего такого, что было бы можно измѣнить. Все производимое человѣкомъ должно быть производимо тѣми способами и подъ тѣми условіями, какія налагаются качествами внѣшней природы и внутренними свойствами физическаго и умственнаго устройства самаго человѣка. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но размѣръ его производства все равно будетъ опредѣляться размѣромъ его предварительнаго сбереженія и при данномъ размѣрѣ сбереженія будетъ пропорціоналенъ энергіи человѣка, его искуству, достоинству его орудій и благоразумному пользованію выгодами соединеннаго труда. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но, удвоивъ количество труда, онъ не получитъ съ даннаго пространства земли удвоеннаго количества пищи, если не произойдетъ улучшенія въ земледѣльческомъ процессѣ. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но непроизводительный расходъ отдѣльныхъ лицъ будетъ вести къ пропорціональному обѣднѣнію общества, и только производительнымъ расходованіемъ будетъ обогащаться общество. Каковы бы ни были мнѣнія или желанія по этимъ вещамъ, они не измѣняютъ характера самыхъ вещей. Мы не можемъ сказать впередъ, какихъ предѣловъ не перейдутъ измѣненія въ способахъ производства, какихъ предѣловъ не превзойдетъ возрастаніе производительности труда при будущемъ расширеніи нашихъ знаній о законахъ природы и при возникновеніи изъ этихъ новыхъ знаній новыхъ промышленныхъ процессовъ, о которыхъ мы теперь не имѣемъ и понятія. Но каковы бы ни были наши успѣхи въ стараніяхъ расширить предѣлы, полагаемые намъ свойствами вещей, мы знаемъ, что непремѣнно существуютъ эти предѣлы: мы не можемъ измѣнить коренныхъ качествъ ни матеріи, ни мысли, а можемъ только съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ употреблять эти качества на произведеніе феноменовъ, нужныхъ для насъ.

Не таковы принципы распредѣленія богатства. Это распредѣленіе — чисто дѣло человѣческаго учрежденія. Когда явились вещи, то люди, или какъ частные люди, или какъ общество, могутъ поступать съ ними, какъ захотятъ. Они могутъ отдать ихъ въ распоряженіе, кому имъ угодно и на какихъ имъ угодно условіяхъ. Далѣе: когда люди живутъ въ обществѣ, то всякое распоряженіе вещами можетъ происходить только по согласію общества, или, точнѣе говоря, по согласію тѣхъ, которые располагаютъ дѣятельною силою общества; это согласіе необходимо при всякомъ общественномъ устройствѣ, независимость отъ него бываетъ только въ одиночествѣ совершенной пустыни. Даже вещи, произведенныя однимъ своимъ личнымъ трудомъ, безъ всякой чужой помощи, че-

ловѣкъ не можетъ сохранять въ своемъ распоряженіи иначе, какъ по дозволенію отъ общества. Мало того, что общество можетъ ихъ взять у него, — ихъ могли бы взять и взяли бы у него отдѣльные люди, если бъ общество осталось къ этому равнодушно, если бъ оно не употребляло бы своего вмѣшательства въ цѣломъ своемъ составѣ, или не назначало и не содержало особенныхъ людей, чтобы не давать никому нарушать его владѣнія этими вещами. Такимъ образомъ распредѣленіе богатства зависитъ отъ законовъ и обычаевъ общества. Правила, которыми оно опредѣляется, бываютъ тѣ, какія созданы мнѣніями и желаніями правящей части общества; въ разныя времена и въ разныхъ обществахъ эти правила очень различны, и могли бы стать еще различнѣе отъ прежнихъ, если бы того захотѣли люди.

Дѣйствительно, у разныхъ народовъ и въ разныя эпохи у одного народа мы видимъ формы экономическаго быта чрезвычайно разнообразныя. Не говоримъ уже о томъ, что, въ противоположность нынѣшнему господству принципа частной собственности у цивилизованныхъ націй, были у тѣхъ же племенъ въ глубокую старину формы, представляющія видимое сходство съ коммунизмомъ,—формы, до сихъ поръ господствующія у разныхъ варварскихъ и полуварварскихъ племенъ; не говоримъ о томъ, что у самыхъ передовыхъ націй до сихъ поръ сохраняется кое-что изъ этихъ учрежденій дикой старины, напримѣръ, за береговою чертою море признается всѣми націями за общее достояніе человѣческаго рода; судоходныя рѣки у самыхъ передовыхъ націй еще остались общимъ достояніемъ націи; въ самой Англіи, не говоря уже о Франціи и Германіи, еще остаются городскіе выгоны какъ общее достояніе цѣлаго города и т. д. Это послѣднее обстоятельство—чисто калмыцкая или чирокезская черта, а въ понятіи о морѣ англичане, французы и прочіе — чуть ли не перещеголяли самихъ троглодитовъ; не говоримъ и о томъ, что въ сферѣ громадныхъ предпріятій стала все сильнѣе и сильнѣе выступать тенденція, противоположная безграничному праву частной собственности (укажемъ развитіе этой тенденціи по двумъ направленіямъ, извѣстнымъ каждому: акціонерныя общества захватываютъ все больше и больше мѣста въ промышленной дѣятельности; когда частная собственность мѣшаетъ осуществленію громадныхъ предпріятій, замышляемыхъ акціонерными обществами, законъ устраняетъ ее съ ихъ пути посредствомъ экспропріаціи, которая все больше и больше входитъ въ законное правило и при столкновеніяхъ государственной дѣятельности съ частною собственностью, — столкновеніяхъ, прежде разрѣшавшихся экстренными противузаконными мѣрами администраціи, а теперь развязываемыхъ противъ частной собственности въ пользу государственныхъ надобностей правильными приговорами законныхъ судилищъ);—обо

всемъ этомъ мы не станемъ говорить, потому что тутъ везде—нечто похожее на коммунизмъ, на который мы ужъ наплевали, въ чемъ и объяснились выше. Нѣтъ, и въ дѣлахъ, совершающихся исключительно по принципу частной собственности, формы экономическаго устройства очень различны. Возьмемъ, напримѣръ, земледѣльческій продуктъ. Въ иномъ мѣстѣ, напримѣръ въ Бразиліи, весь онъ принадлежитъ одному классу, землевладѣльцамъ, воздѣлывающимъ свои поля посредствомъ рабовъ: земля и капиталъ — собственность плантатора; трудъ исполняется людьми, составляющими также его собственность, то есть въ экономическомъ отношеніи не людьми, а машинами или домашнимъ скотомъ. Въ другихъ мѣстахъ землевладѣлецъ также самъ бываетъ антрепренеромъ, ведущимъ дѣло на свой капиталъ, но уже посредствомъ свободныхъ работниковъ, такъ что тутъ два класса: землевладѣльцы-хозяева и наемные работники. Въ иныхъ мѣстахъ мы видимъ тоже два класса, но уже не такъ распредѣляются между ними три элемента производства; значитъ, и продуктъ: землю беретъ у владѣльца въ аренду человѣкъ, самъ ее воздѣлывающій собственнымъ трудомъ и капиталомъ; да и тутъ опять есть разныя формы распредѣленія между этими двумя лицами, землевладѣльцемъ и арендаторомъ-работникомъ: въ однихъ мѣстахъ арендная плата опредѣляется торговыми условіями, въ другихъ остается неизмѣнна, въ третьихъ обычное право арендатора на пользованіе землею, съ незапамятной старины находившееся въ его родѣ, укоренилось до того, что землевладѣлецъ уже утратилъ всякую власть вмѣшиваться въ хозяйство арендатора, такъ что тутъ какъ будто два собственника: одинъ по имени, а другой на дѣлѣ, — и на дѣлѣ выходитъ, что земля отчасти принадлежитъ арендатору работнику и лишь отчасти лицу, называющемуся владѣльцемъ ея. Бываетъ и такое устройство, въ которомъ каждый изъ трехъ элементовъ производства имѣетъ своимъ представителемъ особенный классъ. Земля принадлежитъ землевладѣльцу, капиталъ фермеру, а самъ фермеръ уже не работникъ, и трудъ на фермѣ исполняется людьми другаго сословія, работниками. Наконецъ, есть еще особенное устройство, когда самъ землевладѣлецъ—съ тѣмъ вмѣстѣ и работникъ, иначе сказать, когда работникъ вмѣстѣ и собственникъ земли, и капиталъ принадлежитъ также ему самому.

Какая же тутъ неизмѣнность законовъ распредѣленія, когда распредѣленіе видоизмѣняется по множеству разныхъ общественныхъ отношеній, созданныхъ почти всегда историческими обстоятельствами, совершенно независимыми отъ экономическихъ принциповъ и по-большей-части прямо противорѣчащими имъ? Развѣ политико-экономическими принципами былъ устроенъ общественный

былъ при завоеваніи Римской имперіи варварами, или во времена феодализма или даже въ позднѣйшія, хотя бы въ наши времена? Развѣ онъ еще не подчиненъ господству вліяній, гораздо сильнѣйшихъ, чѣмъ здравый экономическій разсчетъ? Развѣ изъ здраваго экономическаго разсчета велись войны при Наполеонѣ I, — войны, развязкой которыхъ рѣшенъ былъ экономическій бытъ Европы? Развѣ по экономическому разсчету завладѣла и хочетъ продолжать владѣть Алжиріею Франція? Развѣ по здравому экономическому разсчету устроились и сохраняются поземельныя отношенія въ Англіи? — Но вѣдь мы вовсе не то говоримъ (отвѣчаютъ рутинные политико-экономы), что всѣ установившіяся формы экономическихъ отношеній сообразны съ принципами науки, или что всѣ эти формы должны остаться неизмѣнны; напротивъ, мы порицаемъ многія изъ нихъ, порицаемъ даже всѣ, за исключеніемъ только одной, и доказываемъ, что всѣмъ имъ лучше было бы замѣниться этою одною, которая одна удовлетворительна. Мы говоримъ только, что неизмѣненъ общій принципъ, по которому распредѣляется продуктъ при всѣхъ этихъ формахъ, и что онъ вполнѣ удовлетворителенъ; принципъ этотъ — соперничество. Оно имѣетъ въ себѣ необходимость закона природы; устранить его невозможно; а еслибъ и можно было устранить его, не слѣдовало бы устранять, потому что ничего лучшаго нельзя и придумать человѣку. — Посмотримъ, такъ ли это.

ПРИНЦИПЪ СОПЕРНИЧЕСТВА. СТЕПЕНЬ ВСЕОБЩНОСТИ ЕГО ДѢЙСТВІЙ; СТЕПЕНЬ ЕГО СООБРАЗНОСТИ СЪ НАИВЫГОДНѢЙШИМИ УСЛОВІЯМИ ПРОИЗВОДСТВА И РАСПРЕДѢЛЕНІЯ; ЗАРОДЫШЪ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТИНЫ, НАХОДЯЩІЙСЯ ВЪ ЭТОМЪ ПРИНЦИПѢ, И ВЫСШІЙ ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ПРИНЦИПЪ, ПОСТАВЛЯЕМЫЙ НАУКОЮ НА МѢСТО СОПЕРНИЧЕСТВА.

Обыкновенные экономисты разсуждаютъ такъ, какъ будто бы всѣ промышленныя операціи совершаются подъ господствомъ соперничества, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ устраненъ монополіей, такъ что случаи, въ которыхъ онъ не дѣйствуетъ, представляются исключеніями, а его господство — общимъ правиломъ. Эту ошибку очень удовлетворительно разоблачаетъ Милль въ IV главѣ, которую мы и приводимъ здѣсь всю цѣликомъ.

При системѣ частной собственности продуктъ дѣлится подъ вліяніемъ дѣйствія двухъ силъ: соперничества и обычая. Для насъ важно узнать величину вліянія той и другой силы и видоизмѣненія, которымъ дѣйствіе одной подвергается по вліянію другой.

Политико-экономы вообще, а въ особенности англійскіе, при-

мыкли придавать почти исключительное значеніе соперничеству, почти не принимая въ соображеніе противоположныхъ ему дѣйствій обычая. Они часто выражаются такъ, какъ будто думаютъ, что соперничество на самомъ дѣлѣ всегда совершаетъ тотъ результатъ, къ совершенію котораго стремится по теоріи. Это отчасти объясняется тѣмъ, что только черезъ принципъ соперничества получаетъ политическая экономія права на научный характеръ. На сколько опредѣляется соперничествомъ величина ренты, прибыли, рабочей платы, цѣны, эти величины могутъ быть подведены подъ законы. Если мы примемъ, что онѣ опредѣляются исключительно соперничествомъ, то можно вывести принципы, по которымъ онѣ видоизмѣняются, и эти принципы будутъ имѣть высокую всеобщность и научную точность. Политико-экономъ справедливо считаетъ это своимъ прямымъ дѣломъ, и политическая экономія, какъ абстрактная или гипотетическая наука, не обязана и не можетъ сдѣлать ничего, кромѣ этого. Но совершенно искаженнымъ понятіемъ о дѣйствительномъ ходѣ человѣческихъ дѣлъ была бы мысль, что соперничество на самомъ дѣлѣ имѣетъ эту неограниченную силу. Я не говорю о естественныхъ и искуственныхъ монополіяхъ, не говорю о вмѣшательствахъ власти, измѣняющихъ свободный ходъ производства и обмѣна, — политико-экономы всегда принимали въ соображеніе эти вліянія, нарушающія дѣйствіе соперничества. Я говорю о такихъ случаяхъ, въ которыхъ дѣйствію соперничества нѣтъ никакихъ стѣсненій или препятствій ни отъ сущности дѣла, ни отъ искуственныхъ затрудненій, но въ которыхъ результатъ все-таки опредѣляется не соперничествомъ, а привычкою или обычаемъ, и соперничество или совершенно не дѣйствуетъ, или производитъ дѣйствія совершенно не такія, какія обыкновенно считаются естественнымъ его результатомъ.

Соперничество лишь съ недавняго времени стало оказывать сколько нибудь значительное вліяніе на экономическія условія между людьми. Чѣмъ отдаленнѣе отъ насъ время, тѣмъ исключительнѣе вліяніе неподвижныхъ обычаевъ на всѣ сдѣлки и обязательства. Причина тому очевидна. Обычай — сильнѣйшій защитникъ слабыхъ противъ сильныхъ; единственный защитникъ слабыхъ тамъ, гдѣ законы или правительство не въ силахъ защитить ихъ. Обычай — преграда, которую больше или меньше принуждено уважать тиранство даже при самомъ угнетенномъ состояніи людей. Свобода соперничества — пустой звукъ для трудящагося населенія въ бурномъ военномъ обществѣ; трудящіеся никакъ тутъ не могутъ спорить объ условіяхъ своего труда: тутъ всегда есть господинъ, кладущій на вѣсы свой мечъ, и условія опредѣляются такія, какія налагаетъ онъ. Но хотя дѣла и рѣшаются по праву сильнѣйшаго, сильнѣйшій не находитъ выгоды и вообще не имѣетъ охоты настаивать на исполненіи этихъ условій во всей ихъ суровости, а каждое смягченіе ихъ имѣетъ тенденцію становиться обычаемъ, всякій обычай становиться правомъ. Не какое нибудь соперничество, а права, возникшія такимъ образомъ, опредѣляютъ при грубомъ положеніи общества ту часть продукта, которая предоставляется чело-

вѣку, его производящему. Въ особенности опредѣлялись обычаемъ страны до новѣйшихъ фазисовъ общественнаго развитія всѣ отношенія между землевладѣльцемъ и земледѣльцемъ и всѣ платежи земледѣльца землевладѣльцу. Только въ послѣднее время условія пользованія землею стали, вообще говоря, дѣломъ соперничества; во всѣ прежнія времена было не такъ: человѣкъ, воздѣлывающій землю, обыкновенно считался тогда имѣющимъ право сохранять за собою эту землю, пока исполняетъ обычныя условія, и такимъ образомъ сдѣлался, какъ бы имѣющимъ нѣкоторое право собственности на землю, совмѣстно съ настоящимъ собственникомъ. Даже и тамъ, гдѣ земледѣлецъ не пріобрѣлъ такой вѣчности пользованія, условія пользованія часто бывали постоянны и неизмѣнны.

Напримѣръ, въ Индіи и въ другихъ азіатскихъ обществахъ, имѣющихъ такое же устройство, райоты или поселяне-фермеры не считаются такими фермерами, которыхъ землевладѣлецъ можетъ прогнать когда хочетъ, или даже по истеченіи извѣстнаго срока. Правда, почти во всѣхъ деревняхъ есть нѣкоторые райоты, находящіеся въ этомъ непрочномъ положеніи; но они—люди, поселившіеся тутъ недавно, или потомки людей, поселившихся не очень давно, во время еще памятное; а тѣ, которые считаются потомками или представителями первоначальныхъ жителей, почитаются имѣющими право сохранять за собою свою землю, пока платятъ обычную ренту; это право признается и за многими переселенцами, если они давно уже наняли свою землю. Надобно сознаться, что почти вездѣ уже затемнилось понятіе о первоначальной или правильной величинѣ этой обычной ренты: узурпація, тираннія и иноземное завоеваніе значительно исказили факты, по которымъ опредѣлялась бы эта величина. Когда старинное чисто гиндусское владѣніе переходитъ подъ власть британскаго правительства или подъ управленіе его агентовъ и когда начинается пересмотръ системы доходовъ, то обыкновенно оказывается, что фискальное хищничество расширило требованія государства, главнаго землевладѣльца, такъ что стерлись на практикѣ всѣ границы этихъ требованій; но все-таки оказывается, что считалось необходимымъ придумывать особенное имя и особенный предлогъ для каждаго лишняго требованія, такъ что, сверхъ собственно такъ-называемой ренты, требовалось иногда еще 30 или 40 другихъ платежей. Къ этому окольному способу увеличивать платежи, навѣрное не прибѣгли бы, если бы за землевладѣльцемъ было признанное право увеличивать ренту. Употребленіе этого средства—доказательство, что нѣкогда была обычная рента, которую нельзя было увеличивать, и что райотъ не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ имѣлъ нѣкогда право на землю, пока платилъ ренту, согласную съ обычаями (*). Бри-

(*) Древніе индійскіе законы называютъ надлежащей рентой шестую часть или четвертую часть продукта; но нѣтъ доказательствъ, чтобы правила, опредѣляемыя этими законами, когда нибудь дѣйствительно соблюдались.

Прим. авт.

танское правительство въ Индіи всегда упрощаетъ систему повинностей поселянина, соединяя всѣ подати въ одну; черезъ это оно дѣлаетъ ренту, не только на фактѣ, но и по закону, вещью произвольной или, по крайней мѣрѣ, подлежащей особенному соглашенію; но оно строго уважаетъ право райота на землю, хотя до реформъ нынѣшняго времени почти не оставляло ему земли больше, чѣмъ нужно для самаго скуднаго пропитанія (да и нынѣшнія реформы, имѣющія другой характеръ, еще не совсѣмъ приведены въ исполненіе).

Въ новой Европѣ земледѣльцы постепенно вышли изъ состоянія личнаго рабства. Варвары, завоевавшіе Западную Имперію, нашли, что легчайшимъ способомъ хозяйства надъ завоеванными землями будетъ для нихъ—оставить эти земли въ рукахъ прежнихъ жителей; они избавили себя отъ непріятнаго труда надзирать за толпами рабовъ, дозволивъ рабамъ сохранить нѣкоторую свободу дѣйствій, подъ обязанностью снабжать господина провизіею и трудомъ. Обыкновеннымъ способомъ для этого было давать въ исключительное пользованіе раба количество земли, считавшееся достаточнымъ для его продовольствія, и заставлять его исполнять на другихъ земляхъ господина всѣ работы, какія будутъ нужны. Эти неопредѣленныя повинности постепенно преобразовались въ опредѣленную повинность — давать положенное количество провизіи или положенное количество труда. Со временемъ господа полюбили употреблять свой доходъ не на содержаніе свиты, а на покупку предметовъ роскоши, и платежи въ натурѣ были замѣнены денежными платежами. Каждая изъ этихъ уступокъ давалась первоначально по произволу господина, который могъ отмѣнить ее, но постепенно получала силу обычая, а наконецъ признавалась закономъ и пріобрѣтала судебное охраненіе. Такимъ образомъ рабы постепенно возвысились до положенія свободныхъ фермеровъ, имѣвшихъ землю въ вѣчномъ пользованіи на неизмѣнныхъ условіяхъ. Эти условія были иногда очень тяжелы и народъ очень бѣдствовалъ. Но его повинности опредѣлялись обычаемъ или закономъ страны, а не соперничествомъ.

Гдѣ земледѣльцы никогда собственно не были въ личномъ рабствѣ, тамъ потребности бѣднаго и малоразвитаго общества породили другую систему, введенную и въ остальныхъ странахъ по уничтоженіи личнаго рабства; въ нѣкоторыхъ частяхъ Европы эта система оказалась настолько выгодною, что сохранилась донынѣ, несмотря на высокое развитіе ихъ земледѣлія. Я говорю о системѣ половничества. При ней земля раздѣлена на мелкія фермы; каждая семья имѣетъ такую ферму; землевладѣлецъ вообще даетъ капиталъ, считающійся нужнымъ по мѣстному земледѣльческому порядку, и вмѣсто ренты и прибыли получаетъ положенную долю продукта. Эта доля, вообще уплачиваемая натурою, обыкновенно составляетъ половину продукта, какъ и обозначаютъ слова: половникъ métayer, mezzaiuolo и medietarius. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ на богатой вулканической почвѣ неаполитанскихъ провинцій, землевладѣлецъ беретъ двѣ трети, а поселянинъ, благодаря превосходному земледѣлію, все еще имѣетъ средства къ жизни. Но по-

ловину или двѣ трети беретъ землевладѣлецъ, во всякомъ случаѣ эта доля неизмѣнная, одинаковая для всѣхъ фермъ, не перемѣняющаяся при перемѣнѣ фермеровъ: обычай страны служитъ всеобщимъ правиломъ, никто не думаетъ возвышать или понижать ренту, или дѣлать съ фермеромъ какія нибудь другія условія, несходныя съ обычными. Соперничество совершенно не дѣйствуетъ на опредѣленіе величины ренты.

Раньше ренты подверглись вліянію соперничества цѣны тамъ, гдѣ нѣтъ монополій, и дѣйствіе соперничества на цѣны имѣетъ гораздо меньше исключеній, чѣмъ его дѣйствіе на ренты; но и тутъ, даже и при высшей своей дѣятельности, торговое соперничество не имѣетъ такого безусловнаго вліянія, какъ предполагаютъ нѣкоторые писатели. Въ политико-экономическихъ книгахъ безпрестанно встрѣчается теорема, что не можетъ быть двухъ цѣнъ на одномъ рынкѣ. Дѣйствительно, таковъ естественный результатъ соперничества, не встрѣчающаго себѣ препятствій. Но каждый знаетъ, что почти всегда на одномъ и томъ же рынкѣ существуютъ двѣ цѣны. Въ каждомъ большомъ городѣ, почти въ каждой отрасли торговли, есть дорогія лавки и дешевыя лавки; мало того, въ одной и той же лавкѣ часто продается одинъ товаръ различнымъ покупателямъ по разнымъ цѣнамъ и, вообще говоря, въ каждой лавкѣ норма цѣнъ приспособлена къ тому, какихъ покупателей она имѣетъ. Оптовая торговля по главнымъ товарамъ дѣйствительно находится подъ владычествомъ соперничества: тутъ и покупщики и продавцы — купцы или фабриканты, и въ своихъ покупкахъ руководятся не безразсчетностью или суетностью, а коммерческимъ разсчетомъ. Потому объ оптовыхъ рынкахъ можно вообще сказать, что на нихъ дѣйствительно не бываетъ двухъ цѣнъ одной вещи въ одно время: въ каждомъ мѣстѣ, въ данное время, есть рыночная цѣна, которую можно обозначать въ прейсъ-курантѣ. Но въ розничной торговлѣ, гдѣ покупщикомъ бываетъ человѣкъ дѣйствительно потребляющій вещь, цѣна очень медленно и неполнѣ подчиняется дѣйствію соперничества; даже тамъ, гдѣ соперничество существуетъ, результатомъ его часто бываетъ не пониженіе цѣнъ, а только раздѣленіе прибыли отъ высокой цѣны между большимъ числомъ торговцевъ. Потому-то столь значительная часть цѣны, платимой покупателемъ, поглощается барышемъ розничныхъ торговцевъ, и тотъ, кто захочетъ узнать, какая доля изъ розничной цѣны доходитъ въ руки людей, производящихъ покупаемую имъ вещь, часто удивится ничтожности этой доли. Правда, если рынкомъ бываетъ большой городъ, въ которомъ занятіе розничною торговлею обѣщаетъ достаточную выгоду большимъ капиталистамъ, то вообще они найдутъ выгоднымъ для себя расширить свои обороты, подорвавъ другихъ торговцевъ пониженіемъ цѣны, не довольствуясь тѣмъ, чтобы дѣлиться съ ними полемъ оборотовъ. Такое вліяніе соперничества все сильнѣе и сильнѣе чувствуется въ главныхъ отрасляхъ розничной торговли въ большихъ городахъ. Быстрота и дешевизна перевозки, дѣлая покупщиковъ менѣе зависимыми отъ торговцевъ ближайшихъ окрестностей, ве-

дуть къ постепенному уподобленію всей страны большому городу. Но до сихъ поръ только въ большихъ торговыхъ центрахъ розничныя цѣны (вполнѣ или хотя въ значительной степени) опредѣляются соперничествомъ. Въ другихъ мѣстахъ оно или вовсе не дѣйствуетъ, или обнаруживаетъ свое дѣйствіе только временнымъ колебаніемъ цѣнъ; обыкновенной силой, ихъ опредѣляющей, остается обычай, по временамъ видоизмѣняемый существующими въ умахъ покупателей и продавцевъ понятіями о какой-то справедливости или сходности цѣны.

Во многихъ отрасляхъ торговли условія продажи опредѣляются формальнымъ соглашеніемъ между торговцами, общество которыхъ всегда имѣетъ средства сдѣлать затруднительнымъ или непріятнымъ положеніе каждаго изъ членовъ этой корпораціи, отступающаго отъ положенныхъ правилъ. Извѣстно, что до недавняго времени книжная торговля находилась въ такомъ положеніи, и что, несмотря на дѣятельное соревнованіе въ ней, соперничество не производило своего натуральнаго дѣйствія, не разрушало положенныхъ торговцами цѣнъ. Во всѣхъ свободныхъ профессіяхъ вознагражденіе опредѣляется обычаемъ. Плата получаемая медиками, адвокатами почти одинакова для всѣхъ медиковъ и для адвокатовъ; всѣ ходатаи по дѣламъ берутъ почти одинаковую плату. Причиною тому служитъ, конечно, не недостатокъ большаго соперничества въ этихъ профессіяхъ. Но соперничество тутъ дѣйствуетъ не тѣмъ, что понижаетъ плату, а тѣмъ, что уменьшаетъ шансы каждаго къ полученію платы.

Мы видимъ, что обычай выдерживаетъ борьбу съ соперничествомъ очень успѣшно даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ духъ соперничества чрезвычайно силенъ, по многочисленности соискателей и по общей энергіи стремленія всѣхъ ихъ къ выгодѣ; если такъ, то навѣрное можно ожидать, что обычай держится еще тверже тамъ, гдѣ люди довольствуются меньшими денежными выгодами, не столь дорожа ими по сравненію съ своимъ удобствомъ или удовольствіемъ. Я увѣренъ, что на континентѣ Европы мы часто найдемъ въ однихъ мѣстахъ гораздо высшія цѣны нѣкоторыхъ или всѣхъ товаровъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, находящихся по близости, и что не найдемъ для этой разницы никакихъ причинъ, кромѣ той, что всегда было такъ, что покупатели привыкли и не ищутъ другихъ цѣнъ. Предпріимчивый соискатель съ достаточнымъ капиталомъ могъ бы понизить цѣны и разбогатѣть, понижая ихъ; но такихъ предпріимчивыхъ соискателей нѣтъ. Капиталисты оставляютъ свой капиталъ по прежнему въ другихъ занятіяхъ и не ищутъ большей прибыли, чтобы не безпокоить себя.

Эти замѣчанія должны считаться общими оговорками ко всѣмъ выводамъ, которые будутъ изложены въ слѣдующихъ частяхъ нашего трактата, касающихся до дѣйствій соперничества: всѣ выводы о немъ подлежатъ этимъ оговоркамъ, хотя бы мы гдѣ нибудь и не упомянули о томъ прямо. Вообще мы должны будемъ разсуждать такъ, какъ будто бы соперничество дѣйствительно производитъ свои общеизвѣстные, естественные результаты всегда, когда не отстраняется какою нибудь

положительною преградою. Но гдѣ соперничество не существуетъ, хотя могло бы существовать, или гдѣ его естественныя послѣдствія преодолѣваются какимъ нибудь другимъ явленіемъ, тамъ эти наши заключенія будутъ не вполнѣ приложимы, и для избѣжанія ошибки въ примѣненіи выводовъ политической экономіи къ дѣламъ дѣйствительной жизни мы должны соображать не только тотъ результатъ, какой произойдетъ при гипотезѣ полнаго дѣйствія соперничества, — мы должны также соображать, какъ видоизмѣнится этотъ результатъ, если соперничество не оказываетъ полнаго своего дѣйствія.

Такимъ образомъ, хорошъ ли, дуренъ ли принципъ соперничества, онъ не можетъ считаться всеобщимъ принципомъ экономической дѣятельности. Лишь съ недавняго времени, даже и въ передовыхъ странахъ, сталъ онъ господствовать хотя надъ нѣкоторыми сторонами экономической жизни; прежде и тутъ онъ былъ слабѣе обычая. Въ другихъ сторонахъ промышленной жизни обычай сохраняетъ перевѣсъ надъ соперничествомъ даже и въ передовыхъ странахъ, даже и до сихъ поръ. Вообще можно провести между этими сферами такую границу: гдѣ покупателемъ является коммерческій человѣкъ, тамъ условія сдѣлки опредѣляются соперничествомъ; это — область покупокъ не на собственное потребленіе, а на перепродажу; это — область биржевыхъ дѣлъ и дѣлъ, имѣющихъ коренное сходство съ биржевыми операціями. Напротивъ того, гдѣ покупщикомъ бываетъ не коммерческій человѣкъ, а потребитель, тамъ условія сдѣлки вообще подчиняются обычаю; это — область покупокъ на личное потребленіе. Таково общее разграниченіе сферы соперничества отъ сферы обычая въ покупкѣ вещей, которыя покупаются сначала купцомъ у производителя, потомъ потребителемъ у купца, какъ предметы потребленія, — напримѣръ, пища, одежда, топливо и разныя принадлежности домашняго хозяйства, вообще такъ-называемая движимая собственность. Недвижимая собственность, которая покупается не на потребленіе, а на полученіе отъ нея постояннаго дохода, имѣетъ нѣсколько иной характеръ. Пріобрѣтеніе дома или участка земли обыкновенно бываетъ дѣломъ, совершаемымъ не наскоро, не безъ справокъ, не дѣломъ обыденнымъ: тутъ покупщикъ, хотя бы и не былъ коммерческимъ человѣкомъ, старается дѣйствовать по коммерческимъ правиламъ: хлопотливо разыскиваетъ, выжидаетъ, подвергаетъ предметъ техническому осмотру и т. д. Слѣдовательно, тутъ по-видимому всѣ сдѣлки должны бы совершаться по принципу соперничества. Дѣйствительно, покупщикъ и слѣдуетъ ему, насколько онъ допускается сущностью покупаемаго предмета. Но самая сущность покупаемаго предмета тутъ очень упорно отстраняетъ отъ

себя точное дѣйствіе коммерческаго принципа соперничества. Одинаковыхъ тюковъ хлопчатой бумаги, одинаковыхъ кусковъ коленкора, одинаковыхъ четвертей хлѣба одного сорта существуетъ одновременно въ продажѣ безчисленное множество въ рукахъ разныхъ продавцовъ. Да и разные сорты каждаго изъ такихъ товаровъ сравниваются очень легко, потому что всякій сортъ безпрестанно проходитъ черезъ руки коммерческихъ людей, этихъ, такъ-сказать, пробирныхъ мастеровъ по оцѣнкѣ всякихъ товаровъ. Недвижимая собственность вообще не идетъ черезъ коммерческія руки,—она переходитъ отъ владѣльца, имѣвшаго ее долговременнымъ своимъ владѣніемъ, прямо къ такому покупщику, который также намѣренъ постоянно держать ее въ своемъ владѣніи, а не то, что беретъ ее только на перепродажу. Если примѣнить къ этому дѣлу терминъ «потребленіе» (въ косвенномъ смыслѣ пользованія доходомъ, и въ противоположность коммерческой покупкѣ, имѣющей своею цѣлью не пользованіе доходомъ, а выигрышъ отъ перепродажи, какъ можно болѣе быстрой), то надобно сказать, что недвижимая собственность знаетъ только потребителей, а купцовъ не знаетъ. Банкиръ, покупая домъ или помѣстье, является не биржевымъ человѣкомъ, а простымъ потребителемъ, все равно какъ когда заказываетъ обѣдъ. Такимъ образомъ недвижимая собственность вообще не подвергается такой правильной оцѣнкѣ, какъ движимая. Но еслибъ и подвергалась, успѣхъ оцѣнки не былъ бы такъ точенъ, потому что каждый предметъ недвижимой собственности имѣетъ въ себѣ индивидуальность, и нѣтъ громадной массы совершенно одинаковыхъ предметовъ, подъ цѣну которыхъ можно было бы подвести его. Коленкоръ на манчестерской биржѣ и на калькутской биржѣ — это одно и то же; стоимость провоза вычисляется до послѣдней копѣйки. Потому, при обыкновенномъ ходѣ биржевыхъ дѣлъ, калькутскіе обороты коленкоромъ опредѣляются манчестерскими, и на-оборотъ. Но найдете ли вы въ цѣломъ свѣтѣ хотя два дома, столь одинаковые, какъ двѣ штуки одинаковаго коленкора? Найдете ли хотя два помѣстья, совершенно одинаковыя? Негоціантъ знаетъ, что за тысячу бочекъ сала или тюковъ хлопчатой бумаги онъ можетъ дать столько-то тысячъ рублей со столькими-то сотнями, десятками, единицами рублей, столькими-то десятками и единицами копѣекъ, — да, копѣйка въ копѣйку: одною копѣйкою больше это ужь будетъ дорого, неразсчетливо. Но сколько стоитъ этотъ домъ? Около 20,000 р., — но можетъ быть и не больше 19 тысячъ, а можетъ быть и больше 21 тысячи, — тутъ на 10%, даже на 15, на 20%—неопредѣленность, неизвѣстность. Помѣстье—это своего рода такая же вещь относительно оцѣнки, какъ, напримѣръ, умъ чело-

вѣка или какая нибудь картина. Разумѣется, дурака отъ умнаго отличить легко, а геніальнаго человѣка отъ человѣка съ обыкновеннымъ умомъ тоже легко отличить,—но извольте-ко опредѣлить степени ума точнымъ образомъ. Такъ легко видѣть, что Осиновка должна стоить дороже Ивановки, а Павлово гораздо дороже самой Осиновки; а на сколько именно? Разумѣется, тутъ, по необходимости, останавливаются на какой нибудь цифрѣ, но зато ужь и цифра такая, — по крайней мѣрѣ два нуля на концѣ. Развѣ продается когда нибудь берковецъ сала на биржѣ ровно по 50 рублей? Развѣ стоитъ когда-нибудь какая-нибудь биржевая бумага ровно al pari, безъ всякой преміи и безъ всякаго упадка? Какъ же это домъ можетъ продаваться ровно за 20 тысячъ рублей, а не за 21,378 рублей 19 коп.? Это значитъ — точной оцѣнки ему нѣтъ; это значитъ, въ его цѣнѣ существуетъ значительная степень неизвѣстности.

Такимъ образомъ изъ двухъ разрядовъ имущества принципъ соперничества обыкновенно стремится господствовать надъ продажею недвижимой собственности, но по неудобству точной оцѣнки предметовъ этого рода, онъ вовсе тутъ не достигаетъ опредѣлительности, въ которой и заключается его сила; дѣйствуя тутъ постоянно, онъ постоянно тутъ дѣйствуетъ слишкомъ шатко. Съ полной опредѣлительностью онъ дѣйствуетъ въ биржевыхъ и похожихъ на биржевыя продажахъ другаго рода имуществъ—въ продажахъ предметовъ движимой собственности; но опять слишкомъ слабъ оказывается въ продажахъ отъ купца потребителямъ, а чрезъ этотъ видъ продажъ проходятъ всѣ товары, подвергающіеся продажамъ перваго вида, и кромѣ того, безчисленное множество товаровъ, не подвергающихся продажамъ въ видѣ биржевыхъ.

Такое неполное дѣйствіе принадлежитъ принципу соперничества при самомъ высшемъ его развитіи въ самыхъ передовыхъ странахъ; въ другихъ земляхъ до сихъ поръ остается, а до недавняго времени во всѣхъ странахъ былъ кругъ его дѣйствій еще несравненно тѣснѣе. Спрашивается теперь: что же можетъ сказать намъ господствующая теорія политической экономіи о всемъ этомъ большинствѣ экономическихъ сдѣлокъ, условія которыхъ или вовсе не подчинены принципу соперничества или сильнѣе, чѣмъ ему, подчинены другимъ элементамъ экономической жизни? — Съ обыкновенною своею добросовѣстностью Милль, какъ мы видѣли, прямо говоритъ, что эту часть экономическихъ сдѣлокъ она не въ силахъ подвести ни подъ какія правила: «только принципъ соперничества, даетъ политической экономіи возможность научнаго характера. Законы ренты, прибыли, рабочей платы, цѣнъ могутъ быть указываемы лишь на-столько, на-сколько опредѣляются соперничествомъ.»

Говорятъ: «тѣ экономическія сдѣлки, которыя еще не опредѣляются соперничествомъ, находятся въ неразвитомъ, неудовлетворительномъ положеніи». Но мы видѣли, что значительнѣйшая половина экономическихъ сдѣлокъ, вѣроятно, никогда не могутъ и подчиняться принципу соперничества на-столько, чтобы войти въ теорію, основанную исключительно на немъ; пусть эта часть экономической жизни называется недостигшею высочайшаго развитія; но что жь дѣлать, если она не можетъ достичь его? Значитъ, она никогда не подойдетъ подъ господствующую нынѣ теорію; значитъ, эта теорія, какъ бы хороша ни казалась сама себѣ, должна прямо сознаться, что она не — теорія экономической жизни, а лишь теорія нѣкоторыхъ частныхъ формъ этой жизни, что она не — наука, а лишь одинъ отдѣлъ науки; къ полной экономической теоріи она относится такъ же, какъ анатомія руки относится къ цѣлой наукѣ, называемой анатоміей, какъ монографія объ Англіи относится къ географіи.

Какъ сама господствующая теорія оказывается лишь одной частью цѣлой экономической теоріи, такъ и принципъ ея, соперничество, оказывается лишь частнымъ видоизмѣненіемъ болѣе общаго экономическаго принципа, видоизмѣненіемъ, заимствующимъ свою частную особенность отъ частной особенности тѣхъ сторонъ экономической жизни, къ которымъ примѣняется. Послѣ сдѣланныхъ нами замѣчаній, не трудно открыть, въ чемъ состоитъ особенность фактовъ, придающая частный характеръ общему экономическому принципу, который въ этой своей частной формѣ является соперничествомъ.

Мы видѣли, что соперничество является въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ покупатель—коммерческій человѣкъ, покупающій не на потребленіе, а на перепродажу. Этотъ элементъ сдѣлки,—ея назначеніе служить лишь средствомъ для новой продажи, и составляетъ характеристическую особенность оборотовъ, принадлежащихъ сферѣ соперничества. Но форма перепродажи, конечно, всякимъ будетъ признана лишь за частную форму полученія экономической выгоды, лишь за одинъ изъ множества способовъ, какими стремится человѣкъ выиграть что нибудь въ экономическомъ отношеніи. Отбросимъ же эту частную черту, чтобы осталось у насъ болѣе общее понятіе,—и каждому очевидно, какое понятіе останется у насъ: останется «разсчетъ экономической выгоды», короче можно сказать, просто разсчетъ выгоды (потому что экономическая наука и безъ всякихъ оговорокъ ясно указываетъ именно только на экономическую выгоду, когда говоритъ просто о выгодѣ), а еще короче можно сказать,

просто «разсчетъ» или «разсчетливость» (потому что само собою разумѣется, какова цѣль разсчета —выгода).

Конечно, когда мы возведемъ въ общій принципъ науки, вмѣсто понятія «соперничество», такое общее понятіе, какъ «экономическая разсчетливость», наука получаетъ въ основаніе себѣ идею, имѣющую гораздо менѣе опредѣлительныхъ признаковъ, уже безъ всякой переработки готовыхъ на примѣненіе къ тому или другому данному случаю. Но такова натура всей серіи основныхъ принциповъ во всѣхъ наукахъ: удѣльный вѣсъ золота или воды — понятіе съ бо́льшимъ числомъ признаковъ, чѣмъ законъ тяжести; а законъ тяжести на землѣ имѣетъ гораздо больше признаковъ, чѣмъ законъ всеобщаго тяготѣнія; законы пищеваренія въ человѣческомъ организмѣ опредѣляются бо́льшимъ числомъ признаковъ, чѣмъ общіе законы пищеваренія въ животныхъ организмахъ, а законъ питанія, обнимающій собою всѣ органическія существа, имѣетъ еще меньше признаковъ. Что жь дѣлать, — таково ужь свойство природы и таковъ законъ математики, что число признаковъ каждаго принципа или понятія обратно пропорціально его обширности. Мы вовсе не то говоримъ, что частные принципы частныхъ подраздѣленій научнаго предмета не имѣютъ важности или не хороши на своемъ мѣстѣ; напротивъ, они драгоцѣнны; напротивъ, прекрасно заботиться объ ихъ отыскиваніи; сдѣлайте одолженіе, разъясняйте не только то, какъ совершается пищевареніе у человѣка вообще, но и тѣ видоизмѣненія, какія оно имѣетъ у эскимоса, питающагося жиромъ, и у гиндуса, питающагося рисомъ; сдѣлайте одолженіе, изучайте еще глубже частные случаи,—подраздѣляйте гиндуса на раджу, земиндара, простолюдина, описывайте пищу каждаго, изучайте особенныя вліянія каждаго изъ этихъ сортовъ пищи. Все это прекрасно и очень полезно; но разсудите же, что выйдетъ чепуха, если вы станете воображать общимъ закономъ предмета частный законъ, проявляющійся лишь въ одномъ видоизмѣненіи предмета: вѣдь нельзя же, напримѣръ, повторить объ эскимосѣ всего, что говорится о гиндусѣ, или вообще повторить объ органическомъ существѣ всего того, что говорится о человѣкѣ. Вѣдь нелѣпо же, напримѣръ, было бы совѣтовать овцѣ питаться говядиной или утверждать, что на Уранѣ подъ тропиками растутъ финиковыя пальмы. Есть еще другой источникъ непростительныхъ натяжекъ: воображать, что какая бы то ни была форма предмета — безусловная форма, что внѣ этой формы не могутъ проявляться силы, ее создающія при извѣстныхъ условіяхъ, и что какая бы то ни было изъ существующихъ формъ проявленія какой бы то ни было силы не замѣнится современемъ другою формою.

Обѣ эти ошибки дѣлаетъ господствующая экономическая теорія съ своимъ принципомъ соперничества. Форму, принимаемую силой экономическаго разсчета лишь въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, она хочетъ считать всеобщимъ закономъ цѣлой экономической дѣятельности и провозглашаетъ эту частную форму — самымъ высшимъ воплощеніемъ экономическаго разсчета, идеаломъ, совершеннѣе котораго люди не могутъ ничего ни создать, ни даже придумать. Первая ошибка, кажется, достаточно раскрыта теперь; чтобы замѣтить ее, достаточно было лишь обозрѣть главные разряды экономическихъ сдѣлокъ. Чтобы очевидно обнаружилась вторая ошибка, нужно имѣть лишь нѣкоторую, даже хоть и небольшую, привычку къ логическому мышленію.

Въ самомъ дѣлѣ, какое условіе ставитъ логика для признанія извѣстной формы явленія за форму не то, что совершенную, безупречную, а хотя бы за сколько нибудь удовлетворительную? Логика говоритъ, что для этого форма дѣла должна соотвѣтствовать самой натурѣ дѣла, то есть общей совокупности всѣхъ коренныхъ его качествъ, а не одному какому нибудь внѣшнему признаку или симптому дѣла. Напримѣръ, удовлетворительно ли гражданское устройство южныхъ штатовъ Сѣверной Америки, гдѣ юридическое положеніе человѣка опредѣляется не характеромъ его, а цвѣтомъ кожи? Удовлетворительно ли такое леченіе, которое основывается не на распознаваніи сущности болѣзни, а на внѣшнихъ симптомахъ ея? Удовлетворительна ли зоологическая классификація не по устройству цѣлаго организма, а по какой нибудь принадлежности его, напримѣръ, по устройству зубовъ? Всѣ такіе случаи не выдерживаютъ ни малѣйшей критики.

Точно такъ же неудовлетворителенъ и тотъ экономическій разсчетъ, который основывается не на качествахъ самого предмета, не на соображеніи потраченныхъ на его производство элементовъ, не на стоимости предмета, а на его цѣнѣ. Разумѣется, цѣна предмета почти всегда находится въ нѣкоторой связи съ его стоимостью, но связь эта никогда не бываетъ безусловно точна, а бо́льшею частью бываетъ вовсе неточна и очень шатка. Въ нынѣшнемъ году при употребленіи даннаго количества труда и капитала на десятину,—назовемъ это количество 24,—родилось на десятинѣ 6 четвертей хлѣба; стоимость четверти будетъ 4 единицы труда и капитала, и цѣна четверти, положимъ, будетъ 4 рубля. Въ слѣдующемъ году при той же затратѣ силъ родилось только 4 четверти; стоимость четверти будетъ 6 единицъ, но цѣна ея, какъ извѣстно всякому, никакъ уже не будетъ 6 рублей, а непремѣнно будетъ гораздо больше. На третій годъ при той же затратѣ силъ родилось 8 четвертей; стоимость чет-

верти будетъ 3 единицы, но цѣна ея никакъ не будетъ 3 рубля, а непремѣнно будетъ гораздо меньше. Спрашивается теперь: удобна ли для прочнаго хода земледѣльческаго хозяйства такая норма разсчета, которая не имѣетъ точной зависимости ни отъ количества употребляемыхъ на хозяйство силъ, ни отъ степени успѣшности результатовъ, достигаемыхъ хозяйствомъ? Политико-экономы очень подробно, горячо и превосходно доказываютъ, что экономическія дѣла никакъ не могутъ идти успѣшно въ обществѣ, въ которомъ денежная единица не имѣетъ совершенно точной опредѣленности, совершенно неизмѣннаго постоянства. Прекрасная и очень важная истина. Но мы спрашиваемъ теперь: не точно ли таково же и вліяніе недостатка неизмѣнной и точной пропорціи между степенью успѣшности дѣла и количествомъ выручки за него? Нынѣ человѣкъ продаетъ свой товаръ за 10 франковъ, и эти 10 франковъ составляютъ 50 граммовъ серебра; черезъ годъ продавая товаръ такъ же за 10 франковъ, онъ получаетъ въ этихъ 10 франкахъ только 45 граммовъ серебра, то есть получаетъ право пріобрѣсти на всемірномъ рынкѣ только $^{9}/_{10}$ частей той суммы цѣнностей, на какую получалъ право годъ тому назадъ. Такая шаткость никуда не годится; при ней невозможенъ никакой путный порядокъ въ экономической дѣятельности. Такъ; потому во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ принятъ принципъ неизмѣнности денежной единицы. Но и при неизмѣнности ея, развѣ не скрывается точно такое же зло въ обстоятельствѣ, нами разсматриваемомъ? Пусть франкъ неизмѣненъ. Но развѣ человѣкъ не сбивается съ толку въ своей экономической дѣятельности, когда при затратѣ 200 франк. на воздѣлываніе гектара, онъ въ нынѣшнемъ году, при урожаѣ въ 12 гектолитровъ получаетъ по 20 франковъ за гектолитръ, то есть 240 франковъ выручки съ гектара, то есть 20% прибыли; въ слѣдующемъ году, при урожаѣ въ 10 гектолитровъ, получаетъ по 30 франковъ за гектолитръ, то есть 300 франковъ выручки съ гектара, то есть 50% прибыли; а на третій годъ, при урожаѣ въ 13 гектолитровъ, получаетъ лишь по 15 франковъ за гектолитръ, то есть 195 франковъ выручки съ гектара, то есть подвергается убытку въ $2^{1}/_{2}$%? Вѣдь это — путаница точно такого же рода, какъ отъ колебанія денежной единицы. Или нѣтъ, путаница гораздо худшаго рода: тамъ колебаніе шло независимо отъ успѣшности дѣла, и какіе бы незаслуженные убытки или незаслуженныя прибыли ни получалъ человѣкъ отъ перемѣны денежной единицы, все-таки чѣмъ успѣшнѣе шло его дѣло, тѣмъ меньше былъ убытокъ или тѣмъ больше была его прибыль. А здѣсь шаткая связь выручки съ успѣшностью дѣла ведетъ къ прямой противоположности выгодъ отъ дѣла съ его успѣшностью: чѣмъ меньше собрано хлѣба земле-

дѣльческими хозяевами, тѣмъ больше получаютъ они прибыли; чѣмъ больше собрано ими хлѣба, тѣмъ больше шансъ для нихъ потерпѣть убытокъ. Согласитесь, что такая норма расчета—прямая премія за безуспѣшность труда, прямой штрафъ за успѣшность его, прямое возбужденіе къ неподвижности или ухудшенію общественнаго положенія, прямое отвлеченіе человѣка отъ охоты къ улучшеніямъ.

Мы вовсе не то хотимъ сказать, что общественное положеніе въ какой бы то ни было странѣ становится хуже или хотя остается неподвижно; нѣтъ, мы положимъ, что оно постепенно улучшается во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Но мы говоримъ, что если въ цивилизаціи, въ успѣхахъ знаній лежитъ непобѣдимая сила улучшать общественный бытъ, то находятся въ общественномъ бытѣ элементы, мѣшающіе этой силѣ прогресса, и что одинъ изъ такихъ элементовъ — недостаточность точной и неизмѣнной пропорціи между успѣшностью дѣла и степенью выгодъ отъ него для трудившагося надъ нимъ, — шаткость, происходящая изъ неудовлетворительности нормы разсчета, называемой соперничествомъ.

Человѣку, сколько нибудь сообразительному, смѣшно слышать толки рутинныхъ политико-экономовъ о необходимости и неизбѣжности соперничества. Мы знаемъ, что принципъ этотъ примѣняется лишь къ одному изъ обстоятельствъ экономической жизни,— къ феномену покупки и продажи; мы знаемъ, что всѣ тѣ труды и продукты, которые идутъ на собственное потребленіе производителя, не поступая въ продажу, остаются неподвластны соперничеству, и никакъ не могутъ стать подвластны ему (*). Мы спрашиваемъ: не-

---

(*) Тутъ могутъ сдѣлать возраженіе, довольно тонкое. Извѣстно, что человѣкъ перестаетъ производить предметъ на личное свое потребленіе, когда разсчитаетъ, что выгоднѣе или, вообще, удобнѣе ему покупать этотъ предметъ. Такъ постепенно перестаютъ люди прясть и ткать холстъ и сукно для своего домашняго обихода, предпочитая покупать эти вещи. Слѣдовательно, принципъ соперничества захватываетъ подъ свою власть производство на собственное потребленіе,—захватываетъ тѣмъ, что уничтожаетъ его, ставитъ вмѣсто него покупку на свое потребленіе въ обмѣнъ за товаръ, производимый на продажу. Такъ; но все-таки остается очень обширная область дѣлъ и продуктовъ, въ которую не проникаетъ это вліяніе. Какъ за обѣдомъ, изготовленіе котораго поручено особенному ремесленнику, повару, человѣкъ оставляетъ самому себѣ изготовленіе нѣкоторыхъ принадлежностей обѣда, напримѣръ самъ дѣлаетъ саладъ (поваръ вѣроятно сдѣлалъ бы это искуснѣе; но что вы прикажете дѣлать со мной, когда я не хочу поручать ему того?), такъ и въ важныхъ случаяхъ экономическаго производства есть вещи, которыя не поддаются вліянію соперничества, не покупаются, а производятся дома. Каждому пріятно имѣть овощи изъ своего огорода, хотя покупка ихъ и обошлась бы дешевле домашняго производства. Такихъ случаевъ очень много. Мы не станемъ перечислять ихъ, потому что усердно занимаются такими перечнями рутинные экономисты, когда спорятъ противъ

ужели эти труды совершаются, эти труды производятся безъ всякаго разсчета экономической выгоды? Если, напримѣръ, женщина шьетъ или чинитъ бѣлье для своего семейства, а не на продажу, неужели не заботится она, чтобы работа ея шла успѣшно, чтобы матеріалы и орудія, — нитки, иголки, куски ситца или холста, — расходовались на работу какъ можно экономнѣе, словомъ сказать, чтобы стоимость продукта была наименьшая? Когда она готовитъ кушанье для своего семейства, развѣ не дѣйствуетъ она съ такою же разсчетливостію? Когда мужъ ея производитъ разныя починки по домашнему хозяйству, развѣ не поступаетъ онъ точно такъ же? Значитъ, экономическій разсчетъ существуетъ и безъ формы соперничества.

Да и какъ ему не существовать безъ нея? Развѣ можетъ человѣкъ, съ какою бы цѣлію ни работалъ, на себя или на другихъ, для продажи или не для продажи, не заботиться о томъ, чтобы употреблять для полученія извѣстнаго продукта какъ можно меньшее количество труда, или при употребленіи извѣстнаго количества труда получать какъ можно большее количество продукта или продуктъ какъ можно лучшаго качества? Не руководиться такимъ разсчетомъ — это не въ силахъ человѣка, какъ не въ силахъ его не заботиться о томъ, чтобы вообще было ему лучше и легче (*).

фаланстеріанцевъ и всякихъ коммунистовъ, у которыхъ впрочемъ вовсе не о томъ и рѣчь идетъ, чтобы отнять у человѣка удовольствіе имѣть свой огородъ, свою комнату, свою мёбель, и т. д.

(*) Пожалуй, и тутъ можетъ представиться возраженіе, но только уже отъ совершеннаго непониманія предмета. Могутъ сказать: наемный работникъ, а еще гораздо замѣтнѣе—работникъ при обязательномъ трудѣ не заботится ни о хорошемъ качествѣ продукта, ни о томъ, чтобы наработать много продукта. Разумѣется, нѣтъ; онъ заботится исключительно объ уменьшеніи своего труда, о томъ, чтобы работать какъ можно меньше. Разумѣется, каждый заботится о томъ, въ чемъ заинтересованъ. Если человѣкъ исполняетъ работу въ свою пользу, главная мысль у него наработать побольше или получше; если же не въ свою пользу, то главная мысль у него получить плату за количество работы, какъ можно меньшее, и если вы вникните въ этотъ второй случай, онъ окажется по принципу одинаковъ съ первымъ, хотя и противоположенъ ему по результатамъ для хозяина. Наемный работникъ получаетъ извѣстныя деньги, то есть право на пріобрѣтеніе извѣстной суммы продуктовъ за свою работу; и когда онъ старается работать какъ-можно болѣе вяло, небрежно, онъ старается о томъ, чтобы эта сумма продуктовъ обошлась ему въ количество труда, какъ-можно меньшее. Точно такой же расчетъ и у работника, исполняющаго обязательный трудъ. Негръ содержится своимъ владѣльцемъ для работы; и когда работаетъ лѣниво, онъ заботится собственно о томъ, чтобы назначенное ему содержаніе пріобрѣталось для него сколь возможно меньшимъ количествомъ труда. Цѣль у работника-хозяина и у наемнаго работника одна и та же, — чтобы наименьшимъ количествомъ труда достигать наибольшаго результата; только

Но если принципъ сочетанія труда и возникающій изъ него обмѣнъ составляетъ степень экономическаго развитія, высшую, чѣмъ патріархальная система производства всѣхъ предметовъ потребленія въ самомъ семействѣ только для этого семейства, то и форма соперничества, которую принимаетъ экономическій разсчетъ на этой болѣе высокой ступени развитія, вѣроятно должна заключать въ себѣ при всей своей неудовлетворительности какіе нибудь элементы превосходства надъ формою разсчета, существующаго въ патріархальномъ производствѣ. Конечно такъ, и открыть эти элементы не трудно. Какія данныя для своей разсчетливости имѣетъ производитель въ патріархальномъ бытѣ? Только свой личный или фамильный опытъ, съ прибавкою довольно скудныхъ свѣдѣній о производствѣ у нѣкоторыхъ сосѣдей. Когда является биржа или возникаютъ хотя зародыши ея, ярмарки и покупки товаровъ купцами для перепродажи, кругъ сравненія чрезвычайно расширяется. Являясь на базаръ, на ярмарку, на биржу, производитель видитъ свой товаръ сравниваемымъ съ подобными товарами всѣхъ производителей цѣлаго обширнаго округа или цѣлой страны, цѣлаго свѣта; формою сравненія успѣшности производства тутъ служитъ цѣна. Производитель возбуждается къ заботѣ объ усовершенствованіяхъ уже не одними своими личными наблюденіями и знакомствами, а всякимъ усовершенствованіемъ у кого бы-то ни-было, гдѣ бы-то ни-было достигнутымъ. Словомъ сказать, перевѣсъ соперничества надъ патріархальными средствами разсчета тотъ, что оно сближаетъ разсчеты гораздо большаго числа производителей.

Есть у него и другое преимущество. При патріархальномъ разсчетѣ остается на произволъ производителя принимать или не принимать даже тѣ усовершенствованія, съ которыми онъ знакомится изъ скудныхъ источниковъ свѣдѣній того быта. А въ человѣкѣ, кромѣ экономическаго разсчета, кромѣ стремленія къ выгодѣ, существуютъ наклонности, прямо противоположныя этому стремленію. Изъ нихъ главныя: наклонность пристращаться къ рутинѣ и обольщаться фальшивымъ самолюбіемъ.—«Э, проживемъ по прежнему. Отцы и дѣды не глупѣе насъ были», и т. д.—«Славны бубны за горами. — Я самъ не глупѣе другихъ», и т. д. Нѣтъ надобности говорить, какъ часто эти враждебныя прогрессу наклонности под-

---

формы этого стремленія различны, смотря потому, какой изъ двухъ терминовъ пропорціи принимается за величину опредѣленную: если количество труда (какъ у работника-хозяина), то выгодность пропорціи состоитъ въ увеличеніи продукта; если же количество продукта, выгодность пропорціи достигается уменьшеніемъ количества труда.

чиняютъ себѣ человѣка до того, что не дозволяютъ ему учиться и измѣнять способъ своихъ дѣйствій сообразно его выгодѣ. При формѣ соперничества разсчетъ выгоды пріобрѣтаетъ силу физической необходимости; въ этой формѣ онъ довольно быстро одолѣваетъ и рутину и фальшивое самолюбіе.

Мы не распространяемся объ этихъ преимуществахъ, потому что они очень подробно и рѣзко выставляются на видъ въ каждомъ рутинномъ курсѣ политической экономіи. Но признавая громадный перевѣсъ формы соперничества надъ формами патріархальнаго разсчета, мы не можемъ скрыть, что она все еще далеко не представляетъ удобствъ, требуемыхъ теоріею науки. Просимъ читателя не приписывать намъ того направленія мыслей, которое ясно отвергается всѣмъ ходомъ нашего изложенія. Когда кто нибудь находитъ недостатки въ настоящемъ или новомъ, консервативная толпа возражателей кричитъ, что онъ хочетъ возвратить старину. Въ большей части случаевъ крикъ этотъ поднимается только отъ ослѣпленія. Но дѣйствительно случается довольно часто и то, что экономическіе реформаторы или употребляютъ неосторожныя выраженія, или даже и на самомъ дѣлѣ допускаютъ въ своихъ понятіяхъ примѣсь предубѣжденій о достоинствахъ старины. Напримѣръ, доказывая неудовлетворительность соперничества, выражаются или думаютъ такъ, какъ-будто лучше его были формы, имъ вытѣсняемыя. Мы не имѣемъ ничего подобнаго такому взгляду въ своихъ мысляхъ и стараемся (не знаемъ, успѣваемъ ли) выражаться такъ, чтобы не возбуждать ошибочныхъ мыслей въ этомъ отношеніи. Настоящее нимало не представляется для насъ удовлетворительнымъ; новое не представляется идеаломъ совершенства. Но кажется ясно бываетъ изъ нашихъ словъ, что мы судимъ тутъ по требованіямъ науки, по средствамъ, какими снабжаетъ она человѣка, а не по старинному еще менѣе удовлетворительному быту. Не о томъ рѣчь, лучше ли стараго новое, удовлетворительнѣе ли настоящее прошедшаго; рѣчь о томъ, не слѣдуетъ ли искать еще лучшаго и не имѣетъ ли человѣкъ уже и теперь средствъ ввести въ свой бытъ принципы, которые были бы на-столько же лучше нынѣшнихъ, на-сколько нынѣшніе лучше какихъ-нибудь чисто варварскихъ старинныхъ. Напримѣръ: если мы видимъ, что положеніе наемнаго работника неудовлетворительно, а работа его слишкомъ неуспѣшна, разумѣется, тутъ нѣтъ у насъ ничего подобнаго пристрастію къ какой-бы-то ни было формѣ невольничества, — наемный трудъ гораздо лучше невольническаго, тутъ и разсуждать нечего, это доказывается въ каждомъ курсѣ политической экономіи,—нѣтъ, у насъ въ виду другое положеніе, положеніе хозяина. Точно такъ же мы говоримъ и о

принципѣ соперничества. Его недостатки—недостатки не по сравненію съ патріархальными формами разсчета, а съ тѣми формами, какихъ требуетъ разумъ.

Посмотримъ же, удовлетворительно ли дѣйствуютъ даже тѣ стороны соперничества, въ которыхъ состоитъ его преимущество надъ патріархальными формами разсчета.

Онъ облегчаетъ производителю узнавать усовершенствованія, сдѣланныя въ производствѣ другими, и оцѣнивать ихъ. Но какимъ способомъ получаются эти свѣдѣнія?—прямымъ ли, самымъ ли простымъ и вѣрнымъ? Простота и вѣрность способа конечно требуются теоріей. Простѣйшій и вѣрнѣйшій способъ распространенія свѣдѣній объ извѣстномъ дѣлѣ—то, когда человѣкъ знакомится прямо съ самымъ дѣломъ, а не съ одними его результатами. Напримѣръ, что лучше и выгоднѣе: знать тотъ фактъ, что извѣстный производитель разбогатѣлъ, или сверхъ того знать также методъ производства, которымъ онъ разбогатѣлъ? Знать, что англійскіе стальные инструменты хороши, или знать методъ ихъ выдѣлки? Соперничество знакомитъ только съ результатомъ, а не съ методомъ, которымъ достигается результатъ. Это—своего рода Пинетти: извольте смотрѣть, вотъ какія удивительныя вещи умѣетъ дѣлать этотъ искусникъ; а какъ онъ ихъ дѣлаетъ, какіе пріемы употребляетъ и по какому методу развилъ въ себѣ способность къ такимъ пріемамъ, этого вы извольте доискиваться сами. Да, соперничество держится метода секретности. То, что уже придумано однимъ, должны придумывать послѣ него еще сотни тысячъ лицъ. Экономно ли это? Способъ распространенія свѣдѣній по принципу соперничества неудовлетворителенъ. При неудовлетворительности способа, по которому распространяются свѣдѣнія, конечно должны быть неудовлетворительны и средства къ практическому ихъ примѣненію. Лучше всего устроивается дѣло человѣкомъ, научившимся устроивать его. Моя польза въ томъ, чтобы становился моимъ руководителемъ тотъ, кто искуснѣе меня. При соперничествѣ практическое исскуство—такой же секретъ, какъ и теоретическое знаніе. Кто выучился пользоваться изобрѣтеніемъ, выгода того требуетъ, чтобы другіе какъ можно дольше не пользовались имъ. Мы не говоримъ о вещахъ не честныхъ (и очень убыточныхъ для общества), до которыхъ слишкомъ часто доводитъ такое отношеніе: фабрикантъ старается мѣшать другому въ заведеніи фабрики, ремесленникъ старается разстроить дѣла другаго ремесленника; тутъ бываютъ безчисленныя интриги, обманы и т. д. Обратимъ вниманіе лишь на тѣ черты дѣла, которыхъ необходимо держаться каждому производителю, какъ бы ни былъ онъ честенъ. Онъ сталъ бы дѣйствовать во

вредъ себѣ, то есть измѣнилъ бы своей обязанностью къ своему семейству, еслибы помогалъ другимъ производителямъ принять усовершенствованный процессъ, слѣдовать которому научился. Онъ въ положеніи нашей знахарки, лекарство которой теряетъ силу, какъ только она научитъ кого-нибудь другаго его употребленію. Такимъ-образомъ при соперничествѣ искусство должно осуществляться неискусными руками, знаніе должно распространяться незнаніемъ.

Каковы способы и средства, точно такова же и норма оцѣнки. Она ставится внѣ предмета, въ его случайной принадлежности,—въ продажѣ и въ цѣнѣ. Объ этомъ мы уже говорили, замѣтили, что связь между стоимостью предмета и его продажною цѣною слишкомъ не вѣрна, а для успѣшности производства необходимо, чтобы разсчетъ производился по стоимости предмета.

Такимъ-образомъ принципъ соперничества дѣйствуетъ далеко неудовлетворительно въ облегченіи производителю знакомства съ усовершенствованіями и сужденія о нихъ; точно такъ же дѣйствуетъ онъ и въ томъ отношеніи, чтобы ставить производителя въ необходимость руководиться въ производствѣ пріобрѣтеннымъ знакомствомъ съ улучшеніями. То правда, что руководиться этимъ знакомствомъ производитель будетъ принужденъ при соперничествѣ, но въ какомъ смыслѣ необходимо ему руководиться знакомствомъ съ улучшеніями, въ хорошемъ или дурномъ, въ выгодномъ или убыточномъ для общества смыслѣ, этого принципъ соперничества не рѣшаетъ или, лучше сказать, часто рѣшаетъ это въ убыточномъ смыслѣ. Онъ внушаетъ только ту заботу, чтобы производить успѣшнѣе другихъ, имѣть преимущество надъ другими; это преимущество достигается худою успѣшностью работы другихъ, точно такъ же, какъ и усиленіемъ успѣшности собственной работы. Если взять верхъ усовершенствованіемъ собственной работы не трудно, производитель будетъ заботиться объ этомъ; если же это кажется ему трудно, онъ обращается къ легчайшему способу, — старается мѣшать другимъ.

Мы разсматривали неудовлетворительность принципа соперничества съ теоретической точки зрѣнія, излагали его недостатки въ отвлеченныхъ понятіяхъ. Какими результатами отражается теоретическая неудовлетворительность его на практикѣ, очень подробно изложено во многихъ книгахъ. Каждый читатель знакомъ съ этою практическою стороною: промышленная непріязнь между разными странами, разными провинціями одной страны, разными производителями одной провинціи; экономическая непріязнь между сословіями; слишкомъ рискованные обороты, кончающіеся промышленными кризисами, — обо всемъ этомъ говорили мыслители, послѣ

которыхъ наши слова о томъ же были бы слишкомъ слабы. Мы хотѣли обратить вниманіе читателя на то, что всѣ эти вредныя явленія практической жизни коренятся въ самомъ принципѣ, въ самой логикѣ соперничества, никакъ не могутъ быть устранены отъ него, и обратимъ вниманіе лишь на одно изъ этихъ практическихъ отношеній по элементу, который съ особенною силою выставляется Миллемъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

Курсъ Милля весь проникнутъ глубокимъ сознаніемъ важности Мальтусовой теоремы. Если размноженіе идетъ быстрѣе, чѣмъ слѣдовало бы по прогрессу промышленнаго развитія страны, масса населенія необходимо терпитъ нужду; положеніе массы можетъ улучшиться только тогда, если сократится размноженіе, — вотъ мысли, которыя постоянно твердитъ Милль. Мы старались доказать, что коренная причина нужды теперь не въ чрезмѣрности размноженія, а въ элементахъ, болѣе фундаментальныхъ; что при устраненіи этихъ элементовъ, зависящихъ отъ самого человѣка, размноженіе ни теперь, ни въ теченіе долгихъ вѣковъ еще не могло бы вредить благосостоянію массы. Но если эти элементы остаются, то Мальтусъ вполнѣ правъ. Когда человѣкъ нездоровъ, ему необходимо воздерживаться отъ пищи, которая была бы не вредна, а здорова ему здоровому. Такъ при нынѣшнихъ экономическихъ отношеніахъ вредно обществу размноженіе. Посмотримъ же, какую связь съ размноженіемъ имѣетъ принципъ соперничества.

Соперничество имѣетъ въ виду цѣну. Цѣна продукта слагается изъ разныхъ элементовъ, изъ которыхъ бо́льшая часть въ послѣднемъ анализѣ оказывается только видоизмѣненіемъ рабочей платы. Слѣдовательно, при соперничествѣ всѣ наниматели труда влекутся понижать рабочую плату. Рабочая плата опредѣляется уравненіемъ запроса и снабженія. Чѣмъ больше людей, ищущихъ работы, тѣмъ ниже рабочая плата; слѣдовательно, прямая выгода каждаго нанимателя труда состоитъ въ томъ, чтобы людей, ищущихъ работы, являлось какъ можно больше, то есть, чтобы простонародье размножалось какъ можно быстрѣе. Смотрите же теперь, какое противорѣчіе: чтобы улучшилось положеніе работника, должно уменьшиться размноженіе; чѣмъ меньше будетъ масса простонародья, тѣмъ лучше будетъ каждому простолюдину; но чѣмъ больше будетъ размножаться простонародье, тѣмъ выгоднѣе нанимателю труда; слѣдовательно, на-сколько размноженіе убыточно цѣлому обществу и каждому простолюдину, на-столько же оно выгодно сословію господствующему надъ экономическими явленіями.

Почему Милль не выставляетъ этотъ результатъ соперничества такъ же настойчиво, какъ выставляетъ Мальтусову теорему? Просто

потому, что онъ не надѣется на возможность формы экономическаго разсчета, которая замѣнила бы собою соперничество. Надобно дѣйствительно сказать, что практическое принятіе обществомъ такой формы экономическаго разсчета, которая была бы удовлетворительнѣе соперничества,—дѣло очень трудное при нашихъ привычкахъ, требующее очень большаго прогресса въ понятіяхъ и обычаяхъ. Это мы должны видѣть изъ характера тѣхъ самыхъ недостатковъ, которые нашли въ соперничествѣ.

Коренной недостатокъ соперничества тотъ, что нормою разсчета беретъ оно не сущность дѣла, а внѣшнюю принадлежность его (не стоимость, а цѣну), Слѣдовательно, чтобы принципъ соперничества замѣнился хорошею формою разсчета, нужна очень твердая привычка судить о вещахъ по ихъ натурѣ, а не по внѣшнимъ признакамъ или случайнымъ послѣдствіямъ. Чтобы сознательно и твердо держаться такого принципа, людямъ нужно пріобрѣсти гораздо бо́льшую твердость мыслей, чѣмъ къ какой способно теперь огромное большинство не однихъ простолюдиновъ, но и образованныхъ сословій. Если бы не существовало въ массѣ общества элементовъ, сильно ведущихъ къ такому укрѣпленію, надобно было бы сказать, что перспектива эта слишкомъ еще далека отъ нашего времени. Но существуютъ экономическіе элементы, сильно помогающіе прогрессу разсчетливости, требуемой теоріею. Общество раздѣляется въ экономическомъ отношеніи на двѣ части. Одну, конечно, всегда малочисленную по количеству, составляютъ люди, изъ которыхъ у каждаго доходъ получается въ послѣднемъ анализѣ не столько отъ его собственнаго труда, сколько отъ поступленія въ его пользу части труда нѣсколькихъ или многихъ другихъ людей. Человѣку въ такомъ положеніи невыгодна была бы оцѣнка вещей и заслугъ по ихъ сущности. Весь или почти весь доходъ его извлекается изъ преувеличенной оцѣнки его трудовъ или заслугъ по какому нибудь предубѣжденію, или по рутинѣ, или по какому нибудь фальшивому признаку. Не таковъ интересъ другой, несравненно многочисленнѣйшей части общества, составляемой людьми, изъ которыхъ каждый не только не получаетъ въ свою пользу часть труда или продукта другихъ, но и продуктомъ своего труда или заслугъ пользуется не вполнѣ, оставляя бо́льшую или меньшую долю его въ пользу кого нибудь изъ первой части общества. Для человѣка, который долженъ разсчитывать лишь на свой трудъ, лишь на свои дѣйствительныя заслуги, оцѣнка вещей по ихъ существенному достоинству выгодна. Какъ только кто изъ такихъ людей пріобрѣтаетъ привычку мыслить, онъ влечется своими мыслями къ переоцѣнкѣ предметовъ по ихъ сущности, находя подъ возбужденіемъ личнаго интереса неосновательными тѣ оцѣнки, какія устано-

вились по интересу классовъ, живущихъ чужимъ трудомъ. Необходимость честной трудовой жизни дѣлаетъ человѣка нерасположеннымъ къ обольщенію. А масса націи въ каждой цивилизованной странѣ просвѣщается теперь, если и не съ восхитительною быстротою, то все-таки довольно замѣтно, и не очень далеко время, когда она пріобрѣтетъ способность судить о вещахъ своимъ умомъ по своимъ интересамъ. Соразмѣрно успѣхамъ ея умственной жизни, будетъ входить въ экономическія дѣла и норма разсчета, сообразная съ выгодами человѣчества.

Другой недостатокъ соперничества — то, что оно, кромѣ хорошаго способа пріобрѣтать выгоду, оставляетъ человѣку и противоположный, дурной способъ: человѣкъ выигрываетъ при соперничествѣ не только отъ успѣшности своей работы, но и отъ неуспѣшности работы другихъ. Очевидно, что этотъ второй вредъ происходитъ изъ перваго кореннаго недостатка, о которомъ мы сейчасъ говорили. Существенное достоинство предмета находится въ качествахъ самого предмета, а не въ томъ, лучше или хуже его другіе предметы того же разряда. Говорятъ: «годность предмета узнается по сравненію». Дѣйствительно; но по сравненію съ чѣмъ? Съ требованіями, какія надобно имѣть отъ этого предмета, съ потребностями человѣческой натуры, которыя должны быть удовлетворяемы этимъ предметомъ. Хорошая ли для торговыхъ дѣлъ рѣка — рѣка Темза? Очень хорошая, потому что самыя большія суда ходятъ по ней свободно, и настолько она широка, что просторно на ней всѣмъ судамъ, сколько бы ни пришло ихъ. Послѣ этого какая же надобность разсуждать, что Миссиссипи гораздо шире Темзы, а какая нибудь рѣчка Безъимянка гораздо уже и мельче ея? Отъ этихъ сравненій Темза нисколько не оказывается болѣе удобною или менѣе удобною для торговли, чѣмъ безъ нихъ. Хорошая ли рѣка — рѣка Темза по снабженію людей водою для питья? Рѣшительно негодная рѣка, потому что вода въ ней грязная и вонючая. Что же можетъ она проиграть въ этомъ отношеніи чрезъ сравненіе съ Невой, въ которой вода для питья прекрасная? Вѣдь и безъ этого сравненія вода Темзы уже оказывалась совершенно непригодною для питья. Или что она выиграетъ отъ сравненія съ той же рѣчкой Безъимянкой, которая завалена навозомъ, такъ-что вода въ ней не просто грязная и вонючая вода, а густѣйшій навозный настой? Развѣ меньше грязи и вони будетъ въ водѣ Темзы, если мы скажемъ, что существуютъ рѣчки еще болѣе вонючія? Норма сравненія для предмета — потребности того человѣческаго дѣла, на которыя долженъ служить предметъ. По степени своей пригодности къ дѣлу, предметы одного разряда распредѣляются на хорошіе и дурные, очень или про-

сто хорошіе или дурные. Но самое отношеніе извѣстнаго предмета къ дѣлу, то есть и существенное достоинство этого предмета нимало не выигрываетъ и не проигрываетъ отъ того, много ли предметовъ находится въ классахъ высшихъ, чѣмъ онъ, и въ классахъ низшихъ, чѣмъ онъ. Вамъ угодно судить объ этомъ кускѣ сукна, продающагося по два рубля за аршинъ. На что вамъ нужно это сукно? На то, чтобъ имѣть платье теплѣе бумажнаго, или полотняго, или шелковаго? Если такъ, вы не найдете сукна, которое лучше этого куска удовлетворяло бы вашей надобности: оно плотно, прочно, не тяжело, мягко. Всѣми этими качествами обладаетъ оно, если говорить практически, въ совершенствѣ. Сравнивайте его съ какимъ хотите сукномъ, эти его качества не увеличатся и не уменьшатся. Разсматривайте со всевозможною внимательностью самый этотъ кусокъ, чтобы убѣдиться въ его качествахъ, а сравнивать его ни съ сермягою, ни съ высшими сортами сукна нѣтъ вамъ никакой надобности.

Или, нѣтъ, есть надобность: надобно удостовѣриться, стоитъ ли онъ по 2 рубля аршинъ. Но эта надобность не принадлежитъ къ сущности дѣла; она происходитъ оттого, что вы не знаете ни стоимости этого сукна, ни того, правильно ли назначается купцомъ цѣна. Слѣдовательно, чтобы судить о продуктѣ по его собственнымъ качествамъ, а не по сравненію съ другими предметами того же рода, нужны два условія: надобно, чтобы производство предмета велось открыто, какъ ведутся счетныя книги акціонерныхъ обществъ; надобно также, чтобы предметы оцѣнивались столь же открыто по этой явной для всѣхъ стоимости. Вотъ условія, безъ которыхъ невозможно замѣненіе принципа соперничества формою экономическаго разсчета, болѣе удовлетворительною.—Чтобы производство велось открыто, для этого нужно, чтобы самъ потребитель былъ хозяиномъ производителемъ. Счеты по коммерческому дѣлу открыты лишь хозяевамъ дѣла. Чтобы оцѣнка продукта дѣлалась по его стоимости, для этого опять нужно, чтобы некому было выигрывать отъ оцѣнки предмета выше его стоимости, то есть опять нужно, чтобы потребитель самъ былъ и производителемъ. А при нынѣшнихъ формахъ производства, при нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ, это чистая невозможность. Подумайте только: вѣдь тутъ предполагается, что кто пашетъ землю, тотъ имѣетъ на своемъ столѣ хлѣбъ, лучше котораго нѣтъ ни у кого въ цѣлой націи; а кому угодно носить бархатное платье, тотъ самъ долженъ сидѣть за станкомъ, чтобы выткать бархатъ (мимоходомъ говоря, надобно думать, что при такомъ условіи мало нашлось бы охотниковъ до бархата). — Читателю из-

вѣстны формы экономическаго устройства, посредствомъ которыхъ должны быть достигнуты эти условія. Тутъ главное дѣло въ томъ, чтобы работники пріобрѣли искусство сами управлять предпріятіями, въ которыхъ работаютъ: цѣль новыхъ формъ та, чтобы работники сдѣлались изъ наемныхъ людей хозяевами; а хозяинъ, разумѣется, долженъ самъ имѣть неослабный надзоръ за предпріятіемъ и за всѣми людьми, которые завѣдываютъ тою или другою стороною его. При нынѣшнемъ своемъ развитіи большинство простолюдиновъ, даже и въ передовыхъ странахъ, еще слишкомъ мало подготовлено къ этому. Но и здѣсь опять мы должны сказать, что время подготовки значительно сокращается очевидностью большой выгоды новыхъ формъ для простолюдиновъ.

Послѣ этихъ разъясненій уже самъ собою ясенъ становится характеръ той высшей формы экономическаго разсчета, которою должно замѣниться соперничество, когда заинтересованныя въ этой замѣнѣ сословія пріобрѣтутъ самостоятельность мысли и привычку къ веденію промышленныхъ предпріятій. Нормою разсчета по требованію теоріи должна быть самая сущность разсчитываемаго дѣла, то есть стоимость продукта. Производители, работая сами на себя, будутъ, конечно, соображать не случайную принадлежность продукта, цѣну, потому что главная масса ихъ продуктовъ вовсе и не пойдетъ на рынокъ, не будетъ выходить изъ ихъ рукъ, стало быть и не будетъ искать себѣ цѣны; работая на собственное потребленіе, они будутъ соображать коренные элементы дѣла: мы располагаемъ извѣстнымъ количествомъ рабочаго времени и рабочихъ силъ; въ какой пропорціи выгоднѣе всего для насъ распредѣлить эти силы, это время между разными производствами на удовлетвореніе разныхъ своихъ надобностей? Основаніемъ разсчета тутъ будетъ служить классификація надобностей съ соображеніемъ того, какая доля труда можетъ быть обращена на удовлетвореніе извѣстной надобности безъ вреда для другихъ надобностей, не менѣе или болѣе настоятельныхъ. Чтобы яснѣе было это, разсмотримъ гипотетическій случай.

Предположимъ, что существуетъ акціонерное общество, состоящее изъ 2000 населенія, въ числѣ которыхъ находятся 500 взрослыхъ работниковъ. (Мы, для краткости, будемъ считать трудъ работника представителемъ труда и работницы и дѣтей или стариковъ, составляющихъ одну единицу домашняго быта съ этимъ работникомъ). Предположимъ, что, за исключеніемъ праздничныхъ дней и болѣзней, приходится 300 рабочихъ дней въ году на человѣка, и что рабочій день считается въ 10 часовъ.

Въ такомъ случаѣ общество имѣетъ въ теченіе года 1,500,000 рабочихъ часовъ. Вотъ фондъ, которымъ оно располагаетъ на удовлетвореніе своихъ надобностей. Теперь слѣдуетъ ему сообразить свои потребности.

Пища, едва достаточная на поддержаніе жизни (скудная по количеству, дурная по качеству), можетъ быть произведена количествомъ труда 100 часовъ на человѣка; для снабженія цѣлаго общества такою пищею потребуется 200,000 рабочихъ часовъ. Для снабженія человѣка изобильною и разнообразною пищею хорошаго качества нужно вдвое больше труда, 200 часовъ на человѣка или 400,000 на общество. Для доставленія роскошнаго стола съ разными прихотями нужно еще вдвое больше труда, 400 часовъ на человѣка, 800,000 часовъ на общество.

Постепенное обзаведеніе хорошими жилищами и ремонтъ ихъ, вмѣстѣ съ топливомъ, требуетъ 150 часовъ на человѣка или 300,000 на цѣлое общество. Очень дрянныя жилища, кое-какъ отапливаемыя, потребуютъ втрое меньше труда, 50 часовъ на человѣка, 100,000 на общество; а роскошныя жилища—втрое больше, 450 часовъ на человѣка, 900,000 на цѣлое общество.

Для снабженія человѣка порядочною одеждою въ нужномъ количествѣ надобно 100 часовъ на человѣка, 200,000 на цѣлое общество. Если людямъ ходить оборванными или полунагими, на это потребуется труда вчетверо менѣе, по 25 часовъ на человѣка, 250,000 на общество. Роскошные наряды будутъ стоить труда, въ четыре раза большаго, 400 часовъ на человѣка, 800,000 на цѣлое общество.

Соединяя въ одну статью всѣ мелкія надобности домашняго быта, мы положимъ, что на порядочное удовлетвореніе ихъ нужно 50 часовъ работы на человѣка, 100,000 на цѣлое общество; но кое-какъ перебиваться можно количествомъ работы, въ пять разъ меньшимъ: 10 часовъ на человѣка, 20,000 на общество; а роскошь въ этихъ мелкихъ потребностяхъ будетъ требовать труда въ пять разъ большаго, то есть 250 часовъ на человѣка, 500,000 на общество.

Но кромѣ домашнихъ надобностей каждой отдѣльной группы близкихъ между собою людей, есть надобности цѣлаго общества; напримѣръ, ему нужны общественныя заботы о воспитаніи, о путяхъ сообщенія, объ охраненіи продуктовъ и лицъ. Скудное удовлетвореніе этимъ надобностямъ обойдется въ 20 часовъ на человѣка, въ 40,000 на общество; хорошее удовлетвореніе потребуетъ труда, въ 5 разъ большаго, то есть 100 часовъ на человѣка, 200,000 на цѣлое

общество. При роскошномъ удовлетвореніи понадобится конечно еще гораздо больше труда, но тутъ всякая излишняя трата противъ того, что нужно для хорошаго удовлетворенія — уже очевидно бываетъ не удовлетвореніемъ общественной надобности, а просто общественнымъ дурачествомъ; и вотъ открывается еще одинъ предметъ, стоющій расходовъ труда, —

Общественныя дурачества. По предметамъ дѣйствительной общественной надобности сюда принадлежатъ, какъ мы сейчасъ сказали, расходы на приданіе дѣлу фальшиваго блеска, безполезнаго или даже вреднаго для дѣла. Но гораздо обширнѣйшій предметъ расхода составляютъ по разряду общественныхъ дурачествъ дѣла, не только при излишней роскоши исполненія, но и при всякомъ исполненіи, скудномъ, посредственномъ, роскошномъ, прямо вредныя благосостоянію общества: напримѣръ, расходы на пріобрѣтеніе перевѣса надъ другими обществами въ могуществѣ или политическомъ вліяніи, главнымъ образомъ войны съ разными своими принадлежностями. При хорошемъ общественномъ разсчетѣ такихъ дурачествъ вовсе не дѣлается. Самое скудное удовлетвореніе такимъ дурачествамъ обходится очень дорого, положимъ въ 200 часовъ на человѣка, 400,000 на цѣлое общество; а роскошное удовлетвореніе обходится несравненно дороже, напримѣръ въ 500 часовъ на человѣка, 1,000,000 на цѣлое общество.

Вотъ теперь мы имѣемъ данныя для соображенія расходовъ, какихъ потребуетъ удовлетвореніе общественнымъ надобностямъ и прихотямъ въ разныхъ степеняхъ.

	Скудное удовлетвореніе.		Хорошее удовлетвореніе.		Роскошное удовлетвореніе.	
	На человѣка.	На общество.	На человѣка.	На общество.	На человѣка.	На общество.
Пища	100	200,000	200	400,000	400	800,000
Жилище	50	100,000	150	300,000	450	900,000
Одежда	25	50,000	100	200,000	400	800,000
Мелкія домашнія надобности	10	20,000	50	100,000	250	500,000
Общественныя надобности	20	40,000	100	200,000	100	200,000
Общественныя дурачества	200	400,000	»	»	500	1,000,000
Итого	405	810,000	600	1,200,000	2,100	4,200,000

Общество имѣетъ на удовлетвореніе своимъ надобностямъ и желаніямъ 1,500,000 часовъ. Стало быть о роскошномъ удовлетвореніи потребностей въ полномъ ихъ размѣрѣ нечего ему и думать: разумѣется, при нынѣшнемъ состояніи понятій и привычекъ роскошь пріятнѣе простаго изобилія; но что же дѣлать, когда не достаетъ для нея средствъ? Вѣдь если бы общество изъ любви къ роскоши въ домашнемъ быту и удержалось отъ всякихъ общественныхъ дурачествъ, еслибъ оно пожертвовало для той же цѣли и всѣми общественными надобностями, все-таки на одну роскошь въ домашнемъ быту понадобилось бы 3,000,000 часовъ, — вдвое больше, чѣмъ имѣетъ общество. Но свои 1,500,000 часовъ оно можетъ распредѣлить по удовлетворенію разныхъ надобностей и желаній очень различными способами. Напримѣръ, оно можетъ расположить дѣло такимъ манеромъ:

Пусть одна десятая часть членовъ общества (200 человѣкъ) имѣетъ полную роскошь въ своемъ домашнемъ быту; для этого нужно по 1,500 часовъ на человѣка, слѣдовательно на 200 человѣкъ . .	300,000 часовъ.
Пусть вдвое бо̀льшее число людей, то есть 400 человѣкъ или двѣ десятыхъ доли общества живутъ въ домашнемъ быту изобильно; для этого нужно по 500 часовъ на человѣка, то есть на 400 человѣкъ .	200,000 —
Остальная масса общества, то есть семь десятыхъ частей его или 1,400 человѣкъ, пусть живетъ въ домашнемъ быту скудно; для этого нужно по 185 часовъ на человѣка, то есть на 1,400 человѣкъ	259,000 —
Общественныя надобности пусть удовлетворяются скудно; на это нужно	40,000 —
Всего изъ 1,500,000 часовъ расходуется на эти предметы	799,000 —
Слѣдовательно остается на общественныя дурачества	701,000 часовъ.

Вотъ такимъ манеромъ обыкновенно и распредѣляется общественный трудъ, когда дѣло ведется безъ точнаго соображенія расходовъ со средствами, безъ вниманія къ степени настоятельности той или другой человѣческой надобности, по безразсчетнымъ прихотямъ, по всякимъ случайнымъ капризамъ. Общій видъ исторіи до сихъ поръ былъ въ этомъ родѣ, лишь съ очень немногими, да и то почти во всѣхъ случаяхъ кратковременными отступленіями отъ обычной безразсчетливости. Тутъ не надобно нисколько винить чело-

вѣческую натуру; да и размѣръ общественныхъ средствъ тутъ виноватъ лишь въ обществахъ совершенно дикихъ, еще не познакомившихся съ способами придавать труду успѣшность. Въ обществахъ не то, что цивилизованныхъ, а даже и во всѣхъ тѣхъ, которыя успѣли выйти хотя изъ грубѣйшаго дикарства, стали осѣдлыми, земледѣльческими, — не только въ нынѣшней Англіи или въ Германіи, а даже въ Англіи IX вѣка, въ Германіи X вѣка, въ нынѣшней Персіи, въ нынѣшней Малой Азіи трудъ по степени своей внутренней успѣшности уже могъ бы содержать общество въ благосостояніи. А человѣческая натура опять-таки невиновата, если дѣло выходитъ плохо, когда человѣкъ дѣйствуетъ безразсчетно, на удачу: тутъ виноватъ только недостатокъ разсчета. Какъ бы ни былъ уменъ, распорядителенъ, дѣятеленъ банкиръ, какъ бы ни былъ онъ скроменъ въ личныхъ своихъ расходахъ, остороженъ и добросовѣстенъ въ своихъ операціяхъ, его дѣла тотчасъ разстроются, онъ обанкротится самъ и разоритъ всѣхъ имѣвшихъ съ нимъ дѣло, если ведетъ дѣла безъ бухгалтерскихъ книгъ, полагаясь на одну свою память и сообразительность. А общественное хозяйство несравненно обширнѣе, многосложнѣе всякаго банкирскаго дѣла. На угадъ, по памяти, по глазомѣру можно вести лишь свое частное хозяйство человѣку, у котораго оно очень не велико, да и у него, какъ бы благоразуменъ ни былъ онъ, часто будутъ оказываться въ хозяйствѣ прорѣхи, если не ведетъ онъ приходо-расходныхъ книгъ. А такихъ книгъ еще ни въ одномъ обществѣ не заведено. Сколько рабочихъ силъ находится, положимъ, во Франціи? Это никому неизвѣстно; говорится объ этомъ лишь на-угадъ, въ такомъ родѣ: число взрослыхъ мужчинъ, способныхъ къ работѣ, вѣроятно около 9,000,000, а можетъ быть только 7,000,000; изъ нихъ производительнымъ трудомъ занимаются четыре пятыхъ части, а можетъ быть только три пятыхъ части; число взрослыхъ здоровыхъ женщинъ, помогающихъ труду, можетъ быть таково же, а можетъ быть и гораздо меньше, потому что слишкомъ многія женщины даже и въ рабочемъ классѣ отвлечены отъ дѣльной работы хлопотами, въ которыхъ трудъ тратится слишкомъ безуспѣшно; а можетъ быть число женщинъ, помогающихъ мужчинамъ въ дѣльной работѣ, и больше мужчинъ, занятыхъ ею, потому что женщина не берется въ солдаты, не берется въ бюрократическія должности; стало быть число женщинъ, работу которыхъ надобно считать производительной, можно считать отъ 3½ милл. (половина изъ 7 милл.) до 8 милл. (восемь девятыхъ частей изъ 9 милл.); отношеніе успѣшности труда этихъ женщинъ къ труду мужчинъ можно считать только за одну половину единицы мужскаго труда, а можно

считать и за три четверти. Посмотрите же, какая удовлетворительная точность получается изъ этихъ глазомѣрныхъ соображеній:

Производительныхъ работниковъ во Франціи отъ (7,000,000 × 0,6 =)	4,200,000	
до (9,000,000 × 0,8 =)		7,200,000
Трудъ женщинъ, участвующихъ въ производительномъ трудѣ, составляетъ такихъ же единицъ труда, отъ (3,500,000 × 0, 5 =). .	1,750,000	
до (8,000,000 × 0,75 =). .		6,000,000
Итого, Франція имѣетъ единицъ производительнаго труда отъ	5,950,000	
до . . .		13,200,000

Какой прочный фундаментъ для хорошаго веденія дѣлъ! Какъ вы полагаете, можетъ ли хорошо вести свои дѣла негоціантъ, который, задавая себѣ вопросъ: «какъ великъ мой капиталъ?» умѣетъ отвѣчать себѣ только: «не знаю, а вѣроятно не меньше 60 тысячъ, и не больше 130 тысячъ»; который, спросивъ себя: «сколько у меня работниковъ на фабрикѣ?» умѣетъ отвѣчать себѣ только: «не знаю хорошенько, а должно быть не меньше 600, и не больше 1,300», — какъ вы полагаете, могутъ ли хорошо идти экономическія дѣла этого негоціанта и отчего идутъ они плохо? Оттого ли, что работники у него — плохой народъ, или оттого, что капиталъ у него малъ? Нѣтъ, работники, можетъ быть, очень хороши и капиталъ достаточенъ; вся бѣда оттого, что онъ не соблюдаетъ перваго условія экономическихъ дѣлъ, — не ведетъ счетовъ.

Что мы говорили о разсчетѣ рабочихъ силъ, которыми располагаетъ общество, точно то же надобно сказать и о количествѣ труда, требующагося на хорошее удовлетвореніе той или другой потребности. Спросите кого хотите, никто не умѣетъ сказать вамъ, сколько рабочихъ дней нужно, чтобы производить обильное снабженіе всѣхъ серьёзныхъ надобностей для извѣстнаго числа людей. Только по постройкѣ жилищъ дѣлаются смѣты подобнаго рода архитекторами, да и тутъ счетъ не доводится до конца: считается, сколько рабочихъ дней должны употребить на постройку дома каменьщики, столяры, кровельщики, — работники, прямо трудящіеся надъ этимъ домомъ; а какого количества работъ стоитъ ремонтъ орудій, ими употребляемыхъ, и производство матеріаловъ постройки, этого никто не считаетъ: кирпичъ, лѣсъ, желѣзо вносятся въ смѣту не количествомъ рабочихъ силъ, какихъ стоили, а своею рыночною цѣною; ремонтъ орудій не составляетъ особенной статьи, а безъ всякаго разсчета входитъ въ оцѣнку рабочей платы. Стало быть и по по-

стройкѣ жилищъ не подведенъ разсчетъ способомъ, какого требуетъ наука. Но вѣдь постройка жилищъ — лишь одна часть расходовъ труда на этотъ предметъ: нуженъ ремонтъ построенныхъ жилищъ; по этой статьѣ расхода не составляются полнымъ образомъ смѣты даже и по такой неполной формѣ, какъ для постройки.

А по удовлетворенію другихъ надобностей домашняго быта ни о чемъ подобномъ еще и не думалъ никто ни изъ экономистовъ школы Адама Смита, ни изъ людей, имѣющихъ прямое вліяніе на общественныя дѣла. Составлялись бюджеты среднихъ расходовъ семейства въ томъ или другомъ общественномъ положеніи и смѣты доходовъ его, преимущественно въ простонародномъ бытѣ и въ бытѣ мелкихъ чиновниковъ; но бюджеты расходовъ составлялись по цѣнамъ вещей, а бюджеты доходовъ по вознагражденію въ денежномъ счетѣ; а это все совершенно не то, что нужно сдѣлать.

Не знаемъ, удалось ли намъ возбудить въ читателѣ отчетливое представленіе о положеніи дѣлъ, нами разсматриваемомъ. Если удалось, онъ, пожимая плечами, говоритъ: «чего путнаго можно ждать при такомъ отсутствіи разсчета? Количество средствъ, какими располагаетъ общество, совершенно неизвѣстно; количество средствъ, нужное для удовлетворенія той или другой человѣческой потребности въ томъ или другомъ размѣрѣ, также совершенно неизвѣстно. Какого тутъ можно ждать порядка, какой можно ждать разсудительности въ экономическихъ дѣлахъ общества?»

Рутинные политико-экономы нимало не конфузятся этимъ: по ихъ мнѣнію, и нѣтъ надобности ни въ какомъ счетѣ, ни въ какой сообразительности обществу: все разсчитывается и улаживается безъ помощи сознательнаго разсужденія со стороны общества, естественнымъ дѣйствіемъ механизма цѣнъ и индивидуальныхъ интересовъ. Объ этомъ вѣроятно придется намъ подробнѣе говорить, когда будемъ излагать содержаніе III-й книги Милля, объ обмѣнѣ. А теперь, не вдаваясь въ техническія подробности, которымъ будетъ мѣсто въ одной изъ слѣдующихъ статей, мы разсудимъ объ основномъ принципѣ такого мнѣнія.

Мало ли есть въ природѣ разныхъ естественныхъ силъ, дѣйствіемъ которыхъ движутся человѣческія дѣла и живетъ самъ человѣческій организмъ; мало ли есть и въ самомъ человѣческомъ организмѣ силъ и стремленій, дѣйствующихъ самобытно и безъ всякаго предначертаннаго разсчета человѣческой сообразительности. Что же, есть ли изъ этихъ безчисленныхъ силъ природы и человѣческаго организма хотя одна, которая сама собою, безъ управленія сознательнымъ человѣческимъ соображеніемъ, дѣйствовала бы такъ, какъ нужно для пользы человѣка? Вотъ идетъ дождь, падаетъ роса, сами собою; что

же, всегда нива получаетъ отъ нихъ самихъ столько влаги, сколько нужно для успѣшнаго роста хлѣба? Нѣтъ, изъ 100 лѣтъ развѣ въ одно, время и количество дождя и время сухой погоды расположатся сами собою наивыгоднѣйшимъ образомъ для роста хлѣба; въ остальныя 99 лѣтъ дождя падаетъ или больше или меньше, чѣмъ нужно, или не тогда, когда нужно; быть можетъ въ половинѣ этихъ лѣтъ отступленія отъ нужной для человѣка нормы не чрезмѣрно велики и хлѣбу удается вырости порядочно, хотя выросъ бы онъ лучше, если бы въ этотъ разъ дождь упалъ нѣсколькими днями раньше, въ другой нѣсколькими днями позже, въ этотъ разъ былъ нѣсколько посильнѣе, въ другой разъ не былъ такъ силенъ. А сколько бываетъ лѣтъ очень тяжелаго неурожая то отъ чрезмѣрной засухи, то отъ чрезмѣрнаго количества дождей? Значитъ, сила дождя и ясной погоды дѣйствуетъ сама собою неудовлетворительно для человѣческихъ надобностей. Можете говорить, что человѣкъ еще не въ состояніи руководить дѣйствіями этихъ силъ; но не говорите же, что не нуждался бы онъ въ томъ, чтобы руководить ими; что онѣ уже и сами собою дѣйствуютъ, какъ нельзя лучше для него. Да и въ томъ, что еще не можетъ онъ теперь руководить ими, вы будете правы лишь отчасти: кое-что онъ уже можетъ сдѣлать, кое-что онъ уже и дѣлаетъ: онъ устроиваетъ искуственную поливку, онъ устроиваетъ дренажъ. Разумѣется, эти опыты пока еще слабы, ничтожны сравнительно съ общей массой нивъ. Но вѣдь силы человѣка ростутъ, скоро онъ будетъ въ состояніи дѣлать гораздо больше; да и теперь уже могъ бы дѣлать значительно больше, если бы употребилъ на то всѣ силы, какими можетъ располагать, если бы не тратилъ этихъ силъ на пустяки, если бы научился цѣнить дѣла по ихъ истинной важности, да не сбивался бы съ толку предразсудкомъ, что дескать и само собою все хорошо идетъ. Возьмите, какую хотите, другую естественную силу природы, вы увидите тоже самое: каждая дѣйствуетъ безъ всякаго постояннаго отношенія къ надобностямъ человѣка: иной разъ, какъ нужно для нихъ, въ другой разъ во вредъ имъ, какъ случится; только чрезвычайно рѣдко случается, чтобы когда нибудь какая нибудь сила дѣйствовала совершенно такъ, какъ нужно человѣку, а слишкомъ часто, что она дѣйствуетъ чрезвычайно вредно для него. И разсудите сами, можетъ ли быть иначе, когда она дѣйствуетъ сама собою, безъ управленія человѣкомъ? Развѣ она беретъ въ разсчетъ его нужды или желанія? Бросайте горошину на Соломоновъ кругъ, иной разъ упадетъ она и на ту цифру, какой вамъ хочется, нерѣдко упадетъ близко къ этой цифрѣ; ну, а большею частью, какъ она упадетъ? Вовсе не такъ, какъ вамъ хочется.

Или вы думаете, что силы самаго организма человѣка не нуж-

даются въ руководствѣ соображеніемъ? Вѣдь еслибы мы не разсуждали объ интересѣ своего здоровья или не расчитывали непріятныхъ ощущеній отъ излишняго обремененія желудка, почти каждый изъ насъ былъ бы обжорою, почти каждый — пьяницею, и безпрестанно каждый изъ насъ ѣлъ бы и пилъ бы ядовитыя вещества, — развѣ нѣтъ между ними очень пріятныхъ на вкусъ? Посмотрите на ребенка, на бушмена, у которыхъ нѣтъ соображенія въ этомъ дѣлѣ: они безпрестанно обжираются, и готовы ѣсть и ѣдятъ богъ-знаетъ какую дрянь. Всякая другая потребность организма, всякое другое стремленіе человѣка точно также нуждается въ руководствѣ соображенія. Возьмите расположеніе къ физической любви или къ идеальной довѣрчивости, возьмите добродушіе, разговорчивость, — всякая изъ этихъ наклонностей дѣлаетъ человѣку неисчислимый вредъ, когда нисколько не руководится разсудкомъ. Да и какъ быть иначе? Вѣдь что такое называется соображеніемъ, разсудкомъ, разсчетливостью? Сложеніе всѣхъ данныхъ, всѣхъ фактовъ и обстоятельствъ, причинъ и вѣроятныхъ послѣдствій; вѣдь только эта сила соображенія — представительница цѣлаго человѣческаго организма со всѣми его потребностями, силами и зависимостями отъ внѣшней природы; вѣдь только черезъ посредство ея человѣкъ является полнымъ человѣкомъ. Всѣ другія силы — частныя силы, односторонія, не обнимающія ни всего организма, ни всей его обстановки. Разумѣется, по одному данному почти всегда выйдетъ не то, что сообразно со всею совокупностью данныхъ.

Что же за исключеніе были бы изъ общихъ законовъ природы и человѣческаго организма экономическія наклонности и пружины дѣйствія, если бы каждая изъ нихъ сама собою постоянно дѣйствовала именно такъ, какъ полезно для цѣлаго человѣка, если бы дѣйствія каждой изъ нихъ въ отдѣльности не нуждались въ подведеніи къ общимъ выгодамъ цѣлаго организма? Это — слишкомъ неправдоподобное мнѣніе.

Мы видѣли одинъ изъ манеровъ, по которымъ распредѣляются общественныя силы, когда общество не соображаетъ ни своихъ средствъ, ни потребностей. Всѣ эти манеры, несмотря на необозримое свое разнообразіе, имѣютъ точно тотъ же существенный характеръ, какъ и приведенный нами для примѣра: непремѣнно оказывается недостатокъ средствъ въ однѣхъ частяхъ общества, мотовство въ другихъ. Иначе и быть не можетъ при такомъ порядкѣ дѣлъ: откуда же явилась бы соразмѣрность распредѣленія силъ съ потребностями, когда неизвѣстны ни размѣръ силъ, ни размѣръ потребностей? Но читатель видѣлъ, что съ тѣмъ же самымъ размѣромъ средствъ и потребностей общество пользовалось бы полнымъ

изобиліемъ, если бы распредѣляю свои средства разсудительно: въ самомъ дѣлѣ, на изобильное удовлетвореніе всѣхъ общественныхъ и частныхъ потребностей нужно только 1,200,000 рабочихъ часовъ, а общество располагаетъ средствами, равными 1,500,000 рабочихъ часовъ, то есть, за полнымъ удовлетвореніемъ всѣхъ разсудительныхъ надобностей, у него остается еще 300,000 часовъ въ излишкѣ; оно можетъ теперь, удовлетворивъ своимъ настоятельнымъ надобностямъ, располагать этимъ излишкомъ средствъ уже какъ ему угодно, — вотъ доля, законно предоставляемая разсудкомъ игрѣ фантазіи, страстей, прихотей: за удовлетвореніемъ всѣхъ вашихъ нуждъ, у васъ остается излишекъ; вы, не рискуя быть безразсуднымъ, можете потѣшать себя на этотъ излишекъ, — но не больше, какъ на него. Изъ 1,200,000 рабочихъ часовъ вы не можете ни одного терять на бездѣлье или на дурачества,—это воспрещаетъ разсудокъ; а остающіеся затѣмъ 300,000 часовъ употребляйте какъ хотите. Вы можете пожертвовать ими на уменьшеніе вашего труда: работайте, вмѣсто 10 часовъ въ день, только по 8; или, если роскошь манитъ васъ сильнѣе, чѣмъ отдыхъ, употребляйте два эти лишніе часа каждаго рабочаго дня на производство предметовъ роскоши.

Вотъ принципъ экономическаго разсчета, поставляемый теоріею. Но мы уже нѣсколько разъ говорили, что только съ измѣненіемъ формъ производства возможно осуществленіе условій, имъ требуемыхъ. Главное изъ этихъ условій — точный счетъ общественныхъ силъ и потребностей. При нынѣшнихъ формахъ производства никакъ нельзя составить сколько нибудь удовлетворительной оцѣнки ихъ. Правда, правительства передовыхъ странъ уже предпринимаютъ обширныя статистическія работы съ этою цѣлью. Такъ въ Соединенныхъ Штатахъ при каждой десятилѣтней переписи перечисляется не только населеніе по возрастамъ, но переписываются и оцѣниваются всѣ главныя статьи имущества и производства. Не говоримъ уже о томъ, что многія и важнѣйшія изъ этихъ статей оцѣниваются только по денежному счету, слишкомъ не точно выражающему дѣйствительныя качества предмета. Главная важность въ томъ, что научныя, теоретическія желанія оказываются недостаточными для приведенія въ извѣстность тѣхъ данныхъ, которыя стараются тутъ опредѣлить. Дѣло опредѣляется только самымъ дѣломъ. Что не нужно для дѣла, то никакъ не будетъ исполнено удовлетворительно. Возможно ли, чтобы переписчики или оцѣнщики добивались точныхъ показаній, когда самимъ людямъ, къ которымъ обращаются они за свѣдѣніями, нѣтъ никакой практической надобности хлопотать надъ точною оцѣнкою своихъ средствъ? Да бо́льшая часть этихъ людей при нынѣшнемъ порядкѣ производствѣ не могутъ и оцѣнить своихъ

средствъ точнымъ образомъ, по нормѣ, требуемой наукою. Знаетъ ли фабрикантъ, или даже можетъ ли знать онъ, сколькими часами работы произведенъ продуктъ его фабрики? Онъ могъ бы знать только число рабочихъ дней, да и по нимъ онъ не хранитъ счетовъ: онъ хранитъ счеты только количеству денегъ, выданныхъ рабочимъ. А скольким рабочимъ днямъ соотвѣтствовала эта сумма, онъ уже не помнитъ черезъ полгода, быть можетъ черезъ мѣсяцъ или даже черезъ недѣлю; а записки объ этомъ брошены по ненадобности ихъ для его разсчетовъ. Да еслибъ онъ и хранилъ эти счеты рабочихъ дней, дѣло не слишкомъ много подошло бы къ точности: сколько часовъ рабочаго дня употребилъ тотъ или другой работникъ нынѣ, вчера на дѣйствительную работу и сколько пропало у него въ бездѣльѣ, и сколько часовъ онъ занимался дѣломъ съ полнымъ усердіемъ и занимался ли имъ съ полнымъ усердіемъ хотя одинъ часъ въ день,—этого не знаетъ хорошенько никто, кромѣ самого работника, и много-много двухъ-трехъ его сосѣдовъ по мѣсту въ фабричной комнатѣ. Смѣшно требовать и глупо надѣяться, чтобы взрослые люди, вся дѣловая жизнь которыхъ руководится только разсчетомъ надобности и выгоды, стали терять время на вѣрный счетъ тому, чего считать нѣтъ имъ надобности или чего не могутъ они усчитать. Точный счетъ рабочихъ силъ, точный счетъ количеству труда, нужному на полученіе извѣстнаго продукта, на удовлетвореніе извѣстной надобности, будетъ веденъ лишь тогда, когда на этомъ счетѣ будетъ основано производство, которое теперь основано не на немъ, а на слишкомъ невѣрной принадлежности его, цѣнѣ.

Мы изложили только одну сторону дѣла — общій принципъ его. Каковъ долженъ быть или, по всей вѣроятности, будетъ способъ его осуществленія и въ какихъ формахъ оно осуществится? Способъ осуществленія въ каждомъ дѣлѣ много зависитъ отъ обстоятельствъ. Одна и та же цѣль достигается въ иныхъ случаяхъ свободнымъ дѣйствіемъ индивидуальныхъ лицъ, въ другихъ — силою распоряженій общественной власти. О томъ, который способъ лучше самъ по себѣ, не нужно было бы по настоящему и говорить намъ: какъ мы думаемъ объ этомъ предметѣ, должно быть понятно читателю, сколько нибудь желающему вникать въ нашъ образъ мыслей; да и самъ по себѣ вопросъ очень ясенъ. Но въ исторіи слишкомъ часто задача бываетъ не въ томъ, какой путь самый лучшій, а въ томъ, какой путь возможенъ при данныхъ обстоятельствахъ. Если я самъ въ силахъ отстранить человѣка, несправедливо мѣшающаго мнѣ идти своей дорогой, я самъ отстраняю его; но если я не въ силахъ отстоять своихъ правъ одинъ, я призову противъ неправильно мѣшающихъ мнѣ вмѣшательство обществен-

ной власти. Изъ этого еще не будетъ слѣдовать, что я люблю полицейскую расправу или судебныя тяжбы или уголовные процессы; но войдите же въ мое положеніе, что мнѣ дѣлать, кромѣ этого? Очень можетъ быть, что въ нѣкоторыхъ странахъ, гдѣ народъ имѣетъ нравы въ родѣ англійскихъ и сѣверо-американскихъ, дѣло исполнится исключительно или преимущественно частнымъ образомъ. Мало ли что дѣлается въ такихъ странахъ частными силами? Вотъ, напримѣръ, гдѣ на свѣтѣ слыхано, чтобы война велась не правительствомъ, а добровольнымъ соглашеніемъ частныхъ людей? а теперь ведется же она такъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ: собираются частные люди и рѣшаютъ, что быть войнѣ. Война объявляется. Собираются частные люди и рѣшаютъ, что столько-то надобно выставить войска, и составляютъ изъ себя войско. Соображаютъ они, куда идти войску, и посылаютъ его туда. А правителбство только принимаетъ и обнародуетъ факты, совершающіеся не по его иниціативѣ. Мало ли что бываетъ въ иныхъ странахъ! Въ Индіи, напримѣръ, ростутъ пальмы, ходятъ по лѣсамъ слоны; слѣдуетъ ли изъ этого, что во всѣхъ странахъ возможны такія явленія? Мало ли что бываетъ при иномъ развитіи общественныхъ нравовъ? Въ свободныхъ штатахъ Сѣверной Америки, напримѣръ, дѣвушка можетъ ѣздить по какимъ угодно дорогамъ одна, и не только по дорогамъ ѣздить, по большимъ улицамъ въ большихъ городахъ можетъ ходить одна и не подвергнется оскорбленію; а еслибъ и нашелся наглецъ, который вздумалъ бы привязаться къ ней, не нуженъ былъ бы ей родственникъ или провожатый: каждый посторонній наказалъ бы негодяя. Слѣдуетъ ли изъ этого, что во всѣхъ странахъ можно теперь ждать того же? Со временемъ, — о, современемъ, конечно, вездѣ такъ будетъ, и даже лучше будетъ; ну, а теперь, что̀ прикажете дѣлать въ странахъ, гдѣ не такъ? Нечего дѣлать, приходится родственнику или знакомому сопровождать дѣвушку. — «По одежкѣ протягивай ножки», — эта поговорка прилагается не къ однимъ экономическимъ дѣламъ, а ко всякимъ; впрочемъ мы здѣсь и говоримъ объ экономическихъ дѣлахъ, къ которымъ она прямо и относится.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ и о формахъ хозяйства производительнаго и потребительнаго, требуемыхъ удовлетворительною формою экономическаго разсчета. Если бы могъ стоять домъ безъ фундамента, если бы можно было имѣть теплоту въ комнатахъ безъ печей, разумѣется, не было бы никакой надобности ни въ фундаментѣ, ни въ печахъ; а если бы можно было быть сытымъ безъ пищи, не нужна была бы и пища. Если бы вѣрная оцѣнка продуктовъ и разныхъ видовъ труда по ихъ внутреннимъ качествамъ, если бы хо-

рошее распредѣленіе продуктовъ, если бы успѣшнѣйшій ходъ производства или экономное потребленіе возможны были безъ извѣстныхъ формъ экономическаго быта, то, разумѣется, не нужны были бы эти формы. Но изъ перечисленныхъ нами условій національнаго благосостоянія ни одно невозможно безъ извѣстнаго экономическаго устройства. Напримѣръ, въ теоріи производства мы видѣли, что для его успѣшности нужны такія формы быта, при которыхъ каждый работникъ былъ бы хозяиномъ, а единица производительнаго хозяйства должна имѣть такой огромный размѣръ, что нужны для ней сотни работниковъ; слѣдовательно форма производительнаго устройства должна быть такова, чтобы въ каждомъ предпріятіи былъ не одинъ хозяинъ, а сотни хозяевъ и чтобы никто не касался дѣла кромѣ хозяина, иначе сказать, чтобы всякій касающійся былъ хозяиномъ его на столько, на сколько касается. Теперь точно такое же требованіе мы находимъ въ условіяхъ удовлетворительнаго экономическаго разсчета. Онъ возможенъ лишь тогда, когда каждому потребителю извѣстна точная стоимость потребляемаго продукта, количество рабочихъ силъ, употребленныхъ на производство; а это можетъ быть извѣстно лишь хозяину производства; слѣдовательно каждый потребитель продукта долженъ быть его хозяиномъ-производителемъ. А по принципу сочетанія труда не только всѣ продукты, нужные для отдѣльнаго человѣка, но и ни одинъ изъ этихъ продуктовъ въ отдѣльности не долженъ быть произведеніемъ работы одного человѣка, а долженъ проходить въ своемъ производствѣ черезъ десятки и сотни рукъ (чѣмъ больше дробятся производительныя операціи на свои простѣйшіе элементы, тѣмъ успѣшнѣе идетъ производство). Стало быть и тутъ, вмѣсто отдѣльнаго хозяина отдѣльнаго продукта, требуется соединеніе множества людей, занимающихся въ своей совокупности производствомъ разныхъ продуктовъ по разнымъ человѣческимъ потребностямъ, и притомъ такое сочетаніе, въ которомъ каждый участникъ по труду былъ бы соучастникомъ въ правѣ хозяйства.

Мы говоримъ только объ общемъ принципѣ формы хозяйства, требуемой теоріею. О подробностяхъ должны мы будемъ говорить при обзорѣ слѣдующихъ отдѣловъ трактатовъ Милля; и — почему знать?—быть можетъ и станемъ говорить о нихъ когда нибудь, въ противность принятому нами правилу—не говорить о томъ, о чемъ должно: вѣдь человѣкъ не ангелъ и погрѣшаетъ иногда противъ правилъ самыхъ хорошихъ и самыхъ любимыхъ.

в. ФОРМЫ РАСПРЕДѢЛЕНІЯ ПРОДУКТА ПРИ ПРИНЦИПѢ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, ПО ПРИНЦИПУ СОПЕРНИЧЕСТВА ИЛИ НОРМАМЪ ЭКОНОМИЧЕСКАГО РАЗСЧЕТА, ЕЩЕ МЕНѢЕ УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНЫМЪ.

Мы говорили о формѣ экономическаго разсчета, требуемой научною теоріею, и на этотъ разъ по своему правилу отказались отъ изложенія той формы распредѣленія, которая происходитъ изъ хорошаго разсчета и о которой по всѣмъ соображеніямъ здраваго смысла слѣдовало бы намъ теперь говорить. Мы впрочемъ и не жалѣемъ объ этомъ: къ чему наполнять страницы разсужденіями о томъ, чего еще нѣтъ? вѣдь несуществующее не существуетъ, стало быть ничтожно. Есть еще другое основаніе къ тому: Вы, напримѣръ, говорите мнѣ, что я не долженъ разстроивать своего здоровья обжорствомъ, не долженъ портить судьбу близкихъ мнѣ людей мотовствомъ; я — простите «нагую рѣзкость выраженья» — оборачиваюсь къ вамъ спиною: можете ли вы поддержать силу вашихъ замѣчаній судебнымъ порядкомъ? можете ли представить меня къ суду для наказанія за образъ жизни, который называете вы безразсуднымъ и вреднымъ для меня и для другихъ? Не можете? — Такъ что же мнѣ за охота слушать ваши рѣчи, которыя непріятны для меня и которыя я называю поэтому глупыми? Я уважаю только законъ, да и то лишь когда за закономъ стоитъ судебная власть съ своими наказаніями и не могу я отъ нихъ уйти. Пожалуй, я уважаю отчасти и обычай, потому что за обычаемъ стоитъ общественное мнѣніе съ своими наказаніями, и очень часто съ полицейскими наказаніями. Остальнаго ничего я знать не хочу. Такъ вотъ и теперь будемъ-те говорить лишь о тѣхъ формахъ распредѣленія, которыя существовали или существуютъ по волѣ закона или обычая: эти формы уже доказали свою возможность: что дѣлалось или дѣлается въ дѣйствительности, то, конечно, возможно. А всякія другія формы я называю утопическими мечтаніями и не хочу знать ихъ.

Впрочемъ, при моемъ нынѣшнемъ расположеніи духа, понятіе утопіи становится у меня очень широко: мнѣ кажется, что всякое требованіе здраваго смысла — утопія. «Надобно заботиться о просвѣщеніи народа» — утопія! Народъ такъ невѣжественъ, что не чувствуетъ надобности въ просвѣщеніи: зачѣмъ же навязывать ему ненужное? Народъ обремененъ матеріальною работою, ему некогда просвѣщаться.—«Надобно заботиться, чтобы не было людямъ причинъ становиться обманщиками, плутами, ворами» — утопія! Негодяю на роду написано быть негодяемъ, а честный человѣкъ устоитъ

противъ всякихъ искушеній, даже сильнѣе разовьетъ себѣ честность борьбою противъ нихъ; да и нельзя устранить этихъ искушеній: когда, въ какомъ обществѣ не существовало ихъ? да и нельзя сдѣлать, чтобы въ обществѣ не было множества плутовъ и воровъ: когда же въ какомъ обществѣ не было ихъ? Слѣдовательно, все это вздоръ, подобно мечтаніямъ о какихъ-то лучшихъ формахъ экономическаго распредѣленія. Займемся исключительно формами, доказавшими свою возможность на практикѣ.

Производство имѣетъ три элемента: землю, трудъ и капиталъ; смотря по тому, раздѣляется владѣніе этими элементами по разнымъ классамъ или соединяется въ одномъ классѣ, продуктъ распредѣляется между разными классами или весь остается въ рукахъ одного класса.

Самая невыгодная изъ формъ экономическаго устройства — рабство. Всѣ виды обязательнаго труда сходны въ этомъ отношеніи съ своимъ первообразомъ, рабствомъ. Каждый, сколько нибудь знакомый съ политическою экономіею, очень хорошо знаетъ это и потому намъ нѣтъ надобности останавливаться на этомъ предметѣ.

При рабствѣ и разныхъ видахъ обязательнаго труда весь продуктъ принадлежитъ землевладѣльцу. Ему принадлежатъ всѣ три элемента производства: и земля, и капиталъ, и личность трудящихся. Рабы не получаютъ доли изъ продукта, а только содержатся своимъ владѣльцемъ, какъ содержится имъ домашній скотъ. Есть нѣсколько другихъ формъ, въ которыхъ продуктъ дѣлится между двумя классами, потому что одному изъ нихъ принадлежатъ два изъ трехъ элементовъ производства. Одна изъ этихъ формъ — половничество, до сихъ поръ остающееся очень распространеннымъ на континентѣ западной Европы, между прочимъ въ Италіи и многихъ провинціяхъ Франціи. Оно имѣетъ много видовъ. Въ однихъ, земледѣльческимъ капиталомъ долженъ запасаться самъ работникъ, въ другихъ — капиталъ дается ему отъ землевладѣльца, въ третьихъ — извѣстная часть капитала дается отъ землевладѣльца, а извѣстною частью долженъ запасаться самъ работникъ; въ однихъ видахъ половничества уплата отъ половника землевладѣльцу производится натурою, въ другихъ—деньгами; въ однихъ она составляетъ половину продукта (отчего и произошло названіе половничества), въ другихъ—только третью или четвертую часть продукта, а двѣ трети или три четверти остаются у половника. Но общій признакъ всѣхъ видовъ половничества — тотъ, что доля, отдаваемая половникомъ землевладѣльцу, опредѣляется не соперничествомъ, а обычаемъ. Уже изъ этого ясно, что половничество можетъ держаться лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ новая промышленная дѣятельность еще не обратилась

на земледѣліе, гдѣ оно еще остается въ средневѣковомъ экономическомъ положеніи. Вообще говоря, половники пользуются нѣсколько лучшимъ, а часто и значительно лучшимъ благосостояніемъ, чѣмъ наемные земледѣльческіе работники; но объ этой формѣ устройства мы не будемъ распространяться, потому что она очевидно должна уничтожиться въ довольно скоромъ времени и тамъ, гдѣ еще удержалась до сихъ поръ, а не то, чтобы могла распространяться на такія мѣста, гдѣ не существуетъ.

Она замѣтно и уничтожается, замѣняясь или господскимъ хозяйствомъ съ наемными работниками, или фермованіемъ земли по принципу соперничества, или обращеніемъ платы владѣльцу изъ извѣстной доли продукта въ неизмѣнную сумму, которая уже составляетъ не то, что форму распредѣленія продукта, а родъ опредѣленнаго налога, — только налога, платимаго поселяниномъ не государству, а частному лицу; черезъ нѣсколько времени (иногда, конечно, очень нескоро) этотъ налогъ капитализуется и выкупается.

Итакъ, половничество — та форма распредѣленія продукта между двумя классами, въ которой пропорція раздѣла опредѣляется обычаемъ, а не соперничествомъ. Когда же пропорція раздѣла земледѣльческаго продукта между двумя классами опредѣляется соперничествомъ, то происходятъ двѣ главныя формы раздѣла: во-первыхъ, хозяйство можетъ вести самъ землевладѣлецъ посредствомъ наемныхъ работниковъ; во-вторыхъ, хозяйство можетъ вести работникъ, арендующій землю по принципу соперничества. Первый случай надобно назвать господскимъ хозяйствомъ съ наемнымъ трудомъ; второй случай, очень хорошо знакомый англійскимъ политико-экономамъ, извѣстенъ у нихъ подъ именемъ коттерства.

О господскомъ хозяйствѣ съ вольнонаемнымъ трудомъ Милль говоритъ очень мало и лишь мимоходомъ, потому что въ Англіи оно совершенно неупотребительно. Большіе землевладѣльцы совершенно неспособны успѣшно вести хозяйство, по единодушному отзыву всѣхъ англійскихъ политико-экономовъ, очень хорошо знакомыхъ съ большимъ землевладѣніемъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ Милль.

Большіе землевладѣльцы повсюду бываютъ празднымъ сословіемъ и если трудятся, то развѣ въ такихъ отрасляхъ дѣятельности, которыя доставляютъ больше удовольствія, чѣмъ сельское хозяйство, и вездѣ захвачены высшими сословіями. «Напрасно и неразсудительно было бы ожидать, говоритъ Джонсъ, чтобы порода знатныхъ собственниковъ, огражденныхъ привилегіями и титулами, привлекаемыхъ къ военной и политической карьерѣ выгодами и привычками своего положенія, могла когда нибудь сдѣлаться сословіемъ хорошихъ сельскихъ хозяевъ». Каждый можетъ самъ разсудить, каковы были бы результаты даже въ

Англіи, если бы сельское хозяйство въ помѣстьяхъ велось самими землевладѣльцами. Мало было бы примѣровъ знанія и энергіи, довольно много было бы отдѣльныхъ примѣровъ посредственнаго успѣха, а общее положеніе земледѣлія было бы никуда негодно.

При обязательномъ трудѣ форма господскаго хозяйства владычествуетъ во многихъ странахъ оттого, что тутъ слишкомъ мало бываетъ капиталистовъ, желающихъ брать помѣстья въ аренду, а денежной платы несвободные работники часто не могутъ взносить въ количествѣ, какого желалъ бы владѣлецъ. Но съ вольно-наемнымъ трудомъ эта система хозяйства не можетъ долго удержаться. Если по уничтоженіи обязательнаго труда не производится выкупа земли законодательнымъ путемъ или не установляется, также законодательнымъ путемъ, неизмѣнная рента, а предоставляется дѣло вліянію соперничества, то происходитъ одно изъ двухъ: когда въ странѣ много капиталовъ и много капиталистовъ, находящихъ выгоду вести земледѣльческое хозяйство на свой капиталъ коммерческимъ способомъ, являются капиталисты-фермеры и продуктъ дѣлится между тремя классами: землевладѣльцами, капиталистами-фермерами и наемными работниками; а когда нѣтъ ни капитала, ни выгоды возникать классу капиталистовъ-фермеровъ и существуютъ лишь два класса, землевладѣльцы и вольные работники, происходитъ форма, называющаяся у англійскихъ писателей коттерствомъ. О законахъ, которымъ подчинено распредѣленіе продукта въ первомъ случаѣ, мы будемъ говорить въ особенной статьѣ подробно, потому что эта форма,—распредѣленіе земледѣльческаго продукта между тремя классами, — принимается въ школѣ Адама Смита за нормальную, ближе всѣхъ остальныхъ формъ экономическаго быта соотвѣтствующую требованіямъ науки. Съ свойствами втораго случая теперь же пусть познакомитъ насъ Милль, очень основательно разсматривающій его въ двухъ главахъ (IX и X гл. II-й кн.). IX-ю главу мы приведемъ здѣсь вполнѣ, X-ю почти вполнѣ, выпуская изъ нея лишь немногія, небольшія мѣста, не имѣющія для насъ интереса.

Общимъ названіемъ коттерства я обозначаю всѣ безъ исключенія системы, по которымъ работникъ снимаетъ землю безъ посредства капиталиста-фермера, а условія, на которыхъ беретъ онъ землю, и въ особенности, величина ренты, опредѣляются не обычаемъ, а соперничествомъ. Главный примѣръ этой системы въ Европѣ — Ирландія, изъ которой и заимствовано слово коттеръ (*). Почти все земледѣльческое

(*) Словомъ «коттеръ» обозначается фермеръ, снимающій у другаго мелкаго фермера избу съ однимъ экромъ или двумя экрами земли; но въ экономической литературѣ значеніе этого термина давно расширилось, такъ что онъ обозначаетъ и мелкихъ фермеровъ, снимающихъ землю прямо у землевладѣльцевъ, и вообще обозначаетъ всѣхъ поселянъ-фермеровъ, ренты которыхъ опредѣляются соперничествомъ. *Прим. Милля.*

население Ирландіи составляютъ коттеры; только въ Эльстерѣ фермеры, пользующіеся правомъ вознагражденія (tenant right), служатъ исключеніемъ. Правда, существуетъ въ Ирландіи многочисленный классъ такихъ работниковъ, которые не могутъ получить даже и малѣйшаго клочка земли въ постоянное пользованіе, потому что или собственники или фермеры, снявшіе землю, не хотятъ увеличивать раздробленіе участковъ. Но по недостатку капитала въ Ирландіи господствуетъ обычай вознаграждать работника не деньгами, а землею; даже люди нанимающіеся на время въ работники у коттеровъ или у большихъ фермеровъ (гдѣ встрѣчаются въ Ирландіи большіе фермеры) обыкновенно получаютъ плату не деньгами, а дозволеніемъ на одно лѣто воздѣлывать себѣ кусокъ земли, который обыкновенно дается имъ отъ фермера уже удобренный и называется конэкръ. За этотъ кусокъ они обязываются уплатить ренту деньгами, часто по нѣскольку фунтовъ за экръ, но въ дѣйствительности денегъ не платится, а свой долгъ заработываютъ они днями по денежной оцѣнкѣ (*). По системѣ коттерства продуктъ раздѣляется на двѣ части, ренту и вознагражденіе работника; очевидно, что величина одной части опредѣляется величиною другой. Работнику остается то, что не берется землевладѣльцемъ. Положеніе работника зависитъ отъ величины ренты. А рента, опредѣляясь соперничествомъ, зависитъ отъ отношенія между запросомъ на землю и предложеніемъ ея. Запросъ на землю зависитъ отъ числа соперничествующихъ съемщиковъ; а такими съемщиками являются всѣ поселяне. Такимъ образомъ система эта имѣетъ своимъ результатомъ то, что принципъ населенія дѣйствуетъ не на капиталъ, какъ въ Англіи, а прямо на землю. При этомъ положеніи дѣлъ рента зависитъ отъ пропорціи между населеніемъ и землею. Но земля составляетъ опредѣленную величину, а населеніе имѣетъ безпредѣльную способность размножаться; потому, если размноженіе не задерживается чѣмъ нибудь, соперничество въ запросѣ на землю скоро поднимаетъ ренту до крайней высоты, при какой только можетъ оставаться въ живыхъ народъ. Такимъ образомъ результаты коттерства зависятъ отъ границы, на которой способность населенія размножаться удерживается или обычаемъ, или личнымъ благоразуміемъ, или истощеніемъ отъ голода и болѣзнями.

Нельзя безусловно сказать, что коттерство рѣшительно ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ благосостоянія рабочаго класса. Если бы возможно было предположить, что оно существуетъ у народа, у котораго высокій уровень благосостоянія вошелъ въ привычку, который такъ требователенъ на житейскія удобства, что не станетъ предлагать за землю ренты, не оставляющей ему хорошихъ средствъ къ жизни;

(*) Конэкровая система вышла изъ употребленія въ Ирландіи послѣ голода 1846 и 1847 годовъ. Но она должна сохранить свое мѣсто въ нашемъ опытѣ характеристики коттерства, служа естественной принадлежностью и слѣдствіемъ коттерской системы. Потому мы оставили текстъ въ прежнемъ видѣ, какъ онъ былъ написанъ до 1846 года. *Прим. Милля.*

который размножается съ медленностію, такъ что нѣтъ въ немъ незанятыхъ людей, поднимающихъ ренту своимъ соперничествомъ, когда увеличеніе земледѣльческаго продукта отъ усовершенствованія техники не даетъ народу возможности повысить ренту безъ вреда для себя, — если бы можно было представить такое положеніе дѣлъ, то при системѣ коттерства землепашцы могли бы имѣть не меньшее вознагражденіе, чѣмъ при какой нибудь другой системѣ, могли бы пользоваться значительнымъ благосостояніемъ. Но все-таки, при зависимости ренты отъ произвола, они не имѣли бы ни одной изъ тѣхъ особенныхъ выгодъ, которыя получаютъ по тосканской системѣ половники отъ прочнаго пользованія землею. Они не имѣли бы въ своемъ распоряженіи капитала, принадлежащаго землевладѣльцамъ, и недостатокъ капитала не вознаграждался бы у нихъ энергическими побужденіями къ усердному физическому и умственному труду, существующими въ поселянинѣ, при неизмѣнности ренты. Напротивъ, увеличеніе цѣнности земли отъ усердной работы поселянина вело бы только къ возвышенію ренты во вредъ ему или на слѣдующій годъ, или по истеченіи прежняго контракта. Правда, землевладѣльцы могли бы имѣть честность или разсчетливость, чтобы не пользоваться выгодою, какую давало бы имъ соперничество; но не у всѣхъ землевладѣльцевъ эта воздержность была бы одинакова. А вообще никакъ нельзя ожидать, чтобы какое нибудь сословіе людей стало поступать въ противность прямой своей денежной выгодѣ; и легчайшее сомнѣніе было бы тутъ почти столь же гибельно, какъ положительная увѣренность, потому что, если человѣкъ соображаетъ, дѣлать ли ему усиліе или пожертвованіе въ настоящемъ для будущаго, то рѣшеніе повернется противъ заботы о будущемъ при самомъ малѣйшемъ рискѣ, что плоды труда или пожертвованія будутъ отняты у него. Единственной оградой отъ этихъ сомнѣній было бы возникновеніе обычая, обезпечивающаго неотъемлемое пользованіе землею поселянину съ возвышеніемъ ренты лишь тогда, когда возвышеніе утверждалось бы общимъ мнѣніемъ всего населенія. Такой обычай — право фермера на вознагражденіе (tenant right), существующее въ Эльстерѣ. Значительность суммы, получаемой смѣняющимися фермеромъ отъ его преемника за уступку фермы (*), ограничиваетъ кругъ соискателей людьми, могущими заплатить такую сумму; видно также изъ этого факта, что землевладѣлецъ не вполнѣ пользуется выгодами даже и отъ такого ограниченнаго соперничества, потому что рента, имъ получаемая, не составляетъ всей суммы, платимой новымъ фермеромъ. Новый фермеръ

(*) Нерѣдко фермеръ, не имѣющій контракта, продаетъ просто только привилегію занимать эту ферму, нисколько имъ не улучшенную, за сумму отъ 10 до 16, даже до 20 и даже до 40 годичныхъ платежей ренты съ этой фермы (Digest of Evidence taken by Lord Devon's Commission, Introductory Chapter). Составитель этого отчета прибавляетъ: «тишина, которою пользуется Эльстеръ сравнительно съ другими ирландскими провинціями, можетъ быть приписана преимущественно этому факту». *Прим. Милля.*

платить прежнему выкупъ, въ полной увѣренности, что рента не будетъ увеличена; это гарантируется ему обычаемъ, который не признанъ въ законѣ, но получаетъ свою обязательную силу отъ другой санкціи, очень хорошо извѣстной каждому въ Ирландіи (*). Безъ той или другой изъ этихъ опоръ не можетъ въ странѣ, дѣлающей экономическіе успѣхи, возникнуть обычай, которымъ бы ограничивалась поземельная рента. Если богатство и населеніе будутъ въ неподвижномъ состояніи, то вообще будетъ въ немъ и рента; а нѣсколько времени просуществовавъ безъ перемѣнъ, она вѣроятно станетъ считаться не подлежащею перемѣнамъ. Но всякое увеличеніе богатства и населенія ведетъ къ возвышенію ренты. При половничествѣ есть установившійся способъ для землевладѣльца непремѣнно получить часть увеличенія въ земледѣльческомъ продуктѣ. Но при коттерствѣ онъ можетъ получить эту часть только измѣненіемъ условій контракта, и въ прогрессирующемъ обществѣ это измѣненіе почти всегда будетъ выгодно ему. Потому его выгода рѣшительно противна возникновенію обычая, придающаго рентѣ неизмѣнную величину.

Гдѣ величина ренты не ограничена закономъ или обычаемъ, тамъ коттерство имѣетъ невыгоды самаго худшаго половническаго устройства, почти не имѣя ни одной изъ выгодъ, которыми онѣ вознаграждаются въ половничествѣ лучшаго устройства. При коттерствѣ почти нѣтъ возможности земледѣлію находиться не въ жалкомъ положеніи. Но положеніе земледѣльцевъ можетъ не быть несчастнымъ. И при этой системѣ соперничество въ запросѣ на землю можетъ быть сдерживаемо достаточными препятствіями размноженію людей; этимъ можетъ предотвращаться крайняя бѣдность; привычка къ благоразумію и къ высокому уровню благосостоянія, однажды установившись, можетъ сохраняться. Но и въ этихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ побужденія къ благоразумію будутъ значительно слабѣе, чѣмъ у половниковъ, подобно тосканскимъ защищенныхъ обычаемъ отъ опасности лишиться своихъ участковъ. Пользуясь такою защитою, семья половниковъ можетъ обѣднѣть лишь отъ собственнаго неблагоразумія въ размноженіи, а неблагоразуміе другихъ семей въ этомъ отношеніи не повредитъ ей. Напротивъ, какъ бы ни была благоразумна и воздержна семья коттеровъ, рента можетъ быть поднята во вредъ ей размноженіемъ другихъ семей.

(*) «Въ огромномъ большинствѣ случаевъ выкупъ—не вознагражденіе прежняго фермера за издержки или за улучшенія, а просто застрахованіе жизни или покупка личной безопасности, (Digest, ut supra).—«Нынѣшній фермерстерскій выкупъ въ Эльстерѣ надобно считать зародышемъ состоянія арендаторовъ-собственниковъ» (copyhold), справедливо замѣчаетъ составитель отчета.—«Если право выкупа нарушено и ферметъ прогнанъ безъ уплаты ему уступочной цѣны то вообще слѣдуетъ убійство или поджогъ» (гл. 8).—«Безпорядки, господствующіе въ Типперари и земледѣльческіе заговоры по всей Ирландіи слѣдуетъ считать систематизированной войною для полученія эльстерскаго права выкупа».

Прим. Милля.

Отъ этого зла коттеры могутъ найти себѣ защиту лишь въ томъ, когда по всему сословію распространено спасительное чувство обязанностей или достоинства. Должно сказать, что это чувство можетъ доставлять имъ значительное огражденіе. Если обычный уровень потребностей въ цѣломъ сословіи будетъ высокъ, то молодой человѣкъ не захочетъ предлагать ренту, при которой сталъ бы въ положеніе, худшее своего предмѣстника; точно также можетъ установиться (и дѣйствительно установился въ нѣкоторыхъ странахъ) общій обычай не жениться иначе, какъ при существованіи незанятой фермы.

Но дѣло въ томъ, что никакъ не представится намъ случая разсматривать коттерства при положеніи вещей, когда въ привычкахъ рабочаго класса укоренилась высокая норма благосостоянія. Коттерство встрѣчается лишь тамъ, гдѣ обычныя потребности сельскихъ работниковъ чрезвычайно низки, гдѣ поселяне размножаются до самаго предѣла голодной смерти, гдѣ населеніе сдерживается лишь болѣзнями и недолговѣчностію, отъ недостатка въ необходимомъ для поддержки физическаго существованія. Къ несчастію, таково положеніе огромнаго большинства ирландскихъ поселянъ. Когда народъ упалъ до такого положенія, когда онъ находится въ немъ съ незапамятнаго времени, коттерство бываетъ почти непреоборимымъ препятствіемъ ему выдти изъ этого положенія. Когда привычки народа таковы, что размноженіе сдерживается лишь невозможностію физическаго пропитанія, и когда пропитаніе получается народомъ лишь отъ земледѣлія, то всѣ условія и договоры относительно величины ренты бываютъ чисто номинальными; соискательство на землю заставляетъ снимающихъ ее обѣщаться платить болѣе, чѣмъ возможно платить, и уплативъ все, что могутъ, они почти всегда будутъ оставаться въ долгу.

«Объ ирландскихъ поселянахъ, говоритъ Ривенсъ, секретарь коммиссіи, изслѣдовавшей дѣйствія законовъ о бѣдныхъ въ Ирландіи (Irish Poor Law Enquiry Commission) (*), можно сказать, что въ каждой семьѣ, не имѣющей достаточно земли для своего прокормленія, одинъ или нѣсколько человѣкъ ходятъ по міру; изъ этого легко понять, что поселяне всячески стараются снимать мелкіе участки, и предлагаемая ими рента не основывается ни на достоинствѣ земли, ни на собственной ихъ возможности заплатить обѣщанныя деньги: они просто обѣщаютъ плату, какую угодно, лишь бы получить участокъ. Почти никогда не могутъ они уплатить обѣщанной ренты, и потому, какъ только вступили въ пользованіе землею, становятся должниками людямъ, у которыхъ сняли ее. Въ уплату ренты они отдаютъ весь продуктъ земли, за исключеніемъ картофеля, нужнаго на ихъ прокормленіе; но вся эта плата бываетъ обыкновенно меньше обѣщанной ренты, потому

(*) Evils of the State of Ireland, their Causes and their Remedy, стр. 10. Эта брошюра содержитъ между прочимъ превосходный сводъ показаній изъ массы свидѣтельствъ, собранныхъ коммиссіею, предсѣдателемъ который былъ архіепископъ Гуэтли. *Прим. Милля.*

долгъ ихъ постоянно ростетъ. Иногда обѣщанная рента бываетъ больше всего самаго урожайнаго продукта, какой когда либо случался на участкѣ или какой можетъ дать участокъ въ наилучшее лѣто, при существующей системѣ обработки; поэтому еслибы поселянинъ исполнилъ условія договора съ землевладѣльцемъ, которыхъ почти никогда не можетъ исполнять, то онъ воздѣлывалъ бы землю задаромъ и еще давалъ бы землевладѣльцу премію за позволеніе воздѣлывать ее. Въ приморскихъ мѣстахъ рыбаки, а въ сѣверныхъ графствахъ поселяне, имѣющіе ткацкій станокъ, часто платятъ за землю больше, чѣмъ стоитъ по рыночной цѣнѣ весь продуктъ ея. Можно бы предположить, что они стали бы жить нѣсколько лучше вовсе безъ земли. Но рыбная ловля можетъ прекращаться на недѣлю или на двѣ; можетъ останавливаться недѣли на двѣ и запросъ на продукты ткацкаго станка; въ это время они умерли бы съ голода, еслибъ не имѣли земли, съ которой собираютъ пищу. Рѣдко платятъ коттеры всю обѣщанную ренту. Поселянинъ постоянно находится въ долгу у землевладѣльца; продажею его жалкаго имущества, — нищенской одежды его и его семьи, двухъ-трехъ стульевъ и нѣсколькихъ штукъ глиняной посуды, — продажею всего имущества, находящагося въ его жалкой избушкѣ, не покрылся бы постоянный и вообще возростающій долгъ. Почти всѣ поселяне бываютъ должны уплатою за цѣлый годъ, и извиненіемъ въ неисправности бываетъ у нихъ нищета. Если въ какой нибудь годъ продуктъ участка будетъ больше обыкновеннаго, или какъ нибудь получитъ поселянинъ какое нибудь имущество, его благосостояніе не увеличится, онъ не можетъ ѣсть лучше прежняго или больше прежняго, не можетъ прикупить себѣ мебели и посуды, одѣть жену и дѣтей получше. Все полученное имъ должно пойдти къ тому, у кого снимаетъ онъ землю. Случайное увеличеніе дохода послужитъ только къ уменьшенію его долга, къ отсрочкѣ времени, когда его прогонятъ за неплатежъ долга. Но выше этого не должны простираться его ожиданія.

Изъ показаній собранныхъ коммиссіею, бывшею подъ предсѣдательствомъ лорда Девона, мы приведемъ фактъ, засвидѣтельствованный Гёрли, короннымъ секретаремъ (Clerk of the Crown) графства Керрійскаго; изъ этого показанія видно, до какой крайности доходитъ соперничество въ запросѣ на землю, и до какой чудовищной высоты иногда подымаетъ оно номинальную ренту: «я знаю случай, когда нанималась ферма, дающая въ годъ, какъ въ точности извѣстно мнѣ, 50 фунтовъ; соперничество подняло цѣну до того, что она была сдана за 450 фунтовъ.

При такомъ положеніи дѣлъ — какую пользу принесетъ земледѣльцу, снимающему землю, величайшее трудолюбіе, величайшее благоразуміе, какой убытокъ принесетъ ему безразсудство? Если землевладѣлецъ потребуетъ полной уплаты, у коттера не останется хлѣба на собственное пропитаніе. Если чрезмѣрнымъ усердіемъ онъ удвоитъ продуктъ своего участка, если по благоразумію не станетъ рождать дѣтей,

онъ выиграетъ только то, что больше останется у него на уплату землевладѣльцу; а если у него будетъ хотя 20 человѣкъ дѣтей, все-таки землевладѣлецъ возьметъ у него лишь то, что останется за прокормленіемъ его семьи. Изъ всѣхъ людей, живущихъ на свѣтѣ, почти одинъ только ирландскій коттеръ въ такомъ положеніи, что какъ бы ни поступалъ онъ, онъ не можетъ ни улучшить, ни ухудшить своего положенія. Если онъ трудолюбивъ и благоразуменъ, отъ этого выиграетъ только его землевладѣлецъ; если онъ лѣнивъ или невоздерженъ, убытокъ отъ этого только землевладѣльцу. Никакое воображеніе не можетъ представить устройства, при которомъ было бы меньше побужденій къ труду или благоразумію. Тутъ уничтожены побужденія, управляющія свободными людьми, и не замѣнены побужденіями, управляющими рабомъ. Ирландецъ не имѣетъ ни надеждъ, ни опасеній, кромѣ опасенія быть прогнаннымъ съ участка; а противъ этой бѣды онъ ограждаетъ себя посредствомъ ultimo ratio, оборонительной междуусобной войны. «Рокингъ» и «Уайтбоизмъ»—вотъ судьба народа, который можетъ назвать своимъ лишь тотъ кусокъ плохой пищи, который съѣдаетъ нынѣ, и не хочетъ лишаться этого куска въ угоду другимъ.

И послѣ этого люди, претендующіе быть нашими наставниками, отсталость ирландской промышленности, недостатокъ въ ирландцахъ энергіи къ улучшенію своего быта — приписываютъ особенной лѣности и беззаботности, свойственной кельтскому племени, — не надобно ли назвать это горькою сатирою на манеру, по которой составляются мнѣнія о важнѣйшихъ вопросахъ человѣческой натуры и жизни? Приписывать разницу въ образѣ дѣйствій и въ характерѣ врожденному естественному различію, — это самый обыкновенный и пошлый способъ изъ всѣхъ пошлыхъ способовъ уклоняться отъ надобности принимать въ соображеніе дѣйствія общественныхъ и нравственныхъ вліяній на человѣка. Какое племя не стало бы лѣнивымъ и безпечнымъ при такомъ устройствѣ дѣлъ, что предусмотрительность и трудолюбіе не приноситъ никакой пользы? Если племя живетъ и работаетъ въ такой обстановкѣ, удивительно ли, что порожденная ею безпечность и апатія не отбрасываются въ одинъ мигъ, когда представляется случай трудиться съ дѣйствительною пользою для себя? Очень натурально, что народъ, любящій удовольствія и впечатлительный, каковъ ирландскій народъ, не такъ наклоненъ къ рутинному труду, какъ англичане, потому что жизнь имѣетъ для него много привлекательныхъ сторонъ независимо отъ труда; но ирландцы способны къ труду не менѣе своихъ кельтскихъ братьевъ французовъ, не меньше тосканцевъ или древнихъ грековъ. Люди впечатлительные способнѣе всѣхъ другихъ одушевляться усердіемъ въ работѣ, лишь бы находили достаточное побужденіе къ ней. Если люди не работаютъ, когда не имѣютъ побужденій къ труду, это еще вовсе не свидѣтельствуетъ, чтобы они не были способны къ трудолюбію. Никто не работаетъ усерднѣе ирландца въ Англіи или въ Америкѣ, но не работаетъ ирландецъ усердно, когда онъ коттеръ.

Многолюдное населеніе, воздѣлывающее землю въ Индіи, нахо-

дится въ положеніи, довольно сходномъ съ коттерствомъ и въ то же время на столько различномъ отъ него, что сравненіе этихъ двухъ системъ поучительно. Въ большей части Индіи теперь находится, и вѣроятно всегда находилось, только два сословія, участвующія въ раздѣлѣ продукта: землевладѣлецъ и поселянинъ; землевладѣльцемъ вообще бываетъ государь; исключеніемъ служатъ лишь тѣ случаи, когда государь особеннымъ документомъ уступилъ свои права другому лицу, становящемуся его представителемъ. Но размѣръ уплатъ, производимыхъ поселянами или, по индійскому названію, райотами, почти никогда, или вовсе никогда, не былъ опредѣляемъ соперничествомъ, какъ опредѣляется въ Ирландіи. Мѣстные обычаи были до безконечности разнообразны, и не было такого обычая, который на практикѣ могъ бы устоять противъ воли государя, но всегда было въ извѣстномъ округѣ какое нибудь общее правило; сборщикъ не торговался съ отдѣльнымъ поселяниномъ, а налагалъ на каждаго плату по той же нормѣ, какъ на другихъ. Такимъ образомъ сохранялось понятіе, что землепашецъ имѣетъ на землю право собственности или по крайней мѣрѣ вѣчнаго владѣнія, и возникло аномальное сочетаніе наслѣдственной принадлежности земли поселянамъ-фермерамъ, съ произвольной властью землевладѣльца увеличивать ренту.

Когда туземные индійскіе правители въ большей части Индіи были замѣнены моголами, правительство стало дѣйствовать по другому принципу. Была произведена подробная перепись земли, и на основаніи этой переписи былъ распредѣленъ налогъ, назначавшій, сколько съ каждаго участка должно платиться правительству. Если бы эта норма осталась ненарушимою, райоты были бы въ довольно выгодномъ положеніи поселянъ-собственниковъ, платящихъ тяжелую ренту. На самомъ дѣлѣ было иное. По отсутствію всякаго серьезнаго огражденія отъ незаконныхъ вымогательствъ, эта перемѣна улучшила положеніе поселянъ почти только номинальнымъ образомъ; за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда мѣстный правитель былъ гуманенъ и энергиченъ, поборы не имѣли на практикѣ никакого предѣла, кромѣ невозможности райота заплатить больше.

Таково было положеніе дѣлъ, смѣнившееся въ Индіи властью англичанъ. Англійскіе правители рано почувствовали надобность положить конецъ этому произвольному характеру поземельнаго дохода и опредѣлить точный предѣлъ правительственнымъ требованіямъ. Они не захотѣли возвратиться къ нормѣ налога, опредѣленной моголами. Англійское правительство въ Индіи вообще мало смотрѣло на то, какъ представлялись туземныя учрежденія въ теоріи, а изслѣдовало только, какія права существовали и уважались на практикѣ, старалось оградить и расширить эти фактическія права туземцевъ. Принципъ этотъ былъ очень хорошъ, но долго англійскіе правители понимали факты очень фальшивымъ образомъ, грубо ошибались во взглядѣ на существующіе обычаи и права. Ошибки ихъ проистекали отъ неспособности людей обыкновеннаго ума представить себѣ общественный бытъ, радикально различный отъ быта, съ которымъ они практически свыклись. Англія при-

выкла къ большимъ помѣстьямъ и къ большимъ землевладѣльцамъ, и англійскіе правители считали дѣломъ несомнѣннымъ, что Индія тоже имѣетъ большихъ землевладѣльцевъ съ большими помѣстьями; они стали искать класса людей, которые могли бы соотвѣтствовать такому понятію, и на глаза имъ попался родъ сборщиковъ налога, называемыхъ земиндарами. «Земиндаръ, говоритъ авторъ научной «Исторіи Индіи» (Mill's History of British India, кн. VI, гл. 8), имѣлъ нѣкоторыя права, принадлежащія землевладѣльцу: онъ собиралъ ренту съ извѣстнаго округа, управлялъ его земледѣльцами, жилъ окруженный блескомъ и, по его смерти, наслѣдовалъ ему сынъ. Изъ этого, не задумываясь, заключили, что земиндары были собственники земли, составляли аристократію, владѣющую помѣстьями въ Индіи. Но земиндары, собирая ренту, не оставляли ее въ своихъ рукахъ, а за вычетомъ небольшаго процента, отдавали всю собранную сумму правительству,—этого англійскіе правители не сообразили. Не сообразили они и того, что если земиндары управляли райотами, имѣли надъ ними во многихъ отношеніяхъ деспотическую власть, то управляли имъ не какъ своими фермерами, не какъ людьми, снявшими ихъ землю по срочному или безсрочному контракту. Райотъ владѣлъ своею землею наслѣдственно; земиндаръ не имѣлъ права согнать его съ этой земли; земиндаръ обязанъ былъ давать отчетъ въ каждомъ фартингѣ, полученномъ отъ райота; и если онъ сверхъ небольшаго процента, который предоставлялся ему въ плату за трудъ собиранія, удерживалъ изъ собранной имъ суммы хотя одну ану, это было воровствомъ.

«Въ Индіи представлялся намъ случай, подобнаго которому никогда не встрѣчалось въ исторіи, продолжаетъ Милль (*). Послѣ государя главнѣйшее право на землю принадлежало самимъ хлѣбопашцамъ. Земиндаровъ легко было бы вполнѣ вознаградить за ихъ права, т. е. за права сборщиковъ. Съ цѣлью улучшить земледѣліе было принято великодушное рѣшеніе пожертвовать правами собственности, какія имѣлъ государь. Англійскіе правители справедливо находили, что право собственности сильно возбуждаетъ людей къ усовершенствованію земледѣлія; это право можно было дать людямъ, на которыхъ оно подѣйствовало бы несравненно сильнѣе, чѣмъ на людей всякаго иного класса, дать его людямъ, которые во всѣхъ странахъ необходимо бываютъ главными дѣятелями въ земледѣльческихъ усовершенствованіяхъ,— дать это право тѣмъ самымъ людямъ, которые воздѣлываютъ землю. Такая мѣра была бы достойна считаться однимъ изъ величайшихъ благодѣяній, когда либо оказанныхъ какой нибудь странѣ, она вознаградила бы индійскій народъ за бѣдствія, которымъ такъ долго подвергался онъ отъ дурныхъ правительствъ. Но законодателями были англійскіе аристократы, и они поступили по аристократическимъ предразсудкамъ» (Mill's History of British India, кн. VI, гл. 8).

(*) Джемсъ Милль, авторъ «Исторіи Британской Индіи», цитуемой здѣсь авторомъ «Основаній Политической Экономіи», отецъ его.

Принятая ими мѣра оказалась совершенно неудачною по отношенію къ результатамъ, которыхъ ждали отъ нея благонамѣренные законодатели. Не привыкши соображать видоизмѣненія, какимъ подвергается дѣйствіе извѣстнаго учрежденія въ разныхъ мѣстахъ даже одного королевства, они воображали, что создали въ бенгальскихъ областяхъ англійскихъ землевладѣльцевъ, а на дѣлѣ оказалось, что они создали ирландскихъ землевладѣльцевъ. Новые поземельные аристократы обманули всю надежду, возлагавшуюся на нихъ. Нисколько не заботясь объ улучшеніи своихъ помѣстій, они позаботились быстро разорить самихъ себя. Правительство не приняло на себя труда дать землевладѣльцамъ возможность не бояться послѣдствій расточительности, какъ сдѣлало въ Ирландіи, и всю землю въ Бенгалѣ пришлось секвестровать и продать за долги или неплатежъ податей; въ одно поколѣніе исчезли почти всѣ прежніе земиндары. Теперь занимаютъ ихъ мѣсто другія фамиліи, большею частію потомки калькутскихъ банкировъ или туземныхъ чиновниковъ, и живутъ такими же безполезными трутнями на землѣ, отданной имъ. Правительство пожертвовало своими денежными выгодами для созданія этого класса; пожертвованіе оказалось совершенно напраснымъ или прямо вреднымъ для страны.

Въ тѣхъ частяхъ Индіи, гдѣ британская власть установилась позднѣе, англичане не сдѣлали такой ошибки, не подарили безполезному сословію большихъ землевладѣльцевъ государственнаго дохода. Почти во всемъ мадрасскомъ президентствѣ и въ нѣкоторой части бомбейскаго президентства рента платится прямо правительству самими землепашцами. Въ сѣверозападныхъ провинціяхъ правительство заключаетъ условія со всею сельскою общиною, опредѣляя, сколько долженъ платить каждый земледѣлецъ, но соединяетъ ихъ общею отвѣтственностію другъ за друга въ недоимкахъ. При всемъ томъ, въ большей части Индіи землепашцы не получили вѣчнаго пользованія съ платежемъ неизмѣнной ренты. Правительство ведетъ свое хозяйство по принципу, по которому хорошій ирландскій землевладѣлецъ поступаетъ въ своемъ помѣстьѣ: оно не подвергаетъ землю соперничеству, не хочетъ брать съ хлѣбопашцевъ всего, сколько обѣщались бы они платить, а само опредѣляетъ, сколько они въ состояніи заплатить, и ограничивается этимъ въ своемъ требованіи. Во многихъ округахъ есть землепашцы, считающіеся фермерами другихъ землепашцевъ, которые называются наслѣдниками первоначальныхъ поселенцевъ или завоевателей деревни; правительство обращается съ своими требованіями только къ этимъ поселянамъ, число которыхъ бываетъ во многихъ мѣстахъ велико. Рента опредѣляется иногда только на одинъ годъ, иногда на три года, или на пять лѣтъ, но повсюду правительство стремится нынѣ ввести контракты съ долгими сроками, доходящими въ сѣверныхъ провинціяхъ Индіи до 30 лѣтъ. Этотъ порядокъ дѣлъ существуетъ еще не такъ много времени, чтобы опытъ могъ показать, въ какой степени слабѣе вѣчнаго пользованія дѣйствуютъ долговременные контракты относительно развитія въ землепашцахъ побужденій къ усовершенствованію. Но системы годич-

ныхъ условій и контрактовъ на недолгій срокъ уже безвозвратно осуждены. Эти системы могутъ назваться успѣшными только по сравненію съ прежними безграничными поборами. Никто ихъ не одобряетъ, и съ самаго начала считались онѣ только переходными мѣрами, которыя предполагалось прекратить, когда полнѣйшее знакомство съ средствами страны доставитъ данныя для болѣе прочнаго устройства.

Когда составлялось мною и печаталось первое изданіе этой книги, настоятельнѣйшимъ изъ всѣхъ практическихъ вопросовъ для англійскаго правительства былъ вопросъ, что дѣлать съ коттерами. Большинство населенія, простиравшагося до 8 милліоновъ человѣкъ, долго страдало въ безнадежной апатіи и крайней нищетѣ подъ господствомъ коттерства, было доведено имъ до того, что кормилось самою плохою пищею и не имѣло ничего кромѣ этой пищи, было доведено до неспособности сдѣлать что нибудь или захотѣть чего нибудь для улучшенія своей участи; наконецъ неурожаемъ своей плохой пищи оно было повергнуто въ состояніе, при которомъ не оставалось ему ничего иного, какъ, или умереть съ голоду, или содержаться чужимъ пособіемъ, или перейдти къ другому экономическому устройству, радикально различному отъ несчастнаго устройства, подъ которымъ жило оно до той поры. Такое положеніе дѣлъ привлекло къ себѣ вниманіе законодательной власти и націи; но трудно сказать, что законодательство и нація успѣли разрѣшить вопросъ. Бѣдствіе происходило отъ системы поземельныхъ отношеній, отнимавшихъ у народа всякія побужденія къ труду и бережливости, кромѣ побужденія, даваемаго страхомъ голодной смерти; а средство придуманное парламентомъ уничтожало и это побужденіе, давая народу законное право жить милостынею. Для отстраненія причины зла не было сдѣлано ничего; ограничились пустыми жалобами, купивъ отсрочку рѣшенія 10 милліонами фунтовъ стерлинговъ изъ національной казны.

«Нѣтъ надобности (замѣчалъ я тогда) тратить доказательства на то, что коренная причина экономическихъ бѣдствій Ирландіи находится въ системѣ коттерства, что ожидать трудолюбія, полезной дѣятельности, какихъ нибудь другихъ задержекъ размноженію, кромѣ смерти, ожидать хотя какого нибудь уменьшенія бѣдности въ народѣ, когда землепашцы этого народа платятъ ренту, опредѣляемую соперничествомъ, — значитъ, ждать смоквъ отъ репейника и гроздовъ отъ терновника. Если наши государственные люди еще не созрѣли до пониманія этого факта, или, признавая его въ теоріи, они еще не такъ осязательно чувствуютъ его практическую силу, чтобы основать на немъ свой образъ дѣйствій, то существуетъ чисто матеріальный аргументъ, уклониться отъ котораго не найдутъ они возможности. Если единственное растеніе, которымъ до сихъ поръ питался народъ, будетъ давать плохіе урожаи и въ слѣдующіе годы, то нуженъ будетъ какой нибудь новый сильный толчокъ земледѣльческому искусству и трудолюбію, или ирландская земля не будетъ въ состояніи кормить нынѣшняго своего населенія. Весь продуктъ съ западной половины острова безъ всякаго вычета ренты, не можетъ те-

перь содержать изъ года въ годъ населеніе этой половины Ирландіи; оно по необходимости будетъ ежегодно содержаться на счетъ государственныхъ доходовъ, пока эмиграціею или голодною смертію уменьшатся до числа, соотвѣтствующаго низкому состоянію ирландской промышленности; это неизбѣжно, если не найдены будутъ средства сдѣлать ирландскій трудъ болѣе производительнымъ».

Послѣ того, какъ были написаны эти слова, непредвидѣнныя никѣмъ событія избавили англійскихъ правителей Ирландіи отъ затрудненій, которыя были бы справедливымъ наказаніемъ за ихъ невнимательность и непредусмотрительность. Ирландія подъ владычествомъ коттерства не могли прокармливать свое населеніе. Парламентъ прибѣгъ къ мѣрамъ, усиливавшимъ размноженіе населенія, и нимало не усилившимъ производство. Но неожиданнымъ путемъ явилась помощь, которой не дала ирландскому народу мудрость политическихъ людей. Народъ началъ эмигрировать безъ пособія правительства; первые переселенцы накопляли деньги на плату за переѣздъ слѣдующимъ переселенцамъ; это исполненіе уэкфильдовой системы въ гигантскомъ размѣрѣ уменьшило теперь число жителей Ирландіи до количества, которое можетъ находить себѣ занятіе и средства къ жизни при нынѣшней земледѣльческой системѣ. Ценсъ 1851 г. показалъ уменьшеніе населенія въ полтора милліона сравнительно съ ценсомъ 1841 года. Ирландцы нашли себѣ путь на тотъ цвѣтущій материкъ, на которомъ въ теченіе поколѣній можетъ безъ уменьшенія благосостоянія помѣщаться весь излишекъ людей съ цѣлаго свѣта; ирландскіе поселяне стали обращать свои взоры на земной рай за Океаномъ, какъ на вѣрное убѣжище и отъ угнетенія саксовъ и отъ тиранніи природы; какъ бы ни уменьшалось впослѣдствіи занятіе для земледѣльческаго труда всеобщимъ распространеніемъ англійскаго способа хозяйства по Ирландіи, люди остающіеся безъ занятій станутъ переселяться въ Америку съ такою же быстротою, какъ переселился туда милліонъ ирландцевъ въ три года съ 1848 до 1850 г. И точно также переселеніе не потребуетъ расходовъ отъ государства; весь излишекъ изъ Ирландіи успѣетъ переселиться туда, хотя бы вся Ирландія была обращена въ пастбище, подобно графству Сотерлендскому. Люди, думающіе, что земля страны существуетъ для нѣсколькихъ тысячъ землевладѣльцевъ и что пока ренты платятся, общество и правительство могутъ оставаться довольны собой,—такіе люди могутъ видѣть въ этомъ переселеніи счастливое прекращеніе ирландскихъ затрудненій.

Но теперь не такое время, чтобы могли удержаться эти надменныя мнѣнія, и расположеніе умовъ не благопріятствуетъ имъ. Земля Ирландіи, земля всякой страны принадлежитъ народу этой страны. Отдѣльныя лица, называемыя землевладѣльцами, не имѣютъ по суду нравственности и справедливости права ни на что иное, кромѣ ренты или вознагражденія по продажной цѣнности ренты. Что же касается самой земли, главное дѣло тутъ въ томъ, какая форма собственности и воздѣлыванія можетъ доставить отъ земли больше пользы общей массѣ ея жителей. Для собственниковъ ренты можетъ быть очень выгодно, что-

бы масса жителей, отчаявшись получить справедливость въ странѣ, гдѣ жили и страдали она и предки ея, пошла на другой материкъ искать того, что отнято у ней на родинѣ поземельною собственностію. Но законодателямъ государства слѣдуетъ иными глазами смотрѣть на вынужденное переселеніе милліоновъ людей. Когда жители страны массою покидаютъ страну оттого, что правительство страны не хочетъ давать имъ мѣста для жизни въ ней, правительство осуждено. Парламентъ обязанъ преобразовать поземельное устройство Ирландіи. Нѣтъ необходимости лишать землевладѣльцевъ ни одного фартинга изъ денежной цѣнности ихъ законныхъ правъ; но справедливость требуетъ, чтобы люди, воздѣлывающіе землю, получили возможность стать въ Ирландіи тѣмъ, чѣмъ станутъ они переселившись въ Америку,—стать собственниками земли, ими воздѣлываемой.

Политическое благоразуміе требуетъ этого и не удовлетворяется ни чѣмъ меньшимъ. Люди не знающіе ни Ирландіи, ни какой иностранной земли, берущіе единственною нормою общественнаго и экономическаго процвѣтанія — англійское устройство, предлагаютъ, какъ единственное лекарство для бѣдствій Ирландіи, обращеніе коттеровъ въ наемныхъ работниковъ. Но это проэктъ объ улучшеніи ирландскаго земледѣлія, а не объ улучшеніи положенія ирландскаго народа. Состояніе поденьщика не имѣетъ въ себѣ волшебной силы, чтобы влить предусмотрительность, бережливость и воздержность въ народъ, лишенный этихъ качествъ. Если бы ирландскіе поселяне могли быть мгновенно обращены въ наемныхъ работниковъ, при сохраненіи нынѣшнихъ привычекъ и нравственныхъ особенностей, мы только увидѣли бы 4 милліона или 5 милліоновъ людей, живущихъ въ состояніи наемныхъ работниковъ столь же бѣдственно, какъ жили они въ состояніи коттеровъ: они точно такъ же пассивно переносили бы всѣ лишенія, такъ же безразсудно размножались бы, и быть можетъ даже работали бы такъ же небрежно, потому что всѣхъ ихъ цѣлою массою нельзя было бы прогнать, а если бы можно было, это значило бы только отдать ихъ на прокормленіе деньгами налога для бѣдныхъ. Совершенно иное будетъ послѣдствіе, если сдѣлать ихъ поселянами собственниками. Народъ, не знающій разсчетливости и любви къ труду, признаваемый всѣми за одинъ изъ самыхъ отсталыхъ въ Европѣ народовъ по умѣнью трудиться съ успѣхомъ, нуждается, для своего возрожденія, въ самыхъ могущественнѣйшихъ возбужденіяхъ къ трудолюбію и разсчетливости, а право собственности на землю — сильнѣйшее изъ этихъ побужденій. Вѣчная принадлежность продукта земли хлѣбопашцу служитъ почти неизмѣнною гарантіею неутомимѣйшаго трудолюбія; она служитъ если и не вполнѣ несомнѣннымъ, то все-таки наилучшимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ предохранительныхъ средствъ отъ излишняго размноженія, и гдѣ она не приведетъ къ цѣли, тамъ едва ли привело бы къ цѣли какое угодно другое экономическое устройство: въ этомъ случаѣ зло было было бы непобѣдимо одними экономическими средствами.

Потребности Ирландіи сходны съ потребностями Индіи. Въ Индіи

мы дѣлали иногда большія ошибки, но все-таки никто даже и не предлагалъ, подъ предлогомъ земледѣльческихъ усовершенствованій, прогнать райотовъ или поселянъ-фермеровъ съ ихъ участковъ; достичь усовершенствованій въ земледѣліи предполагается тамъ доставленіемъ болѣе прочнаго владѣнія райотамъ, и спорятъ лишь о томъ, нужно ли вѣчное владѣніе или достаточенъ будетъ долгій срокъ контрактовъ. Тотъ же самый вопросъ представляется въ Ирландіи. Нельзя не признать, что долговременные контракты при такихъ землевладѣльцахъ, какіе встрѣчаются иногда, произведутъ чудеса даже въ Ирландіи. Но для этого при долговременныхъ контрактахъ необходима низкая рента. Безъ нея не слѣдуетъ ожидать, чтобы коттерство устранилось одною долговременностію контрактовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ коттерство, контракты въ Ирландіи всегда были долговременные; обыкновенные сроки были 21 годъ или три жизни. Но рента опредѣлялась соперничествомъ, назначалась больше того, чѣмъ можно заплатить, потому поселянинъ не пріобрѣталъ и никакимъ трудолюбіемъ не могъ пріобрѣсти выгодъ отъ снятой земли, и контрактъ нимало не обезпечивалъ его въ дѣйствительности. Въ Индіи, гдѣ правительство не уступило безразсудно своихъ правъ собственности земиндарамъ, оно можетъ предотвращать это зло: будучи само землевладѣльцемъ, оно можетъ опредѣлять ренту по своему собственному разсчету. Но если земля принадлежитъ частнымъ лицамъ, рента опредѣляется соперничествомъ, а когда соискатели—поселяне бьющіеся изъ-за куска хлѣба, то неизбѣжны номинальныя ренты, если само соперничество не остается чисто номинальнымъ по малочисленности населенія. Большинство землевладѣльцевъ будутъ жадны къ немедленному полученію большихъ доходовъ и власти; и пока находятся коттеры, предлагающіе имъ какую угодно ренту, напрасно будетъ ожидать, чтобы землевладѣльцы, съ пожертвованіемъ собственныхъ выгодъ, стали сдерживать это вредное соискательство.

Вѣчность владѣнія сильнѣе долговременнаго контракта возбуждаетъ къ усовершенствованію: самый долговременный контрактъ, прежде чѣмъ окончится, проходитъ черезъ всѣ постепенности кратковременныхъ контрактовъ до самаго уничтоженія контрактной гарантіи. Кромѣ того, есть другія причины, еще болѣе важныя, для предпочтенія вѣчности владѣнія. Даже въ дѣлахъ чистаго разсчета было бы грубою ошибкою забывать о вліяніи воображенія: въ понятіи «на вѣчное время» есть сила, которой лишенъ самый продолжительный срокъ. Если даже срокъ этотъ обнимаетъ жизнь дѣтей и всѣхъ людей лично дорогихъ для человѣка, человѣкъ не станетъ съ полнымъ усердіемъ увеличивать цѣнность земли, съ каждымъ годомъ уменьшающейся въ своей цѣнности лично для него; противнаго можно ожидать отъ человѣка лишь тогда, когда онъ достигнетъ высокой степени умственнаго развитія, при которой господствующимъ соображеніемъ у него становится общественное благо, для чего также нужна вѣчность связи личной выгоды съ общею. Притомъ же во всѣхъ европейскихъ странахъ поземельная собственность вообще соединена съ вѣчнымъ владѣніемъ; при такомъ порядкѣ дѣлъ временное

владѣніе, хотя бы на очень долгій срокъ, непремѣнно должно казаться чѣмъ-то менѣе важнымъ и почетнымъ, чѣмъ поземельная собственность, и слѣдовательно люди съ меньшимъ жаромъ будутъ стремиться къ нему, а получивъ его, чувствовать къ нему менѣе привязанности, чѣмъ къ собственности. Но въ странѣ, гдѣ господствуетъ коттерство, вопросъ о вѣчности владѣнія лишь второстепенный вопросъ по сравненію съ важнѣйшимъ дѣломъ — съ ограниченіемъ ренты. Безопасно можно предоставить соперничеству ту ренту, которую платитъ капиталистъ, снимающій землю для прибыли, а не для своего пропитанія; но не слѣдуетъ предоставлять соперничеству ренту, платимую работниками, если работники не достигли такой степени просвѣщенія и благосостоянія, какой ещè нигдѣ они не достигли и едва ли могутъ достичь, пока рента ими платимая опредѣляется соперничествомъ. Рентамъ, платимымъ поселянами, никогда не слѣдуетъ быть произвольными, никогда не слѣдуетъ зависѣть отъ землевладѣльца; эти ренты необходимо должны быть неизмѣнно опредѣлены обычаемъ или закономъ; и гдѣ не установился, какъ въ тосканскомъ половничествѣ, взаимно выгодный обычай, тамъ разсудокъ и опытъ требуютъ, чтобы рентамъ была назначена неизмѣнная величина государственной властью, т. е. чтобы рента обращена была въ неизмѣнную плату, а фермеръ въ поселянина-собственника.

Самый простой способъ произвести эту перемѣну въ такомъ размѣрѣ, чтобы совершенно уничтожилось коттерство, — прямой законодательный способъ: совершеніе дѣла парламентскимъ актомъ, который объявилъ бы всю ирландскую землю собственностью занимающихъ ее хлѣбопашцевъ, обязавъ ихъ платежемъ рентъ, какія теперь они дѣйствительно платятъ, то есть дѣйствительныхъ, а не номинальныхъ рентъ. Подъ именемъ «вѣчнаго пользованія» (fixity of tenure), это было однимъ изъ требованій Союза Рипилёровъ въ успѣшнѣйшій періодъ ихъ агитаціи; гораздо лучше выразилъ это Коннеръ, самый первый, самый пылкій и неутомимый проповѣдникъ этого рѣшенія, словами: «оцѣнка на вѣчныя времена» (a valuation and a perpetuity). Въ послѣднее время, подъ именемъ «Лиги Фермерскаго Выкупа» (Tenant Right League), образовался Союзъ, имѣющій своею цѣлью между прочимъ и направленіе общественнаго мнѣнія къ этому рѣшенію. Такая мѣра не имѣла бы въ себѣ ничего несправедливаго, лишь бы землевладѣльцы были вознаграждены за нынѣшнюю цѣнность шансовъ возрастанія ренты, отказъ отъ которыхъ потребовался бы у нихъ. Потрясеніе существующихъ общественныхъ отношеній, конечно, было бы тутъ не сильнѣе того, какое произвели Штейнъ и Гадернбергъ, когда рядомъ эдиктовъ въ началѣ нынѣшняго вѣка совершили революцію въ поземельной собственности Прусскаго государства и увѣковѣчили свои имена въ числѣ величайшихъ благодѣтелей своей страны. Просвѣщенные иностранцы, писавшіе объ Ирландіи, фонъ Раумеръ и Гюставъ де Бомонъ, считали это средство столь прямо и вѣрно соотвѣтствующимъ болѣзни, что трудно имъ казалось понять, какъ до сихъ поръ не исполнено такое дѣло.

Эта мѣра не превышала бы предѣловъ справедливой законодательной власти и не была бы нарушеніемъ собственности, если бы землевладѣльцамъ было предоставлено право, при несогласіи на ограниченіе ренты, взять за свои земли полную цѣнность, капитализованную по обыкновенному проценту изъ нынѣшняго дохода; но я знаю, что есть противъ такой мѣры серьёзныя возраженія. Во-первыхъ, такая мѣра — полная экспропріація высшихъ сословій Ирландіи; по принципамъ, нами изложеннымъ, такой переворотъ совершенно оправдывается, но только въ такомъ случаѣ, если онъ единственное средство къ достиженію великаго общественнаго блага. Во-вторыхъ, само по себѣ не очень выгодно для націи, если вовсе уже нѣтъ никакихъ поземельныхъ собственниковъ, кромѣ поселянъ. Важную часть хорошей земледѣльческой системы составляютъ большія фермы, воздѣлываемыя большимъ капиталомъ и принадлежащія лицамъ, получившимъ самое высокое воспитаніе, по своей образованности способнымъ оцѣнивать научныя открытія, имѣющимъ средства для рискованныхъ, продолжительныхъ и дорогихъ опытовъ. Даже и теперь есть въ Ирландіи много такихъ землевладѣльцевъ, и вредно для націи было бы прогонять ихъ изъ помѣстій. Кромѣ того между нынѣшними участками, конечно, находится много слишкомъ мелкихъ, на которыхъ нельзя было бы собственнику вести хозяйство выгоднымъ образомъ, а изъ людей, занимающихъ нынѣ участки, не всѣ таковы, чтобы нашлись въ нихъ качества, нужныя для поселянъ собственниковъ, заводящихъ свое хозяйство. Для многихъ изъ нихъ было бы полезнѣе получить надежду на пріобрѣтеніе поземельной собственности трудолюбіемъ и бережливостію, чѣмъ прямо получить собственность.

Но если самый прямой и энергичный способъ создать поселянъ-собственниковъ имѣетъ свои неудобства, то онъ все-таки гораздо лучше, чѣмъ оставленіе дѣла въ нынѣшнемъ видѣ. Если правители Ирландіи не позаботятся заблаговременно достичь великой общественной цѣли средствами, менѣе разрушительными для нынѣшнихъ общественныхъ отношеній, то вѣроятно дѣло это будетъ вынуждено у нихъ необходимостію обстоятельствъ, при которыхъ уже не будетъ въ ихъ власти руководить условіями исполненія.

Когда общественное устройство страны требуетъ не исправленія подробностей, а радикальнаго измѣненія, то затрудненія, представляемыя имъ правительству, должны быть не сглаживаемы слегка, а прямо устранены людьми, способными возвыситься надъ собственною безпечностью и надъ своими и чужими предразсудками.

При многосложности сцѣпленія человѣческихъ дѣлъ, и полезныя, и вредныя дѣйствія причинъ всегда остаются на практикѣ недостигающими полнаго теоретическаго размѣра. Но исторія не лишена примѣровъ тому, что были перемѣны, подобныя измѣненію, очеркъ котораго я сдѣлалъ, и результаты этихъ перемѣнъ не лишены поучительности. Въ продолженіе французской исторіи три раза были поселяне покупщиками земли, и за этими періодами тотчасъ же наступали три главныя эпохи земледѣльческаго благосостоянія Франціи.

«Во времена очень тяжелыя, говоритъ Мишле (Le Peuple, часть 1, гл. 1), въ эпохи всеобщей бѣдности, когда и богачъ становится бываетъ принужденъ продавать, бѣднякъ видитъ себя въ состояніи покупать; не является никакихъ покупателей; приходитъ въ лохмотьяхъ поселянинъ съ своимъ луидоромъ и пріобрѣтаетъ клочекъ земли. За этими временами разоренія, когда поселянинъ могъ дешево пріобрѣтать землю, всегда слѣдовало внезапное возвышеніе изобилія, котораго не умѣли объяснить. Напримѣръ, около 1500 года, когда Франція, истощенная Людовикомъ XI, довершаетъ свое разореніе въ Италіи, дворянство, идущее въ походъ, принуждено продавать; земля, перейдя въ новыя руки, вдругъ расцвѣтаетъ; народъ работаетъ, строится. Это прекрасное время на языкѣ монархической исторіи называется временемъ *добраго* Людовика XII.

«Къ несчастію, оно непродолжительно. Едва земля приведена въ хорошее положеніе, на нее обрушивается фискъ; начинаются религіозныя волненія, истребляющія все, что есть на землѣ, начинаются ужасныя бѣдствія, страшные голодные годы, въ которые матери ѣдятъ своихъ дѣтей. Можно ли повѣрить, что страна оправится? Но едва окончилась война, на этомъ опустошенномъ полѣ, изъ этой еще дымящейся хижины является поселянинъ съ деньгами, которыя успѣлъ сберечь. Онъ покупаетъ; черезъ 10 лѣтъ лицо Франціи измѣнилось; черезъ 20 или 30 всѣ имѣнья удвоились, утроились въ цѣнности. Эта эпоха также называется именемъ короля, именемъ *добраго Генриха IV* и великаго Ришельё».

О третьей эпохѣ не нужно и говорить,—это была эпоха революціи.

Кто хочетъ изучать картины, противоположныя этимъ, пусть сравнитъ эти историческіе періоды, ознаменованные раздробленіемъ большой и созданіемъ малой собственности, съ тяжелымъ страданіемъ націи, сопровождавшимъ изгнаніе мелкихъ йоменовъ для очищенія мѣста большимъ пастбищамъ, съ этимъ великимъ экономическимъ событіемъ англійской исторіи въ XVI вѣкѣ, и съ продолжительнымъ ухудшеніемъ въ положеніи рабочихъ классовъ послѣ этого событія.

Эти факты и мысли возбуждаютъ много соображеній, имѣющихъ прямой интересъ для насъ; но статья и безъ того вышла уже очень длинна; потому отложимъ наши замѣчанія до другаго удобнѣйшаго случая.

Затѣмъ, кромѣ формы, въ которой хозяйство ведется капиталистами-фермерами, остается еще только одна форма земледѣльческаго быта—хозяйство поселянъ-собственниковъ. По вопросу о распредѣленіи, эта форма имѣетъ внѣшнюю одинаковость съ формою невольническаго производства: какъ тамъ, такъ и здѣсь продуктъ вовсе не распредѣляется между разными классами, а весь остается въ однихъ рукахъ землевладѣльцевъ. Но этотъ землевладѣлецъ — работникъ, трудящійся самъ въ свою пользу, и во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ,—въ политическомъ, нравственномъ, экономическомъ,—ре-

зультаты этой формы прямо противоположны результатамъ невольническаго труда. При невольничествѣ работникъ, говоря вообще, не получаетъ ничего сверхъ необходимѣйшаго для поддержанія жизни; въ бытѣ поселянъ-собственниковъ работникъ пользуется всѣмъ благосостояніемъ, какое только возможно для простолюдина по политическому и промышленному положенію страны. Высокъ ли или довольно низокъ этотъ наибольшій размѣръ возможнаго благосостоянія — дѣло зависящее отъ степени населенности страны, климатическихъ условій и уровня цивилизаціи въ ней; но каковъ бы ни былъ этотъ наивысшій размѣръ, работникъ пользуется имъ. Каково бы ни было благосостояніе поселянина-собственника въ извѣстной мѣстности, половникъ въ той же мѣстности имѣлъ бы вдвое меньше благосостоянія, коттеръ (поселянинъ, нанимающій землю у владѣльца на условіяхъ соперничества) еще меньше, наемный работникъ также гораздо меньше, не говоря уже о человѣкѣ несвободномъ. Столь же рѣзокъ результатъ быта поселянъ-собственниковъ относительно успѣшности труда. Высока или низка наибольшая возможная успѣшность труда въ данной странѣ, дѣло опять зависящее отъ политическихъ и климатическихъ условій и отъ того, какой методъ производства употребляется. Но каковъ бы ни былъ этотъ maximum, работа поселянина-собственника всегда достигаетъ его, между тѣмъ какъ при тѣхъ же условіяхъ работа половника имѣла бы гораздо менѣе успѣшности, работа вольнаго наемщика — еще меньше, не говоря уже объ обязательномъ трудѣ. Англійскіе политико-экономы, вмѣстѣ со всею англійскою публикою, вообще почти не имѣютъ понятія о бытѣ поселянина-собственника, уцѣлѣвшемъ лишь въ немногихъ и маленькихъ темныхъ уголкахъ Англіи, куда еще не успѣла проникнуть новая коммерческая жизнь. Потому Милль, ставящій эту форму земледѣльческаго быта выше всѣхъ другихъ перечисляемыхъ имъ, описываетъ ея результаты очень подробно, и въ особенности выставляетъ изумительное усердіе поселянина-собственника въ работѣ, — усердіе, изумляющее людей, подобно англичанамъ, не привыкшихъ съ малолѣтства видѣть его. Онъ разсказываетъ своимъ читателямъ о трудолюбіи поселянъ-собственниковъ такимъ тономъ, какимъ сталъ бы разсказывать, напримѣръ, нашему простонародью русскій писатель о чудесахъ кристальнаго дворца или тропической природы: въ каждомъ словѣ такъ и слышится прибавка: «да поймите же это, вѣдь вы сроду объ этомъ понятія не имѣли; да повѣрьте же, что это возможно, что это такъ, что я не обманываю васъ сказками». Намъ, русскимъ, это — не новость, не рѣдкость: мы знаемъ, какъ работаетъ поселянинъ на своей нивѣ. Потому изъ множества примѣровъ и свидѣтельствъ, собранныхъ у Милля, приведемъ лишь

небольшіе отрывки для примѣра отношеній его и англійской публики къ этому вопросу. Вотъ начало отдѣла о поселянахъ-собственникахъ, показывающее до какой степени чуждо обыкновенному англійскому воззрѣнію это понятіе.

Когда земля принадлежитъ поселянамъ-собственникамъ, то весь продуктъ, какъ при системѣ рабства, достается одному собственнику земли и нѣтъ раздѣла его на ренту, прибыль и рабочую плату. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ эти двѣ формы общественнаго устройства составляютъ крайнія противоположности: одна изъ нихъ—состояніе величайшаго угнетенія и униженія рабочихъ классовъ, а при другой они имѣютъ полнѣйшую независимость въ своей судьбѣ.

Но выгодность мелкой поземельной собственности составляетъ одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ въ политической экономіи. На континентѣ благотворность существованія многочисленнаго сословія собственниковъ представляется для громаднаго большинства аксіомою, хотя и есть нѣкоторые люди, несогласные съ господствующимъ мнѣніемъ. Но англійскіе авторитеты или вовсе не знаютъ о мнѣніи континентальныхъ агрономовъ, или считаютъ достаточнымъ для его отстраненія говорить, что эти агрономы не имѣли случая видѣть, какъ полезна большая собственность въ благопріятныхъ для нея обстоятельствахъ. Выгода большой собственности, говорятъ англійскіе авторитеты, обнаруживается только тамъ, гдѣ и земледѣльческія хозяйства велики, а для большихъ фермъ нужно накопленіе капиталовъ значительнѣе того, какое обыкновенно встрѣчается на континентѣ, и потому большія континентальныя помѣстья, за исключеніемъ обращенныхъ подъ пастбища, почти всѣ отдаются на обработку мелкими участками. Въ этихъ словахъ есть часть правды, но тотъ же самый аргументъ можно обратить и противъ англійскихъ авторитетовъ: если континентъ мало знаетъ по опыту земледѣльческія хозяйства большаго размѣра съ большимъ капиталомъ, то англійскіе писатели вообще столь мало знакомы по практикѣ съ хозяйствомъ поселянъ-собственниковъ и почти всѣ имѣютъ самое ошибочное продставленіе о ихъ положеніи и образѣ жизни. А между тѣмъ и въ Англіи старинныя преданія говорятъ въ пользу мнѣнія, господствующаго на континентѣ. Йомены, которыхъ называли славою Англіи, пока они существовали, о которыхъ такъ часто жалѣютъ теперь, когда они изчезли, — эти йомены были мелкіе собственники или мелкіе фермеры, и если большинство ихъ были фермеры, а не собственники, то тѣмъ замѣчательнѣе репутація энергической независимости характера, которой они пользовались. Есть въ Англіи уголокъ, къ несчастію слишкомъ маленькій уголокъ, въ которомъ еще много поселянъ-собственниковъ; я говорю о statesmen, «государственныхъ людяхъ» Комберленда и Уэстморленда. Они собственники, хотя (впрочемъ, сколько я знаю, не всѣ, а только большая часть ихъ) платятъ нѣкоторыя обычныя повинности; эти повинности неизмѣнны, потому не мѣшаютъ имъ быть настоящими собственниками, какъ не мѣшаетъ тому поземельный

валюгъ. Только они въ цѣлой Англіи могли послужить оригиналомъ, съ котораго писаны «Картины сельской жизни» Уордсворта.

«Но общая система англійскаго земледѣлія не такова, чтобы англичане по опыту знали характеръ и результаты хозяйства поселянъ-собственниковъ; а земледѣльческое устройство другихъ странъ вообще совершенно незнакомо англичанамъ, такъ что самое понятіе о поселянахъ-собственникахъ чуждо англійскому уму и не легко проникаетъ въ него. Самыя выраженія англійскаго языка мѣшаютъ этому: собственникъ земли обозначается обыкновенно словомъ landlord (землевладѣлецъ или помѣщикъ),—терминомъ, который всегда пробуждаетъ мысль объ арендаторахъ-фермерахъ, снимающихъ у него землю (tenants). Когда въ недавнее время проникла въ парламентскія и газетныя пренія мысль, что надобно сдѣлать ирландскихъ поселянъ собственниками для улучшенія состоянія Ирландіи. то нашлись писатели, претендовавшіе на знакомство съ дѣломъ, и, однако же, до такой степени непонимавшіе самаго слова proprietor (собственникъ), что воображали, будто бы поселяне-собственники, о которыхъ идетъ рѣчь, то самое, что ирландскіе коттеры, берущіе въ наймы землю мелкими участками. При такомъ плохомъ знакомствѣ съ предметомъ необходимо, прежде чѣмъ излагать его теорію, позаботиться о разъясненіи фактическаго положенія дѣла; по этой необходимости я изложу вопросъ подробнѣе, чѣмъ слѣдовало бы по общему размѣру частей моего трактата; я представлю нѣсколько свидѣтельствъ о состояніи земледѣлія, о благосостояніи и довольствѣ земледѣльцевъ въ тѣхъ государствахъ или провинціяхъ, гдѣ большая часть земель не имѣетъ никакихъ ни лендлордовъ, ни фермеровъ, кромѣ самихъ земледѣльцевъ, пашущихъ землю.

Мы привели этотъ отрывокъ, чтобы онъ свидѣтельствовалъ, какъ медленно проникаетъ въ науку вліяніе фактовъ, которые не находились прямо подъ глазами у людей, основавшихъ науку. Кажется, что можетъ быть сообразнѣе съ принципами теоріи Адама Смита, какъ не признаніе быта поселянъ-собственниковъ выгоднѣйшею формою экономическаго устройства? А вотъ, мы видимъ, что до сихъ поръ большинство англійскихъ политико-экономовъ даже не поняло, что такое значитъ выраженіе поселянинъ-собственникъ, и Милль явился почти-что первымъ политико-экономомъ въ Англіи, рѣшительно признавшимъ превосходство этой формы надъ другими. Мы тутъ можемъ также подумать еще вотъ о чемъ: до какой степени нуждается въ передѣлкѣ теорія, составившаяся при незнаніи такого факта, какъ бытъ поселянина-собственника? Читатель знаетъ, что въ господствующей школѣ эта передѣлка не только не произведена, а даже и не считается нужною. Именно то, что мы допускаемъ къ должному участію въ установленіи политико-экономическихъ принциповъ понятіе о поселянинѣ собственникѣ, и служитъ одною

изъ главныхъ причинъ разницы нашихъ мнѣній отъ господствующихъ.

Вотъ общая характеристика хозяйства поселянъ-собственниковъ, приводимая Миллемъ изъ Ленга.

«Если мы послушаемъ большаго фермера, ученаго агронома» (англійскаго) «политико-эконома, то хорошее хозяйство должно погибнуть съ погибелью большихъ фермъ; имъ кажется нелѣпостью самая мысль о томъ, что хорошее хозяйство можетъ существовать безъ большихъ фермъ, воздѣлываемыхъ большимъ капиталомъ: дренажъ, удобреніе, разсчетливое распредѣленіе земли, расчистка ея, правильные сѣвообороты, хорошій скотъ, хорошія орудія—все это, по ихъ словамъ, исключительно принадлежитъ большимъ фермамъ, которыя воздѣлываются большимъ капиталомъ и наемнымъ трудомъ. На бумагѣ доказывать это легко, но если мы обратимъ глаза съ ихъ книгъ на ихъ поля и хладнокровно сравнимъ хозяйство наилучшихъ округовъ, воздѣлываемыхъ большими фермами, съ хозяйствомъ наилучшихъ округовъ, воздѣлываемыхъ малыми фермами, то мы увидимъ, во Фландріи, восточной Фрисландіи, Гольштейнѣ и по всей полосѣ удобной земли на континентѣ отъ Зунда до Кале, что хлѣбопашество тутъ лучше, чѣмъ на противоположномъ берегу Англіи на такой же почвѣ и подъ тѣми же градусами отъ Фортскаго залива до Дувра. При одинаковости почвы и климата земля, очевидно, получаетъ высшую производительность тамъ, гдѣ внимательнымъ трудомъ воздѣлываются мелкіе участки, составляющіе собственность земледѣльцевъ, какъ это мы видимъ во Фландріи и гольштейнскомъ Дитмарсенѣ. Наши агрономы не смѣютъ утверждать, что наши большіе фермеры, даже въ графствахъ Бервикскомъ и Роксберкскомъ или въ Лотаамскомъ округѣ приближаются къ тому совершенству, какимъ отличается хозяйство мелкихъ фландрскихъ фермеровъ, что они такъ внимательно удобряютъ, дренируютъ и очищаютъ землю или получаютъ отъ нея столько продуктовъ, сколько собираютъ въ Фландріи съ небольшихъ участковъ, имѣющихъ отъ природы почву не очень плодородную. Даже въ тѣхъ приходахъ Шотландіи или Англіи, гдѣ существуетъ наилучшее хозяйство, на большихъ фермахъ бросается безъ пользы очень много земли по угламъ и краямъ полей и пропадаетъ подъ полевыми дорогами, которыя необходимо должны быть широки по дурному своему состоянію и дурны по своей широтѣ; пропадаетъ много земли въ невоздѣланныхъ клочкахъ подъ общественными выгонами, подъ безполезными закраинами, подъ дрянными кустарниками, —пропадаетъ столько земли, что если бы всѣ эти пропадающіе клочки соединить и воздѣлать, ихъ достало бы на содержаніе всѣхъ бѣдныхъ прихода. Но когда прилагается къ хозяйству большой капиталъ, то, разумѣется, онъ обращается лишь на лучшую почву. Онъ не можетъ прилагаться къ маленькимъ непроизводительнымъ клочкамъ, оплодотвореніе которыхъ требовало бы больше труда и времени, чѣмъ дается надобностью въ скорой выручкѣ капитала. Время и трудъ наемныхъ

работниковъ не могутъ быть употреблены съ выгодою на воздѣлываніе такихъ участковъ; но если бы работникъ былъ собственникомъ, онъ нашелъ бы выгоду воздѣлывать ихъ. На первое время онъ довольствуется и тѣмъ, что можетъ кормиться отъ своей земли. Но трудомъ поколѣній сообщается этимъ клочкамъ плодородіе и цѣнность. Средства къ жизни улучшаются и достигаются очень высокіе способы обработки. Дренажъ, кормленіе скота въ стойлахъ цѣлое лѣто, жидкое удобреніе—это вещи общеупотребительныя въ маленькихъ хозяйствахъ Фландріи, Ломбардіи, Венеціи. У насъ, при системѣ большихъ фермъ, эти усовершенствованія только еще начинаются въ округахъ съ самымъ лучшимъ хозяйствомъ. Въ странахъ, гдѣ земля принадлежитъ мелкимъ собственникамъ поселянамъ, мы находимъ даже хозяйство, основанное на молочныхъ скопахъ, выдѣлку огромныхъ сыровъ сотрудничествомъ многихъ маленькихъ хозяевъ (*); взаимное застрахованіе отъ огня и града соединеніемъ силъ мелкихъ хозяевъ, производство самой мудреной и обширной изъ всѣхъ новыхъ земледѣльческихъ операцій,—производство свекловичнаго сахара; эти мелкіе хозяева снабжаютъ европейскій рынокъ льномъ и пенькою; въ этихъ странахъ, даже бѣднѣйшіе люди каждый день имѣютъ въ изобиліи овощи, плоды, птицу за своимъ столомъ, а у насъ даже средніе классы совершенно лишены такого разнообразія въ пищѣ; это разнообразіе и составляетъ существенную принадлежность мелкихъ земледѣльческихъ хозяйствъ. Всѣ эти факты заставляютъ наблюдателя усомниться въ справедливости мнѣнія нашихъ агрономовъ, будто бы большія фермы, воздѣлываемыя наемнымъ трудомъ и большимъ капиталомъ, извлекаютъ изъ земли наибольшій продуктъ, снаб-

---

(*) Достоинъ вниманія способъ, по которому швейцарскіе поселяне соединяютъ свои капиталы для выдѣлки сыра. «Каждый швейцарскій приходъ для выдѣлки сыра нанимаетъ особеннаго человѣка, обыкновенно уроженца Грюйерскаго округа (во Фрейбургскомъ кантонѣ). На 40 коровъ считается нужнымъ имѣть одного сырника съ помощникомъ, или выжимальщикомъ, и пастуха. У каждаго хозяина коровъ есть книжка, въ которой каждый день отмѣчается, сколько молока дано каждой коровой. Сырникъ и его помощники доятъ коровъ, сливаютъ ихъ молоко вмѣстѣ, дѣлаютъ изъ нихъ сыръ и въ концѣ лѣта каждый поселянинъ получаетъ количество сыра, соразмѣрное тому, сколько молока дали его коровы. При такомъ сотрудничествѣ поселянинъ вмѣсто маленькихъ, негодныхъ на продажу сыровъ, какіе могъ бы дѣлать изъ молока трехъ или четырехъ своихъ коровъ, получаетъ большіе, годные на продажу сыры лучшаго качества; они имѣютъ хорошее качество потому, что дѣлаются людьми, спеціально занимающимися этою работою. Сырникъ и его помощники получаютъ извѣстную плату съ каждой коровы деньгами или сыромъ, или нанимаютъ коровъ у хозяевъ и платятъ за нихъ деньгами или сыромъ». (Notes of a Traveller, стр. 315). Подобная система существуетъ во Франціи въ департаментѣ Жюры. Въ этомъ интересномъ примѣрѣ сочетанія труда очень замѣчательную черту составляетъ довѣріе къ честности людей выдѣлывающихъ сыръ,—дѣло не могло бы производиться, еслибъ такое довѣріе не существовало и не оправдывалось опытомъ.

жаютъ населеніе страны наибольшимъ количествомъ предметовъ необходимости и комфорта; и будто бы при такой системѣ это невозможно».

Предубѣжденіе, будто бы хозяйство фермеровъ-капиталистовъ лучше хозяйства поселянъ-собственниковъ, подкрѣпляется тѣмъ, что сравниваютъ результаты, получаемые при первой изъ этихъ формъ въ Англіи, съ результатами, какихъ вторая успѣваетъ достигать въ другихъ странахъ, гдѣ обстановка гораздо менѣе англійской благопріятна успѣхамъ сельскаго хозяйства. Тутъ забываютъ, что сравнивать достоинства двухъ принциповъ надобно при одинаковыхъ условіяхъ для дѣйствія обоихъ, и что успѣшность англійскаго сельскаго хозяйства происходитъ не отъ формы его, а отъ выгодности общей обстановки всякихъ промышленныхъ дѣлъ въ Англіи. Милль находитъ примѣръ быта поселянъ собственниковъ въ условіяхъ, въ какихъ дѣйствуютъ фермеры капиталисты, и обнаруживаетъ на этомъ примѣрѣ, что хозяйство поселянъ собственниковъ при одинаковости условій несравненно успѣшнѣе хозяйства фермеровъ-капиталистовъ.

Острова Британскаго канала служатъ такимъ разительнымъ примѣромъ полезныхъ результатовъ, производимыхъ принадлежностью земли поселянамъ, что я не могу не прибавить къ сдѣланнымъ мною многочисленнымъ выпискамъ отрывка изъ описанія экономическаго устройства ихъ. Отрывокъ этотъ беру я изъ Уильяма Торнтона, писателя, соединяющаго личныя наблюденія съ внимательнымъ изученіемъ свѣдѣній, собранныхъ другими. Его «Plea for Peasant Proprietors»—книга, которую надобно назвать классической по вопросу о пользѣ принадлежности земли поселянамъ; такъ превосходно собраны и обработаны въ ней матеріалы. Вотъ что говоритъ онъ объ устройствѣ Гернзи (стр. 99—104): «этотъ маленькій островъ посылаетъ на рынокъ гораздо большее количество продуктовъ, чѣмъ посылаютъ въ самой Англіи округи такой величины,—фактъ, уже самъ по себѣ доказывающій, что поселяне на Гернзи должны быть далеки отъ бѣдности, потому что, будучи полными собственниками всѣхъ своихъ продуктовъ, они, конечно, продаютъ только ту часть ихъ, которая остается не нужна имъ самимъ. Удовлетворительность ихъ положенія очевидна каждому наблюдателю. Изъ всѣхъ обществъ, какія случалось мнѣ видѣть, говоритъ Гиль, самое зажиточное нашелъ я на маленькомъ островѣ Гернзи;— куда бы ни пошелъ на этомъ островѣ путешественникъ, говоритъ сэръ Джорджъ Гедъ, вездѣ онъ увидитъ, что господствуетъ на немъ благосостояніе. Англичанина, который идетъ или ѣдетъ въ поле изъ Порта св. Петра, прежде всего поражаетъ видъ домовъ, разсѣянныхъ по пейзажу. Многіе изъ этихъ домовъ такъ хороши, что въ Англіи могли бы принадлежать только людямъ средняго сословія; англичанинъ не можетъ сообразить, какіе же люди живутъ въ этихъ домахъ, которые не такъ велики, какъ домы англійскихъ фермеровъ, но почти всѣ слишкомъ хо-

рошки для работниковъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ рыбацкихъ шалашей, на цѣломъ островѣ буквально нѣтъ ни одного дома, который можно было бы сравнить съ обыкновеннымъ жилищемъ англійскаго земледѣльческаго работника. Посмотрите на дрянныя жилища англійскихъ земледѣльческихъ работниковъ, говоритъ Делиль Брокъ, бывшій бальи острова Гернзи, и сравните ихъ съ домами нашихъ поселянъ!—Нищіе на Гернзи совершенно неизвѣстны; пролетаріевъ такъ же почти нѣтъ, по крайней мѣрѣ нѣтъ пролетаріевъ между людьми способными къ работѣ. Сберегательныя кассы также свидѣтельствуютъ о всеобщей зажиточности рабочихъ сословій на Гернзи. Въ 1841 году въ Англіи, при населеніи около 15 милліоновъ, имѣли деньги въ сберегательныхъ кассахъ менѣе 700,000 человѣкъ, т. е. 1 изъ 20 человѣкъ населенія, и средняя величина вкладовъ была 30 фунтовъ. На Гернзи въ томъ же году изъ 26,000 человѣкъ имѣли вклады 1920 человѣкъ и средняя величина вкладовъ была 40 фунтовъ.» Тоже самое мы читаемъ о Джерзи и Альдерни.

Торнтонъ подробно показываетъ успѣшность и производительность мелкихъ земледѣльческихъ хозяйствъ на островахъ Британскаго канала и выводъ изъ этихъ подробностей выражаетъ слѣдующими словами: «Мы видимъ, что на двухъ главныхъ изъ этихъ острововъ земледѣльческое населеніе гораздо многочисленнѣе, чѣмъ въ Великобританіи,—на одномъ въ два раза, на другомъ въ три раза: въ Великобританіи приходится только одинъ земледѣлецъ на 22 экра воздѣланной земли, а на Джерзи одинъ на 11 экровъ, на Гернзи одинъ на 7 экровъ. А кромѣ землевладѣльцевъ, земледѣліе этихъ островов содержитъ неземледѣльческое населеніе, которое также гораздо гуще, чѣмъ въ Великобританіи, — на Джерзи въ четыре раза, а на Гернзи въ пять разъ. Разница эта происходитъ не отъ того, чтобы почва или климатъ на островахъ Британскаго канала были лучше,—нѣтъ, почва на нихъ отъ природы менѣе плодородна, а климатъ такой же, какъ въ южныхъ графствахъ Англіи. Вся разница происходитъ отъ неутомимой заботливости земледѣльцевъ и изобильнаго удобренія» (Торнтонъ, стр. 38).

«Въ 1837 году, говоритъ онъ (стр. 9), средній урожай пшеницы на большихъ фермахъ Англіи былъ только 21 бушель съ экра, и въ самомъ плодородномъ изъ всѣхъ графствъ средній урожай не превышалъ 26 бушелей. Самый высокій средній урожай, о какомъ только слыхивали въ Англіи—30 бушелей. На Джерзи, гдѣ средняя величина земледѣльческихъ хозяйствъ только 16 экровъ, средній урожай пшеницы въ 1834 году былъ, по словамъ Инглиса, 36 бушелей, а по оффиціальнымъ таблицамъ за пятилѣтіе 1829—1833 годовъ мы знаемъ, что онъ былъ 40 бушелей. На Гернзи, гдѣ размѣръ хозяйствъ еще меньше, урожай въ 4 квартера съ экра считается, по словамъ Инглиса, хорошимъ, но очень обыкновеннымъ.»—«30 шиллинговъ за экръ земли средняго достоинства считалось бы въ Англіи очень хорошей рентой, но на островахъ Британскаго канала только уже очень плохая земля не даетъ 4 фунта ренты за экръ» (Торнтонъ, стр. 32).

Вотъ наконецъ общій выводъ Милля о поселянахъ-собственникахъ:

Мнѣ кажется, что этимъ изслѣдованіемъ прямыхъ дѣйствій и косвенныхъ вліяній принадлежности земли поселянамъ я доказалъ, что нѣтъ необходимой связи между этою формою поземельной собственности и несовершенствомъ производительныхъ искусствъ; что если она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и неблагопріятна успѣшнѣйшему пользованію силами земли, то не менѣе важны и другія отношенія, по которымъ она благопріятна ему; что изъ всѣхъ существующихъ системъ земледѣльческаго устройства она производитъ самое выгодное вліяніе на трудолюбіе, умственное развитіе, бережливость и благоразуміе народа, и самымъ сильнѣйшимъ образомъ удерживаетъ людей отъ непредусмотрительнаго размноженія; что поэтому нѣтъ изъ существующихъ устройствъ ни одного, столь благопріятнаго нравственному и физическому состоянію населенія. По сравненію съ англійскою системою обработки земли наемнымъ трудомъ она должна считаться чрезвычайно полезною для рабочаго класса. Сравнивать ее съ системою общей принадлежности земли товариществу работниковъ мы здѣсь не имѣемъ обязанности.

Милль упоминаетъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ хозяйство поселянъ-собственниковъ представляется не самою выгодною формою земледѣльческаго устройства; тутъ разумѣются извѣстные элементы преимущества большаго хозяйства надъ малымъ: бóльшее сочетаніе труда, употребленіе болѣе могущественныхъ способовъ производства и предполагаемый многими перевѣсъ большаго хозяйства въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ отрасляхъ сельской промышленности, наприм. въ овцеводствѣ. Мы на этотъ разъ можемъ ограничиться ссылкою на дополненіе наше къ той главѣ 1-й книги Милля, гдѣ разсматривается въ общемъ принципѣ вопросъ о большомъ и маломъ размѣрѣ производства (Перев. Милля Т. I, стр, 294—303). Довольно будетъ замѣтить, что нѣтъ раціональныхъ причинъ считать сельское хозяйство исключеніемъ изъ общихъ законовъ промышленной дѣятельности. Перевѣсъ выгодъ, даваемыхъ дѣлу усовершенствованными процессами, требующими обширныхъ размѣровъ производства, такъ великъ, что ни въ какой отрасли экономическаго быта мелкое хозяйство не можетъ выдерживать соперничества съ большимъ, какъ скоро прогрессъ технологіи и механики открываетъ возможность усовершенствованныхъ процессовъ въ этомъ дѣлѣ и начинаетъ прилагаться къ дѣлу капиталъ большими массами: никакое усердіе въ трудѣ не спасаетъ мелкаго хозяина, когда являются у большаго хозяина усовершенствованные процессы, недоступные мелкому. Если при нынѣшнемъ общественномъ устройствѣ поселяне собственники еще сохранялись на континентѣ Западной Европы,

это лишь потому, что земледѣліе въ ихъ мѣстахъ еще сохранило неразвитые процессы производства и въ большихъ хозяйствахъ. Когда оно станетъ (а оно уже начинаетъ становиться) не патріархальнымъ, а коммерческимъ дѣломъ, мелкія хозяйства должны погибнуть при нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ. Чтобы сохранились они, и чтобы животворились усовершенствованные процессы усердною работою,работниковъ-хозяевъ, для этого нужно другое устройство, то самое, выгодность и неизбѣжность котораго обнаруживается при внимательномъ разсмотрѣніи и каждаго частнаго вопроса и каждаго общаго принципа экономической науки.

Вотъ наша статья почти уже и кончена. Но читатели, конечно, замѣтили въ ней одинъ важный пробѣлъ: онъ слишкомъ рѣзко чувствуется въ обозрѣніи формъ сельскаго хозяйства, дѣлаемомъ писателемъ, защищающимъ наше обычное общинное землевладѣніе. Объ общинномъ землевладѣніи Милль ни слова не говоритъ въ главахъ, содержаніе которыхъ мы пересматривали, а мы не дополнили этого пропуска, понятнаго въ англійской книгѣ, не натуральнаго у насъ. Что жь дѣлать! будто ужь всегда дѣйствуешь натурально: иной разъ поступаешь такъ, что самъ пожимаешь плечами. Отложимъ этотъ предметъ до другаго случая; оно тѣмъ извинительнѣе будетъ, что дѣло объ общинномъ землевладѣніи принадлежитъ не столько частному, занимавшему насъ теперь вопросу о классахъ, между которыми дѣлится продуктъ, сколько общему принципу всей теоріи распредѣленія. Когда намъ удастся говорить объ этомъ общемъ принципѣ,поговоримъ о многомъ оставляемомъ въ сторонѣ теперь, между прочимъ и объ общинномъ землевладѣніи.

Въ сельскомъ хозяйствѣ владѣніе капиталомъ очень часто отдѣляется отъ владѣнія землею. Въ фабричномъ дѣлѣ и въ другихъ отрасляхъ промышленности это бываетъ слишкомъ рѣдко; а когда и бываетъ, доля землевладѣльца невелика сравнительно съ долею капиталиста. Во всѣхъ большихъ промышленныхъ предпріятіяхъ (кромѣ земледѣльческихъ) участокъ земли, на которомъ стоитъ промышленное заведеніе, и самое зданіе, въ которомъ оно помѣщается, составляетъ обыкновенно собственность того же лица, которое ведетъ предпріятіе на свой капиталъ: фабрика принадлежитъ фабриканту, заводъ заводчику и т. д. Слѣдовательно, тутъ существуютъ лишь два класса: капиталисты-землевладѣльцы и работники. Когда бываетъ иначе, когда напримѣръ, фабрика или заводъ отдается въ аренду, бо́льшая часть суммы, платимой арендаторомъ-хозяиномъ предпріятія собственнику-хозяину арендуемой фабрики, платится не за землю, а за зданіе съ его обзаведеніемъ, то есть за капиталъ, принадлежащій къ разряду основнаго капитала. Доля, платимая собствен-

но за землю, остается за этимъ вычетомъ уже невелика и не заслуживаетъ большаго вниманія. А выдѣлъ той части продукта, которая бываетъ велика, служитъ выдѣломъ отъ одного капиталиста другому. Дѣйствительно, тутъ два капиталиста: одному принадлежитъ оборотный капиталъ и нѣкоторая часть основнаго (напр. машины ставитъ, или по крайней мѣрѣ ремонтируетъ арендаторъ), а другому—часть основнаго капитала (зданіе и, быть можетъ, машины). Раздѣлъ, остающейся на долю капитала части продукта между этими двумя капиталистами, слѣдуетъ обыкновенной пропорціи раздѣла между двумя соучастниками по величинѣ вклада, даваемаго каждымъ изъ нихъ въ общую сумму. Такимъ образомъ, распредѣленіе продукта въ остальныхъ отрасляхъ производства гораздо проще, чѣмъ въ земледѣльческой и представляетъ гораздо меньше разнообразныхъ формъ. Поселянамъ-собственникамъ соотвѣтствуютъ тѣ мелкіе ремесленники и мастера, которые работаютъ въ своихъ мастерскихъ по одиночкѣ, при помощи лишь своей семьи, да развѣ двухъ-трехъ несовершеннолѣтнихъ учениковъ. Коттерамъ соотвѣтствуютъ тѣ работники мануфактуръ, которые занимаются работою у себя на дому, получая работу отъ большаго хозяина. Но масса работниковъ во всѣхъ заводскихъ, фабричныхъ и ремесленныхъ производствахъ быстро переходитъ въ состояніе наемныхъ работниковъ, а въ отрасляхъ промышленности, гдѣ наиболѣе усовершенствованы процессы производства, уже вся сполна перешла въ это положеніе.

Н. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

I.

БОЛГАРСКАЯ ПѢСНЯ.

ИЗЪ МОРИЦА ГАРТМАНА.

Какъ волчицу ночью я поймалъ въ лѣсу,
На плечѣ могучемъ я ее несу,
Посреди деревни я убью ее, —
Но не то прославитъ удальство мое.

Я кавасу кади, что пришелъ за мной,
Горло перерѣзалъ сабелькой кривой;
Двѣ пистоли длинныхъ онъ съ собой таскалъ,
На бедрѣ звенѣли шашка да кинжалъ;
Захрипѣла глухо, дрогнувъ, голова...
Но не это славитъ громкая молва.

Мимо свиты грозной, разъ, одинъ бѣгу,
Изъ ружья плохаго подстрѣлилъ агу —
Палъ онъ, словно птичка межь вѣтвей густыхъ,
А кругомъ драбанты на коняхъ своихъ...
Гайдуки про это говорятъ, дивясь,
И слѣпцы слагаютъ стройныя слова, —
Но не это славитъ громкая молва.

Изъ родной деревни собрался бѣжать —
Милую навѣки страшно покидать!
Ножъ холодный, острый, я ей въ грудь вонзилъ
И въ груди два раза ножъ поворотилъ;
Брызнувъ струйкой алой, быстро кровь пошла...
Какъ она прекрасна подъ ножомъ была!
Надо было столько силы въ этотъ мигъ,
Чтобъ, не дрогнувъ, слышать дикій, волчій рыкъ,
Чтобъ снести каваса неподвижный взоръ,
Чтобъ въ агу средь свиты выстрѣлить въ упоръ!

Не дрогнулъ я, видя, что она мертва —
И пошла про это громкая молва...

II.

БѢДНЯКУ.

И шумно и праздно счастливцы живутъ,
Не ходятъ къ нимъ голодъ и трудъ;
Тому, — кто прославленъ, силенъ и богатъ,
Всегда есть пріятель и братъ!

Ты бѣденъ — трудись, и стучись; и повѣрь,
Вездѣ заперта тебѣ дверь.
Повѣрь, что ни вырветъ у жизни борьба,
Навѣрно отниметъ судьба!

Какъ рѣчь они держатъ къ тебѣ свысока!
Счастливятъ они бѣдняка...
На ихъ снисходительный, важный привѣтъ
Сдержи неумѣстный отвѣтъ.

Уналъ ты. — Вставай, пробивай себѣ путь, —
Успѣешь потомъ отдохнуть!

Смотри, чтобъ проклятья опаснаго крикъ
Не вырвался, дерзокъ и дикъ!

III.

Т. Н. Л.

Ты весела среди смѣющихся гостей, —
А знаю я: ты зарыдать готова!
Но не измѣнитъ взглядъ привѣтливыхъ очей,
Не выдастъ скорбь твою обдуманное слово...

Средь нерѣшительныхъ, средь вялыхъ и пустыхъ,
Что даже слабостью, какъ доблестью, гордятся
И что, подъ бременемъ сомнѣній роковыхъ,
Съ пути пробитаго на шагъ ступить боятся,

Ты не рисуешься. — Невинна и чиста,
Геройству своему цѣны сама не зная,
Идешь одна — тверда, прекрасна и проста,
Своихъ мучителей тупыхъ не проклиная!

IV.

О, бойся, братъ, такъ страшно вѣкъ прожить!
Гляди: они прошли безслѣдно, глухо,
Умолкнули, умѣя говорить,
Не слышали имѣющіе ухо...

Не переживъ ни страсти, ни грозы,
Они сошли незнаемые въ гробы. —
Ничьей они не вызвали слезы,
Ничьей они не пробудили злобы!

Ѳ. БЕРГЪ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ЭКОНОМІЯ И ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ. — МАШИНА И ЧЕЛОВѢКЪ. — ФРАНЦУЗСКІЕ РАБОЧІЕ, — ТКАЧИ ВЪ ЛІОНѢ. — «МОРЕ» МИШЛЕ. — О МОРѢ И МОРСКИХЪ ЧУДЕСАХЪ. — ЕЩЕ О КИТАѢ. — КИТАЙСКАЯ АДМИНИСТРАЦІЯ.

Политико-экономы говорятъ, что ихъ наука — наука мѣры и вѣса; что она разрѣшаетъ вопросы математическимъ методомъ; что въ ней нѣтъ мѣста чувствительности; что она не должна проповѣдовать поощреніе лѣни и праздности. Все это очень хорошо; но развѣ кто нибудь изъ теоретиковъ общества проповѣдовалъ праздность и лѣнь, кромѣ самихъ же политико-экономовъ, когда они открыли въ рентѣ и въ ростѣ свойство содержать собственника, хотя бы онъ во всю жизнь свою не тронулъ палецъ о палецъ? Что же касается до математическаго метода, то онъ былъ бы хорошъ вполнѣ, еслибы статистика отвѣчала цифрами на всѣ вопросы жизни. А такого полнаго отвѣта она покамѣстъ не даетъ, да и дать не можетъ. То, что противники новаго экономическаго ученія называютъ чувствительностью, въ сущности только логическое развитіе нѣкоторыхъ началъ, высказанныхъ Адамомъ Смитомъ, и справедливое стремленіе къ упроченію общаго благосостоянія массъ, а не однихъ привилегированныхъ сословій.

Вся задача новыхъ экономистовъ заключается въ освобожденіи

работника отъ гнета капиталиста, въ уравновѣшеніи труда и капитала. Что же въ этомъ стремленіи преступнаго, непрактичнаго или умозрительнаго?

Недостатокъ обсужденія у насъ теорій и идей, вызванныхъ на западѣ Европы неудовлетворительностью настоящаго экономическаго и общественнаго быта Европы, порождаетъ въ нашемъ обществѣ смутность экономическихъ понятій и способствуетъ расположенію дилеттантовъ, знакомыхъ съ предметами или только по нѣкоторымъ французскимъ сочиненіямъ одной политико-экономической школы, или набирающихся экономическихъ идей въ салонныхъ разговорахъ, или отрывочнымъ чтеніемъ всякихъ русскихъ экономическихъ журнальныхъ статей. Такой дилеттантизмъ вреденъ между прочимъ тѣмъ, что при недостаткѣ ученаго преподаванія и при отсутствіи дѣльныхъ сочиненій на русскомъ языкѣ, дилеттанты засоряютъ общество невѣрными идеями и поселяютъ умственный развратъ, скрывающій подъ формой экономическихъ основаній тупой эгоизмъ и безсмысліе въ пониманьи общественныхъ вопросовъ и гражданскихъ обязанностей.

Видя въ стремленіяхъ къ уравненію правъ и отношеній капиталиста и работника, богатаго и бѣднаго, одну только чувствительность, дилеттанты закрываютъ глаза отъ новой исторіи Европы; они не хотятъ понять новаго направленія общества, его новыхъ потребностей и того тихаго, но могучаго движенія, которое спорнымъ путемъ вытѣсняетъ старое экономическое ученіе.

Для дилеттантовъ-экономистовъ всѣ, даже самые запутанные экономическіе вопросы не представляютъ никакой трудности. Спросите ихъ, что такое пролетарій, и они понесутъ чушь о латинскомъ происхожденіи названія, простодушно вѣря, что поясняютъ этимъ смыслъ самаго явленія, или прибавятъ, что пролетарій —негодяй и лѣнтяй, который хочетъ жить на счетъ другихъ. При такомъ рѣшительномъ взглядѣ на одну изъ главнѣйшихъ составныхъ частей современнаго европейскаго общества, у подобныхъ мыслителей теряется совершенно всякая способность смотрѣть вѣрно на экономическій бытъ какого либо народа и ясно понимать экономическіе вопросы. И отчего пролетарій негодяй и лѣнтяй? Извѣстно, что народъ состоитъ не изъ однихъ привилегированныхъ лицъ или сословій, что государство живетъ и держится всѣми членами государства, а не нѣкоторыми. Только тотъ народъ, или то государство можетъ быть самымъ богатымъ, самымъ сильнымъ и самымъ счастливымъ, въ которомъ не отдѣльныя лица, а именно всѣ, то есть каждый отдѣльный членъ общества пользуется благосостояніемъ.

Всматриваясь въ условія настоящаго экономическаго быта Евро-

мы, нельзя не видѣть, что производства извѣстныхъ продуктовъ увеличиваются въ той мѣрѣ, въ какой капиталы устремляются на ихъ производство. При этомъ капиталы сосредоточиваются въ однихъ рукахъ, потому что большой капиталъ даетъ бо́льшую силу обороту, и капиталистъ, или производитель, можетъ довольствоваться меньшимъ процентомъ. Вслѣдствіе этого, предпріятія переходятъ въ руки большихъ капиталистовъ, а массы рабочихъ населеній въ той же степени отдаляются отъ возможности пріобрѣтенія капиталовъ, отъ самостоятельныхъ предпріятій и отъ достиженія самостоятельной собственности. Этимъ путемъ современное европейское общество распалось на два класса — на капиталистовъ и рабочихъ. Переходъ изъ однаго въ другой есть только дѣло такъ-называемаго счастья и несчастья. Оба класса, сильные каждый въ своемъ родѣ, стоятъ враждебно одинъ противъ другаго, и настоящій общественный порядокъ западной Европы покоится именно на господствѣ капитала надъ рабочей силой безъ капитала.

Въ промышленной дѣятельности народовъ, недостигавшей никогда такого развитія, какъ въ настоящее время, лежитъ одна изъ главнѣйшихъ причинъ болѣзни. И машины играютъ въ этомъ не послѣднюю роль. Главнѣйшее вліяніе ихъ заключалось въ томъ, что они подорвали ремесла. Ремесленнику прежде не былъ труденъ переходъ изъ рабочихъ въ собственники; но условія перемѣнились, какъ только ремесленникъ, работающій ручнымъ инструментомъ, превратился въ рабочаго при машинѣ и система раздѣленія труда получила на практикѣ большое приложеніе.

Въ началѣ появленія машинъ, число рабочихъ для нихъ было мало. Но скоро число это увеличилось, потому что ручная работа не могла соперничествовать съ работой машинной. Многіе ремесленники должны были прекратить свои работы и идти на фабрики и мануфактуры, или совершенно разориться. Поступая въ число рабочихъ къ машинѣ, каждый получалъ, согласно системѣ раздѣленія труда, свое особое занятіе. Кругъ дѣятельности такого рабочаго становился крайне сжатъ, задача была вѣчно одна и та же, и машинный рабочі совершенно терялъ общій взглядъ на все производство. Отъ такого порядка вещей рабочій страдалъ и въ физическомъ и въ моральномъ отношеніяхъ. Капиталисты скоро оцѣнили выгоды машинъ и системы раздѣленія работъ и стали прилагать ихъ ко всѣмъ производствамъ. Этимъ путемъ образовался особый классъ населенія —классъ фабричныхъ рабочихъ, самостоятельный членъ настоящаго европейскаго общества, составляющій замкнутое и сильное цѣлое. Но самъ ли пролетарій подготовилъ себѣ это положеніе? Гдѣ основаніе обвинять его въ лѣни, въ нежеланіи работать? Гдѣ основаніе видѣть

въ его общественныхъ стремленіяхъ одно грубое посягательство на чужую собственность, посягательство, чуждое всякой справедливости? Пролетаріатъ и вызванное имъ сознаніе необходимости измѣнить экономическія условія настоящаго европейскаго общества не составляютъ дѣло случая. Кто не видитъ во всемъ этомъ работы исторіи, тотъ не пойметъ ни смысла явленія, ни его значенія.

Пролетарій вовсе не нищій и не лѣнтяй. Нищій не работаетъ. Пролетарій, напротивъ, можетъ и хочетъ работать, хорошо и много. Онъ полонъ силъ, но онъ требуетъ вознагражденія, которое можетъ доставить ему не только работу, но и возможность достиженія вмѣстѣ съ работой капитала и самостоятельности.

Въ этомъ видѣ пролетарій есть явленіе новой исторіи; только въ нынѣшнемъ столѣтіи онъ явился на западѣ Европы въ видѣ сознательнаго, самостоятельнаго цѣлаго. До XIX столѣтія бѣдныхъ, нуждавшихся въ общей помощи, было можетъ быть больше, чѣмъ теперь, но о пролетаріатѣ не было рѣчи. Онъ плодъ новой исторіи. Вотъ почему на пролетарія нужно смотрѣть нѣсколько глубже, чѣмъ это дѣлаютъ дилеттанты-экономисты: поменьше презрѣнія, побольше знанія исторіи, побольше знакомства съ порядкомъ существующимъ въ экономическомъ мірѣ.

Мы вовсе не думаемъ излагать теоретическія основанія новой экономической системы, а предлагаемъ читателю простой разсказъ объ экономическомъ бытѣ ліонскаго рабочаго, на основаніи двухъ-трехъ статей французскихъ журналовъ. Читатель найдетъ здѣсь фактическое, ничѣмъ неприкрашенное подтвержденіе справедливости основанія, служащаго точкой отправленія новѣйшимъ экономистамъ, о необходимости вмѣшательства правительственной власти въ дѣло улучшенія положенія рабочаго, вмѣшательства, которое никакъ не хотятъ допустить экономисты старой школы.

Шелковая промышленность, то есть возращеніе шелковичныхъ червей, размотка коконовъ, сученіе и окраска шелка, наконецъ приготовленіе шелковыхъ матерій—составляетъ одну изъ главнѣйшихъ отраслей промышленной дѣятельности Франціи и славу ліонскихъ фабрикъ. Человѣкъ посѣщающій въ первый разъ ліонскаго фабриканта ожидаетъ найти у него огромную мастерскую, паровую машину, обиліе ткацкихъ станковъ и несмѣтное число рабочихъ. Но вмѣсто всего этого онъ находитъ контору и двухъ или трехъ людей, занятыхъ въ ней письменной работой. Ліонскій фабрикантъ покупаетъ готовый шелкъ, отдаетъ его ткать рабочимъ въ мастерскихъ, не принадлежащихъ ему, и перепродаетъ готовую матерію мелочнымъ торговцамъ. Спеціальность антрепренера заключается въ покупкѣ шелка, въ наблюденіи за рабочимъ и въ продажѣ матеріи. Едва

ли есть другое коммерческое предпріятіе, представляющее бóльшій рискъ и требующее бóльшихъ способностей отъ исполнителя. Причина этого заключается въ цѣнѣ сыраго продукта и въ капризныхъ требованіяхъ моды, обнаруживающей на шелковую промышленность совершенно деспотическое вліяніе. Ліонскій фабрикантъ, кромѣ чисто коммерческихъ способностей, долженъ обладать большимъ вкусомъ въ выборѣ рисунковъ, тѣней и цвѣтовъ для матерій; долженъ наблюсти за артистическимъ выполненіемъ рисунка въ ткани; онъ долженъ быть негоціантъ и художникъ. Вліяніе его на рабочее населеніе огромно, потому что его знаніемъ дѣла и вкусомъ держится вся промышленность и существуютъ рабочіе.

Непосредственный помощникъ ліонскаго фабриканта есть простой ремесленникъ. Фабрикантъ, купивъ шелкъ и приготовивъ его для ткани, призываетъ ткача и отдаетъ ему количество, необходимое для тканья куска матеріи. Работникъ уноситъ шелкъ домой, тчетъ, и когда матерія готова, относитъ ее къ фабриканту и получаетъ плату по числу метровъ длины куска.

Самое тканье производится фабричнымъ образомъ. Не каждый ткачъ имѣетъ однако свой собственный станокъ; обыкновенно мастерскія принадлежатъ только нѣкоторымъ ткачамъ, имѣющимъ отъ двухъ до шести ткацкихъ станковъ. Бóльшая часть мастерскихъ расположены въ узкихъ, неопрятныхъ улицахъ. Мастерская, это большая комната, хорошо освѣщенная, съ желѣзной печью и нерѣдко съ пріемной комнатой, рядомъ. Хозяева мастерскихъ составляютъ весьма интересный и любопытный классъ населенія Ліона. Они сами мастеровые, держатся своего званія, и хотя не лѣзутъ въ буржуазію, но тѣмъ не менѣе давятъ рабочихъ, какъ и всѣ капиталисты. Отношеніе ихъ къ фабрикантамъ такое же, какъ и всѣхъ остальныхъ ткачей, не владѣющихъ ткацкими станками. Хозяинъ наблюдаетъ только надъ своими учениками, но не вмѣшивается въ работу ткачей, работающихъ на его станкахъ. Онъ больше ничего, какъ хозяинъ мастерской. Носитъ одинакій костюмъ съ ткачами несобственниками, веселится по воскресеньямъ тамъ же, гдѣ веселятся и они. Хозяева держатся дружно одинъ другаго, знаютъ другъ друга и составляютъ охотно общества взаимнаго вспомоществованія, чтобы удобнѣе противустоять фабрикантамъ или, какъ они ихъ называютъ, патронамъ. Такихъ обществъ въ Ліонѣ болѣе ста шестидесяти.

Ремесло хозяина представляетъ три источника дохода. Заработная плата, какъ и у всѣхъ остальныхъ ткачей, потомъ доходъ съ мастерской. За право работы въ мастерской, на станкѣ своемъ, онъ беретъ съ ткача половину его задѣльной платы. Разсчитывая плату за наемъ квартиры, отопленіе и освѣщеніе, хозяину изъ этой платы

очищается ровно половина. Процентъ ужасный! Наконецъ каждый ученикъ платитъ за ученье сумму довольно большую, или же въ замѣнъ денегъ работаетъ извѣстное число лѣтъ на хозяина даромъ.

Хозяинъ мастерской съ шестью станками находится въ положеніи полнаго довольства. Онъ работаетъ, какъ и остальные, тринадцать часовъ въ сутки. Но выгоды такого положенія чрезвычайно усиливаются тѣмъ, что хозяинъ работаетъ дома, среди своей семьи, нестѣсняемый надзоромъ; наконецъ и денежныя выгоды, получаемыя имъ отъ своего занятія, далеко выше выгодъ простаго ткача — нехозяина. Въ Ліонѣ и его окрестностяхъ изъ числа рабочаго населенія около трети составляютъ хозяева.

Положеніе простаго рабочаго много хуже. Прежде всего онъ теряетъ часть изъ своей заработной платы только потому, что не на столько богатъ, чтобы имѣть свой собственный ткацкій станокъ. Потомъ онъ работаетъ не у себя дома, слѣдовательно теряетъ нѣкоторую часть своей независимости. Не имѣя ни семьи, ни хозяйства, простой ткачъ при малыхъ заработкахъ, не позволяющихъ ему имѣть столъ у хозяина, ѣстъ въ харчевнѣ (cabaret). Жизнь безъ дома и семьи—жизнь безпорядка; нѣтъ причинъ вызывающихъ экономію, да иногда и не изъ чего быть экономнымъ. Положеніе ткача становится годъ отъ году печальнѣе. Прежде ткачи поселялись въ семействахъ хозяевъ; но время вытѣсняетъ такой порядокъ вещей, и скоро между хозяевами и ткачами образуются тѣже отношенія, какія существуютъ вообще между капиталистами и рабочими. Хозяева становятся уже представителями матеріальной силы, они смотрятъ уже капиталистами, тогда какъ у простыхъ ткачей нѣтъ ничего, кромѣ здоровыхъ рукъ и желанія работать. Ткачу осталась только возможность скитальческой жизни. Онъ переходитъ изъ мастерской въ мастерскую, работаетъ подлѣ хозяина, но чуждый ему во всемъ, живетъ и держится особнякомъ, не чувствуя самъ привязанности къ эксплуатирующему его собрату по ремеслу и не возбуждая этой привязанности къ самому себѣ. Такая жизнь обнаруживаетъ огромное вліяніе на нравственность рабочаго и меньше всего предохраняетъ его отъ возможности нищеты въ старости. Разумѣется, экономія, при хорошемъ поведеніи, сулитъ ему въ будущемъ положеніе хозяина. Но всегда ли возможна экономія? Всегда ли есть изъ чего быть экономнымъ? Наконецъ отчужденіе, въ которомъ живетъ ткачъ, и жизнь въ кабакѣ обнаруживаютъ слишкомъ разрушительное вліяніе на нравственность рабочаго и представляютъ слишкомъ малое ручательство возможности подобной экономіи. И тутъ переходъ изъ худшаго къ лучшему есть дѣло случая, исключеніе изъ общаго правила. Понятно, что и способность вынести твердо та-

кое безвыходное положеніе, способность смотрѣть твердо въ будущее, ничего не обѣщающее и ведущее большею частію къ необезпеченной старости, или, еще хуже, къ нищетѣ, не можетъ быть удѣломъ всего рабочаго населенія. Борьба трудная, не у всякаго достанетъ силы вынести ее.

Положеніе ученика еще хуже. Существуетъ обычай, что ученикъ долженъ работать на хозяина четыре года. Условіе тяжелое; обременительное для родителей ученика тѣмъ, что они должны кормить его на свой счетъ въ пору его полной силы. Вслѣдствіе этого наиболѣе бѣдныя семейства не могутъ отдавать своихъ дѣтей въ ученье. Замѣчательна несоразмѣрность срока ученическихъ годовъ съ временемъ, необходимымъ для дѣйствительнаго изученія ткацкаго ремесла. Оно изучается въ шесть мѣсяцевъ, а остальные три съ половиной года ученикъ работаетъ даромъ на хозяина. Родители выкупаютъ иногда часть изъ этихъ четырехъ лѣтъ рабства суммой, доходящей нерѣдко до 500 франковъ.

Но женщинамъ во всемъ этомъ гораздо хуже, чѣмъ мужчинамъ, хотя *къ чести* ліонскихъ фабрикантовъ нужно отнести, что они платятъ рабочимъ по числу метровъ, не справляясь кто ткалъ—мужчина или женщина. Это «къ чести» требуетъ маленькаго поясненія. Не все ли равно для фабриканта, кто работалъ вещь? Должно бы быть все равно, но, къ сожалѣнію жадность къ деньгамъ и стремленіе къ большимъ барышамъ иногда измѣняли это правило, построенное на началахъ справедливости. Когда машинное производство получило въ Англіи большое развитіе и механическая сила стала замѣнять силу рабочаго, мужчины были замѣщены почти вездѣ женщинами. Причина заключалась единственно въ томъ, что женщина довольствуется меньшей платой. Роли мужчинъ и женщинъ тогда помѣнялись; мужчины, оставшись безъ работы, стали сидѣть дома, заниматься хозяйствомъ и нянчить дѣтей, а женщины водворились въ мастерскихъ и вмѣстѣ съ работой наслѣдовали частью и мужскія привычки. Фабриканты скоро вошли во вкусъ выгодной для нихъ задѣльной платы, и необращая вниманія на потребности рабочихъ, а между тѣмъ зная хорошо, что женщины тише, слабѣе и податливѣе мужчинъ и не станутъ прибѣгать къ физической силѣ, понизили задѣльную плату до послѣдней степени. Водились даже такіе фабриканты, которые искали семейныхъ женщинъ, разсчитывая вѣрно, что мать не задумается ни предъ какимъ трудомъ, лишь бы достать кусокъ хлѣба своимъ дѣтямъ. Съ большимъ развитіемъ машинныхъ производствъ и съ облегченіемъ надзора за ними, жадность и конкуренція заставила замѣнять женщинъ дѣтьми. И въ

этомъ смыслѣ плата по метрамъ, производимая ліонскими фабрикантами, дѣлаетъ имъ честь, — они могли бы быть хуже.

Положеніе женщины хуже потому, что она заработываетъ менѣе, чѣмъ мужчина. Такимъ образомъ, если средній дневной заработокъ мужчины 2 франка 50 сант., то заработокъ женщины только 1 франкъ 75 сант. Причина въ томъ, что для тканья широкихъ и узорчатыхъ матерій и бархату нужно имѣть больше силы, чѣмъ для работы за обыкновеннымъ ткацкимъ станкомъ. Нѣкоторыя изъ женщинъ ткутъ и бархатъ,—и разсказываютъ, въ новѣйшее время, про одну женщину, которая, благодаря исключительной крѣпости и силѣ, работая въ день *по четырнадцати* часовъ, заработывала деньги, одинаковыя съ лучшими рабочими.

Лучшее положеніе между женщинами занимаютъ, разумѣется, хозяйки, т. е. владѣтельницы мастерскихъ или жены хозяевъ. Такая хозяйка заработываетъ въ день 4 франка, и за вычетомъ одного франка расходовъ на хозяйство, у нея остается 3 франка. Къ этому слѣдуетъ прибавить плату, получаемую отъ ткачей за ткацкіе станки, такъ что средній дневной заработокъ составляетъ отъ 5—7 франковъ для жены и отъ 6—8 для мужа. Такой значительный, повидимому, заработокъ не обезпечиваетъ однако хозяина. Промышленный кризисъ разоряетъ его мгновенно, потому что хозяинъ зависитъ вполнѣ отъ фабриканта. Нѣтъ торговли у фабриканта — нѣтъ работы у хозяина. Кромѣ того, отъ произвола фабриканта и его приказчиковъ зависитъ дать или не дать работу, дать работу выгодную или менѣе выгодную. Фабрикантъ, покровительствующій ткачу, даетъ ему кусокъ большой длины, или такую матерію, гдѣ надвязка основы можетъ быть сдѣлана скоро и легко. Если же ткутся куски короткіе, то у ткача всегда много прогульныхъ дней, потому что установку ткацкаго станка, расположеніе и надвязку основы дѣлаютъ особыя работницы. Несмотря на все это, хозяинъ и хозяйка находятся въ положеніи сравнительно много лучшемъ, чѣмъ остальные работники. Выгоды положенія хозяйки тѣ же, какъ и хозяина. Она работаетъ дома среди своей семьи, можетъ удобно располагать своимъ временемъ, согласуя интересы и заботы по домашнему хозяйству съ занятіями по своему ремеслу. При такомъ порядкѣ вещей здоровье хозяйки, ея нравственность и семейное счастіе страдаютъ менѣе, чѣмъ при работѣ на мануфактурѣ. Только одно обстоятельство повидимому можетъ нарушать гармонію выгоднаго промышленнаго положенія хозяйки. Въ Ліонѣ существуетъ обычай, по которому хозяйка играетъ роль посредника между своимъ мужемъ и фабрикантомъ. Не хозяинъ, а его жена отправляется за заказомъ и относитъ готовую работу. Какъ только кусокъ матеріи конченъ,

снятъ съ цилиндра, сложенъ, хозяйка надѣваетъ лучшій свой чепчикъ и лучшее свое платье и отправляется съ нимъ къ фабриканту. Понятно, что если хозяйка хороша, а фабрикантъ или его прикащикъ молодъ, то нравственности хозяйки можетъ угрожать нѣкоторая опасность.

Въ воскресенье или въ праздникъ, когда всѣ населенія мастерскихъ собираются на гулянья, находящіяся въ окрестностяхъ города, трудно отличить хозяйку отъ простой работницы. Всѣ одѣты одинаково со вкусомъ, и бѣднѣйшая работница готова на жертвы, чтобы быть одѣтой изящно. Несмотря на одинаковость вкуса и общее изящество нарядовъ, между положеніемъ хозяйки и работницы существуетъ громадная разница. Одна имѣетъ семейство, положеніе въ обществѣ, пользуется довольствомъ, тогда какъ другая живетъ одиноко и должна довольствоваться платой самой ничтожной. Трудно опредѣлить средній заработокъ работницъ, и до сихъ поръ по этому предмету не существуетъ вполнѣ удовлетворительныхъ данныхъ. Причина въ томъ, что независимо отъ переходовъ для работъ изъ однихъ мастерскихъ въ другія, тысячи другихъ обстоятельствъ измѣняютъ величину дневнаго заработка. Есть матеріи, которыя приносятъ болѣе выгодъ, у другихъ особенно трудна и слѣдовательно медленна установка основы, подвязка нитей. Все это служитъ источникомъ потерь, потому что нужно платить женщинѣ, которая занята этимъ, а самой ткачихѣ сидѣть безъ дѣла.

Есть работницы болѣе смышленныя и сильныя; другія же отъ неудачи легко впадаютъ въ уныніе или силы измѣняютъ имъ. Здоровье однихъ имѣетъ большое вліяніе на общую величину заработка, у другихъ же воля и энергія замѣняютъ слабость тѣла. Но на долго ли? Принимая обстоятельства наиболѣе выгодныя, средній дневной заработокъ ткачихи нельзя принять выше 1 фр. 50 сант. Принимая даже 1 фр. 75 сант., годовая сумма за 300 рабочихъ дней составитъ 525 франковъ. На 1 фр. 75 сантимовъ въ день, цифра преувеличенная, жить можно, но очень худо. Разсчитывая 20 сантимовъ въ день за квартиру (72 фр. въ годъ), можно жить только въ лачугѣ. Полагая 150 франковъ въ годъ на одежду, обувь, стирку, возможно имѣть только крайне необходимое. Останется 80 сантимовъ въ день на пищу, на непредвидѣнные расходы и на расходы по ремеслу. Принимая заработокъ болѣе вѣрный въ полтора франка, на день останется вмѣсто 80, только 55 сантимовъ! Большая часть работницъ кормятся у хозяевъ, въ ихъ семействѣ, но и это лучшее положеніе не всегда возможно. Хотя женщины вообще умѣреннѣе и экономнѣе мужчинъ, менѣе нуждаются въ такой сильной пищѣ, какъ мужчины; но не нужно забывать, что тканье составляетъ занятіе довольно

утомительное, и что сила нужна для возможности полнаго дневнаго заработка. Скверное помѣщеніе, бѣдная одежда, плохая пища и по меньшей мѣрѣ двѣнадцать часовъ работы въ день—вотъ матеріальныя выгоды ткачихи, находящейся въ выгодныхъ условіяхъ здоровья и работы. А нужно еще замѣтить, что ткачихи — работницы привилегированныя, послѣ хозяекъ онѣ составляютъ аристократію фабричнаго населенія Ліона. Сучильщицы, работающія постоянно стоя въ теченіе тринадцати часовъ, получаютъ не болѣе 8 франковъ въ недѣлю; а въ извѣстные періоды плата имъ падаетъ до 70 сантимовъ въ день. Обыкновенно онѣ имѣютъ столъ у хозяевъ. Тѣ за 5 сантимовъ даютъ имъ утромъ супъ, а въ обѣдъ одно блюдо, за 25 сантимовъ. Супъ сучильщицъ вошелъ въ Ліонѣ въ поговорку. Мотальщицы, и особенно мотальщицы утка находятся не въ лучшихъ условіяхъ. Онѣ работаютъ у хозяевъ и платятъ за это, какъ и ткачихи, половину задѣльной платы. Рабочій день въ 13 до 14 часовъ труда приноситъ имъ отъ 1 до 1 фр. 25 сант. Навивальщицы получаютъ столько же, но станокъ отъ хозяина кромѣ того. Въ хорошихъ мастерскихъ держатъ годовыхъ работницъ и платятъ имъ 100, 125 и даже 150 фр. жалованья. Это, разумѣется, выгоднѣе для навивальщицы, потому что она пользуется всѣмъ готовымъ, но за то на нее возлагаютъ тяжелыя домашнія работы, и вообще на нее смотрятъ больше, какъ на служанку, чѣмъ на мастерицу. Работницы, устанавливающія станъ и располагающія на немъ основу, получаютъ отъ 3 до 4 франковъ въ день. Но положеніе ихъ не особенно пріятно потому, что имъ приходится вѣчно бѣгать изъ одной мастерской въ другую. Во всемъ этомъ высказывалась еще лучшая сторона жизни ліонскихъ рабочихъ. Но вотъ бѣдствія, дѣлающія положеніе рабочаго слишкомъ непрочнымъ. Ихъ три — прогулъ, болѣзнь и старость. Даже при самомъ цвѣтущемъ положеніи коммерціи и при полномъ дѣйствіи фабрикъ, рабочій не избавленъ отъ прогульныхъ дней. Въ жизни нѣкоторыхъ мастеровыхъ эти прогулы имѣютъ хроническій характеръ. Такъ напримѣръ работницы, устанавливающія станки и наматывающія основу, имѣютъ обыкновенно три прогульныхъ дня въ недѣлю; а когда сбытъ матерій замедляется, онѣ сидятъ почти совсѣмъ безъ дѣла. Въ томъ же положеніи находятся всѣ работницы, занятія которыхъ зависятъ исключительно отъ моды, напримѣръ приготовляющія картоны. Ткачи обезпечены болѣе, хотя и они не могутъ ручаться за завтра. Часто,—являясь въ мастерскую, рабочій узнаетъ, что хозяинъ не имѣетъ заказовъ или же заказана матерія новаго рисунка; нужно установить станокъ, а работницы для этого нѣтъ — занята у другихъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ пропадаетъ много времени въ бѣготнѣ. При прогулахъ случается нерѣд-

ко, что работница, бѣгая изъ мастерской въ мастерскую и ища работы, не находитъ ея и должна возвращаться домой съ пустыми руками, не зная, чѣмъ ей придется накормить своихъ дѣтей. Положеніе это еще ужаснѣе, когда есть дома больные и не на что купить лекарства или истопить печку.

Но еще ужаснѣе коммерческій кризисъ. Фабриканты останавливаютъ свои заказы. Мастерскія пустѣютъ. Хозяинъ еще можетъ держаться — у него есть экономія; но рабочій, которому сберечь было не изъ чего, превращается сразу въ нищаго, въ нищаго, полнаго мужества и силы. Гдѣ же тутъ лѣнь, гдѣ же желаніе жить на чужой счетъ? Въ 1836 году подняли на набережной совершенно изнуреннаго, почти умирающаго работника. «Я умираю отъ стыда», сказалъ онъ людямъ, которые несли его въ больницу. Общее бѣдствіе, какъ кризисъ, поражаетъ въ Ліонѣ и въ его окрестностяхъ сто семьдесятъ тысячъ душъ рабочаго населенія. Даже моровая язва и голодъ ничего въ сравненіи съ этимъ бѣдствіемъ.

А старость, а продолжительныя хроническія болѣзни! Гдѣ взять денегъ на это, когда ихъ скопить невозможно? Еще надобно замѣтить, что шелковое производство одно изъ здоровѣйшихъ: мастерскія опрятны, воздухъ чистъ, самая работа хоть и утомительна, но не вызываетъ большую потерю силъ; спеціальныхъ болѣзней связанныхъ съ этимъ производствомъ нѣтъ, и челнокомъ управляетъ хорошо даже слабая рука старика. Часто случается, что употребляютъ съ стариками нѣкоторое насиліе, чтобы заставить ихъ отказаться отъ работы. Они любятъ свое ремесло—это мѣстная добродѣтель и одна изъ причинъ преимущества ліонскихъ фабрикъ предъ другими. Чувство независимости не позволяетъ имъ рѣшаться бросать работу, когда имъ кажется, что они еще могутъ работать. Они боятся быть безполезными, и большаго труда стоитъ сказать старику, что матерія выходитъ у него не такой ровной и плотной, и что тотъ же станокъ въ рукахъ молодыхъ приноситъ болѣе выгодъ.

Остается еще сказать о дѣтяхъ и объ ученикахъ. Бо́льшая часть отдѣловъ шелковаго производства почти не требуютъ ученья. А между тѣмъ ученье ткача продолжается четыре года, и за ремесло, которому можно выучиться въ пять мѣсяцевъ, ученикъ отдаетъ хозяину все свое время и всю свою работу съ тринадцатилѣтняго возраста до 17 или 18 лѣтъ. Въ Ліонѣ немного семействъ, имѣющихъ средства содержать своего ребенка въ теченіе четырехъ лѣтъ труда, совершенно для нихъ непроизводительнаго. Число же семействъ, имѣющихъ средства откупить два года даровой работы 400 или 500 франковъ, еще менѣе. Всѣми выгодами въ этомъ случаѣ пользуется, разумѣется, хозяинъ. Допуская даже, что ученикъ или ученица нау-

чатся ткать не меньше, какъ въ теченіе года, хозяинъ мастерской пользуется ихъ трудомъ вполнѣ три года. Особенно выгодны послѣдніе два года, когда ученикъ уже работаетъ какъ мастеръ, и полный дневной заработокъ его идетъ весь въ карманъ хозяина. Интересъ хозяина заставляетъ его извлекать изъ силъ и способностей своихъ учениковъ наибольшую выгоду, въ теченіе рабочихъ часовъ. И хотя обычай установилъ для ученика восемь рабочихъ часовъ въ день, но хозяева нерѣдко набавляютъ еще два, а иногда и четыре часа. Такимъ образомъ дѣвочка въ четырнадцать лѣтъ, въ возрастъ, когда здоровье ея требуетъ особеннаго вниманія и заботливости, должна посвятить себя работѣ, способной истощить силы даже взрослаго человѣка. Законъ французскій плохо покровительствуетъ дѣтямъ, а мѣстный обычай нарушается безпрестанно и безнаказанно. Но кромѣ страданій физическихъ и разныхъ лишеній, которымъ подвергается ребенокъ, и нравственность его страдаетъ не менѣе. Нельзя работать вѣчно, нужны и удовольствія, и дѣвочка, въ лучшую пору жизни лишенная добраго совѣта, мучимая тяжелой для ея лѣтъ работой, легко кидается на развлеченія и ищетъ утѣшенія въ развратѣ, какъ мужчина въ пьянствѣ. Къ чести ліонскихъ рабочихъ, пьянство у нихъ рѣдко.

Въ Ліонѣ и въ окрестностяхъ его мало охотниковъ отдавать своихъ дочерей въ ученье; легче отдаютъ въ модистки и въ швеи, чѣмъ на фабрики. И отцы семейства правы, потому что они знаютъ, какимъ опасностямъ подвергается нравственность ихъ дѣтей въ этомъ большомъ городѣ. Когда не находилось ученицъ въ окрестностяхъ Ліона, за ними отправлялись въ Дофине, даже въ Провансъ и Овернь. Замѣчено, что молодыя работницы трудно выходятъ замужъ, если во время ученья онѣ не жили въ своихъ семействахъ. Чтобы помочь этому горю хоть частью, одинъ изъ ліонскихъ фабрикантовъ, самъ бывшій нѣкогда простымъ рабочимъ, задумалъ устроить нѣчто въ родѣ пансіона. Въ нѣсколькихъ льё отъ Ліона онъ выстроилъ что-то въ родѣ фабрики, школы или монастыря, и дѣвочки, желающія учиться ремеслу, принимаются туда на три года, по условіямъ; работницы же подписываютъ условія на 18 мѣсяцевъ. — Въ послѣднее время явились уже три пансіона въ этомъ родѣ.

Правила, принятыя въ этихъ домахъ, чрезвычайно строги. Напримѣръ, въ одномъ изъ нихъ работа начинается въ пять часовъ съ четвертью утра, и кончается въ восемь часовъ съ четвертью вечера. Въ числѣ этихъ пятнадцати часовъ, четверть часа назначается утромъ на завтракъ и на уборку постелей, часъ на обѣдъ и на отдыхъ, такъ что на дѣйствительную работу приходится болѣе двѣнадцати часовъ. По окончаніи вечерней работы ужинаютъ, молятся и въ девять часовъ

ложатся спать. Отпускают изъ пансіона одинъ разъ въ шесть недѣль. Для элементарнаго образованія учреждена воскресная школа. Все это въ цѣломъ производитъ самое грустное впечатлѣніе. Воскресное ученье, разумѣется, не приноситъ пользы, или пользу весьма незначительную. Ужь какая наука ребенку, измученному шестидневной работой! Школы эти только наводятъ на дѣтей тоску и прибавляютъ имъ новую непріятность. Праздникъ тоже не вознаграждаетъ ученицъ за трудъ недѣли, и проходитъ очень печально. Утромъ и вечеромъ молитва въ церкви, катехизисъ, ученье въ церкви и рекреація нѣсколько бо́льшая, чѣмъ въ рабочіе дни. Послѣ вечерни, если погода хороша, выводятъ ученицъ гулять всѣхъ вмѣстѣ; а при дурной погодѣ заставляютъ ихъ читать вслухъ. Работницы подчинены тѣмъ же правиламъ. Работа въ теченіе недѣли производится подъ надзоромъ смотрительницъ. Нужно согласиться, что въ подобныхъ заведеніяхъ дѣвочки содержатся лучше, чѣмъ у мастеровыхъ; ихъ лучше кормятъ, лучше одѣваютъ, онѣ лучше помѣщены. Но за то все остальное слишкомъ тяжело. Эти двѣнадцать часовъ работы, воскресенье, проводимое почти все въ церкви, отсутствіе почти всякаго сообщенія съ жизнью внѣ стѣнъ заведенія, можетъ испугать своей излишней строгостью и иссушающимъ вліяніемъ и не ребенка. Это не столько заведеніе для воспитанія, сколько рабочій домъ. Такъ-что, несмотря на выгоды лучшаго помѣщенія и лучшей пищи, жизнь обыкновенныхъ ученицъ представляетъ огромнѣйшую выгоду жизни на свободѣ и права имѣть воскресенье и праздникъ, чего лишены пансіонерки. И несмотря на всю тягость такой жизни и ея притупляющее вліяніе, родители стали помѣщать своихъ дѣтей охотно въ эти рабочіе дома, потому что дочки выходятъ легче замужъ. Нужно, чтобы жизнь была ужь очень скверна, когда человѣкъ рѣшается искать спасенья своимъ дѣтямъ въ исправительномъ заведеніи! Дилеттанты могутъ возразить, что прежде было еще хуже, что съ успѣхомъ цивилизаціи положеніе рабочихъ значительно улучшилось. И точно прежде было ещё хуже, прежде мануфактуристы походили еще болѣе на плантаторовъ, и когда жадность къ деньгамъ заставила ихъ замѣщать работниковъ работницами, семейнымъ женщинамъ осталось одно средство—ввѣрять своихъ дѣтей нянькамъ. Дѣло это устроивалось такъ, что одной нянькѣ отдавали на руки, на время рабочихъ часовъ, нѣсколько дѣтей. Дѣтей этихъ помѣщали, разумѣется, въ очень дешевыхъ и, слѣдовательно, плохихъ помѣщеніяхъ, при условіяхъ самыхъ невыгодныхъ для ихъ здоровья; а чтобы дѣти были покойнѣе, имъ давали опіумъ. Все это имѣло огромное вліяніе на увеличеніе смертности, особенно въ до-двухлѣтнемъ возрастѣ. Пріюты,

разумѣется, уменьшили зло, дѣти бѣдныхъ рабочихъ и работницъ, благодаря устройству пріютовъ, не терпятъ ни холода, ни голода, ни нечистоты, и предупреждено бродяжничество. Но неужели на этомъ и успокоиться? Мы требуемъ людей, но какъ ихъ создавать, когда мать не знаетъ своего ребенка? Мать цѣлый день въ мастерской, а ребенокъ въ пріютѣ; они сходятся только вечеромъ, на ночь, когда мать, измученная 12—14 часовой работой, требуетъ прежде всего отдыха. Но и перспектива жизни ребенка непривлекательна. Все дѣтство въ пріютѣ да въ воскресной школѣ, молодость и пора полныхъ силъ на фабрикѣ или на мануфактурѣ, а старость въ богадѣльнѣ! Вѣчная опека, вѣчное вспомоществованіе и вѣчная бѣдность, но когда же самостоятельная жизнь? Подобный порядокъ возможенъ, пока въ массахъ неразвито еще чувство собственнаго достоинства. Но такая пора проходитъ, подачка наконецъ оскорбляетъ, и человѣкъ, чувствующій силу въ своихъ мышцахъ и смыслъ въ головѣ, можетъ потребовать наконецъ того, что ему принадлежитъ по праву человѣка. Онъ имѣетъ право не желать быть ни нищимъ, ни пролетаріемъ. Во всемъ этомъ женщинѣ гораздо тяжелѣе, чѣмъ мужчинѣ. Она оторвана отъ семьи, оскорблено ея материнское чувство, устранено ея нравственное вліяніе на воспитаніе своего ребенка, наконецъ женщина обременена, сравнительно съ мужчиной, работой болѣе трудной. Существуютъ мыслители, которымъ хочется видѣть въ женщинѣ существо, созданное только на потѣху мужчинѣ. По ихъ мнѣнію, обязанность женщины — управлять хозяйствомъ, нравиться своему мужу и нянчить дѣтей. Пошлыя фразы, приводимыя этими мыслителями для убѣжденія своихъ читателей, едва ли убѣждаютъ кого нибудь. Мыслители эти въ восторгѣ отъ слабости женщины; ихъ очаровываетъ ея грація, ея добродѣтели, способность нѣжнаго чувства и т. п. притворности. Отправляясь съ этого основанія, они хотятъ сдѣлать изъ женщины игрушку и забаву мужчины, а на мужчину возлагаютъ весь умственный трудъ и всѣ общественныя обязанности. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего новаго. На востокѣ всякая женщина, а въ европейскомъ обществѣ женщины изъ числа денежной и всякой другой аристократіи и женщины такъ-называемаго образованнаго сословія—давно пользуются этимъ правомъ. Когда женщина обезпечена, мужъ несетъ на себѣ всѣ тягости внѣ семейной жизни, для доставленія своему семейству средствъ существованія; женщинѣ остается одно: тратить время на пустые визиты и наряды, вязать кошельки, вышивать манишки, воротнички и расплываться въ сантиментальности. Заботы по хозяйству и по уходу за дѣтьми занимаютъ у такихъ женщинъ мало времени — двѣ трети дня имъ рѣ-

шительно нечего дѣлать. Такого рода праздную жизнь ведетъ въ Ліонѣ женская буржуазія. Жены фабрикантовъ не принимаютъ не только никакого участія въ дѣлахъ своихъ мужей, не помогаютъ имъ въ счетахъ, въ корреспонденціи, въ надзорѣ за магазинами, какъ это существуетъ въ другихъ отрасляхъ промышленности, но онѣ даже чужды самыхъ основныхъ вопросовъ занятій ихъ мужей, онѣ остаются въ полномъ невѣдѣніи движеній торговли, не зная, идутъ ли дѣла ихъ дома къ банкротству, или къ обогащенію. Но если незначительное число женщинъ живетъ, не дѣлая ничего и превращая всю жизнь «въ пріятную прогулку подъ руку съ пылкимъ молодымъ человѣкомъ», за то большая часть женщинъ бѣдныхъ работаютъ уже слишкомъ много, несутъ всѣ тягости труднаго физическаго труда, заботы о содержаніи и прокормленіи своего семейства. Однѣ погибаютъ отъ праздности, другія страдаютъ отъ избытка труда. Приказывать и исполнять приказаніе—двѣ вещи разныя. Таже разница существуетъ между матерью, только имѣющей въ своемъ распоряженіи кормилицъ, мамокъ, нянекъ, гувернантокъ, горничныхъ и лакеевъ, и бѣдной женщиной, обязанной нести всѣ эти обязанности. Женщины, разслабленныя физически и нравственно избыткомъ матеріальнаго довольства, едва ли даже и представляютъ себѣ ясно всю тягость жизни матери семейства, которой всѣ средства существованія заключаются въ жалкомъ дневномъ заработкѣ ея и ея мужа. Распорядокъ занятій, по которому мужъ добываетъ средства существованія, а жена смотритъ за дѣтьми и за хозяйствомъ, хорошъ больше въ теоріи, а въ практикѣ онъ рѣдко возможенъ. Какое тутъ хозяйство, когда на заработокъ мужа невозможно хозяйничать; нужно добыть еще столько, чтобы прокормить семью. И вотъ жена идетъ тоже въ поденщицы на фабрику. Но однимъ этимъ не кончаются еще ея занятія. Работая внѣ дома, она должна работать еще и у себя. Она должна встать раньше другихъ, чтобы приготовить мужу и дѣтямъ завтракъ; вечеромъ ложится позже другихъ, потому что должна уложить дѣтей, прибрать въ домѣ. Она должна присмотрѣть за всѣмъ, должна приготовить и завтракъ, и обѣдъ, и ужинъ, должна смотрѣть за дѣтьми, держать ихъ въ чистотѣ, предупредить и холодъ и голодъ; а когда останется свободное время, то посмотрѣть за платьемъ, починить старое и сшить иногда новое. Тутъ ужь нѣтъ мѣста пустымъ мечтаніямъ, неразлучнымъ съ праздной жизнью; тутъ всѣ заботы устремлены на пріобрѣтеніе только самаго необходимаго; объ удобствахъ и думать нечего. Женщинѣ въ подобномъ положеніи нѣтъ другаго выхода, кромѣ труда и труда. Вѣчный трудъ, необѣщающій ничего отраднаго въ будущемъ, не обезпечивающій даже завтрашнее существованіе. Если бы

еще одни заботы по хозяйству, но и это невозможно; мужъ заработываетъ въ день только два франка, а на прожитки нужно три, и этотъ третій, недостающій франкъ, должна добыть жена. Чтобы женщина была избавлена отъ работы, необходимо, чтобы задѣльная плата мужчины была достаточна для содержанія его съ семействомъ. Но во-первыхъ, это невозможно, потому что задѣльная плата, падая постоянно, дошла наконецъ до той величины, что человѣкъ на свой заработокъ въ состояніи прокормить только одного себя. А во-вторыхъ, нѣтъ никакой необходимости дѣлать изъ женщины исключительно мать и хозяйку. Трудъ для женщины также необходимъ, какъ и для мужчины: только трудъ дастъ ей твердое положеніе въ обществѣ, опредѣлитъ ея соціальное значеніе, поставитъ женщину въ положеніе независимое отъ мужчины, и избавитъ ее отъ опеки, въ которой ее держутъ постоянно. Нужно только, чтобы трудъ не былъ выше силъ, чтобы онъ не сдѣлался отъ того наказаніемъ, чтобы женщина не отрывалась отъ семьи и отъ своихъ дѣтей, оставляя заботы надзора и воспитанія на произволъ случая, или людей вовсе не заинтересованныхъ этимъ. Такой распорядокъ труда, качественный и количественный, при которомъ человѣкъ страдаетъ наименѣе въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніи, важенъ потому, что въ тѣсной связи съ нимъ находится ухудшеніе или улучшеніе человѣческой породы и, слѣдовательно, экономическій бытъ и экономическое развитіе человѣческаго общества.

Человѣкъ, живя на землѣ, находится въ полной зависимости отъ климата страны и отъ окружающей его атмосферы. Вдыхая каждую минуту вредныя или здоровыя испаренія, испытывая дѣйствіе сухости и влажности воздуха, теплоты, холода и свѣта, человѣкъ зависитъ вполнѣ отъ этихъ чисто физическихъ причинъ и испытываетъ полезное или вредное вліяніе ихъ на свой организмъ. Но человѣкъ подчиненъ не одному вліянію мѣстности, въ которой онъ живетъ; самый порядокъ жизни играетъ важную роль въ его экономіи. Пища, питье, одежда, родъ ежедневныхъ занятій могутъ или усиливать, или ослаблять вліяніе мѣстности. Но есть еще рядъ причинъ, имѣющихъ вліяніе на организмъ человѣка. Развитіе зародыша въ матери можетъ свершаться при условіяхъ благопріятныхъ, и слѣдовательно правильно, или же при условіяхъ неблагопріятныхъ, такъ что ребенокъ является уже въ свѣтъ болѣзненнымъ. Наконецъ дѣйствуютъ на человѣка не менѣе сильно причины такъ-называемыя моральныя. Порождая страданія нервной системы и мозга, онѣ нарушаютъ наконецъ порядокъ отправленій организма въ его физическомъ и моральномъ проявленіи.

Трудно сказать, какія изъ упомянутыхъ причинъ оказываются

болѣе влiятельными; но вѣрно то, что наслѣдственность недостатковъ и уродливостей и нарушенiе правильности развитiя зародыша въ матери—принадлежитъ къ причинамъ весьма важнымъ и обыкновеннымъ. Если нормальное развитiе зародыша и плода нарушено, если беременная женщина страдаетъ отъ болѣзней излишняго труда, разныхъ огорченiй, дѣйствующихъ болѣе или менѣе продолжительно, все это отразится на ребенкѣ. Законы, по которымъ совершается развитiе плода, такъ постоянны, что по мнѣнiю И. Жофруа Сентъ-Илера, можно почти по произволу производить извѣстныя аномалiи. Постороннiя же влiянiя, нарушающiя правильность развитiя, до того важны, что кости черепа и позвоночный столбъ, лишенныя ими возможности принять нормальные размѣры и форму, лишаютъ и мозгъ возможности полнаго развитiя и, слѣдовательно, нормальныхъ отправленiй его и нервной системы. Современная медицина признаетъ физiологическую и патологическую наслѣдственность дѣломъ болѣе общимъ и болѣе распространеннымъ, чѣмъ думали до сихъ поръ. Статистическiя данныя, при всей своей недостаточности, подтверждаютъ вѣрность такого заключенiя, и какъ оказывается изъ наблюденiй, болѣзни мозга и нервной системы имѣютъ по преимуществу характеръ наслѣдственности. Болѣзни эти не передаются, разумѣется, непремѣнно всѣмъ дѣтямъ, но переходя изъ поколѣнiя въ поколѣнiе онѣ или усиливаются, или ослабѣваютъ. И какъ ни одна болѣзнь не сохраняетъ постояннаго тона и измѣняется въ своихъ симптомахъ, сооообразно средѣ, въ которой она развивается, то характеръ той же подвижности сохраняютъ болѣзни и въ своей наслѣдственности. Состоянiе здоровья и состоянiе духа родителей имѣетъ значенiе въ моментъ зарожденiя ребенка, въ это мгновенiе передается будущему плоду начало болѣзни. Физiологи замѣтили, что дѣти, зачатыя въ нетрезвомъ видѣ, имѣютъ тупой умъ. Наслѣдственностью объясняется легче всего раннее развитiе дурныхъ наклонностей въ дѣтяхъ даже хорошихъ, нравственныхъ родителей, но которыхъ постоянное физическое утомленiе, глубокое огорченiе и раздраженiе мозга, могли приводить къ намѣренiямъ и поступкамъ, несогласнымъ съ ихъ натурой. Нездоровое мѣсто, порядокъ жизни, пища, питье, обнаруживая вредное влiянiе на родителей, бываютъ причиной рожденiя слабыхъ больныхъ дѣтей; а бѣдность, какъ показываютъ статистическiя данныя Англiи, составляетъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ сумасшествiя. Тамъ же замѣчено, что съ уменьшенiемъ бѣдности становятся рѣже случаи сумасшествiя. Фабричныя и мануфактурныя населенiя страдаютъ обыкновенно отъ образа жизни, несогласнаго съ правилами гигiены. Самый поверхностный наблюдатель замѣтитъ это легко: на рабочемъ населенiи Лiона,

Лидса, Манчестера, Бирмингама лежитъ печать физической и моральной порчи. Но кромѣ болѣзней, неразлучныхъ съ существующимъ нынѣ устройствомъ мануфактуръ и фабрикъ, жизнь эта ведетъ къ нравственной порчѣ, къ безпорядочности и порокамъ, имѣющимъ чуть ли не болѣе гибельное вліяніе на упадокъ населенія въ физическомъ отношеніи. Наслѣдственность въ занятіяхъ обнаруживаетъ подобное же вредное вліяніе на способности и силы человѣка. Извѣстно, что каждый трудъ находится въ зависимости отъ извѣстныхъ способностей, и эти способности или органы, уставая болѣе другихъ, дѣйствуютъ и на извѣстныя отправленія организма. Въ занятіяхъ, переходящихъ отъ отца къ сыну, одно и тоже занятіе, одинаковаго рода напряженность однихъ и тѣхъ же способностей, ведетъ къ болѣзнямъ, исключительно связаннымъ съ этимъ занятіемъ, и къ ослабленію извѣстныхъ умственныхъ способностей.

Наслѣдственность способностей и силъ представляетъ однако не одни печальные результаты. Если передается дурное, то по тому же самому закону передается и хорошее. Успѣхи образованія какъ ни слабы, какъ ни медленно увеличивается умственное богатство человѣка, но полезное вліяніе ихъ замѣчается все болѣе и болѣе съ каждымъ новымъ поколѣніемъ. Передача умственнаго богатства свершается не только потому, что съ образованіемъ и самый уходъ за дѣтьми дѣлается болѣе тщательнымъ, болѣе обезпечивающимъ развитіе въ дѣтяхъ умственныхъ способностей; но и вслѣдствіе простой физіологической наслѣдственности, по тому же закону, по которому передается органическое сложеніе и тѣлесная красота. Было замѣчено нѣсколько разъ, что дѣти дикарей, перенесенныя въ центры европейской цивилизаціи, даже въ самой первой молодости, свыкаются трудно съ нашими обычаями и идеями и выказываютъ къ европейской наукѣ менѣе способностей, чѣмъ дѣти европейцевъ. Въ индійскихъ школахъ поражала англичанъ разница между дѣтьми браминовъ и дѣтьми низшихъ кастъ. Первыя, принадлежа къ семействамъ, въ которыхъ способности разработываются съ незапамятныхъ временъ, учатся съ легкостію; вторыя же съ большимъ трудомъ пользуются уроками европейцевъ. Вѣрность подобнаго заключенія подтверждается и наблюденіями надъ животными.

Перемѣна мѣста и занятій самое лучшее средство для предупрежденія порчи организма. Развитіе желѣзныхъ дорогъ допускаетъ легко частую перемѣну мѣста, имѣющую спасительное вліяніе на нашъ организмъ. Но это средство для богатыхъ; оно недоступно пролетарію. Для мануфактурнаго рабочаго, разумѣется не въ видѣ безусловной мѣры, но тѣмъ неменѣе мѣры, примѣнимой для многихъ мѣстностей, есть спасительный выходъ. По мѣрѣ развитія

въ городахъ народонаселеній, мануфактурной дѣятельности и нравственнаго зла, неизбѣжнаго въ этихъ случаяхъ, въ жителяхъ городовъ развивается все болѣе потребность, хоть на короткое лѣтнее время, мѣнять ихъ на деревню, гдѣ и воздухъ чище, и жизнь спокойнѣе. Въ той же перемѣнѣ и въ освобожденіи себя отъ мануфактуры долженъ искать спасенія и рабочій. Для ліонскаго рабочаго это легко возможно. Нѣкоторые экономисты хотѣли бы замѣнить тамъ рабочаго механическимъ дѣятелемъ. Но къ счастію для фабричнаго населенія Ліона, значительные торговые дома еще не воспользовались этой идеей. Стоитъ только капиталистамъ взяться за нее, и они увлекутъ за собой другихъ. Болѣе дешевое производство даетъ возможность понизить цѣну на товаръ, и остальнымъ фабрикантамъ останется одно изъ двухъ: или примѣнить къ работѣ механическую силу, или оставить шелковую промышленность. Хорошо еще, что до сихъ поръ не нашелся такой капиталистъ—и ліонскій рабочій имѣетъ еще возможность выйти изъ своего бѣдственнаго положенія. Причину этого нужно искать не въ великодушіи капиталистовъ, а въ особенныхъ условіяхъ шелковой промышленности и въ осторожности фабрикантовъ. Англійскіе фабриканты работаютъ уже давно шелковыя матеріи на мануфактурахъ, но не смотря на то, ліонскіе ткачи съ ними соперничествуютъ и держатся по прежнему старой своей методы. Объясненіе этого факта слѣдуетъ искать не въ рутинѣ, а въ солидности и осторожности ліонскихъ фабрикантовъ. Они не стараются увеличивать своихъ дѣлъ расширеніемъ кредита. Они покупаютъ шелкъ на шестьдесятъ дней, съ условіемъ платить проценты, если окончательная уплата будетъ сдѣлана въ этотъ срокъ; если же уплата сдѣлана въ теченіе десяти дней, то проценты не платятся. Рѣдко случается, что бы счеты не были окончены въ теченіе десяти дней; большой срокъ для фабриканта невыгоденъ,—онъ долженъ платить проценты, да и довѣріе къ нему можетъ поколебаться. Въ тѣхъ же отношеніяхъ находятся фабриканты къ своимъ покупателямъ. Завися сильно отъ количества сбора шелка и отъ капризовъ моды, они не желаютъ подвергать себя еще и риску кредита. Это торговцы спекулирующіе навѣрняка, и оттого въ Ліонѣ случается, ежегодно едва одно банкротство. Но все дѣло измѣняетъ свой характеръ, если фабрикантъ станетъ работать матеріи на мануфактурѣ. Основной капиталъ, затраченный имъ на мануфактуру, на машину и на инструменты, долженъ быть значителенъ; фабрикантъ долженъ держать много рабочихъ, и въ случаѣ кризиса нужно терпѣть большой убытокъ. Ліонскій фабрикантъ находится совсѣмъ въ другихъ условіяхъ: только что прекращается запросъ на матеріи, онъ пріостанавливаетъ свои заказы, и уже не рискуетъ

ничѣмъ. Вся тяжесть кризиса падаетъ на рабочаго. Такой распорядокъ дѣлъ, выгодный для фабрикантовъ, и удерживающій ихъ отъ устройства мануфактуръ, можетъ, при усиленіи соперничества англійскихъ и германскихъ шелковыхъ фабрикантовъ, подорвать благосостояніе ліонскихъ рабочихъ. Хотя Ліонъ и славится матеріями высокой доброты, составляющими гордость и славу ліонскихъ фабрикъ, но силу торговли и насущный хлѣбъ массы рабочихъ составляютъ матеріи средней добротности, на которыя существуетъ наибольшій запросъ. Соперничество иностранцевъ въ производствѣ матерій высокой добротности не страшно для ліонцевъ потому, что въ ліонскихъ матеріяхъ, кромѣ цвѣта и рисунка, есть неуловимый для иностранцевъ *шикъ*. Подражая удачно въ рисункѣ и цвѣтѣ, иностранцы не въ состояніи передать той особенности, которая характеризуетъ ліонскія матеріи, и ліонскія ткани останутся вѣроятно навсегда образцами для всѣхъ остальныхъ шелковыхъ фабрикъ. Совсѣмъ другое съ матеріями средней доброты: тутъ иностранныя мануфактурныя произведенія опасны, и одно обстоятельство можетъ дать ліонскимъ рабочимъ возможность соперничествовать съ иностранцами — устройство мастерскихъ въ селеніяхъ и въ окрестностяхъ городовъ, но отнюдь не въ самомъ Ліонѣ.

Подобная децентрализація производства болѣе важна, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго раза. Прежде всего нужно припомнить ту страшную дороговизну предметовъ первой необходимости, которая является въ большихъ городахъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ населенія. Отличнымъ примѣромъ въ этомъ случаѣ можетъ служить Берлинъ. Возрастаніе цѣнъ на наемъ помѣщеній и на жизненные припасы привело къ тому, что рабочій долженъ убавить свою ежедневную порцію. Въ 1836 году на берлинскаго рабочаго приходилось въ годъ 105 фунтовъ мяса, а 1855 годъ только 73 фунта на человѣка. Количество потребляемаго хлѣба уменьшилось тоже. Пониженіе заработной платы, вслѣдствіе стремленія фабрикантовъ къ мануфактурнымъ производствамъ и конкуренціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ возвышеніе цѣнъ на предметы первой необходимости дѣлаетъ положеніе рабочаго въ большихъ городахъ все печальнѣе и печальнѣе. Плохое и дорогое помѣщеніе, безпорядочность въ образѣ жизни, тяжелый трудъ изъ-за куска насущнаго хлѣба, холостая жизнь—все это ведетъ къ ослабленію нравственности и физическихъ силъ рабочаго. Нравственность и физическія силы женщинъ страдаютъ еще болѣе, развратъ усиливается, семейное начало ослабѣваетъ, рабочій годъ отъ году отдаляется все далѣе отъ возможности достигнуть самостоятельности въ жизни, и все больше и больше зависитъ отъ капиталиста-фабриканта или хозяина. Совсѣмъ другое, если мастерскія бу-

дутъ въ селеніяхъ, когда каждое семейство будетъ имѣть свой станокъ, или нѣсколько семействъ устроятъ товариществомъ небольшую фабрику. Прежде всего тутъ выигрышъ въ нравственномъ отношеніи: женщина станетъ выходить замужъ легче, развратъ ослабѣетъ; поколѣніе пойдетъ здоровѣе. Женщина уже не станетъ работать по 12 — 14 часовъ въ день, а работая менѣе, принесетъ тѣже выгоды своему семейству, потому что работая дома, она будетъ заниматься въ то же время и домашнимъ хозяйствомъ, смотрѣть за дѣтьми, учить ихъ. Обученіе ремеслу дѣтей пойдетъ безъ издержекъ, дома, тогда какъ нынче, ученикъ, работающій въ чужой мастерской, стоитъ родителямъ по меньшей мѣрѣ 500 франковъ. Ко всему этому присоединяется дешевизна содержанія въ деревнѣ, противъ жизни въ городѣ, позволяющая ткачамъ соперничествовать въ цѣнѣ съ иностранными мануфактуристами, и уничтоженіе хозяевъ мастерскихъ. Изъ разсчета, сдѣланнаго выше, было видно, что хозяинъ мастерской за дозволеніе ткачу работать на его стану получаетъ отъ рабочаго половину изъ его задѣльной платы. Такимъ образомъ, если ткачъ выработаетъ въ недѣлю 24 франка, то изъ нихъ достается ему только 12 франковъ; остальные 12 идутъ хозяину, и изъ нихъ 6 на общіе расходы по содержанію мастерской—отопленіе и освѣщеніе, а послѣдніе 6 франковъ составляютъ барышъ хозяина только потому, что онъ богаче рабочаго. При дешевизнѣ сельской жизни, рабочему легче будетъ завести свой ткацкій станокъ. Обыкновенный станокъ стоитъ около 150 франковъ. Допуская, что рабочій не имѣетъ нисколько денегъ, въ экономіи, онъ въ крайнемъ случаѣ можетъ войти въ сдѣлку съ торговымъ домомъ или съ фабрикантомъ, которому поставляетъ матерію, и получивъ отъ него станокъ, выплатить эти 150 франковъ, и даже съ процентами, работой въ теченіе извѣстнаго срока. Первое время рабочему будетъ такъ же трудно, какъ и нынче. Но по крайней мѣрѣ тѣ шесть франковъ, которые хозяинъ беретъ изъ его кармана каждую недѣлю пойдутъ на уплату за ткацкій станокъ, взятый въ долгъ, и каждый рабочій превратится въ собственника, въ человѣка съ семействомъ, живущаго самостоятельно своимъ домомъ, своимъ хозяйствомъ. Соединеніе занятій сельскимъ хозяйствомъ съ ткацкимъ ремесломъ увеличитъ еще больше благосостояніе рабочаго. Противъ этого, пожалуй, могутъ возражать тѣмъ, что земледѣлецъ принимающійся за ткацкій станокъ въ то время, когда ему нечего дѣлать въ полѣ, будетъ ткать плохо, грубо, безъ той легкости, какая нужна въ этомъ дѣлѣ, и отъ которой отучаетъ земледѣліе. Но на это можно отвѣтить ссылкой на Цюрихъ, гдѣ тканьемъ заняты преимущественно женщины, и работаютъ отлично; мужья же несутъ всѣ та-

желыя сельско-хозяйственныя работы. Такая система раздѣленія труда будетъ болѣе сообразна съ силами и наклонностями мужчины и женщины. Одной домашнее занятіе, другому тяжелый трудъ въ полѣ. Этимъ соблюдется и основной экономическій принципъ—прилагать къ извѣстному производству силу наиболѣе для него способную.

Децентрализація производствъ, дѣлая рабочаго хозяиномъ, самостоятельнымъ членомъ общества, спасая массы рабочихъ населеній отъ страшныхъ послѣдствій коммерческихъ и торговыхъ кризисовъ, въ то же время не стѣсняетъ и самую шелковую промышленность. Фабрикантъ, имѣющій на рукахъ огромныя мастерскія, не въ состояніи слѣдить такъ за измѣненіями моды и за запросомъ. При уменьшающемся запросѣ фабрикантъ, имѣющій сотни рабочихъ, съ трудомъ рѣшится уменьшить, или на время вовсе остановить производство. Обязанный выплачивать разные текущіе расходы, по содержанію мануфактуры, фабрикантъ скорѣе рѣшится на рискъ и во время кризиса станетъ работать въ кредитъ, лишь бы избавиться отъ необходимости содержать свою мануфактуру совершенно даромъ. Но когда онъ уже не въ состояніи выдержать далѣе кризиса, все рабочее населеніе своей мануфактуры онъ пускаетъ нищими.

Для ліонскаго рабочаго начало освобожденія его отъ хозяина заключается въ устройствѣ своей собственной мастерской внѣ города. Но какъ завести ее? На чьи деньги? На хозяевъ и на фабрикантовъ можно надѣяться въ видѣ исключенія, и вотъ почему нужно искать поддержки въ правительствѣ, его деньгахъ. Только при кредитѣ, открытомъ правительствомъ ліонскому пролетарію, онъ освободится отъ эксплуатаціи его труда капиталистомъ и получитъ возможность встать на свои ноги. Только при правительственной помощи мѣра эта можетъ получить общее значеніе для всего ліонскаго рабочаго населенія. Новый порядокъ вещей встрѣтитъ, разумѣется, сильное сопротивленіе со стороны хозяевъ, которымъ придется вступать въ разрядъ обыкновенныхъ рабочихъ и лишиться половины задѣльной платы, получаемой ими отъ бѣдняковъ только за то, что они не въ состояніи имѣть свой собственный станокъ. Хотя по мнѣнію экономистовъ капиталъ и обладаетъ свойствомъ доставлять владѣльцу его возможность жить не трудясь лично, а эксплуатируя чужой трудъ, по двѣнадцать франковъ въ недѣлю изъ двадцати четырехъ, все-таки ужъ слишкомъ много и, едва ли ростъ этотъ найдетъ оправданіе въ какой бы то ни было экономической системѣ. Уничтоженіемъ хозяевъ установятся только справедливыя отношенія между рабочими, водворится между ними равенство. Выигрышъ для общества очевидный, потому что заработокъ распредѣлится между его членами равномѣр-

нѣе. Другой вопросъ, въ какой мѣрѣ рабочіе, зависящіе нынче вполнѣ отъ хозяевъ капиталистовъ, выразятъ стремленіе освободиться отъ этого гнета и оставить Ліонъ, чтобы поселиться въ деревняхъ. Городская жизнь для многихъ изъ нихъ представляетъ пріятныя особенности, которыхъ они не найдутъ въ сельской жизни. Имъ будетъ трудно отвыкать отъ городскихъ привычекъ. Тоже самое можно сказать и про женщинъ. Но это зло переходное. Нельзя ожидать, разумѣется, чтобы всѣ рабочіе сразу переселились изъ Ліона въ его окрестности; но и нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы польза такого переселенія не входила все болѣе и болѣе въ общее сознаніе рабочихъ. Нѣсколько удачныхъ примѣровъ, и рабочій увидитъ выходъ изъ своего настоящаго печальнаго положенія. Для начала будетъ достаточно, если образуются маленькія хозяйства и мастерскія отдѣльныхъ семействъ, а тамъ ужь не труденъ переходъ къ товариществу и къ устройству на общій счетъ фабрикъ съ механическими двигателями.

Разсказываютъ, что въ Эльберфельдѣ, когда явилась впервые паровая машина, рабочіе испугались; имъ показалось, что машина лишитъ ихъ послѣдняго куска хлѣба. Но вмѣсто того, чтобы собраться и сломать машину, какъ это дѣлалось мѣстами, они ждали терпѣливо результатовъ опыта. Опытъ удался вполнѣ. Что же рабочіе? Они купили машину, и съ машиной въ шесть силъ боролись съ успѣхомъ противъ машины въ тридцать пять силъ, принадлежавшей фабриканту. Эту замѣтку мы приводимъ для тѣхъ дилетантовъ-экономистовъ, которымъ хотя и извѣстно, что энергія труда бываетъ наибольшая въ томъ случаѣ, когда результатъ производства составляетъ собственность трудившагося; однако, имъ все-таки больше нравится тотъ порядокъ вещей, при которомъ родъ человѣческій дѣлится на капиталистовъ и на работниковъ.

Мѣсяца два-три тому назадъ, знаменитый французскій историкъ Мишле, занимающійся въ послѣднее время съ особою любовью естественными науками, издалъ популярное сочиненіе о морѣ, въ томъ же полу-поэтическомъ, полу-ученомъ родѣ, какъ прежнія книги его: «Птица» и «Насѣкомое». Это сочиненіе, по нашему мнѣнію, лучшая изъ трехъ книгъ, въ которыхъ историкъ взялъ на себя роль натуралиста. Кромѣ той любви къ природѣ, которою отличаются и первыя, мы видимъ здѣсь менѣе претензіи на оригинальность и глубину, и оттого, вѣрно, книга вышла и оригинальна, и полна во многихъ случаяхъ поэзіи. Предметъ ея притомъ такъ интересенъ и для большинства читателей такъ новъ, что намъ хотѣлось попробовать сдѣлать извлеченіе изъ книги Мишле для «Современника». Это, однакожь, оказалось очень неудобнымъ, именно потому, что простое из-

влеченіе не представило бы той полной картины, какою мы любуемся въ цѣломъ сочиненіи, а переводъ его цѣликомъ занялъ бы слишкомъ много мѣста. Притомъ, мы слышали, что «Море» уже переводится вполнѣ на русскій языкъ.

Взамѣнъ отрывковъ изъ книги Мишле, помѣщаемъ здѣсь прекрасную статейку изъ «Круглаго года» о томъ же предметѣ. Она довольно обстоятельно знакомитъ съ «чудесами моря» (такъ названа она въ подлинникѣ), и вѣрно заохотитъ многихъ прочесть произведеніе Мишле въ его полномъ объемѣ.

Три пятыхъ земнаго шара сплошь покрыто водою, которая имѣетъ глубины приблизительно отъ шести до семи миль и даже болѣе. Судя по новѣйшимъ вычисленіямъ, основаннымъ на наблюденіяхъ надъ силою движенія волны во время прилива (которое измѣняется, смотря по глубинѣ), въ Атлантическомъ океанѣ слѣдуетъ считать среднимъ числомъ пятнадцать тысячъ футовъ глубины, а въ Тихомъ океанѣ—двадцать тысячъ. Эта огромная масса воды почти вездѣ и при всѣхъ обстоятельствахъ имѣетъ однѣ и тѣ же свойства. Температура ея также представляетъ гораздо менѣе разнообразія, нежели температура воздуха и земли. Обыкновенная теплота морской воды рѣдко или даже никогда не переходитъ за 87° по Фаренгейту, въ самыхъ жаркихъ частяхъ тропиковъ: и точно также рѣдко опускается ниже точки замерзанія, даже въ самыхъ сѣверныхъ широтахъ. Цвѣтъ морской воды, какъ замѣтно по морскимъ пещерамъ, куда весь свѣтъ проникаетъ сквозь нея, отражаемый бѣлымъ дномъ, есть чистѣйшая лазурь.

«Морская вода поразительно прозрачна, когда она чиста и освѣщена яркимъ лучемъ солнца. На двадцати-пяти саженяхъ глубины (полтораста футовъ) часто случалось ясно различать на днѣ кораллы, а въ вестъ-индскихъ моряхъ, на глубинѣ болѣе нежели вдвое противъ этого, усматриваютъ на днѣ формы различныхъ предметовъ. Подводные пейзажи—вещь довольно извѣстная; многіе путешественники посвятили имъ восторженныя описанія.

«Когда большой океанъ приходитъ въ волненіе, на поверхности его образуются волны, достигающія иногда огромной вышины. Волны эти были не разъ вымѣряемы, подъ противныцъ вѣтромъ; нашли, что крайняя высота ихъ достигаетъ пятидесяти футовъ, отъ вершины до самаго глубокаго опаденія; ширина бываетъ отъ четырехъ до шестисотъ ярдовъ, а быстрота движенія по водѣ—около полумили въ минуту. Эти волны, разбивающія всякое препятствіе, или странно сливающіяся съ облаками, бушующими въ воздухѣ, представляютъ самое страшное явленіе природы. Приближаясь къ берегу, онѣ дробятся на меньшія массы воды, которыя часто попадаютъ на

подводныя скалы, или разбиваются объ утесы, подымаясь, массами въ нѣсколько тоннъ, на сто футовъ вышины и болѣе. Другаго рода феноменъ движенія воды есть морской приливъ, производящій, каждые двѣнадцать часовъ, прибыль и убыль воды, по всѣмъ частямъ океана.

«Кромѣ общей массы волнъ, въ морѣ есть нѣсколько опредѣленныхъ струй или токовъ, бѣгущихъ широкими путями отъ одного полюса къ другому и производящихъ измѣненія температуры въ близь лежащихъ странахъ и смѣшеніе водъ на поверхности, или на извѣстной глубинѣ, которое должно имѣть большое вліяніе на обитающихъ тамъ животныхъ. Бурные разливы, или такія волненія, которыя долго, безъ промежутковъ, бушуютъ въ узкихъ, запертыхъ мѣстахъ моря, или въ воронкообразныхъ проходахъ причиняютъ страшныя несчастія. Достовѣрно извѣстно, что кромѣ сотни тысячъ человѣкъ, погибшихъ въ такихъ мѣстахъ въ 1232 и 1242 годахъ, множество цѣлыхъ селеній и городовъ было снесено разливомъ Сѣвернаго моря по низменнымъ берегамъ Голландіи. Между Новою Шотландіею и Новымъ Брауншвейгомъ, обыкновенный весенній приливъ достигаетъ иногда ста футовъ вышины и уноситъ скотъ, пасущійся на берегу.

«Страшныя бури и ураганы, называемыя нынѣ циклонами, свирѣпствуютъ на водахъ океана, взбивая ихъ въ пѣну, или яростно крутясь на поверхности спиральными столбами, передъ которыми ничто не можетъ устоять.

Огромныя, оторванныя глыбы льда, нагруженныя иломъ и каменемъ и глубоко погруженныя въ воду, плывутъ на тысячи миль по океану, отъ арктическаго и антарктическаго полюсовъ. Цѣлые утесы заплываютъ такимъ образомъ отъ Гренландіи въ средину Атлантическаго океана и тамъ перемѣшиваются съ другими массами, принесенными противуположнымъ теченіемъ отъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ. Эти плавающія глыбы льда имѣютъ большое вліяніе на климатъ Европы и Америки, а бо́льшія изъ нихъ бываютъ, въ иныхъ случаяхъ, опаснѣе всѣхъ морскихъ чудовищъ.

«Разнообразіе и многочисленность, представляемыя населеніемъ водъ, вообще не довольно опредѣлены. Всѣ классы животныхъ имѣютъ тутъ своихъ представителей.

«Въ морѣ есть множество родовъ млекопитающихъ, замѣчательныхъ не только своими громадными размѣрами, но и пользою, которую изъ нихъ извлекаетъ человѣкъ. Въ открытомъ океанѣ обитаютъ всевозможные роды китовъ, изъ которыхъ иные представляютъ величайшіе въ мірѣ образцы животныхъ. Обыкновенный китъ, дающій китовый усъ, имѣетъ шестьдесятъ футовъ длины; одна голова

его длиною въ двадцать футовъ, и если онъ взрослый, то въ немъ бываетъ не менѣе семидесяти тоннъ вѣса. Это животное можетъ принимать своими мощными челюстями только самое мелкое и нѣжное мясо, такъ что пища его не должна бы, кажется, быть въ состояніи поддерживать такую колоссальную жизнь.

«Другія огромныя млекопитающія, надѣленныя ластами, хотя съ вида совершенно похожія на рыбу, часто встрѣчаются въ сѣверныхъ широтахъ, а иногда попадаются и въ тропическихъ моряхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ, тюлень и моржъ, не имѣютъ никакого сходства съ китомъ, тогда какъ другія имѣютъ съ нимъ много общаго: они-то и подали поводъ ко множеству сказокъ о баснословныхъ животныхъ, изъ которыхъ самыми знаменитыми могутъ считаться сирены и морской змѣй. Огромнѣйшіе тюлени, точно также какъ и моржи, даютъ наиболѣе цѣнимое сало, и поэтому они очень быстро истребляются. Говорятъ, на одной группѣ острововъ, въ Берингевомъ проливѣ, было поймано болѣе трехъ мильйоновъ тюленей, въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ до 1833 г. Въ то же время, въ 1803 г., около трехъ четвертей мильйона тюленьихъ шкуръ было умышленно истреблено русскою мѣховою компаніею, для предотвращенія избытка ихъ въ торговлѣ. Моржъ не такое безобидное животное, какъ тюлень; онъ нерѣдко нападаетъ на враговъ своихъ, людей, хотя обыкновенно остается побѣжденнымъ. Бѣлый или полярный медвѣдь и морская выдра могутъ также считаться водяными животными, такъ какъ они почти постоянно живутъ на льду или подъ льдомъ и рѣдко выходятъ на берегъ.

«Морскія птицы представляютъ очень много любопытнаго, и число ихъ внѣ всякаго опредѣленія. Каждая голая скала, каждый подводный камень, торчащіе на поверхности необозримой пустыни океана; служатъ убѣжищемъ миріядамъ морскихъ птицъ; легіоны ихъ покрываютъ всѣ берега отъ полюсовъ до экватора, и цѣлыя стаи носятся далеко отъ земли надъ пустынею моря.

«Изо всѣхъ другихъ птицъ, пингвинъ можетъ быть наиболѣе отличается отъ обыкновеннаго типа животныхъ этого класса. Крылья его приспособлены собственно для движенія въ водѣ, и плаваетъ онъ съ такою неутомимою быстротою, держа поверхъ воды одну голову, что нерѣдко обгоняетъ рыбъ. Пингвины живутъ въ водѣ и встрѣчаются за тысячу миль отъ ближайшаго берега. Самые большіе изъ нихъ вѣсятъ иногда до восьмидесяти фунтовъ. и въ желудкѣ у нихъ случается находить по десять фунтовъ вѣса кремня и большихъ камней, глотаемыхъ вѣроятно для того, чтобы способствовать перемалыванію въ зобу пищи.

«Фрегатта, буревѣстникъ и альбатрасъ перелетаютъ, кажется,

черезъ весь океанъ, отъ одного берега до другаго Атлантическаго, или Тихаго океановъ. Точно также и пеликанъ и бакланъ, или морской воронъ, скорѣе принадлежатъ къ воданымъ, нежели къ земнымъ птицамъ, и вполнѣ подходятъ къ нашему сюжету. Всѣ они одарены сильнымъ и быстрымъ полетомъ, питаются рыбами и рѣдко залетаютъ далеко на материкъ, тогда какъ надъ моремъ кружатся на огромныхъ разстояніяхъ. Благодаря этимъ птицамъ, накопляются массы гуано, способствующія удобренію земли. Можно составить себѣ понятіе о количествѣ этихъ массъ изъ того, что на одномъ островѣ Иквикѣ было собрано, за послѣдніе тридцать лѣтъ, болѣе шести милліоновъ кубическихъ футовъ гуано; а въ 1854 г. его было вывезено съ китайскихъ острововъ не менѣе полу-милліона тоннъ.

«Хотя и нѣтъ положительныхъ доказательствъ о существованіи въ океанѣ колоссальнаго пресмыкающагося, похожаго на змѣя, однако, существованіе морскихъ змѣевъ несомнѣнно; они ядовиты, но не большихъ размѣровъ. Ящерицы, совершенно безвредныя, длиною въ три, четыре фута, также встрѣчаются въ Тихомъ океанѣ; а въ теплыхъ моряхъ очень обыкновенны большія черепахи, заносимыя иногда и въ холодные поясы.

Зеленыя, вестъ-индскія черепахи, имѣющія шесть футовъ длины и до полу-тонны вѣса, бывали находимы даже на британскихъ берегахъ. Эти животныя постоянно живутъ въ водѣ и выходятъ иногда на утесы только для того, чтобы класть тамъ свои яйца, которыя высиживаются подъ солнечною теплотою.

«Пресмыкающіеся не всегда были рѣдкостью въ океанѣ, такъ какъ на многихъ скалахъ Европы мы находимъ явные слѣды былаго существованія огромныхъ морскихъ животныхъ этого рода, соперничествовавшихъ въ величинѣ и превосходившихъ прожорствомъ самыхъ большихъ изъ нынѣшнихъ обитателей моря.

«Мы склонны видѣть въ рыбахъ — единственныхъ животныхъ, созданныхъ для воды, и точно, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, онѣ отличны отъ всѣхъ другихъ, имѣютъ свой особенный видъ и наиболѣе приспособлены къ этой средѣ. Однако, несмотря на то, мы видимъ морскихъ четвероногихъ, птицъ и гадовъ, которыя отличаются только нѣкоторыми особенностями организма отъ животныхъ того же рода, живущихъ на землѣ или въ воздухѣ; тогда какъ между рыбами рѣдко встрѣчаются такія, которыя могли бы долго существовать безъ воды. Исключенія составляютъ только летучая рыба и пегасъ, носящіеся въ воздухѣ, рыба-лягушка (frog-fish), которая можетъ ползать по комнатѣ; гассаръ (hassar), цѣлую ночь бродящій отъ одного пруда къ другому, и гобія (goby), глубоко прокапывающаяся въ глинистую почву.

«Рыбы дышатъ воздухомъ, содержащимся въ водѣ и задыхаются, если ихъ жабры, или дыхательный аппаратъ высыхаетъ. Для движенія имъ способствуютъ не только многочисленныя перья и управленіе хвостомъ, которымъ онѣ, какъ гибкимъ весломъ, ловко бьютъ по водѣ, но и удивительная гибкость всего ихъ тѣла, совершенно свободно скользящаго по водѣ. Живя среди стихіи, имѣющей почти равный съ ними удѣльный вѣсъ, они безъ всякаго усилія могутъ спускаться въ глубину. Впрочемъ, нѣкоторыя рыбы не переступаютъ за извѣстную глубину, но ихъ удерживаетъ тутъ скорѣе родъ ихъ пищи, нежели какая либо иная причина. Быстрота хода ихъ совершенно невозможна для другихъ родовъ животныхъ, которыя тѣмъ тяжеле, чѣмъ болѣе напряженія мускуловъ требуетъ движеніе въ той стихіи, въ которой онѣ живутъ. Мы видимъ, когда судно идетъ на всѣхъ парусахъ, или на всѣхъ парахъ, рыбы точно также спокойно и безъ малѣйшаго усилія плаваютъ вокругъ него, какъ если бы оно стояло на мѣстѣ и провожаютъ его, изо дня въ день, на цѣлыя сотни миль. Нѣтъ словъ, чтобы описать яркіе цвѣта этихъ животныхъ, ихъ оригинальныя, изящныя или безобразныя формы и всѣ свойственныя имъ особенности. Трудно себѣ представить что нибудь безобразнѣе и непріятнѣе ската, который живетъ въ теплыхъ водахъ и имѣетъ широкое, плоское и угловатое туловище длиною футовъ въ двѣнадцать, или пятнадцать, завершенное хвостомъ футовъ въ пять, съ острымъ, стрѣло-образнымъ концомъ, который заражаетъ ядомъ наносимыя имъ раны; тогда какъ ничего нѣтъ живописнѣе маленькаго бегемота Средиземнаго моря, напоминающаго миѳологическія изображенія летящаго дракона. У морскаго ежа и у морскаго дикобраза вся спина покрыта острыми иглами; королевская рыба похожа, по головѣ и шеѣ, на большое животное, усѣченное по поламъ какимъ нибудь случаемъ. Рыба-зубатка бываетъ длиною отъ шести до восьми футовъ и снабжена страшнымъ аппаратомъ зубовъ, въ сравненіи съ которымъ даже зубы аллигатора, или акулы покажутся ничтожными. Пила-рыба надѣлена острымъ оружіемъ, которое можетъ глубоко вонзить въ киль корабля. Любопытна также рыба удильщикъ (angier), которая ловитъ себѣ пищу посредствомъ природной удочки, состоящей изъ двухъ тонкихъ щупальцевъ на головѣ, слегка сплющенныхъ и расширенныхъ на оконечностяхъ; эти щупальцы привлекаютъ своимъ яркимъ цвѣтомъ неосторожную добычу, а владѣлецъ ихъ прячется въ илъ, или въ песокъ.

«Море имѣетъ важное значеніе тѣмъ, что представляетъ неистощимый запасъ пищи для людей; но мало найдется въ исторіи человѣчества фактовъ необыкновеннѣе предразсудка, допускающаго,

чтобы огромное количество этой полезной пищи пропадало даромъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ея наибольшее обиліе. Въ Ирландіи, низшіе классы, во многихъ случаяхъ, скорѣе умрутъ съ голода, нежели станутъ ѣсть рыбу, которою изобилуютъ ихъ берега. Въ другихъ мѣстахъ, къ нѣкоторымъ родамъ рыбъ питается такое глубокое уваженіе, что самая крайняя нужда не заставитъ голоднаго населенія попробовать обратить ихъ въ пищу. Но есть и такія (какъ всѣ мы знаемъ), которыя повсюду приняты въ пищу и которыхъ истребляется невѣроятное количество. На необозримыя мили разстоянія море покрывается массою сельдей, до такой степени сплошною, что въ нее не можетъ пройти лодка. Вся эта рыба ежегодно плыветъ къ сѣверо-западному берегу Европы, наполняя всѣ заливы, проходы, углубленія, отъ Норвегіи и до Нормандіи. Въ одну ночь ея было взято болѣе полу-милліона на одну лодку. Изъ одного шведскаго порта ея было вывезено болѣе двухъ сотъ милліоновъ въ одинъ годъ. Въ Ярмутѣ для этого промысла употребляется до четырехъ сотъ шлюпокъ, изъ которыхъ три, принадлежащія одному и тому же владѣльцу, перевезли на берегъ, въ 1847 г., до четырехъ милліоновъ сельдей. Но не однѣ сельди представляютъ такое обиліе; въ актахъ одного порта значится, что тамъ поймано въ одинъ день двадцать пять милліоновъ сардинокъ. Даже трески, гораздо болѣе крупной рыбы, ловится, ежегодно, среднимъ числомъ не менѣе двухъ сотъ, или двухъ сотъ пятидесяти милліоновъ штукъ, а нѣкоторыя другія рыбы, какъ-то: макрель, семга, тунецъ, служатъ главною пищею въ нѣкоторыя времена года населеніямъ многихъ странъ Европы.

«Природа щедро уравновѣсила это огромное потребленіе рыбы съ обильнымъ распложеніемъ. Треска ежегодно кладетъ болѣе девяти милліоновъ яицъ; осетръ болѣе семи милліоновъ; а макрели, сельди и другая мелкая рыба должна плодиться милліонами для сохраненія своего рода отъ истребленія ея многочисленными врагами. Поэтому, нечего опасаться недостатка рыбы въ океанѣ, но почти всѣ роды ея и въ особенности тѣ, которые являются во множествѣ въ извѣстныя времена года, имѣютъ обычай совершать иногда, повидимому, чисто случайные переходы изъ одной части моря въ другую. Это можно объяснить отчасти, но не совсѣмъ, разнообразіемъ температуры въ различныя времена года; впрочемъ, обычаи животныхъ, населяющихъ море, требуютъ гораздо болѣе изученія, нежели сколько было приложено до сихъ поръ, для того, чтобы дать возможность опредѣлить нѣкоторыя, относящіяся до нихъ черты въ естественной исторіи.

«Рыба преимущественно ловится вблизи береговъ или на отмеляхъ, но это еще не даетъ повода думать, чтобы она не могла нахо-

диться на значительный глубинѣ. Раковидныя, — крабы, гомары, морскіе раки, — также встрѣчаются исключительно вблизи твердой земли, или на большихъ массахъ водорослей, плавающихъ среди Атлантическаго океана. Раковидныя очень любопытныя животныя. Молодой крабъ родится съ несоразмѣрно большою головою и выходитъ изъ яйца своимъ длиннымъ, заостреннымъ хвостомъ; потомъ начинаетъ вертѣться снизу вверхъ, пока не вылупится совершенно и не измѣнитъ своихъ размѣровъ. Впрочемъ, даже по вылупленіи изъ яйца, это еще не настоящій, признаваемый крабъ: странная форма его вырабатывается цѣлымъ рядомъ измѣненій и преобразованій, въ родѣ какой-то пантомимы. Нѣкоторые крабы живутъ въ собственныхъ жилищахъ, которыя они мѣняютъ, по мѣрѣ того, какъ ростъ ихъ требуетъ болѣе обширнаго помѣщенія; другіе же не устроиваютъ для себя жилищъ, а живутъ въ какой попадется раковинѣ и, судя по постоянству, съ какимъ они держатся этого убѣжища, оно должно быть для нихъ достаточно удобнымъ.

«Гомары и морскіе раки мало разнятся въ своихъ обычаяхъ. И тѣ, и другіе мѣняютъ по временамъ свои раковины, когда онѣ становятся для нихъ тѣсны, а во время періодовъ своего преобразованія прячутся въ ямы, или въ илъ.

«Маленькія, вычурныя раковины, извѣстныя подъ именемъ «уткородокъ», которыя пристаютъ ко дну корабля, или тѣ, которыя называются баланами (balanus) и находятся на каждой скалѣ и на берегахъ моря въ другихъ раковинахъ, также принадлежатъ къ раковиднымъ. Существуютъ и другіе виды этого рода, также причисленныя къ разряду морскихъ животныхъ, и каждое изъ нихъ имѣетъ большое значеніе въ своей сферѣ.

«Что касается червей, то изъ нихъ немногіе могутъ считаться собственно морскими животными; въ числѣ ихъ есть самые любопытные, самые пестрые, а также есть и самыя непріятныя изо всѣхъ жителей моря. Таковы: морская мышь, серпула, высовывающая пушистую голову изъ каменнаго своего футляра; нѣкоторыя изъ нихъ составляютъ себѣ панцырь изъ частицъ песку, раковинъ, каменьевъ; другія могутъ протачивать камень и грызутъ все, что имъ ни попадется.

«Самый любопытный изъ открытыхъ до сихъ поръ червей, это безвѣстный жилецъ маленькой раковинки, недавно найденный на днѣ моря, мили на двѣ глубины. Неизмѣримая глубина моря полна живыхъ существъ, изъ которыхъ иныя проникаютъ, ища себѣ пищи, во всякое органическое вещество. Не мѣшало бы телеграфическимъ компаніямъ заблаговременно принять мѣры, чтобы уберечь

проволоки, положенныя на дно океана, отъ неутомимыхъ враговъ, живущихъ однимъ разрушеніемъ.

«Океанъ изобилуетъ мягкими животными, изъ которыхъ иныя имѣютъ раковины: онѣ составляютъ одинъ изъ важныхъ классовъ морскаго населенія. Глава этого рода моллюсковъ есть каракатица, которая во всѣхъ моряхъ имѣетъ представительницею какую нибудь достойную сестрицу. Каракатица нашихъ береговъ имѣетъ нѣсколько видовъ своего рода въ Атлантическомъ и въ Тихомъ океанѣ; а одинъ родъ ея, такъ называемый корабликъ, защищенный раковиною, находится только въ южныхъ моряхъ. Немногія изъ животныхъ, населяющихъ океанъ, надѣлены такими средствами къ нападенію и къ защитѣ, какъ эти моллюски. Онѣ бываютъ иногда очень велики, имѣютъ сильныя пасти и челюсти, длинныя лапы, съ особенными клещами, которыми они могутъ крѣпко за все цѣпляться; иныя изъ нихъ содержатъ въ себѣ запасъ темной жидкости, которую они выпускаютъ въ воду, что-бы затемнить ее, когда хотятъ скрыться отъ врага, или спрятаться отъ подстерегаемой добычи. Эти животныя принадлежатъ къ самымъ безобразнымъ и, въ то же время, къ наиболѣе организованнымъ и сильнымъ своего класса; они годны въ пищу, хотя употребляются только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Они принадлежатъ къ разряду морскихъ животныхъ, имѣвшему въ былое время гораздо большее значеніе въ моряхъ, нежели нынѣ. Ископаемыя раковины аммонитовъ, довольно хорошо извѣстныя собирателямъ коллекцій, представляютъ намъ остатки исчезнувшей породы, очень близкой къ корабликамъ. Надо полагать, что эта порода играла, въ былое время, важную роль въ океанѣ.

«Въ океанѣ, на различныхъ глубинахъ, обитаетъ безчисленное множество голыхъ, мягкихъ животныхъ, изъ рода моллюсковъ; онѣ разнообразны видомъ и величиною, блещутъ яркими красками и отличаются очень странными свойствами. Многія племена рыбъ питаются преимущественно этими моллюсками. Ничего нельзя себѣ вообразить красивѣе и нѣжнѣе нѣкоторыхъ изъ нихъ; число ихъ неограниченно, и они представляютъ рядъ животныхъ, переходящій отъ совершенно беззащитныхъ къ крѣпко огражденнымъ каменною твердынею, какъ напримѣръ устрицы. Раковины, служащія имъ защитою — самыя значительныя и разнообразныя произведенія природы. Взгляните на раковину морскаго паука, на конусъ, на гвинейскую монету и на тысячи другихъ; посмотрите, когда животное выходитъ изъ этого панцыря, или когда оно высовываетъ оттуда свои усики, осматриваясь вокругъ, или ища пищи. Обратите вниманіе на устрицу, разсматривая жемчужную раковину; послѣдуйте взоромъ за корабельнымъ червемъ или за камнеточцемъ, на проды-

равленной поверхности дерева, или камня; найдите раковину, содержащую въ себѣ императорскую, багряную краску и постарайтесь изучить по этимъ чудесамъ богатую сокровищницу моря. Будьте спокойны, эта сокровищница неистощима. Ея хватитъ на всю вашу жизнь, и она не перестанетъ лить свои богатства на землю, пока свѣтитъ луна.

«Въ послѣдніе годы, почти во всѣхъ моряхъ были находимы весьма замѣчательныя раковины, отличныя отъ обыкновенныхъ особенностями своего состава и устройствомъ щупальцевъ обитающаго въ нихъ животнаго. Одна изъ нихъ, сверлуша (terebratula), любопытна, подобно каракатицѣ, какъ въ своемъ нынѣшнемъ видѣ, такъ и въ отношеніи своего прошлаго. Дѣйствительно, слѣды видовъ этой раковины, также какъ и слѣды видовъ кораблика (nautilus), составляютъ какъ бы первоначальную лѣтопись міроздапія, и находятся преимущественно, между ископаемыми, на самыхъ древнихъ утесахъ. Новѣйшіе рода ихъ находятся и въ нашихъ моряхъ, обыкновенно на извѣстной глубинѣ.

«У всѣхъ береговъ довольно часто встрѣчаются группы очень мелкихъ животныхъ, считавшихся когда-то полипами, а нынѣ причисленныхъ къ моллюскамъ. Они живутъ на водоросляхъ и плаваютъ въ открытомъ морѣ, издавая иногда фосфорическій свѣтъ. Случается, что они скользятъ по поверхности водъ непрерывною, живою цѣпью; они чрезвычайно замѣчательны тѣмъ, что даютъ ключъ къ объясненію несходства поколѣній, ускользающаго отъ наблюденій. Одно изъ этихъ мелкихъ животныхъ, такъ называемая сальпа, носитъ явные признаки сходства съ животными одного съ нимъ рода, двумя поколѣніями ниже или выше, но никогда со своимъ ближайшимъ предкомъ или потомкомъ. Это странное, сбивчивое, но положительно доказанное явленіе свойственно многимъ животнымъ, преимущественно низшаго разряда.

«Морскія звѣзды, морскіе ежи и другія подобныя созданія должно считать чисто водяными животными. Они обязаны такимъ названіемъ своему лучеобразному виду или игламъ и усикамъ, и чрезвычайно замѣчательны и наружностью, и свойствами. Многія изъ нихъ прикрыты каменными пластами, сложенными вмѣстѣ и представляющими естественную защиту; встарину, эти каменныя животныя были очень обыкновенны и чрезвычайно разнообразны. Одна изъ ихъ породъ, такъ называемая лилейная звѣзда (lily-star), теперь почти совершенно вывелась.

«Есть родъ змѣевидной морской звѣзды, чрезвычайно распространенный и нерѣдко попадающійся въ нашихъ моряхъ; длинные лучи ея расходятся изъ компактнаго центра и обвиваются вокругъ

предметы, съ которыми приходятъ въ соприкосновеніе. Пусть читатель вообразитъ себѣ восторгъ и удивленіе доктора Уаллика, натуралиста на кораблѣ «Бульдогѣ», посланномъ недавно для измѣренія океана, отъ Гренландіи до Лабрадора, — пусть читатель вообразитъ себѣ восторгъ почтеннаго натуралиста, когда онъ увидѣлъ на концѣ веревки, вытащенной изъ глубины полуторы тысячъ саженъ, приставшую, какъ безобразный скелетъ, офіокому или хрупкую звѣзду (brittre-star) изъ этого класса, которая была еще жива, пройдя сквозь огромную массу лежавшей надъ нею воды, и крѣпко держалась за веревку своими лапами, которыя она, при малѣйшемъ испугѣ, можетъ разводить съ необыкновенною легкостью.

«Вмѣстѣ съ этимъ было поднято со дна на илѣ много другихъ животныхъ того же разряда: они были не микроскопическихъ размѣровъ, и каждое имѣло лапы отъ двухъ до трехъ вершковъ длиною.

«Все это доказываетъ, что глубина моря непустынна и что мнимая невозможность, чтобы животныя могли существовать безъ свѣта и воздуха, на такой огромной глубинѣ, гдѣ на каждый вершокъ плоскости приходится болѣе двухъ тоннъ тяготѣнія одной воды, есть одно изъ тѣхъ предположеній, которыя мы всегда слишкомъ спѣшимъ дѣлать, и новое доказательство, что въ законахъ природы могутъ существовать вещи, совершенно противорѣчащія нашему опыту и рѣзко противуположныя всѣмъ аналогіямъ, которыя мы для нихъ придумываемъ. Многія изъ этихъ маленькихъ морскихъ звѣздъ, перенесенныя въ домъ, теряютъ всѣ свои особенности, и такъ мало отличаются отъ обыкновенныхъ родовъ, что неопытный наблюдатель пройдетъ мимо ихъ, нимало не подозрѣвая, что онѣ родились и жили среди обстоятельствъ, до такой степени непостижимыхъ для насъ.

«Особенное вниманіе обращено теперь на одинъ родъ морскихъ животныхъ, которыхъ можно найти нынѣ во многихъ салонахъ. Нѣкоторыя породы этого класса (напримѣръ, Acalephae, или морская крапива) живутъ въ открытомъ океанѣ, и будучи слишкомъ велики, не встрѣчаются въ нашихъ виваріумахъ; но за то другія (настоящіе полипы) составляютъ главное украшеніе этихъ любопытныхъ снарядовъ. Медуза или слизень (jelly-peih) имѣетъ отъ двухъ до трехъ футовъ въ окружности, и даже болѣе; вынутая изъ воды, она походитъ на огромную массу почти прозрачной слизи, которая, оставаясь нѣкоторое время въ такомъ положеніи, быстро испаряется и на мѣстѣ ея остается только нѣсколько зеренъ твердаго вещества.

«Другія, этого рода, бываютъ гораздо меньше и чрезвычай-

но красивы; а иныя жгутся, какъ крапива. Многія изъ нихъ имѣютъ свойство издавать тотъ удивительно красивый фосфорическій блескъ, который тянется иногда по морю на длинномъ протяженіи. Эти существа служатъ пищею китамъ и свѣточами океану; они начинаютъ свое существованіе, скопленныя въ изящныя, маленькія группы, самыхъ прихотливыхъ формъ, принимавшіяся прежде за полипы.

«Морскіе анемоны и полипы обыкновенно состоятъ изъ цилиндрическаго углубленія, открытаго сверху въ видѣ широкаго рта, окруженнаго множествомъ щупальцевъ, которые животное протягиваетъ, ища себѣ пищи. Нѣкоторыя изъ нихъ отдѣляютъ не слишкомъ твердое, каменистое вещество, а другія группируются въ особенныя формы, болѣе или менѣе извѣстныя во всѣхъ моряхъ, подъ именемъ кораллов. Эти животныя разнообразны до безконечности, и скопляющаяся изъ нихъ масса твердаго вещества неизмѣримо разростается. Эта масса известковаго вещества, содержащагося въ животныхъ, безпрестанно размываемая водою, которая тотчасъ же снова поглощаетъ частицы ея съ каждаго куска известняка, на который она осѣдаетъ, постоянно наростаетъ и, не подлежа большимъ измѣненіямъ, остается отъ каждаго поколѣнія и накопляется въ значительный слой на земной поверхности.

«Но теперь извѣстно, что животныя, сооружающія огромныя массы кораллов, изъ которыхъ возникли цѣлые острова въ Тихомъ океанѣ, могутъ вести свои работы только на умѣренной глубинѣ; изъ этого должно бы заключать, что известнякъ составляетъ только верхній слой этихъ работъ, если бы эти верхніе слои не находились въ иныхъ случаяхъ почему-то постоянно ниже уровня моря, тогда какъ нѣкоторыя другія части материка и морскаго дна, какъ извѣстно, постоянно наростаютъ и поднимаются.

«Низменныя части дна, гдѣ разводятся кораллы, постепенно возвышаются, и это составляетъ огромную, перпендикулярную стѣну, на глубинѣ сотенъ сажень.

«Красивый красный кораллъ Средиземнаго моря, вытаскиваемый ежегодно изъ глубины не слишкомъ значительной, не принадлежитъ къ этому сорту. Подобно другимъ вѣтвистымъ родамъ, онъ не составляетъ компактныхъ массъ.

«Остается поговорить еще объ одномъ значительномъ классѣ животныхъ, которыя могутъ, по справедливости, занять мѣсто въ ряду прочихъ чудесъ моря, — о микроскопическихъ строителяхъ, скрытыхъ въ раковины. Эти животныя нечто иное, какъ кусочки

студенистаго вещества, которое можетъ вытягиваться во всѣ направленія, а также составлять изъ себя чрезвычайно красивыя и сложныя оболочки раковинъ; но отдѣльное существо этого рода до такой степени мелко, что форму его можно разсмотрѣть только въ сильный микроскопъ. Для одной раковины ихъ потребно множество, потому что отдѣльная личность можетъ считаться безконечно малою. Кто повѣритъ, что эти животныя покрываютъ океанъ на нѣсколько тысячъ миль пространства, скопляясь на днѣ его и на поверхности гуще, нежели до сихъ поръ предполагали, и что остовы ихъ составляютъ девять десятыхъ ила, образующаго дно океана на этой глубинѣ? Въ желудкахъ морскихъ звѣздъ, вытаскиваемыхъ живыми изъ океана, съ глубины около двухъ миль, была находима не вполнѣ переваренная пища, состоявшая изъ этихъ микроскопическихъ слизней, и хотя нѣтъ никакой возможности достать ихъ самихъ живыми съ такой глубины, но существованіе ихъ тамъ не подлежитъ болѣе ни малѣйшему сомнѣнію. Точно также ясно, что они всегда существовали въ этихъ холодныхъ, безмолвныхъ безднахъ, такъ какъ все дно Атлантическаго океана густо покрыто мягкимъ иломъ, который весь состоитъ изъ ихъ остововъ, съ примѣсью развѣ нѣсколькихъ наносныхъ каменьевъ, съ изрѣдка попадающимися отростками губки, или твердыми сучьями простой растительности.

«Необходимо сказать еще нѣсколько словъ объ этихъ губкахъ и о растительномъ царствѣ моря. Губки попадаются очень часто; онѣ состоятъ изъ любопытно сотканной сѣти, покрытой легкимъ, слизистымъ веществомъ. Мѣстами на нихъ есть дыры, куда протекаетъ вода и приноситъ туда ихъ пищу.

«Ничего нѣтъ любопытнѣе, какъ наблюдать надъ этими низшими видами жизни въ водѣ, гдѣ эти животныя привлекаютъ вниманіе, какъ своими яркими красками, такъ и безобразіемъ представляемыхъ ими формъ. Нынче не трудно найти случай для такихъ наблюденій, такъ-какъ это животное можетъ быть содержимо въ комнатѣ, въ виваріумѣ.

«Не такъ легко наблюдать надъ растительнымъ царствомъ моря. Отъ красныхъ пятенъ на дѣвственныхъ снѣгахъ арктическихъ морей до громадныхъ, змѣевидныхъ водорослей, въ восемьсотъ футовъ длиною, плавающихъ въ открытомъ океанѣ,—тутъ есть безконечное разнообразіе всевозможныхъ растеній, привлекающихъ удивленіе и вниманіе множествомъ замѣчательныхъ свойствъ; но чтобы вполнѣ понять и объяснить ихъ, необходимы знаніе и опытность глубоко-ученаго натуралиста. Многіе изъ самыхъ значительныхъ

водорослей постоянно плаваютъ на поверхности воды и растутъ такимъ образомъ; но только на извѣстныхъ широтахъ, почти точно также исключительно, какъ и морскія животныя. По временамъ, нѣкоторыя изъ нихъ отрываются отъ утесовъ, къ которымъ они обыкновенно прикрѣплены, и плывутъ къ новымъ, далекимъ берегамъ. Вмѣстѣ съ ними, плывутъ цѣлыя колоніи рыбъ, раковидныхъ, моллюсковъ, червей и другихъ животныхъ, которыя переносятся такимъ образомъ, совершенно неожиданно для себя, отъ одной точки земнаго шара къ другой. Эти плавучія массы бываютъ такъ велики, что небольшимъ кораблямъ, ходившимъ въ началѣ по Атлантическому океану въ Америку, не рѣдко случалось серьёзно бороться съ ними, и даже въ настоящее время случается, что они останавливаютъ колеса и винты парохода.

«Въ другихъ мѣстахъ морская растительность преимущественно встрѣчается вблизи береговъ и бываетъ столь же замѣчательна разнообразіемъ и красотою, какъ и флора прилежащей страны.

«Эти крупные виды растительности, надѣленные высшею организаціею, раскидываются на большое пространство и легко распознаются; но кромѣ ихъ, на водѣ нерѣдко усматриваются широкія, перепончатыя формы, въ видѣ темныхъ пятенъ, которыя, при ближайшемъ изслѣдованіи, оказываются состоящими изъ неимовѣрно мелкихъ группъ, или клѣточекъ, которыя разростаются съ невѣроятною быстротою; въ каждую клѣточку едва зароняется микроскопическая частица каменистаго вещества и все это вмѣстѣ образуетъ пласты, покрытые оболочкою, разрисованною самыми блестящими узорами. Клѣточки, будучи не болѣе какъ простою растительностью, пропадаютъ также быстро, какъ и образуются, тогда какъ содержащіяся въ нихъ частицы камня остаются и въ свое время опадаютъ на дно. Этотъ родъ растенія до такой степени распространенъ, что на югѣ Тихаго океана, одна масса его простирается на пятьсотъ миль въ длину и на сто двадцать въ ширину: толщина сообразна съ этимъ и быстро увеличивается. Въ другихъ мѣстахъ, подобныя же быстрыя скопленія производятся такими же, повидимому, ничтожными средствами».

Въ прошедшемъ нумерѣ «Современника» мы обѣщали представить еще нѣсколько фактовъ о китайскомъ чиновничествѣ изъ статьи «Корнгилльскаго магазина». Вотъ эти факты:

«Мандаринъ», говоритъ древнее правило китайской юриспруден-

ціи: «есть отецъ и мать народа». Такова теорія, на основаніи которой отеческое правительство берется устроить благосостояніе многочисленнаго семейства изъ 360 мильоновъ людей, которыхъ столица такъ недавно была занята европейскими войсками. Въ этой теоріи воплощена прекрасная идея заботливаго вниманія и отеческой любви — какъ въ большей части теорій. Но — увы! къ Китаю, преимущественно предъ всѣми другими государствами, можно приложить слова латинскаго поэта: «онъ видитъ лучшій путь и не только видитъ, но и одобряетъ его своимъ холоднымъ умомъ, сіяющимъ подобно холодной лунѣ—и затѣмъ выбираетъ худшій». Мандаринъ въ теченіе многихъ долгихъ и томительныхъ лѣтъ былъ несправедливою мачихой, жадною какъ Гарпагонъ, двуличною какъ Янусъ. Однако мы не можемъ не согласиться, что организація того, что мы видимъ теперь въ состояніи гнилости и упадка, была нѣкогда превосходна въ своемъ родѣ. Машина заржавѣла и пришла въ негодность; продажность и насиліе почти уничтожили ее; взятіе Пекина, можетъ быть, было для нея спасеніемъ; но изобрѣтатели ея имѣли добрыя и честныя намѣренія и были изъ числа умныхъ людей своего времени.

«Государь Серединной Земли считается источникомъ правосудія; и цѣлью древнихъ законодателей, начертавшихъ китайскую конституцію, было — сдѣлать императора не только номинально, но и дѣйствительно первымъ судьею въ его государствѣ. Нѣкоторые изъ китайскихъ государственныхъ людей, въ особенности въ царствованіе національныхъ династій гавской, сонгской и мингской, когда умъ и слово пользовались бо̀льшею свободой, но своимъ способностямъ не уступали Сюлли и Кольберу, и не безъ успѣха трудились надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать императора вершиною умственной пирамиды, главою трудолюбивыхъ пчелъ — вмѣсто того, чтобы онъ былъ коронованнымъ трутнемъ, столь обыкновеннымъ въ восточныхъ странахъ. Поэтому даже и теперь должность китайскаго императора вовсе не синекура: ему приходится не только подписывать бумаги, но и читать меморіи, предсѣдательствовать въ разныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, заниматься огромною корреспонденціей, потому что безъ личнаго надзора монарха весь государственный механизмъ долженъ остановиться. Кромѣ министерствъ войны и финансовъ, управленія публичныхъ работъ, трибунала церемоніальныхъ дѣлъ и надзора за гражданскими чиновниками, императоръ обязанъ обращать особенное вниманіе на дѣла управленій цензурнаго и полицейскаго, судовъ апелляціоннаго и уголовнаго, которые всѣ находятся въ Пекинѣ, подъ верховнымъ надзоромъ самаго государя. Сверхъ того,

несмотря на огромное пространство и населеніе Китая и на обширность власти намѣстниковъ и губернаторовъ, мечъ правосудія можетъ быть законнымъ образомъ обнаженъ только рукою верховнаго правителя, и каждый смертный приговоръ долженъ получить подпись, сдѣланную краснымъ карандашомъ прежде, чѣмъ палачъ вправѣ выполнить сентенцію судьи.

«Съ перваго взгляда, казалось бы, ничто не можетъ быть лучше этой судебной системы Китая въ уголовныхъ дѣлахъ, или разумнѣе этихъ преградъ, поставленныхъ въ предупрежденіе ошибокъ и злонамѣренности. Арестантъ, подозрѣваемый въ какомъ нибудь важномъ преступленіи, какъ, напримѣръ, въ убійствѣ или въ измѣнѣ, прежде всего отводится къ *сіанio* или къ деревенскому старостѣ — должностному лицу безъ жалованья, избираемому своею общиною. Деревенскій староста отправляетъ обвиненнаго, — если по обстоятельствамъ дѣла признаетъ это нужнымъ, — къ суду низшаго чиновника изъ ученаго класса, который не имѣетъ права наказывать, но можетъ оправдать по благоусмотрѣнію, и который, въ сущности, отправляетъ обязанность суда присяжныхъ въ рѣшеніи относительно судебныхъ уликъ. Если этотъ Миносъ съ хрустальными пуговицами найдетъ обвиненіе справедливымъ, то арестанта ведутъ къ *нганъ-ча-це*, или окружному инспектору уголовныхъ дѣлъ. Этотъ чиновникъ дѣйствуетъ въ качествѣ президента трибунала, съ помощью судей, и обвиненіе производится родственниками пострадавшаго лица, а иногда публичнымъ адвокатомъ, который назначается на случай, когда жалующіеся окажутся, по болѣзни или по другимъ причинамъ, неспособными къ надлежащему веденію иска. Этотъ публичный адвокатъ не есть постоянный чиновникъ, но импровизированный прокуроръ, избираемый изъ среды многочисленныхъ мандариновъ низшаго разряда, принадлежащихъ къ трибуналу и составляющихъ нѣчто въ родѣ адвокатскаго сословія. Такимъ же образомъ если обвиненный есть лицо неспособное къ защищенію себя, судъ можетъ назначить ему адвоката, выбираемаго также изъ числа наличныхъ юристовъ, и оба ходатая получаютъ жалованье изъ провинціальнаго казначейства. Если обвиненный признанъ виновнымъ, то онъ можетъ апеллировать къ намѣстнику и въ этомъ случаѣ въ новомъ судѣ, назначенномъ для пересмотра дѣла, предсѣдательствуетъ самъ великій сатрапъ — уголовный инспекторъ; судьи засѣдаютъ вмѣстѣ съ нимъ, и здѣсь требуется для приговора единогласіе, какъ въ англійскомъ судѣ присяжныхъ. Даже по утвержденіи обвинительнаго приговора у обвиненнаго остаются еще средства къ оправданію. Ему дозволяется подать просьбу въ большой апелляціонный судъ, иначе

называемый верховнымъ судомъ, въ Пекинѣ. На счетъ провинціи, гдѣ онъ имѣетъ жительство, онъ можетъ быть доставленъ въ столицу, судимъ въ пятый разъ, и, будучи осужденъ опять, все-таки имѣетъ еще одно, послѣднее, средство—апелляцію къ самому императору. Государь, съ помощью совѣта цензоровъ, называемаго Тучейенъ, долженъ разсмотрѣть дѣло, и если онъ утвердитъ приговоръ, то на немъ являются роковыя красныя буквы и китайская Ѳемида требуетъ къ себѣ свою, шесть разъ осужденную, жертву.

«Подобная система, столь сложная, медленная и осторожная, обнаруживаетъ крайнее отвращеніе къ пролитію крови во имя закона; и по теоріи въ самомъ дѣлѣ таково законодательство Китая, основанное на необыкновенномъ уваженіи къ святости человѣческой жизни. Но на практикѣ этотъ планъ, при всей его мудрости и благонамѣренности, скоро потерпѣлъ большія измѣненія. Онъ былъ разсчитанъ на то, чтобы спасти жизнь невинныхъ, строго разсматривать истину судебныхъ доказательствъ и сохранить бѣлую мантію правосудія незапятнанною ни одною каплей невинной крови. Эта цѣль, вѣроятно, была во многихъ случаяхъ достигнута, пока система выполнялась добросовѣстно. Но, какъ легко себѣ вообразить, выгодою такого множества отсрочекъ и лазеекъ пользовались не одни тѣ лица, которыя были жертвою ошибки или злобы. Злодѣи и негодяи, которыхъ преступленіе не было подтверждено совершенно ясными уликами, но тѣмъ не менѣе было извѣстно всѣмъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ лицамъ, переходили отъ суда къ суду, надѣясь уйти изъ тюрьмы, подкупить своихъ стражей, получить свободу по какой нибудь прихоти властей, или прощеніе по случаю вступленія на престолъ новаго императора, или по поводу какого либо другаго необыкновеннаго событія. Во всякомъ случаѣ жизнь — вещь пріятная, и добиваться отсрочки стоитъ труда, хотя бы изъ нея ничего не вышло; и отчаянный злодѣй, можетъ быть, часто подсмѣивался про себя при мысли о хлопотахъ, которыя онъ причинялъ своимъ постоянно мѣняющимся судьямъ, тюремщикамъ, сторожамъ и адвокатамъ.

«Для воспрепятствованія этому судебная практика придумала усилить наказанія для тѣхъ преступниковъ, которые объявляютъ неудовольствіе при каждомъ рѣшеніи и нѣсколько разъ будутъ признаны виновными. Преступникъ могъ выбирать одно изъ двухъ: или простое обезглавленіе въ своей родной провинціи, или смерть, исполненную продолжительныхъ мученій, въ Пекинѣ. Но тѣ, которые выдумали это легальное средство устрашенія, мало были знакомы съ человѣческою природой, съ тѣми сумасбродными надеж-

дами, которыя арестанты преимущественно предъ всѣми другими людьми способны питать, думая о своемъ положеніи, а также съ упрямствомъ своихъ соотечественниковъ. Оказалось, что ни крестъ, ни пила, ни ножъ, срывающій съ костей тѣло лоскутьями, ни топоръ, отрубающій одинъ членъ за другимъ, ни раскаленные щипцы, словомъ—никакія мученія, которыя огонь и желѣзо, въ соединеніи съ дьявольскою жестокостью, могутъ причинить слабому и дрожащему отъ ужаса тѣлу, — были не въ состояніи удержать негодяя отъ новыхъ попытокъ получить жизнь и свободу. Тогда старинный основной законъ началъ ослабѣвать. Было постановлено, что право окончательной апелляціи зависитъ отъ надписи цензора на просьбѣ, отъ постановленія верховнаго суда о пересмотрѣ дѣла, отъ рѣшенія императора на основаніи письменнаго доклада о доказательствахъ и проч. Цѣль всѣхъ этихъ крючковъ, очевидно, клонилась къ отмѣнѣ гуманнаго правила древнихъ юристовъ: что лучше открыть дверь милосердія для тысячъ виновныхъ, нежели пролить кровь одного невиннаго. Судебная практика въ этомъ отношеніи была непостоянна. Въ ней были свои приливы милости и строгости. Добрый, дѣятельный, заботливый императоръ, какихъ было, по крайней мѣрѣ, два въ татарской династіи, обыкновенно выказывалъ примѣрное терпѣніе въ выслушиваніи всѣхъ важныхъ дѣлъ, излагаемыхъ въ его присутствіи. Лѣнивый или равнодушный государь предоставлялъ все на произволъ мандариновъ. Но китайскіе судебные чиновники не остановились на увѣреніи, что апелляціонная просьба обвиненнаго для своей дѣйствительности должна быть подкрѣплена важнымъ сановникомъ правительства; они нашли, что смертные приговоры на бланкѣ, подписанномъ краснымъ карандашомъ, совершенно годны и совершенно согласны съ государственными постановленіями. Мандаринъ въ состояніи завалить свою контору красными автографами, предающими въ его руки жизнь и состояніе всѣхъ людей, находящихся въ подвѣдомомъ ему округѣ.

«Эти искусные комментаторы государственнаго устройства Цвѣтущей Земли сдѣлали еще другое открытіе. Мандаринъ - судья не имѣетъ власти подымать мечъ, — это не подлежитъ сомнѣнію; но онъ можетъ употреблять хлыстъ и палку; а когда этотъ хлыстъ есть длинная, подобная кнуту, плеть изъ сыромятной кожи, а палка — сухая бамбуковая трость, то самъ Неронъ едва ли пожелалъ бы имѣть болѣе дѣйствительныхъ исполнителей закона.

«Сверхъ того, судья имѣетъ власть заключать въ «кангу» на столько времени, на сколько заблагоразсудитъ; а такъ какъ никакіе нервы не въ состояніи вынести постоянной безсонницы, то смерть мо-

жетъ быть причинена этимъ страннымъ способомъ, не безпокоя чувствительной совѣсти Брата солнца и луны. Такимъ образомъ ограниченіе власти мандарина приноситъ узнику больше вреда, нежели признаніе меча законнымъ орудіемъ въ рукахъ его мучителя.

«Въ такомъ обширномъ и богатомъ государствѣ, среди кишащихъ роевъ этого хитраго и корыстолюбиваго народа, преступленія должны быть обыкновенны. Нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній на этотъ счетъ, а если они и существуютъ, то не доходятъ до иностранцевъ. Пекинская и провинціальныя газеты не могутъ служить барометромъ текущихъ событій. Въ нихъ говорится только то, что правительство желаетъ сдѣлать извѣстнымъ. Но изъ другихъ источниковъ много свѣдѣній доходитъ до европейскихъ жителей на морскомъ берегу, которымъ почти нечего болѣе дѣлать, какъ прислушиваться къ отдаленному реву и ропоту, происходящему въ обширной замкнутой имперіи, подобно дѣтямъ, внимающимъ таинственному шуму морской раковины. Отбросивъ преувеличенія и прикрасы, свойственныя восточной манерѣ разсказывать, мы можемъ составить себѣ довольно вѣрное понятіе о состояніи преступнаго населенія въ имперіи. Другимъ источникомъ свѣдѣній служатъ низшіе полицейскіе судьи Кантона, Шанхая и другихъ портовъ, гдѣ европейцы ведутъ торговлю: сумма случаевъ неважнаго воровства значительна, хотя едва ли можетъ сравниться съ тою, до которой простиралась бы она въ столь же населенной мѣстности на берегу Средиземнаго моря; а примѣры насилія замѣчательно рѣдки. Въ Китаѣ, повидимому, общее правило то, что въ городахъ находится надлежащее количество смирныхъ мошенниковъ; но смѣлыхъ буйныхъ придорожныхъ разбойниковъ и свирѣпыхъ пиратовъ должно искать въ другомъ мѣстѣ. На Голубой и Желтой рѣкахъ есть мелкіе пираты, которые нападаютъ на незначительную добычу и живутъ небольшою прибылью. Эти бѣдные разбойники и не мечтаютъ о собственномъ кораблѣ. Они выкарабкиваются съ своими длинными веслами изъ грязныхъ бухтъ, въ самыхъ маленькихъ лодкахъ, плохо вооруженные, дурно одѣтые, но обильно вымазанные рыбьимъ жиромъ. При мужественномъ сопротивленіи, они уходятъ; будучи схвачены экипажемъ небольшихъ джонокъ, которыя они избираютъ своею добычей, они выскользаютъ подобно угрямъ изъ рукъ своихъ побѣдителей, и умѣньемъ плавать вознаграждаютъ свой недостатокъ храбрости. Подобныя нападенія рѣдко оканчиваются слишкомъ серьёзными результатами; если пираты остаются побѣдителями, то они снисходительно обходятся съ побѣжденными, и какъ можно скорѣе спѣшатъ возвратиться на бе-

регъ съ своею добычею, состоящею изъ риса и хлѣба, изъ попавшагося подъ руку платья, какихъ нибудь кусковъ красной или желтой мѣди, захваченныхъ наскоро на кормѣ или на каютѣ, иногда — и это уже блистательный трофей — изъ кое-какой мелкой монеты. Доллары и серебряные слитки обыкновенно бываютъ спрятаны слишкомъ хорошо, такъ что не могутъ быть открыты этими торопливыми досмотрщиками. Цѣлью набѣга здѣсь бываетъ скорѣе пропитаніе, чѣмъ обогащеніе; и исключая рѣдкіе случаи особеннаго искушенія, эти разбойники никого не мучатъ и не лишаютъ жизни. Съ этими земноводными мелкими хищниками судья обходится снисходительно: по понятіямъ китайской юстиціи, триста ударовъ бамбуковою тростью тѣло человѣка въ состояніи вынести. Четыре безсонныя недѣли въ «кангѣ» или въ страшныхъ колодкахъ на шеѣ, рукахъ и ногахъ, можетъ быть, еще не сведутъ съ ума угрюмаго и невпечатлительнаго «кули». Къ этимъ двумъ наказаніямъ остается прибавить нѣсколько меньшихъ мукъ — и затѣмъ, по понятіямъ китайцевъ, съ виновнымъ будетъ поступлено въ высшей степени нѣжно. Къ мелкимъ ворамъ городскихъ рынковъ и улицъ оказывается еще больше снисходительности. Въ этихъ неважныхъ случаяхъ законъ ограничивается присужденіемъ хорошаго наказанія палками и заключенія въ колодки на недѣлю. Такъ китайская юстиція относится къ мелкимъ проступкамъ; но на поджигательство она смотритъ гораздо суровѣе, а злонамѣренную порчу плотины сосѣда наказываетъ съ чрезвычайною строгостью. Убійство, измѣна, пиратство въ большихъ размѣрахъ, и вооруженный разбой — наказываются смертью, болѣе или менѣе медленною и жестокою; а за отцеубійство опредѣляются самыя строгія наказанія, какъ это было нѣкогда въ римскомъ законодательствѣ. На подлогъ тамъ смотрятъ не съ такою строгостью, какъ у насъ; восточные народы вообще снисходительны къ преступленіямъ, требующимъ для своего выполненія единственно хитрости и искусства, — къ тѣмъ, такъ сказать, эстетическимъ проступкамъ, которые не сопровождаются пролитіемъ крови, взломомъ сундука съ деньгами, или поджигательствомъ. Поэтому искусный фабрикантъ фальшивой монеты, талантливый подражатель коммерческихъ подписей—могутъ быть увѣрены, что найдутъ судей, умѣющихъ цѣнить ихъ дарованія. И въ китайскомъ законодательствѣ существуетъ правило, назначающее легкія наказанія для преступниковъ знатныхъ и ученыхъ, и суровыя — для бѣдныхъ и необразованныхъ.

«Китай питаетъ особенно нѣжныя чувства къ богачу, и преимущественно къ такому, который любитъ свою библіотеку и имѣетъ

сонеты въ настоящемъ классическомъ стилѣ ганской династіи. Близорукая Астрея монгольской философіи можетъ простирать свою снисходительность до потворства грѣхамъ могущественныхъ преступниковъ; ихъ наказываютъ немногими ударами, и то, что въ людяхъ незначительныхъ считаютъ гнуснымъ и ужаснымъ, въ нихъ относятъ къ проказамъ, которыя можно загладить деньгами. Но есть другіе преступники, на которыхъ не простирается эта оффиціальная симпатія,—именно разбойники, объявленные внѣ покровительства закона и заговорщики. Первые составляютъ въ Китаѣ ужасное братство. Во внутреннихъ провинціяхъ, гдѣ чистый придворный языкъ принимается за образецъ, ихъ называютъ куана-кунинъ, или отчаянными. Но на границахъ имперіи, въ Манджуріи и на краю Монгольской Татаріи, для обозначенія ихъ, употребляются турецкія слова: *оролисъ* и *гайдукъ*. Всѣ эти слова, китайскія или турецкія, обозначаютъ смѣлаго и отъявленнаго разбойника, открытаго врага законовъ, существо самое ненавистное для бюрократическихъ педантовъ, подобныхъ чопорнымъ мандаринамъ. Куанъ-куны не совсѣмъ лишены популярности въ Срединной Землѣ: имъ удивляются женщины, ихъ восхваляютъ мужчины, ихъ воспѣваютъ крестьяне въ своихъ грубыхъ балладахъ, и когда они присоединяются къ толпѣ на какомъ нибудь деревенскомъ праздникѣ, то на нихъ смотрятъ такъ, какъ смотрятъ поселяне Корсики и Сардиніи на горныхъ бандитовъ. Между китайскими разбойниками бывали свои Робинъ-Гуды, и эти смѣлые мародеры нерѣдко выказываютъ щедрость посредствомъ своихъ зло-пріобрѣтенныхъ денегъ, и раздаютъ бѣднымъ то, что они отняли у богатыхъ. Эти великодушные грабители, куанъ-куны, не полагаются исключительно на популярность, которую они могутъ пріобрѣсти между бѣдными классами посредствомъ своихъ подвиговъ и случайныхъ подарковъ. У нихъ есть сообщники въ городахъ; ихъ шпіоны ходятъ по рынкамъ и подворьямъ; они имѣютъ союзниковъ въ непріятельскомъ лагерѣ, и хорошо платятъ за сообщеніе нужныхъ свѣдѣній. То какой нибудь полицейскій чиновникъ заблаговременно увѣдомляетъ шайку объ экспедиціи, которая готовится противъ нея; то какой нибудь кассиръ письменно даетъ ей знать, что столько-то тюковъ или такая-то сумма денегъ, принадлежащая его хозяевамъ, будетъ проходить по такой-то дорогѣ или по такому-то каналу, въ такой-то день.

«Куанъ-куны столько же смѣлы, какъ хитры. Часто случается, что въ свое время они были людьми честными и благонамѣренными, которыхъ потомъ довело до разбоя какое нибудь преслѣдованіе со стороны властей. Многіе изъ нихъ могутъ показать

на своемъ тѣлѣ рубцы — слѣдствіе мученій, которымъ они были подвергнуты по несправедливому приговору какого нибудь сумасброднаго мандарина; у другихъ сынъ умеръ въ кангѣ или подъ плетью за какую нибудь ничтожную или воображаемую вину; нѣкоторые были членами тайнаго общества, китайскими карбонаріями, и, будучи открыты, превратились въ хищныхъ злодѣевъ. Не всякій можетъ принадлежать къ этимъ шайкамъ: они испытываютъ своихъ неофитовъ строгимъ посвятительнымъ искусомъ — голодомъ, мученьями и усталостью. Клятва повиновенія и вѣрности подкрѣпляется неизбѣжностью ужаснаго мщенія измѣннику, и китайцы признаются, что вѣрность этихъ разбойниковъ относительно другъ друга блистательнымъ образомъ выказывается даже при самыхъ жестокихъ мученіяхъ.

«Для охраненія спокойствія служатъ полицейскіе, принадлежащіе къ судилищамъ, и замѣтные по своимъ красьімъ халатамъ, высокимъ чернымъ шапкамъ и оффиціальнымъ фазаньимъ перьямъ, возвышающимся надъ ихъ головами подобно рогу. Изъ нихъ нѣкоторые исправляютъ должность тюремщиковъ, другіе палачей, въ случаѣ нужды.

«Деревенскія тюрьмы суть не что иное, какъ караулки, гдѣ арестантовъ можно запереть, пока приготовляется конвой для нихъ; но всякій городъ имѣетъ свой смирительный домъ, гдѣ несчастные узники набиты, какъ скотина въ хлѣвѣ, гдѣ суровый смотритель выгадываетъ экономію изъ скудныхъ порцій риса, и гдѣ всѣ ужасы Дантова ада сжаты въ малый объемъ. Китайцы всѣхъ званій боятся этихъ тюремъ больше смерти,—не потому, что это страшные вертепы бѣдствія, а потому, что заключеніе тягостно для бѣднаго китайца, который привыкъ къ путешествію, который по своей натурѣ вовсе непохожъ на прозябаемое, какимъ мы считаемъ его, и который бывалъ во многихъ городахъ и искрестилъ много миль по водѣ и по сушѣ. Китаецъ одаренъ изумительною способностью терпѣнія; онъ можетъ весело пѣть и свистать при скудномъ столѣ, спать въ тѣсномъ углу, и будучи запертъ въ какую нибудь клѣтку, гдѣ мало простора пищи и воздуха, онъ все-таки въ состояніи сохранить свою безукоризненную вѣжливость и веселость. Рѣдко онъ умираетъ не повидавши свѣта: въ жизни своей онъ обыкновенно побываетъ тамъ и сямъ, онъ отправляется въ чудный Фучанъ, или въ Нанкинъ, или въ Кіутчу — городъ вымощенный золотомъ и украшенный шелковыми тканями, и тамъ онъ проводитъ жизнь, исполненную трудовъ и лишеній, плановъ, успѣховъ, пировъ, неудачъ, пока наконецъ не

сдѣлается степеннымъ гражданиномъ, или не сгніетъ гдѣ нибудь въ каналѣ.

«Разнощиковъ, шарлатановъ, странствующихъ авантюристовъ — въ Китаѣ больше, чѣмъ гдѣ нибудь. Личности подобныя Сэму Слику и Жиль Блазу—почти учрежденія въ Цвѣтистой Землѣ, и колесо фортуны весело вертится у этихъ сладкоязычныхъ и бодрыхъ милліоновъ. Но голодъ и тѣсное жилище по принужденію, жалкая кровля, тѣснота, отвратительныя лохмотья, гнилая солома, близкое сосѣдство прокаженныхъ и разбойниковъ, и все это тоже не принужденію — сокрушаютъ эластическій духъ китайца. И онъ желаетъ смерти, желаетъ этого mauvais quart d'heure на деревянномъ крестѣ со всѣмъ ужаснымъ аккомпаниментомъ бойни. И мандарины готовы потворствовать предпочтенію, которое арестантъ оказываетъ смерти предъ тюрьмою. Продолжительные сроки заключенія не по карману странѣ, которая должна давать пропитаніе такому множеству людей, и гдѣ такъ мало празднаго народа. Если арестантъ не воспользовался правомъ апелляціи, то онъ рѣдко томится долго. Но прежде, чѣмъ снять голову съ куанъ-куина, необходимо поймать его. Мандарины нелѣнивы на этотъ счетъ; они знаютъ, какъ необходимо въ такой населенной странѣ поддерживать силу закона и уничтожать тѣхъ, которые его нарушаютъ. Кромѣ того, здѣсь примѣшивается и собственный ихъ интересъ; потому что отъявленные разбойники питаютъ особенную злобу противъ ученой аристократіи, и никогда не упускаютъ случая разграбить собственность чиновника, или перехватить сборщика податей, или задержать мандарина у себя въ плѣну, для полученія за него выкупа. Они не часто могутъ наносить удары своимъ осторожнымъ непріятелямъ; но тотъ, кто тревожитъ одного чиновника — безпокоитъ вмѣстѣ съ тѣмъ все сословіе, и долженъ ожидать, что противъ него будутъ устремлены жала цѣлаго роя встревоженныхъ педантовъ.

«Полицейскіе съ фазаньими перьями вполнѣ годны на то, чтобы смотрѣть за чернью и ловить мелкихъ воришекъ; но они не болѣе, какъ питающіяся мышами совы, совершенно неспособныя нападать на благородную добычу, подобную куанъ-куинамъ. Для этой цѣли или должна быть нанята шайка разбойниковъ на счетъ суммъ провинціи, или употреблены регулярныя войска правительства. Первый способъ стоитъ слишкомъ дорого, а второй дешевъ, но сопряженъ съ перепискою и формальностями, достойными самыхъ цивилизованныхъ націй: сообщается военному начальнику округа, испрашивается согласіе военнаго министерства въ Пекинѣ, императорская канцелярія обсуждаетъ вопросъ, уголовный инспекторъ дѣлаетъ повторе-

ніе, а намѣстникъ и губернаторъ увѣдомляютъ о послѣдующемъ. Много крупныхъ и красныхъ буквъ будетъ тщательно выведено каллиграфическою кистью, много писцовъ будутъ переписывать бумаги и составлять доклады прежде, чѣмъ императорское повелѣніе уполномочитъ гражданскихъ чиновниковъ располагать войсками. Но вотъ, наконецъ, довольно надѣлано красныхъ нитокъ, и паутина судьбы начинаетъ опутывать разбойниковъ. Экспедицію командуетъ обыкновенно мандаринъ четвертой степени. Хотя онъ гражданскій чиновникъ, но отправляется вооруженный, верхомъ; подъ его начальствомъ состоятъ двое, или болѣе военныхъ мандариновъ, которые предводительствуютъ солдатами и тоже ѣдутъ верхомъ съ мечами, луками и колчанами; войска ихъ идутъ пѣшкомъ. Довольно замѣчательно, что несмотря на превосходную храбрость татарской дивизіи, мандарины, говорятъ, предпочитаютъ китайскія войска для этихъ полицейскихъ экспедицій, вѣроятно боясь, что пылкіе манджурскіе воины слишкомъ увлекутся нападеніемъ на неблагороднаго врага. Кавалерія требуется рѣдко, вслѣдствіе свойства почвы. Разумѣется, въ странѣ, такъ наполненной людьми и скудной деревьями, мѣста, гдѣ можно спрятаться, попадаются не часто. Тамъ есть утесистыя горныя цѣпи, но онѣ заняты своими собственными обитателями, какъ въ Индіи, и рѣдко китайскіе разбойники владѣютъ горнымъ укрѣпленіемъ. Когда у нихъ такое есть, то они могутъ смѣяться надъ мандаринами; и если только окрестные жители не станутъ къ нимъ во враждебное отношеніе, то ихъ не легко захватить врасплохъ или уморить голодомъ. Но большая часть куанъ-куновъ укрывается среди обширныхъ болотъ, которыми изобилуетъ почти каждая провинція и гдѣ они ставятъ свои миніатюрные палисады изъ бамбука, строятъ плетеныя хижины и окапываютъ небольшой лагерь глубокими рвами. Только птицеловы, да рыбаки проникаютъ въ этотъ лабиринтъ топей, охраняемый лихорадками и сыпучими песками; но бѣдные куанъ-куны свыклись со всѣмъ этимъ и живутъ тамъ, платя щедро за провизію, соль, порохъ и новости.

«Мандарины никогда не отваживаются входить въ средину этихъ трясинъ безъ хорошаго проводника. Угрозами и обѣщаніями, ничтожными деньгами и обильными палочными ударами они заставляютъ какого нибудь рыбака вести колонну по этому лабиринту воды и грязи; и тогда эта колонна представляетъ внушительное зрѣлище. Впереди идетъ рота ветерановъ съ длинноствольными фитильными ружьями, зажженными фитилями и въ полной аммуниціи. Этимъ стрѣлкамъ сопутствуютъ проводники со связанными назади

руками и съ веревкою вокругъ шеи, — въ видахъ тонкой предупредительной мѣры. За тѣмъ ѣдетъ главный военный мандаринъ, вооруженный подобно ежу. За нимъ движутся сабельщики и копейщики, въ щитахъ и шлемахъ, съ драконами и тиграми, которые нарисованы фантастическими красками и на которые страшно смотрѣть. Далѣе слѣдуютъ субалтернъ-офицеры, храбро предводительствуя стрѣлками изъ лука и ракетною командою, изъ которыхъ первые подвигаются впередъ съ натянутымъ лукомъ и со стрѣлою, положенною на тетиву. Потомъ ѣдетъ гражданскій мандаринъ съ мечомъ въ рукѣ, въ сопровожденіи своихъ полицейскихъ съ фазаньими перьями, и толпы «кулiевъ» (носильщиковъ), снабженныхъ веревками, цѣпями, кандалами и запасными бамбуковыми палками, въ количествѣ достаточномъ для значительнаго числа преступниковъ. Хоръ музыки составляетъ аріергардъ. Но литавры и дудки не понадобятся до празднованья побѣды, и потому герои подвигаются безъ барабаннаго боя и громкаго крика; покручивая свои усы и шопотомъ хвастаясь подвигами, которые имъ предстоитъ совершить. Но вотъ они зашли въ середину болотъ — и съ ними дѣлается перемѣна. Имъ чудятся копья между тучною травою и осокою, они сбиваются въ кучу подобно овцамъ, испуганнымъ колебаніемъ тростника; и когда подымается дикая птица, шумя крыльями и издавая рѣзкій крикъ, то эти звуки имъ кажутся военными кликами куанъ-куиновъ. Старая поговорка выворачивается на изнанку: теперь офицеръ принимаетъ каждый кустъ за вора и раздѣляетъ мнѣніе леди Макдуффъ, что негодяи могутъ повѣсить честныхъ людей. Иногда разбойники бываютъ захвачены врасплохъ и дѣлаются легкою добычей; часто они выпутываются изъ бѣды; а по временамъ отражаютъ нападеніе. Но если они дрались и разбиты, то происходитъ странная сцена. Говорятъ, по цѣлымъ часамъ продолжается битва двухъ или трехъ сотъ солдатъ съ какими нибудь двумя десятками разбойниковъ, защищенныхъ своимъ бамбуковымъ палисадомъ. Гражданскій мандаринъ, дрожа отъ страха и забывъ свое достоинство, прячется подъ лошадь и взвизгиваетъ при каждомъ выстрѣлѣ. Музыканты бросаютъ свои бубны и цимбалы, и бѣгутъ ради спасенія своей жизни. Военные мандарины бранятъ и стращаютъ своихъ солдатъ, понукаютъ, подталкиваютъ и бьютъ ихъ, но сами и не думаютъ идти впередъ. Не легко принудить бѣдныхъ солдатъ къ нападенію; они пятятся назадъ, наклоняются при выстрѣлахъ непріятеля, гремятъ своими щитами и саблями, между тѣмъ какъ стрѣлки ложатся на землю, а ракеты пускаются на удачу. Наконецъ насту-

наетъ критическій моментъ: порохъ у разбойниковъ истощился, или брань мандариновъ оказалась злѣе неприятельскихъ пуль; сдѣланъ штурмъ и одержана побѣда. Она не обошлась безъ крови; [illegible]-куны упорно защищаются и дорого продаютъ свою свободу; но наконецъ они перебиты или взяты. Можно представить себѣ тріумфъ, пѣсни, варварскій диссонансъ этихъ гремящихъ литавръ, пронзительныхъ горновъ, хриплыхъ дудокъ, ревущихъ трубъ, издающихъ звуки побѣды. Мы можемъ вообразить себѣ гражданскаго мандарина, опять сѣвшаго на лошадь, который благородно грозитъ окованнымъ врагамъ, размахиваетъ саблею у ихъ носа и рычитъ, какъ левъ, въ воинственномъ гнѣвѣ. Я видѣлъ коллекцію картинъ, работы одного туземнаго артиста, изображающихъ торжество возвращенія домой послѣ такого подвига. Нѣкоторые изъ плѣнниковъ заключены въ бамбуковыя клѣтки, другіе привязаны къ шестамъ и отягчены оковами; главнаго разбойника, человѣка большаго роста и значительной толщины, съ руками связанными на спинѣ, тащутъ на канатѣ, который держатъ восемь человѣкъ; такое же число людей дергаютъ его за веревку сзади; при чемъ каждый держитъ обнаженный мечъ; а гражданскій мандаринъ ѣдетъ возлѣ и размахиваетъ своею саблей надъ ненавистною головою преступника. За тѣмъ — шествіе по улицамъ города, покрытаго ночнымъ мракомъ, шопотъ, любопытная толпа, развивающіеся платки, куреніе фиміама, цвѣты по дорогѣ, тріумфальная арка, покрытая плошками и лентами, трескучіе и шипящіе фейерверки, великолѣпные фонари, смотрящіе съ каждой двери на радостную процессію, и всегда готовый поэтъ, съ улыбкою подносящій свою блистательную оду, которой чернила еще не совсѣмъ засохли. Немедленное слѣдствіе столь успѣшнаго предпріятія состоитъ въ томъ, что приличная сумма серебра сыплется въ кошелекъ гражданскаго мандарина, военный начальникъ и субалтернъ-офицеры получаютъ денежную награду или повышеніе, а солдаты—подарокъ и двойные раціоны. Каждаго ласкаютъ, привѣтствуютъ, осыпаютъ цвѣтами, угощаютъ сахарными конфетами, и увѣковѣчиваютъ его имя въ изящныхъ стихахъ и на столбцахъ газеты. На долю же бѣдныхъ узниковъ достаются не розы, а тернія. Пинки, плевки и удары сыплются на нихъ градомъ; каждый трусъ изъ толпящейся черни нападаетъ теперь на нихъ, — и несчастные рады поскорѣе пріютиться въ тюрьмѣ. На другой, на третій или на четвертый день, когда для побѣдоносныхъ сановниковъ кончились праздники и фиміамъ лести; послѣ того, какъ его сіятельство намѣстникъ послалъ съ экстреннымъ курьеромъ яркую депешу въ Пекинъ, депешу, въ которой не только

содержаніе, но даже и бумага имѣетъ розовый цвѣтъ; когда народъ насладился уже зрѣлищемъ фейерверковъ, гонкою лодокъ и театральными представленіями, — наступаетъ судъ.

Противъ узниковъ довольно явныхъ уликъ для того, чтобы положить ихъ головы на плаху. Но надобно открыть, кто были ихъ подстрекатели и сообщники, какія существуютъ вѣтви ихъ общества; нѣтъ ли между членами его какихъ нибудь людей богатыхъ, отъ которыхъ можно бы поживиться, и такъ далѣе. Обыкновенно также при этомъ случаѣ стараются узнать какія нибудь особыя преступленія, напр. кто былъ дѣйствительнымъ убійцею разносчика, найденнаго мертвымъ возлѣ пагоды; кто былъ измѣнникъ, увѣдомленіе котораго облегчило покражу денегъ, собранныхъ сборщикомъ податей; и не способствовалъ ли кто нибудь изъ принадлежащихъ къ конторѣ общества продажи мѣховъ и гагачьяго пуха — къ слишкомъ успѣшному разграбленію денежныхъ сундуковъ этой почтенной компаніи. Происходитъ продолжительная борьба между упорствомъ виновныхъ и упорствомъ ихъ мучителей; цѣлые дни и ночи проходятъ въ допросахъ, въ которыхъ говоритъ только одна сторона, потому что кванъ-куинъ умираетъ и терпитъ безмолвно и гордится своимъ упрямымъ терпѣніемъ. Здѣсь пускаются въ ходъ всѣ мученія, которыя могутъ причинить хлысты, палки, сѣрныя спички, вѣшанье на желѣзныхъ крюкахъ, раскачиванье въ воздухѣ посредствомъ бичевки искусно завязанной вокругъ большихъ пальцевъ, полузадушеніе дымомъ, вывертываніе членовъ, обрѣзываніе ушей и пальцевъ на ногахъ, — и однакоже рѣдко случается выпытать что нибудь отъ страдальца, непоколебимаго въ своей угрюмой рѣшимости. Бандитъ обыкновенно умираетъ, какъ затравленный звѣрь, и не выдаетъ никого. Онъ гордится своимъ мужествомъ и своею храбростью; онъ не имѣетъ никакой надежды остаться въ живыхъ, и умираетъ, не дѣлая даже ни малѣйшей попытки освободиться отъ канги. Эта канга есть главная подпора монгольскаго порядка. Это клѣтка, сдѣланная изъ поперечныхъ перекладинъ иногда бамбуковыхъ, иногда желѣзныхъ, иногда деревянныхъ. Тѣло арестанта заключено въ нее; она идетъ отъ колѣнъ къ шеѣ; остаются свободными только голова и нижнія оконечности, потому что руки прикрѣплены ремнемъ къ перекладинѣ. Преступникъ въ такомъ положеніи служитъ подпорою и фундаментомъ для своей собственной подвижной тюрьмы; онъ носитъ ее съ собою, и не можетъ прилечь для отдыха, а долженъ проводить цѣлые дни и ночи на ногахъ. Съ наружной стороны клѣтки прибитъ ярлыкъ съ обозначеніемъ имени несчастнаго,

преступленія его и судебнаго приговора. Канга можетъ вѣсить сто фунтовъ или только двадцать, но, во всякомъ случаѣ, это ужасное наказаніе, назначаемое на болѣе или менѣе продолжительные періоды отъ шести часовъ до шести недѣль. Вообразите дни и ночи неестественнаго напряженія членовъ, мучительное кусанье москитовъ и другихъ насѣкомыхъ, терзающихъ обнаженное тѣло, и ни одной руки, чтобы отогнать ихъ; жгучее солнце, при неимѣніи тѣни, подъ которою можно бы пріютиться, холодную ночь безъ крова; изнуреніе, головокруженіе, члены, одеревенѣлые отъ ужасной усталости, лихорадку, бредъ, давленіе жесткаго ярма на потертыхъ плечахъ, ошейникъ, агонію продолжительной безсонницы, жажду и позоръ! Говорятъ, заключенные въ кангу часто сходятъ съ ума; они засыпаютъ стоя, какъ лошади, они гибнутъ, и ихъ находятъ мертвыми въ этихъ клѣткахъ, подобно дикимъ звѣрямъ, забытымъ въ капканахъ. Но канга у судей — любимое наказаніе.

Есть и другіе разбойники въ Китаѣ, съ которыми обходятся не такъ церемонно. Всѣ большія горныя цѣпи имѣютъ коренное населеніе, совершенно отличное отъ китайцевъ по языку, нравамъ, виду и крови. Чангъ-коласы въ провинціи Канги совершенно независимы и часто безпокойны. Но самые отважные и свирѣпые горцы въ Китаѣ — міас-дзы, которые населяютъ большую цѣпь снѣжныхъ горъ, находящуюся почти въ центрѣ имперіи и извѣстную подъ именемъ хребта Нанъ-лингъ. Эти дикіе горцы дѣлаютъ регулярныя нашествія на богатыя хлѣбородныя долины и разбойничаютъ на трехъ большихъ дорогахъ, пересѣкающихъ ихъ суровую страну. Китайцы пробовали обезопасить проходы посредствомъ фортовъ и гарнизоновъ; они дѣлаютъ иногда великолѣпныя экспедиціи противъ горныхъ племенъ, и нѣсколько соленыхъ головъ отъ времени до времени посылаютъ въ Пекинъ на показъ императору и въ доказательство непобѣдимаго героизма его безсмертныхъ ветерановъ. Но варвары обыкновенно выигрываютъ гораздо болѣе, и самою лучшею защитою долинъ считается обычай платить ихъ вождямъ подать, подъ именемъ благосклоннаго подарка.

Дѣтоубійство — обыкновенное преступленіе въ Китаѣ, какъ и во всей Азіи отъ Ливана до Кореи. Унизительное положеніе женщины въ Китаѣ, малоцѣнность женскаго труда сравнительно съ мужскимъ въ этой странѣ, гдѣ мужчины отправляютъ работы всѣхъ родовъ, способствуютъ къ распространенности этого преступленія. Но здѣсь мандаринъ—воплощенное милосердіе; дѣтоубійства судья вовсе не считаетъ убійствомъ, и не налагаетъ смертной казни за это преступленіе; хотя онъ съ своего судейскаго сѣдалища произноситъ

кроткую увѣщательную рѣчь къ преступницѣ и объявляетъ въ газетѣ о происшествіи. Но умерщвленіе взрослаго, въ особенности мужчины, считается дѣломъ серьезнымъ.

Китай есть родина уголовныхъ слѣдователей; его чиновники отличаются въ производствѣ слѣдствій и руководствуются древними диковинными правилами для открытія тайнаго смертоубійства и для распредѣленія отвѣтственности между лицами, которыя были во враждѣ съ покойникомъ, между тѣми, которые трогали трупъ безъ распоряженія начальства, и тѣми, на чьей землѣ найдены слѣды и улики преступленія. Полицейскіе получаютъ очень скудное жалованье, которое начальникъ перехватываетъ на дорогѣ; но объ этомъ они мало безпокоятся; они живутъ взятками, а тамъ, гдѣ доносъ можетъ причинить погибель, и во всякомъ случаѣ надѣлаетъ много хлопотъ, полицейскій не имѣетъ повода отчаяваться въ комфортѣ. Довольно любопытно, что полиція выжимаетъ отъ бѣдныхъ больше, чѣмъ отъ богатыхъ. Уничтожить богатаго въ Китаѣ не такъ легко, какъ въ мусульманскихъ государствахъ; и правосудіе дѣлается легче, по мѣрѣ того, какъ оно восходитъ по общественной лѣстницѣ. Даже съ великимъ мандариномъ, когда онъ запятналъ себя какимъ нибудь преступленіемъ, обходятся не такъ строго, какъ съ туркомъ или персіаниномъ соотвѣтствующаго ранга обошелся бы въ подобномъ случаѣ его государь. Когда коммиссаръ Линъ, прежній врагъ англичанъ, заключившій съ ними трактатъ 1842 г., сдѣлалъ преступленіе, то онъ потерялъ оффиціальный шарикъ, поясъ, перо и все свое состояніе. Всѣ жены его были проданы съ аукціона, за исключеніемъ мадамъ Линъ № 1-й, которой было позволено раздѣлить ссылку своего мужа въ Татарію. Однакоже китайцы объявили, что императоръ поступилъ не слишкомъ строго, что его крутая дисциплина была простою исправительною мѣрою. Такъ это и вышло. Нѣсколько лѣтъ спустя, Линъ получилъ новый шарикъ и новое губернаторство; правда, это губернаторство было скудное и жалкое и находилось въ пустынной области, и шарикъ не былъ полированнымъ коралломъ; но подвергнувшійся конфискаціи и разоренію государственный мужъ снова возникъ, какъ фениксъ; и если такая система продолжится, то онъ со временемъ можетъ сдѣлаться опять намѣстникомъ. Но продолжится ли она? Ужъ давно надъ кишащею имперіей распространилась, подобно пожару, вѣсть, что горсть «чужеземныхъ чертей» заняла священный городъ, и что императоръ и его татарская армія побѣжали, какъ овцы отъ волка. Тайпинги подкопали тронъ; и, конечно, торжество союзниковъ должно разрушить сгнившее зданіе,

котораго уже нельзя починить. Въ настоящее время въ горахъ и болотахъ, въ городахъ и на рынкахъ, тамъ, гдѣ плаваютъ цѣлые флоты джонокъ и высятся миріады кровель и башенъ, а также далеко между кочующими племенами степнаго края распространились важные слухи. Отъ каждаго подданнаго можно ожидать, что онъ сброситъ съ себя иго, и громадная система жестокой тираніи, подданства и лицемѣрія — рухнетъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СКРОМНАЯ НАША ПОХВАЛА САМИМЪ СЕБѢ, СЪ ПОКАЗАНІЕМЪ ПРИЧИНЪ НАШИХЪ БЛИСТАТЕЛЬНЫХЪ УСПѢХОВЪ. — МУЖИКИ — ЛЮДИ ЛИ? — НАШЕ МНѢНІЕ ОБЪ ЭТОМЪ. — ВЗГЛЯДЪ ДРЕВНИХЪ. — РАЗСУЖДЕНІЕ ДВОРЯНИНА КОШКИНА О НАСЛѢДСТВЕННОМЪ БЛАГОРОДСТВѢ ДУШИ. — МЫСЛИ ОБЪ ЭТОМЪ ЛИБЕРАЛОВЪ. — ИЗСЛѢДОВАНІЯ НОВѢЙШЕЙ НАУКИ О ПОРОДАХЪ ЛЮДЕЙ. — НУЖНО ЛИ МУЖИКОВЪ УЧИТЬ ГРАМОТѢ? — ГРАМОТНОСТЬ ВЪ ЕВРОПѢ. — ПОТРЕБНОСТЬ ГРАМОТНОСТИ ВЪ НАРОДѢ ВЪ ВИДАХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ. — НУЖНО ЛИ ДОПУСКАТЬ МУЖИКОВЪ ДО ВЫСШАГО ОБРАЗОВАНІЯ?—РАЗНЫЯ МНѢНІЯ О ТОМЪ: ЖЕНЩИНЫ—ЛЮДИ ЛИ?—МНѢНІЯ ДРЕВНИХЪ, МНѢНІЯ НОВѢЙШІЯ. — НАШЕ ПРЕДУБѢЖДЕНІЕ ВЪ ПОЛЬЗУ ЖЕНЩИНЪ. — МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ ВЪ НАРОДѢ.—БЛАГОРОДСТВО И ПРЕВОСХОДСТВО ЖЕНСКАГО ПОЛА ПЕРЕДЪ МУЖСКИМЪ, НЕОПРОВЕРЖИМО ДОКАЗАННОЕ ИЗЪ НАИМЕНОВАНІЯ ПЕРВОЙ ЖЕНЫ, ОТЪ ВРЕМЕНИ ЕЯ СОТВОРЕНІЯ, МѢСТА СОТВОРЕНІЯ, ВЕЩЕСТВА, ИЗЪ КОТОРАГО ОНА СОЗДАНА, ОТЪ ОСОБЕННЫХЪ ДАРОВЪ, КОТОРЫМИ ОНА УКРАШЕНА И ПРОЧ. — ТИРАНІЯ МУЖЧИНЪ НАДЪ ЖЕНЩИНАМИ. — ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы въ восторгѣ, читатель, — въ восторгѣ оттого, что теплота чувствъ наконецъ взяла таки свое. Отвсюду мы слышимъ похвалы и одобренія за наши «внутреннія обозрѣнія». Читатели и даже читательницы, получая новую книжку «Современника», прежде всего разрѣзываютъ «внутреннее обозрѣніе» и читаютъ его, а нѣкоторые этимъ только даже и ограничиваются, не заглядывая въ другіе отдѣлы. Успѣхъ нашъ такъ великъ, что другіе отдѣлы «Современника» начинаютъ нѣсколько даже коситься на насъ: «дескать, отбиваете дѣвочку».

Можете послѣ этого судить, какими глазами смотрятъ на насъ

другіе журналы. Отъ горя и злости они рѣшительно не знаютъ, что имъ и дѣлать. Салату пка съ отчаянія бросилъ писать и исчезъ безъ вѣсти, неизвѣстно, куда. Другіе, желая сдѣлать «Внутреннее обозрѣніе» какъ нибудь позанимательнѣе, начали, вмѣсто органическихъ явленій жизни общественной и политической, помѣщать въ немъ случайные скандалы,—имѣющіе большею частію смыслъ «дня»—не болѣе. Вотъ одолжили-то! Третіе рѣшились вступить съ нами въ конкурренцію. Полагая, что успѣхъ нашъ зависитъ оттого, что мы, въ случаѣ нужды, пользуемся науками и разными учеными свѣдѣніями, они попытались начинять свои обозрѣнія свѣдѣніями историческими, философическими и т. п. Вышло нѣчто ужасное! Читатели только махнули рукой. «Нѣтъ—говорятъ—пишите лучше ужъ такъ, какъ писали. А то это... невыносимо!...»

Такимъ образомъ, мы остаемся по прежнему *господами положенія*. Да еще какими господами?—Наши собратія не могутъ довольно надивиться той невѣроятной благосклонности, которую имѣютъ къ намъ читатели, ни тѣмъ болѣе понять причины ея. И въ самомъ дѣлѣ, что у насъ есть такого, что могло бы привлекать читателя? Учености не только фундаментальной, патентованной, которая бы отзывалась погребомъ, сыростью, или попахивала пергаментомъ,—но даже и никакой—рѣшительно нѣтъ. Кой-какія ученыя свѣдѣнія, встрѣчающіяся въ нашихъ статьяхъ, всѣ понадерганы и понадерганы не то, чтобы изъ иностранныхъ книгъ, *секретно* отъ читателя, а просто изъ россійскихъ книгъ, которыя у всякаго читателя подъ рукой, въ виду, такъ сказать, самого читателя. Сдѣлай это кто нибудь другой, сейчасъ закричали бы: «Посмотрите, дескать, какъ онъ дергаетъ и у того-то, и у того-то! И какъ безстыдно дергаетъ—въ виду всѣхъ!» И проходу бы не было; такъ и сжили бы съ литературнаго поприща. А когда мы это дѣлаемъ, читатели только улыбаются. «Вамъ, дескать, позволяется дергать, сколько вамъ угодно. Вы такъ мило дергаете.» Не тоже ли самое, читатель, бываетъ въ жизни? Возьметъ одинъ взятку, и взятку какую нибудь сквернѣйшую.... такъ изъ-за уголка себѣ сдернетъ гдѣ нибудь цѣлковенькихъ десять, двадцать.... Всѣ закричатъ: «вотъ онъ воръ, взяточникъ, казнокрадъ... предать его слѣдствію, суду» и проч., однимъ словомъ, упекутъ. Другой постоянно обдергиваетъ просителей, подрядчиковъ, казну, богоугодныя и другія заведенія, и обдергиваетъ нисколько не церемонясь, въ виду всѣхъ,—и всѣ только улыбаются и жмутъ ему руку. «Дескать, продолжайте; вы такъ мило всѣхъ обдергиваете.» Мы однакожъ нѣсколько удаляемся отъ предмета. Мы сказали, что въ статьяхъ нашихъ нѣтъ учености. Ученость, конечно, еще не такая важная вещь, безъ которой нельзя бы было обойдтись. Обходятся же безъ нея мы-

нѣ почтенный М. П. Погодинъ, онъ, почившій на учености всю жизнь свою, — да еще какія увеселительныя сталъ пописывать грамотки! Но кромѣ учености въ статьяхъ нашихъ недостаетъ многаго: недостаетъ, напр., внутренней стройности. Нѣтъ ни одной статьи, въ которой бы не было противорѣчій. Въ концѣ статьи непремѣнно утверждается что нибудь такое, что въ началѣ отрицалось, или на оборотъ. Попробуй сдѣлать это кто нибудь другой, опять поднялся бы гвалтъ. «Логика-то, дескать, логика-то у него какая! Посмотрите-ка!» Намъ опять ничего и тутъ. Какъ будто никакихъ противорѣчій никто и не примѣчаетъ! Наконецъ, послѣдовательности, серьёзности въ изложеніи у насъ рѣшительно никакой нѣтъ. Отступленія отъ предмета на каждомъ шагу; о чемъ бы мы ни захотѣли, о томъ сейчасъ и начинаемъ говорить — и говоримъ не то, чтобъ что нибудь дѣльное, серьёзное, а такъ себѣ... мечтанія наши, парадоксы, вообще что нибудь легонькое. Сдѣлай это кто нибудь другой, сейчасъ бы закричали: «ого! ерунду несетъ!» — и заклевали бы безъ всякой пощады... А намъ все это рѣшительно, какъ съ гуся вода. Читатели только улыбаются. «Это — говорятъ — ничего, что ерунда.... у васъ и ерунда выходитъ такъ мила, такъ сочувственна.... Пожалуйста, продолжайте.»

Что же все это значитъ? Чѣмъ объяснить такую безпримѣрную благосклонность къ намъ читателей?

Все объясненіе, благосклонный читатель, заключается въ двухъ словахъ, которыя мы уже и сказали въ первой строкѣ нашей статьи... *Теплота чувствъ*... вотъ тотъ талисманъ, которымъ владѣемъ мы и привязываемъ къ себѣ всѣхъ; въ немъ вся тайна нашихъ успѣховъ.

Казалось бы, трудно представить писателя, который бы, начиная писать о чемъ бы то ни было, не проникался вмѣстѣ съ тѣмъ теплотою чувства къ читателямъ: талантъ ли побуждаетъ писать автора, экономическія ли соображенія, въ томъ и другомъ случаѣ теплота чувства составляетъ необходимое условіе дѣла и успѣха. Ибо что такое талантъ? Ничто иное, какъ тотъ же умъ, но владѣющій большею ясностью, большею широтою и глубиною взгляда по отношенію ко всѣмъ или только нѣкоторымъ отраслямъ человѣческаго знанія. Существенное же свойство ума пропагандироваться, стремиться возбудить въ другихъ любовь къ знанію, стремиться привлечь ихъ къ себѣ обаяніемъ всего добраго и прекраснаго, заключающагося въ истинномъ знаніи, однимъ словомъ: существенное свойство ума, а тѣмъ болѣе таланта, — есть любовь, общительность... Съ экономической точки зрѣнія писатель есть нѣчто иное, какъ производитель, а читатель — потребитель. Этимъ сказано все. Ибо какія же отношенія могутъ быть болѣе мирны, болѣе любезны, болѣе деликатны отноше-

ній производителя къ потребителю, особенно если производитель самъ и посредникъ? Какой производитель не хлопочетъ о томъ, чтобы изделія его были по вкусу публики, нравились ей, привлекали къ себѣ, а не отталкивали? Такимъ образомъ, и съ политической и съ экономической точки зрѣнія любовь къ читателямъ, предупредительность, любезность должны бы быть повидимому неотъемлемыми качествами каждаго писателя и бить ключемъ въ каждой строкѣ его твореній.

На дѣлѣ оказывается однакожъ совершенно не то. Нѣтъ существа болѣе нелюдимаго, болѣе человѣконенавистнаго, болѣе строптиваго, какъ писатель въ его твореніи. Какой-то непонятной враждой къ читателямъ бываетъ проникнута каждая строчка его твореній. Читателей онъ не называетъ иначе, какъ толпа непросвѣщенная, чернь, безсмысленный народъ, узколобые, тупоголовые и т. п. Даже самые гуманнѣйшіе писатели трактуютъ читателя, почти какъ школьника, если только еще не хуже, и высказываютъ ему вещи не очень лестныя. «Вы, — говорятъ они обращаясь къ читателю, — и этого не понимаете. Это удивительно. А какъ просто-то, какъ легко! Кажется немного нужно имѣть смыслу; довольно капельки мозгу, чтобы это понять», и такъ далѣе въ томъ же родѣ. Благосклонный читатель все это выслушиваетъ, не моргнувши глазомъ. Читатель потому и титулуется съ незапамятныхъ еще временъ *благосклоннымъ*, что онъ представляетъ собою существо кроткое, мягкое, довѣрчивое, терпѣливое; на немъ всѣ ѣздятъ, всѣ его терзаютъ. Онъ все переноситъ. «Чортъ васъ побери!» думаетъ онъ себѣ о писателяхъ. «Бранитесь сколько хотите, если у васъ уже такая натура. Авось среди брани что нибудь и дѣльное скажете, научите чему нибудь.» Должны мы сказать однакожъ, что въ послѣднее время и такія скромныя мечты читателей стали осуществляться очень рѣдко, оттого довѣріе читателя къ писателямъ сильно поколебалось. Явились писатели ужасные, которые никакимъ наукамъ не учились, жизни никакой не видали, и которые между тѣмъ пишутъ безустанно, безпощадно, денно-нощно и пишутъ исключительно чистую ерунду. Для читателя самое чтеніе сдѣлалось безконечнымъ наказаніемъ, а между тѣмъ ерундисты въ обращеніи съ нимъ еще безцеремоннѣе, чѣмъ другіе писатели, и бранятъ его на чемъ свѣтъ стоитъ. Какъ ни благосклоненъ читатель, но терпѣнія и ему [illegible] не можетъ.

Но изъ всѣхъ писателей самыми положительными, самыми строптивыми являются «внутренніе обозрѣватели». Каждый корреспондентъ, который влѣзаетъ во «внутреннее обозрѣніе», бранить [illegible] своею священною обязанностію. Происходило ли что нибудь передъ

нимы въ области законодательства, администраціи, торговли, науки, жизни общественной и т. д. — онъ ко всему относился или покровительственно, или съ величайшимъ скептицизмомъ, недовѣріемъ и т. п. Если высказывалъ иногда и похвалу чему нибудь, — то похвала была какая-то холодная, что-то такое произнесенное сквозь зубы — «дескать; пожалуй... нечто... быть можетъ, что нибудь и выйдетъ». И какой высокомѣрный тонъ принималъ всегда господинъ, сидѣвшій во «внутреннемъ обозрѣніи». Онъ давалъ видъ, что рѣшительно все знаетъ, — и никто не могъ подступиться къ нему иначе, какъ въ качествѣ ученика, школьника или отлашеннаго. Образовывалась ли какая нибудь торговая или промышленная компанія — для продажи шерсти, для выдѣлки поташа, мыла и т. п., господинъ, сидѣвшій во «внутреннемъ обозрѣніи», хотя ничего не понималъ ни въ торговлѣ, ни въ промышленности, и тутъ придирался и бранился. Дескать, и компанія образовалась не такъ, и средства не такія, и потребленіе не разсчитано; — однимъ словомъ, внутренній обозрѣватель былъ человѣкъ самый безпокойный, брюзгливый, педантъ, который, понимая очень мало, совался однакожь вездѣ, всѣхъ хотѣлъ учить, говорилъ всѣмъ кучу непріятностей и даже оскорбленій. Къ такому характеру внутреннихъ обозрѣвателей такъ всѣ привыкли, что стали наконецъ брюзгливость, строптивость считать существенною ихъ обязанностію. Нѣкоторые редакторы, чтобы сдѣлать отдѣлъ «внутренняго обозрѣнія» занимательнѣе, стали приглашать вести его людей, составившихъ себѣ литературную извѣстность единственно умѣньемъ браниться. Читатели перестали читать «внутреннее обозрѣніе», даже не стали разрѣзывать тѣхъ листовъ, гдѣ оно печаталось. Богъ знаетъ, до чего дошло бы наконецъ дѣло, — если бы не явились *мы*.

Давно уже, благосклонный читатель, мы не испытывали такого чистаго и возвышеннаго наслажденія, какое испытываемъ теперь, произнося это коротенькое, это непривычное для васъ *мы*. Какое невыразимо пріятное, ни съ чѣмъ не сравнимое ощущеніе почувствовали мы во всемъ существѣ своемъ! Не даромъ нѣкоторые изъ опытнѣйшихъ нашихъ писателей не опускаютъ никогда удобнаго случая пожалить себя. Они хорошо понимаютъ и умѣютъ цѣнить высокіе моменты этого не летняго неземнаго наслажденія!

Вступивъ въ завѣдываніе «внутреннимъ обозрѣніемъ» мы повели дѣло совсѣмъ иначе. Мы не стали заниматься ни критикою законовъ, ни правительственныхъ распоряженій, ни предпріятіями торговыми, промышленными и т. п. при ихъ первоначальномъ обнародованіи, или при приложеніи къ дѣлу. Гдѣ намъ! — Мы не имѣемъ и сотой доли нужныхъ для этого свѣдѣній. Мы занялись явленіями жизни обыкновенными, всѣмъ доступными, всѣмъ извѣстными, — и точно съ

тѣмъ, чтобы учить другихъ, а такъ, чтобы по дружески бесѣдовать съ другими о тѣхъ или другихъ предметахъ. «Вотъ» говорили мы обыкновенно читателю: «это дѣло идетъ у насъ такъ-то и такъ-то, — и идетъ, молъ, ладно себѣ, ничего; — а вотъ, молъ, если оно пойдетъ такъ-то и такъ-то, также будетъ ничего, ладно, пожалуй еще и лучше». Читатели пришли въ восторгъ отъ нашихъ скромныхъ бесѣдъ — и толпой повалили всѣ во «внутреннее обозрѣніе», — и теперь скорѣе вы встрѣтите неразрѣзаннымъ какой нибудь другой отдѣлъ въ «Современникѣ», чѣмъ «внутреннее обозрѣніе».

Впрочемъ, если мы завели рѣчь о нашихъ успѣхахъ, то вовсе не съ тѣмъ, чтобы хвалить себя. Мы увѣрены, что читатель, знающій очень хорошо нашу скромность, и не усумнится въ этомъ. Правда, мы не опустили случая сказать по сопутности слова два-три о нашихъ заслугахъ, но при этомъ надобно помнить, что между россіянами и трудно найдти писателя, который бы, имѣя такой благопріятный случай указать на свои достоинства, не сдѣлалъ бы того же самаго, что сдѣлали мы. Цѣль нашего небольшаго разсужденія о нашихъ заслугахъ была та, чтобы 1) раскаазать нашимъ собратьямъ тайну нашихъ успѣховъ, и этимъ самымъ указать средства, которыми и они могутъ пріобрѣсть себѣ благосклонность читателей, и 2) то, чтобы своею откровенностію расположить еще болѣе въ свою пользу читателя. Темами для нынѣшняго нашего обозрѣнія мы выбрали вопросы самые щекотливые и притомъ, по новости своей, для рѣшенія весьма трудные. Мы чувствуемъ, что они намъ не подъ силу, и если рѣшаемся говорить о нихъ, то только потому, что твердо надѣемся на благосклонность къ намъ читателей.

Первый изъ этихъ вопросовъ есть слѣдующій: *мужики, по крайней мѣрѣ русскіе мужики — люди ли?* Сколько намъ извѣстно, вопроса этого никто еще не ставилъ въ нашей литературѣ, по крайней мѣрѣ никто не выражалъ его такъ категорически, какъ выразили мы. Между тѣмъ необходимость постановки этого вопроса чуется всѣми и всюду; элементы его носятся въ той умственной атмосферѣ, которой мы дышемъ. Если бы никто не сомнѣвался, что мужики — люди, не могло бы быть никакого сомнѣнія и въ томъ, что они имѣютъ право быть грамотными, какъ и всѣ, имѣютъ право наравнѣ съ другими учиться какимъ угодно наукамъ, точно также, какъ имѣютъ право отправлять разныя дѣла свои по своему усмотрѣнію, не имѣя нужды ни въ какой постоянной опекѣ надъ собою отъ другихъ и т. д., — но въ такихъ правахъ мужиковъ сомнѣваются очень многіе. Ясно, что эти сомнѣвающіеся должны сомнѣваться, хотя и tacito modo, но тѣмъ не менѣе крѣпко и въ томъ: мужики — люди ли?

Признаемся откровенно, что мы и сами въ этомъ нѣсколько сомнѣваемся. Сколько бы мы ни увлекались либеральными, модными идеями о равенствѣ людей, но довольно одного бѣглаго, только не предубѣжденнаго, взгляда, чтобы видѣть все безконечное различіе, которое положила природа между мужиками и лицами другихъ сословій, благородными. Возьмите вы перваго элегантнаго, блистательнаго барина, поставьте его подлѣ мужика, сравните обоихъ по одной только наружности — и какіе безконечно различные результаты получите вы изъ этого сравненія. Посмотрите, какая у перваго ослѣпительная бѣлизна кожи не только на лицѣ, но и на всемъ тѣлѣ! какая пропорціальность не только въ посадкѣ цѣлаго стана, но и въ отдѣльныхъ частяхъ! нигдѣ ни безобразной толстоты, ни еще безобразнѣйшей худобы! Вездѣ умѣренная, пріятная округлость формъ! Даже то, что Павелъ Иванычъ Чичиковъ называлъ барабаномъ, имѣетъ полноты и округлости на столько именно, насколько нужно, чтобы представить картину въ цѣломъ! При этомъ умное выраженіе лица, глазъ, мелодическій голосъ, пріятныя, мягкія манеры, наконецъ позитура всего цѣлаго такова, что вы сейчасъ видите, что этотъ человѣкъ созданъ господствовать, повелѣвать! И вдругъ подлѣ этого *несомнѣннаго* человѣка ставятъ какого-то двуногаго — сгорбленнаго, до безобразія изсохшаго или растолстѣвшаго, цвѣтомъ кожи похожаго на египетскую мумію, съ тупымъ, безсмысленнымъ выраженіемъ лица, съ хриплымъ или непріятно рѣзкимъ голосомъ, по пріемамъ похожаго скорѣе на медвѣдя, чѣмъ на человѣка, вдобавокъ къ тому держащаго себя съ какимъ-то приторнымъ подобострастіемъ, — и говорятъ: это тоже человѣкъ! Пощадите, Бога ради, гг. либералы!

Но если ваши тѣлесныя очи не довольно хороши для того, чтобы видѣть это безмѣрное различіе между истиннымъ человѣкомъ и двуногимъ, похожимъ на человѣка, то обратите вниманіе на ихъ умственное различіе. Истинный человѣкъ даже и въ томъ случаѣ, когда онъ не имѣлъ возможности получить образованія, уже по самому требованію своей натуры какими всегда высокими занятъ помыслами о благородствѣ своего происхожденія, о пользѣ своей для отечества, о поддержаніи чести своего рода, какъ зорко слѣдитъ онъ за всѣми производствами по разнымъ вѣдомствамъ разныхъ лицъ, какъ онъ умѣетъ услужить и оказать уваженіе каждому по степени его ранга, какъ по прирожденному ему инстинкту умѣетъ онъ замѣтить и отличить красоту даже въ сословіяхъ низшихъ, съ какими неудержимыми порывами стремится онъ къ прекрасному во всѣхъ его родахъ, и къ музыкѣ, и къ театру, и къ шампанскому, съ какою безпечною щедростію бросаетъ онъ деньги на поощреніе талантовъ,

красоты, общественныхъ удовольствій! Не всего не перечислишь. Что же вы найдете въ томъ необразованномъ двуногомъ, которое называется мужикомъ? Никакихъ возвышенныхъ помысловъ, никакихъ благородныхъ стремленій и порывовъ, въ образѣ жизни какое-то отвратительное скаредство,—и самая рѣчь только о хлѣбѣ, да урожаѣ, да трудѣ! Фи!

Это безконечное различіе между природами благородными и неблагородными либералы хотятъ обыкновенно объяснить образованіемъ. Потому мы и взяли для сравненія два лица одинаково необразованныя. Но еслибы мы взяли два лица одинаково образованныя, разница вышла бы еще рѣзче, еще огромнѣе. Писатели-плебеи представляютъ обыкновенно въ примѣръ Ломоносова, вышедшаго прямо изъ крестьянскаго быта. Но что такое былъ Ломоносовъ?—Ученый работникъ, — не болѣе. Съ такимъ клеймомъ выходятъ почти всѣ образованные люди, вышедшіе изъ низшихъ классовъ общества. Это тѣ же чернорабочіе, съ тѣмъ только различіемъ, что послѣ образованія они обратили свои силы и дѣятельность на другіе предметы. Съ тою же неутомимостью, съ которою прежде пахали землю, они начинаютъ потомъ писать ученые трактаты, стихи и т. п. Но никогда образованіе не можетъ привить къ нимъ ни того тонкаго эстетическаго чувства наслажденій, какимъ обладаютъ лица благородныя по рожденію, ни того умѣнья властвовать надъ другими, ни того сознанія преимуществъ своей природы, ни того такта—тонко и неприкѣтно, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно дать другимъ почувствовать эти преимущества, ни многаго множества другихъ пріятныхъ качествъ породы, которыми владѣютъ только люди благородные по природѣ. Однимъ словомъ, въ самомъ образованіи выходитъ то, да не то. Да чего? — Чернорабочіе поучившіеся выходятъ относительно различенія породъ еще тупѣе, чѣмъ были прежде. Они не только не примѣчаютъ несомнѣннаго различія породъ, напротивъ, начинаютъ кричать во всеуслышаніе, что всѣ двуногіе, называемые людьми, одной природы, что надобно не имѣть здраваго смысла, чтобы признавать какой-то особенный классъ высшаго порядка людей и т. п.; все въ томъ же родѣ.

Подите толкуйте съ ними! Но разумѣется, что парадоксы, какъ бы ихъ блистательно ни доказывали, все-таки останутся парадоксами.

Еще съ древнихъ временъ люди болѣе проницательные стали примѣчать, что при всей видимой одинаковости двуногихъ, именуемыхъ людьми, они по природѣ своей вовсе неодинаковы: одни самою природою назначены къ тому, чтобы господствовать, другіе служить, повиноваться. Аристотель въ первой книгѣ своей «Полити-

[illegible] говоритъ: «господствовать призвано только то, что отличено духовными дарами; — что имѣетъ только тѣлесную силу для исполненія приказаній, то назначено для повиновенія. — Что рабочій скотъ для бѣднаго, то эти созданные для повиновенія низшаго разряда люди для богатаго. Какъ для занятія какимъ бы то ни было искусствомъ нужны орудія, такъ нужны орудія и для домашняго хозяйства; одни изъ этихъ орудій неодушевленныя, другія одушевленныя; къ разряду послѣднихъ принадлежатъ и лица низшаго порядка. Отъ домашняго скота они отличаются весьма немногимъ: точно также, какъ и домашній скотъ, они пригодны только для удовлетворенія тѣлесныхъ нуждъ. Правда, они одарены разумомъ, а скотъ водится только инстинктомъ, но не должно забывать при этомъ, что они имѣютъ способность только понимать *разумныя* приказанія; сами же *разумомъ не владѣютъ*.» Вмѣстѣ съ мнѣніемъ о различіи натуръ, созданныхъ для господства и для повиновенія, Аристотель допускалъ наслѣдственную передачу душевныхъ достоинствъ, отъ одного лица къ другому. «Если первый человѣкъ, — говоритъ онъ, — какой либо фамиліи будетъ имѣть преимущественное достоинство, то онъ произведетъ еще многихъ себѣ равныхъ, ибо каковы предки, таковы обыкновенно бываютъ и потомки ихъ.»

Мысли Аристотеля такъ естественны, такъ очевидны съ перваго взгляда, что они принимались за достовѣрныя почти во всѣ времена. Приводимъ здѣсь замѣчательное мнѣніе по этому предмету дворянина Коцебу, который объясняетъ: какимъ образомъ благородство можетъ передаваться отъ одного человѣка другому, отъ одного поколѣнія другому. Дворянинъ Коцебу начинаетъ свое объясненіе слѣдующими стихами Горація:

Fortes creantur fortibus et bonis,
Est in juvencis, est en equis patrum
Virtus, nec imbecillem feroces
Progenerant aquilae columbam.

«Сильные родятся только отъ сильныхъ, орлы не высиживаютъ голубей, оселъ передаетъ свою лѣность, лисица свою хитрость, левъ свою крѣпость и человѣкъ свое благородство. Философскій врачъ Вейкардъ говоритъ, что не только цѣлыя семейства были о пяти и шести пальцахъ или съ рогами, но также цѣлыя семейства самоубійцъ или глупыхъ людей. «Когда», говорилъ Сципіонъ о Метеллѣ: «когда его мать родитъ пятаго ребенка, то онъ конечно будетъ оселъ».

«Если свойства тѣлесныя, какъ пальцы и рога; если качества душевныя, какъ самоубійство или тупость, переходятъ въ цѣлыя

поколѣнія, то зачѣмъ также не величіе души? благородство души? Человѣкъ имѣетъ право ожидать отъ *глупыхъ* родителей *глупаго* сына; такъ почему же отъ *благородныхъ* родителей не *благороднаго* сына?

«Что такое душа! О, кто знаетъ это?—Отдѣли желѣзистую землю отъ ея флорлстона, и магнитъ не будетъ болѣе притягивать желѣза. Отдѣли составныя части тѣла, и человѣкъ не мыслитъ болѣе. Пресыщенный желудокъ затмѣваетъ божественный свѣтъ души. Но какъ бы то ни было, духъ ли душа; однако всякій скептикъ долженъ согласиться, что то мыслящее существо, которое управляетъ моральными поступками, иногда бываетъ ограничено совершеннѣйшею, или несовершеннѣйшею организаціею тѣла, а иногда снабжено свободнѣйшею дѣятельностію. Но кому обязаны мы крѣпостію или безсиліемъ, красотою или безобразіемъ тѣла? — нашимъ родителямъ. Итакъ почему же все равно, благородный или неблагородный сообщилъ мнѣ свою организацію? Сынъ получаетъ въ наслѣдство отъ отца своего ипохондрію, *болѣзнь души*; такъ почему же не получаетъ онъ и благородство, *здоровье души?*

«Если добродѣтель, говоря съ Плутархомъ, есть одна только долговременная привычка, то почему не такъ легко можетъ привыкнуть къ исполненію добродѣтели цѣлая фамилія, какъ одинъ человѣкъ? Молодой дворянинъ родится; правила чести еще прежде него существовали въ его семействѣ, все что ни окружаетъ его, внушаетъ ему ея законы, и онъ непримѣтно становится честнымъ человѣкомъ, подобно тому, какъ въ тѣхъ земляхъ, гдѣ видишь около себя одни только красивыя лица, родятся только и красивые люди.

«Когда Гомеръ думаетъ въ Одиссеѣ и Еврипидъ въ Гераклидѣ, что весьма мало сыновъ были подобны отцамъ; когда Демосѳенъ ставитъ почти закономъ судьбы, что лучшіе отцы всегда оставляли по себѣ худшихъ сыновъ; то это слова только стихотворца и оратора; я держусь опыта и восклицаю съ Лессингомъ: «кто увеличиваетъ, тотъ ничего не говоритъ! Зачѣмъ намъ сражаться чужимъ оружіемъ? мы рождены съ тѣмъ, чтобы самимъ думать.»

«Однако съ гордостію и радостію ссылаюсь я на философа *Канта*—когда онъ говоритъ о различныхъ человѣческихъ поколѣніяхъ. Все, что только принадлежитъ къ разностямъ, и потому не бываетъ въ самомъ себѣ наслѣдственно, можно произвести со временемъ чрезъ браки, всегда остающіеся въ однѣхъ и тѣхъ же фамиліяхъ, что я называю *фамильнымъ сходствомъ*, гдѣ наконецъ нѣчто характеристическое столь глубоко вкореняется въ силу произражденія, что становится похожимъ на отродье, и подобно сему безпрерывно продолжается. Сіе примѣчено на старомъ венеціанскомъ дворянствѣ,

особливо на таможенныхъ дамахъ. По крайней мѣрѣ въ Отагейтѣ благородныя женщины всѣ вообще гораздо большаго росту, нежели простыя. На возможности, чрезъ рачительное отдѣленіе выродковъ и хорошихъ родовъ, наконецъ утвердить продолжительное фамильное сходство, основалось мнѣніе г-на *Мопертуиса*,—чтобы перевести одно *благородное* отъ натуры поколѣніе въ какую либо провинцію, гдѣ умъ, способности и праводушіе дѣлались бы наслѣдственны.

«Когда натура сотворила вообще благородныя и неблагородныя *поколѣнія*, то почему же не сотворила она благородныхъ и неблагородныхъ *фамилій?* Американецъ и негръ, народы южной и восточной Азіи, признаютъ высшее дворянство европейцевъ; они приносятъ имъ своихъ женъ и дочерей, желаютъ привить вѣтвь сего благороднаго поколѣнія къ своему, и ставятъ то себѣ за честь, за что они наказываютъ смертію изъ собственнаго своего народа въ жару ревнивости. Европейцы благороднѣе креоловъ, мулатты местицовъ, первородные индѣйцы замбисовъ, вольные негры и старые негры невольники своихъ африканскихъ братьевъ. Что касается *вообще до породы*, то относится къ *каждому порознь*. Натура сотворила благородные *народы*, натура сотворила благородныя *поколѣнія*. Если смѣшать гренландцевъ съ европейцами, то *народное благородство* потеряется, а если сочетать Геца Берлихингскаго съ дочерью Ридгерогса, то потеряется *кольнное благородство*. Какъ въ тринадцатомъ столѣтіи дворянство было столь многочисленно, что нѣмецкая земля не могла его кормить, тогда многіе дворяне перешли въ иностранную службу, даже въ Константинополь къ греческому императору. Многіе переселились въ Венгрію, составили тамъ королевскую лейбгвардію; ихъ почитали на равнѣ съ князьями и такъ же получили название Prinsipes. Оттонъ фонъ Фрейзингенъ утверждаетъ: что до тѣхъ поръ безобразная венгерская нація чрезъ смѣшеніе съ нѣмецкими дворянами была облагородствована. Если бы къ нимъ послали гренландцевъ, то бы этого не произошло. «Кровь и родъ *общи*, *благородной* или *сіятельной*». Такъ говорили старые дворяне датчане. Плодъ соотвѣтствуетъ дереву, сынъ подобенъ благородному отцу. Благородство души очевидно напечатлѣвается въ чертахъ сыновъ и внуковъ. Въ пастушеской одеждѣ приближался Регнеръ къ милой Сангитѣ, но едва молодая дѣвица увидѣла его благородный видъ, пламенные глаза, какъ вскричала; «Ты не тотъ, чѣмъ себя представляешь! Твои глаза показываютъ королевскаго сына!» Саксо Грамматикъ приводитъ многіе примѣры, отчасти смѣшные, въ которыхъ благородство рода было узнано по одному только виду, даже и тогда, когда оно было покрыто рубищемъ.

«Съ нами точно такъ бываетъ, какъ съ благородными собаками

и лошадьми. Родословныя арабскихъ лошадей простираются часто въ тринадцатое столѣтіе. Такія благородныя лошадиныя поколѣнія отличаются не только красотою, но даже кротостію; общежительностію, умомъ и терпѣніемъ.... Почти также поступаютъ съ лошадьми въ Парагваѣ. Вообще все равно, дѣлаетъ ли наблюдатель свои изслѣдованія истины надъ людьми или звѣрями, — заключенія остаются однѣ и тѣ же.

«Правда, воспитаніе молодаго дворянина весьма различно отъ воспитанія неблагороднаго, и дѣйствуетъ на душу и тѣло; кто это отвергаетъ? Однако, хотя былъ бы слѣпой подражатель Гельвеціевъ, который бы утверждалъ, что воспитаніе можетъ перемѣнить Герострата въ Сократа. Съ тѣломъ крѣпко соединено то непонятное, что мы называемъ *душою*. Если болитъ одно, то и другая страждетъ; и если здорово и крѣпко первое, то добродѣтель имѣетъ свободное мѣсто и въ другой. Злодѣй всегда боленъ, хотя мы наружно и не примѣчаемъ того, — сѣмя всѣхъ пороковъ всегда лежитъ въ недостаточной организаціи тѣла, которое дали отецъ и мать. Сколь много, или сколь мало имѣютъ вліянія на то отецъ и мать, то основывается на неизвѣстныхъ законахъ природы. Но если оба они *благородны*, то конечно и сынъ *будетъ благороднымъ*, и тогда зависитъ только отъ воспитанія *благородно образовать его*.»

Съ неотразимою силою доводовъ, приводимыхъ г. Коцебу въ пользу потомственнаго благородства души, трудно не согласиться. Очень жаль только, что онъ опровергаетъ самъ себя самымъ усерднымъ образомъ, доказывая въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія, что возможна не только передача благородства титулованнаго отъ предковъ потомкамъ, безъ внутренняго благородства души; но что и внутреннее благородство самихъ предковъ во многихъ случаяхъ можетъ подлежать большому сомнѣнію.

«Весь свѣтъ, говоритъ онъ: есть только одно великое семейство. Мужикъ доводится съ родни Габсбургскому дому и нищій — Вельфенскому. Родословная, сбереженная отъ крысъ и мышей, не есть достоинство. Стыдливая улыбочка блеститъ на щекахъ истиннаго дворянина, когда онъ смотритъ на особливое производство слова предковъ (Ahnen) въ примѣчаніи Саксонскаго зерцала. Спартанскіе короли имѣли при себѣ поваровъ и трубачей, которые оставляли чины свои въ наслѣдство своимъ дѣтямъ, несмотря на то, умѣли ли послѣдніе стряпать кушанья или трубить. Также смѣшно благородство предковъ *безъ добродѣтели предковъ*, съ тѣмъ только различіемъ, что не по заслугамъ пріобрѣтенное дворянство можетъ дѣлать тысячу несчастныхъ, и, напротивъ того, не очень важно было, если игра не очень нравилась спартанскому королю, или пригорѣла бы его чер-

ная похлебка. Также слава предковъ весьма часто обманываетъ насъ. Грубая древность имѣла другой масштабъ для великости; часто не доставало у историковъ собственнаго благородства души, чтобы по достоинству цѣнить чужія дѣла. Многіе бѣжали бы отъ своихъ предковъ, если бы поставить ихъ въ срединѣ оныхъ. Только бросьте взглядъ на необразованныхъ людей XIV и XV вѣка, и увидите, какъ они думали только о турнирахъ и войнахъ; какъ стремились *во имя Господне* повергать на стогнахъ бѣдныхъ ремесленниковъ и ихъ грабить; какъ они въ одинъ часъ умерщвляли, а въ другой напивались до пьяна; какъ забавлялись жалостною и бѣдственною пѣснію народа, и смѣялись глупымъ словамъ придворнаго шута; какъ продавали съ публичнаго торга свое мщеніе. Посмотрите, какъ они ожидали неосторожнаго путешественника въ своемъ высокомъ замкѣ, повергали его на землю, или требовали у него рыцарской милостыни; вы увидите, что не было конца войнамъ, и что даже поваренные мальчишки объявляли ее милостивымъ своимъ государямъ... О, еже-ли бы я, говоритъ Коцебу: — не слышалъ къ несчастію часто справедливыхъ жалобъ, что благородное происхожденіе подавляетъ обыкновенно прилежаніе и поревнованіе, что дворянинъ близокъ къ верху, ему стоитъ сдѣлать нѣсколько ступеней,—оттого онъ лѣнится и думаетъ, что тому надобно быть такъ, что ему не нужно заслуги, что благородное происхожденіе подобно богатому наслѣдству, отъ процентовъ котораго онъ можетъ кормиться. Ахъ! знатное происхожденіе прилично благородному Телемаку, но заслуги должны быть его менторомъ...

Tu es grand, tu es puissant, ce n'est pas assez, fais quezje te estime.

Но если дворянинъ Коцебу впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, не находя возможности жизненныхъ явленій уладить съ мнѣніемъ о потомственной передачѣ внутренняго благородства, то нѣкоторые вольнодумцы идутъ гораздо далѣе. Несмотря на неопровержимые доводы Коцебу, они отвергаютъ совершенно теорію о передачѣ внутренняго благородства. Виландъ насмѣхается надъ мыслію, что дѣтей простыхъ гражданъ должно считать неблагородными; высказываетъ сомнѣніе въ строгомъ цѣломудріи всѣхъ нашихъ матерей, бабокъ и прабабокъ; говоритъ, что дворянинъ ничѣмъ не лучше по рожденію сапожника, что онъ не клалъ въ своихъ пеленкахъ ни конфетъ, ни Creme a la fleur d'Orange и т. п. Другіе идутъ еще дальше. Дюлеръ въ своей исторіи «Histoire de la noblesse», обличая во лжи стихъ Галлера:

Kein Uebel auf der welt das nicht ein pfaffe that!

говоритъ, что, по его мнѣнію, нѣтъ ни одного зла въ мірѣ, кото-

раго не учинилъ бы дворянинъ. Сочинитель *Гренландскихъ процессовъ* сравниваетъ древнее дворянство съ старымъ сыромъ, предковъ съ червячками. Онъ думаетъ, что потомки представляютъ въ себѣ намъ предковъ, подобно лужѣ, изображающей солнце. На всѣ эти крайнія выходки людей, очевидно раздраженныхъ, бѣсится дворянинъ Коцебу, — и, по нашему мнѣнію, совершенно справедливо.

Мнѣніе о существованіи различныхъ породъ людей съ потомственною, разумѣется, передачею качествъ породы подтверждается отчасти современною наукою. Читателямъ конечно извѣстно предположеніе новѣйшихъ ученыхъ естествоиспытателей, о постепенномъ развитіи различныхъ видовъ животныхъ, ни въ чемъ повидимому въ настоящее время между собою не сходныхъ, отъ одной или немногихъ первоначальныхъ формъ. Различія въ настоящее время существенныя могли произойти отъ разныхъ случайныхъ причинъ, давшихъ немногимъ недѣлимымъ извѣстнаго вида другую, видоизмѣненную отъ другихъ недѣлимыхъ того же вида, форму; форма эта при благопріятныхъ условіяхъ сложилась счастливо, окрѣпла и узаконилась чрезъ размноженіе подобныхъ недѣлимыхъ, — и такимъ образомъ произошла новая порода, лучшая и высшая той, отъ которой она произошла. Ученые французскіе находятъ возможнымъ эту теорію перехода видовъ приложить къ человѣческимъ расамъ, доказывая между прочимъ, что одна порода людей не могла бы распространиться во всѣ части земнаго шара, гдѣ теперь встрѣчается человѣкъ.

Распространеніе изслѣдованій естественно-историческихъ на человѣка дало и еще нѣкоторые *положительные* результаты. Уже съ 1839 года Буже де Пертъ составляетъ коллекцію различныхъ предметовъ, встрѣчающихся въ прежнихъ геологическихъ формаціяхъ. Между ними находятся въ значительномъ количествѣ каменные топоры. Въ 1849 году онъ издалъ сочиненіе по этому предмету и достовѣрность его открытія была повѣрена рядомъ ученыхъ путешественниковъ, разсматривавшихъ его коллекцію. Это грубые эллиптическіе куски, обточенные по всей своей окружности, неполированные и представляющіе множество неровностей и трещинъ. Они найдены въ дилувіумѣ, формаціи, древность которой далеко превосходитъ древность нижнихъ слоевъ нильскаго аллувіума. Въ тѣхъ же слояхъ, гдѣ находятся упомянутые топоры, встрѣчаются остатки первобытнаго слона, ископаемаго быка и т. п., принадлежащіе къ исчезнувшимъ породамъ. Два года тому назадъ Фонтенъ открылъ въ Пиренеяхъ двухъ-этажную пещеру, въ верхнемъ этажѣ которой находились различныя кости ископаемыхъ животныхъ вмѣстѣ съ костями человѣка; внизу же, среди подобныхъ же

костей животныхъ, острея стрѣлъ изъ оленьяго рога и изъ кости. Эти острея были снабжены зазубринами и впадинами, какъ бы для помѣщенія въ послѣднихъ яда. Въ Англіи нашли остріе стрѣлы, воткнутое въ кость ископаемаго оленя. Всѣ эти остатки доказываютъ древность человѣческаго рода. Возраженія, при этомъ представленныя Кистельмо, оказались несостоятельными. По всей вѣроятности, эти первые люди изготовляли свои каменныя орудія не для битвъ, но для рубки и обдѣлки лѣса, который доставлялъ имъ оружіе. Когда нужно было рубить дерево, они ударяли однимъ камень о другой; пока его обтачивали; неровности служили для удобнѣйшаго обращенія съ этимъ орудіемъ, и чтобы долѣе употреблять, его обтачивали по всей окружности. Впрочемъ форма череповъ этихъ старинныхъ породъ показываетъ ихъ слабое развитіе, сближающее ихъ съ современными кретинами. Въ пещерѣ горы Шово, на 40 метровъ ниже ложа Мааса, найдены головы съ маленькимъ черепомъ, выдающимися челюстями, наклонными зубами и лицевымъ угломъ въ 70°. Даже въ эпоху, когда люди научились полировать камень, въ эпоху несравненно ближайшую къ историческому времени, жили люди съ плоскими головами (брахикефалы), по изслѣдованіямъ датскаго ученаго Стеенстрепа. Они полировали камни треніемъ въ круглыхъ ямахъ. Но порода людей, которымъ принадлежатъ топоры, найденные Буше де Пертомъ, должна быть несравненно древнѣе тѣхъ, черепа которыхъ найдены въ пещерахъ Шово и въ Даніи. Въ современномъ состояніи человѣческаго рода Изидоръ Жоффруа Сентъ-Иллеръ насчитываетъ 12 расъ, и изъ нихъ четыре главныхъ: кавказскую, монгольскую, эѳіопскую и готтентотскую, указывая при этомъ нѣсколько замѣчательныхъ физіологическихъ отличій между ними» («От. Зап.» Февраль).

Принимая во вниманіе изысканія современной науки, принимая во вниманіе безконечную разницу, которая усматривается въ нашемъ отечествѣ между людьми благородными и мужиками, почему бы мы не могли отнести послѣднихъ къ тѣмъ низшимъ; первоначальнымъ формамъ людей, отъ которыхъ въ незапамятныя еще времена, при содѣйствіи счастливыхъ обстоятельствъ, нѣсколько недѣлимыхъ успѣли отдѣлиться, счастливо организоваться и, постепенно усовершенствуясь, образовать нынѣшнюю породу людей благородныхъ; — или почему бы не отнести ихъ къ потомкамъ ископаемыхъ хоти не тѣхъ, которымъ принадлежатъ каменные топоры, найденные Буше де Пертъ, а положимъ тѣхъ, черепа которыхъ найдены въ пещерахъ Шово и Даніи? Намъ кажется, что мужички наши этимъ не обидятся! Да и обидѣться, кажется, нечѣмъ. Все таки мы не исключаемъ вѣдь ихъ изъ числа людей, а относимъ только къ породамъ низшимъ.

Если же мужики не люди, или люди, но низшего порядка, не того, къ которому принадлежатъ люди истинные, т. е. благородные, то казалось бы и образовывать ихъ, и даже учить грамотѣ нѣтъ никакой надобности. Такъ дѣйствительно и думали древніе. Тоже мнѣніе высказывали и нѣкоторые изъ новѣйшихъ россіянъ, людей весьма почтенные. Если не ошибаемся, то того же мнѣнія держится и Викторъ Ипатьичъ Аскоченскій. По его мнѣнію, если человѣкъ хранитъ вѣру и чистое сердце, то онъ легко можетъ обойдтись безъ грамотности; грамотность, пожалуй, еще развратитъ и погубитъ его.

Какъ ни основательно это мнѣніе, оно оказывается однакожь не совсѣмъ удобоприложимымъ на дѣлѣ, уже потому одному, что наше любезное отечество имѣетъ слабость причислять себя къ европейскимъ государствамъ, а въ послѣднихъ образованіе мужиковъ, неизвѣстно почему, почитается дѣломъ необходимости. И не то, чтобы хлопотали объ этомъ, только неугомонные либералы, а хлопочутъ сами правительства. Еще Фридрихъ Вильгельмъ III, немедленно по вступленіи своемъ на прусскій престолъ, далъ слѣдующій замѣчательный приказъ министру Массову:

«Вамъ извѣстно, что на школьное образованіе въ моемъ государствѣ я смотрю какъ на предметъ, заслуживающій всего моего вниманія и заботливости. Ученіе и воспитаніе образуютъ человѣка и гражданина. То и другое ввѣряется обыкновенно школамъ; потому школа имѣетъ весьма важное вліяніе на благосостояніе государства. Это давно уже признано всѣми, и однакожь досель почти исключительно заботились только о такъ называемыхъ ученыхъ школахъ, тогда какъ гораздо большей заботливости требовали школы сельскія и школы для горожанъ, какъ потому, что въ этихъ школахъ нуждается гораздо большее число моихъ подданныхъ, такъ и потому, что, исключая немногихъ опытовъ, для этихъ школъ досель ничего предпринимаемо не было. Теперь время позаботиться о приличномъ воспитаніи и крестьянскихъ дѣтей и дѣтей горожанъ. При этомъ должно имѣть въ виду ту цѣль, чтобы образовать изъ нихъ благомыслящихъ, покорныхъ и трудолюбивыхъ гражданъ и земледѣльцевъ. Сообразно съ этою цѣлію со всею тщательностію должна быть составлена программа для ихъ ученія. Если будетъ недостатокъ въ деньгахъ, то недостатокъ этотъ должно пополнить государство. Я твердо увѣренъ, что вы употребите всѣ силы, чтобы привести въ исполненіе это мое отеческое намѣреніе относительно моихъ подданныхъ.»

Нынѣ Германія учится поголовно. «Дѣти обязаны учиться въ Германіи всѣ безъ исключенія, и, согласно этой обязанности, отъ 6 и по крайней мѣрѣ до 12 лѣтъ посѣщать школу. Время такой обя-

занятія въ будничныхъ училищахъ для протестантскихъ дѣтей продолжается до дней конфирмованія. Конфирмація наступаетъ со 13 г., при чемъ должна быть исполнена не позже 30 апрѣля. Кто до 30-го апрѣля достигнетъ 13 лѣтъ, того конфирмуютъ. Послѣ обученія въ будничныхъ школахъ наступаетъ обязанность посѣщенія воскресной школы прежде до 18 лѣтъ, нынѣ до 16-тилѣтняго возраста. Никто не можетъ принять на себя никакой общественной должности, ни заняться промысломъ, ни жениться, если не представитъ надлежащаго свидѣтельства о посѣщеніи праздничнаго училища. Обязанность посѣщенія праздничной школы продолжается и во время бытности въ латинскомъ училищѣ или гимназіи. Сидѣльцы, ученики и подмастерья ремесленниковъ и торговцевъ отъ такого посѣщенія не увольняются. Всѣ предложенія о продолженіи ученія въ будничныхъ школахъ и сокращеніи срока для посѣщенія праздничныхъ до 1856 года рѣшительно отвергались. Въ этомъ же году продолженъ срокъ будничныхъ школъ для католиковъ до достиженія ими 13-тилѣтняго возраста, воскресное ученіе сокращено 2-мя годами для всѣхъ исповѣданій, обязательный срокъ изученія закона Божія до 18-тилѣтняго возраста остался и теперь въ силѣ. Положеніемъ 1856 года, частное обученіе и частныя воспитательныя заведенія подчинены строгому контролю, дабы подъ видомъ частнаго обученія, часто допускающаго послабленіе, не обходили обязанности посѣщать школу. . . . .

«Давать дозволеніе заниматься частнымъ преподаваніемъ предоставлено низшимъ инстанціямъ управленія. Дабы ни одно дитя и на самое короткое время при переходѣ въ другой училищный округъ не могло ускользнуть отъ школьнаго ученія, назначается время для перехода и даже требуется удостовѣреніе въ дѣйствительности такого перехода» («Русс. Педаг. Вѣст.» № 2).

Изъ приведеннаго нами приказа Фридриха Вильгельма III-го читатель усмотрѣлъ уже, что грамотность необходима не только для самаго народа, но и для государства, образуя изъ народа гражданъ благомыслящихъ, покорныхъ... Въ этомъ отношеніи и у насъ очень многіе признаютъ необходимость грамотности, какъ средства для религіознаго воспитанія народа, весьма мало знакомаго съ истинными религіозными понятіями. Одинъ начальникъ, во время своихъ объѣздовъ по селамъ и деревнямъ, усмотрѣлъ разительные и ужасающіе примѣры религіознаго невѣжества въ народѣ. Не только въ мѣстахъ степныхъ, но и въ селахъ торговыхъ и даже подгородныхъ, гдѣ самыя условія быта способствуютъ къ обобщенію съ людьми всякаго званія и слѣдовательно всякаго развитія, многіе не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о св. Троицѣ, — о Іисусѣ Христѣ

знаетъ только то, что ему надо молиться, но молиться также, какъ Николѣ и Митрофанію угодникамъ,—о Пресвятой Дѣвѣ Маріи какъ бы и не слыхивали вовсе, а если когда и молятся и [illegible] Богородицѣ, то или совершенно безсознательно, или представляютъ себѣ что-то неопредѣленное, чему также слѣдуетъ молиться («Рус. Инв.» № 100).

Но грамотность нужна для народа не только въ видахъ наставленія его въ религіи, въ видахъ образованія благомыслящихъ и покорныхъ гражданъ, но и въ видахъ сельско-хозяйственныхъ, въ видахъ принятія къ народу разныхъ улучшеній въ земледѣліи, въ домашнемъ быту и т. д. Вотъ что говоритъ по этому предмету одинъ *сельскій хозяинъ*:

«Возможна ли предпріимчивость въ народѣ, смотрящемъ искоса на всякое орудіе, боящемся, какъ огня, какъ посягательство на личность или собственность всякаго улучшенія (нововведенія) въ земледѣльческомъ, ремесленномъ или другомъ трудѣ. Даже улучшенія въ собственномъ быту поселянина, какъ бы они видимы, осязательны ни были, не доступны крестьянину, не понимающему ни пользы, ни выгоды этого улучшенія. Скажите, напримѣръ, чтобы онъ поставилъ свою избу на каменномъ фундаментѣ, или хотя на каменныхъ (вмѣсто деревянныхъ) столбахъ, даже тамъ, гдѣ камень подъ бокомъ, бери, сколько хочешь, а лѣсъ далеко и дорогъ; доказывайте ему, сколько хотите, что это выгоднѣе, что это чистое сбереженіе денегъ и труда, что лѣсъ скоро подгніетъ, изба развалится, а на камнѣ она простоитъ долго безъ поправки, онъ ни за что не послушаетъ, никакія убѣжденія, примѣры, даже поощренія не подѣйствуютъ, его надобно заставить это сдѣлать насильно (подъ страхомъ наказанія) для его собственнаго блага. Скажите ему, чтобы онъ исправилъ дорогу, заровнялъ канавку, водомоину или рытвину, которую ежедневно переѣзжаетъ, иначе онъ потеряетъ много хлѣба (отъ разструски) при перевозкѣ и вдобавокъ изломаетъ телегу, онъ не послушаетъ, и хотя точно изломаетъ телегу разъ, другой,— дороги все-таки не заровняетъ; тогда какъ на поправку дороги требуется гораздо меньше времени, чѣмъ на починку телеги. Посовѣтуйте ему подковать лошадь въ гололедицу, докажите ему необходимость примѣромъ сосѣда, у котораго, въ прошлую осень, некованная лошадь изломала ногу, падая, — онъ не послушаетъ. Посовѣтуйте не накладывать въ гору такихъ огромныхъ возовъ, доказывайте, сколько хотите, что въ этомъ нѣтъ никакого разсчета, что онъ скорѣе въ два раза перевезетъ тоже и меньше заморитъ лошадь, нежели втянетъ разъ очень тяжелый возъ, что лошадь можетъ надорваться; нѣтъ, не послушаетъ, будетъ цѣлый часъ бить [illegible] несчастное

животное, чтобы оно втащило возъ не по силамъ, забьетъ ее до полусмерти; лошадь надорвется, онъ ее продастъ татарамъ по негодности за безцѣнокъ, и въ будущемъ году будетъ опять накладывать такіе же возы. Скажите ему, что хлѣбъ на его полѣ перезрѣлъ, что пора жать, иначе высыпится, посовѣтуйте ему самому убѣдиться въ справедливости вашихъ словъ (сжавъ $1/4$ десятины во-время), ни за что не исполнитъ, не послѣдуетъ даже примѣру, особенно если выгодныхъ послѣдствій достигъ не мужикъ простой, а помѣщикъ, колонистъ и обрюко-содержатель.»

«Но всего не перечислишь. Даже самаго доступнаго понятіямъ крестьянъ и ихъ быту, изъ того, что поселянинъ легко бы могъ сдѣлать лучше, не дѣлаетъ потому только, что закаленъ въ невѣжественной неподвижности. Послѣ этого и подавно возможно ли введеніе порядка, образованнаго административнаго устройства, среди народа совершенно невѣжественнаго? Возможно ли искорененіе расколовъ въ народѣ, неимѣющемъ никакихъ понятій о правилахъ вѣры? Если признавать расколы нравственными болѣзнями, эпидеміями, то надобно и дѣйствовать противъ нихъ точно такъ, какъ дѣйствуютъ противъ эпидеміи. Начинаютъ лечить не только заболѣвшихъ,—ихъ часто лечить бываетъ уже поздно, а стараются предотвратить распространеніе эпидеміи на здоровыхъ, укрѣпивъ ихъ физичеческія силы правильнымъ образомъ жизни (гигіеною). Надобно связать народъ съ церковью, укрѣпивъ его въ правилахъ вѣры и христіанскаго благочестія познаніемъ евангельскихъ истинъ и наставленій. Отчего расколы такъ распространяются? Оттого, что всѣ раскольники и сектанты большею частію грамотны, хотя мало и тверды въ правилахъ своей вѣры и убѣжденіяхъ, каковы бы они ни были; тогда какъ нашъ православный мужичокъ только крестное знаменіе творитъ, а рѣдкій знаетъ только молитву Господню наизусть, не понимая смысла ея; о правилахъ своей вѣры и богослуженія никто понятія не имѣетъ. Всѣ иновѣрцы не только христіанскихъ исповѣданій, но даже евреи и магометане грамотны, хота настолько, что могутъ читать въ воскресные дни свои духовныя книги, а нашъ православный поселянинъ лишенъ этого утѣшенія и нравственно-полезнаго препровожденія времени» («Экон. Зап.» № 2).

Изъ всѣхъ приведенныхъ нами соображеній очевидно, что грамотность для мужиковъ необходима.

Другое дѣло — образованіе ихъ высшимъ наукамъ. Это для нихъ уже излишняя, ничѣмъ неоправдываемая роскошь. Правда, либералы и здѣсь кричатъ за мужиковъ. Они говорятъ, что каждый талантъ есть капиталъ для государства даже въ экономическомъ отношеніи, что въ массахъ родится множество талантовъ, что если имъ закрыть

путь къ высшему образованію, то государство будетъ разорять само себя. Еще Платонъ въ своей «Республикѣ» говорилъ, что одни золотые созданы владычествовать. Но такъ какъ золотой человѣкъ можетъ быть отцомъ *желѣзнаго*, то послѣ рожденія должно дѣтей всѣхъ перемѣшивать и по обнаруженію способностей отличать лучшихъ отъ худшихъ. О нѣмецкихъ писателяхъ извѣстно, что почти всѣ они, а особенно лучшіе изъ нихъ, были изъ разночинцевъ. Наши либералы разсуждаютъ объ этомъ, такимъ образомъ: «если мы станемъ разсматривать образованіе съ экономической точки зрѣнія, то увидимъ, что образованіе составляетъ пожизненный капиталъ индивидуума и сильнѣйшее орудіе человѣчества для дальнѣйшаго развитія своего благосостоянія, своихъ богатствъ. Образованіе этого капитала есть самая выгодная промышленная операція государства, ибо капиталъ этотъ такого рода, что онъ не можетъ служить къ удовлетворенію инаго потребленія, кромѣ *производительнаго* — это его характеристическая черта, — и если еще до сихъ поръ неоцѣнено вполнѣ это экономическое его достоинство, то единственно потому, что до нашихъ временъ всѣ болѣе или менѣе заражены были дуализмомъ, который вошелъ въ плоть и кровь нашей мысли. Образованіе, разсматриваемое, какъ самый надежный и полезный капиталъ, представляетъ обществу самую выгодную затрату и помѣщеніе капиталовъ, и потому въ интересѣ самаго государства — доставлять помощь желающимъ продолжать свое интеллектуальное развитіе въ какомъ нибудь изъ высшихъ учебныхъ заведеній; государство, чтобъ не пострадали его экономическіе интересы, должно только наблюдать, дѣйствительно ли въ субъектѣ, къ которому оно приложило часть своихъ матеріальныхъ запасовъ, находится на столько способностей, что присоединеніе къ нимъ первыхъ не будетъ безплодно и произведетъ человѣка, который въ состояніи будетъ вознаградить общество, за данныя ему въ заемъ средства: выплатить или своею дѣятельностію, или выплатить ихъ ему деньгами съ извѣстными процентами.» — «Въ дѣлѣ образованія матеріальная затрата на ученіе, хотя и необходима, но чрезвычайно мала въ сравненіи съ чистымъ доходомъ, получаемымъ отъ присоединенія ея къ хорошимъ способностямъ человѣка; общество и человѣкъ — это не два, а одно существо, и правительство, развивая личность, развиваетъ и укрѣпляетъ само себя. Получивъ высшее образованіе, личность выигрываетъ, но общество выиграетъ оттого вдесятеро, ибо плоды и результаты этого образованія имѣютъ характеръ чисто общественный» («Русск. Пед. В.» 1860. № X).

Все это мы приводимъ здѣсь, впрочемъ, не потому, чтобы сами сочувствовали всѣмъ этимъ мыслямъ, а для того только, чтобы пред-

ставить читателю образчики странныхъ и нелѣпыхъ мнѣній либераловъ. Сами же мы, напротивъ, думаемъ, что нѣтъ никакой нужды давать мужикамъ доступъ къ высшему образованію. Что за выгода, что въ государствѣ будетъ много Ломоносовыхъ, Кольцовыхъ и т. д. Государство мало можетъ чувствовать потребности въ ученыхъ, поэтахъ и т. д. Ему болѣе нужны солдаты, чиновники, ремесленники, чернорабочіе и т. п. Впрочемъ, и безъ ученыхъ и особенно безъ поэтовъ государство никогда не останется. Въ случаѣ нужды по части поэзіи лирической подтянутъ и князь Вяземскій, и князь Кугушевъ, и графъ Соллогубъ и др. А давать мужикамъ доступъ къ образованію неудобно уже и потому, говоритъ баронъ Николаи, что этимъ искуственно возбуждаются въ нихъ потребности, которыхъ они въ настоящее время не имѣютъ, и которымъ удовлетворить не всегда въ состояніи. А кромѣ того баронъ Николаи думаетъ, если всѣ мужики пойдутъ въ университетъ, кто же будетъ землю пахать? — Пожалуй, такъ мы насидимся безъ и хлѣба. Однимъ словомъ: мы совершенно согласны съ барономъ Николаи, который разсуждаетъ объ этомъ предметѣ такъ резонно, что мы поставляемъ за особенное удовольствіе украсить нашу статью его подлинными словами.

«Никакое благоразумное правительство не только не захочетъ пригласить *земледѣльца*, чернорабочаго, однимъ словомъ—сословіе, живущее трудами рукъ своихъ, къ такому образованію, которое прилично и нужно для сословія, дѣйствующаго на поприщѣ духовномъ, государственномъ и ученомъ, но сочтетъ необходимымъ направить каждое сословіе къ той степени просвѣщенія, которая, удовлетворяя его нравственнымъ способностямъ, не создавала бы нужды искуственныя, неудовлетворимыя, порождающія только неудовольствіе, зависть и тѣ чувства *междусословныя*, которыя въ разныхъ странахъ Европы такъ много способствовали къ потрясенію общественнаго порядка и къ разстройству народнаго благосостоянія.

«Если сынъ земледѣльца поступитъ въ университетъ, то онъ, вѣроятно, по окончаніи курса не обратится къ полевымъ работамъ и не проведетъ жизнь свою за плугомъ, на повозкѣ, каменщикомъ или столяромъ; онъ сдѣлается или медикомъ, или чиновникомъ, или ученымъ, или промышленникомъ въ огромныхъ размѣрахъ, т. е. главою какого нибудь промышленнаго заведенія; и если бы всѣ мужики пошли въ университетъ, то мы остались бы при одной духовной пищѣ, безъ хлѣба, что было бы довольно неудобно.

«Анархисты и соціалисты большею частію принадлежатъ къ такому разряду людей, которые отстали отъ бѣдныхъ и слабыхъ классовъ, и гнушаются ими; которые учившись, но недоучившись, считаютъ себя духовно превосходными, и желая пристать къ другимъ

сословіямъ, готовы мстить каждому за неготовность признать это мнимое духовное превосходство. Для такихъ людей разрушеніе всего существующаго есть вѣрнѣйшій способъ выйдти изъ ложнаго положенія. Если бы они остались въ той сферѣ, къ которой они были предназначены, если бы они пахали землю или шили сапоги, вмѣсто того, чтобы слушать курсы, не дослушавъ ихъ, то имѣя обезпеченное существованіе, они не нуждались бы въ томъ, чтобы жить и наслаждаться на счетъ общественнаго спокойствія. Schuster bleib bei deinen Leisten, также старая, но хорошая поговорка; въ тотъ день, когда всѣ мужики захотятъ идти въ университетъ, приговоръ общества будетъ произнесенъ. Для теоріи это можетъ быть прискорбно; но на практикѣ это такъ; всякому желудку можно предложить только то, что онъ можетъ переварить» («Русск. Педаг.» Вѣст. 1860. № X, VII).

Всѣ эти разсужденія барона Николаи такъ милы и такъ наивны, что даже трогать ихъ жаль. Quiescant in pace!

Переходимъ теперь къ вопросу о женщинахъ. Женщины—люди ли?—Вопросъ этотъ для рѣшенія гораздо труднѣе или, точнѣе сказать, щекотливѣе, чѣмъ вопросъ о мужчинахъ. Относительно женщинъ существуютъ мнѣнія самыя крайнія. Одни говорятъ, что онѣ несравненно ниже мужчинъ, другіе, — что онѣ безконечно выше ихъ. И такъ какъ мнѣнія эти крайнія, то сторонники того и другаго мнѣнія никакъ не могутъ разсуждать спокойно и готовы идти на ножи. Потому разсуждать и pro и contra становится весьма опасно.

Если мы съ вопросомъ о женщинахъ обратимся къ древности, то увидимъ, что древность была не особенно лестнаго мнѣнія о женщинахъ. О Востокѣ нечего и говорить. Весь Востокъ держалъ женщину въ ежовыхъ рукавицахъ. Въ Индіи жена была рабою мужа, и деспотизмъ послѣдняго освящался самой религіей. Законъ Ману говоритъ: «Женщина вполнѣ зависитъ отъ своего мужа, своихъ дѣтей, ближайшихъ по мужѣ родственниковъ и никогда не можетъ управлять сама собою. Если бы мужъ ея велъ жизнь самую порочную, если бы онъ не имѣлъ ни одного добраго качества,—то жена и тогда должна постоянно чтить его, какъ Бога». По религіозному взгляду индійцевъ рожденіе дочерей почиталось послѣдствіемъ множества грѣховъ, совершенныхъ *духомъ*, за которые послѣдній присуждался къ рожденію дѣвочекъ? Законъ дозволялъ мужчинѣ подъ всѣми возможными предлогами оставлять жену, но жена ни въ какомъ случаѣ не могла оставить мужа, ни просить развода съ нимъ. По народной вѣрѣ индійская жена могла въ двухъ случаяхъ получить небесное блаженство—когда она оказывала безусловную, рабскую покорность своему мужу, или когда воспитывала сына, который могъ совер-

шить надъ нею погребальныя церемоніи. Множество новорожденныхъ дѣвочекъ было умерщвляемо.

Въ Китаѣ на рожденіе дочери смотрятъ, какъ на семейное несчастіе. Женщина имѣетъ такое же значеніе въ домѣ, какъ рабъ. Мужъ есть «небо» своей жены, жена только «тѣнь его и эхо». Мужъ имѣетъ право оставить свою жену, если она ему не нравится. Объ отношеніяхъ къ женщинѣ народовъ магометанскихъ намъ нѣтъ нужды говорить; они всѣмъ извѣстны. Потому обращаемся къ древнимъ образованнымъ народамъ, грекамъ и римлянамъ.

Положеніе женщины въ Греціи и Римѣ было лучше въ первоначальныя времена этихъ государствъ, чѣмъ впослѣдствіи, когда достоинство людей стало оцѣниваться исключительно политическимъ ихъ значеніемъ. Уже потому самому, что женщина не играла никакой роли на политической аренѣ, что ея дѣятельность ограничивалась только домашними занятіями, она могла занимать въ общественной лѣстницѣ мѣсто самое незначительное. Въ Аѳинахъ женщина могла наслѣдовать въ томъ только случаѣ, когда не было наслѣдниковъ мужескаго пола. Сыновья наслѣдовали равныя части, дочерямъ выдѣлялось наслѣдство по усмотрѣнію ихъ братьевъ. Женщины почитались какъ бы несовершеннолѣтними и въ отношеніи дѣтей были безсильны противъ отеческой власти мужчинъ. Браки заключались безъ взаимнаго согласія брачущихся, отецъ самъ изъявлялъ согласіе за своихъ дѣтей, не спрашивая о ихъ склонности. Объ образованіи женщинъ заботились весьма мало; оно ограничивалось большею частію только музыкою. Государственные мужи и философы любили проводить время не съ замужними женщинами, а съ гетерами, которыя при тѣлесной красотѣ блистали нерѣдко и утонченнымъ образованіемъ, какъ, напримѣръ, Аспазія. Аристотель говоритъ о женщинѣ: «если она и имѣетъ волю, то эта воля безъ права, и если она способна къ добродѣтели, то это добродѣтель малымъ чѣмъ отличается отъ добродѣтели рабовъ. Мужъ составляетъ душу, которой принадлежитъ господство, а женщина только тѣло, которое должно повиноваться.» Онъ же говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что женщины представляютъ собою родъ чудовищъ и служатъ началомъ къ извращенію натуры. Платонъ говоритъ въ своемъ Тимеѣ: «кто жилъ беззаконно, тотъ во второмъ своемъ рожденіи переходитъ въ тѣло женщины, — а если онъ и здѣсь не отстанетъ отъ зла, то переходитъ за тѣмъ во образъ какого нибудь другаго подобнаго ей животнаго».

У римлянъ женщина также не пользовалась полными правами человѣческой личности. Выходя замужъ, она переходила изъ дома отца, по юридическому выраженію, подъ руку мужа и дѣлалась въ домѣ

его, чѣмъ-то въ родѣ пріемыша. Онъ могъ уступить ее другому мужу, какъ Катонъ уступилъ свою жену другу своему Гортензію. Во время отсутствія мужа, она состояла подъ его опекою, по смерти мужа подъ опекою мужниныхъ родственниковъ. Въ Римѣ, какъ и въ Греціи, мужъ могъ умертвить свою преступную жену, или, если онъ не хотѣлъ мстить самъ за оскорбленіе своей чести, могъ принести на нее жалобу, тогда какъ жена не имѣла права жаловаться на невѣрность своего мужа.

Такъ смотрѣли на женщину въ древности. Въ новѣйшія времена, въ большинствѣ европейскихъ обществъ, взглядъ на женщину установился совершенно другой. Къ этому большинству пристали и многіе изъ нашихъ россіянъ. Нынѣ во многихъ нашихъ ученыхъ обществахъ женщины принимаются въ члены, несмотря на то, что у нихъ нѣтъ ученыхъ дипломовъ. А насчетъ дипломовъ, извѣстно, какъ щекотливы наши ученыя общества! Лучше свѣдѣній никакихъ не имѣй и дѣла никакого не дѣлай, а ученый дипломъ чтобъ непремѣнно былъ! Вновь рождающееся Общество *поощренія промышленныхъ способностей* простерло свою любезность къ женщинамъ до того, что значительную часть перваго своего засѣданія употребило на разрѣшеніе глубокомысленнаго вопроса о томъ: могутъ ли женщины, *сдѣлавшись уже членами общесшва*, занимать должности президентовъ, вицепрезидентовъ, секретарей въ обществѣ и т. п., и съ Божіею помощію рѣшило вопросъ этотъ въ пользу женщинъ.

Мы также не безпристрастны къ женщинамъ и полагаемъ, что женщины, по крайней мѣрѣ, у насъ въ Россіи нисколько не хуже мужчинъ, и даже получше ихъ; за границей мы не бывали. Не имѣя никакого обязательнаго призванія къ общественной дѣятельности, онѣ однакожь принимаютъ, на сколько могутъ, горячее участіе въ совершающемся движеніи. Во многихъ городахъ образуются разныя женскія общества съ извѣстными цѣлями для пользы общественной. Такъ въ Саратовѣ образовалось недавно женское благотворительное общество; за Кавказомъ общество св. Нины для распространенія на Кавказѣ просвѣщенія; въ Москвѣ основалось недавно общество распространенія полезныхъ книгъ въ народѣ; это общество не исключительно женское, но женщины приняли въ немъ самое дѣятельное участіе. Это общество особенно заинтересовало насъ въ свою пользу. Мы давно уже читали объ учрежденіи общества распространенія полезныхъ книгъ для народа. Но никакъ не думали, чтобы иниціатива учрежденія этого общества и самое учрежденіе принадлежали женщинамъ. И потому были пріятно изумлены, когда прочитали, что честь эта принадлежитъ дѣйствительно женщинамъ. Поставляемъ

себѣ въ особенное удовольствіе передать извѣстіе о членахъ-учредителяхъ общества.

Въ четвергъ 27 апрѣля было первое собраніе этого общества, въ которомъ предложено было собранію приступить къ выбору комитета лицъ, долженствующихъ составить управленіе общества. Но прежде чѣмъ приступлено было къ избранію, одинъ изъ членовъ общества — Г. Н. Геннади предложилъ изъявить благодарность составлявшимъ временный комитетъ членамъ-учредителямъ за ихъ предварительные труды по устройству общества и не избирать отдѣльно каждаго изъ нихъ, а утвердить весь комитетъ въ цѣломъ его составѣ. Предложеніе это было подвергнуто баллотированію и принято значительнымъ большинствомъ голосовъ. Комитетъ утвержденъ обществомъ въ слѣдующемъ составѣ:

1-й отдѣлъ — книги духовно-нравственнаго содержанія:

Кн. Дар. Андр. Голицына, кн. Елиз. Петр. Долгорукова, Ан. Пет. Исакова, кн. Соф. В. Мещерская. Сотрудники: протоіерей Серг. Григ. Терновскій, священникъ Вас. Алексѣев. Погожевъ.

2-й отдѣлъ — учебники:

Кн. Ек. Вл. Гагарина, Ек. Алексѣев. Палтова, Вар. Евг. Чертова, Сотрудники: Г. Н. Геннади, И. И. Красовскій, Н. Н. Павловъ, Н. Ѳ. Самаринъ.

3-й отдѣлъ — книги для дѣтей:

Нат. Юр. Арсеньева, Елиз. Степ. Дьякова, Ол. Ал. Коваленская, кн. Алекс. Петр. Урусова. Сотрудникъ: Дм. Кап. [illegible].

4-й отдѣлъ — литература:

Пел. Пав. Ахлестышева, кн. Ек. Ник. Ливенъ, граф. Елиз. Вас. Сальясъ, кн. Нат. Борис. Трубецкая. Сотрудники: В. И. Герье, кн. Н. А. Долгорукой, Ѳ. И. Тимирязевъ.

5-й отдѣлъ — домоводство, естествознаніе и проч.:

Гр. Елиз. Никол. Рейтернъ, Елиз. Алексѣев. Драшусова, кн. Ал. Дм. Оболенская, кн. Марья Пав. Щербатова. Сотрудники: Н. С. Арсеньевъ, Г. В. Дмитревскій, А. П. Ефремовъ, А. З. Зиновьевъ.

Сотрудникъ предсѣдательницы Мих. Ник. Капустинъ.

Предсѣдательницею избрана Александра Николаевна Стрекалова (М. В. № 103).

его [illegible] въ родѣ пріемыша. Онъ могъ уступить ее другому мужу, какъ Катонъ уступилъ свою жену другу своему Гортензію. По прекращеніи мужа, она состояла подъ его опекою, по смерти мужа подъ опекою мужниныхъ родственниковъ. Въ Римѣ, какъ и въ Греціи, мужъ могъ умертвить свою преступную жену, или, если онъ не хотѣлъ мстить самъ за оскорбленіе своей чести, могъ принести на нее жалобу, тогда какъ жена не имѣла права жаловаться на невѣрность своего мужа.

Такъ смотрѣли на женщину въ древности. Въ новѣйшія времена, въ большинствѣ европейскихъ обществъ, взглядъ на женщину установился совершенно другой. Къ этому большинству пристали и многіе изъ нашихъ россіянъ. Нынѣ во многихъ нашихъ ученыхъ обществахъ женщины принимаются въ члены, несмотря на то, что у нихъ нѣтъ ученыхъ дипломовъ. А насчетъ дипломовъ, извѣстно, какъ щекотливы наши ученыя общества! Лучше свѣдѣній никакихъ не имѣй и дѣла никакого не дѣлай, а ученый дипломъ чтобъ непремѣнно былъ! Вновь рождающееся Общество *поощренія промышленныхъ способностей* простерло свою любезность къ женщинамъ до того, что значительную часть перваго своего засѣданія употребило на разрѣшеніе глубокомысленнаго вопроса о томъ: могутъ ли женщины, *сдѣлавшись уже членами общества*, занимать должности президентовъ, вицепрезидентовъ, секретарей въ обществѣ и т. п., и съ Божіею помощію рѣшило вопросъ этотъ въ пользу женщинъ.

Мы также не безпристрастны къ женщинамъ и полагаемъ, что женщины, по крайней мѣрѣ, у насъ въ Россіи ничѣмъ не хуже мужчинъ, и даже получше ихъ; за границей мы не бывали. Не имѣя никакого обязательнаго призванія къ общественной дѣятельности, онѣ однакожъ принимаютъ, на сколько могутъ, горячее участіе въ совершающемся движеніи. Во многихъ городахъ образуются разныя женскія общества съ извѣстными цѣлями для пользы общественной. Такъ въ Саратовѣ образовалось недавно женское благотворительное общество; за Кавказомъ общество св. Нины для распространенія на Кавказѣ просвѣщенія; въ Москвѣ основалось недавно общество распространенія полезныхъ книгъ въ народѣ; это общество не исключительно женское, но женщины приняли въ немъ самое дѣятельное участіе. Это общество особенно заинтересовало насъ въ свою пользу. Мы давно уже читали объ учрежденіи общества распространенія полезныхъ книгъ для народа. Но никакъ не думали, [illegible] тива учрежденія этого общества и самое учрежденіе [illegible] женщинамъ. И потому были пріятно изумлены, [illegible] что честь эта принадлежитъ дѣйствительно женщин[illegible]

себѣ въ особенное удовольствіе передать извѣстіе о членахъ-учре-
дителяхъ общества.

Въ четвертъ 27 апрѣля было первое собраніе этого общества, въ
которомъ предложено было собранію приступить къ выбору комитета
[illegible], долженствующихъ составить управленіе общества. Но прежде
чѣмъ приступлено было къ избранію, одинъ изъ членовъ общества
Г. Н. Геннади предложилъ изъявить благодарность составлявшимъ
временный комитетъ членамъ-учредителямъ за ихъ предварительные труды по устройству общества и не избирать отдѣльно каждаго изъ нихъ, а утвердить весь комитетъ въ цѣломъ его составѣ. Предложеніе это было подвергнуто баллотированію и принято значительнымъ большинствомъ голосовъ. Комитетъ утвержденъ общественнымъ [illegible] въ слѣдующемъ составѣ:

1-й отдѣлъ — книги духовно-нравственнаго содержанія:

Кн. Дар. Андр. Голицына, кн. Елиз. Петр. Долгорукова, Ан. Пет. Исакова, кн. Соф. В. Мещерская. Сотрудники: протоіерей Серг. Григ. Терновскій, священникъ Вас. Алексѣев. Погожевъ.

2-й отдѣлъ — учебники:

Кн. Ек. Вл. Гагарина, Ек. Алексѣев. Палтова, Вар. Евг. Чертова. Сотрудники: Г. Н. Геннади, И. И. Красовскій, Н. Н. Павловъ, Н. Ѳ. Самаринъ.

3-й отдѣлъ — книги для дѣтей:

Нат. Юр. Арсеньева, Елиз. Степ. Дьякова, Ол. Ал. [illegible] кн. Алекс. Петр. Урусова. Сотрудникъ: Дм. Кан. [illegible]

4-й отдѣлъ — литература:

Пел. Пав. Ахлестышева, кн. Ек. Ник. Ливенъ, граф. Елиз. [illegible] Сальясъ, кн. Нат. Борис. Трубецкая. Сотрудники: В. [illegible] кн. Н. А. Долгорукой, Ѳ. И. Тимирязевъ.

5-й отдѣлъ — домоводство, естествознаніе [illegible]

Гр. Елиз. Никол. Рейденъ, Елиз. [illegible] кн. [illegible] Дм. Оболенская, кн. Марья Пав. Щербатова. Сотрудники: [illegible] Арсеньевъ, Г. В. Дмитревскій, А. П. [illegible]

Сотру[illegible] [illegible]тельницы [illegible]

Пре[illegible] [illegible] Александра [illegible] Стрекалова

(М[illegible]

Петербургское общество поощренія промышленныхъ способностей доселѣ не можетъ довольно надивиться: какимъ образомъ рѣшилось такъ смѣло московское общество, безъ всякихъ разсужденій, избрать даму предсѣдательницей общества? Вотъ оно, общество поощренія промышленныхъ способностей, если и сдѣлаетъ это, то конечно предварительно хорошо обсудило этотъ предметъ, т. е. что дама-членъ можетъ быть и предсѣдательницею.

Мы съ своей стороны въ удивленіе отъ этого не приходимъ, — и радуемся отъ души, что наши дамы стали сами смотрѣть на себя, какъ на полныхъ человѣковъ и принимать дѣятельное участіе въ современномъ движеніи... При этомъ приходитъ намъ на память слѣдующій старинный апологъ:

Когда-то и гдѣ-то былъ чудный садовникъ, который взращалъ прекрасныя розы... Въ одинъ день розы стали просить его, чтобы онъ сшилъ имъ золотыя и шелковыя богатыя платья. Садовникъ понималъ истинную красоту розъ, и жаль ему было одѣть ихъ въ неуклюжія, хотя и другія платья, но по слабости сердца онъ не могъ отказать розамъ въ ихъ просьбѣ и одѣлъ ихъ въ блестящія платья. Тогда, посмотрѣвъ на розы, засмѣялись большія деревья, которыя росли близъ розъ, а съ ними засмѣялись и всѣ полевые цвѣты. Розы до маковокъ были въ золотѣ и шелку, и воздухъ вокругъ нихъ уже не наполнялся болѣе сладостнымъ ихъ благоуханіемъ.

Смыслъ притчи сей таковъ, что у всякой розы есть такія достоинства, передъ которыми ничтожны титулы и богатыя тряпки...

Если ко всему нами вышесказанному мы присовокупимъ еще, что нѣкоторыя изъ нашихъ женщинъ стали выказывать недовольство тѣмъ образованіемъ, которое дается въ институтахъ, и храбро идутъ слушать лекціи въ университетъ, несмотря на нѣкоторыя непріятности, встрѣчаемыя ими здѣсь, то читатель пойметъ, почему мы убѣждены, что женщины не только не ниже, но выше мужчинъ...

Впрочемъ, читатель, такъ какъ мы привыкли уже всегда говорить тебѣ правду, то не скроемъ и теперь, что не одно это убѣжденіе заставляетъ насъ такъ говорить о женщинахъ, а и опасеніе огорчить людей образованныхъ. У всѣхъ еще въ свѣжей памяти, съ какими недавно громами вышли они противъ «Иллюстраціи», осмѣлившейся сказать какое-то оскорбительное слово противъ евреевъ. Мы видѣли тогда цѣлый букетъ протестовъ. Воображаемъ, какими бы они разразились громами, если бы увидѣли, что мы во «внутреннемъ обозрѣніи» вмѣсто того, чтобы защищать — стали ниспровергать права женщинъ? Правда, мы могли бы вопросъ о женщинахъ поставить въ другомъ видѣ въ параллель вопросу о мужчинахъ т. е. могли бы не то изслѣдовать: женщины — люди ли? Что женщины благороднѣйшія —

люди, — въ этомъ всякій и усумнится, по немногіе... А люди ли переяславскія бабы?

Но, признаемся, мы побоялись ставить вопросъ далѣе въ такомъ видѣ, потому что не знаемъ, какъ на это взглянетъ г. Кампенъ. Потому и рѣшаемся доказывать обо всѣхъ женщинахъ, что онѣ не только люди, но и люди, по преимуществу, гораздо высшіе мужчинъ, тѣмъ болѣе, что у насъ подъ руками есть диссертація, гдѣ это и доказано самымъ неопровержимымъ образомъ.

«Какъ же это», спросить насъ читатель: «вѣдь это будетъ противорѣчіе: мужики, говорили вы, люди низшаго порядка, а бабы — жены ихъ — будутъ выше мужчинъ даже высшаго порядка, — это какъ?»

Благосклонный читатель! Мы уже предупреждали васъ, что у насъ противорѣчій всегда бездна, что безъ этого мы вовсе не можемъ писать. Ужь какъ это тамъ случилось, что женщины всѣхъ сортовъ и видовъ вышли выше мужчинъ всѣхъ же сортовъ и видовъ, только вышли. Вотъ вамъ и доказательства.

«Хотя нѣтъ никакого, по сущности души, между мужемъ и женою одного предъ другимъ преимущества, и въ обоихъ равнаго достоинства врождено свободное произволеніе, но что принадлежитъ до прочаго, кромѣ сущности души въ человѣкѣ, въ томъ *женскій знаменитый родъ превосходитъ суровыхъ мужчинъ безконечно*. Истина сія тѣмъ безсумнительнѣе покажется, когда она (въ чемъ состоитъ и намѣреніе наше) не вымышленными и украшенными словами, ниже логическими хитросплетенными рѣченіями, коими многіе софисты другихъ уловлять обыкли; но сколько свидѣтельствомъ превосходныхъ писателей, подлинными повѣствованіями и ясными доводами — не меньше священнымъ писаніемъ и обоего права узаконеніями — доказана будетъ. Итакъ, во первыхъ, чтобъ приступить къ самому дѣлу; жена тѣмъ превосходнѣе мужа, чѣмъ превосходнѣе она получила *имя*; ибо Адамъ значитъ *земля*, напротивъ того Евва — *жизнь* знаменуетъ. Чего ради, сколько самая жизнь земли превосходнѣе, столько жена должна быть предпочтена мужу. Но не почелъ бы кто слабымъ сіе доказательствомъ, чтобъ изъ именъ заключать о вещахъ самыхъ. Особливо знаемъ мы, что вышній Творецъ вещей и наименователь оныхъ познавъ прежде вещи, нежели именовалъ оныя, который какъ наималѣйшей не могъ учинить погрѣшности, то такія имена далъ онымъ, которыя бы естество, свойства и употребленіе вещей изображали.

«Въ твореніи Богъ поступалъ таковымъ порядкомъ, что отъ одного превосходнаго дѣла начиная, преставалъ на другомъ превосходнѣйшемъ. Итакъ, вопервыхъ, Богъ сотворилъ безплотныхъ

ангеловъ, а потому и нетлѣнныхъ, и человѣческія души. Ибо Августинъ мнитъ, что душа перваго человѣка прежде произведенія тѣла сотворена съ ангелами купно. Потомъ сотворилъ неразрушимыя тѣла, какъ-то небеса, звѣзды и стихіи: говорю — неразрушимыя, впрочемъ разнымъ перемѣнамъ подлежащія, изъ которыхъ всѣ прочія, разрушенію подверженныя, создалъ, отъ низшихъ по степенямъ достоинства восходя обратно къ совершенію всего свѣта. Отсюда, во первыхъ, произошли минералы, потомъ растущія, то есть древа и былія, наконецъ животныя: то есть звѣри: пресмыкающіеся, плавающіе, летающіе и четвероногіе; послѣднимъ же сотворилъ подобныхъ себѣ двухъ человѣкъ, мужа, говорю, прежде, а потомъ жену, въ которой приведены къ окончанію созданіемъ небеса, земля и всѣ ея украшенія; ибо Творецъ, создавъ жену, опочилъ отъ дѣлъ творенія, и въ ней совершилася вся премудрость и власть Создателя, сверхъ которой не находится болѣе твари, ниже выдумана быть можетъ. И такъ понеже жена есть послѣднее изъ сотворенныхъ, конецъ и дополненіе всѣхъ дѣлъ Божіихъ и совершеніе всего свѣта, то кто воспоритъ, чтобъ она не была превосходнѣйшая всѣхъ тварей, безъ которой свѣтъ, будучи уже совершенъ, конечно, и во всемъ достаточенъ, остался бы несовершеннымъ, каковымъ онъ не инако могъ учиниться, какъ въ твари, далеко всѣхъ совершеннѣйшей. Ибо несогласно съ разумомъ и думать противно, чтобъ Богъ хотѣлъ совершить такое и толикое дѣло, нѣкоторымъ несовершеннымъ. Особливо, когда свѣтъ самъ по себѣ, какъ всецѣлый и совершеннѣйшій кругъ, отъ Бога созданъ, то надобно было ему такою частицею приведену быть къ окончанію, которая бы изъ всѣхъ первое съ послѣднимъ, нераздѣлимымъ нѣкоторымъ союзомъ, въ себѣ соединяла. Такъ жена въ сотвореніи свѣта по времени, между всѣми тварями была послѣдняя, но она же съ превосходствомъ и достоинствомъ въ самомъ божескомъ расположеніи была и первая: есть общее философовъ мнѣніе, что конецъ въ намѣреніи есть всегда первый, но въ произведеніи — послѣдній; жена же была послѣднее дѣло Божіе, введена отъ него въ свѣтъ, какъ царица въ чертоги, ей предуготованные, украшенные и во всемъ совершенные, — и такъ по достоинству ей вся тварь подвергается и повинуется, которая всѣхъ тварей есть владычица, также конецъ, совершеніе и слава совершенная.

«Сколько, въ разсужденіи мѣста, на которомъ жена сотворена, преимуществомъ рода превышаетъ мужа, — священное писаніе весьма достаточно свидѣтельствуетъ, когда объявляетъ, что жена въ раю превосходнѣйшемъ и наипрекраснѣйшемъ сотворена мѣстѣ; напротивъ того, мужъ внѣ онаго, на простомъ полѣ, съ животными и

звѣрями вмѣстѣ, а потомъ уже для созданной жены въ рай введенъ былъ. Почему жена особеннымъ естества даромъ какъ бы пріобыкши къ высочайшему сотворенія своего мѣсту, съ высоты внизъ смотря, не чувствуетъ нималой робости и происходящей оттого перемѣны, ниже слабѣетъ зракъ ея, какъ дѣлается съ мужчинами; кромѣ того, когда случится тонуть женщинѣ вмѣстѣ съ мужчиною, не имѣя уже нималой посторонней помощи, она больше бываетъ на поверхности воды, а мужчина опускается ко дну скорѣе. Что же преимущество мѣста много даетъ преимущества человѣку,—гражданскіе законы и священное писаніе ясно утверждаютъ: не меньше также обыкновенно у всѣхъ народовъ наблюдается, что не только люди, но нѣкоторыя животныя и самыя вещи, чѣмъ которыя изъ знатнѣйшаго происходятъ мѣста, тѣмъ изящнѣйшими почитаются.

«Теперь къ другому поступимъ: превосходитъ жена мужа веществомъ творенія, потому что она не изъ неоживотворенной нѣкоей и простой сотворена земли, какъ мужъ, но изъ матеріи очищенной, оживленной и одушевленной,—души, говорю, разумной, участвующей божественнаго смысла. Къ сему слѣдуетъ, что мужъ изъ земли, которая по своему естеству всѣхъ родовъ животныхъ производитъ, содѣйствующей небесной силѣ, созданъ отъ Бога; жена же безъ всякой содѣйствующей силы сотворена единственно отъ Бога, во всемъ о себѣ свѣдуща, цѣла, и совершенна; а мужъ съ своей стороны чувствуетъ недостатокъ въ лишеніи ребра, изъ котораго жена содѣлана, когда Адамъ погруженъ былъ глубокимъ сномъ, такъ что не чувствовалъ, что оное изъ него взято было Богомъ, и женѣ дано. Вслѣдствіе сего мужъ есть естества дѣло, а жена — единственно Божіе.

«И потому жена божескаго сіянія въ себѣ показываетъ болѣе мужа и всегда исполнена онаго бываетъ, что и доселѣ ясно видѣть можно въ чистотѣ ея и красотѣ удивительной. Ибо самая красота есть не что иное, какъ Божескаго лица и свѣта сіяніе, вещамъ дарованное и блистающее въ тѣлахъ прекрасныхъ. Оное всемѣрно обитаетъ и наполняетъ болѣе женъ, нежели мужей. Отсюда женское тѣло какъ по взору, такъ и по осязанію есть нѣжнѣйшее; цвѣтъ блистательный и бѣлый; кожа тончайшая и прозрачная; голова стройная, кудри прекрасныя, волосы мягкіе, свѣтлѣющіеся и длинные, взоръ милый и взглядъ веселый, лицо всего прекраснѣе, шея бѣлизною молоку подобная, лобъ порядочный и пространный, глаза имѣетъ плѣняющіе и сіяющіе, въ которыхъ усмотрѣть можно любезную веселость съ благосклонностію соединенную, выше ихъ брови, представляющія два тонкихъ полукруга; а притомъ съ приличною плоскостію и пристойнымъ разстояніемъ раздѣленныя, отъ

средины которыхъ начинается носъ ровный и порядочный; подъ онымъ, уста блестящія и нѣжными губами украшенныя, между которыми, въ случаѣ пріятнаго смѣха, сверкаютъ зубы маленькіе и ровные, слоновой кости подобные, коихъ у женщинъ обыкновенно бываетъ числомъ меньше, нежели у мужчинъ; почему первыя не столько проѣстливы и грызливы; въ кругъ скулы возвышенныя, и щеки нѣжной мягкости розоваго цвѣта, наполненныя стыдливости; и округлый подбородокъ съ пристойною впадиною; подъ онымъ шея тончавая, изъ плечь возвышающаяся, горло нѣжное и бѣлѣющееся, толстоты посредственной; голосъ и рѣчь пріятнѣйшая; грудь пространная и высокая, облеченная тѣломъ равной крѣпости, какъ и сосцы, чрево какъ сіи круглое, бока мягкіе, спина ровная и возвышенная мѣстами; концы у рукъ и ногъ округлые, и всѣ члены наполненные сокомъ; къ сему шагъ и походка скромная; движеніе приличное; помаванія пристойныя; сверхъ того всего тѣла расположеніемъ, стройностію и способностію во всемъ надмѣру жива и казиста, и изъ всѣхъ тварей нѣтъ ни одного столь удивительнаго предмета, ниже чуда, столько зрѣніе привлекающаго, такъ что развѣ слѣпой одинъ видѣть не можетъ, что Богъ все, что только свѣтъ имѣетъ въ себѣ прелестнаго, соединивъ, снабдилъ жену изобильно, дабы для того ей вся тварь удивлялася, любила и почитала до того, что, какъ самимъ происходило дѣломъ, безплотные духи къ нѣкоторымъ женамъ жестокою любовію пылали, которое мнѣніе не ложно, но многимъ искусствомъ утверждается; что стихотворцы о любовныхъ обращеніяхъ боговъ съ ихъ любовницами намъ сообщаютъ, какъ то Аполлона и Дафны, Нептуна и Салмонеи, Геркулеса и Ибы, Эола и Олифалы, и прочихъ боговъ любовницахъ и самаго Іовита весьма многихъ.

«Кромѣ красоты удивительной, жена снабжена нѣкоторымъ достоинствомъ благопристойности, котораго въ мужчинахъ случается мало. Сама натура болѣе въ женъ, нежели въ мужей, стыдливости всесила. Сію же честь стыдливости и доселѣ умирая и умерши сохраняютъ, какъ то видѣть наипаче можно, которыя въ водахъ погибаютъ; ибо свидѣтельствуетъ Плиній и самое искусство, что жена утопшая всегда ницъ сверхъ воды плаваетъ, какъ бы натура и по смерти соблюдала ихъ стыдливость; напротивъ того, мужчины вверхъ лицомъ и навзничь. Къ сему и то, что превосходнѣйшій членъ человѣка, коимъ мы наипаче разнствуемъ отъ животныхъ, и за Божеское естество почитаемъ, то есть голова, и во оной лицо особливо; голова у мужчинъ безвласіемъ обезображается; напротивъ того, женщины, къ великому преимуществу при-

роды, не бываютъ безвласны: *лицо у мужчинъ ненавистною для нихъ самихъ бородою и гнусными волосами бываетъ закрыто, такъ что отъ звѣрей едва различить ихъ иногда можно*; у женскаго же пола всегда бываетъ лицо чистое и пристойное. Отсюду закономъ XII таблицъ запрещено женщинамъ на щекахъ брить волосы, чтобъ со временемъ борода не выросла, и стыдливость не была бъ закрыта. Чистоты изъ всѣхъ сіе яснымъ доказательствомъ служить можетъ, что женщина, однажды омывшись чисто, сколько послѣ ни окачивается, вода никакой уже въ себѣ мутности не имѣетъ; мужъ же сколько бъ вымытъ ни былъ, обыкновенно мутная и нечистая вода съ него стекаетъ. Къ тому жь по распредѣленію естества, у женщинъ каждый мѣсяцъ излишняя кровь сама собою, невѣдомо другимъ, выходитъ; напротивъ того, у мужчинъ, въ лицо, наружную часть тѣла выступаетъ. Кромѣ того какъ изъ всѣхъ животныхъ одному только человѣку дано смотрѣть вверхъ на небо, то естество фортуна и въ семъ удивительное попеченіе о женскомъ полѣ имѣла, и сдѣлала, что ежели по случаю или неосторожности женщинѣ упасть надобно, то она обыкновенно на задъ падаетъ или на спину, а никогда лицомъ и головою не бьется. (*) Притомъ, не видимъ ли мы, что и въ произведеніи человѣческаго рода естество предъ мужами женъ предпочтило. Сіе особливо изъ того явствуетъ, что одно женское сѣмя, по свидѣтельству Галена и Авицены, есть вещество плода и пища; но въ мужчинѣ совсѣмъ находимъ иное: ибо сѣмя онаго подобно какъ нѣкоторое случайное входитъ въ сущность. Откуду гласитъ законъ: есть весьма важный и отмѣнный долгъ женъ зачинать и соблюдать зачатое; почему и видимъ, что изъ раждающихся весьма многіе на матерей походятъ, потому что они произошли отъ ихъ крови. Сіе сходство особливо примѣчаемъ мы въ составѣ тѣла, и всегда уже въ обычаяхъ, ибо если матери глупы, то и дѣти; ежели же матери будутъ разумны, то и дѣти таковы жь бываютъ; но въ разсужденіи отцовъ совсѣмъ противное выходитъ: которые ежели сами будутъ премудры, то родятъ дѣтей глупыхъ, а глупые отцы дѣтей премудрыхъ производятъ, только бъ мать была разумна; не иная тому причина, для чего матери болѣе, нежели отцы, дѣтей любятъ, какъ та, что оныя болѣе своего въ нихъ чувствуютъ и находятъ, нежели отцы. По той же причинѣ, какъ думаю, взаимно и въ насъ всѣяно, что мы горячѣе къ матерямъ, нежели ко отцамъ бываемъ, такъ что, кажется, мы ко отцу нѣкоторое только чувствованіе и склонность, а къ

(*) «Сіе отдать автору на вѣру».

матерямъ всю любовь имѣемъ. Почему и естество матерямъ дало молоко такой силы, что онымъ не только питаются младенцы, но и немощные возставляются, и нѣкоторыхъ взрослыхъ оно иногда жизнь сохраняетъ. Сего опытъ находимъ въ Валеріѣ, на нѣкоторой бѣдной молодой женѣ, питавшей мать свою молокомъ собственнымъ, въ заключеніи бывшую, которая бы въ противномъ случаѣ умереть должна была съ голоду. За таковое ея горячее усердіе жизнь возвращена матери, и обѣимъ храмъ набожности посвященъ былъ. Тоже повѣствуется о другой дочери, которая отца своего престарѣлаго и заключеннаго, аки младенца, сосцами своими кормила. *Валер. Макс. кн. 5, гл. 4.* Извѣстно же и всѣмъ, что почти всегда женщины имѣютъ болѣе сердоболія и жалости, нежели мужчины, что и самъ Аристотель какъ собственное отдаетъ женскому полу. Женщины, въ услуженіи и соприсутствіи немощнымъ, больше имѣютъ ревности и охоты, или что молоко женское особливо больнымъ, слабымъ, и при смерти уже находящимся дѣйствительнымъ служитъ лекарствомъ къ возвращенію жизни. Откуду, какъ медики объявляютъ, теплота ихъ сосцовъ, если оныя къ груди мужчины весьма уже престарѣлаго приложены будутъ, теплоту жизненную возбуждаетъ, умножаетъ и соблюдаетъ. Что̀ безъ сомнѣнія и Давидъ вѣдалъ, который, избравъ себѣ Ависагу Сумантяныню, отъ объятій ея, будучи уже старъ, теплоту въ себѣ почувствовалъ. Наконецъ женскій полъ и тѣмъ способнѣе къ той священной рожденія должности (сколько всѣмъ извѣстно) почитается, что оный десяти лѣтъ иногда можетъ выходить замужъ, а мужескій полъ женится позже. Сверхъ того, одна женщина изъ всѣхъ плодящихся тварей, родивъ, вскорѣ послѣ родовъ опять къ тому жь бываетъ расположена. Къ сему слѣдуетъ и то естества чудо, что беременная женщина, имѣющая прихоти, безвредно питается сырымъ ѣствомъ, нерѣдко угольемъ, землею, камнемъ, такъ же металлы, ядъ и прочее тому подобное безъ всякаго вреда варитъ въ желудкѣ, и превращаетъ въ здравую пищу тѣла. Какія сверхъ сихъ еще производитъ естество чудеса въ женскомъ полѣ, никто удивляться не будетъ, если кто читалъ медическія и философическія книги.

Что скажу о словесности, томъ божественномъ дарѣ, которою одною человѣкъ разнствуетъ наипаче отъ прочихъ животныхъ, и которую Трисмегитъ Меркурій равно цѣнитъ съ безсмертіемъ, и Изіодъ наивящшимъ человѣческимъ сокровищемъ называетъ. Не достаточнѣе ли въ рѣчахъ женщина мужчины, не свободнѣе ли и изобильнѣе? Не всѣ ли люди отъ матерей и кормилицъ говорить учатся? Поистинѣ само естество премудро въ семъ печася

о человѣческомъ родѣ, симъ даромъ женскій полъ одарило, такъ что едва гдѣ нѣмую женщину найти можно. По справедливости пріятно и нохвально въ томъ превосходитъ полъ мужескій, чемъ оный превосходитъ прочихъ животныхъ.

«Кромѣ того, превосходство женскаго пола, доброта и невинность доводами сими довольно доказана быть можетъ: понеже начало всѣхъ золъ отъ мужей произошло, а не отъ женъ: ибо первый праотецъ Адамъ дерзнулъ преступить заповѣдь Божію, заключилъ врата небесная, и всѣхъ насъ грѣху подвергнулъ и смерти, потому что всѣ мы согрѣшаемъ и умираемъ во Адамѣ, а не въ Еввѣ. Его грѣхъ первородный отверзъ входъ въ преисподняя. Каинъ первый завистливый и человѣкоубійца, первый братоубійца, первый отчаявшійся милосердія Божія, первый двоеженецъ Ламехъ, первый, показавшій срамоту отца своего Ноя, Хамъ, первый властолюбецъ (тиранъ), похититель вольности и идолослужитель Нимродъ, первый прелюбодѣй мужъ, первый кровосмѣситель мужъ: сверхъ того первые мужи въ союзъ съ демонами вступили и скверныя изобрѣли искусства. Мужи, дѣти Іакова отца, превосходнаго, продали брата своего; Фараонъ, царь египетскій, первый побивалъ младенцевъ. Первые мужчины противъ естества плотоугодія дѣлали, какъ свидѣтельствуютъ то Содома и Гоморра, которыя за мужескія беззаконія погибли. О знатныхъ въ древности городахъ читаемъ, что мужи вездѣ были безразсудно сластолюбивы, двуженцы, многобрачные, многоложные, прелюбодѣи и блудодѣи. Изъ женъ же, нигдѣ не находимъ, какъ только, что каждая однимъ довольна всегда была мужемъ. Не сыщешь ни одной двумужней, ежели она отъ перваго мужа плодъ имѣла. Ибо жены, въ разсужденіи стыда и чистоты, гораздо мужей воздержнѣе. Есть притомъ безчисленныя знаменитѣйшія жены, которыя, сверхъ великой сродной ихъ полу стыдливости, супружескою любовью мужей своихъ далеко превосходили. Изъ которыхъ суть: Авигеа, супруга Навалова, Артемизія Мовзолова, Алгія Поллиника Фивейскаго, Юлія жена Помпеева, Порція Катонова, Корнелія Грагова, Мессалина Сулпиціева, Алцеста Адметова, Ипократея, супруга Митридата, царя понтійскаго, Дидона, построительница Карѳагена, римская Лукреція и Сулпиція жена Лентулова. Есть безконечное число и другихъ, коихъ дѣвства и стыда непорочность не могла быть и самою смертію нарушена: изъ сихъ примѣрами намъ себя представляютъ: Афланта Каледонская, Камилла Волская, Ифигенія гречанка, Кассандра и Кризе; прибавь къ симъ дѣвицъ лакедемонскихъ, спартанскихъ, милезскихъ, ѳивейскихъ и другихъ безчисленныхъ, о которыхъ намъ

даютъ знать еврейскія, греческія и варварскія исторіи, которыя дѣвство предпочитали не только царскому достоинству, но и самой жизни. Если же будемъ искать примѣры почитанія и любви къ своимъ родителямъ, между прочимъ оныхъ находимъ опыты: въ Клавдіѣ Вестальной дѣвицѣ къ отцу своему и простой той женкѣ, о которой выше упомянуто, къ своей матери. Но противоположитъ, можетъ быть, симъ зоилъ нѣкой—Сампсоново, Язоново, Деиѳобово и Агамемноново пагубныя, несчастныя супружества. Однако, если оныя разсмотримъ прилежно, найдется, что жены обвиняются ложно, особливо, что злой жены имѣть хорошему мужу никогда не случается. Напротивъ того обыкновенно злымъ мужьямъ попадаются злыя жены, а нерѣдко злымъ мужьямъ случаются жены добрыя, но заражаются ихъ пороками. Можешь ли думать, что ежели бы позволено было женскому полу сочинять законы, писать исторіи, какія бы они сочинили трагедіи о чрезмѣрныхъ мужей злодѣйствахъ, изъ которыхъ сыщется много человѣкоубійцъ, воровъ, хищниковъ, измѣнщиковъ, которые еще во времена Іисуса Навина и Давида царя въ великомъ множествѣ разбои производили, такъ что и предводителей своихъ имѣли, но и доселѣ въ безмѣрномъ числѣ находится оныхъ; почему всѣ темницы наполнены мужчинами, повсюду мѣста казней покрыты трупами мужескими. Напротивъ того, женщины всѣхъ свободныхъ наукъ, всякой добродѣтели и благотворенія были изобрѣтательницы, что̀ доказываютъ самыя тѣхъ вещей наименованія женскія; къ сему и то примѣчанія достойное служитъ, что и самый сей свѣтъ женскими именами называется, какъ-то *отъ Азіи* нимфы, *отъ Европы* Агеноровой дочери и Ливіи дочери Эпафоровой, которая такъ же и Африкою называется.

«Самые древніе законодатели и устроители республикъ мужи мудрые и ученые Ликургъ, говорю, и Платонъ, вѣдая изъ сокровенныхъ философіи, что женщины ни превосходствомъ духа, ни крѣпостію тѣла, ни достоинствомъ естества ничѣмъ мужей не ниже, но ко всему столько же способны, установили, чтобъ жены съ мужчинами въ поединкахъ и въ гимназіяхъ упражнялися, и во всемъ, что принадлежитъ къ воинской дисциплинѣ, въ лукѣ, бросаніи камнемъ, въ стрѣльбѣ, въ бою ружейномъ, какъ въ конницѣ, такъ и въ пѣхотѣ, въ расположеніи лагеря и расположеніи строя и въ походѣ; кратко сказать, во всѣхъ тѣхъ же упражненіяхъ, какія имѣли мужчины, обращалися наравнѣ и жены. Прочтемъ древности достовѣрныхъ писателей, то найдемъ, что въ Гетуліи, Бактрахъ, Галлеціи былъ обычай, по которому мужчины въ нѣжности вдавалися, а женщины пахали, въ строеніи, купечествѣ, ристаніи, войнѣ и прочемъ,

что нынѣ дѣлаютъ у насъ мужчины, упражнялися. У кантабровъ мужья женамъ приданое давали, сестры братьевъ женили, дочерей наслѣдницами объявляли. У скиѳовъ, ѳракіанъ и галловъ общія были званія у мужей и женъ, и когда дѣло о войнѣ происходило или о мирѣ, жены въ разсужденіяхъ и совѣтованіяхъ придавалися, что доказываетъ утвержденный Аннибаломъ союзъ съ келтами: ежели кто изъ келтовъ принесетъ жалобу въ обидѣ на карѳагенянина, въ такомъ дѣлѣ карѳагенскія власти или полководцы, находившіеся въ Испаніи, должны быть судьями; если жь кто изъ карѳагенянъ обиженъ будетъ отъ келтянина, въ такомъ случаѣ должны судъ производить жены. Но какъ мужчины тираннически, въ противность божескаго права и законовъ естественныхъ, верхъ взяли, то данная женамъ свобода неправедными уже законами отъемлется, истребляется обыкновеніемъ и употребленіемъ, а воспитаніемъ вовсе погибаетъ. Ибо женскій полъ какъ скоро рождается, то отъ первыхъ лѣтъ содержатъ его въ домѣ въ небреженіи, и какъ бы неспособному къ отправленію важнѣйшихъ дѣлъ, ни за что кромѣ иглы и нитки, приниматься не позволяется. А какъ достигнетъ лѣтъ довольныхъ, предается во власть ревнивую мужа, или въ вѣчную темницу монашества заключается. Въ народныя также возбраняется имъ вступать званія. Въ судахъ ходить за дѣлами, хотя бъ была женщина и преразумная, запрещается. Сверхъ того не допускаются въ юрисдикціи, въ посредствѣ, въ усыновленіи, въ заступленіи, въ смотрѣніи, опекѣ и попечительствѣ въ дѣлахъ по духовнымъ и уголовнымъ. Такъ же возбраняется проповѣдывать слово Божіе въ противность явственнаго писанія. Но и нынѣшнихъ законодателей такая несправедливость, которые отвергли повелѣніе Божіе за преданія, что объявили женъ быть худшаго состоянія каждаго мужа, хотя впрочемъ оныя и-превосходствомъ естества и достоинствомъ ихъ благороднѣе. Итакъ, по силѣ сихъ законовъ женщины, какъ бы побѣждены будучи войною, уступать должны побѣдителямъ не по естественной или сверхъестественной какой нуждѣ или причинѣ, но по обыкновенію, воспитанію, фортунѣ и насильственному нѣкоему случаю».

Здѣсь мы остановимся. Книга, изъ которой мы извлекли всѣ вышеприведенныя нами разсужденія о *благородствѣ и преимуществѣ женскаго пола*, переведена съ какого-то иностраннаго языка въ Москвѣ, подъ руководствомъ московскаго архангельскаго собора протоіерея Петра Алексѣева, и издана въ Санктпетербургѣ иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ еще въ 1784 году. Читатель удивится конечно не меньше нашего, что назадъ тому почти сто лѣтъ,

былъ такой эмансипированный взглядъ на женщину, а мы кругомъ насъ слышимъ почти только дикія сужденія о прекрасномъ полѣ... Признаемся, что мы готовы бы были разочароваться нашимъ настоящимъ, еслибъ только могли убѣдиться, что взглядъ почтеннаго автора раздѣляли наши предки.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

О ПРИЧИНАХЪ ПАДЕНІЯ РИМА.

(ПОДРАЖАНІЕ МОНТЕСКЬЕ.)

(Исторія цивилизаціи во Франціи отъ паденія западной римской имперіи. Сочиненіе *Гизо*, члена французской академіи. Часть первая. Переведено подъ редакціею М. Стасюлевича. С.-Петербургъ. 1861 г.).

Разбирать знаменитую книгу Гизо, изданіе которой въ русскомъ переводѣ — дѣло очень похвальное и полезное, мы не будемъ. Она слишкомъ извѣстна, стало-быть выставлять ея достоинства безполезно. Разбирать недостатки? Но главные недостатки взгляда Гизо вовсе не особенные его недостатки: повсюду, какъ у него, вы прочтете, что древній міръ былъ неспособенъ къ дальнѣйшему прогрессу, потому его разрушеніе было спасительно для человѣчества, и умеръ онъ отъ внутреннихъ смертельныхъ болѣзней; что варвары внесли съ собою новые высшіе элементы, бывшіе необходимыми для блага человѣчества; что папская власть, возникшая на основаніи варварства, была въ свое время спасительна; что монашескіе ордена были въ свое время полезнѣйшими дѣятелями цивилизаціи, которая только и сохранилась, благодаря монастырямъ; что феодализмъ, имѣя такіе-то и такіе-то недостатки, не долженъ однако же быть порицаемъ безусловно; что вообще и средніе вѣка не такъ дурны, какъ

утверждалъ Вольтеръ съ энциклопедистами, и т. д. и т. д. Если мысли эти вѣрны, Гизо столько же слѣдуетъ хвалить за нихъ, сколько за то, что онъ вѣритъ въ обращеніе земли около солнца, — это просто господствующее мнѣніе; если же эти мысли ошибочны, опять въ упрекъ ему ставить ихъ нельзя. Лично человѣкъ не подлежитъ никакому упреку, если всѣ такъ думаютъ или дѣлаютъ, какъ онъ. Самому Гизо принадлежитъ только мастерское изложеніе господствующаго взгляда, а иногда очень дѣльныя изслѣдованія въ его подтвержденіе. За то и за другое нельзя не похвалить его; но вѣдь не писать же статью о мастерскомъ изложеніи и нельзя же наполнять журнала разборомъ спеціальныхъ изысканій о какихъ нибудь частныхъ вопросахъ средневѣковой исторіи. Слѣдовательно о главномъ направленіи Гизо нѣтъ надобности много говорить.

Но въ господствующемъ направленіи историческихъ понятій есть много оттѣнковъ; въ предпочтеніи того или другаго оттѣнка уже выказывается личность писателя, уже состоитъ личное его достоинство или недостатокъ. Эту сторону дѣла мы разсматривали въ рецензіи русскаго перевода «Исторіи цивилизаціи въ Европѣ», книги служащей предисловіемъ къ «Исторіи цивилизаціи во Франціи». Стало быть распространяться объ этомъ теперь нѣтъ нужды.

Но если мы ничего не хотимъ говорить здѣсь о сочиненіи Гизо, то думаемъ коснуться самаго предмета, о которомъ трактуетъ книга. «Современникъ» порицаютъ за недостатокъ серьёзности, учености, — а вотъ покажемъ же, что можемъ быть солидными, то есть донельзя сухими и скучными (въ этомъ смыслѣ понимается солидность нашими порицателями), напишемъ статью о предметѣ, передъ которымъ суэзскій каналъ и зундская пошлина — сюжеты занимательные. Не угодно ли вамъ поразсудить съ нами, напримѣръ, о великомъ переселеніи народовъ, о герулахъ и франкахъ салійскихъ, о визиготахъ и алеманнахъ, о Гензерихѣ и Сигебертѣ? Угодно ли, не угодно ли вамъ, а извольте слушать слѣдующую диссертацію объ отношеніи этихъ занимательныхъ племенъ и лицъ къ неменѣе занимательнымъ Максиминамъ, Максиміанамъ и Максенціямъ.

Фактъ, съ котораго начинается исторія новаго міра, — занятіе провинцій Римской имперіи варварами. По обыкновенному понятію толкуютъ о какомъ-то очень курьёзномъ содѣйствіи этого факта историческому прогрессу, даже утверждаютъ, что безъ него все пропало бы: только онъ и спасъ погибавшій міръ. Видите ли, римскій міръ уже совершенно истощилъ все свое содержаніе, ничего новаго и лучшаго не могъ развить изъ себя, — по обыкновенному выраженію, умиралъ. На этомъ способѣ разсужденія опираются разныя вздорныя мечтанія и объ нынѣшнихъ дѣлахъ. Если бы толковали

только о древней Римской имперіи, мало было бы намъ огорченія и вреда. Но бѣда въ томъ, что точно такъ же трактуютъ о вопросахъ, важныхъ для нынѣшней практической жизни народовъ, въ особенности народовъ полуварварскихъ. «Западная Европа отжила свой вѣкъ, истощила свои жизненные элементы; западные народы не способны продолжать дѣло прогресса; міръ долженъ возобновиться паденіемъ этихъ народовъ и замѣною ихъ новыми, свѣжими племенами». Вы спрашиваете доказательствъ, — доказательство одно: такъ было полторы тысячи лѣтъ тому назадъ съ римскимъ міромъ; для продолженія прогресса необходимо было смѣниться прежнимъ народамъ новыми, свѣжими племенами. Послѣ такого аргумента начинается ликованіе и хвастовство: «А вотъ ужь мы и готовы возобновить міръ, внести въ исторію новые прекраснѣйшіе элементы. Какіе мы, право, молодцы! Вотъ, не нынѣ, завтра облагодѣтельствуемъ человѣчество». На сколько это мнѣніе происходитъ прямо изъ тщеславія, споръ противъ него безполезенъ. Тщеславіе не исправляется никакими словесными доводами; оно уступаетъ мѣсто справедливому сознанію своихъ достоинствъ лишь тогда, когда въ людахъ дѣйствительно разовьются достоинства, приносящія имъ справедливую честь. Человѣкъ уже такъ устроенъ, что ему непремѣнно хочется гордиться собой: нельзя гордиться путно, онъ гордится безпутно и становится разсудителенъ въ этомъ отношеніи лишь тогда, когда пріобрѣтетъ истинныя заслуги. Но на сколько тщеславный взглядъ претендуетъ опираться на аргументацію, на сколько онъ раздувается и укрѣпляется будто бы учеными соображеніями, споръ противъ него не остается безъ результатовъ: тщеславіе все-таки принуждено бываетъ становиться нѣсколько осмотрительнѣе и умѣреннѣе, когда докажутъ ему, что вздорность его очевидна: вотъ поэтому и разберемъ мы роль варваровъ при мнимомъ спасительномъ пособіи ихъ прогрессу человѣчества чрезъ занятіе римскихъ провинцій.

Чрезвычайно часто бываетъ, что при разсужденіяхъ о какой нибудь вещи забывается одна неважная штука—сущность вещи. Сколько толкуютъ, напримѣръ, о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ какой нибудь войны, забывая лишь одно то, что война раззоряетъ обѣ воюющія стороны, а разореніе вѣдь не Богъ знаетъ какъ хорошо и полезно. Вотъ этимъ самымъ недостаткомъ страдаетъ и обыкновенное толкованіе о благотворности завоеванія римскихъ провинцій варварами, что они будто бы принесли пользу прогрессу этимъ завоеваніемъ. Да подумайте только, что такое значитъ прогрессъ и что такое значитъ варваръ. Прогрессъ основывается на умственномъ развитіи; коренная сторона его прямо и состоитъ въ успѣхахъ и развитіи знаній. Приложеніемъ лучшаго знанія къ разнымъ сторонамъ

практической жизни производится прогрессъ и въ этихъ сторонахъ. Напримѣръ, развивается математика, отъ этого развивается и прикладная механика; отъ развитія прикладной механики совершенствуются всякія фабрикаціи, мастерства и т. д. Развивается химія; отъ этого развивается технологія; отъ развитія технологіи всякое техническое дѣло идетъ лучше прежняго. Разработывается историческое знаніе; отъ этого уменьшаются фальшивыя понятія, мѣшающія людямъ устроивать свою общественную жизнь, и она устроивается успѣшнѣе прежняго. Наконецъ всякій умственный трудъ развиваетъ умственныя силы человѣка, и чѣмъ больше людей въ странѣ выучивается читать, получаетъ привычку и охоту читать книги, чѣмъ больше въ странѣ становится людей грамотныхъ, просвѣщенныхъ,— тѣмъ больше становится въ ней число людей, способныхъ порядочно вести дѣла, какія бы то ни было, — значитъ, улучшается и ходъ всякихъ сторонъ жизни въ странѣ. Стало быть, основная сила прогресса—наука; успѣхи прогресса соразмѣрны степени совершенства и степени распространенности знаній. Вотъ что такое прогрессъ—результатъ знанія. Что же такое варваръ? Человѣкъ, еще погрязшій въ глубочайшемъ невѣжествѣ; человѣкъ, который занимаетъ средину между дикимъ звѣремъ и человѣкомъ сколько нибудь развитаго ума, который къ дикому звѣрю едва ли не ближе, чѣмъ къ развитому человѣку. Какая же тутъ можетъ быть польза для прогресса, т. е. для знанія, когда люди, сколько нибудь образованные, замѣняются людьми, еще не вышедшими изъ животнаго состоянія? Какая польза для успѣха въ знаніяхъ, если власть изъ рукъ людей, сколько нибудь развитыхъ, переходитъ въ руки невѣждъ, незнанію и неразвитости которыхъ нѣтъ никакого предѣла? Какая польза для общественной жизни, если учрежденія, дурныя или хорошія, но все-таки человѣческія, все-таки имѣющія въ себѣ хоть что нибудь, хоть нѣсколько разумное, — замѣняются животными обычаями?

Говорятъ: «римскій міръ истощилъ свои жизненныя силы». Тутъ опять забывается сущность вещи. О чемъ говорится? О населеніи Римской имперіи. Что же, развѣ люди, его составлявшіе, утратили человѣческую натуру? развѣ они перестали родиться имѣющими человѣческій умъ и человѣческія наклонности? или развѣ по какому-то особенному случаю всѣ люди въ Римской имперіи раждались идіотами? Что за вздоръ! пока общество состоитъ изъ людей, оно имѣетъ въ себѣ всѣ свойства человѣческой натуры. Отживаетъ свою жизнь организмъ отдѣльнаго человѣка; но съ каждымъ вновь родившимся человѣкомъ является новый организмъ съ новыми свѣжими силами, и при каждой смѣнѣ поколѣній возобновляются силы народа. Прошло 20 лѣтъ,—двадцатилѣтній юноша сталъ сорокалѣтнимъ мужчиною

и потерялъ юношескую свѣжесть чувствъ, не влюбляется, не дурачится; но вѣдь это произошло съ Петромъ, а въ эти 20 лѣтъ выросъ Иванъ, новый двадцатилѣтній юноша, который теперь имѣетъ ту же самую свѣжесть чувствъ, точно такъ же влюбляется и дурачится, какъ было съ Петромъ за 20 лѣтъ; прошло еще 20 лѣтъ, Ивану 40 лѣтъ, и онъ утратилъ свѣжесть чувствъ; а Петръ, бывшій въ 40 лѣтъ здоровеннымъ работникомъ, сталъ теперь 60 лѣтнимъ старикомъ и не можетъ работать такъ много и хорошо, какъ прежде; но вѣдь его мѣсто занялъ Иванъ, а подлѣ Ивана выросъ новый двадцатилѣтній юноша Андрей, который теперь имѣетъ точно такую же свѣжесть чувствъ, какую имѣлъ Иванъ 20 лѣтъ, а Петръ — 40 лѣтъ тому назадъ. И какая тутъ перемѣна въ составѣ общественныхъ силъ? Вѣдь и 20 лѣтъ тому назадъ тоже были 60-лѣтніе старики, кромѣ 40-лѣтнихъ и 20-лѣтнихъ людей; вѣдь и 40 лѣтъ тому назадъ были 40-лѣтніе мужчины и 60-лѣтніе старики, кромѣ 20-лѣтнихъ юношей? Какъ же это общественныя силы могутъ истощаться? какъ можетъ уменьшаться въ обществѣ свѣжесть и молодость, пока не перестаютъ родиться люди? — кажется, пока родятся младенцы, существуетъ въ обществѣ кормленье грудью, прорѣзыванье зубовъ; пока младенцы выростаютъ въ дѣтей, существуютъ въ обществѣ дѣтскія игры, съ звонкимъ дѣтскимъ смѣхомъ; пока выростаютъ дѣти въ юношей, существуютъ въ обществѣ благородныя юношескія стремленія съ опрометчивыми юношескими увлеченіями, съ чистою юношескою любовью; а неужели вы думаете, что когда нибудь не было въ обществѣ стариковъ съ старческою усталостью и холодностью? Реторика вещь прекрасная, — почему не городить иногда реторическій вздоръ,—оно и нужно бываетъ иногда для эффекта; но не слѣдуетъ же постоянно ослѣпляться своей реторикой до того, чтобы совершенно забывать здравый смыслъ и факты. Старѣетъ отдѣльный человѣкъ; въ обществѣ пропорція свѣжихъ и усталыхъ силъ вѣчно остается одинакова. Пожалуйста, не противорѣчьте физіологіи, не утверждайте, что бываютъ народы, состоящіе изъ людей безголовыхъ или не имѣющихъ желудка, или исключительно изъ однихъ стариковъ, или исключительно изъ однихъ молодыхъ людей,—вѣдь каждая изъ этихъ четырехъ фразъ одинаково нелѣпа. Что за охота выказывать себя глупцомъ или лгуномъ.

«Нѣтъ, говорятъ намъ, вы не такъ поняли наши слова; мы говорили не о количествѣ силъ въ обществѣ, а лишь о томъ, что формы общественной жизни сложились очень дурно, не было простора человѣческимъ силамъ, не было выхода изъ этихъ формъ, не было въ обществѣ силъ переработать эти формы, выработать изъ нихъ новыя, болѣе широкія». — Такъ? ну, теперь вѣрно изложена ваша

мысль? На этомъ вы стоите? а прежде мы не такъ излагали вамъ взглядъ? Полноте, да развѣ вы говорите что нибудь иное, чѣмъ ту же нелѣпость, отъ которой уже отказались, только облекаете ее въ другую форму, болѣе хитрую? Какъ же это въ обществѣ недостаетъ силъ, а прежде когда-то доставало? Значитъ, количество силъ въ обществѣ уменьшилось? А вѣдь вы сами сознались, что это — нелѣпость. — «Нѣтъ, возражаете вы, вы опять не такъ перетолковали: мы не то говоримъ, что количество силъ въ обществѣ уменьшилось, а то, что препятствія въ дѣятельности этихъ силъ стали тяжелѣе прежняго; формы слишкомъ укоренились; обществу нужно бы перерости ихъ, чтобы пріобрѣсти просторъ, а онѣ слишкомъ тверды, не можетъ оно сломить ихъ».—Извините меня: не я перетолковываю ваши слова, а вы сами не понимаете, что говорите. Изложишь вашу мысль, вы говорите, «вотъ такъ, вотъ именно такъ мы и думаемъ»; попросишь васъ всмотрѣться въ эту мысль, скажешь: «такъ вѣдь это значитъ вотъ что», — вы и отказываетесь: «нѣтъ, говорите, мы не то думали, а другое». А по правдѣ сказать: вы просто думали вещи несообразныя, произносили слова, не вникая въ ихъ смыслъ: «дерево ростетъ изъ желѣза», — помилуйте, изъ какого желѣза? — «Нѣтъ, мы не то хотѣли сказать; а что дерево ростетъ изъ желѣзной руды». — Нѣтъ, и не изъ желѣзной руды оно растетъ, — «Опять вы не такъ толкуете: не то, что изъ желѣзной руды, а изъ земли, въ которой бываетъ и желѣзная руда». — Да развѣ изъ тѣхъ кусковъ земли растетъ оно, которые составляютъ руду?—«Ну, разумѣется, мы такъ и хотѣли сказать, что желѣзная руда не участвуетъ въ ростѣ дерева. Мы только хотѣли сказать, что на землѣ растутъ деревья и желѣзо тоже лежитъ въ землѣ». Такъ разсудили бы вы, о чемъ хотите говорить: если о ростѣ дерева, то не приплетали бы къ нему желѣза; а если о желѣзѣ, такъ не приплетали бы къ нему, какъ ростетъ дерево. А то вы просто говорите путаницу.

Вотъ хоть бы и теперь, въ этой послѣдней формѣ, на которой вы остановились. «Обществу стѣснительны были укоренявшіяся формы, ему нужно было бы перерости ихъ».—Ну, что же это значитъ? Значитъ, въ обществѣ была прогрессивная сила, была надобность въ прогрессѣ; а вы начали съ того, что общество было неспособно къ прогрессу; да какъ же оно было неспособно къ тому, къ чему оно имѣло силы? — «Оно было способно къ прогрессу; но препятствія были слишкомъ сильны; не могло оно переработать укоренившихся силъ». —То есть, какъ же не могло? чьею силою были созданы эти формы? вѣдь силою общества; а количество силъ въ обществѣ не уменьшилось; какъ же оно стало безсильно надъ тѣмъ, надъ чѣмъ прежде оно было сильно? Развѣ разрушать труднѣе, чѣмъ создавать?

Подумайте, что вы говорите: каменьщики, построившіе домъ, не въ силахъ разломать его; столяръ, сдѣлавшій столъ, кузнецъ, сковавшій якорь, не въ силахъ разрушить его. — «Ахъ Боже мой, вы все не такъ толкуете: вѣдь мы говоримъ не о томъ, что у общества было мало силъ, а о томъ, что формы слишкомъ укоренились». Да что же это «укоренились»? это — вѣрно опять метафора о деревѣ, растущемъ изъ желѣза? Форма — фактъ. Фактъ существуетъ только постоянною поддержкою отъ той силы, которая произвела его. Чтобы онъ исчезъ, слишкомъ много будетъ, если сила прямо обратится на его разрушеніе; довольно будетъ, если она перестанетъ поддерживать его, онъ самъ собою падетъ. «Укоренилось!» — метафора, уподобленіе дереву! Посмотрите же вы на дерево: развѣ оно все укореняется, укореняется, — до извѣстной поры только, а потомъ начинаетъ ветшать, падаетъ, искореняется. Для этого не нужно собственно ни бурь, ни наводненій: довольно того, что растительная сила, поддерживавшая это дерево, начинаетъ покидать его, что свѣжіе соки изъ почвы перестаютъ съ любовью втягиваться въ него, устремляются къ чему нибудь другому. Если ужь брать вашу метафору объ укорененіи, изъ нея же самой выходитъ вотъ что: общество—почва, на которой выростаютъ формы общественной жизни; выростаютъ они изъ свѣжихъ соковъ этой почвы; пока онѣ привлекаютъ къ себѣ эти свѣжіе соки, онѣ растутъ, укореняются; когда свѣжимъ сокамъ перестало быть привлекательно устремляться въ эти формы, когда онѣ стали привлекаться къ чему нибудь другому, укоренившіяся формы, какъ бы глубоко ни укоренились, начинаютъ слабѣть, искореняться, и на мѣсто ихъ возникаютъ новыя формы, съ которыми потомъ будетъ тоже. — «Но когда почва истощилась, когда свѣжихъ соковъ нѣтъ?» Ну, вотъ и прекрасно, опять дерево у васъ «растетъ изъ желѣза», опять старая пѣсня: въ обществѣ нѣтъ свѣжихъ силъ,—а вы ужь, кажется, сознались, что это—нелѣпость, что истощается отдѣльный человѣкъ, а не общество, что количество свѣжихъ силъ въ обществѣ никогда не только исчезать, но и уменьшаться не можетъ. Или вамъ слишкомъ нравится метафора о корняхъ, деревѣ и почвѣ? Да разберите хоть эту метафору, она сама изобличитъ вашу нелѣпость. Развѣ истощается почва оттого, что покрывается растительностію, что эта растительность становится роскошнѣе и роскошнѣе? Кажется, на самомъ дѣлѣ бываетъ наоборотъ: опадающіе листья, истлѣвающіе корни удобряютъ почву, открываютъ больше простора; если въ нынѣшнемъ году была растительность, въ слѣдующемъ она будетъ лучше нынѣшней, именно потому, что ей предшествовала нынѣшняя растительность. Вотъ скала, почти голая, едва прикрытая мхомъ, виднымъ лишь въ микроскопъ;

жизнью этого моха образуется слой почвы для болѣе замѣтной растительности; постепенно является трава, за нею кустарникъ, наконецъ лѣсъ и чѣмъ дальше растетъ лѣсъ, тѣмъ глубже становится растительный слой, тѣмъ привольнѣе расти лѣсу, тѣмъ больше свѣжихъ соковъ находитъ онъ себѣ въ почвѣ, все улучшающейся безъ конца. Вотъ метафора, изображающая жизнь общества. Въ самой себѣ не имѣетъ она конца отъ истощенія силъ; напротивъ, чѣмъ дальше длится она, тѣмъ роскошнѣе становится обиліе свѣжихъ силъ для ея продолженія въ формахъ, все совершеннѣйшихъ. Но васъ смущаютъ тѣ примѣры, что прогрессъ иногда уничтожается въ извѣстныхъ странахъ, въ извѣстномъ народѣ; вы не знаете, какихъ причинъ искать этому и въ недоумѣніи вашемъ сваливаете вину на самое общество. Да попробуйте же обратиться хоть къ вашей любимой метафорѣ объ укорененіи, ростѣ и т. д. Она поможетъ вамъ понять дѣло, если вы не станете искать въ ней только реторическихъ фразъ, а вникнете въ фактъ, чтобы сообразить дѣйствіе законовъ природы. Развѣ лѣсъ не исчезаетъ иногда? развѣ не замѣняются результаты долгаго развитія растительныхъ силъ жалкими низшими формами? Развѣ не появляется иногда ничтожный бурьянъ или какой нибудь дрянный коряжникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ прекрасный лѣсъ? Скажите, отчего это бываетъ? отъ истощенія ли почвы? — Нѣтъ, вы знаете, что это происходитъ отъ внѣшнихъ фактовъ, совершенно постороннихъ самому лѣсу и его внутренней жизни. Случится гроза, зажжетъ лѣсъ молнія, вотъ онъ и сгорѣлъ; а чѣмъ онъ былъ тутъ виноватъ? или чѣмъ виновата почва, на которой онъ выросъ? Но разумѣется, если вы не хотите довольствоваться незамысловатымъ натуральнымъ объясненіемъ, вы можете натянуть софизмами ходъ событій такъ, что погибель лѣса окажется, по вашему толкованію, результатомъ формъ, принятыхъ его жизнью. И можете вы доказывать, что погибшій лѣсъ не могъ продолжать рости самъ собою отъ внутреннихъ пороковъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему молнія могла сжечь лѣсъ? Конечно только потому, что много было въ немъ высохшаго, попадавшаго на землю валежника, много было на деревьяхъ засохшихъ или засыхавшихъ вѣтвей, отъ которыхъ еще не успѣли освободиться деревья, много было и цѣлыхъ деревьевъ, уже совершенно засохшихъ, умершихъ, но еще продолжавшихъ держаться на корню будто живыми. Значитъ, по вашему лѣсъ все равно погибалъ уже? Э, полноте! Тоже самое было съ той самой поры, какъ началъ разростаться лѣсъ: съ незапамятныхъ временъ было много въ немъ валежнику, много было сухихъ деревьевъ; но вѣдь росли же подлѣ нихъ новыя, и разростался же лѣсъ!

Метафоры чрезвычайно часто замѣняютъ собою для огромнаго большинства всякое непосредственное пониманіе дѣла: «процвѣтаніе», «укорененіе», «увяданіе»—огромнаго большинства историковъ; этими словами ограничиваются въ сущности всѣ понятія о ходѣ исторіи. Потому-то мы и вникли въ эту метафору, чтобы показать, что даже изъ нея слѣдовало бы извлечь взглядъ на вещи, болѣе натуральный и вѣрный, чѣмъ какой распространенъ почти по всѣмъ историческимъ книгамъ. Возвратимся, напримѣръ, къ факту, съ котораго начинается средняя исторія. Какую книгу ни раскройте, отъ Гизо до г. Тимаева, вездѣ найдете одно и тоже:

«Жизнь древняго міра была исчерпана, принципы ея развиты вполнѣ и истощены; древній міръ разлагался, умиралъ и, вмѣсто него, для продолженія историческаго прогресса, должны были явиться новыя племена съ свѣжими силами». Мы нарочно не употребляли тутъ ботаническихъ метафоръ о процвѣтаніи, увяданіи, почвѣ и т. д.,—обыкновенно рѣчь бываетъ начинена еще этими метафорами; но скажите: и безъ нихъ, что она такое, какъ не та же самая слово-въ-слово метафора, что дескать почва истощилась и нужна была новая почва, или, что лѣсъ умираетъ самъ собою, и т. д.? Если вы, не обольщаясь реторикою и не вводя въ исторію отвергаемыхъ наукою понятій о назначеніи одного народа на мѣсто другаго (какъ на мѣсто столоначальника, устарѣвшаго или умирающаго, назначается другой столоначальникъ, съ свѣжими силами къ отправленію должности),—если вы, не дѣлая невѣжественныхъ гипотезъ, противорѣчащихъ законамъ природы, будете прямо разсматривать дѣло, какъ оно было, вы найдете ему другое объясненіе, или, лучше сказать, не найдете, а само собою оно найдется: и искать его нечего, такъ оно просто. Да и объяснять дѣло почти нечего, такъ оно будетъ ясно, лишь только вы позаботитесь свести главныя черты его.

Мы сдѣлаемъ лишь самый короткій очеркъ, возьмемъ лишь самые главные факты; будемъ приводить лишь одну самую сильную причину для каждаго факта; потому очеркъ будетъ неполонъ: кромѣ главной причины были другія, подобныя ей; кромѣ главнаго факта были другіе очень важные, подобные ему. Но если читатель найдетъ нужнымъ дополнить нашъ очеркъ подробностями, то просимъ его не думать, что мы не цѣнили ихъ относительной важности. Мы имѣли цѣлію не то, чтобы отмѣтить все, что полезно было бы отмѣтить, а лишь одно совершенно необходимое.

Въ то время, какъ Римъ возникалъ и постепенно усиливался въ средней Италіи, почти все пространство италіянскаго материка было погружено въ грубое варварство. Лишь нѣсколько, не очень значительныхъ по объему, округовъ или успѣли достигнуть нѣкоторой

степени цивилизаціи, болѣе или менѣе самостоятельной, или получили цивилизованное населеніе изъ Греціи. Изъ этихъ городовъ цивилизація стала проникать въ Римъ и мало-по-малу онъ сдѣлался главнымъ центромъ ея въ средней Италіи. Какое положеніе дѣлъ настало, когда Римъ, благодаря превосходству военнаго устройства даннаго ему цивилизаціей (у народовъ, мало развитыхъ, цивилизація прежде всего обращается на военныя цѣли и въ военномъ могуществѣ цивилизующійся народъ обыкновенно дѣлаетъ успѣхи быстрѣе, чѣмъ въ другихъ сторонахъ жизни), — что мы видимъ въ Италіи, когда римская власть расширилась до рѣки По, за которою начиналась тогда «дальняя» Галлія? Небольшое племя, почти все сосредоточивавшееся въ одномъ городѣ съ его окрестностями, овладѣвало обширною страною съ многочисленнымъ населеніемъ, въ которомъ лишь очень немногія небольшія частички были нѣсколько цивилизованы. Изъ своего центра оно основало много колоній по важнѣйшимъ пунктамъ покоряемыхъ земель. Этими разсадниками, при пособіи частичекъ, получившихъ цивилизацію раньше, населеніе Италіи постепенно цивилизовалось. Когда ходъ дѣла достигъ нѣкоторой высоты (столѣтія за два и за полтора до нашего лѣтосчисленія), явилась цивилизованная масса такой многочисленности, что варварскіе и полу-варварскіе народы, жившіе въ югозападной Европѣ до Дуная, въ юговосточной Европѣ на сѣверъ отъ коренной Греціи, и по восточному и южному берегамъ Средиземнаго моря, въ Азіи и Америкѣ, или не превосходили эту массу численностью каждый по одиночкѣ, или были малочисленнѣе. Напримѣръ, лигуры или гельветы, бельги или иллирійцы могли вывесть въ поле тысячъ 50 или 100; римляне могли послать противъ нихъ также тысячъ 50 или больше войска. Какой нибудь полу-варварской владѣтель Понта или Пергама, Сиріи или Арменіи могъ выставить тысячъ 50 или 150 войска; римляне могли послать противъ него тысячъ 100 или 80. Но римское войско было войско вполнѣ регулярное, а у тѣхъ варваровъ или полуварваровъ регулярнаго войска или вовсе не было, или было мало, а масса сражающихся состояла изъ милиціи, плохо вооруженной, а еще хуже дисциплинированной. Словомъ, тутъ было то же самое, что въ столкновеніяхъ англичанъ съ разными остъ-индскими государствами, только неравенства по численности войскъ было меньше. Такимъ образомъ, римляне очень быстро завоевали громаднѣйшее пространство земель, покоряя одинъ народъ за другимъ въ родѣ того, какъ англичане завоевали Остъ-Индію (Македонія тоже была страна полуварварская; образованная Греція, попавшаяся въ добычу римлянамъ, не была велика ни по пространству, ни по числу жителей). Явилось государство, имѣвшее до 100 или 150 милліо-

новъ населенія, отъ 100 тысячъ до 150 тысячъ квадратныхъ миль, изъ которыхъ четыре пятыхъ части пространства и населенія были совершенно варварскія, изъ остальной доли значительнѣйшая половина была полуварварская и лишь Италія была уже порядочно цивилизована, да еще былъ небольшой кусокъ цивилизованной земли на востокѣ — маленькая Греція съ разбросанными своими колоніями. Это извѣстно каждому. Спрашивается теперь: какое положеніе дѣлъ должно было возникнуть изъ этого? Варвары и полуварвары понемногу цивилизовались, — въ родѣ того, какъ теперь жители Остъ-Индіи. Дѣло это шло не съ быстротою молніи, — но что жь тутъ удивительнаго или отчаяннаго? Вотъ Россія, въ которой населеніе въ нѣсколько разъ меньше, чѣмъ населеніе западной Европы, уже около 400 лѣтъ (не съ Петра Великаго, а съ Іоанна III) находится подъ сильнымъ умственнымъ вліяніемъ западно-европейскаго населенія, несравненно многочисленнѣйшаго, чѣмъ мы, а вѣдь все еще нельзя намъ слишкомъ хвалиться своими успѣхами, не Богъ-знаетъ какъ далеко ушли. Но что же тутъ погибаетъ и какая почва тутъ истощается? Вотъ точно такъ же и тогда: Пиринейскій полуостровъ, Галлія, Британія, южная окраина Германіи, нынѣшняя Турція, европейская и азіатская, южная часть Россіи, Сѣверная Африка съ громадными своими населеніями понемногу цивилизовались вліяніемъ, выходившимъ изъ Греціи и Италіи. Такъ прошло лѣтъ 400 или 500. Успѣхи всѣми этими странами были сдѣланы очень порядочные; но разумѣется, не успѣли же они достичь того уровня, на которомъ были ихъ цивилизаторы, римляне и греки.

Сначала, когда эти обширныя страны стояли еще слишкомъ низко, небольшія цивилизованныя страны, бывшія двумя центрами, изъ которыхъ разливался прогрессъ, легко сохраняли своё владычество надъ ними, въ-родѣ того, какъ англичане въ Остъ-Индіи довольно долго не встрѣчали опасности своему господству отъ народа, какъ только былъ онъ разъ покоренъ. Но мы замѣтили, что военная часть раньше всего развивается у народа, начинающаго цивилизоваться. Вмѣстѣ съ улучшеніемъ способности сражаться начала пробуждаться у покоренныхъ народовъ мысль о независимости; начались возстанія, болѣе или менѣе имѣвшія національный характеръ и опиравшіяся на мѣстное регулярное войско, — то возмутятся сирійскіе легіоны, то возмутятся испанскіе легіоны, то возмутятся галльскіе легіоны, — словомъ сказать: начали происходить факты, въ-родѣ недавняго возмущенія бенгальской арміи. Удивительно ли, что при такихъ обстоятельствахъ римляне принуждены были управлять завоеванными странами по порядку, въ которомъ надъ всѣмъ преобладали военная часть и финансовая часть? Сначала

это было нужно для утвержденія римской власти, потомъ для предотвращенія и подавленія попытокъ къ отпаденію. Точно такъ же управляютъ англичане Остъ-Индіею. Войско и деньги на содержаніе войска, — какъ можно больше войска содержать въ странѣ, и какъ можно больше денегъ брать въ странѣ на содержаніе войска, — вѣдь и англичанамъ въ Остъ-Индіи почти некогда думать ни о чемъ кромѣ этого. Точно такъ же было и съ римлянами относительно провинцій. Спросимъ: неужели силы Остъ-Индіи истощаются отъ англійскаго господства? неужели Остъ-Индія не совершенствуется при нынѣшнемъ порядкѣ вещей? Слова нѣтъ, тамъ еще очень дурно: и народъ еще чрезвычайно невѣжественъ, и живетъ бѣдно, и подати тяжелы, и въ управленіи много произвола; да развѣ это до англичанъ лучше было? Напротивъ, несравненно хуже; а теперь все-таки становится съ каждымъ годомъ лучше: и дороги строются, и дикіе обычаи понемногу искореняются, и число грамотныхъ людей увеличивается между остъ-индцами; вотъ уже многіе изъ нихъ пишутъ книги въ родѣ европейскихъ, многіе пріобрѣтаютъ европейскія понятія о законахъ и законномъ порядкѣ. Неужели это—ходъ дѣла отчаянный? Положеніе очень дурно, но улучшается; цивилизація еще очень слаба, но ростетъ. Къ чему это приведетъ раньше или позже? Спросите у самихъ англичанъ, они скажутъ: остъ-индцы цивилизуются; когда они оцивилизуются на столько, что не будутъ нуждаться въ нашемъ руководствѣ, Остъ-Индія сдѣлается независимою отъ Англіи. Добровольно ли мы уйдемъ изъ нея, прогонятъ ли насъ, этого въ точности разсказать напередъ нельзя: вѣроятно будетъ отчасти добровольная уступка, отчасти принужденное вытѣсненіе. Однимъ ли государствомъ останется Остъ-Индія, или распадется на нѣсколько государствъ, этого также нельзя разсказать впередъ съ точностію; но вѣроятно будетъ нѣсколько государствъ, потому что населеніе распадается на нѣсколько огромныхъ племенъ. Впрочемъ, все это вѣроятно будетъ еще не такъ скоро, потому что до сихъ поръ индійцы еще слишкомъ далеки отъ нужнаго для того уровня цивилизаціи. Это говорятъ сами англичане. Что предвидятъ они относительно Остъ-Индіи, то уже начало исполняться въ римскихъ провинціяхъ. Послѣ долгихъ безплодныхъ попытокъ къ возвращенію національной независимости, — остававшихся безплодными по слишкомъ малой еще тогда степени успѣха провинцій въ цивилизаціи,— Римская имперія начала очень явственно раздѣляться на 4 части: центромъ одной была Галлія, центромъ другой — Италія, третьей— Греція, четвертой — Малая Азія. Что тутъ было смертельнаго? Напротивъ, вѣдь въ каждомъ учебникѣ говорится, что распаденіе им-

перія Карла Великаго было результатомъ и свидѣтельствомъ успѣховъ, сдѣланныхъ націями, основаніемъ и залогомъ дальнѣйшаго прогресса. Вотъ то же самое началось и въ Римской имперіи. Управленіе имперією посредствомъ четырехъ, какъ будто федеративныхъ государей около временъ Діоклитіана, или распредѣленіе имперіи на четыре префектуры, точно такъ же было фактомъ прогресса, какъ и распаденіе имперіи Карла Великаго. Тотъ и другой фактъ одинаково показываютъ, что побѣжденные народы успѣли подняться на столько, что уже не осталось прежняго чрезмѣрнаго разстоянія между ними и бывшими ихъ завоевателями. Разница лишь въ томъ, что римляне III и IV вв. нашего лѣтоисчисленія стояли по цивилизаціи гораздо выше франковъ IX вѣка, стало быть и успѣхи, сдѣланные провинціями въ первые три вѣка нашей эры, были гораздо значительнѣе сдѣланныхъ ими въ первую половину Средней Исторіи.

Говорятъ, что стѣснительность формъ въ Римской имперіи была безвыходна, а грабительства римлянъ въ провинціяхъ безмѣрны. Дѣйствительно, самоуправство и хищничество проконсуловъ, а потомъ императорскихъ правителей были чрезвычайно велики; а формы управленія были чрезвычайно обременительны. Но какъ ни дурно было положеніе дѣлъ въ Римской имперіи, по завоеваніи варварами оно сдѣлалось несравненно хуже. Римскіе гражданскіе и уголовные законы имѣли значительную степень достоинства; по завоеваніи варварами закономъ сталъ произволъ, безумный капризъ алчнаго и кровожаднаго дикаря. Положимъ, что римскій проконсулъ или префектъ грабилъ и казнилъ очень свирѣпо. Но онъ и его помощники понимали, что поступаютъ жестоко и притѣснительно, когда поступили такимъ образомъ. Стало быть они поступали такъ лишь когда побуждалъ ихъ къ тому разсчетъ; они знали по крайней мѣрѣ, что рѣзать и грабить дурно, оставались справедливы и не жестоки во всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ случаяхъ, когда не было имъ прямой пользы отъ несправедливостей. Завоеватель-варваръ былъ не таковъ: онъ рѣзалъ людей такъ, какъ школьники бьютъ мухъ,—безъ всякой надобности, просто отъ скуки. Ему не нужно было для этого уклоняться съ пути, который онъ признавалъ справедливымъ; у него не было ни колебаній, ни опасеній, не было того непріятнаго чувства, которое отталкиваетъ человѣка отъ дурнаго дѣла и для преодолѣнія котораго нужны особенныя довольно сильныя побужденія: нѣтъ, онъ не дѣлалъ ничего дурнаго, когда рѣзалъ и грабилъ. Онъ дѣлалъ это съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ [illegible] [illegible] садятся играть въ преферансъ. Въ VI или VII столѣтіи жить было несравненно хуже, чѣмъ въ III.

И не только формы управленія были въ III вѣкѣ менѣе стѣснительны, чѣмъ чрезъ 200 или 500 лѣтъ послѣ того, — формы эти уже готовились замѣниться въ Римской имперіи лучшими. Основаніемъ для возможности притѣсненій было слишкомъ низкое развитіе провинцій сравнительно съ Италіею; по мѣрѣ того, какъ провинціи цивилизовались, ослабѣвалъ этотъ главный источникъ безправности ихъ жителей. Мы знаемъ, что право римскаго гражданства постепенно предоставлялось одной провинціи за другою и наконецъ было распространено на всю Римскую имперію. Конечно, сначала это право оставалось почти только на бумагѣ, по недостаточной приготовленности жителей провинцій отстаивать его, по непривычкѣ ихъ считать себя людьми. Но вѣдь всегда бываетъ такъ; и тоже, какъ всегда бываетъ, провинціи по немногу стали привыкать пользоваться своимъ правомъ и желать лучшаго. Возникало общественное мнѣніе; подъ конецъ Римской имперіи оно уже достигало такой силы, что мѣры, принимаемыя безъ совѣта съ нимъ, оказывались недѣйствительными, и само правительство увидѣло надобность призвать выборный элементъ къ участію въ дѣлахъ. Градское и сельское управленіе мало по малу было передаваемо въ руки самаго общества, а въ послѣднія времена Римской имперіи начали появляться императорскіе декреты объ учрежденіи чего-то похожаго на провинціальные сеймы. Разумѣется, эти уступки были только формальными, — на дѣлѣ императорская администрація оставалась полновластною; но вначалѣ вѣдь всегда такъ бываетъ. Слѣдовательно формы политическаго устройства уже начинали измѣняться въ направленіи, открывавшемъ просторъ для гражданской жизни провинцій.

Столь же замѣтенъ прогрессъ въ юридическомъ положеніи массы. Она при завоеваніи провинцій находилась въ рабствѣ. Рабство довольно быстро смягчалось, замѣнилось крѣпостнымъ состояніемъ, и крѣпостные люди начали постепенно пріобрѣтать больше и больше правъ.

Такимъ образомъ во всѣхъ отросляхъ цивилизованной жизни Римская имперія подвигалась впередъ: просвѣщеніе въ провинціяхъ распространялось; національности шли къ пріобрѣтенію независимаго существованія, въ управленіи сталъ являться выборный элементъ, права массы расширялись.

Въ чемъ тутъ признаки истощенія силъ, въ чемъ зародыши смерти отъ внутренняго изнуренія? Напротивъ, вездѣ видны зародыши болѣе полной жизни въ лучшихъ формахъ.

Варварскими нашествіями почти все существовавшее хорошее было истреблено, римскій міръ отодвинутъ на нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ къ тѣмъ временамъ, когда владычествовалъ надъ Италіею

дніе первыхъ историковъ, бродили по Европѣ кимвры и тевтоны, или въ временамъ еще болѣе далекимъ; когда Македонія была населена дикарями, когда опустошаема была Малая Азія скиѳами, или еще раньше, когда ходили греки на Трою. Не раньше XVII вѣка, быть можетъ только въ половинѣ XVIII вѣка, успѣла континентальная Европа снова подняться до того положенія, до какого достигала въ концѣ III, въ началѣ IV вѣка. Прогрессъ былъ слишкомъ на 1000 лѣтъ задержанъ паденіемъ Западной Римской имперіи передъ варварами.

Но, говорятъ, самая побѣда варваровъ надъ Римскою имперіею доказывала несостоятельность Римской имперіи. Еслибы внутреннія силы римскаго міра не истощились, онъ легко отразилъ бы натискъ этихъ слабыхъ дикарей.

То есть какъ же это «легко» и какихъ же это «слабыхъ»? Внутреннія силы Римской республики конечно были въ самомъ энергическомъ процвѣтаніи (если уже употреблять вашу метафору) около времени Марія. Что же мы видимъ? Кимвры и тевтоны истребляютъ нѣсколько римскихъ армій, чрезвычайно многочисленныхъ, и Римъ снова на одинъ волосокъ отъ опасности быть взятъ варварами, какъ былъ взятъ три столѣтія передъ тѣмъ, какъ былъ взятъ чрезъ пять столѣтій послѣ того. Или легко было римлянамъ побѣждать племена западной Германіи при Августѣ? А съ кѣмъ же тутъ боролись римляне? Лишь съ небольшою частицею, лишь съ отдѣльными племенами дикарей одной только западной окраины безмѣрнаго пространства отъ Рейна до Амура, которое все занято было такими же воинственными дикарями. Вообразимъ же себѣ, что всѣ эти народы устремились на западъ: не одни прирейнскіе номады, какъ прежде, двигались на римлянъ, — эти племена составляютъ теперь лишь ничтожный авангардъ несмѣтныхъ алчныхъ полчищъ, которыя волна-за-волною льются на цивилизованный міръ изъ глубины центральной и восточной Германіи, изъ Европейской Россіи, изъ Туркестана, изъ Монгольской степи. Бьетъ первая волна, — она отбита, но покрыла развалинами широкую полосу цивилизованнаго прибрежья; за нею несётся другая волна, за другою третья, и — каждая все выше, стремительнѣй, и проникаетъ все дальше, — такъ продолжается въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній; пока наконецъ не осталось въ цивилизованномъ мірѣ уголка, который по нѣскольку разъ не былъ бы потопленъ наплывомъ этихъ свирѣпыхъ полчищъ. Какіе нибудь кимвры и тевтоны, [illegible], можетъ быть, сотую долю этого варварскаго населенія, поколебали Римъ; свидѣтельствуетъ ли объ ослабленіи силъ Римской имперіи тотъ фактъ, что она была подавлена [illegible] грудою [illegible] [illegible] населенія?

Надобно яснѣе представить себѣ отношеніе силъ между кочующими дикарями и цивилизованнымъ народомъ. Когда цивилизованный народъ посылаетъ регулярное войско для покоренія дикой страны, номады которой не думаютъ идти всею массою на цивилизованную землю, варварская страна завоевывается регулярнымъ войскомъ. Таковы были походы Александра Македонскаго и римлянъ. Но если въ оборонительной войнѣ номады слабы, потому что раздѣлены обширностью своихъ пустынь на племена довольно мелкія, то совершенно иное дѣло, когда изъ глубины степей поднимаются эти кочевыя племена и двигаются черезъ земли подобныхъ себѣ дикарей на цивилизованную страну: тутъ съ каждымъ шагомъ стремящаяся масса ихъ ростетъ, захватывая въ себя или гоня передъ собою племена, встрѣчающіяся на пути. Сила дикарей страшно выростаетъ и отъ того, что они соединяются въ сплошную массу, и отъ того, что они одушевлены разсчетомъ на грабежъ. Въ наступленіи они гораздо грознѣе, чѣмъ въ оборонѣ.

«Положимъ, что готы, вандалы, гунны и безчисленныя другія племена и дружины варваровъ двигались громадными массами, натиска которыхъ не могли бы выдержать ни легіоны Августа, ни легіоны Суллы, ни Марія, ни Сципіоновъ. Но послѣ того развѣ не было также безчисленныхъ примѣровъ, что довольно слабыя шайки варваровъ проходили насквозь цѣлую страну, не встрѣчая нигдѣ отпора? Въ концѣ IV вѣка ужь есть такіе примѣры, а въ V ихъ очень много. Вотъ вамъ и доказательство, что древній міръ умиралъ, былъ безсиленъ, ветхъ.» Разумѣется, сталъ онъ наконецъ и ветхъ, и безсиленъ, и умеръ напослѣдокъ,—кто въ этомъ сомнѣвается?—вѣдь о томъ и рѣчь идетъ, отчего ослабѣлъ онъ, отчего умеръ. Нанесено человѣку множество ударовъ огромной булавой; онъ лежитъ на землѣ умирающій,—разумѣется, теперь слабая рука можетъ бить его хоть щепкой безнаказанно,—не дастъ онъ отпора; а потомъ вѣдь и черви будутъ ѣсть его, и не пошевелитъ онъ пальцемъ, чтобы раздавить червяка. Какъ же онъ не обезсилѣлъ, какъ же онъ не умеръ? Только не говорите пожалуйста, что былъ онъ слабъ, что умеръ отъ внутренняго органическаго разстройства. Вѣдь когда Антей былъ брошенъ задушенный Геркулесомъ, мыши могли безнаказанно потѣшаться надъ его громаднымъ тѣломъ. Что же, по вашему, Антей былъ хилаго здоровья человѣкъ, или ослабѣлъ отъ дряхлой старости?

Чѣмъ же былъ убитъ древній міръ? Мы прямо говорили: исключительно нашествіемъ, которое сплошною массою [illegible] отъ Рейна до Амура. Тутъ было не больше, [illegible] погибель страны отъ нашествія. Никакой внутренней необходимости [illegible]

смерти не было. Напротивъ, жизнь была свѣжа, прогрессъ безостановоченъ. Погибель Римской имперіи — такая же геологическая катастрофа, какъ погибель Геркулана и Помпеи, какъ погибель страны, по которой гуляютъ теперь волны Зёйдеръ-зе. Подобные случаи погибели предмета, погибели дѣла отъ внѣшнихъ разрушительныхъ силъ, какъ бы ни здорово было дѣло, какъ бы ни исполненъ былъ жизни предметъ, встрѣчаются ежедневно въ частномъ быту, встрѣчаются безчисленное число разъ въ исторіи, только никогда не происходила эта гибель въ извѣстной намъ исторіи въ такомъ огромномъ размѣрѣ, какъ при погибели всего древняго цивилизованнаго міра. Не толкуйте же о разумности, о благотворности этихъ катастрофъ. Лошадь ударила человѣка подковою по виску, и онъ умеръ,— какая тутъ разумность, какія тутъ внутреннія причины смерти? Лиссабонъ разрушенъ землетрясеніемъ,—виноваты ли въ томъ достоинства или недостатки португальской цивилизаціи? Поднимается самумъ, заноситъ пескомъ караванъ въ Сахарской степи,—не доказывайте, что верблюды и лошади были плохи, люди глупы, товары не хороши. Слѣпая игра силъ природы въ стихіяхъ, въ животныхъ или въ людяхъ, не вышедшихъ изъ животнаго состоянія. Помните ли вы пѣсню Гёте о томъ, какъ Тилли бралъ Магдебургъ.

«Магдебургъ, Магдебургъ! Дѣвушки въ немъ красавицы,—красавицы въ немъ и дѣвушки и женщины. Все цвѣтетъ тамъ. Идетъ къ нему Тилли, по цвѣтущимъ лугамъ, по цвѣтущимъ садамъ, идетъ къ нему Тилли. Сталъ подъ нимъ Тилли. — «Кто спасетъ нашъ городъ, кто спасетъ нашъ домъ! Иди, мой милый, бейся съ нимъ». — «Онъ не страшенъ, какъ ни грозитъ намъ. Поцалую твои алыя губки. Онъ не страшенъ».—Конецъ пѣсни вамъ извѣстенъ. Защитники Магдебурга перебиты, городъ взятъ; дѣвушка бѣжитъ. Ландскнехтъ останавливаетъ ее.

Ну, что же вы, доказывайте разумность факта: не былъ ли молодой человѣкъ—трусъ, не была ли дѣвушка—кокетка, не за то ли они погибли, не является ли Тилли орудіемъ прогресса, не вноситъ ли онъ въ Магдебургъ элементовъ новой, лучшей жизни? Да и въ самомъ дѣлѣ, вѣдь Магдебургъ имѣлъ корпоративное устройство, съ гильдейскими и цеховыми учрежденіями, такъ Тилли вѣроятно помогъ развитію свободы промышленности, должно быть, что безъ Тилли не могли явиться Адамъ Смитъ и Кобденъ. Вѣроятно, погибель Магдебурга была необходима для промышленнаго прогресса! Что за пошлость! побѣжденный виноватъ, убитый — самъ причина своей смерти. Нѣтъ, по этому признаку нельзя судить: всячески бываетъ на свѣтѣ: побѣждаютъ правые, побѣждаютъ и ви-

новатые; умираютъ больные, умираютъ и здоровые, — всячески бываетъ.

Сколькихъ добрыхъ жизнь поблекла,
Сколькихъ низкихъ рокъ щадитъ!
Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ!

Въ населеніи самихъ провинцій Римской имперіи мы не находимъ рѣшительно никакихъ причинъ считать погибель древняго міра дѣломъ нужнымъ или полезнымъ для человѣчества. Мы видимъ только крайнюю нелѣпость, совершенное противорѣчіе съ фактами въ обыкновенномъ мнѣніи, будто бы древній міръ истощилъ свои силы, дошелъ до предѣла, выше котораго не могъ бы развиваться, и будто бы надобно было ему погибнуть для открытія возможности дальнѣйшаго прогресса человѣчеству. Но кромѣ этой дикой стороны, обращенной противъ древняго міра, господствующее мнѣніе имѣетъ другую сторону, очень льстивую для племенъ, завоевавшихъ римскія провинціи. На сколько древній міръ былъ безжизненъ и неспособенъ къ прогрессу, на столько же, видите ли, варвары отличались какими-то особенно жизненными элементами и были способны къ развитію; варвары, видите ли, внесли жизненные соки, и т. д.,— развивается таже деревянная метафора, кончающаяся поэтическимъ уподобленіемъ: «такъ мутныя воды Нила, потопляя Египетъ, покрываютъ его слоемъ плодоноснѣйшаго ила», — видите, до чего простерлась поэзія, даже риѳма выходитъ: Нила, ила. Превосходно! только ни съ Ниломъ, ни съ его плодотворнымъ иломъ никакого сходства нѣтъ. Позвольте спросить; почему это варвары были особенно способны къ прогрессу и какіе новые живительные элементы внесли они въ исторію?

Обыкновенно отвѣчаютъ: «принципъ личности». Въ древнемъ мірѣ будто бы личность поглощалась государствомъ, человѣкъ исчезалъ въ гражданинѣ. У варваровъ, наоборотъ, индивидуальная свобода была выше всякихъ общественныхъ узъ. Тутъ просто на просто противопоставляются двѣ эпохи общественнаго быта, которыя впрочемъ обѣ вмѣстѣ со множествомъ другихъ эпохъ существовали въ самой исторіи древняго міра. У всѣхъ дикихъ кочевыхъ племенъ, напримѣръ у краснокожихъ сѣверо-американцевъ, у [illegible] нѣтъ общественныхъ учрежденій, которыя дѣйствовали бы постоянно и правильно; вождь является съ дѣйствующею [illegible] въ особенныхъ случаяхъ; а въ обыкновенное время онъ [illegible] сходки собираются тоже лишь въ особенныхъ случаяхъ; въ обыкновенныхъ дѣлахъ между частными [illegible]

сами эти лица, какъ знаютъ. Если одно изъ нихъ обращается за покровительствомъ къ вождю или къ племенному собранію, другое лицо покоряется или не покоряется этой власти, какъ само разсудитъ; словомъ сказать, обыкновенное теченіе дѣлъ — полнѣйшая неурядица съ постояннымъ насиліемъ и съ полнѣйшимъ деспотизмомъ вождя или сходки въ тѣхъ случаяхъ, когда возбуждается къ дѣйствію эта власть, противъ которой впрочемъ каждый, кто захочетъ, ведетъ войну. Тоже самое было и у германцевъ. Тоже самое въ старину, задолго до Филиппа, было и у македонянъ. Тоже самое было у всѣхъ племенъ, вошедшихъ въ составъ древняго міра, когда каждое изъ нихъ было въ состояніи дикости. Что тутъ особеннаго? и что тутъ особенно хорошаго? Или уже не заключается ли въ такомъ состояніи общества прочный зародышъ свободы? Нимало. Власть вождя дремлетъ лишь потому, что богатствъ у каждаго мало, а онъ — человѣкъ богатый, ему и скучно хлопотать изъ-за пустяковъ; онъ и спитъ себѣ, пока его растолкаетъ кто-нибудь съ просьбою о вмѣшательствѣ. А какъ только является у членовъ общества богатство, привлекающее вниманіе вождя, онъ перестаетъ спать и оказывается постояннымъ деспотомъ. Легко ему сдѣлаться деспотомъ потому, что племя имѣетъ военные нравы; онъ военный командиръ, а власть военнаго командира не знаетъ границъ; само племя расположено къ признаванію такой власти. Вольные монголы и Чингизъ-ханъ съ Тамерланомъ, вольные гунны и Аттила; вольные франки и Хлодвигъ; вольные флибустьеры и атаманъ ихъ шайки, — это все одно и тоже: то есть каждый воленъ во всемъ, пока атаманъ не срубитъ ему головы, какъ вообще водится у разбойниковъ. Какой тутъ зародышъ прогресса, мы не въ силахъ понять; кажется, напротивъ, что подобные нравы — просто смѣсь анархіи съ деспотизмомъ.

Оно такъ и вышло. По завоеваніи римскихъ провинцій каждый человѣкъ изъ шаекъ завоевателей разбойничаетъ, грабитъ и рѣжетъ кого ему вздумается, изъ завоеваннаго ли населенія, изъ своихъ ли товарищей, пока кто-нибудь зарѣжетъ его, а вождь между тѣмъ рубитъ головы у всѣхъ, кто попадется ему въ лапы.

Кромѣ этой особенности, никакой другой особенности мы не видимъ въ порядкѣ, заведенномъ варварами. А эту особенность мы видимъ и у печенѣговъ, и у половцевъ, и у татаръ, завоевавшихъ Русь, — впрочемъ что и то сказать, есть у насъ историческая школа, говорящая, что татарскій порядокъ былъ очень благотворенъ для Россіи. Но вотъ о египетскихъ мамелюкахъ, которыхъ истребилъ Наполеонъ, а потомъ Мегметъ-Али, о турецкихъ янычарахъ, о марокскихъ, тунисскихъ, алжирскихъ разбойническихъ шайкахъ съ ихъ деями и беями (совершенно соотвѣтствующими королямъ), бургунд-

скимъ, аллеманскимъ, франкскимъ дружинамъ съ ихъ предводителями) никто, кажется, не говоритъ, что они внесли новые элементы прогресса въ страны, гдѣ утвердился ихъ разбой, и повели по пути прогресса населеніе Босны, Герцеговины, Египта и т. д.

Но вѣдь изъ этого разбоя, продолжавшагося нѣсколько вѣковъ, вышелъ наконецъ феодализмъ — вотъ и особенный элементъ, внесенный въ жизнь цивилизованныхъ странъ варварами. Хоть бы и былъ онъ особеннымъ, какой же въ немъ прогрессъ сравнительно съ устройствомъ Римской имперіи въ самыя худшія времена ея? Тамъ все-таки была извѣстнаго рода законность, хотя сколько-нибудь соблюдавшаяся. А феодализмъ — ни больше, ни меньше какъ грабежъ, приведенный въ систему, междуусобица, подведенная подъ правила. Теперь уже давно всѣми признано, что въ феодализмѣ не было рѣшительно ничего способнаго къ развитію, что онъ былъ лишь смягченною формою предшествовавшей ему полнѣйшей анархіи грабительскаго самоуправства. Ничего не могла взять цивилизація изъ этой формы, служившей только препятствіемъ для нея; все, рѣшительно все отвергала цивилизація изъ феодальныхъ учрежденій, какъ только могла справиться съ ними. Разумѣется, сравнительно съ VI и VII столѣтіями феодализмъ былъ прогрессомъ, но лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ старинные итальянскіе разбойники, бравшіе выкупъ, были прогрессомъ надъ прежними разбойниками, рѣзавшими безъ всякаго выкупа. Да и что спеціальнаго, особеннаго въ западномъ феодализмѣ? Возникъ онъ изъ того, что вольные люди записывались въ подданство могущественныхъ сосѣдей, чтобы чрезъ регулярное жертвованіе частью дохода получать защиту противъ другихъ грабителей. Но точно такъ же записывались подъ власть сильныхъ людей вольные люди во всѣхъ странахъ въ эпохи сильной неурядицы; напримѣръ, и у насъ такъ было въ смутныя времена самозванцевъ. Возникшая изъ этого форма отношеній между второстепенными владѣльцами и могущественнымъ провинціальнымъ владѣльцемъ, какъ ихъ сюзереномъ, между областными владѣтелями и владѣтелемъ страны, какъ ихъ сюзереномъ, тоже не представляетъ ничего особеннаго: точно таковы же были отношенія сильныхъ раджей къ императору; а мелкихъ раджей къ сильнымъ раджамъ въ Остъ-Индіи; какой нибудь Аудъ былъ какъ двѣ капли воды похожъ на какую нибудь Саксонію или Бургундію XII вѣка. Раскройте Шахъ-Наме, вы увидите то же самое въ староперсидскомъ царствѣ: Рустемъ такой же герцогъ своей области, имѣетъ точно также второстепенныхъ вассаловъ, какъ Генрихъ Левъ, и находится къ Шаху Кейкаусу точно въ такихъ же отношеніяхъ, какъ саксонскій владѣтель къ нѣмецкому им-

ператору, какъ графъ шампанскій къ французскому королю. Точно въ такихъ же отношеніяхъ были такъ-называемые тираны греческихъ малоазійскихъ городовъ къ царю персидскому. Теперь дѣло извѣстное, что формы, подобныя феодализму, являлись почти во всѣхъ странахъ въ періодъ перехода отъ полнѣйшей дикости къ низшимъ ступенямъ порядка, сколько нибудь законнаго. Древній міръ задолго до начала нашего лѣтосчисленія дошелъ уже до формъ болѣе совершенныхъ или, лучше сказать, до формъ, менѣе дикихъ.

Вотъ мы дошли и до конца средней исторіи,— вѣдь она кончается замѣненіемъ феодализма централизованною бюрократіею или чѣмъ нибудь подобнымъ. А достигла эта централизованная бюрократія полнаго господства надъ феодализмомъ не раньше, какъ въ XVII вѣкѣ; а въ Римской имперіи эта форма уже господствовала въ III вѣкѣ; значитъ, цѣлые 14 вѣковъ были потрачены на то, чтобы поднялась исторія хоть до той высоты, съ какой низвергли ее варвары. Вотъ теперь и разсуждайте о благодѣтельномъ вліяніи завоеванія римскихъ провинцій варварами. Вся благотворность этого событія состояла въ томъ, что передовыя части человѣческаго рода низвергнуты были въ глубочайшую бездну одичалости, изъ которой едва успѣли вылѣзть до прежняго положенія послѣ неимовѣрныхъ 14-вѣковыхъ усилій.

Сдѣлаемъ теперь крутой поворотъ. Какое намъ дѣло до тѣхъ или другихъ понятій о способности или неспособности древняго міра къ дальнѣйшему прогрессу, о благодѣтельности или гибельности вмѣшательства варварскихъ племенъ въ судьбу цивилизованныхъ странъ? Пусть пишутся объ этомъ спеціалистами ученыя книги; насъ занимаютъ вопросы совершенно иные и, разумѣется, мы не стали бы тревожить такую ветхую старину, еслибъ разоблаченіе ошибочнаго взгляда на вопросъ ветхой старины не представлялось дѣломъ довольно важнымъ для очищенія самохвальныхъ и, къ счастію, пустыхъ мыслей о нѣкоторыхъ живыхъ отношеніяхъ. Мы говоримъ не о славянофилахъ. Если бы спорить приходилось лишь противъ нихъ, не стоило бы спорить, потому что они малочисленны и слишкомъ уже часто встрѣчаются люди, любящіе дешевымъ манеромъ подсмѣиваться надъ ними, не замѣчая того, что сами не чужды коренной тенденціи, изъ которой происходитъ славянофильство. Оно лишь — послѣдовательная, развитая форма чувства, существующаго чуть ли не въ большинствѣ нашего общества, проглядывающаго, къ сожалѣнію, даже у многихъ изъ людей, имѣющихъ вліяніе на мысли всей публики. «Мы призваны обновить жизнь цивилизованнаго міра, внести въ нее высшіе элементы, которыхъ сама она выработать не въ силахъ». Всмотритесь хорошенько

къ самого заклятаго западника, онъ съ этой стороны часто оказывается славянофиломъ.

Мы далеко не восхищаемся нынѣшнимъ состояніемъ западной Европы; но все-таки полагаемъ, что нечѣмъ ей позаимствоваться отъ насъ. Если сохранился у насъ отъ патріархальныхъ (дикихъ) временъ одинъ принципъ, нѣсколько соотвѣтствующій одному изъ условій быта, къ которому стремятся передовые народы, то вѣдь западная Европа идетъ къ осуществленію этого принципа совершенно независимо отъ насъ. Новыя экономическія тенденціи стали обнаруживаться во Франціи и въ Англіи задолго до того, какъ баронъ Гакстгаузенъ разсказалъ нѣмцамъ о нашемъ обычномъ общинномъ землевладѣніи; а французы и англичане узнали объ этомъ нашемъ обычаѣ отъ нѣмцевъ еще позднѣе, — чуть ли не вчера только или третьяго дня. Ихъ мыслители нашли истину безъ помощи знаній о нашемъ бытѣ: они и не подозрѣвали даже, когда составляли свои теоріи, что у одного изъ русскихъ племенъ сохранилось общинное землевладѣніе. Распространялись и распространяются до сихъ поръ ихъ мысли въ западной Европѣ также безъ всякаго отношенія къ нашему обычаю: ни для кого изъ приверженцевъ новыхъ теорій на западѣ не служитъ онъ доводомъ въ пользу новыхъ теорій. Это все равно, какъ изобрѣтены были и распространялись по Европѣ висячіе мосты, безъ всякаго участія тутъ нѣсколько похожей вещи, издавна существующей, — не помнимъ, у китайцевъ ли, или у какого-то другаго восточно-азіатскаго народа: перебрасываются съ одного края ущелья на другой веревки и настилаются на этихъ веревкахъ доски. Европейскіе инженеры и не подозрѣвали о существованіи такого факта, когда стали доказывать возможность и пользу висячихъ мостовъ, и ввели въ употребленіе такіе мосты безъ всякой помощи китайскаго или какого другаго восточно-азіатскаго вліянія. Какое же тутъ участіе имѣли китайцы въ прогрессѣ европейской инженерной науки и практики? Чѣмъ была тутъ или будетъ обязана имъ человѣческая цивилизація или западная Европа? Напротивъ, когда они изъ своего Богъ-знаетъ какого безтолковаго состоянія перейдутъ въ порядочную цивилизацію, они же будутъ учиться отъ западной Европы не тѣмъ однимъ вещамъ, сходнаго съ которыми ничего не было у нихъ въ ихъ прежнемъ азіатствѣ, а между прочимъ и постройкѣ висячихъ мостовъ, сходная съ которыми вещь была у нихъ. Принципъ, положимъ, дѣйствительно одинъ и тотъ же. Но форма, до какой развивается вещь, порождаемая принципомъ, совершенно не та, и китайцамъ безъ помощи европейской цивилизаціи никакъ нельзя было бы дойти до висячаго моста, дѣйствительно прочнаго, удобнаго, удовлетворяющаго надобностямъ

цивилизованнаго общества; а та форма, какая существуетъ у нихъ при азіатствѣ, вѣдь и неудовлетворительна для общества, сколько нибудь развитаго. Что же хорошаго въ китайскихъ веревочныхъ мостахъ? Хорошо въ нихъ то, что при своемъ прежнемъ и нынѣшнемъ азіатствѣ, китайцы, бывшіе неспособными имѣть постройки болѣе совершенной формы, терпѣли бы еще больше неудобствъ, еслибъ не было у нихъ хоть веревочныхъ мостовъ. Значитъ, для китайцевъ эти мосты были и остаются пока полезны, даже очень полезны, пожалуй, благодѣтельны и спасительны; но вѣдь для самихъ же китайцевъ только; а Европѣ не принесли, не приносятъ и не могутъ принести никакой пользы. Они ей совершенно не нужны; они для нея совершенно неудовлетворительны. А для китайцевъ они, какъ мы ужь говорили, очень полезны. И не только теперь полезны при ихъ азіатствѣ, при ихъ неспособности имѣть лучшіе пути сообщенія съ лучшими мостами. Навѣрное, обычный этотъ фактъ окажется полезенъ и для дальнѣйшаго ихъ прогресса, когда они станутъ способны завести у себя лучшіе пути сообщенія по европейской наукѣ. Вѣдь мандарины не сдѣлаются же вдругъ просвѣщенными европейцами, истинными реформаторами, какими нибудь Стефенсонами или Робертами Овенами: долго будетъ у нихъ въ головахъ сидѣть азіатская рутина съ отвращеніемъ отъ всего истинно европейскаго. Вотъ имъ и будутъ говорить порядочные инженеры: «что же такое, вѣдь висячіе мосты—чисто національное наше китайское учрежденіе; вѣдь въ нихъ нѣтъ ничего европейскаго, развращеннаго и гибельнаго для китайскихъ порядковъ». Да и народъ китайскій не легко повѣрилъ бы удобству и прочности желѣзныхъ висячихъ мостовъ, если бы не привыкъ къ своимъ веревочнымъ; ну, а теперь каждому будетъ видно, что желѣзные висячіе мосты безопасны во всѣхъ отношеніяхъ: и съ китайскими порядками сходны, и ходить или ѣздить по нимъ вовсе не страшно. Значитъ, китайцы будутъ много обязаны своимъ нынѣшнимъ веревочнымъ мостамъ за легкіе успѣхи новаго инженернаго искусства въ ихъ странѣ.

Вотъ точно такого же рода исторія и съ нашимъ обычнымъ землевладѣніемъ. Европѣ тутъ позаимствоваться нечѣмъ и не для чего: у Европы свой умъ въ головѣ, и умъ гораздо болѣе развитый, чѣмъ у насъ, и учиться ей у насъ нечему, и помощи нашей не нужно ей; и то, что существуетъ у насъ по обычаю, неудовлетворительно для ея болѣе развитыхъ потребностей, болѣе усовершенствованной техники; а для насъ самихъ этотъ обычай пока еще очень хорошъ, а когда понадобится намъ лучшее устройство, его введеніе будетъ значительно облегчено существованіемъ прежняго обычая, представляющагося сходнымъ по принципу съ порядкомъ, какой

тогда понадобится для насъ, и дающимъ удобное, просторное основаніе для этого новаго порядка.

Кромѣ общиннаго землевладѣнія невозможно было самымъ усерднымъ мечтателямъ открыть въ нашемъ общественномъ и частномъ бытѣ ни одного учрежденія или хотя бы зародыша учрежденія для предсказываемаго ими обновленія ветхой Европы нашею свѣжею помощію. Мы тутъ говоримъ, разумѣется, не о славянофилахъ: у славянофиловъ зрѣніе такого особеннаго устройства, что на какую у насъ дрянь ни посмотрятъ они, всякая наша дрянь оказывается превосходной и чрезвычайно пригодной для оживленія умирающей Европы. Одинъ увѣряетъ, что очень хороша привычка нашего народа безотвѣтно подвергаться всякимъ надругательствамъ и что западная Европа умираетъ отъ недостатка этой похвальной черты, а спасена будетъ нами чрезъ наученіе отъ насъ такому же смиренію. Другой находитъ, что мы молодцы пить и гулять, что западная Европа должна научиться отъ насъ широкому русскому разгулу, то есть дракамъ въ харчевняхъ и битью стеколъ въ трактирахъ, и спасена будетъ отъ смерти собственно этимъ. Третій проникаетъ глубже въ народную жизнь, и отъ домашняго очага, то есть отъ сбитой изъ глины печи чорной избы выноситъ иное сокровище: битье женъ мужьями, битье сыновей отцами (и, наоборотъ, битье отцовъ сыновьями, когда отцы одряхлѣютъ), отдаванье дочерей замужъ и вѣнчанье сыновей по приказанью родительскому безъ надобности въ согласіи женимыхъ и выдаваемыхъ замужъ; эти семейныя отношенія должны послужить идеаломъ для западной Европы, которая и спасется черезъ нихъ. Четвертый восхищается продолжительностью нашей жестокой зимы, — и находитъ, что западная Европа разслабѣла отъ недостатка морозовъ; но ужь въ этомъ никакъ нельзя ей помочь, и онъ откровенно сознается, что дѣло ея пропащее. Мы говоримъ не о такихъ людяхъ: ихъ мало, и спорить съ ними не стоитъ, мы говоримъ не про чудаковъ, а про людей, разсуждающихъ по обыкновенному человѣческому смыслу. Они кромѣ общиннаго землевладѣнія не видятъ у себя ничего такого, чему полезно было бы распространиться отъ насъ на передовыя страны и чѣмъ бы могли мы содѣйствовать ихъ оживленію. А этому обычаю Европѣ поздно научиться отъ насъ, да и не нужно учиться, потому что сама она гораздо лучше насъ понимаетъ, какіе новые порядки ей нужны, какъ ихъ устроить и какими способами вводить. Значитъ, оживлять намъ ее ровно ужь нечѣмъ.

Нечего намъ и хлопотать объ этомъ: никакихъ оживлятелей не нужно ей. Она и своимъ умомъ умѣетъ разсуждать и своими силами

умѣетъ дѣлать что ей угодно, и сводитъ силъ довольно у ней на все, что ей нужно дѣлать.

Или вы начнете говорить, что она ветшаетъ, слабѣетъ силами, что она отжила свою жизнь и т. д., — то есть опять возвратитесь къ той же метафорѣ о деревѣ, которая оказалась обманчива, и все къ тому же примѣру древняго міра, который оказался свидѣтельствующимъ совершенно противное, — къ этому ли возвращаетесь вы? Пожалуй, потолкуемъ еще разъ.

«Старыя страны, долго жившія историческою жизнію, истощаютъ свои...» — ну, довольно, продолженіе мы ужь слышали. Разсудите сначала хотя о древнемъ мірѣ, — для краткости хотя о западной половинѣ его, о Западной Римской имперіи; для большей краткости будемъ говорить лишь о сѣверной части ея, о западно-европейскомъ кускѣ Римской имперіи. Онъ состоялъ изъ Италіи, юго-западной Германіи, нѣмецкаго рейнскаго прибрежья, Бельгіи, Голландіи, Англіи, Франціи, Пиринейскаго полуострова. Изъ всѣхъ этихъ странъ, какія имѣли долгую историческую жизнь передъ разрушеніемъ западнаго римскаго міра? — одна только Италія. Всѣ остальныя еще въ началѣ нашего лѣтосчисленія были совершенно дикими, варварскими, то есть по вашей терминологіи юными, свѣжими, дѣвственными. Отъ этой дѣвственности и свѣжести начинали онѣ избавляться, — мы видѣли, что понемногу они цивилизовались, мы даже хвалили ихъ успѣхи, находили въ нихъ залоги дальнѣйшаго прогресса; но если то, что казалось намъ хорошо, по вашему было гибельно, то нечего сказать, вѣдь не Богъ-знаетъ еще сколько этой гибели привилось къ нимъ, не Богъ-знаетъ сколько заразились онѣ ядомъ цивилизаціи: въ концѣ III вѣка, въ половинѣ IV вѣка, онѣ все еще были странами полудикими: масса туземнаго населенія оставалась еще очень невѣжественна, то есть, по вашему, свѣжа. Въ исторической жизни эта масса не принимала еще ни малѣйшаго участія; образованные классы были все еще малочисленны, да и они только лишь начинали принимать участіе въ исторической жизни, едва лишь начинали въ нихъ пробуждаться первыя неопредѣленныя мысли о самостоятельности. Значитъ, если долгая историческая жизнь не увеличиваетъ, а уменьшаетъ способность страны къ прогрессу, — то есть почва, по вашей метафорѣ, не удобряется, а истощается растущимъ на ней лѣсомъ, и чѣмъ дольше разростается лѣсъ, тѣмъ меньше остается свѣжихъ соковъ въ землѣ, — если думать и такъ, въ противность здравому смыслу, то все-таки по вашему же принципу оказывается, что Пиринейскій полуостровъ, Галлія, Британія, Прирейнская нѣмецкая полоса были странами очень свѣжими, очень способными къ прогрессу, въ то время, какъ варвары стали истреблять въ

нимъ рождающуюся цивилизацію. Посмотримъ теперь на западную Европу. Если цивилизація истощаетъ свѣжесть народныхъ силъ, если участіе въ исторической жизни уменьшаетъ способность къ прогрессу, то дѣйствительно ли населеніе западной Европы очень уже истощено въ этихъ отношеніяхъ?

Образованности въ западной Европѣ очень много. Такъ; но неужели масса народа и въ Германіи, и въ Англіи, и во Франціи еще до сихъ поръ не остается погружена въ средневѣковое невѣжество? Утѣшьтесь: она вѣритъ въ колдуновъ и вѣдьмъ, изобилуетъ безчисленными суевѣріями рѣшительно совершенно еще языческаго характера. Неужели этого мало вамъ, чтобы признать въ ней чрезвычайную свѣжесть силъ, которая, по вашему, соразмѣрна дикости?

Нынѣшнее состояніе массы въ самыхъ передовыхъ странахъ достаточно ручается, что она до сихъ поръ почти вовсе еще не жила историческою жизнію, а продолжала искони вѣковъ древнихъ легендарныхъ своихъ, какими древнія наши любимыя молодыя страны. А не полагаетесь вы на этотъ выводъ, по вашему совершенно очевидный, то справьтесь съ исторіею. Исторія прямо вамъ говоритъ, что феодальное время было временемъ исторической жизни исключительно однихъ только феодаловъ и рыцарей: сначала подъ этими настоящими своими именами, потомъ подъ именами высшаго сословія или аристократіи, они одни распоряжались судьбою странъ: строили учрежденія, какія хотѣлось имъ, воевали, судили, управляли и пожинали себѣ какъ сами думали, не допуская другихъ сословій ровно ни къ чему. Когда же кончился феодальный порядокъ? Во Франціи въ концѣ прошлаго вѣка, значитъ — еще не очень давно; въ Англіи, — объ ней мнѣнія различны: по словамъ однихъ, въ ней онъ еще продолжается; по словамъ другихъ, кончился въ 1846 г. отмѣною хлѣбныхъ законовъ; иные говорятъ, еще раньше, въ 1832 г. парламентскою реформою, а еще другіе говорятъ будто еще раньше, въ концѣ или въ половинѣ XVII вѣка, при второмъ или при первомъ низверженіи Стюартовъ. Возьмемъ самый далекій срокъ, все-таки выходитъ немногимъ больше 200 лѣтъ. Въ Германіи покончилось господство феодализма Наполеоновскими завоеваніями и реформами Штейна въ началѣ нынѣшняго вѣка; но это лишь въ западной и сѣверной Германіи, а въ южной, въ австрійскихъ земляхъ — въ 1848 году. До эпохъ, нами обозначенныхъ, ни въ одной изъ этихъ трехъ передовыхъ странъ не было въ исторической жизни сильнаго участія не только со стороны массы населенія, но и со стороны средняго сословія. Значитъ, еще некогда было истощиться отъ продолжительной исторической жизни силамъ не только массы населенія, но и силамъ средняго сословія. Вы видите, что оно только

еще принимается за веденіе историческихъ событій, за устройство общественнаго порядка по своимъ надобностямъ: и въ Германіи и въ Англіи, да и въ самой Франціи, какъ видитъ каждый, еще очень сильны элементы, сохраняющіеся отъ феодализма: армія и бюрократія.

По мнѣнію порядочныхъ писателей о сельскомъ хозяйствѣ, чѣмъ дольше воздѣлывается земля раціональнымъ образомъ, тѣмъ плодороднѣе она становится. Вы, насмотрѣвшись должно быть одного только залежнаго хозяйства, по которому чрезъ три года земля становится никуда негодна и нивы переносятся на новое мѣсто, думаете, что историческая жизнь истощаетъ силы страны. Такъ вотъ, если даже и согласиться съ вашимъ понятіемъ, все-таки выходитъ, что лишь самая ничтожная доля въ составѣ населенія каждой передовой страны могла истощить свои силы, а если брать весь народъ страны, то слѣдуетъ сказать, что онъ еще только готовится выступить на историческое поприще, — только еще авангардъ народа, среднее сословіе, уже дѣйствуетъ на исторической аренѣ, да и то почти лишь только начинаетъ дѣйствовать; а главная масса еще и не принималась за дѣло, ея густыя колонны еще только приближаются къ полю исторической дѣятельности.

Рано, слишкомъ рано заговорили вы о дряхлости западныхъ народовъ: они еще только начинаютъ жить.

Но мы видѣли, что точно такъ же едва начиналась историческая жизнь и въ провинціяхъ Римской имперіи. Кто намъ поручится, что и жизнь западной Европы не подвергнется такой же катастрофѣ?

Ручательствомъ за то, что не будетъ такой катастрофы, служатъ географія, статистика, технологія и военное искусство. Отношеніе цивилизованнаго міра къ варварскому и полуварварскому теперь уже и по пространству земли и по числу населенія не то, какое было въ прежнія времена. Римская имперія имѣла огромную величину; она равнялась пространствомъ всей нынѣшней западной Европѣ. Но огромнѣйшая часть ея состояла изъ земель, только еще начинавшихъ цивилизоваться: уровень просвѣщенія въ нихъ возвышался еще не столько собственными ихъ силами, сколько вліяніемъ Италіи и Греціи; быть можетъ довольно скоро,—черезъ два, черезъ три вѣка, — онѣ пріобрѣли бы силу держаться и самостоятельно; но когда начался натискъ варваровъ, онѣ держались еще только умственнымъ развитіемъ италъянскаго и греческаго племени. Италія, то есть пространство земли величиною въ-какихъ нибудь 5,000 географическихъ миль, и Греція, съ своими островами и узкою полосою малоазійскаго прибрежья, то есть пространство въ какихъ нибудь двѣ или три ты-

сячи географич. миль, еще оставались единственными странами, въ которыхъ цивилизація достигла такой силы, что образованность ихъ уже существовала и развивалась внутреннимъ могуществомъ. Такимъ образомъ, весь тогдашній уже цивилизовавшійся міръ ограничивался двумя небольшими землями, которыя одна и служили существенно важными частями его, центрами, къ которымъ лишь примыкали остальныя громадныя пространства, получавшія жизнь изъ этихъ центровъ. Теперь не то; въ западной Европѣ есть страны, которыя въ томъ или другомъ отношеніи цивилизованы больше другихъ; но и страна, наименѣе сдѣлавшая успѣховъ, никакъ уже не можетъ быть названа полуварварскою. Какая нибудь Испанія, или Померанія, или Трансильванія все-таки — страны цивилизованныя. Нѣчто подобное положенію, въ какомъ были всѣ части Римской имперіи, кромѣ Италіи и Греціи, представляетъ теперь бытъ лишь немногихъ, очень не большихъ уголковъ западной Европы, — острова Сардиніи, отчасти острова Корсики; но и Корсика и Сардинія все-таки несравненно дальше отъ дикости, чѣмъ была въ III вѣкѣ Галлія, не говоря уже о другихъ римскихъ провинціяхъ. Тогдашнее состояніе этихъ провинцій можно сравнить съ тѣмъ, что представляетъ теперь Остъ-Индія, или островъ Ява, или ближе къ Европѣ, Алжирія. Цивилизованный элементъ страны сосредоточивается преимущественно въ пришельцахъ другаго племени; довольно многіе туземцы принимаютъ такую же цивилизацію и число ихъ увеличивается, но все-таки масса туземнаго простонародія еще остается совершенно варварскою. Если бы цивилизованный міръ нынѣ ограничивался одною Англіею съ Остъ-Индіею и если бы вообразить, что Англія лежитъ гдѣ нибудь на краю Остъ-Индіи, это было бы совершенно сходно съ состояніемъ Римской имперіи. Разумѣется, трудно было бы ручаться, что этотъ небольшой уголокъ, примкнутый къ огромному пространству полудикихъ земель и ослабляемый каждымъ несчастіемъ еще столь слабой цивилизаціи въ этихъ земляхъ, можетъ удержаться противъ наплыва дикихъ ордъ изъ всей центральной Азіи. Такимъ образомъ, первая разница: широкость и прочность основанія, пріобрѣтеннаго новою цивилизаціею. Соразмѣрно тому, какъ увеличилось пространство цивилизованныхъ земель, уменьшилось пространство земель, откуда можетъ устремиться на нихъ потокъ варварства. Еще разительнѣе измѣнилось отношеніе по числу населенія. Если мы исключимъ Китай, Японію, Остъ-Индію, племена которыхъ, конечно, уже не грозятъ вторженіемъ въ западную Европу, то весь остальной старый свѣтъ уже не имѣетъ столько населенія, какъ западная Европа. Если считать силу по числу рукъ, перевѣсъ силы уже на сторонѣ западной Европы. Не такъ было полторы тысячи лѣтъ

тому назадъ, когда существенное сопротивленіе безчисленнымъ дикарямъ ограничивалось лишь населеніемъ Италіи и Греціи. Наконецъ технологія и военное искусство находятся теперь совершенно въ иномъ положеніи. У варвара и у римскаго легіонера самымъ сильнымъ оружіемъ былъ мечъ, который умѣютъ ковать и въ полуварварскихъ странахъ. Если бы судьба походовъ рѣшалась и теперь палашами и штыками, успѣхъ могъ бы еще представляться возможнымъ. Онъ затруднился съ изобрѣтеніемъ пороха, съ появленіемъ ружей и пушекъ. Но пока оставались старинныя ружья, старинныя пушки слишкомъ топорной работы, какой нибудь Достъ Могаммедъ афганскій могъ устроивать у себя оружейные и литейные заводы не хуже европейскихъ. Теперь не то. Когда возмутилась бенгальская армія, англичане, разумѣется, были очень поражены неожиданною перспективою растратъ, усилій, какихъ стоить будетъ имъ борьба, но въ заключеніе очень основательно прибавляли: «мы снабдили этихъ сипаевъ превосходнѣйшимъ вооруженіемъ, но чинить своихъ ружей они не могутъ, дѣлать патроновъ для нихъ не могутъ; когда они разстрѣляютъ захваченные ими въ нашихъ арсеналахъ патроны, они останутся почти безоружны противъ насъ; потому что тѣми ружьями, какія они могутъ и чинить, тѣми патронами, какіе они могутъ дѣлать, сражаться имъ съ нами нельзя».

ПОГОНЯ ЗА ЛУЧШИМЪ.

КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

II.

МОТИВЫ ОБЩЕСТВЕННАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

(По поводу педагогическихъ статей г. Ушинскаго.

Современная намъ эпоха обильна различнаго рода теоріями и проэктами. То «Труды коммиссіи», то «Проэктъ преобразованія», то проэктъ устройства лѣснаго хозяйства, то «Шагъ впередъ», то проэктъ учительскихъ семинарій, то книжонки съ бойкимъ заглавіемъ «Нѣтъ болѣе шулерства!», «Нѣтъ болѣе мышей...», то объявленія «Нѣтъ болѣе сѣдыхъ волосъ!»,—короче, насъ пугаетъ частица «то» и мы, перечисливъ столько заголовокъ, удивляемся пробѣлу: нѣтъ объявленія о прекращеніи общаго горя... Немудрено, что только проэктъ министерства обсуждается русской литературой; о прочемъ отозвались лишь нѣкоторые наши журналы и то какъ бы вскользь.

Въ самомъ дѣлѣ слово «воспитывать» имѣетъ слишкомъ большое значеніе для всякаго развитаго отца. Если купецъ хлопочетъ о возможно большей свободѣ своей торговли отъ пошлинъ; если акціонеръ чутко прислушивается къ говору о благосостояніи компаніи, гдѣ его капиталы; если, наконецъ, подчиненный старается угодить своему начальнику, то какъ же отцу не заботиться о воспитаніи своего сына, чтобы направить свое продолженіе (смотря даже съ этой точки зрѣнія) не по торной дорогѣ дармоѣда, лишняго чело-

нія, а дать ему нравственныя силы добывать себѣ кусокъ хлѣба? Конечно, между отцами слишкомъ много степеней людей различно развитыхъ, оттого-то у иныхъ воспитаніе ведетъ въ одну сторону, у другихъ — въ другую. Но что такое отецъ и сынъ? Неужели первому принадлежитъ право распоряжаться самовольно будущимъ своего дитяти? По нашей практикѣ—отвѣтъ утвердительный, но къ какимъ результатамъ ведетъ наша практика?

Родители взростили своихъ дѣтей дома, научили съ грѣхомъ пополамъ читать и писать и въ условный часъ отдали ихъ подъ опеку правительства, пусть дѣлаетъ что знаетъ, — замѣчательное пожертвованіе: прервать связь съ ребенкомъ! Но нѣкоторые не признаютъ достаточнымъ это для себя, находятъ необходимымъ прибавить сюда еще домашнюю жизнь, они не рѣшаются отдать своего сына въ исключительный надзоръ казенно-учебныхъ гувернеровъ, они боятся, что ихъ дитя не достигнетъ той цѣли, которую должно имѣть русское училище. Напрасное опасеніе!

Напримѣръ, преподаваніе русскаго языка... Вы начальникъ, у васъ есть нѣсколько человѣкъ подчиненныхъ. Что вы отъ нихъ потребуете, на что вы обратите вниманіе? на многое, но прежде всего вамъ нужно будетъ знать, знакомъ ли вашъ подчиненный съ образомъ отправленія служебныхъ обязанностей и не введетъ ли онъ васъ въ непріятность. А чтобы вы были довольны, для этого не надо воспитанниковъ казенно-учебнаго заведенія начинять различными свѣдѣніями по исторіи литературы, излишними въ служебной дѣятельности. Сообразивъ это, вглядитесь въ преподаваніе роднаго языка въ его историческомъ развитіи. Вы увидите, что сухой перечень весьма полезенъ въ этомъ дѣлѣ. Рѣдко, очень рѣдко вы встрѣтите въ учебномъ заведеніи питомца, читающаго въ свободное время какое нибудь литературное произведеніе,—съ самаго дѣтства отвыкаютъ отъ того, что имъ излишне въ будущемъ, и все свое вниманіе обращаютъ на изученіе и затверживаніе урока (книгъ предоставляется имъ заданное по предмету изученія отечественнаго языка), сокращая и убавляя изъ руководства все, по ихъ мнѣнію, ненужное. Если даже страсть нѣкоторыхъ перейдетъ за стѣны училища, то и тогда, подавленная сперва новыми работами, потомъ уничтожаемая трудностью имѣть хорошую книгу безъ жертвъ и лишеній, она погаснетъ сама собою, какъ гаснетъ свѣтильня, опущенная въ воду, —замѣнится преферансомъ, штосомъ, гольцомъ, бильярдомъ, источниками увеличенія доходовъ и матеріальнаго состоянія. А понятно, что для подобной жизни нужна только природная сметка. Иногда невольно поражаешься нападками и придирками нашей журналистики къ казенно-учебнымъ заведеніямъ: они идутъ своей дорогой, они выработы-

ваютъ существа, нужныя для административной дѣятельности, а потому стоятъ прочно на земли и не двигаютъ ни [illegible] ни способности слѣдовать причудливымъ фантазіямъ разума, [illegible] маютъ возможно большую пользу изъ общества ради правительственныхъ нуждъ, — почему требовать отъ нихъ [illegible] познанія и убѣжденій тѣмъ, что силятся разбить обухъ плетью.

Для учащихся въ казенно-учебныхъ заведеніяхъ нужно знать природу, страны, мѣстности, климатъ, произведенія, исторію... все это преподается въ мірѣ и требованіяхъ [illegible] ихъ будущей жизни. Курсъ правительственнаго училища не входитъ въ глубокое, многостороннее разсмотрѣніе всѣхъ эпохъ существованія міра. Существуютъ слоны, бегемоты, гиппопотамы, носороги — опишемъ: не вести же ихъ въ классъ. Есть инфузоріи, полипы, — оставимъ: много хлопотъ. Такъ-то мало-по-малу (сопровождая тихохонько растутъ) наберется курсикъ, — знаній и свѣдѣній насущныхъ достаточно, а что до основанія, до теоретическаго развитія и выработки, — то ея нѣтъ, нельзя и не предвидится надобности залѣзать далеко въ глубь. И, повѣрьте, выходятъ достаточно образованные люди: ослицу не назовутъ осломъ, а корову — быкомъ, знаютъ, что ослица — не оселъ, а корова — не быкъ, а спросите различіе — не скажутъ... нѣтъ различія! А между тѣмъ у насъ слышатся жалобы на нелюбовь питомцевъ къ естественнымъ, статистическимъ и географическимъ познаніямъ. «[illegible]...», напримѣръ, назначить по географіи — девять уроковъ. Достаточно, или нѣтъ? г. Семеновъ находитъ, что въ девять уроковъ нельзя пройти этотъ предметъ по требованіямъ любителей и приверженцевъ географіи, что «географія по прежнему должна остаться одною номенклатурою, сухою и трудною наукою» («Ж. М. Н. Просв.», № 9. стр. 148). А что, спрошу я, если будетъ болѣе девяти уроковъ? Что, если тогда [illegible] желаніе бросить дѣла, бросить службу, да улизнуть въ лучшую по климату и мѣстности сторону? кто виноватъ? — ученіе! Нѣтъ, лучше учиться безъ грѣха

Чему нибудь и какъ нибудь.

Нужна исторія.... Мы наслышались, что исторія привлекаетъ дѣтей своею сказочностью. Но чтобъ опровергнуть эту клевету, намъ стоитъ только сослаться на гг. Кайданова, Зуева, Берте, Смарагдова, Устрялова и всѣхъ вообще промышляющихъ и пекущихся о распространеніи историческихъ знаній. Хотя бы «Руководство къ изученію всеобщей исторіи (*)» почтеннаго Семена Николаевича Смараг-

(*) «Руководство» — Смарагдова издано иждивеніемъ Воспитательнаго Дома, но принято многими гимназіями для преподаванія взгляда на всеобщую исторію.

ловъ. Начиная съ простоты изданія до раздѣленія всемірныхъ судебъ навыворотъ, все вѣетъ не тѣмъ, не истиннымъ мышленіемъ... Кто оспоритъ руководство, когда Семенъ Николаевичъ начинаетъ обрисовывать фанатика-Радамыша, неистоваго, безчеловѣчнаго Робеспьера, злодѣя — Кромвеля и даже цѣлую націю изображаетъ послѣдователемъ, когда онъ crescendo доходитъ въ магнетической оргіи до высоко-замѣчательнаго апоѳеоза: «казнить короля — примѣръ небывалый въ исторіи!!»? — А «Начертаніе русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній, принятое Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ руководство для гимназій? Авторъ его — академикъ Н. Устряловъ. Сперва идетъ начало — перечисленіе обитателей нынѣшней Европейской Россіи; здѣсь мы узнаемъ, что наши предки славяне «имѣли города: Ладогу, Новгородъ, Смоленскъ, Полоцкъ, Кіевъ (и болѣе!), занимались земледѣліемъ и вышли (когда?) изъ кочеваго состоянія; но вообще жили разсѣянно, отдѣльными колѣнами, поклонялись идоламъ, истребляли другъ-друга въ бранахъ междоусобныхъ и, не взирая на свою многочисленность, были легкою добычею воинственныхъ иноплеменниковъ» (кого и какихъ?). Далѣе узнаемъ, что они ѣздили «воевать Грецію», подъѣзжали на лодкахъ по сушѣ къ Константинополю, били хазаръ, имѣли князей, эти князья ссорились, дрались, неожиданно на Калкѣ ихъ побили татары, а потомъ поработили и т. д. и т. д... Нелогично бы думать, что подобныя побужденія и идеи остаются безъ вліянія на теорію воспитанія, на самое общество, что за стѣнами училища нѣтъ примѣненія и стремленія подражать выраженному. У насъ первая забота при воспитаніи и образованіи своихъ дѣтей дѣйствовать сообразно съ теоріей нашихъ педагогическихъ изданій. Мы стараемся изъ нихъ вычерпать и выбрать планъ нашихъ собственныхъ дѣйствій, или пріобрѣсть человѣка знакомаго съ ними, писавшаго, или пишущаго по господствующимъ, новѣйшимъ направленіямъ. Теорія, въ свою очередь, отличается излишней отвлеченностію отъ существующаго. Мы работаемъ и въ заключеніе всего намъ остается удивляться, отчего наша цѣль не достигнута, отчего предметъ нашихъ работъ и исканій отдаляется и отдаляется на огромное разстояніе!

Ясно видно, не сколько разумно дѣйствуютъ отцы, отрицая прирожденную человѣческую индивидуальность своихъ сыновей ради какой нибудь побрякушки. Отсюда прямое слѣдствіе сословная замкнутость. И только подобное непризнаніе въ другихъ личной индивидуальности можетъ породить взгляды, въ родѣ высказываемыхъ Стаховымъ («Наканунѣ»), или раздѣляемыхъ родственниками аристократки, сдѣлавшейся женой простаго студента (Замѣтки Новаго Поэта): въ этомъ только и можно найти причины повидимому ни

на чемъ неосновательныхъ выходокъ этихъ господъ. Какъ бы то ни было, а Стаховы и компанія понимаютъ смутно, что воспитанный ими не можетъ стать въ уровень съ получившимъ образованіе общечеловѣческое, образованіе, достающееся цѣною тяжелыхъ думъ и энергичной работы. Они чуютъ все безсиліе, всю шаткость плодовъ своихъ заботъ о дѣтяхъ и боятся дать имъ рѣзкій толчокъ къ преобразованію: теплица и теоретически невѣрная обстановка требуетъ много силы, много воли для усвоенія сознанія нелѣпости прошлаго пути. Они предчувствуютъ тяжелую борьбу, правственную пытку для своихъ любимцевъ и любимицъ, какъ только послѣдніе поддадутся влеченію жизни, выйдутъ изъ заколдованнаго круга кастовыхъ повѣрій; сами боятся всякой борьбы, всякаго живаго слова и отстраняютъ отъ этой борьбы своихъ холеныхъ ребятъ. И пусть идетъ все своимъ порядкомъ, пусть Елены никогда не связываются узами брака съ Инсаровыми, пусть въ звучныя и громкія салонныя фамиліи не вносятся пятна въ видѣ низкаго плебейскаго прозвища, пусть централизаціонная доблесть и заслуги высоко ставятся толпою въ страницахъ отечественной лѣтописи — только тогда они будутъ спокойны и веселы, и игривый ихъ сонъ съ вѣчными parties-plaisirs, зваными форменными обѣдами, ранними выѣздами и раннимъ разочарованіемъ, видимымъ приличіемъ, длинными моральными тенденціями — этотъ игрушечный ихъ сонъ продлится долго, безмятежно, сіятельно къ радости невидимыхъ для простыхъ смертныхъ ихъ величественныхъ предстателей. Но только прорвется онъ на минуту, только проснется одна незамѣтная въ массѣ единица и для нея не будетъ долго покоя, пока, наконецъ, не охватитъ ее свѣжая жизнь и выведетъ къ сознанію нелѣпости прошлаго мишурнаго прозябанія. Такъ точно долго не успокоится несчастный отставной чиновникъ, просидѣвшій лѣтъ двадцать на департаментскомъ стулѣ и брошенный случаемъ въ нечиновничью сферу, въ своихъ поискахъ работы, соотвѣтствующей его способностямъ и привычкамъ... Понятно стремленіе подобныхъ личностей оградить свои заповѣданные дѣдами и укорененные вѣками обычаи; понятно ихъ стараніе загородить себя китайскою стѣною отъ вкусовъ толпы, той черной толпы необтесанныхъ людей, что ходятъ безъ подметокъ и по мѣсяцу и болѣе не ѣдятъ говядины; понятна ихъ любовь къ лоску, когда внутри пустота и правила жизни Ефима Дымманна; но какъ объяснить себѣ стремленіе хотя, къ примѣру, какого нибудь Макара Гасильника (прославленнаго между прочимъ «Искрою») поставить весь міръ въ такое грустное прозябаніе, заставить весь міръ ловить въ мутной водѣ раковъ и садиться на шею труже-

никовъ-производителей своими бенкетами и порядочностями? Какъ объяснить себѣ стремленіе убѣдить другихъ въ нелѣпости признанія за собою человѣческаго достоинства и стремленія работать непосильно для другихъ, но не задаромъ, а ради матеріальнаго своего благосостоянія, по мѣрѣ добросовѣстно приносимой пользы другимъ! Какъ, наконецъ, объяснить побужденія формулировать и ставить нормы для степени развитія ума въ лицѣ... хоть бы какой нибудь Елены, какого нибудь Инсарова, или какого нибудь лакея Петрушки? Подобными произведенія Макаровъ-Гасильниковъ останутся для насъ навсегда неразгаданною тайной...

И вотъ подобныя личности боятся выставить себя передъ народомъ въ настоящемъ свѣтѣ, маскируются, кричатъ о необходимости запретить народное просвѣщеніе... Голосъ ихъ теряется, и они придумываютъ штуку похитрѣе: они говорятъ, что народъ надо воспитывать такие, какъ воспитывали ихъ, а ихъ, видите, воспитывали... смѣшъ сказать, что они говорятъ... для государства! Въ сущности-то они хотятъ осудить народъ на застоевое пребываніе, сдѣлать его противникомъ всего живаго....

Многимъ кажется, что мы идемъ по новой дорогѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не обмануться въ нашемъ прогрессѣ, какъ не подумать, что мы уже далеко ушли, когда недавно еще литературѣ нужно было убѣждать въ необходимости распространенія грамоты (объ одной только грамотѣ шла рѣчь!), а теперь въ журналѣ министерства является статья г. Ушинскаго съ фразами, «что нужно вывести нашъ народъ изъ тѣсной отжившей сферы исключительно патріархальнаго быта въ болѣе обширную и свободную сферу гражданскаго общества, государства и человѣчества»? Кого не поразитъ этотъ громъ трескучихъ словъ о дѣлѣ столь простомъ и ясномъ, какъ народное образованіе? Можетъ быть кому нибудь покажется страннымъ не только предложеніе ввести народъ въ человѣчество, но также и мнѣніе, будто народъ русскій не былъ въ сферѣ государства: «Въ сферѣ государства, скажетъ другой, народъ былъ и теперь находится.» И въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только взглянуть въ бытъ простолюдина, чтобы не согласиться съ г. Ушинскимъ, на котораго мы смотримъ, какъ на эхо ни полезное, ни вредное, и — ради только самаго источника — рѣшаемся подвергнуть его критикѣ. Возьмемъ, напримѣръ, крестьянина или городскаго обывателя (хотя съ одной стороны платы податей), и мы увидимъ, что онъ не могъ знать своего значенія по самой своей обстановкѣ, по существу самыхъ своихъ отправленій, по недостатку времени для образованія, а отнюдь не по вредности цивилизаціи, не введшей его въ сферу го-

сударство, какъ это находитъ нужнымъ г. Ушинскій. А что цивилизація дѣйствуетъ на патріархальный народъ разрушительно, это по мнѣнію г. Ушинскаго весьма понятно. «патріархальной нравственности, коренящейся въ семейномъ бытѣ, достаточно было, чтобы «опредѣлять тѣ несложныя и многочисленныя отношенія, въ которыхъ вращался патріархальный же человѣкъ; патріархальной нрав«ственности ставало только для патріархальнаго ея быта. Но когда «цивилизація, хотя бы въ формѣ торговли и промышленности, вы«рываетъ человѣка изъ тѣсной сферы семейныхъ и родовыхъ отно«шеній, тогда и патріархальная нравственность оказывается недоста«точною. Человѣкъ въ началѣ какъ бы раздвояется, и въ сердцѣ у «него нѣкоторое время уживаются очень мирно патріархальная прав«ственность въ отношеніи своего семейства и совершенная безнрав«ственность за границею семейства. Онъ какъ будто признаетъ надъ «собою и внутри себя только одни семейные законы (внутри себя се«мейные законы!!) и къ нимъ только искренно привязывается; всѣ же дру«гіе законы кажутся ему враждебными принужденіями, которымъ «должно повиноваться, если нельзя этого избѣгать, но которые поз«волительно и даже похвально обходить.» Да, мы здѣсь именно видимъ безсознательное государственное бытіе. Но напрасно г. Ушинскій думаетъ, что съ первымъ проблескомъ цивилизаціи въ народѣ, человѣкъ теряетъ уваженіе къ другимъ и держится старой пословицы «не обманешь не продашь!», напрасно г. Ушинскій воображаетъ, что за первымъ столкновеніемъ патріархальнаго человѣка съ «чужимъ», у него рождается прежде всего мысль не поддаваться ничему; это совершенно немыслимо. Съ какой стати человѣкъ начнетъ считать непріятелемъ себѣ другаго человѣка, не сдѣлавшаго ему никакого повода къ ненависти? съ какой стати онъ вздумаетъ не признавать внутри себя никакихъ законовъ, кромѣ относящихся до его семейственныхъ отношеній? вѣдь это «прирожденные», какъ говоритъ г. Ушинскій, законы? Нѣтъ, здѣсь не торговля, не промышленность виноваты, а совершенно иное зло, которое гнететъ [illegible] народъ, является для него не разумнымъ закономъ, а тягостнымъ требованіемъ, справедливости котораго онъ не можетъ понять и причины котораго ему неизвѣстны; подобная же непріязненность никогда не навѣвается вѣтромъ, а зарождается вслѣдствіе [illegible] положенія человѣка. Возьмемъ для примѣра реформу Петра I, столь нелюбимую тогда народомъ. Развѣ можно сказать, что народъ такъ себѣ, отъ нечего дѣлать, не взлюбилъ тогда Петра? Реформа не гармонировалась съ духомъ народа, была сдѣлана безъ участія народа въ ея редакціи, и вотъ причина, по которой стрѣльцы, бояре, духовенство противились нововведеніямъ, вотъ та причина, въ силу

которой народъ считалъ себя вправѣ не повиноваться предписаніямъ царя. Петръ I, напримѣръ, нуждался въ деньгахъ; война разорила русскіе финансы; нарвское пораженіе отняло у войскъ артиллерію. Императоръ рѣшился поснимать колокола, нанесъ ударъ религіозному вѣрованію, — народъ втихомолку роптал. Петру I показалось, что платежи съ дворовъ невѣрны и сами дворы то уменьшаются, то увеличиваются, какъ города при Екатеринѣ II, — Петръ велитъ переписать дворы, а народу брать паспорты. Фискальныя мѣры, введенныя царемъ, опять вызываютъ народное неудовольствіе и именно потому, что причина мѣры неизвѣстна низшему классу, а самая мѣра притомъ обременительна. Начинаются покушенія избавиться отъ паспортовъ, начинается ловля безпаспортныхъ, суды, приговоры и наказанія. Народъ опять не оттого противодѣйствуетъ, что находился недавно въ патріархальномъ состояніи, что цивилизація еще не ввела его въ «болѣе свободную» сферу государства, а оттого, что у него есть своя точка воззрѣній, и съ этой точки Петровы мѣры ему кажутся и стѣснительными и лишними; при нихъ нельзя избавиться отъ прямыхъ податей. А прямыя подати, по словамъ профессора Лешкова, платились безъ различія возраста, состоянія здоровья, имущества и т. д.; бѣдный платилъ тоже, что богатый; старикъ и безсильный младенецъ наравнѣ съ полнымъ силъ мужчиною; «требовалось только то, чтобы во время переписи дышалъ русскимъ воздухомъ» подлежащій подати. Народу такая вещь не могла быть понятна, когда онъ притомъ самъ на себѣ испытывалъ всю тяжесть этой несправедливости и видѣлъ, какъ другіе пользовались его положеніемъ. А странные случаи могутъ нерѣдко порождаться отъ подобныхъ мѣръ; такъ, г. Ганъ въ своей запискѣ «О бытѣ мѣщанъ Саратовской губерніи», на стр. 32-й, сообщаетъ замѣчательные факты. «По невозможности переложить «подать съ лицъ, особенно неспособныхъ, на предметы, какъ «у сельскихъ обывателей на землю, податная недоимка у мѣщанъ ча- «сто дѣлается наслѣдственною и ростетъ вмѣстѣ съ возрастомъ бу- «дущаго гражданина, такъ что, когда онъ достигнетъ лѣтъ 18-ти, на «немъ лежитъ уже неоплатная недоимка, которая давитъ его и по- «глощаетъ весь его заработокъ». Оттого бываютъ случаи, что на маленькихъ дѣтяхъ считается недоимки по 21 р. 80½ к. и болѣе. «Счастіе, говоритъ г. Ганъ: если по стеченію какихъ-нибудь благо- «пріятныхъ обстоятельствъ, онъ успѣетъ расплатиться съ недоим- «кою... а то общество, какъ неисправнаго должника, отдаетъ его въ «рекруты за міръ» (ibid.), или, если онъ съ нравственнымъ и мягкимъ взглядомъ — выйдетъ изъ него бурлакъ:

Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенныя черты
И выражающій укоръ
Спокойно безнадежный взоръ,

и протяжный его вой не одного остановитъ на берегу и не одному ребенку приснится онъ ночью! А что у него въ душѣ, какое воспоминаніе о прошедшемъ, какой взглядъ на жизнь и обстановку своей молодости? Растолкуйте ему, почему онъ сдѣлался бурлакомъ, внесите къ нему, г. Ушинскій, вмѣстѣ съ цивилизаціей государственную нравственность, авось полегчаетъ ему отъ вашихъ увѣщаній; можете сказать, что это все патріархальность не позволила ему ужиться съ обществомъ, можете еще много и много сказать — повѣритъ ли онъ вамъ? Не повѣритъ вамъ и садовникъ г. Успенскаго («Гулянье»). Вотъ онъ грязный, разстрепанный, неумытый. Взоръ его дикъ, лицо изможденное, фигура усталая. Говоритъ онъ, едва шевеля губами, и какіе-то звуки вылетаютъ изъ его рта: «запьешь, братъ, запьешь... на моемъ мѣстѣ каждый запьетъ, будь семи пядей во лбу этотъ человѣкъ. Ты знаешь мои дѣла: я съ измальства не видалъ свѣтлаго дня. Сколько я вынесъ? сколько я вынесъ!! Вспомни, какъ трехъ братьевъ я проводилъ въ солдаты... запьешь! Да я объ этомъ не толкую...» и т. д. Вотъ тутъ и поговорить бы о патріархальности, о необходимости государственнаго воспитанія, тутъ бы и начать воспитывать людей; можетъ быть и мѣщанинъ, и садовникъ поняли, что это такъ должно быть съ ними; одинъ сознавалъ бы, можетъ быть, разумность своего положенія за то, что его предки податей не платили, а другой, можетъ быть, понялъ бы, что горевать и запивать отъ тоски по братьямъ-воинамъ не слѣдуетъ, а нужно готовиться самому постоять за «матушку-родимую» и т. д., и т. д.

Мы, кажется, ясно указали, какъ нужно понимать слова г. Ушинскаго, и на сколько авторъ вѣренъ дѣйствительности. Мы для этого не брали исключительностей, а сообщили только нѣкоторыя обстоятельства низшаго класса, и то по извѣстнымъ въ печати фактамъ, и, кажется, ихъ совершенно довольно, чтобы отличить общечеловѣческія чувства и стремленія отъ патріархальной нравственности, которая виновата въ этихъ фактахъ только тѣмъ, что, по вышеприведеннымъ словамъ г. Ушинскаго, ослабила волю и энергію у людей, а слѣдовательно лишила ихъ возможности исправить свою жизнь лучше для себя и полезнѣе для общества. По мнѣнію г. Ушинского, этому одно лекарство — цивилизація посредствомъ воспитанія должна внести въ народъ гражданскую и государственную нравственность. Но что же значитъ здѣсь государственная нравственность и какое она можетъ имѣть значеніе? — Человѣка больнаго

докторъ лечитъ, т. е. прописываетъ средства, уничтожающія возможность повторенія симптомовъ болѣзни, не позволяетъ поврежденному организму еще болѣе повреждаться, сообщая ему необходимое и отстраняя все ненормальное. Но странно, если бы докторъ вздумалъ доказывать больному, что онъ долженъ быть подольше боленъ, что такъ заведено, всегда есть на свѣтѣ больные, безъ поврежденныхъ никогда не существовала вселенная, потому что тогда не могли бы жить доктора, ради которыхъ можно бы похворать подольше. Личное чувство больнаго можетъ шепнуть на это весьма естественный отвѣтъ... Въ этомъ же родѣ и совѣтъ г. Ушинскаго, — притомъ совершенно безсодержательный — проповѣдывать «нравственность необходимости» — являющійся одною пустою, громкою, но ничего незначащею фразою, потому что, если слова доктора не будутъ убѣдительны для больнаго, то и несчастный не повѣритъ необходимости быть ему несчастнымъ предпочтительно предъ другими, крошки со стола которыхъ могутъ его насытить. Но если человѣкъ не признаетъ лжепророка, лжеучителя, за то онъ сочувствуетъ мыслямъ человѣка, не посягающаго подчинить себѣ безвозмездно на дѣлѣ и громкими обѣщаніями на словахъ его трудъ или имущество, его покой или веселость, его знанія или способности. Тотъ можетъ найдти себѣ полное сочувствіе, кто проповѣдуетъ миръ — а не гоненіе, согласіе — а не вражду; кто естественное не стремится направить совершенно въ противоположную сторону по не существующимъ законамъ, кто говоритъ, что болѣзнь — ненормальное состояніе, а насиліе и порабощеніе — неразумное явленіе, короче, кто самъ человѣкъ.

Низшій классъ народа не готовится къ государственной дѣятельности, странно и воспитывать его для подобной дѣятельности; но передъ нимъ всегда природа, человѣческія отношенія. Обо всемъ онъ хочетъ знать и вѣдать, а его знанія слишкомъ недалеки и стоятъ на той степени, гдѣ не существуетъ положительныхъ выводовъ науки, а есть одни отвлеченныя миѳическія воззрѣнія и вымышленныя объясненія дѣйствій природныхъ силъ. Не разумнѣе ли начать воспитывать съ этой стороны? Къ чему ему государственная нравственность, когда онъ готовъ работать, чтобы содержать себя и мѣняться излишкомъ съ другими, когда онъ готовъ приносить пользу обществу, государству, доставляя своимъ трудомъ нужныя произведенія? къ чему же ему государственная нравственность? А его интересуетъ многое, очень многое; тамъ, гдѣ можетъ родиться вопросъ: «почему?» и тутъ же быть рѣшеннымъ, вотъ это онъ съ радостію послушаетъ. Какія бы г. Ушинскій ни выдумывалъ фразы, какъ бы онъ ни старался увѣрять въ необходимости ввести народъ

въ область государства, народъ всегда захочетъ сперва образоваться общечеловѣчески, чтобы быть въ состояніи понимать, а не заучивать многое, необходимое для общественной, или государственной жизни, потому что ему прирождено требованіе разумности и анализа, и потому, что только съ общечеловѣческими воззрѣніями можно быть сознательно хорошимъ гражданиномъ, понимать разумность своихъ дѣйствій и отличать разумныя требованія отъ глупаго насилія.

Г. Ушинскій впрочемъ точно и не видитъ прямыхъ отношеній, порождающихъ ту или другую общественную болѣзнь, а хватается постоянно за отвлеченно-собирательныя понятія «цивилизаціи», «государственности», «гражданственности» и т. п. Оттого онъ, представляя факты личной дѣятельности, точно не подозрѣваетъ въ этихъ фактахъ индивидуальности дѣйствующаго, а приписываетъ все какому нибудь отвлеченному понятію, но отнюдь не выставляемой личности; отсюда у него отчаяннѣйшія попытки обобщить нормы человѣческихъ дѣйствій и положеній, точно онъ имѣетъ въ виду не живыя индивидуальности, а отвлеченные фантастическіе образы. (Это особенно разительно въ проэктѣ учительскихъ семинарій.) Самая идея народнаго образованія является для него чѣмъ-то создаваемымъ полупроизвольно, полунеобходимо. Про народныя школы онъ говоритъ, что онѣ «не принадлежатъ къ «тѣмъ явленіямъ народной жизни, которыя могутъ быть цѣликомъ «пересажены изъ одной почвы на другую и приняться въ средѣ народа. Но духъ школы, ея направленіе, ея цѣль должны быть обдуманы и созданы нами самими, сообразно исторіи нашего народа, степени его развитія, его характеру, его религіи» (№ 11, стр. 73), — короче, учредитель школы, по его мнѣнію, можетъ быть мозаикомъ отвлеченныхъ понятій въ приложеніи ихъ къ практикѣ, можетъ ставить разъ навсегда общія нормы, не заботясь о живыхъ проявленіяхъ, о прогрессивномъ движеніи мысли и жизни. Это г. Ушинскій еще яснѣе выражаетъ на слѣдующей страницѣ: «Въ рѣшеніи столь «важнаго вопроса, говоритъ онъ: должны принять участіе и литера-«тура и все общество, потому что въ дѣлѣ общественнаго воспита-«нія, общественное мнѣніе всегда будетъ играть важную роль; но «главными участниками въ практическомъ разрѣшеніи этого вопро-«са явятся безъ сомнѣнія съ одной стороны церковь, съ другой «все наше ученое и учебное сословіе — представители духовнаго и «представители свѣтскаго образованія» (стр. 74). Это главное участіе отзывается примиреніемъ литературныхъ партій на юбилеѣ кн. Вяземскаго, — сколько литература выиграла отъ этого знаменитаго торжества, столько же народная школа выиграетъ отъ участія представителей свѣтскаго образованія, потому что самъ г. Ушинскій

проговаривается, и изъ его словъ не трудно заключить, что представителей (кто они—мы не знаемъ; вѣроятно, редакторъ журнала министерства народнаго просвѣщенія, а можетъ быть и г. Аскоченскій съ Бурачкомъ) соберутъ для того, чтобы они выслушали представителей духовнаго образованія, ибо «по коренному смыслу христіанской религіи духовный пастырь долженъ быть не только «служителемъ алтаря, не только проповѣдникомъ слова Божія, «но наставникомъ и учителемъ» (которые не тѣ же проповѣдники?) (стр. 74). «Оставляя въ сторонѣ небесное назначеніе религіи, «какъ приготовительницы христіанина къ будущей жизни, мы полагаемъ, что христіанскій пастырь имѣетъ назначеніе умственно и «нравственно возвышать людей и въ этой жизни и открывать источникъ того благодѣтельнаго вліянія, которое христіанская религія «оказала на умственное и нравственное развитіе человѣческихъ об«ществъ» (стр. 75). Итакъ г. Ушинскій, въ припадкѣ изліянія своей неисчерпаемой милости, рѣшилъ по случаю идеи народной школы, что хорошо бы заразъ сдѣлать два добрыхъ дѣла—опредѣлить идею народной школы и возвысить умственно и нравственно представителей свѣтскаго образованія поученіями духовныхъ пастырей. Очень хорошо, очень хорошо, г. Ушинскій! Но этого еще очень мало: выслушаютъ представители свѣтскаго образованія поученія духовныхъ особъ и уйдутъ.... вліянія отъ проповѣди въ массѣ не будетъ замѣтно; такъ ужь кстати г. Ушинскій нашелъ за лучшее, чтобы «наше свѣтское образованіе вообще сблизилось съ религіознымъ» (стр. 78), такъ за-разъ и начнется у насъ все по новому! — Но ошибся, сильно ошибся тотъ, кто повѣрилъ желанію г. Ушинскаго, чтобы въ обсужденіи идеи народнаго образованія участвовала литература и общество. Изъ сдѣланныхъ нами выписокъ, какъ бы выводъ, является на сцену желаніе г. Ушинскаго, «чтобы не желѣзныя дороги, не «промышленность со всѣмъ своимъ золотомъ и со всею своею «грязью, не столичный и фабричный развратъ, не промышленническая литература, разсчитывая на трудовой грошъ крестьянина, а «церковь и школа, не разрушая, а освящая и озаряя свѣтомъ мысли «и чувства семейный бытъ и оставляя ему то, что принадлежитъ по «праву (т. е. ничего?) всякому христіанскому семейству, вывели «нашъ простой народъ изъ тѣсной отжившей сферы исключительно «патріархальнаго быта въ болѣе обширную и свободную сферу «гражданскаго общества, государства и человѣчества» (стр. 70). Но какая же церковь должна освятить русскій народъ? Конечно, та, которую исповѣдуетъ русскій народъ, которую исповѣдуетъ самъ г. Ушинскій и по весьма уважительнымъ причинамъ: «католицизмъ, по мнѣнію г. Ушинскаго, не истинами христіанства, а своею іерархіею

«поставилъ препону цивилизаціи народа». Ну, это слишкомъ одно-стороннее, замѣтитъ читатель, а впрочемъ, хорошо безъ католицизма. Протестантизмъ — «это вѣчная протестація, вѣчное отрицаніе, «которое не можетъ остановиться, не отказавшись отъ собственнаго своего характера» (?). А «православная религія величественно идетъ «по средней (*), истинной дорогѣ; она, свято сохраняя древнія формы «христіанства и не объявляя римскихъ притязаній на земную власть, благословляетъ и освящаетъ всякій истинный прогрессъ»(стр. 79).

«Что же такое? готовъ спросить насъ читатель: — г. Ушинскій видѣлъ необходимость ввести нашъ народъ въ «болѣе свободную» сферу, а планъ-то дѣйствій и цѣль образованія народа очертилъ слишкомъ узенькимъ кругомъ, заковалъ въ миніатюрныя границы? Хоть бы ему взять примѣромъ для своихъ теорій англійское общество «Britisch and Foreign society», вышло бы значительно по-лучше и пошире» (*). Но, читатель, развѣ у насъ Англія? Мы должны помнить и слова г. Ушинскаго, что у насъ должно создать школы «сообразно исторіи нашего народа», а въ прошедшемъ русскаго народа не были ни Lord Brougham, ни Marquis of Lansdowne, ни the Duce of Argyle, ни Lord John Russel (члены общества «Britisch and Foreign Society»), а потому не могло существовать и осуществленія на практикѣ мнѣній, раздѣляемыхъ этими людьми. Напротивъ, если мы вспомнимъ прошлое, то узнаемъ, что «издревле россійскимъ дѣтоводцемъ и учителемъ обычай бѣ, «учити дѣти малыя въ началѣ азбуцѣ, потомъ часословцу и псалти-«ри, тоже писати; по сихъ же пѣцы преподаютъ и чтеніе апостола. «Возростающихъ же препровождаютъ къ чтенію и священныя биб-«ліи, и бесѣдъ евангельскихъ и апостольскихъ, и разсужденію высо-«каго въ оныхъ книгахъ лежащаго разумѣнія» (Пред. къ азбукѣ начала XVIII ст.). А разумѣніе это не могло быть иное, чѣмъ учили духовныя лица, потому что самая грамотность возникла изъ самыхъ простыхъ, первыхъ потребностей церкви и была принята, т. е. распространилась такимъ же простымъ естественнымъ путемъ, единственно только подъ видомъ ученія вѣры. И далѣе этого воспитаніе не шло и не могло идти. Духовныя лица заботились только о правильномъ знаніи разъ принятаго программой образованія и ни-

---

(*) Вѣроятно слово «средней» странная описка; если же нѣтъ, то можно подумать, что авторъ лишенъ той возмужалости ума, въ которой возможно сложиться убѣжденіямъ, потому что самъ г. Ушинскій напечаталъ на стр. 61 курсивомъ: «середины нѣтъ».

(*) «Britisch and Foreign Society» не придерживается въ своихъ школахъ ни одного опредѣленнаго вѣроисповѣданія, предоставляя сектаторское религіозное образованіе питомцевъ на долю родителей. Въ школахъ его преподаются только первыя основы христіанства.

сколько не имѣли охоты расширять кругъ предметовъ преподаванія, что можно видѣть хотя въ посланіи новгородскаго архіепископа Геннадія къ митрополиту Симону въ началѣ XVI вѣка, гдѣ очерчивается поразительная картина знаній людей, готовящихся принять духовный чинъ. «А се приведутъ ко мнѣ мужика, говоритъ онъ: и азъ велю «ему апостолъ чести, и онъ не умѣетъ ни ступити ; и азъ ему велю «псалтирю дати, и онъ и потому едва бредетъ; ино вѣдь то всю зем«лю облаялъ, что нѣтъ человѣка въ землѣ, кого бы избирати на по«повство.» Вслѣдствіе этихъ причинъ Геннадій проситъ митрополита объ исходатайствованіи у государя повелѣнія учреждать училища, гдѣ бы, по мнѣнію Геннадія, учити первое—«азбука граница истол«кована совсѣмъ, да и подтительныя слова да псалтиря съ слѣдо«ваніемъ на крѣпко. И коли то изучитъ, можетъ послѣ того проучи«вать и конархати и чести всякія книги.» Въ такомъ же духѣ составлялись и азбуки; напр., какъ только кончалась азбука, слѣдовалъ отдѣлъ складовъ и прописей, начинавшійся молитвою: «За молитвы «святыхъ отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ, аминь», и т. д. Потомъ начинался отдѣлъ апоѳегмъ. «Не ищи, говорилось тамъ: человѣче, мудрости, ищи прежде кротости: аще обрящешь кротость, тогда познаешь и мудрость», или: «аще кто хощетъ много знати, тому подобаетъ мало спати, а мастеру (учителю) угождати», или: «человѣкъ божій бойся Бога, стоитъ смерть у порога...» и т. п. Вообще азбуки того времени отличались поученіями, часто весьма наивными; такъ напримѣръ, азбука 1679 г. обращается къ ученикамъ, такимъ образомъ:

«Хощеши, чадо, благъ разумъ стяжати,
Тщися во трудѣхъ выну пребывати.
Временемъ раны нужда есть терпѣти,
Ибо тѣхъ кромѣ безчинуютъ дѣти.
Розги малому, бича большимъ требѣ,
А жезлъ подросшимъ при нескудномъ хлѣбѣ.
Та орудія глупыхъ исправляютъ,
Плоти цѣлости ничто не вреждаютъ.
Розга умъ остритъ, память возбуждаетъ
И волю злую къ благу прелагаетъ».
и т. д. и т. д.

Не знаемъ, наведутъ ли эти факты г. Ушинскаго на новыя доказательства въ защиту выставляемой имъ теоріи, но г. Ушинскій находитъ необходимымъ вывести нашъ народъ изъ патріархальнаго состоянія въ сферу государства, гражданства etc., чрезъ содѣйствіе школы и церкви, которая должна освящать семейство свѣтомъ мысли и чувства. Что-же выйдетъ изъ этого освященія? Семейст-

во, при переходѣ изъ патріархальнаго состоянія въ сферу государственныхъ потребностей, основываясь на смыслѣ словъ самого г. Ушинскаго, освящать совершенно излишне, потому что, какъ онъ говоритъ, въ семействѣ отношенія остаются вполнѣ нравственными; только внѣ семейства патріархальный человѣкъ противится всякому непонятному для него вмѣшательству другихъ по очень простой причинѣ, ясной даже для г. Ушинскаго: «еслибы сама общест-«венная жизнь обратилась къ крестьянину съ безкорыстнымъ жела-«ніемъ ему добра, то и въ его сердцѣ развилось бы безкорыстное «общественное чувство» (стр. 68.). Тутъ, очевидно, нужно освятить или, говоря правильнѣе и яснѣе, измѣнить совершенно другія причины порожденія корысти и измѣнить отнюдь не по способу, предлагаемому авторомъ. Г. Ушинскій точно не видитъ и не знаетъ результатовъ прежняго воспитанія; ему точно неизвѣстны слѣдствія заучиванія голыхъ буквъ безъ разъясненія смысла; ему точно незнакома исторія испанской инквизиціи, исторія религіозныхъ войнъ, фанатизмъ мусульманъ, казни Альбы; онъ точно не видитъ необходимости разумнаго сознанія, — въ противномъ случаѣ онъ не позвалъ бы «представителей образованія» для созданія идеи народной школы. Конечно, чтобы понималъ г. Ушинскій потребность жизненности въ воспитаніи народа — этого требовать невозможно; его стремленія — вводить народъ въ туманныя опредѣленія и освящать семейства...

Вотъ тѣ основанія, на которыхъ г. Ушинскій строитъ свою теорію народнаго образованія. Кажется ясно, что приведенныя основы намъ не новы, и не заключаютъ въ себѣ ничего сообразнаго съ современными понятіями. Но откуда и какъ могла сложиться подобная теорія? Объясненіе этого мы находимъ у г. Белюстина въ статьѣ его «Два (?) и послѣднія слова о народномъ образованіи». Каждому, мало-мальски читающему современныя періодическія изданія, извѣстно очень хорошо, какъ были приняты первыя слова этого грамматика о народномъ образованіи. Между многими антагонистами г. Белюстина какъ-то оказался «Русскій Міръ», напечатавшій статью «Статистика общественной нравственности», составленную на основаніи статистическихъ изслѣдованій французскаго ученаго Герри о состояніи общественной нравственности во Франціи и Англіи. Г. Белюстинъ схватился за эту статью, чтобы доказать, что «мелькнула мода на грамотность, какъ въ былыя «времена была мода на богадѣльни, на пріюты, на филантропическіе «концерты, на училища для дѣвочекъ и проч., и проч., — и все закри-«чало о грамотности, и всѣ кинулись къ ней, какъ къ единственно-«му спасенію народа отъ всякаго (?) рода язвъ (къ чему утрировка?);

«и безъ вины виновнымъ оказался дерзнувшій (т. е. г. Белюстинъ) «сказать, что съ одной грамотностью еще не далеко уйдешь» (стр. 147, № 2). Гг. Белюстину и Ушинскому сродна мысль г. Аскоченскаго, что народу прежде нужно раздать евангеліе, а потомъ уже приняться его учить грамотѣ. Изъ статьи объ общественной нравственности можно выписать такое мѣстечко: «совершенное невѣжество «менѣе допускаетъ крайнюю степень разврата, чѣмъ нѣкоторая обра«зованность, и, не смотря на распространеніе образованности нра«вы нисколько не сдѣлались чище» (стр. 145 № 2). «А между тѣмъ», говоритъ въ другомъ мѣстѣ г. Белюстинъ: «нашъ народъ такъ неудер«жимо ринулся къ образованію! О, горе, если вмѣсто хлѣба дадутъ «ему камень! Большее горе, если вмѣстѣ съ знаніемъ внесутъ въ «его душу отраву, которая въ конецъ растлитъ его нравственное «чувство, какъ это было и есть въ иныхъ странахъ» (стр. 147 — 148). Особенно г. Белюстину не нравятся «всяческія школы, и «всяческіе учителя» (стр. 147), которые и есть самый, что нина-есть, пагубный народъ. Даже г. Ушинскій понялъ, что г. Белюстинъ портитъ дѣло, — вотъ онъ и прибавилъ къ его статьѣ свое примѣчаніе, но такъ мило, уклончиво, что только нужно удивляться его способности обходиться безъ скандаловъ. Онъ чуетъ, что просвѣщеніе плохая причина преступленій, когда нечѣмъ удовлетворить человѣку своимъ физическимъ требованіямъ, — что склонность къ преступленію не столько зависитъ отъ шаткости или твердости нравственныхъ воззрѣній, сколько отъ невыносимости окружающаго гнета; онъ знаетъ, наконецъ, что признаваемое нами за преступленіе, вслѣдствіе дѣтскихъ привычекъ и разныхъ внушеній, можетъ быть простымъ удовлетвореніемъ природныхъ нуждъ, — впрочемъ, не знаемъ и не ручаемся, понимаетъли г. Ушинскій все это; но ему надобно было замаскировать немного признаніе г. Белюстина и онъ говоритъ: «Факты нравственной «статистики находятся въ такой (т. е. прямой?) зависимости отъ мно«жества разнообразнѣйшихъ причинъ, что ими нельзя съ увѣренно«стію измѣрять нравственныя послѣдствія того или другаго направ«ленія въ образованіи. Несомнѣнно только то, что одно умственное «образованіе, и тѣмъ болѣе полуобразованіе, которое одно и воз«можно для массъ народа, само по себѣ не можетъ еще имѣть благо«дѣтельнаго вліянія на возвышеніе нравственнаго уровня»: (стр. 148). Удивительно: выводъ остался тотъ же самый, но только помягче. Но откуда г. Ушинскій взялъ, что для массъ возможно только одно полуобразованіе? Если признать это вѣрнымъ, тогда, основываясь на теоріи-же г. Ушинскаго, нечего пытаться вывести народъ изъ невѣжества, потому что «болѣе всего нужно бояться полуобра-

«зованія» (стр. 125), вреднаго во всѣхъ отношеніяхъ. Но г. Ушинскій рѣшается сказать на нѣсколькихъ строкахъ сряду нѣсколько нелѣпостей. Далѣе, въ примѣчаніи, увѣривъ читателя, что только одно полуобразованіе возможно для народа, онъ говоритъ, что г. Белюстинъ желаетъ «прочнаго образованія» народа, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи... Г. Белюстинъ желаетъ, не понимая, что онъ желаетъ; ну, а г. Ушинскій не желаетъ «прочнаго образованія», потому что оно невозможно! Не понимаемъ всѣхъ тонкостей этой маскировки. Лучше положительно объявить себя централизаціоннымъ бюрократомъ, противникомъ просвѣщенія, чѣмъ скрываться за безсодержательныя фразы и все-таки проговариваться... И подобный-то господинъ видитъ въ своей теоріи благодѣтельныя средства устроить разумно народное образованіе, придать ему духъ жизни и сознательнаго прогрессивнаго движенія и—что еще удивительнѣе—точно радикальный защитникъ просвѣщенія, рѣшается пренаивно просить читателя видѣть въ его словахъ, «касаю-«щихся всѣхъ насъ, посвятившихъ себя болѣе или менѣе дѣлу на-«роднаго образованія (г. Ушинскій и себя относитъ къ этимъ людямъ! каково?!) скорѣе сильное желаніе обратить вниманіе общества (это для чего? вѣдь здѣсь главные дѣятели,—представители духовнаго образованія? не вздумалъ-ли г. Ушинскій говорить персидскимъ высокимъ слогомъ и употреблять трôпы? не нужно-ли здѣсь вмѣсто общества, цѣлаго, поставить—часть его, государственныхъ органовъ? а?) на крайнюю современную потребность учрежденія правильныхъ, «воспитывающихъ народныхъ школъ» (стр. 73.) «Желать правильныхъ народныхъ школъ» и говорить, что народу можетъ быть свойственно только гибельное полуобразованіе!! Два эти сопоставленія, безъ всякихъ нашихъ предъидущихъ выводовъ и выписокъ изъ статьи г. Ушинскаго, ясно характеризуютъ стремленія автора учредить школы, которыя не давали-бы полуобразованія и не могли бы дать полнаго образованія, т. е. забивали-бы всякое проявленіе живой мыслительности.

А для возможности примѣнять свои мысли къ практикѣ, г. Ушинскій предлагаетъ устройство учительскихъ семинарій. Мысли объ учрежденіи у насъ такихъ педагогическо-образовательныхъ учрежденій, а тѣмъ болѣе цѣлый проэктъ, по мнѣнію многихъ, могутъ принести огромную пользу въ нашемъ просвѣщеніи.

Званіе воспитателя прельщаетъ не одного молодаго человѣка и служитъ для многихъ источникомъ мечтаній и бредней о томъ времени, когда они получатъ возможность возложить на себя эту «священную» обязанность, окруженные толпою дѣтей, едва понимающихъ окружающую ихъ обстановку, — толпою будущихъ

гражданъ и дѣятелей на славу и пользу отчизны. Для столькихъ же оно, напротивъ, является совершенно ничтожнымъ, не дающимъ никакихъ льготъ, безжизненно-скучнымъ и совершенно излишнимъ въ ряду должностныхъ, административныхъ, полицейскихъ, ученыхъ и другихъ лицъ, имѣющихъ власть и вліяніе на окружающее. Наконецъ, есть люди, видящіе въ его существованіи одну цѣль мѣшать, досаждать и наказывать безвинно, по своему усмотрѣнію, имъ подчиненныхъ питомцевъ. Подобное нерасположеніе къ гувернерамъ (мы ставимъ это слово синонимомъ воспитателя) очень естественно породилось настроеніемъ умовъ, выраженіемъ которыхъ явилась у насъ педагогическая литература. Съ первымъ словомъ противъ существующихъ методъ и направленій, съ первымъ выраженіемъ «прозрѣнія въ лучшую жизнь съ ея полнотою стройной», оно неминуемо должно было зародиться у многихъ и войти во взглядъ ихъ на все относящееся къ сферѣ воспитателя. Но отвергать возможность существованія хорошихъ наставниковъ, не краснѣя говорить, что странно, даже глупо надѣяться, чтобы изъ нашихъ разныхъ педагоговъ могли выйти тѣ высокіе идеалы воспитателя, которые нынче сдѣлались модными, — отнюдь не значитъ отвергать возможность существованія хорошаго воспитанія. Немудрено, что видя на практикѣ людей развившимися подъ дѣйствіемъ прошедшаго, своеобразно оттѣнившаго ихъ умъ, и читая требованія отъ этихъ же людей совершенно противоположнаго ихъ убѣжденіямъ и привычкамъ, — многіе отвергли всякую возможность переработки къ лучшему нашихъ воспитателей; немудрено, если совокупность новоповѣданныхъ качествъ истиннаго наставника показалась для многихъ безжизненною, отвлеченною игрою фантазіи. При старой обстановкѣ никакая человѣческая разумность не можетъ существовать; ее поработятъ предразсудки касты. Только отвергнувши устарѣлое, развязавши школьные путы для питомцевъ, можно было ожидать чего нибудь хорошаго. Не можетъ же ничто идти успѣшно, когда руководитель будетъ затрачивать средства на удовлетвореніе постороннимъ, ни къ чему ненужнымъ цѣлямъ, а главную оставитъ безъ помощи и средствъ. Не можетъ ничто идти тамъ успѣшно, гдѣ воспитатель принимаетъ на себя роль полицейскаго, гдѣ фабрикантъ наблюдаетъ за чистотою облаковъ. Нужно воспитателю дѣлать свое дѣло, а фабриканту свое; нужно наставнику работать для воспитанниковъ, а не для стѣнъ. Но реформы—у педагоговъ—одни слова и слова. Мы наслышались слишкомъ много разныхъ отрицаній и не видѣли ни одной соотвѣтственной попытки на дѣлѣ. И вотъ что особенно странно. Многіе говорятъ, что наше общество интересуется вопросами о воспитаніи; но

этого, признаться, не замѣтно по нашимъ педагогическимъ изданіямъ, безцеремонно печатающимъ на своихъ страницахъ всякую залежавшуюся гниль. Конкурса у нихъ нѣтъ, или, правильнѣе, самъ конкурсъ побуждаетъ ихъ къ отсталости: выписываютъ ихъ преимущественно уѣздныя училища, изрѣдка гимназіи на казенныя суммы, по заведенному порядку, а частныя лица не сильно интересуются какими нибудь тоненькими, всегда пустыми по содержанію, книжицами, разсчитывая прочесть интересное и болѣе дѣльное по предмету воспитанія въ толстыхъ неспеціальныхъ журналахъ. Поэтому педагогическія изданія существуютъ «сами по себѣ», не стараются двинуть впередъ общественный взглядъ, — нѣтъ! они не хотятъ «дѣлать все à sa fantaisie и, пользуясь своею властью, прилагать подъ часъ къ жизни самыя непрактичныя начала» (Воспит. 1860 г. № 9). Стоитъ для этого вспомнить «Русскій Педагогическій Вѣстникъ», отроча П. Гурьева, Вышнеградскаго, Белюстина и К°, (нынѣ этотъ журналъ редактируется А. Григоровичемъ) — кіевскія правила (Воспит. 1859 г. № 12), защиту этихъ правилъ (Воспит. 1860 г. № 9), статью «Двѣ пощечины», ничѣмъ неуступающую теоріи «трехъ пощечинъ», (Воспит. 1860 г. № 7), статьи «О школьной дисциплинѣ» (Воспит. 1860 г.) и т. д. Все это весьма поразительно: журналы о воспитаніи, затрогивающемъ всѣ стороны общественной жизни, касающемся болѣе или менѣе прямо всѣхъ улучшеній, — не раскрываютъ причины общественнаго зла, вреднаго въ развитіи человѣческой личности, не отыскиваютъ средствъ ему противодѣйствовать, а тратятъ время, мысль и трудъ на отвлеченныя, ложно принятыя, видимыя мѣры исправленія невидимаго, воображаемаго; мало того, поддерживаютъ мѣры, очевидно вредныя. Если такой богатый матеріалъ теряется изъ виду, если эта потеря кромѣ того отражается болѣзненно на обществѣ и не вызываетъ здоровой дѣятельности, то можетъ ли кто нибудь считаться правымъ, отчуждаясь отъ міра сего для размышленій и выдумокъ новыхъ теорій, усиливающихъ и подкрѣпляющихъ насиліе, когда само насиліе — произведеніе ложнаго, больнаго настроенія, а не требованіе, не законъ природы? можетъ ли это убійственное пренебреженіе къ своему долгу считаться явленіемъ нормальнымъ, терпимымъ въ обществѣ, и чѣмъ подобный человѣкъ лучше и нравственнѣе безсознательнаго тирана? Послѣдній захотѣлъ и приказалъ мучить, а этотъ думаетъ, потѣетъ... и зачѣмъ? чтобы оправдать себя и убѣдить другихъ, что битье возможно и полезно!...

Ясно, что признаваемая педагогами власть наставника надъ воспитанникомъ и ихъ полу-слова о вредѣ «несправедливыхъ» и «неумѣстныхъ» наказаній — могутъ породить только полу-мѣры. Примѣры

ихъ — кіевскія правила. Какую они принесли пользу? Директоръ не можетъ быть доволенъ своимъ безвластіемъ; ученикъ можетъ быть наказываемъ, а педагогическій совѣтъ—является безаппеляціонною трибуной... существуетъ какой-то самосудъ между товарищами, а нѣтъ представительства учениковъ въ совѣтѣ учителей. Короче, все à sa fantaisie, искусственно, шатко и должно было уничтожиться. Укоренившееся понятіе о разумности правъ воспитателя нарушено ограниченіемъ для наставника возможности наказывать; задатки гармоническихъ отношеній между учителемъ и ученикомъ положены; движеніе началось и, по законамъ всякаго движенія, должно продолжаться до совершенія полнаго пути, до достиженія прямо вытекающихъ разумныхъ результатовъ, т. е. до уничтоженія нелѣпаго состоянія, бывшаго при порожденіи движенія. Повторяемъ, только анти-прогрессивная ненормальность могла здѣсь дѣйствовать тлетворно, чтобы выработка новыхъ соотношеній прекратилась безуспѣшно; а самыя стремленія къ лучшему, при всей своей индеферентности, все таки остаются вѣрными, потому что успѣхъ борьбы зависитъ отъ постороннихъ условій: силъ борющихся. А кто имѣетъ больше власти: воспитатели-ли, при своемъ меньшинствѣ, или питомцы, при своей многочисленности?

Мы, конечно, разумѣемъ здѣсь не одни права тѣлесныхъ наказаній: розги, плюхи, карцеры, — все это эмблемы общаго. Если же одинъ видъ наставническаго произвола дѣлается для многихъ очевидною нелѣпостью, то этимъ ясно указывается на несостоятельность всего подобнаго произвола: очевидно нелѣпое есть только рельефное изображеніе общей нелѣпости. Что же думать о людяхъ, старающихся или доказывать разумность подобной ненормальности или воспитывать другихъ такъ, чтобы для нихъ не могъ казаться всякій произволъ невѣрнымъ? А съ этою цѣлью строитъ г. Ушинскій учительскія семинаріи, можетъ быть даже не понимая, что и для чего онъ строитъ.

«Самый существенный недостатокъ, говоритъ онъ: въ дѣлѣ русскаго народнаго просвѣщенія есть недостатокъ хорошихъ наставниковъ, спеціально подготовленныхъ къ исполненію своихъ обязанностей». «Природные же воспитательные таланты, сами по себѣ прокладывающіе дорогу въ дѣлѣ воспитанія, встрѣчаются рѣже, чѣмъ какіе либо другіе таланты; а потому, по словамъ г. Ушинскаго:—нельзя расчитывать на нихъ тамъ, гдѣ требуются многія тысячи учителей. Но знаніе и умѣнье преподавать (продолжаетъ прожекторъ) и дѣйствовать преподаваніемъ на умственное и нравственное развитіе дѣтей могутъ быть (въ силу, конечно, законовъ государственныхъ?) сообщены молодымъ людямъ и необладающимъ особен-

ными способностямъ (вотъ даже какимъ! послушаемъ, поучимся!). Кромѣ того въ каждомъ наставникѣ, а особенно въ тѣхъ наставникахъ, которые назначаются для низшихъ училищъ и народныхъ школъ, важно не только умѣнье преподавать, но также характеръ, нравственность, убѣжденія» и т. д.

Г. Ушинскій увѣренъ, что образовать народныхъ учителей не могутъ наши гимназіи, но не потому, что духъ и направленіе ихъ главнѣйше направлены къ образованію только чиновника (если не примѣшается постороннее болѣе жизненное вліяніе), сильнаго зазубреннымъ урокомъ, а потому, что... «курсъ гимназіи разсчитанъ болѣе на приготовленіе молодыхъ людей къ университету» (стр. 120)! Тутъ г. Ушинскій прямо противорѣчитъ статьѣ Свода. Курсъ гимназіи можетъ дать достаточно матеріаловъ для свободной самодѣятельности, но если онъ этого не достигаетъ, то, безъ сомнѣнія, странно считать причиною такого грустнаго факта исключительную (по мнѣнію г. Ушинскаго) цѣль гимназіи — приготовленіе питомцевъ къ университету. И если даже гимназіи не могутъ дать народу дѣльныхъ дѣятелей, если для нихъ является прямая необходимость въ переводѣ своихъ учениковъ въ университеты—то, въ силу логики и здраваго смысла, можно заключить, что сами университеты, скорѣе нежели гимназіи, уѣздныя и приходскія училища, могутъ дать намъ людей, способныхъ пролагать новую дорогу для улучшенія народнаго быта; можно предполагать, что университеты способны внушить своимъ студентамъ здравую идею народнаго образованія. Но г. Ушинскій находитъ кончившихъ курсъ въ университетахъ, или связанныхъ съ нимъ своимъ образованіемъ, — «плохими учителями народа», «потому что германскіе педагоги (кто эти педагоги?) именно замѣчаютъ, что молодые люди, слушавшіе университетскіе курсы и вынесшіе изъ нихъ высокія научныя идеи, по большей части являются дурными элементарными и народными учителями, внося эти идеи со всею ихъ обширностію и вмѣстѣ со всею ихъ неопредѣленностію въ свою школьную дѣятельность» (стр. 122). Мы рѣшительно не понимаемъ этой германской (?) мудрости. Выписанное нами мнѣніе, по нашему, негерманскому, разумѣнію, не только странно, но и голо, бездоказательно и нелогично. Чтобы сказать, что нибудь подобное, нужно быть или идеальнымъ, отрѣшеннымъ отъ фактовъ чтителемъ университетскаго образованія, или его заклятымъ врагомъ. Глядя же прямо на вещи и понимая все такъ, какъ оно есть, нельзя такъ тупо и бездоказательно надсмѣхаться надъ тѣмъ, что далеко не всѣмъ понятно по своей великости. Въ самомъ дѣлѣ, какъ назвать образованіе, вселяющее «высокія идеи» и недающее задатковъ для простаго пониманія простѣй-

шаго закона, что нелѣпо твердить едва начинающему учиться свои «высокія идеи»? Подобное образованіе выпуститъ въ лицѣ своего питомца «высокія идеи», но не человѣка, — повергнетъ его въ сферу отрѣшенностей, сдѣлаетъ его неспособнымъ къ жизни, къ пониманію живыхъ потребностей... неужели это университетское образованіе? Мы въ этомъ опредѣленіи узнаемъ состояніе образованія временъ — греко-латино-словенской академіи, временъ схоластизма, зубренія псалтиря, требника, четь-миней и силлабическихъ виршей; но, къ счастію, не находимъ здѣсь ни малѣйшаго подобія нашего современнаго высшаго образованія. Конечно, найдутся и теперь между студентами десятки неспособныхъ не только къ миссіи народнаго наставника, но и къ другимъ «болѣе высокимъ» занятіямъ; но развѣ они могутъ составлять общую характеристику университетскаго образованія? Г. Ушинскому нужно было сказать: «прежде замѣчали мы (или для красоты — «германскіе педагоги») въ университетахъ совершенную отрѣшенность отъ потребностей народа (что отчасти существуетъ еще и теперь), оттого-то на студентовъ трудно было полагаться въ добросовѣстномъ выполненіи ими обязанностей элементарнаго учителя» и т. д. Но авторъ захотѣлъ бросить камнемъ въ студентовъ, начавшихъ миссію народнаго образованія, и выказалъ одно только свое незнаніе какъ ихъ трудовъ, такъ и ихъ воззрѣній. Если прежде университетъ для большинства являлся не болѣе, какъ одною цѣлью достать права перваго разряда и чинъ 10 или 9 класса, то за то теперь, можно сказать утвердительно, большинство ищетъ въ стѣнахъ университетскихъ аудиторій живаго взгляда на свое будущее положеніе между разнохарактерными общественными членами, ищетъ разгадокъ на тѣ самые язвительные вопросы, которые еще Гейне когда-то послужили обильнымъ сюжетомъ для его желчныхъ думъ. А потому между современными студентами нѣтъ желанія однихъ только личныхъ матеріальныхъ выгодъ, хотя бы они стоили отрѣшенія отъ собственныхъ взглядовъ, и перевѣсъ на сторонѣ стремленія къ дѣятельности для общественныхъ выгодъ. Нельзя ожидать, чтобы студенты университетовъ посвятили всю свою будущую дѣятельность исключительно народному образованію, сдѣлались исключительно элементарными учителями, но можно положительно утверждать, что большая часть по этому предмету будетъ сдѣлана ими. Впрочемъ г. Ушинскому не нравятся обширныя свѣдѣнія, особливо онъ признаетъ ихъ вредными для учителя народной школы, «для учителя всякой народной школы нѣтъ надобности въ обширныхъ познаніяхъ, которые скорѣе вредно могутъ подѣйствовать на его дѣятельность» (стр. 121). Почему? спроситъ читатель. А хоть бы оттого, что

«нѣкоторымъ прусскимъ учительскимъ семинаріямъ прямо ставится въ обязанность — не переучить (nicht überlehren) будущихъ учителей». И г. Ушинскій находитъ подобное распоряженіе совершенно раціональнымъ. По его словамъ, «дѣйствительно, «обширныя познанія могутъ только вытѣснить учителя изъ той «скромной колеи, которую онъ для себя избралъ, и помѣшать его «ограниченной, но въ высшей степени важной для государства дѣя-«тельности» (стр. 122). Въ Пруссіи, въ «европейскомъ» государствѣ, есть правило — nicht überlehren; его и мы признали бы вѣрнымъ и неизмѣннымъ, еслибы у насъ не рождался вопросъ: «на какомъ основаніи»? и если бы мы хоть что нибудь поняли въ доводѣ г. Ушинскаго; а то, несмотря на все наше искреннѣйшее желаніе, мы не можемъ связать и сдѣлать заключеніе на основаніи двухъ діаметрально противоположныхъ данныхъ. Какой нибудь А. избираетъ для себя профессіей образованіе простонародья, «важную для государства дѣятельность»; нельзя предположить сейчасъ, безъ всякаго повода, что А. сумасшедшій, дѣлающій все «очертя голову»; напротивъ А. долженъ быть человѣкомъ благоразумнымъ, иначе государственные органы засадятъ его въ больницу и не позволятъ ему заниматься преподаваніемъ. Съ какой же стати этотъ господинъ А. можетъ бросить самимъ имъ избранную профессію? Положимъ, онъ во время своихъ трудовъ пріобрѣлъ такъ или иначе «обширныя познанія» и увидѣлъ свою способность къ другой работѣ. Онъ чувствуетъ, что можетъ быть полезнѣе на другомъ поприщѣ, за что онъ можетъ пользоваться бо̀льшими благами за свой трудъ (принимая вознагражденіе, какъ справедливое воздаяніе за производительность) и онъ избираетъ для себя новую профессію. Все какъ нельзя болѣе разумно. Но положимъ даже, А. увлекается, ошибается въ своихъ предположеніяхъ, — остановите его, что же выйдетъ? онъ пренебрежетъ своими занятіями и будетъ мучиться своимъ безсиліемъ, а общество въ лицѣ его потеряетъ и народнаго учителя и полезнаго дѣятеля по другой отрасли удовлетворенія общественнымъ потребностямъ. Очевидно, что въ обстановкѣ, очерченной г. Ушинскимъ, А. является не индивидуальною личностію, свободно избирающею для себя занятія, а простою машинкой, пружинкой, гвоздикомъ, какъ хотите; не онъ самъ дѣлается народнымъ учителемъ, а его дѣлаютъ. У него нѣтъ средствъ прочувствовать жизнь, понять общественныя потребности и направить сознательно свою дѣятельность; у него отняты средства перемѣниться, сдѣлаться изъ автомата живымъ человѣкомъ, потому что этого не хочетъ г. Ушинскій, присудившій ему вѣчно быть безсознательнымъ рычагомъ своихъ идеекъ. И послѣ этого, какъ понять слова автора: «которую онъ для себя избралъ»? Тутъ,

напротивъ, видно, что другіе думали за него, что другіе присудили ему быть народнымъ учителемъ, другіе опредѣляли для него безвыходное кастовое прозябаніе, онъ же самъ является не болѣе, какъ жертвою египетскихъ воззрѣній. А у человѣка могутъ быть діаметрально различны позывы и стремленія, такъ что правила г. Ушинскаго относительно учительскихъ семинарій, основанныя на принципѣ фабрикаціи, не только неразумны, но прямо гибельны для общества (*).

По мнѣнію г. Ушинскаго, учительская семинарія должна быть что-то среднее между гимназіей и уѣзднымъ училищемъ, чтобы выпускать хорошихъ народныхъ учителей. А хорошій учитель народной школы, по его словамъ, долженъ обладать свѣдѣніями очень разнообразными. «Онъ долженъ имѣть познаніе, говоритъ авторъ: не только въ законѣ божіемъ, грамматикѣ, ариѳметикѣ, географіи и исторіи, но и въ естественныхъ наукахъ, медицинѣ, сельскомъ хозяйствѣ; кромѣ того умѣть хорошо писать, рисовать, чертить, читать ясно и выразительно и если возможно, даже пѣть. Тогда только (?) онъ будетъ въ состояніи сообщать ученикамъ своимъ свѣдѣ-

---

(*) Чтобы наше мнѣніе не показалось голымъ, позволяемъ себѣ привести довольно любопытный примѣръ изъ прошедшихъ временъ гатчинскаго николаевскаго института, и именно возьмемъ результаты, данные музыкальнымъ классомъ въ періодъ отъ 1837 — 1840 г. Мы приводимъ здѣсь эти факты только потому, что они могутъ дать понятіе о разнохарактерности направленій питомцевъ, если пожелаютъ узнавать ихъ стремленія. 28 февраля 1837 года, музыкальный классъ былъ преобразованъ: «раздѣленъ на два отдѣленія, съ назначеніемъ въ каждомъ по 10 часовъ въ недѣлю преподаванія; учителю назначили помощника, и сверхъ того опредѣлили надзирателя за поведеніемъ воспитанниковъ; однакожъ этотъ классъ и послѣ такихъ пожертвованій не принесъ ожидаемой отъ него пользы. Изъ 42 воспитанниковъ, составлявшихъ его: три опредѣлены были потомъ по вѣдомству театральной дирекціи; четыре оставлены при домѣ: два — помощниками учителя музыки и два — помощниками учителя гимнастики; одинъ—помощникомъ учителя при школѣ малолѣтнихъ дѣтей; одинъ назначенъ былъ писаремъ при конторѣ института; девять переведены были въ писарскій классъ; четыре—въ с.-петербургскій ботаническій садъ; одинъ—въ гатчинское училище практическаго садоводства; два поступили въ военную службу; трое въ фельдшера; одинъ — въ курьеры; наконецъ семь размѣщены были по разнымъ мастерствамъ и одинъ умеръ. Итакъ, изъ сорока двухъ воспитанниковъ оказалось только пятеро способныхъ музыкантовъ, которые постановленіемъ опекунскаго совѣта 6 іюня 1840 г. розданы были въ С.-Петербургѣ между лучшими артистами на два года для ихъ усовершенствованія. Эти-то пятеро музыкантовъ состояли (нѣкоторые состоятъ и теперь) помощниками при учителѣ музыки и занимаются подъ его руководствомъ съ тѣми воспитанниками института, которые оказываютъ къ музыкѣ особую склонность и охоту. Такъ кончилась въ гатчинскомъ домѣ попытка образовать особый музыкальный классъ». (Очеркъ исторіи гатчинскаго института—Петра Гурьева, 1854 г. стр. 83).

нія, необходимыя или полезныя для нихъ въ жизни.» (стр. 122). Все это, конечно, можетъ понравиться очень многимъ: програмна не такъ ограничена и повидимому противорѣчитъ всему сказанному нами о мнѣніяхъ г. Ушинскаго. Но мы рѣшаемся освѣтить приведенное мнѣніе автора. Всякій согласится, что начертать програму— вещь ничего незначащая для самаго духа и объема преподаванія, а слѣдовательно и для результатовъ успѣшныхъ или пагубныхъ, вносимыхъ учебнымъ заведеніемъ въ общественную жизнь. Какъ съ ограниченной програмной можно сдѣлать много продотворнаго, такъ точно съ обширными курсами можно дѣйствовать гибельно на образованіе юношества: дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ. Г. Ушинскій, очертивъ такимъ образомъ курсъ учительской семинаріи, не выходитъ и здѣсь изъ своего любимаго принципа, что невѣжество лучше полуобразованія, и поэтому разражается слѣдующей тирадой: «нѣтъ нужды доказывать, говоритъ онъ: что убѣжденія всякаго народнаго учителя христіанскаго народа должны быть проникнуты идеей христіанства. Вотъ почему народныхъ учителей «вредно возводить на ту среднюю ступень образованія или, лучше «сказать, сообщать ему то поверхностное, самонадѣянное полуобразованіе, которое скорѣе всего ведетъ къ сомнѣнію въ религіи, а «потомъ къ безвѣрію. Ожидать, чтобы учитель народной школы «самъ перешагнулъ за эту ступень и достигъ того высшаго образованія, которое снова возвращаетъ человѣка къ религіи (т. е. позволяетъ ему вполнѣ оцѣнить религіозныя вѣрованія?)— никакъ нельзя. При образованіи учителей для народныхъ школъ болѣе всего «нужно бояться этого полуобразованія, возбуждающаго самонадѣянность и не дающаго положительныхъ и полезныхъ знаній. Познанія, безопасныя для человѣка, которому предстоитъ еще много «учиться, не безопасны для того, кто оканчиваетъ ученіе на первой «его ступени», и т. д. и т. д. (стр. 125)....

Читатель, вѣроятно, замѣтилъ, что г. Ушинскому создать школу, опредѣлить идею народнаго воспитанія, написать проэктъ учительской семинаріи — ничего не значитъ, ему «море по колѣно.» Моделировка его дѣло, его спеціальность. Такъ ему захотѣлось сдѣлать учительскія семинаріи — интернатами, закрытыми учебными заведеніями. «Требуя отъ наставника, разсуждаетъ онъ: «чтобы онъ не однимъ ученьемъ, но всѣмъ своимъ характеромъ «имѣлъ вліяніе на столь же всестороннее развитіе своихъ воспитанниковъ, должно позаботиться и о томъ, чтобы педагогическое под«готовленіе наставниковъ не ограничивалось однимъ теоретическимъ «и практическимъ обученіемъ. Вотъ почему въ Германіи, послѣ мно«гихъ попытокъ, пришли къ убѣжденію, что учительскія семинаріи

«должны быть по преимуществу заведенія закрытыя, интернаты, «тогда какъ въ отношеніи всякаго другаго рода учебныхъ заведеній «въ той же Германіи господствуетъ совершенно противоположное «мнѣніе» (стр. 121.) Въ Германіи существуетъ понятіе о необходимости интернатности въ дѣлѣ образованія учителей элементарныхъ школъ, какъ же Россіи не предложить учрежденіе у себя новой воспитательной фабрики? У насъ вѣдь нѣтъ общеевропейскихъ авторитетовъ по части педагогіи, а тамъ цѣлая фаланга прославленныхъ именъ отъ Локка, хотя бы, до Песталоцци. Но это еще не значитъ, что справедливо и разумно самое основаніе нелѣпой моделировки. Вотъ, напримѣръ доказательства разумности учрежденія интернатовъ для приготовленія народныхъ учителей (эти доводы мы передаемъ вкратцѣ) или, по словамъ г. Ушинскаго: «причины, требующія устройства особыхъ учительскихъ семинарій и того, чтобы эти заведенія были интернаты, выкажутся яснѣе, если взглянуть на то, къ какой цѣли должна стремиться всякая учительская семинарія» (стр. 121.):

1) Для учителя народа нѣтъ надобности въ обширныхъ познаніяхъ, которыя здѣсь губительны. Примѣръ—прусское «nicht überlehren»,

Но какая же здѣсь связь съ интернатомъ? вѣдь и въ открытомъ учебномъ заведеніи можно ничего не пріобрѣсть или зазубрить самое ограниченное количество самыхъ непригодныхъ знаній?

2) Небольшія свѣдѣнія народнаго учителя должны быть ясны, точны и опредѣленны. Для такого учителя, по мнѣнію автора: нужна только небольшая грамота. Авторитетъ: отзывъ германскихъ педагоговъ о способностяхъ кончившихъ университетскій курсъ въ дѣлѣ преподаванія для народа.

Конечно, чтобы составить небольшую грамоту — а тѣмъ болѣе выучить ей питомцевъ — нужно учредить новое установленіе, несогласное съ другими учебными заведеніями ни по духу, ни по направленію; но чтобы оно было именно интернатъ, — это не вытекаетъ изъ цѣли его основанія.

3) Свѣдѣнія учителя народной школы должны быть очень разнообразны. Нужно заботиться, чтобы будущій учитель умѣлъ ясно и отчетливо читать и т. п.

Качества, не требующія все-таки аскетизма.

4) «Въ самой передачѣ свѣдѣній въ народныхъ школахъ, гдѣ учитель становится лицомъ къ лицу съ такимъ классомъ народа, для котораго вовсе не назначаются (не авторъ-ли беретъ на себя право назначать?) гимназіи, имѣется много особенностей» и т. п. (стр. 123).

Для этого прежде всего нужно знать не методъ преподаванія, а самый народный духъ, самыя народныя понятія и требованія. Но странно думать, чтобы народный духъ узнавался изъ книги или лекцій педагога; для этого необходимо учителю постоянное общеніе съ самимъ народомъ, съ окружающею народъ средою, а отнюдь не изученіе отдѣльныхъ теоретическихъ опредѣленій, часто ни на чемъ неоснованныхъ, или основанныхъ на искуственно подобранныхъ фактахъ, мельчающихъ и сушащихъ самый выводъ. А подобная потребность требуетъ жизни не въ интернатѣ, а напротивъ возможно большаго соприкосновенія будущаго учителя съ народомъ, не въ лицѣ питомцевъ, обыкновенно подчиненныхъ въ школѣ педагогической дисциплинѣ и поэтому теряющихъ или, правильнѣе, обязанныхъ скрывать большую часть отпечатка своего народнаго характера,—а въ лицѣ взрослыхъ, ничѣмъ не стѣсненныхъ представителей народа, отцевъ будущихъ питомцевъ наставника. Г. Ушинскій инстиктивно понялъ это, но понялъ совершенно иначе: у него эта необходимость является подтвержденіемъ его мысли важности воспитанія въ интернатѣ; онъ находитъ, что

5) «методъ преподаванія можно изучить изъ книги или словъ преподавателя, но пріобрѣсть навыкъ въ употребленіи этого метода можно только дѣльною и долговременною практикою. Въ германскихъ учительскихъ семинаріяхъ (и если автору такъ нужны авторитеты, то мы можемъ прибавить, что и въ англійскихъ —Trainings Institutions) практикантъ обыкновенно сначала присутствуетъ на урокахъ хорошаго учителя и помогаетъ ему по его указанію, а потомъ самъ пробуетъ преподавать по лекціи, составленной и обдуманной заранѣе съ учителемъ. При такомъ урокѣ практиканта присутствуютъ его товарищи и учителя и замѣчаютъ его каждую ошибку; а послѣ урока, въ особомъ педагогическомъ собраніи, высказываютъ практиканту всѣ, сдѣланныя на его лекціи замѣчанія, при чемъ обращается вниманіе даже на мельчайшія подробности преподаванія; какъ-то на интонацію, движенія и проч. Выслушавъ эти замѣчанія, практикантъ приготовляется къ новому уроку. Такое приготовленіе вначалѣ бываетъ очень медленно и трудно: практикантъ не только долженъ уяснить себѣ предметъ урока во всѣхъ подробностяхъ, но придумать объясненія, выраженія, вопросы, приготовиться ко всѣмъ случайностямъ урока, обдумать каждое движеніе. Понятно, что послѣ двухъ или трехъ лѣтъ такихъ занятій изъ практиканта образуется хорошій преподаватель съ отличными преподавательскими пріемами и привычками и что кромѣ того предметъ преподаванія установится въ его головѣ въ полной ясности и опредѣленности. Но, конечно такія упражненія, такія педагогическія бесѣды, такая взаим-

ная критика и взаимное подраженіе гораздо удобнѣе дѣлаются при совмѣстной жизни семинаристовъ въ интернатѣ»...

Кажется ясно, что г. Ушинскій и не думаетъ о живыхъ потребностяхъ народа, о живомъ, понятномъ преподаваніи. Потребность изученія практикантомъ того класса, гдѣ онъ современемъ будетъ руководителемъ юношества, а слѣдовательно и умственнаго развитія, для автора совершенно непонятна. Его заботы сосредоточены на приличныхъ жестахъ и движеніяхъ, на красивыхъ объясненіяхъ. Но положимъ, что жестикуляція необходимая принадлежность хорошаго учителя, что подражаніе учителю можетъ двинуть практиканта къ самостоятельной работѣ (чего, конечно, ни въ какомъ случаѣ не можетъ случиться), что практикантъ пріобрѣтетъ отличные преподавательскіе пріемы,—что же изъ этого выйдетъ? Конечно, одинъ актеръ безъ пониманія жизни, съ узкою сферою узкихъ познаній. Въ самомъ дѣлѣ; учитель заставляетъ практиканта помочь себѣ—практикантъ помогаетъ; учитель говоритъ, что практиканту нужно составить лекцію и обдумываетъ вмѣстѣ съ нимъ, что̀ и какъ слѣдуетъ говорить; сколько же придется на долю практиканта самостоятельнаго труда, при сильной авторитетности учителя (а сильная авторитетность—прямое слѣдствіе обязанностей учителя «не переучить» и во что бы то ни стало сдѣлать изъ своего питомца учителя народной школы!) Потомъ практикантъ читаетъ лекцію; товарищи критикуютъ... Что? конечно, «мельчайшія подробности преподаванія, какъ то: интонацію, движенія и проч.» — самую лекцію имъ критиковать нельзя; авторитетъ учителя силенъ, а какъ бы то ни было, учитель замѣшанъ въ дѣлѣ практиканта: вѣдь они вмѣстѣ обдумывали и составляли. Такимъ образомъ, мы вполнѣ вѣримъ, что изъ практиканта можетъ выйдти преподаватель «съ отличными педагогическими пріемами», но можетъ и не выйдти: какъ бы ни былъ строгъ и блителенъ надзоръ, самолюбивая личность можетъ не подчиняться критическимъ замѣчаніямъ товарищей, тѣмъ болѣе, что съ нею работалъ самъ учитель. Но вотъ кончены лекціи практиканта; изъ него образовался «хорошій» учитель народной школы «съ отличными педагогическими пріемами» — что же дальше? — Онъ получаетъ школу. Наконецъ-то выработался на Руси «хорошій» учитель — слава тебѣ Господи! Но что̀ думаетъ о себѣ такой семинаристъ? онъ прошелъ сквозь огонь и воду педагогической мудрости, трудился, пріобрѣлъ «не обширныя, но опредѣленныя познанія» и признанъ... «хорошимъ» наставникомъ. Явится ли онъ авторитетомъ предъ своими питомцами, или сочтетъ ихъ своими друзьями, равными, достойными съ его стороны уваженія? Послѣднее что-то сомнительно, вѣдь все его воспита-

ніе было основано на авторитетности и самъ-то онъ готовился въ «хорошіе» воспитатели «съ отличными» пріемами, то есть, какъ авторитетъ въ дѣлѣ воспитанія народа... Да и сами-то питомцы для него новы: онъ присутствовалъ и училъ въ учительской семинаріи на лекціяхъ нужныхъ будущимъ учителямъ, — а теперь попалъ въ народную школу!

Мы видѣли выше условія полезныхъ познаній хорошаго народнаго учителя, условія нелѣпыя; но даже оставляя ихъ въ сторонѣ, мы имѣемъ право спросить теперь: будетъ ли выпущенный и образованный такимъ образомъ «хорошій» учитель — живымъ человѣкомъ? Намъ невольно приходятъ на умъ два стиха изъ «Фауста» — Гёте:

Нѣтъ! чувства не придать словамъ,
Когда оно изъ сердца не исходитъ, —

и въ самомъ дѣлѣ, что такое «живой» человѣкъ, что такое «живое» слово?

Н. ПІОТРОВСКІЙ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Краткое изложеніе русской исторіи. Составилъ *Н. Тимаевъ*. Изд. второе. Спб. 1861.

«Въ настоящее время» множество рукъ трудится надъ собираніемъ уликъ въ прегрѣшеніяхъ «Современника». Г. Тимаевъ такъ счастливъ, что получилъ отъ публики,—замѣтьте отъ самой публики! это не шутка, — одну улику подобнаго рода, и такъ добръ, что выставляетъ эту улику на общее пользованіе. Публика, говоритъ онъ въ предисловіи ко 2 изданію своего «Краткаго изложенія русской исторіи»: раскупила все прежнее изданіе, а требованія на книгу продолжаются: «это, вопреки мнѣнію рецензента «Современника» 1859 г. показываетъ или то, что книга моя имѣетъ свои достоинства, или же то, что въ литературѣ нашей не достаетъ именно такого рода руководства». Должно быть или то или другое. Поищемъ сначала достоинствъ. Русскіе, говоритъ г. Тимаевъ: — славяне; а славяне, говоритъ онъ, бываютъ разные: восточные, сѣверозападные и югозападные. «Къ югозападнымъ славянамъ принадлежатъ: болгары, сербы, хорваты, хорутане, черногорцы; они находятся подъ властію Турціи и Австріи». Что же это, значитъ черногорцы не сербы? и подъ чьей же это властью они находятся: подъ властью Турціи или подъ властью Австріи? — «Къ сѣверозападнымъ славянамъ (продолжаетъ г. Тимаевъ) принадлежатъ: поляки, чехи, моравы, находящіеся подъ властью Австріи и Пруссіи». А не существуетъ ли на свѣтѣ еще лужичанъ, не существуетъ ли тоже словаковъ? и не находится ли поляковъ подъ властью еще какой нибудь

другой державы, кромѣ Австріи и Пруссіи? — Впрочемъ кромѣ славянъ жили на пространствѣ нынѣшней Россіи и другія племена, говоритъ г. Тимаевъ: «на сѣверъ отъ Волги многочисленное финское племя»,— ну а мордва, до нынѣ остающаяся въ губерніяхъ Пензенской и Саратовской, къ какому племени принадлежитъ? какими же это судьбами губерніи Пензенская и Саратовская лежатъ на сѣверъ отъ Волги?

Мы видимъ, что г. Тимаевъ только изъ скромности говоритъ, будто бы въ его «сочиненіи нѣтъ ни новыхъ фактовъ, ни новыхъ изслѣдованій и выводовъ». — Мы пересматриваемъ книгу слегка; что попадется подъ глаза, то и выбираемъ: вотъ, напримѣръ, параграфъ объ уніи. «Поляки обратили вниманіе на вѣру (говоритъ г. Тимаевъ), стараясь подавить православіе и распространить католицизмъ во всемъ кіевскомъ княжествѣ. Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій, Михаилъ Рагоза, митрополитъ кіевскій, и хитрый Ипатій Поцей, епископъ владимірскій, не довольные константинопольскимъ патріархомъ, рѣшились отдѣлиться отъ православія и искать покровительства у папы, главы западной церкви», и т. д. Что же, — Кириллъ Терлецкій, Михаилъ Рагоза и хитрый Ипатій Поцей были поляки? а если они были русскіе, то поляки ли завели унію? А вотъ параграфъ: «Образованіе Петра Великаго.» —«О дѣтствѣ Петра расказываютъ, что однажды во время Алексѣя Михайловича купецъ принесъ Петру подарки, между которыми находилась маленькая *сабля*; трехлѣтній царевичъ схватился за саблю», и — ждете вы по этому началу — прибавилъ, что, дескать, когда я выросту, я этою саблею побью Карла XII подъ Полтавою; но нѣтъ: г. Тимаевъ не догадался, что его анекдотъ слѣдовало бы закончить такимъ манеромъ. А вотъ «Отечественная война 1812 г.» — «Наполеонъ, желая покорить и самую Россію, вскорѣ нашелъ предлогъ къ войнѣ.» Вотъ какъ, Наполеонъ желалъ покорить Россію! Такой скрытный былъ человѣкъ: никто до г. Тимаева не умѣлъ узнать этого! Нѣтъ, что ни говорите, новыхъ фактовъ въ маленькой книжкѣ г. Тимаева не мало. Судя по этимъ небольшимъ выдержкамъ, надобно отвергнуть первую половину дилеммы автора: «или то, что книга моя имѣетъ свои достоинства». Значитъ, объяснить продолжающееся требованіе на нее можно только второю половиною дилеммы: «или же то, что въ литературѣ нашей не достаетъ именно такого рода руководства»; именно не достаетъ такого рода руководства: есть руководства не дурныя; есть много руководствъ плохихъ, но и плохія все таки писаны людьми, хоть сколько нибудь знакомыми съ предметомъ; а такого руководства, которое имѣло бы совершенно рябяческій характеръ, до изданія книжки г. Тимаева не было. Полная благодар-

ность ему за то, что онъ потрудился восполнить этотъ недостатокъ.

И какой плодовитый педагогъ г. Тимаевъ! На обертке его книжки читаемъ, что въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга, кромѣ «Краткаго изложенія русской исторіи», поступили въ продажу тоже его сочиненія: «Краткій учебникъ всеобщей исторіи», ч. I: Исторія древняго міра», «Тетрадь всеобщей географіи», — это все сочиненія г. Тимаева; а дальше поставлены еще двѣ книги: «Греческая миѳологія» и «Філоктіт, трагедія Софокла, перевод с греческова», — чьего сочиненія эти двѣ книжки, не написано; только поставлены онѣ рядомъ съ сочиненіями г. Тимаева. Но кѣмъ бы ни былъ напечатанъ «Філоктіт, перевод с греческова», этотъ господинъ, т. е. не Філоктіт, а человѣкъ, его напечатавшій, долженъ быть — отважный прогрессистъ, бойкая голова, нововводитель; такъ-что не даромъ поставлена его книжка рядомъ съ сочиненіями самого г. Тимаева: одинъ уничтожаетъ букву ъ, замѣняетъ букву и буквою і, а другой открываетъ, что Наполеонъ желалъ покорить Россію и что черногорцы—не сербы. Оба молодцы. Однако погодите, это еще не все: на обертке «Краткаго изложенія Русской исторіи» напечатано еще, что въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ «Краткій учебникъ Всеобщей Исторіи. Часть 2. Исторія среднихъ вѣковъ. Составилъ Н. Тимаевъ».

Скоро ли г. Тимаевъ исполнитъ это обѣщаніе, скоро ли подаритъ насъ «Исторіею среднихъ вѣковъ» такого же ребяческаго характера, какъ «Краткое изложеніе русской исторіи»?

Краткій учебникъ Всеобщей Исторіи. Ч. II. Исторія Среднихъ Вѣковъ. Составилъ *Н. Тимаевъ*. С-П-бургъ. 1861.

А вотъ обѣщаніе ужь и исполнено. Молодецъ г. Тимаевъ; право, хорошо.

«Не всѣ народы, говоритъ онъ въ началѣ своей новой книжки, одинаково важны для исторіи: нѣкоторые народы исчезли, оставивъ только имя своему потомству; другіе народы содѣйствовали развитію образованія; третіе способствовали къ распространенію образованія; четвертые разрушительными появленіями и набѣгами задерживали ходъ образованія. Поэтому народы могутъ быть раздѣлены на историческіе и неисторическіе; такъ древніе греки и римляне, новѣйшіе французы, англичане, германцы—суть вполнѣ историческіе народы; напротивъ того, готтентоты, негры, калмыки, якуты—суть не историческіе народы». Готтентоты, калмыки, якуты вѣроятно и по мнѣнію г. Тимаева не содѣйствовали развитію или передачѣ

образованія; значитъ, ни ко вторымъ, ни къ третьимъ народамъ они не принадлежатъ: что же они — четвертые народы, которые разрушительными появленіями и набѣгами задерживали ходъ образованія? Или они — тѣ народы, которые «исчезли»? Вотъ видите ли, г. Тимаевъ, прежде, чѣмъ печатать историческіе учебники, надобно самому выучиться писать съ толкомъ; иначе, не попадешь въ число «писателей, благотворителей и друзей человѣчества», которые «сильно подвигаютъ впередъ общество». Впрочемъ кажется, что г. Тимаевъ можетъ «преимущественно явиться дѣятелемъ въ исторіи», какъ художникъ: въ своихъ маленькихъ книжкахъ онъ часто проявляетъ поэтическій складъ души. Начнетъ, напримѣръ, говорить о рыцарскихъ зàмкахъ и прибавитъ, что въ наше время ихъ развалины «служатъ жилищемъ воронамъ и летучимъ мышамъ»; или, начнетъ говорить о Фридрихѣ II Гогенштауфенѣ и очень мило обрисуетъ «прекрасную Италію съ ея свѣтлымъ небомъ, чуднымъ климатомъ и роскошною природою». Книжка у него очень маленькая,— всего страничекъ 300 самаго маленькаго формата и напечатана крупнымъ шрифтомъ; — кажется, негдѣ было бы разгуляться, — нѣтъ, онъ умѣетъ распорядиться мѣстомъ, все важное успѣетъ сообщить. Напримѣръ: въ краткомъ учебникѣ иной не нашелъ бы мѣста поразговориться о домашнихъ дѣлахъ Рудольфа, графа габсбургскаго, до его избранія въ императоры; а г. Тимаевъ открылъ возможность разсказать намъ слѣдующій, конечно очень важный историческій фактъ: «Въ это время въ южной Германіи, въ Швабіи, жилъ Рудольфъ, графъ габсбургскій, отличавшійся отвагою, благочестіемъ, справедливостью и добротою, такъ-что онъ былъ любимъ своими подчиненными. Однажды Рудольфъ Габсбургскій ѣхалъ верхомъ на конѣ и встрѣтилъ священника, шедшаго съ святыми дарами къ больному; благочестивый Рудольфъ сошелъ съ коня, предложилъ его священнику для переправы черезъ рѣчку и потомъ подарилъ коня священнику». Это очень хорошо. — Дошла у г. Тимаева очередь до Венеціи, — онъ и тутъ успѣлъ замѣтить, что «длинныя и легкія гондолы отличались изяществомъ и роскошью; но съ XVI вѣка всѣ гондолы дѣлались черными». Да вѣдь XVI вѣкъ, если не ошибаемся, принадлежитъ уже не къ средней, а къ новой исторіи; что же краткому учебнику исторіи среднихъ вѣковъ до того, въ какой цвѣтъ стали красить гондолы съ XVI вѣка? Словомъ сказать, книжка г. Тимаева написана какъ будто бы стенографомъ со словъ бойкаго мальчика, который такъ и рѣжетъ свой отвѣтъ на экзаменѣ: чего, чего не подвернется подъ языкъ этому мальчику! Случилось ему прочитать балладу Шиллера въ переводѣ Жуковскаго — онъ вклеитъ ее въ отвѣтъ; случилось прочесть въ старинномъ

«Живописномъ Обозрѣніи» статейку о гондолахъ, онъ и гондолы всунетъ въ отвѣтъ; а вдругъ порадуетъ васъ и такимъ разсказцемъ: «Изъ преемниковъ Роллона замѣчателенъ герцогъ Робертъ, по прозванью Дьяволъ. Сначала Робертъ-Дьяволъ велъ самую преступную жизнь; онъ жилъ въ твердомъ замкѣ среди дикаго лѣса, составилъ себѣ толпу отважныхъ товарищей, съ которыми онъ нападалъ на монастыри и замки, грабилъ ихъ и убивалъ путешественниковъ, купцовъ и горожанъ; отецъ его, опечаленный поведеніемъ сына, умеръ съ горя. Однажды, какъ разсказываютъ, Робертъ ограбилъ одинъ замокъ и велѣлъ привести къ себѣ владѣтеля замка; но такъ какъ владѣтеля не было, то привели владѣтельницу замка и Робертъ узналъ въ ней свою мать. Она упрекала Роберта и говорила, что онъ хочетъ и ее низвести въ могилу, какъ и отца. Это произвело сильное впечатлѣніе на Роберта; онъ перемѣнилъ образъ жизни, распустилъ своихъ товарищей и самъ, какъ кающійся грѣшникъ, отправился къ святымъ мѣстамъ въ Іерусалимъ и въ Римъ. Получивъ отъ папы прощеніе грѣховъ, онъ возвратился въ Нормандію и сдѣлался однимъ изъ лучшихъ герцоговъ нормандскихъ» (стр. 104). Выслушавъ такой эпизодецъ, экзаменаторъ суроваго свойства морщитъ брови и мычитъ: «не къ дѣлу разсказываете, не о томъ васъ спрашиваютъ; о Робертѣ Дьяволѣ могли бы вовсе вы и не упоминать; онъ лицо не важное; вы бы учились хорошенько, а то вѣрно въ театрѣ часто бываете, балеты смотрите, да намъ на экзаменѣ ихъ и отвѣчаете». Но экзаменаторъ игриваго свойства подмаргиваетъ суровому товарищу и хихикаетъ: «зачѣмъ же (хи, хи, хи! закрываясь платкомъ) Робертъ Дьяволъ велѣлъ привести владѣтельницу замка? что онъ съ ней хотѣлъ сдѣлать?» (Опять закрывается платкомъ и хихикаетъ; весь классъ вторитъ ему громкимъ хохотомъ; бойкій отвѣчающій мальчикъ самъ улыбается и переминается).

Въ предисловіи къ «Изложенію русской исторіи» г. Тимаевъ говоритъ: «этотъ учебникъ составленъ преимущественно для женскихъ учебныхъ заведеній». Не знаемъ, для какихъ заведеній преимущественно составленъ «Учебникъ Исторіи Среднихъ Вѣковъ;» но если также для женскихъ, г. Тимаевъ — большой шутникъ.

Тетрадь Всеобщей Географіи. (Приготовительный курсъ). Седьмое исправленное изданіе. Составилъ *М. Тимаевъ*. Спб. 1861.

Двумя страницами выше, мы причисляли эту «Тетрадь» къ сочиненіямъ г. Н. Тимаева, автора прекрасныхъ ребяческихъ руководствъ по всякимъ исторіямъ: и по всеобщей древней, и по всеобщей средней, и по русской; а вотъ видите ли мы и ошиблись, не разобрали дѣла,

напрасно предположили, что достаточно для Россіи считать въ числѣ своихъ сыновъ одного печатнаго г. Тимаева. Нѣтъ, и велика страна наша, и обильна гг. печатными Тимаевыми: въ дополненіе къ Н. Тимаеву открылся теперь М. Тимаевъ; вы думаете: «ну, теперь ужь довольно»; нѣтъ: къ предисловію «Тетради», подъ которымъ написано «М. Тимаевъ», сдѣлана прибавка въ пять строкъ, говорящая, что «седьмое изданіе «Тетради» исправлено по новѣйшимъ географіямъ», и подъ этою прибавкою подпись: «В. Тимаевъ». Такимъ образомъ птенцовъ (преимущественно женскаго пола, — надобно сказать, должно быть: птеницъ или птенокъ), наэждаютъ цѣлыхъ трое гг. Тимаевыхъ: 1) Н.; 2) М.; 3) В. Какъ назидаетъ ихъ г. Н., мы уже видѣли. Полюбопытствуемъ теперь относительно гг. М. и В.

Мы слышали, какъ разсуждаетъ о славянскихъ племенахъ г. Н. Тимаевъ. Послушаемъ, что говорятъ о нихъ гг. М. и В. Тимаевы.— «Политическое обозрѣніе Европы. Число жителей и ихъ поколѣнія. 1. Славянское поколѣніе, къ коему относятся: россіяне (г. Н. Тимаевъ говоритъ просто—русскіе), поляки, чехи или богемцы, венды въ Пруссіи (это должно быть — лужичане; ну, а какъ въ Саксоніи, нѣтъ ли тамъ лужичанъ?), словаки, кроаты, иллиріане, болгары, живущіе въ Австріи и турецкихъ владѣніяхъ». — Гг. М. и В. Тимаевы имѣютъ надъ г. Н. Тимаевымъ то преимущество, что знаютъ лужичанъ (подъ именемъ вендовъ, какъ Геродотъ зналъ калмыковъ подъ именемъ агриппеевъ) и словаковъ (этихъ уже подъ настоящимъ ихъ именемъ), которые укрылись отъ изысканій г. Н. Тимаева; а г. Н. Тимаевъ имѣетъ надъ своими однофамильцами то преимущество, что знаетъ хорутанъ, которыхъ они не знаютъ. Умилительно это сравненіе: знаніе трехъ славянскихъ племенъ раздѣлилось между тремя однофамильцами, какъ разъ каждому по племени: сему хорутане, онымъ же словаки и лужичане (рекомые венды).

Оно, впрочемъ, не однихъ хорутанъ не найдете вы между европейскими «поколѣніями»: гг. М. и В. Тимаевы забыли румуновъ, албанцевъ, мордву (ее могутъ они отыскать на сѣверъ отъ Волги, по указанію своего однофамильца), все латышское племя, ирландцевъ, бретонцевъ и все кельтское племя, басковъ; оно, впрочемъ, и то сказать, не стоитъ такихъ пустяковъ замѣчать. — Вотъ еще отрывочекъ съ той же страницы. «Хлѣбопашество почти вездѣ производится, но въ лучшемъ состояніи оно находится въ Англіи, въ Нидерландахъ и Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ. Россія и Сицилія также богаты хлѣбомъ». Это сопоставленіе Россіи и Сициліи прелестно.—Читаемъ дальше. «Рудокопство особенно важно въ Россіи, Швеціи, Венгріи и въ нѣкоторыхъ странахъ Германіи, особен-

но въ Богеміи и Саксоніи». Только? ну, а какъ же въ Англіи, которая одна добываетъ изъ своихъ рудниковъ больше богатства, чѣмъ вся остальная Европа? — Впрочемъ, что намъ до заграничныхъ земель, посмотримъ лучше «обозрѣніе Россійской Имперіи.—«Величина ея свыше 400,000 квадр. миль». — А по академическому мѣсяцеслову на 1861 г. менѣе 375,000 кв. миль. Видно, у гг. М. и В. Тимаевыхъ какія нибудь особенныя квадратныя мили. Любопытно узнать, какія моря находятся на предѣлахъ европейской Россіи. Вотъ какія: «Моря. На сѣверѣ — Сѣверный Океанъ. На западѣ — Балтійское море. На югѣ— Черное море и заливъ онаго — Азовское море. Балтійское море служитъ преимущественно путемъ сообщенія съ другими народами». Хорошо; только Каспійское море гдѣ же? Видно, Каспійскаго моря не оказывается между европейскою Россіею и Персіею «по новѣйшимъ географіямъ», по которымъ исправлено седьмое изданіе «Тетради». А жаль этого моря: оно снабжало насъ хорошей рыбой. Идемъ дальше. «Европейская Россія раздѣляется на 5 странъ: лѣсную страну, страну мануфактурной промышленности, страну горнозаводской промышленности, страну хлѣбопашества и степную страну. Въ странѣ мануфактурной промышленности находится губернія Казанская»,—однако далеко же заѣхала страна мануфактурной промышленности. Извѣстное дѣло, что когда одна вещь слишкомъ растягивается, другая должна сжиматься. Потому изъ страны хлѣбопашества исключены «большая часть губерній Саратовской и Самарской и часть губерніи Воронежской». Бѣдныя части, куда онѣ дѣнутся?

Нѣтъ, гг. М. и В. Тимаевы нимало не уступятъ своими достоинствами своему однофамильцу.

Изумительно, что подобныя, никуда не годныя книжонки доживаютъ до «седьмаго исправленнаго изданія». Какіе несчастные люди принуждены покупать ихъ?

Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства. Изданы коммиссіею печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящею при московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. I. Переписка Петра I съ Екатериною Алексѣевною. II. Переписка царицы Прасковьи Ѳедоровны и дочерей ея Екатерины и Прасковьи. Москва. 1861.

Начнемъ прямо пересмотромъ историческихъ документовъ, находящихся въ первыхъ двухъ выпускахъ. Письма перенумерованы; мы и станемъ пересматривать ихъ по порядку нумеровъ.

«№ 1. — 1707 г. генваря 8. Письмо Петра I къ Анисьѣ Кириловнѣ Толстой и государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, *о прiѣздѣ ихъ въ Кiевъ.*

†

«Госпожи тетка і матка!

«Письмо ваше, въ которомъ пишете о новорожденной Катерине, я прочелъ; слава Богу, что здорово въ рожденьи матери было, а что пишете къ миру по старой пословице, і ежели такъ станетца, то конечно болше раду быть дочери, нежели двумъ сынамъ. О приѣзде вашемъ я уже вамъ говорилъ и симъ письмомъ также подтверждаю: приѣжжайте въ Киевъ не мешкаѳъ; iзъ Киева отпишите, а не отписаѳъ не ѣздите, для того что дорога отъ Киева не очень чиста. При семъ посылаю подарокъ матери и въ дочерью.

Piter.

«Iзъ Жолкви, въ 8 д. генваря 1707».

«*Подлинникъ писанъ собственною рукою Петра I; хранится въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ книгѣ подъ № 17.*

«№ 2. — 1707 г. февраля 6 дня. Письмо Петра I къ Анисьѣ Кириловнѣ Толстой и государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, *о прiѣздѣ ихъ въ Жолкву.*

†

«Госпожи тетка і матка!

«Какъ къ вамъ сей доноситель приѣдетъ, поѣжжайте сюды не мешкаѳъ.

Piter.

«Iзъ Жолкви, въ 6 д. ѳевраля 1707».

«*Подлинникъ писанъ собственною рукою Петра I; письмо было свернуто пакетомъ, на оборотѣ надпись:* † Госпожамъ тетке і матке. *Пакетъ запечатанъ красною сургучною печатью, на которой изображенъ шифръ:* Р. А.; на верху корона. Хранится въ государственномъ архивѣ М. И. Д., въ книгѣ подъ № 17.»

Точно таковы же письма отъ № 3 до № 8, отъ 10 до № 23, отъ № 25 до № 97, отъ № 99 до 221, то-есть до конца перваго выпуска. Бóльшая часть писемъ тутъ отъ императора Петра къ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; есть нѣсколько писемъ и отъ нея къ нему. Содержанiе его писемъ таково: «я прiѣхалъ вчера или третьяго дня въ городъ, изъ котораго пишу тебѣ. Завтра или послѣзавтра отправляюсь въ такой-то городъ». Къ этому прибавляются замѣтки о здоровьѣ, иногда о погодѣ: когда Петръ пишетъ съ минеральныхъ водъ, то прибавляетъ, что пьетъ минеральныя воды; когда императрица ѣдетъ къ нему, онъ совѣтуетъ ей, по какой дорогѣ лучше проѣхать; очень часто прибавляется: благодарю тебя за твой подарокъ, — это обыкновенно какiе-нибудь фрукты, иногда какая-нибудь

другая провизія или нѣсколько бутылокъ вина, или пива; довольно часто императоръ самъ посылаетъ подарки супругѣ: кусокъ матеріи на платье или тоже что-нибудь изъ провизіи. Если случилась какая-нибудь новость, въ двухъ словахъ упоминается о ней, но рѣшительно всегда въ двухъ словахъ, чрезвычайно кратко. Почти всегда упоминается о дѣтяхъ: хорошо, что они здоровы; пожалуйста заботься о нихъ; или: очень мнѣ пріятно, что ты такъ заботишься о дѣтахъ.— Въ письмахъ Екатерины къ супругу тоже самое, но чаще нежели въ письмахъ Петра встрѣчаются поздравленія съ праздниками. Словомъ сказать, изъ 221 письма 218 имѣютъ обыкновенный характеръ коротенькихъ записочекъ, посылаемыхъ семьяниномъ къ семьянину наскоро, съ единственною цѣлью увѣдомить о здоровьѣ, чтобы не безпокоились домашніе, или сообщить что-нибудь по обыкновеннымъ семейнымъ дѣламъ, о которыхъ и въ самомъ семействѣ черезъ недѣлю забываютъ. Вотъ еще примѣры, въ прибавокъ къ двумъ уже приведеннымъ.

«№ 155. — 1719 г. августа 16. Письмо государыни Екатерины Алексѣевны къ Петру I, *поздравительное съ праздникомъ Успенія Богородицы, и съ увѣдомленьемъ о здоровьи.*

«Инаго нынѣ къ доношенію вашей милости ничего не имѣю, но паче всего всѣмъ сердцемъ желаемъ вамъ здравия, и дабы неусыпнымъ вашимъ трудностямъ Господь Богъ даровалъ вамъ покой и въ сие время дѣла ваши скончилъ пожелаемымъ благополучиемъ, съ чемъ каждого часу вашу милость ожидаю. О себѣ доношу, что купно съ дѣтками и со внучаты нашими обрѣтаемся, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ. При сёмъ поздравляю вашу милость вчерашнимъ праздникомъ Успения Богородицы.

«Августа 16-го дня».

«№ 182 — 1723 г. *іюля 4*. Письмо Петра I къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, *о прибытіи своемъ съ флотомъ въ Ревель.*

«Катеринушка, другъ мой сердешинкой, здравствуй!

«Объявляю вамъ, что мы со флотомъ вчерашнего дни въ здѣшней Бай (Bay голландск. — заливъ, гавань, *прим. издат.*) прибыли благополучно (въ) 8 часовъ по полудни, і стали на якорь; а сего моменту ідемъ къ городу. Могли-бъ быть і ранее, только великой былъ туманъ; чего для вѣло опасались кокшкаръ (sic) і протчихъ мелей, того для немного парусовъ употребляли. За симъ паки здравъствуй і будь весела, а мы, слава Богу, веселы і здоровы.

ПЕТРЪ.

«Отъ Ревеля, въ 4 д. іюля 1723».

Теперь читатель пусть самъ разсудитъ, въ какой степени полезно или нужно было издавать эти письма. Нѣкоторымъ покажутся, быть можетъ, нѣсколько любопытны орѳографическія неправильно-

сти. Но и съ этой стороны изданіе рѣшительно безполезно для каждаго, кто читалъ хоть какія-нибудь книги о Петрѣ Великомъ. Вѣдь извѣстно, что руская ороографія не входила въ воспитаніе тогдашнихъ временъ; она считалась нужною лишь для однихъ спеціалистовъ—типографскихъ корректоровъ. Конечно очень немногимъ изъ нашихъ читателей новъ тотъ фактъ, что Петръ Великій писалъ очень неправильно, какъ и всѣ его сподвижники, какъ и всѣ тогдашніе важные люди, за исключеніемъ развѣ двухъ, трехъ лицъ изъ числа архіереевъ.

Если въ перепискѣ Екатерины и Петра изъ 221 письма 218 не имѣютъ ничего важнаго или любопытнаго для исторіи, то разумѣется, еще меньше можно найти чего-нибудь такого въ перепискѣ царицы Прасковьи Өедоровны съ Петромъ I, Екатериною Алексѣевною, герцогинею мекленбургскою Екатериною Ивановною, съ принцессою Анною Леопольдовною, въ перепискѣ герцогини мекленбургской Екатерины Ивановны и царевны Прасковьи Ивановны съ ихъ царственными родственниками, съ княземъ и княгинею Меншиковыми, и проч. Изъ 101 письма, помѣщенныхъ во второмъ выпускѣ, только 16 заключаютъ въ себѣ хотя что-нибудь кромѣ увѣдомленій о здоровьѣ, а всѣ остальныя 85 имѣютъ исключительно форменный характеръ поздравительныхъ и доброжелательныхъ писемъ, какими до сихъ поръ постоянно обмѣниваются раза по-два или по-три въ годъ родственники и люди близкіе въ патріархальныхъ классахъ рускаго общества. Вотъ примѣры:

«№ 1. — 1716 г. февраля 3. Письмо царицы Прасковьи Өедоровны къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, *съ извѣстіемъ о здоровьи царскихъ дѣтей и съ просьбою не оставить своею милостью ея дочери.*

«Государыня моя матушка и невѣстушка, царица Екатерина Алексѣевна!

«Здравствуй, свѣтъ мой, на множество лѣтъ. Доношу милости твоей: государь Петръ Петровичъ, и государыня царевна Анна Петровна, и государыня царевна Елисаоета Петровна, слава Богу, въ добромъ здоровье.

«Пожалуй, государыня моя невѣстушка, прикажи насъ увѣдомить писаніемъ о вашемъ здравіи, чего мы отъ сердца слышать желаемъ. Прошу вашей милости: содержи, свѣтъ мой, въ своей милости мою дочку, какую я видела къ ней твою милость, также слышу и заошную твою милость къ ней.

«А о себе доношу вашей милости: я въ дѣтми своими до воли Божией живы.

««При семъ остаюсь — сноха ваша Прасковья кланеюсь».

«Өевраля въ 3 де(нь) 1716 году, изъ Санктъ Питербурха.

«*Подлинникъ, за собственноручною подписью царицы, хранится въ го-*

сударственномъ архивѣ м. и. д., въ книгѣ подъ № 17; на оборотѣ адресъ: государынѣ моей невѣстушке царице Екатерине Алексѣевне.»

«№ 51. — 1717 г. ноября 24. Письмо герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны, къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, *поздравительное со днемъ ея тезоименитства.*

«Милостивая моя государыня тетушка і матушка, царица Екатерина Алексѣевна, здравствуй на множество лѣтъ.

«Вашего величества милостивое писание, пущенное iзъ Санктъ-Петерзбурха 17-го прошедшаго октября я исправно получила, за которое покорно благодарствую. И при семъ моемъ благодаренiи нижайше поздравляю ваше величество, мою государыню матушку, нынѣшнимъ торжественнымъ днемъ вашего тезоименитства, и желаю отъ всего моего сердца: да подастъ Всевышнеi вашему величеству благополучно день сей торжествовать, тако жь и (въ) впредь будущие лѣта такихъ же дней многихъ во всякомъ здравиi достигнуть.

«Покорнѣйше прошу ваше величество приказать меня своими милостивыми писаниями не оставить о состоянiи дрожайшаго здравия государя моево дядюшка, тако жь і вашего величества, тако жь і о здравiи государя моево братца и сестрицъ; о чемъ сердечно желаю вѣдать.

«При семъ і о себѣ вашему величеству доношу: за помощиею Божиею, съ любезнымъ моимъ супругомъ обретаюсь въ добромъ здравиi. Впротчемъ рекомендую себя во всегдашние вашего величества милости, и сократя сие, съ покорнымъ почтениемъ пребываю

Вашего величества
покорная услужница і племянница
Екатерина.»

«Изъ Ростока, 24 ноября 1717 г.

«Подлинникъ, за собственноручною подписью герцогини, хранится въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ книгѣ подъ № 17.»

Таковы 85 изъ 101 письма 2-го выпуска. Въ 16 остальныхъ есть прибавки къ извѣщенiямъ о добромъ здоровьи и къ пожеланiямъ доброго здоровья. Въ письмахъ 9, 10, 11 и 12 идетъ рѣчь о пожалованiи Крестовскаго острова въ подарокъ царицѣ Прасковьѣ Өедоровнѣ. Особенно важнаго впрочемъ и тутъ не такъ много: въ письмѣ № 9 императрица Екатерина Алексѣевна въ 4 строкахъ извѣщаетъ царицу Прасковью Өедоровну, что императоръ отдаетъ ей Крестовскiй островъ; въ письмѣ № 10 царица Прасковья Өедоровна въ 4 съ половиною строкахъ извѣщаетъ о томъ князя Меншикова и проситъ его сдѣлать распоряженiе о вводѣ ея во владѣнiе Крестовскимъ островомъ; въ письмѣ № 11 князь Меншиковъ, въ 12 строкахъ, отвѣчаетъ царицѣ Прасковьѣ Өедоровнѣ, что Крестовскiй островъ пожалованъ былъ прежде ему и онъ завелъ тамъ пильныя мельницы и заводы; и что, вспомнивъ о томъ, императоръ оста-

вилъ Крестовскій островъ за нимъ, а царицѣ Прасковьѣ Θедоровнѣ пожаловалъ взамѣнъ его Петровскій островъ; въ письмѣ № 12 Меншиковъ сообщаетъ царицѣ Прасковьѣ Θедоровнѣ то же самое во второй разъ по случаю полученія письма отъ императрицы Екатерины Алексѣевны. Въ письмахъ №№ 21 и 22 царица Прасковья Θедоровна зоветъ герцогиню мекленбургскую Екатерину Ивановну и принцессу Анну Леопольдовну пріѣхать въ Россію повидаться съ нею; въ письмѣ № 27 то же самое, съ прибавленіемъ совѣтовъ герцогинѣ мекленбургской Екатеринѣ Ивановнѣ относительно ея беременности; въ 4 другихъ письмахъ находятся нѣкоторыя приказанія тому или другому управляющему имѣніемъ той или другой царевны, чтобы онъ распорядился присылкою хорошей провизіи; наконецъ вотъ и письма, въ которыхъ упоминается о предметахъ, относящихся до исторіи.

№ 36. Герцогиня мекленбургская Екатерина Ивановна, въ 20 строкахъ, проситъ императора Петра не отнимать своей милости у ея супруга герцога мекленбургскаго и не слушать «несправедливыхъ доношеній на него отъ короля прусскаго», который имѣетъ къ ея супругу «непрямое сердце и великое лукавство». Въ письмахъ №№ 67 и 71 императоръ Петръ пишетъ въ двухъ и въ трехъ строкахъ герцогинѣ мекленбургской, что по возможности желаетъ помогать ея супругу, но обстоятельство или, по тогдашнему выраженію, «конъюнктуры» еще мѣшаютъ ему; а важнѣйшее изъ всѣхъ писемъ № 76 мы помѣщаемъ вполнѣ.

«№ 76. — 1721 г. сентября 8. Письмо Петра I къ герцогинѣ Мекленбургской Екатеринѣ Ивановнѣ, *о заключеніи нейштадскаго мира.*

«Любезнѣйшая государыня племянница!»

«Объявляемъ вамъ, что всемилостивый Богъ двадцатиоднолѣтную войну благимъ и пожелаемымъ миромъ благословить изволилъ, которой миръ заключенъ августа въ 30 день въ Нейштате, і онымъ вамъ поздравляемъ. «І нынѣ свободни можемъ въ вашемъ дѣле вамъ вспомогать, лише бъ супругъ вашъ помягче поступалъ.»

«ПИТРЪ».

«Изъ Санктъ-Петербурха, въ 8 день сентября 1721 г.

«Подлинникъ хранится въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Собственноручныя строки Петра I обозначены въ настоящемъ изданіи вносными знаками».

Въ 1-мъ выпускѣ находятся цѣлыхъ три письма такой же или еще большей исторической важности. Читатель помнитъ, что мы въ началѣ статьи обозрѣли лишь 218 писемъ изъ 221,—а эти три оставили тогда въ сторонѣ для подробнѣйшаго знакомства съ ними. Вотъ они.

«№ 9. — 1708 г. августа 31. Письмо Петра I къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и Анисьѣ Кириловнѣ Толстой, *о битвѣ со шведами.*

†

«Матка і тетка здравъствуйте!

«Писмо отъ васъ я получилъ, на которое не подивите, что долго не отвѣтствовалъ; понеже предъ очми непърестанно непъриятныя гости, на которыхъ уже вамъ скучило смотрѣть; того ради мы вчерашнего утра резервувались і на първое крыло караля шведского съ осмью баталионами напали, і по двочасномъ огню оного съ помошииею божіею съ поля збили, знамена і протчая побрали. Правъда, что я какъ сталъ (въ подл. італъ) служить, такой ігърушки не видалъ; аднакожь сей танецъ вчахь (въ очахъ?) горячего Карлуса ізрядно стонцовали; аднакожь болше въсѣхъ попотѣлъ нашъ полкъ. Отдайте покълонъ кнеіне і протчимъ, і о семъ объявите.

PITEЯ.

«Ізъ лагору отъ реки Черной Маппы, въ 31 д. августа 1708.

«Подлинникъ писанъ собственною рукою Петра I; письмо было свернуто пакетомъ и запечатано красною сургучною печатью съ шифромъ: Р. А., наверху корона. На пакетѣ надпись: † Тетушке Анисье Кириловнѣ и протчимъ. Хранится въ Государственномъ Архивѣ М. И. Д. въ книгѣ подъ № 17.

«№ 24. — Письмо Петра I къ Государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ *о дѣйствіи цѣлебныхъ водъ на здоровье Государя.*

†

«Катеринушка, другъ мой, здравствуй!

«А мы, слава Богу, здоровы, толко съ воды брюхо одуда, для того такъ поятъ, какъ лошадей; і інова за нами дѣла здесь нѣтъ, толко что.... Писмо твое я чрезъ Саѳонова получилъ, которое прочитая горазда задумался. Пишешь ты, яко бы для лекарства, чтобъ я нескоро къ тебѣ приѣжалъ, а дѣламъ знатно сыскала ково-нибудь вытнее (*) меня; пожалуй отпиши: ізъ нашихъ ли іли ізъ торуннъчанъ? а болше чаю: ізъ тарунчанъ, что хочешь отомстимъ (**), что я предъ двемя лѣты занялъ. Такъ-та вы евъвины дочки дѣлаете надъ старинами! Князъ-папѣ і четверной лапушъкѣ (***) і протчимъ отдай поклонъ.

«ПЕТРЪ.»

«Ізъ Карлъсъбада, въ 19 д. сентября 1711.

«Подлинникъ писанъ собственною рукою Петра I; былъ вложенъ въ особый пакетъ и запечатанъ красною сургучною печатью съ шифромъ: Р. А., наверху корона. На пакетѣ надпись: † Царице Екатерине Алексѣевне. Хранится въ Государственномъ Архивѣ М. И. Д., въ книгѣ подъ № 17.

(*) Вытный—рослый, здоровый (см. Опытъ обл. великорус. Словаря, стр. 34). *Примѣч. издателей.*

(**) Читай: отомстить. *Прим. изд.*

(***) Слова: «і четверной лапушъкѣ» приписаны съ боку. *Прим изд.*

«№ 98. — 1717 іюня 18. Письмо Петра I къ Государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, *о пріѣздѣ своемъ въ Спа для леченія водами.*

†

«Катеринушка, другъ мой сердешинкой, здравъсътвуй!

«Інаго объявить отсель нѣчего, только что мы сюды приѣхали вчерась благополучно; а понеже во върeмя пития водъ домашней забавы дохторы употреблять запърещаютъ, того ради я матресу свою отпустилъ къ вамъ; ібо не могъ бы удержатца, ежелибъ при мнѣ была.

«ПИТРЪ.»

«Ізъ Шпа, въ 18 д. іюня 1717.

«Подлинникъ писанъ собственною рукою Петра I; письмо было запечатано красною сургучною печатью съ шифромъ: Р. А. На оборотѣ надпись: † Еѣ Величеству Государыне Царице Екатерине Алексѣевнѣ. Хранится въ Государственномъ Архивѣ М. И. Д., въ книгѣ подъ № 17.»

Изъ 322 писемъ, напечатанныхъ въ двухъ первыхъ выпускахъ, два или три любопытны; еще писемъ пять или шесть могли бы быть нѣсколько интересны, какъ образцы языка, которымъ писали супруга Петра, его племянницы и сестры. Но образцовъ этихъ очень много напечатано и давнымъ-давно и въ недавнихъ книгахъ, стало быть и съ этой стороны вновь издавать ихъ не было пользы. Кто изъ людей, читавшихъ не только Голикова или г. Устрялова, но хотя бы какой нибудь русскій журналъ, не знакомъ съ слогомъ Петра, Екатерины I и другихъ лицъ, письма которыхъ собраны теперь? Кому покажется интересна даже ороографическая неправильность этихъ писемъ? — развѣ людямъ, никогда ничего не читавшимъ. А развѣ для такихъ людей предпринимаются ученыя изданія историческихъ документовъ? Вѣроятно они дѣлаются для спеціалистовъ или для людей, хоть нѣсколько занимающихся исторіей. Такихъ людей тогдашняя манера писемъ не удивитъ, они давно знакомы съ ней, и ничего не только новаго, но даже хотя бы сколько нибудь полезнаго для какой нибудь справки не отыщутъ они въ изданныхъ теперь письмахъ. Если бы московскій пожаръ 1812 г. и петербургское наводненіе 1824 г. истребили всѣ документы и памятники петровскаго времени, кромѣ этихъ писемъ, еслибъ до начатаго теперь изданія не извѣстно было никому на свѣтѣ, что существовалъ Петръ Великій, что супруга его носила имя Екатерины Алексѣевны, что онъ бралъ нѣсколько разъ курсъ минеральныхъ водъ, что онъ сражался со шведами и любилъ употреблять въ письмахъ шутливыя выраженія, изданіе имѣло бы безмѣрную драгоцѣнность; къ сожалѣнію, всѣ эти факты очень хорошо и подробно извѣстны.

Если коммиссія будетъ продолжать свое изданіе по такому плану, — если она будетъ собирать и печатать всѣ коротенькія семейныя записочки, въ которыхъ не говорится ровно ни о чемъ, кромѣ

поздравлений съ праздниками, извѣщеній о добромъ здоровьѣ и т. д., если она будетъ продолжать такъ, то наберется у ней 500 выпусковъ съ 70 тысячами писемъ прежде, чѣмъ случится ей напечатать хотя одну страницу, сколько нибудь важную для изслѣдователя. Мы думаемъ, что назначеніе коммиссіи — заниматься изданіемъ не этихъ писемъ, черезъ мѣсяцъ утрачивавшихъ всякое значеніе даже для лицъ, обмѣнивавшихся ими. Неужели не осталось, напримѣръ, отъ Петра Великаго писемъ, болѣе важныхъ для историка? Мы совѣтовали бы коммиссіи подумать объ этомъ. Теперь она понапрасну тратитъ бумагу, тратитъ трудъ, а что важнѣе всего — тратитъ время. Вѣдь пока она работаетъ, задача считается исполняющеюся, и нѣтъ другой коммиссіи для того же дѣла; а если дѣло исполняется такимъ образомъ, то все равно, что оно не исполняется.

Опытъ историческаго оправданія Петра I-го, противъ обвиненій нѣкоторыхъ современныхъ писателей. *Карла Задлера.* С.-Петербургъ. 1861 г.

Удивительное дѣло, какъ скоро и какъ рѣзко измѣнились ходячія, общепринятыя мнѣнія о Петрѣ Великомъ! Давно ли, кажется, было время, когда историческіе витіи и риторы не находили достаточно сильныхъ выраженій для восхваленія преславныхъ дѣяній пресвѣтлаго «отца отечества», когда поэты величали его божествомъ съ творческою силой, произведшей свѣтъ въ Россіи, когда Шевыревъ съ «Москвитяниномъ» горой стояли за Петра и доказывали историческую и даже физическую необходимость самихъ мелочныхъ преобразованій петровыхъ, въ родѣ уничтоженія россійской бороды и россійскаго кафтана, когда многіе называли Петра Великимъ между Великими, когда намъ доказывали въ школахъ пользу, важность и необходимость изученія русской исторіи тѣмъ, что она одна изображаетъ намъ дѣянія Петра Великаго? И вдругъ, въ настоящее славное время раздаются голоса противъ Петра, его обвиняютъ во многомъ, хотятъ найти и указать всѣмъ пятна въ этомъ прежде столь свѣтломъ и славномъ солнцѣ, затемнить хоть нѣсколько яркій блескъ его славы, уменьшить въ глазахъ нашихъ его исполинскую тѣнь, разросшуюся подъ перомъ прежнихъ дѣеписателей Петровыхъ до колоссальныхъ размѣровъ полубога. И—страшно и смѣшно выговорить — дѣло ужь дошло до того, что на славное имя Петрово взимается даже нашъ знаменитый, медоточивый, приторный и афористически болтливый Погодинъ, «рыцарь безъ упрека», тронутый до слезъ несчастною судьбою царевича Алексѣя Петровича; подобно тому, какъ и г. Циммерманъ былъ тронутъ

«бывало справедливою тѣнью прежнихъ Гамлетовъ, которая [illegible] предъ ними изъ могилы и потребовала очищенія памяти ея отъ несправедливаго осужденія» и тоже, заодно съ Погодинымъ, возсталъ съ обвиненіями противъ Петра. Чѣмъ объяснить такую рѣзкую перемѣну въ сужденіяхъ о Петрѣ и откуда взялась въ Погодинѣ такая вражда—рѣшительно неизвѣстно, по крайней мѣрѣ съ точностію. Какъ бы то ни было, только подобные отчаянные поступки Погодина и Циммермана глубоко огорчили г. Карла Задлера — иностранца, какъ онъ самъ сознается; предъ нимъ тоже какъ будто предстала грозная и величественная тѣнь Петра, и потребовала, чтобы онъ оправдалъ и очистилъ ея память отъ клеветъ Погодина. Г. Задлеръ съ жаромъ ухватился за это великое и святое дѣло, воодушевленный и ободренный еще тѣмъ, что г. Семевскій, и то бываетъ очень остороженъ, когда дѣло коснется обвиненій Петра. «Послѣ такой осторожности со стороны подобнаго авторитета, какъ г. Семевскій, говоритъ г. Задлеръ, невольно проникнешся чувствомъ сильнаго негодованія къ современнымъ русскимъ историкамъ, прочитавъ статью Погодина объ Алексѣѣ Петровичѣ» (стр. II). Опираясь на подобные авторитеты и проникнутый подобными чувствами къ русскимъ, или, какъ онъ выражается въ другомъ мѣстѣ, туземнымъ историкамъ, г. Задлеръ дѣйствительно взялся за оправданіе Петра и явилъ блистательный опытъ и доказательство своихъ адвокатскихъ и всякихъ способностей. Но отъ его оправданія выигралъ одинъ только Погодинъ, потому что для послѣдняго нашелся достойный противникъ, съ которымъ онъ можетъ состязаться сколько угодно, можетъ даже вступить въ устный публичный диспутъ, не роняя достоинства своего противника и не унижаясь предъ нимъ; оба соперника одинаково сильны и стоятъ другъ друга. Напротивъ, Петру Великому не поздоровится отъ оправданія г. Задлера, который оказалъ своему кліенту услугу à la мишенька и еще разъ представилъ научное доказательство той истины, что услужливый человѣкъ съ извѣстнымъ качествомъ часто бываетъ опаснѣе врага. Бѣдный Петръ, когда-то онъ дождется для себя хоть сколько нибудь сноснаго историка, который бы взглянулъ на него прямо и смѣло, съ исторической точки зрѣнія и опредѣлилъ бы настоящую цѣну и достоинство его исторической дѣятельности. А то (не говоря о славянофилахъ, у которыхъ ничего нельзя разобрать) до сихъ поръ за исторію его принимались или отчаянные панегиристы, которые въ буквальномъ почти смыслѣ были безъ ума отъ Петра, были совершенно ослѣплены блескомъ его дѣяній, закрывали глаза, чтобы ничего не видѣть и не понимать, падали предъ нимъ ницъ и повергались въ прахъ; или же поддѣльные и натянутые смѣльчаки, комически важные и неподкупные

-судьи. Эти последніе quasi-историки Петра были къ нему очень строги, съ замѣтнымъ усиліемъ старались придираться къ нему, поддѣть его хоть въ чемъ нибудь и непремѣнно высказать противъ него нѣсколько обвиненій; но во всемъ этомъ ясно обнаруживалась заносчивость мосьеи, что и мы дескать, при удобныхъ обстоятельствахъ, не уступимъ въ либерализмѣ другимъ, и кромѣ приторныхъ пошлостей, способны еще на ужасно смѣлыя вещи, даже на обвиненіе самаго Петра. Какъ ни смѣшны были эти ужъ черезчуръ грубыя хитрости и маневры, однакожь они вполнѣ привели къ желанной цѣли; нашлись головы, которыя были поражены и изумлены этимъ фальшивымъ задоромъ и натянутою смѣлостью. «Имена Петра и Алексѣя привлекли на себя еще большее вниманіе съ тѣхъ поръ, какъ либеральный авторъ (ага!) г. Погодинъ избралъ ихъ предметомъ своего труда» («Опытъ оправд. Петра», стр. 25). «Хотя вся статья г. Погодина есть не что иное, какъ уничиженіе Петра и его новой Россіи: тѣмъ не менѣе она дѣлаетъ честь не только нынѣшнему времени, но и смѣлости г. Погодина» (стр. 100). Чего же лучшаго можетъ еще потребовать Погодинъ отъ своего противника? Конечно, отчаянная смѣлость и задоръ Погодина извѣстны были всѣмъ и прежде, но никто не говорилъ о нихъ такъ гласно и ясно, какъ г. Задлеръ. Это невольная, но дѣйствительная услуга, оказанная г. Задлеромъ своему противнику; а что же онъ сдѣлалъ для своего кліента, или по крайней мѣрѣ, что онъ въ состояніи сдѣлать?—Пословица говоритъ, «видна птица по полету»; также точно и г. Задлеръ виденъ весь въ приведенныхъ нами его словахъ, такъ сказать, виденъ по первому взмаху его ученыхъ крыльевъ; но чтобы лучше узнать его полетъ, приведемъ нѣсколько другихъ подобныхъ мѣстъ изъ его оправданія.

«Г. Погодинъ, касательно своихъ мнѣній о Петрѣ, нашелъ «себѣ въ нѣмецкомъ историкѣ нашего же столѣтія, Шлоссерѣ, «замѣчательнаго единомышленника: «способность, сила, умъ для «всего, что полезно и необходимо, непрерывная дѣятельность «для преобразованія своего народа отличали Петра при совер«шенномъ, нравственномъ развратѣ. — Всему безъ исключенія данъ «былъ другой видъ: одеждѣ, жилищу, образу жизни, и Петръ «не долго размышлялъ о средствахъ къ достиженію своей цѣли, «потому что онъ не имѣлъ никакого понятія о правилахъ честности, «о нравственномъ порядкѣ вещей еще въ юности своей, а позже у «него недоставало времени, случая и охоты къ пріобрѣтенію ихъ. «Онъ побѣждалъ, то сознательно, то безсознательно, натуру грубую — «натурою грубою и понуждалъ своихъ русскихъ къ образованію кну«томъ, палкою и эшафотомъ. — Но какъ высоко ставятъ Петра надъ

«всѣми этими упреками современники его: Ѳеофанъ, Минихъ, Не-«плюевъ; позднѣйшіе историки: Голиковъ, Ломоносовъ, Карамзинъ, «Устряловъ, Соловьевъ; изъ иностранныхъ Чельтенъ, Вольтеръ и «другіе» (с. 151), которымъ Шлёссеръ конечно и въ подметки не годится. «Уже Шлёссеръ, иностранный писатель, удивляетъ насъ «тѣмъ, что такъ несправедливо судитъ о Петрѣ. Тѣмъ болѣе пора-«зила насъ эта несправедливость къ Петру въ ученомъ, образован-«номъ г. Погодинѣ (Шлёссеру, видите, извинительно; онъ неучъ и «необразованнѣе Погодина), знающемъ всѣ замѣчательнѣйшія собы-«тія своего отечества» (с. 159). «Можетъ быть, покажется кому ни-«будь страннымъ, что мы осмѣливаемся возражать знаменитому пи-«сателю, Погодину (помилуйте, тутъ нѣтъ ничего страннаго; оправ-«дывая Петра, вы тѣмъ самымъ сдѣлались также знамениты, какъ и «г. Погодинъ, обвиняя его), тѣмъ болѣе, что слогъ нашъ явно об-«наруживаетъ иностранца, слабо владѣющаго русскимъ языкомъ, и «въ умѣніи привлекательно излагать предметъ далеко ему уступаю-«щаго» (с. 25). И видно. Такимъ образомъ рыбакъ рыбака узналъ издалека. Теперь посмотримъ, что сдѣлалъ г. Задлеръ съ такими зачатками и задатками, послушаемъ его защитительной рѣчи.

Прежде всего г. Задлеръ разбираетъ дѣло о фрейлинѣ Гамильтонъ, и оправдываетъ Петра противъ нѣкоторыхъ обвиненій по этому дѣлу, высказанныхъ г. Циммерманомъ. Вопросъ о Гамильтонъ самый новый, животрепещущій и современный; какъ видите, онъ даже сдѣлался предметомъ ученаго спора; не говоря уже о томъ, что г. Семевскій, самый читаемый и интересный писатель, посвятилъ ему особую монографію, которая «привлекла еще бо̀льшее вниманіе» на Гамильтонъ. Къ чести нашихъ ученыхъ нужно сказать, что они по бо̀льшей части поднимаютъ самые интересные вопросы, рѣшеніе которыхъ составляетъ насущную потребность времени, отъ которыхъ въ томъ или другомъ отношеніи зависитъ наша судьба и разъясненіе нашей прошедшей или будущей участи. Къ числу такихъ вопросовъ относится и вопросъ о фрейлинѣ Гамильтонъ, этой исторически важной, вліятельной и замѣчательной личности. Только, къ сожалѣнію, не всѣ еще у насъ потонули въ безднахъ науки и не всѣ понимаютъ важность и значеніе этихъ вопросовъ. Даже вотъ мы сами, если бы не чувствовали нѣкоторой робости предъ учеными мужами и не боялись упрековъ въ невнимательности къ рѣшенію научныхъ вопросовъ съ виду маловажныхъ, а въ сущности плодотворныхъ и чреватыхъ великими результатами, — непремѣнно сказали бы хоть по секрету, что намъ ужь надоѣли всѣ эти толки объ Гамильтонъ, и что едва ли она сама по своей исторической значимости заслуживаетъ такого вниманія. Дѣйствительно, ея исторія очень трогатель-

на, трагична, и съ этой точки зрѣнія представляетъ много интереснаго, какъ всякое людское страданіе вообще, какъ несчастная участь чья бы то ни было. Несчастныя, страдающія личности попадаются намъ на каждомъ шагу въ исторіи и въ жизни; перечтите однихъ только страдающихъ поэтовъ и вообразите, сколько есть несчастныхъ мучениковъ любви; жертвы, имѣющія право на наше участіе и сострадание, существовали всегда, и онѣ могутъ быть предметомъ повѣсти, романа, пожалуй историческаго разсказа, которые всѣ можно читать съ большимъ интересомъ, съ напряженнымъ до болѣзненности вниманіемъ, какъ всякій уголовный процессъ, какъ исторію любой казни, съ которою связано что нибудь романтическое. Дѣйствительно, и такія личности, хоть онѣ и не имѣли важнаго значенія въ свое время, могутъ быть въ нѣкоторомъ отношеніи полезны и для исторіи, могутъ вѣрно характеризовать понятія, воззрѣнія и нравы эпохи, особенно если въ ихъ судьбѣ рѣзко отпечатлѣлось все это, если ихъ исторія типична. Но въ судьбѣ Гамильтонъ ничего такого не замѣчается; подобныхъ случаевъ, казней, трагедій съ романтическими приключеніями въ нашей исторіи очень довольно; много можно набрать ихъ изъ временъ Петра и изъ исторіи послѣдующихъ царствованій и можно передѣлать ихъ въ историческіе романы, очень интересные, какъ дѣйствительно нѣкоторые и пытались было сдѣлать это. Но какой же толкъ выйдетъ изъ этого? Конечно наука не должна пренебрегать никакими мелочами и изученіе мелочей очень часто приводитъ къ важнымъ результатамъ; и было бы очень хорошо, если бы при общей исторіи эпохи существовали частныя подробныя монографіи не только о главнѣйшихъ дѣятеляхъ эпохи, но и другихъ личностяхъ, имѣвшихъ къ нимъ какое нибудь отношеніе. Но вѣдь это роскошь, умѣстная и законная только тогда, когда порядочно изслѣдованы и разсмотрѣны болѣе общіе и болѣе крупные факты, и совершенно неблагоразумная и непозволительная, когда изслѣдователь, опуская изъ виду главное и существенное, останавливается много и долго на мелочахъ, да еще и не имѣя въ виду ничего другаго, кромѣ этихъ же самыхъ мелочей, такъ что онѣ представляются ему послѣднею и конечною цѣлью. Кто похвалитъ и одобритъ разсчетливость господина, который не имѣя ни сюртука, ни сапоговъ, всѣ свои средства и усилія употребляетъ на то, чтобы пріобрѣсть себѣ отличную цѣпочку къ часамъ, существующимъ только въ его воображеніи? Исторія Гамильтонъ и сама по себѣ неважна, а въ рукахъ нашихъ историковъ рѣшительно потеряла всякое значеніе, какое она могла бы еще имѣть при другомъ образѣ воззрѣнія на нея; вѣдь они принялись толковать объ ней единственно для того, чтобы успокоить «блѣдную, окровавленную тѣнь» и «очистить

память ея отъ неправеднаго осужденія», и затѣмъ покончить все дѣло, сказавши съ древнимъ піитою:

Но, тѣнь великая, довольно:
Иди, сокройся въ облакахъ!
Душъ нашихъ больше не терзая,
Живи, ликуй на небесахъ.

Какая же отъ этого польза для исторіи? Если дѣло идетъ объ успокоеніи и очищеніи тѣней, то въ такомъ случаѣ работѣ не будетъ конца, придется вызывать милліоны окровавленныхъ тѣней, не очищенныхъ и неомытыхъ, и времени не хватитъ на это. Скажите, пожалуйста, не значитъ ли это попусту терять время и безсмысленно толочь воду, ломая голову надъ рѣшеніемъ такихъ вопросовъ:

«Была ли Гамильтонъ дѣйствительно дѣтоубійцею? какъ наказывали законы тѣхъ временъ дѣтоубійство? была ли Гамильтонъ осуждена уголовнымъ судомъ или просто волею монарха? ну, это еще вопросъ сюды-туды. А далѣе: почему царь не только ее не помиловалъ, но еще приказалъ пытать въ другорядь? Это послѣднее повелѣніе Петра рождаетъ слѣдующіе вопросы относительно Гамильтонъ: на сколько она заслуживаетъ наше участіе? Была ли она невинная жертва соблазна и одного ли она любила? Одного или нѣсколькихъ дѣтей она погубила? Въ другихъ отношеніяхъ была ли она строго нравственна?» (Оп. оправд. Петра, стр. 2).

Подумаешь, право, что человѣку рѣшительно нечего дѣлать и вотъ онъ отъ скуки придумываетъ разные вопросы, раскладываетъ, такъ сказать, историческій грандпасьянсъ, и — что̀ досаднѣе всего — печатаетъ произведенія своихъ досуговъ для назиданія и поученія публики. Мы даже не видимъ много интереса и въ вопросѣ Циммермана: «присутствовалъ ли Петръ Алексѣевичъ при пыткахъ Гамильтонъ». — Но что прикажете дѣлать? каша заварена, дѣло сдѣлано: Петръ обвиненъ за дѣло Гамильтонъ, и Петра оправдываютъ; вотъ и изволь возиться съ этими оправданіями, толковать тутъ объ нихъ, и непремѣнно съ кислою гримасой, съ вытянутымъ лицомъ и наморщеннымъ челомъ, а то какъ разъ со всѣхъ сторонъ посыплются брань и ругательства: вотъ негодяй, шарлатанъ, невѣжда, не признаетъ значенія личности въ исторіи, отвергаетъ пользу монографій, воображаетъ, что въ исторіи не нужны изслѣдованія частныхъ фактовъ со всѣми ихъ подробностями, и тому подобные лестные и чисто ученые комплименты. А посему подвергнемъ подробному и строгому анализу оправданія г. Задлера. Основываясь на свидѣтельствѣ Голикова и анекдотахъ Штелина, онъ утверждаетъ, что Гамильтонъ дѣйствительно была дѣтоубійцею, осуждена по опредѣле-

нію суда, а не просто монаршею волею, и государь въ поступкѣ Гамильтонъ видѣлъ преступленіе тяжкое, за которое законы Божіи ветхаго и новаго завѣта наказываютъ смертію, хоть у него приведены ссылки только на одинъ ветхій. «Что Гамильтонъ была подвергнута пыткѣ, продолжаетъ г. Задлеръ: тоже совершенно понятно, хотя и невозможно оправдать эту мѣру. По нашему мнѣнію, если уже слѣдовало пытать, то развѣ Орлова, а никакъ не Гамильтонъ, которая за свой поступокъ и безъ того приговаривалась къ смерти» (стр. 10). «Хвать друга камнемъ въ лобъ.» Г. Циммерманъ говоритъ, что Гамильтонъ пытали, такъ сказать, классической русской пыткой, то есть кнутомъ на вискѣ. Г. Задлеръ такъ оправдываетъ въ этомъ Петра: «г. Циммерманъ могъ удостовѣриться изъ означенныхъ анекдотовъ Штелина, что осужденной дано было три дня на покаяніе; что ее всѣ очень любили; что она была благотворительна; наканунѣ казни ее посѣтили очень многіе изъ придворныхъ кавалеровъ и дамъ; и она трогательно прощалась съ ними. Въ день казни она была элегантно одѣта въ бѣлое шелковое платье съ черными лентами. Такъ не нарядится женщина съ вывихнутыми руками. Притомъ страданія отъ жестокой пытки такъ ужасны, что если Гамильтонъ была ей подвергнута, то едва ли бы была въ силахъ потомъ принимать посѣтителей». Слѣдовательно, Гамильтонъ была подвергнута не жестокой пыткѣ, и у ней не были вывихнуты руки. Итакъ Петръ правъ; «всѣ дѣйствія Петра по этому дѣлу, говоритъ г. Задлеръ непосредственно за приведенными сейчасъ словами, вполнѣ справедливы, за исключеніемъ пытки» (стр. 12). «Хотя Голиковъ и Штелинъ наводятъ на предположеніе, что Петръ былъ прежде въ связи съ Гамильтонъ, хотя г. Циммерманъ приводитъ изъ біографіи дѣвицы Крамеръ подобные же намеки; но это опровергается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что Петръ лично допрашивалъ Гамильтонъ. Зная за собою такой грѣхъ, могъ ли бы онъ допрашивать? Удивительно, какимъ образомъ г. Циммерманъ, приведя слова Голикова о ходатайствѣ государыни за виновную, далѣе дѣлаетъ такое, совершенно противорѣчащее предположеніе: «не замѣшалась ли при ея осужденіи ревность другой женщины? Кто, кромѣ Екатерины, могъ здѣсь ревновать? и какъ согласить ревность съ предстательствомъ ея предъ государемъ за обвиненную?» (стр. 13). Удивительно, какъ человѣкъ можетъ разсуждать подобнымъ образомъ, и при такомъ скудоуміи приниматься за оправданіе кого бы то ни было, и высказывая приведенный нами вздоръ, воображать, что онъ дѣйствительно оправдываетъ Петра. Наконецъ вотъ еще одно общее, такъ сказать похвальное оправданіе г. Задлера. «Многіе, между прочими и г. Циммерманъ, не хотятъ допустить, что Петръ, при своей

суровости и жестокости, тоже бывалъ кротокъ и милосердъ». Что вы вздоръ говорите и безсовѣстно клевещете на людей? Кто, кромѣ развѣ только васъ, станетъ утверждать, что жестокій и суровый человѣкъ вообще рѣшительно уже недоступенъ кротости и милосердію? «Для доказательства возможности соединенія этихъ качествъ (суровости, жестокости, кротости и милосердія) въ одномъ лицѣ, мы, говоритъ г. Задлеръ, приведемъ нѣсколько чертъ изъ характера Іосифа II, — онъ вѣдь слыветъ кроткимъ и милосерднымъ» (стр. 16); и начинается разсказъ о *снѣгѣ* и о *бурѣ* на 6 страницахъ, проводится параллель между Петромъ и Іосифомъ, въ такомъ родѣ: «Петръ *опасался*, чтобы заклейменіе было не точно исполнено,—то же самое было и съ Іосифомъ. Гейслеръ (Skizzen-Sammlung, Th. III, p. 169), разсказываетъ....» и пошла писать. Вотъ ученость, вотъ начитанность, и цитатъ сколько!

Вотъ дѣло объ Алексѣѣ Петровичѣ безконечно выше и интереснѣе, чѣмъ исторія Гамильтонъ; надъ несчастною судьбою царевича невольно задумается всякій; оно интересна и въ историческомъ, и въ психическомъ, и въ нравственномъ отношеніи, со всѣхъ сторонъ, съ какихъ угодно точекъ зрѣнія. Судъ объ этомъ дѣлѣ нельзя считать окончательно рѣшеннымъ и историческій приговоръ надъ нимъ еще не состоялся; оно представляетъ много сторонъ неразъясненныхъ, много фактовъ сомнительныхъ; тайныя пружины и нити этого дѣла только еще затронуты, и нужно еще много труда, чтобы распутать и прослѣдить ихъ до конца; самый исходъ его, такъ сказать, послѣдній актъ, заключительный финалъ находится подъ покровомъ сомнѣнія; подлинность страшнаго письма Румянцева недоказана и не опровергнута положительно. Вотъ этимъ бы слѣдовало заняться нашимъ историкамъ, вмѣсто того, чтобы мудрствовать о томъ, одного ли любила Гамильтонъ, или десятерыхъ; и вмѣсто двухъ монографій о Гамильтонъ, мы съ большимъ интересомъ и пользою прочли бы десятокъ ихъ объ Алексѣѣ Петровичѣ. Такъ нѣтъ же вотъ; извольте заниматься фрейлиною Гамильтонъ, любоваться ея «красотою, пріятнымъ умомъ, необыкновенною любезностью, элегантнымъ шелковымъ платьемъ» и тому подобными вещами. Правда, и дѣло о царевичѣ не осталось безъ вниманія; но оно, къ сожалѣнію, попало въ руки такихъ слѣдователей и судей, какъ Погодинъ и его противникъ г. Задлеръ; такъ-что если бы въ наше время существовалъ какой нибудь витія, въ родѣ тѣхъ, какіе были при Петрѣ, онъ непремѣнно бы воскликнулъ: «что се? что дѣлаемъ? что видимъ? Погодинъ обвиняетъ Петра Великаго, а Задлеръ оправдываетъ его! не привидѣніе ли это? не во снѣ ли обманываемся?» Нѣтъ, это не привидѣніе, не сонъ, а дѣйствительная, горькая прав-

да, совершившаяся въ виду всѣхъ. «М. П. Погодинъ, говоритъ г. Задлеръ, въ 1-й кн.. «Рус. Бесѣд.» за 1860 г., изложилъ, съ свойственною ему художественностію (Боже!), свой взглядъ о судѣ, произведенномъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Онъ обвиняетъ Петра во всемъ, и представляетъ его какъ человѣка суроваго, жестокаго. Касательно жестокости Петра, мы *совершенно* согласны съ почтеннымъ авторомъ» — хвать друга снова камнемъ въ лобъ— «но вовсе не раздѣляемъ его прочихъ мнѣній» (стр. 24). И затѣмъ начинаются оправданія; но еслибъ вы знали, что это за оправданія! Прочитавши ихъ, чувствуешь какую-то усталость, изнуреніе, головную боль; вездѣ дичь и чепуха страшная; изъ всей многословной болтовни нельзя вывести рѣшительно никакой мысли, а не то, что еще какого нибудь заключенія за, или противъ Петра. Оправданіе обыкновенно ведется такъ: Погодинъ обвиняетъ Петра въ томъ и въ томъ; дѣйствительно это справедливо; но обратимъ вниманіе еще на слѣдующіе факты, и дѣйствительно приводятся факты изъ Голикова, анекдоты изъ Штелина, строчки изъ Устрялова, выписки изъ манифестовъ. Но всѣ эти факты также идутъ къ оправданію Петра, какъ и къ оправданію той мысли, что на лунѣ есть жители, похожіе на насъ. Все оправданіе Петра у г. Задлера состоитъ изъ 2-хъ частей, которыя подраздѣляются на 37 отдѣловъ, съ прибавленіемъ заключенія, «въ которомъ мы (Задлеръ) сообщимъ нашимъ читателямъ одно мѣсто изъ книги Гервинуса, гдѣ разсматривается шекспировъ Отелло, черты характера, котораго могутъ относиться и къ характеру Петра» (стр. 29). «Качества, мнѣнія и намѣренія Алексѣя ясно «видны: 1) изъ манифеста Петра (слѣдуютъ выписки); 2) собственноручный отвѣтъ царевича на допросы Толстаго; опять выписки; «3) качества Алексѣя по словамъ г. Погодина (слѣд. выписки); 4) «качества его по словамъ г. Семевскаго (выписка). Теперь слѣ-«дуютъ: 5) нашъ собственный взглядъ. Алексѣй заслуживаетъ со-«жалѣніе, какъ по своимъ наклонностямъ, такъ и по отношеніямъ «къ отцу, къ матери и къ окружавшей его партіи. По нашему мнѣ-«нію, съ желѣзною волею Петръ, и съ слабымъ характеромъ Алек-«сѣй, представляютъ собою два существа, которыя отъ взаимнаго «соприкосновенія, оба ошибочно дѣйствуютъ, но Петръ съ благимъ «намѣреніемъ, Алексѣй же съ дурнымъ; и потому Петръ возбуж-«даетъ въ насъ сочувствіе, а Алексѣй сожалѣніе; и читатель видитъ, «что мы даемъ преимущество Петру предъ Алексѣемъ (неужели?). «Романистъ будетъ смотрѣть на все это съ противоположной точки «зрѣнія.—Чтобы еще съ большею ясностію показать взаимныя отно-«шенія между отцомъ и сыномъ, мы просимъ позволить намъ привести еще другой подобный историческій примѣръ, въ томъ же столѣ-

«тія»; и начинается опять разсказъ о свиткѣ и о буркѣ, производится параллель между Петромъ Великимъ и Фридрихомъ Вильгельмомъ I.— «Г. Погодинъ говоритъ, что Екатерина была врагомъ Алексѣя. На-«противъ: отношенія Алексѣя къ Екатеринѣ были всегда дружелюб-«ны, благосклонны и исполнены довѣрія. Приведемъ его письмо къ «ней. Катерина Алексѣвна здравствуй на множество лѣтъ. За писа-«ніе твое зѣло благодарствую и впредь сего желаю».—Далѣе Пого-«динъ говоритъ: Алексѣй не нравился теткѣ. А если и не нравился, «то развѣ это служитъ доказательствомъ ея вины? Нисколько (ну, конечно). «Тетки почти всегда балуютъ своихъ племянниковъ, и пото-«му мы болѣе сомнѣваемся въ хорошихъ качествахъ Алексѣя, чѣмъ «въ добрыхъ свойствахъ тетки его. — Погодинъ говоритъ, что и «Меншиковъ содѣйствовалъ гибели царевича. Неправда; Менши-«ковъ былъ властолюбивъ и гордъ. Если онъ побуждалъ Алексѣя «къ праздности, въ такомъ случаѣ онъ и самъ долженъ былъ сдѣ-«латься его сообщникомъ и повѣреннымъ во всѣхъ его поступ-«кахъ... Съ какою же осторожностью долженъ былъ дѣйствовать «Меншиковъ, нарушая высочайшую волю. Алексѣй боялся Менши-«кова и былъ къ нему почтителенъ» (стр. 29 — 57).

Прочитавши такую путаницу, вы съ изумленіемъ спрашиваете: ну, положимъ, Алексѣй имѣлъ слабый характеръ и возбуждаетъ сожалѣніе, Екатерина не была врагомъ его, и Меншиковъ не побуждалъ его къ праздности, положимъ даже, что и тетка баловала своего племянника: гдѣ же тутъ оправданіе Петра, и что же изъ всего этого слѣдуетъ? А слѣдуетъ то, говоритъ Задлеръ, «что Петръ имѣлъ полное право обвинять Алексѣя, подававшаго важные поводы къ неудовольствію противъ себя, въ чемъ впослѣдствіи и самъ Алексѣй сознается»; а это даетъ поводъ думать, что и на планетахъ есть жители, потому что, какъ между Петромъ, Фридрихомъ Вильгельмомъ I и Отелло есть большое сходство, такъ точно оно есть и между планетами. — Ко второй части мы боимся и приступать; она еще запутаннѣе, головоломнѣе и безтолковѣе, чѣмъ первая; прослѣдить и разобрать ее нѣтъ никакой возможности, иначе вы рискуете угорѣть и совершенно забить свою голову страшной чепухой; мы взглянемъ только на нѣкоторыя болѣе замѣтныя и выдающіяся оправданія.

«Здѣсь, говоритъ г. Задлеръ, мы намѣрены разсматривать проис-«шествія этого времени; показать, что руководило Петра? — ненави-«стъ или любовь? Любовь его къ Алексѣю доказывается тѣмъ, что «онъ назначаетъ его воспріемникомъ Екатерины. — Изъ его объяв-«ленія министрамъ, сенату, военнымъ и гражданскимъ чинамъ вид-«но, какъ онъ заботится о томъ, чтобы судьи изъ пристрастія къ

«нему не рѣшили бы дѣло несправедливо. Поступилъ ли бы такъ «отецъ, ненавидящій сына? — Въ 21 день по смерти царевича, «Петръ приказалъ во флотѣ, на которомъ онъ тогда самъ находил«ся, служить панихиду, со всею пышностію, подобающею сыну цар«ствующаго государя, и согласно съ тогдашними установленіями «(стр. 67 — 74).» — «До сихъ поръ мы могли оправдывать Петра; «теперь же насъ возмущаетъ продолженіе пытокъ и розысковъ, по«слѣдовавшихъ за объявленіемъ приговора. Въ этомъ уже осудить «должно самаго Петра, потому что судъ, приговоря царевича къ «смерти, этимъ самымъ покончилъ свои обязанности»: — это тоже услуга мишеньки. «Еще болѣе ужаса возбуждаютъ въ насъ слѣ«дующія слова Устрялова, на счетъ разныхъ мнѣній о смерти царе«вича: «вѣроятнѣе всего, царевичъ умеръ вслѣдствіе пытки: досто«вѣрно, что 26 іюня утромъ, въ 8 часовъ, его пытали въ Трубец«комъ раскатѣ, а въ 7 часовъ по полудни церковный колоколъ воз«вѣстилъ о кончинѣ его». Морально это было уже грѣхомъ. Алек«сѣй отказался уже отъ свѣта. Чего же еще хотѣли? Доказательствъ «увеличивающихъ или уменьшающихъ вину? Но какая польза от«того? Приговоръ былъ уже произнесенъ. Русская пословица гово«ритъ: «лежачаго не бьютъ». Физически это было также жестоко, «тѣмъ болѣе, что уже четыре года предъ тѣмъ, Алексѣй, по слабо«сти здоровья и отъ угрожавшей ему чахотки, былъ посланъ въ «Карлсбадъ» (стр. 77).

Тутъ слѣдовало бы предложить г. Задлеру, его же собственный вопросъ: поступилъ ли бы такъ отецъ, ненавидящій своего сына? Что же за вздоръ вы городили прежде; къ чему всѣ ваши пустяки о назначеніи восприємникомъ, о панихидѣ, о безпристрастіи? Согласитесь, что приведенными сейчасъ словами вы сами себѣ бьете по лицу и всѣ ваши оправданія и разглагольствія на иностранный манеръ разлетаются въ прахъ, свидѣтельствуя только объ искусныхъ пріемахъ и способахъ вашего ума и вашей сообразительности. — Въ такомъ родѣ всѣ оправданія и вся книга. Но если ни въ одномъ случаѣ г. Задлеру не удалось, какъ слѣдуетъ, оправдать Петра, за то однажды посчастливилось отлично и лихо поддѣть Погодина. «Въ своихъ «предположеніяхъ Погодинъ выражается поэтически. Мы призна«емъ въ его словахъ реторическія красоты, но истины въ нихъ еще «не видимъ; даже мы не соглашаемся съ нимъ въ нѣкоторыхъ изъ «его поэтическихъ выраженій. Онъ при всякомъ удобномъ случаѣ «восклицаетъ: несчастный Алексѣй. Такіе эпитеты въ историче«скихъ описаніяхъ предоставляются уже самому читателю. Если онъ «соглашается съ мнѣніемъ автора, то онъ самъ невольно выгово«ритъ — несчастный Алексѣй. Если же читатель думаетъ иначе, то

«весьма справедливо укорить автора въ желаніи быть проводникомъ «своихъ мнѣній. Мы приведемъ слѣдующія слова Погодина, чтобы «показать, что тутъ слово «несчастный» вовсе неумѣстно: начались «сборы въ возвратный путь изъ Неаполя. Царевичъ ѣздилъ съ Толстымъ въ Бари помолиться, *несчастный*, мощамъ чудотворца Нико«лая (стр. 103).» Вотъ это правда, что некстати, такъ ужь некстати; вѣрно замѣчаніе; ай, да г. Задлеръ, сразу подмѣтилъ, что «несчастный» стоитъ не-у-мѣста, а еще иностранецъ.

Написавши въ такомъ родѣ свой опытъ оправданія Петра и перечитавши его отъ начала до конца, онъ и самъ увидѣлъ, что оно вовсе не оправданіе, а такъ чортъ-знаетъ-что такое, по крайней мѣрѣ, вовсе не то, чего бы ему хотѣлось, и что онъ думалъ сдѣлать; откровенное сознаніе въ этомъ невольно прорвалось въ концѣ его книги. «Мы надѣемся, что встрѣтимъ снисхожденіе въ нашихъ читателяхъ къ тому, что защищая великаго человѣка, къ которому наша любовь и участіе постепенно возрастали, мы отступили отъ обѣщанной нами въ началѣ скромности, увлекшись своимъ предметомъ, подъ конецъ говорили съ возрастающимъ гнѣвомъ. Мы дѣйствительно были намѣрены возражать знаменитому писателю съ полнымъ спокойствіемъ духа (со смысломъ), а на дѣлѣ вышло иначе (стр. 106)». Отчего бы это? думалъ г. Задлеръ, и рѣшилъ, что это произошло отъ того, что онъ не туземный, а иностранный историкъ и въ утѣшеніе себя сослался на слова Вольтера, который говорилъ, что описаніе учрежденій, законовъ, войнъ и предпріятій Петра есть обязанность туземныхъ истóриковъ. Ошибаетесь, г. Задлеръ, увѣряемъ васъ; иностранный историкъ можетъ написать отличную исторію Петра, даже лучшую, чѣмъ туземцы; ваше оправданіе вышло изъ рукъ вонъ плохо не оттого, что вы не туземный историкъ, а отъ другой болѣе важной причины, которой мы вамъ не скажемъ; догадайтесь сами.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Петербургская весна и разныя размышленія по этому поводу. — Вредное вліяніе нынѣшней весны. — Умопомѣшательство.—О вредѣ ранней карьеры.— Здравый смыслъ въ помѣшанныхъ и помѣшательство въ людяхъ съ такъ-называемымъ здравымъ смысломъ. — Воспоминаніе объ одномъ изъ передовыхъ русскихъ людей и нѣсколько словъ въ заключеніе по этому поводу. — Цвѣточная выставка. — Ледъ на Невѣ. — Поврежденія имъ сдѣланныя. — Майскій парадъ. — Лѣтній садъ. — Открытіе Павловскаго воксала (14 мая), — Острова. — О другихъ увеселительныхъ загородныхъ заведеніяхъ. — Прощаніе съ городомъ.—«Живописная Украйна» г. Льва Жемчужникова. — Поправка. и т. д.

Въ ту минуту, когда во всѣхъ приличныхъ и благопристойныхъ климатахъ все давно зеленѣетъ, благоухаетъ и цвѣтетъ; когда въ голубыхъ небесахъ тѣхъ счастливыхъ странъ вьются жаворонки и соловьи заливаются въ кустахъ розъ, — у насъ о веснѣ бормочутъ... развѣ только въ журналахъ какіе нибудь *новые поэты* на старый ладъ... Я прошу моего благосклоннаго читателя непричислять меня къ этимъ новымъ поэтамъ, я только по названію новый—въ сущности я очень старъ (объ этомъ давно, какъ вамъ извѣстно, твердятъ занимающіеся мной мои собраты-фельетонисты), по крайней мѣрѣ, старъ на столько, что брящать на лирѣ, танцовать и тому подобное считаю уже для себя совершенно невозможнымъ и неприличнымъ. Тяжкая проза жизни, вмѣстѣ съ ревматизмами, давно по-

ложила на меня свою гнетущую руку, а къ этому еще сѣренькое небо, дождь, снѣгъ, непроходимая слякоть на улицахъ, взбудораженная мостовая — ни пройти, ни проѣхать. Леденѣющій вѣтеръ, Нева покрытая густыми остановившимися массами льда въ маѣ мѣсяцѣ!

Весна! Весна, когда на крышахъ снѣгъ! Скучно... если не на свѣтѣ, то по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ очень скучно, господа!

Восемь мѣсяцевъ сряду сидишь, какъ въ тюрьмѣ, за двойными и тройными рамами, не видя свѣта Божьяго, не смѣя высунуть носа изъ воротника шубы, чтобъ не отморозить его; паръ отъ дыханія замерзаетъ... Думаешь: «ну, вотъ прійдетъ весна, май, оттаешь немножко, отогрѣешься на вѣшнемъ солнцѣ, увидишь свѣтъ Божій, вдохнешь въ себя вольный, душистый, весенній воздухъ, успокоишь глазъ на зелени луговъ...» Ждешь и не дождешься весны.

Какая весна! Весны нѣтъ въ Петербургѣ... Петербургская весна— это несбывающая надежда, это заблужденіе молодости.

«Проклятый климатъ!..» думаешь, поднимая воротникъ шубы, чтобы защитить лицо отъ вѣтра и отъ лепешекъ мокраго снѣга.

Въ прежніе годы, быть можетъ, весна бывала и не лучше настоящей, но тогда мы не замѣчали ни снѣга, ни грязи, ни льдовъ, ни вѣтровъ, намъ и въ голову не приходило, что петербургскій климатъ такъ скверенъ, а теперь...

Бѣда въ томъ, что весна-то нашей жизни, давно миновала!... Будущее для насъ такъ коротко... и не увидать намъ того разсвѣта, къ которому, безсильные, мы рвались всю жизнь,—той весны человѣчества, которая суждена для иныхъ, грядущихъ, болѣе счастливыхъ и болѣе практическихъ поколѣній!..

Да и что намъ до разсвѣта, говоря откровенно? Большая часть изъ насъ уже устроили свои карьеры, болѣе или менѣе обезпечили себя и свои семейства, пользуются нѣкоторымъ почетомъ въ обществѣ или въ своемъ кружкѣ — и слава Богу!.. Намъ уже на закатѣ нуженъ покой, а не движеніе; насъ пугаетъ смѣлость новаго поколѣнія, мы не раздѣляемъ его нетерпѣнія; читая и слушая современную молодежь, мы иронически улыбаемся и говоримъ, пожимая плечами: «утопія!» «утописты!...»

Когда мои милые товарищи и сверстники, пользующіеся различными литературными и административными авторитетами, собираются для *обмѣна мыслей* (мы постоянно собираемся для обмѣна мыслей), я съ гордостію, глядя на нихъ, повторяю вслѣдъ за Ѳ. Н. Глинкою:

> Все — *тайные* совѣтники,
> Но *явные* друзья!..

Прелестные стихи! И Бѣлинскій не признавалъ Өедора Николаевича поэтомъ! Чудакъ!

Наши сходки *для обмѣна мыслей* бываютъ необыкновенно замѣчательны... Краснорѣчіе такъ и льется потокомъ изъ устъ нашихъ, настоящій парламентъ! Не шутя, многіе изъ насъ говорятъ очень складно и бойко. Этому удивляться нельзя; можно было, слава Богу, выучиться: мы всю жизнь проболтали и теперь, когда, говорятъ, пришло время *дѣла*, мы все еще болтаемъ, и сами дивимся своему краснорѣчію.

Но увы! кругъ нашихъ друзей ораторовъ, въ послѣднее время, начинаетъ замѣтно рѣдѣть.

«Иныхъ ужь нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Саади нѣкогда сказалъ...»

Да и у присутствующихъ краснорѣчіе какъ-то становится вялѣе и холоднѣе съ каждымъ днемъ, и начинаетъ смахивать на общія мѣста... Надо сказать правду,—мы очень скоро износились и состарѣлись преждевременно... вѣроятно отъ климата. — Ужасный климатъ!

Особенно нынѣшняя весна имѣла на насъ (я говорю о нашемъ поколѣніи) чрезвычайно тлетворное вліяніе. У однихъ изъ нашихъ друзей волосы совсѣмъ посѣдѣли, другіе лишились зубовъ, или совсѣмъ оплѣшивѣли, третьи замѣтно потупѣли, у четвертыхъ самолюбіе развилось до болѣзни, пятые договорились до того, что начали ужь просто заговариваться. Мы, впрочемъ, долго не замѣчали этого и даже рукоплескали рѣчамъ, въ которыхъ не было уже ни малѣйшаго признака здраваго смысла, только одно краснорѣчіе — и догадались, что дѣло плохо, тогда только, когда друзья наши начали выкидывать такія штуки, которыя всѣми здравомыслящими людями искони вѣковъ и во всѣхъ странахъ признаются несомнѣнными признаками умоповрежденія...

Разжиженіе или поврежденіе мозга хотя болѣзнь самая аристократическая, но все таки непріятная... Недаромъ восклицалъ нѣкогда поэтъ:

Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума,
Нѣтъ, легче посохъ и сума;
Нѣтъ легче *трудъ* и *гладъ*...

Впрочемъ — тихое помѣшательство еще ничего; при тихомъ помѣшательствѣ можно спокойно провести вѣкъ въ весьма хорошемъ обществѣ, между очень умными и даже учеными людьми, профес-

сорами и академиками, и никому изъ нихъ въ голову не придетъ, что вы помѣшанный... Такимъ помѣшаннымъ нѣсть числа между нами.

Самое опасное помѣшательство, кончающееся обыкновенно бѣшенствомъ, происходитъ отъ неумѣстной жажды почестей (честолюбія), соединенной съ выходящимъ изъ границъ самолюбіемъ. Такому помѣшательству подвергаются у насъ иногда люди, выскочившіе рано, то есть лѣтъ подъ 40, въ почетные чины и получившіе значительныя мѣста, — тѣ, на которыхъ указываютъ обыкновенно съ завистію пальцами и про которыхъ кричатъ:—«какъ выскочилъ-то! какую карьеру сдѣлалъ!»... Мы привыкли во всемъ къ постепенному и медленному шествію (прогрессу), которое прочнѣе и надежнѣе скачковъ (такъ разсуждаютъ всѣ истинно *благо*намѣренные и *благо*мыслящіе люди). Когда человѣкъ подъ 70 или въ семьдесятъ лѣтъ достигаетъ почестей, — онъ уже никакъ не рискуетъ сойти съ ума, потому что въ такія лѣта онъ перѣдко выживаетъ изъ ума; а тѣ же почести въ 40 лѣтъ кружатъ наши головы и вредятъ нашему мозгу. По нашимъ патріархальнымъ понятіямъ, 40 и 45-ти-лѣтній человѣкъ — это еще молокососъ...

Когда одинъ господинъ, сдѣлавшій блистательную карьеру подъ 40 лѣтъ, не выдержалъ и свихнулся на сорокъ первомъ, всѣ 70-лѣтніе старцы, съ успѣхомъ окончившіе карьеры, и пятидесятилѣтніе молокососы, недобившіеся до карьеры, единогласно подняли крикъ:

— Помилуйте! Что же мудренаго! Этого должно было ожидать... Какъ не сойти съ ума, выскочивъ въ чины въ такія лѣта!... Это не натурально. Онъ ужь возмечталъ о себѣ Богъ-знаетъ-что... Ужь у него умъ за разумъ зашелъ!... и такъ далѣе.

Изъ этого само собой извлекается, что ранняя карьера для насъ, русскихъ людей, положительно опасна — и потому не должно обольщаться ею. Все несвоевременное для насъ крайне вредно, ибо, какъ извѣстно, мы еще не созрѣли...

Рановременныя литературныя карьеры кончаютъ у насъ также очень печально. Бывали примѣры, что молодые люди, написавшіе двѣ или три хорошія повѣсти, два или три звучныхъ стихотворенія, послѣ неумѣренныхъ журнальныхъ похвалъ и добродушно-пріятельскихъ возгласовъ, — преисполнялись такою неистовою гордостію, доходили до такого головокруженія, что продолжали уже сочинять совершенную дичь и приходили въ ярость, когда критика деликатно намекала имъ объ этомъ... Литературная извѣстность (сказать мимоходомъ) у насъ еще до сихъ поръ пріобрѣ-

тается очень легко — и мы совершенно напрасно — хотя и очень зло — подсмѣиваемся надъ нашими отцами и дѣдами, замѣчая, что они пріобрѣтали литературную славу за какой нибудь акростихъ или мадригальчикъ... Не надобно слишкомъ самообольщаться и самолюбиво увлекаться нашимъ прогрессомъ.

Самолюбіе и самообольщеніе — болѣзнь, въ высшей степени распространенная у насъ. Самые умные и даровитые люди подвержены этой болѣзни. Замѣчая остроумно и до тонкости всѣ малѣйшіе недостатки и слабости въ другихъ, они и не подозрѣваютъ, до какой степени смѣшны они сами. Они въ этомъ случаѣ нѣсколько напоминаютъ мнѣ того умалишеннаго, котораго я видѣлъ года два тому назадъ въ «Больницѣ Всѣхъ Скорбящихъ».

Сумасшедшій этотъ, подойдя ко мнѣ и пожавъ мою руку, сказалъ, посматривая на меня съ ироніей:

— Очень радъ съ вами познакомиться... Скажите, что привело васъ сюда?... Любопытство посмотрѣть на сумасшедшихъ? Да вѣдь въ томъ свѣтѣ, гдѣ вы вращаетесь, болѣе сумасшедшихъ, чѣмъ здѣсь, въ домѣ умалишенныхъ. Здѣсь, я вамъ скажу, мало любопытнаго. Всѣ они (и онъ указалъ на толпу сумасшедшихъ) помѣшаны на страшныхъ пошлостяхъ; видно, что они никогда не владѣли вполнѣ здравымъ смысломъ и умишка имѣли самый узенькій. Вотъ, напримѣръ, этотъ стриженый, что сидитъ въ углу такъ глубокомысленно, онъ помѣшанъ на томъ, что онъ генералъ, и бросается съ яростію на того, кто не говоритъ ему: ваше превосходительство... Какая жалкая суетность! Неправда ли, ваше превосходительство?

И сумасшедшій обратился къ одному изъ посѣтителей — генераловъ, бывшихъ съ нами.

Затѣмъ онъ началъ дѣлать преостроумныя харастеристики другихъ сумасшедшихъ...

Этотъ сумасшедшій показался мнѣ гораздо остроумнѣе многихъ извѣстныхъ нашихъ умниковъ и юмористовъ.

Я замѣтилъ это начальнику больницы.

— Да, отвѣчалъ онъ улыбаясь: — онъ у насъ большой говорунъ и говоритъ бойко, но съ нимъ бѣда: на него находятъ минуты бѣшенства и тогда мы его запираемъ въ темную комнату...

Умъ и здравый смыслъ въ сумасшедшихъ и нѣчто въ родѣ помѣшательства въ несомнѣнно-умныхъ и здравомыслящихъ людяхъ поражали меня нерѣдко.

Лѣтъ десять назадъ тому я познакомился съ N, который пользовался въ то время уже довольно значительною репутаціею между лучшими и передовыми людьми въ Москвѣ и Петербургѣ. Я заранѣе

былъ уже предупрежденъ въ его пользу. Всѣ почти мои близкіе знакомые, авторитету которыхъ я вѣрилъ безусловно, ахали при его имени и сообщили мнѣ между прочимъ о томъ, что N человѣкъ съ блестящимъ образованіемъ, что онъ слушалъ лекціи въ германскихъ университетахъ, знакомъ съ германскою философіею, и такъ далѣе. Кромѣ всего этого, по ихъ словамъ, онъ былъ надѣленъ отъ природы глубокимъ эстетическимъ чувствомъ, которое развилось въ немъ чтеніемъ великихъ англійскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ въ подлинникѣ. Онъ зналъ эти языки, какъ свой собственный. Мнѣ говорили, что въ самой натурѣ его было что-то тонко-поэтическое, возбуждавшее къ нему невольную симпатію...

Лѣтомъ 184* года я гостилъ въ деревнѣ *** губерніи, у одного изъ моихъ пріятелей, который былъ также пріятелемъ N и его ближайшимъ сосѣдомъ. N пріѣхалъ изъ-за границы въ свою деревню въ іюнѣ мѣсяцѣ и на другой же день послѣ пріѣзда явился къ моему сосѣду. Я никогда не забуду перваго вечера, проведеннаго мною съ нимъ. Ожиданія мои не были обмануты; напротивъ, всѣ похвалы, которыя я слышалъ объ N, казались мнѣ слабы и идеалъ, составленный мною объ немъ, совершенно блѣденъ сравнительно съ оригиналомъ. Его лицо не принадлежало къ тѣмъ лицамъ, которыя мы привыкли называть красивыми; черты его были неправильны, даже нѣсколько рѣзки, но они смягчались кроткимъ выраженіемъ его умныхъ и глубокихъ глазъ; густые, темные, немного волнистые волосы его, зачесанные назадъ и обнаруживавшіе широкій и высокій лобъ, разсыпались почти до плечъ; голосъ его принадлежалъ къ самымъ симпатическимъ голосамъ, которые когда либо я слышалъ... Я съ первой минуты, съ перваго взгляда почувствовалъ къ нему невольное влеченіе, которое возрастало по мѣрѣ того, какъ я вглядывался въ него и слушалъ. Черезъ нѣсколько часовъ мнѣ было такъ легко и пріятно въ его присутствіи, какъ будто я былъ вѣкъ знакомъ съ нимъ... Вечеръ былъ чудесный, теплый; мы гораздо за полночь просидѣли на террасѣ, выходившей въ садъ. Разговоръ вертѣлся на предметахъ самыхъ обыкновенныхъ; N передавалъ намъ нѣсколько эпизодовъ изъ своей заграничной поѣздки; онъ говорилъ мастерски, не прибѣгая къ пошлымъ эффектамъ извѣстныхъ говоруновъ. Отъ его разсказовъ, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ казалось, вѣяло правдою и поэтическою свѣжестію.

Я скоро сошелся съ N... Онъ прогостилъ нѣсколько дней у моего пріятеля и потомъ мы всѣ вмѣстѣ отправились, по его приглашенію, къ нему въ деревню.

N имѣлъ очень хорошее, но разстроенное состояніе, полученное имъ послѣ смерти отца, полтора года передъ тѣмъ. Въ деревнѣ, гдѣ

онъ жилъ, было до 500 душъ и до полутораста человѣкъ дворни... Управляющій его, нѣмецъ, по словамъ моего пріятеля, обращался съ крестьянами неслишкомъ человѣколюбиво, выжималъ изъ нихъ сокъ, и конечно болѣе въ свою пользу, чѣмъ въ пользу новаго владѣльца, который, какъ я замѣтилъ уже, принадлежалъ къ милѣйшимъ и гуманнѣйшимъ изъ людей. Когда пріятель мой сообщилъ N свое мнѣніе объ его управляющемъ и нѣкоторые факты его управленія, N схватилъ себя за голову и въ отчаяніи началъ ходить по комнатѣ.

— Неужели? повторялъ онъ: — это ужасно, ужасно!.. Я двухъ дней не оставлю его послѣ этого!..

Онъ весь взволнованный, потрясённый, чуть не со слезами на глазахъ, признался намъ, что онъ въ деревнѣ не имѣетъ ни одной минуты покойной, что онъ ничѣмъ не можетъ серьёзно заняться и наслаждаться свободно деревенскою жизнію, потому что безобразіе крѣпостнаго права бросается ему здѣсь на каждомъ шагу. Онъ сообщилъ намъ, между прочимъ, что онъ занимается составленіемъ проэкта объ освобожденіи своихъ крестьянъ, что онъ осуществитъ эту мысль непремѣнно и въ самомъ непродолжительномъ времени; что ему легче будетъ сдѣлаться *пролетаріемъ*, чѣмъ продолжать пользоваться крѣпостнымъ правомъ.

— Да ты прежде всего лучше выгони своего управляющаго, замѣтилъ ему нашъ общій пріятель: — да займись самъ управленіемъ своего имѣнія и устройствомъ участи своихъ крестьянъ, — это будетъ гораздо практичнѣе.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я не могу быть спокоенъ до тѣхъ поръ, покуда у меня будетъ хоть одна крѣпостная душа!

И онъ развилъ передъ нами цѣлую утопію будущаго: освободивъ крестьянъ и отдавъ имъ всю землю, которою они владѣютъ, онъ на то, что останется у него, заведетъ въ своихъ деревняхъ школы, поселится навсегда въ деревнѣ и посвятитъ всего себя образованію своихъ крестьянъ, чтобы искупить передъ ними, какъ онъ выражался, грѣхи своихъ предковъ. Онъ говорилъ это съ такимъ увлеченіемъ, съ такимъ благороднымъ энтузіазмомъ, что у меня невольно показались на глазахъ слёзы (десять лѣтъ тому назадъ я еще былъ очень наивенъ) и я съ чувствомъ крѣпко пожалъ ему руку.

«Можно ли сомнѣваться въ будущемъ Россіи, когда она производитъ такихъ людей?» подумалъ я съ карамзинскимъ умиленіемъ.

Лѣто провели мы превосходно и почти всякій день видѣлись съ N. Управляющій его, котораго онъ хотѣлъ прогнать черезъ два дня, оставался однако спокойно и управлялъ по прежнему. N усердно за-

нимался проектомъ освобожденія, говорилъ намъ, что онъ приводитъ его къ концу и обѣщался прочесть его. Въ ожиданіи этого чтенія мы ѣздили на рыбныя ловли, охотились, предавались разнымъ сельскимъ удовольствіямъ и наслаждались природою... Ни малѣйшіе ея оттѣнки не ускользали отъ поэтическаго взгляда N... Вдохновленный ею, во время отдыха на охотѣ, или вечеромъ лежа на диванѣ террасы, выходившей въ садъ, N одушевлялся: онъ съ глубокой ироніей бичевалъ наши общественные предразсудки, безпощадно издѣвался надъ нашими барскими слабостями и привычками, надъ нашею безпечностію, лѣнью, неспособностію къ практической дѣятельности, аристократическою пустотою; онъ называлъ крестьянина *нашимъ кормильцомъ* и *великимъ труженикомъ*...

. . . . Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся....

Онъ читалъ намъ наизусть стихи изъ Шиллера, изъ «Фауста» Гёте; изъ нашихъ отечественныхъ поэтовъ: Тютчева, Фета, Полонскаго...

И все это при благоуханіи скошенной травы, при вечернемъ закатѣ, ярко просвѣчивавшемъ сквозь гущу зелени, даже иногда при пѣніи соловьевъ, которые заглушали чудныя, гуманныя рѣчи и невольно заставляли N останавливаться...

И мы долго послѣ этого молчали, прислушиваясь къ щелканію соловья, и погруженные въ поэтическій экстазъ...

Незабвенныя ночи!... Я съ какою-то болью теперь вспоминаю объ нихъ... «Вотъ идеалъ настоящаго человѣка, освобожденнаго отъ всѣхъ нашихъ пошлыхъ привычекъ, предразсудковъ, рутинныхъ взглядовъ и прочаго», думалъ я, глядя на N и вздыхая.

N уѣхалъ изъ деревни въ концѣ осени, и мы встрѣтились съ нимъ зимою въ Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ. Онъ шелъ мнѣ на встрѣчу съ какимъ-то господиномъ.

Я страдаю увлеченіями до сихъ поръ, а 10 лѣтъ назадъ тому я страдалъ этою болѣзнію еще болѣе. Я бросился къ N съ распростертыми объятіями и съ восторгомъ.

Онъ сухо улыбнулся мнѣ, протянулъ: А-а! и пожалъ мнѣ руку, но явно уклонился заводить со мной разговоръ и даже какъ будто смутился нѣсколько моего восторга. Господинъ, шедшій съ нимъ, осмотрѣлъ меня съ любопытствомъ съ ногъ до головы.

Этотъ господинъ былъ князь П*...

«Неужели жь это оттого, что идетъ съ княземъ?.. Быть не можетъ», подумалъ я. «Можетъ ли быть зараженъ такими пошлостями человѣкъ, подобный N?.. Какая сумасшедшая мысль!»

Я даже покраснѣлъ отъ нее, но мнѣ было все-таки не совсѣмъ ловко, точно какъ будто кто-то нечаянно брызнулъ мнѣ холодною водою въ лицо.

Я узналъ адресъ N, но долго послѣ этого не рѣшался идти къ нему.

Искушеніе однако было сильно, и я не преодолѣлъ его...Въ одно прекрасное утро я позвонилъ къ нему.

— Дома?

— Какъ прикажете объ васъ доложить?—спросилъ лакей, взглянувъ на меня испытующимъ взглядомъ.

Я назвалъ мою фамилію и вошелъ въ залу... Сердце мое билось сильно...

Вдругъ дверь съ шумомъ растворилась, N бросился ко мнѣ и началъ съ жаромъ обнимать меня.

— Какъ я радъ! какъ я радъ васъ видѣть!... говорилъ онъ мнѣ усаживая меня:—я давно бы самъ былъ у васъ, но не зналъ вашего адреса...

Онъ вспоминалъ о нашихъ деревенскихъ вечерахъ, говорилъ съ такою теплотою и любовію о нашемъ общемъ другѣ, обнаружилъ столько радушія, простоты и искренности въ обращеніи со мною, что я рѣшительно таялъ, слушая его. Онъ замѣтилъ даже (и какъ это польстило моему самолюбію!), что онъ очень радъ случаю, который свелъ меня съ нимъ и, что такая пріязнь, которая завелась между нами, не можетъ ни прерваться, ни поколебаться, потому что она основана на одинаковости взглядовъ и убѣжденій.

Черезъ минуту послѣ этихъ изліяній началъ раздаваться звонокъ за звонкомъ и кабинетъ N скоро наполнился самымъ разнообразнымъ обществомъ. Тутъ были и дипломаты, и военные, и свѣтскіе франты, и ученые, и поэты, и литераторы, и дилеттанты и артисты. N поразилъ меня своею находчивостію и любезностію со всѣми этими господами, и поразилъ, я долженъ сознаться, не совсѣмъ пріятно...

«Что можетъ имѣть онъ общаго съ этими великосвѣтскими господами?» думалъ я: «для чего онъ пускаетъ ихъ къ себѣ,—онъ, человѣкъ съ такими глубокими убѣжденіями и съ такимъ серьёзнымъ взглядомъ на жизнь? И что за охота превращать свой кабинетъ въ какой-то безобразный раутъ?»

Я не выдержалъ и черезъ нѣсколько времени сообщилъ ему мои думы.

Онъ горько улыбнулся.

— Что же дѣлать? возразилъ онъ пожавъ плечами: — въ Петербургѣ это неизбѣжно. Въ свѣтѣ поневолѣ сталкиваешься съ людьми, отъ которыхъ послѣ невозможно отдѣлаться...У меня, ктому же, нѣтъ столько твердости въ характерѣ, чтобы запереть свою дверь для этихъ господъ...

— Въ свѣтѣ?—замѣтилъ я:—но что можетъ быть общаго между вами и этимъ свѣтомъ?... Вы человѣкъ независимый, искать связей вамъ не для чего, а человѣкъ съ вашими убѣжденіями и съ вашимъ образомъ мыслей, я думаю, не можетъ увлекаться свѣтскими успѣхами и дорожить салонною репутаціей.

N едва замѣтно улыбнулся....

— Но вотъ видите ли, сказалъ онъ: — это такъ, но у меня непреодолимая, нелѣпая слабость наблюдать всѣ нелѣпости, всѣ уклоненія отъ здраваго смысла въ разныхъ слояхъ общества.— Я знаю, что это смѣшно, но что жь дѣлать? Я вошелъ въ свѣтъ, какъ зритель входитъ въ театръ взглянуть на незнакомую ему пьесу... Пьеса оказывается пуста и скучна и онъ выходитъ, не дождавшись ея конца...

Меня отчего-то кольнуло при этихъ словахъ... Мнѣ показалось, что передо мною стоитъ пустой фатъ и отпускаетъ пошлыя фразы... «Или я съ ума схожу», подумалъ я: «или N сходитъ съ ума...»

Однажды я завелъ рѣчь объ N съ однимъ короткимъ знакомымъ его, человѣкомъ очень ему преданнымъ... Это было года черезъ три послѣ моего знакомства съ N...

Меня начинали смущать противорѣчія словъ N съ его поступками и дѣйствіями.

— А васъ это удивляетъ?... возразилъ онъ равнодушно.—N—человѣкъ образованный, остроумный, надѣленный богато отъ природы дарованіями, но испорченный жизнію, воспитаніемъ, и испорченный до мозга костей...Его такъ называемыя убѣжденія всѣ взяты имъ изъ книгъ, развиты его собственнымъ умомъ, но они не прошли сквозь его сердце. Онъ блестящій говорунъ и былъ бы, безъ всякаго сомнѣнія, превосходнымъ парламентскимъ ораторомъ въ конституціонномъ государствѣ... Но хорошимъ гражданиномъ — никогда... Такого рода люди, какъ онъ, неспособны ни къ какой серьезной дѣятельности... и ихъ краснорѣчіе—звукъ пустой... То, что я вамъ говорю теперь, — я говорилъ ему въ глаза и еще гораздо рѣзче.

— Неужели? И что же онъ? перебилъ я.

— Онъ назвалъ меня своимъ лучшимъ другомъ, обнялъ меня и сознался, что я совершенно правъ:— онъ обнималъ меня и сознавался въ эту минуту искренно; но самолюбіе его, я убѣжденъ въ этомъ, безпрестанно послѣ этого нашептывало ему противъ

меня, и онъ никогда не проститъ мнѣ того, что я вижу его насквозь. Онъ уважаетъ и даже боится меня, но онъ предпочитаетъ льстецовъ и любитъ ихъ болѣе меня, хотя можетъ быть иногда и чувствуетъ къ нимъ презрѣніе... Онъ кричитъ противъ свѣта — и, какъ умный человѣкъ, видитъ вполнѣ пустоту его, но, какъ человѣкъ тщеславный, все на свѣтѣ промѣняетъ на внѣшній блескъ, на эфемерный салонный успѣхъ. Въ свѣтѣ онъ, какъ рыба въ водѣ,—это его настоящая сфера. У насъ, у своихъ простыхъ и короткихъ пріятелей ему хорошо, но все уже не такъ ловко, какъ въ свѣтѣ. Онъ знаетъ, что мы его любимъ, слушаемъ его съ удовольствіемъ, но *не вѣримъ ему*, а тамъ каждую его фразу принимаютъ не шутя. Всѣ дамы отъ него въ восторгѣ, а онъ въ восторгѣ отъ ихъ раздушенныхъ записокъ и дорожитъ ими гораздо болѣе, чѣмъ искреннимъ и правдивымъ словомъ своихъ друзей, хотя онъ убѣжденъ въ томъ, что въ нашихъ словахъ—правда, а въ ихъ словахъ и запискахъ — ложь и пустота. Это сумасшествіе, если хотите, и ничѣмъ неизлечимое, потому что наслѣдственное. Одержимыхъ этого рода помѣшательствомъ у насъ очень много между образованными, гуманными и либеральными господами изъ породы барченковъ. Вотъ вамъ одинъ маленькій, совершенно незначительный, но довольно характеристичный фактъ изъ его житейскихъ похожденій.

Одинъ изъ самыхъ близкихъ намъ людей, вы его знаете (онъ назвалъ мнѣ фамилію этого господина), — закадычный пріятель N, какъ вамъ извѣстно. Это его тѣнь... Общественное положеніе этого господина быть другомъ N.—N въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, во время поѣздокъ своихъ за границу и въ деревню, ведетъ постоянную переписку съ нимъ объ литературѣ, искусствахъ вообще, о политикѣ и о разныхъ отвлеченныхъ предметахъ...

Изъ его писемъ можно бы составить томъ, толщиною по крайней мѣрѣ, съ какой нибудь «Энциклопедическій Лексиконъ». Ужь я замѣчу теперь, кстати, что господа пріобрѣтшіе себѣ авторитеты, какъ нашъ другъ N, ужасно вообще любятъ вести глубокомысленныя переписки съ друзьями... Авторитетъ увѣренъ, что письма его къ другу непремѣнно напечатаются послѣ его смерти, если не другомъ, то друзьями его друга, и потому онъ истощаетъ въ нихъ все свое красноречіе и глубокомысліе, чтобы явиться во всемъ блескѣ передъ грядущими поколѣніями. Маленькое самолюбіе друзей авторитета вполнѣ удовлетворяется тѣмъ, что они имѣютъ честь быть съ авторитетами въ такихъ короткихъ отношеніяхъ, что они повѣряютъ этимъ господамъ сокровенныя тайны своихъ мыслей и эти друзья обыкновенно тщательно собираютъ всѣ письма и записочки своихъ знаменитыхъ друзей, нумеруютъ ихъ, переплетаютъ, дѣлаютъ къ нимъ ученыя

примѣчанія и выноски, какъ наши знаменитые библіографы къ неизданнымъ посмертнымъ твореніямъ нашихъ знаменитыхъ писателей, и ждутъ съ нетерпѣніемъ смертнаго часа своего знаменитаго друга, чтобы опубликовать ихъ и черезъ нихъ прославить свое собственное темное имя... Весь свѣтъ, дескать, узнаетъ, что я былъ другомъ знаменитаго человѣка! Это очень и лестно и пріятно!... Но я увлекаюсь эпизодами...

Дѣло въ томъ, что къ другу N пріѣзжаетъ изъ провинціи его семейство — матушка и двѣ сетрицы, по письмамъ своего братца привыкшія благоговѣть передъ N и знающія наизусть самые блистательные отрывки изъ переписки N съ братцемъ... Братецъ приглашаетъ своего знаменитаго друга на вечеръ къ себѣ, чтобы познакомить его съ своимъ семействомъ, N обѣщается пріѣхать къ нему непремѣнно на цѣлый вечеръ и крѣпко жметъ руку друга.

Другъ въ восторгѣ.

— И пораньше, пожалуйста пораньше пріѣзжай! говоритъ наивно другъ:—ужь ты не давай никому слова, брось на этотъ разъ своихъ аристократовъ...

Онъ хохочетъ и треплетъ по плечу своего знаменитаго друга.

— Непремѣнно, непремѣнно! повторяетъ знаменитый другъ: — ты можешь быть увѣренъ, что тебя я ни на кого не промѣняю...

Утромъ въ день, назначенный для пріема знаменитаго друга, весь домъ въ неслыханномъ волненіи... Сестрицы приготовляютъ свои лучшіе туалеты, маменька вытаскиваетъ свой парадный чепецъ.... братецъ въ страшныхъ хлопотахъ:—онъ беретъ разныя печенья къ чаю у Иванова, вина къ ужину у Елисѣева, поваренка изъ англійскаго клуба... Чайный столъ приготовляется съ 6 часовъ, чашки, сухарницы — все разстановлено въ живописномъ порядкѣ, скатерть, какъ серебро, въ комнатахъ надушено, братецъ проситъ сестрицъ и маменьку одѣться, какъ можно попроще, но со вкусомъ.

— Вѣдь *онъ* обладаетъ въ высшей степени чувствомъ изящнаго, замѣчаетъ братецъ:—и у него глазъ чрезвычайно наблюдательный...

Наконецъ все готово... Близко къ 8 часамъ. У сестрицъ страшно бьются ихъ дѣвственныя сердца подъ тугостянутыми корсетами. Маменька поглядываетъ на часы.

— *Онъ* сейчасъ будетъ, сейчасъ! говоритъ братецъ, потирая руки съ самодовольствіемъ и расхаживая по комнатѣ...

Приглашенные на N гости уже почти всѣ собрались... 9 часовъ, а N нѣтъ... братецъ хмурится и поглядываетъ на часы. Семейство также въ безпокойствѣ... самоваръ кипитъ, чай разливается, самоваръ остываетъ, а N все нѣтъ, какъ нѣтъ...

Вотъ ужь и десять часовъ.

Разговоръ съ гостями не ладится, сестрицы поглядываютъ на братца, какъ будто съ упрекомъ, какъ будто говоря: «Хорошъ твой другъ!» Братецъ кусаетъ отъ досады губы...

— Гдѣ нибудь заболтался въ большомъ свѣтѣ, говоритъ онъ иронически, стараясь скрыть свою досаду: — большой свѣтъ — это *наша* слабость!...

Половина одинадцатаго... рѣзкій звонокъ, отъ котораго всѣ вздрагиваютъ... Сердце стукнуло у братца.

— Это *онъ*! шепчетъ братецъ.

Дѣйствительно, является *онъ*...

— Наконецъ-то! Хорошъ! хорошъ! а еще обѣщалъ пріѣхать пораньше, — изъ какого *салона*?... Вотъ, матушка, рекомендую вамъ (сынокъ обращается къ своей матери и поглядываетъ съ улыбкою на сестеръ), человѣкъ извѣстный, умный, образованный и такъ далѣе, и такъ далѣе, мой *лучшій другъ*, — а слова никогда не держитъ...

При этомъ насильственный хохотъ...

Гости вторятъ ему. Маменька и сестрица смѣются также не совсѣмъ натурально.

Извѣстно, что мы, люди не принадлежащіе къ большому свѣту, не умѣемъ никакъ скрывать своихъ ощущеній,—маменька и сестрица, разумѣется, захлебнулись при видѣ N; запахъ амбре и ивановское печенье, конечно, тотчасъ бросились нашему знаменитому другу въ носъ и въ глаза. Внутри его зашевелилась эпиграмма, но онъ скрылъ ее. Онъ замѣтилъ также двухъ или трехъ незнакомыхъ ему лицъ, у которыхъ пробѣжала дрожь при его появленіи — и въ немъ вдругъ вспыхнуло ничѣмъ неудержимое желаніе *порисоваться*, или *поломаться* передъ незнакомыми ему людьми... Я слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ, я видѣлъ насквозь всѣ его внутреннія ощущенія и передаю ихъ вамъ вѣрно, — за это ручаюсь... Онъ принялъ небрежную свѣтскую позу, вставилъ въ глазъ стеклышко, довольно нагло, какъ совершенный фатъ, осмотрѣлъ всѣхъ — и пошелъ и пошелъ. Въ четверть часа онъ Богъ-знаетъ чего не наговорилъ, и не замѣтилъ, что все время простоялъ задомъ къ маменькѣ своего друга... Ѣдучи къ своему другу, онъ имѣлъ твердое намѣреніе, повѣрьте, что это такъ, сойтись какъ можно ближе и запросто съ семействомъ своего друга, и переходя за порогъ его, оставить всѣ свѣтскія замашки и фарсы, которые неловки и неприличны въ простомъ, радушномъ кругу; но отъ запаха ли амбре, отъ благоговѣнія ли къ нему, которое такъ и испарялось отъ присутствовавшихъ, — голова его закружилась, онъ забылъ всѣ свои благоразумныя намѣренія и безсознательно началъ разыгры-

не только безцеремонно, но иногда просто невѣжливо; относительно первыхъ соблюдалъ условныя приличія до малѣйшей тонкости, и не отступалъ ни на шагъ отъ свѣтскаго кодекса. Онъ щеголялъ въ свѣтѣ своимъ либерализмомъ, какъ фаты щеголяютъ своею англійскою складкою и англійскими экипажами; онъ прослылъ въ свѣтѣ даже *краснымъ* и былъ очень доволенъ этимъ. Дамы страшно боялись его радикализма, но несмотря на это, находили его очень милымъ и tout à fait distingué; великосвѣтская молодежь не любила его, потому что считала его слишкомъ серьезнымъ и *ученымъ*; генералы косились на него и считали его человѣкомъ опаснымъ для государственнаго спокойствія и подлежащимъ надзору полиціи....

Пріятели подсмѣивались надъ его падкостію къ большому свѣту, которая, по ихъ мнѣнію, была недостойною и непростительною слабостію въ такомъ умномъ и образованномъ человѣкѣ, и въ то же время невольно питали къ нему еще бо́льшее уваженіе именно потому, что онъ имѣлъ связи съ большимъ свѣтомъ... Такія противорѣчія въ жизни на каждомъ шагу — и они никого не удивляютъ и не оскорбляютъ. А развѣ это не безуміе?

Своимъ даромъ слова, умѣньемъ красно разсказывать, N часто злоупотреблялъ до невозможности. Онъ умѣлъ ловко пустить пыль въ глаза своею образованностію и начитанностію, но давалъ иногда ужь слишкомъ большую волю своей фантазіи, такъ-что разсказы его теряли совершенно колоритъ правдоподобія и только своею изящностію и художественною отдѣлкою отличались отъ хлестаковскихъ.

Мнѣ показалось даже, послѣ долгаго наблюденія надъ N, что всякое слово его, всякое движеніе, особенно въ многочисленномъ и мало знакомомъ ему обществѣ, было разсчитано на эффектъ. Въ такомъ обществѣ онъ постоянно былъ актеромъ....

Только въ небольшомъ кружку своихъ пріятелей и то изрѣдка, когда пустота жизни ужь начинала слишкомъ томить его, когда всѣ фразы перемалывались на его языкѣ и дѣлались ему самому противными, когда всѣ его великосвѣтскіе успѣхи представлялись ему въ настоящемъ видѣ, онъ на минуту становился искрененъ и съ болью сердца, съ желчью и съ ироніей издѣвался надъ самимъ собою и надъ всѣмъ своимъ поколѣніемъ, участь котораго такъ хорошо угадалъ Лермонтовъ....

Я пересталъ считать N идеаломъ, короче узнавъ его; я не могъ какъ прежде благоговѣть передъ нимъ, но не могъ не любить его, потому что.... я было хотѣлъ сказать, *потому что если онъ не былъ способенъ бороться съ самимъ собою, то по крайней мѣрѣ способенъ былъ страдать отъ этой вѣчной лжи и безпрестанныхъ противорѣчій между своими словами и жизнію*, — но это какъ-то ужь слиш-

комъ фразитеѣ; лучше сказать просто потому, что я самъ вышелъ изъ барченковъ, и не могъ не извинять N и не сочувствовать ему.

Проектъ N объ освобожденіи крестьянъ остался, разумѣется, одной только гуманной фантазіей, какъ и вся жизнь его. Онъ умеръ за годъ до освобожденія крестьянъ, за границей, и до конца его жизни крестьянами его управлялъ тотъ же нѣмецъ, о которомъ я говорилъ выше.

Многія значительныя особы, знавшія его, до сихъ поръ вспоминаютъ объ немъ съ ужасомъ и благодарятъ Бога за то, что Онъ избавилъ Россію отъ такого опаснаго человѣка. Они еще и до сихъ поръ косятся на его пріятелей, переживашихъ его....

Напрасно!.. Глубокомысленныя особы и государственные умы все преувеличиваютъ своимъ боязливымъ и пылкимъ воображеніемъ. Мнѣ разсказывали, что когда одинъ очень почтенный и либеральный господинъ, достигшій слишкомъ рано (по нашимъ понятіямъ) извѣстныхъ степеней, вдругъ свихнулся и началъ говорить и дѣлать Богъ-знаетъ-что, — кто-то, разсказывая объ его продѣлкахъ одной глубокомысленной особѣ, прибавилъ:

— Какъ жаль! онъ, бѣдный, кажется, сходитъ съ ума.

Глубокомысленная особа скорчила недовѣрчивую физіономію и таинственно произнесла:

— Не вѣрю... нѣтъ, этакіе господа съ ума не сходятъ... Они, батюшка, себѣ на умѣ. Это какія нибудь штуки, подъ этимъ кроется какой нибудь замыселъ!

А черезъ день послѣ этого несчастный началъ бросаться на людей, и только тогда глубокомысленныя особы убѣдились дѣйствительно, что онъ сошелъ съ ума...

У насъ вообще признаютъ сумасшедшими только тѣхъ господъ, которыхъ надо уже сажать въ мѣшки... А сколько людей полу-рехнувшихся свободно гуляютъ и разъѣзжаютъ по петербургскимъ улицамъ и притомъ имѣютъ еще репутацію людей очень умныхъ, дѣловыхъ, даровитыхъ, и такъ далѣе.

Но къ чему я потревожилъ N*?.. Онъ давно покоится на одномъ изъ богатыхъ кладбищей, подъ великолѣпнымъ саркофагомъ. Миръ праху его! А живые N (потому что въ нашемъ поколѣніи много такого рода господъ, хотя менѣе его даровитыхъ и блестящихъ) еще будутъ обвинять меня, пожалуй, что я намекалъ на нихъ.

Нѣтъ, я не имѣлъ въ виду никого, я только хотѣлъ сказать, что всѣ мы образованные и гуманнѣйшіе изъ джентльменовъ, и даже лучшіе изъ насъ, болѣе или менѣе краснорѣчиво проболтавши всю жизнь, пройдемъ безслѣдно и безполезно, въ безпрестанныхъ противорѣчіяхъ съ самими собою, рискуя безпрестанно совсѣмъ свихнуть-

ся... И ужъ если русскій джентльменъ свихнется однажды, то ужъ никакіе европейскіе мыслители и философы не спасутъ его!

Вообще, говоря правду, участь наша рѣшена... Приговоръ нашъ подписанъ... Часъ нашъ пробилъ!..

Всѣ эти печальныя мысли навѣяли на меня сѣверные вѣтры, ладожскій ледъ, морозы, голыя, черныя деревья въ маѣ мѣсяцѣ и слухи о томъ, что такой-то умеръ, такой-то сошелъ съ ума... А всѣ эти умершіе и сошедшіе съ ума подавали, говорятъ, большія надежды!

Нешутя, нынѣшнюю весну особенно много слуховъ о сумасшедшихъ, и всѣ эти слухи такъ непріятно подѣйствовали на меня, что я во всѣхъ, начиная съ самого себя, подозрѣваю теперь если не маленькое помѣшательство, то по крайней мѣрѣ нѣкоторую запутанность въ головѣ.

Ко мнѣ явился на-дняхъ господинъ пожилыхъ лѣтъ съ усами и съ марціальной осанкой.

Онъ расшаркался передо мною.

— Что вамъ угодно? спросилъ я.

— Вы пишете подъ именемъ Новаго Поэта?

— Я, отвѣчалъ я со скромностію.

Марціальный господинъ крякнулъ, нахмурилъ бровь и произнесъ скороговоркою:

Кто полезнымъ быть желаетъ
И согражданъ поучаетъ,
Гласу истины внимаетъ,
Тотъ навѣрно уже знаетъ,
Что шутить не подобаетъ.

Проговоривъ это, онъ прибавилъ прозой:

— Извините, это мое мнѣніе, я хотѣлъ лично его сообщить вамъ.

— Покорно васъ благодарю... Только? спросилъ я.

— Нѣтъ-съ, я хотѣлъ еще сообщить вамъ, что я написалъ проэктъ и представилъ его уже одному государственному человѣку — о томъ, что крестьянъ освобождать изъ подъ крѣпостнаго состоянія не слѣдуетъ...

— Вы напрасно безпокоились, возразилъ я:—вы опоздали съ вашимъ проэктомъ, потому что крестьяне уже освобождены.

— Нужды нѣтъ-съ. Позвольте прочесть вамъ проэктъ.

— Извините меня, мнѣ нѣкогда. Я долженъ сейчасъ ѣхать.

— Позвольте передать вкратцѣ,—онъ снова крякнулъ.

И не дожидаясь моего согласія, началъ безъ запинки:

«Въ послѣднее время многіе писатели и мыслители, изъ коихъ

мы поименуемъ, между прочимъ, г. Бланка, неоспоримо доказали, что крѣпостное право есть не только зло, но благодѣяніе для россійскаго народа, ибо 1)...»

Онъ говорилъ минуты три, какъ школьникъ хорошо вызубренный урокъ.

— Извините, мнѣ некогда, перебилъ я...

— Позвольте мнѣ еще прочесть вамъ мои стихи къ современности...

Ото сна я пробудился,
На Парнасѣ очутился...

— Извините, мнѣ некогда, повторилъ я рѣшительнѣе...

Марціальный господинъ покрутилъ усъ и сказалъ: «ну, стихи я вамъ послѣ прочту, а знаете ли, вѣдь я началъ стихами писать только что нынѣшнею весною... Ей-Богу, вдругъ!

Я насилу спровадилъ отъ себя этого господина... «Бѣдный!» подумалъ я, — это одна изъ жертвъ нынѣшней весны... Вѣроятно, не долго ему придется гулять на волѣ.

«Посадятъ на цѣпь...» и такъ далѣе.

Искусственная весна, выведенная въ теплицахъ и оранжереяхъ и помѣщавшаяся въ манежѣ противъ зимняго дворца, подъ именемъ *цвѣточной выставки*, въ нынѣшнемъ году была такъ же хороша, какъ и въ прошедшіе годы... Садъ нынѣшней выставки былъ расположенъ очень искусно, но несравненно проще прошлогодняго, безъ излишнихъ холмовъ, мостовъ и проч.

Весеннее небо хмурилось, какъ осеннее, и мрачно смотрѣло въ узкія окна манежа — на допотопныя цикадіи, гигантскія лиліи, кедры, различные папоротники, азаліи, рододендроны, бамбуки и т. д.

Ладожскій ледъ былъ въ Невѣ до 10 мая. Троицкій мостъ наведенъ только 17 мая. Вотъ любопытный перечень всѣхъ проказъ, учиненныхъ нынѣшнимъ ладожскимъ льдомъ:

«Съ 4-го по 8-е число мая, отъ шедшаго по р. Невѣ льда произошли слѣдующія поврежденія: затопило у хлѣбной пристани 8 барокъ и 5 лодокъ, нагруженныхъ хлѣбнымъ товаромъ на сумму до 22,000 руб., принадлежащихъ разнымъ лицамъ, но весь товаръ спасенъ и выгруженъ на берегъ; повредило на пристани набережную и на сѣнной биржѣ затопило двѣ сѣнныя барки; у пристани сѣвернаго пароходства повредило у парохода кожухъ; отъ берега противъ кавалергардскихъ казармъ, оторвало пустую барку, которая и остановлена у Николаевскаго моста; оторвало стоявшую у Адмиралтейства купальную ванну, принесло ее къ Николаевскому мосту и нава-

било на быки, гдѣ она и сломана; повредило стоявшія у Прачечнаго моста двѣ дровяныя барки, потопило четыре плашкоута Дворцоваго моста, прочіе плашкоуты сильно повредило, а также повредило двѣ купальныя ванны, стоящія противъ 1-го кадетскаго корпуса; сорвало съ якорей стоявшіе ниже Николаевскаго моста, у берега Васильевскаго острова, 7 катеровъ, изъ коихъ 4 унесло внизъ, одинъ затонулъ противъ горнаго института, а два навалило на частный пароходъ. Означенные катера, при сносѣ ихъ, повредили двѣ финляндскія пароходныя пристани и сдѣлали у двухъ пароходовъ, стоявшихъ близь пристаней, незначительныя поврежденія; затонули у Рижской пристани два судна съ каменнымъ углемъ; у одного частнаго парохода повредило бортъ, сдвинуло съ мѣста рижскую пристань; причемъ сломало у нея трапъ и береговыя упорныя балки, а бушпритомъ стоявшаго близь нея финляндскаго судна пробило стѣну и сдѣлало другія поврежденія. На Черной рѣчкѣ, у Нарвской части, повредило у моста, ведущаго на Гутуевскій островъ, сваи. У большого Крестовскаго моста повредило два ледорѣза, отъ берега Крестовскаго острова оторвало ванну и нанесло ее на Петербурго-крестовскій мостъ, но вреда мосту не причинило. — 6-го мая въ 8 часовъ вечера, работники содержателя тони, мѣщанина Ларіонова, крестьяне Василій Александровъ и Григорій Якимовъ и мѣщанинъ Андрей Аѳанасьевъ, переѣзжая на лодкѣ чрезъ р. Неву, со стороны Литейной части, на Выборгскую сторону, взяли съ собою нѣсколько человѣкъ пассажировъ и у Лѣтняго моста были затерты льдомъ; но всѣ спасены людьми михайловскаго артиллерійскаго училища.— Въ ночь на 6-е мая, Рождественской части, на рѣкѣ Невѣ, оторвало напоромъ льда стоявшую на причалѣ лодку съ кирпичемъ, принадлежащую государственному крестьянину Павлу Михайлову, и проломило ей бокъ, отчего она, отплывъ нѣсколько саженъ, утонула; бывшіе на ней люди спаслись. — 6-го мая вечеромъ, рыбаки крестьяне: Филиппъ Матвѣевъ и Ѳедоръ Карповъ, на рѣкѣ Невѣ, у берега Литейной части, посадивъ въ лодку свою для перевоза на Выборгскую сторону 11 человѣкъ пассажировъ, въ числѣ коихъ находились прикомандированные къ артиллерійскому училищу прапорщики: Никоферaки и Забусовъ, отплыли отъ берега, но на срединѣ Невы были остановлены наплывшею на нихъ льдиною, которою и снесло ихъ въ рѣку Большую невку, а тамъ совершенно затерло льдомъ. Для спасенія этихъ людей, по распоряженію смотрителя пеньковаго буяна Артемьева, тотчасъ же вольнонаемными сторожами буяна были наложены по льду доски, по которымъ всѣ пассажиры и рыбаки перебрались на берегъ.—7-го мая, въ 7 часовъ пополудни, Васильевской части, по рѣкѣ Невѣ несло льдомъ тихвинку, на которой нахо-

дились купеческій внукъ Дмитрій Дехтеревъ и иностранецъ Петръ Моисенъ, но посредствомъ каната, брошеннаго съ Николаевскаго моста, люди эти спасены.

Екатерингофское гулянье выходящее, впрочемъ, изъ моды, было очень печально въ нынѣшнемъ году. Обычныя весеннія прогулки въ Лѣтнемъ саду начались послѣ 10 мая.

Майскій парадъ, который всегда бываетъ въ апрѣлѣ, въ нынѣшнемъ году могъ назваться дѣйствительно майскимъ, потому что онъ былъ 2 мая... Множество публики стеклось на это блистательное зрѣлище, потому что въ этотъ день погода была довольно теплая... Павловскій воксалъ открылся 14 мая, и Штраусъ снова появился на эстрадѣ, къ великой радости своихъ павловскихъ обожательницъ... На островахъ только что началось катанье... Въ Павловскомъ воксалѣ открытъ кабинетъ для чтенія, въ которомъ получаются всѣ русскіе журналы и многіе иностранные.

Ни одно изъ загородныхъ увеселительныхъ заведеній на островахъ еще не открыто. Знаменитыя минеральныя воды находятся въ спорѣ... и когда они откроются, и откроются ли — это еще неизвѣстно. Какой-то г. Кутуевъ, говорятъ, оспориваетъ права на это заведеніе у г. Излера, переданныя г. Излеру какимъ-то господиномъ...

Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ?..

Во второй половинѣ мая сдѣлалось потеплѣе, деревья начинаютъ зеленѣть, а городъ пустѣть...

И слава Богу! Пора вонъ изъ него... и поскорѣй отъ этихъ чудовищныхъ мостовыхъ, отъ этой удушающей пыли, и такъ далѣе, и такъ далѣе...

Г. Васильевъ, инженеръ корпуса путей сообщенія, издалъ недавно двѣ брошюры. 1) Матеріалъ для проэкта мостовыхъ и сточныхъ трубъ въ городахъ и преимущественно въ С. Петербургѣ, и 2) Способы и средства для сохраненія здороваго воздуха въ городахъ и населенныхъ мѣстахъ и примѣненіе ихъ къ С.-Петербургу.

Изъ послѣдней брошюры мы выпишемъ то, что относится къ Петербургу.

«Если забудемъ на минуту», говоритъ г. Васильевъ, «обманывающую насъ, роскошную внѣшность С. Петербурга и обратимся къ неложному сознанію фактовъ общественнаго здравія и жизни, то придемъ къ весьма невыгодному заключенію. Если разобщить С.-Петербургъ со всею имперіею, то есть, если воспрепятствовать прибыли населенія отъ пріѣзжихъ изъ другихъ мѣстъ, то ежегодный избытокъ смерти надъ рожденіемъ въ 5,000 человѣкъ, по среднему

выводу за послѣднія 10 лѣтъ, покажетъ намъ, что населеніе С.-Петербурга, при настоящихъ условіяхъ въ немъ жизни, не болѣе какъ въ 2 столѣтія, должно бы было уменьшиться въ 10 разъ.

«Улучшить такія невыгодныя условія жизни С.-Петербурга можно; наукою все нужное для того выработано; опыты въ другихъ городахъ въ томъ несомнѣнно удостовѣряютъ, но на полное устраненіе ихъ въ настоящее время разсчитывать трудно, и необходимость заставляетъ ограничиться только нѣкоторыми вспомогательными средствами.

«Средства въ этомъ случаѣ могутъ быть также механическіе или химическіе. Выборъ ихъ зависитъ много отъ системы сточныхъ трубъ, которая будетъ окончательно избрана для С.-Петербурга, системы, *закрытой* или *свободной*.

«Если будетъ утверждена *свободная*, съ введеніемъ которой впослѣдствіи уничтожатся выгребы и помойныя ямы, то для очищенія воздуха въ настоящее время есть одно только средство: дезенфекція нечистотъ въ выгребныхъ и помойныхъ ямахъ, веществами химическими, но употребленіе ихъ слѣдуетъ сдѣлать болѣе основательнымъ и постояннымъ. Для этого нужно, независимо отъ монопольной ждановской жидкости, испробовать и другія средства и съ болѣе дешевыми ознакомить жителей, составить надлежащія инструкціи, за отступленіе отъ которыхъ, виновныхъ подвергать денежному штрафу.

«Если же будетъ назначена система закрытая, то положительно зная это, можно сверхъ того начать теперь же приглашать гг. домовладѣльцевъ къ устройству выгребовъ и ямъ каменныхъ, непроницаемыхъ съ раздѣлительными приборами, можно теперь же вводить улучшенные способы очистки трубъ и выгребовъ съ отвозкою нечистотъ, въ герметически закрытыхъ снарядахъ (*).

«Кромѣ того, какая бы ни была избрана для С.-Петербурга система сточныхъ трубъ, по мѣстнымъ условіямъ ее необходимо пополнить двумя дренажными линіями въ каждой улицѣ; къ этимъ главнымъ линіямъ могутъ примыкать линіи частныя, огибающія фундаменты домовъ; слѣдовательно осушающія и стѣны и дворы. Устройство дренажныхъ такихъ линій, составляя часть общаго проэкта улучшенія улицъ, можетъ быть устроиваемо отдѣльно стоимостью, на длинѣ 1 версты улицы, не дороже 3,000 руб.; въ болѣе населенныхъ частяхъ теперь же можетъ быть также постепенно вводимо, безъ особыхъ значительныхъ экстраординарныхъ расходовъ.

(*) «Въ пневматическихъ подвижныхъ камерахъ по образцу употребляемыхъ въ Туринѣ и Миланѣ.»

Между тѣмъ устройство дренажа уже будетъ одно изъ средствъ, основательно дѣйствующихъ для осушенія грунта.

«Если почти всѣ правительства европейскихъ государствъ покровительствовали и дѣлали ссуды своимъ подданнымъ десятками милліоновъ (*) для распространенія дренажа, въ видахъ частныхъ выгодъ и общей пользы, проистекающей изъ того для государства, то нѣтъ сомнѣнія, что по убѣжденіи въ пользѣ и возможности постепеннаго дренированія С.-Петербурга и у насъ, для улучшенія въ немъ общественнаго здравія, городская дума изыщетъ небольшія ежегодныя средства.

«Кромѣ того слѣдуетъ обратить особенное вниманіе въ настоящее время на соблюденіе чистоты въ дворахъ и улицахъ, для чего очистка и свозка грязи должны быть болѣе тщательны; для уменьшенія же образованія количества такой грязи, необходимо улучшить способы мощенія улицъ, и въ особенности требовать подъ ними надлежащаго основанія, безъ котораго онѣ никогда не будутъ прочными. Стараться какъ можно скорѣе замостить пространства еще незамощенныя. Воспретить, при очисткѣ подземныхъ уличныхъ трубъ, выбрасываніе нечистотъ на мостовую, но ввести для этого особые подвижные крытые ящики, въ которые жидкія нечистоты изъ трубъ должны наливаться бадьями и работу эту, какъ нечистую, наравнѣ съ прочими подобными, производить преимущественно ночью. Въ нѣкоторыхъ многоѣзжихъ улицахъ, лѣтомъ, для уничтоженія пыли, ввести поливку, цѣнность которой въ оптовомъ видѣ обойдется не дороже 30 коп. за 100 квадр. саж. въ день; считая поливъ самымъ обильнымъ, то есть по ³/₄ ведра на сажень. На кладбищахъ сдѣлать возможное пониженіе горизонта грунтовыхъ водъ.

«Между всѣми этими предположеніями, дренированіе грунта имѣетъ безотлагательную важность. Съ открытіемъ дѣйствія общества водопроводовъ, употребленіе воды значительно увеличится; употребленная же въ дѣло вода, сдѣлавшись нечистою, куда будетъ выпускаться? Въ городскія трубы не пустятъ водочистительные колодцы. Кромѣ того впускъ нечистой воды въ трубы воспрещается закономъ, а если и впустится въ нихъ вода, достаточна ли будетъ тогда настоящая вмѣстимость трубъ для нея? Вотъ вопросы, о которыхъ необходимо теперь подумать. Вѣрнѣе же всего, что при неотвратимомъ засоренномъ ихъ состояніи безъ дренажа и для нея будетъ одинъ и тотъ же резервуаръ — почва С. Петербурга, со всѣми гибельными оттого послѣдствіями для общественнаго здравія. На

(*) «Въ Англіи дано 50,000,000 р., во Франціи — 25,000,000 р. сер.»

сторонахъ Выборгской и Петербургской, гдѣ мѣстные жители такъ много терпятъ отъ непрокладки сточныхъ трубъ, дренажъ, какъ болѣе дешевое средство, можетъ принести также значительную пользу; по крайней мѣрѣ съ устройствомъ его сдѣлается справедливымъ требованіе мостовыхъ, гдѣ таковыхъ еще нѣтъ.

«Въ настоящее время возбужденъ вопросъ объ устройствѣ публичныхъ писсуаровъ въ С. Петербургѣ; рѣшеніе его также встрѣчаетъ камень преткновенія въ системѣ городскихъ стоковъ. Пускать жидкую нечистоту въ трубы нельзя по закону; извлеченіе и отвозка цѣнны и требуютъ большой акуратности. Я полагаю въ настоящее время въ этомъ случаѣ лучше всего употребить способъ англійскій — дезенфекцію мочи известью, при чемъ осадокъ мочевинно-кислой извести, получаемый въ особомъ отдѣленіи выгреба, въ видѣ твердаго тѣла, будетъ извлекаться и отвозиться за городъ; воду же очищенную известью, особымъ рукавомъ можно пускать прямо въ городской водостокъ.

«Вообще же дѣло осушенія и очищенія почвы С. Петербурга должно было быть первымъ приступомъ для улучшенія въ немъ жизни во всѣхъ отношеніяхъ; и какія бы затрудненія при этомъ не встрѣтились, мы должны ихъ побѣдить.»

Нельзя не быть благодарнымъ г. Васильеву за разработываніе насущныхъ вопросовъ для устройства Петербурга... Скоро ли будетъ суждено осуществиться всѣмъ этимъ прекраснымъ проэктамъ? А пора бы!...

Говоря о юбилѣѣ г. Сосницкаго («Совр. 3 №, стр. 164, Замѣтки Новаго Поэта) мы по ошибкѣ сказали, что актеръ нѣмецкой труппы *Голандъ* произносилъ рѣчь юбиляру. Это былъ не Голандъ, а извѣстный актеръ нѣмецкой труппы — г. Александръ *Толлертъ*.

Вотъ пріятная новость:

Левъ Михайловичъ Жемчужниковъ, извѣстный нашъ художникъ, предпринимаетъ изданіе рисунковъ «изъ южно-русской природы и жизни».

Вотъ что онъ говоритъ, объявляя о своемъ изданіи:

«Во время своихъ путешествій по разнымъ частямъ Россіи, я собиралъ народныя сказки, преданія, повѣрья и пѣсни, а также старался схватить особенности лицъ и одеждъ, различныя мѣстности и проявленія архитектурнаго вкуса, доказывающія возможность существованія нашего самобытнаго народнаго зодчества. Изъ собраннаго мною запаса рисунковъ и замѣтокъ я издаю тѣ, которыя относятся до Украйны, надѣясь этимъ принести пользу, сколько-нибудь ускоривъ изученіе нашей народности.

«Если это собраніе рисунковъ заслужитъ вниманіе хотя немно-

гихъ просвѣщенныхъ любителей южно-русской народности, — еще-ли мой трудъ пробудитъ искреннее сочувствіе хотя бы въ одномъ сердцѣ и *положитъ начало новому, болѣе обширному собранію,* — то цѣль моя достигнута.

«Для доставленія предлагаемому изданію бóльшей достовѣрности и для облегченія любителямъ наводить справки, — при каждомъ рисункѣ будетъ указаніе — съ чего и когда онъ сдѣланъ. О художественномъ достоинствѣ рисунковъ — буду стараться по мѣрѣ силъ.

«Какъ было бы любопытно увидѣть теперь подобное собраніе рисунковъ не только изъ жизни отдаленныхъ временъ козачества, но и гораздо позднѣйшихъ! Какая это была бы подмога теперь для историческихъ картинъ, для этнографіи, археологіи и самой исторіи! Иногда бездѣлица объясняетъ цѣлый рядъ вѣрованій и историческаго развитія.

«Трудъ мой не есть спеціальное изданіе древностей, археологіи, или народной архитектуры: сюда войдетъ все это, какъ часть цѣлаго, въ связи съ современною жизнію, — какъ впечатлѣнія путешественника. Собирая рисунки, я не всегда имѣлъ возможность оканчивать ихъ на мѣстѣ, а потому они и будутъ передаваемы въ томъ видѣ, въ какомъ были сдѣланы, безъ малѣйшаго дополненія или измѣненія. Я дорожилъ чертою, которую добылъ съ натуры, и не дозволялъ себѣ дальнѣйшаго окончанія въ кабинетѣ, боясь впасть въ ошибки отъ самовластныхъ догадокъ.

«Я буду благодаренъ каждому за всякое дѣльное замѣчаніе, а тѣмъ болѣе — за доставленіе мнѣ рисунковъ современныхъ ли, съ натуры, или старинныхъ; но прошу *точно* указывать — гдѣ рисунки собраны, отъ кого получены, въ какое время, съ чего сняты и даже при какихъ обстоятельствахъ. Поясненія къ рисункамъ, иногда довольно пространныя, будутъ, по мѣрѣ надобности, помѣщаемы въ южно-русскомъ литературно-ученомъ вѣстникѣ «Основа».

«Я готовъ помѣщать въ своемъ изданіи также и произведенія художниковъ, изображающія мѣстность и жизнь южно-русскую, но только тогда, когда буду имѣть возможность—сдѣлать съ оригинала снимокъ самый точный, вполнѣ передающій мысль и чувство художника.

«Рисунки будутъ выходить по два рисунка каждый мѣсяцъ. Хотя выпускъ рисунковъ начнется съ апрѣля, но въ теченіе года выйдутъ всѣ 24 рисунка.

«Имѣя прямое сношеніе съ Парижемъ и получая матеріалъ оттуда изъ первыхъ рукъ, рисуя, гравируя и печатая самъ,—я избавляюсь отъ большихъ издержекъ, и потому могу избавить и публику отъ лишняго расхода, назначая цѣну: *4 р. сер. съ пересылкою* за го-

ловое изданіе, состоящее изъ 24-хъ рисунковъ, *для тѣхъ лицъ, которыя подписались на «Основу»*, а для прочихъ—*5 р. сер. безъ пересылки* и *6 р. сер. съ пересылкой*; отдѣльно, за каждый рисунокъ—30 коп. сер., а за всѣ 24 рисунка вмѣстѣ, когда они будутъ изданы, назначится цѣна *6 р. сер. безъ пересылки*.

«Всѣ рисунки будутъ гравированы на мѣди, отпечатаны на китайской бумагѣ и наклеены на толстую, бѣлую, лучшую французскую бумагу, въ размѣрѣ «Основы». Иногородные будутъ получать рисунки ежемѣсячно».

Г. Жемчужниковъ назвалъ свое изданіе: *Живописной Украйной*, въ память Шевченка, который нѣкогда издалъ альбомъ рисунковъ подъ этимъ именемъ.

Г. Жемчужниковымъ изданы четыре рисунка, составляющіе первый выпускъ:

1) Заглавный листокъ, изображающій форму дверей (изъ двери въ сѣни).

2) *Козачій судъ въ Черноморьи*; рисовалъ съ натуры, въ 1850 г., А. Е. Бейдеманъ; онъ же и гравировалъ.

3) *«Дивчина въ дрибушкахъ»*, съ рисунка И. И. Соколова, гравировалъ Л. Жемчужниковъ.

4) *«Бабуся въ намиткѣ»*, съ рисунка И. И. Соколова.

Нельзя не обратить особеннаго вниманія нашихъ читателей на это замѣчательное изданіе, которому мы желаемъ полнаго успѣха.

ИЗЪ БЕРЛИНА.

ДОРОГА ОТЪ ПЕТЕРБУРГА. — КЕНИГСБЕРГЪ. — ПЕРВЫЕ ВЕСЕННІЕ ДНИ. — ПОЛИЦЕЙСКІЙ СКАНДАЛЪ. — ПАРЛАМЕНТСКІЯ ЗАСѢДАНІЯ. — СКУДОСТЬ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ НОВОСТЕЙ. — ПЕРЕПИСКА РАХЕЛИ СЪ ДАВИДОМЪ ФЕЙТОМЪ. — ДВА СЛОВА О НѢМЕЦКИХЪ ЖЕНЩИНАХЪ. — ПЕРЕПИСКА ГЕЙНЕ И ПОЛЕМИКА ШТЕЙНМАНА. — УМЕРШІЙ СВИДѢТЕЛЬ. — ЗНАКОМСТВО СЪ АУЭРБАХОМЪ.

... Вмѣсто тепла и зелени, которыхъ мы ждали за Динабургомъ, насъ обсыпало снѣгомъ, и на встрѣчу быстро несшейся почтовой каретѣ попадались еще совсѣмъ голые пирамидальные тополи, очень похожіе въ этомъ видѣ на громадные пучки розогъ. Нельзя сказать, чтобы переѣздъ отъ Динабурга, гдѣ перерывается желѣзная дорога, до Ковно, гдѣ она опять начинается, былъ пріятенъ и удобенъ. Почтовая карета кажется особенно тряскою, если пересѣсть въ нее изъ спокойнаго вагона; а намъ пришлось провести въ ней всю ночь, и разумѣется не спать, а только чутко дремать. Переправа черезъ Двину не обѣщала, что мы поспѣемъ вовремя и къ ковенскому поѣзду. Несмотря на шумъ, гамъ и суетливый крикъ перевозчиковъ-жидовъ, или лучше сказать именно отъ этого шума и гама мы чуть не шесть часовъ провели на паромѣ, подъ холоднымъ и пронзительнымъ вѣтромъ. Берегъ былъ уже въ двухъ шагахъ, какъ насъ отшибло назадъ; перевозчики не съумѣли справиться, — и намъ пришлось два раза переправляться съ неимовѣрными усиліями цѣлой толпы крикливаго народу. Хорошія лошади выручили насъ потомъ, — и мы пріѣхали въ Ковно какъ-разъ во время, за полчаса до отправленія поѣзда. Въ Эйдкуненѣ насъ очень любезно и безъ всякихъ придирокъ осмотрѣли прусскіе таможенные чиновники, и часа въ три по полудни или около того на третій день послѣ выѣзда изъ Петербурга мы были въ Кёнигсбергѣ, гдѣ мож-

но было наконецъ отдохнуть отъ утомительной и почти безсонной дороги. Здѣсь было уже довольно тепло, довольно зелено, и по случаю праздника вознесенья (9-е мая, по нашему 27-е апрѣля) студенты, филистеры и прусскіе воины шли по улицамъ, съ дамами и безъ дамъ, за городъ, на гулянье. За сѣрыми городскими стѣнами есть гдѣ погулять кёнигсбергцамъ, и насладиться весеннимъ воздухомъ и пивомъ. Зеленыя аллеи этихъ довольно скромныхъ кёнигсбергскихъ парковъ, съ не менѣе скромными кофейнями, пивными и ресторацiями на каждомъ шагу и по обѣимъ сторонамъ, были единственнымъ предметомъ, который занялъ меня тутъ на полчаса и послѣ дорожной усталости. Осматривать другія достопримѣчательности города мнѣ казалось совершенно излишнею заботою; да и что̀ за достопримѣчательности въ Кёнигсбергѣ? Если же онѣ есть, то о нихъ вѣрно разсказано у Карамзина, въ «Письмахъ русскаго путешественника» или у г. Греча въ его «Дорожныхъ Письмахъ»; гдѣ-то разсказано, но гдѣ именно, не помню: тамъ и можно прочитать, если понадобится. И такъ, не смотря на то, что Кёнигсбергъ видѣлъ я въ первый разъ, я не хотѣлъ отыскивать въ его узкихъ, стариннаго вида улицахъ, идущихъ то въ гору, то подъ гору, ни вѣчной принадлежности каждаго нѣмецкаго города и городка — Stadtmuseum'а, ни спеціальнаго преимущества города Кенигсберга — дома, гдѣ родился знаменитый философъ Кантъ. Нѣтъ сомнѣнія, что не будь на желѣзной дорогѣ отъ Петербурга до границы перерыва на двѣсти верстъ, я и не остановился бы на родинѣ «Критики чистаго разума», а проѣхалъ бы прямо въ Берлинъ, откуда и пишу къ вамъ теперь.

Здѣсь уже совсѣмъ весна, даже больше — жаркое лѣто. Въ первый день пріѣзда сюда, то-есть 10 мая, глядя на толпы, пестро и шумно идущія «подъ липами» за Бранденбургскія ворота, въ такъ называемый «звѣринецъ» (Thiergarten), любоваться молодою зеленью, я готовъ еще былъ повторять начальный монологъ Фауста въ первый весеній день, за городскими воротами. Сегодня, когда пыль успѣла уже порядкомъ насѣсть на липы, мнѣ хочется сказать съ Гейне: «Verlass Berlin mit seinem dicken Sande!» и уѣхать—разумѣется, не въ Индію, куда онъ приглашаетъ и гдѣ конечно еще болѣе песку, а куда-нибудь въ менѣе людное и менѣе пыльное мѣсто, что̀ я вѣроятно и сдѣлаю завтра. Впрочемъ, я началъ свое письмо не съ тѣмъ, чтобы разсказывать вамъ свой маршрутъ и впечатлѣнія, какія производитъ на меня погода. Надо сообщить вамъ что-нибудь болѣе интересное о Берлинѣ. Вы хотите знать, что̀ здѣсь новаго въ политикѣ, въ литературѣ. Очень немного, но все-таки кое-что есть.

Всѣ говорятъ теперь объ исторіи съ «полицейскимъ полковникомъ», Пацке, прусскимъ родственникомъ разныхъ фейеровъ и живо-

глотовъ Щварина. Титулъ «полицейскаго полковника» (Polizei-obrist) очень страненъ: говорятъ, что Пацке первый носилъ его, и вѣроятно послѣ настоящей исторіи его совсѣмъ отмѣнятъ. Это нѣчто въ родѣ помощника оберъ-полицеймейстера, или директора полиціи. Но въ чемъ же исторія? Подобно многимъ героямъ «Губернскихъ очерковъ,» прусскій полковникъ началъ свою карьеру очень скромнымъ образомъ: у него не было ни гроша за душой, когда онъ опредѣлился въ полицію; за женой не взялъ онъ тоже ни полушки,—и вдругъ оказывается, что онъ пріобрѣлъ «на имя жены» (это видно и здѣсь можно) очень изрядное имѣньице гдѣ-то im Meklenburgischen, и что въ бумажникѣ у него есть тысячъ десять, двѣнадцать на мелкіе расходы. Сумма довольно пріятная, если сообразить скромный окладъ жалованья, которое онъ получалъ. Какъ съумѣлъ онъ накопить ее и сдѣлаться мекленбургскимъ помѣщикомъ, вѣроятно навсегда осталось бы скрытно подъ непроницаемымъ покровомъ оффиціальной тайны, еслибъ одному неудачному литератору не вздумалось поискать хоть гдѣ-нибудь въ темныхъ углахъ берлинской полиціи такого «сюжетца», который затронулъ бы публику за живое и заставилъ раскупить хоть одно изъ нечитаемыхъ ею произведеній. Разсчетъ былъ вѣренъ, и двѣ брошюры, которыя издалъ Эйхгофъ, произвели желанный эффектъ. Хоть ихъ и конфисковали, но авторъ все-таки вѣрно взялъ свое (*). «Силуэты берлинской полиціи» (такъ названы брошюры) подняли гвалтъ не только въ публикѣ, но и повыше. Впрочемъ, надо сказать, что онѣ явились не разомъ. Первая брошюра показалась клеветой тѣмъ, для кого важно, чтобы не обо всемъ и правда говорилась. По этому случаю было произнесено самимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Шверинымъ нѣсколько успокоительныхъ для полиціи словъ, что дескать нечего обращать вниманіе на злонамѣренные толки и что нѣтъ сомнѣнія, что въ полиціи «служатъ все люди достойные, и себя безподобно ведутъ». Оставалось только сказать: «я, молъ, ручаюсь за честность всѣхъ чиновниковъ моего вѣдомства», — и я не могу поручиться, что этого золотого изрѣченія не было произнесено въ данномъ случаѣ. Но въ первой брошюрѣ были только цвѣточки, во второй явились уже ягодки, и оставить дѣло безъ изслѣдованія оказывалось невозможнымъ. Обвиненіе касалось очень щекотливыхъ обстоятельствъ: растраты суммъ, опредѣленныхъ на содержаніе жандармовъ, фальшивыхъ счетовъ и отчетовъ, и проч. Два мелкихъ полицейскихъ офицера,

---

(*) Я узналъ, когда письмо мое было уже дописано, что Эйхгофъ ничего не получилъ отъ своихъ брошюръ, и будучи принужденъ удалиться отъ непріятностей въ Лондонъ, находится въ очень стѣсненномъ положеніи. Редакція «Volks-Zeitung» собирается открыть подписку въ его пользу.

которыхъ ближе всего было допросить первыхъ, показали на допросѣ, что они только исполнители высшей воли, что если кто виноватъ въ злоупотребленіяхъ, такъ это самъ «полицейскій полковникъ». Графъ Шверинъ, не смотря на выгодное мнѣніе о своихъ подчиненныхъ, опять таки не могъ оставить и Пацке неприкосновеннымъ къ дѣлу. По городу быстро распространился и былъ подхваченъ на лету всѣми газетами слухъ, что Пацке, не говоря о другихъ подвигахъ помельче, получалъ ежегодно съ 1849 года деньги на содержаніе, обмундировку, ремонтъ и проч. цѣлой *сотни* жандармовъ, которыхъ вовсе не существовало въ натурѣ и которые числились только въ шнуровыхъ полицейскихъ книгахъ. Графъ Шверинъ отдалъ приказаніе президенту или директору полиціи Цедлицу арестовать Пацке. Но вотъ тутъ-то, какъ говоритъ почтмейстеръ въ «Мертвыхъ душахъ», тутъ-то и начинается «нить завязки романа». До какихъ градусовъ бюрократической высоты поднимается эта нить, неизвѣстно; но трудно думать, чтобы главнымъ виновникомъ всего дѣла былъ Пацке. И вотъ почему трудно это думать. Баронъ Цедлицъ, вмѣсто того, чтобы, по приказанію министра, арестовать обвиненнаго немедленно, согласился на просьбу Пацке — отсрочить арестъ на день. Этого срока было совершенно довольно, чтобы дать «полицейскому полковнику» возможность улизнуть. Одинъ изъ пріятелей его въ полиціи, и вѣроятно человѣкъ не совсѣмъ чуждый его подвигамъ, тотчасъ добылъ ему фальшивый паспортъ въ Данію, — и Пацке, подъ видомъ датскаго купца, черезъ два дня оказался уже за моремъ, въ шведскомъ городѣ Истадѣ. Въ одномъ онъ промахнулся. Паспортъ былъ написанъ только для одной Даніи, а онъ поѣхалъ черезъ Швецію. Телеграфы успѣли уже разнести повсюду вѣсть о побѣгѣ, и Пацке тотчасъ же изловили въ Истадѣ и отправили въ его родную Пруссію. Не всякому тріумфатору удается собрать вокругъ себя такую густую толпу, какая вышла встрѣчать «полицейскаго полковника» на пристань въ Любекѣ, какая собралась потомъ въ Гамбургѣ и наконецъ въ Берлинѣ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Для бывшаго стража порядка и благочинія шумныя толпы, ожидавшія его прибытія, приготовили впрочемъ не вѣнки и не букеты. Всѣ запаслись очень здоровыми дубинками и палками, — и Пацке пришлось бы довольно солоно, если бъ полиція не взяла его подъ свое крыло, такъ долго его согрѣвавшее. Тайкомъ, задними дворами, въ глухой каретѣ, провозили его, чтобы спасти отъ заслуженныхъ обидъ. Въ Берлинѣ даже не рѣшились высадить его на станціи желѣзной дороги, а высадили не доѣзжая и привезли на лошадяхъ. Вышедшій третьяго дня нумеръ сатирической газеты «Kladderadatsch» посвященъ весь

подвигамъ Пацке. Особенно удачна пародія извѣстнаго «Ночнаго смотра» Цедлица, переведеннаго Жуковскимъ. Самое имя Цедлица въ заглавіи пришлось очень кстати. «Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ» встаютъ сто жандармовъ изъ своей могилы — шнуровой книги, и въ мундирахъ, сотканныхъ изъ голубаго эфира, мчатся на руммельбургское поле — совершать свои экзерциціи. «Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ» встаетъ съ постели и полковникъ, надѣваетъ шлемъ, шпагу и эполеты, и на одной изъ тѣхъ фантастическихъ лошадей, на которыхъ издавна такъ аккуратно получается и выписывается въ расходъ фуражъ, отправляется тоже на мѣсто экзерцицій своего фантастическаго войска. Тамъ заставляетъ онъ своихъ сто жандармовъ производить разныя эволюціи и въ одиночку и en masse. «Они должны осматривать паспорты и виды на жительство. Онъ упражняетъ ихъ въ арестахъ и во всемъ прочемъ, что потребно настоящимъ хранителямъ порядка, натравливаетъ на жидовъ и литераторовъ. Живьемъ хватаютъ они демократовъ; разгоняютъ беззаботныя клубы и собранія», и проч. Но только пробьетъ часъ на ближайшей башнѣ, гордо сидѣвшій на конѣ полковникъ оказывается сидящимъ подъ замкомъ, а ста жандармовъ и ихъ коней вовсе не оказывается.

«Das ist die nächtliche Runde
Im Rummelsburger Feld,
Die um die zwöfte Stunde
Der selige Patzke hält.»

По поводу этой исторіи можно бы пуститься, слѣдуя примѣру нѣмецкихъ газетъ, въ очень серьёзныя и обстоятельныя разсужденія: почему и какъ могли встрѣтиться подобныя злоупотребленія въ берлинской полиціи подъ управленіемъ графа Шверина, который, какъ извѣстно, принадлежитъ къ дѣятелямъ такъ-называемой «новой системы»; можно бы очень краснорѣчиво заняться доказательствомъ, что «новая» система никогда не достигнетъ своей цѣли и даже вовсе не будетъ новою, если останется въ рукахъ «старыхъ» людей, и проч. и проч. Но эти душеспасительныя разсужденія, также какъ и догадки, останется ли графъ Шверинъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а баронъ Цедлицъ — директоромъ полиціи, будутъ вѣроятно повторены очень подробно нашими газетами, и тамъ можно будетъ любителямъ политическихъ тонкостей найдти объясненіе, какъ могутъ уживаться съ новою системой древнія дѣянія, и доводы, почему теперешняя система прусскаго управленія — новая система, и взгляды о томъ, какъ горестны злодѣянія à la Пацке «въ наше время, когда» и т. д. (Знаменитая фраза эта очень часто стоитъ теперь во главѣ журнальныхъ и газетныхъ статей въ Прус-

сіи). Мнѣ кажется, изъ всего дѣла Пацке можно и слѣдуетъ вывести только одну мораль. Болѣе десяти лѣтъ недоставало въ берлинской полиціи ста блюстителей общественнаго порядка и спокойствія, ста хранителей священныхъ интересовъ семейства и собственности, которые считались необходимыми, — и этого недостатка никто не замѣчалъ, и спокойствіе не было нарушено, и семейство и собственность оставались безопасными, и Пруссія не провалилась сквозь землю. Стало быть, въ этихъ ста воинахъ вовсе не было никакой надобности. Пацке, вѣроятно, тонкій философъ, давно смекнулъ то, что только теперь должно невольно представиться неоспоримой истиной для всѣхъ, и то по его же милости. Удивительно, какъ это ни одна либеральная газета не заступится за принципы злополучнаго «полковника»; я думаю, это происходитъ только въ отместку за его прежнюю нелюбовь ко всякого рода печатнымъ листамъ, будь это непозволительное воззваніе какого нибудь демагога или офиціальный отчетъ о блестящихъ дѣйствіяхъ берлинской полиціи.

Говорятъ, что слѣдственная коммиссія, занимающаяся разборомъ дѣла Пацке, не хочетъ измѣнять нелюбви ея подсудимаго къ печатному слову, и офиціальные отчеты о дѣяніяхъ «полицейскаго полковника» будутъ печататься въ самомъ краткомъ видѣ (*). Компрометировать себя, конечно, никому непріятно; но вѣдь у барона Цедлица, напримѣръ, совѣсть должна быть совершенно чиста, и потому лучше бы ужъ сказать про Пацке et consortes всю подноготную. Чистота совѣсти сіяла во всѣхъ чертахъ лица и во всѣхъ пуговицахъ и шнуркахъ мундира директора полиціи, когда онъ присутствовалъ, на третій день послѣ поимки бѣглеца (не обманувшаго своихъ преслѣдователей и синими очками на носу), на торжественномъ открытіи памятника мѣстной прусской знаменитости, Кейту. Журналы не безъ ироніи разсказываютъ о не совсѣмъ обыкновенномъ laissez-aller, съ какимъ баронъ Цедлицъ обращался въ разговорѣ, на помянутомъ торжествѣ, ко всѣмъ, и къ министрамъ, и къ разнымъ генераламъ, и къ членамъ палатъ, и къ представителямъ города. Ужъ если не померкла ясность чела и блескъ мундира у директора полиціи, то министру, конечно, можно и бровью не моргнуть. И точно, графъ Шверинъ былъ третьяго-дня невозмутимо спокоенъ и разсуждалъ очень дѣльно за министерскимъ столомъ въ палатѣ депутатовъ, куда я счелъ священною обязанностію заглянуть во время недолгаго моего пребыванія въ Берлинѣ.

Вы конечно не потребуете отъ меня отчета во всѣхъ умныхъ рѣ-

(*) Это уже подтвердилось.

чахъ о пошлинѣ на свекловичный сахаръ, о правахъ и преимуществахъ евангелической церкви и о тому подобныхъ мѣстныхъ интересахъ, которыми занимались на этотъ разъ господа прусскіе депутаты. Особеннаго ораторскаго искусства никто не проявлялъ, хотя члены и правой и лѣвой стороны и центра говорили связно и довольно бойко; описывать вамъ наружность господъ Финке, Шульце, Рейхенспергеровъ тоже не для чего,—и потому я ограничусь только однимъ замѣчаніемъ, чисто внѣшнимъ. Пренія не только о сахарѣ и евангелической церкви, но даже и о народномъ просвѣщеніи заключались преимущественно въ повтореніи избитыхъ общихъ мѣстъ и никакъ не могли поглотить всего вниманія не только иностранца, но и туземца. Поэтому я имѣлъ достаточно досуга сосчитать съ трибуны головы не лысыя и не сѣдыя, которыхъ едва ли было больше дюжины между слишкомъ сотней депутатовъ. Правда, такого унылаго старчества, какое мнѣ случилось видѣть разъ въ засѣданіи французской академіи, тутъ не было; но все-таки перевѣсъ старости не только надъ молодостью, но и надъ мужествомъ, былъ ужь черезъчуръ великъ. Я готовъ уважать и старость, но молодость люблю больше, и мнѣ всегда кажется, что всякое дѣло пошло бы лучше, если бы въ немъ вмѣстѣ съ опытностью и осторожностью старца участвовали увлеченіе и отвага юности. Эта мысль особенно живо возбуждалась во мнѣ на помянутомъ засѣданіи, когда за министерскимъ столомъ поднимался министръ просвѣщенія Бетманъ-Гольвегъ, и жалостнымъ, безсильнымъ старческимъ голосомъ произносилъ довольно гладкія, но тупыя и скудныя смысломъ фразы. Подчасъ меня рѣшительно брала злость, и можетъ быть оттого я не досидѣлъ до конца преній о преобразованіяхъ по учебной части. На всякое дѣльное замѣчаніе дребезжащій голосъ «культусъ-министера» отвѣчалъ все въ одномъ родѣ, что «по мѣрѣ силъ и возможности дѣлается все требуемое духомъ времени», и такимъ образомъ выходило, что и разсуждать ни о чемъ не нужно: онъ, Бетманъ, все предвидитъ, все знаетъ, все, что нужно, дѣлаетъ, и если пришелъ въ парламентъ, такъ только по снисхожденію къ людямъ, которымъ хочется, во что бы то ни стало, толочь воду.

Журналы жалуются на холодность депутатовъ къ своимъ «парламентскимъ обязанностямъ» и на то, что засѣданія бываютъ очень немноголюдны. Не только публики мало, но и члены собираются далеко не въ полномъ числѣ. Если ужь и они такъ равнодушны къ *преніямъ* о благѣ и прогрессѣ своего отечества, то мнѣ—надѣюсь— и подавно нечего особенно ими интересоваться. Того, что я сказалъ о единственномъ засѣданіи, на которомъ былъ въ домѣ подъ № 55 въ Лейпцигской улицѣ, вѣроятно будетъ для васъ довольно, и мнѣ можно на этотъ разъ покончить съ берлинской политикой.

Въ литературѣ, вѣроятно отъ весенняго времени, новостей почти нѣтъ. Здѣсь произвела только нѣкоторый эффектъ недавно появившаяся переписка знаменитой Рахели Фарнгагенъ съ Давидомъ Фейтомъ; но я не прочиталъ еще ея, и потому не могу пока сказать ничего. Рахель была безспорно очень умная женщина; но интересы, которые вызвали такое неистощимое обиліе писемъ съ ея стороны (кромѣ двухъ изданныхъ теперь частей, еще покойный Фарнгагенъ напечаталъ ихъ три толстыхъ тома), въ большей части случаевъ слишкомъ далеки отъ настоящихъ интересовъ жизни. *Вѣчныя* неутомимыя рефлекціи надо всѣмъ, начиная съ Гёте и кончая вѣточкой сирени, дѣлаютъ чтеніе писемъ Рахели самымъ тяжелымъ трудомъ, и въ нихъ отдыхаешь только на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она рѣшается не быть особенно глубокомысленной и разсказываетъ о какихъ нибудь личныхъ встрѣчахъ или происшествіяхъ. Сентиментализму была въ ней тоже изрядная доля, и вообще черезъ-чуръ мало простоты въ отношеніяхъ къ жизни.

Этотъ порокъ, столь обыкновенный въ такъ называемыхъ «образованныхъ» нѣмецкихъ женщинахъ, есть слѣдствіе нелѣпаго воспитанія, которое можетъ быть нигдѣ не отрѣшено такъ отъ мужскаго, какъ въ Германіи. Нѣмецкіе философы, и едва ли не Кантъ первый, рѣшили, что мужчина есть представитель мысли, а женщина — представительница чувства, — и вотъ, кромѣ чувства, не стали въ ней ничего развивать воспитаніемъ. Что же вышло изъ этого? Такъ какъ самому чувству отведена была въ жизни женщины только извѣстная, ограниченная сфера, то нѣмецкія женщины впали въ сладкій и приторный сентиментализмъ, умѣющій восхищаться по рутинѣ весенними ландышами и фіалками, да стихами какого нибудь Гейбеля, но не умѣющій сочувствовать ничему за предѣлами мелкихъ интересовъ гостиной или палисадника передъ домомъ. Эта страстная и могучая сила, которую Гёте въ концѣ своего «Фауста» назвалъ «Das Ewig-Weibliche», такъ обмельчала, что мнѣ случилось слышать отъ очень умныхъ людей въ Германіи, что это «Ewig-Weibliche» не «возвышаетъ» человѣка, какъ говоритъ Гёте, а «унижаетъ» его нравственное достоинство, не «ziecht uns hinan», а «zieht uns hinab». Дѣйствительно, трусость мужчинъ въ болѣе образованныхъ классахъ — опирается въ значительной мѣрѣ на безучастномъ къ жизни, сентиментально разслабляющемъ воспитаніи женщинъ. Женщины среднихъ классовъ въ Германіи перестали быть и хозяйками въ томъ смыслѣ, какъ изобразилъ хозяйку Шиллеръ въ своей «Пѣсни о колоколѣ». Довольно быстрое развитіе общественной жизни удалило женщинъ отъ домашняго очага. Притомъ съ каждымъ годомъ жить становится труднѣе; дороговизна ростетъ — и, мѣсто соб-

ственнаго хозяйства, становится несравненно выгоднѣе пользоваться хозяйствомъ кофейной и ресторана. При полномъ пренебреженіи серьезнымъ воспитаніемъ, женщинѣ-матери не остается возможности заниматься и уроками своихъ дѣтей. Дѣти идутъ въ школу, едва начинаютъ твердо держаться на ногахъ и произносить *р* несовсѣмъ похоже на *л*. Семья разваливается и теряетъ свое значеніе, но выигрываетъ ли отъ этого хоть что-нибудь общество? Успѣховъ, которые отвѣчали бы утвердительно на этотъ вопросъ, не видно. О женщинахъ продолжаютъ еще говорить словами Шиллера, что «онѣ вплетаютъ небесныя розы въ земную жизнь»...

...Sie flechten und weben
Himmlische Rosen in's irdische Leben...

Но это уже мертвая фраза, которой вдобавокъ никто не вѣритъ, кромѣ отроковъ, у которыхъ впервые начинаетъ биться сердце отъ женскихъ взглядовъ. Рожать дѣтей и не всегда еще выкармливать ихъ самой — вотъ и вся задача женской жизни. Къ чему же повторять безъ вѣры въ нихъ громкіе возгласы о важномъ и святомъ значеніи семейства для общества, о благодѣтельномъ вліяніи женщины, и проч.? А дѣло, кажется, такъ просто. Вся бѣда оттого, что перемѣшали слова.

«Das Ewig-Weibliche
Zieht uns hinan.»

Вовсе не «Ewig-Weibliche» такъ же, какъ и не «Ewig-Männliche», а просто — «Ewig-Menschliche». Пора бы, въ нашъ вѣкъ уничтоженія всякихъ привилегій, понять это.

Но я началъ говорить не о нѣмецкихъ женщинахъ, а о литературныхъ новостяхъ. Меня особенно заинтересовало только что напечатанное въ Амстердамѣ собраніе «Писемъ Генриха Гейне». Ихъ издалъ университетскій товарищъ покойнаго поэта Фридрихъ Штейнманъ, тотъ самый, который не задолго передъ этимъ напечаталъ, точно такъ же въ Амстердамѣ, три томика посмертныхъ стихотвореній Гейне, возбудившихъ здѣсь сильную полемику. Эти три томика, изъ которыхъ одинъ заключаетъ въ себѣ поэму «Берлинъ», не дописанную будто бы Гейне и досочиненную Штейнманомъ, всѣми журналами были признаны почти единогласно за поддѣлку. Стихи въ самомъ дѣлѣ плоховаты, и если они и дѣйствительно написаны самимъ Гейне, то ничего не прибавляютъ къ его славѣ. Изданныя теперь двѣ части переписки Гейне, подлинности которыхъ никто не заподозрѣваетъ, объясняютъ отчасти, какъ могли попасть въ руки Штейнмана недодѣланныя стихотворенія знаменитаго поэта въ черновыхъ листахъ и тетрадяхъ. Но Штейнманъ прежде всего вы-

новатъ самъ, что на него опрокинулась вся нѣмецкая журналистика и никакъ не хотѣла признать произведеніями Гейне то, что онъ издалъ съ его именемъ. Не говоря о томъ, что Штейнманъ пользуется не совсѣмъ-то хорошею репутаціею въ литературномъ кругу, онъ, кромѣ того, пренебрегъ при изданіи стихотвореній Гейне всякими объясненіями, откуда, какъ и когда достались они ему. Притомъ сатирическая поэма «Берлинъ», по его собственному признанію, принадлежала наполовину ему, и онъ не указалъ даже тѣ мѣста, которыя написаны Гейне. Все это вмѣстѣ не внушало никому довѣрія. Главнымъ протестантомъ въ журналистикѣ, утверждавшимъ, что изданіе Штейнмана не что иное, какъ спекуляція,—явился, правда, тоже человѣкъ ненадежный, именно братъ покойнаго поэта—Густавъ Гейне, дрянной литераторъ, издающій въ Вѣнѣ какую-то дрянную газету. У него нѣтъ ничего общаго ни по таланту, ни по духу съ авторомъ «Путевыхъ Картинъ», и Генрихъ Гейне при жизни не хотѣлъ съ нимъ знаться, и всѣ посмертные заботы по изданію своихъ сочиненій и разбору бумагъ поручилъ не ему, а человѣку постороннему, направленіе и правила котораго цѣнилъ гораздо выше. Заступничество за собственность обиды Генриха Гейне и протестъ противъ Штейнмана былъ бы неособенно опасенъ со стороны такого господина, какъ вѣнскій Гейне, еслибъ, какъ я сказалъ, Штейнманъ самъ внушалъ болѣе довѣрія, или, по крайней мѣрѣ, потрудился подкрѣпить болѣе прочными доводами подлинность изданныхъ имъ томовъ. Въ брошюрѣ, которую онъ напечаталъ въ отвѣтъ на журнальныя нападки и обвиненія, много задору, но убѣдительности не больше, чѣмъ и въ коротенькихъ предисловіяхъ къ самому изданію стихотвореній Гейне. О воинственномъ тонѣ этого отвѣта свидѣтельствуетъ уже самое заглавіе. Брошюра называется: «Война мышей и лягушекъ противъ стихотвореній Генриха Гейне». Воинственный тонъ еще ничего бы: защищаться не мѣшало похрабрѣе, потому что и нападали очень бойко; но вотъ что ужь совсѣмъ плохо,—нѣкоторыя странички протеста Штейнмана отзываются доносомъ. Съ такимъ качествомъ трудно возстановить свою репутацію и стать авторитетомъ въ какомъ бы то ни было дѣлѣ. Очень вѣроятно, что въ этомъ причина равнодушія, съ какимъ встрѣтили и журналы, и публика «Переписку Гейне». Чтобы убѣдить сомнѣвающихся въ подлинности напечатанныхъ имъ стихотвореній Гейне, Штейнманъ объявилъ въ своей брошюрѣ, что онъ послалъ подлинныя рукописи въ Берлинѣ къ дѣвицѣ Людмилѣ Ассингъ, издательницѣ переписки Гумбольдта съ Фарнгагеномъ, и къ другу Гейне—Мозеру, и что эти почтенныя особы, очень хорошо знакомыя съ рукою Гейне, конечно подтвердятъ передъ публикой и

передъ почитателями поэта правоту его, Штейнмана. Мнѣ разсказывали по этому поводу въ Берлинѣ такой анекдотъ. Амстердамскій издатель Гейне, Бингеръ, слыша со всѣхъ сторонъ, что издаваемыя имъ произведенія — поддѣлка, рѣшился самъ отправиться въ Берлинъ, и узнать истину по рецепту, прописанному самимъ Штейнманомъ. Людмилу Ассингъ найти въ Берлинѣ было не трудно; но она не могла ничего сказать въ успокоеніе амстердамскому книгопродавцу. Дѣйствительно, геръ Фридрихъ Штейнманъ писалъ къ ней и извѣщалъ ее въ письмѣ, что пришлетъ на просмотръ рукописи Гейне, но самыхъ рукописей она такъ-таки и не получала. Оставалось справиться у Мозера. Но гдѣ живетъ этотъ Мозеръ и даже какъ зовутъ его, никто не могъ сообщить Бингеру. Голландецъ обратился съ этими вопросами къ Штейнману. Штейнманъ иронически отвѣчаетъ, что ему такіе вопросы въ высшей степени странны. Можетъ ли это быть, чтобы въ Берлинѣ, столицѣ столь литературной, не знали Мозера, друга Гейне. и не знали, гдѣ онъ живетъ? Бингеръ принялся опять справляться, но все понапрасну. Наконецъ, въ числѣ разныхъ Мозеровъ, сапожниковъ, кровельщиковъ, портныхъ, трубочистовъ и проч., помѣщенныхъ въ адресной книгѣ, онъ отыскалъ какого-то А. Мозера, «обучающаго грамотѣ». Развѣ ужь не это ли другъ Гейне? Бингеръ пустился въ поиски, и нашелъ означеннаго Мозера гдѣ-то на чердакѣ въ одной изъ отдаленнѣйшихъ улицъ Берлина. Это былъ какой-то «антикъ въ пыли ходячій», занятый новымъ переводомъ «Моисеева Пятикнижія», и имѣлъ весьма слабое понятіе о Гейне, да и то не о Генрихѣ, а о какомъ-то другомъ, до котораго амстердамскому книгопродавцу не было рѣшительно никакого дѣла. Мозеръ, давно удалившійся отъ свѣта, обрадовавшись неожиданному гостю, принялся его душить чтеніемъ своего перевода, и Бингеръ едва отъ него спасся. Но надежда его отыскать друга Гейне можетъ быть и не вполнѣ бы угасла, если бъ одинъ собиратель автографовъ, исчисляя свои сокровища, не упомянулъ случайно имени Мозера.

— У васъ есть письма Мозера! Какого Мозера? воскликнулъ Бингеръ, въ сладкомъ ожиданіи, что дѣло, за которымъ онъ пріѣхалъ въ Берлинъ, наконецъ таки разъясняется. — Какого Мозера?

— Друга Гейне, отвѣчалъ собиратель автографовъ.

— Гдѣ онъ? скажите, не знаете ли вы его адреса?

— Какъ гдѣ? какого адреса? Да вѣдь онъ умеръ.

— Умеръ! неужто? Какая жалость! когда же?

— Да теперь ужь есть лѣтъ двадцать пять.

Не знаю, былъ ли дѣйствительно Бингеръ въ Берлинѣ за справками; но въ брошюрѣ Штейнмана имя Мозера, какъ достовѣрнаго

свидѣтеля, напечатано en toutes lettres. И притомъ онъ право говорить, что послалъ рукопись къ этому человѣку въ Берлинъ.

Письма Гейне, изданныя Штейнманомъ, далеко не всѣ адресованы къ нему, и это главное ручательство за ихъ подлинность. Нѣкоторыя были уже напечатаны, но большая часть являются въ первый разъ въ этихъ двухъ томикахъ. Издатель обѣщаетъ еще два тома, въ которыхъ будутъ помѣщены письма къ нему, касающіяся преимущественно литературы.

О Гейне осталось такъ мало біографическихъ свѣдѣній, что за изданіе писемъ его нельзя не быть благодарнымъ. Жаль, что къ нимъ мало присоединено объясненій и указаній. Нѣкоторыя письма относятся еще ко времени студенчества, и въ нихъ довольно живо представляется намъ молодой Гейне. Нѣсколько любопытныхъ подробностей о Матильдѣ, женѣ Гейне, являются тоже въ первый разъ въ печати. Штейнманъ помѣстилъ также извинительное письмо Гейне по поводу книги о Берне, гдѣ было нѣсколько непростительно гадкихъ выходокъ, какъ противъ самаго Берне, такъ и противъ лицъ, къ нему близкихъ. Теперь въ біографіи Гейне можно будетъ пополнить нѣкоторыя бѣлыя страницы, особенно если нѣмецкіе біблiографы, въ которыхъ нѣтъ недостатка, прибавятъ къ изданнымъ письмамъ свои поясненія.

Въ заключеніе мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о знаменитомъ нѣмецкомъ романистѣ Бертольдѣ Ауэрбахѣ, съ которымъ я познакомился въ Берлинѣ. Мы видѣлись ежедневно, и бесѣды и прогулки съ нимъ останутся для меня самыми пріятными изъ моихъ берлинскихъ воспоминаній. Какъ писателя съ первоначальнымъ дарованіемъ, съ глубокою любовью къ народу, котораго никто не изображалъ въ Германіи лучше его, я давно любилъ Ауэрбаха; личное знакомство съ нимъ способно было только утвердить эту любовь и уваженіе. Въ Берлинъ переселился онъ изъ Дрездена со всѣмъ семействомъ, не болѣе какъ полгода тому назадъ. Ауэрбаху скоро пятьдесятъ лѣтъ, но онъ бодръ и живъ, какъ юноша. Небольшаго роста, плотный и коренастый, съ зачесанными назадъ и даже немного вьющимися темными волосами и просѣдью, съ небольшой окладистой бородой, съ большими свѣтлыми глазами, съ открытымъ круглымъ лицомъ, онъ похожъ самъ на шварцвальдскаго мужика, и ничто не напоминаетъ въ немъ его еврейскаго происхожденія. Быстрая, живая и умная рѣчь его отличается чрезвычайною простотой, какъ и разсказъ его въ «Босоножкѣ», въ «Мони и Брози» и другихъ народныхъ его повѣстяхъ...

Съ появленія «Шварцвальдскихъ деревенскихъ повѣстей» началось возрожденіе повѣствовательной литературы въ Германіи, до

тѣхъ поръ представлявшей только такія жалкія произведенія, какъ романы Штернберга, графини Иды Ганъ-Ганъ и т. п. Ауэрбахъ вызвалъ цѣлую школу нувеллистовъ, которые обратились съ сочувствіемъ къ народу и принялись изучать хорошія и дурныя стороны его быта, его нужды, желанія и надежды, его радости и печали. Пора было бросить удушливыя метафизическія сферы и раздушенные салоны, въ которыхъ витали нѣмецкіе романисты, для здоровой и свѣжей дѣйствительности.

«Фраки, бѣлые жилеты,
Тальи стянутыя мило,
Поцалуи, комплименты,
Если бъ въ васъ да сердце было...
«И любви хотя немножко
Было въ сердцѣ! Тошны, право,
Ваши вопли и стенанья...,
Развѣ жизнь вамъ не забава?
«Ухожу отъ васъ я въ горы,
Гдѣ живутъ простые люди,
Гдѣ свободный вѣетъ воздухъ,
И дышатъ просторнѣй груди!»

Эти стихи пролога къ «Гарцу» Гейне могли бы служить лучшимъ эпиграфомъ къ разсказамъ Ауэрбаха, принесеннымъ имъ съ шварцвальдскихъ горъ. Дѣйствіе этого свѣжаго народнаго направленія не можетъ ограничиться только литературною сферой; облегчая знакомство съ народомъ и съ его потребностями, произведенія автора «Босоножки» и цѣлаго круга народныхъ писателей, образовавшагося около него, должны благотворно дѣйствовать и на все общество. Примиреніе и симпатія между народомъ и классами болѣе образованными нужны въ Германіи не меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ,— и въ этомъ смыслѣ дѣятельность Ауэрбаха въ высшей степени заслуживаетъ уваженія. Почти безукоризненная художественная красота его разсказовъ и повѣстей и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайная вѣрность его изображеній свидѣтельствуютъ не только о близкомъ знакомствѣ его съ народомъ, но и о любви, которая привела его къ изученію народнаго быта. На всемъ, что ни писалъ Ауэрбахъ о народѣ, лежитъ теплый свѣтъ твердаго и разумнаго сочувствія. Онъ не скрываетъ народныхъ недостатковъ и пороковъ, и не идеализируетъ его добродѣтелей и хорошихъ сторонъ. Въ этомъ случаѣ не всѣ послѣдователи Ауэрбаха съумѣли сохранить чувство мѣры ихъ образца, и болѣе всего приближается къ нему въ этомъ отношеніи только Отто Лудвигъ, писатель, у насъ совершенно неизвѣстный, авторъ прекраснаго романа изъ народной жизни «Между

небомъ и землей». Къ сожалѣнію, какъ я слышалъ отъ Ауэрбаха, Лудвигъ въ настоящую минуту тяжко и изнурительно боленъ, и мало надежды, чтобы онъ поправился и написалъ еще что нибудь. Кромѣ Ауэрбаха и Лудвига, повѣствовательная литература въ Германіи представляетъ теперь нѣсколько очень замѣчательныхъ талантовъ, каковы напр. Годфридъ Келлеръ, Густавъ Фрейтагъ и др., и намъ пора перестать повторять какъ мы это еще дѣлаемъ сплошь, по старой памяти, что у нѣмцевъ нѣтъ теперь ни одного романиста, ни одного нувеллиста, которыхъ стоило бы читать.

Послѣ того знанія народа и той любви къ нему, доказательства которыхъ представлялъ каждый романъ и каждый маленькій разсказъ Ауэрбаха, отъ него слѣдовало ожидать, что онъ не ограничитъ своего вліянія одной стороной нѣмецкаго общества. Эти романы и разсказы были написаны такъ просто и ясно, что ихъ могъ читать каждый простолюдинъ; но все-таки они были предназначены авторомъ для чтенія классовъ болѣе образованныхъ. Желая доставить полезное и занимательное чтеніе для жителей сельскихъ и деревень, для бѣднаго поденщика и работника, для земледѣльца и мелкаго ремесленника,—Ауэрбахъ принялся за изданіе книгъ для народа. Первой попыткой его въ этомъ родѣ былѣ сборникъ подъ заглавіемъ «Кумъ» («Gevattersmann»), первая тетрадь котораго явилась въ 1845 году. Успѣхъ его былъ огромный: болѣе 80,000 экземпляровъ были проданы сразу. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ было разобрано по двѣсти экземпляровъ. Такимъ же благороднымъ дѣятелемъ явился Ауэрбахъ и взявшись за трудное дѣло — писать для народа. Его можно упрекнуть за нѣкоторыя частности, за излишній подчасъ дидактизмъ въ изложеніи; но эти недостатки, замѣтные въ «Кумѣ», почти совсѣмъ исчезли въ «Народныхъ календаряхъ», которые онъ издаетъ уже четыре года. Статьи изъ перваго сборника, за исключеніемъ имѣвшихъ лишь временный интересъ, изданы потомъ особою книжкой подъ заглавіемъ: «Кумова Шкатулка», пріобрѣли огромную популярность во всей Германіи и переведены на многіе языки.

Послѣднимъ трудомъ Ауэрбаха, съ которымъ мы, можетъ быть, еще познакомимъ читателей «Современника» была повѣсть «Edelweiss», появлявшаяся отрывками въ «Кёльнской Газетѣ». Теперь Ауэрбахъ обработываетъ ее окончательно для отдѣльнаго изданія.

М. МИХАЙЛОВЪ.

14 (2) мая, 1861 года.

ПОЛИТИКА.

АМЕРИКАНСКІЯ ДѢЛА. — ПОЛОЖЕНІЕ ДѢЛЪ ВЪ ИТАЛІИ И ВЕНГРІИ.

Скудны источники нашихъ свѣдѣній объ американскихъ дѣлахъ; мы должны ограничиваться европейскими газетами, въ которыхъ американскія событія занимаютъ, разумѣется, лишь второстепенное мѣсто. Изъ американскихъ газетъ мы можемъ хотя нѣсколько своевременно, — всего недѣлями двумя или тремя позже, чѣмъ слѣдовало бы по разсчету почтовыхъ сроковъ, — получать одну New York Herald, да и ту лишь въ еженедѣльномъ изданіи (*), которое въ одинъ листъ за цѣлую недѣлю сбиваетъ всѣ нумера ежедневнаго изданія за цѣлую недѣлю, такъ что въ этой выжимкѣ остается не очень много толку. Оно впрочемъ было бы еще сносно получать хотя только еженедѣльное изданіе ежедневной газеты, если бы газета была сколько нибудь приличная; но на бѣду единственная американская газета, получаемая нами — самая пошлая изъ всѣхъ 5 или 6 тысячъ американскихъ газетъ. Она теперь проклинаетъ «измѣнниковъ и бунтовщиковъ», требуя примѣрнаго наказанія, пожалуй, хотя колесованьемъ или содраніемъ шкуръ съ живыхъ. А не дальше какъ за

(*) Читатель знаетъ, что англійскія и американскія ежедневныя газеты дѣлаютъ кромѣ этого полнаго своего изданія еще два изданія въ сокращеніи: одно изъ сокращенныхъ изданій — двухдневное; тутъ изъ двухъ листовъ ежедневнаго изданія дѣлается выборка на одинъ листъ такого же формата, какъ нумеръ ежедневнаго изданія; изъ трехъ такихъ листовъ двухдневнаго изданія дѣлается такимъ же порядкомъ выборка на одинъ такой же листъ еженедѣльнаго изданія.

мѣсяцъ передъ тѣмъ она точно такъ же проклинала новое вашингтонское правительство, требовала, чтобы Линкольнъ отказался отъ должности, уступилъ власть предводителямъ сецессіонистовъ, которые совершенно правы и одни достойны называться американскими гражданами. Она имѣетъ даже наглость—винить Линкольна, зачѣмъ онъ только 15 апрѣля издалъ прокламацію о войнѣ,—это слѣдовало бы ему сдѣлать въ самый же первый день вступленія въ должность, 4 марта: она утверждаетъ, что тогда же, въ первыхъ числахъ марта, совѣтовала ему сдѣлать это, а прежде того съ самаго декабря требовала немедленной и безпощадной войны противъ бунтовщиковъ отъ прежняго президента Бухавана: «Бухананъ не хотѣлъ слѣдовать нашему совѣту; Линкольнъ также долго сопротивлялся ему, наконецъ слѣдуетъ теперь, и — прекрасно; полная честь правительству Линкольна за это!» На президентскихъ выборахъ она отвергала даже Дугласа, кандидата сѣверныхъ демократовъ, называла и его такимъ же врагомъ родины, какъ Линкольна, за то, что Дугласъ и его партія не согласились помогать заговорщикамъ, приготовлявшимъ отторженіе южныхъ штатовъ, собиравшихъ тамъ армію для завоеванія сѣверныхъ штатовъ съ цѣлью распространить въ нихъ невольничество; она самымъ восторженнымъ образомъ поддерживала Брекенриджа, кандидата этихъ заговорщиковъ, выставляя его единственнымъ, несравненнымъ патріотомъ и доказывая, что не только Линкольнъ, но и Дугласъ — революціонеры, стремящіеся убить свободу Соединенныхъ Штатовъ и ввести военный деспотизмъ. Это говорено было ежедневно вплоть до 6 ноября, а съ 6 ноября вплоть до 13 апрѣля доказывалось, что, отдавъ свои голоса Линкольну, сѣверные штаты доказали нравственную испорченность свою, неспособность свою къ самоуправленію, и тѣмъ возложили на невольническіе штаты священную обязанность завоевать ихъ, сѣверные штаты, чтобы перевоспитать и исправить ихъ своимъ господствомъ, какъ Англія просвѣщаетъ и перевоспитываетъ Остъ-Индію. Это было вплоть до 13 апрѣля. Съ 14 апрѣля въ той же газетѣ говорится: «перечитывая рѣчи Брекенриджа и его сотоварищей въ прошломъ засѣданіи конгресса и въ прежнихъ засѣданіяхъ за нѣсколько лѣтъ, мы находимъ въ самыхъ этихъ рѣчахъ явныя доказательства тому, что они уже нѣсколько лѣтъ составляли злодѣйскій замыселъ, который съ весны прошлаго года обратился въ формальный заговоръ для порабощенія всего Американскаго Союза военному деспотизму, — заговоръ, дѣйствовавшій подкупомъ, похищеніемъ государственныхъ денегъ, не отвращавшійся ни отъ яда, ни отъ адскихъ машинъ», и т. д. Отъ чего произошла такая перемѣна съ New-York-Herald'омъ, мы

увидимъ ниже. А здѣсь мы выставляли ее лишь съ намѣреніемъ показать, что на подобную газету полагаться никакъ нельзя. Еслибъ мы вмѣсто нея получали хотя какую нибудь чарльстонскую газету въ духѣ крайнихъ приверженцевъ невольничества, мы все-таки могли бы довольно многимъ пользоваться изъ нея: мы знали бы, что хотя о нѣкоторыхъ предметахъ она сообщаетъ вѣрныя извѣстія, потому что какими нибудь мнѣніями дорожитъ, успѣху какихъ нибудь намѣреній дѣйствительно сочувствуетъ, стало быть должна же говорить основательно, — напримѣръ хотя бы о вооруженіяхъ Юга: она желаетъ побѣды Югу, слѣдовательно стала бы правдиво выставлять, въ чемъ эти вооруженія должны быть усовершенствованы или пополнены, и изъ этихъ замѣчаній можно было бы видѣть положеніе военной части у инсургентовъ. New York Herald не таковъ; это — чистая спекуляція, основанная на биржевыхъ разсчетахъ, въ родѣ газетъ, которыя издавалъ Миресъ: у него все говорилось только по разсчету предпринимаемыхъ имъ операцій: нынѣ онъ хочетъ купить биржевыя бумаги по дешевой цѣнѣ, чтобы черезъ двѣ недѣли взять премію за нихъ при возвышеніи цѣны; потому нынѣ его газеты доказываютъ, что война Англіи съ Франціею неизбѣжна и начнется на дняхъ, а черезъ двѣ недѣли доказываютъ, что никогда никакой возможности подобной войны не существовало и не будетъ существовать. Разсчетъ, по которому издается New-York Herald, нѣсколько иной: онъ просто старается льстить нью-йоркской биржѣ, чтобы нью-йоркскіе негоціанты рекомендовали его своимъ конторщикамъ и шкиперамъ, а конторщики и шкиперы — ломовымъ извощикамъ, матросамъ и т. д. Если бы нью-йоркская биржа почла выгоднымъ для своихъ оборотовъ ссору Америки съ Англіею, New York Herald сталъ бы доказывать, что жители Англіи — не англичане, что англичане всѣ переселились въ Америку, а въ Англіи остались только люди не англосаксонскаго племени: жиды, цыгане, бѣглые французы. Нью-йоркская биржа долго думала, что сѣверные штаты могутъ быть склонены смириться передъ южными; пока она хотѣла этимъ путемъ избѣжать войны, New York Herald провозглашаетъ справедливость Юга. Но когда война оказалась неизбѣжной, биржа поняла, что надобно Сѣверу вести ее энергически, чтобы она скорѣе кончилась и чтобы у Юга навсегда была отбита охота заводить смуты; тогда и New York Herald сталъ доказывать необходимость энергическаго веденія войны. По обыкновенію льстецовъ, онъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ доводилъ до крайности мнѣніе своей покровительницы: пока биржа совѣтовала уступать, онъ кричалъ: уступайте безусловно все; когда биржа стала говорить: усмиряйте Югъ скорѣе, — онъ сталъ кричать: безпощадно истребляйте мятежниковъ.

Единственная получаемая нами американская, газета никуда не годится, брать изъ нея мы ничего не можемъ, потому что ни на одно слово ея нельзя положиться, и стало быть должны заимствовать свѣдѣнія о текущихъ американскихъ дѣлахъ только изъ европейскихъ газетъ, слишкомъ скудныхъ по этой части. Нечего дѣлать, удовольствуемся тѣмъ, что̀ можемъ имѣть и переведемъ нью-йоркскую корреспонденцію Times'а, которая дѣльнѣе и подробнѣе всѣхъ другихъ знакомитъ насъ съ сѣверо-американскими событіями. И она сильно измѣнила тонъ съ половины апрѣля: до той поры корреспондентъ не вѣрилъ въ единодушіе Сѣвера, и откровенно признается, что оно изумило его. Онъ смотрѣлъ на высшіе классы, видѣлъ ихъ колеблющимися, порицающими аболиціонистовъ, ждалъ апатіи, раздоровъ; но когда пришла пора правительству обратиться къ массѣ народа, оно получило такую патріотическую поддержку, что и высшіе классы были увлечены общимъ стремленіемъ. Въ предисловіе къ переводимымъ письмамъ сдѣлаемъ самый короткій очеркъ предшествующаго этимъ письмамъ времени, о которомъ болѣе или менѣе подробно разсказывали въ прошлыхъ обозрѣніяхъ.

Читатель знаетъ, что правительство Бухапана участвовало въ замыслѣ инсургентовъ и передавало имъ оружіе и деньги, такъ что Линкольнъ нашелъ казну пустой, сѣверные арсеналы пустыми, южные арсеналы отданными въ руки инсургентовъ. Надобно было ему около мѣсяца, чтобы приготовиться къ войнѣ противъ южной конфедеренціи, которая уже собрала армію и часть ея двинула на Вашингтонъ. Когда нѣсколько оружія и денегъ было заготовлено, вашингтонское правительство объявило находившимся въ Вашингтонѣ уполномоченнымъ южной конфедеренціи, что даетъ инсургентамъ три недѣли срока одуматься и смириться, а если въ этотъ срокъ они не изъявятъ покорности, будутъ двинуты войска для возвращенія Союзу собственности, захваченной ими: форты и арсеналы, взятые ими, будутъ отняты у нихъ. Это было 11 апрѣля. Коммисары Юга тотчасъ же отправили въ столицу новой конференціи Монтгомери телеграфическія депеши такого содержанія: «начинайте военныя дѣйствія, потому что всякая надежда на уступки Сѣвера исчезла». На другой день южныя войска уже бомбардировали фортъ Семтеръ, о которомъ такъ много говорилось въ послѣднее время. Осада эта замѣчательна лишь страннымъ обстоятельствомъ, что ни одинъ человѣкъ изъ гарнизона не былъ убитъ безчисленными бомбами, разрушившими всѣ постройки въ фортѣ. Американцы объясняютъ это превосходнымъ устройствомъ блиндажей и прикрытій для прислуги, находившейся при орудіяхъ. Въ южномъ войскѣ также никто не

былъ убитъ выстрѣлами изъ форта; но это понятнѣе: командиръ форта Андерсонъ направлялъ выстрѣлы исключительно на баттареи, не желая стрѣлять ни по войскамъ, ни по Чарльстону, половину котораго могъ бы разрушить; да и въ баттареи онъ стрѣлялъ очень мало и съ осторожностью, чтобы не дѣлать напраснаго кровопролитія. Онъ видѣлъ, что сопротивленіе невозможно и защищался только для формы. Послѣ 30-часоваго бомбардированья фортъ сдался. Депеши объ этомъ произвели на Сѣверѣ потрясающее дѣйствіе, народъ повсюду требовалъ быстрыхъ и сильныхъ мѣръ противъ инсургентовъ. Правительство Союза тотчасъ же объявило, что призываетъ народъ къ вооруженію, и черезъ два дня, которые прошли въ составленіи плановъ похода, расчисленіи войскъ и т. д., издана была прокламація президента, требовавшая сформированія 75-тысячной арміи. Помѣщаемъ теперь корреспонденцію Times'а.

«Нью-Йоркъ, 16 апрѣля.

«Жребій брошенъ, и теперь въ Америкѣ война. Посылаю вамъ газеты съ подробными разсказами о бомбардированіи и паденіи форта Семтера. Штаты Мехиканскаго залива безъ причины возмутились, и теперь должны отвѣчать за свой поступокъ: штаты, оставшіеся вѣрными Союзу, единодушны теперь въ рѣшимости поддержать правительство и во что бы то ни стало, не щадя никакихъ жертвъ, подавить злую измѣну, которая, не будучи ничѣмъ обижена, захотѣла низвергнуть свободное правительство и замѣстить его военнымъ деспотизмомъ подъ властью безотвѣтственной олигархіи. Борьба будетъ продолжительна или коротка, смотря потому, присоединятся ли къ Югу или останутся вѣрны правительству пограничные штаты; но продолжительна ли или коротка будетъ она, результатъ будетъ имѣть она одинъ, если есть хоть сколько нибудь истины въ проявленіяхъ чувства, происходящихъ въ сѣверныхъ штатахъ. Пусть не обманываютъ себя въ Европѣ ни относительно этого результата, ни относительно характера борьбы. Черта, раздѣляющая противниковъ, — черта ясная. На одной сторонѣ стоятъ приверженцы свободнаго правительства, — люди, хотящіе сохранить свободныя учрежденія, отвращающіеся военнаго деспотизма, вѣрные благороднымъ принципамъ англо-саксонской свободы, возвеличившимъ Англію; а на другой сторонѣ люди, предпочитающіе военное правительство и считающіе рабство божественнымъ учрежденіемъ, которому правительство должно покровительствовать во вредъ всѣмъ другимъ отраслямъ общественной дѣятельности. Въ этой борьбѣ я на сторонѣ правительства Соединенныхъ Штатовъ — говорю это прямо. Разсказывать вамъ о взятіи Семтера я не буду—подробности

вы узнаете по телеграфу раньше моего письма. Прокламацію президента я прилагаю къ письму; и затѣмъ лучше всего мнѣ приложить къ нему вырѣзки изъ нью-йоркскихъ газетъ разныхъ партій, чтобы видѣли вы, съ какимъ единодушіемъ всѣ онѣ поддерживаютъ правительство. Ждали, что въ минуту борьбы будутъ раздоры и анархія: всѣ раздоры исчезли и теперь у всѣхъ одинъ девизъ: «защищать конституцію».

«Начинаю съ New York Herald'а, какъ съ газеты, которая до сихъ поръ считалась благопріятствовавшею сецессіонистамъ.

«Видя, что вспыхнула наконецъ междуусобная война, торговый свѣтъ началъ заботиться о будущности страны (говоритъ New York Herald). Сколько мы знаемъ, всѣ наши капиталисты совершенно согласны въ томъ, что надо поддержать правительство. Каждый скорбитъ о страшномъ бѣдствіи, постигнувшемъ республику. Но не думаютъ нью-йоркскіе купцы и капиталисты заминать дѣло или уклоняться отъ отвѣтственности за него. Въ доставленіи средствъ къ войнѣ главная доля упадетъ на Нью-Йоркъ: наше биржевое общество принимаетъ эту обязанность, и исполнитъ ее. Это — рѣшимость всеобщая между нашими капиталистами, въ числѣ ихъ и тѣми, которые до сихъ поръ симпатизировали Югу. Если правительство станетъ исполнять свой долгъ, ему не нужно безпокоиться о деньгахъ. По мнѣнію нашихъ главныхъ банкировъ, если на издержки войны въ теченіе года понадобится 100 милліоновъ долларовъ, сверхъ обыкновенныхъ доходовъ правительства, сумма эта дана будетъ нью-йоркскою биржею на условіяхъ, никакъ не обременительнѣе тѣхъ, на какихъ Франція и Англія дѣлали займы въ русскую войну. Если для окончанія войны и для прекращенія раздора на вѣки понадобится больше денегъ, будетъ дано больше. Сколько мы знаемъ нью-йоркскую биржу, она готова усердно и щедро поддерживать правительство».

Послѣ этого корреспондентъ Times'а приводитъ выписки изъ другихъ газетъ умѣренной демократической и умѣренной республиканской партіи. Мы не имѣемъ надобности повторять ихъ здѣсь, выписавъ отрывокъ Herald'а, еще недавно съ ожесточеніемъ доказывавшей полную справедливость сецессіонистовъ. Корреспондентъ Times'а продолжаетъ:

«Отвѣтъ народа на призывъ президента еще выразительнѣй. Массачусетсъ уже выставилъ свою долю войска, оно уже идетъ въ Вашингтонъ.»

Вспомнимъ, что это писано 16 апрѣля, а прокламація была издана 15; значитъ Массачусетсъ уже двинулъ свои войска въ походъ

черезъ 24 часа по обнародованіи прокламаціи, предписывавшей формировку ихъ.

«Въ городѣ Нью-Йоркѣ споры между милиціонерами лишь изъ-за того, что въ походъ хотятъ идти гораздо больше людей, чѣмъ призывается. Съ запада извѣстія тѣ же самыя: повсюду являются волонтеры. Повсюду народъ горячностію отвѣчаетъ на призывъ, и если бы президентъ вмѣсто 75 тысячъ войска потребовалъ 500 тысячъ, я убѣжденъ, что собралось бы столько.

«Но съ другой стороны надобно думать, что точно такъ же дѣло идетъ и на Югѣ, у котораго впрочемъ меньше денегъ на организацію и содержаніе войска.

«Безполезны были бы попытки угадать будущее. Самый разумный и осмотрительный разсчетъ обусловливается событіями и обстоятельствами, могущими въ одинъ мигъ разрушить его. Но мнѣніе биржи выравилось очень ясно. Фонды союзнаго правительства держатся въ цѣнѣ очень крѣпко. Такъ же хорошо держатся въ цѣнѣ фонды сѣверныхъ штатовъ; а фонды Виргиніи, Теннесси и Миссури, еще такъ недавно бывшіе любимыми бумагами биржи, чрезвычайно упали, потому что эти штаты колеблятся между Союзомъ и сецессіонистами».

«Нью-Йоркъ, 19 апрѣля.

«Нынѣ ровно 86 лѣтъ тому, какъ сдѣланъ былъ первый выстрѣлъ войны за американскую независимость при Лексингтонѣ, въ Массачусетсѣ, на разсвѣтѣ знойнаго дня. Въ годовщину этого дня телеграфъ нынѣ сообщаетъ намъ о первой крови, — и по странному совпаденію также о массачусетской крови, пролитой въ новой войнѣ, начатой людьми, хотящими уничтожить все, полученное войною за независимость. Вотъ и началась фактически великая междуусобная война, въ возможность которой никто не вѣрилъ: пролита кровь, воспламенилась вражда. Виргинія отложилась или скоро отложится, ведя за собою пограничные невольническіе штаты; Кентукки, Теннесси, Арканзасъ и Сѣверная Каролина, по всей вѣроятности, послѣдуютъ за Виргиніей; Мериландъ колеблется. Все обѣщаетъ теперь войну между американскимъ правительствомъ и всею массою невольническихъ штатовъ, взявшихся за оружіе, чтобы распространить рабство и уничтожить конституціонное правленіе.

«Лишь недѣля прошла нынѣ съ той поры, какъ генералъ Борегаръ началъ нападеніе на фортъ Сёмтеръ. Въ одну недѣлю фортъ Сёмтеръ сдался, гарнизонъ его перевезенъ въ Нью-Йоркъ, самое существованіе его забыто въ быстромъ ходѣ событій. Ничтожный споръ чарльстонской пристани разросся въ великую междуусобную войну. Взятіе форта произвело на Нью-Йоркъ дѣйствіе неожиданное и потрясающее. Признаюсь, я не былъ приготовленъ къ нему: зная,

какъ робки предводители сѣверныхъ партій, — я говорю, разумѣется, о политической, а не о личной робости,—я не думалъ, что народное сердце бьется такою любовью къ національному правительству. Но сильна въ немъ эта любовь, и результатъ изумилъ всѣхъ.

«Прокламація Линкольна, провозглашавшая войну и призывавшая вѣрные штаты прислать войска на защиту правительства, пробудила національную гордость и патріотизмъ во всѣхъ сѣверныхъ штатахъ и съ такою же быстротою оттолкнула пограничные невольничьи штаты къ инсургентамъ. Съ той минуты всякое разногласіе между партіями въ сѣверныхъ штатахъ исчезло, и общее негодованіе на инсургентовъ стало такъ сильно, что опасно сдѣлалось кому нибудь обнаруживать симпатію къ Югу. Это чувство уже обнаруживалось въ Нью-Йоркѣ, когда я посылалъ къ вамъ прошлое письмо. Но на другой день по его отправленіи, оно уже произвело восторженную манифестацію. 17 апрѣля прибыли въ Нью-Йоркъ первыя войска съ востока на пути въ Вашингтонъ, и объявлено было, что изъ нью-йоркскихъ полковъ первый пойдетъ на защиту столицы нашъ 7-й полкъ, гордость Нью-Йорка, полкъ, въ которомъ рядовые солдаты—сыновья первыхъ негоціантовъ, знаменитыхъ юристовъ, лучшихъ государственныхъ людей. Былъ свѣтлый апрѣльскій день, одинъ изъ тѣхъ дней свѣтлой американской атмосферы, которые остаются памятны каждому бывавшему въ Америкѣ. Весь городъ покрыли флаги, усѣянные звѣздами. Они развѣвались съ домовъ. Фестонами перепоясывали они улицы; ими убраны были всѣ корабли на пристани; ими убраны были всѣ омнибусы и частные экипажи. Кто не видалъ этого, тотъ не можетъ вообразить себѣ, какъ быстро и энергично выказалась любовь народа къ національному знамени. Едва отплылъ массачусетскій полкъ, какъ узнали, что подходитъ къ берегу «Baltic» съ гарнизономъ форта Семтера и майоромъ Андерсономъ. Пристань въ минуту наполнилась народомъ, и сцена встрѣчи была восторженная.

«А нынѣ у насъ была сцена энтузіазма, какого я никогда не видывалъ. Въ 6 часовъ вечера отплывалъ въ Вашингтонъ 7-й полкъ. Было объявлено, что онъ выйдетъ изъ своего сборнаго мѣста въ 4 часа и пойдетъ на пристань по Broadway (*). Въ 12 часу мы получили изъ Бальтимора депеши, что тамъ идетъ стычка, что массачусетскія войска, отплывшія отсюда вчера, подверглись нападенію при проходѣ чрезъ Бальтиморъ и пробиваются къ станціи вашингтонской желѣзной дороги. Теперь оказывается, что нападеніе на нихъ не имѣло такой организаціи, какъ мы сначала полагали; но все-таки

(*) Broadway — главная улица Нью-Йорка.

они были принуждены стрѣлять, чтобы защититься. Можете вообразить, какъ отозвалось это извѣстіе въ душѣ отцовъ, матерей, сестеръ, братьевъ и друзей, прощавшихся съ близкими родственниками, отправлявшимися черезъ тотъ же враждебный городъ. Можете вообразить, какое чувство овладѣло всѣми. Я стоялъ у окна въ Metropolitan Hotel, на Broadway, откуда на цѣлыя двѣ мили видны улицы, по которымъ долженъ былъ проходить 7-й полкъ. Задолго до его появленія вся Broadway наполнилась толпою, — тутъ были одни только мужчины. Женщины стояли въ окнахъ и на кровляхъ. Рядомъ со мною у окна стояла вдова, единственный сынъ которой пошелъ въ рядовые въ 7-й полкъ. Она не могла не плакать, но все-таки благословляла его за то, что онъ идетъ въ походъ. Когда полкъ еще не показывался, я не понималъ, какъ онъ пройдетъ по улицѣ черезъ эту сплошную массу. Но масса раздвигалась передъ полкомъ съ восторженными криками и снова смыкалась позади его. Не могу описать вамъ сцены, какую видѣлъ я, когда онъ поровнялся съ домомъ, гдѣ я былъ. Такого энтузіазма я никогда не видывалъ.

«Не думайте, что это минутное увлеченіе массы, не находящее себѣ отвѣта въ богатомъ классѣ. Вчера былъ митингъ нью-йоркскихъ негоціантовъ. Онъ былъ восторженъ и единодушенъ въ рѣшимости безусловно поддерживать правительство. Тутъ были люди всѣхъ политическихъ партій, были люди, прежде сочувствовавшіе Югу. Когда они предлагаютъ деньги, когда требуютъ отъ правительства войны, то можете быть увѣрены, что они не шутятъ. Вотъ рѣшенія, принятыя этимъ митингомъ:

««Нью-йоркскіе негоціанты съ живымъ удовольствіемъ узнали рѣшимость президента всѣми средствами защищать правительственную власть и законъ. Забывая прежнія разницы политическихъ мнѣній, они единодушно обѣщаются всѣми силами своими поддерживать кредитъ правительства и помогать его финансовымъ операціямъ. Они оплакиваютъ возникновеніе междуусобной войны, въ которую ввергнута страна безуміемъ Юга, но убѣждены, что и политическое благоразуміе и человѣколюбіе одинаково требуютъ самыхъ быстрыхъ и энергическихъ мѣръ, — потому они совѣтуютъ правительству немедленно принять такой сильный и непреодолимый образъ дѣйствій, чтобы на вѣки искоренена была измѣна. Экземпляры этихъ рѣшеній должны быть разосланы коммерческимъ палатамъ другихъ городовъ съ приглашеніемъ къ содѣйствію мѣрамъ, нужнымъ для усиленія правительственныхъ средствъ. Настоящій митингъ назначаетъ комитетъ изъ.... (слѣдуютъ имена) для пособія правительству по военнымъ приготовленіямъ.»»

«Нью-Йоркъ, 24 апрѣля.

«Прошлое письмо мое оканчивалось демонстраціею въ честь 7 полка, отплывшаго въ Вашингтонъ. Возвращаюсь къ исторіи этого замѣчательнаго переворота въ народныхъ чувствахъ или, вѣрнѣе сказать, этого взрыва подавлявшихся чувствъ. Ни на какомъ языкѣ невозможно изобразить вполнѣ это великое народное движеніе на защиту страны и ея учрежденій, на избавленіе государства отъ внутренней анархіи. Маколей описывалъ, какъ вооружалась Англія, когда узнала о приближеніи Армады; но какъ ни живо его описаніе, оно холодно и мертво сравнительно съ пылкостью, одушевляющею всѣ сословія на Сѣверѣ. И не думайте, что этотъ духъ можетъ охладиться неудачами или медленностью первыхъ успѣховъ: повѣрьте не охладится. Если будутъ въ Вашингтонѣ неудачи, которыхъ и должно ждать, духъ, теперь возбужденный, только усилится и укоренится ими; а что онъ преодолѣетъ наконецъ все, что достигнетъ онъ торжества, заслуживаемаго его справедливостью, что Мериландъ, Виргинія и всѣ другіе штаты, противящіеся правительству, будутъ неизбѣжно побѣждены, — въ этомъ никто здѣсь не сомнѣвается. Но возвращаюсь къ разсказу. Онъ остановился у меня на 19 числѣ, когда мы только-что узнали о нападеніи бальтиморской черни на массачусетскія войска. Съ той поры прошло лишь четыре дня, а мы какъ будто прожили много лѣтъ. Нью-Йоркъ, не дальше какъ за недѣлю бывшій мирнымъ торговымъ городомъ, сталъ огромнымъ лагеремъ, въ которомъ каждый исполненъ военной пылкости и энтузіазма; торговыя дѣла совершенно остановились, прежніе раздоры прекратились; всѣ теперь готовы на защиту Союза.

«Въ субботу (20 апрѣля) мы узнали, что войска Новой Англіи прибыли моремъ въ фортъ Монро (*), и теперь онъ достаточно защищенъ. Потерять этотъ важный пунктъ, значило бы потерять власть надъ Чизапикскимъ заливомъ. Но массачусетскій полкъ, исполнившій это дѣло, составляетъ лишь часть войскъ, уже высланныхъ этимъ небольшимъ штатомъ (**). Другой массачусетскій полкъ уже проложилъ себѣ путь къ Вашингтону черезъ бальтиморскую чернь. Вслѣдъ за этими двумя полками двинуты изъ Массачусетса еще три, съ бы-

---

(*) На южной половинѣ виргинскаго берега, при входѣ въ Чизапикскій заливъ.

(**) Массачусетсъ имѣетъ только 367 квад. миль; но его населеніе простирается до 1,231,000 человѣкъ, то есть больше бѣлаго населенія Виргиніи, самаго сильнаго изъ невольническихъ штатовъ: она имѣетъ только 1,105,000 человѣкъ бѣлаго населенія. Читатель знаетъ, что въ Массачусетсѣ лежитъ Бостонъ, главный городъ всей Новой Англіи, которая имѣетъ болѣе 3,100,000 жителей и проникнута духомъ аболиціонизма.

стротою, возбудившею удивленіе и благородное соревнованіе въ другихъ штатахъ. Въ одномъ изъ этихъ полковъ есть рота, составленная изъ жителей Мербельгеда, рыбаковъ. Они были въ морѣ на ловлѣ, когда пришелъ въ ихъ городъ призывъ къ походу. Ихъ извѣстили по телеграфу, чтобы они вернулись и къ вечеру всѣ сборы ихъ были кончены и они уже были на дорогѣ въ Нью-Йоркъ. Энергія отряда изъ Конкордіи (*) еще замѣчательнѣе. Люди эти были подняты съ постелей извѣщеніемъ губернатора позже 12 часовъ ночи, а съ первымъ утреннимъ поѣздомъ они уже отправились. Если вспомнимъ, что всѣ эти отряды — мѣстная милиція, составленная преимущественно изъ людей рабочаго класса, занятыхъ постоянными мастерствами, и что она идетъ сражаться за родину не по сосѣдству съ своими домами, а за 500 миль, гдѣ теперь владычествуетъ возстаніе, то можно будетъ хоть нѣсколько вообразить себѣ, какъ глубока въ этихъ людяхъ патріотическая энергія. Впрочемъ Массачусетсъ не удовольствовался тѣмъ, что послалъ свою регулярную милицію. Онъ кромѣ того организовалъ и отправилъ другіе вновь набранные отряды. Я видѣлъ одинъ изъ нихъ. Волонтеры, его составляющіе, еще рекруты, но это съ излишкомъ вознаграждается превосходнымъ ихъ вооруженіемъ, умственнымъ развитіемъ и рѣшимостью, такъ что отрядъ очень хорошъ. Командиръ ихъ увѣрялъ меня, что всѣ они набраны, вооружены, экипированы и перевезены въ Нью-Йоркъ въ трое сутокъ. Отсюда они отправляются моремъ въ Аннаполисъ. Нѣкоторые другіе штаты Новой Англіи дѣйствуютъ съ такой же быстротой. Маленькій штатъ Родъ-Айлендъ, отправивъ превосходный отрядъ конной артиллеріи, собралъ и на свой счетъ отправилъ моремъ пѣхотный полкъ, составленный почти исключительно изъ людей состоятельныхъ, занимающихъ видное положеніе въ обществѣ и командуемый лично самимъ губернаторомъ. Пенсильванія дѣятельно собираетъ войска, но нѣтъ у ней запасовъ оружія, которыхъ лишило ее предательство заговорщиковъ, управлявшихъ при Бухананѣ Соединенными Штатами. Западъ такъ же дѣятельно вооружается, но подробностей я еще не могу сообщить вамъ, потому что здѣсь все вниманіе поглощено опасностью, угрожающею Вашингтону и восторженными сценами въ самомъ Нью-Йоркѣ. Объ этихъ сценахъ я постараюсь дать вамъ понятіе, начиная свой разсказъ съ субботы (20 апрѣля). Наканунѣ отправился изъ Нью-Йорка 7-й полкъ, а въ этотъ день прибылъ массачусетскій полкъ и былъ быстро отправленъ далѣе въ Филадельфію, при крикахъ восторженной толпы. Казалось, что въ этотъ день были брошены каждымъ всѣ его личныя дѣла для

(*) Конкордія — городъ того же массачусетскаго штата.

общественныхъ. Знамена, развѣвавшіяся наканунѣ съ домовъ, размножились во сто разъ къ этому дню и развѣвались почти изъ каждаго окна. Почти у каждаго мужчины былъ на груди значокъ изъ національныхъ цвѣтовъ — краснаго, бѣлаго и синяго. Почти у каждой дамы былъ уборъ также съ этими цвѣтами. Лавки и конторы опустѣли; на перекресткахъ и у газетныхъ конторъ толпился народъ, жадно распрашивавшій о послѣднихъ извѣстіяхъ съ Юга, потому что были слухи (къ вечеру они подтвердились), что мосты по желѣзнымъ дорогамъ около Балтимора сожжены и Нью-Йоркъ отрѣзанъ отъ сообщеній съ Вашингтономъ. Къ двумъ часамъ дня толпы стали сосредоточиваться къ центру города, и къ тремъ часамъ великолѣпная Broadway была такъ наполнена народомъ, что трудно было проѣхать экипажу. Огромный митингъ на защиту Союза происходилъ въ 3 часа на Союзной Площади. Я видѣлъ въ Европѣ много громадныхъ собраній народа: открытіе всемірной выставки, ея закрытіе, похороны герцога Вашингтона; торжество раздачи орловъ войскамъ въ Парижѣ; но нигдѣ я не видѣлъ такого огромнаго, такого одушевленнаго многолюдства и такого серьёзнаго порядка, какъ въ эту субботу на Союзной Площади. Тутъ было все населеніе огромнаго Нью-Йорка, понимавшаго важность событій и готоваго поддерживать Союзъ, которому онъ обязанъ своимъ величіемъ. Патріотизмъ и энтузіазмъ массы побѣдилъ ея предводителей, и у двоихъ изъ нихъ, недѣли три тому назадъ бывшихъ сецессіонистами, вынудилъ сильныя рѣчи въ пользу безотлагательной и энергической войны. Я сталъ на такомъ мѣстѣ, что мнѣ видна была вся великолѣпная площадь: она была вся набита людьми; тутъ было не меньше 150 тысячъ человѣкъ. На площади находится статуя Вашингтона. Въ руку ей вложили изстрѣлянное знамя, развѣвавшееся надъ фортомъ Семтеромъ; видя горячій, но вмѣстѣ спокойный энтузіазмъ одушевлявшій всѣхъ, слыша крики, которыми отзывался народъ на всякое обращеніе ораторовъ къ этому знамени, и при каждомъ требованіи войны вылеталъ живой отвѣтъ изъ груди массы, я чувствовалъ, что и республиканцы и демократы ошибались въ этомъ народѣ, что Югъ дѣйствительно «обманутъ; горько, страшно обманутъ», по выраженію одного изъ ораторовъ. Я видѣлъ новую надежду, новую будущность для Американскаго Союза: оживленный этимъ духомъ, онъ выйдетъ изъ своихъ нынѣшнихъ опасностей, очистившись ими.

«Въ разныхъ мѣстахъ огромной площади было поставлено нѣсколько эстрадъ для ораторовъ; со всѣхъ эстрадъ и съ нѣсколькихъ импровизированныхъ трибунъ въ сосѣднихъ улицахъ говорились рѣчи.

«Въ субботу вечеромъ городъ волновался извѣстіями съ Юга. Корридоры большихъ нью-йоркскихъ гостинницъ были наполнены людьми, разсуждавшими о событіяхъ дня, ждавшими извѣстій, которыя отъ времени до времени появлялись на доскѣ телеграфическихъ депешъ (въ большой нью-йоркской гостинницѣ обыкновенно бываетъ телеграфическая контора).

«Прекрасное, мягкое утро апрѣльскаго дня въ воскресенье началось маршемъ массачусетскаго полка черезъ городъ. Непохожъ былъ этотъ день на обыкновенныя тихія нью-йоркскія воскресенья: три полка города Нью-Йорка, массачусетскій полкъ, родъ-айлендскій полкъ должны были отплыть вечеромъ въ Аннаполисъ (въ эту минуту они должны быть уже тамъ). Одинъ изъ нихъ, 71 нью-йоркскій полкъ, соперничествуетъ съ 7-мъ полкомъ совершенствомъ дисциплины и тактическаго обученія. Въ другомъ, 12-мъ нью-йоркскомъ полку прежніе рядовые превосходно обучены; но число новобранцевъ въ немъ больше, чѣмъ прежнихъ милиціонеровъ, и хотя эти рекруты вообще молодцы, крѣпкіе люди, но имъ еще надобно учиться. Послѣдняго изъ трехъ нью-йоркскихъ полковъ, 6-го, я не видѣлъ. Энтузіазмъ простонародья былъ теперь еще сильнѣе, чѣмъ при отправленіи 7 полка. День былъ теплый, окна можно было отворить, не боясь холоднаго зимняго вѣтра. Въ два дня передъ этимъ удивительно выросъ урожай знаменъ; а воскресенье — праздникъ, простолюдины были нарядны и больше въ толпѣ было женщинъ въ платьяхъ свѣтлыхъ цвѣтовъ. Потому энтузіазмъ не имѣлъ грустнаго оттѣнка, съ какимъ отчасти представлялся при демонстраціи 19 апрѣля.

«На слѣдующій день (22 апрѣля, въ понедѣльникъ) около 12 часовъ мы получили извѣстія изъ Вашингтона. Курьеръ, который привезъ ихъ, пробрался переодѣтымъ. По его словамъ, Вашингтонъ былъ внѣ опасности (позднѣйшія извѣстія заставляютъ сомнѣваться въ этомъ). Вечеромъ былъ митингъ нью-йоркскихъ адвокатовъ и судей для формальнаго выраженія ихъ сочувствія правительству. Какой энтузіазмъ, какую рѣшимость ни видѣлъ я между простолюдинами на улицахъ, но адвокаты и судьи превзошли самихъ простолюдиновъ. Чтобы вы могли нѣсколько понять, каковы чувства образованныхъ сословій, я разскажу вамъ нѣкоторые изъ эпизодовъ этого митинга, который будетъ историческимъ событіемъ въ ходѣ нынѣшняго кризиса. Главный судья верховнаго суда былъ приглашенъ занять предсѣдательское кресло. Онъ демократъ, онъ въ оппозиціи правительству, но сынъ у него поступилъ рядовымъ въ 7 полкъ. Изъ семи вице-президентовъ митинга шестеро были люди, вотировавшіе на президентскихъ выборахъ противъ Линкольна; изъ 4

секретарей трое также вотировали тогда противъ Линкольна; вѣроятно вотировали противъ него три четверти изъ числа всѣхъ присутствовавшихъ. Но тѣмъ не менѣе они съ восторженными апплодисментами приняли рядъ рѣшеній, изъ которыхъ я приведу лишь одно для образца:

««Мы будемъ исполнять за каждаго судью или адвоката, служащаго въ арміи или флотѣ Соединенныхъ Штатовъ, обязанности и дѣла, ему порученныя, съ предоставленіемъ ему всего дохода и безъ всякихъ тратъ для него.»» Митингъ вотировалъ собрать сумму на пособіе тѣмъ адвокатамъ, которые пойдутъ въ волонтеры, и въ нѣсколько минутъ была собрана отъ присутствовавшихъ сумма болѣе 5,000 ф. стерлинговъ. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нью-йоркскихъ адвокатовъ, первый записывая въ этомъ спискѣ свое имя, что жертвуетъ 500 долларовъ, сказалъ, что полгода тому назадъ умеръ у него старшій сынъ, но оставалось еще двое и оба они отправились третьяго дня въ рядахъ 71 полка. Многіе другіе, записывая свои пожертвованія, говорили, что уже отправили своихъ сыновей на войну, — вы понимаете, отправили на войну не офицерами, а простыми рядовыми. Одинъ сказалъ, что отправилъ своего племянника и своего пріемнаго сына. Одинъ изъ судей, служившій прежде офицеромъ въ милиціи, сказалъ, что онъ отправляется самъ и что должность его взялся исполнять его товарищъ. Другой адвокатъ сказалъ, что онъ подписать пожертвованія не можетъ, потому что его сынъ и соучастникъ его фирмы уже отправились въ походъ и онъ обѣщалъ содержать ихъ семейства. Слова эти произносились не въ духѣ похвальбы, — это были слова спокойныхъ, твердыхъ, мужественныхъ людей, говорившихъ правду, отъ полноты сердца, и рѣчи ихъ глубоко дѣйствовали на всѣхъ слышавшихъ. Когда такіе люди посылаютъ своихъ сыновей и племянниковъ рядовыми сражаться за отечество и щедро даютъ деньги болѣе бѣднымъ лицамъ своего званія въ помощь при вооруженіи, то видишь, что они не шутятъ, и что страна, граждане которой дѣлаютъ такія жертвы, можетъ быть увѣрена въ развязкѣ дѣла, хотя бы въ началѣ его и встрѣтились неудачи по недостаточности приготовленій.

«Вчера возобновились сцены, бывшія въ воскресенье. Три нью-йоркскіе полка,—8, 13 и 69, отплыли въ Аннаполисъ; такимъ образомъ, менѣе, чѣмъ въ одну недѣлю, отправилось изъ Нью-Йорка въ Вашингтонъ болѣе 10,000 человѣкъ. 8 полкъ—одинъ изъ лучшихъ полковъ нью-йоркской милиціи. 69 полкъ составляютъ ирландцы, не хотѣвшіе встрѣчать принца Уэльсскаго. Эту невѣжливость противъ прежняго своего знамени они загладили теперь преданностью новому. Явилось 6,500 человѣкъ волонтеровъ, желавшихъ посту-

пить въ этотъ полкъ, который долженъ былъ имѣть только 1,000 человѣкъ. Вся Broadway была усыпана ирландскими служанками, вышедшими проводить своихъ соотечественниковъ, и восторженность ихъ, какъ вы сами угадаете, была безгранична.»

«27 апрѣля.

«Послѣдніе трое сутокъ прошли у насъ довольно спокойно по сравненію съ прежними днями. Тишина приготовленія и работы замѣнила горячку перваго волненія. Новыхъ полковъ въ эти дни не отправлялось. Вашингтонъ, бывшій дня четыре отрѣзанъ отъ сообщеній съ Сѣверомъ, теперь занятъ нью-йоркскими и массачусетскими полками, посланными отсюда 19, 20, 21 и 22 числа. Гарнизонъ форта Монро сильно подкрѣпленъ и входъ въ Чизапикскій заливъ оберегается. У правительства тамъ столько военныхъ судовъ, что инсургенты не могутъ показаться туда; а оградивъ отъ опасности Вашингтонъ и Чизапикскій заливъ, мы имѣемъ теперь время поосмотрѣться, сообразить, сколько потеряно и сколько выиграно нами въ первую недѣлю войны и каково положеніе воюющихъ сторонъ.

«Президентъ призываетъ 75,000 человѣкъ войска. Ему будетъ дано больше. Около 10,000 войска уже послано въ Вашингтонъ изъ Нью-Йорка; еще тысячи двѣ человѣкъ были отправлены въ Чизапикскій заливъ прямо изъ Бостона моремъ. Сверхъ того были посланы войска изъ Пенсильваніи, но сколько именно, я не умѣю сказать, потому что пенсильванскіе полки вооружаясь передвигались по разнымъ арсеналамъ. Массачусетсъ пошлетъ еще новыя войска. Онъ теперь посылаетъ два полка. Народъ отвѣчаетъ на призывъ президента съ большимъ усердіемъ, и волонтеры платятъ деньги за то, чтобъ ихъ приняли. Гнѣвъ на бальтиморцевъ чрезвычайно силенъ въ Массачусетсѣ. Когда одинъ изъ массачусетскихъ полковъ проходилъ чрезъ Нью-Йоркъ, изъ толпы спросили одного рядоваго, куда они идутъ. «Сдѣлать поискъ о двухъ недостающихъ товарищахъ (*)». Президентъ, кажется, проникнутъ тѣмъ же духомъ. Другіе штаты Новой Англіи не отстаютъ отъ Массачусетса. Маленькій Вермонтъ, въ которомъ населенія только 300 тыс., назначилъ на войну 1,000 доллеровъ и уже выслалъ полкъ, а другой маленькій штатъ Родъ-Айлендъ, который еще меньше Вермонта, сдѣлалъ еще больше. Городъ Нью-Йоркъ продолжаетъ приготовленія въ огромномъ размѣрѣ. На одномъ краю города устроенъ у насъ лагерь для двухъ полковъ, три полка уже стоятъ лагеремъ въ другомъ концѣ и

(*) То есть о двухъ массачусетскихъ милиціонерахъ, убитыхъ въ Бальтиморѣ.

еще два въ третьемъ лагерѣ. Устроивается четвертый лагерь. Кромѣ того уже организованъ полкъ зуавовъ изъ нью-йоркской пожарной команды, и могу сказать безъ преувеличенія, что въ прибавокъ къ 8 тыс. регулярной милиціи города Нью-Йорка, уже отправившимся въ Вашингтонъ, и семи полкамъ, стоящимъ лагерями въ городѣ, уже сформировано еще по крайней мѣрѣ 6 тыс. человѣкъ изъ одного города Нью-Йорка (говорю: «по крайней мѣрѣ» потому, что съ точностью, разумѣется, нельзя знать числа), а между тѣмъ постоянно записываются новые волонтеры и организуются новые полки. Не менѣе усердны люди, которымъ нельзя идти въ походъ, и дамы. Подъ управленіемъ знаменитѣйшихъ нью-йоркскихъ хирурговъ быстро формируется госпитальная часть арміи. Множество комитетовъ энергически заботится о заготовленіи платья, лекарствъ и другихъ вещей для войска. Капиталисты, которымъ нельзя идти на войну, не уступаютъ никому въ патріотизмѣ. Деньги льются рѣками на всѣ надобности. Какой нибудь полкъ долженъ только объявить, въ чемъ у него недостатокъ, онъ тотчасъ снабжается всѣмъ. Дѣла по сбору и расходованію денегъ сосредоточиваются въ «центральномъ комитетѣ» приверженцевъ Союза; члены этого комитета—важнѣйшіе нью-йоркскіе негоціанты. Одинъ изъ гражданъ, Эсторъ, уже пожертвовалъ 22 тыс. долларовъ; многіе другіе уже дали по 5, 10 и 15 тысячъ. Каждый понимаетъ, что война теперь за существованіе націи, и каждый готовъ жертвовать всѣмъ, чтобы не стерлась ни одна звѣзда съ національнаго флага. Энергія, которой съ самаго начала охарактеризовались дѣйствія нью-йоркскихъ негоціантовъ, начинаетъ обнаруживать свое дѣйствіе въ Вашингтонѣ, и я не боюсь предсказать, что уже не будутъ теперь сжигаемы корабли для спасенія ихъ отъ захвата инсургентами. Правительство наняло всѣ или почти всѣ американскіе пароходы, бывшіе въ Нью-Йоркѣ, чтобы употребить ихъ на военныя дѣйствія или на перевозку войскъ. Нью-Джерси извѣщаетъ, что всѣ четыре полка его контингента уже готовы. Войска изъ глубины нью-йоркскаго штата также готовы. Одинъ городъ Нью-Йоркъ предлагаетъ больше войскъ, чѣмъ требовалось отъ цѣлаго нью-йоркскаго штата. Впрочемъ они еще пригодятся, потому что президентъ скоро сдѣлаетъ новый призывъ. Пенсильванія, отъ которой требуется 20 тыс. войска, уже предлагаетъ 30 тыс. По извѣстіямъ съ Запада дѣло тамъ идетъ живо. Огайо, Индіана, Иллинойсъ предложатъ больше войскъ, чѣмъ требуется отъ нихъ. Говорятъ, что эти войска будутъ оставлены на Западѣ. Часть ихъ, конечно, будетъ назначена для обороны Каира, при впаденіи рѣки Огайо въ Миссиссипи. Я пишу вамъ наскоро, чтобы не опоздать на почту, и успѣлъ указать лишь главные факты. О Югѣ мы, разу-

мѣется, мало имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Инсургенты хотѣли занять своими войсками Бальтиморъ и надѣялись, что города Филадельфія и Нью-Йоркъ станутъ на ихъ сторонѣ. Отъ неожиданнаго единодушія Сѣвера и быстроты, съ какою нью-йоркскія войска поспѣшили на призывъ правительства, планъ этотъ разрушился и линія рѣки Потамака (*) остается въ рукахъ правительства.

«Нью-Йоркъ, 30 апрѣля.

«Третьяго дня Herald напечаталъ списокъ суммъ, пожертвованныхъ на Сѣверѣ для веденія войны, — кромѣ огромныхъ пожертвованій, сдѣланныхъ въ пользу того или другаго полка и съ тому подобными частными назначеніями. Огромность этой суммы удивитъ каждаго, думавшаго, что обнаружатся на Сѣверѣ разногласія, какъ начнется война. Итогъ безусловныхъ пожертвованій по списку Herald'а — 11,239,000 доллеровъ (болѣе 15 милліоновъ рублей серебромъ) (**).

«Достойна вниманія та народная организація, содѣйствіемъ которой собрано это огромное количество денегъ и приняты чрезвычайныя мѣры для веденія войны. Мало представляетъ исторія учрежденій, равняющихся этой организаціи бодростью и успѣшностью дѣйствій. Прошло только двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ президентъ провозгласилъ военное положеніе. Два дня послѣ того было употреблено, чтобы распредѣлить, сколько отъ какого штата требуется войскъ; потомъ произошли безпорядки въ Бальтиморѣ и пять дней народъ сѣверныхъ штатовъ былъ отрѣзанъ отъ всякихъ сношеній съ своимъ правительствомъ. А между тѣмъ, несмотря на всѣ эти препятствія, было, кромѣ войскъ, отправленныхъ другими штатами, послано отъ 10 до 12 тыс. войска изъ города Нью-Йорка, и всѣ они были уже вполнѣ вооружены и приготовлены къ дѣлу; а больше чѣмъ половина этихъ людей еще и не была внесена въ списки дней за 10 передъ тѣмъ, а за двѣ недѣли передъ тѣмъ всѣ эти люди мирно занимались своими дѣлами. Войска, находящіяся теперь въ Вашингтонѣ, должны были бороться съ затрудненіями, которыя были бы тяжелы и для старыхъ солдатъ. Одному полку пришлось пробиваться чрезъ бальтиморскую чернь. Знаменитый 7-й нью-йоркскій полкъ (въ которомъ всѣ рядовые—джентльмены) шелъ изъ Аннаполиса въ Вашингтонъ, поправляя

(*) На которой стоитъ Вашингтонъ.

(**) Мы отъ себя замѣтимъ, что по словамъ самого Herald'а этотъ списокъ пожертвованій не полонъ и относительно тѣхъ штатовъ, которые вошли въ него; а вошли въ него далеко не всѣ сѣверные штаты: изъ западныхъ штатовъ Herald имѣлъ свѣдѣнія о пожертвованіяхъ почти только въ одномъ Уисконсинѣ. Такимъ образомъ лишь въ одной половинѣ сѣверныхъ штатовъ, въ теченіе какихъ нибудь 10 дней, пожертвованія простирались болѣе, чѣмъ до 15 милліоновъ рублей серебромъ.

полотно желѣзной дороги, испорченное сецессіонистами, а полкъ, составленный изъ лоялльскихъ машинныхъ работниковъ, чинилъ между тѣмъ машины и поправлялъ мосты. Денегъ собирается больше, чѣмъ пока нужно, и уже заготовлены большіе запасы ихъ на будущія надобности. Снабженъ гарнизономъ фортъ Монро и отправленъ въ Европу агентъ для закупки оружія. Исполнительная власть, которая сдѣлала все это, устроилась такимъ образомъ: при первомъ извѣстіи о взятіи форта Сёмтера, нью-йоркскіе граждане, дѣйствуя черезъ свою торговую палату, назначили комитетъ «для защиты Союза» (*). Городское управленіе признало комитетъ и назначило въ его распоряженіе милліонъ долларовъ. Правительство Соединенныхъ Штатовъ дѣйствуетъ по согласію съ этимъ комитетомъ, такъ что комитетъ и правительство взаимно сообщаютъ другъ другу о всѣхъ своихъ расходахъ и распоряженіяхъ. Такимъ образомъ правительство въ критическую минуту пользуется содѣйствіемъ лицъ, замѣчательныхъ дарованіями въ практическомъ веденіи дѣлъ. Мнѣ кажется, что безъ такого комитета правительство было бы парализовано,—по крайней мѣрѣ много было бы надобно ему времени, чтобы дойти до нынѣшней здоровой энергіи въ сецессіонной атмосферѣ Вашингтона. Теперь комитетъ занятъ распоряженіями по отправкѣ 75,000 войскъ, которыя должны идти чрезъ Нью-Йоркъ. Но онъ нашелъ время хлопотать объ учрежденіи подобныхъ организацій въ другихъ штатахъ, городахъ и деревняхъ. Онъ думаетъ, что подобный комитетъ долженъ устроиться въ каждомъ округѣ и городѣ свободныхъ штатовъ, чтобы содѣйствовать центральному комитету. Нью-Йоркъ, по своему положенію и богатству, во всю войну долженъ остаться центромъ всѣхъ исполнительныхъ мѣръ, и какъ увеличилась сила свободныхъ штатовъ отъ этого комитета! Результатъ уже замѣтенъ въ томъ, что мерилaндскіе сецессіонисты поколебались, а кентуккійскіе и виргинскіе встревожены. Прискорбна будетъ неизбѣжная участь пограничныхъ невольническихъ штатовъ, если они будутъ продолжать противиться правительству. Мериландъ уже падаетъ духомъ. Его законодательное собраніе не вотируетъ отпаденіе Союза, а частныя письма изъ Бальтимора увѣряютъ насъ, что онъ будетъ держать себя смирно. Виргинія захотѣла соединить свою судьбу съ отложившимися штатами; но испуганный силою правительства, губернаторъ ея говоритъ, что не имѣетъ мысли нападать на вашингтонское правительство. Оно наконецъ стало единодушно въ рѣшимости вести войну энергически. Я прямо отъ высшихъ его членовъ знаю, что оно «пойдетъ впереди народа». Всѣ мысли объ уступ-

(*) Въ одномъ изъ переведенныхъ нами писемъ уже было разсказано о митингѣ негоціантовъ, назначившемъ этотъ комитетъ.

какъ брошены. Члены правительства просили меня увѣрить васъ, что дадутъ миръ лишь тогда, когда отберутъ отъ инсургентовъ всѣ захваченныя ими крѣпости, деньги и корабли Соединенныхъ Штатовъ и возстановитъ власть вашингтонскаго правительства надъ всѣмъ Союзомъ.

«Изъ войскъ, собираемыхъ по первой прокламаціи президента, 18 тысячъ уже въ Вашингтонѣ, 5 тысячъ въ Аннаполисѣ (*), 4 тыс. ѣдутъ черезъ Мериландъ изъ Пенсильваніи, а 2 тысячи вчера отплыли изъ Нью-Йорка моремъ. Такимъ образомъ послѣзавтра къ вечеру, генералъ Скоттъ будетъ имѣть въ Вашингтонѣ около 30 тысячъ войска. Изъ нихъ 5 тысячъ будутъ стоять въ Аннаполисѣ, который будетъ укрѣпленъ, и вся линія желѣзной дороги изъ Аннаполиса въ Вашингтонъ будетъ занята войсками. Если Бальтиморъ не покорится мирно, онъ будетъ усмиренъ военными средствами, потому что для похода на Югъ необходимо владѣть этимъ городомъ, гдѣ производится большая торговля хлѣбомъ и существуютъ машинныя фабрики: инсургенты получали изъ Бальтимора продовольствіе, пушки и артиллерійскіе снаряды. Президентъ призвалъ еще 75 тысячъ войска, такъ что теперь созывается 150 тысячъ съ прежними 75 тысяч. Генералъ Вуль, командующій въ нью-йоркскомъ штатѣ, говоритъ, что, если нужно, будетъ и втрое больше войска. Кромѣ войскъ, уже отправленныхъ, въ одномъ городѣ Нью-Йоркѣ формируется еще 19 полковъ; они почти уже готовы къ походу. Одинъ изъ нихъ, называющійся «Горнымъ-Шотландскимъ», весь составленъ изъ шотландцевъ или ихъ дѣтей, родившихся въ Америкѣ. Нынѣ я видѣлъ этотъ полкъ на ученьи; онъ очень хорошъ. Есть у насъ нѣмецкіе полки, отличный французскій полкъ и англійскій полкъ. Привязанностью къ Союзному правительству переселенцы не уступаютъ природнымъ американцамъ. Изъ полковъ, отправлявшихся вчера, особенно замѣчателенъ Пожарный-Зуавскій полкъ, составленный изъ отборныхъ людей нью-йоркской пожарной команды: по атлетической силѣ солдатъ нѣтъ, я думаю, въ арміяхъ цѣлаго міра такого полка: каждый въ немъ богатырь испытаннаго мужества. Вся пожарная команда нью-йоркская собралась вчера провожать товарищей на пароходъ, и, если бы я думалъ, что вы не утомлены моими расказами о прежнихъ демонстраціяхъ, я описалъ бы вамъ эту, которая многочисленностью и блескомъ превосходила всѣ прежнія. Изъ глубины нью-йоркскаго штата сообщаютъ, что сельское на-

(*) Ближайшая къ Вашингтону гавань, въ которой высаживаются войска, отправляемыя изъ Нью-Йорка на Югъ моремъ. Аннаполисъ лежитъ въ Мериландѣ.

селеніе такъ же взволновано и войска его сходятся въ Эльмирѣ(*). Войска штата Огайо собираются подъ командою генерала Макъ-Клеллонда, искусство котораго генералъ Скоттъ цѣнитъ чрезвычайно высоко. Въ Огайо явилось волонтеровъ слишкомъ вдвое больше, чѣмъ требовалось. Пенсильванія въ теченіе полутора мѣсяца пошлетъ въ походъ 50 тысячъ войска, превосходно вооруженнаго; многіе полки вооружены штуцерами Минье и энфильдскими; подъ командою генерала Паттерсона они первые двинутся въ отложившіеся штаты.

«Что дѣлается на Югѣ,—разумѣется, я не могу разсказать вамъ въ точности. Здѣсь полагаютъ, что сецессіонистская горячка охладѣваетъ въ Георгіи, Алабамѣ и Луизіанѣ, а въ Сѣверной Каролинѣ, Теннесси и Виргиніи она свирѣпствуетъ. Кажется, что сильныя лекарства, приложенныя къ Мерилэнду, уже излечили его. Здѣсь надѣются, что ни Кентукки, ни Миссури не будутъ заражены болѣзнью. Если же заразятся, то задача правительства нѣсколько затруднится, но конецъ дѣла будетъ таковъ же.»

Извѣстія, помѣщаемыя въ Times'ѣ, получаются здѣсь нѣсколькими днями позже, чѣмъ сообщаемыя нѣмецкими газетами; въ нумерахъ Times'а, находящихся у насъ, нью-йоркская корреспонденція доходитъ только до 30 апрѣля, а въ газетахъ, издаваемыхъ ближе къ намъ, есть уже письма болѣе поздняго времени. Потому продолжаемъ разсказъ Times'а слѣдующимъ письмомъ нью-йоркскаго корреспондента газеты «National Zeitung». Оно отправлено изъ Америки 13 мая, т. е. двумя недѣлями позднѣе послѣдняго изъ переведенныхъ нами писемъ Times'а.

«Приготовленія къ великой битвѣ, которая должна рѣшить судьбу американскаго континента, все еще не кончены. Главнокомандующій войсками Союза, Скоттъ, думаетъ, что Союзное правительство непремѣнно должно одержать побѣду въ первой же битвѣ, чтобы война не затянулась. Потому онъ двинется впередъ лишь тогда, когда будетъ имѣть громадный перевѣсъ въ силахъ. Говорятъ, онъ хочетъ выступить не меньше, какъ съ арміею въ 50 тысячъ и съ резервомъ такой же силы. Впрочемъ, ждать этого времени недолго. Около Вашингтона собралось уже 30 тысячъ войска; между Вашингтономъ и Пенсильваніею еще отъ 15 до 20 тысячъ. — Виргинскія гавани уже совершенно блокированы; уже блокируются и нѣкоторыя изъ болѣе южныхъ гаваней, напримѣръ, Чарльстонская и Саваннская. Провозъ оружія и провіанта въ возмутившіеся штаты по сухому пути успѣш-

(*) Эльмира лежитъ въ серединѣ линіи, составляющей южную границу Нью-Йоркскаго штата; въ этомъ городѣ сходятся желѣзныя дороги, перерѣзывающія нью-йоркскій штатъ и продолжающіяся на Югъ непрерывною линіею чрезъ Пенсильванію и Мерилэндъ до самаго Вашингтона.

но прекращенъ. — Суммы, добровольно пожертвованныя (т. е. подаренныя, а не данныя взаймы) корпораціями и частными лицами въ теченіе одного мѣсяца, простираются почти до 30 милл. долларовъ (около 40 милл. р. сер.). Размѣръ этихъ пожертвованій на войну покажется еще громаднѣе, если сообразить, какимъ ужаснымъ убыткамъ подверглись свободные штаты отъ безстыднаго банкротства возмутившихся штатовъ. Какъ все возстаніе съ самаго начала было основано на грабежѣ, воровствѣ и обманѣ, такъ оно теперь логически дошло до отказа отъ всѣхъ частныхъ долговъ. Губернаторы возмутившихся штатовъ объявляютъ публично въ своихъ прокламаціяхъ, какъ непреложный принципъ международнаго (вѣроятно центрально-африканскаго) права, что при войнѣ между двумя странами всѣ частные долги жителей одной страны жителямъ другой—уничтожаются. Этого мало: намекается даже, что если южный должникъ платитъ долгъ сѣверному кредитору, онъ совершитъ этимъ актъ предательства и будетъ наказанъ, какъ измѣнникъ. Потери, понесенныя черезъ то негоціантами сѣверныхъ штатовъ, простираются до 100 милл. долларовъ.

«Да и вообще «образецъ návающей цивилизаціи», какъ называетъ себя Югъ, отличается прекрасными вещами. Въ поощреніе благородныхъ крейсерамъ монтгомерійскій конгрессъ назначилъ 20 долларовъ преміи за *убійство* каждаго лица, захваченнаго на военномъ кораблѣ Соединенныхъ Штатовъ, и 25 долларовъ за доставленіе живаго плѣнника. Разница въ 5 долларовъ установлена не изъ гуманности, — надъ такими слабостями возвысились американскіе дагомейцы, — а для того, чтобы пользоваться живыми плѣнниками, какъ заложниками... А быть можетъ и то, что по африканскому международному праву плѣнниковъ хотятъ продавать въ рабы. Не смѣйтесь, дѣло это не совсѣмъ невѣроятно. Нѣсколько недѣль тому назадъ крейсеры инсургентовъ захватили транспортный пароходъ союзнаго правительства Star of the West; на немъ находились три свободные негра (матросъ, поваръ и боцманъ). Они были отправлены изъ Техаса вмѣстѣ съ другими военноплѣнными на сѣверъ; но въ Монтгомери, резиденціи султана Джефферсона Девиса, ихъ отдѣлили отъ товарищей, продали съ публичнаго торга въ рабы, и покупщики тотчасъ же увели ихъ связанными на плантаціи. Они были свободные люди, военноплѣнные, которыхъ по условіямъ капитуляціи слѣдовало возвратить на родину въ сѣверные штаты.

«Когда ежедневно происходятъ подобныя постыдныя дѣла въ этомъ пандемоніумѣ, называющемся Конфедерированными Штатами, когда ежедневно совершаются насилія, грабежи и убійства подозрительныхъ людей цѣлыми тысячами, — то разумѣется, что на Сѣверѣ энергическіе люди получаютъ перевѣсъ надъ педантами. При извѣ-

стіи, что инсургенты снаряжаютъ крейсеровъ, самые консервативные демократы на Сѣверѣ стали думать, что на такую низость надобно отвѣчать возмущеніемъ негровъ. Но правительство еще отвергаетъ мысль о такомъ возмездіи. Уже въ то время, когда инсургенты шли на Вашингтонъ, вашингтонская полиція выдала въ Виргинію бѣглаго невольника! Въ Канадѣ, Филадельфіи и Бостонѣ формировалось изъ негровъ столько батальоновъ, что изъ нихъ составилась бы цѣлая бригада; они предлагали правительству свои услуги, которыя состояли бы преимущественно въ призывѣ южныхъ негровъ къ оружію. Но правительство съ глубокимъ нравственнымъ ужасомъ отвергло такое предложеніе, — отвергло въ тотъ самый день, когда было обнаружено, что инсургенты въ Мериландѣ пытались отравить цѣлый батальонъ союзныхъ войскъ подмѣсью стрихнина въ пищу! Удивительно ли, что на Югѣ привыкли считать сѣверныхъ людей малодушными трусами, не способными къ сильнымъ страстямъ и энерическимъ дѣламъ, «золотушною сволочью», какъ теперь выражаются южныя газеты.

«Миссури—невольническій штатъ, но «золотушная сволочь» высказала тамъ энергію. Въ Сентъ-Луисѣ нѣмцы сформировали изъ себя шести-тысячное войско, и оно взяло въ плѣнъ толпу инсургентовъ въ числѣ 800 человѣкъ, занимавшихъ важнѣйшій пунктъ города въ сообщничествѣ съ губернаторомъ Миссури, сецессіонистомъ. Нѣмцы окружили 10 мая лагерь инсургентовъ, поставили противъ нихъ 4 баттареи и потребовали безусловной сдачи отъ своихъ противниковъ. Разумѣется, инсургенты сдались, были обезоружены и арестованы. Партизаны ихъ изъ горожанъ напали потомъ на нѣмцевъ, но нѣмцы открыли по нападающимъ огонь и человѣкъ 20 сецессіонистовъ было тутъ убито. На другой день слабый отрядъ этой нѣмецкой арміи подвергся внезапному нападенію и потерялъ 4 человѣка убитыми; но столько же убитыхъ и много раненыхъ было у нападавшихъ.»

Авторъ этого письма, какъ видно, очень горячій аболиціонистъ, недовольный умѣренностью правительства. Значитъ онъ — свидѣтель пристрастный, и мы поступили бы несправедливо, если бы «не выслушали и другую сторону». А вотъ мы послушаемъ ее; сначала черезъ посредство человѣка посторонняго и умѣреннаго, чтобы переходъ не былъ чрезмѣрно рѣзокъ, а потомъ представимъ уже настроенному нѣсколько въ пользу Юга читателю мнѣніе самого президента южной конфедераціи.

Когда оказалось, что разрывъ Юга съ Сѣверомъ нешуточный, Times'ъ отправилъ особеннаго корреспондента въ отдѣлившіеся штаты; такъ обыкновенно поступаетъ эта газета, какъ только гдѣ происходитъ что нибудь особенное: «спеціальный» корреспондентъ

отправляется въ эту мѣстность. Первыя письма отправившагося на югъ корреспондента заключали въ себѣ разсказъ о взятіи форта Сёмтера, и т. п. Во всемъ этомъ не было ничего важнаго. Военныя дѣйствія подъ фортомъ были сами по себѣ ничтожны, вся сила ихъ состоитъ во впечатлѣніи, какое произвели они на Сѣверъ, а не въ нихъ самихъ. Но слѣдующее письмо уже относится къ сущности дѣла.

«Штатъ Южная Каролина, 30 апрѣля.

«Все иное, что я могъ бы сказать, не важно передъ однимъ фактомъ, въ которомъ я принужденъ убѣдиться относительно мыслей, господствующихъ между джентльменами Южной Каролины. Я пробылъ между ними уже довольно долго; посѣщалъ ихъ плантаціи, они бесѣдовали со мной откровенно въ томъ открытомъ, любезномъ и изящномъ тонѣ, который составляетъ непреодолимую очаровательность ихъ общества. Ото всѣхъ слышалъ я одно и тоже, нѣтъ разногласія въ этомъ мнѣніи, оно съ удивительною силою и одинаковостью слышится по всей странѣ. Тѣни Георга III, Норта, Джонсона и всѣхъ ратовавшихъ противъ отпаденія американскихъ колоній отъ Англіи—слышите ли вы хоръ, звучащій по Южной Каролинѣ?—Если слышите, вы рукоплещете съ торжествомъ. Голосъ этотъ говоритъ: «если бы могли мы получить въ короли себѣ какого нибудь изъ англійскихъ принцевъ, мы были бы довольны». Прошу васъ не сомнѣваться въ этомъ. Мысль эта повторялась передо мною сотни разъ. Они согласны въ томъ, что исполниться ихъ желанію трудно, но они искренно восхищаются монархическими учрежденіями въ англійской формѣ, существованіемъ привилегированныхъ сословій, поземельной аристократіи. Они жалѣютъ, что нѣкогда отложились отъ Англіи и готовы были бы завтра же вернуться къ ней. Въ нихъ сильная привязанность къ англійскому устройству; многіе изъ нихъ находятся въ родствѣ съ англійскими знатными фамиліями, и смотрятъ съ невообразимымъ отвращеніемъ на жителей Сѣвера, который по ихъ мнѣнію неисцѣлимо зараженъ ядомъ «пуританства». Объясняйте какъ хотите, но это такъ. «Южная Каролина была основана джентльменами», говорятъ они мнѣ, «а не фанатиками, которые принесли въ сѣверныя колоніи бѣшеную нетерпимость». — «Если бы потонулъ проклятый корабль, на которомъ ѣхали въ Америку сектанты, основавшіе Массачусетсъ, мы никогда не были бы доведены до такой крайности», говоритъ одинъ. — «Мы еще могли бы ужиться съ этими фанатиками, если бы они были джентльмены, но между ними нѣтъ джентльменовъ», говоритъ другой.—«Лучше что хотите, восклицаетъ третій: лучше, какая хотите форма правительства; но»—тутъ слѣдуетъ площадное ругательство — «но ни за что на свѣтѣ мы не

покорился Союзу съ невѣжественными, негодными карликами Новой Англіи, не понимающими и не уважающими джентльменскихъ чувствъ. Лучше мы готовы умереть всѣ до одного». Вообразите, что подобныя тирады произносятся людьми свѣтскими, благовоспитанными, очень цѣнящими свѣтскую деликатность, и вы нѣсколько поймете силу ненависти къ свободнымъ штатамъ въ джентльменахъ южныхъ штатовъ. Въ Европѣ есть національныя антипатіи, довольно сильныя и упорныя. Ненависть итальянца къ австрійцу, грека къ турку, турка къ русскому — не слишкомъ холодное чувство. Но всѣ эти ненависти — просто равнодушіе, нейтральность сравнительно съ враждою южно-каролинскихъ джентльменовъ къ «сѣверной сволочи.»

«Войны роялистовъ съ пуританами при Карлѣ I, вандейцевъ съ республиканцами были деликатными шутками по правиламъ утонченнѣйшаго рыцарства, сравнительно съ тѣмъ, какъ будутъ воевать Югъ и Сѣверъ, если дѣла ихъ будутъ соотвѣтствовать словамъ. Нѣтъ въ темныхъ углахъ человѣческаго сердца ничего столь жесткаго и смертельнаго, какъ ненависть южно-каролинцевъ къ янки. Ненависть эта росла много лѣтъ, и стала теперь жизнью ихъ. Она заставила Южную Каролину упорно работать надъ приготовленіемъ средствъ къ борьбѣ. Я убѣжденъ, что нѣкоторые въ Южной Каролинѣ имѣли этотъ глубокій замыселъ уже лѣтъ 30 тому назадъ и съ каждымъ годомъ росла эта партія, хотѣвшая разорвать союзъ при первомъ удобномъ случаѣ. Сѣверъ для Южной Каролины — страна испорченная, дьявольская; Новая Англія — воплощеніе нравственной и политической гнусности. Она — источникъ всего ненавистнаго южнымъ каролинцамъ: свободы мысли и аболиціонизма, страна безчестная, развратная, желающая разграбить Югъ; но онъ будетъ спасенъ Южною Каролиною. Джентльмены Южной Каролины помнятъ, что они произошли отъ тѣхъ англійскихъ джентльменовъ, которыхъ преслѣдовали при Кромвелѣ, — не предки, эта сволочь не имѣетъ предковъ, — а тогдашніе представители людей, населяющихъ теперь Сѣверъ. Южный джентльменъ гордится своею старинною фамиліею, родословною связью съ фамиліями англійскихъ аристократовъ. Его плантація — древнее пожалованіе его предку отъ короля; онъ съ восхищеніемъ вспоминаетъ, что когда Стюарты были выгнаны изъ Англіи, Южная Каролина избрала изгнаннаго Карла своимъ королемъ, предложила ему убѣжище и престолъ. Въ войну за независимость половина плантаторовъ, если не больше, оставались приверженцами Георга III, и Вашингтонъ долженъ былъ послать противъ нихъ армію.»

Читатель видитъ, что дѣло именно таково, какъ мы говорили мѣсяца три или четыре тому назадъ. Вражда Юга къ Сѣверу — со-

-словная вражда, ненависть патриціевъ къ темнымъ плебеямъ, вражда высшаго сословія къ республиканскому устройству. Южнымъ джентльменамъ хочется быть придворными.

Безпристрастный читатель согласится, что ошибаются тѣ легкомысленные писатели, которые безусловно порицаютъ Югъ; онъ можетъ быть убѣдился теперь, что хорошій образъ мыслей имѣютъ южные штаты. Оно и дѣйствительно надобно только прочитать нѣкоторые отрывки изъ длиннаго посланія президента южной конфедераціи къ ея законодательному собранію, чтобы не осталось въ этомъ никакого сомнѣнія. Мы говоримъ: «нѣкоторые отрывки», потому что посланіе имѣетъ, къ сожалѣнію, и слабыя стороны; но мы не будемъ выставлять ихъ.

Джефферсонъ Девисъ говоритъ, что долженъ изложить ходъ событій, «чтобы человѣчество могло произнесть основательный и безпристрастный судъ о причинахъ и цѣляхъ настоящей войны». Чтобы содѣйствовать по мѣрѣ силъ нашихъ этой прекрасной цѣли, мы приведемъ важнѣйшія мѣста изъ очерка дѣлъ, представляемаго самимъ Девисомъ.

«Какъ только сѣверные штаты, уничтожившіе въ своихъ предѣлахъ невольничество (говоритъ президентъ южной конфедераціи), увеличились въ своемъ населеніи столько, что ихъ представители получили перевѣсъ на конгрессѣ, они приняли постоянную и организованную систему враждебныхъ мѣръ противъ правъ рабовладѣльцевъ въ южныхъ штатахъ. Непрерывный рядъ мѣръ, ими принимаемыхъ, клонился къ тому, чтобы поколебать права рабовладѣльцевъ; фанатическія общества, располагавшія деньгами, возбуждали недовольство между невольниками, доставляли имъ средства бѣжать и научали ихъ этому; законное обязательство возвращать бѣжавшихъ владѣльцамъ сначала было неисполняемо подъ разными предлогами, потомъ открыто объявлено нарушеніемъ долга совѣсти и религіозныхъ обязанностей; общества эти учили, что хорошо поступаютъ люди, уклоняющіеся отъ исполненія и противящіеся исполненію законовъ, правильно изданныхъ въ обезпеченіе конституціоннаго обязательства; противъ рабовладѣльцевъ собирался въ сѣверныхъ штатахъ народъ и даже убивалъ ихъ, когда они являлись въ сѣверные штаты требовать выдачи бѣглаго невольника» (когда же это были убиваемы рабовладѣльцы въ сѣверныхъ штатахъ? этого что-то не было слышно; а что собирался народъ и освистывалъ ихъ, это такъ). «Догматы этихъ частныхъ организацій получили господство въ законодательныхъ собраніяхъ многихъ сѣверныхъ штатовъ и были изданы въ нихъ законы, подвергавшіе разорительнымъ штрафамъ и продолжительному заключенію тѣхъ гражданъ южныхъ штатовъ, которые потребуютъ полицей-

скаго содѣйствія къ возвращенію своихъ бѣжавшихъ невольниковъ» (но вѣдь когда полиція какого нибудь сѣвернаго города хотѣла выдать бѣжавшаго невольника пріѣхавшему за нимъ рабовладѣльцу, городъ волновался, происходила драка народа съ полиціей, словомъ сказать, рабовладѣлецъ своимъ требованіемъ нарушалъ общественное спокойствіе; зачѣмъ онъ дѣлалъ это, когда ему предлагали денежное вознагражденіе, лишь бы онъ не требовалъ выдачи бѣглаго? Онъ хлопоталъ не изъ денежнаго разсчета, а изъ наглости, чтобы доказать сѣвернымъ штатамъ ихъ безсиліе передъ южными). «*Ободренные* успѣхомъ, они перенесли арену волненія и нападокъ на законныя права южныхъ штатовъ въ конгрессъ; на общій совѣтъ націи посылались сенаторы и представители, главнымъ правомъ которыхъ на это отличіе былъ духъ крайняго фанатизма и заботою которыхъ было не обезпеченіе внутренняго спокойствія, а пробужденіе жесточайшей ненависти противъ южныхъ согражданъ яростными нападками на ихъ учрежденія» (то есть на невольничество); «веденіе общественныхъ дѣлъ было замедляемо постоянными усиліями этихъ людей присвоить конгрессу незаконную власть, чтобы повредить прочности невольничества и поставить въ низкое положеніе невольническіе штаты. Наконецъ составилась большая партія съ цѣлью пріобрѣсти себѣ правительственную власть въ открытомъ намѣреніи употребить ее на исключеніе невольническихъ штатовъ отъ всякаго участія въ земляхъ, пріобрѣтенныхъ всѣми штатами вмѣстѣ» (Девисъ говоритъ о программѣ республиканской партіи, не хотѣвшей допускать невольничества въ территоріяхъ, то есть его насильственнаго распространенія на земли, населеніе которыхъ не хотѣло допускать его, какъ было напримѣръ въ Канзасѣ), «съ цѣлью совершенно окружить невольническіе штаты свободными штатами и черезъ это отнять цѣну у невольниковъ. Эта партія въ прошломъ ноябрѣ успѣла выбрать своего кандидата президентомъ Соединенныхъ Штатовъ.

«Между тѣмъ въ благорастворенномъ климатѣ южныхъ штатовъ, при внушаемой разсчетомъ и человѣколюбіемъ попечительности о благосостояніи работниковъ, число невольниковъ отъ 600 тысячъ, бывшихъ при установленіи конституціи; возрасло слишкомъ до 4,000,000» (по ценсу число ихъ менѣе 4 милл.). «Въ нравственномъ и общественномъ отношеніи они возвышены были изъ грубыхъ дикарей въ послушныхъ, умныхъ и цивилизованныхъ земледѣльческихъ работниковъ и снабжаются не только матеріальными благами, но и заботливымъ религіознымъ обученіемъ. Подъ наблюденіемъ высшей расы трудъ ихъ направлялся такъ, что давалъ возможность постепенно и чувствительно улучшать ихъ положеніе и обращать сотни тысячъ миль пустыни въ воздѣланныя земли, покрытыя счаст-

ливымъ народомъ; возникали города и быстро возрастали богатетствомъ и населеніемъ подъ южными учрежденіями» (напримѣръ, въ знаменитомъ любимомъ городѣ плантаторовъ Чарльстонѣ населеніе, простиравшееся въ 1850 г. до 42,000, въ 1860 г. простиралось до 40,000; это значитъ, что оно «быстро возрасло»; точно такъ же возрасло населеніе во всѣхъ другихъ южныхъ городахъ, кромѣ тѣхъ, изъ которыхъ невольники удалены; а въ свободныхъ штатахъ съ 1850 къ 1860 г. населеніе городовъ возрасло вообще въ полтора и въ два раза). «Продукты юга — хлопчатая бумага, рисъ, сахаръ и табакъ, для которыхъ былъ и остается необходимъ невольническій трудъ, возрасли такъ, что составляютъ почти три четверти всего вывоза изъ Соединенныхъ Штатовъ и сдѣлались безусловно необходимыми для потребностей цивилизованнаго человѣка» (мы имѣли случай нѣсколько разъ говорить, какъ успѣшно экономическое производство невольническихъ штатовъ: вывозъ товаровъ изъ нихъ дѣйствительно великъ, потому что они производятъ всѣ свои товары исключительно на вывозъ; но зато всей выручки за этотъ вывозъ не достаетъ южнымъ штатамъ на уплату долговъ сѣвернымъ штатамъ, изъ которыхъ получаютъ они не только всѣ мануфактурныя издѣлія, но даже обувь, даже хлѣбъ. Жатва хлопчатой бумаги всегда бываетъ запродана нью-йоркскимъ купцамъ за годъ впередъ; напримѣръ осенью 1860 г. была уже запродана жатва нынѣшняго года).—«При опасности, угрожавшей интересамъ столь громаднымъ, народъ южныхъ штатовъ былъ принужденъ поступками Сѣвера предпринять что нибудь для отвращенія опасности. Онъ рѣшилъ, что обиды, имъ понесенныя и бѣдствія, ему угрожающія, требуютъ, чтобы онъ отдѣлился отъ Союза. Онъ вступилъ въ новый союзъ и устроилъ новое правительство, опирающееся на его энтузіазмъ; и еслибы не вмѣшалось правительство Соединенныхъ Штатовъ въ это законное дѣло, то странѣ нашей улыбались бы нынѣ миръ, счастіе и процвѣтаніе».

Послѣ этого Девисъ очень подробно доказываетъ, что Южная Конфедерація не предпринимала и не хотѣла предпринимать никакихъ военныхъ дѣйствій противъ Союзнаго правительства. Эту часть документа мы не станемъ сообщать публикѣ, потому что «судъ человѣчества» къ-сожалѣнію не можетъ подтвердить словъ Девиса; Южная Конфедерація съ самого начала составлялась съ намѣреніемъ послать войско въ сѣверные штаты, чтобы силою заставить ихъ разрушить прежній Союзъ и составить новый Союзъ, изъ котораго была бы исключена «фанатическая» Новая Англія: заговорщики надѣялись, что нью-йоркскіе соумышленники ихъ отдадутъ имъ въ руки нью-йоркскую биржу; это не удалось, но заговорщики все-таки собрали войско и двинули его на Вашингтонъ; правительство Соеди-

ненныхъ Штатовъ вынуждено было уже только этимъ нападеніемъ и бомбардированіемъ форта Сёмтера принять военныя мѣры противъ южной конфедераціи; слѣдовательно тутъ факты, всѣмъ извѣстные, обнаруживаютъ нѣкоторую основательность увѣреній Девиса, будто-бы южная конфедерація желала сохранить миръ.—Но мы переводимъ патетическое заключеніе документа, которое скорѣе можетъ разстрогать чувствительнаго читателя. Объясвивъ единодушіе народа въ отложившихся штатахъ,—эту тираду мы не переводимъ потому, что она опять разногласитъ съ обще-извѣстнымъ фактомъ: кромѣ одной Южной Каролины, во всѣхъ остальныхъ отложившихся штатахъ сецессіонисты составляютъ меньшинство, а большинство только военнымъ терроризмомъ вынуждено подчиниться ихъ господству, опирающемуся на шайки авантюристовъ, — и такъ, объяснивъ единодушіе народа въ Южной Конфедераціи, президентъ ея кончаетъ слѣдующими патетическими словами:

«Народъ, столь единодушный и твердый, не можетъ отступить ни предъ какими жертвами, какія бы ни потребовались отъ него, и разумъ не допускаетъ сомнѣнія въ томъ, что мы наконецъ восторжествуемъ, какъ бы ни были продолжительны и тяжелы испытанія, которымъ подвергнется наша рѣшимость защищать наше прирожденное право свободы и равенства, какъ наслѣдіе, передать которое въ ненарушимости нашему потомству — первый нашъ долгъ.

«Мы чувствуемъ, что наше дѣло—правое и святое; мы торжественно протестуемъ предъ лицомъ человѣчества, что желаемъ мира, не ищемъ ни завоеваній, ни уступокъ отъ штатовъ, въ союзѣ съ которыми мы прежде были; мы хотимъ только, чтобы насъ оставили въ покоѣ, чтобы тѣ, которымъ никогда не были мы подвластны, не пытались поработить насъ оружіемъ. Этого мы хотимъ, этому мы будемъ противиться до послѣдней крайности. Когда эта претензія будетъ покинута ими, мечъ выпадетъ изъ нашей руки и мы будемъ готовы вступить съ ними въ дружескіе и торговые договоры, которые неизбѣжно будутъ полезны для обѣихъ сторонъ. А пока эта претензія существуетъ, мы съ твердымъ упованіемъ на божественную силу, облекающую своимъ покровительствомъ правое дѣло, будемъ продолжать бороться за прирожденное наше право, за свободу, независимость и самоуправленіе».

Послѣ этихъ выписокъ намъ нечего прибавлять отъ себя. Сдѣлаемъ лишь самое короткое перечисленіе главныхъ фактовъ. 12 апрѣля, когда началось бомбардированіе форта Сёмтера (гарнизонъ котораго, какъ знаетъ читатель, имѣлъ всего 70 человѣкъ), Южная Конфедерація состояла изъ 7 штатовъ Мехиканскаго залива (Южная Каролина, Георгія, Флорида, Алабама, Миссиссипи, Луизіана, Техасъ). Всѣ они вмѣстѣ имѣютъ (по ценсу 1860 г.) около

2,650,000 бѣлаго населенія и около 2,300,000 невольниковъ. Когда Линкольнъ объявилъ войну, армія этихъ штатовъ, простиравшаяся тысячъ до 20 или до 30, была уже недалеко отъ Вашингтона, куда пошла изъ Южной Каролины черезъ Сѣверную Каролину и Виргинію, а изъ Луизіаны и Миссиссипи черезъ Теннесси и Виргинію, изъ Техаса черезъ Арканзасъ и Теннесси. Такимъ образомъ изъ 8 пограничныхъ невольническихъ штатовъ, колебавшихся между вашингтонскимъ и монтгомерійскимъ правительствомъ, 4 штата — Арканзасъ, Теннесси, Сѣверная Каролина и Виргинія — были заняты войсками Южной Конфедераціи; при объявленіи войны приверженцы союза въ этихъ четырехъ штатахъ конечно были подавлены военною силою и къ Южной Конфедераціи присоединилась еще огромная полоса земли, имѣющая около 2.925,000 бѣлаго населенія и 1,210,000 невольниковъ. Въ остальныхъ четырехъ невольническихъ штатахъ пропорція невольниковъ уже гораздо меньше, чѣмъ въ 11 отдѣлившихся: при 3,690,000 бѣлаго населенія, Делаваръ, Мериландъ, Кентукки и Миссури имѣютъ только 440,000 невольниковъ. Делаваръ остался вѣренъ правительству; значительная часть Мериланда также; сѣверныя половины Кентукки и Миссури населены людьми, имѣющими ненависть къ невольничеству и уже пославшими довольно много волонтеровъ въ сѣверную армію. Читатель видѣлъ, напримѣръ, что въ Сентъ-Луисѣ, важнѣйшемъ городѣ Миссури, составилось 6—тысячное войско изъ людей враждебныхъ невольничеству и побѣдило сецессіонистовъ; а Сентъ-Луисъ лежитъ на Миссиссипи, дѣлящей Миссури на двѣ почти равныя половины; и притомъ въ большихъ городахъ, каковъ Сентъ-Луисъ, сецессіонисты особенно сильны по торговымъ связямъ этихъ городовъ съ хлопчато-бумажными штатами; приверженцамъ свободы въ Миссури и Кентукки обѣщана помощь сосѣднихъ свободныхъ штатовъ Айовы, Иллинойса, Индіаны; такъ что Кентукки и Миссури или раздѣлятся пополамъ между враждебными лагерями, или сохранятъ нейтралитетъ. Въ Мериландѣ возставшая половина штата уже усмирена: Балтиморъ занятъ союзными войсками и вмѣстѣ съ своимъ округомъ объявленъ въ осадномъ положеніи; мерилэндскія власти умоляютъ теперь о нейтралитетѣ. Слѣдовательно четыре изъ пограничныхъ штатовъ или будутъ имѣть внутреннюю борьбу или сохранятъ нейтралитетъ и во всякомъ случаѣ не дадутъ большой прибавки силъ ни той, ни другой сторонѣ. Остальные 11 невольническихъ штатовъ (4 пограничныхъ и 7 хлопчато-бумажныхъ) имѣютъ около 5,500,000 бѣлаго населенія, — вотъ весь источникъ военныхъ силъ для инсургентовъ. Населеніе свободныхъ штатовъ слишкомъ втрое больше, оно превышаетъ 18 милліоновъ человѣкъ. И

такъ, если даже не считать нравственнаго, денежнаго и техническаго перевѣса Сѣвера надъ Югомъ, борьба была бы слишкомъ неравна, хотя бы въ возмутившихся штатахъ все бѣлое населеніе было на сторонѣ инсургентовъ, или по крайней мѣрѣ во всѣхъ частяхъ этой территоріи принуждено къ повиновенію терроризмомъ инсургентовъ, какъ принуждено къ тому въ Южной Каролинѣ. Но ни того, ни другого нѣтъ. Мы нѣсколько разъ говорили, что во всѣхъ возмутившихся штатахъ, кромѣ одной Южной Каролины, сецессіонисты составляютъ меньшинство; а большинство бѣлаго населенія ждетъ лишь случая, чтобы свергнуть съ себя ихъ иго. Этого мало: на обоихъ противоположныхъ концахъ возмутившейся территоріи, —на сѣверномъ краю ея (въ западной части Виргиніи) и на южномъ краю (въ Техасѣ) — часть населенія, враждебная невольничеству, уже взялась за оружіе, чтобы свергнуть насильственное господство сецессіонистовъ. Западная Виргинія (за Аппалачскими горами) населена людьми, пришедшими съ Сѣвера; депутаты этой части штата, составляющей по пространству около 4-й доли его, а по населенію, если не ошибаемся, около третьей доли, уже собрались и объявили, что будутъ воевать съ партіею, отдѣлившею остальныя части Виргиніи отъ Союза. Въ Техасѣ противниками сецессіонистовъ командуетъ генералъ Густонъ, губернаторъ штата, не согласившійся на отторженіе штата, которое провозглашалъ техасскій конвентъ. Густонъ знаменитъ своими подвигами въ мехиканскую войну и подъ его начальствомъ былъ занятъ Техасъ американцами. — Такимъ образомъ около половины мая положеніе дѣлъ было слѣдующее. Конфедераціонные отряды, быстро двигавшіеся на взятіе Вашингтона, остановились въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ него, потому что успѣла собраться тамъ изъ сѣверныхъ штатовъ сила болѣе многочисленная. Вашингтонское правительство скоро начнетъ, теперь быть можетъ и начало, наступательныя дѣйствія. Планъ покода хранится въ глубочайшей тайнѣ, но очевидно, что будетъ наступленіе по двумъ направленіямъ: съ сѣвера прямо на югъ, изъ Вашингтона и мерилендскаго приморья двинутся войска сѣверовосточныхъ штатовъ — Пенсильваніи, Нью-Іорка и Новой Англіи; войска сѣверозападныхъ штатовъ спустятся по Миссиссипи, также въ направленіи съ сѣвера на югъ, въ Арканзасъ и Луизіану, потомъ пойдутъ на востокъ; общее направленіе этихъ двухъ армій будетъ на Южную Каролину. По другому направленію будетъ дѣйствовать третья армія, составленная также изъ восточныхъ войскъ: она отправится моремъ въ Техасъ на помощь Густону. Это ясно. Но будутъ кромѣ того высадки съ атлантическаго прибрежья въ Виргиніи или Сѣверной Каролинѣ, въ Юж-

ной Каролинѣ или въ Георгіи и Флоридѣ. Какіе пункты нападенія будутъ выбраны тутъ, отгадать нельзя. Это общее наступленіе со всѣхъ сторонъ, съ сѣвера, съ востока, съ южнаго прибрежья, съ запада и сѣверозапада, начнется, какъ полагаютъ, уже осенью, около октября, потому что лѣтній зной въ хлопчато-бумажныхъ штатахъ былъ бы обременителенъ для сѣверныхъ войскъ. До той поры театромъ военныхъ дѣйствій будетъ только сѣверный край возставшей территоріи,—восточная Виргинія и, быть можетъ, Теннесси. Союзныя войска очистятъ отъ отрядовъ Южной Конфедераціи это пространство въ теченіе лѣта.

Если инсургенты будутъ биться до послѣднихъ силъ, война кончится не очень скоро, — вѣроятно не раньше слѣдующей весны, потому что обширность захваченной инсургентами территоріи огромна: 11 штатовъ, составившихъ Южную Конфедерацію, занимаютъ пространство болѣе 35,000 кв. миль, то есть земля эта равняется величиною Пиренейскому полуострову съ Франціею, Германскимъ Союзомъ и всѣми прусскими и австрійскими владѣніями. Надобно нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы армія могла дойти отъ Вашингтона до Чарльстона или отъ Синсиннати до Новаго Орлеана: каждый изъ этихъ путей составляетъ болѣе 1,500 верстъ.

Но увидимъ ли мы отчаянную борьбу южныхъ сецессіонистовъ? Будутъ ли они, потерявъ Виргинію, обороняться въ Сѣверной Каролинѣ, потерявъ ее, въ Южной Каролинѣ и въ Георгіи? Они увѣряютъ въ этомъ. Но можетъ случиться иное: они могутъ упасть духомъ, смириться. Въ такомъ случаѣ снисходительность снова появится на Сѣверѣ и рѣшеніе вопроса будетъ отсрочено. Эта наименѣе благопріятная развязка очень правдоподобна, но и при ней нынѣшнія событія все-таки останутся не совершенно безплодны.

Впрочемъ объ этомъ мы еще успѣемъ поговорить, когда виднѣе будетъ, чего надобно ждать, примиренія ли, съ нѣкоторыми лишь уступками отъ плантаторовъ, или рѣшительнаго конца съ результатомъ въ духѣ аболиціонистовъ. А теперь надобно же сказать хоть нѣсколько словъ и о европейскихъ дѣлахъ, въ которыхъ все еще нѣтъ ничего рѣшительнаго, все еще длится натянутое положеніе.

Въ Вѣнѣ собрался имперскій совѣтъ, на который присланы депутаты лишь отъ провинцій, составляющихъ только половину имперіи по населенію. Венгрія, Трансильванія, Кроація, Истрія, Венеція не захотѣли участвовать въ дѣлѣ, принципу котораго враждебны. Впрочемъ это ни мало не мѣшаетъ имперскому совѣту удовлетворительно исполнять свое предназначеніе, выражать сочувствіе къ правительству и обѣщать ему поддержку противъ венгровъ. Венгерскій сеймъ очевидно выжидаетъ обстоятельствъ и длитъ свои засѣданія, не пред-

принимая ничего рѣшительнаго; какихъ обстоятельствъ онъ выжидаетъ, мы уже говорили много разъ. Венгры ведутъ переговоры съ кроатами и сербами и, повидимому, не совсѣмъ безуспѣшно. Кроатскій сеймъ протестуетъ противъ вѣнскихъ распоряженій и уже начинаетъ прямо говорить, что вѣрнѣе кроатамъ полагаться на Пештъ, чѣмъ на Вѣну. Кромѣ того ведутся сношенія съ итальянцами, то есть съ гарибальдинцами и маццинистами черезъ посредство Кошута, Клапки и Тюрра, которые разъѣзжаютъ по Италіи и безпрестанно имѣютъ совѣщанія съ рѣшительными приверженцами итальянскаго единства. Кавуръ, конечно, чистъ отъ этихъ злоумышленій и по мѣрѣ возможности мѣшаетъ имъ. Онъ надѣется, что въ силахъ будетъ сдержать свое обѣщаніе: не допустить маццинистовъ и венгерскихъ эмигрантовъ вторгнуться въ Венецію и Венгрію. Очень можетъ быть, что ему и удастся задержать ихъ нынѣшнимъ лѣтомъ: весны прошло ужь очень много и ему удавалось; почему же не продлиться такому успѣху еще нѣсколько мѣсяцевъ? Онъ надѣется, что французская армія передастъ ему Римъ. На исполненіе этихъ хлопотъ меньше надеждъ. Переговоры между Парижемъ и Туриномъ о Римѣ ведутся, составляются разные планы соглашенія, отчасти одобряются, почти совершенно одобряются, потомъ опять отвергаются, — обыкновенная исторія лавировки для выигрыша времени. Пересказывать эту исторію мы не намѣрены, потому что сами не посвящаемся и никого не хотимъ посвящать въ дипломатическія тайны, которыя, впрочемъ, можно прочитывать въ каждой газетѣ.

Затѣмъ, разумѣется, все обстоитъ тихо, слѣдовательно благополучно.

ОТЪ КОНТОРЫ «СОВРЕМЕННИКА»:

Контора редакціи «Современника» проситъ г-на Диттеля прислать ей нынѣшній его адресъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ГРАФЪ КАВУРЪ.

Считаться великимъ правителемъ, необходимымъ министромъ въ теченіе многихъ лѣтъ, — и какихъ лѣтъ! не апатичныхъ, сонныхъ, когда спокойно держится на мѣстѣ каждый, кому случилось попасть на мѣсто, — нѣтъ, въ періодѣ, когда кипитъ національная жизнь, происходятъ перевороты, грозятъ великія опасности, пріобрѣтаются блистательные успѣхи, напряжены всѣ силы народа и дѣйствуютъ геніальные люди, — добиться перваго мѣста въ такое время и пріобрѣсти такую репутацію, чтобы милліоны основывали всѣ свои надежды на твоемъ умѣ, готовы были слѣдовать за тобою на все, готовы были жертвовать твоему превосходству многими дорогими своими убѣжденіями, лишь бы ты руководилъ дѣломъ, лишь бы ты не покидалъ его — разумѣется, такого положенія, такой репутаціи въ такое время нельзя достичь человѣку иначе, какъ при способностяхъ, очень замѣчательныхъ. Мы ни мало не станемъ отрицать того, что Кавуръ былъ человѣкъ очень замѣчательныхъ дарованій. Едва ли любилъ его кто нибудь изъ тѣхъ, которые отдавали ему въ руки власть, почти безграничную. Говорятъ, что къ Виктору Эммануэлю онъ былъ антипатиченъ. Это очень правдоподобно. Король итальянскій — человѣкъ прямаго характера, простой, скромный; Кавуръ не могъ нравиться ему при своемъ коварствѣ и претендательности. Масса не находила въ Кавурѣ ни рыцарской отважности, ни высокаго великодушія, ни одной изъ

тѣхъ сторонъ блестящаго благородства, которыя магически на нее дѣйствуютъ, ни заботливости о простонародныхъ нуждахъ, ни прогрессивныхъ мнѣній,—ничего такого, чѣмъ очаровывается простолюдинъ въ правителѣ; даже сами парламентскіе приверженцы Кавура, сами его товарищи по кабинету не любили его: они часто шокировались его высокомѣріемъ и самовластіемъ. А между тѣмъ, парламентское большинство подчинялось ему безусловно, король соглашался на все, чего онъ хотѣлъ, масса, при всей своей нелюбви къ нему, вѣровала въ него: значитъ, велико было его превосходство надъ всѣми людьми одинаковаго съ нимъ направленія. Дѣйствительно, не было ему соперника между дипломатами и конституціонными министрами Западной Европы. Въ крайнихъ партіяхъ, и въ реакціонной и въ революціонной, находилось много людей, гораздо болѣе сильнаго ума и характера. Но по самому положенію дѣлъ, ни та ни другая партія не могла пользоваться властію въ Сардиніи; а въ консервативно-либеральной партіи, которая одна по ходу дѣлъ должна была имѣть власть, Кавуръ былъ выше всѣхъ изворотливостью ума и рѣшительностью характера; потому-то и считался онъ незамѣнимымъ правителемъ.

Мы вполнѣ признаемъ, что никто лучше его не могъ исполнять ту систему, которой онъ держался по своему образу мыслей. Скажемъ больше: мы расположены думать, что господство именно этой системы служило необходимымъ условіемъ успѣшнаго хода національныхъ дѣлъ. Но мы не восхищаемся ни системой, представителемъ которой былъ Кавуръ, ни имъ самимъ. Это требуетъ объясненія.

Все на свѣтѣ требуетъ для своего осуществленія силы. Дурное и хорошее одинаково ничтожно, когда безсильно. Что же такое сила? Въ теоріи сила дается логикою. Кто имѣетъ совершенно опредѣленные принципы, кто развиваетъ ихъ послѣдовательно, тотъ всегда одерживаетъ въ теоретическомъ спорѣ верхъ надъ людьми непослѣдовательными, говорящими въ одно время объ одномъ и томъ же и «да» и «нѣтъ». Всѣ великіе теоретики были люди крайнихъ мнѣній. Но другое дѣло — практическая жизнь. Въ ней важно то, на чьей сторонѣ большинство. А у большинства господствующій принципъ— рутина. Рѣдки бываютъ минуты, когда овладѣваетъ обществомъ сильная идея, и оно скоро утомляется непривычнымъ для него напряженіемъ умственныхъ силъ и снова впадаетъ въ рутину; а рутина — это вовсе не логическая смѣсь стараго и новаго, смѣсь мыслей, принадлежащихъ совершенно разнороднымъ принципамъ, которымъ никакъ нельзя ужиться вмѣстѣ въ послѣдовательной теоріи, но которыя очень ладно набиваются рядомъ въ головы, мало спо-

собныя мыслить. Силенъ въ обществѣ тотъ, кто имѣетъ за себя большинство. Вотъ причина тому, что въ конституціонныхъ государствахъ власть принадлежитъ обыкновенно партіи такъ называемыхъ умѣренныхъ людей, — людей непослѣдовательнаго образа мыслей, желающихъ лишь на-половину всего, чего желаютъ, исполняющихъ лишь на половину все то, къ чему стремятся. Въ Италіи по національнымъ дѣламъ есть, какъ и вездѣ, два противоположные образа мыслей, очень послѣдовательные каждый своему принципу. Представителями одного надобно назвать покойнаго короля неаполитанскаго Фердинанда и нынѣшняго правителя римскихъ дѣлъ Антонелли; извѣстнѣйшій представитель другаго—Мадзини. Котораго изъ нихъ вы ни захотите послушать, онъ разсуждаетъ гораздо логичнѣе Кавура и его сотоварищей. Но одинъ принципъ уже не удовлетворяетъ рутинному образу мыслей большинства, другой еще не вошелъ въ рутину. Отъ этого при обыкновенномъ настроеніи итальянскаго общества ни тотъ, ни другой не могутъ удовлетворить ему. Удовлетворительна только та смѣсь, которая составляетъ рутину, образовавшуюся изъ клочковъ прежняго принципа, еще уцѣлѣвшихъ, и клочковъ новаго принципа, уже успѣвшихъ сдѣлаться общими мѣстами. Люди крайнихъ мнѣній должны знать, что они работаютъ не въ свою пользу. Ихъ дѣятельность не остается безъ результата, — напротивъ, только именно отъ нея и происходитъ результатъ: общество нѣсколько подвигается назадъ усиліями реакціонеровъ, когда обстоятельства благопріятствуютъ имъ; а вообще оно подвигается впередъ усиліями рѣшительныхъ прогрессистовъ. Но работаютъ и тѣ и другіе одинаково въ пользу умѣренной партіи. Фердинандъ неаполитанскій и Антонелли, а на противоположномъ концѣ Гарибальди и Мадзини одинаково трудились въ пользу Кавура, потому что масса общества нерасположена идти далеко ни по какому направленію: она рада останавливаться подлѣ тѣхъ, которые въ дурномъ ли, въ хорошемъ ли одинаково говорятъ: «остановимся; мы уже далеко ушли; отдохнемъ, успокоимся.»

Вотъ источникъ силы, которую имѣлъ Кавуръ. Онъ принадлежалъ къ партіи рутины, къ людямъ, совѣтовавшимъ обществу не заходить далеко ни впередъ, ни назадъ. Но общее положеніе Италіи было таково, что общество не могло избѣжать прогрессивнаго движенія. Прежній порядокъ дѣлъ былъ слишкомъ тяжелъ. Потому въ рутинѣ довольно быстро уменьшался элементъ старины, довольно быстро входили въ нее обрывки новыхъ стремленій. Умѣренная партія, представительница рутины, съ каждымъ годомъ расширяла свою мѣрку возможныхъ и полезныхъ реформъ. Это расширеніе дѣлалось не по ея охотѣ, вротивъ ея желанія налагалось на

нее успѣхами прогрессистовъ. Но все равно, она шла впередъ. Десять лѣтъ тому назадъ она мечтала только объ итальянскомъ союзѣ, въ которомъ участвовали бы король неаполитанскій, папа, герцогъ тосканскій и король сардинскій. Прогрессисты работали, и черезъ нѣсколько лѣтъ программа умѣренной партіи расширилась: Кавуръ и люди, предводителемъ которыхъ онъ былъ, стали думать, что четырехъ государствъ въ Италіи слишкомъ много, довольно будетъ двухъ; Тоскана съ герцогствами и сѣверная часть Папскихъ владѣній удобно могутъ быть присоединены къ Сардиніи, а южная часть Папскихъ владѣній къ Неаполю. Когда Кавуръ, три года тому назадъ, входилъ въ соглашеніе съ императоромъ французовъ на пломбьерскомъ свиданіи, онъ мечталъ еще только объ этомъ дѣлежѣ Италіи по-поламъ, да и то лишь мечталъ, а практическая программа его не достигала и этой высоты; онъ еще полагалъ, что и Тоскана, и Папская область за исключеніемъ легатствъ, сохранятъ свою отдѣльность въ переворотѣ, который разсчитывалъ онъ произвести помощью Франціи. Зимою прошлаго года перешло въ практическую программу умѣренной партіи то, что было лишь мечтою для нея до начала войны. Сардинія уже поглотила Тоскану и разсчитывала овладѣть Папскою областью; но Неаполя еще не хотѣлъ касаться Кавуръ. Когда Гарибальди овладѣлъ Сициліею, умѣренная партія опять говорила: «довольно, остановимся на этомъ; пусть неаполитанскія владѣнія на континентѣ останутся неприкосновенными». Когда и они были введены въ составъ національнаго государства, умѣренная партія опять говоритъ: «довольно, остановимся пока на этомъ; отдохнемъ; думать о Венеціи еще рано». Мы нимало не утверждаемъ, что умѣренная партія не была права каждый разъ: какое намъ дѣло разбирать, кто правъ? Быть можетъ, мы должны сказать, что если ужь не правъ Кавуръ, то правъ не иной кто, какъ Антонелли. Къ чему же намъ договариваться до такихъ вещей? Мы лучше будемъ смотрѣть лишь на фактическую сторону дѣла, лишь на ходъ событій, и, основываясь на немъ, мы можемъ сказать, что умѣренная партія въ Италіи никогда не имѣла твердой программы по національному дѣлу; оно было ведено другими людьми, съ самаго начала поставившими себѣ неизмѣнную цѣль: стремиться къ соединенію всей Италіи въ одно государство. Умѣренная партія постоянно считала этихъ людей непрактичными мечтателями, вредными интригантами и по своей рутинности постоянно желала остановиться на перемѣнахъ, сколь возможно менѣе значительныхъ. Но старый порядокъ, кусокъ за кускомъ, падалъ подъ напоромъ интригантовъ и мечтателей. Съ каждымъ такимъ фактомъ принуждена бывала умѣренная партія на-

мѣнять свою программу. Хороша или дурна цѣль, къ которой идетъ итальянское дѣло,—за то, что оно приближается къ ней, умѣренную партію не надобно ни хвалить, ни корить; она съ своимъ представителемъ тутъ ни въ чемъ невиновата.

Да, невиновата ни въ чемъ, даже и въ томъ, что дѣло шло не такъ быстро, какъ могло бы идти при другомъ ея характерѣ, когда бы она сама стремилась къ чему нибудь опредѣленному, а не ограничивалась тѣмъ, что пассивно принимала каждый совершившійся фактъ, осуществленіе котораго замедляла своею апатичностью, своею недовѣрчивостью къ національнымъ силамъ. Вѣдь еслибъ Кавуръ и другіе предводители умѣренной партіи поступали иначе, если бы они сами шли впередъ, а не были противъ собственныхъ мыслей ведены впередъ другими, они не были бы предводителями умѣренной партіи, не были бы представителями большинства, не имѣли бы въ своихъ рукахъ и организованную силу государства, не были бы его правителями. Они были бы тогда отброшены массою, какъ люди, не соотвѣтствующіе неопредѣленности ея тенденцій, вялости ея желаній; она выдвинула бы тогда впередъ другихъ людей, и только перемѣнилась бы разстановка именъ. Предположите, что Кавуръ не мѣшаетъ Мациини, а помогаетъ ему; что же изъ этого? Ничего, кромѣ личной непріятности для Кавура: его, вмѣстѣ съ Маццини, считаютъ человѣкомъ непрактичнымъ, вреднымъ, отъ него отступаются, его сталкиваютъ съ мѣста и на это мѣсто выводятъ Рикасоли или Фарини, Ратацци или Ламормору; предположите, что и они всѣ четверо поддаются образу мыслей, который по нашему предположенію увлекъ Кавура; опять изъ этого выходитъ лишь то, что увеличивается нѣсколькими новыми именами списокъ именъ, въ которомъ теперь стоятъ Бертани и Мордини, Саффи и Криспи, Риччарди и Либертини; только и всего. А въ этомъ спискѣ столько людей способныхъ, что не выиграетъ онъ отъ прибавки этихъ новыхъ именъ; а власти надъ организованными государственными средствами они не принесутъ ему потому, что сами теряютъ эту власть, какъ только становятся людьми послѣдовательными, имѣющими твердую цѣль стремленій, — теряютъ власть оттого, что перестаютъ быть удовлетворительными для апатичной, не имѣющей яснаго образа мыслей массы общества. Имѣть обдуманную, ясную программу!— Можетъ быть это и хорошо само по себѣ, можетъ быть это и полезно для націи, но масса общества никогда не поставитъ, не будетъ имѣть своимъ представителями такихъ людей. Стало-быть нечего порицать Кавура за то, что былъ онъ такимъ, какимъ былъ, занимая мѣсто, какое занималъ: такіе люди требуются этимъ мѣстомъ; другіе не годятся для него.

Но если система, представителемъ которой былъ Кавуръ, не могла быть иною и потому не можетъ служить предметомъ порицанія, то нельзя же съ чисто-исторической точки зрѣнія не видѣть, что система эта была несоотвѣтственна цѣли, къ которой шло итальянское дѣло, и потому замедляла его успѣхи на каждомъ шагу. Да и какъ же хотите вы, чтобы было иначе? Люди не знаютъ, чего имъ хотѣть; изъ этихъ людей, не знающихъ, чего имъ хотѣть, разумѣется, приходится кому нибудь быть предводителемъ остальныхъ; онъ ихъ предводитель только потому, что тоже не знаетъ, чего ему хотѣть; какая же польза для дѣла оттого, что люди не знаютъ, чего имъ хотѣть, и какая польза дѣлу отъ этого предводителя?

Впрочемъ, «не знать, чего хотѣть»,—это вѣдь говорится только относительно дѣла, составляющаго національную задачу въ извѣстное время; а то какъ же умнымъ людямъ, напримѣръ, хотя Кавуру и другимъ предводителямъ умѣренной партіи въ Италіи, не знать, чего они хотятъ? Возьмите хотя то, какіе они люди, и вы увидите, что нельзя имъ не знать очень хорошо всего до послѣдней мелочи. Кто они? Они—люди рутины. Рутина не логична, слѣплена изъ противорѣчащихъ мыслей; это такъ. А все-таки она—вещь чрезвычайно опредѣленная, и кто держится ея, тотъ все знаетъ, рѣшительно все; нѣтъ у него ни сомнѣній, ни недоумѣній, все рѣшено за него рутиной. На балъ ли ѣхать,—надобно надѣвать фракъ (о сюртукѣ и мысли быть не можетъ), и фракъ именно чернаго цвѣта; жениться ли,—надобно выбирать невѣсту съ приличнымъ состояніемъ и хорошими связями. Такъ оно и въ національныхъ дѣлахъ. Вотъ, напримѣръ, Кавуръ дѣлается сардинскимъ министромъ: какъ же ему не знать, о чемъ стараться? Напротивъ, это ясно для него, какъ дважды-два. Сардинія — государство небольшое. На сѣверозападъ и на сѣверовостокъ лежатъ другія государства, очень большія, надъ которыми перевѣса не получишь. А по извѣстной рутинѣ, искусный министръ долженъ доставлять своему государству перевѣсъ надъ другими. Гдѣ же бы найдти такія государства, надъ которыми можетъ получить перевѣсъ Сардинія? Да вотъ на югѣ лежатъ государства, и небольшія и такія расшатавшіяся во внутреннемъ бытѣ, что не могутъ держаться самостоятельно, должны находиться подъ чьимъ-нибудь перевѣсомъ. Значитъ, надъ ними-то и надобно Сардиніи взять перевѣсъ. Хорошо; какимъ же способомъ взять перевѣсъ? Опять по рутинѣ извѣстно, что если сосѣднее государство волнуется внутренними смутами, сосѣду, желающему пріобрѣсти перевѣсъ, надобно раздувать внутреннія несогласія, помогать недовольнымъ и, чего бы ни хотѣли эти недовольные, говорить, что согласенъ съ ними. Недовольство въ итальянскихъ государствахъ происходило изъ двухъ стремленій: къ

національному единству и къ свободнымъ формамъ правленія. Значитъ, Сардинія должна являться защитницею національныхъ стремленій и либеральныхъ формъ. Противъ нихъ итальянскія правительства боролись при помощи Австріи; значитъ, надобно стать во вражду къ австрійцамъ, друзьямъ противниковъ. Это тѣмъ полезнѣе, что національная итальянская партія ненавидитъ австрійцевъ; значитъ, этимъ польстишь ей. Прекрасно; но вѣдь по той же рутинѣ государство, отыскавшее себѣ враговъ, должно искать союза съ другими государствами. Сильнѣйшія государства въ западной Европѣ— Англія и Франція. Значитъ, надобно пріобрѣсти ихъ дружбу. Чѣмъ же пріобрѣсти дружбу англичанъ? Этотъ народецъ чрезвычайно гордится своими формами правленія. Значитъ, надобно быть приверженцемъ англійскихъ формъ; оно тѣмъ нужнѣе, что итальянскіе недовольные хотятъ политической свободы, а австрійцы противятся ей въ Италіи, — надобно поддерживать то, противъ чего ратуютъ противники. Но разсчетливый народецъ эти англичане!—Одними идеями мало ихъ растрогаешь; надобно дать имъ матеріальную выгоду. Какихъ же выгодъ они добиваются? Больше всего выгодъ свободной торговли. Значитъ, надобно быть приверженцемъ свободной торговли, понижать тарифъ. Хорошо; положимъ, этими двумя приманками сочувствіе англичанъ пріобрѣтено. Но дрянной народецъ эти англичане: не любятъ воевать. Рѣчами и депешами они станутъ помогать, но такого пособія мало; нужно пріобрѣсти союзника, который далъ бы войско; а вотъ какъ-разъ такой союзникъ и готовъ во Франціи. Ему, по его внутреннему положенію, надобно непремѣнно заводить отъ времени до времени войну, чтобы отвлекать Францію внѣшними дѣлами отъ внутреннихъ, чтобы очаровывать ее военной славой. Притомъ же, вѣковое преданіе французской политики — борьба противъ габсбургскаго дома. Значитъ, вотъ и все дѣло въ шляпѣ. Какъ же тутъ сказать, что у Кавура, какъ представителя умѣренной партіи, нѣтъ опредѣленной программы по коренному свойству умѣренной партіи не имѣть опредѣленной программы? Напротивъ, программа Кавура чрезвычайно точна: искать перевѣса въ Италіи, опираясь на національное стремленіе и либерализмъ и враждуя противъ Австріи, захватившей въ свои руки этотъ искомый перевѣсъ; пріобрѣсти симпатію Англіи тѣмъ же либерализмомъ и свободною торговлею, и пріобрѣсти дружбу Франціи, давъ ей предлогъ для войны съ австрійцами, которая нужна для Франціи. Какая опредѣленная программа и какъ легко она составилась!—Просто по правиламъ дипломатической рутины.

Но рутинность программы не уменьшаетъ практической репутаціи человѣка, умѣющаго исполнять ее. Посмотрите, вѣдь купецъ

тоже дѣйствуетъ по рутинѣ: дешево купить, дорого продать, выжидать времени, не упускать хорошей минуты, искать кредита, давать кредитъ лишь солиднымъ людямъ, — кажется, просто, и ничего тутъ не придумано самимъ исполнителемъ, а вѣдь показываетъ же иной купецъ удивительныя способности искуснымъ выполненіемъ этой программы. Почему жь и Кавуру не называться геніальнымъ человѣкомъ за свое искусство? Вѣдь надобно отдать ему справедливость: нашедши для себя правила, онъ держался ихъ неуклонно и слѣдовалъ имъ очень ловко. Будь онъ съ такими качествами не вельможа, богатый по наслѣдству, а сынъ какого нибудь лавочника и займись онъ не политикой, а торговлей, онъ изъ бѣдняка сталъ бы милліонеромъ.

Все это такъ; и программа исполнялась очень искусно, и все, что входило въ программу, было ясно, точно, твердо, — значитъ, представляло всѣ залоги успѣха; все такъ, лишь одна была бѣда: главное-то дѣло не попало въ программу главнымъ дѣломъ, потому что не входило въ вѣковѣчныя правила дипломатической рутины. Вотъ только оно-то одно и осталось для Кавура, какъ для всей умѣренной партіи, дѣломъ темнымъ, о которомъ Богъ-знаетъ-какъ судить, относительно котораго приходилось поступать по рутиннымъ надобностямъ иныхъ соображеній, часто не соглашавшихся съ нимъ, часто вредившихъ ему; вотъ только оно-то и осталось какимъ-то внѣшнимъ, непонятымъ предметомъ, относительно котораго дѣйствовалъ Кавуръ на-удачу, не соображая его надобностей, жертвуя имъ *для* своихъ рутинныхъ цѣлей. Повторимъ опять: винить его тутъ не-за-что; вѣдь надобно же массѣ быть массой, то есть имѣть рутинный образъ мыслей; вѣдь надобно же кому нибудь быть представителемъ этой массы, какъ надобно же кому нибудь писать романы въ родѣ Александра Дюма, для людей, которымъ хорошіе романы непонятны. Напротивъ, надобно отдать полную честь Александру Дюма, что онъ отлично пишетъ вздорные романы, и еслибъ не писалъ ихъ онъ, читались бы романы, написанные гораздо хуже, и надобно будетъ, когда скончается онъ, — чему не дай-богъ скоро случиться: да продлитъ небо пріятную дѣятельность знаменитаго старца! — когда онъ скончается, мы возрыдаемъ, что огромное большинство европейской публики лишилось писателя незамѣнимаго.

На томъ же основаніи мы называемъ смерть Кавура великою потерею для итальянцевъ умѣренной партіи, то есть для всей массы итальянцевъ, за исключеніемъ очень малочисленныхъ друзей кардинала Антонелли и довольно малочисленныхъ людей дѣйствительно яснаго и твердаго прогрессивнаго образа мыслей. Кто будетъ вести дѣла по рутиннымъ понятіямъ съ такимъ искусствомъ и съ такою

твердостію? Рикасоли и Ратацци, Фарини и Бонкомпаньи,— все это передъ Кавуромъ — то же, что Поль Феваль и маркизъ Фудрасъ передъ Александромъ Дюма-старшимъ. Одна у насъ надежда—на молодаго человѣка, находящагося посланникомъ въ Парижѣ. Не даромъ Нигра былъ любимцемъ Кавура, единственнымъ повѣреннымъ всѣхъ его задушевнѣйшихъ разсчетовъ. Авось онъ оправдаетъ наши надежды. А не онъ, такъ кто нибудь другой откроется съ кавуровскими талантами. Такъ, надѣемся, что утрата современемъ, и даже въ скоромъ времени, вознаградится. Но вѣдь это пока еще надежда, и пока она исполнится, надобно будетъ чувствовать всю великость утраты.

Многимъ не нравилось наше малое удивленіе Кавуру. Да и то, что мы теперь написали, покажется, пожалуй, несправедливо. — «Какъ же это можно говорить, что Кавуръ, чрезвычайно хорошо понимая всѣ дѣла, которыя велъ, не понималъ главнаго дѣла, которое слѣдовало бы ему вести? Какъ можно утверждать, что, очень искусно ведя всѣ другія дѣла, онъ не велъ итальянскаго національнаго дѣла такъ же искусно? Милліоны образованныхъ людей въ Европѣ увѣрены, что онъ чрезвычайно много содѣйствовалъ успѣху этого дѣла, а вы находите, что онъ своимъ непониманіемъ и неискусствомъ мѣшалъ ему? Это свидѣтельствуетъ только, что вы не знаете фактовъ». — Положимъ, что не знаемъ; попробуемъ познакомиться съ ними.

Мы не станемъ писать біографію Кавура. Для этого еще слишкомъ мало матеріаловъ; да еслибъ и были матеріалы, то итальянское національное движеніе представляетъ много людей, болѣе достойныхъ подробной біографіи, чѣмъ Кавуръ. Мы очертимъ въ нѣсколькихъ словахъ лишь важнѣйшіе факты его государственной дѣятельности. Не будемъ распространяться ни о его знатномъ происхожденіи и огромномъ богатствѣ, ни о личныхъ его вкусахъ, ни о частной его жизни,—все это не относится къ дѣлу. Не будемъ говорить и о воспитаніи, какое получилъ онъ въ домѣ отца, бывшаго въ свое время однимъ изъ главныхъ служителей реакціонной системы въ Сардиніи, однимъ изъ людей, ненавистнѣйшихъ и народу и образованному обществу своей родины. Пожалуй, этимъ воспитаніемъ можно было бы извинить многое; но вѣдь намъ и не нужно отыскивать извиненій, — мы ни въ чемъ не винимъ Кавура. Мы только смотримъ на факты его государственной дѣятельности, на ихъ отношеніе къ національному итальянскому дѣлу; а фактическій характеръ, дѣйствительный результатъ дѣйствія остается одинъ и тотъ же, какими бы обстоятельствами предшествующей жизни ни объяснялось извѣстное отношеніе человѣка къ дѣлу. Да еслибъ и говорить о ре-

акціонномъ воспитаніи Кавура, оно, пожалуй, не послужило бы ему извиненіемъ. Вѣдь извѣстно, что если человѣкъ воспитывается въ какой нибудь фальшивой системѣ и если потомъ начинаетъ онъ чувствовать ея несостоятельность, понимать истину, то прежнее близкое знакомство съ заблужденіемъ сильно помогаетъ ему въ разъисканіи истины. Дурное воспитаніе дурно тѣмъ, что рѣдкому удается сбросить съ себя его иго; за то, кто сбрасываетъ его, тому уже легче всякаго другаго стать человѣкомъ свободнымъ отъ рутины. Фоксъ такъ же имѣлъ отцемъ крайняго реакціонера и получилъ такое же воспитаніе. Если, отбрасывая предразсудки дѣтства, Кавуръ не отбросилъ съ ними и рутины, это показываетъ, что рутинность уже слишкомъ глубоко вкоренилась въ самой его натурѣ.

Но какъ бы ни разсуждать о психологической сторонѣ вопроса, характеръ отцовской репутаціи налагалъ на Кавура двойную осмотрительность въ образѣ дѣйствій при началѣ карьеры, если бы онъ хотѣлъ служить національному дѣлу. Положимъ, что люди съ дипломатическими наклонностями могутъ пренебрегать популярностью; но какъ бы кто ни презиралъ ее, не станетъ онъ преднамѣренно дѣлать себя подозрительнымъ для общества, въ которомъ долженъ дѣйствовать. Кто начинаетъ карьеру съ безъизвѣстнымъ именемъ, тотъ можетъ довольно часто дѣлать неосторожности, не навлекая на себя подозрѣнія. Положеніе Кавура было не таково. Ему нужна была чрезвычайная осторожность, чтобы не рѣшили всѣ съ перваго же раза, что онъ «пошелъ въ отца». Ему надобно было сильно позаботиться о снятіи съ себя оттѣнка, бросаемаго на него фамиліею. Онъ поступилъ иначе. Сталъ въ ряды крайней правой партіи, партіи, подозрѣваемой въ клерикализмѣ и абсолютизмѣ, говорилъ противъ прогрессистовъ рѣзче, чѣмъ кто нибудь. Положимъ, что либералы были и глупы и вредны, какъ онъ доказывалъ; но, конечно, предоставилъ бы онъ другимъ, менѣе подозрительнымъ своимъ товарищамъ изобличать ихъ, если бы разсчитывалъ служить національному дѣлу, въ которомъ нужно же хотя нѣкоторое сочувствіе публики. Если онъ поступалъ иначе въ 1848 и слѣдующихъ годахъ, надобно изъ этого заключать, что или онъ не понималъ, что дѣлаетъ, или думалъ дѣйствовать въ такомъ кругу, для котораго общественное мнѣніе ничего не значитъ. Судя по всему, надобно предполагать второе. До самаго конца жизни, Кавуръ считалъ дипломатическія связи важнѣе популярности, иноземную поддержку важнѣе національныхъ симпатій и государственную силу ставилъ единственно въ регулярномъ войскѣ, пренебрегая всякими волонтерами и народными ополченіями. Мы не то говоримъ, что онъ былъ не правъ въ этомъ, — мы только указываемъ, какъ онъ смотрѣлъ на вещи. Если

дѣйствовать регулярнымъ войскомъ, иностранными союзами и дипломатическими связями, — популярность, конечно, ничего не значитъ.

Своими рѣчами въ духѣ крайней правой партіи Кавуръ сдѣлался страшно непопуляренъ. Если онъ думалъ тогда о національномъ единствѣ, разсчитывалъ вести къ нему Италію, пріобрѣтеніе такой репутаціи было чрезвычайною ошибкою. Но Кавуръ тогда вовсе и не думалъ ни о чемъ подобномъ. Для него существовала только Сардинія. Италія представлялась ему не больше, какъ группою слабыхъ государствъ, на правительства которыхъ можетъ пріобрѣсти Сардинія точно такое же вліяніе, какимъ пользовалась Австрія. Итальянское единство — это мечта; сливать раздробленныя части страны въ одно государство — это нелѣпость; можно только доставить Пьемонту дипломатическое первенство между ними въ-родѣ того, какъ Англія владычествуетъ въ Португаліи, или Франція въ Египтѣ. До итальянскаго народа нѣтъ ему никакого дѣла; нужно только устроить, чтобы въ каждомъ итальянскомъ государствѣ правительство держалось помощью сардинскаго. Союзъ съ итальянскими правительствами, отказъ отъ всякой помощи со стороны народныхъ силъ, вотъ первый видъ политической програмы Кавура. Приведемъ одинъ фактъ, очень рѣзкій. Великій герцогъ тосканскій и папа были низвергнуты. Сардинія потерпѣла неудачу въ первомъ походѣ противъ австрійцевъ и готовилась начать второй. Австрійцы въ то же время собирались послать войска для возстановленія папы и герцога тосканскаго. Значитъ, сардинское правительство имѣло тѣхъ же враговъ, какъ партія, одержавшая верхъ въ Тосканѣ и Римѣ. Могла ли Сардинія ждать отъ этой партіи хорошей поддержки себѣ въ войнѣ съ австрійцами, это все равно,—во всякомъ случаѣ Тоскана и папскія владѣнія отвлекали къ себѣ часть силъ общаго непріятеля. Что же совѣтуетъ Кавуръ? Онъ совѣтуетъ сардинскому правительству (самъ онъ тогда еще не былъ министромъ) послать войско во Флоренцію и Римъ для возстановленія герцога тосканскаго и папы, то есть тѣхъ правительствъ, которыя не могутъ не быть усерднѣйшими приверженцами австрійцевъ. Дѣйствительно, посылается сильный корпусъ сардинской арміи для низверженія національной партіи во Флоренціи и Римѣ, и въ то же время остальныя сардинскія войска идутъ противъ австрійцевъ, которые быстро уничтожаютъ ихъ въ знаменитой новарской битвѣ. Потеря этого сраженія въ значительной степени произошла оттого, что лучшія сардинскія войска находились въ другомъ краю страны,—они шли на Флоренцію и Римъ. Видно, возстановлять папу и великаго герцога тосканскаго было нужнѣе, чѣмъ отражать австрійцевъ. Это такая несвладица, которой трудно повѣ-

рить; но дѣйствительно было такъ. Чѣмъ объяснить такое безразсудное ослабленіе своихъ силъ въ роковую минуту? Партія, управлявшая тогда сардинскими дѣлами, и совѣтникъ ея Кавуръ полагали, что полезныхъ союзниковъ должны искать они только въ легитимныхъ правительствахъ итальянскихъ государствъ, а никакъ не въ національной партіи. Они хотѣли, возстановляя папу и герцога тосканскаго, взять съ нихъ обязательство дѣйствовать за-одно съ Сардиніею,—мечта, достойная аркадскихъ пастушковъ: такъ велико было ослѣпленіе Кавура правиломъ рутинной политики.

Скоро Кавуръ, по превосходству своихъ талантовъ, сдѣлался предводителемъ правой стороны въ парламентѣ; потомъ попалъ и въ министерство. Сначала онъ занималъ въ немъ второстепенныя мѣста, но твердость характера, неутомимая дѣятельность и парламентскій талантъ уже и тогда доставляли ему главный вѣсъ въ кабинетѣ. Черезъ годъ или черезъ два онъ и по формѣ сдѣлался первымъ министромъ.

Въ первые годы власти главнымъ дѣломъ его была забота о финансовыхъ реформахъ и объ усиленіи арміи. То и другое было необходимо для будущей борьбы съ Австріею. Финансовыя реформы состояли главнымъ образомъ въ пониженіи тарифа. Мы не имѣемъ ничего въ порицаніе тому; напротивъ, согласны съ поклонниками Кавура, что введеніе принципа свободной торговли было очень полезно для Сардиніи. Но, за исключеніемъ одной этой стороны, наименѣе осязательной для массы народа, система податей и налоговъ не была облегчена Кавуромъ,—нѣтъ, многіе изъ прежнихъ налоговъ были увеличены; кромѣ того, установлено было много новыхъ. Въ 1850 г. доходы Пьемонта простирались только до 95,500,000 лиръ, въ 1858 г.—уже до 145,000,000,—въ 8 лѣтъ они увеличились слишкомъ на половину; разумѣется, такое увеличеніе не могло быть доставлено однимъ развитіемъ богатства страны,—бóльшая часть прибавки произошла просто отъ увеличенія тяжести налоговъ. И дѣйствительно налоги въ Сардиніи стали при Кавурѣ и до сихъ поръ остаются очень обременительны. Разумѣется, такія важныя цѣли, какъ національное единство, совершившееся въ противность ожиданіямъ Кавура, или хотя бы простой перевѣсъ надъ другими итальянскими государствами, къ которому онъ стремился, не достигаются безъ великихъ пожертвованій. Мы нимало не смущаемся тѣмъ, что въ такіе критическіе годы постоянно оказывался дефицитъ и государственный долгъ сильно возросталъ. Мы не о томъ говоримъ, что Сардинія могла не дѣлать въ то время расходовъ, превышавшихъ ея нормальныя средства,—мы указываемъ лишь на тотъ фактъ, что для удовлетворенія чрезвычайнымъ надобностямъ государства Кавуръ

нимало не колебался увеличивать обременительность налоговъ, и на это обстоятельство указываемъ не въ упрекъ ему, а лишь въ свидѣтельство вѣрности нашихъ словъ о его программѣ. Еслибъ онъ думалъ о національномъ единствѣ, о привлеченіи массы итальянцевъ подъ общую власть савойской династіи, такой образъ дѣйствій былъ бы слишкомъ грубою несообразностью, какой не могъ сдѣлать Кавуръ при своемъ умѣ. Масса повсюду и всегда расположена соразмѣрять свое сочувствіе къ извѣстной системѣ съ величиною налоговъ, взимаемыхъ ею; это — самая осязательная норма достоинствъ системы. Если бы Кавуръ думалъ объ итальянскомъ народѣ, у него достало бы сообразительности показать Италіи, что налоги въ Сардиніи легки: лучше было бы сдѣлать на какихъ бы то ни было невыгодныхъ условіяхъ нѣсколько сотъ лишнихъ милліоновъ долга, лишь бы не увеличивать прежнихъ налоговъ и отмѣнить нѣкоторые ненавистнѣйшіе изъ нихъ. Но съ своей точки зрѣнія Кавуръ былъ правъ: тому кругу, на который онъ опирался, нѣтъ надобности до чувствъ массы, а для дѣла, котораго онъ хотѣлъ, и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ хотѣлъ его, приверженность массы не нужна.

Огромные расходы, сильно увеличившіе и государственный долгъ Піемонта и обременительность налоговъ, были до извѣстной степени неизбѣжны: нужно было строить желѣзныя дороги, нужно было усиливать крѣпости, запасаться оружіемъ для новой войны, нужно было расплачиваться за прежнюю несчастную войну. Но въ значительной степени расходы могли быть уменьшены, если бы принята была другая организація военныхъ силъ. Извѣстно, что есть на континентѣ Западной Европы двѣ совершенно различныя системы этой организаціи. Самымъ блистательнымъ примѣромъ одной системы служитъ французское военное устройство. Тамъ срокъ службы подъ знаменами довольно продолжителенъ, и постоянно содержится подъ ружьемъ значительнѣйшая половина тѣхъ людей, которыхъ можетъ правительство выставить противъ непріятеля въ случаѣ войны. Резервы мало развиты. Другая система въ очень умѣренномъ развитіи принята Пруссіею, а до полнаго развитія доведена въ Швейцаріи. Въ Пруссіи рекрутъ удерживается подъ знаменами лишь на столько времени, чтобы вышелъ изъ него уже готовый спеціалистъ военнаго дѣла, готовый солдатъ; какъ только онъ готовъ, онъ отсылается домой, и въ мирное время не обременяетъ своимъ содержаніемъ правительство. Этотъ резервъ, совершенно готовый для генеральной битвы хоть на второй же день по своемъ призывѣ подъ знамена, въ три или четыре раза многочисленнѣе солдатъ, находящихся на содержаніи правительства во время мира. Благодаря этой системѣ, войско въ мирное время стоитъ Пруссіи вдвое дешевле,

чѣмъ Франція (пропорціонально населенію), а при войнѣ Пруссія (также пропорціонально населенію) имѣетъ вдвое больше войска, чѣмъ Франція. Но въ Пруссіи, какъ мы сказали, еще только на половину примѣненъ принципъ организаціи, противоположный французскому, а вполнѣ онъ принятъ, благодаря особенному географическому характеру страны и особеннымъ принципамъ ея политики, въ Швейцаріи. Тамъ постоянно находятся на службѣ лишь малочисленные отряды тѣхъ людей, которымъ дѣйствительно нужна долговременная подготовка по техническому характеру ихъ военной роли: та часть артиллерійской прислуги, которая должна управлять дѣйствіемъ орудій, та часть саперовъ, которая предназначена руководить технической частью работъ, небольшія кадры унтеръ-офицеровъ, назначенныхъ быть учителями военной техники, наконецъ та часть офицеровъ, которая во время войны будетъ завѣдывать военными дѣйствіями: генеральный штабъ и выходящіе изъ него штабъ-офицеры и генералы. А тѣ люди, которымъ не предназначено на войнѣ играть специальныхъ ролей,—всѣ будущіе солдаты и большая часть унтеръ-офицеровъ и офицеровъ пѣхоты и большая часть будущихъ солдатъ другихъ родовъ оружія, — берутся для обученія лишь на одинъ мѣсяцъ въ эти кадры инструкторовъ, и потомъ ежегодно созываются на одну недѣлю для повторенія пріемовъ, которымъ выучились въ первый годъ. Разумѣется, эти люди не могутъ быть употреблены въ большое сраженіе на другой же или на третій день послѣ того, какъ будутъ призваны къ походу: имъ нужно нѣсколько недѣль походной жизни, чтобы стать солдатами. Но вѣдь въ нынѣшнихъ войнахъ нѣсколько недѣль походнаго времени всегда предшествуютъ серьёзнымъ военнымъ дѣйствіямъ. Пока арміи сойдутся, пока подвезутъ къ нимъ артиллерійскіе парки и т. д. и т. д., неизбѣжно пройдетъ столько времени, что швейцарскіе милиціонеры, уже привыкшіе къ военнымъ пріемамъ, обратятся въ хорошихъ солдатъ. Швейцарія выводитъ на войну (пропорціонально населенію) въ три раза больше войска, чѣмъ Пруссія, въ шесть разъ больше, чѣмъ Франція. А между тѣмъ въ мирное время, содержаніе войска обходится Швейцаріи въ пять разъ дешевле, чѣмъ Пруссіи, въ десять разъ дешевле, чѣмъ Франціи.

Французскій принципъ удобнѣе тогда, когда армія содержится для наступательныхъ войнъ и для подавленія бунтовъ. При прусской системѣ войско еще годится и для наступательной войны въ чужой странѣ, но болѣе пригодно оно для войны среди дружеской страны съ непріятелемъ, занимающимъ ее. Швейцарская система исключительно пригодна лишь для втораго случая, а для войнъ среди непріязненнаго населенія не годится. Кромѣ того, при ней кавалерія не

можетъ быть доведена до такой силы, какъ при французской системѣ; слѣдовательно она вполнѣ примѣнима лишь для тѣхъ странъ, гдѣ кавалерія не можетъ играть важной роли въ большихъ битвахъ. За то швейцарскій принципъ неимовѣрно увеличиваетъ военную силу государства при войнѣ на родинѣ или въ дружеской странѣ. Швейцарія, имѣя съ небольшимъ 2 милл. населенія, можетъ выставить до 250 тыс. войска, такъ что эта маленькая земля, при спорѣ за Нёвшатель, чувствовала себя въ силахъ отбить всю прусскую армію.

По соображенію всѣхъ обстоятельствъ, швейцарскій принципъ былъ полезнѣйшимъ для Пьемонта. Принявъ его въ полномъ развитіи, Пьемонтъ, имѣвшій 5.500,000 населенія, могъ бы вывесть на войну отъ 500 до 600 тысячъ войска. Театромъ войны должна была служить восточная часть Пьемонта и Ломбардія,—страна, вся усѣянная мызами, построенными изъ камня, перерѣзанная безчисленными оросительными каналами, совершенно неудобная для кавалеріи, (которая, дѣйствительно, и не играла никакой роли въ сардинско-французскомъ походѣ 1859 г.). Но чтобы принять эту систему, которая маленькому Пьемонту давала бы военную силу, равную всей австрійской, то есть давала бы ему вѣрный успѣхъ въ войнѣ, при невозможности австрійцамъ послать въ Италію болѣе половины своей арміи,—чтобы принять эту систему, надобно было понимать войну съ Австріею, какъ войну чисто національную, надобно было принимать главнымъ основаніемъ для нея національное чувство. Кавуръ смотрѣлъ на дѣло иначе, потому не могъ принять не только швейцарскаго, но даже и прусскаго устройства. Національный энтузіазмъ не входилъ въ его разсчеты; онъ полагался только на тѣхъ солдатъ, которые уже готовы до начала войны; онъ и тутъ совершенно держался рутины. А прусскій принципъ — принципъ новый, несогласный съ рутиною. Кавуръ самъ видѣлъ и окружилъ себя военными людьми старой школы, которые такъ же видѣли единственный идеалъ военныхъ силъ во французской организаціи. Онъ и они хотѣли вести войну исключительно солдатами по ремеслу, отвергая всякую милицію, всякихъ волонтеровъ, какъ элементы, слишкомъ ненадежные. Ламармора и Фанти организовали сардинскую армію съ педантической заботливостью о выправкѣ, о ранжирѣ. Потому, употребляя на армію чрезвычайно много денегъ, Сардинія могла выставить противъ Австріи не больше, какъ 60 тысячъ войска. Народное ополченіе считалъ Кавуръ, съ своими генералами, за ничто, или хуже, чѣмъ за ничто, за помѣху. Отъ этого-то и надобно было истощать силы Сардиніи, отъ этого—то и оказывались силы Италіи недостаточными для войны съ Австріею и нужно было, во что бы то ни стало, привлечь на войну французскую армію.

Если бы смотрѣть на войну, какъ на дѣло національное, которое очень быстро можетъ организоваться энергіею національнаго чувства, было бы возможно начать войну вдругъ, безъ предварительной долгой ссоры съ Австріею. Можно было бы скрывать свои намѣренія до послѣдняго дня предъ объявленіемъ войны, напасть на непріятеля врасплохъ, когда онъ не успѣлъ бы еще усилить своихъ войскъ въ Италіи, не сдѣлалъ бы никакихъ приготовленій къ оборонѣ, воображая себя среди глубокаго мира. Національная партія нѣсколько разъ предлагала это. Она предлагала поднять Ломбардію въ такое время, когда у австрійцевъ во всѣхъ ломбардо-венеціанскихъ земляхъ было не больше 50 тысячъ войска, не имѣющаго большихъ военныхъ запасовъ. Нынѣ миръ и ни малѣйшаго вида ссоры. Завтра возстаетъ Миланъ, и черезъ недѣлю итальянскія войска уже занимаютъ страшные горные проходы изъ Тироля въ Ломбардію. Австрійцы оттѣснены къ Веронѣ, не могутъ прислать подкрѣпленій раньше, какъ мѣсяца черезъ три, а въ три мѣсяца сардинская армія, служа кадрами для поголовнаго ополченія ломбардцевъ и для волонтеровъ центральной Италіи, усилившись войсками Тосканы, Пармы и Модены, имѣетъ уже отъ 200 до 250 тысячъ солдатъ,—число, достаточное для совершеннаго очищенія Венеціи отъ австрійцевъ, не приготовленныхъ, разстроенныхъ. Кавуръ отвергалъ эти планы, — они были не сообразны съ рутиной; онъ представлялъ себѣ войну съ Австріей въ родѣ того, какъ воевала бы Франція съ Англіей или съ Пруссіей: извѣстно, какъ начинаются войны по заведенному порядку. Возникаетъ дипломатическое недоразумѣніе; долго, долго обмѣниваются депешами, все болѣе и болѣе грознаго тона, — въ этомъ проходитъ полгода, годъ; начинаютъ придвигать войска къ границамъ, отодвигать ихъ отъ границъ и опять придвигать, и все ведутъ переговоры, и противникъ имѣетъ годъ, года полтора времени приготовляться къ войнѣ. Кавуръ дѣйствовалъ по дипломатической рутинѣ, какъ будто въ рутинномъ дѣлѣ. Года за полтора до начала войны онъ завелъ ссору съ Австріей, раздувалъ и раздувалъ эту ссору, и пошла эта исторія рутиннымъ порядкомъ. Австрія наводнила ломбардо-венеціанскія земли безчисленнымъ войскомъ.

Разумѣется, при такомъ веденіи дѣла, нельзя было побѣдить австрійцевъ иначе, какъ французскими войсками. Надобно отдать справедливость Кавуру: слишкомъ за полгода до открытія похода, онъ обезпечилъ себѣ помощь французской арміи. Но и тутъ рутинный взглядъ на приготовлявшуюся войну отнялъ у него возможность заключить союзъ на условіяхъ, какія могъ бы онъ получить, если бы не былъ увлеченъ ошибочнымъ понятіемъ о своемъ собственномъ

дѣлѣ. Онъ представлялъ себѣ дѣло такъ. Сардинія, маленькое государство, хочетъ отнять двѣ богатыя провинціи у большаго государства. Маленькое государство можетъ воспользоваться насчетъ большаго, лишь когда успѣетъ склонить другое большое государство къ войнѣ съ нимъ. Онъ воображалъ, что перехитрилъ Наполеона, что будетъ загребать жаръ его руками, что Наполеонъ предпринимаетъ войну по его убѣжденію. А когда мы убѣждаемъ и упрашиваемъ кого-нибудь приняться за наше дѣло, пособить намъ, мы должны предоставить ему какія нибудь выгоды, и онъ диктуетъ намъ условія, какія хочетъ. Такъ оно и устроилось. На пломбьерскомъ свиданіи, осенью 1858 года, когда заключенъ былъ союзъ на войну съ Австріею, императоръ французовъ игралъ такую роль, что собственно ему война не нужна, что онъ склоняется на нее по убѣжденію Кавура, который такъ хорошо разъяснилъ ему, какую пользу извлечетъ онъ изъ этой войны, а самъ онъ и не думалъ прежде о войнѣ. Кавуръ разъяснилъ ему, какъ полезно для Франціи усилить Сардинію; Наполеонъ вошелъ въ этотъ разсчетъ и потребовалъ вознагражденія за такую услугу; вознагражденіемъ были назначены Савойя и Ницца. Союзникъ, склонявшійся на войну лишь по убѣжденію Кавура, конечно предоставилъ себѣ распоряженіе всѣмъ. Напримѣръ. Сардинія хочетъ завоевать Ломбардію и Венецію; хорошо, но вѣдь не имѣетъ же она претензіи на Тоскану? Слѣдовательно, ей все равно, какъ Франція распорядится Тосканой; потому императоръ Наполеонъ попробуетъ, нельзя ли будетъ изъ Тосканы, съ прилежащими землями, устроить королевство для принца Наполеона. Съ той точки зрѣнія, съ какой Кавуръ смотрѣлъ на дѣло, нельзя было ему не соглашаться на всѣ требованія Наполеона: важность лишь въ томъ, что, слишкомъ увлеченный своею мыслью о необходимости французской помощи для завоеванія Ломбардіи съ Венеціею, онъ забылъ другую сторону отношеній: императору французовъ война съ Австріею была такъ же необходима, какъ самому Кавуру. Во что бы то ни стало, нужно было императору французовъ занять Францію войною съ одною изъ великихъ европейскихъ державъ. Къ войнѣ съ Англіею онъ не былъ готовъ и не могъ приготовиться въ теченіе еще многихъ лѣтъ. Война съ Пруссіею равнялась бы объявленію войны противъ Англіи. Слѣдовательно, оставалась одна Австрія. А съ Австріею могъ онъ воевать только въ Италіи, чтобы не касаться германскихъ земель, не поднимать Пруссію и Англію противъ себя. Если бы Кавуръ не воображалъ, что только для Сардиніи нужна война, если бы онъ не являлся съ убѣжденіями и просьбами, слишкомъ горячими, императоръ французовъ самъ обратился бы къ нему съ убѣжденіями: «доставьте мнѣ предлогъ для войны съ

Австріею; пропустите мои войска на эту войну», — и тогда условія союза диктовалъ бы Кавуръ.

Дальнѣйшія событія, конечно, еще памятны читателю. Виллафранкскій миръ былъ пораженіемъ Кавура: онъ долженъ былъ выйдти въ отставку. Франція держала сторону Австріи въ цюрихскихъ переговорахъ; Италія, не освобождаясь отъ австрійскаго господства, становилась вмѣстѣ съ Австріею подъ верховную власть Франціи. Но національное чувство разрушило эти разсчеты. Одна часть Италіи за другою насильно принуждала туринскихъ правителей принимать ее въ составъ возникавшаго національнаго государства.

Кавуру дѣлаетъ великую честь то, что онъ вышелъ въ отставку, когда увидѣлъ, что по виллафранкскому миру Италію хотятъ поставить въ положеніе, худшее прежняго. Но онъ нимало не участвовалъ въ томъ, что Италія вышла изъ этого положенія. Онъ, снова сдѣлавшись министромъ, только принималъ одинъ за другимъ совершившіеся факты, совершенію которыхъ или не помогалъ, или прямо мѣшалъ. Тоскана съ герцогствами и Романья выдержали тяжелое испытаніе и рѣшили свою судьбу собственною настойчивостью, прежде, чѣмъ Кавуръ снова сдѣлался министромъ. Походу Гарибальди на Сицилію онъ гораздо больше мѣшалъ, чѣмъ содѣйствовалъ. Походу Гарибальди на Неаполь онъ прямо мѣшалъ. Юговосточную часть Папской Области онъ отважился занять лишь для того, чтобъ помѣшать Гарибальди идти на Венецію, чтобы не была оттѣснена отъ управленія дѣлами умѣренная партія, чтобы не овладѣли властью рѣшительные приверженцы національнаго дѣла.

Въ чемъ же его величіе? Въ томъ, что онъ хотя принималъ совершившіеся факты, — другіе на его мѣстѣ могли бы не сдѣлать и того. Да, у людей въ его положеніи ужь и то великая заслуга, рѣдкое, высокое достоинство, когда они не слишкомъ медлятъ принимать совершающіеся наперекоръ ихъ прежней программѣ факты. Потому, повторяя общій голосъ всей Европы, говоримъ и мы: Кавуръ былъ великій правитель.

РАЗМЫШЛЕНІЯ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. ШИЛЛЯ

О ГОСУДАРСТВЕННОМЪ ИЛИ ЗЕМСКОМЪ ЗАЕМНОМЪ БАНКѢ.

Затруднительность экономическаго положенія Россіи въ настоящую минуту — самый важный изъ нашихъ общественныхъ вопросовъ. Всѣ, болѣе или менѣе, стѣснены въ своихъ обстоятельствахъ, страдаютъ, жалуются, и, главное, не видятъ близкаго выхода изъ тяжелаго положенія. Различныя мѣры, осуществляемыя правительствомъ или предлагаемыя частными лицами, обѣщаютъ улучшенія, или слишкомъ отдаленныя, или частныя, не измѣняющія общаго хода дѣлъ.

Трудно представить себѣ, чтобы хозяйственное положеніе страны могло быть въ болѣе трудномъ положеніи, чѣмъ теперь у насъ. Поземельнаго общественнаго кредита не существуетъ. Личный кредитъ потрясенъ до основанія, чтобы не сказать—уничтоженъ. Почти нѣтъ возможности получить долга или найти кредиторовъ; для капиталовъ нѣтъ вѣрныхъ помѣщеній; акціонерный разгромъ, упадокъ цѣнъ почти всѣхъ общественныхъ бумагъ разорилъ всѣхъ, помѣстившихъ въ нихъ свои деньги; во всѣхъ отрасляхъ промышленности и торговли застой; самые солидные дома падаютъ; со всѣхъ сторонъ раздаются жалобы на безденежье, даже на недостатокъ денежныхъ знаковъ; монета рѣдка; а между тѣмъ торговый балансъ требуетъ вывоза ея за границу въ огромномъ количествѣ; вексельный курсъ причиняетъ каждый день громадныя потери; начатыя предпріятія остаются недоконченными; дороговизна возростаетъ непо-

мѣрно; невыгоды переходнаго положенія въ крестьянскомъ вопросѣ ежедневно становятся ощутительнѣе.

Администраторы, ученые, торговые люди, коммиссіи, комитеты, канцеляріи выбиваются изъ силъ, стараясь придумать средства помочь злу; но ихъ изолированныя усилія, руководимыя абстрактными теоріями, или личными воззрѣніями, или, наконецъ, отдѣльными интересами, не только не подвигаютъ общаго дѣла, но даже не разъясняютъ причинъ затрудненій. Одни приписываютъ ихъ излишку кредитныхъ билетовъ; другіе—недостатку ихъ, и требуютъ выпуска новыхъ знаковъ; одни ссылаются на невыгодный торговый балансъ; другіе считаютъ теорію торговаго баланса устарѣвшимъ предразсудкомъ; одни требуютъ торговой и промышленной свободы, другіе жалуются на недостатокъ покровительства; одни нападаютъ на реформу кредитныхъ установленій, другіе видятъ въ ней спасеніе. Провѣрить эти противорѣчія съ дѣйствительностью, согласить ихъ съ настоящими нуждами страны, къ несчастію, нѣтъ возможности...

Еслибъ общность зла могла служить утѣшеніемъ, мы легко могли бы утѣшиться. Различнаго рода кризисы и финансовыя затрудненія сдѣлались почти нормальными явленіями во всей Европѣ. Почти всюду экономическое положеніе и производимое имъ настроеніе умовъ одинаковы. Кажущееся равновѣсіе бюджета, но дѣйствительный дефицитъ; прогрессивное возрастаніе внутренняго и внѣшняго долга, уплата или сокращеніе котораго не имѣютъ ни малѣйшей вѣроятности; увеличеніе налоговъ; преобразованія, постоянно оказывающіяся полумѣрами; общія жалобы на возрастающую дороговизну; дурное положеніе коммерческихъ дѣлъ; быстрыя обогащенія, смѣняемыя еще быстрѣйшими банкротствами; противоположность и враждебность интересовъ капитала и труда; громадная сплошная масса рабочаго населенія, вѣчно трудящагося и вѣчно нуждающагося, ничѣмъ не обезпеченнаго и представляющаго живое противорѣчіе экономической гипотезѣ будто «капиталъ есть накопленный трудъ», — вотъ, въ общихъ чертахъ, физіономія финансоваго и экономическаго положенія, установившагося въ Европѣ. Отъ времени до времени общество выводится изъ обычной колеи какимъ нибудь міровымъ открытіемъ, громадно умножающимъ общую сумму богатства, но дѣлающимъ еще болѣе неравномѣрнымъ его распредѣленіе, или внезапнымъ разгромомъ, разоряющимъ тысячи, обогащающимъ десятки;—но затѣмъ, жизнь опять идетъ прежнею чередою, полная наслажденій для капитала, безвыходныхъ лишеній для труда.

Но однохарактерность затрудненій не уравниваетъ положеній. Для Европы прошли тѣ времена, когда кризисы являлись рѣже, но

за то наводили поголовный паническій страхъ, и проходя, оставляли за собою призракъ, надолго грезившійся запуганнымъ народамъ. Теперь къ нимъ привыкли, освоились съ ними, такъ что не успѣетъ кризисъ миновать, спекуляція мчится на всѣхъ парахъ, рискуя либо воротить его, либо наверстать потерянное. Олицетвореніе спекуляціи — биржа и банкъ, храмы богатства царящіе надъ Европою; въ ихъ узкія двери непрестанно врываются толпы, толкая, давя, разбивая другъ-друга; привратники равнодушно выкидываютъ убитыхъ и раненныхъ, подъ-часъ сами выбрасываются нахлынувшею толпою; а новыя толпы второпяхъ считаютъ трупы, шагая черезъ нихъ, чтобъ занять опроставшіяся мѣста. Вооруженная цѣпь пропускаетъ къ дверямъ только прилично одѣтыхъ людей, сдерживая напоръ грязныхъ и голодныхъ массъ, отъ времени до времени съ остервененіемъ силящихся прорваться, но всякій разъ отбрасываемыхъ съ урономъ. Между этими массами и людьми храмовъ богатства примиренія быть не можетъ, потому что въ храмахъ слишкомъ мало мѣста для всѣхъ; а сдѣлать ихъ вмѣщающими всѣхъ или получать богатство и силу безъ нихъ—еще не придуманы средства. Хотя при такомъ порядкѣ большинству скверно, но за то людямъ попавшимъ въ храмы хорошо,—до тѣхъ поръ, пока ихъ не раздавятъ; но какъ мѣста раздавленныхъ никогда не остаются праздными и храмы всегда наполнены, а законы и общественное мнѣніе исходятъ отъ нихъ, и въ нихъ же дѣлается оцѣнка положенія, то оно почти всегда оказывается болѣе или менѣе удовлетворительнымъ.

Нѣсколько затруднительнымъ оно считается только тогда, когда приходится дѣлать большія издержки для удержанія напирающей массы.

Совсѣмъ не таково положеніе у насъ. Мы до сихъ поръ жили почти первобытною жизнью; потому кризисы до сихъ поръ совершенно разстроиваютъ все наше существованіе на продолжительное время. Въ послѣднее время мы было рискнули, по примѣру другихъ, кинуться въ спекуляцію, забывъ правило: «не спросясь броду, не суйся въ воду», — не справясь ни съ обстановкой, ни съ средствами, ни съ познаніями,—и теперь не знаемъ, какъ выбраться изъ омута, изъ котораго другіе, повидимому, такъ легко выныряютъ. Съ другой стороны, живя по первобытному манеру, мы не имѣли храмовъ богатства; люди помѣщавшіеся въ нихъ въ Европѣ, собирались у насъ по какимъ-то каморкамъ, о существованіи которыхъ не имѣли никакого понятія массы, неразвитыя и жившія совершенно отдѣльною, замкнутою жизнью. У насъ не было цѣлой организованной экономической системы, основанной на извѣстныхъ принципахъ, представлявшей нѣчто цѣлое. Нашъ экономическій бытъ состоялъ

изъ пестрой смѣси явленій, остававшихся безъ перемѣны въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, разнородныхъ началъ, заимствованныхъ въ различныя времена у различныхъ народовъ, и фактовъ, происшедшихъ изъ помѣси этихъ двухъ противоположныхъ элементовъ. Въ немъ до сихъ поръ найдешь слѣды славянъ, варяговъ, Византіи, татаръ, всякой нѣмечины и двунадесяти языковъ. Только теперь начинается разсортировка этого разнокалибернаго хаоса, въ которомъ, на ряду съ негоднымъ хламомъ, есть начала, могущія дать Россіи великую будущность. Это переходное время—одно изъ самыхъ томительныхъ для современниковъ, но для страны одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ: теперь, опредѣляется программа ея будущей исторіи. Каждый промахъ теперь важнѣе всѣхъ предъидущихъ ошибокъ. Въ такое время финансовый кризисъ опаснѣе, чѣмъ когда нибудь: онъ можетъ вызвать мѣры, которыя горько откликнутся впослѣдствіи, и надолго исказить правильное рѣшеніе вопросовъ первостепенной важности.

Устранить финансовыя затрудненія въ Россіи — дѣло далеко не трудное. Это исполинское царство со всевозможными естественными богатствами, способнымъ, даровитымъ населеніемъ, съ угодьями, достаточными для привольной жизни тройнаго населенія—могло бы быть неисчерпаемымъ золотымъ дномъ. Нужно только измѣнить порядокъ, при которомъ сокровища, лежа подъ спудомъ, тлѣли и уничтожались, и страна, способная быть первая по благосостоянію, была одною изъ бѣднѣйшихъ въ Европѣ. Съ этимъ нельзя не согласиться, имѣя хоть маленькое понятіе о прошедшемъ нашихъ государственныхъ финансовъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія они были въ бѣдственномъ положеніи, дошедшемъ почти до крайности въ 1810 году. Расходы превышали доходы на 80 милліоновъ руб.; государственный кредитъ былъ въ сильномъ упадкѣ; внѣшнихъ займовъ заключать было невозможно, да они и не помогли бы, потому что неравновѣсіе бюджета было явленіемъ не случайнымъ, а нормальнымъ; обычнымъ ресурсомъ—выпускомъ ассигнацій—нельзя было болѣе пользоваться: ассигнацій въ обращеніи было на 576 милл.; цѣнность ассигнаціоннаго рубля, въ прежнее время равнаго рублю серебряному, упала до 40 к. Правительство рѣшилось на всевозможныя пожертвованія. Государственный совѣтъ предположилъ рядъ рѣшительныхъ мѣръ: сокращеніе расходовъ, назначеніе новыхъ не иначе какъ съ разрѣшенія государственнаго совѣта, лучшее устройство экономическихъ земель, обращеніе всѣхъ казенныхъ экономическихъ суммъ и всѣхъ статей казеннаго дохода въ государственное казначейство, преобразованіе налоговъ, прекращеніе выпуска ассигнацій;

объявленіе, что новые выпуски будутъ производиться не иначе, какъ по предварительному о томъ манифесту, прекращеніе негласныхъ 7% займовъ у частныхъ лицъ, предоставленіе купечеству участія въ управленіи банкомъ, учрежденіе по городамъ конторъ для размѣна ассигнацій. Министръ финансовъ представилъ государственному совѣту подробный *планъ финансовъ*, въ которомъ указывались мѣры для изъятія изъ обращенія ассигнацій, поднятія ихъ курса, возстановленія государственнаго кредита и уравненія бюджета.

По тому времени, всѣ эти предположенія составляли весьма важныя, почти коренныя реформы; но имъ было не суждено осуществиться. Приготовленіе къ войнѣ, потомъ 4 года исполинской борьбы отвлекли вниманіе отъ внутреннихъ реформъ и еще болѣе разорили казну и государство. Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько лѣтъ, народившихъ новыя затрудненія потомству. Безпрестанно заключаются займы для погашенія ассигнацій, но масса ассигнацій почти не уменьшается, курсъ ихъ поправляется едва замѣтно, а между тѣмъ Россія пріобрѣтаетъ значительное бремя, и бюджетъ отягощается новыми расходами по займамъ. Вступленіе въ министерство Канкрина нѣсколько улучшаетъ дѣла, но событія 1828, 30, 31 годовъ — войны турецкая и польская, холера, возстанія въ поселеніяхъ — опять разстроиваютъ ихъ. Казалось бы, послѣ столькихъ продолжительно упорныхъ, систематическихъ невзгодъ не было возможности поправить финансы въ странѣ, удрученной крѣпостнымъ правомъ, преграждавшимъ всякую возможность экономическаго развитія. Но проходятъ 15 лѣтъ и Россія представляется оправившеюся. Въ 1847 году денежный, торговый и продовольственный кризисы одновременно разразились надъ Европой; Франція и Англія вынуждены дѣлать огромныя закупки хлѣба, почти всѣ правительства дѣлаютъ займы; французскому банку угрожаетъ банкротство; его металлическій запасъ быстро уменьшился съ 252 до 71 мил. франковъ, тогда когда предстоящіе платежи простираются до 368 милл.; англійскій банкъ въ большомъ затрудненіи; денежныя средства его недостаточны для удовлетворенія требованій торговли; парламентъ отмѣняетъ изданный 4 года назадъ билль, ограничивающій выпускъ билетовъ.

Въ эту критическую для всѣхъ эпоху, финансы Россіи достигаютъ апогея. Порты Чернаго и Азовскаго морей завалены хлѣбомъ; подвалы крѣпости переполнены золотомъ; государственное казначейство отдѣляетъ изъ своихъ средствъ $12^1/_2$ милліоновъ наличностью въ резервный фондъ; 147 милл. звонкою монетою, обезпечиваютъ 290 милл. кредитныхъ билетовъ, находящихся въ обращеніи; заграничный вексельный курсъ стоитъ выше пари. Правительство обмѣниваетъ 50 милл. франк. наличности на 3% и 5% ренты, спасая

этимъ французскій банкъ отъ кризиса, и покупаетъ на 30 милл. руб. сер. англійскихъ и голландскихъ фондовъ,—являя изумленной Европѣ небывалый примѣръ денежнаго изобилія.

И эти результаты были достигнуты въ короткій промежутокъ, 15 лѣтъ, не какими нибудь геніальными мѣрами или коренными реформами, — словомъ, не особою системою, а просто обыкновенною нѣмецкою аккуратностью и разсчетливою бережливостію, опиравшимися на громадные рессурсы страны. Еслибъ это было дѣломъ правильной системы, она пережила бы лицо, и мы не дошли бы, спустя 14 лѣтъ, до настоящаго положенія. Но, значитъ, тѣмъ болѣе шансовъ выйти изъ него въ такое время, когда подняты важнѣйшіе финансовые вопросы, когда у всѣхъ устарѣвшихъ учрежденій подрѣзаны якоря.

Весь вопросъ, теперь, въ пониманіи. Мы должны, во что бы ни стало, понять свое положеніе, свои потребности, свои силы,— иначе неизбѣжны ошибки за ошибкой. А нельзя не сознаться, что такое пониманіе до сихъ поръ для насъ дѣло, повидимому непривычное. Вмѣсто того, чтобъ развивать и разработывать почву, находящуюся у насъ подъ ногами и строить новый бытъ по широкой мѣркѣ нашего привольнаго отечества,—у насъ, на каждомъ шагу, при всякой новой мѣрѣ протягиваютъ руку на западъ, чтобъ позаимствоваться какими нибудь формочками или лекалами. И вѣдь вовсе не для того дѣлается это, чтобъ сличить ихъ съ своими потребностями, да позаимствовать только то, что можетъ пригодиться у насъ,—нѣтъ, такъ таки цѣликомъ пригоняютъ подъ нихъ нашъ бытъ, не обращая даже вниманія на то, что у себя, дома, они части цѣлаго, въ которомъ все пригнано одно къ одному, тогда какъ у насъ, по старой привычкѣ, опять составляется мозаика; что дома они приправлены различными условіями, которыхъ у насъ нельзя принять въ разсчетъ; что, наконецъ, и тамъ-то многое изъ нихъ признано уже негодным лучшими умами.

Такимъ образомъ, весьма легко можетъ случиться, что въ то самое время, какъ у насъ съ величайшимъ трудомъ и пожертвованіями разрушаются, вмѣстѣ съ одряхлѣвшими учрежденіями, зародыши собственныхъ хорошихъ началъ, для того, чтобъ передѣлать ихъ на иностранный манеръ, у владѣльцевъ этого манера готовятся также преобразованія, гораздо ближе подходящія къ нашимъ прежнимъ началамъ, чѣмъ къ тѣмъ, которыя выводятся съ такими усиліями.

Употребляя слово «у насъ», говоря о томъ, что дѣлается въ Россіи, мы вовсе не имѣемъ въ виду, чтобъ непониманіе своего и пристрастіе къ чужому были общими недостатками всѣхъ русскихъ, или хотя большинства общества. Но вѣдь для дѣла рѣшительно все рав-

но, каковы чувства и симпатіи большинства народа, или образованнаго меньшинства, если они ровно ничѣмъ не проявляются и не имѣютъ никакого вліянія на общее положеніе. Ни одна изъ реформъ не удовлетворяла до сихъ поръ вполнѣ общественнаго мнѣнія, но отъ этого слѣдующія не становились болѣе удовлетворительными. Это великое несчастіе, тѣмъ болѣе ощутительное, что немалая доля его принадлежитъ не рутинерамъ, не людямъ стараго порядка, а дѣятелямъ новаго поколѣнія. Стремленіямъ министерства финансовъ надо отдать полную справедливость: оно не только не отвергаетъ науки, но старается воспользоваться всѣми наличными учеными силами, поручая предварительныя работы по каждой новой реформѣ извѣстнѣйшимъ нашимъ экономистамъ и финансистамъ. Общество, съ своей стороны, съ величайшимъ вниманіемъ и стоическимъ терпѣніемъ прислушивается къ ихъ голосу, расположенное принять съ сочувствіемъ всякую порядочную мысль, превознести ея автора. Затѣмъ это уже чистое несчастіе страны, если въ числѣ этихъ будущихъ государственныхъ людей, такъ мало способностей выше посредственности.

Обыкновенно ссылаются на невозможность сдѣлать что либо серьёзно хорошее, при извѣстной неблагопріятной обстановкѣ и отсутствіи нѣкоторыхъ необходимыхъ условій. Это совершенно справедливо относительно частныхъ лицъ. Человѣкъ, занимающійся, напримѣръ, финансовыми и экономическими вопросами въ литературѣ очевидно не имѣетъ возможности вполнѣ высказаться; ему безпрестанно приходится глотать мысли, урѣзывать выводы и заключенія; если къ тому же его направленіе нѣсколько разнится отъ господствующаго, ему часто вовсе невозможно высказаться, и никакимъ образомъ неудастся получить личнаго вліянія на ходъ дѣлъ. Но для человѣка, разъ попавшаго къ государственному станку, и продолжающаго стоять у него, подобные доводы немыслимы; они означаютъ только собственную шаткость или несостоятельность. Это правило, вѣрное вездѣ, особенно справедливо въ такихъ странахъ, гдѣ нѣтъ раздѣленія властей, и для правительства задумать, значитъ исполнить. Въ такой странѣ человѣкъ, у котораго спрашиваютъ его мнѣніе, можетъ вполнѣ разсчитывать на возможность осуществленія его, не сегодня, такъ завтра, въ полномъ объемѣ. Затѣмъ, если эти мнѣнія неудовлетворительны, причиною тому исключительно личность выразившаго ихъ.

Много совершено финансовыхъ реформъ въ послѣднее время, много предполагается новыхъ, и нельзя назвать положительно ни одной, которая бы вполнѣ удовлетворила общественное мнѣніе. А вѣдь у насъ нѣтъ организированныхъ партій, изъ которыхъ каждая счи-

таетъ священною обязанностью ругать все, что бы ни сдѣлали противная; у насъ никто не родится тори или вигомъ, бонапартистомъ или легитимистомъ, и рѣшительно всѣ готовы были бы привѣтствовать каждую истинно дѣльную мѣру, потому что всѣмъ неловко. Но могутъ ли онѣ считаться удовлетворительными, когда во многихъ случаяхъ, сами составители наслаждавшіеся своими дѣтищами въ коммиссіяхъ, теряютъ значительную долю симпатій къ нимъ, видя ихъ — даже не въ дѣлѣ, а только въ печати. А между тѣмъ положеніе таково, что, право, пора бы серьёзно помочь ему.

Всякій понимаетъ, что у насъ, въ настоящее время, инціатива въ этомъ дѣлѣ можетъ выйти только отъ правительства; къ нему и обращаются общія надежды. Предположенія частныхъ людей стали, въ послѣднее время, появляться чаще прежняго; въ нихъ иногда встрѣчаются весьма дѣльныя указанія, разумѣется, только по отдѣльнымъ вопросамъ; но безъ правительственной санкціи, они не имѣютъ силы.

Къ числу такихъ предположеній принадлежитъ недавно напечатанная статья I. Н. Шилля: «*Предположенія объ учрежденіи русскаго государственнаго или земскаго заемнаго банка*» и т. д. Она, безъ сомнѣнія, возбудила общее вниманіе, потому что предметъ ея — вопросъ животрепещущаго интереса, и она содержитъ не только анализъ и критику, но и полный выработанный проэктъ. Г. Шилль уже не разъ затрогивалъ одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ нашего общественнаго организма—затруднительное положеніе государственныхъ и частныхъ финансовъ — развивая причины этого грустнаго явленія, приписывая его, въ значительной степени, слишкомъ крутой ликвидаціи прежнихъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій и недостаточности замѣнившаго ихъ государственнаго банка для удовлетворенія насущныхъ потребностей русской жизни; теперь онъ предлагаетъ средство поправить наше положеніе.

Статьи г. Шилля мы всегда читали внимательно, хотя не во всемъ раздѣляемъ его взгляды и вообще держимся въ экономическихъ вопросахъ не того воззрѣнія, какъ онъ. У г. Шилля вовсе не замѣтно несноснаго доктринерства и педантизма, которыми часто отличаются экономисты; у него, напротивъ, широкій и ясный взглядъ, много сердца и пониманія русской жизни. Поэтому, несмотря на различіе общихъ воззрѣній, мы находили возможность раздѣлять многія изъ его мнѣній. Въ оцѣнкѣ преобразованія нашихъ кредитныхъ установленій мы почти сходимся.

Отдавая полнѣйшую справедливость познаніямъ, побужденіямъ, намѣреніямъ главнаго двигателя банковой реформы; болѣе того, ставя его весьма высоко, какъ человѣка, мы тѣмъ не менѣе по-

ливаемъ, что нѣкоторая доля настоящихъ затрудненій принадлежитъ, прямо или косвенно, этой реформѣ. Прежнія кредитныя установленія требовали преобразованій — это фактъ безспорный. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы всякое, какое бы то ни было преобразованіе было удовлетворительно. Настоящее наше положеніе лучше всего подтверждаетъ эту мысль. Авторъ «*Историческаго очерка денежнаго обращенія въ Россіи*» и «*Статистическаго обзора операцій государственныхъ кредитныхъ установленій*» лучше всѣхъ долженъ былъ знать, что наши банки были не сколкомъ съ учрежденій другихъ странъ, вызваннымъ модою подражанія или прихотью какой нибудь финансовой теоріи, а явленіемъ, возникшимъ и развившемся вслѣдствіе насущной необходимости и требованій народной жизни. Поэтому, рядомъ съ недостатками, у нихъ были и хорошія стороны, которыя необходимо было сохранить при преобразованіи. Недостатки банковъ происходили отчасти отъ ихъ собственной организаціи, отчасти отъ общихъ коренныхъ недостатковъ нашего общественнаго устройства: напримѣръ, отъ неограниченности выпуска кредитныхъ билетовъ, непризнанія полноправности всей массы рабочаго населенія и т. д. Собственные недостатки банковъ можно было устранить преобраваніемъ ихъ организаціи, не уничтожая ихъ хорошихъ сторонъ, по крайней мѣрѣ главной — надѣленія Россіи поземельнымъ кредитомъ, пока нѣтъ для того другихъ учрежденій. Что касается до общихъ недостатковъ, то они будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока не отстранятся основныя причины ихъ; одно преобразованіе банковъ тутъ не поможетъ; оно только видоизмѣнитъ форму прежнихъ дѣйствій, представитъ ихъ въ болѣе благовидномъ или усложненномъ, т. е. менѣе понятномъ для массы видѣ, но сущности ихъ не измѣнитъ.

Недостатки самого государственнаго банка обнаружились вслѣдъ за его учрежденіемъ по тремъ важнѣйшимъ, можно сказать жизненнымъ, для Россіи вопросамъ: онъ лишилъ землевладѣльцевъ поземельнаго кредита, не могъ ничего сдѣлать для предотвращенія настоящихъ затрудненій, и, главное, не оказывастъ никакого содѣйствія окончательному разрѣшенію крестьянскаго вопроса.

Пользованіе поземельнымъ кредитомъ — не милость, получаемая землевладѣльцами отъ правительства; такой взглядъ могъ быть въ ходу только въ младенчествѣ экономическаго развитія; при настоящихъ условіяхъ, надѣленіе землевладѣльцевъ, какъ и вообще всѣхъ гражданъ, кредитомъ — прямая выгода государства, потому что: во-первыхъ, съ этимъ тѣсно связано его благосостояніе, а во-вторыхъ; оно не вправѣ не кредитовать тѣхъ, кѣмъ само кредитуется. Государственный банкъ, очевидно, и не думалъ вовсе ли-

шать землевладѣльцевъ кредита. Онъ полагалъ, что рискуетъ только кратковременною пріостановкою, разсчитывая на учрежденіе частныхъ земскихъ банковъ. Частные банки для поземельнаго кредита были необходимымъ дополненіемъ государственнаго банка. Ихъ думали вызвать, учредивъ коммиссію земскихъ банковъ. Результаты трудовъ ея извѣстны. Ея проэктъ, могущій привести въ восторгъ любаго политико-эконома, остался проэктомъ, не болѣе; жизнь не приняла его или, правильнѣе, у насъ не оказалось готовыхъ матеріаловъ для созданія банковъ, указанныхъ коммиссіею. Непонятно, какъ объ этомъ не догадались раньше учрежденія коммиссіи. Ровно годъ назадъ, мы высказали въ этомъ же журналѣ наше мнѣніе о трудахъ коммиссіи земскихъ банковъ. Событія этого года, къ несчастію, оправдали наши опасенія и еще болѣе утвердили насъ въ прежнемъ мнѣніи. Со времени прекращенія выдачи ссудъ подъ недвижимыя имущества прошло уже болѣе двухъ съ половиною лѣтъ. Это время тяжело упало на землевладѣльцевъ, и невыгодно отразилось на всѣхъ отрасляхъ ихъ дѣятельности.

Отстраная отъ себя всякое содѣйствіе недвижимой собственности, государственный банкъ задалъ себѣ спеціальную цѣль—содѣйствовать оживленію торгвыхъ оборотовъ. Когда же, какъ не теперь былъ случай ему выказать себя, а обществу разсчитывать на его услуги? А между тѣмъ, можетъ ли торговый міръ сказать, что въ критическое время чувствовалась мощная поддержка центральнаго кредитнаго учрежденія, имѣющаго монополію государственнаго кредита? Очевидно нѣтъ, потому что въ противномъ случаѣ уже не разъ раздались бы изъ среды торговаго класса голоса сочувствія и признательности къ государственному банку; но ихъ не было слышно; напротивъ того, весьма часто говорилось противное. И говорилось не только со стороны сильныхъ капиталистовъ и банкировъ — ихъ рѣчи могли быть искуственными, направленными досадою на всесильнаго конкуррента: напротивъ, банкъ сдѣлалъ всевозможныя учтивости и авансы сильнымъ капиталистамъ; горько плакалась на него мелкая торговля, не получившая никакого содѣйствія: а ей-то и принадлежитъ самая значительная доля торговаго движенія Россіи, потому что ею пробавляется вся сплошная масса потребителей изъ рабочихъ классовъ. Доступъ къ учету банка имѣютъ только значительные капиталисты; пользуясь дисконтомъ по 6 и 7% со 100, они въ свою очередь учитывали мелкихъ торговцевъ по 8 и 10% со 100. Если въ прежнихъ кредитныхъ установленіяхъ былъ капитальный недостатокъ, который слѣдовало исправить реформою, то это именно незначительность содѣйствія торговлѣ и содѣйствіе только значительнымъ капиталистамъ. Но оба эти свойства государственный

банкъ удержалъ въ своей организаціи. Апрѣльскій балансъ показываетъ: учетныхъ векселей и другихъ срочныхъ бумагъ 13,648,344 р. 61 к.; ссудъ подъ залогъ товаровъ 1,195,655 р.; ссудъ подъ залогъ государственныхъ бумагъ, акцій и облигацій, золота и серебра $7^1/_2$ милл. Итого на 22 милл. содѣйствія торговлѣ и владѣльцамъ акцій. Если отношеніе учетной операціи конторъ банка къ учетной операціи центральнаго банка остается теперь то же, какъ было прежде, т. е. приблизительно, какъ $1^1/_2$: 1, то общая сумма содѣйствія банка торговлѣ составитъ около 40 милл. р. сер. на государство съ населеніемъ въ 69 милл. Учетныя и ссудныя операціи французскаго банка и его конторъ въ 1856 г. составляли 5,635,800,000 фр. (*). Если, при банковой реформѣ, у насъ взяли за образецъ французскій банкъ и централизировали государственный кредитъ въ одномъ учрежденіи, то самое меньшее, что мы обязаны были сдѣлать, это подражать ему въ обширности оборотовъ и степени содѣйствія торговлѣ и промышленности. Къ тому же, не забудемъ, что во Франціи, кромѣ центральнаго банка съ *тридцатью девятью* конторами (а у насъ ихъ всего: 7 постоянныхъ и 4 временныя), существуютъ слѣдующія кредитныя учрежденія: парижская національная учетная контора, операціи которой простираются до 300 милл. фр.; общество поземельнаго кредита, общество движимаго кредита, и 18 частныхъ кредитныхъ учрежденій для ссудъ и учета, съ многочисленными конторами. У насъ же, кромѣ государственнаго банка и его конторъ, существуетъ всего нѣсколько небольшихъ городскихъ или общественныхъ банковъ (осташковскій, нижегородскій дворянскій).

Но оказывая содѣйствіе преимущественно сильнымъ капиталистамъ, государственный банкъ и для нихъ не сдѣлалъ всего, что можно; въ послѣднее время упали дома, едва ли не первые по капиталамъ. Если частные банки могутъ быть равнодушны къ подобнымъ паденіямъ, то для банка государственнаго они сильный упрекъ. У частнаго банка, естественно, на первомъ планѣ свои собственные интересы, которымъ онъ всѣмъ готовъ жертвовать; государственному банку, понимающему свое настоящее назначеніе и истинные интересы государства, слѣдуетъ дѣйствовать инымъ образомъ. Если бы нашъ государственный банкъ принималъ горячее участіе въ судьбѣ нашей торговли, онъ нашелъ бы средства помочь настоящему затруднительному положенію. Вѣдь его произвели не какія нибудь неожиданныя, внезапныя бѣдствія, являющіяся подобно урагану, предвидѣть и отстранить которыхъ нѣтъ возможности. Мы пять

(*) Мы взяли 1856 годъ по той простой причинѣ, что въ ту минуту, какъ пишемъ статью, у насъ не случилось подъ рукою болѣе новыхъ данныхъ.

лѣтъ пользуемся миромъ, не имѣли въ этотъ періодъ ни повальныхъ болѣзней, ни голода, ни даже рекрутскихъ наборовъ; вся Европа провела эти годы въ тревогѣ, постоянно усиливая вооруженія, а у насъ занимались внутренними вопросами и уменьшали армію, значитъ, сокращали самый непроизводительный расходъ и увеличивали рабочія силы. Если, несмотря на эти благопріятныя условія, экономическое положеніе становится хуже и хуже, разстройство финансовъ все увеличивается, то очевидно, причины этихъ явленій надо искать отчасти въ общихъ историческихъ условіяхъ государства, отчасти въ неблагопріятной обстановкѣ торговли, промышленности, земледѣлія. Если государственный банкъ не можетъ отстранить первыя, то тѣмъ болѣе слѣдовало ему принять въ разсчетъ и измѣнить вторую. Недостатокъ кредита тяготѣетъ надъ всѣми. Начатыя предпріятія остаются недоконченными, старыя ликвидируются, фабрики и заводы останавливаются,—все это порождаетъ дороговизну, которая въ свою очередь парализируетъ внутреннюю и внѣшнюю торговлю. Разстройство землевладѣльцевъ, фабрикантовъ, торговцевъ прежде всего падаетъ на тѣхъ, кѣмъ они живутъ и богатѣютъ — на рабочіе классы. Въ послѣднее время, неизвѣстно на какихъ данныхъ, пустили въ ходъ мнѣніе, будто въ рукахъ народа находятся значительныя деньги; люди, привыкшіе загребать жаръ руками народа, весьма охотно распускаютъ это предположеніе, выдаютъ его чуть не за аксіому. Главнѣйшимъ образомъ ссылаются на возвышеніе заработной платы, но при этомъ не принимаютъ въ разсчетъ: неимовѣрное вздорожаніе всѣхъ предметовъ потребленія, потери при разсчетахъ, особенно умножившіяся въ послѣднее время и, главное, значительное увеличеніе повинностей господскихъ и казенныхъ. Сличивъ эти данныя, окажется, что все, что берется одной рукой, отдается другой. Еслибъ положеніе рабочихъ классовъ дѣйствительно улучшилось, затрудненія капиталистовъ были бы явленіемъ проходящимъ, безъ особой важности для государства. Въ томъ-то и бѣда, что при затруднительномъ финансовомъ положеніи никто не выигрываетъ, а всѣ теряютъ. А все оттого, что нѣтъ правильно организованнаго кредита. — «Нѣтъ капиталовъ, вотъ главное зло!» восклицаютъ экономисты. — А десятки миллiардовъ, лежащіе въ землѣ, угодьяхъ, рудникахъ, домахъ—развѣ это не капиталъ? а народный трудъ около 100 милліоновъ рабочихъ рукъ—развѣ это не достаточный залогъ для кредита? Вольно же *государственному* банку давать отрицательные отвѣты и оставлять эти несмѣтныя богатства неподвижными и малопроизводительными.

22 милліона р. ссудъ и учетовъ въ главномъ центрѣ государства

съ 69 милліонами жителей; 7,000,000 р. капитала банковыхъ конторъ во всей имперіи; ни одного дѣйствующаго учрежденія для поземельнаго кредита; ни одного учрежденія для личнаго кредита — вотъ самое краснорѣчивое объясненіе нашего настоящаго экономическаго положенія.

Этотъ новый гордіевъ узелъ могъ бы быть не разрубленъ, а правильно развязанъ рядомъ предначертанныхъ реформъ, въ главѣ которыхъ стояло освобожденіе крестьянъ съ землею. Но для этого первое, необходимѣйшее условіе—окончательное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса финансовою выкупною операціею. Ее задерживаютъ финансовыя затрудненія, а государственный банкъ совершенно отстранилъ себя отъ этого дѣла.

Мы вовсе не имѣли намѣренія выступать именно противъ дѣйствій государственнаго банка. Намъ хотѣлось указать, что главная потребность Россіи—самое широкое развитіе кредита, но что государственный банкъ, единственное дѣйствующее кредитное учрежденіе, не удовлетворяетъ и не можетъ удовлетворить ей.

Г. Шилль понялъ, что въ развитіи кредита спасеніе Россіи. Поэтому онъ и настаиваетъ на образованіи «русскаго государственнаго или земскаго заемнаго банка». Главныя основанія этого банка заключаются въ слѣдующемъ. Банкъ составляется компаніею русскихъ и иностранныхъ капиталистовъ, съ цѣлью производить ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ. Банкъ не получаетъ никакихъ привилегій. Дѣйствія его находятся подъ контролемъ правительства и депутатовъ отъ учредителей и участниковъ банка, владѣльцевъ заложенныхъ имуществъ и владѣльцевъ облигацій изъ дворянскаго и купеческаго сословій. Ссуды производятся процентными облигаціями подъ залогъ частныхъ государственныхъ и общественныхъ недвижимыхъ имуществъ. Министерство финансовъ, съ соизволенія верховной власти, обязуется прекратить навсегда выпускъ безпроцентныхъ кредитныхъ билетовъ и предоставляетъ себѣ право выпускать, въ случаѣ надобности, и въ теченіе извѣстнаго періода времени, только процентныя обязательства на условіяхъ, возможно точно опредѣленныхъ при учрежденіи заемнаго банка. Облигаціи, выданныя заемнымъ банкомъ казнѣ за заложенныя имущества, выпускаются казною въ обращеніе не иначе, какъ подъ условіемъ уничтоженія кредитныхъ билетовъ на сумму, представляемую облигаціями. Учредители банка вносятъ въ существующій государственный банкъ капиталъ (фондъ), который долженъ увеличиваться съ развитіемъ операцій и составлять въ первые годы не менѣе 10%, а потомъ 9, 8, 7, 6, 5% съ суммы, представляемой облигаціями. Если съ развитіемъ оборотовъ банка учредители не пожелаютъ вносить

собрать капиталовъ, то могутъ пригласить другихъ капиталистовъ, предоставивъ имъ участіе въ управленіи банкомъ. Фондъ земскаго банка вносится въ государственный банкъ золотою или серебряною монетою или пяти-процентными банковыми билетами. Государственный банкъ выдаетъ на него свидѣтельство и платитъ по 3% въ годъ. Свидѣтельства хранятся въ земскомъ банкѣ и не могутъ быть пускаемы въ обращеніе. Государственный банкъ можетъ выпускать фондъ въ обращеніе, но въ такомъ случаѣ обязанъ уничтожить на соотвѣтствующую сумму кредитные билеты, находящіеся въ обращеніи или въ банкѣ. Облигаціи выпускаются въ размѣрѣ ссудъ; земскій банкъ выпускаетъ и принимаетъ ихъ, какъ въ Россіи, такъ и за-границею по нарицательной цѣнѣ. Онѣ приносятъ (примѣрно) 3% въ годъ гарантированныхъ правительствомъ и погашаются періодически по тиражу. При погашеніи облигацій владѣльцы ихъ получаютъ премію, постепенно увеличивающуюся, такъ-что по примѣрному расчету, она составитъ на каждый рубль въ 1-й годъ 5 к., а въ послѣдній, 35-й — 2 р. 62 к. Облигаціи могутъ быть въ 25, 50, 100, 250, 500, 1,000, 10,000 р. с., именныя и безыменныя, краткосрочныя и долгосрочныя. Конторы государственнаго банка, казначейства и всѣ казенныя мѣста принимаютъ облигаціи земскаго банка по номинальной цѣнѣ, наравнѣ съ серіями. Въ ссуду подъ нихъ государственный банкъ выдаетъ не менѣе 90% ихъ нарицательной цѣны. Эти ссуды производятся кредитными билетами, а по уничтоженіи ихъ—процентными или безпроцентными банковыми билетами, или звонкою монетою, съ открытія размѣнной кассы государственнаго банка. Взносы заемщиками процентовъ и уплата процентовъ, премій и погашенія по облигаціямъ производятся или кредитными билетами по курсу, или банковыми билетами государственнаго банка. Конторы государственнаго банка и казначейства принимаютъ слѣдующіе банку взносы и производятъ уплаты по облигаціямъ. Земскій банкъ можетъ производить ссуды и подъ вторую ипотеку. Заемщики платятъ 5 или 5½% интереса, 1% на расходы банка, 1, 2, 3%, или болѣе, погашенія, смотря по роду имущества и условіямъ. Правленіе банка избирается учредителями и участниками; старшіе члены утверждаются правительствомъ. Мѣстные (губернскіе и другіе) агенты банка (оцѣнщики) избираются мѣстными владѣльцами недвижимыхъ имуществъ, которые отвѣчаютъ за ихъ честность и состоятельность. Служба ихъ равняется службѣ по выборамъ. Они утверждаются правительствомъ, получаютъ вознагражденіе и пользуются долею прибыли. Агентами банка за-границею могутъ быть только банкиры учредители и участники банка; ихъ обязанности должны состоять въ продажѣ облигацій,

уплатѣ процентовъ, погашенія и премій; размѣръ вознагражденія ихъ опредѣляется, съ точностью, въ уставѣ. Чистая прибыль банка дѣлится между казною, его учредителями, участниками, агентами и правленіемъ. Полученные казною доходы употребляются на уничтоженіе кредитныхъ билетовъ, а потомъ и другихъ обязательствъ казны. Отчетъ банка публикуется каждое полугодіе, а балансъ ежемѣсячно. Заемный банкъ учрежденіе временное; правительство всегда можетъ закрыть его, съ условіемъ принять на себя его обязательства и вознаградить учредителей и агентовъ, согласно заключенному договору. Въ случаѣ недоразумѣній объ этомъ, или другомъ предметѣ, дѣло должно быть рѣшено третейскимъ судомъ, о которомъ выговаривается въ уставѣ.

Статья г. Шилля особенно полезна тѣмъ, что энергически затрогиваетъ вопросъ, на который непремѣнно должно быть устремлено общественное вниманіе.

Что касается практическаго значенія его проэкта, то учрежденіе предлагаемаго имъ заемнаго банка, безспорно, было бы значительнымъ временнымъ подспорьемъ для владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ,—но не такая мѣра, которая бы значительно поправила общее экономическое положеніе.

Г. Шилль самъ говоритъ, что его банкъ есть мѣра переходная; а намъ кажется, что ставить себѣ задачею созданіе переходнаго, временнаго учрежденія, значитъ уничтожать девять десятыхъ значенія своей мѣры. Временныя мѣры — всегда полумѣры, совершенно противорѣчащія правильной экономіи силъ, безъ которой государство непремѣнно должно разориться. Г. Шилль отлично знаетъ это; онъ самъ не разъ высказывался противъ паллъятивовъ, полумѣръ; а между тѣмъ, теперь не только предлагаетъ переходную мѣру, но и оправдываетъ необходимость ея нашимъ переходнымъ положеніемъ. Но въ переходное-то время и нужны такія мѣры, которыя бы скорѣе прекратили его; а мѣры переходныя производятъ совершенно противное, вызывая цѣлый рядъ послѣдовательныхъ и совершенно безполезныхъ ломокъ, и дѣлая, черезъ это, переходное время болѣе продолжительнымъ и труднымъ. Но г. Шилль совершенно логически былъ приведенъ въ противорѣчіе съ самимъ собою свойствомъ заданныхъ себѣ задачъ. Онъ ищетъ выхода изъ затруднительнаго положенія и думаетъ найти его въ преобразованіи системы денежнаго обращенія и надѣленія землевладѣльцевъ кредитомъ. Какъ ни важны оба эти вопроса, но при настоящемъ положеніи нашего отечества, и они отходятъ на второй планъ; первостепенное значеніе принадлежитъ другимъ вопросамъ, до окончательной и правильной развязки которыхъ не могутъ быть основательно рѣшены

и другіе. Значитъ, и проэкты рѣшенія ихъ могутъ быть только полумѣрами.

Первостепенный *экономическій* вопросъ у насъ — *освобожденіе крестьянъ съ землею.* Въ немъ судьба Россіи; во имя его и должно совершиться преобразованіе кредитной системы и всѣ другія важныя преобразованія нашего общественнаго быта. Крестьянскій вопросъ не конченъ, а только начатъ Положеніемъ 19 февраля.

Всякій понимаетъ, что правильное рѣшеніе крестьянскаго вопроса возможно только съ прекращеніемъ обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, посредствомъ выкупной операціи. Положеніе 19 февраля указало на это. Значитъ, главная задача банковъ — содѣйствовать выкупу. Надѣленіе землевладѣльцевъ кредитомъ явится прямымъ слѣдствіемъ выкупа. Напротивъ того, если назначеніемъ банка будетъ только производство ссудъ землевладѣльцамъ, — этимъ не ускорится, а, напротивъ, отдалится исходъ, указанный Положеніемъ.

Сами собою обязательныя отношенія не прекратятся правильнымъ путемъ; для осуществленія финансовой операціи необходима чья нибудь иниціатива, и притомъ весьма энергическая. Но ее не даетъ ни Положеніе, ни заемный банкъ. Мѣры, указанныя Положеніемъ, надо разсмотрѣть подробно, и мы постараемся сдѣлать это въ слѣдующей статьѣ. Что касается до учредителей банка, разумѣется, они не займутся выкупною операціею. Исключительною заботою ихъ будетъ увеличеніе прибылей банка—а сдѣлать спекуляцію изъ выкупа крестьянскихъ земель невозможно. Выкупная операція можетъ быть только дѣломъ государственнымъ или общественнымъ, но ни какъ не частнымъ, особенно руководимымъ иностранцами. А между тѣмъ возможность получить ссуды изъ новаго банка отвратитъ многихъ владѣльцевъ отъ выкупныхъ сдѣлокъ. Но этимъ важнымъ вопросомъ мы займемся особо; а теперь обратимся къ другой задачѣ банка — измѣненію системы денежнаго обращенія, изъятію кредитныхъ билетовъ, замѣнѣ ихъ процентными облигаціями заемнаго банка и билетами государственнаго банка.

Предлагая эту мѣру, г. Шилль рѣшительно утверждаетъ, что «всякій сколько нибудь знакомый съ условіями народнаго благосостоянія и, при томъ, съ ходомъ дѣлъ у насъ, видитъ, что одна изъ причинъ нашихъ финансовыхъ и нѣкоторыхъ другихъ затрудненій заключается въ значительномъ количествѣ безпроцентныхъ билетовъ», и далѣе—что «всякій согласится, что облигаціи предлагаемаго имъ заемнаго банка неизмѣримо выгоднѣе для всего и всѣхъ, и представляютъ собою явленіе болѣе раціональное во всѣхъ отношеніяхъ, нежели кредитные билеты.» Дѣйствительно, большая часть

нашихъ экономистовъ раздѣляютъ нелюбовь г. Шилля къ кредитнымъ билетамъ и домогаются замѣны ихъ процентными банковыми билетами, приписывая излишку ихъ значительнѣйшую часть настоящихъ затрудненій. Но далеко не безусловно согласны съ этимъ практическія требованія Россіи. Въ то время, какъ экономисты возстаютъ на излишество кредитныхъ билетовъ, со всѣхъ сторонъ раздаются жалобы на *недостатокъ* ихъ. Пренія въ политико-экономическомъ комитетѣ о бумажныхъ деньгахъ далеко не разрѣшили этого противорѣчія. Въ засѣданіи 17 декабря, по вопросу: «страдаемъ ли мы излишествомъ бумажныхъ денегъ?»—10 членовъ дали *утвердительный* отвѣтъ, а 7—*отрицательный*. Очевидно, что не такимъ случайнымъ большинствомъ въ собраніи, составленномъ изъ лицъ приблизительно однородныхъ взглядовъ, рѣшаются вопросы подобнаго значенія для страны. Доводы экономистовъ не убѣдили коммерческій міръ. Представители его, въ засѣданіи того же комитета, 8 февраля, вторично утверждали, что торговля не испытываетъ затрудненій отъ излишества кредитныхъ билетовъ, но что, напротивъ того, недостаетъ денегъ для окончанія начатыхъ предпріятій. Тотъ же отзывъ они повторяли еще нѣсколько разъ при преніяхъ о кризисахъ, приписывая недостатокъ мѣновыхъ знаковъ изъятію изъ обращенія билетовъ коммерческаго банка.

Вслѣдъ затѣмъ, не переставали раздаваться печатно голоса представителей промышленности и торговли, жалующихся на недостатокъ денегъ, подтверждающихъ свои положенія статистическими данными; они предлагали различныя комбинаціи для увеличенія количества денежныхъ знаковъ: выпускъ кредитныхъ билетовъ въ пособіе торговлѣ и промышленности на опредѣленные сроки, подъ вѣрные залоги; выпускъ билетовъ въ счетъ будущей продажи московской желѣзной дороги и т. д. Московское купечество даже ходатайствовало о новомъ выпускѣ кредитныхъ билетовъ обычнымъ порядкомъ. О всѣхъ этихъ предложеніяхъ можно судить весьма различно; но каковъ бы ни былъ приговоръ о нихъ, одно несомнѣнно: что если и есть у насъ излишество кредитныхъ билетовъ, то прямая причина затрудненій нашихъ не въ немъ, а въ обстоятельствѣ столь сильномъ, что имъ заслоняется отъ коммерческихъ людей самое вліяніе излишества кредитныхъ билетовъ.

Если это обстоятельство — недостатокъ довѣрія и разстройство государственнаго кредита, то довѣріе не возстановится, сколько бы ни уничтожили кредитныхъ билетовъ; оно возвратится только съ совершеннымъ измѣненіемъ обстановки, возбудившей недовѣріе.

Не касаясь другихъ причинъ, разстроившихъ нашъ кредитъ, об-

ратимъ вниманіе лишь на одну, не самую сильную, но все-таки имѣвшую значительное участіе въ произведеніи этого результата.

Говоря безотносительно, мы не признаемъ, чтобы капиталисты имѣли *право* на полученіе отъ банка какого бы то ни было процента, потому что всякій процентъ представляетъ для нихъ *премію за бездѣйствіе и непроизводительность.* Но обращаясь къ бывшему у насъ пониженію банковыхъ процентовъ, мы не можемъ не признать этого распоряженія мѣрою искуственною. Она не вызвана ни принципомъ, нами высказаннымъ, ни дѣйствительными потребностями народной жизни. Напротивъ того, она сама должна была вызвать народную жизнь на извѣстныя проявленія, къ которымъ та не была готова и которыхъ не допускала вся существовавшая обстановка, нисколько не измѣнившаяся съ пониженіемъ процентовъ.

Гильдейское устройство, торговый, кредитный, таможенный уставы, пути сообщенія, народное образованіе, судопроизводство, чиновничество, крѣпостное право и т. п. обусловливали существовавшее состояніе торговли и промышленности, дѣлали его именно такимъ, какимъ оно было въ то время. Очевидно, оно не могло измѣниться, когда всѣ главныя условія оставались въ прежнемъ видѣ. А между тѣмъ пониженіемъ процентовъ говорилось капиталистамъ: «обратите ваши капиталы въ торговлю и промышленность». Они и обратили. Акціонерныя общества выростали, какъ грибы; учредители платили участникамъ по 15, по 20% изъ капитала; цѣны акцій неимовѣрно возросли; ловкіе спекуляторы быстро нажились или обезпечили себѣ пожизненные доходы; акціонерная лихорадка овладѣла всѣми; самые осторожные не могли устоять передъ соблазномъ и очевидностью огромныхъ барышей. Казалось, все какъ нельзя лучше; но неумолимая логика взяла-таки свое. Въ самую блестящую пору акціонерства оказалось, что не хватаетъ ни честности, ни знаній, ни необходимой обстановки. Однако, призрачные успѣхи всѣхъ ввели въ заблужденіе, то есть всѣхъ капиталистовъ. Владѣлецъ 100 т. р. считалъ свой капиталъ въ 120, 150, 200 тысячъ, и жилъ въ эту силу. Купцы и фабриканты, разсчитывая на умноженіе богатства и роскоши, усиливали обороты сверхъ средствъ; громадныя предпріятія учреждались на счетъ мнимаго богатства; участниками ихъ являлись люди, бравшіе, въ надеждѣ перепродажи съ барышемъ, столько акцій, на сколько хватало ихъ капитала для первыхъ взносовъ; домовладѣльцы охотно промѣнивали дома на акціи; откупщики надбили безмѣрно откупныя суммы; казна приступила къ ликвидаціи банковъ. Войти во вкусъ биржевой игры недолго; наша публика обѣщала сдѣлаться на этомъ поприщѣ достойною подражательницею французовъ, но даже на это недостало времени, — такъ

быстро послѣдовалъ разгромъ. Дивиденды или вовсе прекратились, или сократились до микроскопическихъ размѣровъ; пришлось жить на капиталъ, а между тѣмъ акціи не только упали въ цѣнѣ, но самый сбытъ бо̀льшей части ихъ сдѣлался невозможенъ; на новые взносы не хватаетъ денегъ, акціи подлежатъ конфискаціи; но она не увеличиваетъ денежныхъ средствъ, необходимыхъ для продолженія предпріятій: они ликвидируются недоконченныя, или въ самомъ началѣ дѣйствій; самые значительные банкирскіе и торговые дома, всегда заранѣе свѣдущіе объ общемъ положеніи, спѣшили выйти изъ дѣлъ; другіе, всегда считавшіеся за самые прочные, пали, увлекая за собою множество кліентовъ и поражая торговый міръ паническимъ страхомъ; громадныя спекуляціи, зачатыя подъ вліяніемъ духа биржебѣсія, лопнули, разоривъ значительнѣйшія отрасли народной промышленности; неурядица и дороговизна, неизбѣжныя спутницы такого хода дѣлъ, сдѣлали невозможнымъ сбытъ многихъ товаровъ за границу; товары вывезенные лежали въ складахъ и портились, не находя покупателей; а между тѣмъ постройка желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, заводовъ, и значительно увеличившаяся роскошь усилили привозъ; большіе заказы были сдѣланы въ счетъ будущихъ благъ; за все это нужно расплачиваться, а денегъ нѣтъ. Среди всего этого, какъ снѣгъ на голову, прекращеніе ссудъ подъ недвижимыя имущества, лишающее дворянство главнаго источника расточительности, и ликвидація банковъ, закрѣпившая капиталы и изъявшая изъ обращенія банковые билеты. Разумѣется, должники перестали платить долги, а ростовщики увеличили проценты.

Вса эта кутерьма происходила почти исключительно въ Петербургѣ, но такъ какъ онъ притянулъ къ себѣ всѣ соки Россіи, то кризисъ въ Петербургѣ отразился на всю Россію.

Непричастнымъ этому лихорадочному движенію оставался только народъ. У него ни акцій, ни имѣній, которыя бы банкъ принималъ въ залогъ, ни векселей, принимаемыхъ къ учету, ни вкладовъ въ банкахъ не было и не сдѣлалось; сдѣлались-было получше заработки, зато все стало дороже, больше сдѣлались недоплаты при разсчетахъ, увеличились повинности казенныя и помѣщичьи, больше сталъ тянуть откупъ,—а затѣмъ все осталось по прежнему: все, что заработывалось безъисходнымъ, кровнымъ трудомъ, выходило безъ остатка на харчи да поборы.

Таково положеніе общественныхъ финансовъ. Финансы государственные необходимо должны соотвѣтствовать имъ.

Вся совокупность совпадшихъ неблагопріятныхъ условій, неправильность общественныхъ отношеній, незнаніе, неурядица, недостатокъ правильной организаціи кредита, кризисы денежный, тор-

говый, промышленный, акціонерный — вотъ причины настоящихъ затрудненій. Отстранить затрудненія нельзя иначе, какъ отстранивъ всѣ причины ихъ произведшія, или по крайней мѣрѣ важнѣйшія изъ нихъ.

Трудно предположить, чтобъ предложенное г. Шиллемъ измѣненіе системы денежнаго обращенія могло отстранить настоящія затрудненія, или уничтожить причины ихъ развивающія.

Но прежде чѣмъ разсматривать вѣроятныя послѣдствія этихъ предложеній, надо, чтобъ они осуществились. А тутъ съ перваго взгляда видно много затрудненій. Допустимъ даже, что просвѣщенное финансовое начальство будетъ дѣйствовать въ духѣ г. Шилля. Прежде всего представляется рядъ весьма серьёзныхъ вопросовъ относительно залога государственныхъ имуществъ. Какъ опредѣлится количество ихъ, могущее быть заложено? Какія выгоды представитъ для государства залогъ имуществъ, для превращенія безпроцентныхъ кредитныхъ билетовъ въ процентныя бумаги? Изъ какихъ средствъ будутъ платиться проценты по залогу, которые по проэкту г. Шилля могутъ быть 9% и болѣе со 100? Далѣе, какимъ образомъ совершится обмѣнъ кредитныхъ билетовъ на облигаціи заемнаго банка, и какимъ образомъ можно контролировать, что обмѣненные кредитные билеты будутъ изъяты изъ обращенія? Для обмѣна необходимо содѣйствіе народа, въ рукахъ котораго находятся кредитные билеты. Какъ будутъ обмѣнены облигаціи, по нарицательной цѣнѣ, или по курсу? Въ первомъ случаѣ, операція должна имѣть обязательный характеръ. Но можетъ ли правительство гарантировать постоянный курсъ облигацій частнаго банка 100 за 100, когда пятипроцентные билеты государственнаго банка стоятъ 98½ и стояли еще ниже? Притомъ, обязательный курсъ облигацій прямо противорѣчилъ бы направленію всѣхъ настоящихъ реформъ по кредитной системѣ. Обмѣнъ же по ходячему курсу представлялъ бы ликвидацію, которая можетъ подвергнуть казну немедленной и весьма значительной потерѣ. Естественно, что эта операція главнѣйше перейдетъ черезъ руки банкировъ, а они, имѣя въ виду, что казна не иначе можетъ пустить облигаціи въ обращеніе, какъ обмѣнивъ ихъ на соотвѣтствующую сумму кредитными билетами, легко могутъ производить искуственное движеніе курсовъ. Такимъ образомъ, какъ обыкновенно водится при подобныхъ операціяхъ, и казна, и народъ понесутъ потерю, а банкиры останутся съ двойными барышами.

Условія предложенныя г. Шиллемъ государственному банку едва ли могутъ быть выполнены. Государственный банкъ долженъ платить учредителямъ заемнаго банка 5% за внесенный фондъ, если же захочетъ пустить его въ обращеніе, то долженъ уничтожить на

соотвѣтственную сумму кредитные билеты, переходящіе въ обращеніе, или въ банкъ. Какимъ же образомъ банкъ можетъ выполнить это условіе? Въ постоянномъ его распоряженіи находятся двоякаго рода суммы: 1) его собственный капиталъ и резервъ и 2) частные вклады, то есть суммы, которыя онъ долженъ возвратить владѣльцамъ или по востребованію, или въ извѣстные сроки. Но вѣдь и фондъ заемнаго банка не составитъ собственности государственнаго банка, а можетъ быть потребованъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, обратно. Значитъ, уничтоженіе кредитныхъ билетовъ будетъ или уничтоженіемъ банкомъ чужаго капитала, или сокращеніемъ своего собственнаго, и слѣдовательно, всякая сумма фонда, пущенная въ обращеніе, должна выручать слѣдующую прибыль: 1) уничтоженный капиталъ т. е. 100%. 2) процентъ платимый на уничтоженный капиталъ, 3) 5% платимыхъ заемному банку, 4) прибыль государственному банку. Возможно ли это? Если возможно, значитъ государственный банкъ разоряетъ государство; если нѣтъ, значитъ фондъ заемнаго банка нельзя пускать въ обращеніе; въ такомъ случаѣ изъ чего и за что платить владѣльцамъ за него 5%? А если имъ не платить ихъ, за что же обязывать ихъ отдавать фондъ въ постороннія руки? Намъ скажутъ, быть можетъ, что банкъ можетъ получать суммы отъ государственнаго казначейства; но вѣдь это ничто иное, какъ мистификація: средства государственнаго казначейства далеко не таковы, чтобъ оно могло удѣлять милліоны на истребленіе.

Осуществленіемъ предположеній г. Шилля достигнется одинъ положительный результатъ: замѣна безпроцентныхъ кредитныхъ билетовъ процентными. Два же главнѣйшихъ недостатка настоящей денежной системы не устраняются. Таким мы считаемъ неограниченность выпуска кредитныхъ билетовъ и неисполненіе обязательства размѣна билетовъ на монету. Неограниченный выпускъ билетовъ вреденъ не потому, чтобы выпущенная масса ихъ произвела затрудненіе въ денежномъ обращеніи, — а потому, что онъ означаетъ жизнь свыше средствъ, превышеніе расходовъ надъ доходами. Но ни частный человѣкъ, ни община, ни государство не могутъ постоянно жить свыше доходовъ. Это удается въ началѣ, — болѣе или менѣе продолжительное время, смотря по тому, въ какой мѣрѣ велика репутація богатства и состоятельности лица или государства. Въ началѣ всѣ охотно вѣрятъ въ долгъ тому, кого считаютъ богатымъ, потому что находятъ такое помѣщеніе вѣрнымъ и выгоднымъ, думая, что заемъ есть слѣдствіе временнаго, скоропереходящаго затрудненія; въ теченіе извѣстнаго времени кредитъ поддерживается, но уже не по тому, чтобы твердо вѣрили въ состоятельность должника, а потому что кредиторы могутъ извлечь изъ его

ный банкъ, подъ вліяніемъ казны. Въ каждой изъ этихъ трехъ гипотезъ выражаются тѣ же самыя идеи.

Остается разсмотрѣть еще одинъ вопросъ, желательно ли, чтобъ кредитные билеты замѣнялись теперь процентными билетами? Мы, не колеблясь, даемъ отрицательный отвѣтъ, по слѣдующимъ соображеніямъ.

Значительнѣйшая часть обращающихся кредитныхъ билетовъ есть долгъ, возникшій вслѣдствіе хозяйства, въ которомъ расходы систематически превышаютъ доходы. Обращеніемъ *безпроцентнаго* долга въ процентный, положеніе не только не *улучшится*, но значительно ухудшится. Процентные билеты, оставляя общую сумму долга неизмѣненною, увеличатъ ежегодные расходы всею суммою процентовъ, платимыхъ по билетамъ. Представьте себѣ должника, частное лицо, котораго бы кредиторы вздумали увѣрять, что состояніе его поправится, если онъ прибавитъ имъ на свою долговую сумму 4% или 5%? Не то ли же самое говорить правительству, что оно выйдетъ изъ затруднительнаго положенія, обративъ безпроцентный долгъ въ процентный? Кредитъ его нисколько отъ того не поправится: мы выше объясняли почему. Напротивъ, подобная мѣра скорѣе окончательно разстроитъ его; всякій будетъ считать ее послѣднимъ отчаяннымъ средствомъ, потому что иначе трудно объяснить себѣ ежегодную жертву въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей.

Состоятельнѣе правительство также не сдѣлается, превративъ кредитные билеты въ банковые. При всякомъ кризисѣ или общемъ затрудненіи, владѣльцы банковыхъ билетовъ будутъ осаждать банкъ съ требованіями размѣна и уплаты, — и у банка не будетъ другихъ средствъ избавиться отъ требованій, какъ поставить къ дверямъ жандармовъ и объявить о *пріостановленіи* платежей.

Дешевизна также не возвратится отъ этой мѣры. Никто не будетъ брать процентными билетами дешевле того, что бралъ безпроцентными; въ этомъ всякій можетъ убѣдиться сію минуту, предложивъ домохозяину, лавочнику, портному, сапожнику, вмѣсто кредитныхъ билетовъ, взять 5%-ные, уменьшивъ цѣну. Навѣрно, ни одинъ не согласится.

— Но по крайней мѣрѣ банковые билеты будутъ приносить проценты.

— Это будетъ новымъ бременемъ для народа. Какіе источники у казны для платежа процентовъ? Другихъ нѣтъ, кромѣ новыхъ налоговъ. Правда, эти же суммы возвратятся въ народъ; но во-первыхъ,

однажды взятый налогъ всегда уже чистая потеря; а во вторыхъ, налогъ, по обыкновенію, падетъ всею тяжестью на рабочіе класы, а проценты достанутся капиталистамъ. Ихъ получитъ только тотъ, кто имѣетъ возможность продержать у себя билеты нѣсколько времени; и тотъ, у кого они сегодня въ рукахъ до завтрашняго дня, только прочтетъ, — если умѣетъ читать, — что этотъ билетъ приноситъ 5%. Капиталистамъ, конечно, такая реформа будетъ съ руки, только не народу.

То же самое надо сказать о подвижности курса билетовъ. При незнакомствѣ народа съ биржевыми фокусами; при томъ вліяніи, которое у насъ богатый имѣетъ на бѣднаго, введеніе въ употребленіе бумагъ съ измѣняющимися курсомъ будетъ совершеннымъ бѣдствіемъ для всѣхъ живущихъ трудомъ. Притѣсненіямъ и обманамъ не будетъ конца. Явится крестьянинъ платить подати,—пріемщикъ скажетъ: сегодня курсъ рубля 90 к., да начальство не принимаетъ по этой цѣнѣ; давай больше — а не дашь сегодня, завтра заплатишь дороже. Чиновникъ получитъ жалованье по одному курсу, а домохозяинъ приметъ деньги за квартиру по низшему. Мелкій торговецъ не можетъ продавать иначе, какъ въ кредитъ; подастъ счетъ должнику— тотъ заплатитъ по произвольному курсу; за то лавочникъ будетъ поступать такимъ же образомъ со всѣми покупающими на наличныя т. е. съ мелкими потребителями. Въ провинціяхъ постоянно будутъ обсчитывать, ссылаясь на петербургскіе курсы. Это будетъ повторятся при каждомъ дѣлѣ, при каждомъ платежѣ. Попробуйте гдѣ бы то ни было за границей расплачиваться на желѣзной дорогѣ, на почтѣ или въ какомъ другомъ казенномъ и общественномъ мѣстѣ иностранныхъ золотомъ или какими нибудь бумагами съ перемѣняющимися курсомъ, всегда будетъ значительная потеря. Напр. — биржевой курсъ русскаго золотаго 5 th. 12 sgr, а на желѣзной дорогѣ его принимаютъ въ 5 th 8 sgr. и т. п. Если такія злоупотребленія возможны за границей, что же будетъ у насъ? При каждомъ долгѣ, при каждомъ платежѣ, богатый и сильный найдетъ въ подвижномъ курсѣ новое средство прижать бѣднаго. Дороговизна останется по прежнему, а сверхъ того прибавится прижимка въ курсѣ.

Если во Франціи, Англіи и Бельгіи возстаютъ противъ обязательнаго курса банковыхъ билетовъ, то это еще не причина, чтобъ возставать у насъ противъ постояннаго курса кредитныхъ билетовъ. Во всѣхъ этихъ странахъ, главное орудіе обращенія не банковые билеты, а звонкая монета, имѣющая постоянный курсъ: пятифранковая монета всегда стоитъ 5 франковъ; билеты обращаются преимущественно между капиталистами; въ народѣ они рѣдки; самое

принятіе ихъ необязательно. При такихъ условіяхъ возможное соглашеніе въ курсѣ возможно. Но возможно ли сдѣлать звонкую монету главнымъ орудіемъ обращенія у насъ, гдѣ громадность пространства и младенческая, первобытная организація кредитныхъ сдѣлокъ потребуютъ металла въ несравненно бо́льшей пропорціи, чѣмъ гдѣ бы то ни было! Если возможно,—значитъ, тѣмъ болѣе возможно возстановить свободный размѣнъ кредитныхъ билетовъ на монету. А какъ только это будетъ обезпечено, кредитные билеты опять становятся гораздо удобнѣйшимъ орудіемъ обращенія, чѣмъ монета.

Въ Пруссіи, напримѣръ, гдѣ, какъ у насъ ходятъ бумажныя деньги, цѣною въ 1, 5, 10, 25, 50 и 100 талеровъ, но нѣтъ недостатка въ размѣнной монетѣ (большею частью билонной) и выпускъ билетовъ ограниченъ,—никто и не думаетъ жаловаться на обязательность курса или безпроцентность бумажекъ. Да и въ самой Россіи, жаловался ли кто нибудь собственно на кредитные билеты, когда не было недостатка въ мелкихъ деньгахъ?

Русскій народъ въ денежныхъ дѣлахъ одаренъ вѣрнымъ практическимъ смысломъ, и не легко поддается той или другой теоріи, старающейся извратить его понятія. Для народа деньги орудіе мѣны — не болѣе. Поэтому для него всего важнѣе, чтобы это орудіе было какъ можно удобнѣе для ежедневныхъ потребностей. Дайте ему, при недостаткѣ монеты, какіе угодно мелкіе знаки, и онъ будетъ покупать и продавать на нихъ, какъ бы на монету. Почтовыя марки, жидовскіе билетики, бумажки въ 10, 25 к., выпущенные частными лицами, совершенно свободно обращались въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и оказывали большія услуги. Народъ понимаетъ, что цѣнность денегъ составляетъ общее согласіе на принятіе ихъ.

Остальныя замѣчанія, которыя можно бы сдѣлать на статью г. Шилля, мы оставляемъ всторонѣ, такъ какъ цѣль этой статьи вовсе не критика проэкта г. Шилля. Прибавимъ только, что мы не сочувствуемъ системѣ премій, играющей довольно важную роль въ проектѣ. Система премій—не правильная финансовая операція, а одно изъ порожденій биржевой спекуляціи, еще недавно гордо торжествовавшей надъ теоріями противныхъ ей *утопистовъ*, но теперь сказавшей последнее слово разгромомъ Миреса и подобныхъ ему биржевыхъ шарлатановъ. У насъ и безъ того не мало отечественныхъ пороковъ,—зачѣмъ же стараться прививать къ намъ чужіе, въ родѣ биржевой игры, къ которой мы очень падки. Премія—или удочка для приманки къ намъ иностранныхъ капиталистовъ, или возбудительное для насъ самихъ. Но вѣдь первые всегда превзойдутъ насъ въ ловкости,

и если пойдутъ на удочку, то съ тѣмъ, чтобъ самимъ сорваться и посадить насъ. Неужели же постройка желѣзныхъ дорогъ недостаточно внушила намъ, что значитъ содѣйствіе иностранныхъ капиталистовъ?

Что касается до возбудительнаго для насъ, оно быть можетъ и подѣйствуетъ, но по неизмѣнному физіологическому закону послѣдствіемъ неестественнаго возбужденія всегда увеличеніе истощенія.

Въ заключеніе, вотъ, категорически, нашъ взглядъ на различные финансовые вопросы, затронутые въ статьѣ г. Шилля:

Причины настоящихъ финансовыхъ затрудненій двоякаго рода: однѣ, хроническія, наслоившіяся въ теченіе вѣковъ, обусловленныя нашимъ историческимъ развитіемъ; другіе, вызванныя отсутствіемъ однородной системы и нѣкоторыми отдѣльными мѣрами, несоотвѣтствовавшими ни нашему развитію, ни потребностямъ.

Никакія отдѣльныя частныя мѣры не исправятъ положенія; полумѣры только ухудшатъ его.

Правильное хозяйство весьма скоро можетъ поправить финансы; но для этого необходима стройно организованная система, основанная на сочетаніи интересовъ всего народа, а не на выгодахъ одной части общества.

Не излишество, не безпроцентность кредитныхъ билетовъ причиной затрудненій, — слѣдовательно, не изъятіе ихъ изъ обращенія и не замѣна ихъ процентными отвратитъ трудность положенія. Контроль могъ бы сдѣлать изъ нашей денежной системы лучшую въ Европѣ.

Разрѣшеніе крестьянскаго вопроса выкупною операціею должно быть главною задачею государственнаго кредита.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо сильное содѣйствіе кредитомъ всему сельскому и городскому населенію, ремесламъ, промышленности, торговлѣ.

Чѣмъ богаче народъ, тѣмъ прочнѣе государственные финансы — это сдѣлалось уже аксіомой. Но чтобъ обогатиться, надо, чтобъ государство и общество поняли, какъ обращаться съ находящимся у нихъ въ рукахъ сокровищемъ — кредитомъ. Чѣмъ больше и разумнѣе разработывать его, тѣмъ онъ становится производительнѣе. Содѣйствіе кредита нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ купцовъ способствуетъ образованію громаднаго богатства... Что же долженъ произвести онъ, явясь на помощь всей массѣ рабочаго населенія?

Освобожденіемъ крестьянъ съ землею Россія можетъ доказать возможность осуществленія *утопіи* — распространенія права собственности на всю массу населенія.

Правильное разрѣшеніе этого вопроса можетъ привести ее къ разрѣшенію двухъ міровыхъ задачъ: созданія общественнаго кредита и признанія права труда на кредитъ, то есть уравненія его въ правахъ съ капиталомъ.

Мы постараемся, вслѣдъ за симъ, представить нѣсколько соображеній о выкупной операціи для рѣшенія крестьянскаго вопроса.

Н. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧЪ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

III.

ПОГОНЯ ЗА ЛУЧШИМЪ.

КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

МОТИВЫ ОБЩЕСТВЕННАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

(*По поводу педагогическихъ статей г. Ушинскаго.*

Мы видѣли, какія условія полагаетъ г. Ушинскій для народнаго учителя. Но будетъ ли живымъ человѣкомъ учитель, воспитанный по этимъ правиламъ?

Позволимъ себѣ немного отвлечься, объясниться примѣромъ.

Мы возьмемъ для поясненія нашего сомнѣнія примѣромъ — цѣль написать для народа настольную книгу (что отчасти схоже съ стремленіемъ дать намъ «хорошихъ» воспитателей).

Въ «Современникѣ» (№ I, 1861 г. Крит., стр. 27 и слѣд.) ясно было доказано заблужденіе приверженцевъ древней русской письменности въ отыскапіи ими отвлеченнаго понятія русской «народности» исключительно въ давно прошедшемъ, почти легендарномъ періодѣ, посредствомъ археологическихъ изысканій. Но и послѣ этой статьи намъ удалось прочесть мнѣнія г. Щербины о необходимости пишущему для народа изученія исторіи ab ovo, что, признаемся, отдалось въ нашихъ ушахъ слишкомъ рѣзкимъ диссонансомъ.

Но такъ какъ подобный вопросъ ведетъ къ тѣмъ же результатамъ, къ которымъ можетъ привести мнѣніе г. Ушинскаго, и такъ какъ онъ для многихъ не безъинтересенъ, то мы рѣшились удѣлить ему немного мѣста въ нашей статьѣ, чтобы сопоставленіемъ болѣе или менѣе ярко освѣтить какъ мнѣнія К. Д. Ушинскаго, такъ и мысли Н. Ѳ. Щербины.

Не говоря о томъ, что ни одинъ изъ нашихъ историческихъ трудовъ не объяснилъ намъ правильно (фактически) русской народности, а по большей части подводили ее подъ заранѣе составленныя теоріи; не говоря о томъ, что это понятіе, уловленное хотя бы очень немногими въ прошедшемъ, не можетъ во всемъ соотвѣтствовать настоящему времени,—мы не видимъ никакой надобности вдаваться въ историческія изслѣдованія только для того, чтобы написать элементарную книгу для народа, уже и потому, что все скроенное по отвлеченной, теоретической мѣркѣ рѣдко гармонируетъ съ духомъ народа, не имѣетъ задатковъ свободнаго творчества; а лишенное жизни, оно, безъ всякаго сомнѣнія, не можетъ войти въ жизнь и сдѣлаться настольною книгою, отвѣтомъ на всѣ вопросы, задаваемые народу его бытомъ. Если мы ратуемъ противъ теорій, вычитанныхъ изъ книгъ, вооружаемся противъ всевозможныхъ заимствованій, то какое же право имѣемъ мы вносить подобный методъ въ составленіе книгъ для народа или въ идею школы, образующей для него воспитателей? какое право имѣемъ мы обусловливать современную намъ жизнь византійскимъ давнопрошедшимъ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ давнопрошедшемъ нѣтъ никакихъ для насъ живыхъ задатковъ на самодѣятельность?

Мысль человѣческая рождается только отъ столкновенія человѣка съ фактомъ. При всей даже нетерпимости новыхъ воззрѣній, для свѣтлой идеи всегда найдется средство проникнуть въ воззрѣнія массы. Она въ первый разъ можетъ быть высказана въ дружеской бесѣдѣ, съ прибавленіемъ слова: «мнѣ кажется....», на что можетъ явиться отвѣтъ въ родѣ увѣщанія забыть и не думать о сказанномъ. Потомъ перейдетъ къ другой личности во время дружескихъ же изліяній, въ видѣ сообщенія чужаго мнѣнія, гдѣ уже встрѣтится отвѣтъ: «а можетъ быть!» и т. д. будетъ переходить съ различными смягченіями въ отвѣтахъ слушающихъ. Свѣтлая идея по своей жизненности, повторяемъ, не можетъ пропасть. А нельзя сказать, чтобы въ прожитомъ Русью времени послѣ сближенія съ Византіею принятіемъ христіанской вѣры — не было случая народиться относительно-новымъ идеямъ. Возьмемъ хотя одинъ источникъ новыхъ идей, военныя столкновенія. Уже и они одни познакомили насъ со многимъ. Всѣ битвы, а главное — походы въ чужія земли

не могли остаться безслѣдными для русскаго народа, не могли не внести относительно-новыхъ обычаевъ, болѣе разумныхъ, чѣмъ утвердившіеся. Удѣльные походы, нашествіе Батыя, рабство подъ владычествомъ татаръ, борьба съ монголами, битва куликовская, вторженіе Литвы, памятный 1612 годъ, экспедиціи въ Турцію, Персію, на Кавказъ, въ Польшу, въ Швейцарію, въ Италію, въ Венгрію, знаменитая борьба съ французами въ 1812 и 1853 годахъ, — все это эпохи и столкновенія, гдѣ неминуемо должно было измѣниться многое въ народномъ кругозорѣ.

Освоившись за предѣлами отчизны съ совершенно другою жизнію и встрѣтивши много сперва страннаго, а потомъ признаннаго дѣльнымъ, всякій солдатъ при всей своей, предположимъ даже, фаталистической любви къ родинѣ, при всей ограниченной способности осмыслять встрѣченное, не могъ не принести домой запасъ болѣе свѣжихъ живительныхъ взглядовъ. Положимъ, что худо развитый умъ не способенъ прямо сдѣлать выводъ изъ видѣннаго и случившагося; положимъ, что солдатъ не обладаетъ тою догадливостью и смѣтливостью, которою мы такъ привыкли надѣлять русскаго крестьянина, «не испорченнаго цивилизаціей фабрикъ и городовъ»; положимъ, наконецъ, что на долю солдата, или прежняго воина, приходилась для наблюденій самая незначительная часть времени, занятаго, если не боями, то отдыхомъ, или чисткою аммуниціи, и тогда мы можемъ точно такъ же согласиться, что въ его головѣ осталось довольно новаго для своихъ земляковъ. Никто не станетъ спорить, что это положенія весьма возможныя; у такого неразвитаго человѣка не столько складывается выводъ, какъ запечатлѣвается фактъ. Всякій возвратившійся изъ чужой страны легко припоминаетъ при разговорѣ малѣйшіе случаи и явленія прошедшей жизни и здѣсь на свободѣ, гдѣ все проникнуто не столько удивленіемъ, сколько критикою надъ обычаями и жизнью чужаго народа, безъ всякаго труда дѣлаются весьма простыя, поразительно вѣрныя заключенія изъ сравненій своего съ иноплеменнымъ. Прирожденное любопытство слишкомъ важное орудіе въ человѣческомъ совершенствованіи. И при всей малочисленности бывшихъ за границею, распространеніе слуховъ не трудно, — можетъ быть въ ущербъ истинѣ, но отнюдь не въ ущербъ любознательности. Разсказы о народѣ, недавно еще враждебномъ, не могутъ остаться недѣйствительными: встрѣченные сперва съ насмѣшкой, они неминуемо западутъ не въ одну голову, и обыкновенный вопросъ: «а можетъ это и лучше?!...» — не дастъ покою ни одной размышляющей головѣ. А такихъ головъ всегда не мало. И вѣдь были, кромѣ военныхъ столкновеній, и другіе пути новымъ понятіямъ къ намъ. Мы не можемъ исто-

рически прослѣдить хода развитія новыхъ взглядовъ, но можемъ видѣть ихъ широкія послѣдствія. Странно бы утверждать, что на исправленіе церковныхъ книгъ Никономъ, а равно на протестъ со стороны Никиты Пустосвята и Аввакума не дѣйствовали споры кіевскихъ ученыхъ съ католиками о преимуществахъ вѣры, или что на дружины Стеньки Разина и Пугачева не имѣло вліянія козачество, съ его понятіями о свободѣ и нетерпимостью современной ему городской жизни, не всегда безопасной для мирнаго, честнаго гражданина.

Но кромѣ внѣшнихъ столкновеній, на воззрѣніе народа можетъ дѣйствовать и самая внутренняя обстановка, самая его жизнь. Реформы Годунова, или Петра I не остались безслѣдными для русской народности. Знаменіе на небѣ наводитъ его на мысль о невѣдѣніи имъ природы; взяточничество — къ убѣжденію о необходимости правды, такъ чтобъ «брату не дружить, ворогу не мстить»; голодъ — къ мысли о необходимости запасныхъ магазиновъ и т. д. и т. д. Самый обыденный, частный случай можетъ послужить къ общей суматохѣ; ложный слухъ о мнимыхъ пророческихъ словахъ — можетъ повергнуть въ уныніе цѣлое государство. Разсматривая всѣ эти явленія, мы можемъ только сказать одно: вліяніе ихъ сдѣлалось замѣтнымъ значительно позже времени столкновенія различныхъ понятій русскихъ съ понятіями народовъ, окружающихъ насъ или новыми фактами внутренней жизни. И это точно такъ, какъ творится многое въ мірѣ не валовыми переворотами, а микроскопической работой инфузорій. И пусть историкъ сидитъ съ микроскопомъ, слѣдитъ за каждымъ шагомъ каждой малѣйшей идеи, занимавшей въ прошедшемъ извѣстное поколѣніе, не упуская изъ виду общаго, пусть онъ укажетъ намъ законы дѣятельности нашего народа и судьбы его до настоящаго времени въ художнически-рельефной картинѣ, гдѣ бы видѣлось все въ мелочахъ и одно въ общемъ.

Но, къ несчастію, время окончанія этого труда слишкомъ далеко; а намъ нужно писать книги теперь. У насъ только начинается разработка исторіи русскаго народа, только проявилось сознаніе, что важнѣе знать физическія бѣдствія и примѣты, заставляющія бояться и страдать народъ, и памятники выраженія его мыслительности, чѣмъ голые факты жизни князей и дневникъ ихъ происшествій, замѣчательный только развѣ для нихъ-же. Передъ нами—факты, еще необобщенные, — а если и осмысленные, то не выступающіе и не сложившіеся въ одну общую картину. Составителю книги для народа они повидимому могутъ служить наставленіемъ и поученіемъ, чего онъ долженъ избѣгать въ своей работѣ и что, напротивъ,

долженъ вносить въ свой трудъ, чтобъ сдѣлать его національнымъ. Чего же кажется лучше? Но здѣсь есть немаленькая точка.

Разбирая художественныя произведенія, литераторы у насъ судятъ или на основаніи образности, или по отношенію формы къ идеѣ, или по живучести и современности, царящей въ художническомъ сознаніи идеи. Но ни одинъ изъ этихъ методовъ по большой части не употребляется читателями. Для нихъ есть совершенно другая мѣрка, безсознательная, гдѣ главное впечатлѣніе, — это, если такъ можно выразиться — жизненность произведенія, охватывающая чувства въ первыя минуты, когда еще не было времени сдѣлать анализъ причинъ этого дѣйствія. Оттого часто то, что такъ восхищаетъ односторонняго рецензента, обязаннаго коротко высказать свое сужденіе о новомъ литературномъ явленіи, является для читателя однимъ реторическимъ упражненіемъ, и, безъ сомнѣнія, наоборотъ, на что негодуетъ критикъ, часто прельщаетъ читателя. Такъ напр. возьмите многія сцены у Островскаго,—они вамъ покажутся въ пьесѣ лишнимъ балластомъ, если вы заботитесь о формѣ; но прочтите ихъ безъ цѣли критиковать по вашей мѣркѣ, и они поразятъ васъ своею правдою, своимъ неподражаемымъ сходствомъ съ дѣйствительностію. — Вы, вѣроятно, знаете очеркъ Успенскаго, посѣщеніе дьяконицы дьяконницею въ «Лѣтній день»; — что жь здѣсь необыкновеннаго? и будто стоило писать и еще печатать это?! А вглядитесь въ эти лица, въ ихъ мысли, въ ихъ способъ выраженія, въ ихъ бытъ... вы поймете, что при всей обыденности въ этой, повидимому, ничѣмъ не отличающейся картинѣ — есть какой-то особенный оттѣнокъ, особенный моментъ, уловить которые въ жизни, не нарушая ея правды и гармоніи, совершенно не легко и не всякому подъ силу. — Разговоры ученаго Берсеньева и художника-артиста Шубина полу-лежащихъ на травѣ слишкомъ обыкновенны. Ихъ въ повѣсти не вызвала главная идея,—они бесѣдуютъ себѣ безъ всякихъ натяжекъ, такъ, какъ всегда говорятъ. И оттого они являются передъ нами живыми, — намъ знакомъ и ученый, и художникъ. Прочтите прекрасныя сцены въ «Обломовѣ», просмотрите, хоть для примѣра, сцены, гдѣ являются Захаръ-мужъ и Захаръ-лакей, гдѣ описывается настоящая Ольга Ильинская, баронъ, жена Обломова, выборгскіе чиновники,—и сравните ихъ съ другими сценами, болѣе важными, въ томъ же романѣ, тогда вы почувствуете все преимущество первыхъ надъ послѣдними, все преимущество свободнаго творчества надъ отвлеченностію, призрачною выдумкою. Обломовъ съ Ольгою въ саду поздно вечеромъ... Ольгѣ душно, страшно... Романистъ хочетъ сказать что-то, а у него выходитъ ничто, потому что нельзя признать смѣсь совер-

щенно не гармонирующуюся, расположенную и обставленную далеко неестественно — дѣйствительностію... Рѣшительный разговоръ Штольца съ тою же Ольгою—является въ романѣ объясненіемъ прежде бывшаго, и сама Ольга выступаетъ далеко не въ томъ свѣтѣ, въ которомъ авторъ старается ее вездѣ выставить. Слишкомъ важное мѣсто, по мнѣнію романиста, требовало много отдѣлки и колориту, и онъ ихъ придалъ этому эпизоду болѣе, нежели въ дѣйствительности; а создавая эту сцену, онъ не могъ думать, что творитъ дисгармоническій эпизодъ въ прекрасномъ романѣ. Анализъ распространился слишкомъ далеко и неумѣстно. Отдѣльныя мелкія черты поглотили все вниманіе автора и его кругозоръ разъединился въ ущербъ истинѣ... А кто же скажетъ, что у Гончарова не хватитъ силы создать лучшее и что онъ уступаетъ хотя бы Успенскому въ вѣрности пониманія жизни? Вся бѣда здѣсь отъ увлеченія спеціалиста-художника, отъ нарушенія границъ проявленія жизни.

Послѣ этого кажется понятно, какъ создается сродное какому нибудь кружку или цѣлой націи. Ни Островскій, ни Тургеневъ, ни Гончаровъ, ни Успенскій, ни кто нибудь другой не изъ реторической школы не задаютъ себѣ задачи, прежде чѣмъ писать задуманную повѣсть, выучить психологію и различныя душевныя и духовныя науки. Они не раздѣляютъ предварительно своихъ героевъ на темпераменты; не приписываютъ каждому качествъ, принадлежащихъ по книгѣ извѣстному, избранному для героя, темпераменту; не начинаютъ слѣпливать по теоріи мозаичнаго человѣчка, и не послѣ *подобныхъ* безсмысленныхъ трудовъ, начинаютъ подбирать интересные случаи и анекдоты, чтобы «составить повѣсть для публики».

Послѣ всего нами сказаннаго о живомъ элементѣ въ книгѣ вообще, ясно, что заставляетъ насъ сомнѣваться въ пригодности какъ проэктируемыхъ г. Ушинскимъ интернатовъ, такъ и вообще учительскихъ семинарій, способныхъ у насъ быть органами невѣжественнаго фанатизма и своеволія. Но г. Ушинскій имѣетъ свои особенные доводы въ пользу интернатовъ.

Отъ учителя народной школы авторъ требуетъ жизни «простой, даже суровой и бѣдной, безъ свѣтскихъ (то есть вообще мірскихъ; гдѣ же учителю народной школы попасть теперь въ такъ называемый beau monde?) развлеченій, жизни съ природой, строгой, аккуратной, честной и въ высшей степени дѣятельной». «Понятно, прибавляетъ авторъ: что только въ закрытомъ заведеніи можно имѣть сильное вліяніе на образованіе привычекъ (привычка, мало того, что недостойна мыслящаго человѣка, очень легко замѣняется другою привычкой, — что необходимо прямое слѣдствіе «сильнаго вліянія», всегда противнаго побужденіямъ питомца, а слѣдовательно

и его самой природѣ) къ такой (вышеобъясненной) жизни и кромѣ того узнать нравственныя качества будущаго учителя» (стр. 124).

Г. Ушинскій здѣсь былъ бы неопровержимъ въ доказательствахъ пригодности интерната, если бы его требованія были разумны. Только въ интернатѣ можно устроить любую атмосферу, но вѣдь въ теплицахъ не растутъ растенія въ полной своей силѣ и красотѣ. Забавно стремленіе вселить привычку, но еще страннѣе возможность узнать нравственныя качества питомца, — говоримъ о томъ, что это едва ли возможно при «сильномъ» вліяніи, никогда не располагающемъ къ открытому образу дѣйствій, а по отдѣльнымъ, врасплохъ узнаннымъ, случаямъ не добьешься никакого результата вѣрнаго и безпристрастнаго. Но, положимъ, узнали, — что же дальше? Начнется сильное вліяніе учителя, начнется еще сильнѣйшее вліяніе природы и склонностей, начнется путь тайкомъ и т. д. Положимъ, часть привычекъ уничтожится, пока питомецъ въ интернатѣ. А качества будущаго народнаго учителя, хотя и узнаются, и предугадаются, да что съ этими качествами будетъ тогда, когда власть учителя семинаріи минется для бывшаго практиканта? Зачѣмъ же узнавать-то ихъ? Полноте, г. Ушинскій, къ чему въ вашей семинаріи заботиться о будущихъ качествахъ? — вѣдь что, несмотря на интернатную атмосферу, ярко выдается въ питомцѣ, того не уничтожить никакому интернату,—о будущемъ такихъ господъ вамъ нечего заботиться: они погибнутъ въ вашихъ глазахъ, но можетъ быть отыщутъ болѣе свѣтлый для себя путь; а большинство питомцевъ учительской семинаріи — вотъ кто достойны вниманія и сожалѣнія о ихъ фабрикаціи по вашимъ правиламъ.

Этимъ не кончились аргументы г. Ушинскаго. Выборъ хорошаго кружка для будущаго учителя народной школы, по его мнѣнію, возможенъ только въ интернатѣ.

Выборъ кружка воспитателемъ для питомца! Что же питомецъ-то—индивидуальная ли личность, или просто безчувственная машина, которую положатъ у пароваго котла — лежитъ, переложатъ въ другое мѣсто — лежитъ, въ третье — лежитъ и лежитъ? Неужели до того велика власть воспитателя, что онъ можетъ управлять въ питомцѣ рѣшительно всѣмъ, даже самыми сокровенными движеніями чувства, антипатіей и симпатіей? Грустно и весьма грустно!

Г. Ушинскій совѣтуетъ «зорко наблюдать не только за тѣмъ, что учатъ будущіе учителя, но и за тѣмъ, что они читаютъ и съ какой литературой они знакомятся». «Иная книга, прибавляетъ авторъ: или даже двѣ-три журнальныя статьи, прочитанныя молодымъ человѣкомъ 17-ти — 18 лѣтъ, могутъ навсегда (?) сгубить въ немъ будущаго народнаго учителя» (то есть идеалъ г. Ушинскаго) (стр. 125).

И такой-то человѣкъ рѣшается рекомендовать свои идеи въ 1861 г.!

«Само собою разумѣется, еще прибавляетъ авторъ: что одной запретительной системы, ограждающей дѣятельность еще недостаточно. Всего болѣе, конечно, должно ожидать отъ того умственнаго и нравственнаго вліянія, которое начальники семинарій и наставники ея могутъ имѣть при совмѣстной жизни съ семинаристами и при безпрестанныхъ съ ними сношеніяхъ. Только въ закрытыхъ заведеніяхъ, образуется тотъ духъ заведенія, который столько же можетъ быть гибеленъ (для живаго человѣка?), сколько полезенъ» (для автомата, утратившаго человѣчество?) А чтобы достичь такихъ блестящихъ результатовъ, г. Ушинскій находитъ нужнымъ только разъ положить основаніе, далѣе же характеру заведенія «невольно будутъ подчиняться вновь вступающіе члены (невольно, безсознательно!! сколько человѣчности-то въ проэктерѣ!!) (Отъ этой первоначальной закваски (замѣтьте!), продолжаетъ г. Ушинскій: зависитъ весь успѣхъ семинаріи: характеръ выходящихъ изъ нея дѣятелей, а чрезъ нихъ характеръ народнаго образованія. Вотъ почему, по мнѣнію проэктера, необходимо учредить учительскія семинаріи сначала въ скромныхъ размѣрахъ, такъ, чтобы можно было надѣяться совладать съ направленіемъ первыхъ воспитанниковъ и, убѣдившись вполнѣ въ ихъ направленіи, осторожно и понемногу подбавлять къ нимъ новыя личности. Вотъ почему въ интернатъ семинаріи нельзя принимать всѣхъ желающихъ, но только по строгому выбору изъ людей, спеціально къ тому подготовленныхъ (кромѣ питомцевъ подобныхъ интернатовъ — въ мірѣ такихъ людей не обрѣтается), по крайней мѣрѣ на столько, чтобы выразился ихъ характеръ и способности, подающія надежду образовать изъ нихъ хорошихъ дѣятелей на поприщѣ народнаго образованія» (стр. 126). На этомъ же основаніи г. Ушинскій находитъ за лучшее не основывать учительскихъ семинарій въ большихъ городахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по его мнѣнію, они должны находиться неподалеку отъ центровъ образованія.

Возражать на такія мнѣнія—не болѣе, какъ терять время и мѣсто; но нельзя не замѣтить, что г. Ушинскій вноситъ въ свой проэктъ всякое дисгармоническое обыкновеніе, точно у него въ подробностяхъ большой недостатокъ. Что можетъ сильнѣе парализировать разумность и безпристрастіе отношеній двухъ сошедшихся личностей, какъ не внушенное раньше предубѣжденіе видѣть въ другомъ человѣка, далеко неспособнаго къ добросовѣстному исполненію извѣстныхъ условій, связывающихъ эти двѣ личности? что гибительнѣе дѣйствуютъ на энергію человѣка, какъ не встрѣченное имъ недовѣріе къ его силамъ и способностямъ? И ан-

торъ, не задумываясь, прежде всего требуетъ испытаній характера и способностей поступающаго въ учительскую семинарію молодаго человѣка, точно онъ вѣритъ въ возможность узнать умственныя и душевныя качества человѣка по какимъ нибудь внѣшнимъ, часто случайнымъ, отвѣтамъ или узнаннымъ фактамъ! Не означаетъ ли это недовѣріе воспитателя къ желающему учиться — одно безсиліе его педагогической мудрости, безжизненность и отвлеченность его требованій, которыя самъ воспитатель сознаетъ не для всѣхъ дѣйствительными и разумными, въ силу чего требуетъ для своей практики (а не для воспитанія другихъ) людей надломленныхъ, которымъ уже сродны его ненормальные методы?

Мы изложили всѣ причины необходимости учрежденія учительскихъ семинарій интернатами; мы показали всю несостоятельность и ложность мнѣній г. Ушинскаго о образованіи народа; но развязка была все-таки впереди,—мы теперь дошли и до нее. Прочитывая изложенныя нами мысли, читатель, вѣроятно, не разъ задавалъ себѣ вопросъ: «кто же будетъ тамъ воспитываться? и какой отецъ рѣшится отдать своего сына на такую губительную фабрику?» Да, любезный читатель, «какой отецъ рѣшится?» Но вѣдь это мы съ тобой, мы, наивные люди, задаемъ себѣ такой вопросъ, а г. Ушинскій пошелъ далеко впередъ насъ. Если онъ рѣшился, во что бы то ни стало, «закрѣпить» за разъ попавшими въ учительскую семинарію званіе народнаго учителя, то вѣдь это онъ дѣлалъ не даромъ,—онъ чувствовалъ, что надо дѣйствовать не въ духѣ австрійской политики Шмерлинга, а рубить по-спартански, съ плеча; нужно забыть всякую совѣсть и не ждать добровольной отдачи отцами своихъ дѣтей въ его теплицы, а безъ всякаго посторонняго вліянія родныхъ питомцевъ, безъ всякой жалости забирать въ проэктируемыя учительскія семинаріи—*сиротъ*!!.. «Въ настоящее время,» говоритъ онъ: «Россія ни въ чемъ столько не нуждается, какъ въ народныхъ учителяхъ. Какое лучше назначеніе можно избрать для сироты, обязаннаго всѣмъ своимъ воспитаніемъ правительству, какъ не назначеніе народнаго учителя» (стр. 127—128). Конечно, отчего же сиротѣ не быть народнымъ учителемъ; но какъ г. Ушинскій рѣшался свою-то теорію воспитанія примѣнять къ несчастнымъ, беззащитнымъ питомцамъ? что тутъ за толки о нравственности, о религіи, о православіи, когда самъ г. Ушинскій не понимаетъ смысла ни одного изъ этихъ понятій, когда онъ изъ людей хочетъ дѣлать квашню, съ разными заквасками, съ разными безчеловѣчными состояніями?

Мы не рѣшаемся далѣе слѣдить за проэктомъ учительскихъ семинарій, не будемъ описывать мнѣнія г. Ушинскаго, — довольно того состоянія, которое мы заставили терпѣть и себя, и читателя. Для

намъ кажется дѣломъ гораздо важнѣйшимъ дать, хотя самое поверхностное, понятіе о русскихъ сиротскихъ учебныхъ заведеніяхъ, чтобы читатель могъ понять, на сколько метко съумѣлъ ударить г. Ушинскій, для осуществленія своихъ идей и вмѣстѣ съ тѣмъ, на сколько невѣрно позволилъ онъ себѣ исказить истину однимъ своимъ вопросомъ: «какое лучшее назначеніе можно избрать для сироты, обязаннаго своимъ воспитаніемъ правительству, какъ не назначеніе народнаго учителя?»

Г. Ушинскій выбираетъ мужское сиротское заведеніе, обширное и богатое средствами, которое находилось бы неподалекѣ отъ одной изъ столицъ и могло учредить учительскую семинарію «безъ новыхъ издержекъ для правительства». Такимъ сиротскимъ заведеніемъ можетъ явиться главнѣйше — одинъ гатчинскій николаевскій институтъ, лежащій за сорокъ двѣ версты отъ С. Петербурга, гдѣ не такъ давно самъ К. Д. Ушинскій былъ инспекторомъ вслѣдъ за П. С. Гурьевымъ (написавшимъ «Очеркъ исторіи» этого заведенія, откуда мы будемъ приводить факты), а слѣдовательно мало-мальски знакомъ съ устройствомъ гатчинскаго института. Фраза «безъ новыхъ издержекъ» заставила невольно подумать автора о возможности (а пожалуй и надѣяться навѣрно) осуществленія его «Проэкта». Но пусть сами факты рѣшатъ, кому и на сколько обязаны сироты, воспитывающіеся вообще подъ вѣдомствомъ опекунскаго совѣта, своимъ воспитаніемъ и на сколько поэтому они могутъ быть назначаемы по желанію какихъ нибудь гг. Ушинскихъ.

Нынѣшній гатчинскій сиротскій институтъ (*) основанъ Государынею императрицею Маріею Θеодоровною 22 мая 1803 года и сначала назывался гатчинскимъ сельскимъ воспитательнымъ домомъ. Цѣль его была дать первоначальное образованіе несчастно-рожденнымъ сиротамъ обоего пола въ духѣ чисто-ремесленномъ и оградить ихъ въ нѣжныхъ лѣтахъ дѣтства отъ всего грубаго и порочнаго. По достиженіи дѣтьми десятилѣтняго возраста, предполагалось размѣщать ихъ частію по вольнымъ мастерамъ, частію въ александровскую мануфактуру, а лучшихъ переводить въ с.-петербургскій воспитательный домъ для дальнѣйшаго образованія. Какъ видите, первоначальная его цѣль не имѣла въ себѣ, по отношенію къ времени, никакихъ правительственныхъ видовъ, а потому и была установлена не правительствомъ, а Государынею императрицею Маріею Θеодоровною, какъ благотворительное заведеніе; что, конечно, не одно и

(*) Гатчинскій сиротскій институтъ можетъ служить синонимомъ другихъ сиротскихъ заведеній. Мы его выбрали только потому, что у насъ есть исторія этого заведенія и намъ оно болѣе другихъ извѣстно.

то же. Потребовались на постройки деньги, — онѣ не были выданы изъ государственнаго казначейства, а повелѣно было рескриптомъ на имя гофмаршала Степана Сергѣевича Ланскаго, отъ 28 іюня 1802 года, — взять изъ остатковъ 1802 года въ Гатчинѣ экономическихъ и жалованныхъ суммъ — 13,269 р. 33 к., а остальные 21,000 рублей, говорилось въ рескриптѣ: «имѣете вы получить слѣдующимъ образомъ: въ сентябрѣ мѣсяцѣ сего 1802 г., въ январѣ и маѣ мѣсяцахъ будущаго года, т. е. каждую треть, по двѣ тысячи рублей изъ карманныхъ Моихъ денегъ и по пяти тысячъ изъ суммы на экстраординарные Мои расходы опредѣленной». Вся штатная сумма сперва была опредѣлена въ 39,592 р. 16 к. асс., потомъ — въ 46,926 р. 66½ к.; въ 1811 г. она простиралась уже до 94,900 р. асс., а въ 1817 г. достигла до 127,457 р. 59¾ к.

Г. Ушинскій говоритъ, что если «богатое мужское сиротское заведеніе», т. е. гатчинскій институтъ, направить къ образованію народныхъ учителей, то учителя народныхъ школъ явятся «безъ лишнихъ издержекъ для правительства»; мы рѣшаемся доказать превратность мнѣній г. Ушинскаго, чтобы другіе, незнакомые хорошо съ средствами этого заведенія, не впали въ ошибку, повѣривъ бездоказательнымъ словамъ бывшаго инспектора гатчинскаго института. Правда, гатчинскій институтъ обладаетъ гораздо значительнѣйшими средствами, нежели бо̀льшая часть русскихъ казенно-учебныхъ заведеній; но изъ этого еще ничего нельзя вывести, нельзя сказать, что при новомъ его направленіи, получатся даромъ народные учителя. Въ самомъ дѣлѣ, посмо̀тримъ, съ одной стороны, чѣмъ обладаетъ это «богатое, обширное сиротское заведеніе», и съ другой — что долженъ получать будущій народный учитель, чтобы дѣйствительно онъ былъ производителемъ добросовѣстнымъ, плодотворнымъ и, въ самомъ дѣлѣ, полезнымъ дѣятелемъ. Изложимъ сперва средства гатчинскаго института возможно полно и добросовѣстно.

Для обезпеченія постояннаго существованія института, изъ общихъ доходовъ воспитательнаго дома отдѣленъ особый капиталъ въ 4,770,770 р. 33¼ к. и билетъ сохранной казны на эту сумму выданъ институту, кромѣ другаго билета государственной коммиссіи погашенія долговъ въ 33,000 руб. Штатная сумма (при П. Гурьевѣ — 1853 г.), кромѣ особыхъ ассигнованій и платы за пансіонеровъ, равняется 192,810 р. 80 к., но сумма издержекъ, какъ можно видѣть изъ прилагаемой таблицы (*), доходитъ иногда до 234,095 р. 53 к. —

(*) Для желающихъ прослѣдить возрастаніе числа воспитывающихся въ гатчинскомъ институтѣ, служившихъ чиновниковъ, служителей, а равно израсходованныхъ суммъ, помѣщаемъ вѣдомость *въ сокращеніи*:

253,250 р. $91\frac{3}{4}$ к. Нѣкоторымъ эти цифры могутъ показаться небольшими, но заглянувши въ таблицу можно признать ихъ относительно огромными. Мы видимъ, напримѣръ, что на одного служащаго чиновника приходится по 5 воспитанниковъ съ дробью (1851, 52 г.), или даже четыре (1855 г.), а на одного служителя — по большей части по четыре. Конечно, такія отношенія еще ничего не значатъ (*): гораздо яснѣе опредѣлится богатство суммъ, если мы ихъ разложимъ по предметамъ удовлетворенія институтскимъ потребностямъ. Такъ мы видимъ, что на пищу 510 воспитанниковъ, находящихся въ классахъ (школа малолѣтнихъ дѣтей существуетъ по особеннымъ правиламъ) издержано: полагая въ день на каждаго по 14 к., въ годъ 51 р. 10 к., на всѣхъ — 26,061 р.; на одежду: на каждаго по 48 р., въ годъ — 24,480 р. Прибавляя сюда содержаніе малолѣтней школы (на пищу 9,429 р. 60 к. и на одежду 1,875 р., а всего 11,304 р. 60 к.), получимъ въ итогѣ расхода на питомцевъ — 61,845 р. 60 к. На жалованье должностнымъ лицамъ (**) — 78,515 р. 50 к.; нижнимъ

	Число воспитанниковъ.	Число служившихъ.	Число нижнихъ служителей.	Израсходованныя суммы.				
Въ 1822 году .	490	86	79	62,912	руб.	3	коп.
— 1825 —	484	99	85	70,486	—	60	—
— 1827 —	570	93	83	82,241	—	74	—
— 1830 —	691	127	92	93,747	—	30	—
— 1832 —	662	132	95	103,839	—	95	—
— 1834 —	720	141	95	120,166	—	40	—
— 1835 —	409	101	90	118,261	—	19	—
— 1838 —	530	111	93	117,481	—	2	—
— 1840 —	532	97	103	185,840	—	8	—
— 1841 —	527	101	113	206,766	—	66	—
— 1843 —	538	102	113	219,684	—	51	—
— 1844 —	537	103	128	204,909	—	34	—
— 1847 —	552	103	128	234,038	—	83	—
— 1848 —	531	104	128	231,033	—	74	—
— 1850 —	601	101	137	253,250	—	91	—
— 1851 —	587	112	137	231,561	—	8	—
— 1852 —	627	120	147	234,093	—	53	—

(*) За вѣрность этихъ выводовъ мы не можемъ даже ручаться: въ числѣ воспитанниковъ замѣшено отдѣленіе малолѣтной школы и вольноприходящіе. Далѣе мы будемъ брать для своихъ выкладокъ число 510, взятое съ таблицы П. Гурьевымъ, по всей вѣроятности, соотвѣтствующее 1853 году.

(**) Должностныхъ лицъ при П. Гурьевѣ полагалось: директоръ, инспекторъ, при немъ помощникъ, три старшихъ надзирателя, двадцать шесть классныхъ надзирателей (если считать ихъ дежурство необходимымъ по 5 человѣкъ въ день, то очередь каждого будетъ черезъ 5 дней въ шестой!!), смотритель за учебными пособіями, правитель дѣлъ, при немъ помощникъ, бухгалтеръ, при немъ помощникъ, казначей, архитекторъ, полицмейстеръ, восемь писарей, вос-

служителямъ (которыхъ 210 на 510 воспитанниковъ!)—16,695 р., а всего служащимъ—95,210 р. 50 к. Учебная часть стоитъ институту—35,000 р., а всего 202,056 р. 10 к. А напримѣръ, въ 1850 г. кромѣ этой суммы было еще издержано 51,194 р. $81\frac{3}{4}$ к., вѣроятно на постройки и т. п. (*). Желающіе имѣть выкладки институтской щедрости могутъ сдѣлать ихъ сами. Во всякомъ случаѣ, изъ приведеннаго нами видно, что всякому служащему чиновнику приходится круглымъ числомъ по 770 р. въ годъ, выводъ, сравнительно съ другими учебными заведеніями — богатый.

Кромѣ того, институтъ въ самыхъ учебныхъ пособіяхъ не можетъ нуждаться. Приводимъ сравнительную таблицу классическимъ пособіямъ, имѣвшимся въ гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ въ годы: 1841, 1847 и 1853:

	1841	1847	1853	
Библіотека разныхъ сочиненій, томовъ . .	6,117	6,444	7,157	
« учебныхъ книгъ, томовъ . . .	7,241	11,988	14,849	
Физическій кабинетъ.	184	184	257	
Собраніе землемѣрскихъ инструментовъ . .	21	21	48	
Минералогическій кабинетъ	516	516	715	
Гербарій с.-петербургской флоры	«	«	210	(?)
Нумизматическое собраніе	2,916	2,916	2,916	
Собраніе разнаго рода рисунковъ	343	658	782	
Гипсовыхъ головъ	«	10	10	
Собраніе стереометрическихъ моделей . . .	145	145	145	

миссаръ при платьѣ и бѣльѣ, кастелянша съ помощницей, священникъ, дьяконъ, дьячекъ, тридцать одинъ учитель, два старшихъ врача, старшій фельдшеръ, четыре младшихъ фельдшера, аптекарь (при городовой госпитальной аптекѣ?—замѣтьте!), два аптекарскіе ученика (тамъ же) надзиратель и надзирательница (за больными), зубной врачъ, временно-наѣзжающій (вотъ какой еще!), учитель при малолѣтной школѣ, при немъ помощникъ и надзирательница (а дамы, содержащія малолѣтнихъ дѣтей? сколько ихъ? отчего не поименованы въ общемъ числѣ? ихъ вѣдь никакъ не менѣе десяти!)

А всего сто три!!

(*) Эти остаточныя суммы, вѣроятно, идутъ на бѣлье, полагающееся къ перемѣнамъ каждый годъ: такъ по таблицѣ приложенной П. Гурьевымъ видно, что каждому воспитаннику каждый годъ полагается: рубахъ—3, нижняго бѣлья —3, платковъ — 3, носковъ 6 (паръ), простыня—1, наволочка—4 и т. д. Интересно, что все это носитъ клейма института («Г. С. И.» и годъ). Не пріобрѣтаются ли клейма заднимъ числомъ, или не ведется ли счета въ годахъ особеннымъ способомъ? Спрашиваемъ потому, что по клеймамъ нельзя повѣрить словамъ бывшаго инспектора: между годомъ носки бѣлья и клеймомъ—бываетъ разница отъ 4 до 18 лѣтъ. А что бѣлье не всегда цѣло — это ясно; хорошо бы, если бы его носило начальство, а то воспитанники; а вѣдь кому неизвѣстно, что молодость небережлива?

Глобусовъ	3	4	10
Географическихъ картъ	180	123	120
Лабораторія, приборовъ для химіи	«	«	109 (?)
Гимнастическихъ снарядовъ	138	121	207
Музыкальныхъ инструментовъ	28	69	56
Зоологическій кабинетъ (*)	«	«	123
Рисунковъ, таблицъ и географическихъ картъ, а также бюстовъ, размѣщенныхъ по стѣнамъ рекреаціонныхъ залъ	«	«	235 (**)

Познакомившись со средствами гатчинскаго института, взглянемъ на его внутреннее состояніе. Г. Гурьевъ въ своемъ «очеркѣ» сообщаетъ, что существовало мнѣніе, отрицавшее разумность воспитанія сиротъ «несчастно-рожденныхъ», а далеко ли отсюда до отрицанія вообще раціональности образованія сиротъ, извѣстныхъ какъ дѣтей бѣдныхъ чиновниковъ? Кромѣ этого есть еще немаловажная причина ничѣмъ невыдающейся педагогической дѣятельности гатчинскаго института, и эта причина именно важна для насъ. Всякому извѣстна среда, окружающая ребенка, сына бѣднаго чиновника, всякому извѣстна горестная повѣсть малютки-сироты изъ этой сферы. Много онъ перенесъ, много пережилъ, а самъ онъ еще маленькое дитя. Но вотъ онъ въ сиротскомъ заведеніи.

«Дѣти этого рода, говоритъ П. Гурьевъ: всего болѣе нуждались «въ любви, отъ недостатка которой они и постоянно чувствовали «пустоту въ сердцѣ; но въ любви-то имъ болѣе всего и отказывали «тѣ, которые такъ торжественно обязывались въ ней, когда имъ «нужно было получить мѣсто около сиротъ. При воспитаніи этихъ «дѣтей, постоянно жаловались на ихъ непохвальныя свойства: непри«знательность, зависть, подъ-часъ излишнее угодничество и ласка-

---

(*) Мы не знаемъ, что г. Гурьевъ называетъ «зоологическимъ кабинетомъ». Не нужно ли подъ этимъ громкимъ названіемъ подразумѣвать «шкапъ» (впрочемъ, довольно обширный) съ чучелами птицъ и нѣсколькихъ маленькихъ животныхъ?

(**) Съ оставленіемъ г. Гурьевымъ должности инспектора института, при г. Ушинскомъ, авторѣ разбираемыхъ статей, значительная часть всего этого была перенесена изъ рекреаціонныхъ залъ въ кладовыя, зачѣмъ? — преданіе умалчиваетъ. При П. С. Гурьевѣ воспитанники могли пользоваться книгами изъ «библіотеки разныхъ сочиненій»—съ его же отставкой эта библіотека, вѣроятно, начала приводиться въ порядокъ, при чемъ неудобно выдавать книги воспитанникамъ, и выдача производилась только наставникамъ (вѣроятно въ силу правила, что «одна или двѣ статьи могутъ сгубить» и т. д.). Мы знаемъ достовѣрно, что этотъ порядокъ существовалъ съ 1854 до 1859—1860 годовъ. Что же значатъ богатства учебнаго заведенія, когда на нихъ наложилъ свою печать какой нибудь Скароновъ, или Плюшкинъ въ видѣ инспектора-педагога?

«тельство, иногда — на отчужденность отъ всего ихъ окружавшаго. «Но имъ вошло въ привычку быть непризнательными, потому что «они знали, что ихъ никто и никогда не любилъ; они были завист-«ливы, убѣжденные, что имъ, по особенности ихъ положенія между «людьми, никогда нельзя сравниться съ другими; они были излишне «подъ-часъ угодливы и ласкательны, чтобъ выманить, что нибудь «отъ другихъ, такъ какъ никогда и ничего своего не имѣли; они «чуждались людей, потому что мало на кого надѣялись. (Это могло происходить даже безсознательно, но, конечно, болѣе или менѣе въ силу причинъ, излагаемыхъ г. Гурьевымъ). «Но коренная при-«чина всего этого — только въ отсутствіи любви. Мы, продолжаетъ «П. Гурьевъ: имѣли много случаевъ удостовѣриться, какъ измѣня-«лись эти самыя дѣти, когда они убѣждались въ любви къ себѣ ко-«го нибудь. Такая неестественность ихъ положенія доказывается «еще тѣмъ, что несчастно-рожденные сироты обыкновенно очень «скоро вступали въ браки по окончаніи своего воспитанія, когда «только-что успѣвали получить какое либо мѣсто по службѣ. Замѣ-«чено также, что они обыкновенно очень сильно любятъ своихъ соб-«ственныхъ дѣтей, какъ будто сама природа торопитъ ихъ выпол-«нить поскорѣе неестественную для человѣка пустоту сердца: пріоб-«щиться, во что бы то ни стало, къ какому либо семейству, чаще «всего безъ надлежащаго разбора; отсюда и преждевременные, не-«рѣдко печальные браки. Конечно, такое стремленіе охуждали, но «не обращали вниманія на источникъ, изъ котораго оно происходи-«ло, хотя этотъ источникъ, самъ по себѣ, былъ столько же есте-«ственный, сколько и нравственный. Естественно было въ ихъ по-«ложеніи завидовать чужому семейному счастію, отъ котораго они «были такъ далеко, но прелесть котораго такъ сильно ихъ влекла къ «себѣ. Потому-то, по словамъ П. Гурьева: тѣхъ условій, какими до-«вольствуется всякое другое замкнутое учебное заведеніе, недоста-«точно для успѣха воспитательныхъ домовъ. Здѣсь нужны воспита-«тели съ величайшимъ самоотверженіемъ (*). Если исторія воспита-«тельныхъ домовъ и представляетъ иногда такихъ чудныхъ самоот-«верженцевъ, то что значила ихъ дѣятельность въ толпѣ прочихъ при-«ставниковъ, которыми они были окружены? Можетъ быть на это «возразятъ намъ, что невозможное въ прежнія времена, когда дѣй-«ствительно трудно было пріискивать въ воспитатели людей образо-«ванныхъ, вполнѣ понимавшихъ свое призваніе, осуществилось бы

(*) Г. Гурьевъ смотритъ относительно; немудрено, что при жесткости нашего воспитанія — любовь къ питомцу покажется высшею добродѣтелью.

«теперь, когда просвѣщеніе разлилось почти повсемѣстно и нѣтъ недостатка въ образованныхъ наставникахъ. Но, да позволено намъ въ томъ усомниться, и сверхъ того мы имѣемъ неоспоримый фактъ, что и въ наше время высшее образованіе питомцевъ было неуспѣшно (не по самой ли цѣли, основѣ воспитанія?), если взять въ соображеніе массу дѣтей и исключить нѣсколько счастливыхъ случаевъ, не взирая на то, что въ тѣхъ средствахъ, какими можетъ владѣть учебное заведеніе опредѣленной организаціи, недостатка не было». (Очеркъ исторіи гатчинскаго института, стр. 93—95).

Но отвергнемъ даже это мнѣніе (конечно, à sa fantasie), допустимъ, что въ сиротскомъ заведеніи теперь все ангелы, — а не Миллеры-Красовскіе, не Ушинскіе; что же дальше? Не поправляетъ ли дѣла проэктъ учительскихъ семинарій, не вноситъ ли онъ живительныхъ началъ въ воспитаніе, отвлеченно, безъ воли г. Ушинскаго? Впрочемъ, прежде, чѣмъ повторять въ иныхъ словахъ прежде изложенныя мысли проэктера, мы позволимъ себѣ спросить: что такое сирота? Но вѣдь это каждому извѣстно. А если всякому встрѣчались дѣти бѣдныхъ чиновнико-родителей, оставляемыя на произволъ разными тетушками и дядюшками, вездѣ и всегда лишнія; если всякій видѣлъ страдальческія лица, забитыя и запуганныя, безъ роднаго крова, безъ всякаго имущества, отпечатлѣнныя точно какимъ-то проклятымъ именемъ «сирота», — отчего же не всякій рѣшался радоваться ихъ горю и большая часть невольно горевала о ихъ будущемъ? Одно ли лицо, или корпорація беретъ на себя заботу о будущемъ этихъ несчастныхъ, неужели вправѣ они распоряжаться ими по своей волѣ, дѣлать изъ нихъ все, что имъ угодно? И за что же? не въ знакъ ли благодѣянія? А если это благодѣяніе будетъ для нихъ страшнымъ насиліемъ, гибельнымъ произволомъ? Неужели такой порядокъ вещей можетъ быть терпимъ въ какомъ нибудь человѣческомъ обществѣ? О, нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ! Пользоваться своею властію, издѣваться надъ безсиліемъ другаго, забывать его беззащитность и въ силу этихъ обстоятельствъ заставлять несчастнаго быть слѣпымъ орудіемъ своихъ корыстныхъ видовъ, — неужели это нормальность, неужели это то послѣднее слово, къ которому звала и зоветъ насъ наша человѣческая природа? Неужели могутъ быть терпимы такія вещи и неужели законъ останется глухимъ къ подобной ненормальности? Да, все это можетъ случаться у насъ и... печать... печать проповѣдуетъ такія вещи! — Въ сиротскомъ заведеніи нужно устроить элементарную школу, чтобы дать хорошую закваску. Что же за отношенія этой школы къ сиротамъ? Элементарная школа, по мнѣнію проэктера, «обязана прежде всего узнать своихъ воспитанниковъ и дать каждому изъ нихъ такое пер-

первоначальное воспитаніе и образованіе (не одно и тоже! вездѣ гибельный мистическій дуализмъ: сердце и умъ!), какое (образованіе? воспитаніе?) только онъ (сирота) принять можетъ; а потомъ уже она имѣетъ право классифицировать ихъ по способностямъ и наклонностямъ и давать каждому соотвѣтствующее назначеніе» (стр. 139) «По способностямъ и наклонностямъ...», «соотвѣтствующее назначеніе»! Да полноте, мудрецъ, г. Ушинскій; что за боги ваши наставники! Вѣдь хоть немного-то посмотрите на жизнь, или даже почитайте, не только романы (вы имъ не повѣрите), а біографіи «замѣчательныхъ» лицъ; хоть маленько войдите въ сношеніе съ людомъ не такимъ важнымъ, какъ вы, редакторъ министерскаго журнала, а помельче, да узнайте не одну исторію, — тогда вы увидите, что люди и съ любовью къ питомцамъ, во всякомъ случаѣ лучше проэктируемыхъ вами учителей, и тѣ ошибались и ошибаются постоянно. «Всѣ важнѣйшія дѣла элементарной школы, говорите вы: должны рѣшаться въ общемъ совѣтѣ всѣхъ ея воспитателей и наставниковъ, (т. е. одной стороны, причастной къ дѣлу! Впрочемъ, такая штука, по мнѣнію многихъ — либерализмъ!) Въ этомъ же совѣтѣ должна быть (ого! даже «должна быть!» не законъ ли это?) рѣшаема (страдательный залогъ!) участь (съ часу на часъ не легче!) каждаго (непремѣнно «каждаго»!) воспитанника (сироты-то!!)»; здѣсь же должно быть указано воспитаннику его новое назначеніе. А совѣтъ долженъ находиться «подъ непосредственнымъ вліяніемъ» главнаго начальника семинаріи; а главный начальникъ, прибавимъ мы, долженъ находиться подъ непосредственнымъ вліяніемъ своего начальника и т. д. И на первомъ планѣ выйдутъ начальники, а питомцы сироты... да въ сторону ихъ—дались питомцы, да воспитанники, а вѣдь они будутъ тѣ же начальники, только въ народныхъ школахъ. Итакъ, опять, начальники! Ну, конечно, «переводы изъ класса въ классъ, размѣщеніе дѣтей по классамъ и параллелямъ должны исключительно зависѣть отъ начальника элементарной школы и ея совѣта»; воспитатели «ежегодно обязаны представить къ экзамену тѣхъ дѣтей, которыя должны оставить элементарную школу. Въ спискѣ воспитанниковъ, представляемыхъ къ экзамену, должна быть подробно изложена исторія воспитанія каждаго и мнѣніе о каждомъ изъ нихъ, какъ частнаго воспитателя (питомцы живутъ подъ руководствомъ отдѣльныхъ воспитателей), такъ начальника и совѣта школы» (№ 3, стр. 192). Потомъ начинается экзаменъ, дѣлаются различныя соображенія, вслѣдствіе которыхъ, «равно какъ и самаго экзамена, всѣ экзаменованные воспитанники должны быть раздѣлены на группы: одни изъ воспитанниковъ будутъ размѣщены въ различныя учебныя заведенія, смотря по ихъ способностямъ и наклонностямъ;

другіе—поступать въ писарскія школы (*), или въ обученіе различнымъ ремесламъ; третьи перейдутъ въ высшія училища института (стр. 192) Вотъ способность къ фантасмагоріи! Всевѣдѣніе заставляетъ опредѣлить способности, размѣстить по различнымъ отраслямъ занятій и т. д. и т. д.! Нѣтъ! уже это способны сдѣлать только Иваны Яковлевичи, да Мароуцы!—И такія-то мѣры преподаются для сиротъ! «Да почему же г. Ушинскій обрушился на сиротъ?» подумаетъ быть можетъ кто нибудь. Э, какой этотъ «кто нибудь» недогадливый! да оттого, что сиротское заведеніе богато, правительство «безъ издержекъ» добудетъ благонамѣренныхъ народныхъ учителей; а не примись оно за это добываніе, такъ тогда, по мнѣніямъ Волостнина и Ушинскаго, «всякія учителя грамотности» землю перевернутъ: «Да отчего опять-таки за сиротъ? а другіе наши интернаты развѣ не богаты?» Э, читатель, да кто же отдастъ-то своихъ сыновей въ лапы различныхъ прожектеровъ! «И то правда», замѣтитъ снисходительно несогласный «кто нибудь». А сиротское заведеніе можетъ удовлетворить требованіямъ г. Ушинскаго? Гдѣ же! Малолѣтней школы нельзя уничтожить—сироты до десяти лѣтъ перемрутъ гдѣ нибудь и какъ нибудь; слѣдовательно, малолѣтняя школа должна остаться; она хотя будетъ элементарною школою;—потомъ нужна, по мнѣнію г. Ушинскаго — приготовительная учительская школа; далѣе гимназія при сиротскомъ заведеніи (т. е., правильнѣе, пансіонеры сиротскаго заведенія въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, каждому 250 р. въ годъ), и учительская семинарія. Уменьшить количество принимаемыхъ сиротъ ни въ какомъ случаѣ невозможно: напротивъ, оно еще должно увеличиться.

А въ сиротскомъ заведеніи на каждаго воспитанника, разлагая общую сумму 250,000 (мы беремъ изъ приведенныхъ цифръ большую) приходится по 400 (или немного менѣе) руб. Въ этой суммѣ: жалованье чиновникамъ и служителямъ; расходы: на постройки, починки, содержаніе больныхъ, на лекарства, на пищу и одежду воспитанниковъ, на закупку классныхъ пособій; гимнастическихъ, музыкальныхъ, для физическаго кабинета и лабораторіи, пожарныхъ и др. снарядовъ, отопленіе и освѣщеніе и пр. и пр. Нужно замѣтить, что все это покупается гуртомъ, а по проекту г. Ушинскаго каждому выдается сумма отдѣльно, и притомъ меньше отпускаемой теперь. Мы показали, на сколько щедро расточаются суммы, но во всякомъ случаѣ сиротское заведеніе, имѣя не менѣе 600—650 воспитанниковъ, обладая такими обширными зданіями, какъ гатчинскій институтъ, можетъ нерасхо-

(*) Эти писарскія школы удивительно нравятся П. Гурьеву, какъ средство пенитальное для искорененія вреднаго духа.

доказывать на многихъ вещахъ, если мы не будемъ обездоливать обыкновенною бѣдностью и скудостью учениковъ нашихъ лѣта бы семинарій и не заботиться даже изъ подражанія германцамъ, заставлять воспитанниковъ переносить и холодъ, и голодъ, и грязь и удушливость воздуха, — увлекаясь мнѣніемъ, что для народнаго учителя нужно привыкнуть къ скудной жизни. Если мы будемъ желать для нѣмцевъ возможно полнаго обезпеченія со стороны матеріальной, чтобы они могли удобнѣе заниматься дѣломъ, тогда, безъ сомнѣнія, можно смѣло сказать, что, несмотря на скромность цифры содержанія сиротскаго заведенія, при нашей дороговизнѣ постановленій ученическихъ, болѣе другихъ вносимыхъ трудовъ, — проектъ г. Ушинскаго найдетъ немалое затрудненіе въ исполненіи относительно денежныхъ средствъ. Весьма обольстительна идея пріучить питомца къ бережливости, къ скудости обстановки и т. д.; но развѣ она разумна? Напротивъ, совершенно ложна. Самъ г. Ушинскій сознается, что миссія народнаго учителя весьма важна для государства, а мы даже прибавимъ, гораздо важнѣе многихъ и многихъ. На какомъ же основаніи право осуждать народныхъ учителей на скудость и лишеніе? развѣ не долженъ трудъ вознаграждаться справедливо? Для приведенія въ исполненіе идей автора, для огражденія учителю возможности продолжать свое образованіе, — весьма умѣстно помѣстить его даже въ лавку и возить на урокъ подъ присмотромъ... но если отъ учителя требовать добросовѣстности въ исполненіи своей высокой обязанности, для этого прежде всего сама среда должна относиться къ нему не съ одними эгоистическими разсчетами на его воловій трудъ, не съ однимъ безучастнымъ, несправедливымъ приговоромъ, а съ взаимнымъ справедливымъ воздаяніемъ за полезное полезнымъ. Тогда только народный учитель не пустится въ противозаконные промыслы, не пойдетъ окольными путями, а безъ правды, съ однимъ требованіемъ, безъ вознагражденія, мы никогда не будемъ имѣть хорошихъ учителей народа. Г. Ушинскому захотѣлось отвергнуть въ этомъ случаѣ права человѣка, назначеннаго къ миссіи народнаго учителя, захотѣлось надсмѣяться надъ человѣческою природою, разумностью, законностью, какъ надсмѣхаются многіе и многіе, — и у него отъ этого вышла такая вещь, которую онъ никакъ предвидѣть не могъ и которую бы послѣ, если бы его проектъ осуществился, отнесъ къ «непредвидѣннымъ обстоятельствамъ», или, что еще вѣрнѣе, къ «вредному вліянію» постороннихъ обстоятельствъ. Дѣло въ томъ, что по его проекту, предполагающему пріучать къ скудости и терпѣнію, всѣ воспитанники сиротскаго заведенія воспитываются сперва въ элементарной школѣ, а потомъ уже ихъ разсортировываютъ... Кто же изъ нихъ назначается къ профессіи народ-

наго учителя, къ переводу въ приготовительную учительскую школу? Бойкія способности, пытливый умъ, природа, полная жизни, и устойчивой исчахнуть подъ гнетомъ педагогической мудрости, — все это не гармонируется съ качествами, предпочтительно требуемыми, будущаго учителя народной школы; для послѣдняго, напротивъ, нужны другія отличительныя свойства. Люди живые перейдутъ въ гимназію, гдѣ все-таки представляется возможность болѣе привлекательной будущности. Положимъ, въ подготовительную учительскую школу будутъ переводимы дѣти, неспособныя понять и взвѣсить выгоды своей будущности и выгоды своихъ товарищей; положимъ, совершенно не найдется личностей, сознательно мыслящихъ, способныхъ взглянуть на свое назначеніе, какъ на призваніе; — но кто же отниметъ у нихъ память бывшаго? кто возьметъ на себя обязанность предохранить ихъ въ будущемъ отъ столкновенія съ иначе мыслящими бывшими ихъ товарищами? кто будетъ въ состояніи внушить имъ терпѣливое довольство своимъ прозябаніемъ и кто, наконецъ, предохранитъ ихъ отъ зарожденія мучительной ненависти къ такъ несправедливо назначившимъ имъ одни лишенія и скудное прозябаніе въ какой-нибудь деревушкѣ? Или, въ самомъ дѣлѣ, г. Ушинскій увѣренъ въ возможности оставить ихъ на низшей ступени человѣческаго развитія, отстранить отъ нихъ всякое столкновеніе съ живыми людьми, замуровать ихъ человѣческую природу? — Мы знаемъ отвѣтъ на наши слова: «отчего же ничего подобнаго не случается въ Германіи?» Но такъ ли? полноте... Да, если бы и въ самомъ дѣлѣ это было вѣрно, то развѣ это возможно у насъ? Въ учительскую германскую семинарію принимаютъ не всѣхъ желающихъ, но развѣ тамъ эти желающіе принадлежатъ къ извѣстной опредѣленной расѣ? А вы дѣтами чиновниковъ, сиротами чиновничьего міра совѣтуете наполнять учительскія семинаріи и то не желающими, а по выбору, по назначенію... Вы взяли радостный фактъ de facto, а онъ между тѣмъ еще далекъ до этого; вы видите скорое сближеніе словъ общественныхъ, а до этого слишкомъ далеко, и первый толчокъ къ подобному сближенію можетъ дать образованіе народа. А кто же представитель этого образованія, какъ не учитель, и кто можетъ скорѣе другихъ быть посредникомъ въ этомъ дѣлѣ, какъ не тотъ же учитель, котораго вы осудили на вѣчное прозябаніе, на первую ступень человѣческаго развитія, которому вы назначили скудную жизнь, нужду, разныя хлопоты о матеріальномъ своемъ существованіи?... Какимъ же онъ явится примирителемъ и просвѣтителемъ, когда его знанія не дадутъ ему никакого живого взгляда, когда самое его просвѣщеніе будетъ невыносимо тяжело для всякаго мало-мальски развитаго человѣка? — Да, г. Ушинскій со-

вершенно отнять у народнаго учителя всякую возможность развиться, потому что вся ученость учительской семинаріи не дастъ ему никакого плодотворнаго зерна, а поставленный въ прямое постоянное столкновеніе съ нуждою и лишеніями—онъ не будетъ въ состояніи добыть себѣ новый более жизненный запасъ свѣдѣній и поневолѣ останется безполезнымъ, лишнимъ, даже вреднымъ, обиженнымъ человѣкомъ... Уже никакое богатое сиротское заведеніе не поправитъ этого вреда — для этого нужны другія суммы, другой источникъ, откуда бы народный учитель могъ разсчитывать на справедливое воздаяніе за свой трудъ, и если бы насъ спросили, гдѣ этотъ источникъ, мы бы, не задумываясь, указали на тѣ интернаты, гдѣ на государственныя суммы воспитываются тысячи дѣтей состоятельныхъ семействъ.

Я кончилъ. Мы, читатель, сдѣлали два шага и не двинулись ни на шагъ; долго ли еще будемъ мы шагать и шагнемъ ли впередъ?

Было время, мы сознавались въ своихъ увлеченіяхъ, какъ будто для того, чтобы показать свою возможность и готовность приняться серьёзно за дѣло. Но теперь мы забыли вспоминать о увлеченіи, боимся его, какъ дѣти боятся показать гувернеру запрещенную «опасную» книгу. Мы повидимому шагнули впередъ, и этотъ шагъ подѣйствовалъ на насъ отрезвительно; мы боялись «противныхъ» мужиковъ, а теперь вездѣ кстати и не кстати спѣшимъ сообщать наши пламенныя любовныя чувства къ простонародью, любимъ

Въ роскошно убранной палатѣ
Потолковать о бѣдномъ братѣ,
Погорячиться о добрѣ...

Все это, конечно, было бы весьма дѣльно, похвально и утѣшительно, если бы только это и нужно было отчизнѣ. Расточая гимны и похвалы нашему времени, съ гордымъ сознаніемъ будущаго величія Россіи, мы, конечно, видимъ все утѣшительное въ грядущемъ; но наше время рѣшаемся называть близкимъ къ осуществленію множества высказанныхъ идей и идеекъ. Мы порѣшили окончательно, что кончены для Россіи тяжкія времена. А въ утѣшеніе прибавляемъ, что нельзя скоро поставить все въ обратное, благотворное положеніе, и что наше время, поэтому, время переходное. И оттого, встрѣтившись съ неутѣшительнымъ явленіемъ, мы всегда готовы сказать: «еще не настало время для появленія у насъ добросо-«вѣстнаго и соотвѣтственнаго труда»,—и нельзя не согласиться, во многомъ мы правы, но во многомъ ошибаемся по укоренившейся привычкѣ возлагать надежды на будущее и устраняться по возможности отъ всякаго полезнаго начинанія.

Когда жизнь общества выражается и обусловливается различными ненаціональными или несовременными установленіями, проэктами, даже отдѣльными минутными мыслями; тогда въ обществѣ является прямая потребность обсуждать свое положеніе и стараться измѣнить его къ лучшему разъясненіемъ причинъ, пагубно вредящихъ общественной организаціи; тогда литература наполнена различными теоріями, стараясь направить общественное мнѣніе въ ту или другую сторону, — стараясь выработать убѣжденія, болѣе современныя положенію общественной жизни, — и въ это время главное — теорія. Онѣ здѣсь, какъ нельзя лучше, умѣстны и раціональны. Но когда можетъ начаться общественная самодѣятельность, когда нѣтъ болѣе нужды отлагать исполненіе прежде рѣшеннаго и выработаннаго по теоріямъ; тогда, очевидно, напрасно выдумывать новые способы удовлетворенія давно возродившимся нуждамъ и потребностямъ; надобно начинать дѣйствовать.

У насъ, къ несчастію, почти никогда не вспоминаютъ объ этомъ. Долгая привычка проэктировать и разсуждать по невозможности начать дѣйствовать—оставляетъ на всемъ неутѣшительную печать своего проходящаго существованія. Оттого мы не принимаемся за дѣло безъ подходцевъ, прямо, а прежде стараемся повторить все когда-то сказанное, можетъ быть совершенно къ намъ неподходящее, толкуемъ, толкуемъ, открываемъ и придумываемъ несуществующія въ дѣйствительности препятствія и, разбирая неудавшіяся попытки другихъ, запѣваемъ обычную фразу: «не пришла пора!» И неужели можно признать подобное явленіе нормальнымъ и считать себя разсуждающими не по-дѣтски?

Передъ нами проэктъ г. Ушинскаго... не развѣ возможенъ этотъ проэктъ при другой обстановкѣ, развѣ можно при другомъ положеніи такъ нагло надсмѣхаться надъ человѣческими правами? Тебѣ скучно, читатель, прочесть разборъ этого проэкта; ты человѣкъ увлекающійся, хорошій человѣкъ, а скажи по совѣсти, не восхищался ли ты имъ въ кабинетѣ и не считаешь ли его дѣломъ ума сметливаго, образованнаго человѣка? Люби же

Въ роскошно убранной палатѣ
Потолковать о бѣдномъ братѣ,
Погорячиться о добрѣ...

но остановись во время, оцѣни достоинства предлагаемаго, прими въ разсчетъ недостатки проэкта,—почему знать, можетъ быть, ты не рѣшишься руководствоваться его принципами, не захочешь уронить себя предъ либералами-товарищами.

Н. ПІОТРОВСКІЙ.

НЕПОЧТИТЕЛЬНОСТЬ КЪ АВТОРИТЕТАМЪ.

(**Демократія въ Америкѣ**, *Ал. Токвилля*, **члена института. Перевелъ** *А. Якубовичъ*. **Т. I и II. Кіевъ. 1860 г.**)

О переводѣ г. Якубовича никакъ нельзя сказать, что онъ хорошъ. Онъ сдѣланъ небрежно, а еще хуже то, что переводчикъ, какъ видно, не знаетъ самыхъ обыкновенныхъ терминовъ политическаго устройства, да и многихъ самыхъ обыкновенныхъ оборотовъ французскаго языка. Вотъ примѣры изъ IV главы (въ переводѣ г. Якубовича Т. I, стр. 63—67). Токвилль говоритъ, что до войны за независимость принципъ верховной власти народа коренился въ муниципальныхъ дѣлахъ сѣверо-американскихъ колоній; а когда вспыхнула революція, онъ сталъ господствовать и въ правительствѣ колоній: toutes les classes se compromirent pour sa cause, то есть: всѣ сословія безвозвратно признали его, или сдѣлались его защитниками; а г. Якубовичъ переводитъ: «вслѣдствіе этого пали сословія». Vote universel или suffrage universel, то есть всеобщее право подачи голосовъ, онъ переводитъ: «общественное мнѣніе», — это недоразумѣніе попадается нѣсколько разъ на страницахъ, пересмотрѣнныхъ нами. Напримѣръ, Токвилль говоритъ: «штатъ Мерилэндъ, основанный вельможами, первый провозгласилъ всеобщее право вотированья»; г. Якубовичъ переводитъ: «штатъ Мериландъ, основанный богатыми и знатными переселенцами, первый провозгласилъ господство общественнаго мнѣнія». — Нѣсколькими строками дальше, Токвилль говоритъ, что если какой нибудь народъ началъ понижать электоральный цензъ, пониженіе пойдетъ непремѣнно до совершен-

ной отмѣны ценса, потому что съ каждой новой уступкой ростутъ и
силы и требованія демократіи; сказать это. Токвиль выражается
слѣдующимъ образомъ: честолюбіе людей, оставляемыхъ ниже цен-
са, раздражается соразмѣрно многочисленности людей, находящихся
выше ценса (l'ambition de ceux qu'on laisse au-dessous du cens s'irrite
en proportion du grand nombre de ceux qui se trouvent au-dessus),
а г. Якубовичъ переводитъ: «самолюбіе остающихся подъ властью
ценса, раздражается по мѣрѣ увеличенія числа тѣхъ, которые нахо-
дятся внѣ этой власти». — Очевидно, г. Якубовичъ, когда перево-
дилъ эти страницы, не понималъ одно изъ самыхъ употребитель-
ныхъ значеній глагола se compromettre, не имѣлъ понятія о смыслѣ
терминовъ: «всеобщее право подачи голосовъ» и «избирательный
ценсъ». Пробовали мы свѣрять съ подлинникомъ и другія мѣста
перевода, вездѣ выходитъ одно и то же. А очень жаль, что книга
Токвиля объ американской демократіи переводится человѣкомъ, ко-
торый не знаетъ ни предмета въ ней излагаемаго, ни французскаго
языка. Мы совѣтовали бы г. Якубовичу не печатать остальной по-
ловины его перевода (два изданные тома заключаютъ въ себѣ ровно
половину подлинника). Сочиненіе Токвиля занимаетъ такое видное
мѣсто въ политической литературѣ, что заслуживало бы хорошаго
перевода.

Успѣхъ этой книги во Франціи былъ громадный. Г. Якубовичъ дѣлалъ переводъ съ 12-го изданія, а у насъ подъ руками 13-е, на которомъ выставленъ еще 1850 г., — съ той поры, вѣроятно, было еще нѣсколько изданій. Да и не въ одной Франціи пріобрѣла эта книга Токвиля очень большой успѣхъ и авторитетъ: англичане, нѣмцы часто ссылаются на нее. Дѣйствительно, въ ней много вѣрнаго, хорошаго и очень полезнаго, гораздо больше, чѣмъ въ послѣднемъ знаменитомъ сочиненіи Токвиля «Старый Порядокъ и Революція», гдѣ основная мысль фальшива и портитъ все. Въ сочиненіи, переводъ котораго такъ прискорбно начатъ г. Якубовичемъ, основная тенденція вѣрна. Она очень недурно объяснена въ коротенькомъ предисловіи, которое, неизвѣстно зачѣмъ, оставилъ безъ перевода г. Якубовичъ, хотя оно сдѣлано именно къ 12-му изданію, съ котораго переводилъ онъ.

«Книга эта», говоритъ Токвиль въ предисловіи: «была написана 15 лѣтъ тому назадъ. Но теперь (въ 1848 г.) она получаетъ отъ обстоятельствъ настоящаго практическую полезность, какой не имѣла во время перваго изданія. — Американскія учрежденія, бывшія только предметомъ любопытства для монархической Франціи, должны быть предметомъ изученія для республиканской Франціи. Вопросъ теперь о томъ, спокойствіе или вол-

нація будутъ у насъ при республикѣ, демократическая тираннія или демократическая свобода. Задача эта, только еще представляющаяся намъ, разрѣшена Америкою слишкомъ 60 лѣтъ тому назадъ. 60 лѣтъ владычествуетъ тамъ безраздѣльно принципъ верховной власти народа, лишь на дняхъ провозглашенный нами. Онъ тамъ примѣненъ къ дѣлу прямѣйшимъ, безграничнѣйшимъ, безусловнѣйшимъ образомъ. 60 лѣтъ народъ тамъ безостановочно возрастаетъ числомъ, обширностью государства, богатствомъ, и, замѣтимъ, во все это время онъ пользовался не только наибольшимъ благосостояніемъ, но и наибольшимъ спокойствіемъ изъ всѣхъ народовъ на землѣ. Всѣ европейскія націи страдали отъ войны или внутреннихъ раздоровъ,—американскій народъ одинъ въ цивилизованномъ свѣтѣ оставался миренъ. Почти вся Европа была потрясена революціею; въ Америкѣ не было даже и мелкихъ смятеній. Анархія и деспотизмъ оставались равно неизвѣстны ей. Гдѣ можемъ найти мы лучшія надежды и лучшіе уроки? Обратимъ наши взоры на Америку, — не для того, чтобы рабски копировать учрежденія, какія она дала себѣ, — а для того, чтобы лучше понять, какія годятся для насъ; чтобы заимствовать изъ Америки не столько примѣры, сколько уроки. Французскіе законы могутъ и должны во многихъ случаяхъ быть различны отъ сѣверо-американскихъ; но принципы, на которыхъ основано американское устройство, эти принципы порядка, уравновѣшенія властей, искренняго и глубокаго уваженія къ праву — необходимы».

Достоинство книги Токвилля больше всего зависѣло отъ этой патріотической и здравой мысли—изучать американскія учрежденія съ цѣлью пользоваться знаніемъ ихъ для хорошаго устройства французскихъ дѣлъ. Но тѣ же самыя, переведенныя нами главныя мѣста предисловія, въ которыхъ высказывается идея сочиненія, обнаруживаютъ и неудовлетворительность его.

Мы не станемъ говорить о второстепенныхъ недостаткахъ. Токвилль слишкомъ любитъ философствовать, а философомъ не пришлось ему воспитаться, быть можетъ не удалось и родиться; потому его философствованье выходитъ очень поверхностнымъ резонерствомъ на темы, почерпнутыя главнымъ образомъ изъ Монтескьё. Вся вторая половина сочиненія (о гражданскомъ бытѣ Сѣверной Америки) набита этимъ резонерствомъ, которое мы назвали бы необыкновенно скучнымъ, еслибъ множество изданій не свидѣтельствовало, что публика (по крайней мѣрѣ французская) читала книгу легко и съ удовольствіемъ. Иной разъ скука замѣнялась у насъ веселымъ смѣхомъ, — до такихъ наивностей договаривается нашъ философъ. Вдругъ ему, напримѣръ, показалось, будто «по де-

опровергнуть наблюденіемъ» узнаетъ онъ такую вещь, что «въ Америкѣ, самой демократической странѣ на земномъ шарѣ, католицизмъ преуспѣваетъ, какъ нигдѣ на свѣтѣ».—«Это удивительно на первый взглядъ», cela surprend au premier abord, произноситъ онъ,—да оно и точно было бы удивительно, еслибъ сколько нибудь было похоже на правду, а въ дѣйствительности удивительно лишь то, какъ повѣрилъ Токвилль такой нелѣпицѣ,—но онъ тотчасъ же оправляется отъ недоумѣнія, начинаетъ философствовать и находитъ, что американскія учрежденія чрезвычайно располагаютъ людей къ принятію католичества, — къ которому на самомъ-то дѣлѣ быстро становится равнодушенъ самый фанатическій ирландецъ, переселившись въ Америку. А то вдругъ начнетъ философствовать о классической литературѣ и разсудитъ, что Америкѣ грозятъ отъ греческаго и латинскаго языковъ двѣ ужаснѣйшія опасности: станутъ американцы учиться классическимъ языкамъ, явятся у нихъ граждане «очень изящные и очень опасные, которые во имя грековъ и римлянъ будутъ волновать государство». Не станутъ учиться американцы классическимъ языкамъ, тоже будетъ плохо: «нѣтъ литературы, которую больше классической слѣдуетъ изучать въ демократическій вѣкъ». Какъ же тутъ быть американцамъ? и не читать Цицерона—нельзя, и читать Цицерона—бѣда? А вотъ какъ: въ университетахъ надобно «превосходно» учить по-гречески и по-латинѣ,—а въ гимназіяхъ вовсе не учить. Слава Богу, спасена Америка. — «Впрочемъ», прибавляетъ Токвилль въ заключеніе: «я не считаю литературныя произведенія древнихъ безукоризненными»,—какъ нужно было поопредѣлительнѣе высказать свое мнѣніе о достоинствахъ классической литературы, при описаніи гражданскаго устройства Сѣверной Америки. Такихъ штучекъ у Токвилля найдется много; но отъ нихъ его книга страдаетъ немногимъ больше того, сколько можетъ пострадать Сѣверная Америка отъ преподаванія или непреподаванія греческаго языка въ гимназіяхъ. Подобныя мелочи могутъ только пособить намъ разглядѣть, что авторъ книги не такой же геніальный мыслитель, какимъ провозглашенъ и у насъ. А сама книга и при нихъ все-таки можетъ остаться хорошей.

Гораздо важнѣе другой недостатокъ, портящій собою лишь часть разсужденій Токвилля объ Америкѣ, но потомъ испортившій всю книгу его — о «Старомъ порядкѣ и революціи во Франціи». Онъ сбился съ толку на пунктѣ, отъ котораго происходила такая же, только въ противоположномъ направленіи, путаница понятій у многихъ нѣмецкихъ ученыхъ. Токвилль видѣлъ на своей родинѣ демократію рядомъ съ централизаціей. Не разобравъ, что это — два явленія разныхъ періодовъ и совершенно разныхъ тенденцій, онъ вообразилъ,

что демократія и централизація имѣютъ необыкновенное дружеское влеченіе другъ къ другу, что онѣ даже чуть ли не одно и то же. Точно то же вообразилось и цѣлой школѣ нашихъ ученыхъ. Но расположеніе чувствъ у нихъ и у него оказалось разное. Наши ученые, изъ любви къ одному принципу, начали восхищаться и другимъ. Токвилль, изъ нерасположенія къ одному, съ грустною недовѣрчивостью сталъ смотрѣть и на другой. Онъ готовъ сочувствовать демократическимъ учрежденіямъ, но ужасно пугаетъ его ихъ необыкновенная наклонность къ централизаціи. Когда онъ писалъ книгу объ Америкѣ, торжество демократіи во Франціи казалось ему не очень близко, и онъ справлялся еще кое-какъ съ опасеніемъ своимъ, что она усилитъ и увѣковѣчитъ централизацію. Сочиненіе о «Старомъ Порядкѣ» писалъ онъ уже послѣ событій 1848 г., и воображая, что уже осуществилось его опасеніе, совершенно растерялся отъ ужасной неизбѣжности централизаціонныхъ страданій для его милой родины. Бѣдняга дошелъ до того, что видитъ преобладаніе вреда надъ пользою во французскихъ событіяхъ конца прошлаго вѣка: конституціонное собраніе, законодательное собраніе, конвентъ каждымъ отмѣненіемъ привилегій и феодальныхъ учрежденій только усиливали, по его мнѣнію, централизацію, только все глубже и глубже ввергали Францію въ эту бездну, въ которую, по его мнѣнію, очень любитъ падать демократія. Все это огорченіе произошло отъ одного небольшаго недосмотра: Токвилль не разобралъ, что произвольная власть очень хорошо обходится и безъ централизаціи. Въ Турціи, напримѣръ, не слишкомъ много централизаціи: правитель каждой области — полновластный хозяинъ въ ней; каждый подчиненный ему паша такъ же полновластный хозяинъ въ своемъ округѣ; каждый кади тоже полновластный хозяинъ въ своемъ кварталѣ и каждый чаушъ — во всякомъ домѣ, куда пошлетъ его кади. Кажется, ужъ нельзя тутъ жаловаться на централизацію, ужъ подлинно каждый клочекъ земли одаренъ управленіемъ, дѣйствующимъ самостоятельно: не дальше какъ за версту, откуда бы-то-ни было, найдется власть, которая можетъ рѣшить сама собою всякую вещь: и преступника наказать, и тяжбу разсудить, и всякое общественное дѣло порѣшить, не спрашиваясь высшаго начальства. Но Токвилль этого не разсудилъ: ему вообразилось, что безъ централизаціи не бываетъ и деспотизма. Кто же ввелъ полную централизацію во Францію? Вовсе не національныя собранія конца прошлаго вѣка (на самомъ дѣлѣ не они, а Наполеонъ I; но такъ уже показалось Токвиллю); значитъ, они-то и подвергли Францію полнѣйшему деспотизму. Но опять видитъ онъ, что произвольная власть была во Франціи и до революціи; а произвольная власть безъ централизаціи не обходится по его мнѣнію; стало быть

всѣ формы произвольной власти при старомъ порядкѣ были централизацiею: и выходитъ у него, что при старомъ порядкѣ тоже господствовала централизацiя. Въ каждой провинцiи были свои законы, въ каждой были не такiе налоги, какъ въ другихъ, каждая отдѣлялась отъ другихъ таможенною цѣпью, каждый интендантъ пользовался по многимъ дѣламъ законодательною властью въ своей провинцiи, распоряжался съ нею во всемъ совершенно, какъ хотѣлъ, не спрашиваясь парижскаго правительства; каждый изъ 12 областныхъ парламентовъ претендовалъ имѣть верховную власть, кассировать постановленiя парижскаго правительства; многiе города претендовали на такое же право (только и парламенты, и городскiя власти арестовались и разгонялись по благоусмотрѣнiю все того же интенданта, имѣвшаго всю фактическую власть),—кажется, ничего похожаго на централизацiю тутъ нѣтъ; а Токвилю все мерещется централизацiя въ этихъ интендантахъ и субъинтендантахъ, бывшихъ пашами въ своихъ провинцiяхъ. Года два или три тому назадъ, мы при разборѣ «Очерковъ Англiи и Францiи» г. Чичерина имѣли случай объяснить источникъ этой ошибки. Новые принципы государственной жизни еще не на столько развились во Францiи, чтобы уничтожить всѣ слѣды стараго порядка, противоположнаго имъ; во Францiи только еще начинается весна: въ иныхъ мѣстахъ уже показалась зелень, кое-гдѣ проглядываютъ уже и цвѣтки, а въ другихъ мѣстахъ еще лежитъ снѣгъ. Токвиль и многiе другiе очень основательно заключили изъ этого, что роскошная растительность развивается на снѣгу, и чѣмъ будетъ роскошнѣе она, тѣмъ толще будетъ слой снѣгу, одѣвающаго покрытую растительностью страну. При старомъ порядкѣ существовалъ безграничный, совершенно хаотическiй произволъ. Новые принципы законнаго порядка еще не достигли той степени торжества надъ ними, чтобы вовсе устранить его, а до сихъ поръ успѣвали лишь нѣсколько обуздывать его подчиненiемъ хотя нѣкоторой формѣ. Формой этой пришлось быть, по особеннымъ историческимъ обстоятельствамъ, централизацiонному принципу. У областныхъ правителей произволъ совершенно отнятъ централизацiею: префектъ, смѣнившiй интенданта, уже поставленъ въ тѣсныя границы повиновенiя закону. Но министръ, истолкователь закона префекту, еще сохранилъ значительную долю произвола. Кому же неизвѣстно, что со временъ реставрацiи идетъ во Францiи вопросъ о распространенiи на центральную власть, на министровъ, того же принципа, которому уже подчинились областныя власти? Дѣло это трудное, времени требуетъ оно много, предсказываетъ длинный рядъ временныхъ неудачъ, перемѣшанныхъ съ успѣхами (неудачъ не столько по существу, сколько

по формѣ: при орлеанской монархіи отвѣтственность министровъ была больше пустою формою, на дѣлѣ они пользовались произволомъ, развѣ немногимъ меньшимъ, чѣмъ при второй имперіи),—что жь такое, эта медленность, эти рецидивы—неизбѣжная принадлежность всякаго важнаго историческаго дѣла. Но уже видно, что и у министровъ во Франціи скоро будетъ отнятъ произволъ; тогда исчезнетъ и централизація. Уже очень замѣтно развивается во Франціи тенденція къ самоуправленію, или, по французскому термину, къ децентрализаціи. Токвилль ничего этого не умѣлъ разобрать, все перепуталъ и вышло у него, что демократія и централизація — одно и то же. Точно такимъ же манеромъ другіе господа отожествляютъ грамотность съ мошенничествомъ, цивилизацію съ развратомъ, и тоже очень горюютъ бѣдняки, подобно Токвиллю: сами видятъ, что избѣжать прогресса нельзя, и пугаются, что прогрессъ ведетъ къ такой ужасной безнравственности.

Но о Франціи еще простительно близорукому говорить подобный вздоръ: а какими судьбами можно домечтаться до того, что ведетъ демократія къ централизаціи въ Америкѣ, — мало того, что она ужь развила очень сильную централизацію въ Америкѣ? Вѣдь каждому извѣстно, что параллельно развитію демократическихъ учрежденій тамъ шло и именно отъ ихъ развитія происходило уничтоженіе всего, сколько нибудь похожаго на централизацію. Была тутъ, разумѣется, борьба, а въ борьбѣ неизбѣжна крайность, потому торжествующая демократія переступала наконецъ всякую полезную границу въ развитіи самоуправленія: дошло до того, что общая государственная власть не могла вмѣшиваться въ междуусобныя войны, происходившія въ отдѣльныхъ штатахъ и территоріяхъ. Напримѣръ, въ Канзасѣ богъ-знаетъ сколько времени рѣзались между собою приверженцы и противники невольничества, а центральная власть не могла принять дѣйствительныхъ мѣръ къ прекращенію междуусобицы. Что дѣлать, нужно принципу совершенно утвердиться прежде, чѣмъ прекратится для него нужда въ крайнемъ напряженіи, превышающемъ нормальную мѣру общественной пользы. Много лѣтъ спустя послѣ того, какъ писалъ свою книгу Токвилль, началась эта эпоха въ Америкѣ. Противники полнаго развитія демократическихъ учрежденій, называвшіеся вигами, были окончательно побѣждены демократической партіей около 1845—1848 гг. Тогда демократическая партія, оставшись безспорной властительницей національной судьбы, стала сама раздѣляться на двѣ части: одна половина, сохранившая прежнее имя демократовъ, удовольствовалась пріобрѣтеннымъ успѣхомъ и не видѣла надобности въ дальнѣйшемъ улучшеніи общественнаго устройства. Другая половина, принявшая

ями республиканцевъ, находила, что тѣ же самые принципы, которые получили полное торжество въ общемъ государственномъ устройствѣ всей страны, должны быть примѣнены и къ устройству гражданскаго быта во всѣхъ частяхъ страны, между тѣмъ какъ до сихъ поръ сохранялись на Югѣ гражданскія учрежденія, несовмѣстныя съ общими политическими учрежденіями. На Югѣ существовало средневѣковое учрежденіе невольничества; на немъ опиралось гражданское устройство общества, совершенно противоположное принципамъ политическаго устройства. Всѣ прогрессивные люди постепенно перешли въ эту новую партію, а всѣ гнилые элементы пристали къ обломку прежней демократической партіи, сохранявшему за собою прежнее имя, но отъ этихъ нечистыхъ примѣсей все сильнѣе и сильнѣе пропитывавшемуся духомъ, противоположнымъ духу прежней демократической партіи. Наконецъ дошло дѣло до того, что эти гнилые элементы, сгруппировавшіеся подъ именемъ нынѣшней такъ-называемой демократической партіи, сознали невозможность для себя жить при существующихъ учрежденіяхъ Сѣверо-Американскаго Союза и рѣшились сдѣлать отчаянную попытку для ихъ низверженія. Масса партіи, называвшейся демократическою, состояла изъ людей недальновидныхъ, жертвовавшихъ всѣмъ, чтобы отказывались отъ своихъ угрозъ авантюристы и олигархи, пугавшіе неизбѣжностью междуусобной войны въ случаѣ, если противники ихъ одержатъ верхъ въ правильной организаціи правительства. Ихъ наглость становилась тяжела, такъ что масса начала покидать ихъ. Тогда они подняли войну и теперь, какъ знаетъ читатель, Сѣверная Америка представляетъ зрѣлище междуусобицы, какой со временъ Фронды не бывало даже во Франціи, которой Токвилль указывалъ на Америку, какъ на примѣрную страну тишины. Исходъ этой междуусобицы не подлежитъ сомнѣнію: южные олигархи и авантюристы слишкомъ слабы, и пораженіемъ ихъ начнется новый періодъ въ исторіи Соединенныхъ Штатовъ,—періодъ преобразованія гражданскаго быта въ тѣхъ частяхъ страны, гдѣ былъ онъ несообразенъ съ общими принципами американскаго устройства. Въ этомъ дѣлѣ здоровые элементы населенія южныхъ штатовъ, конечно, будутъ получать помощь отъ всей націи, и посредницею въ передачѣ пособія вѣроятно будетъ союзное правительство, такъ что кругъ его дѣятельности нѣсколько расширится. Но мы видимъ по началу дѣла, въ какомъ духѣ будетъ ведено оно, онъ не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ централизаціей, а прямо противоположенъ ей: сѣверные штаты вооружились и ведутъ войну по принципу самоуправленія. Союзное правительство руководится рѣшеніями мѣстныхъ народныхъ митинговъ; получаетъ средства къ войнѣ отъ

мѣстныхъ комитетовъ, составлявшихся изъ выборныхъ отъ населенія, по собственной иниціативѣ положившаго основать такіе комитеты; словомъ сказать, въ этой войнѣ сѣверо-американскій принципъ выказался въ такой безусловной послѣдовательности, какъ еще никогда ни по какому дѣлу. Навѣрное можно сказать, что по окончаніи войны, когда черезъ посредство союзной власти будутъ совершаться реформы гражданскаго быта въ южныхъ штатахъ, союзное правительство будетъ дѣйствовать также только по указанію общественной инiціативы и въ полной зависимости отъ нея, такъ что и въ самомъ исполненіи дѣла сильнѣе прежняго разовьется сѣверо-американскій принципъ, противоположный централизаціи; а про результаты дѣла нечего уже и говорить: оно все имѣетъ своею цѣлью очищеніе сѣверо-американскаго общества отъ послѣднихъ остатковъ устройства, не согласнаго съ его кореннымъ принципомъ.

Таково нынѣшнее сѣверо-американское дѣло. Но кто нимало не пойметъ его натуры, можетъ вообразить, что оно такъ или иначе послужитъ къ появленію нѣкоторой централизаціи. Вѣдь войну все-таки ведетъ союзное правительство противъ конфедераціи нѣсколькихъ областей; эти области присвоиваютъ себѣ право на самостоятельность въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ не допускаетъ его союзное правительство; стало-быть можетъ показаться иному, что борьба идетъ между центральною властью и мѣстнымъ самоуправленіемъ, что неизбѣжная побѣда центральной власти послужитъ къ ея усиленію, къ уменьшенію областнаго самоуправленія. Еслибъ Токвилль нынѣ писалъ о наклонности американской демократіи къ централизаціи, онъ ошибался бы полнѣйшимъ и грубѣйшимъ образомъ, но его ошибка все-таки была бы понятна. Другое дѣло подобная мысль въ книгѣ, писанной около 30 лѣтъ назадъ, когда не было ровно ни одного факта, который хотя самому поверхностному и незнающему человѣку могъ бы показаться ведущимъ къ централизаціи или похожимъ на нее. Ошибочно, но понятно мнѣніе человѣка, принимающаго кита за рыбу; но какъ же принимать за рыбу быка или лошадь? Потому необыкновенно забавно читать философствованія Токвилля о наклонности американцевъ и вообще демократическихъ обществъ къ централизаціи. Кто не читалъ его книгу, навѣрное предположитъ, что мы выдумываемъ на него; такому скептику совѣтуемъ заглавія цѣлаго большаго отдѣла изъ второй половины сочиненія Токвилля. «Часть IV, гл. 2. Понятія демократическихъ народовъ о правительственныхъ дѣлахъ естественно расположены къ централизаціи власти. Глава 3. Чувства демократическихъ народовъ, согласно съ ихъ понятіями, влекутъ ихъ къ централизаціи власти». Еще нѣсколько другихъ главъ посвящено тому же предмету. Онъ такъ курьёзенъ,

что любопытно будетъ читателю взглянуть на нѣкоторые образцы разсужденій знаменитаго автора.

«Понятіе второстепенныхъ властей, посредствующихъ между верховною властью и подданными (говоритъ Токвиль) естественно представлялось воображенію аристократическихъ народовъ, потому что въ нѣдрахъ ихъ были отдѣльныя лица или фамиліи, возвышавшіяся надъ другими знатностью, просвѣщеніемъ, богатствомъ и казавшіяся предназначенными къ власти. Эта идея, естественно, исчезаетъ изъ мысли людей въ вѣка равенства, по причинамъ, противоположнымъ тому. Ввести ее въ ихъ мысли можно только искуственно, поддерживать въ нихъ лишь съ большимъ трудомъ, между тѣмъ какъ возникаетъ въ нихъ сама собою идея единственной и центральной власти, которая сама руководитъ всѣми гражданами.»

Чудакъ не понимаетъ, что въ первую половину своего разсужденія самъ вставилъ слова, показывающія совершенный недостатокъ логики во второй половинѣ его. Вѣдь самъ же онъ сказалъ, что въ аристократическихъ обществахъ второстепенныя власти попадаютъ въ руки людямъ по знатности, богатству, то есть не по выбору согражданъ, а по прирожденному праву извѣстнаго человѣка или рода имѣть въ рукахъ власть. Хочетъ онъ судить о демократическомъ народѣ по закону контраста; какой же контрастъ выходитъ изъ его собственныхъ словъ? Какія изъ этихъ словъ ищутъ себѣ противоположности во второй половинѣ періода? Тутъ не по выбору, а по прирожденному праву, тамъ наоборотъ, — значитъ, по выбору, а не по прирожденному праву. Пускается человѣкъ философствовать, а не знаетъ, что если къ существительному прибавлено прилагательное, то въ контрастѣ отрицаніе будетъ относиться не къ существительному, а къ прилагательному, или если общее понятіе выставлено съ частнымъ признакомъ, то отрицаніе въ контрастѣ будетъ относиться къ частному признаку, а не къ общему понятію. Напримѣръ, если вы уже сказали: добрый человѣкъ, или человѣкъ въ хорошей одеждѣ, то противоположность будетъ: злой человѣкъ, или человѣкъ въ дурной одеждѣ, а не то, что противоположностью доброму человѣку составляетъ птица, или человѣку въ хорошей одеждѣ — пустыня. Чтобы во второй половинѣ періода вышло «пустыня», «отсутствіе человѣка», въ первой половинѣ періода нужно сказать просто человѣческое общество, безъ всякихъ частныхъ признаковъ. Если бы можно было сказать, что второстепенная власть неспособна имѣть никакого другаго происхожденія, кромѣ родоваго, другаго источника, кромѣ патримоніальныхъ или вотчинныхъ правъ, тогда съ ихъ отрицаніемъ отрицалась бы и второстепенная власть; а если бываютъ и другіе источники второстепенныхъ властей, кромѣ

патримоніальнаго, то отрицаніе феодализма вовсе не централизація. Вотъ кого, Токвилля, должны были бы учить логикѣ «Русскій Вѣстникъ» съ г. Юркевичемъ. Жаль, что умеръ бѣднякъ до появленія статьи г. Юркевича и до перепечатки ея въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Хотите ли еще образцовъ философствованія о наклонности американцевъ къ централизаціи?

«Американцы полагаютъ, что общественная власть должна происходить прямо отъ народа; но какъ только разъ установлена эта власть, они уже думаютъ, что она не должна имѣть никакихъ границъ; они охотно признаютъ, что она имѣетъ право дѣлать все.»

Это ужь—такая диковинка, до какой вѣроятно тяжело было дофилософствоваться и самому Токвиллю. Что за ахинея? Кому же неизвѣстно, что рѣшительно всякая власть въ Америкѣ чрезвычайно ограничена? Президентъ, напримѣръ, не можетъ ровно ничего важнаго сдѣлать безъ утвержденія сената. Сенатъ ровно ничего не можетъ сдѣлать или безъ президента или безъ палаты представителей; палата представителей ровно ничего не можетъ сдѣлать безъ сената. Значитъ, изъ трехъ отраслей союзной, исполнительной и законодательной власти, каждая сама по себѣ не то, чтобы имѣла неограниченную власть, а ровно никакой независимой власти не имѣетъ. Или всѣ три отрасли эти вмѣстѣ имѣютъ неограниченную власть? Помилуйте, вѣдь извѣстно, что сфера дѣйствій союзнаго правительства чрезвычайно точно опредѣлена очень узкими границами. Конгрессъ вмѣстѣ съ президентомъ не можетъ напримѣръ, издать хотя бы того закона, что за воровство у частнаго человѣка воръ подвергается тому или другому наказанію; союзная власть можетъ разсуждать лишь о кражѣ имущества, принадлежащаго союзному правительству; кража частной собственности — преступленіе, надъ которымъ ни конгрессъ, ни президентъ, ни конгрессъ вмѣстѣ съ президентомъ не имѣютъ никакой власти. Эти дѣла подлежатъ власти отдѣльныхъ штатовъ; и если бы какой нибудь штатъ вздумалъ рѣшить, что воръ не подвергается никакому наказанію, воровство частной собственности и оставалось бы въ этомъ штатѣ безнаказаннымъ, и союзная власть ничего не могла бы тутъ сдѣлать. Точно такое же отношеніе властей отдѣльнаго штата къ властямъ составляющихъ его графствъ, а этихъ властей къ властямъ городовъ и другихъ общинъ, составляющихъ графство. Если бы, напримѣръ, какое нибудь графство рѣшило вовсе не имѣть у себя больницъ, или какой нибудь городъ рѣшилъ вовсе не имѣть школъ, никакая власть въ Соединенныхъ Штатахъ, ни власть штата, ни власть союзнаго правительства, ничего не могла бы тутъ сдѣлать. Или, по крайней мѣрѣ, городскія и общинныя власти не такъ строго ограничены? Помилуйте; да каждый городской

или обиженный чиновникъ первымъ встрѣчнымъ можетъ быть предать суду за малѣйшее превышеніе власти, ему предоставленной. Съ чего же это вздумалось Токвилю вообразить такую нелѣпицу, что разъ установленная власть принимается въ Америкѣ безграничной, когда тамъ всѣ власти гораздо строже и тѣснѣе ограничены, чѣмъ въ самой Англіи? — Онъ до того спутался своею мечтою о тождествѣ централизаціи съ демократіею во Франціи, что въ эксцентрическихъ чертахъ американскаго порядка, прямо противоположныхъ централизаціи, увидѣлъ централизацію. Форма дѣйствій централизаціи — бюрократія, подаваніе обо всемъ рапортовъ съ испрашиваніемъ на все разрѣшеній и предписаній. Во Франціи, напримѣръ, если въ какомъ нибудь общественномъ зданіи, — въ больницѣ, въ школѣ, — понадобится замѣнить обветшавшую раму въ одномъ окнѣ новой рамой, и если начальникъ этого зданія, положимъ больницы, не захочетъ поступить противозаконно, онъ подаетъ рапортъ подпрефекту, что вотъ какая надобность представляется; подпрефектъ посылаетъ отъ себя рапортъ префекту, съ приложеніемъ рапорта начальника больницы; префектъ даетъ предписаніе архитектору освидѣтельствовать раму и получивъ отъ него рапортъ посылаетъ отъ себя рапортъ министру, съ приложеніемъ рапорта архитектора и предшествовавшихъ ему рапортовъ подпрефекта и начальника больницы; министръ, взвѣсивъ всѣ обстоятельства дѣла, посылаетъ префекту предписаніе: «перемѣнить раму въ такомъ-то окнѣ такой-то больницы»; префектъ посылаетъ предписаніе подпрефекту: «въ такомъ-то окнѣ такой-то больницы перемѣнить раму»; подпрефектъ даетъ предписаніе начальнику больницы: «въ такомъ-то окнѣ вашей больницы перемѣнить раму»; начальникъ больницы даетъ предписаніе эконому больницы: «въ такомъ-то окнѣ нашей больницы перемѣнить раму». Экономъ перемѣняетъ раму и вручаетъ начальнику больницы рапортъ: «такая-то рама въ нашей больницѣ перемѣнена»; начальникъ больницы пишетъ рапортъ подпрефекту, и опять идетъ рядъ этихъ новыхъ рапортовъ до министра, по всѣмъ ступенямъ прежней градаціи. Въ Америкѣ ничего этого нѣтъ, потому что нѣтъ бюрократіи, а бюрократіи нѣтъ потому, что нѣтъ централизаціи. Тамъ избирая чиновника или правителя, говорятъ ему: «по вашей должности возлагаются на васъ такія-то и такія-то обязанности и предоставляются такія-то и такія-то средства къ ихъ исполненію; исполняйте же вашу должность. О чемъ не стоитъ спрашивать ни у кого, о томъ не спрашивайтесь ни у кого; если слишкомъ часто будете спрашиваться, это значитъ, что собственный разсудокъ у васъ плохъ. За всякое превышеніе власти можетъ васъ подвергнуть суду каждый, и всегда найдется множество людей, которые най-

дутъ это нужнымъ, чтобы не потерпѣть убытка или непріятности отъ вашего произвола. Если дѣло, вамъ поручаемое, будетъ идти неисправно, вы будете смѣнены, безъ наказанія или съ наказаніемъ, смотря по характеру неисправности; а каждую неисправность вашу готовы будутъ обнаружить сотни людей, чтобы не потерпѣть отъ нея убытка или вреда». Вотъ положеніе американскаго чиновника или правителя: въ кругу исполняемыхъ имъ обязанностей онъ совершенно самостоятеленъ, подъ отвѣтственностію предъ судомъ за всякое неправильное дѣйствіе. Разрѣшеній и предписаній на всякіе пустяки онъ не спрашиваетъ и не получаетъ. Теперь вы понимаете, какая штука произошла въ разстроенныхъ мысляхъ Токвилля. Онъ — либералъ, страшный либералъ (только свобода книгопечатанія не совсѣмъ ему нравится, что онъ простодушно и объясняетъ въ главѣ объ этомъ предметѣ); онъ — страшный врагъ централизаціи; но не можетъ онъ себѣ представить законнаго хода дѣлъ иначе, какъ въ бюрократическихъ формахъ: гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ, по его мнѣнію, произволъ, деспотизмъ; а деспотизмъ и централизація, по его мнѣнію, это все равно: такимъ-то манеромъ и открылъ онъ въ Америкѣ и централизацію и безграничную власть въ каждомъ чиновникѣ и правителѣ. Вообще, гдѣ коснется дѣло централизаціи, онъ всегда разсуждаетъ въ слѣдующемъ родѣ: лошадь имѣетъ наклонность ходить на двухъ ногахъ; пернатое животное, которое несетъ такія вкусныя яйца и высиживаетъ изъ нихъ цыплятъ, ходитъ на двухъ ногахъ; слѣдовательно, лошадь имѣетъ сильную наклонность быть курицей. И силлогизмъ хорошъ, да и фактъ подмѣченъ очень вѣрно и тонко: вѣдь лошадь дѣйствительно иногда становится на дыбы, иногда бьетъ задними ногами; въ томъ и другомъ случаѣ она стоитъ только на двухъ ногахъ.

Несчастный Токвилль, не распространялись бы мы объ этой твоей слабости, еслибъ не читали на возлюбленномъ своемъ родномъ языкѣ разсужденій о связи централизаціи съ демократіею. Эти разсужденія имѣютъ свойство восхищать насъ, какъ невинный лепетъ наивныхъ сердецъ, прекрасныхъ и чистыхъ, какъ прекрасно и чисто было сердце почтеннаго Токвилля. — «Нивелирующая сила централизаціи», — «демократическая диктатура, подавляющая олигархію бюрократіей», — «государственное начало, подавляющее противугосударственные элементы и сохраняющее націю отъ распаденія, страну отъ чуждаго завоеванія» и т. д. и т. д. Намъ наскучили эти фразы, затуманивающія здравый смыслъ общества, и на бѣдномъ Токвиллѣ хотѣли мы показать, съ какою логикою строются силлогизмы, съ какою вѣрностью понимаются факты, изъ которыхъ извлекаются такія диковины. Если бы не наши любезные соотечествен-

ники, твердящіе ту же пѣсню, за что было бы намъ такъ долго разбирать слабости Токвилля? Онъ не сдѣлалъ намъ никакого вреда. Другое дѣло, еслибъ мы были французы: тогда вспомнили бы мы, что Токвилль съ либералами и демократами, подобными ему ясностью понятій и сообразительностью, надѣлалъ много, очень много вреда Франціи. Кто, какъ не эти люди, подкималъ въ критическое время вопли противъ всякихъ мѣръ удовлетворенія національныхъ требованіямъ? Кто, какъ не они, довелъ тогда дѣло до страшной рѣзни іюньскихъ дней? Кто, какъ не они, бросился въ реакцію, изъ которой естественно уже развилась система, непоцеремонившаяся и съ ними? Безъ нихъ, безъ этихъ людей, такъ прочно и добросовѣстно утвердившихъ за собою репутацію либераловъ и демократовъ, реакціонеры были бы безсильны. И вотъ теперь они опять либеральничаютъ и демократничаютъ, и Европа съ умиленіемъ читаетъ Беррье и Одилона Барро, Оссонвилля и Гарнье Паже: всѣ тутъ есть, и легитимисты, и орлеанисты, и республиканцы, и всѣ одинаково хороши. Отлично устроятъ они Францію, если опять попадется имъ власть, всѣмъ ли вмѣстѣ или какому нибудь отдѣлу изъ нихъ, все равно.

Впрочемъ должны мы признаться, — жаль, что нѣсколько поздно дѣлаемъ это признаніе, — что вовсе и не было намъ надобности говорить что нибудь противъ мнѣнія о наклонности американской демократіи къ централизаціи. Мы заглянули въ отдѣлъ книги Токвилля, озаглавленный: «нѣкоторыя соображенія о настоящемъ положеніи и вѣроятной будущности Соединенныхъ Штатовъ», и просмотрѣвъ эти страницы, убѣдились, что Токвилль никакъ не могъ говорить ничего подобнаго тому, что мы опровергали. Въ главѣ, на которую переходитъ теперь наше вниманіе, онъ разсказываетъ, что при быстромъ расширеніи Соединенныхъ Штатовъ очень можетъ возникнуть въ разныхъ частяхъ этой страны стремленіе отложиться отъ другихъ, чтобы стать совершенно независимыми государствами или, по крайней мѣрѣ, отдѣльные штаты будутъ стремиться къ увеличенію своей самостоятельности на счетъ союзной власти. Слушайте же, что говоритъ нашъ авторъ.

«На первый взглядъ кажется, что Союзу дано больше правъ верховной власти, чѣмъ оставлено за отдѣльными штатами. Всмотрѣвшись въ дѣло нѣсколько ближе, мы увидимъ противное». — Токвилль доказываетъ, что правительство отдѣльнаго штата сильнѣе союзнаго правительства, и перечень доказывающихъ это фактовъ заключаетъ словами: «о разницѣ силъ союзнаго правительства и правительства штата легко можно судить по характеру дѣйствій того и другаго въ кругу его власти. Когда правительство отдѣльнаго штата обращает-

ся къ его населенію, его языкъ ясенъ и повелителенъ. Когда союзное правительство обращается къ штату, оно ведетъ съ нимъ переговоры: излагаетъ причины своихъ дѣйствій, оправдываетъ ихъ, разсуждаетъ, совѣтуетъ, а не приказываетъ. Если возникаетъ сомнѣніе о томъ, гдѣ граница между властью Союза и штата, правительство штата выражаетъ свою претензію смѣло, принимаетъ быстрыя и энергическія мѣры для ея поддержанія. А союзное правительство разсуждаетъ, обращается къ здравому смыслу націи, къ ея выгодамъ, ея славѣ, медлитъ, ведетъ переговоры и лишь въ послѣдней крайности рѣшается наконецъ дѣйствовать. — Союзное правительство, по самой своей натурѣ, правительство слабое, болѣе всякаго другаго нуждающееся для своего существованія въ свободномъ содѣйствіи управляемыхъ. Если бы союзная власть вступила въ борьбу съ правительствомъ штата, легко предвидѣть, что она была бы побѣждена. Я не полагаю даже, чтобы могла когда нибудь завязаться эта борьба серьёзнымъ образомъ.» (Нынѣшнія американскія событія свидѣтельствуютъ о предусмотрительности Токвилля.) — «Какъ только штатъ противупоставитъ союзному правительству упорное сопротивленіе, союзная власть всегда уступитъ. Опытъ доказалъ, что когда отдѣльный штатъ упорно желалъ и рѣшительно требовалъ чего нибудь, онъ всегда одерживалъ верхъ. А еслибъ союзное правительство и имѣло силу, ему очень трудно было бы воспользоваться ею по физическому положенію страны. Она занимаетъ огромную территорію, разстоянія въ ней далекія, населеніе разсѣяно по мѣстностямъ, на половину еще пустыннымъ. Если бы Союзъ захотѣлъ поддержать свои права противъ отдѣльнаго штата оружіемъ, онъ сталъ бы въ положеніе, подобное тому, въ какомъ была Англія, ведя войну съ американскими колоніями. Притомъ же союзное правительство, еслибъ и было сильно, не могло бы отвратить послѣдствій принципа, который само принимаетъ за основаніе государственнаго права. Союзъ составился по свободной волѣ штатовъ». — Послѣ этого Токвилль разсматриваетъ, можетъ ли союзное правительство, слабое само по себѣ, склонить отдѣльные штаты пособить ему въ борьбѣ съ непокорнымъ штатомъ. Онъ находитъ это невозможнымъ: ни одинъ штатъ не захотѣлъ бы поддерживать союзную власть въ такомъ столкновеніи,—нынѣшними событіями отлично подтвердилось и это. «Потому несомнѣнно кажется мнѣ (продолжаетъ Токвилль), что если бы какая нибудь часть Союза серьёзно захотѣла отдѣлиться, союзная власть не только не могла бы воспрепятствовать ей въ томъ, но даже и не сдѣлала бы попытки къ тому» (какъ и видимъ теперь). — Токвилль разсматриваетъ, вѣроятенъ ли тотъ случай, чтобы какая нибудь часть Союза захотѣла отдѣлиться отъ него, и находитъ это невѣроятнымъ, —

опять, какая вѣрная предусмотрительность. Но кромѣ этого невѣроятнаго, по его мнѣнію, шанса, существуетъ, по его словамъ, другой шансъ погибели для союзной власти. — «Союзное правительство можетъ постепенно терять силу отъ тенденціи всѣхъ отдѣльныхъ штатовъ къ возвращенію своей независимости. Поочередно лишившись всѣхъ своихъ правъ, будучи доведено до безсилія этою общею тенденціею, центральное правительство станетъ неспособно исполнять свое назначеніе, и Союзъ погибнетъ». Этотъ шансъ, по мнѣнію Токвилля, не только вѣроятенъ, а уже осуществляется; это уже не шансъ, а фактъ. «Американцы очевидно проникнуты сильнымъ опасеніемъ (говоритъ Токвилль): они видятъ, что у большей части другихъ народовъ права верховной власти сосредоточиваются все въ меньшемъ и меньшемъ числѣ рукъ (у какихъ же это другихъ народовъ видятъ такой небывалый фактъ американцы? — могли бы мы спросить Токвилля; но все равно: пусть полагаетъ онъ, что американцы видятъ, чего не видятъ; мы теперь только хотимъ знать его взглядъ) и пугаются мысли, что можетъ тѣмъ же кончиться и у нихъ. А централизація въ Америкѣ непопулярна и ничѣмъ нельзя такъ ловко польстить большинству, какъ нападеніями на центральную власть. Потому сами государственные люди у нихъ раздѣляютъ или притворяются раздѣляющими эту боязнь. Мнѣ кажется, она совершенно фантастична. Я вовсе не того опасаюсь, что власть центральнаго правительства будетъ крѣпнуть, — я нахожу, напротивъ, что она замѣтнымъ образомъ слабѣетъ. Чтобы доказать это, мнѣ не нужно ссылаться на давнишніе факты; довольно будетъ указать на факты, происходившіе при мнѣ или въ наше время: каждый разъ, какъ права центральной власти встрѣчались съ претензіями отдѣльныхъ штатовъ, права эти уменьшались». Токвилль приводитъ факты, подтверждающіе этотъ выводъ его, и продолжаетъ: «да, или я слишкомъ грубо ошибаюсь, или союзная власть въ Соединенныхъ Штатахъ съ каждымъ днемъ слабѣетъ; все меньше и меньше вмѣшивается она въ дѣла, все тѣснѣе и тѣснѣе становится кругъ ея дѣйствія. Слабая и по своей природѣ, она ужь отказывается даже отъ видимыхъ формъ силы. А въ отдѣльныхъ штатахъ чувство независимости становится все живѣе, любовь къ мѣстному управленію все сильнѣе. Хотятъ, чтобы существовалъ Союзъ, но чтобы онъ былъ только тѣнью Союза. Я не вижу въ настоящемъ ничего, чѣмъ могло бы остановиться это общее движеніе умовъ; причины, его породившія, продолжаютъ дѣйствовать въ томъ же направленіи. Слѣдовательно оно будетъ продолжаться, и можно предсказать, что если не явится какое нибудь чрезвычайное обстоятельство, то союзное правительство съ каждымъ днемъ будетъ ослабѣвать».

Мы краснѣемъ за себя, мы жизни не рады, что нѣсколькими страницами выше приписали Токвиллю мнѣніе, будто бы централизація въ Америкѣ усиливается. Какъ грубо мы ошиблись! Теперь этотъ промахъ нашъ можно уличить даже и безъ помощи г. Юркевича. Возможное ли дѣло, чтобы писатель, такъ упорно твердящій на приведенныхъ нами страницахъ о постоянномъ, ежедневномъ ослабленіи центральной власти въ Американскомъ Союзѣ, доказывалъ, что она усиливается? Нѣтъ, мы или не потрудились хорошенько познакомиться съ его мыслями, или нагло исказили ихъ, когда выставляли его думающимъ, будто развивается въ Америкѣ централизація. Въ какую бѣду мы попали, какъ будутъ торжествовать люди, любящіе изобличать наше невѣжество и нашу недобросовѣстность! Пересмотримъ повнимательнѣе отдѣлъ о централизаціи, чтобы поскорѣе обнаружить передъ самими собой свою ошибку и вычеркнуть бѣдственныя для насъ страницы, написанныя подъ ея вліяніемъ. Раскрываемъ же отдѣлъ о централизаціи. Вотъ она, глава 2-я IV-й книги. Читаемъ:

«Понятіе второстепенныхъ властей, посредствующихъ между верховною властію и подданными, естественно представлялось воображенію аристократическихъ народовъ», и т. д. — Что за чудо! — вѣдь дѣйствительно въ книгѣ Токвилля напечатано все это разсужденіе, которое мы приписывали ему; но можетъ быть по этому отрывку еще нельзя судить; будемъ читать дальше.

«Въ политикѣ умъ демократическихъ народовъ съ восхищеніемъ принимаетъ простыя и всеобщія идеи. Многосложныя системы непріятны ему; ему нравится мысль, что всѣми гражданами великой націи управляетъ только одна власть. Въ аристократическіе вѣка эта мысль чужда человѣческому уму. Онъ не принимаетъ или отвергаетъ ее. — По мѣрѣ того, какъ положеніе людей въ извѣстномъ народѣ уравнивается, значеніе отдѣльнаго человѣка все уменьшается, а значеніе общества все увеличивается; или лучше сказать, каждый гражданинъ, ставъ подобенъ всѣмъ другимъ, теряется въ толпѣ, и остается только широкая идея самого народа. Отъ этого у людей демократическихъ временъ естественно является очень высокое мнѣніе о привилегіяхъ общества, и очень низкое понятіе о правахъ отдѣльнаго лица. Они легко соглашаются, что власть, представительница общества, далеко превосходитъ знаніемъ и мудростью каждаго изъ людей, составляющихъ общество, и что она имѣетъ и право, и обязанность брать каждаго человѣка за руку и вести его куда хочетъ». Да, дѣйствительно, Токвилль доказываетъ, что американцы непремѣнно должны все больше и больше впадать въ централизацію. Но нѣтъ, быть можетъ, мы ошибаемся въ этомъ за-

ключеніи, быть можетъ, онъ говоритъ только о демократическихъ народахъ вообще, а не объ американцахъ въ особенности: вѣдь прямо намъ еще не попадалось у него слово «американцы» и насъ могутъ изобличить въ опрометчивости сужденій. Надобно читать дальше.

«Американцы полагаютъ, что общественная власть должна происходить прямо отъ народа; но разъ установивъ» и т. д. Опять знакомое мѣсто; но, быть можетъ, мы не поняли его тогда? Будемъ же читать дальше.

«Люди, живущіе въ демократическихъ странахъ, не любятъ покидать своихъ частныхъ дѣлъ для занятія общественными дѣлами. Они имѣютъ естественную склонность отдавать общественныя дѣла на заботу государству. У нихъ нѣтъ охоты, часто нѣтъ и времени заниматься общественными дѣлами. — Любовь къ общественному спокойствію часто остается у демократическихъ народовъ единственною политическою страстью, и она становится у нихъ тѣмъ живѣе и сильнѣе, что всѣ другія страсти слабѣютъ и умираютъ; это естественно располагаетъ гражданъ безпрестанно давать все новыя права центральной власти, которая, по ихъ мнѣнію, одна имѣетъ интересъ и силу защищать ихъ отъ анархіи. Въ вѣка равенства каждый слабъ; при своей слабости, онъ естественно обращаетъ взоры на неизмѣримое существо, которое одно возвышается среди всеобщаго пониженія. Нужды и желанія безпрестанно заставляютъ человѣка обращаться къ помощи этого существа (т. е. общественной власти или центральнаго правительства), и онъ кончаетъ тѣмъ, что видитъ въ немъ единственную и необходимую опору своей индивидуальной слабости». «Смотр. примѣчаніе къ этой страницѣ въ концѣ тома», — прибавляетъ Токвилль. Хорошо; смотримъ примѣчаніе; въ немъ написано: «Въ демократическихъ обществахъ только центральная власть имѣетъ прочность. Слѣдовательно, трудно не имѣть ей успѣха въ стремленіи постоянно расширять свою сферу, потому что она съ неизмѣнной мыслью и постоянной волей дѣйствуетъ на людей, положеніе, мысли и желанія которыхъ измѣняются ежедневно. Такимъ образомъ у демократическаго правительства кругъ дѣйствія расширяется уже тѣмъ самымъ фактомъ, что оно продолжаетъ существовать. Время работаетъ въ его пользу; всѣ случайности обращаются въ его пользу; отдѣльные люди своими страстями помогаютъ ему даже и безъ собственнаго вѣдома. И можно сказать, что оно становится тѣмъ болѣе централизовано, чѣмъ старше становится демократическое общество». Прочитавъ примѣчаніе, возвращаемся къ тексту. «Ненависть къ привилегіямъ, одушевляющая демократическіе народы, чрезвычайно благопріятствуетъ постепенному сосредоточенію всѣхъ политическихъ правъ въ рукахъ одного лица, представ-

ляющаго собою государство». И т. д. и т. д. Мы извлекли существенныя мысли только изъ шести страницъ французскаго подлинника въ нашемъ изданіи, а матерія эта тянется на нѣсколькихъ десяткахъ страницъ; какихъ удивительныхъ соображеній нѣтъ на этихъ страницахъ! Къ чему ни приложитъ Токвилль слово «демократическій», все оказывается ведущимъ къ централизаціи. Надобно полагать, что даже и рѣки въ демократическихъ странахъ несутъ людей къ централизаціи, и вѣтеръ гонитъ ихъ къ централизаціи, и нюханье табаку (если они нюхаютъ табакъ) влечетъ ихъ къ централизаціи; да оно въ самомъ дѣлѣ такъ и должно быть: рѣки, напримѣръ, все вливаются другъ въ друга, маленькія въ большія, большія еще въ бо́льшія, а потомъ, слившись между собою, всѣ сливаются въ общій центръ водъ, море: это явно возбуждаетъ въ людяхъ мысль о централизаціи. Вѣтеръ дуетъ больше все въ одномъ направленіи, — положимъ, въ юго-западномъ; значитъ, все и несется вѣтромъ въ одну сторону, сваливается все въ кучу и въ кучу,—опять явно располагая людей думать о централизаціи. Нюхательный табакъ производитъ во всѣхъ нюхающихъ его одинаковое щекотанье носовыхъ нервъ, — значитъ, и отъ этого люди все больше и больше располагаются чувствовать одинаково; а отъ одинаковости чувствъ недалеко до централизаціи, какъ доказываетъ Токвилль. Но мы еще не имѣемъ достаточно доказательствъ, что всѣ его соображенія такого рода относятся къ американцамъ. Правда, это ясно само собой; правда, мы уже приводили одно мѣсто, показывающее, что при всѣхъ этихъ разсужденіяхъ имѣются въ виду американцы; но одного мѣста намъ мало. А вотъ и другое, послѣ котораго не остается сомнѣній. Изложивъ соображенія, нами приведенныя, и множество другихъ, Токвилль обращаетъ свои взоры на Европу и говоритъ:

«Европейскія демократическія націи имѣютъ всѣ общія и постоянныя тенденціи къ централизаціи власти и, сверхъ-того, подвержены многимъ второстепеннымъ и случайнымъ вліяніямъ, которыя незнакомы американцамъ».

Теперь ужь не остается никакого сомнѣнія; даже и при помощи г. Юркевича нельзя будетъ найти наше заключеніе опрометчивымъ: очевидно, что Токвилль примѣняетъ къ американской демократіи всѣ предшествующія мудрыя соображенія, нами сообщенныя читателю.

Спрашивается теперь: какъ мы должны думать о Токвиллѣ? Мы видѣли, что книгу свою онъ писалъ съ превосходнѣйшимъ намѣреніемъ; надобно прибавить, что фактическая сторона въ ней,—изложеніе законовъ Соединенныхъ Штатовъ, — хороша; можно, пожалуй, и кромѣ того найти въ ней много страницъ полезныхъ и писанныхъ

какъ будто неглупымъ человѣкомъ; все такъ, и хорошаго въ книгѣ довольно, и полезнаго немало, — но объ авторѣ-то какъ вы станете думать, и какой вѣсъ могутъ имѣть мнѣнія подобнаго мыслителя? У автора въ головѣ такой сумбуръ, что никакой нѣтъ возможности придавать хотя бы самое маленькое значеніе образу его мыслей: помилуйте, да вѣдь и разобрать нельзя, какого онъ образа мыслей, — въ одномъ случаѣ такъ ему покажется, въ другомъ совершенно на-выворотъ. Ослабѣваетъ или укрѣпляется центральная власть въ Американскихъ Штатахъ? Падаетъ она передъ мѣстными властями отдѣльныхъ штатовъ или онѣ поглощаются ею? Извольте сказать, какъ думаетъ объ этомъ Токвиль? Невозможно безъ смѣха сличать мнѣнія, выраженныя имъ объ этомъ вопросѣ въ двухъ разныхъ отдѣлахъ одной и той же книги.

А писатель онъ знаменитый, признанъ за авторитетъ всею образованною Европою, прославленъ и въ нашей литературѣ. Мы сначала и хотѣли было уважить авторитетъ, — сами вы видите, статья наша начата съ почтительностью; но мы ли виноваты, что не оказалось никакой возможности продолжать ее въ томъ же тонѣ?

Конечно, бѣдный Токвиль ужь слишкомъ откровенно выложилъ передъ нами нескладицу своихъ мыслей. Не у всякаго подобнаго ему сумбурнаго писателя найдете вы такую основательную и подробную двуголосицу, какъ у него по вопросу о централизаціи въ Америкѣ. Но вѣдь если иной и осмотрительнѣе Токвиля сличаетъ разныя главы и страницы своего произведенія, чтобы не попасть въ такое открытое и длинное противорѣчіе съ самимъ собою, то характеръ его мыслительныхъ способностей отъ этого лишь нѣсколько затуманивается, а не исправляется. Возьмемъ въ примѣръ цѣлую школу, любящую у насъ разсуждать о томъ же предметѣ, на которомъ такъ отличился Токвиль.

Если бъ люди, превозносящіе историческую пользу централизаціи и необходимость ея въ настоящемъ, были реакціонеры, ихъ взглядъ на централизацію былъ бы очень логиченъ. Но, нѣтъ, они друзья прогресса, и отъ этого никакъ нельзя примирить съ здравымъ смысломъ ихъ мнѣніе объ элементѣ, занимающемъ ихъ такъ много. Надобно сказать, что всѣ они — люди изъ числа самыхъ образованныхъ у насъ, а представители ихъ школы въ литературѣ — замѣчательные ученые; будь они — люди незнающіе, ошибка была бы извинительна; а при качествахъ, которыми они отличаются, она очень странна.

Тѣ представители школы, которые заслужили извѣстность научными трудами, занимаются преимущественно русской исторіей. Они пишутъ многотомныя сочиненія и превосходныя статьи, подвигающія науку впередъ болѣе или менѣе удачною разработкою фак-

товъ; и замѣчательнѣйшая вещь здѣсь—та, что каждый излагаемый ими фактъ явно противорѣчитъ выводу ихъ о полезной роли централизаціи. Начинаютъ они находить ее полезной съ самаго же перваго ея возникновенія. Она, по ихъ мнѣнію, дала великорусскому племени государственное единство и освободила восточную половину нынѣшней Россіи отъ татаръ. Отъ чего же произошло раздробленіе восточной Россіи на мелкія государства и чѣмъ оно поддерживалось? Не отъ географическихъ условій страны произошло оно: вся страна составляетъ одну мѣстность, не имѣющую никакихъ естественныхъ перегородокъ, черезъ которыя трудно было бы перебраться государственному единству. Отъ Новгорода до Твери, отъ Твери до Москвы, отъ Москвы до Нижняго въ одну сторону, до Орла въ другую точно такой же путь, какой отъ каждаго изъ этихъ городовъ до ближайшихъ къ нему мѣстъ: путь совершенно открытый. А между населеніями этихъ областей нѣтъ и не было никакой важной разницы по отношенію къ идеѣ общей народности: въ каждомъ изъ нихъ всегда владычествовала мысль объ одноплеменности своей съ остальнымъ великорусскимъ населеніемъ. Значитъ, не было ни физическихъ, ни народныхъ причинъ возникнуть или удерживаться раздробленію. Оно возникло просто только отъ того, что населеніе было малочисленно и грубо. По малочисленности своей оно было разсѣяно слишкомъ безсвязно: одна группа его раздѣлялась отъ другой пустынею. По грубости своей оно не могло установить такихъ формъ администраціи, которыми удобно соединялись бы области, далекія одна отъ другой: вѣдь извѣстно, что обширныя государства для прочности своего существованія требуютъ нѣкоторой цивилизаціи народа, а безъ нея едва успѣетъ основаться что нибудь большое, какъ тотчасъ же ломается. Значитъ, чѣмъ же должно было прекратиться раздробленіе великорусскаго племени? Размноженіемъ его, чтобы не оставалось слишкомъ обширныхъ пустынь между его частями, и развитіемъ хотя нѣкоторой цивилизаціи. Первое условіе по немногу возникало само собою силою естественнаго закона: люди размножались, потому что земледѣльческое населеніе не можетъ не размножаться, пока есть пустая земля. Централизація ничѣмъ тутъ не помогала судьбѣ Россіи. А развитіе втораго условія всего сильнѣе задерживалось сосѣдствомъ хищническихъ азіатскихъ ордъ: печенѣговъ, половцевъ, татаръ. Въ Новгородѣ, далекомъ отъ нихъ, гражданское развитіе шло успѣшно. Въ другихъ областяхъ мѣшали ему ихъ набѣги. Какою силою устранено было это препятствіе? Двумя обстоятельствами. Съ одной стороны, русскій народъ размножался, — значитъ, съ каждымъ поколѣніемъ имѣлъ все больше силы останавливать набѣги, а потомъ и тѣснить назадъ хищныхъ дикарей, отбивать у

нихъ одну полосу земли за другой. Съ другой стороны, сами эти дикари слабѣли, хилѣли, вымирали. Вѣдь извѣстное дѣло, что если кочевые варвары захватятъ удобный для земледѣлія край въ сосѣдствѣ земледѣльческаго народа, они послѣ перваго своего наплыва начинаютъ быстро исчезать съ почвы, для нихъ несродной, изъ сосѣдства людей, которые крѣпче ихъ сростаются съ землею и захватываютъ своими крѣпкими корнями все дальше и дальше, по краямъ своихъ поселеній, землю удобную для ихъ дѣла, хлѣбопашества. Номады способны держаться противъ расширенія земледѣльческаго народа лишь въ своихъ родныхъ степяхъ, не удобныхъ для земледѣлія, въ какой нибудь Аравіи или въ пустыняхъ отъ Каспійскаго моря до Кореи. Эта вторая, громаднѣйшая родина номадовъ и была корнемъ, изъ котораго выливались наводненія, мѣшавшія великорусскому племени. Какъ и что дѣлалось въ монгольскихъ степяхъ, чѣмъ выталкивались изъ нихъ стремительные потоки хищническихъ ордъ на западъ, это все-равно для насъ; но мы видимъ, что послѣ Тамерлана не выходили изъ монгольскихъ и туркестанскихъ степей новыя орды на западъ; да и тамерлановы орды едва-едва коснулись сѣверо-западныхъ окраинъ степнаго пространства, а главнымъ образомъ устремились на югозападъ и югъ, на Азію, а не на Европу. Послѣдній напоръ дикарей Средней Азіи на Европу былъ при Чингизханѣ, когда и наводнена была степными хищниками не одна великорусская земля, а вся средняя полоса Восточной Европы. Послѣ перваго натиска, достигавшаго Моравіи, дикари по естественному закону, о которомъ мы говорили, начали отступать назадъ, покидая потопленныя земли: изъ Западной Европы они отхлынули тотчасъ же; поляки избавились отъ нихъ очень скоро; послѣ этого пришла очередь монголамъ ослабѣть въ своихъ набѣгахъ на западную Русь; а тамъ стали слабѣть они и въ набѣгахъ на восточную. Это отступленіе ихъ гибельнаго тяготѣнія происходило само собою, какъ сбѣгаетъ волна, нахлынувшая на берегъ: ей не ловко держаться на мѣстѣ, ею захваченномъ лишь отъ чрезвычайнаго волненія моря, ее выбросившаго. Какъ избавилась отъ монголовъ Польша, точно такъ же черезъ нѣсколько времени должна была избавиться отъ нихъ и великорусская земля: естественнымъ упадкомъ силы въ номадахъ на земледѣльческой мѣстности. Оно, дѣйствительно, такъ и было: около временъ Мамая кипчакскіе татары сохраняли только тѣнь своей прежней силы; и упадокъ этотъ произошелъ по внутреннему закону ихъ собственной жизни, а не отъ борьбы съ великоруссами, которые до куликовской битвы конечно ничего не сдѣлали во вредъ татарамъ. Нашествіе Мамая было уже предсмертною конвульсіею умирающаго звѣря; полчища Мамая могли составить развѣ одинъ

отрядъ въ ордахъ Батыя. Что они были не Богъ-знаетъ-какъ многочисленны, видимъ изъ того, что они всѣ могли сосредоточиться на одномъ Куликовомъ полѣ. При Батыѣ было не такъ: орды одновременно шли по многимъ направленіямъ, захватывали чрезвычайно длинную линію своимъ фронтомъ; а тутъ протяженіе фронта ихъ было уже такъ невелико, что со всей линіи собрались они на одинъ пунктъ. Они уже не могли тяготѣть надъ великорусскою землею; это видно изъ того, что Тохтамышъ быстро очистилъ ее, хотя нигдѣ не нашелъ успѣшнаго отпора. Что же такое принадлежитъ дѣлу централизаціи въ очищеніи великорусской земли отъ татаръ? Ровно ничего не принадлежитъ. Куликовская битва не имѣла никакихъ фактическихъ результатовъ, да и происходила уже въ такое время, когда главная часть дѣла совершилась сама собою: татары совершено уже охилѣли. Или придавать какое нибудь значеніе неудачному походу къ берегамъ Угры при Ахматѣ? Дѣйствительно, онъ имѣетъ ту замѣчательность, что очень ясно обнаружилъ положеніе дѣлъ: пошли татары на Москву, подумали, подумали, да и вернулись назадъ: «нѣтъ, говоритъ, ужь не хватаетъ силы у насъ». Пошла централизація на татаръ, подумала, подумала, да и побѣжала назадъ: «нѣтъ, говоритъ, я татаръ побѣдить не могу». Чѣмъ же были побѣждены татары? Собственнымъ одряхлѣніемъ и размноженіемъ рускаго населенія, фактами, происходившими совершенно независимо отъ централизаціи.

Такимъ образомъ, оба условія, отъ которыхъ зависѣло возникновеніе національнаго единства, осуществлялись сами собою.

Но по взгляду ученыхъ, о которыхъ мы говоримъ, централизація не только была необходима для созданія государственнаго единства, она также была нивелирующею силою, дѣйствовавшею въ демократическомъ направленіи противъ аристократіи. Это еще прелестнѣе, потому что сами же эти ученые необыкновенно подробно разъясняютъ, что собственно централизація и создала помѣстную систему, то есть гіерархію болѣе или менѣе крупныхъ поземельныхъ владѣльцевъ, — гіерархію, чисто феодальную; что собственно централизація и поставила массу населенія въ крѣпостное отношеніе къ феодаламъ, созданнымъ помѣстною системою; тѣ же самые ученые объясняютъ намъ, какъ это феодальное сословіе было обращено тою же самою централизаціею въ аристократію болѣе новой формы, чрезъ постепенное расширеніе и упроченіе помѣстныхъ правъ и наконецъ чрезъ признаніе помѣстій вотчинами.

Взглядъ на централизацію мы взяли только для примѣра, потому что такъ оно пришлось ближе всего къ примѣру безсвязности мыслей, представленному намъ Токвиллемъ. А можно было бы припом-

нить много несообразностей. Одинъ авторитетъ провозглашаетъ самостоятельность разума и ужасается, когда вы говорите, что не принимаете фантазій, отвергаемыхъ разумомъ: по его мнѣнію, наука доказываетъ истину всѣхъ бредней. Другой авторитетъ называетъ славянофильство нелѣпостью и тутъ же доказываетъ, что Западная Европа, а въ особенности Франція, гніетъ, и только славянское племя, носящее въ себѣ зародыши высшей цивилизаціи, только одно оно можетъ обновить дряхлѣющую Западную Европу. Третій авторитетъ превосходно разсуждаетъ, что просвѣщеніе спасительно, и тутъ же доказываетъ, что цивилизація имѣетъ растлѣвающее свойство. Четвертый авторитетъ ставитъ вопросъ нѣсколько иначе: полное образованіе неизмѣримо выше невѣжества, но полуобразованность гораздо хуже невѣжества, какъ будто образованіе — маленькій кусочекъ леденца, который можно сглонуть разомъ, какъ будто невѣжда можетъ стать вдругъ образованъ, а не долженъ перейти на этомъ пути всѣ степени, въ томъ числѣ и полуобразованность и всякія другія доли образованности. Словомъ сказать, какой авторитетъ ни возьмите, у каждаго находится въ образѣ мыслей какая нибудь гармонія этого сорта, а у иного и по нѣскольку ихъ — да еще такихъ ли! Вѣдь мы выбирали противорѣчія отвлеченныя, то есть блѣдныя и сравнительно безвредныя. А если обратитесь къ авторитетнымъ воззрѣніямъ на живые практическіе вопросы, васъ угостятъ еще гораздо пріятнѣйшими винегретами. Но о нихъ когда нибудь въ другой разъ; а теперь довольно и того, если мы успѣли на Токвиллѣ показать, какую степень вины имѣетъ наша непочтительность къ авторитетамъ, подобнымъ Токвиллю.

Возвращаясь къ его книгѣ, надобно конечно прибавить, что она сильно устарѣла: въ 28 лѣтъ, прошедшихъ съ той поры, какъ она написана, всѣ статистическія данныя и многія черты быта, разумѣется, очень сильно измѣнились въ странѣ, столь быстро развивающейся, какъ Америка. Напримѣръ, онъ говоритъ о Нью-Йоркѣ, какъ огромномъ городѣ, имѣющемъ до 200,000 жителей, — теперь въ Нью-Йоркѣ около 1,000,000; желѣзныхъ дорогъ еще не было въ Америкѣ, когда онъ писалъ; ожесточенной вражды къ Сѣверу южные плантаторы еще не имѣли, потому что на Сѣверѣ еще не было аболиціонизма, — словомъ сказать, книга Токвилля описываетъ Америку, почти столь же различную отъ нынѣшней, какъ Россія, описанная Котошихинымъ, различна отъ нынѣшней. Но говорить объ этомъ напрасно, потому что едва ли кто захочетъ изучать Америку по переводу Токвилля, сдѣланному г. Якубовичемъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Чтенія въ императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при московскомъ университетѣ. М. 1860 г., кн. 4-я; 1861 г., кн. 1-я и 2-я.

Въ послѣднихъ книгахъ «Чтенія» даютъ по обыкновенію много различныхъ матеріаловъ и изслѣдованій по древней и новой русской исторіи. Во второй книгѣ нынѣшняго года окончено изслѣдованіе Влад. Милютина «о недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи». Въ этомъ трудѣ найдется очень много любопытнаго для исторіи внутренняго быта древней Россіи; въ немъ основательно и съ большой полнотой разработана цѣлая сторона старой общественной жизни, въ которой духовенство поставлено было экономически въ очень выгодное положеніе. Это положеніе способно было дать ему независимую роль и вліяніе, и въ извѣстной степени опредѣлить его историческое значеніе въ развитіи народа и государства. Спеціальная оцѣнка сочиненія Милютина должна принадлежать юристамъ; но желательно, чтобы и другіе, занимающіеся русской стариной, обратили вниманіе на эту матеріальную, внѣшнюю сторону въ старинной жизни духовенства. Оно было въ старину свободнымъ, цивилизующимъ классомъ народа; въ его рукахъ были средства и возможность дѣятельности, — такъ что любопытно сравнить матеріальныя условія его жизни, его богатыя имѣнья, огражденныя несудимыми и тар-

ханными грамотами, съ защитникомъ его правъ въ митрополитѣ и патріархѣ, — съ послѣдними результатами его дѣятельности, духовнымъ развитіемъ русскаго народа. Это сличеніе приведетъ къ интереснымъ выводамъ.

Къ той же старой эпохѣ относятся въ «Чтеніяхъ» другія изслѣдованія: г. Мстиславскій написалъ статью объ «огнищанахъ» Русской Правды, въ которыхъ видитъ потомство древнихъ славянскихъ князей, существовавшихъ до Рюрика; г. Филимоновъ посвятилъ очень длинное и добросовѣстное изслѣдованіе «Окладу Мстиславова евангелія»; почтенный археологъ Снегиревъ помѣстилъ статью о Лобномъ мѣстѣ въ Москвѣ, имѣющую обыкновенныя достоинства его изслѣдованій, — и по прежнему остался вѣренъ обыкновенію цитировать многотомныя книги, не указывая страницъ, такъ что читатель не имѣетъ возможности провѣрить его ученыя изысканія; г. I. Л. подаетъ «Голосъ *въ защиту* списателей печерскаго Патерика», все нападеніе на которыхъ заключается въ томъ, что изъ двухъ мало извѣстныхъ Симоновъ (XII—XIII вѣка) г. Полѣновъ считалъ авторомъ древнихъ печерскихъ житій не того Симона, какого принимаетъ г. I. Л.

Въ отдѣлѣ «матеріаловъ» издается обширная «Переписка между Россіею и Польшею по 1700 годъ», составленная Н. И. Бантышъ-Каменскимъ по дипломатическимъ актамъ московскаго архива иностранныхъ дѣлъ. Эта «Переписка» составляетъ часть цѣлаго большаго сочиненія о старыхъ дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи, которое окончено было Бантышъ-Каменскимъ еще въ царствованіе Александра I и уже было готово къ изданію, но какія-то обстоятельства задержали его. Г. Бодянскій началъ печатать «Переписку» въ свое первое секретарство въ московскомъ Обществѣ, но осенью 1848 года изданіе должно было остановиться за выходомъ изъ Общества самого секретаря, и только теперь, post tot discrimina rerum, по его выраженію, изданіе приводится къ концу. Сочиненіе Бантышъ-Каменскаго составлено прямо по оффиціальнымъ актамъ, — это почти одинъ пересказъ ихъ, — и если сочиненіе его не можетъ быть легкимъ и пріятнымъ чтеніемъ, то во всякомъ случаѣ будетъ важнымъ матеріаломъ для исторіи внѣшней политики старой Россіи.

Архимандритъ Макарій напечаталъ въ чтеніяхъ «Обозрѣніе древнихъ рукописей и книгъ церковныхъ въ Новгородѣ и его окрестностяхъ», и описалъ «Древніе церковные обряды въ Новгородѣ» по такъ-называемому «Чиновнику» или уставу церковной архіерейской службы. Первая изъ этихъ статей обозрѣваетъ почти одни евангелія и апостолы и не представляетъ большой занимательности; вѣроятно и для самихъ спеціалистовъ покажутся скучноваты одни заглавія

книгъ XVI и XVII вѣка и помѣты, кому книга принадлежала. Неужели въ Новгородѣ и его окрестностяхъ не нашлось другихъ старыхъ книгъ, кромѣ апостоловъ, и октоиховъ въ малый листъ и октоиховъ въ большой листъ? А эти и безъ того сотнями извѣстны по такимъ же описаніямъ каталоговъ.

Въ статьѣ о старинныхъ церковныхъ обрядахъ Новгорода занимательно описаніе «Пещнаго дѣйствія»—одного изъ тѣхъ немногихъ драматическихъ обрядовъ, какіе въ старину входили у насъ въ церковное богослуженіе и были у насъ одинокимъ образчикомъ мистеріи, такъ сильно развившейся въ западной церкви и литературѣ среднихъ вѣковъ. Въ недѣлю ваій новгородскій святитель, какъ московскій патріархъ, совершалъ шествіе на осляти, также давно оставленное вмѣстѣ съ другими обрядами, существовавшими нѣкогда въ русскомъ старинномъ богослуженіи.

«Пещное дѣйствіе» происходило обыкновенно наканунѣ или за нѣсколько дней до Рождества; оно начиналось съ вечера и оканчивалось на другой день.

«Для совершенія сего дѣйствія, заблаговременно снимались въ соборѣ нѣкоторыя паникадила, убирались нѣкоторыя иконы, снимался архіерейскій амвонъ, и на мѣсто онаго, среди собора, поставлялась деревянная круглая пещь въ 3¹/₄ аршина въ вышину и въ 2³/₄ аршина въ діаметрѣ. Избирали трехъ отроковъ, представлявшихъ св. Ананія, Азарія и Мисаила, и двухъ, представлявшихъ лица халдеевъ. Первыхъ облачали въ стихари и украшали вѣнцами, а вторыхъ одѣвали въ халдейское платье: и тѣмъ и другимъ давали въ руки пальмы. Всѣ они, наканунѣ пещнаго дѣйствія, предъ вечернею, ходили къ святителю на благословеніе и сопровождали его въ церковь. На другой день, въ воскресенье, съ 8-й пѣсни канона совершалось пещное дѣйствіе. Во время пѣнія стиха 7-й пѣсни: «Тричисленные отроки состави св. Троица» и проч., учитель отроческій испрашивалъ у архипастыря благословенія къ началу дѣйствія. Архипастырь, благословивъ его рукою, говорилъ: «Благословенъ Богъ изволивый тако!» И халдеи изводили изъ алтаря отроковъ, связанныхъ полотенцемъ (убрусомъ) по выямъ ихъ и, поставивъ среди церкви, близь пещи, говорили имъ: «Дѣти царевы! Видите ли сію пещь, уготованную вамъ на мученіе?»—«Видимъ, отвѣчали они, но не ужасаемся ея; ибо есть Богъ нашъ на небеси, Ему же мы служимъ; Той силенъ изъяти насъ отъ пещи сея, и отъ рукъ вашихъ избавитъ насъ; и сія пещь будетъ не намъ на мученіе, но вамъ на обличеніе.» Послѣ сего отроки, по снятіи съ нихъ обвязки, получали отъ святителя благословеніе и витыя свѣчи, для нихъ приготовленныя, а халдеи вводили отроковъ по одному въ пещь и затворяли оную, и внизу поставляли горнъ съ горящими углями. Послѣ сего протодіяконъ велегласно восклицалъ: «Благословенъ еси, Боже отецъ нашихъ» и проч.

Отроки пѣли стихъ этотъ въ пещи до конца, а между тѣмъ халдеи увеличивали пламень въ пещи, кидая въ оную удобосгараемыя вещества и производили пламень около оной. Но вдругъ спускался сверху ангелъ Господень съ громомъ въ пещь къ отрокамъ, отчего халдеи падали ницъ и сами опалялись своимъ огнемъ. Спустя нѣсколько времени, вставъ, снимали свои колпаки, полагали на пальмы и въ молчаніи стояли съ поникшими головами. Отроки, возрѣвъ вверхъ къ ангелу Господню, знаменались крестнымъ знаменіемъ трижды, и столько же разъ ему поклонялись и, придерживаясь его, обходили съ нимъ пещь три раза. По выходѣ изъ пещи отроковъ, возглашалось многолѣтіе царю и всему царствующему дому, и утреня оканчивалась обыкновеннымъ порядкомъ. Отроки и халдеи въ своихъ одеждахъ, вмѣстѣ съ служащими, сопровождали святителя къ литургіи и вечерни въ соборъ, и изъ собора въ домъ.»

По описанію арх. Макарія, пещь состояла изъ двѣнадцати столбиковъ, оканчивающихся остреями; между ними помѣщены были внизу рѣзные пророки и по мѣстамъ херувимы. Эта самая, или другая подобная пещь изъ Новгорода находится теперь въ византійскомъ музеѣ, который начали устроивать при академіи художествъ.

Въ «Смѣси» Чтеній помѣщено много разныхъ матеріаловъ стараго и новаго времени, между которыми многіе очень занимательны. Таковы, напр., инструкція, выданная при царѣ Михаилѣ Θедоровичѣ письменному головѣ Пояркову, о сборѣ ясака и осмотрѣ мѣстъ въ верховьяхъ столь знаменитаго Амура, — и другія извѣстія о Сибири; старинное сочиненіе о Китаѣ; записка о средней Азіи, представленная однимъ странствующимъ греческимъ митрополитомъ для руководства и соображенія графу Валеріану Зубову при походѣ его въ Персію и т. п. Въ инструкціи Пояркову и его подчиненнымъ даны были подробныя наставленія обо всемъ, что имъ должно дѣлать, какъ собирать дань, искать руды и *неясачныхъ* людей, какъ держать себя съ иноземцами и даже какъ самимъ проводить время, — словомъ, аккуратность, которую похвалилъ бы «Домострой». Вмѣстѣ съ ней и заботливость о должномъ порядкѣ, — даже тамъ, куда едва проникали русскіе люди: «а какой хлѣбъ на Зіѣ рѣкѣ и на Шилкѣ родинца, и то въ роспись имянно описать. А будетъ добре на Зіѣ рѣкѣ хлѣба много будетъ, и скудости хлѣбомъ впредь будетъ не часте, и служивымъ людемъ къ праздникомъ годовымъ и къ *именинамъ* давать *пивца*, сварить *и бражки*, по невелику про себя, а не на продажу, а пить давать указные дни... А хто станетъ не явяся пиво или медъ держать, и то неявленое питье имать на государя, да сверхъ того имать на тѣхъ же людяхъ на государя пени... А табака бъ отнюдь ни у ково не было, о томъ заповѣдь накрѣпко учинить; а у

ково табакъ объявитца, и тѣхъ людей бить нещадно кнутьемъ и пени имать на нихъ, за первую вынимку вдвое, за другую втрое, а за третью бить кнутомъ, всѣ животы взять на государя, а табакъ сжечь. И отъ зерни и отъ всякаго дурна и воровства служивыхъ людей унимать накрѣпко, и бунтовъ, и заговоровъ, и *одиначества* большово въ служивыхъ и въ охочихъ людехъ отнюдъ бы не было, тово смотрѣть накрѣпко, а заговорщиковъ и бунтовщиковъ бить нещадно въ кнутья *вмѣсто батоги* (какія тонкости!)...А самому ему, Василью, потому жь на продажу питья, и зерни, и картъ не держать, и посуловъ и поминковъ ни у ково ни отъ чево не имать, и для своей бездѣльной корысти ни къ кому ничемъ не приметыватца; а кому служивымъ людемъ и охочимъ, за кою вину наказанье учинить, и то записывать *имянно*, чтобъ наказанье было по винѣ всякому» и т. д. (1861, кн. 1, Смѣсь, стр. 9—10). Картина нравовъ выразительная. *Одиначествомъ* здѣсь называется согласіе, единодушіе, но въ дурномъ смыслѣ; слово, въ сущности самаго благонамѣреннаго значенія, испортилось отъ его употребленія въ этихъ безпрестанныхъ инквизиціяхъ, съ кнутьями и батогами. — Дальше, издано много важныхъ документовъ для исторіи Малороссіи подъ русскими реформами XVIII столѣтія; наконецъ разныя бумаги, касающіяся царствованія Александра I, новыя «мнѣнія» сенатора Мордвинова, Милорадовича, Румянцова и пр. и пр. Мы остановимся на нѣсколькихъ изъ документовъ XVIII вѣка, чтобы дать читателю образчикъ ихъ занимательности. Такова, напр., записка, представляемая Ягужинскимъ Екатеринѣ I о состояніи Россіи; въ запискѣ онъ, «какъ нижайшій рабъ, по всепокорнѣйшей своей должности», считаетъ необходимымъ предупредить императрицу о внутреннихъ и внѣшнихъ опасностяхъ, которыя грозятъ имперіи. Внѣшнюю опасность онъ видѣлъ въ тогдашнихъ отношеніяхъ съ Персіей и въ бунтахъ калмыковъ и башкировъ, съ которыми могли соединиться и другіе пограничные народы (можетъ быть русскіе?). Но главную опасность Ягужинскій находитъ во внутреннемъ положеніи государства, въ крайнемъ стѣсненіи народа.

«Внутренняя опасность, говоритъ онъ, — что уже нѣсколько лѣтъ хлѣбу родъ худой и отъ подушнаго сбору происходитъ великая тягость, оттого: 1) что бѣглые и умершіе и *взятые въ солдаты* съ 719 года не выключены; 2) суще престарѣлые, увѣчные и младенцы, отъ которыхъ никакой работы нѣтъ, въ тотъ же окладъ положены, а подушныя деньги на нихъ правятъ на наличныхъ, чего ради въ такое неурожайное время крестьяне не токмо лошадей и скотъ, но и сѣменной хлѣбъ распродавать принуждены, а сами терпятъ голодъ, и большая часть можетъ быть такихъ, что къ пропитанію своему впредь никакой на-

дежды не имѣютъ, и великое уже число является умершихъ *ни отъ чего иного, токмо отъ голоду* (и не безъужасно слышать, что одна баба отъ голоду дочь свою, кинувъ въ воду, утопила), и множество бѣгутъ за рубежъ польской и въ башкиры, чему и заставы не помогаютъ, и такой послѣ расположенія полковъ на квартиры въ душахъ ущербъ является, что въ одномъ Вологодскомъ полку, который расположенъ въ Казанской губерніи, убыло слишкомъ 13,000 душъ, изъ которыхъ показано умершихъ 8,000, бѣглыхъ 3,000, взятыхъ въ солдаты 340, а прочіе вдвое написаны и вывезены бѣглые на прежнія жилища. Да изъ той же губерніи пишетъ брегадиръ Ѳамендинъ, что изъ опредѣленнаго числа душъ на тамошній гарнизонный полкъ (не упоминая о умершихъ и взятыхъ въ солдаты), бѣжало въ башкиры 2,043 души, и понеже въ одномъ и другомъ мѣстѣ такіе случаи показались, то безъ сумнѣнія во всѣхъ армейскихъ и гарнизонныхъ во 128 полкахъ, которые на души положены, не безъ ущербу» (1860, кн. 4, Смѣсь, стр. 269—270).

Дѣлаетъ честь Ягужинскому, что въ средствахъ, которыми бы хотѣлъ онъ поправить тяжелое положеніе народа, за лучшее онъ считаетъ «на подданныхъ положить то, что понести могутъ», и чтобы облегчено было «бѣдное земледѣльство», на которомъ безъ сомнѣнія всего невыносимѣе отозвалась петровская реформа. За убавкой подушныхъ, онъ предлагалъ отпускать служащихъ дворянъ по домамъ, чтобы они могли заняться своими дѣлами, и удерживать за то ихъ жалованье. Онъ предлагаетъ поправить «коммерцію», которая также упала, пересмотрѣть тарифъ, апробованный сенатомъ: «въ сенатѣ жь люди купечества такъ искусны, какъ я кузнечнаго дѣла». Для пресѣченія административнаго воровства онъ считаетъ нужнымъ имѣть постоянно одного «объѣзжаго» сенатора, который бы смотрѣлъ по провинціямъ за сборомъ податей и другими дѣлами, и для бо́льшей дѣйствительности распоряженій имѣлъ право «на тѣлѣ наказывать и смертію казнить».

Конечно, нѣтъ ни малѣйшей возможности преувеличенія въ этихъ признаніяхъ человѣка, стоявшаго однимъ изъ главныхъ лицъ тогдашняго правительства; факты впрочемъ и безъ того извѣстны; любопытно только, что ихъ и тогда видѣли въ высшихъ сферахъ... Порядки нисколько не перемѣнились черезъ семьдесятъ почти лѣтъ, когда написано было изъ Вятки «подметное письмо императрицѣ Екатеринѣ II», напечатанное въ той же книгѣ «Чтеній». Неизвѣстные авторы письма довольно подробно описываютъ тогдашнюю Вятку, и краски ихъ картины, какъ увидитъ читатель, были безъ сомнѣнія вѣрны дѣйствительности. Они жалуются, что Вятка, которая слыла нѣкогда золотымъ дномъ, доведена до совершен-

наго убожества и разоренія. Она досталась подъ власть казанскому намѣстничеству, и правители ея, фавориты казанскаго намѣстника, «утвердили въ жестокихъ своихъ сердцахъ согласно и грабительству и взяткамъ сильный комплотъ, введя къ тому въ народъ и съ крестьянъ на угнетеніе всей бѣдной черни еще каштановъ (?), особливо при рекрутскихъ наборахъ бываемыхъ. Поступаютъ безбожно и безъ всякаго страха, явно всѣмъ и каждому извѣстно, берутъ людей безъ всякой очереди и билетами, кои установить повелѣли, насильственнымъ образомъ, и до того доведены (то есть крестьяне), что цѣлыми починками (поселками, деревнями) во время набора отъ несноснаго насилія, оставляя свои домы, въ пустѣ бѣгаютъ, какъ-то случилось въ Нолинской округѣ. Но и тутъ, яко бы въ ослушаніи, для сыску и взятья оныхъ, посланъ былъ отъ губернатора прапорщикъ Повирахинъ, который дѣйствительно, кромѣ пустыхъ избъ, никого не нашелъ». Письмо поименно пересчитываетъ, кому изъ начальствъ и сколько приходилось платить, кто изъ низшихъ чиновниковъ на кого собираетъ. Одинъ прапорщикъ, отъ страха вышедшій наконецъ въ отставку, нажилъ столько, что собирался купить деревню у Державина, «въ чемъ по совѣсти предъ престоломъ вашего величества онъ, Державинъ, не можетъ сокрыть». Этотъ прапорщикъ собиралъ на директора экономіи отъ отдатчиковъ въ рекруты, — «а въ прочіе годы на губернатора и вицъ-губернатора брали ихъ дворецкіе, а губернаторша торговала шубами, шапками и обувью» (мило!). Общій счетъ авторы письма выводятъ слѣдующимъ образомъ:

«И такъ, всемилостивѣйшая Государыня, вѣрноподданные ваши ежегодно принужденно хищникамъ (коихъ, по невѣдѣнію о этихъ наглостяхъ, награждать отличными знаками милостей изволите) въ дань показаннымъ особамъ платить ежегодно, и съ каждой души выходитъ по цѣлому намѣстничеству сборомъ болѣе 5, окромѣ, что очередныя отъ рекрутства выкупаются; и по исчисленію нашему, показанными особами въ пять наборовъ вымучено денегъ до *двухъ милліоновъ рублей* по своимъ карманамъ.»

Вотъ еще нѣсколько подробностей о доброхотныхъ даяніяхъ, о землемѣрахъ и винныхъ заводахъ въ XVIII-мъ столѣтіи:

«За именными Вашего Величества указами, съ согласія генералъ-губернатора, подъ видомъ яко бы доброхотныхъ дателей на народное училище, созваны были всѣ исправники, приказано было имъ собрать со всего намѣстничества каждой души по двѣ копѣйки, при которомъ случаѣ, усильномъ и скоромъ сборѣ, выходило злоупотребленіе, не устыдился о томъ Приказъ Общественнаго Призрѣнія, что въ короткое

время болѣе осьми тысячъ собрано, припечатать въ московскихъ газетахъ ноября отъ 9-го числа, подъ № 90.

«Землемѣры же ходятъ по округамъ сколько лѣтъ безъ всякой видимой ко удовлетворенію обитающихъ пользы, или успѣха, а стараются свои острелябіи исправно наводить прямо на имущіе домы поселянъ и за то обираютъ сколько хотятъ: а кто о земляхъ проситъ, тѣхъ безъ суда губернаторъ *сажаетъ въ смирительный домъ* (прелесть!), гдѣ въ наказаніи поступаютъ со всею жестокостію, о чемъ значитъ и по дѣламъ въ судебныхъ мѣстахъ, а потому ни о чемъ и нигдѣ жалобъ своихъ и представить не могутъ.

«На винныхъ казенныхъ заводахъ принужденно и безъ полной платы работать и дрова возить по наряду заставляютъ, *отъ чего бѣгаютъ*, какъ-то и недавно изъ одного завода 150 человѣкъ бѣжало, коихъ сыскивая усильно, паки съ наказаніемъ посылаютъ беззаконнымъ образомъ; и на всѣхъ членахъ былъ доносъ во взяткахъ, да все прошло, а только доносители остались несчастными.»

Въ собственноручной припискѣ Екатерины сказано: «сіе письмо безъименное я сегодня получила, подобныхъ законно предать велено огню, но думаю съ письмомъ оное послать къ князю Мещерскому, чтобъ самъ поѣхалъ и посмотрѣлся, что у него дѣлается на Вятку, паче же на винокуренныхъ заводовъ, да дорогою бы навѣдавался, нѣтъ ли жалобы по рекрутскимъ наборамъ *кое-гдѣ* по селеніямъ» и проч. Что изъ этого вышло, — неизвѣстно.

Любопытно также «Донесеніе о раскольщикахъ», писанное извѣстнымъ преслѣдователемъ ихъ Питиримомъ, архіепископомъ нижегородскимъ, авторомъ *Пращицы* (онъ умеръ въ 1738 г.). Годъ доношенія неозначенъ; по всей вѣроятности оно относится къ царствованію Петра Великаго, — содержаніе его состоитъ изъ предложеній о томъ, какъ слѣдуетъ поступать съ раскольниками, чтобы искоренить этихъ людей, крайне государству вредныхъ и недоброжелательныхъ. Въ царствованіе Петра число раскольниковъ должно было особенно увеличиться; въ своей епархіи, въ однихъ Балахонскомъ и Юрьевскомъ уѣздахъ Питиримъ насчитывалъ старцевъ и старицъ до десяти тысячъ, не считая раскольничьихъ крестьянскихъ дворовъ. Кромѣ перемѣны нравовъ, земское управленіе, образчики котораго мы видѣли, увеличивало число недовольныхъ, и раскольники находили между ними много кліентовъ. Принудительныя мѣры, очень давно употребляемыя противъ раскольниковъ, не имѣли никакого успѣха; онѣ только раздражали и усиливали сопротивленіе; Питиримъ находилъ, что слѣдуетъ удвоить присмотръ и наказанія: онъ хотѣлъ рѣшительнымъ способомъ остановить размноженіе раскольниковъ, «чтобы нигдѣ они не учили». Онъ предлагалъ, чтобы «гдѣ станутъ раскольщики учить, и тыхъ хватать и на-

казывать... На сущее размноженія искорененіе, монахипь *въ лљсу* тысящи четыре будетъ, надлежитъ ихъ всѣхъ взять въ монастырь, а пища имъ хлѣбъ да вода... Во всѣхъ губорніяхъ старцамъ и старицамъ и белцамъ, кроме монастырей, какъ грацкихъ, такъ и пустынныхъ, и въ лесахъ, и въ поляхъ, и на погостахъ, и по мирскимъ домамъ, никому жить не велѣть *подъ смертною казнію*; а кому жить въ лесу келіею, вне монастыря, отъ Архіерея писаніе возми; и аще ли тако будетъ учинено, раскольщикамъ з'городовъ и уѣздовъ свозить будетъ *некуды*, и постригать перестанутъ; точію не ослабѣвати надлежитъ» (стр. 282). *Для отводу* онъ предлагалъ причину этого надзора положить въ томъ, что по келіямъ живутъ въ лѣсахъ бѣглые солдаты, драгуны и разбойники. Указъ Петра еще прежде повелѣвалъ окладывать штрафомъ не приходившихъ къ исповѣди и раскольниковъ, но раскольники находили средство укрываться отъ надзоровъ и штрафа, и Питиримъ пишетъ: «требуемъ, лучшаго ради обращенія, дабы повелѣніемъ вашего царскаго величества штрафы на неисповѣдовавшихся и окладъ на расколщикахъ повсегодно былъ бы правленъ неотложно, а мы, подъ тѣсноту штрафовъ и окладовъ, писаніемъ *удобнље* къ церкви присоединяти будемъ». О раскольникахъ, бѣжавшихъ на Вѣтку, онъ думалъ также: «въ Полшу, на Вѣтку, въ державу пана Халецкаго, множество выѣхало, и еще туды же сбираются, понеже тамо у нихъ поставлена самочиніемъ церковь, и отъ нея на всѣхъ согласія діаконова принимаютъ тайны, а всеконечно надлежитъ тамо ихъ разорить и ложную ихъ церковь, не отлагая,—велія будетъ въ томъ польза, понеже *бљжать будетъ некуды*».

Эти нѣсколько документовъ, приведенные нами, довольно красноречивы; по такимъ источникамъ могла бы составиться крайне любопытная исторія нашего XVIII-го вѣка: она была бы не совсѣмъ похожа на ту исторію, которую разсказывали намъ до сихъ поръ, съ громомъ трубъ и литавръ, съ походами Суворова, побѣдами Румянцова, одами Державина, — за то въ этой исторіи было бы много назидательнаго и для нашего времени.

Во второй книгѣ нынѣшняго года начато изданіе «Пословицъ русскаго народа», г. Даля, о которыхъ уже давно говорили, какъ о самомъ богатомъ собраніи этого рода. Цѣлый сборникъ свой г. Даль считаетъ въ 30,000 пословицъ, такъ что напечатанныя 288 стр. составляютъ вѣроятно не больше третьей части всего собранія. Не останавливаясь теперь на самыхъ пословицахъ, мы скажемъ нѣсколько словъ только о предисловіи, которое г. Даль предпосылаетъ своему сборнику. Предисловіе вѣроятно для пущей народности называется «Напутное» (что?); мы предполагаемъ впрочемъ,

что народъ въ этомъ названіи понялъ бы не больше нашего, какъ удивился бы вмѣстѣ съ нами слову «Читальникъ», изобрѣтенному для народа г. Щербиной; — впрочемъ все равно. Г. Даль разсказываетъ между прочимъ, какъ онъ собиралъ пословицы, съ какими трудностями соединяется разборъ подобнаго матеріала, чѣмъ онъ руководился при выборѣ того или другаго оборота пословицы и т. п.: во всемъ этомъ сказано много вѣрнаго, не исключая и того, что г. Даль замѣтилъ о миѳологическихъ объясненіяхъ пословицъ, которыя иногда открывали миѳологію тамъ, гдѣ ея вовсе не обрѣталось, что напр. пословица: «врагъ силенъ, валяетъ и въ синемъ»— относится вовсе не къ синей молніи и Перуну, а просто къ синему кафтану. Онъ самъ приводитъ объясненія нѣсколькихъ неясныхъ пословицъ, извлекая ихъ прямо изъ живаго народнаго быта, и объясненія его совершенно справедливы.

Но все-таки г. Даль сильно ошибается, если думаетъ, что съ объясненіемъ пословицъ, какъ съ другимъ дѣломъ, можно обойтись, такъ себѣ, спустя рукава. Слѣдовало бы,—говоритъ онъ въ началѣ, —пуститься въ ученыя опредѣленія и надѣлать ссылокъ, — но онъ рѣшительно не любитъ учености: по его мнѣнію, ученыя опредѣленія нынѣ не въ ходу, вѣкъ школярства прошелъ и т. д. Школярство можетъ быть прошло, хотя далеко не въ такой степени, какъ г. Даль представляетъ; но напрасно г. Даль думаетъ, что теперь не въ ходу ученыя опредѣленія,—напротивъ, они теперь только и начинаются, особенно въ отношеніи тѣхъ предметовъ, о которыхъ онъ говоритъ. Если онъ предпочитаетъ неученыя опредѣленія, это его личный вкусъ, котораго мы, разумѣется, оспоривать не станемъ. Если г. Даль съумѣлъ опредѣлить нѣкоторыя пословицы современнымъ народнымъ бытомъ,—этимъ онъ обязанъ своего рода учености, нѣкоторому знанію этого быта. Но многія пословицы остались отъ древняго быта и нынѣшнимъ не объясняются; другія имѣютъ историческое происхожденіе; третьи зашли изъ чужихъ источниковъ или по нимъ составлены, — здѣсь нужно ученое толкованіе, и самъ г. Даль признается, что «многія объясненія потребовали бы и ученыхъ справокъ, а на это нужно и знаніе, и источники, и время,—словомъ, это отдѣльный и немаловажный трудъ» (стр. VIII). Дѣло приходитъ стало быть къ тѣмъ же ученымъ опредѣленіямъ. Жаль, если недостатокъ времени помѣшаетъ г. Далю самому этимъ заняться; замѣтимъ однако, что та ученость, которую онъ успѣлъ уже показать въ своемъ предисловіи, подводя пословицы подъ разныя реторическія метонимія и синекдохи, насъ не совсѣмъ удовлетворила; эти-то опредѣленія нынѣ и не въ ходу.

Г. Даль нѣсколько разъ въ своемъ «напутномъ» говоритъ посло-

вицей, что «дѣло право, только смотри прямо»: на этомъ-то основаніи онъ, кажется, и возсталъ противъ учености новымъ защитникомъ народнаго русскаго глазомѣра. Ему очень не нравится, что нынѣшній литературный языкъ не знаетъ пословицы, что нѣмцы у насъ все испортили и что ревнители готоваго чужаго насильственно переносили къ намъ все, какъ было на чужой почвѣ; съ другой стороны, по словамъ г. *Даля*, «бездарность опошлила то, что усердствуя старалась внести изъ роднаго быта въ *перчаточное* (зло!) сословіе». Все это навело на г. Даля меланхолію, и онъ восклицаетъ: «какъ бы то ни было, но изъ всего этого слѣдуетъ, что если не собрать и не сберечь народныхъ пословицъ вовремя, то онѣ, вытѣсняемыя уровнемъ безличности и безцвѣтности, стрижкою подъ гребенку, т. е., *общенароднымъ просвѣщеніемъ*, изникнутъ, какъ родники въ засуху» (стр. VI.). Мы удивились-было этой безцеремонной фразѣ объ общенародномъ просвѣщеніи, но вспомнили, что имѣемъ дѣло съ *народнымъ* писателемъ, который уже успѣлъ отличиться въ спорахъ о грамотности; спорить съ г. Далемъ въ этомъ пунктѣ безполезно: идеалъ его повидимому знаменитый Санчо-Панса, — тотъ все говорилъ пословицами.

Послѣ разныхъ древностей и матеріаловъ, мы находимъ въ 4-й книгѣ «Чтеній» и статью г. Бодянскаго о предметѣ современномъ. Это «Замѣчанія» его на проектъ положенія о производствѣ въ ученыя степени, составленный въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Университеты въ настоящее время находятся повидимому въ періодѣ реформъ, измѣненій, улучшеній и т. п.; къ числу спорныхъ пунктовъ принадлежатъ и ученыя степени. Этотъ предметъ занимателенъ конечно для немногихъ, и мы будемъ по возможности кратки. Г. Бодянскій въ замѣчаніяхъ своихъ оспориваетъ разныя части этого проэкта, которыя справедливо кажутся ему устарѣлыми и непригодными. Проэктъ требуетъ, напр., до сихъ поръ экзаменовъ по древней филологіи на латинскомъ языкѣ, какъ будто латинскій языкъ способенъ теперь выражать понятія, созданныя современной наукой. Г. Бодянскій находитъ, дальше, излишнимъ двойной экзаменъ на магистра и на доктора, и считаетъ для послѣдняго достаточнымъ одного представленія диссертаціи. Онъ находитъ непрактичной каѳедру педагогіи, и забавными — пробныя занятія студентовъ съ учениками гимназій подъ руководствомъ профессора, при чемъ гимназисты, да и студенты, играютъ, конечно, нѣсколько странную роль. Г. Бодянскій находитъ даже излишнею одну ученую степень и т. д. Въ его замѣчаніяхъ высказано вообще очень много вѣрнаго и практическаго, что очень не мѣшало бы принять въ соображеніе при окончательной редакціи этихъ правилъ. Мы съ своей стороны прибав-

вимъ нѣсколько другихъ замѣтокъ къ тому, что сказано было г. Бодянскимъ. Дѣло въ томъ, что опровергая разные параграфы проэкта, почтенный профессоръ самъ иногда предлагаетъ правила, которыя могутъ быть стѣснительны безъ всякой нужды. Въ § 10 правилъ сказано, например, что ищущіе степени магистра *допускаются* къ этому испытанію *не ранѣе*, какъ черезъ годъ послѣ кандидатскаго экзамена. Г. Бодянскій находитъ, что это «чистая невозможность», что кандидату мало времени, чтобы въ такой короткій срокъ приготовиться къ магистерскому экзамену. Дѣйствительно, такъ обыкновенно и бываетъ, но вѣдь правила вовсе не требуютъ именно *этого* срока; они назначаютъ только срокъ, *ранѣе* котораго не допускается магистерскій экзаменъ, — и неужели г. Бодянскій будетъ мѣшать экзаменоваться черезъ годъ послѣ кандидатства человѣку, который въ самомъ дѣлѣ удовлетворительно знаетъ свое дѣло и надѣется на свои силы. Дальше, вы не хотите допускать къ кандидатскому экзамену лицеистовъ, на томъ основаніи, что въ самомъ университетѣ они оказываются способны къ этому экзамену только послѣ двухлѣтняго слушанія профессорскихъ лекцій, — и вы желаете, чтобы правила были измѣнены согласно самому опыту, т. е. чтобы ихъ допускали только черезъ два года. Прекрасно; но развѣ вы знаете степень свѣдѣній каждаго? Предполагаемъ даровитаго молодаго человѣка, который и окончивши курсъ въ лицеѣ будетъ въ состояніи выдержать экзаменъ даже въ вашемъ университетѣ; — при упомянутой даровитости молодаго человѣка — въ этомъ нѣтъ невозможнаго. За что вы будете отнимать у него два года, или даже одинъ? Нужно, стало быть, запретить и вольнымъ слушателямъ держать кандидатскій экзаменъ когда имъ угодно; нужно требовать, чтобъ и они непремѣнно пробыли въ университетѣ четыре года? — Еще одно замѣчаніе. Для магистра славянской словесности, всеобщей и русской исторіи г. Бодянскій находитъ необходимымъ предметомъ исторію славянскихъ народовъ, въ доказательство чего съ нѣкоторымъ искусствомъ ссылается на программу новаго энциклопедическаго словаря, изданную въ первыхъ числахъ апрѣля. Подобное требованіе очень справедливо, и мы соглашаемся съ г. Бодянскимъ, что въ университетахъ могла бы даже быть открыта особенная каѳедра для этого предмета; думаемъ только, что экзамена по исторіи славянскихъ народовъ едва ли благоразумно требовать раньше учрежденія такой каѳедры. Г. Бодянскій признаетъ повидимому связь экзаменовъ на ученыя степени съ самымъ кругомъ университетскаго преподаванія, и въ исполненіе этого принципа онъ долженъ согласиться, что на экзаменѣ не долженъ требоваться предметъ, котораго не существовало въ ученіяхъ профессора, и котораго объемъ и предѣлы ничѣмъ не

обозначены; иначе уничтожается всякая возможность удовлетворить требованію, если профессоръ способенъ къ произволу или капризу. А это послѣднее, къ сожалѣнію, существуетъ еще въ университетскихъ нравахъ; случалось даже и на кандидатскихъ экзаменахъ, чему доказательствомъ могутъ служить примѣры, что *дѣйствительные* студенты какого нибудь почтеннаго университета, люди съ несомнѣнными знаньями и талантомъ, принуждены были иногда ѣхать въ другой университетъ, чтобъ получить по праву имъ слѣдующую степень кандидата. Такъ бывало при точныхъ программахъ и при извѣстномъ чтеніи предмета; если же вы допустите, какъ принципъ, требованіе вещей, не входящихъ въ предметъ университетскаго курса, то кромѣ правилъ о познаніяхъ кандидатовъ или магистровъ, надобно будетъ писать правила объ укрощеніи профессоровъ.

Пѣсни, собранныя *П. В. Кирѣевскимъ.* Изданы Обществомъ Любителей Россійской Словесности. М. 1860 — 1861. 3 выпуска.

Калѣки перехожіе. Сборникъ стиховъ и изслѣдованіе *П. Безсонова.* Часть I, выпускъ 1. М. 1861.

Пѣсни, собранныя *П. Н. Рыбниковымъ.* Часть I. Народныя былины, старины и побывальщины. М. 1861.

Съ самаго возобновленія древняго Общества любителей *россійской* словесности, наши «повременныя» изданія часто отзывались о немъ весьма легкомысленно, поднимали на смѣхъ его протоколы, въ которыхъ опредѣлялось такое-то стихотвореніе почтеннаго сочлена прочесть въ будущемъ публичномъ собраніи, опредѣлялось выдать дипломъ на званіе Д. Ч. такому-то ветерану россійской словесности и т. п. Отзывы были легкомысленны, говоримъ мы, — потому что въ числѣ протоколовъ не замѣтили одного, исполненіе котораго видимъ мы въ изданіи первой изъ названныхъ выше книгъ.

Въ самомъ дѣлѣ, изданіе пѣсенъ Кирѣевскаго, о которыхъ давнымъ-давно говорилось въ кружкѣ людей, интересующихся народной словесностью, составитъ очень важное пріобрѣтеніе для литературы. Послѣ давнишняго сборника Кирши Данилова, народныя пѣсни до сихъ поръ издавались какими-то клочками, разбрасывались по множеству изданій; одинъ трудъ собрать ихъ былъ бы очень длиненъ и очень скученъ. Въ «Пѣсняхъ» Кирѣевскаго выходитъ самый обширный сборникъ былинъ, какіе только выходили у насъ;

въ немъ въ первый разъ подвиги героевъ нашей древности собираются въ болѣе или менѣе полные поэтическіе циклы. Кирѣевскій всю жизнь приготовлялъ изданіе, но не сдѣлалъ его; по смерти его собраніе перешло въ руки Н. А. Елагина, который и предоставилъ изданіе Обществу любителей словесности. Отъ имени послѣдняго планъ изданія исполненъ былъ коммиссіей изъ покойнаго К. Аксакова, г. Безсонова, Даля, съ участіемъ В. Елагина. Съ прошлаго года они издали три выпуска пѣсенъ.

Первый выпускъ представилъ больше ста страницъ былинъ и преданій объ Ильѣ Муромцѣ; во второмъ выпускѣ—такого же объема—помѣщены пѣсни о Добрынѣ, Алешѣ Поповичѣ и Василѣ Казиміровичѣ; въ третьемъ—о другихъ герояхъ того же древняго періода. Чтобы дать сколько возможно полный составъ богатырской былины, издатели дополнили сборникъ Кирѣевскаго другими, прежде напечатанными пѣснями, и сдѣлали прекрасно, — хоть имъ и не хотѣлось заслонять ими собраніе Кирѣевскаго: они сберегли этимъ читателямъ много времени, которое бы ушло на повѣрки и справки. Такимъ образомъ собралось множество пѣсенъ, собранныхъ изъ разныхъ концовъ Россіи; пѣсни взаимно дополняли другъ-друга, то, что было пропущено въ одной, разсказывалось другими, но вмѣстѣ съ тѣмъ, передавая коренное преданье старины, пѣсни вносили въ него каждая свои варіанты, перемѣшивали подробности и повторяли много сходнаго, — такъ что въ нихъ наконецъ трудно было бы оріентироваться. Г. Безсоновъ принялъ слѣдующій планъ, чтобы вывести пѣсни изъ этой путаницы и дать послѣдовательность развитію сюжета, распавшагося на отдѣльныя, иногда почти анекдотическія пѣсни. Онъ беретъ главныя дѣянія героя, приводитъ ихъ въ извѣстный порядокъ и по нимъ располагаетъ пѣсни, которыя составляютъ такимъ образомъ нѣсколько разрядовъ: каждый изъ нихъ имѣетъ главнымъ сюжетомъ какой нибудь одинъ подвигъ, напр. у Ильи Муромца встрѣчу съ разбойниками и спасеніе Чернигова, потомъ борьбу съ Соловьемъ-разбойникомъ и т. п. Пѣсня можетъ начинаться и прежде этого подвига, но причисляется къ тому разряду, сюжетъ котораго составляетъ въ ней главную черту содержанія. Затѣмъ самые разряды размѣщаются сообразно предполагаемой хронологіи похожденій богатыря: сначала идутъ пѣсни, начинающія съ самыхъ раннихъ подвиговъ героя; за ними тѣ, которыя больше останавливаются на послѣдующихъ его дѣяніяхъ, въ концѣ помѣщаются пѣсни, гдѣ всего полнѣе разсказывается жизнь героя и гдѣ отдѣльныя рапсодіи сводятся въ общее цѣлое. Мы согласны съ г. Безсоновымъ, что это размѣщеніе — чисто механическое—имѣетъ ту выгоду, что въ немъ не мѣшается никакой лич-

ный вкусъ и теорія; но тѣмъ не менѣе запутанность остается, и неопытнаго читателя постоянно будетъ останавливать это безпрестанное возвращеніе пѣсни къ старому.

Это изданіе,—какъ и другія, о которыхъ мы будемъ сейчасъ говорить,—выполнено очень добросовѣстно. Г. Безсоновъ, которому принадлежитъ, кажется, бо́льшая часть труда, самымъ старательнымъ образомъ распредѣлялъ пѣсни, подводилъ къ нимъ варіанты и проч. Въ приложеніяхъ, для сравненія съ былинными, приводятся сказки, относящіяся къ тѣмъ же героямъ, какихъ выводитъ былина. Мы пожалѣли только труда, который употребилъ г. Безсоновъ, отмѣчая варіанты лубочныхъ сказокъ, большею частью не имѣющіе никакого интереса; что за важность, что въ одной написано: стали между *себя* разговаривать, а въ другой: между *собою* разговаривать. Довольно было въ двухъ словахъ сказать, какую разницу по языку представляютъ одни лубочныя изданія и другія. Въ приложеніяхъ помѣщаются наконецъ и *замѣтки* самого г. Безсонова, въ которыхъ онъ старается характеризовать по былинамъ древнюю эпоху народной жизни и народнаго творчества. Мы дальше скажемъ о нихъ нѣсколько словъ.

По той же системѣ дѣлаетъ г. Безсоновъ другое изданіе: «Калѣки Перехожіе», въ которомъ намѣревается собрать всѣ до сихъ поръ извѣстные *стихи*. Этотъ сборникъ принадлежитъ собственно ему, и когда будетъ конченъ, то далеко превзойдетъ количествомъ пѣсенъ сборники Кирѣевскаго, Якушкина и Варенцова; г. Безсоновъ обѣщаетъ до пяти сотъ духовныхъ стиховъ, которые записаны имъ самимъ, пріобрѣтены отъ другихъ собирателей, извлечены изъ рукописей Румянц. Музея, Публ. Библіотеки, Географическаго Общества, собранія Ундольскаго и пр. и старопечатныхъ книгъ; за ними будетъ идти изслѣдованіе о значеніи калѣкъ перехожихъ и о связанной съ ними отрасли народной словесности. Пріемы изданія, какъ мы замѣтили, тѣ же, что въ пѣсняхъ Кирѣевскаго,и тоже изобиліе повтореній, иногда безъ нужды увеличивающихъ размѣръ книги. Вотъ для примѣра два варіанта стиха о калѣкахъ — «какъ они просятъ милостыню»:

Сего ради нищь есмь:
Села не имѣю;
Винограда не копаю;
По морю плаванія не сотворяю;
Съ гостьми купли не дѣю;
Князю не служу, болярамъ не точенъ;
Въ слугахъ не потребенъ;
Книжному поученію забытливъ;

Церкви Божіей не держуся;
Отца своего духовнаго
Заповѣдь преступаю;
Тѣмъ Бога прогнѣвляю;
На всякое дѣло благо непамятливъ.

Но дай же ми, Боже,
Прежде конца покаяніе!
(Изъ рукописи Т. А. Сидорова).

Вотъ другой стихъ, о томъ же:

Сего ради нищь есмь:
Села не имѣю;
Двора своего не стяжаю;
Винограда не копаю;
Плаванья по морю не отворяю (*);
Съ гостьми купли не дѣю;
Князю не служу, болярамъ не точенъ;
Въ слугахъ не потребенъ;
Книжному ученію забытливъ;
Церкви Божіей не держуся;
Отца своего духовнаго.
Заповѣди преступаю;
Тѣмъ Бога прогнѣвляю;
На всякая дѣла благая непамятливъ;
Беззаконія исполненъ;
Грѣхи сверши (**).

Дай же мнѣ, Господи,
Прежде конца покаянія! (стр. 25—26).

У г. Безсонова эти варіанты помѣщены отдѣльными пѣснями; читатель видитъ, что это одно и то же. Конечно, другіе варіанты не такъ близки, но во всякомъ случаѣ цифра пяти-сотъ будетъ конечно обманчива. Сколько, напримѣръ, въ 1-мъ выпускѣ разныхъ повтореній стиха о царевичѣ Асафьѣ и о пустынѣ — всѣ они крайне похожи одинъ на другой (***).

Въ первыхъ выпускахъ «Пѣсенъ» Кирѣевскаго издатели должны были многимъ позаимствоваться изъ прежнихъ изданій; чтобы до-

(*) Не сотворяю.

(**) Свершу, свершаю.

(***) Теперь вышелъ и второй выпускъ этого изданія, но мы еще не имѣли его въ рукахъ.

полнить недостававшіе у него эпизоды древней былины, они собрали все существенное изъ того, что уже было извѣстно о первыхъ богатыряхъ нашего эпоса. Такимъ образомъ, казалось, эта эпоха русской былины была уже исчерпана, — тѣмъ поразительнѣе было появленіе новаго собранія пѣсенъ, которыя вышли недавно съ именемъ г. Рыбникова. Въ этомъ сборникѣ неожиданно появилось множество свѣжихъ пѣсенъ, только-что записанныхъ изъ устъ народа и открывающихъ новую область народной эпопеи, которой до сихъ поръ не подозрѣвали. Вотъ что говорятъ издатели (г. Безсоновъ и Д. Хомяковъ) объ этой книгѣ:

«П. Н. Рыбниковъ пользовался особенною пріязнію и справедливымъ уваженіемъ со стороны Алексѣя Степановича Хомякова: въ своихъ переходахъ изъ Москвы въ губернію Черниговскую, изъ Черниговской въ Пермскую и оттуда въ Олонецкую, обратившись къ изученію простаго русскаго народа въ его неподдѣльномъ творчествѣ, собиратель предлагаемыхъ пѣсенъ, движимый естественнымъ чувствомъ, присылалъ первые плоды трудовъ своихъ, первому тому, кто умѣлъ цѣнить всякое живое направленіе молодости, и, согрѣвая ее сочувствіемъ, успѣвалъ превращать всякую истинную жизнь молодаго развитія въ жизнь направленія русскаго.

Получивши первыя тетради собранныхъ пѣсенъ, А. Ст. Хомяковъ выразилъ непремѣнное намѣреніе: издать ихъ отъ себя и посвятить московскому обществу любителей россійской словесности, которому онъ, какъ предсѣдатель, подарилъ послѣднее время своей сочувственной дѣятельности.

Свидѣтели такой мысли исполняютъ ее нынѣ съ согласія общества и собирателя.

Собраніе, обогащенное изученіемъ трехъ отдаленныхъ русскихъ областей, мало по малу возросло до значительныхъ размѣровъ и полнѣетъ съ каждымъ, можно сказать, днемъ и часомъ. На первый разъ и для первой части пришлось ограничиться выборомъ пѣсенъ былевыхъ, вынесенныхъ народнымъ творчествомъ слова изъ были, прожитой долгою и своеобразною жизнію Руси. Отдѣлъ этотъ записанъ исключительно въ губерніи Олонецкой.

Сборникъ г. Рыбникова и независимо отъ имени Хомякова имѣетъ высокую цѣну. Онъ значительно расширяетъ для насъ предѣлы русскаго народнаго эпоса, изъ котораго намъ до сихъ поръ оставались неизвѣстны цѣлыя былины о герояхъ до-владиміровскихъ. Имена этихъ «старшихъ богатырей», какъ назвалъ ихъ К. Аксаковъ, встрѣчались изрѣдка въ прежнихъ пѣсняхъ, какъ голое воспоминаніе, къ которому трудно было привязать какой нибудь положительный смыслъ: теперь они являются представителями цѣлаго миѳа, принадлежащаго глубокой древности. Таковы пѣсни о бога-

тырѣ Святогорѣ, Суханѣ или Сухманѣ, Никулѣ Селяниновичѣ, котораго г. Безсоновъ считаетъ поэтическимъ олицетвореніемъ древней русской земли; таковы былины о двухъ братьяхъ Ливиковыхъ, подвиги которыхъ отнесены ко временамъ князя Романа, — безъ сомнѣнія, Волынскаго, какъ думаетъ г. Безсоновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстные и прежде богатыри получаютъ въ пѣсняхъ г. Рыбникова болѣе законченную и ясную физіономію, какъ, напримѣръ, Добрыня, бояринъ Ставръ, гость Садко, Василій Буслаевичъ; полнѣе выдаются и другіе герои, какъ Дюкъ Степановичъ, Соловей Будиміровичъ, которыхъ чужія черты пріобрѣтаютъ теперь болѣе положительнаго историческаго значенія. Особенную привлекательность даетъ сборнику Рыбникова то впечатлѣніе свѣжести, которое производятъ пѣсни, имъ записанныя; всѣ онѣ, за немногими исключеніями, записаны самимъ г. Рыбниковымъ въ Олонецкой губерніи, въ томъ краѣ, гдѣ жизнь народа, удаленная отъ большихъ центровъ населенія и властей, свободно сберегла старыя преданья и не забыла старинной поэзіи.

Для образчика приводимъ двѣ-три пѣсни изъ книги г. Рыбникова, чтобы читатель имѣлъ возможность судить о колоритѣ цѣлаго сборника. Вотъ одна изъ наиболѣе любопытныхъ пѣсенъ старинного цикла, открытаго г. Рыбниковымъ, пѣсня о Вольгѣ Святославичѣ, въ которомъ издатель видитъ самого Олега, уже въ лѣтописи получившаго эпитетъ *вѣщаго* и въ пѣснѣ сохраняющаго это коренное качество своего характера. Пѣсня описываетъ встрѣчу Вольги съ богатыремъ-*крестьяниномъ* Микулой, отцомъ знаменитой въ былинахъ Василисы, которая наслѣдовала его богатырскую силу и совершала потомъ славные подвиги:

О ВОЛЬГѢ СВЯТОСЛАВИЧѢ.

(*Петрозаводскаго уѣзда, Кижской волости*).

Когда вовсіяло солнце красное
На это на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга̀,
Молодой Вольга Святославговичъ.
Сталъ Вольга растѣть-матерѣть;
Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему въ глубокіихъ моряхъ,
Птицей-соколомъ летать подъ оболока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать въ чистыхъ поляхъ;
Уходили всѣ рыбы во синія моря,

Улетали всѣ птички за оболока,
Убѣгали всѣ звѣри во темные лѣса.
Сталъ Вольга ростѣть-матерѣть,
Избирать собѣ дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцовъ безъ единаго,
Самъ ощё Вольга во тридцатыихъ.

Жаловалъ его родный дядюшка,
Ласковый Владиміръ стольно-кіевскій
Трема городамы со крестьянамы:
Первымъ городомъ — Гурчевцемъ,
Другіимъ городомъ — Орѣховцемъ,
Третьіимъ городомъ — Крестьяновцемъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
Со своею дружинушкой хороброю
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою.
Выѣхалъ въ раздольице чисто поле,
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ.
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ (*).
Ѣхалъ Вольга до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со своею дружинушкой хороброей,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга ощѐ другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга ощѐ третій день
Третій день съ утра до побѣдья,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великія-то всѣ каменья въ борозду валитъ;
Кобыла у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.

(*) Совершенно мѣстный образъ: въ Заонежьѣ и Подожскомъ уѣздѣ почва чрезвычайно каменистая и нивы буквально усѣяны камнями.

Говоритъ Вольга таковы слова:
«Божья ти помочь, оратаюшко!
Орать, да пахать, да крестьянствовати,
Съ края въ край бороздки пометывати,
Коренья, каменья вывертывати!»
Говорилъ оратай таковы слова:
— Подитко, Вольга Святославговичъ
— Со своею со дружинушкой хороброю,
— Мнѣ-ко надобна Божья помочь крестьянствовати!
— Далеко-ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
— Со своею со дружинушкой хороброю? —
«Ай же ты, ратаю, ратаюшко!
Ѣду къ городамъ за получкою:
Къ первому городу ко Гурчевцу,
Ко другому ко городу къ Орѣховцу,
Ко третьему городу ко Крестьяновцу».
Говорилъ оратай таковы слова:
— Ай же Вольга Святославговичъ!
— А недавно я былъ въ городни, третьево дни,
— На своей кобылкѣ соловоей,
— Увезъ я оттоль соли столько два мѣха,
— Два мѣха соли по сороку пудъ.
— И живутъ-то мужики все разбойники,
— Оны просятъ грошевъ подорожныихъ;
— А былъ я съ шалыгой (*) подорожною,
— Платилъ имъ гроши подорожные:
— Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
— А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ. —
Говорилъ Вольга таковы слова:
«Ай же, оратай, оратаюшко,
Поѣдемъ со мною въ товарищахъ!»
Этотъ оратай оратаюшко
Гужики шелковеньки повыстегнулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Говоритъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольга Святославговичъ!
— Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
— И не гля ради прохожаго, проѣзжаго,
— А гля ради мужика деревенщины.
— Какъ бы сошка съ земельки повыдернути,
— Изъ омѣшиковъ земелька повытряхнути

(*) Тоже, что шелепуга: плеть, съ обвязанной пулей, кистенъ.

— И бросить бы сошка за ракитовъ кустъ? —
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ съ дружинушки хоробрыя
Пять молодцевъ могучіихъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Эта дружинушка хоробрая,
Пять молодцевъ могучіихъ,
Пріѣхали къ сошкѣ кленовыя:
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ цѣлыимъ десяточкомъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ:
Сошки отъ земли поднять нельзя,
Не могутъ изъ омѣшиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Посылалъ онъ всю дружинушку хоробрую:
Оны сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшики земельки повытряхнути,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Подъѣхалъ оратай оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Ко этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали,
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь оставается.
Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:
«Постойко ты, ратай ратаюшко!
Этая кобылка конькомъ бы была, —
За эту кобылку пятьсотъ бы дали».
Говорилъ оратай таковы слова:

— Глупый Вольга Святославговичъ!
— Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки
— И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
— Этая кобылка конькомъ бы была, —
— За эту кобылку смѣты бы нѣтъ. —
Говорилъ Вольга Святославговичъ:
«Ай же ты, ратаю ратаюшко!
Какъ-то тобя именемъ зовутъ,
Какъ звеличаютъ по отечеству?»
Говорилъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольга Святославговичъ!
— А я ржи напашу, да во скирды сложу;
— Во скирды складу, домой выволочу,
— Драни надеру, да и пива наварю,
— Пива наварю, да и мужичковъ напою.
— Станутъ мужички меня покликивати:
— «Молодой Микулушка Селяниновичъ!»

Вотъ еще отрывокъ былины о богатырѣ Святогорѣ, имя котораго извѣстно было по другимъ пѣснямъ:

Снарядился Святогоръ вонъ чисто поле гуляти,
Засѣдлаетъ своего добра коня
И ѣдетъ по чисту полю.
Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться,
А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается.
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго беремени.
Вотъ и говоритъ Святогоръ;
«Какъ бы я тяги нашелъ,
«Такъ я бы всю землю поднялъ!»
Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку переметную;
Беретъ погонялку, пощупаетъ сумочку, — она не скрянется,
Двинетъ перстомъ ее, — не сворохнется,
Хватитъ съ коня рукою, — не подымется:
«Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ,
«А эдакова чуда не наѣзживалъ,
«Такова дива не видывалъ:
«Маленькая сумочка переметная
«Не скрянется, не сворохнется, не подымется!»
Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку обѣма руками,
Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
И по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ,

А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ,
Тутъ ему было и кончение.

Въ этой былинѣ вѣроятно уже забылась первоначальная основа преданья; по другому разсказу, сумма, которую Святогоръ не могъ поднять, была сумка того же Микулы: въ ней была тяга земная, и она далась только крестьянину Микулѣ. Преданье разсказываетъ объ Ильѣ Муромцѣ, что онъ получилъ свою богатырскую силу по наслѣдью отъ богатыря Святогора, который такимъ образомъ является предшественникомъ владиміровскаго цикла.

Въ пѣсняхъ Рыбникова нашелся народный первообразъ повѣсти «о Горѣ-Злочастіи», отысканной нѣсколько лѣтъ назадъ въ старинной рукописи. Это цѣлое сказанье разбилось здѣсь на нѣсколько пѣсенъ о Горѣ, которыя почти буквально повторяютъ старую рукописную повѣсть или развиваютъ ея мотивы въ цѣлую картину. Вотъ, напримѣръ, описаніе преслѣдованій Горя, составившее отдѣльную пѣсню:

... Приставало Горе къ добру молодцу.

Видитъ молодецъ: отъ Горя дѣться некуды,—
Молодецъ вѣдь отъ Горя во чисто поле,
Во чисто поле сѣрымъ заюшкомъ.
А за нимъ Горе въ слѣдъ идетъ,
Въ слѣдъ идетъ, тенёта несетъ,
Тенёта несетъ все шелковыя:
«Ужь ты стой, не ушелъ добрый молодецъ!»
Видитъ молодецъ: отъ Горя дѣться некуды,—
Молодецъ вѣдь отъ Горя во быстру рѣку,
Во быстру рѣку рыбой-щукою.
А за нимъ Горе въ слѣдъ идетъ,
Въ слѣдъ идетъ, невода несетъ,
Невода несетъ все шелковыя:
«Ужь ты стой, не ушелъ добрый молодецъ!»
Видитъ молодецъ: отъ Горя дѣться некуды,—
Молодецъ вѣдь отъ Горя во огнёвушку (*),
Во огнёвушку, да во постелюшку.
А за нимъ Горе въ слѣдъ идетъ,
Въ слѣдъ идетъ, во ногахъ сидитъ:
«Ужь ты стой, не ушелъ добрый молодецъ!»

(*) Горячку.

Видитъ молодецъ: отъ Горя дѣться некуды,—
Молодецъ вѣдь отъ Горя въ гробовы доски,
Въ гробовы доски, во могилушку,
Во могилушку, во сыру землю.
А за нимъ Горе въ слѣдъ идетъ,
Въ слѣдъ идетъ со лопаткою,
Со лопаткою, да со телѣжкою:
«Ужъ ты стой, не ушелъ добрый молодецъ!»
Только добрый молодецъ и живъ бывалъ:
Загребло Горе во могилушку,
Во могилушку, во матушку сыру землю.

Другая пѣсня «о сѣромъ Горѣ и Упавѣ молодцѣ» вѣрно повторяетъ цѣлый сюжетъ старинной повѣсти, которая впрочемъ, по нашему мнѣнію, стоитъ выше своимъ исполненіемъ. Пѣсня объ Упавѣ не имѣетъ того предисловія, которое начинаетъ съ адамова грѣха въ повѣсти о Горѣ-Злочастіи, и открывается прямо тѣмъ, что

Жилъ былъ у батюшки у матушки единый сынъ,
Захотѣлося на чужую на дальнюю сторонушку погуляти.

Новыя пѣсни гораздо подробнѣе разсказываютъ похожденія молодца во царевомъ кабакѣ и даже возвращаются къ нимъ нѣсколько разъ; въ поученіи отца-матери также особенно налегается на этотъ предметъ, чего нѣтъ въ старинной редакціи, — и новая пѣсня отъ того вовсе не выигрываетъ. Черты старинныхъ нравовъ, породившихъ эту пѣсню, замѣтны и въ новыхъ ея редакціяхъ, но опять не въ той полнотѣ и непосредственности, съ какими старая жизнь выступаетъ въ рукописной «повѣсти». Многое изъ нея уже изгладилось и забылось въ новыхъ пѣсняхъ, или приняло оборотъ менѣе свободный и можетъ быть менѣе изящный.

И здѣсь являются перевозчики, которые не хотѣли перевезти добраго молодца на другую сторону рѣки, потому что у молодца не было «перевознаго», нечѣмъ было заплатить; но здѣсь нѣтъ прекраснаго эпизода о томъ, какъ молодецъ покорился наконецъ Горю, «утѣшилъ» его, и весело поскочилъ по круту бережку, по желтому песочику и запѣлъ молодецкую напѣвочку, заслышавши которую перевозчики перевезли его безденежно. Въ новой пѣснѣ они сдѣлали это только тогда, когда молодецъ хотѣлъ «посягнуться» во рѣку Смородину.

Въ заключеніе, опять тоже новое преслѣдованіе Горя, и монастырь, какъ послѣднее убѣжище:

Перевезли его какъ на тую на сторону,
Перевернулся добрый молодецъ яснымъ соколомъ,
Подкладывалъ крыльица бумажныя,
Поднимался выше лѣса, подъ самую подъ облаку.
Іонъ летитъ яснымъ соколомъ,
А Горюшко въ слѣдъ чернымъ ворономъ,
И кричитъ громкимъ голосомъ:
«Ай же ты, Упавъ, дороднїй добрый молодецъ!
«Хочешь улетѣть, да не улетѣть:
«Не на часъ я къ тебѣ Горе привязалося!»
Падетъ добрый молодецъ на сыру землю,
Повернулся добрый молодецъ сѣрымъ волкомъ,
Сталъ добрый молодецъ сѣрымъ волкомъ поскакивать;
Горюшко въ слѣдъ собакою,
Само бѣжитъ, кричитъ громкимъ голосомъ:
«Ай же ты, Упавъ, дороднїй добрый молодецъ!
«Хочешь ускочить, да не ускочить:
«Не на часъ я къ тебѣ Горе привязалося!»
Хочетъ, хочетъ добрый молодецъ,
Завернуться на боярскій дворъ,
Задаться ко боярину на двѣнадцать лѣтъ;
И проговоритъ Горюшко сѣрое:
«Ай же ты, Упавъ, дороднїй добрый молодецъ!
«Не слушай ты чужихъ умовъ разумовъ,
«Не ходи ты на боярскіи дворъ,
«Не корми чужаго отца-матери!»

Велитъ Горюшко идти во честные во монастыри,
Велитъ Горюшко постричься и посхимитися.
И шелъ добрый молодецъ во честные во монастыри,
Постригся добрый молодецъ и посхимился,
И прошло тому времячко ровно три года,
И тутъ ему добру молодцу и смерть пришла.

По замѣчанію собирателя, стихъ о Горѣ, описывающій его неотвязное гоненіе, пользуется большой извѣстностью въ народѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ могъ быть вызванъ только тяжелымъ опытомъ и гнетомъ жизни; изъ нихъ только народъ могъ взять мрачный характеръ этой поэзіи.

На этомъ мы окончимъ свои выписки изъ сборника Рыбникова, въ которомъ можно было бы указать еще много пѣсенъ съ новыми любопытными чертами народной поэзіи. Таковы, напр., пѣсня объ Иванѣ, Вдовкинѣ сынѣ и о Волшанской книгѣ (Волшебной книгѣ, Волховникѣ), новыя пѣсни о Садкѣ, о царѣ Иванѣ Грозномъ и т. д.

и т. д. Мы не сомнѣваемся впрочемъ, что и безъ нашихъ указаній книга г. Рыбникова будетъ имѣть успѣхъ, вполнѣ ею заслуженный.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о примѣчаніяхъ, которыми г. Безсоновъ снабдилъ оба изданія — Кирѣевскаго и Рыбникова; онъ развиваетъ въ нихъ свой взглядъ на русскую поэзію и русскую жизнь того отдаленнаго времени, къ которому принадлежатъ описываемые въ былинахъ богатыри. Этотъ взглядъ болѣе или менѣе извѣстенъ, первыя мысли его высказаны были и прежде Хомяковымъ, К. Аксаковымъ и Кирѣевскимъ; но г. Безсоновъ далъ имъ идеѣ полное развитіе и самостоятельно распространилъ этотъ взглядъ на самыя подробности содержанія былины.

Прежде всего онъ не вѣритъ въ миѳологическія объясненія древняго эпоса и находитъ, что теперь странно возвращаться къ Макробію и Сервію, «безспорно ученымъ, но нѣсколько тронутымъ истолкователямъ народныхъ преданій». Мы недоумѣваемъ, кого именно изъ нашихъ миѳологовъ относитъ г. Безсоновъ въ эту лестную категорію, — только не г. Шеппинга конечно, толкованьями котораго онъ вообще остается доволенъ. Единственнымъ вѣрнымъ путемъ изслѣдованія внутреннихъ силъ народа онъ считаетъ языкоизслѣдованіе, «въ его современныхъ требованіяхъ» и, вѣроятно для образца, приводитъ самъ нѣкоторыя объясненія: такъ, отчество Сухмана—Одихмантьевичъ, онъ толкуетъ посредствомъ греческаго *Арес*, и лат. aresco (Арихмант...) (*); *Волшана* и *Волоса* объясняетъ какъ существа, означающія «стихійность, расплывчивость, отсутствіе всякой опредѣленности вѣросознанія» (Кир. 3, стр. XVII) и др., — чего мы никакъ не могли понять.

Другая, внѣшняя сторона народной жизни требуетъ, по мнѣнію г. Безсонова, объясненій, которыя бы стояли ближе къ положительной исторіи, и имъ-то онъ преимущественно посвящаетъ свои изслѣдованія. Богатыри, по дѣленію его и К. Аксакова, были старшіе—какъ Святогоръ, Полканъ (?), Суханъ и проч., или младшіе, какъ Илья, Добрыня и другіе герои Владимірова цикла. Въ ихъ дѣяніяхъ открываетъ г. Безсоновъ всю дѣйствительную *исторію* образованія и утвержденія русскаго народа, или міра — народа. Старшіе богатыри, по собственному признанію толкователей, относятся къ эпохѣ космогонической (слѣд. къ миѳологіи?); сила ихъ получаетъ въ ихъ личностяхъ человѣческій образъ, но еще остается силой отвлеченной, міровой; этихъ богатырей г. Безсоновъ называетъ

(*) Рыбник., стр. IX.

стихійными. То было время неустановившагося «міросозерцанія», которому во внѣшнемъ быту соотвѣтствовала эпоха кочевая. Когда кончился періодъ броженія (въ переносномъ и буквальномъ смыслѣ), народное сознаніе обратилось отъ космогоніи къ человѣку; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ устанавливается русская земля и народъ, является *былевая*, историческая поэзія; являются и историческіе герои, какъ Илья и его сподвижники, заключающіе въ себѣ дѣйствительныхъ представителей старой русской земли. Старшіе богатыри по этому самому забываются и отходятъ на второй планъ.

Какъ лица исторической эпохи, богатыри, по мнѣнію г. Безсонова, не подлежатъ миѳологическому объясненію, а особенно такому, которое старается отыскать въ нихъ слѣды язычества. Онъ самъ сопоставляетъ характеръ ихъ съ дѣйствительными событіями и отношеньями исторической жизни. Илья у него—представитель Земли и новаго порядка вещей, который на ней водворился; это глава первой Земской Дружины. Онъ еще стоитъ въ связи съ прежней *стихійной* эпохой, — мы упоминали, что ему передаетъ свою силу старшій богатырь Святогоръ,— но характеръ силы измѣнился. Это измѣненіе произвели въ Ильѣ калѣки перехожіе; калѣки съ переметной сумой, подбитой бархатомъ, были также явленіемъ предыдущаго періода, это также была сила кочевая и бродячая; но это *стихійное* явленіе нашло себѣ мѣсто и въ новой жизни народа, потому что калѣки приняли въ ней новое начало и стали странствователями по святымъ мѣстамъ и носителями духовной христіанской поэзіи. Они пришли къ Ильѣ и дали ему силу и потомъ умѣрили ее, увидѣвъ, что ея не снесетъ Земля.

Около Ильи Муромца — крестьянина собралось много другихъ богатырей, составляющихъ земскую дружину; въ нихъ отражались разные характеры и слои народной жизни; такъ Добрыня богатырь изъ бояръ, Алеша богатырь поповичъ, Василій Казиміровичъ — дьякъ и посолъ, Иванъ—гостиный сынъ.

Затѣмъ, кромѣ Земли и ея Дружины, является въ древнемъ эпосѣ третье существенное начало, князь. Онъ играетъ роль судьи и третейскаго посредника и вмѣстѣ оберегателя земли русской. У него своя дружина, княжеская, въ которой таились зачатки будущаго государственнаго развитія. Былина понимаетъ княжескую дружину постоянно въ ея древнемъ значеніи, беретъ только отношеніе дружины къ землѣ, какъ оно было при первыхъ князьяхъ. Представитель ея въ пѣсняхъ *Вольгъ*, или Олегъ.

Отношеніе этихъ трехъ началъ между собой заключаетъ въ себѣ всю исторію народа и государства. Г. Безсоновъ объясняетъ его слѣдующимъ образомъ:

«Сначала она (княжеская дружина) только служила землѣ: и всею своею задачею полагала «утереть поту за землю русскую»... Мало по малу она отдѣлялась въ область особую, самолюбивую, а съ теченіемъ времени раздѣлилось все на двѣ половины, на землю и государство; та и другая половина сходилась какъ равная: государство проникало внутрь земщины своими учрежденіями: земля подходила къ государству въ соборахъ. Но и это миновалось: земля совсѣмъ скрывалась съ поприща исторіи, уходила внутрь себя, высылая однѣ лишь дружины свои въ кравшникахъ и козачествѣ. Дружины сперва, какъ было сказано, дѣйствовали отъ имени земли, но потомъ также перешли въ службу государству, сдѣлались его слугою: тогда земля какъ будто исчезла безъ слѣда; государство думало замѣнить ее, но безъ земли повисло сверху. По мѣрѣ поступанія къ такому заключенію, государственное начало покидается народнымъ творчествомъ, меньше и меньше оглашается былевымъ словомъ; замолкаютъ и пѣсни о дружинахъ, перешедшихъ отъ земли въ иную сторону; устраненная съ поприща политическихъ событій, земля перестаетъ пѣть и объ самой себѣ, въ новомъ своемъ положеніи, слабѣетъ въ былевомъ творчествѣ, дробитъ творчество на однѣ лишь пѣсни безъименныя, женскія, бытовыя, обрядныя. Былевое творчество уберегается только древнее, съ содержаніемъ древнимъ: оно живетъ только прошедшимъ, и главнымъ образомъ первымъ кругомъ, цикломъ Владиміра» (Рыбник., стр. XVI).

Мы ограничимся этими общими чертами взгляда г. Безсонова. Прибавимъ только, что онъ, въ противность нашимъ миѳологамъ, которыхъ вообще не долюбливаетъ, всѣми силами сберегаетъ христіанскую репутацію своихъ героевъ; разъ только признается онъ, что образъ Добрыни, нѣсколько неопредѣленный и «расплывчивый» (вспомнимъ *Волшана* и *Волоса*, въ которыхъ г. Безсоновъ филологически доказываетъ туже расплывчивость), допустилъ въ себѣ немножко язычества — въ похожденіяхъ со змѣемъ, съ Мариной и др.: «кому, во что бы то ни стало, хочется непремѣнно отъ древней Руси язычества, тотъ, съ прискорбіемъ отказавшись отъ Муромца, можетъ совершенно успокоить свою жажду на Добрынѣ и утѣшить пытливость свою тысячью баснословныхъ выводовъ» (Кир., 2, стр. XXII—XXIII). До Ильи Муромца г. Безсоновъ совершенно не допускаетъ этихъ любителей язычества, и имѣетъ на это слѣдующія историческія основанія: во первыхъ, Илья Муромецъ — первое созданіе творческой фантазіи народа, только что установившаго свои формы и запечатлѣвшаго ихъ христіанствомъ, — Илья слѣд. есть богатырь вполнѣ христіанскій; наконецъ «мощи Ильи Муромца почиваютъ въ Кіевѣ, въ пещерѣ преподобнаго Антонія, именуемой Ближнею; память совершается 19 декабря; служба общая съ другими печерскими угодниками» (Кир. 1, XXII).

Послѣ этихъ изслѣдованій г. Безсонову становятся *до тла* ясны герои древней русской былины, и онъ съ удовольствіемъ видитъ, что дошелъ до этой ясности, не прибѣгая ни къ какой миѳологіи. Къ сожалѣнію, дѣло все еще не такъ ясно для другихъ, какъ для него. Преслѣдуя миѳологію, г. Безсоновъ самъ впадаетъ въ другой туманъ: древняя былина представляется ему настоящимъ преобразованіемъ (Рыбник.,стр. XVII); лица богатырей чистымъ отвлеченіемъ, какъ Илья Муромецъ—отвлеченіе христіанства; какъ Иванъ,—герой сказокъ, проходящій у него какія-то мистическія ступени бытія, чтобы стать человѣкомъ-героемъ и проч. Во избѣжаніе той же миѳологіи, прямо и непосредственно объясняющей миѳы изъ языческаго народнаго пониманія природы и ея силъ, дѣйствующихъ на человѣка, — онъ принимаетъ съ Аксаковымъ *стихійныхъ* богатырей, *стихійную* эпоху народной жизни, которые гораздо менѣе понятны, чѣмъ языческій пантеизмъ миѳологіи.

Въ объясненіи той *земской*, общественной роли, которую занимаютъ богатыри въ древней былинѣ, г. Безсоновъ даетъ безъ сомнѣнія много вѣрныхъ замѣчаній, и онъ правъ въ своемъ принципѣ, что историческіе герои былины и должны быть поняты въ связи съ исторической жизнью и отношеньями народа: другими словами, былина можетъ и должна быть объяснена средствами историческими,—но коренная ошибка г. Безсонова состоитъ въ томъ, что онъ и удовлетворяется тѣми объясненіями, которыя самъ онъ извлекаетъ изъ исторической судьбы народа. Пріурочивая героевъ къ извѣстнымъ слоямъ, къ извѣстнымъ направленіямъ народной жизни, онъ исполняетъ только одну часть задачи; съ своими средствами онъ можетъ только самымъ общимъ образомъ указать побужденія и руководящія мысли ихъ дѣятельности, — но отъ него остается закрыта цѣлая область ихъ внутренней жизни, именно та, которая заключаетъ въ себѣ представленія древняго эпоса о человѣкѣ и о природѣ. Единственный путь къ объясненію ихъ представляетъ именно миѳологія. Сколько бы ни былъ убѣжденъ г. Безсоновъ въ христіанствѣ самого Ильи Муромца и его сподвижниковъ, онъ долженъ согласиться, что *пѣвцы* его еще не были такъ чужды язычеству, какъ ему кажется. Всѣ понятія этихъ пѣвцовъ объ ихъ герояхъ проникнуты древними миѳологическими представленіями: конечно, не христіанство научило ихъ вѣрить въ *волшанскую книгу*, въ оборачиваніе сѣрымъ волкомъ и яснымъ соколомъ, въ еретницу Марину и т. д. Очень жаль, но апокалиптическій взглядъ г. Безсонова не найдетъ себѣ большой опоры въ древнихъ памятникахъ русской письменности; сколько бы ни открылъ онъ въ былинахъ христіанскихъ преобразованій, противъ него всегда будутъ слова Христолюбцевъ,

Паисіевскіе сборники, Стоглавы и т. д. Даже не имѣя особеннаго пристрастія находить въ русской старинѣ *двоевѣріе* (которое, строго говоря, можно отыскивать вездѣ, гдѣ угодно,—если не дать этому понятію разумнаго историческаго предѣла), невозможно согласиться съ теоріей г. Бессонова: она вводитъ въ исторію народа совершенно ненужный и фальшивый мистицизмъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ГРУСТНАЯ СУДЬБА ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ ВЪ РОССІИ. — ГРАФЪ СЕРГѢЙ СТЕПАНОВИЧЪ ЛАНСКОЙ И НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ПИРОГОВЪ. — ТОРЖЕСТВЕННЫЕ ПРОВОДЫ Н. И. ПИРОГОВА ИЗЪ КІЕВА. — КРАТКОЕ СОБЕСѢДОВАНІЕ НАШЕ СЪ НАШИМИ ЛИТЕРАТУРНЫМИ СОБРАТІЯМИ, ВЪ КОТОРОМЪ ТАКЖЕ КРАТКО ВЫЯСНЯЮТСЯ НАШИ ВОЗЗРѢНІЯ НА ЛИТЕРАТУРНОЕ ДѢЛО ВООБЩЕ И ВЪ ЧАСТНОСТИ НАШИ ОТНОШЕНІЯ КЪ Н. И. ПИРОГОВУ. — РѢЧИ, ГОВОРЕННЫЯ НА ПРОЩАЛЬНОМЪ ОБѢДѢ, ДАННОМЪ Н. И. КІЕВСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ, — ГГ. СУДОВЩИКОВЫМЪ И САМИМЪ Н. И. — ПРОЩАЛЬНАЯ РѢЧЬ Н. И. КЪ СТУДЕНТАМЪ КІЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. — ВЗГЛЯДЪ Н. И. НА ОТНОШЕНІЯ НАЧАЛЬНИКА КЪ ПОДЧИНЕННЫМЪ И ВЗГЛЯДЪ НА ЭТИ ОТНОШЕНІЯ ОБЩЕПРИНЯТЫЙ. — РАЗСМОТРѢНІЕ ТОГО И ДРУГАГО. — РАЗРѢШЕНІЕ ВОПРОСА О ТОМЪ: МОЖЕТЪ ЛИ ПОДЧИНЕННЫЙ НЕ УВАЖАТЬ НАЧАЛЬСТВО, И ЕСЛИ МОЖЕТЪ, ТО КОГДА ИМЕННО? — ПОУЧИТЕЛЬНЫЙ ВЫВОДЪ ИЗЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ Н. И. ПИРОГОВА ДЛЯ НАЧАЛЬНИКОВЪ. — СТРЕМЛЕНІЕ НАШЕГО ОБЩЕСТВА КЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И ОТСУТСТВІЕ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ МОГЛИ БЫ РУКОВОДИТЬ ЕГО. — ПОТРЕБНОСТЬ ГЛАСНОСТИ ДЛЯ ВОЗНИКАЮЩИХЪ И СУЩЕСТВУЮЩИХЪ ОБЩЕСТВЪ. — ОБЩЕСТВО ДОСТАВЛЕНІЯ ДЕШЕВЫХЪ КВАРТИРЪ И ДРУГИХЪ ПОСОБІЙ НУЖДАЮЩИМСЯ ЖИТЕЛЯМЪ ПЕТЕРБУРГА. — САРАТОВСКОЕ ПОПЕЧИТЕЛЬНОЕ, ДАМСКОЕ ОБЩЕСТВО О БѢДНЫХЪ, — ТАКОВОЕ ЖЕ МОСКОВСКОЕ. — ЯРОСЛАВСКАЯ ЛЕЧЕБНИЦА ДЛЯ ПРИХОДЯЩИХЪ БОЛЬНЫХЪ. — ПОЛЬЗА УЧРЕЖДЕНІЯ ТАКИХЪ ЛЕЧЕБНИЦЪ ВЪ ПРОВИНЦІЯХЪ ДЛЯ САМИХЪ ДОКТОРОВЪ, И ДЛЯ БОЛЬНЫХЪ. — КАКЪ РУССКОЕ ОБЩЕСТВО, ВЪ ОСОБЕННОСТИ ДЕНДИ И ДАЖЕ ЛИБЕРАЛЫ ВОЗНАГРАЖДАЮТЪ ДОКТОРОВЪ ЗА ИХЪ ТРУДЫ? — УЧРЕЖДЕНІЕ ГОСПИТАЛЬНОЙ КЛИНИКИ ВЪ БОЛЬНИЦѢ КАЗАНСКАГО ПРИКАЗА ОБЩЕСТВЕННАГО ПРИЗРѢНІЯ. — ЗНАЧЕНІЕ КЛИНИКЪ ВЪ ПРОВИНЦІЯХЪ. — ОСНОВАНІЯ, НА КОТОРЫХЪ УЧРЕЖДЕНА КЛИНИКА ВЪ КАЗАНИ ПРИ БОЛЬНИЦѢ ПРИКАЗА ОБЩЕСТВЕННАГО ПРИЗРѢНІЯ. — ОБЩИНЫ СЕСТЕРЪ МИЛОСЕРДІЯ ДЛЯ СЛУЖЕНІЯ БОЛЬНЫМЪ: КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКАЯ И ПОКРОВСКАЯ. — НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ ОБЩИНЫ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ. — ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕР-

ЖДЕННЫЯ ПРАВИЛА ДЛЯ НОВОЙ ОБЩИНЫ ПОКРОВСКОЙ. — СОСТАВЪ И УСТАВЪ МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ. — КОЙ-ЧТО О КОНКУРСѢ, НАЗНАЧЕННОМЪ ИМЪ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ РУКОВОДСТВА КЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНОМУ ОБУЧЕНІЮ ГРАМОТѢ.

Надъ общественными дѣятелями въ Россіи тяготѣетъ какая-то злополучная судьба. Едва чья нибудь общественная дѣятельность начинаетъ крѣпнуть, начинаетъ заявлять себя успѣхами болѣе или менѣе замѣтными для общества, въ наукѣ ли то, искусствѣ, литературѣ, на службѣ, или на другихъ поприщахъ, какъ неумолимая смерть, болѣзнь, или другія неблагопріятныя обстоятельства насильственно пересѣкаютъ ее часто на половинѣ пути.

Такъ болѣзнь свела недавно съ служебнаго поприща двѣ замѣчательныя личности, изъ которыхъ каждая, въ кругѣ своей дѣятельности, успѣла заслужить общее сочувствіе людей мыслящихъ и желающихъ истиннаго добра своему отечеству. Мы говоримъ о бывшемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ графѣ Сергѣѣ Степановичѣ Ланскомъ и о бывшемъ попечителѣ кіевскаго учебнаго округа Николаѣ Ивановичѣ Пироговѣ.

Столичное общество, сдержанное, малодовѣрчивое, рѣдко высказываетъ публично свои истинныя симпатіи и антипатіи. Вѣсть о добровольномъ, вынужденномъ болѣзненнымъ состояніемъ, удаленіи графа Сергѣя Степановича Ланского съ министерскаго поста встрѣчена была въ петербургскомъ обществѣ съ глубокимъ прискорбіемъ. Но сурово-молчаливый Петербургъ промолчалъ, какъ обыкновенно молчитъ въ подобныхъ случаяхъ... Это впрочемъ не мѣшаетъ ему твердо помнить и своихъ друзей, и своихъ враговъ, и думать свою крѣпкую думу. Невысказанныя радости и печали напечатлѣваются, какъ извѣстно, еще глубже въ памяти сердца. И графъ Сергѣй Степановичъ можетъ быть увѣренъ, что люди мыслящіе сохранятъ всегда память его о гуманно-разумной дѣятельности во время управленія министерствомъ.

Общества провинціальныя, воспитанныя и живущія подъ другими условіями, чѣмъ общества столичныя, не имѣютъ ни привычки, ни нужды скрывать или сдерживать свои порывы и чувства. Они свободно громко высказываютъ и свои восторги и соболѣзнованія. Кіевъ съ торжествомъ проводилъ Николая Ивановича Пирогова и высказался весь на этомъ торжествѣ, со всею безпредѣльностію своей любви и уваженія къ бывшему попечителю. Впрочемъ, что мы говоримъ: Кіевъ? Не Кіевъ только, весь учебный округъ, кромѣ того Одесса, Харьковъ, Москва, Петербургъ, Гельсингфорсъ, Казань приняли участіе въ торжественныхъ проводахъ Н. И., засвидѣтельствовавъ

присланными въ Кіевъ телеграммами глубокое уваженіе къ полезной дѣятельности и ученымъ заслугамъ Н. И.

«Вѣсть объ оставленіи Н. И—мъ должности попечителя», говоритъ авторъ «*Описанія прощанія его съ Кіевомъ*»,—«отозвалась также скорбно и съ тою же силою въ самомъ обществѣ, какъ и въ учебномъ вѣдомствѣ. Общее сочувствіе выразилось въ разныхъ формахъ: въ мысли о подпискѣ, о стипендіи, въ желаніи многихъ пріобрѣсть портретъ Пирогова. Тѣ, для которыхъ онъ трудился послѣдніе два года, сознавали ясно, что теряютъ въ немъ, независимо отъ необыкновенной симпатической личности, знаменитаго педагога и человѣка, выразившаго въ себѣ лучшія, хотя, можетъ быть, инстинктивныя ихъ стремленія. — Съ этой точки обѣдъ 9-го апрѣля (данный обществомъ; кромѣ того 4-го апрѣля данъ былъ обѣдъ учебнымъ вѣдомствомъ) представлялъ фактъ небывалый и многознаменательный. Едва только была заявлена мысль о гласномъ выраженіи общаго сожалѣнія отъѣзжающему, какъ готовность участвовать въ немъ выразилась отовсюду. Лица разныхъ классовъ и вѣдомствъ, военные и штатскіе, спѣшили принять участіе въ грустномъ торжествѣ. Утромъ, въ день обѣда, число участвующихъ возросло до 140 и затѣмъ приходилось уже отказывать многимъ, такъ какъ зала, выбранная для торжества, не вмѣщала въ себѣ болѣе посѣтителей. Оживленный и пестрый видъ представляло собраніе, когда вошелъ Н. И., сопровождаемый депутатами. Здѣсь каждый по своему спѣшилъ выразить ему свое сочувствіе».

Въ память объ управленіи Н. И. кіевскимъ округомъ, разными лицами сдѣлано слѣдующее: кременчугскій 1-й гильдіи купецъ Исаакъ Германъ, въ письмѣ, адресованномъ на имя Н. И. Пирогова, объяснилъ свое намѣреніе просить у начальства разрѣшенія содержать на свой счетъ въ университетѣ св. Владиміра, на первый случай, въ продолженіе пяти лѣтъ, одного студента, по указанію Н. И. или тѣхъ лицъ, кому онъ это поручитъ, съ условіемъ, чтобы этотъ студентъ назывался стипендіатомъ Н. И. Пирогова. Послѣ обѣда, 4 апрѣля, по удаленіи Н. И., нѣкоторыя изъ оставшихся лицъ приняли участіе въ подпискѣ, инииціатива которой принадлежитъ студентамъ. Собранную сумму предположили употребить, съ разрѣшенія высшаго начальства, для той общеполезной ученой цѣли, какую угодно будетъ назначить самому Н. И. Въ тотъ же день, въ одинъ часъ съ началомъ обѣда, студенты, съ разрѣшенія начальства, открыли въ зданіи университета безплатную ежедневную школу, въ знакъ благодарной памяти о Пироговѣ. Нынѣ изданъ портретъ его редакціею «Кіевскаго телеграфа».

«Пироговъ, разсказываетъ авторъ «*Описанія*», выѣхалъ изъ

Кіева 15 апрѣля, въ 8 часовъ вечера. Уже съ 3-хъ часовъ по полудни большая толпа (отъ 200—300) студентовъ, гимназистовъ, многихъ лицъ учебнаго вѣдомства и весьма многихъ жителей города, пѣшкомъ и въ экипажахъ, ожидали у зданія первой гимназіи минуты, чтобы сказать послѣднее прости искренно любимому и цѣнимому человѣку. Еще большая толпа (отъ 700—800) заранѣе отправилась на дачу Санъ-Суси (на 7-й верстѣ отъ города) съ тою же цѣлію. Такъ между собравшимися много было и дамъ, лишенныхъ доселѣ возможности принять участіе въ выраженіяхъ общаго сочувствія къ Николаю Ивановичу.

«Въ 8 часовъ онъ вышелъ съ своимъ семействомъ и отовсюду послышались крики сожалѣнія и разлуки. Еще въ воздухѣ раздавались слова «прощайте, помните насъ», а уже почтовый экипажъ уносилъ изъ Кіева человѣка, память котораго долго и долго будетъ жить въ немъ. Длинный кортежъ всякаго рода экипажей потянулся до Санъ-Суси за тарантасомъ Пирогова. Когда пріѣхали, — уже совершенно стемнѣло. Можно было только разсмотрѣть, что на пространствѣ $^1/_4$ версты по шоссе все было занято народомъ и экипажами. Воздухъ огласился снова криками сожалѣнія. Ожидавшіе остановили экипажъ Пирогова, онъ долженъ былъ выйти и сказать нѣсколько прощальныхъ словъ людямъ захотѣвшимъ почтить и послѣднія минуты пребыванія его въ Кіевѣ. Онъ благодарилъ всѣхъ за участіе, ему выраженное, напомнилъ въ короткихъ словахъ то, о чемъ подробно говорилъ на первомъ и второмъ обѣдахъ, напомнилъ о непроходящемъ царствѣ идей, гдѣ онъ не перестанетъ еще встрѣчаться съ любящими его, простился со всѣми, обнялъ въ лицѣ одного всѣхъ присутствовавшихъ, и при единодушныхъ крикахъ искренней любви, уваженія и сожалѣнія, отправился далѣе по дорогѣ къ Бердичеву. Большинство возвратилось въ городъ; но многіе еще провожали его до станціи и болѣе счастливые сказали ему послѣднее «прощайте».

Нельзя сомнѣваться въ искренности общей привязанности какъ всего Кіева, такъ и всего учебнаго округа къ личности Н. И. Пирогова. Это для насъ впрочемъ не было бы удивительно, если бы вмѣстѣ съ этою привязанностію къ личности не высказывалось общаго, не менѣе искренняго сочувствія къ тому дѣлу, которому служилъ Н. И. Пироговъ. Заслуга Н. И. Пирогова въ томъ и состоитъ, что онъ къ предмету воспитанія, на который у насъ смотрятъ обыкновенно равнодушно, нерѣдко съ пренебреженіемъ, успѣлъ пробудить общее вниманіе, умѣлъ сдѣлать его для всѣхъ предметомъ первостепенной важности, умѣлъ уяснить его истинное значеніе и для воспитывающагося юношества, и общества. Какимъ чудодѣйственнымъ жезломъ

пробилъ онъ обычную, неуступающую, повидимому, камени апатію нашего общества, которую ничѣмъ нельзя пробить часто въ дѣлахъ его живѣйшаго частнаго интереса, касающихся благоденствія или злополучія его кармана, какъ-то усматривается въ акціонерныхъ обществахъ? Вотъ та интересная и поучительная сторона дѣла, на которой мы хотимъ остановить наше вниманіе.

Знаемъ впередъ, сколько при этихъ словахъ нашихъ раздается враждебныхъ криковъ отъ нашихъ милыхъ собратій по литературному дѣлу. «Вотъ онъ,—скажутъ,— «Современникъ»-то, бранилъ, бранилъ Пирогова; теперь хвалить началъ. Таковъ онъ всегда. Тянетъ, куда подуетъ вѣтеръ.» Нѣчто подобное мы даже гдѣ-то и читали въ такомъ родѣ: «дескать, вотъ «Современникъ» бранилъ Н. И. Пирогова, — а Н. И. Пироговъ, дескать, вотъ что и вотъ что сдѣлалъ.» И вообще за Н. И. Пирогова и прямыхъ поученій и косвенныхъ намековъ досталось намъ прочитать довольно, — и все въ такомъ духѣ: «дескать, какъ можно нападать на такихъ почтенныхъ лицъ!» Само собою разумѣется, что мы ничего не отвѣчали противъ подобныхъ намековъ и выходокъ. Да и отвѣчать, читатель, невозможно. Если бы мы вздумали отвѣчать на все, что говорятъ объ насъ милые наши собратія, намъ пришлось бы выдавать каждый мѣсяцъ особую книжку. Не объ Николаѣ Ивановичѣ только, а объ чемъ бы ни заговорили они, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ, они не могутъ не задѣть «Современника», хотя по связи рѣчи нѣтъ никакого повода говорить о «Современникѣ». «Міръ Божій прекрасенъ», начинаетъ обыкновенно-умилительно авторъ:—«все въ немъ ликуетъ и небеса и земля; всѣ творенія наслаждаются жизнію. А вы, господа, — вдругъ круто поворачиваетъ авторъ, — пожалуйста не читайте «Современника» — онъ надъ всѣмъ насмѣхается; это извѣстный гусь». Теперь мы хотимъ сказать нѣсколько словъ по поводу нападокъ на насъ за Н. И. Пирогова потому только, что у насъ снова рѣчь зашла о дѣятельности Н. И. Пирогова.

И такъ, достопочтенные собратія наши по ремеслу, анаѳематствовавшіе и анаѳематствующіе насъ за Н. И. Пирогова, положите на нѣсколько минутъ ваши стальныя и гусиныя перья, и мирно побесѣдуемте.

Вы обвиняете насъ въ неуваженіи къ личности такого почтеннаго лица, какъ Н. И. Пироговъ. Скажите же намъ: въ чемъ мы высказали это неуваженіе?—Когда появился первый литературный трудъ Н. И. Пирогова, обличавшій въ немъ самостоятельный взглядъ на жизнь вообще и на дѣло воспитанія въ особенности,—мы говоримъ о «*Вопросахъ жизни*»,—мы отозвались объ этомъ трудѣ съ горячимъ сочувствіемъ и со всѣмъ уваженіемъ, какого онъ заслуживалъ. Когда

затѣмъ Н. И., сдѣлавшись воспитателемъ, публично заявилъ, что въ дѣлѣ воспитанія безъ розогъ совершенно обойдтись невозможно и что, кромѣ того, необходимъ какой-то кодексъ, точно опредѣляющій наказанія за каждый дѣтскій поступокъ, — мы, по крайнему нашему убѣжденію, неожидавшіе ничего, кромѣ вреда, отъ подобныхъ пріемовъ при воспитаніи, вооружились противъ нихъ со всею энергіею. Мнѣніе наше о вредѣ розги раздѣляла вся литература; вѣроятно и относительно введенія въ школы чего-то въ родѣ уголовнаго кодекса для дѣтей, многіе изъ пишущихъ были одинаковыхъ мыслей съ нами. Въ чемъ же могло заключаться наше неуваженіе къ личности Н. И., когда мы только то и сдѣлали, что заявили печатно мнѣнія или всѣми, или многими принятыя; — или хоть бы только и наши собственныя мнѣнія, но мнѣнія нашего искренняго убѣжденія? «Но вы, — говорятъ, — высказали ваше мнѣніе очень рѣзко». А развѣ есть требованіе для литературныхъ статей, чтобы онѣ писались не рѣзко? — Да и можно ли даже писать не рѣзко статьи, касающіяся вопросовъ животрепещущихъ, статьи полемическія, гдѣ рѣзкостью часто усиливается вниманіе къ статьѣ и, слѣдовательно, то или другое ея дѣйствіе? — Развѣ другіе журналы, журнальцы, газеты пишутъ не рѣзко? Полноте шутить, Богъ съ вами! Во всякомъ журналѣ, газетѣ мы насчитаемъ вамъ десятки статей, написанныхъ не то, что рѣзко, просто солоно, — а иногда украшенныхъ даже неприличною бранью. «Но, — говорятъ, — вы рѣзко пишете противъ лица почтеннаго, противъ авторитета?» А! вотъ что! — Что же дѣлать, если мы не относимся къ числу тѣхъ проповѣдниковъ гласности, которыхъ

....голосъ звучитъ по свѣтлымъ заламъ:
«Добро! Законъ!»
И падаетъ въ бесѣдѣ съ генераломъ
На полу-тонъ?

Что же дѣлать, если мы думаемъ, напротивъ, что тутъ-то и долженъ быть возвышенъ и усиленъ голосъ, гдѣ высказываетъ ошибку, дѣлаетъ промахъ, идетъ на ложную дорогу талантъ, заслуга, слава? — Для чего рѣзкость противъ мнѣній и гг. NN, и XX, и ZZ, когда мнѣнія этихъ господъ прямо изъ подъ печатнаго станка идутъ въ Лету или вызываютъ только улыбку на устахъ читателей? А мнѣнія Н. И. Пирогова — совсѣмъ другое дѣло. Мысль о томъ, напримѣръ, что въ дѣлѣ воспитанія безъ розги обойдтись нельзя, высказанная такимъ знаменитымъ теоретикомъ и практикомъ въ дѣлѣ воспитанія, какъ онъ, сдѣлалась бы аксіомой не для одной, можетъ быть, тысячи педагоговъ, и безъ того весьма поползновенныхъ къ употребленію розги, — и Боже мой! сколько бы напрасно истреблено было оте-

чественныхъ лѣсовъ. Мы говоримъ: *напрасно*, потому что недавно самъ Н. И. сознался, что въ дѣлѣ воспитанія можно обходиться и безъ розги.

Наконецъ, почтенные наши собратія! Если вы думаете, что голосъ вашъ, т. е. голосъ литературы долженъ понижаться и глохнуть соразмѣрно литературному, служебному и т. д. рангу тѣхъ личностей, которыя высказываютъ ложныя понятія, мнѣнія и т. п., то объясните намъ, пожалуйста, какъ вы смотрите на свое служеніе, на значеніе литературы вообще. Древніе пророки, древніе ораторы выходили обыкновенно обличать заблужденія и пороки сильныхъ земли, выходили просвѣщать и защищать слабыхъ отъ притѣсненій и насилія,—вы же о чемъ вышли проповѣдывать?—А вѣдь вы, хотя и съ другими обстановками и при другихъ условіяхъ, заняли тѣ же трибуны, которыя занимали они, и отъ васъ также ждутъ только такого же правдиваго и смѣлаго слова, какого ждали отъ нихъ. Свободная отъ всякихъ оффиціальныхъ или какихъ нибудь ложныхъ отношеній къ народу, свободная въ выборѣ предметовъ, о которыхъ разсуждаетъ, свободная въ выборѣ способовъ ихъ изображенія, — одна литература не заподозривается ни въ какихъ заднихъ мысляхъ, ни въ какихъ своекорыстныхъ тенденціяхъ, — и отъ нея одной надѣются искренняго, неоскверненнаго ложью слова. Правда, одно это слово и есть только ея орудіе. Но какое же орудіе можетъ дѣйствовать сильнѣе и прочнѣе — *свободнаго слова*? Никакіе законы, никакія предписанія, никакія полицейскія наблюденія и мѣры не могутъ сравниться съ силою свободнаго слова. Свободно къ сердцу принятое, оно измѣняетъ дѣятельность столѣтій, воплощается въ жизни отдѣльныхъ лицъ, семействъ, поколѣній, народовъ, дѣлается регулой ихъ жизни, практической ихъ мудростью, отвердѣваетъ въ бытѣ народномъ въ видѣ безсмертныхъ памятниковъ — въ пословицахъ, поговоркахъ, пѣсняхъ, преданіяхъ, легендахъ. Не только ничего великаго, ни одного шагу не сдѣлало человѣчество впередъ безъ пособія свободнаго слова; то, что введено оружіемъ, вогнано силою или насиліемъ, что не принято свободнымъ убѣжденіемъ—никогда не жило и не можетъ жить долго, а можетъ только держатьс силою же и числиться живущимъ въ однихъ отчетахъ. Само насиліе старается приспособляться къ убѣжденіямъ и идеамъ, уже проведеннымъ въ народъ, усвоеннымъ имъ посредствомъ слова, чтобы сдѣлаться прочнымъ, или намѣренно старается держать народъ въ иллюзіяхъ, для себя благопріятныхъ. Силу свободнаго слова для утвержденія насильственныхъ распоряженій и мѣръ понимаютъ не только Наполеоны, но понимали еще Мангу-Темиры, Узбеки, Бердибеки. И тѣ ухаживали за духовенствомъ, въ то время вліятель-

нымъ и сильнымъ своимъ словомъ, чтобы оно замолвило о нихъ ласковое слово народу, по крайней мѣрѣ не говорило о нихъ дурнаго слова. И такъ, достопочтенные наши собратія, если кто бы то ни было, въ особенности же лицо, успѣвшее пріобрѣсть себѣ славу, извѣстность, талантами ли своими, или своею полезною дѣятельностію, опытностію, будетъ злоупотреблять такимъ сильнымъ орудіемъ, какъ слово, для распространенія въ народѣ ложныхъ понятій, заблужденій и т. п.,—не прямая ли наша обязанность вооружиться противъ его мнѣній всѣмъ запасомъ средствъ, какими владѣемъ, употребивъ и убѣдительность аргументовъ, и силу краснорѣчія, и рѣзкость выраженій, а въ случаѣ нужды написавъ даже такія, проникнутыя назиданіемъ и веселостію вмѣстѣ, грамотки, какія пишетъ Мих. П. Погодинъ, и какими не разъ уже онъ спасалъ отъ бѣды наше любезное отечество,—и все это въ тѣхъ, разумѣется, видахъ, чтобы читающіе не увлекались одною авторитетностію лица, которое пишетъ, а внимательно пораздумали о дѣлѣ сами? Такого открытаго, смѣлаго образа дѣйствій не требуетъ ли отъ насъ самая честь нашего служенія?

Наши достопочтенные собратья думаютъ иначе. Они думаютъ, что когда говоритъ лицо, пользующееся авторитетомъ, извѣстностію, тогда обязанность литературы только хвалить, что скажетъ это лицо, по крайней мѣрѣ молчать, если бы извѣстное лицо заговорило и Богъ-знаетъ-что. Другіе идутъ далѣе. Они думаютъ, что какъскоро говоритъ лицо, пользующееся авторитетомъ, извѣстностію, силою, то хотя бы оно говорило и Богъ-знаетъ-что, его все-таки нужно хвалить или, выражаясь точнѣе, нужно ему подкуривать. Этотъ второй разрядъ нашихъ достопочтенныхъ собратій, болѣе впрочемъ свойственный провинціи, чѣмъ столицѣ, хотя не чуждый и послѣдней, любитъ находить небывалыя достоинства въ извѣстностяхъ и авторитетахъ, мудрость и глубину въ нихъ, иногда весьма сомнительнаго достоинства дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ, приходитъ въ восторгъ отъ всего, что идетъ съ извѣстныхъ высотъ, проповѣдуетъ всеобщую радость тамъ, гдѣ можно видѣть только гадость и т. д. Третьи идутъ и еще далѣе. Они не только сами не оставляютъ подкуривать, гдѣ и о чемъ надлежитъ, но не стыдятся нападать на тѣхъ, которые говорятъ смѣлое слово, не стѣсняясь лицами, мѣстами и т. д.

Неужели, почтенные собратія наши, въ этомъ состоитъ святое служеніе мысли и истинѣ? Неужели затѣмъ заняли вы трибуны древнихъ учителей, древнихъ ораторовъ, чтобы гнать ложь и мракъ только тогда, когда они не поддерживаются лицами сильными, и молчать, и даже защищать туже самую ложь и мракъ, когда они

поступаютъ подъ защиту людей сильныхъ? Какое же значеніе могутъ имѣть ваши проповѣди, ваши громы и молніи въ глазахъ не только народа, но даже въ глазахъ тѣхъ самыхъ лицъ, передъ которыми вы молчите, когда нужно говорить, или разсыпаете хвалы, когда нужно преслѣдовать ихъ обличеніемъ? Повѣрьте намъ, что если эти лица трудятся дѣйствительно ради добра и истины, если они уважаютъ сами себя, то они съ бóльшимъ удовольствіемъ прочтутъ наше смѣлое и горькое обличеніе, чѣмъ ваши подобострастныя похвалы. Наше смѣлое слово, наше обличеніе, если они справедливы, если по крайней мѣрѣ искренни, могутъ указать имъ слабую сторону въ дѣлѣ, заставятъ обратить на нее вниманіе, во всякомъ случаѣ не дадутъ ослабнуть ихъ энергіи, будутъ держать ихъ въ постоянномъ вниманіи къ своему дѣлу. Тогда какъ одна подобострастная похвала, расточаемая безъ строгаго разбора дѣйствій, очень часто ведетъ къ ложному самообольщенію своими достоинствами, усыпленію, окончательной порчѣ. Сколько есть начальниковъ, изъ которыхъ при сторóжѣ общественнаго и журнальнаго мнѣнія, могли бы выйдти весьма дѣльные и даровитые люди,—но которые, будучи защищаемы отъ такой стóрожи, слыша одну лишь лесть отъ своихъ приближенныхъ, сдѣлались людьми никуда не годными, а между тѣмъ самодовольно упоены своими небывалыми достоинствами и почитаютъ себя чуть не отцами отечества!

Все это мы говоримъ, впрочемъ, вообще, а не въ приложеніи къ Н. И. Пирогову. Н. И. Пироговъ самъ въ себѣ—личность свѣтлая, энергическая, преданная своему дѣлу искренно и всецѣло. Энергія его, конечно, не имѣетъ нужды въ поддержкѣ сторонней. Но и Н. И., при всѣхъ своихъ достоинствахъ, можетъ ошибаться въ своихъ воззрѣніяхъ, какъ то доказалъ и опытъ. Очень можетъ быть, что наше рѣзкое противорѣчіе съ воззрѣніями его на употребленіе розги было поводомъ къ тому, что онъ напрягъ все свое вниманіе, чтобы дознать опытомъ, не преждевременно ли высказана имъ мысль, что въ дѣлѣ воспитанія безъ розги обойдтись нельзя — и послѣдствіемъ этого сосредоточеннаго вниманія и изслѣдованія было то, что онъ дознаіъ опытомъ, что мысль эта высказана была имъ дѣйствительно поспѣшно. Но предположимъ, что рѣзкое противорѣчіе наше лично Н. И. не принесло ни малѣйшей пользы, предположимъ, что онъ и безъ насъ не опустилъ бы изъ вниманія изслѣдовать такой важный вопросъ, какъ вопросъ о розгѣ въ дѣлѣ воспитанія,— и въ такомъ случаѣ Н. И., какъ человѣкъ, уважающій истину, не можетъ не отдать намъ чести за то, что мы высказали со всею откровенностію наше мнѣніе о его воззрѣніи, не взирая на лицо. «Но, говорятъ,—мы своимъ рѣзкимъ мнѣніемъ о неправильности его воз-

зрѣній могли парализировать его дѣятельность, ослаблять его вліяніе». Вотъ же самый опытъ доказалъ, господа, что неправда. Нашъ рѣзкій отзывъ не повредилъ нисколько, чтобъ дѣятельность Н. И. была благотворна, блистательна, пріобрѣла сочувствіе всего края. Ясно, что если бы нашъ отзывъ могъ повредить его дѣятельности,— причина этого заключалась бы уже не въ насъ.

Говорятъ намъ, наконецъ, что мы ничего не знаемъ, дѣлаемся судьями въ дѣлахъ ни мало намъ незнакомыхъ, и произносимъ рѣзкіе приговоры, сами разсѣеваемъ въ публикѣ ложныя мнѣнія, заблужденія и т. п. Помилосердуйте, наши достопочтенные собратія! Вы-то на что существуете? Когда вы видите, что мы распространяемъ ложныя понятія, заблужденія, — опровергайте насъ, защищайте истину отъ нашихъ нападеній. Это ваша прямая обязанность. Можетъ ли удержаться въ комъ нибудь заблужденіе, которое мы проповѣдуемъ, когда вы разъясните ему святую истину во всей ея красѣ? Отчего же вы не дѣлаете этого? Отчего, вмѣсто того, чтобы серьёзно опровергать насъ, вы ограничиваетесь только какими-то неблаговидными намеками, обвиняя насъ голословно въ неуваженіи къ личностямъ, въ невѣжествѣ, въ стремленіи осмѣять всѣ науки и т. п.?

Здѣсь мы оканчиваемъ наши объясненія. Изъ нихъ, надѣемся, наши пишущіе собратія поймутъ, что можно не соглашаться съ воззрѣніями извѣстнаго лица, можно рѣзко заявлять ему это несогласіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ можно уважать его, какъ замѣчательнаго мыслителя и дѣятеля; скажемъ болѣе: потому именно иногда можно съ большею рѣзкостію высказывать свое несогласіе съ мнѣніями извѣстнаго лица, что имѣешь большое уваженіе къ его личности, многаго ожидаешь отъ нея. Такъ думаемъ, по крайней мѣрѣ, мы.

Обращаемся теперь къ разсмотрѣнію предложеннаго нами вопроса.

Характеръ дѣятельности Н. И. Пирогова во время управленія его кіевскимъ округомъ довольно осязательно очерченъ въ рѣчахъ, произнесенныхъ на двухъ обѣдахъ, которые даны были при отъѣздѣ его изъ Кіева. Рѣчи обоихъ обѣдовъ, сказанныя разными лицами бывшему попечителю, проникнуты искренностію и даже восторженностію чувства и не похожи на рѣчи и спичи другихъ торжественныхъ обѣдовъ;—въ нихъ нѣтъ усиленнаго сочиненія, видишь, напротивъ, что каждый говорившій рѣчь имѣлъ въ виду какую нибудь сторону или черту, которая привлекала его болѣе другихъ въ личности Н. И., и объ этой-то сторонѣ или чертѣ, которая привлекала его въ личности Н. И. Пирогова, онъ и старался высказаться въ своей рѣчи. Всѣ рѣчи, взятыя въ совокупности, довольно ясно очер-

чиваютъ передъ нами привлекательную личность Н. И. Но для насъ важны собственно рѣчи втораго обѣда, выясняющія принципы и воззрѣнія Н. И. Потому мы и ограничимся здѣсь приведеніемъ рѣчей гг. Судовщикова и самого Н. И. Пирогова. Изъ двухъ рѣчей Н. И. Пирогова, нами приводимыхъ, одна сказана на обѣдѣ, другая прощальная, которую онъ говорилъ 8 апрѣля въ большой актовой залѣ университета при прощаніи съ студентами.

1) *Рѣчь г. Судовщикова.*

«На службѣ ли, въ частныхъ ли отношеніяхъ, мы видѣли въ васъ ту же неизмѣнность своимъ убѣжденіямъ и терпимость къ чужимъ, ту же независимость, ту же прямоту, то же желаніе быть полезнымъ всякому, то же довѣріе къ человѣку, тотъ же сочувственный откликъ всему человѣческому.

«Мало того, кто хоть разъ побылъ въ вашемъ кабинетѣ, тотъ могъ уже заключить, что уваженіе къ человѣку не только перешло у васъ изъ головы въ сердце, но оно усвоилось всѣмъ организмомъ вашимъ, сдѣлалось вашею натурой, и сказалось въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи вашемъ; эти человѣчныя начала проникли въ самую манеру вашу, которую иначе нельзя назвать, какъ человѣчною.

«Генералъ, учитель, профессоръ, сторожъ, гимназистъ, богатый купецъ и жалкій продавецъ спичекъ — вы встрѣчали ихъ всѣхъ равно человѣчно. Ваше естественное, даже рѣзкое прямодушіе легко отражалось на посѣтителѣ, и никто не стѣснялся совѣтоваться съ вами ни о какомъ честномъ дѣлѣ. Скажу больше: я знаю людей, которые искуственно пріискивали предлоги пойдти къ вамъ, только бы слышать ваше мудрое, теплое слово, только бы наглядѣться на ваше открытое, спокойное лицо.

«Какъ, повидимому, ни обыкновенны въ человѣкѣ такія человѣческія свойства, сколь ни велико въ наше время число людей, претендующихъ на гуманность, но у насъ пока она — вещь рѣдкая, слишкомъ рѣдкая.

«Отдаемъ все должное гуманнымъ людямъ нашимъ — и все-таки не можемъ не замѣтить, что одинъ изъ нихъ подавляетъ тебя своимъ ученымъ авторитетомъ и высокомѣрнымъ взглядомъ на всякое противорѣчіе, другой видимо рисуется гуманностью въ серьёзномъ кружкѣ и показываетъ свое общественное положеніе въ комильфотной гостиной, третій отдѣлывается чиновническою вѣжливостью отъ всѣхъ, кромѣ интимныхъ пріятелей, четвертый наконецъ, при случаѣ, просто подымаетъ плеча и щеголяетъ украшеніемъ на шеѣ.

«А впрочемъ все это передовые люди наши, представители нашего образованія; всѣ они такъ убѣдительно говорятъ о гуманности вообще и такъ добросовѣстно умиляются собственною.

«Бѣда только въ томъ, что головная гуманность не даетъ общаго настроя ихъ жизни, не проходитъ сквозь ихъ житейскія отношенія.

«Вина всему, очевидно, заключается не въ самихъ личностяхъ, а въ той необразованной средѣ, гдѣ воспитались онѣ; не умѣя возвыситься надъ нею нравственно и сохранивъ многіе недостатки большинства, лучшія личности наши успѣли возгордиться потому только, что нашли мало подобныхъ себѣ по умственному развитію.

«Вы, Н. И., смѣло можете находить еще меньше подобныхъ себѣ, вы больше другихъ оказали услугъ обществу, вы имѣете много внутреннихъ и внѣшнихъ отличій, вы наконецъ родились въ той же необразованной средѣ.

«Какъ же вы успѣли раздѣлаться съ мелочною спесью даже лучшихъ людей нашихъ?

«Какъ же вы остались такъ гуманны на дѣлѣ, такъ просты душою, такъ естественны со всякимъ человѣкомъ?

«Кто же виною тому?

«Конечно, не русская жизнь—она успѣла испортить многихъ и лучшихъ людей — а ваша собственная личность, высокая и простая, какъ все высокое. Она-то одинаково человѣчно выражается и въ общественной дѣятельности и въ вашихъ личныхъ, ежедневныхъ отношеніяхъ; она-то вызвала къ вамъ симпатію даже тѣхъ людей, которые почти не знали васъ, какъ человѣка.»

2) *Рѣчь Н. И. Пирогова.*

«То, что мнѣ теперь предстоитъ, сходно съ тѣмъ, что для меня прошло.

«Позднею весной, послѣ продолжительной и суровой зимы, я буду орать и засѣвать мои поля (*), запущенныя, засоренныя плевелами и съ закопавшеюся вблизи саранчей.

«Я буду трудиться въ потѣ лица, буду разрыхлять и очищать землю; постараюсь дѣлать все какъ можно раціональнѣе, замѣню крѣпостной трудъ свободнымъ, буду обходиться и съ рабочими какъ съ людьми вольными, а не крѣпостными.

«Но, разумѣется, законовъ природы и необходимости этимъ не измѣню.

«Растаявшій ледъ превратится въ потоки воды, которые во многихъ мѣстахъ разнесутъ мои сѣмена; саранча выведется тамъ, гдѣ

(*) Н. И. ѣдетъ въ деревню.

она не была разрушена плугомъ и воздухомъ; рабочіе не съ разу поймутъ, что для нихъ лучше такъ работать, чѣмъ по прежнему.

«И можетъ-быть мои труды и заботы не удадутся на первый разъ. Это, конечно, не остановитъ меня, потому что я знаю, отъ чего съ разу не можетъ все идти хорошо.

«Но найдутся, безъ сомнѣнія, и тутъ люди, которые скажутъ, что причина, почему у меня не все взошло, не потоки воды, разнесшіе мои сѣмена, не ледяная кора, покрывавшая слишкомъ долго землю, и даже не саранча, которая закопалась еще до меня; а то, что я началъ обработывать мои поля не по прежней рутинѣ и слишкомъ скоро замѣнялъ крѣпостной трудъ свободнымъ.

«Бывъ попечителемъ, я также оралъ и засѣвалъ мое поле поздней весной, едва оттаявшее отъ лучей вешняго солнца; на немъ была еще ледяная кора; въ немъ была закопавшаяся саранча; трудъ не былъ свободный и прибыльный для обѣихъ сторонъ.

«Мудрено ли, что могли и тутъ найдтись такіе, которые не въ законахъ необходимости, не въ порядкѣ вещей искали причину, почему мое поле не такъ скоро дало обильную жатву?

«Но неужели же я долженъ былъ остановиться, слушая толки и не вѣря болѣе въ то, что зналъ вѣрно; неужели долженъ былъ измѣнить весь планъ моихъ дѣйствій, промѣнять раціональность и здравый смыслъ на рутину и безсмысліе?

«Кѣмъ былъ бы я тогда въ глазахъ передовыхъ людей, мнѣніемъ которыхъ я дорожу, и главное,—кѣмъ былъ бы я тогда въ собственныхъ глазахъ моихъ.

«Теперь, когда я начну у себя хозяйничать, я долженъ буду прежде всего позаботиться о кредитѣ. Мнѣ необходимо довѣріе тѣхъ, съ кѣмъ я буду вести мои дѣла.

«Но если кредитъ и взаимное довѣріе теперь необходимы для меня, какъ для будущаго хозяина; то не болѣе ли они мнѣ были нужны, когда я былъ попечителемъ?

«Что̀ могъ я сдѣлать существеннаго, не заслуживъ сначала полнаго нравственнаго довѣрія тѣхъ, которыхъ главная обязанность проводить убѣжденія, и тѣхъ, на кого я долженъ былъ дѣйствовать путемъ убѣжденія?

«Вотъ это-то полное, нравственное довѣріе я и старался всѣми силами водворить и между старыми, и между молодыми. Но для этого я долженъ былъ дѣйствовать прямо и откровенно. Въ краѣ, гдѣ постоянно нужно сообразоваться съ различіемъ національностей, я не могъ не быть ровенъ и одинаковъ со всѣми и строго безпристрастенъ, желая добра и правды всѣмъ безъ различія.

«*Въ моихъ глазахъ попечитель есть не столько начальникъ, сколь-*

ко миссіонеръ. Онъ долженъ не приказывать, а убѣждать. Иначе, в трудныхъ обстоятельствахъ, когда ему понадобится серьезный трудъ его подчиненныхъ, когда нужно будетъ сдѣлать воззваніе къ ихъ чувству долга и законности, къ благородству и достоинству человѣка, онъ не можетъ разсчитывать ни на себя, ни на другихъ.

«Таковъ мой взглядъ. Онъ не могъ не казаться страннымъ и даже, можетъ-быть, опаснымъ. Я это очень хорошо зналъ всегда. Но не мною я быть не могъ. И мнѣ оставалось идти, не отступая, предоставивъ Провидѣнію рѣшить, кто крѣпче: препятствія ли, которыя я долженъ былъ встрѣтить, или я самъ.

«Слѣдуя моему взгляду, мнѣ нужно было дѣйствовать и на учащуюся молодежь, и на самихъ наставниковъ. Общество, отцы, сограждане имѣли полное право требовать отчета въ моихъ дѣйствіяхъ: хвалить и порицать.

«А тогда можно ли было обойтись обществу, составленному изъ нѣсколькихъ національностей, безъ разнорѣчій, ложныхъ слуховъ и неправильныхъ толкованій?

«Но долженъ ли я былъ имъ подчиниться и исказить мой образъ дѣйствій для того только, чтобъ утѣшать себя обманчивою тишиною, пассивнымъ безмолвіемъ и кажущимся порядкомъ?

«*Ученіе и распространеніе научныхъ истинъ я считалъ за священнодѣйствіе и глубоко уважалъ истинныхъ наставниковъ. Но и въ слабыхъ я чтилъ человѣческое достоинство и личность. Въ молодыхъ людяхъ я любилъ и уважалъ молодость, потому что хорошо помнилъ свою.*

«На этомъ уваженіи, которое я заявлялъ открыто и гласно, основывалъ я и то взаимное, нравственное довѣріе наставниковъ и учащихся, которымъ начиналъ уже пользоваться, но не для себя, а въ интересахъ университета и цѣлаго общества этого края.

«Я твердо зналъ, что необдуманные порывы молодости и поступки, противорѣчащіе законамъ нравственности, будутъ исчезать сами собою по мѣрѣ того, какъ возростетъ еще сильнѣе довѣріе, а съ нимъ вмѣстѣ и значеніе нравственной власти.

«Я зналъ, что гдѣ господствуетъ сила убѣжденія, тамъ исчезаетъ произволъ съ его волнующими слѣдствіями.

«Я не могъ дождаться этого счастливаго времени; но вамъ, мм. гг. членамъ общества, предстоитъ, если вы вполнѣ раздѣляете мои взгляды и сочувствуете моимъ убѣжденіямъ, поддержать данное мною направленіе вашимъ мнѣніемъ, вашимъ просвѣщеннымъ содѣйствіемъ и любовью къ общему благу.»

3) *Прощальная рѣчь Н. И. Пирогова.*

«Я принадлежу къ тѣмъ счастливымъ людямъ, которые хорошо помнятъ свою молодость. Еще счастливѣе я тѣмъ, что она не прошла для меня понапрасну. Отъ этого я, старѣясь, не утратилъ способности понимать и чужую молодость, любить и, главное, уважать ее. Мы всѣ знаемъ, что нужно почитать стариковъ, потому что старики — наши отцы и дѣды, и каждый изъ насъ чѣмъ нибудь имъ обязанъ. Глядя на старость, мы вспоминаемъ доброе. Слабости и худое забываются при взглядѣ на сѣдину. Но не всѣ знаютъ, что и молодость должно уважать. Она является намъ тотчасъ же съ ея страстями, вспышками и порывами на первомъ планѣ. Правда, и ее извиняютъ, приводя незрѣлость, неопытность, увлеченіе. Но у нея нѣтъ прошедшаго, а ея будущее кажется чѣмъ-то страшнымъ, по его неизвѣстности. Между тѣмъ кто не забылъ своей молодости и изучалъ чужую, тотъ не могъ не различить и въ ея увлеченіяхъ стремленій высокихъ и благородныхъ, не могъ не открыть и въ ея порывахъ явленій той грозной борьбы, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству. Бывъ попечителемъ университета, я поставилъ себѣ главною задачею поддерживать всѣми силами то, что я именно привыкъ любить и уважать въ молодости. Съ искреннимъ довѣріемъ къ ней, съ полною надеждою на успѣхъ, безъ страха и безъ задней мысли, я принялся за трудное, но высокое и благородное дѣло. И могъ ли я иначе за него взяться, когда помня и любя время моего образованія въ четырехъ университетахъ, я живо вспоминалъ и тѣ стремленія, которыя меня тогда одушевляли; вспоминая, уважая ихъ въ себѣ, я невольно переносилъ ихъ и на васъ и въ васъ любилъ и уважалъ то же самое, что привыкъ любить и уважая въ самомъ себѣ. И теперь, разставаясь съ вами, я объявляю гласно, что все время моего попечительства ни разу не раскаялся въ образѣ моихъ дѣйствій. Частные случаи, какъ бы они ни клонились не въ вашу пользу, ни однажды не поколебали моего довѣрія къ цѣлой корпораціи студентовъ, потому что частныя проявленія неизбѣжнаго зла не должны, по моимъ понятіямъ, служить причиною къ уничтоженію добра.

«Я былъ приготовленъ къ тому, что меня не вдругъ вы поймете, и еще менѣе поймутъ ваши отцы или цѣлое общество. Это лежало въ порядкѣ вещей. Судятъ не по намѣреніямъ, а по результатамъ. А результаты въ такихъ дѣлахъ обнаруживаются не скоро, не безъ препятствій и не безъ толковъ, распространяемыхъ незнаніемъ, бли-

зоркостью, подозрѣніемъ и мелочными страстями. Я зналъ, что истина моихъ убѣжденій разъяснится не разомъ для всѣхъ, а между тѣмъ встрѣтится много такого, что̀ будетъ говорить противъ меня и заслужитъ порицаніе тѣхъ, которые думаютъ перейти отъ одного порядка вещей къ другому, противоположному, измѣнивъ только внѣшнюю обстановку, или тѣхъ, которые вовсе ничего не думаютъ. Я зналъ, что немногіе раздѣляютъ мой взглядъ на университетскую молодежь и университетскую жизнь вообще, зналъ наконецъ и то, что меня будутъ обвинять въ слабости, въ неумѣніи и въ гоньбѣ за популярностью; но все это не могло измѣнить моихъ глубокихъ убѣжденій, не могло остановить моихъ дѣйствій, основанныхъ на любви и уваженіи къ молодости, на довѣріи къ ея благородству мыслей и стремленію къ правдѣ. Не вѣрить въ это я не могъ, потому что я не могъ ни сдѣлаться, ни казаться не мною. Это значило бы для меня перестать жить. Я остался мною и, разставаясь съ вами, уношу тѣ же убѣжденія, которыя принесъ къ вамъ, которыя никогда и ни отъ кого не скрывалъ, потому что считалъ преступнымъ скрывать начала, служившія основаніемъ моихъ дѣйствій. Надѣюсь, вы успѣли также убѣдиться, что я основывалъ мои отношенія къ вамъ на томъ же нравственномъ довѣріи, котораго имѣлъ право требовать и отъ васъ, потому что дѣйствовалъ прямо, и знаю, что на молодость нельзя дѣйствовать иначе, какъ пріобрѣвъ ея полное довѣріе. Вы увѣрились, полагаю, что я водворялъ между вами уваженіе къ закону, долгу и власти не угрозами, не преслѣдованіемъ, не скрытно, а прямымъ и гласнымъ убѣжденіемъ и примѣромъ. Я не приказывалъ, а убѣждалъ, потому что заботился не о внѣшности, а о чувствѣ долга, которое признавалъ въ молодости такъ же, какъ и всѣ другія высокія стремленія духа. Наконецъ вы, думаю, увѣрились, что для меня всѣ вы были одинаково равны, безъ различія вашихъ національностей. Въ моихъ глазахъ университетъ, служащій вамъ мѣстомъ образованія, не могъ быть мѣстомъ другихъ стремленій, кромѣ научныхъ. Поэтому-то я также искренно желалъ и вашего сближенія съ представителями науки въ университетѣ, нарушеннаго, къ сожалѣнію, временемъ и обстоятельствами. Но не различая вашихъ національностей предъ лицомъ науки, я никогда не мечталъ о слитіи васъ въ одно цѣлое, избѣгалъ раздражать самолюбіе и навязывать вамъ такія убѣжденія, которыхъ у васъ не могло быть, потому что гнушался притворствомъ и двуличіемъ. Я твердо вѣрилъ, что одно взаимное довѣріе и примѣръ водворятъ между вами законность и порядокъ. Законность и порядокъ упрочатъ нравственную свободу университетской жизни. Эта свобода разовьетъ самодѣятельность и любовь къ наукѣ, которая, въ свою очередь, представитъ университетъ

въ вашихъ глазахъ чуждымъ всѣхъ постороннихъ стремленій. Нѣсколько для меня знаменательныхъ фактовъ доказали мнѣ, что мои убѣжденія, мои надежды не обманули меня, и взаимное довѣріе, которое я клалъ за основу моихъ дѣйствій, обнаруживаясь не разъ, награждало мои труды и заботы. И если я заслужилъ, чтобы вы меня помнили, то это докажутъ всего болѣе тѣ изъ васъ, которые, сохранивъ въ памяти мой взглядъ на университетъ, оправдаютъ своею жизнію мое довѣріе, любовь и уваженіе къ вашей молодости. А я, разставаясь съ вами прежде, чѣмъ успѣлъ достигнуть моей цѣли, буду имѣть утѣшеніе въ томъ, что оставался вѣренъ моимъ началамъ, и буду счастливъ тѣмъ, что, если и не довелъ еще ни одного изъ васъ до истиннаго счастія, то по крайней мѣрѣ, ни одного не сдѣлалъ, по моей волѣ, несчастнымъ.

«Итакъ прощайте. Служите вѣрно наукѣ и правдѣ и живите такъ, чтобы состарѣвшись могли безупречно вспоминать вашу и уважать чужую молодость.»

Пробѣжавъ всѣ эти рѣчи, читатель поразится, конечно, немалымъ удивленіемъ... Какъ? Начальникъ учебнаго округа, человѣкъ, занимающій генеральское мѣсто, говоритъ своимъ подчиненнымъ: «господа, я не терплю дисциплинарности... Не нужно мнѣ ни вашихъ поклоновъ, ни застегиваній на всѣ пуговицы, ни заискиваній, ни ухаживаній — ничего подобнаго. Постарайтесь прежде всего забыть, что я начальникъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ привыкли у насъ разумѣть начальство. Я вашъ товарищъ, другъ. У меня не будетъ никакого тайнаго образа дѣйствій относительно васъ. Я вамъ расскажу все, что я хочу дѣлать въ видахъ вашего вниманія, объясню причины, почему я такъ рѣшился дѣйствовать. Если вы будете не соглашаться съ моими воззрѣніями, — я буду съ вами спорить, буду каждаго изъ васъ убѣждать и теоріей и практикой въ разумности моихъ воззрѣній — и не оставлю этого, пока не доведу васъ до полнаго убѣжденія. Я не могу ожидать никакихъ плодовъ отъ вашего воспитанія, пока вы не будете вполнѣ довѣрять моему образу мыслей и дѣйствій, пока не будете связаны съ мной внутреннимъ общимъ сочувствіемъ къ нашему общему дѣлу.»

Такія рѣчи привлекательны, читатель, въ устахъ начальника... не правда ли? — но рѣчи все-таки странныя, которыхъ мы не слыхали отъ начальства въ нашемъ дѣтствѣ... не слыхали и потомъ ни въ канцеляріяхъ, ни въ казармахъ, ни въ ученыхъ ареопагахъ... И въ этомъ мы вовсе не хотимъ винить начальство... Совсѣмъ нѣтъ. Начальство думало, какъ всѣ; всѣ думали, какъ начальство. Вообще по представленію общепринятому и освященному вѣками образъ вза-

мныхъ отношеній начальствующихъ и подчиненныхъ представлялся въ такомъ видѣ:

Дѣло начальника, разумѣется, хорошаго (о дурныхъ и говорить нечего) дать приказаніе или распоряженіе, выслушать или прочитать докладъ, или донесеніе, или что нибудь подобное объ исполненіи этого приказанія или распоряженія, — дать распеканцію, если приказаніе или распоряженіе исполнили не во время, не такъ поняли или при исполненіи не вошли въ духъ высшихъ видовъ начальника и т. п. Дѣло начальника было также представить, кого онъ найдетъ нужнымъ къ наградѣ. Да существенныхъ отношеній начальника къ подчиненному, кажется, только и было. Обязанность подчиненнаго была: выслушать и исполнить распоряженіе или приказаніе начальника, выслушать съ благодушіемъ, безъ возраженій, распеканцію отъ начальника, при благопріятномъ случаѣ даже поблагодарить начальника за такое отеческое поученіе, затѣмъ быть въ состояніи постояннаго, неослабнаго памятованія о томъ, что начальникъ есть совсѣмъ не то же, что онъ, что человѣческихъ отношеній къ нему не можетъ имѣть подчиненный никакихъ, что и лично, точно также какъ на бумагѣ, подчиненный можетъ относиться къ нему только съ почтительнѣйшимъ докладомъ, донесеніемъ, представленіемъ и т. д. Памятовать это подчиненный обязанъ былъ и всегда и присно, не только въ канцеляріи, но и на улицѣ, дома, на гуляньѣ, на вечерѣ, на балѣ...однимъ словомъ—всюду. Встрѣтясь съ начальникомъ, подчиненный долженъ былъ съ нимъ раскланиваться, но раскланиваться особеннымъ образомъ, выражая почтительность не только въ поклонѣ, но и въ самой физіономіи, которая должна была говорить: «дескать, это для меня особенное удовольствіе, что я имѣю честь съ вами раскланиваться»; если подчиненный сидѣлъ, то при появленіи начальника долженъ былъ вставать; когда начальникъ начиналъ разговаривать, подчиненный долженъ былъ держать себя въ *такой позѣ слушанія*, чтобы видно было, что онъ пріемлетъ каждое слово, аки нѣкій многоцѣнный бисеръ. Само собою разумѣется, что ни о какихъ возраженіяхъ нечего было и думать. Несогласіе съ мнѣніемъ начальника даже относительно такихъ предметовъ, какъ напримѣръ: нужно ли козырять въ вистѣ, имѣя на рукахъ три фигуры, — было если и не уголовнымъ преступленіемъ, то и не такимъ дѣйствіемъ, которое бы рекомендавало служебныя способности чиновника. Если дѣло шло о распоряженіяхъ служебныхъ и начальникъ давалъ распоряженіе, которое могло его компрометировать, то дѣло подчиненнаго конечно было доложить объ этомъ, но доложить почтительнѣйше, такъ, чтобы въ докладѣ выходило что-то похожее на то, что сдѣланное распоряженіе, хотя и нельзя исполнить по существующимъ

узаконеніямъ, но отъ этого оно нисколько не теряетъ своего блеска, что если бы оно могло быть приведено въ исполненіе, оно облагодѣтельствовало бы цѣлую страну и т. д. Однимъ словомъ, подчиненный долженъ былъ вести себя такъ, чтобы во всякомъ дѣйствіи его служебной, общественной, домашней дѣятельности было видно, что онъ твердо сознаетъ свое подчиненіе начальнику и денно-нощно памятуетъ, что начальникъ есть начальникъ, а не человѣкъ, подобный другимъ человѣкамъ.

Такая форма отношеній начальниковъ къ подчиненнымъ принята была у насъ вездѣ за нормальную и, само собою разумѣется, исключала всякую возможность искренняго сближенія начальника съ подчиненными. Начальникъ приглашалъ своихъ подчиненныхъ на обѣды, балы, вечера... Казалось бы, хоть въ такихъ случаяхъ, гостепріимный хозяинъ долженъ былъ забыть, что онъ начальникъ; но хозяинъ никогда не забывалъ этого. Само собою разумѣется, что еще тверже помнили это гости. Почтительнѣйшее отношеніе соблюдалось и здѣсь во всей своей красѣ,—и часто доходило до смѣшнаго. Я еще и теперь живо помню, какъ на балахъ *Окзенкопфа* командиры разныхъ военныхъ и гражданскихъ вѣдомствъ съ полновѣсными чинами, почтенныхъ лѣтъ—быстро вскакивали съ своихъ мѣстъ, когда Окзенкопфъ входилъ въ ту комнату, гдѣ они сидѣли. Смотря на эту комедію, я всегда думалъ: отчего бы ужь кстати не гаркнуть: «здравія желаемъ, ваше в-ко-пр-ство!» — Есть еще обычай, существующій почти повсюду, — въ извѣстные торжественные дни поздравлять начальниковъ. Обыкновенно объявляется служебному міру, что начальникъ поздравленія принимаетъ; — у Окзенкопфа добавлялось при этомъ, что поздравленія принимаются ровно въ столько-то часовъ — отъ чиновниковъ до такого-то класса исключительно, обыкновенно до VIII-го. Хотя поздравленіе, повидимому, есть дѣло совершенно свободное, но объявленіе о томъ, что начальникъ принимаетъ, всегда равносильно приказанію, чтобы были на поздравленіи, кому быть слѣдуетъ, — а если назначенъ часъ, то разумѣется, чтобы были въ этотъ именно часъ. Назначеніе часа придаетъ особенную торжественность поздравленію. Вдругъ пріемная зала къ извѣстной минутѣ наполняется слишкомъ двумя стами человѣкъ мундировъ шитья самаго разнообразнаго... Растворяются двѣ половинки дверей и входитъ Окзенкопфъ въ полномъ блескѣ своей формы, съ какимъ нибудь приготовленнымъ краснорѣчивымъ спичемъ... Едва началъ онъ говорить спичъ, вдругъ въ залу врывается *Березкинъ*, который гналъ что-было-духу извозщика, но двумя-тремя минутами опоздалъ поспѣть къ выходу Окзенкопфа... Окзенкопфъ прерываетъ спичъ и, въ присутствіи 200 слишкомъ человѣкъ, въ торжественный день, начи-

мантъ мылить голову Березкину, съ такимъ жаромъ, на всѣхъ парусахъ мчавшемуся поздравить его. «Такъ, такъ вы, — ведетъ онъ рѣчь къ Березкину, — молодой человѣкъ, понимаете службу? Такъ васъ учили уважать начальство? Когда почтенные люди, генералы, не дозволяютъ себѣ опоздать минутой къ моему выходу, вы»... и проч. Задавъ головомойку, Окзенкопфъ преспокойно возвращается къ прерванному спичу и благополучно его заканчиваетъ. И такова сила привычки, что всѣ находятъ это въ порядкѣ вещей, даже совершенно резоннымъ и справедливымъ, и Березкина не оправдываетъ никто. «Ужь тамъ, какъ хотите, — гуторятъ разныхъ военныхъ и гражданскихъ вѣдомствъ сановники, — а службу знать всякій долженъ.»

Вотъ это-то, читатель, именно и грустно. — Грустно это жалкое настроеніе общественнаго мнѣнія, этотъ допотопный, неизмѣняющійся взглядъ. Что Окзенкопфъ? Окзенкопфъ — человѣкъ, воспитанный въ другихъ понятіяхъ... Онъ пройдетъ... какъ проходитъ все; но духъ общественный остается. Чувствовать же благоговѣніе передъ собою, сознавать, что другіе выдвигаютъ тебя изъ общаго для всѣхъ уровня, ставятъ на пьедесталъ, хотя бы ни за что, ни про что, такъ пріятно, что и многіе изъ новыхъ начальниковъ ни чуть не противъ стараго порядка; напротивъ, не безъ удовольствія его поддерживаютъ. Такъ какъ дѣло пошло на анекдоты, то разскажу еще анекдотъ и объ одномъ новомъ начальникѣ. Разъ, по поводу одного неправильнаго распоряженія, сдѣланнаго губернаторомъ, я сталъ объяснять ему, что распоряженіе сдѣлано вопреки закону... «Какъ вопреки закону? Вопреки какого закона? Какъ вы можете мнѣ говорить это? Покажите законъ», — отвѣчалъ, вспыхнувши весь, губернаторъ. Я взялъ со стола его превосходительства томъ Свода Законовъ и отыскалъ статью. Его превосходительство прочиталъ статью, тяжело вздохнулъ и вперивши въ меня свой проницательный (у всѣхъ начальниковъ непремѣнно *проницательный*) взглядъ, спросилъ, дрожа весь отъ злости: «такъ вы считаете себя въ правѣ дѣлать мнѣ указанія... въ разумѣніи законовъ?» Я зналъ, какъ нужно отвѣчать, чтобы дѣло кончилось къ общему удовольствію, — но, грѣшный человѣкъ, мнѣ хотѣлось видѣть начальственную бурю, хотѣлось особенно потому, что губернаторъ былъ изъ кровныхъ юношей, возращенъ въ вертоградѣ особеннаго рода и считалъ себя человѣкомъ передовымъ, — и должно отдать ему справедливость, во многихъ отношеніяхъ былъ начальникъ дѣйствительно порядочный. «Да, полагаю, что имѣю законное на это право, — отвѣчалъ я: когда ваше превосходительство дѣлаете распоряженія вопреки закону.» Надобно было видѣть, въ какое бѣшенство пришелъ отъ этихъ словъ начальникъ-бюрократъ, вообще выдержанный и во всѣхъ дру-

гихъ случаяхъ умѣвшій по волѣ *скрывать и радость и горе*. «Такъ, такъ вы понимаете отношенія подчиненнаго къ начальнику?»—такую рѣчь повелъ ко мнѣ его превосходительство. «Вы думаете учить даже меня? Что жь я долженъ думать объ отношеніяхъ вашихъ къ другимъ» и т. д.—Впрочемъ, зачѣмъ я усиливаюсь выяснять и доказывать вещи у насъ всѣмъ общеизвѣстныя. Пусть представитъ себѣ читатель, что какой нибудь, положимъ, столоначальникъ на гуляньѣ, на вечерѣ, гдѣ бы то ни было, первый протянулъ руку своему главному начальнику и спросилъ его также, какъ онъ спрашиваетъ равныхъ себѣ, положимъ, хоть о здоровьѣ... Я не знаю, что бы изъ этого вышло? Мнѣ кажется, что такое простое дѣйствіе, принятое у всѣхъ знакомъ обыкновеннаго привѣтствія другъ-другу, было бы отнесено къ числу тягчайшихъ преступленій. Легче было бы столоначальнику, если бы онъ стянулъ всѣ деньги изъ казначейства. Въ послѣднемъ случаѣ не стали бы по крайней мѣрѣ сомнѣваться въ благополучіи его умственныхъ способностей. И такой судъ за такое простое дѣйствіе произнесъ бы надъ нимъ не начальникъ только, а весь городъ, въ которомъ бы это происшествіе случилось, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей. Мы не по ошибкѣ употребили слово: *происшествіе*. Такой поступокъ былъ бы дѣйствительно для города происшествіемъ. Онъ сдѣлался бы анекдотомъ, притчей, передавался бы изъ рода въ родъ, какъ что-то такое, что совершенно несовмѣстимо съ общепринятымъ міросозерцаніемъ. И это мы говоримъ еще о столоначальникахъ, а ужь о канцелярскихъ чиновникахъ нашихъ и говорить нечего. Эти находятся вездѣ въ страшномъ загонѣ и униженіи, и на свое положеніе смотрятъ, какъ на нормальное.—Въ одинъ городъ—разскажемъ еще анекдотъ—пріѣхалъ предсѣдатель какого-то присутственнаго мѣста. Какъ обыкновенно водится, ему въ назначенный часъ представилась его канцелярія въ полномъ своемъ составѣ. Но къ общему представленію не успѣли поспѣть два маленькіе чиновничка. Это повергло ихъ въ великое раздумье: какъ быть? Нейдти? замѣтитъ послѣ, что не были,—будетъ бѣда. Идти? Но какъ идти прямо подъ опалу на первый разъ,—дескать, извините, что опоздали. Думали, думали, наконецъ общимъ совѣтомъ положили: идти. Перекрестившись, прочитавъ: *Да воскреснетъ Богъ*, отправились и черезъ нѣсколько минутъ летятъ назадъ на всѣхъ парусахъ. «Ну, что?» спрашиваютъ съ нетерпѣніемъ товарищи, ожидавшіе ихъ, какъ пловцовъ съ бурнаго моря. «Да что, господа, славный начальникъ! Какъ только доложили объ насъ, вышелъ къ намъ, въ чемъ былъ, самъ въ переднюю, и не билъ, не ругалъ,—а сказалъ только: «что вы, свиньи, таскаетесь, когда надо заниматься дѣломъ?»

Такова форма отношеній начальниковъ и подчиненныхъ, наслѣ-

дованная нами отъ предковъ, освященная вѣками. Не говоримъ уже о томъ, что въ существѣ своемъ она нелѣпа, отвратительна, она, кромѣ того, вредитъ успѣху дѣла на каждомъ шагу тѣмъ самымъ, что исключаетъ возможность всякихъ человѣческихъ отношеній между начальникомъ и подчиненными. Ибо безъ этихъ человѣческихъ отношеній, основанныхъ на взаимномъ довѣріи и уваженіи, «въ трудныхъ обстоятельствахъ, скажемъ словами П. И. Пирогова, когда начальнику понадобится серьёзный трудъ его подчиненныхъ, когда нужно будетъ сдѣлать воззваніе къ ихъ чувству долга законности, къ благородству и достоинству человѣка, онъ не можетъ разсчитывать ни на себя, ни на другихъ». Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ начальники достойные своего званія тяготятся этой формой отношеній... Но начальники пустые, начальники по имени только, рады ей—этой формѣ почтительнаго и даже непочтительнаго отдаленія отъ себя подчиненныхъ. Потому что эта форма закрываетъ ихъ пустоту, охраняетъ ихъ внѣшнее значеніе въ глазахъ другихъ, и даетъ средство избавляться отъ людей, которые могли бы обнаружить ихъ злоупотребленія или неспособность. Къ чему сводится обыкновенно вся дѣятельность такихъ ничтожныхъ начальниковъ? Къ тому, чтобы охранять эту варварскую форму отношеній во всей ея неприкосновенности. Подчиненный, какъ бы ни былъ талантливъ, какъ бы ни былъ полезенъ для дѣла, но если онъ сознаетъ сколько нибудь свое человѣческое достоинство, если онъ не соблюдаетъ этой формы въ той гусьой пунктуальности, въ какой соблюдаютъ другіе, обвиняется обыкновенно въ неуваженіи къ начальству.

Обвиненіе по нашимъ законамъ весьма тяжелое, могущее сопровождаться громадными послѣдствіями для цѣлой жизни подчиненныхъ! Въ этомъ согласится съ нами всякій, кто знаетъ, что по нашему законодательству начальникъ имѣетъ право уволить подчиненнаго отъ должности, безъ объясненія причинъ увольненія, такъ что уволенный такимъ образомъ не имѣетъ права нигдѣ жаловаться, если бы увольненіе было и несправедливо; даже мѣсто въ другомъ вѣдомствѣ можетъ получить въ томъ только случаѣ, если новый начальникъ согласится принять его на свой страхъ...

А между тѣмъ понятіе о неуваженіи начальства, за что скорѣе всего можетъ пострадать человѣкъ, и за что больше и страдаютъ у насъ, —такъ гибко, такъ эластично именно для обвиненія, что и сказать нельзя!! Чтобы понять это, мы должны помнить, что нигдѣ власть начальника не поставлена такъ широко, какъ у насъ. Начальникъ у насъ имѣетъ право смотрѣть за подчиненнымъ своимъ не только на службѣ, но и внѣ службы, вездѣ, наблюдать за его религіею, за его нравственностію, за его семейною жизнію,—и такимъ образомъ, если

начальникъ дуренъ, отравлять жизнь подчиненнаго и развращать его самого въ самыхъ внутреннихъ основаніяхъ. Если подчиненный иначе понимаетъ религію, нежели начальникъ, если онъ имѣетъ другія понятія о нравственности, чѣмъ начальникъ, то—вотъ уже и неуваженіе къ начальству. А извѣстно, какія чудовищно-деморализированныя понятія существуютъ у насъ объ этихъ тонкихъ и деликатныхъ предметахъ!

«Одинъ называетъ нравственностью сниманье ему шляпы на улицѣ; другой называетъ нравственностью смотрѣнье сквозь пальцы на то, какъ онъ воруетъ; третій называетъ нравственностью услуги, оказываемыя его любовницѣ. Вѣдь, обыкновенно, какъ говоритъ всякій изъ нашей братьи своимъ подчиненнымъ? — свысока говоритъ: «милостивый государь, старайтесь исполнить свой долгъ относительно Бога, государя, отечества, а ты —молъ, ужь тамъ разумѣй относительно чего.»

А между тѣмъ разсматривая дѣла разумно, едва ли на 100 тыс. случаевъ мы найдемъ одинъ случай, когда бы можно было основательно и разумно обвинить человѣка въ неуваженіи къ начальству. Конечно, мы съ малыхъ лѣтъ привыкли слышать и продолжаемъ слышать почти каждодневно о неуваженіи разныхъ субъектовъ къ начальству, и такъ прислушались къ этимъ звукамъ: *неуваженіе къ начальству*, что не примѣчаемъ въ нихъ ничего страннаго, ничего дикаго... Но вникнемъ въ дѣло.

Что такое-начальникъ?—Человѣкъ, который въ извѣстномъ порядкѣ служебной или другой дѣятельности, талантомъ, долголѣтнимъ трудомъ, добросовѣстнымъ исполненіемъ обязанностей, пріобрѣлъ знанія и опытность, которыхъ никто не имѣетъ изъ его подчиненныхъ, и потому поставленъ въ главѣ этого порядка, какъ для того, чтобы порядокъ этотъ шелъ и на будущее время своимъ добрымъ путемъ, усовершаясь съ каждымъ днемъ, такъ и для того, чтобы руководствовать другихъ для изученія этого порядка... Я ли, другой ли, третій ли, кому случилось попасть въ колею этого порядка, не можетъ не чувствовать подавляющаго превосходства начальника въ знаніи служебномъ надъ собою. Если бы мы были выше его талантами, намъ никогда не сравняться съ его опытностію... Если мы видимъ при этомъ его дѣятельность, его безукоризненную во всѣхъ отношеніяхъ честность, его вполнѣ человѣческія отношенія къ намъ, можемъ ли мы не уважать его? Что такое уваженіе къ другому, если не признаніе въ этомъ другомъ извѣстныхъ достоинствъ? — Если это достоинство есть въ немъ, я не могу не уважать его, если бы и не хотѣлъ этого. Въ противномъ случаѣ я долженъ отказаться отъ моей разумной природы, стать въ противо-

рѣчіе съ моею мыслію, съ моей совѣстію, съ моимъ уваженіемъ къ самому себѣ. Имѣя внутреннее уваженіе къ человѣку, я буду выражать его и вовнѣ, въ общепринятыхъ ли для этого знакахъ выраженія, или такихъ знакахъ, какія я лично нахожу разумными для выраженія моего внутренняго уваженія. Очень возможно, что мои личныя воззрѣнія могутъ иногда не сойдтись съ общепринятыми воззрѣніями на внѣшніе знаки внутренняго уваженія... Но начальникъ, дѣйствительно достойный, никогда не усумнится, чтобы аномалія эта происходила отъ неуваженія къ нему. Потому не усумнится, что нѣтъ причинъ думать, чтобы разумный человѣкъ, находясь въ здравомъ умѣ, дѣлалъ вещи, которыя можетъ дѣлать только сумасшедшій. Есть извѣстная нравственная вѣра въ людей во всѣхъ насъ, основанная на знаніи натуры человѣческой вообще, на знаніи уровня общественнаго образованія, понятій и т. п., — вѣра, которой если бы не было въ насъ, то жизнь въ обществѣ была бы не только невозможна, но и немыслима. Встрѣчаясь, напримѣръ, каждодневно со множествомъ людей, намъ совершенно неизвѣстныхъ, въ домахъ, на улицахъ, въ городахъ, селахъ, деревняхъ, мы твердо бываемъ увѣрены, что они не укусятъ насъ, не нападутъ на насъ, безъ причины не обругаютъ, мало того: увѣрены, что въ случаѣ несчастія окажутъ помощь или по крайней мѣрѣ покажутъ сочувствіе, каждый, разумѣется, смотря по тому или другому своему личному взгляду на это дѣло. Конечно, возможны здѣсь, какъ и вездѣ, случаи исключительные. Но эти исключительные случаи такъ рѣдки и ничтожны, что ни въ комъ не подрываютъ общей нравственной вѣры въ людей. Точно также нѣтъ никакихъ причинъ не вѣрить, чтобы человѣкъ, видя въ другомъ достоинства, имѣющія при томъ благотворное вліяніе на его жизнь и дѣятельность, сталъ не признавать ихъ, или, что то же, сталъ не уважать лицо, имѣющее эти достоинства. Конечно, возможны и здѣсь исключительные случаи, но они такъ рѣдки, такъ ничтожны, что никакимъ образомъ не могутъ опровергать идеи общаго порядка.

Но если невозможно представить себѣ въ подчиненныхъ неуваженіе къ начальнику, имѣющему истинныя достоинства, то съ другой стороны невозможно представить и уваженія къ начальнику, не имѣющему такихъ достоинствъ. Здѣсь оно совершенно немыслимо потому, что гдѣ нѣтъ достоинствъ, тамъ уваженію не на чемъ и опереться. И здѣсь-то начинается скрытая и упорная борьба между начальникомъ и подчиненными или, точнѣе сказать, преслѣдованіе послѣднихъ, которое ведется у насъ въ очень многихъ мѣстахъ, — преслѣдованіе, которое растлѣваетъ нравы подчиненныхъ и общества, служитъ крѣпкимъ фундаментомъ для пронырства, взяточни-

чества, казнокрадства и тому подобныхъ мерзостей. Начинается съ того, что начальникъ начинаетъ подозрѣвать своихъ подчиненныхъ въ неуваженіи къ себѣ, — начинаетъ слѣдить за тѣмъ, кто подъ какимъ угломъ сгибаетъ свою спину при поклонахъ ему, застегиваетъ ли пуговицы или не застегиваетъ, какъ говоритъ съ нимъ, какъ держитъ себя въ его присутствіи и проч. и проч. и проч. Все вниманіе начальника поглощается бездѣлицами. На первый планъ выходятъ пролазы, проходимцы... Люди мыслящіе, даровитые, болѣе или менѣе независимые, отходятъ или на второй планъ, или вовсе вытѣсняются.... Дѣло теряется у всѣхъ изъ виду, вмѣсто службы начинается прислуживанье... Наступаетъ царство шпіонства, притѣсненій, несправедливостей, въ которомъ заслужившіе титулы *покорныхъ, уважительныхъ къ начальству* нагрѣваютъ обѣими руками карманы... . . . .

«Какъ же быть?» скажутъ намъ. «Невозможно вѣдь и найдти всегда начальниковъ, вполнѣ достойныхъ своихъ постовъ». Это правда. Но какъ бы ни былъ слабъ начальникъ въ своихъ дарованіяхъ и своихъ спеціальныхъ знаніяхъ по той части, которою онъ управляетъ, — мы все-таки думаемъ, что устраненіемъ дисциплинарности въ своихъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ, человѣческимъ съ ними обращеніемъ, безпристрастіемъ ко всѣмъ по своему крайнему разумѣнію, онъ успѣетъ не только скорѣе привлечь къ себѣ людей способныхъ для службы, но и скорѣе заставитъ уважать себя за свои человѣческія достоинства, чѣмъ преслѣдованіемъ мнимаго неуваженія, шпіонствомъ и тому подобными гадостями. . . . . .

Однакожь мы нѣсколько уклонилися отъ дѣла. Изъ сказаннаго нами читатель усмотрѣть можетъ, что страшная, повидимому, теорія Н. И. Пирогова объ отношеніяхъ начальниковъ и подчиненныхъ на самомъ дѣлѣ весьма проста и естественна, и должна бы быть для всѣхъ обыкновенною. На удобопонятный языкъ можно перевести ее такимъ образомъ: . . . . .

Когда вы дѣлаетесь начальникомъ, въ особенности большимъ, на вашей обязанности лежитъ и большое дѣло. Какіе бы вы таланты и силы ни имѣли, — однимъ вамъ этого дѣла не сдѣлать. Вамъ нужны помощники. Помощники ваши и есть ваши подчиненные. Они по частямъ будутъ выполнять тотъ планъ, который вы предположили выполнить. Отъ ихъ пониманья, добросовѣстности, усердія будетъ зависѣть болѣе или менѣе успѣшное выполненіе вашего плана. Натурально, что для успѣха дѣла вы должны высказать имъ ваши цѣли и намѣренія и способъ самаго исполненія; если они не понимаютъ, должны имъ объяснить дѣло; если они сомнѣваются, не довѣряютъ, должны опровергнуть ихъ сомнѣнія, разсѣять недовѣріе,

убѣдить ихъ въ совершенномъ понимавіи вами дѣла. Только при разумномъ убѣжденіи ихъ въ дѣлѣ и полномъ довѣріи къ вамъ и можно ожидать отъ нихъ полнаго усердія. Но съ этой точки зрѣнія они выходятъ уже не столько ваши подчиненные, сколько товарищи. Уваженіе и довѣріе къ ихъ личности, къ ихъ усердію и добросовѣстности дожно быть основою вашихъ отношеній къ нимъ. Тогда только вы можете быть твердо увѣрены, что дѣло, вами производимое, будетъ исполено не по формѣ только, не для виду, а съ любовью, съ энергіею, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ дѣла. — Казалось бы, сдѣлать все это не такъ трудно; казалось бы, стоило каждому начальнику только захотѣть быть хорошимъ начальникомъ — и онъ сдѣлался бы такимъ начальникомъ. Но на самомъ дѣлѣ, для полнаго успѣха дѣла, здѣсь требуется многое: требуется полное знаніе того дѣла, которымъ онъ заправляетъ, требуется ясно сознанная цѣль и не менѣе ясно сознанный планъ для ея исполненія, твердая увѣренность въ вѣрности этого плана, глубокое уваженіе къ личности человѣческой, въ какомъ бы видѣ она ни являлась, умѣнье и словомъ и дѣломъ внушить всякому къ себѣ довѣріе и вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, дѣйствительная чистота и безукоризненность своихъ намѣреній и дѣйствій. Всѣ эти качества весьма рѣдко соединяются въ одномъ лицѣ. Но за то человѣкъ, въ которомъ они соединятся, производитъ чудеса... Во время войны подобныя лица замѣняютъ арміи; въ мирное время каждый изъ нихъ, разумѣется, въ своемъ дѣлѣ замѣняетъ цѣлыя управленія совѣщательныя, распорядительныя, наблюдательныя, исполнительныя и т. д. Такимъ является и Н. И. Пироговъ во время дѣятельности своей въ кіевскомъ учебномъ округѣ. Цѣлый край съ разнохарактернымъ населеніемъ, съ разнообразными тенденціями проникается взглядомъ и мыслію одного человѣка, высказываетъ ему свое горячее участіе и сочувствіе въ дѣлѣ, въ которомъ нѣтъ ни дивиденда, никакихъ коммерческихъ барышей, и въ которомъ доселѣ никогда не было заинтересовано наше общество, работаетъ со всею энергіею силъ, со всею искренностію убѣжденія, что онъ дѣлаетъ дѣло полезное, которое дастъ богатые плоды для жизни въ будущемъ. Развѣ это, читатель, не чудо?

Блистательный успѣхъ, которымъ увѣнчалась дѣятельность Н. И. Пирогова въ Кіевѣ, показываетъ намъ, что какъ, повидимому, ни апатично наше общество, какъ ни мало, повидимому, показываетъ оно расположенія къ серьёзной дѣятельности, но на самомъ дѣлѣ воскрешеніе его, возбужденіе къ такой дѣятельности вовсе не трудно. Нужно только людей, людей и людей! — Сознаніе прежней своей пустоты, стремленіе выйдти изъ этой пустоты, общее напра-

женное желаніе поставить себя иначе, чѣмъ было доселѣ; вообще, элементы броженія, хаотическая масса, изъ которой должна образоваться новая жизнь, виднѣются повсюду. Но нѣтъ людей, которые бы указали, что нужно дѣлать и какъ, указали исходъ и работу силамъ, дали форму хаосу. При отсутствіи такихъ людей, напряженныя силы сами ищутъ себѣ исхода, работы, какой могутъ, по крайнему своему разумѣнію, и не всегда попадаютъ въ цѣль. Образуется не мало обществъ съ цѣлями иногда совершенно пустыми, иногда неудобоисполнимыми, и, натурально, не только не удовлетворяютъ стремленію къ дѣятельности, а еще болѣе раздражаютъ его въ однихъ, — подрывая вмѣстѣ съ тѣмъ въ другихъ довѣріе къ обществамъ, дѣйствительно полезнымъ.—Въ дѣло нерѣдко вмѣшивается спекуляція. Спекуляція поняла лихорадочное напряженіе общества, жаждущее дѣятельности, и старается извлечь изъ него свою пользу, придумывая разныя промышленныя и торговыя компаніи для того только, чтобы благовиднѣе обирать милыхъ акціонеровъ. Въ нынѣшней книжкѣ «Современника» читатели прочтутъ въ «*Громоотводѣ*» злую и мѣткую каррикатуру, какъ ловкіе промышленники, пользуясь напряженіемъ силъ неопытнаго общества, ловятъ въ мутной водѣ рыбку,—и какъ рядомъ съ этимъ, неруковидимыя уже никѣмъ, возникаютъ общества, лишенныя всякаго практическаго смысла и цѣли. Приводимъ здѣсь коротенькую сцену, ловко обрисовывающую: насколько бываетъ практическаго пониманія дѣла въ учредителяхъ обществъ послѣдняго рода.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Дергачевъ и княгиня Подольская.

Кн. Подольская (*въ шляпкѣ и съ муфтой въ рукахъ, входитъ черезъ контору*). Bonjour, M-r Дергачевъ, — какъ поживаете?

Дергачевъ (*поспѣшно приставъ*). Здравствуйте, княгиня. Вотъ неожиданно обрадовали! Позвольте вашу муфту (*беретъ муфту*); да снимите шляпку, и присядьте къ камину. Я думаю, озябли;—кажется, холодно.

Кн. Подольская. Нѣтъ, cher, куда озябнуть! Я съ ранняго утра ужь на ногахъ, и успѣла побывать въ десяти мѣстахъ... Вы знаете, что я еще очень жива... для моихъ лѣтъ... (*Садится на поданное ей кресло, и снимаетъ перчатку*).

Дергачевъ (*перебивая*). Полноте вызывать меня на комплименты... Позвольте, лучше, поцаловать вашу ручку! (*Цалуетъ ея руку*,

съ искуственнымъ увлеченіемъ, и медлитъ ее опустить). Какая ручка! Кажется, не будь я женатъ, я былъ бы способенъ теперь на чудовищный поступокъ... (*Хочетъ повторить поцалуй*).

Кн. Подольская (*кокетливо отдергивая руку, но такъ, что Дергачевъ успѣваетъ ее поцаловать*). Finissez, finissez! Я вовсе не желаю искушать васъ,—перестаньте;—иначе, я буду жалѣть, что вошла сюда безъ Катерины Ивановны... (*Съ торжественностію*) Мы съ ней друзья: я вовсе не хочу разстроивать ваше семейное счастіе... Полноте шутить, успокойтесь, и поговоримте о дѣлѣ...Я съ утра въ каретѣ — все хлопочу о жидовочкѣ, которую завтра будутъ крестить... Что это за милое созданье!.. Заѣзжала купить для нея крестикъ и ризки, а теперь явилась къ Катеринѣ Ивановнѣ — предложить ей билетъ dame patronesse въ нашемъ благотворительномъ обществѣ... Но мнѣ сказали, что ея нѣтъ дома; вотъ я и пришла сюда...

Дергачевъ (*перебивая*). Въ какомъ благотворительномъ обществѣ?

Кн. Подольская. А какъ же? У насъ устроивается новое благотворительное общество для пособія швеямъ.

Дергачевъ. Швеямъ, — какимъ швеямъ?

Кн. Подольская. Бѣднымъ швеямъ.... Давно бы пора за это взяться... Вы вѣдь знаете, въ какомъ моральномъ... (*ищетъ выраженія*) dans quel abrutissement moral находятся эти созданія... Назначеніе нашего общества — поднять ихъ нравственно!.. Неправда ли, прекрасная цѣль?

Дергачевъ (*сдерживая улыбку*). Прекрасная, прекрасная; но какъ же вы этого добьетесь? Признаюсь, мой слабый умъ остановился бы передъ такой задачей...

Кн. Подольская. Это потому, что вы, мужчины, хотите всегда дѣйствовать умомъ, однимъ только умомъ... Нѣтъ, въ такихъ дѣлахъ нужно участіе сердца, — женскаго, любящаго сердца...

Дергачевъ. Но я все-таки не вижу, какія у васъ средства?...

Кн. Подольская (*съ неудовольствіемъ*). Какъ не видите?.. Да развѣ не довольно женщинѣ за-что нибудь взяться, чтобы достигнуть цѣли?.. Мы будемъ посѣщать этихъ швей, бесѣдовать съ ними, возить имъ книги, заказывать поучительныя статьи для нихъ. Тѣмъ, которыя будутъ отличаться нравственностію, будемъ выдавать награды—родъ шифра: съ одной стороны *пчелка* — эмблема трудолюбія, а съ другой надпись: «*За добрую нравственность*». Наконецъ, тѣмъ, которыя на возрастѣ, мы будемъ стараться отыскивать хорошихъ жениховъ... (*Съ торжествующимъ видомъ*) Теперь поняли!..

Дергачевъ (*показывая видъ совершеннаго участія*). Дѣйстви-

ность очень почтенная и очень занимательная... (*Простодушно*) Скажите, какъ взгляды-то разны!.. Въ молодости, т. е. въ ранней молодости, до женитьбы, я часто проводилъ время между гризетками; но мнѣ вѣдь, право, никогда и въ голову не приходило приняться за ихъ нравственное возрожденіе...

Кн. Подольская (*понявъ насмѣшку и ударивъ Дергачева по рукѣ*). Вотъ вамъ за это, насмѣшникъ! Да еще пожалуюсь Катеринѣ Ивановнѣ; разскажу ей, какъ ваша супружеская вѣрность держится на волоскѣ!.. Однако, полноте шутить.

Всякое общество, добросовѣстно учреждаемое, имѣетъ въ виду добрую цѣль, — и, конечно, грѣшно было бы смѣяться надъ нимъ даже и въ томъ случаѣ, если бы цѣль была избрана имъ не практически, если бы не были разсчитаны вѣрно средства для ея достиженія и если бы наконецъ самое общество, не сдѣлавъ ничего хорошаго, исчезло, какъ и исчезаютъ многія подобныя общества. Но жаль силъ, которыя у насъ, гдѣ и безъ того такъ мало дѣятельности, тратятся неразсчетливо, попусту. А кромѣ того, мы замѣтили уже выше, что эти благонамѣренныя, но безполезныя общества имѣютъ и вредную сторону. Они подрываютъ довѣріе къ обществамъ дѣйствительно полезнымъ. Поэтому весьма было бы желательно, чтобы лица, имѣющія въ виду учрежденіе какихъ нибудь обществъ, въ видахъ общаго благосостоянія, свои предположенія объ устройствѣ обществъ предлагали печатно на общее обсужденіе. Общества пріобрѣтутъ себѣ отъ этого извѣстность при самомъ зарожденіи, — а между тѣмъ вѣрно найдется много людей свѣдущихъ и практическихъ, которые укажутъ имъ ошибки въ ихъ предположеніяхъ, укажутъ возможность или невозможность осуществленія предполагаемыхъ ими цѣлей, а вмѣстѣ съ тѣмъ, если цѣль осуществима, укажутъ и средства, какъ легче достичь ея. Теперь, когда общества обыкновенно являются на свѣтъ, какъ грибы, нежданно, негаданно никѣмъ, въ одно прекрасное утро, весьма часто приходится удивляться громадности цѣлей, предполагаемыхъ обществомъ, и недоумѣвать о средствахъ, какими общество думаетъ достигнуть этихъ цѣлей. Уставы нашихъ обществъ весьма рѣдко объясняютъ что нибудь въ этихъ случаяхъ. Въ нихъ обыкновенно изображается только канцелярская сторона дѣла, т. е., какъ производить въ члены, секретари, казначеи, председатели, — да какъ вести письменную часть или казначейскую часть, — да какъ должно ревизовать отчетность и прочее, все въ томъ же родѣ, *а о дѣлѣ, ни полслова*. . . . .

Возьмемъ, напримѣръ, хотя недавно, именно 3 февраля нынѣшняго года, явившееся общество *доставленія дешевыхъ квартиръ и другихъ пособій нуждающимся жителямъ Петербурга.*

«Общество это, — такъ гласитъ первый § его устава, — имѣетъ главною цѣлію наемъ квартиръ для отдачи ихъ нуждающимся за возможно умѣренную плату. Впрочемъ, по мѣрѣ увеличенія денежныхъ средствъ общества, оно можетъ оказывать вспомоществованіе бѣднымъ и въ другихъ видахъ, какъ-то: доставленіемъ имъ работы, снабженіемъ ихъ пищею, одеждою, медицинскими пособіями и т. д.»

Даже и безъ дополнительнаго *впрочемъ*, цѣль общества, какъ видите, читатель, почтенная и въ высшей степени интересная для бѣдныхъ жителей Петербурга. Бѣдные люди въ Петербургѣ дѣйствительно раззорены квартирами, — но и, раззоряясь, какія гнусныя они занимаютъ логовища. Сколько этими логовищами уносится здоровья, сколько преждевременно истребляется жизней!

Но вопросъ объ удешевленіи квартиръ — вопросъ громадный, и рѣшить его не такъ легко, какъ представляется это обществу.

Дороговизна квартиръ состоитъ, очевидно, въ связи съ общею дороговизною на всѣ предметы потребленія. Само собою разумѣется, что дороговизна квартиръ всегда и останется въ этой необходимой связи. Не можетъ же домовладѣлецъ, какъ бы гуманно онъ ни былъ настроенъ, понизить цѣны на квартиры въ своемъ домѣ, если дороговизна разныхъ предметовъ потребленія отнимаетъ, при пониженіи цѣны на квартиры, всякій процентъ на затраченный на домъ капиталъ. Вопросъ, значитъ, въ томъ только: дороговизна квартиръ находится ли въ точной соразмѣрности съ дороговизною на другіе предметы? не превышаетъ ли она того нормальнаго уровня, который условливается послѣдней?

Если дѣйствительно превышаетъ, если высокія цѣны на квартиры зависятъ много отъ произвола хозяевъ, то единственное средство удешевить цѣну квартиръ — вступить въ конкурренцію съ домовладѣльцами. И какъ въ Петербургѣ бѣднаго населенія надобно считать по крайней мѣрѣ $^3/_4$, то надобно купить или построить, по крайней мѣрѣ, столько же домовъ, сколько по слухамъ имѣетъ прославленный Сорокинъ, т. е. до 70, чтобы заставить остальныхъ домовладѣльцевъ довольствоваться умѣреннымъ процентомъ. Гдѣ же общество возьметъ такіе громадные капиталы?

Если же дороговизна квартиръ нормальная, что тутъ будетъ дѣлать общество? Оно можетъ, конечно, законтрактовывать большіе дома и, затѣмъ, раздѣливъ ихъ на мелкія квартиры отдавать эти квартиры бѣднымъ по дешевой цѣнѣ, такъ, чтобы цѣны отдѣльныхъ квартиръ не превышали той цѣны, которой стоятъ эти квартиры

въ гуртовой законтрактованной цѣнѣ. Отдѣльныя квартиры могутъ такимъ образомъ дѣйствительно понизиться въ цѣнѣ. Но, во-первыхъ, въ Петербургѣ изъ 100 домовъ едва ли можно найдти 10 домовъ, которые бы можно было приспособить для житья бѣднымъ (мы разумѣемъ улицы, къ житью въ которыхъ бѣдныхъ людей привязываетъ самая работа),—да трудно найдти и дома, которые бы въ полномъ ихъ составѣ домовладѣльцы согласились отдать для житья бѣднымъ людямъ. А кромѣ того, мы думаемъ, что едва общество покажетъ желаніе законтрактовывать дома для бѣдныхъ, домовладѣльцы удобныхъ для этого домовъ непремѣнно возвысятъ цѣны и общество, вопреки, конечно, своему желанію, подастъ поводъ къ повышенію цѣнъ на квартиры вообще.

Впрочемъ, быть можетъ, мы и ошибаемся. Можетъ быть, общество не имѣетъ вовсе въ виду такихъ обширныхъ плановъ. Быть можетъ, оно хочетъ облегчить наемъ квартиръ для тѣхъ только бѣдныхъ, которые будутъ пользоваться его благотворительностію... Въ такомъ случаѣ, для чего такое блестящее названіе: *общество доставленія дешевыхъ квартиръ* и проч.? И для чего въ такомъ случаѣ даже особенное общество? Почему бы учредителямъ общества не соединить свои силы съ существующими уже многочисленными обществами для вспоможенія вообще бѣднымъ въ какомъ бы то ни было родѣ?

Но спросятъ насъ: для чего мы дѣлаемъ разныя предположенія о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ общества? Отчего не справимся въ уставѣ, что будетъ дѣлать общество? Да ничего, читатель, нѣтъ въ уставѣ. Въ уставѣ идетъ рѣчь о составѣ комитета, о членахъ, о канцелярскомъ порядкѣ и проч. Вообще уставъ общества доставленія дешевыхъ квартиръ въ Петербургѣ—предмета такого интереснаго и желаннаго — состоитъ всего изъ 30 §§, которые умѣстятся на страничкѣ любаго журнала.

Но въ уставѣ общества доставленія дешевыхъ квартиръ, не смотря на его миніатюрность, намъ понравилось одно милое и предусмотрительное со стороны учредителей общества примѣчаніе 1 къ § 15, котораго не можемъ не сообщить къ свѣдѣнію для пользы всѣхъ, намѣревающихся устроивать новыя общества.

Примѣчаніе это гласитъ такъ: «если по поводу найма квартиръ или по другимъ обстоятельствамъ, комитетъ вступитъ въ какія либо контрактныя обязательства, то, въ случаѣ неисполненія оныхъ, отвѣтственность за сіе обращается на все имущество общества, не касаясь, впрочемъ, личнаго имущества его членовъ» (см. Уст. прилож. къ № 24 «Сенат. Вѣдом.»).

Милое примѣчаніе, читатель,—неправда ли? Дескать, отдувайся общественное имущество, какъ знаешь, за наши грѣхи. Въ какой бы восторгъ пришли всѣ строительные и другіе комитеты, если бы такое милое примѣчаніе распространить и на нихъ! — А то у нихъ законъ въ этомъ случаѣ ужасно неделикатный! Дескать, пусть отвѣчаютъ всегда виновные! Зачѣмъ тутъ, спрашивается, виновные, когда во всѣхъ комитетахъ есть общественное, есть казенное и другое имущество? Но вотъ вопросъ: какъ тутъ быть, если комитетъ надѣлаетъ и не исполнитъ контрактныхъ обязательствъ слишкомъ много, такъ что общественнаго имущества на отвѣтственность не хватитъ? Въ примѣчаніи этого не пояснено. Но надобно полагать что въ такомъ случаѣ дѣло, за несостоятельностію виновнаго т. е. общественнаго имущества къ платежу, предается волѣ Божіей. Воображаемъ, съ какимъ восторгомъ домовладѣльцы потекутъ въ комитетъ общества доставленія дешевыхъ квартиръ законтрактовывать свои дома, когда узнаютъ о такомъ миломъ примѣчаніи его устава, вполнѣ обезпечивающемъ сдѣланныя условія!

Читатель видитъ, что таинственность, которою любятъ окружать себя наши общества, составляетъ для нихъ великое зло уже при самомъ ихъ происхожденіи. Въ дальнѣйшей судьбѣ ихъ она же служитъ большею частію причиною малоуспѣшнаго, а иногда вовсе неуспѣшнаго ихъ дѣйствія. Такъ, напримѣръ, по извѣстію «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», саратовское дамское попечительство о бѣдныхъ, существуя около 3 лѣтъ, для многихъ жителей города представляется миѳомъ, потому что всѣ бѣдные обращаются къ одному или двумъ извѣстнымъ лицамъ въ городѣ съ просьбою о помощи, и когда одно лицо не имѣетъ физической возможности удовлетворить всѣхъ бѣдныхъ, то слышатся въ разныхъ мѣстахъ неудовольствія на учрежденіе, не исполняющее будто бы своего назначенія. Между тѣмъ саратовское попечительство о бѣдныхъ состоитъ изъ предсѣдательницы, изъ попечительницъ, завѣдывающихъ разными частями города—отдѣленіями попечительства, изъ сотрудницъ завѣдывающихъ кварталами, на которые дѣлится каждое отдѣленіе попечительства и наконецъ изъ членовъ сотрудниковъ, которыхъ избираютъ себѣ въ помощь сотрудницы. Въ Москвѣ, — пишетъ авторъ, у котораго мы заимствуемъ эти замѣтки, — попечительство о бѣдныхъ существуетъ не три года, какъ саратовское, а какъ-то около 15 лѣтъ, но мы ни разу не видали въ газетахъ имена его членовъ и ихъ, хоть бы, годовыхъ отчетовъ... Общественная благотворительность, говоритъ далѣе авторъ, — нуждается въ полной гласности, хотя бы для того только, чтобы избѣгать пустаго нарекан-

ства и освободиться отъ бюрократическихъ вкусовъ. Наше общество любитъ подражать во всей своей жизни французамъ. Отчего же бы не взять за образецъ и полную гласность, и строгую отчетность французскихъ благотворительныхъ обществъ, хотя бы, напримѣръ, дамскихъ? Во Франціи, какъ извѣстно, уже около 15 лѣтъ существуютъ пріюты для грудныхъ младенцевъ, извѣстные подъ именемъ яслей (crêches), устроенные дамами. На эти заведенія сначала было много нападокъ и въ обществѣ, и въ литературѣ, — и дамы не считали унизительнымъ отвѣчать печатно и принимать къ свѣдѣнію и исполненію, что было въ этихъ нападкахъ справедливаго, и опровергать то, что было ложно. Самая строгая отчетность и полная гласность, господствующія въ этихъ заведеніяхъ сначала и доселѣ, сдѣлали ихъ популярными и распространили быстро по всей Франціи («Совр. Лѣт.» Р. В. № 20, ст. 24).

Но если дѣятельность нашего неопытнаго, ищущаго себѣ работы общества обращается иногда на предметы пустые, безполезные или неосуществимые, то рядомъ съ этимъ основывается не мало обществъ, задуманныхъ умно, практически, соображенныхъ съ дѣйствительными потребностями и обезпеченныхъ въ средствахъ для своихъ цѣлей.

Изъ числа такихъ обществъ съ особеннымъ удовольствіемъ сообщаемъ свѣдѣніе объ обществѣ ярославскихъ врачей, основавшихъ въ Ярославлѣ *лечебницу* для приходящихъ больныхъ.

«Всѣмъ извѣстно, — пишетъ корреспондентъ Р. В. («Совр. Лѣт. № 19, стр. 28), — что значитъ болѣзнь отца семейства, сколько страданій и лишеній это несчастіе приноситъ въ семью, до того времени жившую спокойно и относительно счастливо! Заболѣлъ труженикъ въ семьѣ: все измѣнилось въ ней, сколько явилось въ ней новыхъ заботъ, и кому неизвѣстны эти заботы? Казалось бы, съ помѣщеніемъ больнаго въ городовую больницу, труды и заботы семьи должны бы были облегчиться; нѣтъ, тогда, вмѣсто заботъ, являются горе, тоска и новыя мученія. Оставшаяся семья, для своего прокормленія, издерживаетъ послѣднюю копѣйку, сбереженную на черный день. Отецъ же, вмѣсто того, чтобы пріобрѣсть спокойствіе въ больницѣ, находится въ мучительной тревогѣ объ участи и средствахъ домашнихъ: а при этомъ могутъ ли облегчаться и его физическія страданія?

«Та же участь постигаетъ въ больницѣ всякаго служащаго и работника, хотя бы онъ и не былъ семейнымъ человѣкомъ. Онъ остается безъ жалованья и, еще хуже, теряетъ хорошее мѣсто, ко-

торымъ онъ сильно дорожилъ. Поступая въ больницу, всякій заболѣвшій долженъ притомъ заплатить въ больничную контору, за цѣлый мѣсяцъ впередъ, значительную сумму денегъ, равняющуюся двухъ и даже трехъ-мѣсячному жалованью. Хотя бы пробылъ больной только одну недѣлю въ больницѣ, но по выздоровленіи, заплаченныя деньги ему невозвратятся, — онѣ поступаютъ въ пользу больницы.

«Общество врачей желало, сколь возможно, болѣе практически разрѣшить трудную задачу: каждому заболѣвшему дать возможность во всякое время получить приличную помощь, не отрываясь отъ обычныхъ занятій и отъ семьи; возможность излечиться tuto, cito et jucunde (по правилу древнихъ врачей, лучше котораго ничего нельзя придумать и для современнаго общества). Общество врачей поставило за основаніе своей дѣятельности ту истину, что все родное, кровное и собственное больнаго должно имѣть самыя благодѣтельныя вліянія, какъ на душевное, такъ и на тѣлесное его состояніе. Конечно, бываютъ исключенія, но бываютъ рѣдко, и развѣ при слишкомъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Сюда присоединялось и другое соображеніе. Болѣзнь не всегда служитъ помѣхою къ труду, которымъ въ обычное время занимался больной. Къ чему же напрасно и у самого больнаго отнимать время и у всего общества лишнія руки? Вѣдь каждый членъ общества, чѣмъ менѣе остается безучастнымъ въ общественномъ трудѣ, тѣмъ болѣе выигрываетъ само общество.

«Мысль объ устройствѣ лечебницы для приходящихъ больныхъ, преимущественно бѣдныхъ, уже давно ходила въ ярославскомъ обществѣ; но она выражалась въ видѣ отдѣльныхъ желаній, тѣмъ или другимъ лицомъ высказываемыхъ. Года два назадъ, въ подобномъ желаніи соединилось нѣсколько благотворителей. Однимъ врачемъ составленъ былъ потомъ проэктъ устройства лечебницы; наконецъ, въ настоящее время почти всѣ здѣсь находящіеся врачи, числомъ 18, нѣсколько разъ обсудивъ составленный проэктъ устройства лечебницы, согласились между собою осуществить его, и съ этою цѣлію представили его, въ концѣ декабря, на утвержденіе начальства.

«Желанія врачей были встрѣчены теплымъ участіемъ ярославскаго губернатора, князя Алексѣя Васильевича Оболенскаго: онъ ободрилъ врачей надеждою, что къ развитію ихъ дѣятельности не могутъ не явиться матеріальныя средства со стороны жителей города, достаточно населеннаго и промышленнаго. Дѣйствительно, при первыхъ же слухахъ, что уставъ лечебницы поступилъ на разсмотрѣніе начальства, почетный гражданинъ А. М. Пастуховъ подпи-

салъ, для устройства предпріятія, 500 р. сер. Въ то же время имѣлось въ виду доставить для лечебницы даровое удобное помѣщеніе.

«Въ первыхъ числахъ марта, уставъ лѣчебницы былъ утвержденъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ. Главныя положенія этого устава слѣдующія: Общество врачей открываетъ учрежденіе, въ которомъ больнымъ всѣхъ званій даются врачебные совѣты, а бѣдные снабжаются и безплатными лекарствами, выдаваемыми на счетъ учрежденія изъ вольныхъ городскихъ аптекъ. Съ этою цѣлію открывается лечебница въ центрѣ города, около рынка. Устройство, поддержаніе и дальнѣйшее существованіе лечебницы будетъ зависѣть отъ доброхотныхъ жертвованій. Съ 11 часовъ утра до 1 часу по полудни въ лечебницѣ дежурятъ два врача, обязующіеся осматривать приходящихъ больныхъ и снабжать ихъ совѣтами и рецептами. Тутъ же дается небольшая хирургическая помощь. Съ этою, между прочимъ, цѣлію, при лечебницѣ находится и фельдшеръ. Званіе и лѣта больнаго, его болѣзнь и леченіе записываются въ книгу. Для нѣкоторыхъ женскихъ болѣзней, при лечебницѣ находится акушерка. Всѣ дѣла, касающіяся до врачебной и хозяйственной дѣятельности лечебницы, рѣшаются врачами по большинству голосовъ. Чтобы каждый врачъ сохранилъ наиболѣе полное право свободно высказывать свои мнѣнія и имѣть совершенно равное съ другими участіе въ дѣлахъ лечебницы, общество врачей отказалось отъ мысли выбирать начальника, директора лечебницы или президента медицинскихъ совѣщаній. Только непосредственный надсмотръ за порядкомъ, цѣлостію имущества лечебницы и всѣ оффиціальныя сношенія поручены одному лицу, А. И. Торопову, принимавшему при составленіи и осуществленіи проэкта особенное участіе. Для болѣе тѣсной связи съ городскимъ обществомъ, въ видахъ обезпеченія матеріальныхъ средствъ лечебницы, общество врачей просило у начальства позволенія имѣть попечителя лечебницы, и, получивъ разрѣшеніе, обратилось съ предложеніемъ этого званія къ ярославскому купцу, П. И. Кузнецову. Установить же нравственную связь между городскимъ населеніемъ и дѣятельностію лечебницы—дѣло уже самихъ врачей; своими научными знаніями и гуманнымъ ихъ приложеніемъ они одни могутъ достигнуть главной своей цѣли: сдѣлать лѣчебницу общественною. Разъ въ недѣлю врачи собираются въ лѣчебницу для совѣщаній, частію хозяйственныхъ, касающихся до устройства ея, частію чисто-медицинскихъ. Предметомъ этихъ послѣднихъ бываетъ: критическій разборъ вновь предложенныхъ пріемовъ для распознаванія болѣзней; приведеніе способовъ леченія къ большей простотѣ и раціональности для скорѣйшаго и удобнѣйшаго

врачеванія болѣзни; разсужденія о случаяхъ болѣзней, встрѣчаемыхъ врачами во время ихъ дежурства и особенно замѣчательныхъ по трудности ли діагностики, или по обширности патологическаго процесса, или по другимъ отношеніямъ. Здѣсь же читаются и обсуждаются статьи, касающіяся новыхъ вопросовъ науки. Лечебница получаетъ русскія медицинскія газеты; она снабжена небольшимъ запасомъ хирургическихъ инструментовъ, который современемъ вѣрно увеличится.

«Лечебница помѣщается въ нижнемъ этажѣ дома, принадлежащаго приказу общественнаго призрѣнія (приказъ уступилъ даромъ это помѣщеніе); здѣсь она имѣетъ пять опрятныхъ и свѣтлыхъ комнатъ. Какъ сказано, она находится въ центрѣ города, около рынка.

«Имѣя достаточное помѣщеніе для лечебницы и надѣясь сверхъ того на увеличеніе своихъ матеріальныхъ средствъ, общество врачей составило еще проектъ объ устройствѣ при той же лечебницѣ родильнаго отдѣленія. Главною цѣлью этого отдѣленія было бы доставить пріютъ бѣднымъ роженицамъ во время родовъ и въ послѣродовомъ состояніи. Медицинскую и акушерскую помощь обязались во всякое время выполнять 10 врачей, согласившись понедѣльно заниматься въ этомъ отдѣленіи. Въ отдѣльной комнатѣ предполагается поставить на счетъ лечебницы шесть кроватей съ полнымъ хозяйствомъ и женскою прислугой. Нѣкоторыя благотворительныя дамы уже снабдили лечебницу дѣтскимъ бѣльемъ. Занимающаяся въ лечебницѣ акушерка займется хозяйствомъ и будетъ помогать роженицамъ своими познаніями. Отъ роженицъ не потребуется свѣдѣнія ни о званіи, ни о занятіяхъ и т. д.»

Намъ нѣтъ нужды говорить, какъ бы было полезно, если бы наши врачи во всѣхъ нашихъ губернскихъ городахъ основали изъ себя подобныя ярославскому общества. Извѣстно всѣмъ, какъ скоро въ провинціяхъ улетучиваются свѣдѣнія у большей части врачей, пріобрѣтенныя ими въ академіяхъ и университетахъ, какъ, вступая въ благословенную провинціальную жизнь, не терпящую никакихъ умственныхъ напряженій, любящую только жирные обѣды, некой, да карты, они скоро забываютъ и терапію, и хирургію, и патологію, объ анатоміи и говорить нечего, и по временамъ только справляясь съ фармакологіей, — виноваты, съ рецептурой, — чтобы не втворить въ лекарство какого нибудь нерастворимаго вещества и не подвергнуться насмѣшкамъ аптекаря, дѣлаются людьми вполнѣ милыми и общественными: отлично вылиливаютъ, отлично играютъ въ карты, отлично охотятся, разсказываютъ остроумнѣйшіе анекдоты, высказываютъ и выдѣлываютъ сомнительныя академическія любез-

вости передъ дамами и т. д. Свое медицинское служеніе ограничиваютъ тѣмъ, что, по приглашенію полиціи, разсѣкаютъ трупы, и Богъ ихъ вѣдаетъ, что они тамъ находятъ, — а впрочемъ, находятъ ли что нибудь — это еще вопросъ; затѣмъ нервознымъ дамамъ изъ мѣстныхъ аристократокъ прописываютъ неизмѣнную aqua sacchari, исцѣляющую, какъ извѣстно, всѣ дамскія болѣзни радикально, — произойдутъ ли этѣ болѣзни отъ домашней потасовки супруга съ супругою (что бываетъ иногда!), или непокупки мужемъ своей дражайшей половинѣ шарабана, который извѣстный въ городѣ откупщикъ Илья Иванычъ давно уже купилъ своей супругѣ, или отъ измѣны невѣрнаго, или отъ другихъ причинъ, — остальнымъ же больнымъ всѣмъ безъ исключенія прописываютъ бузину, малину, аглицкую и другія соли и касторовое масло. Лекарства эти, если и не исцѣляютъ отъ всѣхъ болѣзней, то и вреда не дѣлаютъ, — основаны же они на глубокомъ знаніи натуры русскаго человѣка, который чаще всего болитъ болями желудка, потому что любитъ покушать въ сласть и въ сытость. Другія болѣзни если изрѣдка и бываютъ съ нимъ, то отъ нихъ онъ отвертится и безъ докторовъ. Да едва ли и найдется много провинціальныхъ докторовъ, которые съумѣли бы, при помощи науки, отвертѣть его отъ мудреныхъ болѣзней. Пожалуй, начнутъ хитрить, еще хуже сдѣлаютъ, — а потому и хорошо, что они ведутъ свое дѣло добросовѣстно и мудреныхъ лекарствъ не придумываютъ. Этимъ мы впрочемъ никакъ не хотимъ сказать, чтобы провинціальнымъ докторамъ не слѣдовало стоять постоянно въ уровень съ современною медициною и знать всѣ ея хитрости... Напротивъ, это было бы весьма хорошо и весьма желательно... Но это не всегда зависитъ отъ нихъ... Случается, что глухая провинціальная жизнь заѣдаетъ самые лучшіе таланты... У доктора нѣтъ средствъ, чтобы заниматься, нѣтъ ни книгъ, ни нужныхъ аппаратовъ, не съ кѣмъ перемолвить слова о наукѣ, ни въ комъ нельзя найдти не только содѣйствія, простаго сочувствія своему дѣлу... Въ этомъ отношеніи общество, основанное ярославскими врачами, великое дѣло; оно не только удержитъ отъ улетучиванья пріобрѣтенныя ими прежде свѣдѣнія, но дастъ имъ возможность постоянно идти впередъ въ своихъ знаніяхъ и держаться уровня современной науки. . . . . . .

О пользѣ подобнаго общества для больныхъ и говорить нечего. Живущіе въ Петербургѣ знаютъ, какъ много дѣлаетъ добра всѣмъ классамъ общества и состояніямъ Максимиліановская лечебница для приходящихъ. Не забудемъ при этомъ, что въ Петербургѣ есть тысячи врачей и множество больницъ съ постоянными дежурствами, гдѣ больный во всякое время можетъ найдти медика. Въ провин-

щійхъ больный, особенно бѣдный больный, схваченный вдругъ, можетъ въ теченіе сутокъ напрасно проискать врача и отправиться на тотъ свѣтъ, не дождавшись его. Отправляйтесь за врачемъ въ нетерпящемъ отлагательства случаѣ, — и услышите, что одного врача дома нѣтъ, другой уѣхалъ изъ города, третій спитъ и его не смѣютъ разбудить (такихъ впрочемъ и будить не слѣдуетъ: quiescant in pace!). четвертый... да однимъ словомъ — никакого не найдете.

«Хороши врачи», скажете вы. Да, дѣйствительно врачей нашихъ, по крайней мѣрѣ, многихъ изъ нихъ хвалить нельзя. Нельзя сказать, чтобы они были христіаннѣйшіе и сгарали любовію къ человѣчеству. Но, читатель, хороша и наша публика по отношенію къ врачамъ. Она — публика эта — такова, что отобьетъ охоту отъ своего дѣла у какого угодно врача. Замѣтьте, что у насъ — по крайней мѣрѣ, въ столицахъ — можно жить занятіями всякаго рода,—нельзя жить только одной врачебной практикой. Врачъ, если онъ не имѣетъ казеннаго мѣста, пропащій человѣкъ; онъ находится въ опасности умереть съ голоду. Но когда онъ получилъ казенное мѣсто, когда онъ успѣлъ пріобрѣсть себѣ renommée иногда вовсе не своими свѣдѣніями, а Господь-знаетъ-чѣмъ, — и не разберешь, — тогда блага фортуны сыплются на него, какъ изъ рога изобилія. Случается и такъ, что чѣмъ болѣе неглижируетъ онъ своимъ дѣломъ, чѣмъ болѣе шарлатанитъ, чѣмъ болѣе показываетъ невѣжества на дѣлѣ, тѣмъ болѣе является желанныхъ паціентовъ съ отверстыми для него тяжеловѣсными кошельками. Богатая квартира, богатая мебель и вообще блестящая обстановка, швейцары, лакеи, экипажи, обращеніе свысока съ извѣстнаго рода больными, *падамъ до ногъ* съ другими — лучше всего распространяютъ славу врача и увеличиваютъ его благосостояніе... Русская публика такъ ужь создана, что любитъ лѣзть туда, гдѣ есть внѣшній блескъ и гдѣ съ нее берутъ дорого... Но за то, что за гнусности дѣлаетъ она съ молодыми, часто талантливыми, всей душой преданными своему дѣлу врачами, — это сказать трудно. Имъ никто не платитъ денегъ... Нѣтъ, виноваты, платятъ деньги только бѣдняки, которые едва добываютъ себѣ пропитаніе тяжелымъ трудомъ; эти какъ-то совѣстятся пользоваться чужимъ трудомъ даромъ. А денди истинные — кровные — и денди буржуази или породъ смѣшанныхъ, также многіе весьма либеральные люди не платятъ за леченье никогда ничего, — даже едва ли не считаютъ за подлость платить. Одинъ мой знакомый молодой врачъ, практиковавшій довольно удачно въ Петербургѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ перелечилъ болѣе 2,000 человѣкъ и пріобрѣлъ за эту практику всего 247 рублей и мелочью, кажется, два или три двугривенныхъ,—и это

исключительно съ бѣдняковъ, которыхъ лечилъ. Люди состоятельные, по крайней мѣрѣ состоятельные на столько, что могли бы платить за леченье, не давали ничего... Да и мало того, что не платили; продѣлывали съ нимъ иногда нѣчто такое, чему и названія не приберешь. Такъ, напримѣръ, одинъ больной, страдавшій опаснымъ воспаленіемъ легкихъ, былъ спасенъ имъ рѣшительно отъ смерти. Онъ ходилъ къ этому больному въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ рѣшительно каждый день. Когда больной сталъ поправляться, онъ посовѣтовалъ ему въ одинъ свой визитъ приготовить какой-то особенный супъ. Больной сказалъ, что у него нѣтъ теперь въ рукахъ денегъ, что надобно посылать за деньгами туда и туда, а человѣкъ нуженъ и т. п. Докторъ мой отвѣчалъ на это: «помилуйте, да вѣдь на это требуются пустяки», — вынулъ изъ портмоне и далъ больному три рубля... Больной выздоровѣлъ окончательно и началъ выѣзжать. Проходитъ мѣсяцъ, другой. Докторъ мой, практиковавшій весьма усердно, но награждаемый за свою практику только благами невещественными и сильно нуждавшійся въ средствахъ, думая, что бывшій больной забылъ объ одолженныхъ ему 3 р., написалъ ему записку, съ покорнѣйшею просьбою возвратить долгъ, если есть возможность. Что жь, вы думаете, больной? — Обругалъ человѣка, пришедшаго съ запиской, чуть его не вытолкалъ. «Вы, дескать, безпокоите меня и отвлекаете отъ дѣла такими пустяками», а деньги, три рубля, такъ и зажилилъ, не возвратилъ... Встрѣтившись потомъ съ докторомъ какъ-то въ маскарадѣ, просто-на-просто отъ него отвернулся. Подивитесь же, читатель, какіе ужасные бываютъ монстры изъ нашихъ мнимо-образованныхъ людей!

Въ pendnnt къ извѣстію объ учрежденіи лечебницы въ Ярославлѣ, не можемъ не сообщить въ высшей степени радостнаго извѣстія объ *учрежденіи госпитальной клиники въ больницѣ казанскаго Приказа общественнаго призрѣнія* для усовершенствованія медицинскихъ студентовъ казанскаго университета въ патологической анатоміи и судебно-медицинскихъ изслѣдованіяхъ. Слухи объ учрежденіи этой клиники носились уже давно, но высочайшее соизволеніе послѣдовало 23 января нынѣшняго года.

Мы назвали это извѣстіе въ высшей степени радостнымъ не безъ причины. Въ столицахъ, гдѣ такъ много больницъ и гдѣ всѣ больницы поставлены болѣе или менѣе порядочно и имѣютъ порядочныхъ, и даже хорошихъ докторовъ, клиники не пользуются такою извѣстностію, какъ въ городахъ провинціальныхъ. Въ городахъ провинціальныхъ общественныхъ больницъ, кромѣ принадлежащихъ приказу общественнаго призрѣнія, открытыхъ для всѣхъ со-

словій, нѣтъ. Больницы приказовъ общественнаго призрѣнія, и своей внѣшней неудовлетворительной обстановкѣ во многихъ мѣстахъ вошли въ притчу,—репутаціей медицинской также нигдѣ почти не пользуются. Понятно поэтому, какое блистательное положеніе имѣютъ университетскія клиники, въ которыхъ отличный порядокъ, матеріальное довольство, и даже богатство во всемъ, въ особенности же въ медикаментахъ, лучшіе доктора, наблюденіе за больными въ лицѣ ассистентовъ и кураторовъ до того заботливое, что скорѣе можетъ надоѣсть больному, чѣмъ подать поводъ къ малѣйшему сомнѣнію въ томъ, что не обращаютъ серьёзнаго вниманія на его болѣзнь или не изучаютъ его болѣзни. Оттого клиника казанская при университетѣ постоянно была наполнена больными, насколько могла быть наполнена по своему штату. Желавшіе поступить въ нее должны были часто дожидаться вакантнаго мѣста. Замѣтимъ при этомъ, что здѣсь лечились не только люди, не имѣвшіе средствъ лечиться дома, но иногда люди очень богатые, особенно изъ пріѣзжающихъ въ Казань для леченья, изъ разныхъ губерній, помѣщиковъ. Въ клиникѣ такъ все устроено для леченья, что больной и съ большими средствами не можетъ устроить для себя такихъ же удобствъ дома. Одинъ профессоръ казанской университетской клиники говорилъ намъ, что больной на половину выздоравливаетъ отъ одной мысли, что онъ лечится въ клиникѣ.

Клиника, вновь устроиваема въ больницѣ приказа общественнаго призрѣнія, состоитъ изъ двухъ отдѣленій: терапевтическаго и хирургическаго, которыми завѣдываютъ два профессора медицинскаго факультета, по назначенію казанскаго университетскаго совѣта въ качествѣ директоровъ. Одинъ изъ нихъ читаетъ лекціи терапіи, другой — хирургіи. Патологическая анатомія и судебная медицина преподаются практически другими двумя профессорами медицинскаго факультета, также по назначенію университетскаго совѣта, не завѣдующими однакожь отдѣльными палатами больницы, такъ какъ этого не требуетъ сущность преподаваемыхъ ими наукъ, а посѣщающими больницу только для практическихъ занятій, каждый по своей части, и для занятій въ анатомической залѣ. Внутреннее управленіе и надзоръ за клиническими отдѣленіями принадлежитъ директорамъ клиники; конторѣ больницы остается только хозяйственная часть клиническихъ отдѣленій. Въ выборѣ и исполненіи способовъ леченія директоры клиническихъ отдѣленій не зависятъ отъ начальства больницы, но при назначеніи больнымъ порцій, лекарствъ и другихъ врачебныхъ пособій, они сообразуются съ существующимъ для гражданскихъ больницъ положеніемъ и вообще съ

дуютъ уставу сихъ больницъ. Расходъ же на лекарства и другіе предметы, не полагаемые для больницъ приказовъ по нормальному ихъ каталогу, или на діэтическія средства, не заключающіяся въ табели о порціяхъ, относится на счетъ суммъ казанскаго университета. Точно также на счетъ суммъ казанскаго университета основывается и кабинетъ для патологической анатоміи. Для успѣшнаго достиженія цѣли устройства клиники и для соглашенія матеріальныхъ и другихъ къ тому условій съ внутреннимъ устройствомъ и установленнымъ въ больницѣ порядкомъ, старшій врачъ больницы назначается министромъ внутреннихъ дѣлъ, по предварительному соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія, изъ числа профессоровъ медицинскаго факультета.

Нѣтъ сомнѣнія, что вся Казань съ радостію встрѣтила это преобразованіе больницы казанскаго приказа общественнаго призрѣнія. Въ особенности же, вѣроятно, было радо этому ближайшее начальство больницы, т. е. смотритель больницы и членъ приказа, завѣдывавшій больницею. Сколько имъ бѣднымъ, при недостаткѣ средствъ, было доселѣ заботъ и хлопотъ по больницѣ, особенно при такомъ множествѣ больныхъ, какъ въ Казани! Теперь эта тяжелая ноша снята съ нихъ,—и слава Богу! Нельзя не пожелать, чтобы подобныя клиники были устроены въ больницахъ приказовъ общественнаго призрѣнія и въ другихъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ есть университеты.

Говоря объ обществахъ и учрежденіяхъ на пользу страждущаго человѣчества, нельзя не вспомнить объ *общинахъ сестеръ милосердія*... 3 февраля нынѣшняго года высочайше утвержденъ уставъ новой общины сестеръ милосердія — *Покровской*.

Мысль объ учрежденіи общинъ сестеръ милосердія для хожденія за больными принадлежитъ нашему филантропическому времени. Что женщины лучше умѣютъ ходить за больными, что онѣ заботливѣе мужчинъ, внимательнѣе, терпѣливѣе, предупредительнѣе ихъ при постелѣ больнаго,—это люди, конечно, знали во всѣ времена, какъ древнія, такъ и новыя, и кто имѣлъ возможность пользоваться въ болѣзни женскимъ попеченіемъ, тотъ и пользовался. Были, впрочемъ, примѣры едва ли не въ продолженіе всей христіанской исторіи, что нѣкоторыя женщины, посвятившія себя на служеніе Богу, въ видахъ религіозныхъ посвящали себя на хожденіе за всѣми больными. Но сознаніе этой обязанности не какъ религіозной только, которой могутъ посвящать себя лишь женщины, принявшія обѣты особеннаго служенія Богу, но какъ общечеловѣческой, которою можетъ заниматься всякая женщина, безъ принятія на себя особен-

ныхъ обѣтовъ религіозныхъ, проникло въ общество съ другими гуманными идеями въ наше время, — и оно возаботилось открыть для этой способности женщинъ къ хожденію за больными широкое общественное поприще, предоставило возможность пользоваться заботливымъ женскимъ уходомъ больнымъ, и бѣднымъ, и богатымъ, наконецъ, стало приготовлять къ этому служенію женщинъ, избирая изъ нихъ способнѣйшихъ. Въ Россіи первая мысль объ образованіи общинъ сестеръ милосердія для служенія больнымъ возникла въ севастопольскую войну. Подвиги Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія во время этой войны извѣстны всѣмъ. По окончаніи войны, Крестовоздвиженская община нашла постоянное поприще для своихъ человѣколюбивыхъ подвиговъ въ Петербургѣ, и съ каждымъ днемъ процвѣтаетъ все болѣе и болѣе. Вотъ, что пишетъ одинъ изъ видѣвшихъ общину въ нынѣшнемъ году, отъ 12 января:

«Недѣли двѣ тому назадъ, мы были, въ числѣ немногихъ, свидѣтелями и участниками скромнаго торжества въ домѣ сестеръ Крестовоздвиженской общины, около Калинкина моста. Это былъ день открытія небольшой женской больницы, въ зданіи самой общины. Въ одномъ имени Крестовоздвиженской общины слышится отголосокъ войны, живая память о скромныхъ подвигахъ геройскаго самоотверженія. Это имя неразрывно связано съ воспоминаніемъ о скорбной эпохѣ 1854 и 1855 годовъ; въ ней свѣтитъ оно будто свѣтлымъ лучемъ сквозь темную тучу. При этомъ имени невольно пробуждается сочувствіе, и хочется знать, что сталось съ этими женщинами, которыя, бывало, такъ безстрашно, подъ непріятельскими бомбами, совершали свое святое служеніе скорби и страданію, что сталось съ тѣмъ дѣломъ любви и мира, которое онѣ взяли на себя? Не всѣ, конечно, знаютъ, что община крестовоздвиженскихъ сестеръ не пропала, не разсыпалась; она дѣлала свое дѣло, тихо, безъ шуму, безъ волненія...

«Дѣятельность сестеръ, расширяясь съ теченіемъ времени, потребовала и болѣе обширнаго помѣщенія. Основательница общины, великая княгиня Елена Павловна, пріютившая ее подъ своимъ кровомъ, по возвращеніи изъ Крыма, предоставила общинѣ, купленный года полтора тому назадъ, большой домъ около Калинкина моста, въ томъ мѣстѣ города, гдѣ всего болѣе больныхъ и бѣдныхъ, потому что эти люди составляютъ настоящую семью для сестеръ общины. Тутъ у нихъ подъ рукою два отдѣленія больницы чернорабочихъ, дѣтская больница, больница морскаго вѣдомства, въ которой онѣ постоянно ходятъ за больными въ память о Севастополѣ и по чувству признательности за все участіе, которое было имъ выказано со

стороны морскаго министерства; наконецъ, тутъ же, подъ рукою у нихъ все рабочее фабричное населеніе, стало-быть, самое бѣдное и безпомощное сословіе, какое только есть въ нашемъ огромномъ городѣ. При такой обстановкѣ, когда входишь въ домъ, невольно кажется съ перваго взгляда, что это домъ скорби и страданія; ожидаешь самыхъ мрачныхъ, самыхъ тяжкихъ впечатлѣній. Выходитъ противное. Въ этомъ домѣ чувствуешь, что тутъ утѣшеніе въ скорби и въ страданіяхъ. По краямъ большаго двора, съ трехъ сторонъ расположены зданія общины: въ глубинѣ двора довольно большой садъ. Въ нижнемъ жильѣ главнаго корпуса—комнаты для пріема бѣдныхъ, больница для приходящихъ, куда является каждое утро множество больныхъ: сестры перевязываютъ имъ раны подъ руководствомъ заботливаго врача общины Василія Ивановича Тарасова. Это—рабочіе люди: имъ нельзя оставить работу; извѣстно, что они не любятъ обращаться къ помощи врача, покуда можно терпѣть; а терпятъ они обыкновенно до тѣхъ поръ, пока болѣзнь повалитъ, и ихъ свезутъ въ больницу. Сюда же приходятъ лечиться наемные люди, живущіе службой; они боятся потерять мѣсто, если лягутъ въ больницу; сюда приходятъ бѣдные изъ всѣхъ частей города: а бѣдность значитъ болѣзнь, — и еще какое множество болѣзней! Всѣхъ этихъ приходящихъ можно здѣсь встрѣтить каждый день отъ 11 часовъ утра.

«Въ нижнемъ жильѣ помѣщаются сверхъ того кухня, службы, столовая сестеръ и нѣсколько комнатъ для нихъ. Во второмъ ярусѣ — церковь. Она помѣщена въ прекрасной залѣ съ колоннами. Въ церкви полный свѣтъ отъ большихъ оконъ; иконостасъ отдѣланъ просто, но съ большимъ вкусомъ, иконы въ немъ прекрасной работы. Какимъ-то духомъ яснаго благочестія вѣетъ въ этомъ храмѣ. Заглянемъ въ алтарь: тамъ есть вещь, на которую нельзя смотрѣть равнодушно. Это большая бомба, которая упала однажды къ сестрамъ въ походную больницу; сестры привезли ее съ собой изъ Крыма, поставили на ней число, водрузили на ней крестъ, и теперь бомба эта служитъ жертвенникомъ, на которомъ постоянно приносятся въ ихъ церкви молитвы за усопшихъ. Настоятельница, наставница и всѣ испытуемыя, состоящія у ней подъ надзоромъ, живутъ въ этомъ же ярусѣ; кромѣ того, тутъ же общая зала, въ которой по вечерамъ читаются вслухъ духовныя книги и преподаются элементарные уроки врачебнаго искуства. Далѣе, въ третьемъ ярусѣ однѣ только спальни, въ которыхъ сестры размѣщаются по двѣ или по три, будто сестры въ большой семьѣ. Вообще, посѣтителя съ перваго раза поражаетъ во всемъ домѣ какой-то духъ семейной жизни; видишь пора-

докъ, безъ формализма; встрѣчаютъ тебя безъ пустыхъ церемоній, просто и открыто, какъ обыкновенно встрѣчаютъ добрые, но сильно занятые люди. Съ 28 декабря 1860 года имъ еще прибавилось дѣла, но и радости прибавилось! Послушайте, какъ онѣ говорятъ о «нашей больницѣ»! 28 декабря(*), день памятный для сестеръ: въ этотъ день приняты были первыя больныя въ эту больницу, назначенную не только для служенія больнымъ, но и для приготовленія къ служенію. Новая больница должна служить для всей общины образцомъ, какъ ходить за больными, какія наблюдать при этомъ предосторожности и пр., словомъ сказать, образцомъ и нравственнаго, и физическаго ухода за бѣдными женщинами, которыя будутъ въ ней помѣщаемы. Здѣсь всего только 15 кроватей; комнаты невелики, но просторны: воздуху много; вентиляція и отопленіе устроены по лучшему способу, какой только можно было выбрать. Ни малѣйшей роскоши—чистоту нельзя назвать роскошью. Вся прислуга состоитъ исключительно изъ однѣхъ испытуемыхъ, подъ руководствомъ сестры, которая пріобрѣла достаточно опытности въ Крыму, и всю жизнь, всю душу посвятила своему призванію. Въ этой-то школѣ образуются испытуемыя прежде, чѣмъ возьмутся за настоящее дѣло въ большихъ больницахъ; здѣсь онѣ проникаются тѣмъ духомъ, который должны повсюду носить съ собою; здѣсь, пріучаясь съ любовью отдавать себя своему призванію, онѣ пріучаются любить общину, которая предлагаетъ имъ такой чудный путь къ душевному спасенію, связываетъ ихъ братствомъ по сердцу, и готовитъ имъ почетный пріютъ подъ старость, въ исходѣ полезной жизни.» (Совр. *Л. Р. В.* № 4).

Полезная дѣятельность общины Крестовоздвиженской послужила поводомъ къ основанію новой общины сестеръ милосердія съ тою же цѣлію — *Покровской.*

Новая община состоитъ подъ покровительствомъ великой княгини Александры Петровны.

Цѣль ея — попеченіе о бѣдныхъ приходящихъ больныхъ, утѣшеніе скорбящихъ и воспитаніе бѣдныхъ и безпріютныхъ младенцевъ.

Для этого при заведеніи учреждены:

I. Отдѣленіе сестеръ милосердія.

II. Больница.

III. Пріютъ для приходящихъ и живущихъ въ немъ дѣтей, — и

IV. Пріютъ для грудныхъ младенцевъ.

(*) «День рожденія ея высочества великой княгини Елены Павловны.»

Въ сестры милосердія принимаются грамотныя вдовы и дѣвицы православнаго исповѣданія всѣхъ свободныхъ состояній отъ 17 до 40 лѣтъ, подвергаясь предварительному испытанію при общинѣ въ продолженіе одного или двухъ лѣтъ. Принятая, по испытаніи, по прослуженіи пяти лѣтъ въ званіи сестры милосердія, приводится въ присутствіи ея высочества и всей общины къ присягѣ, въ которой клянется, что она всѣ свои попеченія и труды будетъ употреблять на богоугодное служеніе болящимъ и безпріютнымъ младенцамъ, въ общинѣ призрѣваемымъ,—искренно, со всѣмъ усердіемъ и любовію, добросовѣстно, заботясь не о тѣлесномъ только, но и о душевномъ ихъ благѣ; затѣмъ получаетъ за подписомъ отъ ея высочества свидѣтельство на свое званіе и знакъ отличія, состоящій изъ золотаго креста, изображающаго съ одной стороны: *покровъ пресв. Богородицы*, а съ другой — надпись: *«любовь и милосердіе»*, для ношенія на шеѣ на синей лентѣ. Сестры милосердія получаютъ отъ заведенія все, и потому не могутъ имѣть ни своей одежды, ни мебели. Жалованья имъ не полагается, а выдаются только деньги на разъѣзды по порученіямъ отъ заведенія. Сестра не можетъ отлучаться никуда, ни принимать кого нибудь въ заведеніи безъ разрѣшенія начальницы. Сестра можетъ уволиться изъ заведенія, если не захочетъ быть въ немъ по какимъ нибудь причинамъ. Уволенная изъ заведенія, вмѣстѣ съ сложеніемъ званія сестры милосердія, возвращаетъ выданное ей свидѣтельство и знакъ отличія. Уволенная изъ заведенія вслѣдствіе особенныхъ семейныхъ обстоятельствъ получаетъ одобрительныя свидѣтельства о своемъ поведеніи и усердіи, а иногда и денежное пособіе. Уволенныя отъ должности сестеръ милосердія послѣ долговременнаго и усерднаго служенія, по желанію могутъ оставаться на жительствѣ въ общинѣ, и въ такомъ случаѣ во все время пребыванія ихъ здѣсь сохраняютъ знакъ отличія. Вдовы крайне бѣдныя, поступающія въ общину, могутъ просить о принятіи своихъ дѣтей въ отдѣленіе безпріютныхъ младенцевъ при заведеніи.

Больница устроивается на 30 кроватей: 10 для взрослыхъ и 20 для дѣтей. Въ больницѣ пользуются безъ изъятія всѣ лица, въ общинѣ живущія. Кромѣ того, принимаются всѣ приходящіе больные за пособіемъ. Изъ нихъ только съ необыкновенно трудными хирургическими болѣзнями, требующими оперативной помощи, принимаются на совершенное попеченіе общины, несмотря ни на возрастъ, ни на полъ.

Въ отдѣленіе приходящихъ и живущихъ въ общинѣ дѣтей принимаются безплатно дѣти всѣхъ нуждающихся, безъ различія вѣроисповѣданія и сословія.

Приходящія дѣти получаютъ пищу наравнѣ съ дѣтьми, живущими въ заведеніи. Они носятъ одежду отдѣленія во время пребыванія въ немъ. Кромѣ того, имъ дается одежда отъ холода, при хожденіи въ заведеніе и домой. Въ это отдѣленіе принимаются дѣти отъ 1 до 5 лѣтъ; остаются въ немъ до семилѣтняго возраста. Для надзора за ними днемъ и ночью дежурятъ сестры и испытуемыя, по очереди, точно такъ же, какъ и въ отдѣленіи грудныхъ младенцевъ. Въ последнемъ отдѣленіи принимаются дѣти, не имѣющія матерей, также такія, которыхъ матери, по болѣзни, не въ состояніи кормить грудью. Каждый ребенокъ имѣетъ отдѣльную кормилицу. Если у дѣтей есть благотворители, то за находящихся въ III отдѣленіи платятъ по 60, а за находящихся въ IV отдѣленіи по 120 р. въ годъ.

Въ прошедшемъ нашемъ «обозрѣніи» мы упомянули объ *обществѣ распространенія полезныхъ книгъ.* Считаемъ нужнымъ сказать теперь нѣсколько словъ о его цѣли, составѣ и занятіяхъ.

«Общество распространенія полезныхъ книгъ учреждается съ цѣлію развивать и укрѣплять здравыя нравственныя понятія, и для того предлагать полезное и общепонятное чтеніе для всѣхъ классовъ и возрастовъ русскихъ читателей. Въ выборѣ всѣхъ, распространяемыхъ обществомъ, книгъ, оно не держится никакой исключительности по предметамъ сочиненій, но руководствуется направленіемъ православно-христіанскимъ.

«Оно имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, не денежныя выгоды, а возвращеніе затратъ своихъ, дабы не лишиться возможности дальнѣйшей дѣятельности. Общество допускаетъ и матеріальные убытки на сколько они согласны съ денежными его средствами.

«Общество распространяетъ книги продажею по возможно-дешевой цѣнѣ.

«Для изданій своихъ общество: 1) пріобрѣтаетъ покупкою сочиненія и переводы, какъ отъ сотрудниковъ своихъ, такъ и отъ постороннихъ авторовъ и переводчиковъ; 2) перепечатываетъ уже изданныя книги, согласно законамъ о литературной собственности и 3) вызываетъ посредствомъ премій появленіе въ свѣтъ новыхъ сочиненій, которыя и назначаются къ изданію обществомъ. Само собою разумѣется, что всѣ изданія общества подлежатъ предварительному разсмотрѣнію цензуры, на общемъ основаніи.

«Управленіе общества находится въ Москвѣ; но общество имѣетъ и въ другихъ городахъ Россіи членовъ-сотрудниковъ, для указанія обществу на мѣстныя потребности и для содѣйствія его трудамъ, и

коммиссіонеровъ, для распространенія книгъ, издаваемыхъ и пріобрѣтаемыхъ обществомъ.

«Средства общества составляются: изъ пожертвованій, ежегодныхъ членскихъ взносовъ, изъ возможной прибыли отъ распространенія книгъ, и затѣмъ общество за средства же свои почитаетъ всякое дѣятельное въ немъ участіе всѣхъ его членовъ и членовъ-сотрудниковъ.

«Пожертвованія могутъ быть всякаго размѣра, денежныя и другаго рода, соотвѣтствующія цѣли общества, какъ то: безвозмездная уступка литературныхъ статей, изданныхъ не отъ общества книгъ, матеріаловъ для книгопечатанія и т. п. Въ случаѣ особо выраженной воли о предметѣ назначенія денежнаго пожертвованія, общество обязуется употреблять оное согласно волѣ жертвователя; при безусловномъ же пожертвованіи денегъ, онѣ причисляются къ общей суммѣ. О всѣхъ пожертвованіяхъ сообщается во всеобщее свѣдѣніе.

«Ежегодные членскіе взносы состоятъ въ уплатѣ каждымъ членомъ 10 руб. сер. въ годъ.

«Общество состоитъ изъ членовъ, членовъ-сотрудниковъ и коммиссіонеровъ, и дѣйствуетъ чрезъ комитетъ и полное собраніе. Члены общества суть всѣ лица, безъ различія пола и сословій, изъявляющія желаніе принять участіе къ его дѣятельности и вносящія ежегодно по 10 рублей серебромъ въ кассу общества. Члены-сотрудники общества суть всѣ лица, безъ различія званія, избираемыя обществомъ изъ числа изъявившихъ желаніе принять участіе въ его трудахъ, въ Москвѣ и въ другихъ городахъ. Они изъемлются отъ обязательнаго членскаго ежегоднаго взноса. Коммиссіонеры общества суть лица, принимающія на себя, по вызову его комитета, исполненіе хозяйственныхъ распоряженій сего послѣдняго.

«Во вниманіе къ тому, что полному собранію общества невозможно успѣшно дѣйствовать по всѣмъ отраслямъ его занятій, оно составляетъ, въ видахъ необходимаго сосредоточенія ближайшей его дѣятельности, особый комитетъ, который и имѣетъ предметомъ всѣ занятія по выбору сочиненій, изданію, покупкѣ и распространенію книгъ. Комитетъ общества состоитъ изъ предсѣдательницы общества, дамъ, завѣдывающихъ отдѣлами общества, помощницы предсѣдательницы, сотрудника предсѣдательницы, помощницъ дамъ, завѣдывающихъ отдѣлами, сотрудниковъ общества, приглашаемыхъ въ отдѣлы комитета, секретаря, казначея и помощниковъ двухъ послѣднихъ.

«Предсѣдательство въ обществѣ и комитетѣ всегда предоставляет-

ся особѣ женскаго пола на томъ основаніи, что первая мысль объ учрежденіи въ Москвѣ этого общества принадлежитъ дамамъ и что таково желаніе всѣхъ учредителей.

«Для ближайшаго раздѣленія занятій по выбору и разсмотрѣнію сочиненій, исправленію переводовъ, по корректурѣ и вообще по главному надзору за изданіями, комитетъ подраздѣляется на слѣдующіе пять отдѣловъ:

«I) Сочиненія духовно-нравственнаго содержанія, независимо отъ формы ихъ изложенія.

«II) Учебники. Сюда относятся руководства по всѣмъ наукамъ элементарнаго образованія.

«III) Книги для дѣтей и вообще для первоначальнаго чтенія.

«IV) Литература. Сюда относятся повѣсти, разсказы, историческіе очерки, путешествія, біографіи и проч.

«и V) Домоводство, естествознаніе, ремесла и сочиненія содержанія многопредметнаго. Сверхъ предсѣдательницы, ея помощницы, ея сотрудника, секретаря, казначея, число прочихъ членовъ комитета, имѣющихъ полныя права голоса, *въ каждомъ отдѣлѣ опредѣляется*: дамъ не менѣе 2-хъ и не болѣе 4-хъ (всего въ комитетѣ, съ правомъ голоса исполнительнаго, *дамъ* — съ предсѣдательницею и ея помощницею — не менѣе 12-ти и не болѣе 22-хъ) и сотрудниковъ тоже не менѣе 2-хъ и не болѣе 4-хъ (всего *мужчинъ* въ комитетѣ, имѣющихъ право голоса исполнительнаго, съ секретаремъ, казначеемъ и сотрудникомъ предсѣдательницы, не менѣе 13-ти и не болѣе 23-хъ). Посему полное число членовъ комитета, съ правомъ голоса исполнительнаго, состоитъ не менѣе какъ изъ 25-ти и не болѣе 45-ти особъ. Каждая изъ дамъ комитета, завѣдывающихъ его отдѣлами, приглашаетъ себѣ изъ членовъ общества помощницу, предварительно согласившись о томъ съ прочими дамами комитета, и сіи помощницы, раздѣляя ихъ занятія, пользуются въ комитетѣ голосомъ совѣщательнымъ. Посему въ полномъ составѣ комитета считается членовъ, безъ различія правъ ихъ голосовъ, не менѣе 37 и не болѣе 67 особъ, въ каковомъ числѣ членовъ *избираемыхъ*, безъ различія правъ голоса, не менѣе 15-ти и не болѣе 25-ти, считая предсѣдательницу, дамъ отдѣловъ, секретаря, казначея и 2-хъ помощниковъ сихъ послѣднихъ, — и членовъ *приглашаемыхъ*, тоже безъ различія права голоса, не менѣе 22 и не болѣе 42, считая сотрудника предсѣдательницы, ея помощницу, сотрудниковъ отдѣловъ и помощницъ дамъ, завѣдывающихъ отдѣлами. Число членовъ комитета, обязательное для полноправности его засѣданій, 15 человѣкъ.»

Говоря въ прошедшій разъ объ Обществѣ распространенія полезныхъ книгъ, мы высказали уже, что имѣемъ особенное сочувствіе къ этому обществу, потому что общественная дѣятельность дамъ у насъ и вообще очень рѣдка, а еще рѣже привыкли мы встрѣчать дамъ извѣстныхъ слоевъ общества за серьёзной работой. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, при нашемъ сочувствіи, мы старались, сколько могли, распространять свѣдѣнія о новомъ обществѣ, высказывая при этомъ, разумѣется, надежды на тотъ блестящій успѣхъ, которымъ должны увѣнчаться дѣйствія общества. Только въ одинъ разъ, говоря о новомъ обществѣ, попались *на ходока.* Ходокомъ въ дѣлѣ называется вообще знатокъ извѣстнаго дѣла. Но это знатокъ — не практикъ только и не эмпирикъ, — напротивъ, въ практическомъ веденіи дѣла, въ знаніи мелкихъ подробностей и тонкостей онъ можетъ быть и несиленъ. Ходокъ—это человѣкъ, который отъ долгаго обращенія въ занятіяхъ извѣстнымъ дѣломъ составилъ наконецъ правильную теорію или идею этого дѣла, узналъ тѣхъ незримыхъ ни для кого, но тѣмъ не менѣе необходимыхъ дѣятелей въ дѣлѣ, безъ которыхъ не пойдетъ никакое дѣло, — и поэтому можетъ по двумъ или тремъ извѣстнымъ даннымъ предсказать, весьма рѣдко ошибаясь, успѣхъ или неуспѣхъ новаго дѣла.

Когда въ одинъ разъ мы съ демосѳеновскимъ краснорѣчіемъ разсыпались въ похвалахъ обществу распространенія полезныхъ книгъ и высказывали, какими плодотворными послѣдствіями можетъ сопровождаться дѣятельность его для всей Россіи, — ходокъ остановилъ насъ среди самаго патетическаго мѣста слѣдующими прозаическими словами:

— Ничего не будетъ! — Ничего не будетъ!

Признаемся, что эти зловѣщія слова подѣйствовали на насъ весьма непріятно.

— Отчего вы думаете, что ничего не будетъ?—Какъ вы можете, не имѣя въ виду никакихъ дѣйствій общества, опредѣлять такъ самувѣренно и такъ странно его будущее, когда и составъ самого общества, и средства его, и цѣли обѣщаютъ такъ много прекраснаго?

— Ничего не будетъ, — повторилъ снова ходокъ: — вѣрьте мнѣ, ничего не будетъ.

— Да отчего же? Отчего вы такъ думаете? — спросилъ я.

— Оттого... оттого... началъ ходокъ, — что если бы мы съ вами основали общество, хотя бы насъ только было двое и хоть бы у насъ было всего десять рублей въ карманѣ, — успѣхъ былъ бы. У

насъ въ дѣлѣ была бы мысль, было бы сердце, слѣдовательно была бы сила. —Тамъ ничего этого не будетъ. Мысль затеряется въ формѣ, сердца станетъ только на покровительство,—сіянья будетъ много, тепла мало, какъ при зимнемъ солнцѣ. Ничего не будетъ, —заключилъ снова ходокъ.

Я зналъ, что ходокъ по убѣжденіямъ своимъ немножко демократъ.

— Послушайте, сказалъ я.—Вы предубѣждены,—и предубѣждены слишкомъ крайне. Можно ли доводить свое предубѣжденіе до такой степени, чтобы не ожидать въ десяткахъ, сотняхъ тысячахъ найти даже сколько нибудь дѣльныхъ людей только потому, что эти тысячи извѣстнымъ образомъ поставлены?..Вѣдь они люди же и русскіе. Какъ вы можете думать, чтобы среди нихъ не могло явиться людей талантливыхъ, съ полнымъ пониманіемъ дѣла, горячо преданныхъ общему благу? — Мы, напротивъ, должны радоваться, что слитіе народа начинается въ наше время, что тѣ, которымъ прежде всѣхъ слѣдовало бы понять, что отъ этого зависитъ сила и счастіе Россіи, въ лучшихъ своихъ представителяхъ берутся наконецъ за это дѣло безъ эгоизма, безъ предубѣжденія, безъ заднихъ какихъ нибудь мыслей...

Ходокъ не далъ мнѣ докончить рѣчи,—и только махнулъ рукой.

Само собою разумѣется, слова ходока не переубѣдили меня въ моихъ убѣжденіяхъ. И если я счелъ нужнымъ передать здѣсь мой разговоръ съ нимъ, то единственно для свѣдѣнія общества... Пусть оно помнитъ, что на него обращены глаза всѣхъ болѣе, чѣмъ на другія общества, — и отъ него зависитъ разсѣять разнаго рода сомнѣнія, въ началѣ его дѣятельности... весьма естественныя, скажемъ болѣе, неизбѣжныя...

Мы съ своей стороны, время отъ времени, не оставимъ говорить о дѣятельности общества съ обычною намъ откровенностію и непринужденностію. И на первый разъ скажемъ только нѣсколько словъ объ объявленномъ имъ конкурсѣ на составленіе *руководства къ первоначальному обученію грамотѣ*.

«Руководство это, — такъ объявлено отъ общества, — должно состоять въ азбукѣ гражданской и церковной, съ присовокупленіемъ молитвъ и самыхъ необходимыхъ для всякаго грамотнаго человѣка статей назидательнаго и практическаго содержанія,—каковы: основныя положенія и нѣкоторыя общія статьи изъ Свода Законовъ о правахъ и обязанностяхъ гражданина и о присутственныхъ мѣстахъ; краткія свѣдѣнія о Россіи и особенно въ географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, съ указателемъ главнѣйшихъ горо-

довъ и мѣстностей, важныхъ для народа въ національномъ и промышленномъ значеніи; краткія же свѣдѣнія о праздникахъ и табельныхъ дняхъ; элементарныя понятія о счетѣ, съ присовокупленіемъ таблицы церковно-славянскаго счисленія. Молитвы должны быть на церковно-славянскомъ шрифтѣ, съ русскими объясненіями неудобопонятныхъ словъ и выраженій; прочія же статьи гражданской печати должны быть заимствованы изъ Свода Законовъ, изъ лучшихъ историческихъ, географическихъ и статистическихъ статей, изъ календарей и мѣсяцеслововъ, и изъ другихъ источниковъ, соотвѣтствующихъ цѣли «Руководства». Изложеніе этихъ статей должно быть по возможности упрощено, и всѣ затруднительныя выраженія объяснены. Объемъ «Руководства» полагается не больше шести печатныхъ листовъ».

Такова программа предложеннаго для конкурса «Руководства». Добраго желанія проглядываетъ въ этой программѣ весьма много,— составителю ея хочется научить дѣтей всему, и религіи, и географіи, и статистикѣ, и исторіи, и законовѣдѣнію, — и, пожалуй, всѣмъ наукамъ. Все это, конечно, прекрасно. Но составителю программы не пришло на мысль предварительно спросить себя: нужно ли все это, полезно ли для развитія дѣтскаго смысла?—Разнородная масса свѣдѣній, поименованныхъ въ программѣ, не подавитъ ли, напротивъ, дѣтскихъ головокъ и не послужитъ ли препятствіемъ къ естественному, нормальному развитію ихъ способностей?—Если бы все это пришло на мысль составителю программы, мы увѣрены, что онъ сейчасъ вспомнилъ бы, что онъ не педагогъ и что потому ему, какъ не педагогу, не указать содержанія того знанія, которымъ можетъ быть постепенно развиваема дѣтская головка, — и что программѣ нѣтъ никакой и нужды указывать того, что должно быть помѣщено въ «Руководствѣ». Дѣло программы указать, во-первыхъ, цѣль сочиненія. Повидимому, цѣль эта указана въ самомъ названіи руководства «*Руководствомъ къ первоначальному обученію грамотѣ*». Но программа нашла нужнымъ, чтобы въ этомъ руководствѣ были помѣщены необходимыя для всякаго грамотнаго человѣка статьи назидательнаго и практическаго содержанія. Спрашивается, съ какою цѣлію? Для развитія грамотныхъ людей, религіознаго, нравственнаго, умственнаго, или для справокъ? Въ томъ и другомъ случаѣ изложеніе требуется совершенно различное. Далѣе, если руководство предполагается для развитія, то какой именно возрастъ, по крайней мѣрѣ преимущественно, имѣется въ виду?— Очевидно, что книга, назначенная для развитія дѣтей, никакъ не можетъ годиться для взрослыхъ, и наоборотъ. Вотъ это именно только

и требовалось объяснить въ программѣ, то есть въ какихъ цѣляхъ и для какого возраста должно быть написано руководство?—А опредѣлить содержаніе «Руководства» для той или другой цѣли, для того или другаго возраста — это уже дѣло таланта и опытности педагога, который будетъ составлять руководство. Мы думаемъ, что ни одинъ талантливый педагогъ не возьмется писать «Руководства» по той программѣ, которая объявлена обществомъ. Не возьмется потому, во-первыхъ, что, какъ мы уже сказали, неизвѣстно, для чего именно и для кого именно нужно писать руководство; а во-вторыхъ, и потому, что программа нѣкоторыми своими частными указаніями на содержаніе будущаго руководства, свяжетъ его по рукамъ и по ногамъ. Спрашивается, напримѣръ, какія *основныя положенія и которыя общія статьи изъ Свода Законовъ о правахъ и обязанностяхъ гражданина и о присутственныхъ мѣстахъ* нужно знать, положимъ, даже крестьянину возрастному? Ужь если крестьянину нужно знать какія статьи изъ Законовъ, то скорѣе статьи частныя, чѣмъ общія, то есть статьи непосредственно относящіяся къ его ближайшему быту, напримѣръ, статьи о мірскихъ сходкахъ, о правахъ и обязанностяхъ волостныхъ правленій, о податяхъ, о повинностяхъ! Къ чему ему изученіе положеній основныхъ и общихъ статей о разныхъ разностяхъ, да еще и о присутственныхъ мѣстахъ? Помилуй Богъ! — Всего этого не знаютъ люди даже высокоблагородные и превосходительные, — и когда дойдетъ дѣло до этого, то обыкновенно справляются въ законѣ или гдѣ то подлежитъ,—безъ чего въ случаѣ *касательства* не обойдется и крестьянинъ, какъ бы ни изощрился онъ по руководству въ знаніи номенклатуры присутственныхъ мѣстъ. Въ существо ихъ вѣдь не проникнетъ, *темна бо вода*... Далѣе рекомендуется программой помѣстить въ руководствѣ краткія свѣдѣнія о Россіи въ географическомъ и статистическомъ отношеніи. Положимъ, что указаніе это общее и что педагогъ не стѣснился бы исполнить требованіе программы; но, къ сожалѣнію, за этимъ слѣдуетъ уже болѣе частное указаніе, которое непремѣнно стѣснитъ умнаго педагога. Программа требуетъ *указателя главнѣйшихъ городовъ и мѣстностей, важныхъ для народа въ національномъ и промышленномъ значеніи*. Чѣмъ можетъ быть этотъ указатель, на долю котораго можетъ придтись въ «Руководствѣ» не болѣе какихъ нибудь трехъ-четырехъ страничекъ, какъ не пустой номенклатурой? — Да тутъ еще, дескать, и *національнаго* значенія городовъ не забудьте, то есть скажите, что тутъ-то вотъ была бородинская битва, а тутъ Дмитрій Донской разбилъ Мамая, а тутъ Петръ Великій одержалъ побѣду надъ шведами и проч. Но указавъ на свѣдѣнія географиче-

скія, юридическія, статистическія, програмна опускаетъ свѣдѣнія самыя нужныя для крестьянъ, напримѣръ, агрономическія, напримѣръ врачебныя, напримѣръ, физическія. Говоря это, мы, впрочемъ, никакъ не можемъ сказать, чтобы и указываемыя програмною свѣдѣнія не могли войдти въ «Руководство»; очень можетъ, что и они войдутъ, но войдутъ не въ такомъ видѣ, въ какомъ хочетъ программа; не въ такомъ объемѣ, не съ тѣхъ сторонъ. Во всякомъ случаѣ опредѣлить все это будетъ дѣломъ талантливаго и опытнаго педагога, который будетъ писать «Руководство», а никакъ не програмы. Программа, какъ мы уже сказали, должна была опредѣлить *ясно* и *точно* только *цѣль* «Руководства» и *возрастъ*, для котораго оно предполагается — не болѣе.

Не можемъ не сказать, наконецъ, что едва ли какой талантливый педагогъ возьмется писать руководство, кромѣ всего вышесказаннаго, и потому, что назначена за составленіе его слишкомъ ничтожная премія, 300 р. серебромъ. Составить «Руководство» дѣльное для дѣтей, при хаотическомъ состояніи у насъ педагогической науки, дѣло нелегкое. При этомъ не должно опускать изъ виду, что всякая другая ученая работа на конкурсъ, разумѣется дѣльная, если она и не была бы принята лицами, назначившими конкурсъ, можетъ окупиться. Авторъ можетъ отдать ее въ журналы. Но куда пойдетъ съ своей работой составитель «Руководства», если общество почему нибудь признаетъ трудъ его неудовлетворительнымъ?—Но если и признаетъ удовлетворительнымъ, что̀ за вознагражденіе за трудъ 300 рублей?—Мы полагаемъ, что авторъ эту именно сумму издержитъ на покупку пособій для своего дѣла, матеріаловъ, на разъѣзды, если захочетъ практичность своихъ соображеній относительно содержанія «Руководства» повѣрить въ томъ бытѣ, для котораго будетъ составляться руководство и проч. Конечно, общество говоритъ, что если «Руководство» удовлетворитъ требованіямъ, то сверхъ 300 р. оно готово вступить съ составителемъ въ соглашеніе относительно изданія «Руководства» на условіяхъ, которыя будутъ приняты съ обѣихъ сторонъ». Но какія условія общество найдетъ для себя выгодными? Какъ много можетъ разсчитывать авторъ на общество? Это покрыто мракомъ неизвѣстности. Такая неизвѣстность не можетъ привлечь къ объявленному конкурсу людей способныхъ, но живущихъ своимъ трудомъ. По крайней мѣрѣ мы, если бы чувствовали въ себѣ самый сильный педагогическій талантъ, за подобную работу не принялись бы. Такъ—мы полагаемъ — посмотрятъ на это дѣло и педагоги. И потому общество, при той ничтожной преміи, какую назначило теперь, можетъ ожидать конкуррентовъ или изъ лицъ даровитыхъ,

цѣнящихъ состояніе независимое; но такіе люди едва ли возьмутся за составленіе руководства; или, что всего вѣроятнѣе, изъ людей, для которыхъ писать «руководства» для первоначальнаго обученія грамотѣ ничего не стоитъ и которые въ годъ напишутъ такихъ руководствъ хоть цѣлый десятокъ. Въ такомъ случаѣ Россія, само собою разумѣется, мало выиграетъ отъ того, что у насъ однимъ «Руководствомъ» къ первоначальному обученію грамотѣ будетъ больше.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Разговоры и размышленія съ однимъ изъ моихъ друзей дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ... Прогулки и встрѣчи *In's Grüne*. — Петербургскія новости: мануфактурная выставка. — Ботаническія экскурсіи. — Загородныя гулянья. — Изданіе центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ: «Списки населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи».

— О, другъ мой! уже одинъ фактъ, что ты находишься въ неудовлетворенномъ состояніи, что ты недоволенъ, что ты въ тоскѣ, что ты страдаешь,—доказываетъ, что ты еще кипишь жизнію, сказалъ я господину съ огромной лысиной и съ значительно выдвинувшимся *сальникомъ*. Сальникомъ называется жиръ на желудкѣ, образующійся въ извѣстные года у людей, любящихъ покушать.

Другъ устремилъ на меня свои полусонные, закраснѣвшіеся глаза и произнесъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Полно, братецъ! я чувствую, что я совсѣмъ одряхлѣлъ и физически и нравственно...

Разговоръ этотъ происходилъ послѣ сытнаго обѣда, на галлереѣ одной изъ дачъ по П. дорогѣ.

День былъ жаркій (послѣ 10-дневныхъ жаровъ, у насъ появились было опять небольшіе морозцы), сирени и розы благоухали въ саду (черезъ два дня послѣ этого онѣ чуть не померзли); передъ нами былъ широкій прудъ, который въ крайнемъ случаѣ можно было назвать озеромъ; за озеромъ зеленѣли луга свѣжею, изумрудною зеленью; лѣсъ на горизонтѣ былъ въ синемъ пару... Глядя на эту картину, вдыхая въ себя ароматическій воздухъ, сознавая себя въ матеріальномъ положеніи совершенно обезпеченнымъ, и чувствуя

легкость въ желу́дкѣ, можно было отъ глубины души и даже со слезою въ глазѣ воскликнуть, вслѣдъ за Карамзинымъ:

«О, натура! сколь ты прекрасна!»

Но у друга моего желудокъ былъ обремененъ сильно, пищевареніе еще не совершилось: онъ дышалъ трудно, то опуская, то подымая вѣки, потъ выступалъ у него на лбу. Ему было тяжело, ароматическій воздухъ не освѣжалъ его, ему скорѣе нуженъ былъ спиртъ, или по крайней мѣрѣ *невская ароматическая вода* г. Кюкачева...

— Ты не одряхлѣлъ, сказалъ я, смотря на друга съ участіемъ:— а просто отяжелѣлъ послѣ обѣда. Выпей-ка зельтерской воды, это освѣжитъ тебя и твои мысли.

— Пожалуй. Ты вотъ все подсмѣиваешься надо мной, говорилъ онъ, попивая зельтерскую воду:—что я много ѣмъ, и полагаешь, кажется, что моя тоска и недовольство происходятъ отъ одного желудка, но ты ошибаешься...

Другъ мой произнесъ это вяло, зѣвнулъ и нехотя продолжалъ:

— Нѣтъ, этому причиной вся моя жизнь — печальная, жалкая, неудавшаяся жизнь.

— Ахъ, любезный другъ, всѣ наши жизни по большей части неудавшіяся! Что дѣлать?

— Полно, пожалуйста. Тебѣ грѣхъ жаловаться, тебя знаютъ, тебя читаютъ, на тебя нѣкоторые даже за страхомъ посматриваютъ (послѣднюю фразу другъ мой произнесъ, разумѣется, иронически),— а кому я нуженъ, для чего я живу?... Что я такое?

— Какъ что? — Ты дѣйствительный статскій совѣтникъ, кавалеръ ордена св. Станислава съ короной, Анны съ короной, безпорочной пряжки... за сколько, за 20 или за 30 лѣтъ?

— Ты вѣчно съ своими шуточками!

— Совсѣмъ не съ шуточками. Мы, — подъ мы я разумѣю людей дворянскаго происхожденія, — мы всѣ родимся для того, чтобы служить по военной или гражданской службѣ, и тотъ изъ насъ, кто достигаетъ въ извѣстныя лѣта (то есть лѣтъ подъ 50) генеральскаго чина и украшается знаками отличія, вполнѣ кажется совершаетъ назначеніе своей жизни,—чего же еще? Такъ думали и думаютъ по крайней мѣрѣ всѣ *благонамѣренные* и *благомыслящіе* изъ насъ... Я увѣренъ, что твой дѣдъ, твой отецъ, если бы они были живы, были бы вполнѣ счастливы, что тебя величаютъ «превосходительствомъ» и, глядя на твою изукрашенную шею, не могли бы нарадоваться на тебя... Конечно, можно идти и выше, но вѣдь не всѣмъ же быть фельдмаршалами и членами государственнаго совѣта... Вѣдь

и до генеральства-то достигаютъ не всѣ счастливцы,—подумай объ этомъ.

— Да что мнѣ въ моемъ генеральствѣ? возразилъ другъ съ досадою и оживляясь нѣсколько: — если бы оно еще соединялось съ какою нибудь выгодою, съ какою нибудь властію, а я едва и прокормить-то себя могу съ моимъ генеральствомъ! Облысѣлъ, посѣдѣлъ, а не умѣлъ поставить себя въ независимое положеніе! Посмотри на моихъ товарищей: хоть на Аркадія Александрыча, что ли? Какую деревеньку пріобрѣлъ! какъ устроилъ ее! — любо смотрѣть, точно игрушка! И все это пріобрѣтено и устроено службою... ты скажешь взятками? Ну, это еще вещь недоказанная; по моему, онъ просто человѣкъ практическій, гроши превращающій въ тысячи... Эти люди не то, что мы, — они и безъ взятокъ умѣютъ разжиться и устроить свою жизнь... Или Иванъ Николаичъ? у того можетъ-быть нѣтъ ни деревень, ни капиталовъ, да за то на какую ногу онъ умѣлъ себя поставить: теперь передъ нимъ на вытяжку стоитъ весь департаментъ, а черезъ нѣсколько времени станетъ, можетъ быть, на вытяжку все министерство. Онъ—правая рука министра, онъ со всѣми сильными міра сего на дружеской ногѣ... А меня, съ моимъ генеральствомъ, никто не знаетъ и знать не хочетъ. Мое титло—звукъ пустой, который особенно въ настоящее время, при теперешнихъ понятіяхъ и взлядахъ, не имѣетъ ровно никакого значенія, никакого смысла...

Другъ мой при этомъ даже поднялся съ креселъ.

— Неужели жь ты думаешь, что меня въ самомъ дѣлѣ занимаетъ мое генеральство? Хоть ты иногда и подтруниваешь несправедливо надъ моими *будто бы* отсталыми идеями, я только не утопистъ,—да ужь до какой бы степени, положимъ, я ни отсталъ,—я никогда не удовлетворился бы тѣмъ, что меня какой нибудь лакей, или департаментскій сторожъ назоветъ «ваше превосходительство». Что мое генеральство! Съ моимъ генеральствомъ я даже не достигъ до того, чтобы имѣть счастіе быть приглашаему къ министру; онъ несмотря на мое генеенеральсвво, кажется, и неподозрѣваетъ о моемъ существованіи, тогда какъ онъ зоветъ къ себѣ всѣхъ самыхъ ничтожныхъ мальчишекъ-франтовъ, подчиненныхъ ему...Разумѣется, я совершенно равнодушенъ къ этому, я на это, если хочешь, и вниманія не обращаю; но согласись же однако, что это если не оскорбительно, то смѣшно!..Вѣдь ты знаешь Петра Петровича? Это ужь пародія на человѣка,—неправда ли? Но и его приглашаетъ, а меня нѣтъ!.. Впрочемъ, все это вздоръ, въ наше время совѣстно и говорить о такихъ мелочахъ; но я такъ только сказалъ къ слову, чтобы показать, что мнѣ ничего не удается въ жизни даже въ пустякахъ, въ мелочахъ...Отъ чего

же, однако, *онъ* соблюдаетъ приличіе относительно другихъ, а не соблюдаетъ его относительно меня?.. Что ты ни толкуй, а моя жизнь самая неудавшаяся!

— Нѣтъ, ты не правъ, возразилъ я: — развѣ ты имѣлъ какую нибудь иную, неизвѣстную мнѣ цѣль жизни, — стремился къ ней и недостигъ ее, — въ такомъ случаѣ я беру мое «нѣтъ» назадъ; но если у тебя не было никакой другой цѣли, кромѣ службы, то, по моему, цѣль эта тобой вполнѣ достигнута: ты дошелъ до общаго рубежа всѣхъ среднихъ карьеръ, не доживши еще до полной старости, и жаловаться тебѣ на судьбу нечего...

— Однако я не хуже, не глупѣе и не менѣе образованнѣе многихъ, вскрикнулъ мой другъ съ нѣкоторою запальчивостію: — которые занимаютъ Богъ-знаетъ какія почетныя мѣста, или передъ которыми еще длинная перспектива впереди? Что Владиміръ Ильичъ умнѣе, что ли, меня? А я въ каждый праздникъ долженъ бѣжать къ нему и смиренно расписываться на его листѣ въ швейцарской... Я не хочу ничего, я не добиваюсь ни до чего. Если и было во мнѣ какое нибудь честолюбьишко, такъ оно ужь давно убито... Если бы мнѣ дали хоть тысячи три съ половиной въ годъ, я бы тогда ни слова не сказалъ: Богъ съ ними! Мнѣ не нужно ни власти, ни почестей. я не претендую на нихъ; во мнѣ нѣтъ пустаго тщеславія, хотя я все-таки скажу тебѣ, что сознаю, что я не хуже другихъ, которыхъ и возвышаютъ и награждаютъ, которымъ даютъ и аренды и пенсіи.

При этомъ недовольный другъ мой началъ мнѣ подробно описывать всѣ свои служебные подвиги, и что по его разсчету онъ долженъ бы былъ получить за нихъ.

— Вотъ и служи, послѣ этого! прибавилъ онъ, со вздохомъ въ заключеніе: — вы, литераторы, такіе счастливчики (при этомъ иронія показалась на лицѣ моего друга), — вы ни отъ кого не зависите, получаете за ваши фантазіи и фельетончики огромную плату, пользуетесь уваженіемъ, на васъ смотрятъ, какъ на избранныхъ... Вы теперь въ ходу, въ модѣ...

— Не завидуйте намъ, ваше превосходительство, перебилъ я его, улыбнувшись: — и наша доля не такъ завидна, какъ вамъ кажется издали, мы также подвержены разнымъ неблагопріятнымъ случайностямъ... О какой независимости вы говорите? Мы, какъ и вы одинаково зависимъ отъ произвола рока, отъ его минутной прихоти... *Мы* еще гораздо болѣе, чѣмъ вы... Вы имѣете оффиціальное значеніе. знаки усердія и благонамѣренности на шеѣ, или на груди и безпорочной жизни на отворотѣ фрака, вы защищены вашимъ званіемъ, а у насъ нѣтъ никакихъ внѣшнихъ знаковъ и удостовѣреній въ нашей благонамѣренности и хорошей нравственности, никакой га-

рантія. Замѣтьте, что для многихъ еще слово «литераторъ» есть синонимъ безнравственности, вольнодумства... ну, а вѣдь извѣстно, что съ людьми вольнодумными и безнравствеными нравственные люди не церемонятся...

— Э! да что ты толкуешь! перебилъ меня другъ: — все это было встарь, а теперь, когда всѣ мы болѣе или менѣе сдѣлались поклонниками прогресса, за исключеніемъ развѣ самыхъ закорѣнелыхъ староверовъ...

— Да, поклонники въ томъ смыслѣ, что мы не гонимъ отъ себя этотъ прогрессъ въ-шею, а вѣжливо расшаркиваемся передъ нимъ, все-таки искоса посматривая на него. Конечно, всѣ мы считаемъ себя прогрессистами — ты сочиняя какое нибудь отношеніе новымъ усовершенствованнымъ канцелярскимъ стилемъ, я пописывая свои «Замѣтки петербургской жизни»; г. Камбекъ — изобличая г. Козлянинова, г. Козляниновъ — изобличая въ свою очередь г. Камбека; всѣ мы гремимъ противъ злоупотребленій акціонерныхъ правленій и цаловальничьихъ продѣлокъ. Это прекрасно! Но, говоря по совѣсти, нашими подвигами мы не оказываемъ еще большихъ услугъ прогрессу и не приносимъ слишкомъ большой пользы человѣчеству и отечеству... Г. Камбека не увѣримъ, что его обличенія смѣшны; цаловальникамъ не внушимъ нравственности... Какъ будто легко втолковывать людямъ, что игра на биржѣ и картежная игра — безнравственны; что драться — дико и стыдно; что заниматься однимъ франтовствомъ, англійскими лошадьми и экипажами, и цѣлый вѣкъ добиваться только comme il faut'ности — глупо! Корыстолюбіе, дикость, тщеславіе, пустота пріобрѣтаются отъ рожденія, всасываются съ молокомъ, развиваются въ средѣ насъ окружающей и превращаются въ нашу плоть и кровь... Да и сами-то мы новаторы, прогрессисты и проповѣдники вязнемъ въ тинѣ и грязи разныхъ нелѣпостей, и никакъ до сихъ поръ не можемъ освободиться отъ этой тины, очиститься отъ этой липкой грязи, а только безтолково болтая барахтаемся въ ней.

Другъ мой сморщилъ лобъ, сжалъ нижнюю губу и произнесъ, какъ бы по нѣкоторомъ размышленіи:

— Да, это отчасти правда!

— «Пофилософствуй—умъ вскружится», прибавилъ я:—и невольно дойдешь до того убѣжденія, что наше минутное личное существованіе—презжалкое и преничтожное, и что этотъ прогрессъ, за который мы такъ горячо ратуемъ, вколачивается въ человѣчество съ большимъ усиліемъ, чѣмъ сваи въ твердую землю, а силишки-то у насъ вѣкъ.... Но, о другъ мой! замѣтилъ я съ нѣкоторою торжественностію, кладя руку на плечо его, въ ту минуту, когда онъ

громко зѣвнулъ и сладко потянулся, послѣ благополучно окончившагося пищеваренія: — разговоръ нашъ принимаетъ слишкомъ серьёзный характеръ... Не будемъ же впадать въ сокрушеніе о томъ, что Иванъ Николаичъ, будучи твоимъ сверстникомъ, имѣетъ уже Анну черезъ плечо, когда у тебя еще только Анна на шеѣ, что передъ нимъ дрожитъ цѣлый департаментъ, а передъ тобой одинъ только сторожъ, который снимаетъ шинели, вытягивается въ струнку,—все это въ сущности суета. Справедливость и истина еще далеки отъ насъ. О чемъ же сокрушаться? Это вредитъ пищеваренію. Если бы истина торжествовала теперь, — я не сомнѣваюсь, что ты былъ бы однимъ изъ первыхъ въ салонѣ министра и у тебя бы давно была Анна черезъ плечо, а у Ивана Николаевича можетъ быть и Станислава въ петлицѣ не было бы...

Другъ мой скорчилъ при этомъ непріятную гримасу.

— Пожалуйста безъ ироніи, сказалъ онъ сухо: — это совсѣмъ некстати.

— Не сердись, милый другъ; я только хотѣлъ показать тебѣ, что не одинъ ты страдаешь отъ неудавшейся жизни, что всѣ мы болѣе или менѣе страдаемъ отъ того же. Пойдемъ-ка разсѣяться на музыку...

Черезъ часъ мы прогуливались въ великолѣпномъ саду. Оркестръ гремѣлъ, били фонтаны и благоухали цвѣты. Толпы разнаго рода кавалеровъ, и разодѣтыхъ, натертыхъ пудрою, затянутыхъ и раскрахмаленныхъ дамъ и дѣвицъ чинно прохаживались по аллеямъ, или стояли у оркестра музыкантовъ; въ сторонѣ отъ этой толпы на стульяхъ сидѣло нѣсколько пышныхъ дамъ съ длинными хвостами; около этихъ стульевъ увивались изящнѣйшіе военные и статскіе господа. Они разговаривали по-французски громко и изрѣдка свысока бросая на толпу свои гордые взгляды, какъ будто толпа сошлась единственно для ихъ развлеченія и для ихъ забавы... Толпа, проходя мимо ихъ, посматривала на нихъ съ жаднымъ и робкимъ любопытствомъ, какъ бы сознавая собственную ничтожность передъ ними. Ничего натуральнаго, свободнаго не было ни во взглядахъ, ни въ движеніяхъ этихъ кавалеровъ, барынь и барышень, составлявшихъ толпу, ни малѣйшаго признака одушевленія на ихъ лицахъ; каждая какъ будто пришла сюда для того, чтобы показать свой туалетъ, похвастать имъ и пройтиться вѣшалкой, приведенной въ движеніе; каждый явился какъ будто съ единственною цѣлью повеличать передъ низшимъ и подличать передъ высшимъ; каждый и каждая усиливались казаться выше себя... То напыщенность и надменность, то лесть и подобострастіе попеременно выступали на этихъ неодушевленныхъ лицахъ. Картина была невеселая.

— Вотъ, сказалъ я моему другу, когда мы раза два прошли въ этой толпѣ:—попробуй растолковать этимъ господамъ и госпожамъ, что они пошлы, жалки, скучны, смѣшны, что они куклы, а не люди, что своею глупою натянутостію, изломанностію и искуственностію они наводятъ уныніе и распространяютъ вокругъ себя удушливый смрадъ; заражаютъ этотъ благоуханный воздухъ: что отъ ихъ дыханія и вѣянія вянутъ листы на деревьяхъ и цвѣты на стебелькахъ... Вѣдь они ни за что не повѣрятъ этому, а сочтутъ тебя за сумасшедшаго.

Мой другъ улыбнулся и кивнулъ въ знакъ согласія.

— А! вотъ N N, посмотри направо-то, сказалъ онъ мнѣ черезъ минуту, толкая меня подъ локоть и измѣняясь въ лицѣ.

N N, человѣчекъ съ хитрими, безпокойными глазками и съ орлинымъ, загнутымъ, какъ у Тьера, носомъ, шелъ намъ на встрѣчу съ высокимъ полногрудымъ военнымъ генераломъ... Толпа разступалась передъ ними, снимала шляпы и прикладывала руки къ козырькамъ.

Когда N N былъ не болѣе, какъ въ трехъ шагахъ отъ насъ, другъ мой тревожно приподнялъ руку къ полямъ шляпы; когда же N N поравнялся съ нами, другъ мой, почтительно глядя на него, снялъ свою шляпу и преклонилъ передъ нимъ благоговѣйно свою лысину.

N N вѣжливо отвѣтилъ на этотъ поклонъ.

Я взглянулъ на моего друга.

Лицо его точно озарилось солнцемъ, невольно выражая внутреннее умиленіе, а правый глазъ его съ нѣкоторымъ подобострастіемъ слѣдилъ за N N.

— А вѣдь N N, сказалъ онъ мнѣ:—по натурѣ хорошій человѣкъ. Какъ онъ со всѣми вѣжливъ, привѣтливъ!... А могъ бы, кажется!... Имѣетъ всѣ данныя, чтобы важничать передъ нашимъ братомъ!..

— Да, онъ прекрасный человѣкъ, безспорно... Нельзя же винить его за то, что онъ на освобожденіе крестьянъ смотрѣлъ искоса, всякаго мыслящаго человѣка считаетъ вольнодумцемъ... у всякаго свои взгляды. Прекрасный человѣкъ—и какое состояніе составилъ своею долговременной и безпорочной службой.

— Странно же требовать отъ стараго человѣка новыхъ, современныхъ идей! Конечно, онъ не прогрессистъ и не можетъ быть имъ, но онъ все-таки человѣкъ очень хорошій... Онъ...

Я видѣлъ, что мой другъ раздражался и готовъ былъ защищать NN до послѣдней крайности. Я круто перемѣнилъ разговоръ...

Отъ какихъ мелкихъ случайностей часто зависитъ наше мнѣніе о человѣкѣ — и какъ забавно наше самолюбіе! (подумалъ я)... Если бы NN не замѣтилъ поклона моего друга, или какъ нибудь важно кивнулъ

ему головою, мой другъ вѣроятно заговорилъ объ NN въ совершенно противоположномъ смыслѣ. Какія незначительныя уступки требуются со стороны сильныхъ міра сего *для* смягченія слабыхъ!...

Въ эту минуту подошелъ къ намъ мой товарищъ, занимающій довольно видное мѣсто, съ разными званіями, *тайный совѣтникъ, но явный другъ*, какъ сказалъ бы Ѳ. Н. Глинка.

— Ну что, душа моя, какъ ты поживаешь? привѣтливо сказалъ онъ мнѣ...

— Ничего, живу. А ты какъ?

— Плохо, скучно. Все идетъ не такъ, какъ хотѣлось бы...

Сановный товарищъ мой взялъ меня за руку и отвелъ немного въ сторону...

— Все съ *нашимъ* вожусь (такъ онъ всегда называлъ своего начальника). Добрѣйшая, ангельская душа—это всѣмъ извѣстно, но характера никакого: сегодня онъ соглашается съ однимъ мнѣніемъ, завтра съ другимъ, совершенно противуположнымъ, такъ что не знаешь чего держаться. Ты не повѣришь, какъ это тяжело. Думаешь: ну вотъ попалъ на дорогу, самъ же указалъ ее, и идешь твердымъ, ровнымъ шагомъ по этой дорогѣ... Вдругъ, ни съ того ни съ сего, говоритъ: «сворачивай—это дорога ложная; а вонъ та настоящая», а мѣсяцъ назадъ тому та считалась ложной. Вотъ тутъ и соображай и понимай. Трудно, очень трудно, милый!.. Я его душевно люблю (и онъ приложилъ ладонь къ своему сердцу и нѣсколько закатилъ глаза подъ лобъ), и онъ ко мнѣ такъ добръ, такъ внимателенъ, ласковъ... Вотъ еще третьяго дня я просидѣлъ у него цѣлый вечеръ почти глазъ на глазъ. Онъ нѣсколько разъ пожималъ мнѣ руку, — говоритъ: «Я васъ душевно люблю и вполнѣ цѣню ваши способности»... Просто, глядя на него, слезы на глазахъ,—такая душа, такая! (Сановный товарищъ мой качалъ головою въ умиленіи) Но вѣдь нельзя же безъ системы, согласись... Безъ системы напутаешь ужаснѣйшимъ образомъ... Ахъ жаль, жаль, жаль!.. Вѣдь согласись, что безъ системы невозможно?..

— Невозможно! невозможно! воскликнулъ я.

— То-то же и есть... Потомъ я тебѣ откровенно скажу, меня безпокоитъ тоже крестьянскій вопросъ... У меня въ деревняхъ, благодаря Бога, спокойно... Я это говорю не по эгоизму... Дѣло, конечно, прекрасное, но мы затѣяли его раненько, ей-богу раненько... Ну, прощай, душа моя, очень радъ, что тебя встрѣтилъ...

Когда сановный товарищъ оставилъ меня и я подошелъ къ моему другу, другъ мой спросилъ:

— Что̀ онъ сообщилъ тебѣ какія-нибудь важныя тайны?

— Нѣтъ, онъ такъ вообще размышлялъ о суетѣ міра.

— Ему хорошо разсуждать, возразилъ мой другъ:—о суетѣ при такомъ окладѣ, какъ онъ получаетъ!.. Не всѣмъ удается такъ выскочить, какъ ему... Впрочемъ онъ, кажется, добрый малый и съ довольно либеральными взглядами...

— О! да!.. но разумѣется, *до извѣстной степени.*

— Ты вездѣ подпускаешь иронію. Ну, да — *до извѣстной степени.* Я полагаю, что всякій благоразумный человѣкъ въ извѣстныхъ лѣтахъ долженъ быть такимъ. Намъ въ наши лѣта непристало быть, кажется, мальчиками-утопистами? по крайней мѣрѣ такъ я думаю. Можетъ быть я ошибаюсь... Я не люблю отсталыхъ людей, загрубѣлыхъ противниковъ улучшеній, но и мальчишескія мечты все переломать и передѣлать разомъ — возмущаютъ меня.

— И меня также... Но, другъ мой, 20 лѣтъ назадъ тому, если я не ошибаюсь, ты считалъ и уничтоженіе крѣпостнаго состоянія — утопіей,—а вотъ эта утопія осуществилась, превратилась въ фактъ, до котораго мы, маловѣрные, дожили!

— Да, слава Богу, но ты однако спроси у Василья Васильича; — ты знаешь, что онъ человѣкъ совершенно просвѣщенный и далеко неретроградный,—онъ съ своими крестьянами обращался всегда прекрасно и вовсе не противъ эманципаціи; а онъ находитъ, что если бы еще годковъ 10, 12 подождать, было бы можетъ быть и лучше. Можетъ быть, онъ и правъ.

— Да ну еще — посмотримъ, что изъ того выйдетъ! Я Россію знаю какъ свои пять пальцевъ, раздался громкій голосъ возлѣ насъ, не въ отвѣтъ впрочемъ моему другу. — Мы обернулись: мимо насъ проходилъ толстый откупщикъ съ рябоватымъ и огромнымъ лицомъ, важно посматривая по сторонамъ, какъ власть имѣющій; около него юлилъ и вертѣлся худощавый человѣкъ, въ которомъ я узналъ моего стариннаго знакомаго, самаго наивнаго изъ генераловъ, какихъ мнѣ случалось встрѣчать въ жизни.

Наивный генералъ, увидѣвъ меня и моего друга, подскочилъ къ намъ и крѣпко пожалъ намъ руки.

— А ты все около капиталовъ вьешься, шалунъ! сказалъ я ему.

Другъ мой улыбнулся, а наивный генералъ вспыхнулъ.

— Ахъ, господа, господа! произнесъ онъ, взглянувъ на насъ съ сожалѣніемъ: — какъ вы на все легкомысленно и поверхностно смотрите. Я не около капитала вьюсь, а около ума — обширнѣйшаго и свѣтлѣйшаго, можетъ быть самаго глубокаго ума во всей Россіи. Надо знать такъ близко этого человѣка, какъ я знаю, чтобы судить объ немъ. Это человѣкъ, который для блага отечества готовъ жертвовать всѣмъ, который вышелъ изъ народа, знаетъ народъ, какъ никто изъ васъ и пламенно любитъ его...

— Что и доказывается тѣмъ, перебилъ я:—что онъ на его гроши нажилъ милліоны и развивалъ его нравственность разсыропленной сивухой...

Наивный генералъ топнулъ о землю ногой въ негодованіи и произнесъ, задыхаясь:

— Фразы, фразы, пошлыя фразы! Это простительно говорить только какимъ нибудь фельетонистамъ безъ подметокъ и журнальнымъ писунамъ, выскочившимъ наканунѣ изъ бурсы... Если бы знали вы, мудрецы, его проэкты, предположенія, вы стали бы передъ нимъ на колѣни и рты разинули бы отъ благоговѣнія. Это человѣкъ государственный! Да съ вами вѣдь не столкуешь...

Наивный генералъ обратился къ моему другу...

— Я надѣюсь, что вы не раздѣляете его мнѣній? Онъ указалъ на меня и потомъ, махнувъ рукой, сказалъ:

— Это ужь человѣкъ неисправимый, сбитый съ пути...

И побѣжалъ догонять тучнаго откупщика съ государственнымъ умомъ и съ пламенною любовію къ народу.

— И онъ безкорыстно такъ за него вступается? спросилъ мой другъ, улыбаясь и провожая его глазами.

— Совершенно. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ добродушнымъ людямъ, которыхъ французы называютъ l'avocats des causes perdues. Онъ всю жизнь льнулъ ко всякимъ авторитетамъ: къ литературнымъ, административнымъ, промышленнымъ, терся около нихъ, распинался за нихъ и почти ничего не выигрывалъ отъ этого; только былъ ихъ забавою, не замѣчая того. Онъ не можетъ жить безъ безъ кумира, безъ патрона — и въ сію минуту его кумиромъ этотъ толстый откупщикъ...

— А что ни толкуй, замѣтилъ мой другъ: по всеобщему сознанію (я говорю не объ генералѣ, а объ откупщикѣ) онъ страшно уменъ, и я слышалъ отъ многихъ дѣльныхъ и совершенно безпристрастныхъ людей, что дѣйствительно у него необыкновенно финансовая голова...

— Да вѣдь это говорятъ про всѣхъ, которые нажили милліоны. У насъ до сихъ поръ единственная мѣрка для ума человѣка — деньги. Тотъ, кто нажилъ деревни, капиталы, дома — тотъ и уменъ. Если судить объ умѣ человѣка по числу домовъ, то самый глубокомысленнѣйшій и умнѣйшій человѣкъ въ Россіи господинъ Сорокинъ, пріобрѣвшій 68 домовъ въ Петербургѣ, — вотъ тотъ, которымъ съ такою любовію занимается «Искра».— «Умный человѣкъ, а ничего не умѣлъ нажить! Гдѣ же умъ-то?» твердятъ всѣ... Булгаринская «Пчела» объявила же Арманъ Мараста дуракомъ, потому что онъ, будучи ми-

ромъ города Парижа, умеръ безъ гроша и его похоронить было не на что.—Большинство до сихъ поръ смотритъ по булгарински...

Мой другъ сочувственно улыбнулся мнѣ и пріятно кивнулъ головою, потому что онъ не имѣлъ ничего и могъ сказать какъ древній философъ, указывая на свой лобъ: «Omnia mea mecum porto»...

Другъ мой, несмотря на свои лысину и сидину, проглядывавшую на вискахъ, чувствуетъ большую слабость къ прекрасному полу и не то, чтобы слишкомъ занимается собою, однако любитъ иногда прифрантиться и подстригаетъ волосы, торчащіе изъ носу и ушей. Онъ не пропускаетъ ни одной хорошенькой безъ замѣчанія или безъ восклицанія, но прибавляетъ къ этому всегда лаконически: «увы!» и нерѣдко вздыхаетъ.

Намъ встрѣтилась, между прочимъ, дама очень недурная собой, въ нѣсколько изысканномъ, но небезвкусномъ нарядѣ, съ длиннымъ хвостомъ, подметавшимъ дорожки, въ шляпкѣ съ перомъ à la Гарибальди, и съ неслыханной косой, поддерживаемый сѣткой. Рядомъ съ нею шелъ развязный господинъ среднихъ лѣтъ, очень пріятной наружности.

При взглядѣ на эту даму, другъ мой невольно вскрикнулъ:

— Какая прелесть! и потомъ спросилъ: — кто это такая?

— Какъ тебѣ сказать?.. отвѣчалъ я:— это очаровательное порожденіе безобразной праздности, возмутительной пустоты, нелѣпой суетности, глупаго тщеславія, соединеннаго съ невѣжествомъ; кукла, служащая забавою и хвастовствомъ для промотавшихся джентльменовъ, для мотающихъ купчиковъ, для целовальниковъ, нажившихъ милліоны, и вообще для всѣхъ избранниковъ, живущихъ и наживающихся на счетъ черни, *безсмысленнаго народа, поденьщика и раба нужды и заботъ.*

Другъ мой посмотрѣлъ на меня съ улыбкою и прибавилъ:

— Одна изъ тѣхъ, которыхъ воспѣвалъ ты?... Вѣдь тебя, кажется, величаютъ пѣвцомъ *камелій?*

— Именно.

— Прехорошенькая, однако!... Какъ ихъ размножилось въ Петербургѣ въ послѣднее время. Одинъ этотъ фактъ, прибавилъ онъ глубокомысленно и въ тоже время пронзительно впиваясь глазами въ разряженную даму: — доказываетъ однако, между прочимъ, что развитіе цивилизаціи, прогрессъ не слишкомъ-то служатъ къ улучшенію человѣческой нравственности...

— То есть ты хотѣлъ сказать къ улучшенію нашей джентльменской или откупщицкой нравственности? Это правда. Но вѣдь мы, джентльмены, только болтаемъ о прогрессѣ съ чужаго голоса, —что же касается до нравственности, то нравственность никогда не схо-

дится съ праздностію... Мы только заигрываемъ съ прогрессомъ, щеголяемъ имъ, какъ модою...

— Отчего же? Я не понимаю этого, возразилъ мой другъ, пожавъ плечами: — ты вѣчно вдаешься въ крайности... Все-таки, что вы ни толкуйте, *нашъ* классъ принадлежитъ къ образованнѣйшимъ классамъ, иниціатива идетъ отъ насъ, и слѣдовательно...

Мой другъ пустился было въ чиновную и джентльменскую философію, но въ эту минуту очень кстати прервалъ его господинъ, шедшій рядомъ съ разряженной дамой. Онъ подошелъ ко мнѣ съ восклицаніемъ:

— Здравствуй, голубчикъ, какъ поживаешь?

Знакомыхъ у меня бездна — чуть не весь аристократическій, военный и чиновный Петербургъ (я ужь не говорю о литературномъ Петербургѣ, къ которому я имѣю честь принадлежать самъ). Удивительнаго тутъ нѣтъ ничего, — я слишкомъ сорокъ лѣтъ почти безвыѣздно живу въ Петербургѣ... Съ кѣмъ не сталкивался я въ эти полвѣка?... Лѣтъ 15 назадъ тому, когда слово *прогрессъ* не производило такого пріятнаго впечатлѣнія, какъ теперь, и когда это слово даже считалось не совсѣмъ приличнымъ, — самое пріятное препровожденіе времени для джентльменовъ (какъ теперь толковать о прогрессѣ) было сидѣть съ утра до вечера у Дюссо и толкаться въ театрахъ. Тамъ-то сошелся я съ избраннѣйшими джентльменами, изъ которыхъ многіе до сихъ поръ сохранили ко мнѣ пріязненное расположеніе. Къ числу ихъ принадлежалъ господинъ, шедшій съ вышеупомянутой дамой. Вотъ почему онъ назвалъ меня, по старой памяти, нѣжнымъ именемъ «голубчикъ»...

Я пожáлъ ему руку. Онъ приложилъ руку къ шляпѣ, взглянувъ на моего друга. Другъ мой вѣжливо отвѣчалъ ему на поклонъ и смотрѣлъ на него съ какою-то особенною пріятностію. Несмотря на неоспоримый либерализмъ моего друга, у него непреодолимая слабость къ свѣтскимъ джентльменамъ древняго происхожденія. Если бы онъ былъ знакомъ съ Пушкинымъ, онъ уважалъ бы въ немъ несравненно болѣе его шестисотлѣтнее дворянство, чѣмъ талантъ — и Пушкинъ, вѣроятно, былъ бы очень доволенъ этимъ. Другъ мой любилъ иногда намекать на древность и своего рода: онъ производитъ себя отъ какихъ-то татарскихъ князей и чрезвычайно скорбитъ, что его прадѣдомъ потеряны всѣ доказательства, и что теперь онъ не можетъ отыскивать своего княжества... Одинъ изъ татаръ, продающихъ платки и халаты и живущихъ въ домѣ Тулякова у Аничкова моста, какъ я узналъ случайно, имѣетъ одинаковую фамилію съ моимъ другомъ. Я сообщилъ ему однажды объ этомъ важномъ открытіи. — Можетъ быть онъ тебѣ родственникъ, сказалъ я, — и кто знаетъ? Не

отыщешь ли ты у него своихъ документовъ на княжество? — Другъ мой чрезвычайно обидѣлся, и я могъ смягчить его только тѣмъ, что очень похвалилъ его слогъ. Онъ прочелъ мнѣ передъ этимъ нѣчто въ родѣ проэкта или соображенія.

— Я давно не имѣлъ удовольствія видѣть васъ, графъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ графу...

Послѣ нѣсколькихъ взаимныхъ любезностей моего друга съ графомъ, — я обратился къ послѣднему и указывая на перваго, сказалъ:

— Генералъ плѣнился дамой, съ которой ты шелъ. Представь его ей.

Другъ мой пришелъ въ большое смущеніе. Жилки на его щекахъ побагровѣли. Ему показалось, что я нарочно хочу его сдѣлать смѣшнымъ въ глазахъ потомка древней фамиліи...

— Какой вздоръ! прошипѣлъ онъ, дернувъ меня за пальто.—Вы не слушайте его, графъ, продолжалъ онъ, смѣняя мгновенно озлобленное выраженіе на самое пріятнѣйшее. — Вы вѣдь его знаете, онъ вѣчно шутитъ и старается язвить. Это ужь его манера. Я просто спросилъ, кто эта хорошенькая, вотъ и все.

— Прикажете представить васъ ей? спросилъ графъ, улыбаясь.

— Нѣтъ-съ, покорно васъ благодарю, — отвѣчалъ мой другъ, скрывая свое замѣшательство подъ натянутымъ смѣхомъ: — я уже слишкомъ старъ для этого. Мое время прошло... Вотъ для такихъ молодыхъ людей, какъ онъ, это другое дѣло... и другъ съ ироніей потрепалъ меня по плечу.

Стрѣла друга, какъ ни была ядовита, однако не уязвила меня. Къ этимъ стрѣламъ я давно привыкъ...

— Пройдемтесь по парку, сказалъ намъ графъ:—здѣсь смертельная тоска...

Въ паркѣ встрѣтили мы, между прочимъ, какой-то презамысловатый англійскій экипажъ, о четырехъ тончайшихъ колесахъ, изъ которыхъ два были огромной величины; середи этихъ колесъ болталась небольшая изящная люлька , въ которой сидѣлъ молодой человѣкъ лѣтъ 19, съ безукоризненною англійскою складкою , очень ловко управлявшій лошадьми.

— Кто этотъ юный англичанинъ? спросилъ мой другъ.

— Какой англичанинъ! Это чистѣйшій русскій, отвѣчалъ графъ: — наслѣдникъ огромнаго состоянія...

— Что же онъ такое—студентъ, что ли?...

— Нѣтъ... Онъ кончилъ домашній курсъ, то есть такъ кое-чему выучился: болтать по-французски, по-англійски... Его возили въ Англію; тамъ онъ пріобрѣлъ этотъ джентльменскій шикъ, оттуда

вывезъ лошадей и экипажей, тамъ научился управлять лошадьми и теперь полагаетъ, что ему уже ничего болѣе не остается, что онъ пріобрѣлъ полное блестящее европейское образованіе и можетъ удивлять собственной особой свое дикое отечество. Ну, что путнаго выйдетъ изъ такого господчика?... А вѣдь, по его связямъ, ему непремѣнно предстоитъ блистательная карьера... Его доведутъ до степеней извѣстныхъ; отъ него будетъ зависѣть участь нѣсколькихъ сотенъ, а можетъ быть и тысячъ человѣкъ; а онъ, кромѣ англійскихъ лошадей, разумѣется, ничѣмъ, никогда не будетъ въ состояніи управлять... Все это ни на что непохоже. Жалуются, что старинныя фамиліи вырождаются, что потомки знаменитыхъ предковъ ни на что непохожи, да, помилуйте, какъ же имъ быть на что нибудь похожими, коли ихъ оставляютъ на произволъ, ничему не учатъ, когда подъ этою англійскою джентльменскою складкою кроется дикое, татарское невѣжество.

— Да какъ же, спросилъ я:—хоть съ небольшимъ родительскимъ чувствомъ и при этихъ громадныхъ средствахъ—не дать порядочнаго воспитанія своимъ дѣтямъ? Я этого не понимаю. Ну, положимъ отцы... тѣмъ нѣкогда—служба, интриги, спекуляціи, карты, клубы; а матери-то?

— Какой ты чудакъ! а будто матерямъ есть время заниматься дѣтьми? У нихъ еще менѣе времени, чѣмъ у отцовъ... Утромъ туалетъ, утренніе визиты, потомъ опять туалетъ, прогулка въ экипажѣ, опять туалетъ,—обѣдъ, вечерній или бальный туалетъ, выѣздъ въ театръ, на балъ, переписка съ друзьями, разныя интриги, вмѣшательства не въ свои дѣла, тонкія сплетни, и такъ далѣе... Къ тому же всѣ свѣтскія маменьки никакъ не хотятъ старѣться и съ нѣкоторой досадой смотрятъ на вытягивающихся дѣтокъ своихъ. Онѣ употребляютъ всѣ возможныя усилія и невѣроятныя косметическія средства, чтобы до-нельзя нравиться, т. е. лѣтъ до 60... Подъ 60 лѣтъ онѣ женятся на своихъ возлюбленныхъ, по большей части парижскихъ парикмахерахъ, покупаютъ имъ виконтства, маркизства, ордена, звѣзды... Чего же ждать отъ такихъ матерей?... Замѣть еще, что этотъ пріѣхавшій франтикъ по-русски плохо знаетъ и русской книги въ глаза не видалъ; онъ учился по-англійскимъ и по-французскимъ учебникамъ, т. е. не учился, а заглядывалъ иногда въ нихъ такъ для порядка и приличія; а кто знаетъ, можетъ быть онъ будетъ современемъ завѣдывать какою нибудь отраслью народнаго просвѣщенія, или вообще просвѣщеніемъ?

Графъ захохоталъ.

— Правда вѣдь? сказалъ онъ.—Однакожь я съ вами заболтался,

господа. La dame en question ждетъ меня. Я обѣщалъ у нея на дачѣ чай пить... Прощайте...

Остроумный графъ сѣлъ въ коляску, которая за нимъ ѣхала и исчезъ, какъ молнія, поразивъ совершенно моего друга своимъ умомъ и здравыми разсужденіями...

— Какой славный, умный человѣкъ! произнесъ онъ съ жаромъ: — вотъ если бы такихъ графовъ въ Россіи было побольше, тогда бы иное дѣло... О, тогда...

— Ничего. Было бы то же самое, перебилъ я утвердительно: — графъ этотъ человѣкъ очень хорошій, сердце у него доброе, мягкое, онъ дѣйствительно не глупъ, имѣетъ кое-какое образованіе, по-русски читаетъ не безъ труда, и то только, что попдется ему изъ пріятельскихъ сочиненій. Онъ всю жизнь — ему ужь теперь гораздо за 30 — больше ничего не дѣлалъ, какъ таскался за *этими* дамами, здѣсь и въ Парижѣ, сорилъ безъ толку деньги на разныя глупости и проѣдался въ ресторанахъ. Какой же изъ него толкъ выйдетъ?...

— Неужели? наивно воскликнулъ мой другъ, поднявъ плечи, въ знакъ изумленія. — Ахъ! люди, люди! прибавилъ онъ послѣ минуты размышленія и, пріосанясь, продолжалъ съ нѣкоторою торжественностію: — еще великій сердцевѣдецъ Макіавелли сказалъ, не помню, гдѣ именно, въ одномъ изъ своихъ сочиненій: «каждый», говоритъ онъ: «завидуетъ и надѣется возвыситься надъ другимъ, не на основаніи собственныхъ достоинствъ, а притѣсняя то одного, то другаго. Каждый съ досадою смотритъ на счастіе своего ближняго — и потому усердно хлопочетъ о томъ, чтобы разрушить его счастье...»

Произнеся это, онъ вздохнулъ и покачалъ головою.

— Далеко ли ушло наше современное общество отъ макіавелевскаго? Конечно я вѣрю прогрессу, но...

Никакъ неожиданная цитата изъ Макіавелли такъ поразила меня, что послѣ этого я не нашелся ничего сказать, какъ прервать моего друга восклицаніемъ:

— Какой чудный вечеръ! какой воздухъ—прелесть! а взморье-то, какъ зеркало! — Мы подошли къ Монъ-Плезиру и, вступивъ на мраморныя плиты площадки, расположились на одной изъ крайнихъ скамеекъ и закурили сигары. Противъ насъ сидѣли два пожилые нѣмца (нѣмцы такъ и кишатъ во всѣхъ петербургскихъ окрестностяхъ), не совсѣмъ благосклонно посматривавшіе на насъ и что-то вполголоса бормотавшіе между собою...

— Сигара въ сію минуту — истинное наслажденіе! воскликнулъ мой другъ, выпуская струйку дыма.

Только-что онъ произнесъ это, какъ передъ нами появился ла-

кей въ галунахъ и объявилъ, что здѣсь сигаръ курить не дозволяется.

Дѣлать было нечего—мы бросили наши сигары. Нѣмцы съ удовольствіемъ посмотрѣли на лакея, насмѣшливо на насъ, а потомъ съ улыбкою другъ на друга и кивнули головами.

— Здѣсь, конечно, удивительно хорошо, замѣтилъ я:—фонтаны, мраморы, аллеи проведенныя въ нитку, камешки на подборъ, вправо Исакій съ своимъ золотымъ куполомъ, влѣво Кронштатъ съ своими мачтами... Картина великолѣпная... а все лучше, если бы мы лежали теперь гдѣ нибудь подальше отъ Петербурга, на травѣ, на берегу какой нибудь извилистой рѣчки, любуясь колосистою рожью, синѣющимъ лѣсомъ на горизонтѣ... и такъ далѣе. Тамъ, по крайней мѣрѣ, намъ никто не помѣшалъ бы наслаждаться сигарами...

— Да, но... мы въ самомъ дѣлѣ сдѣлали неловкость, закуривъ здѣсь сигары... сказалъ мой другъ съ безпокойствомъ: — какъ это мы не догадались, что здѣсь курить нельзя...

Солнце садилось великолѣпно. Кронштатъ съ своими мачтами тонулъ въ золотистомъ туманѣ... Мы приготовились было наслаждаться этой картиной, но мраморная площадка наполнялась все болѣе и болѣе избранными дамами и кавалерами и превратилась наконецъ въ *салонъ*. На насъ начинали посматривать вопросительно: «что вы за люди? зачѣмъ вы здѣсь?» Я читалъ ясно эти вопросы на лицахъ избраннаго общества—и мнѣ становилось неловко, воздухъ казался удушливымъ и закатъ солнца театральнымъ.

— Уйдемъ отсюда, шепнулъ я моему другу.

Но мой другъ, кажется, ощущалъ совершенно противоположное мнѣ. Ноздри его расширялись съ какимъ-то наслажденіемъ, глаза его сладостно перебѣгали отъ одной *избранной* къ другой, отъ одного *избраннаго* къ другому. На небесную картину онъ уже не обращалъ ни малѣйшаго вниманія; онъ весь погрузился въ созерцаніе земныхъ свѣтилъ...

— Какой ты чудакъ! сказалъ онъ черезъ минуту, не хотя подымаясь съ скамейки: — куда ты торопишься? Еще поспѣемъ домой. Здѣсь такъ хорошо...

— Да если тебя такъ интересуютъ эти госпожи и господа, то пожалуй останемся. Нѣтъ жертвы, которую бы я не былъ бы въ состояніи принести для друга.

— Неужели ты думаешь, что меня они интересуютъ? Что мнѣ за дѣло до нихъ? Посмотри, какой великолѣпный закатъ! Оторваться не хочется отъ этой картины.

Другъ мой, однако, всталъ быстро со скамейки; я было упрашивалъ его остаться, онъ не согласился. Всю дорогу до дома мы молча-

ли. Онъ видѣлъ, что я читаю сокровенныя помыслы его души — и дулся на меня.

За тѣмъ онъ не выдержалъ и съ нѣкоторымъ озлобленіемъ завелъ рѣчь о томъ, что въ нашей литературѣ проявляется какая-то грубая нетерпимость, ограниченность взгляда, вслѣдствіе котораго безъ всякаго основанія преслѣдуется порядочное общество и предаются чуть не проклятію достойные всякаго уваженія люди, съ совершенно либеральнымъ и современнымъ воззрѣніемъ, принадлежащіе къ этому обществу, или поддерживающіе съ нимъ связи...

— Читалъ-ли ты превосходную статью Павлова по поводу статей о юбилеѣ князя *Вяземскаго*? — спросилъ меня мой другъ.

— Нѣтъ, не читалъ, отвѣчалъ я: — мнѣ до крайности надоѣли споры и толки объ этомъ юбилеѣ...

— Напрасно... Послушай... Онъ взялъ одинъ изъ № «Искры» и прочелъ съ торжествомъ слѣдующую выписку изъ статьи г. Павлова:

«А! вы браните великосвѣтское общество, запрещаете намъ ходить въ него; позвольте же спросить васъ: куда мы пойдемъ? Какое же общество лучше великосвѣтскаго?.. Не рѣшитесь ли вы назвать намъ кругъ крестьянъ? Но согласитесь, что и они не ангелы во плоти. Отъ какихъ бы причинъ ни происходили ихъ недостатки, нельзя же для этихъ дѣтей природы покинуть прелести Петербурга, держать съ ними постоянную бесѣду на завалинѣ и ѣздить на вечера по курнымъ избамъ...»

— Я думаю, что такъ. Какъ ты полагаешь?

Мой другъ посмотрѣлъ на меня съ вопросительной проніей и продолжалъ чтеніе:

«Какъ вы ни разогрѣты огнемъ сочувствія къ меньшей братіи, но если наложить на васъ эту эпитемью, то вы сами едва ли не будете рады броситься опрометью даже въ великосвѣтскій кругъ и облобызать самаго отчаяннаго изъ его представителей... Не пожелаете ли *помѣстить насъ въ кругъ мѣщанъ?...»*

— Нѣтъ, перебилъ я, — мы знаемъ, что вы мѣщане во дворянствѣ и не хотимъ выводить васъ изъ вашей среды...

«Но вѣдь наши мѣщане не тѣ мѣщане», продолжалъ читать мой другъ, не обративъ вниманія на мое замѣчаніе: «которые въ средніе вѣка дѣлали крѣпости изъ своихъ домовъ, чтобы защищаться отъ бароновъ, не тѣ, которые предъявляли французской аристократіи права человѣка... Теперь по порядку слѣдуетъ купеческій кругъ...» и такъ далѣе.

Другъ мой бросилъ газету и оборотился ко мнѣ:

— Какъ ты находишь? Павловъ-то правъ... Куда жь намъ, господа, прикажете дѣваться?—не на завалинкахъ же въ самомъ дѣлѣ

намъ проводить наши вечера, не въ харчевняхъ же въ обществѣ сибирокъ?..

— Да развѣ литература мѣшаетъ г. Павлову и тебѣ, если вамъ такъ хочется, посѣщать салоны, упиваться великосвѣтскими (и)роуціаціями; нашивать, для большаго шику, пугонищы съ гербами и коронами на ливрею вашихъ лакеевъ, даже если вы и не имѣете права на гербы и короны? Какое литературѣ дѣло до этого?.. Я не понимаю, изъ чего такъ горячится г. Павловъ?.. Это сраженіе съ вѣтряными мельницами! Кто его тянетъ на завалинки?.. Меня удовлетворяетъ, напримѣръ, небольшой, кружокъ пріятелей comыслящихъ и сочувствующихъ мнѣ; и я живу въ немъ, не нуждаюсь ни въ харчевняхъ, ни въ салонахъ, ни въ завалинкахъ, ни въ аристократическомъ, ни въ мужицкомъ, ни въ мѣщанскомъ обществѣ... И въ томъ, и въ другомъ и въ третьемъ я буду совершенно чужимъ... На завалинкѣ намъ будетъ такъ же неловко, какъ въ салонѣ, — мнѣ, тебѣ и г-ну Павлову. Если насъ и допустятъ въ салоны, то и насъ будутъ смотрѣть тамъ все-таки съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ, покровительствомъ... Если ты и г. Павловъ можете переносить это—и прекрасно. Но мнѣ кажется, развитому и мыслящему человѣку тамъ только дышется легко и говорится свободно, гдѣ онъ чувствуетъ полное равенство во всѣхъ отношеніяхъ... И какой обмѣнъ мыслей найдете вы въ салонахъ?.. Обмѣнъ фразъ—да, можетъ быть... Если игра въ фразы кажется вамъ въ ваши лѣта забавною—забавляйтесь, бога-ради, никто не помѣшаетъ вамъ. Я, по крайней мѣрѣ, понимаю пріятность только одного общества, составленнаго изъ людей развитыхъ и мыслящихъ, — отъ такого общества я не прочь.

Но такія общества составляются по бо́льшей части изъ людей разныхъ сословій: тутъ попадаются иногда и мѣщане, и купцы, и аристократы, и люди вышедшіе изъ духовнаго званія и дворяне *средняго рода*... Нѣтъ, г. Павловъ Богъ-знаетъ что выдумываетъ на литературу... Литература никогда не запрещала никому ѣздить въ высшее общество, надѣвать желтые перчатки, лакированные сапоги, нюхать французскій табакъ изъ золотой табакерки рококо, воспринимать манеры какого нибудь князя или графа и отпускать блестящія либеральныя фразы... Если г. Павлова принимаютъ въ салоны и слушаютъ его — тѣмъ лучше для него. Мы желаемъ ему полнаго успѣха и кредита въ салонахъ, тѣмъ болѣе, что литературный кредитъ его сильно поколебался въ послѣднее время...

— Ну, да что бы ты ни говорилъ, а въ васъ во всѣхъ господахъ есть что-то враждебное къ людямъ высшаго общества...

— *Ты несправедливъ, Сережа!* воскликнулъ я, обнимая моего дру-

га: — развѣ я къ тебѣ имѣю что нибудь врожденное?.. А ты вѣдь ведешь свой родъ отъ татарскихъ князей...

Другъ мой на этотъ разъ неразсердился, а расхохотался, хотя довольно принужденно.

Остальной вечеръ мы провели прекрасно. Я избѣгалъ всего щекотливаго въ разговорѣ. Мы разсуждали о европейской политикѣ, глубоко сожалѣли о неожиданной смерти Кавура, удивлялись его глубокой политикѣ, изъявляли конечно пламеннѣйшее желаніе, чтобы итальянцы безпрепятственно довершили свое великое дѣло. При этомъ мы долго толковали о запутанной и нѣсколько противорѣчащей, по нашему мнѣнію, политикѣ Наполеона — особенно относительно итальянскаго вопроса... Другъ мой полагалъ, что Наполеонъ стремится къ такой-то цѣли; я утверждалъ, что, наоборотъ, къ совершенно другой. Мы спорили долго, однако не могли ничего рѣшить положительно и сошлись только въ одномъ, что императоръ французовъ принадлежитъ къ тончайшимъ, къ самымъ ловкимъ и хитрымъ политикамъ и восклицали, качая головами: «Уменъ, ужь какъ уменъ!»

Мы всѣ разсуждаемъ о политикѣ немножко въ родѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ.

Къ концу нашихъ политическихъ разсужденій мы почувствовали легкую и пріятную дрему... Имена Риказоли, Ратаци, Кавура, Гарибальди, Виктора-Эммануэля, Наполеона, турецкаго султана, Франца-Іосифа, Деака, и такъ далѣе, вяло сходили съ нашихъ языковъ. Другъ мой рѣшилъ, кажется, въ заключеніе, что для блага человѣчества необходимо желать торжества умѣренной либеральной партіи...

Я задремалъ и хорошенько не слыхалъ его словъ.

На сонъ грядущій онъ выпросилъ у меня послѣднюю книжку «Revue des deux mondes». Журналъ этотъ былъ его любимою, настольною книгою; онъ черпалъ изъ него свою житейскую мудрость.

«А все таки», думалъ я безсвязно сквозь дрему: «мы совершили довольно значительный прогрессъ, чтобы ни говорили. Вѣдь тридцать лѣтъ назадъ тому у насъ не было и такихъ генераловъ, какъ мой другъ. Мой другъ — человѣкъ разсуждающій, смотрящій...»

Я совсѣмъ было уже задремалъ, но вдругъ отчего-то проснулся и подумалъ:

«Впрочемъ онъ принадлежитъ къ не совсѣмъ довольнымъ, а если бы онъ былъ *совсѣмъ доволенъ*, получилъ бы, напримѣръ, хоть аренду и ленту черезъ плечо, разсуждалъ-ли бы онъ такъ, какъ разсуждаетъ теперь?..» Этотъ вопросъ я не рѣшилъ, потому что заснулъ очень крѣпко. На другой же день, когда при взглядѣ на моего

друга, вопросъ этотъ снова возникъ въ моей головѣ, я подумалъ, что его рѣшать не стоитъ...

— Ну, что ты вычиталъ хорошенькаго въ «Revue des deux mondes», спросилъ я моего друга за утреннимъ кофе.

— Превосходный журналъ! воскликнулъ онъ съ жаромъ:—какія умныя, дѣльныя статьи. Какую статью ни разверни—зачитаешься...

Въ русскіе журналы мой другъ заглядываетъ рѣдко и не хотя. Онъ не питаетъ къ бѣднымъ русскимъ литераторамъ довѣрія. Онъ смотритъ на произведенія русской мыслительности, какъ всѣ мы смотримъ на произведенія русской промышленности: — желаемъ ей процвѣтать, а покупаемъ все-таки французскіе и англійскіе товары...

Кстати о русской промышленности. 1 іюня открылась мануфактурная выставка.

Я не намѣренъ серьезно обозрѣвать выставку, это не мое дѣло. Для такого обозрѣнія потребовалась бы цѣлая брошюра. Я обязанъ только упомянуть о ней, потому что выставка эта принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ явленіямъ петербургской жизни за іюнь мѣсяцъ. Говорятъ, что будто бы нынѣшняя выставка не представляетъ значительнаго прогресса со времени послѣдней выставки. Съ этимъ соглашаются многіе... даже экспоненты; но они справедливо замѣчаютъ, что время для выставки назначено самое неудобное; что въ мартѣ и апрѣлѣ наши пути сообщенія до крайности плохи и потому мануфактуристы и фабриканты отдаленныхъ губерній вовсе не представили своихъ произведеній на выставку... Время, выбранное для выставки, — дѣйствительно неудачное. Она открыта тогда, когда весь Петербургъ разъѣзжается.

Я былъ только одинъ разъ на выставкѣ. Въ это утро зала была почти пустая.

Прежде всего бросается въ глаза, еще до входа на самую выставку, *войлочная изба г. Бардовскихъ.* На сооруженіе этой крошечной избы потрачено, вѣроятно, не мало труда, матеріала и времени—и потрачено безполезно. Это праздная фантазія богатаго фабриканта, игрушка для какого нибудь великолѣпнаго парка, но игрушка, стоющая 1,700 р. с!... Да на такія деньги экономный человѣкъ построитъ очень порядочный дачный домикъ. Изъ войлока можно бы дѣлать гораздо полезнѣйшія и доступнѣйшія для всѣхъ издѣлія.

Зала и лѣстница, гдѣ помѣщается выставка, расположены довольно живописно... На лѣстницѣ и въ залѣ, при входѣ выставлены между прочими произведенія роскоши: бронзовыя издѣлія, канделябры, лампы, люстры гг. Шопена, Штанге, Генке, Плеске, и другихъ, чугунныя и желѣзныя издѣлія г. Расторгуева, г-жъ Зотовой, Харитоновой и другихъ. Нѣкоторые изъ бюстовъ и изобра-

женія животныхъ исполнены довольно удачно.—Замѣчательны также издѣлія модельной мастерской морскаго вѣдомства, особенно модель 46-типушечнаго винтоваго фрегата «Аскольдъ» въ $^1/_{12}$ долю, модель въ $^1/_{96}$ долю 111-ти пушечнаго винтоваго корабля «Николай I». Экипажей выставлено множество. Всѣ они отличаются, впрочемъ, не столько изяществомъ и тонкостію отдѣлки, сколько тяжеловатостью и цѣнностію; по внѣшнему выполненію они не могутъ быть сравниваемы съ парижскими и лондонскими экипажами. Можетъ быть, не щеголяя тонкостію отдѣлки и граціей, они могутъ похвалиться прочностью... Въ такомъ случаѣ это прекрасно. Дѣйствительно, при нашихъ мостовыхъ — солидность и прочность въ экипажѣ главное достоинство.

Сильное вниманіе посѣтителей (да и немудрено!) возбуждаютъ бронзовые часы г. Кумберга, изображающіе аллегорически «благословеніе Россія». Рисунокъ и модель составлены самимъ фабрикантомъ. Представлена, изволите видѣть, лицевая сторона глобуса и на ней выгравирована карта Россіи. Въ центрѣ циферблата, у оси часовыхъ стрѣлокъ, показана на картѣ Москва. Числа вырѣзаны славянскими цифрами. Часовая стрѣлка въ формѣ короны съ ниспадающею андреевскою лентою. Минутная стрѣлка представляетъ скипетръ, число 12 (полдень и полночь) помѣщено на картѣ надъ Петербургомъ. При звонѣ каждаго часа раздаются звуки «Боже Царя храни». Надъ глобусомъ двуглавый орелъ, держащій въ лѣвой лапѣ морской флагъ, а въ правой сухопутное знамя Имперіи. Надъ орломъ геній-хранитель, имѣющій ликъ императрицы Маріи Александровны, подъ нимъ два ангела. Тутъ же рогъ изобилія. Подножіе часовъ состоитъ изъ аллегорическихъ фигуръ: промышленности, наукъ и художествъ и изъ фигуры съ серпомъ и съ расторгнутою цѣпью, изображающую, вѣроятно, освобожденіе крестьянъ... Тутъ, между прочимъ, и Рюрикъ, опирающійся мечемъ на новгородскую грамоту. Какая удивительная нѣмецкая фантазія! Г. Кумбергъ преостроумный господинъ!

Посеребраныя зеркала Женисье и Комп. обращаютъ на себя вниманіе своей величиною. Серебряныя издѣлія гг. Губкина, Шопена и Сазикова лучше другихъ.

Въ отдѣленіи императорскихъ фабрикъ останавливаешься невольно на мозаическихъ картинахъ. Изъ нихъ особенно замѣчательна копія съ «Ангела» Нефа (оригиналъ которой намъ впрочемъ совсѣмъ не нравится). Она еще не отшлифована. Кромѣ мозаистовъ-художниковъ, здѣсь мы находимъ нѣсколько мозаичныхъ произведеній трудовъ монахинь Дивѣевскаго монастыря, обучающихся мозаическому искусству по волѣ императрицы, и два очень хорошіе моза-

ичные прессъ-папье работы г-жи Языковой.—Все это доказываетъ, что мозаичное искусство у насъ теперь въ большомъ ходу. Этимъ мы отчасти обязаны искусному химику г. Бонафеде, состоящему при мозаическомъ отдѣленіи императорскаго стеклянаго завода, который довелъ составленіе эмалей или смальтъ до совершенства. Г. Бонафеде соперничаетъ съ извѣстной мозаичной студіей Барбьери въ Римѣ. На всемірную выставку 1862 г. въ Лондонѣ, между прочимъ назначена, какъ мы слышали, мозаичная картина художника Хвѣлевскаго и копія съ одной изъ мадонъ Рафаэля, писанная на стеклѣ г. Васильевымъ...

Какъ порадовался бы успѣху мозаичнаго искусства въ Росіи Ломоносовъ, написавшій похвальное слово стеклу, самъ, какъ химикъ, составлявшій стеклянную массу и съ любовью занимавшійся мозаическимъ искусствомъ!

Представителями фарфоровыхъ издѣлій на выставкѣ явились братья Корниловы, гг. Мальцовъ, Кузнецовъ, наслѣдники Бахметева и другіе...

Но всего не перечислить. Я указалъ только на то, что болѣе всего бросилось мнѣ въ глаза при бѣглой прогулкѣ... Ахъ, чуть было не забылъ... При выходѣ меня поразило произведеніе какого-то обойщика, выставившаго исполинскую кушетку въ формѣ леопарда или льва, съ закрученнымъ хвостомъ, служащимъ спинкою. Левъ этотъ или леопардъ покрытъ оранжевымъ бархатомъ и глаза у него вставлены большіе стеклянные. — Прелестно! Часы г. Кумберга и эта кушетка, это перлы выставки... по крайней мѣрѣ по части фантазіи.

Я увѣренъ, что и обойщикъ — нѣмецъ. Гдѣ жь выдумать это русскому?...

Вотъ новость — и, кажется, небывалая у насъ. Г. профессоръ Михайловъ разъ въ недѣлю совершаетъ ботаническія прогулки по петербургскимъ окрестностямъ. Первая его экскурсія была въ *Дудергофѣ*. Вторая — на *Вѣнкахъ* (близь Ораніенбаума), третья въ Парголовѣ. Нѣсколько студентовъ и молодыхъ людей очень усердно ботанизировали подъ руководствомъ профессора... Это очень пріятно, здорово и полезно. Профессоръ, говорятъ, четвертою своею прогулкою назначаетъ *Глухоозерскую ферму* императорскаго стеклянаго завода. Тамъ началась обработка торфа по новому способу. Одинъ изъ торфологовъ покажетъ ученикамъ г. Михайлова способъ рѣзанія торфа и его обработки. Г. Михайловъ сдѣлалъ очень хорошо, введя у насъ эти научныя прогулки, которыя въ Германіи въ большомъ ходу въ каникулярное время...

Опустѣвшій Петербургъ, по обыкновенію, представляетъ печальное зрѣлище: взрытыя повсюду мостовыя для водопроводовъ

(когда же проведется наконецъ эта вода?) и газа, новые торцы на Невскомъ проспектѣ, лежащіе грудами, и старые взломанные и превратившіеся въ гнилыя щепки, духота, пыль, лѣса для построекъ, качалки съ висящими на воздухѣ въ люлькахъ малярами и прочее... Всѣ его болѣе или менѣе праздные жители, то есть всѣ *наши* переселились въ окрестности: на Каменноостровскомъ театрѣ даются театральныя представленія; на Виллѣ Боргезе, или въ Monde Brillant (дача Гарнфункеля у Каменноостровскаго моста, проданная, говорятъ, г-жѣ Руадзе) неувядаемый Излеръ открылъ увеселительные вечера; на Охтѣ (на дачѣ графа Кушелева) также гремитъ какой-то оркестръ; въ Павловскомъ воксалѣ отличается, по обыкновенію, г. Штраусъ. Словомъ, всѣ окрестности петербургскія оживились и одушевились... Лѣто у насъ до сихъ поръ довольно удачное, послѣ жаровъ начинаютъ перепадать теплые дожди, громъ грохочетъ въ отдаленіи. Въ концѣ мая можно уже было купаться... Что-то будетъ дальше?...

На дняхъ мы получили двѣ любопытныя книжки: «Списки населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи», составленные и издаваемые центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ... Первая заключаетъ въ себѣ списки Архангельской, а вторая Астраханской губерніи... Вотъ, что говоритъ въ заключеніе завѣдывающій статистическимъ отдѣломъ г. Тройницкій о планѣ этого полезнаго изданія:

«Если статистическій отдѣлъ успѣетъ, въ неслишкомъ продолжительный срокъ, издать списки всѣхъ губерній и областей, которые составятъ, по примѣрному разсчету, отъ 500 до 600 печатныхъ листовъ, то это будетъ, вѣроятно, самый огромный статистическо-административный матеріалъ, собранный и по возможности обработанный, *о всей Имперіи.*

«Для правительства и мѣстной администраціи списки послужатъ прежде всего, въ настоящее время, весьма полезнымъ пособіемъ при устройствѣ и разграниченіи сельскихъ волостей, сообразно съ дѣйствительнымъ размѣщеніемъ жителей, по условіямъ народнаго быта и топографическому очертанію мѣстъ. По изданіи же списковъ по всей Имперіи, они дадутъ средства къ сокращенію, во многихъ отношеніяхъ, оффиціальнаго дѣлопроизводства, представляя собою, съ одной стороны, для мѣстныхъ начальствъ, полный готовый маршрутъ по каждой губерніи, а съ другой — избавляя отъ необходимости, при каждомъ административномъ и правительственномъ мѣропріятіи, собирать вновь свѣдѣнія объ относительномъ значеніи каждой мѣстности въ губерніи, по числу дворовъ и жителей, о существующихъ въ каждомъ мѣстѣ церквахъ и молитвенныхъ зда-

ніяхъ, объ учебныхъ, благотворительныхъ, промышленно-торговыхъ и другихъ учрежденіяхъ; достаточно будетъ повѣрять и исправлять издаваемые списки, чрезъ опредѣленные періоды, въ каждое пятилѣтіе или даже каждое десятилѣтіе, чтобы имѣть въ подручной и постоянной готовности общій очеркъ административно-хозяйственнаго строя каждой губерніи и всего государства; сдѣлается возможнымъ не обременять ежегодные отчеты о состояніи губерній гадательно собираемыми и часто невѣрными статистическими подробностями, изъ которыхъ многія измѣняются не ежегодно, а между тѣмъ, при частыхъ перепискахъ и повтореніяхъ, затемняются и дѣлаются невѣрными.

«Трудъ этотъ будетъ не безполезенъ и для науки. Для географіи, топографіи въ тѣсномъ смыслѣ и статистики, въ немъ найдется значительная масса данныхъ, по которымъ могутъ быть исправлены и пополнены многія невѣрныя свѣдѣнія о положеніи и взаимныхъ разстояніяхъ населенныхъ мѣстъ, о теченіи рѣкъ, о направленіи главныхъ путей сообщенія, о большей или меньшей степени заселенности разныхъ мѣстностей государства. Представляя степень размѣщенія жителей въ той или другой полосѣ или мѣстности каждой губерніи, списки дадутъ возможность изслѣдовать и раскрыть и самыя причины, по которымъ народъ тѣснѣе группировался около одного пункта, или разсѣвался въ другихъ мѣстахъ; они могутъ сдѣлаться нагляднымъ изображеніемъ хозяйственнаго расположенія каждой губерніи и навести на опредѣленіе причинъ, по которымъ многія мѣста, получившія въ административномъ устройствѣ званіе городовъ, остались на дѣлѣ чисто-сельскими поселеніями, почему многія села, имѣющія въ административномъ порядкѣ значеніе земледѣльческихъ общинъ, превзошли, напротивъ, въ торгово-промышленномъ отношеніи,многіе города. Наконецъ, и это главное для науки, издаваемые нынѣ списки составятъ географическую и топографическую канву, по которой, на будущее время, при содѣйствіи вновь преобразуемыхъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ, можетъ быть въ надежномъ видѣ устроено собираніе первоначальныхъ статистическихъ данныхъ и положено прочное начало почти не существующей еще административной статистикѣ Россіи.»

Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія поступили въ продажу:

ИЗВЛЕЧЕНІЯ И ВЫВОДЫ ИЗЪ ОПИСАНІЙ ПОМѢЩИЧЬИХЪ ИМѢНІЙ.

На основаніи Высочайше одобренной программы для занятій Гу-

бернскихъ Комитетовъ по крестьянскому дѣлу, составлены были, въ каждой губерніи, описанія помѣщичьихъ имѣній. Для соображеній, при работахъ Редакціонныхъ Коммиссій, коимъ поручено было составленіе Положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, признано было нужнымъ извлечь нѣкоторыя свѣдѣнія изъ означенныхъ описаній.

На этомъ основаніи составлены извлеченія изъ описаній помѣщичьихъ имѣній по 39 губерніямъ и выводы изъ сихъ извлеченій.

Извлеченія и выводы печатались по мѣрѣ изготовленія и составили всего 6 томовъ и два приложенія.

Извлеченія заключаются въ томахъ I, II, III, IV, VI, и во второмъ приложеніи къ VI тому, а выводы изъ извлеченій помѣщены въ томѣ V и первомъ и второмъ приложеніяхъ къ VI тому, а именно:

Въ томѣ I — *Извлеченія* по Астраханской, Владимірской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Казанской, Калужской и Курской губерніямъ.

Въ томѣ II — *Извлеченія* по Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Оренбургской, Орловской и Пензенской.

Въ томѣ III — *Извлеченія* по Псковской, Рязанской, Самарской, Саратовской, С.-Петербургской, Симбирской и Тамбовской.

Въ томѣ IV — *Извлеченія* по Костромской, Пермской, Смоленской, Тверской, Тульской и Ярославской.

Въ томѣ V — *Выводы* изъ помѣщенныхъ въ первыхъ четырехъ томахъ извлеченій по 28 губерніямъ.

Въ томѣ VI — *Извлеченія* по Харьковской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской, Таврической, Херсонской, Витебской, Виленской, Ковенской и Минской губерніямъ.

Въ первомъ приложеніи къ VI тому — *Выводы* изъ помѣщенныхъ въ VI томѣ извлеченій по губерніямъ: Харьковской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской, Таврической, Херсонской и Витебской.

Во второмъ приложеніи къ VI тому — *Извлеченія* и *выводы* по Могилевской губерніи.

Въ означенныя извлеченія по всѣмъ поименованнымъ выше губерніямъ вошли только такія имѣнія, въ коихъ ревизское населеніе

составляетъ не менѣе 100 душъ, за исключеніемъ впрочемъ Олонецкой и Таврической губерній, въ которыхъ по малому числу помѣщичьихъ селеній, признано было нужнымъ включить въ *извлеченія* и свѣдѣнія объ имѣніяхъ: въ Олонецкой съ населеніемъ отъ 50 до 100 душъ, а въ Таврической отъ 21 души до 100. Кромѣ того, по губерніямъ Минской и Ковенской, въ уѣздахъ губернскихъ городовъ, также внесены въ *извлеченія* имѣнія отъ 21 души до 100.

Въ извлеченіяхъ показаны въ особыхъ графахъ: названіе владѣльцевъ и имѣній, число въ каждомъ имѣніи крестьянъ и дворовыхъ, дворовъ или отдѣльныхъ усадьбъ и тяголъ, пространство земли, повинности крестьянъ, и разныя дополнительныя свѣдѣнія и поясненія.

Выводы изъ извлеченій составлены по уѣздамъ преимущественно для опредѣленія существующихъ по каждому уѣзду надѣловъ землею и оброковъ крестьянъ.

Напечатанныя *извлеченія* и *выводы* продаются у коммиссіонера типографіи II-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, потомственнаго почетнаго гражданина *книгопродавца С. П. Лоскутова*, въ *С.-Петербургѣ* и *Москвѣ*. Желающіе могутъ пріобрѣсти или полное изданіе или отдѣльныя извлеченія по каждой губерніи особо. Цѣна: за полное изданіе (состоящее изъ 6 томовъ съ 2-мя прибавленіями) 10 руб.; *за отдѣльныя* извлеченія по каждой губерніи особо 50 коп. Иногородные, желающіе получить извлеченія и выводы чрезъ почту, прилагаютъ сверхъ того особо на платежъ Почтамту *вѣсовыхъ* по установленной, смотря по разстоянію верстъ, таксѣ: на полное изданіе за 18 фунтовъ, а на каждое отдѣльное извлеченіе за 2 фунта, и *укупорочныхъ* на полное изданіе по 50 коп., а на каждое отдѣльное извлеченіе по 10 коп.

ПОЛЕМИЧЕСКІЯ КРАСОТЫ.

КОЛЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

КРАСОТЫ СОБРАННЫЯ ИЗЪ

«РУССКАГО ВѢСТНИКА».

Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса.
Иліада, переводъ Гнѣдича.
Пѣснь I, ст. .

I.

«Современникъ» распался на партіи, несогласныя между собою почти что ни въ чемъ. Наши собратья по литературѣ давно намекали объ этомъ, уличая одну статью нашего журнала въ противорѣчіи съ другою. Недоставало только собственнаго признанья. Явилось и оно. Безъименный авторъ статей, занявшійся съ нынѣшняго года отдѣломъ «Внутренняго Обозрѣнія» въ нашемъ журналѣ, публично объявилъ, что ему нѣтъ никакого дѣла до мнѣній другихъ сотрудниковъ «Современника», что они пусть противорѣчатъ ему, сколько хотятъ, въ своихъ статьяхъ, а онъ, не стѣсняясь, станетъ противорѣчить имъ въ своихъ. Фактъ прискорбный, но, должны мы сознаться; естественный въ журналѣ, нестыдящемся являться въ одной обертке съ «Свисткомъ». (Кстати мы имѣемъ надежду, что «Свистокъ» скоро

возвратится къ «Современнику» изъ заграничной отлучки: нигдѣ не нашелъ онъ климата лучше петербургскаго, тишины и довольства отраднѣйшихъ, чѣмъ въ любезномъ отечествѣ, и спѣшитъ онъ снова наслаждаться сладкимъ и пріятнымъ дымомъ его.) Да, говоримъ мы, какъ ни прискорбно это признаніе, но воротить его нельзя. Всѣмъ теперь извѣстно, что между сотрудниками «Современника» нѣтъ никакого согласія въ образѣ мыслей. Мы можемъ только негодовать на сотоварища нашего по журналу, столь неосторожно разоблачившаго наши домашнія слабости (это негодованіе и выразилось язвительнымъ эпитетомъ «безъименный»). Но если ужъ признаніе сдѣлано, то и будемъ поступать сообразно тому. Пусть каждый изъ насъ пишетъ, нимало не справляясь съ тѣмъ, одобрится ли его взглядъ и тонъ другими сотрудниками и редакціею.

Эта рѣшимость, овладѣвшая мною, однимъ изъ сотрудниковъ «Современника», и открыла мнѣ возможность заняться подборомъ полемическихъ красотъ изъ многочисленныхъ статей и статеекъ, глубокомысленныхъ изобличеній и милыхъ выходокъ, печатающихся противъ «Современника». До сихъ поръ никакъ нельзя мнѣ было этимъ заняться по самой простой причинѣ: я не читалъ, кромѣ «Современника» (да и то въ корректурахъ), рѣшительно никакихъ русскихъ журналовъ вотъ уже болѣе четырехъ лѣтъ. Почему не читалъ? Между прочимъ вотъ почему: у меня чрезвычайно нетвердый умъ (какъ и было доказано много разъ въ разныхъ журналахъ въ то время, когда еще я читалъ ихъ; доказывается и теперь, какъ вижу по журналамъ нынѣшняго года; отсюда по аналогіи заключаю, что доказывалось и въ длинный промежутокъ, когда я не читалъ журналовъ). При такой шаткости ума, какъ только что̀ я прочитаю, съ тѣмъ и соглашаюсь. А сверхъ всѣхъ другихъ недостатковъ ума и характера, одаренъ я еще болтливостью: рѣшительно ни о чемъ не могу смолчать. Представьте же, какое было бы мое положеніе, еслибъ я совершенно не бросилъ лѣтъ пять тому назадъ читать всѣ журналы, кромѣ «Современника». Встрѣчается мнѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» или «Отеч. Запискахъ», «Московск. Вѣдомостяхъ» или «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» какая нибудь статья противъ «Современника». Прочелъ я ее и, по шаткости своего ума, соглашаюсь, что она вполнѣ справедлива. Сажусь къ рабочему столу — такъ и тянетъ меня написать: «въ такомъ-то нумерѣ такого-то журнала или газеты прочли мы статью, уличающую нашъ журналъ за то-то и за то-то въ невѣжественности или легкомысліи, въ злонамѣренности или безвкусіи. Мы находимъ это обвиненіе совершенно справедливымъ и «Современникъ» кругомъ виноватъ». Но какъ я могъ напечатать это? Вѣдь я считалъ нужнымъ, чтобы журналъ сохра-

вилъ единство направленія; а я противорѣчилъ бы ему на каждомъ шагу. Согласитесь, непріятно возбуждаться къ мыслямъ, которыя не можешь высказывать. Такъ я и бросилъ читать журналы.

Теперь дѣло другое. Даровитый писатель, взявшій въ нынѣшнемъ году на себя отдѣлъ «Внутренняго Обозрѣнія» въ «Современникѣ», вывелъ меня изъ затрудненія, погружавшаго меня столь долго въ такое прискорбное незнаніе о дѣяніяхъ русской журналистики, ея успѣхахъ въ сильномъ и прямомъ обсужденіи важнѣйшихъ вопросовъ общественной и государственной жизни нашего отечества, и въ прочемъ всемъ остальномъ. (Замѣчаете, шаткость моя уже и высказалась: я уязвилъ сотоварища эпитетомъ «безъименный», а вотъ и льщу ему эпитетомъ «даровитый».) Теперь я не связанъ никакими соображеніями о соблюденіи единства въ направленіи и тонѣ журнала. Когда мнѣ покажется, что другіе бранятъ «Современникъ» справедливо, умно, остроумно, мило (а мнѣ рѣшительно каждый разъ будетъ это казаться), я могу въ «Современникѣ» же и печатать, что вотъ какъ хорошо и дѣльно изобличенъ «Современникъ» такимъ-то журналомъ, такою-то газетою. Недѣли двѣ тому назадъ, я дошелъ до этого рѣшенія, — и, о восторгъ наслажденія, котораго лишилъ себя столь много лѣтъ! — я принялся читать русскіе журналы.

Я пропустилъ безъ чтенія журналы эти за столько лѣтъ, что не могъ и помыслить о прочтеніи или хотя бы легкомъ пересмотрѣ всей невѣдомой мнѣ массы ихъ за эти годы. Надобно было опредѣлить какую нибудь достижимую человѣческимъ силамъ границу возвращенія моего назадъ къ сокровищамъ прошлой нашей журналистики. Я поставилъ себѣ этою границею 1 января настоящаго года. Только при крайней надобности, когда попадется въ этомъ моемъ чтеніи развѣ ужь очень интересная ссылка на какую нибудь статью прежнихъ годовъ, я доставлю себѣ роскошное наслажденіе прочесть эту драгоцѣнность.

Уже и за одинъ нынѣшній годъ какую груду приходится мнѣ пересматривать! Вѣдь мое рѣшеніе было принято 7 іюня (день — приснопамятный для меня, день моего возвращенія въ сладчайшую жизнь читателя русскихъ журналовъ!) — я пропустилъ болѣе пяти мѣсяцевъ, и сколько прекраснѣйшаго чтенія приготовила для меня русская журналистика въ эти пять мѣсяцевъ!

Какъ голодный, прямо бросающійся на самое сытное блюдо, я началъ свое чтеніе, разумѣется, съ «Русскаго Вѣстника», лучшаго изъ нашихъ журналовъ. Общая молва о его достоинствахъ не обманула меня. Много, много замѣчательнаго нашелъ я въ немъ, — напр., въ 1-мъ же нумерѣ превосходную, утыканную шпильками статью г. Леонтьева

«О судьбѣ земледѣльческихъ классовъ въ древнемъ Римѣ» и восхитительную по своей невинной наивности статью г. Сухомлинова «Ломоносовъ — студентъ марбургскаго университета», а въ «Современной Лѣтописи» несравненныя статьи г. Ржевскаго, равно замѣчательныя ученостью, скромностью и глубокомысліемъ. Но болѣе всего заняли меня полемическія статьи (по мягкости ума и слабости характера, при первомъ соприкосновеніи съ полемикою пробудилась во мнѣ страстишка къ полемикѣ, спавшая непробудимымъ сномъ нѣсколько лѣтъ). По естественной слабости къ журналу, въ которомъ участвуешь, разумѣется, больше всего заинтересовался я полемикою противъ «Современника» и она такъ очаровала меня, что на этотъ разъ не могу я говорить ни о чемъ, кромѣ нея. Какъ измѣнила она мой взглядъ на многое въ «Современникѣ», сколько недостатковъ его раскрыла, сколько промаховъ разоблачила! Они такъ грубы, неприличны, что прежде всего я долженъ назвать совершенно заслуженнымъ со стороны «Современника» тонъ этой полемики. Вотъ образцы его. Первымъ образцомъ можетъ служить первая полемическая статья нынѣшняго года: «Нѣсколько словъ вмѣсто современной лѣтописи». Она такъ хороша, что мы представимъ довольно большія извлеченія изъ нея. Статья начинается тѣмъ, что съ нынѣшняго года открывается въ «Русскомъ Вѣстникѣ» постоянный отдѣлъ «Литературное обозрѣніе и замѣтки». Въ другихъ журналахъ соотвѣтствующій тому отдѣлъ давно существуетъ, но ведется совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ.

«Читатели, вѣроятно, еще помнятъ, какъ лѣтъ пять или шесть тому назадъ, ежегодно передъ открытіемъ подписки возгоралась литературная брань между журналами: *Современникъ* доказывалъ, что *Отечественныя Записки* никуда не годятся; *Отечественныя Записки* съ неменьшею убѣдительностью доказывали то же самое о *Современникѣ*. Въ первый годъ существованія *Русскаго Вѣстника* мы указывали на эту черту нашихъ литературныхъ нравовъ, на этотъ процвѣтавшій тогда въ журналахъ обычай, подъ видомъ литературныхъ обозрѣній занимать къ себѣ публику. Обычай этотъ тогда же прекратился; но не надолго: натура взяла свое. Брань возвратилась, только уже не литературная: сброшенную маску литературныхъ объясненій поднять было совѣстно, и раздались объясненія болѣе обыкновенныя, прямѣе идущія къ дѣлу, открылись балаганы съ пѣснями и безъ пѣсень, со свистомъ и даже съ визгомъ, какъ выразился недавно одинъ изъ этихъ свистуновъ».

Это я называю скромностью: до «Русскаго Вѣстника» журналы держали себя неприлично; явился «Русскій Вѣстникъ», указалъ имъ, что это — дурно, и неприличный «обычай тогда же прекратился». Со стороны другихъ журналовъ похвально такое послушаніе стар-

[illegible] внушеніямъ «Русскаго Вѣстника»: если сами они дурны, хорошо уже хоть то, что слушаются указаній отъ лучшаго журнала. Но, — не очень они уже дурны: и желали исправиться, да не могутъ: «обычай прекратился, но не надолго, натура взяла свое: брань возвратилась». Какая дурная натура! Самая площадная натура. Нравится мнѣ живость выраженія: «открывались балаганы съ пѣснями и безъ пѣсенъ, со свистомъ и даже съ визгомъ, какъ выразился недавно одинъ изъ этихъ свистуновъ». Чтобы не оставить читателя въ недоразумѣніи, сдѣлана при этихъ словахъ выноска, указывающая на № 1-й «Современника» за нынѣшній годъ. Острота — очень хорошая; ея пріятности не мѣшаетъ даже то, что она повторена изъ статейки «Московскихъ Вѣдомостей» и со словъ почтеннаго нашего публициста г. Погодина, достойно завершившаго свою громкую славу недавними статьями по крестьянскому вопросу. Такъ вотъ, критическій отдѣлъ въ другихъ журналахъ неприличенъ; конечно въ «Русскомъ Вѣстникѣ» онъ будетъ несравненно приличнѣе. Но къ счастію мы видимъ, что это не мѣшаетъ ему употреблять, какъ и слѣдуетъ, сильныя выраженія противъ журналовъ и писателей дряннаго сорта. Вотъ, напримѣръ, выдержки со слѣдующей страницы.

«Мы не будемъ заниматься *искусствомъ для искусства*, какъ занимаются имъ именно тѣ изъ нашихъ литературныхъ критиковъ, которые съ свирѣпымъ безсмысліемъ протестуютъ противъ *искусства для искусства*. Только праздные и больные умы занимаются сами собой; только хилое искусство превращается въ эстетическіе курсы; только лишенная производительности, безжизненная и безсильная литература роется въ собственныхъ дрязгахъ, не видя передъ собою Божьяго міра, и вмѣсто живаго дѣла занимается толченіемъ воды или домашними счетами, мелкими интригами и сплетнями. Намъ ставили въ укоръ отсутствіе литературныхъ разсужденій въ нашемъ изданіи именно тѣ журналы, гдѣ съ тупымъ доктринерствомъ или съ мальчишескимъ забіячествомъ проповѣдывалась теорія, лишающая литературу всякой внутренней силы, забрасывались грязью всѣ литературные авторитеты, у Пушкина отнималось право на названіе національнаго поэта, а Гоголю оказывалось снисхожденіе только за его сомнительное свойство обличителя; гдѣ современные писатели, отличающіеся какимъ-либо художественнымъ достоинствомъ, потому только осыпались льстивыми похвалами, что успѣхъ ихъ въ публикѣ былъ выгоденъ для этихъ журналовъ, помѣщавшихъ у себя ихъ произведенія, но гдѣ немедлено измѣнялся тонъ отзывовъ, съ прекращеніемъ разсчета на сотрудничество.»

Какая благопристойность тона, не лишеннаго однакожъ рѣзкой силы: «балаганы», «свистуны», «свирѣпое безсмысліе», «мальчише-

ское забіячество», упрекъ за «забрасываніе грязью всѣхъ литературныхъ авторитетовъ», наконецъ, что лучше всего, указаніе на «лестныя похвалы писателямъ, успѣхъ которыхъ выгоденъ для журнала, пока эти писатели помѣщаютъ въ немъ свои произведенія, и прибавка, что «тонъ отзывовъ немедленно измѣнялся съ прекращеніемъ разсчета на сотрудничество». Чтобы читатель не оставался въ недоразумѣніи, къ этимъ же словамъ сдѣлаю и выписку слѣдующаго содержанія:

«Такъ измѣнялся тонъ *Современника* о нѣкоторыхъ писателяхъ, въ честь которыхъ еще такъ недавно пламенѣли жертвенники въ этомъ журналѣ. Въ послѣднемъ нумерѣ его напечатано между прочимъ элегическое стихотвореніе, въ которомъ изливаются скорбныя сѣтованія на дороговизну произведеній г. Тургенева.»

Я никакъ не нахожу, что этотъ оборотъ изложенія имѣетъ нѣкоторое сходство съ «домашними счетами, мелкими интригами и сплетнями». Я прочелъ, что «Русскій Вѣстникъ» порицаетъ ихъ, и знаю, что онъ никогда до нихъ не унизится. Выписанныя мною слова я называю просто благороднымъ изобличеніемъ низости «Современника». Какъ я благодаренъ «Русскому Вѣстнику», что раскрылись у меня теперь глаза на эту низость. Прежде дѣло представлялось мнѣ въ иномъ видѣ. Послушайте, какъ грубо я ошибался.

Мнѣ казалось, что было время, когда не замѣчали между собой разницы во взглядахъ люди, далеко разошедшіеся нынѣ. Было время, когда г. Катковъ писалъ въ «Отечественн. Запискахъ» вмѣстѣ съ авторомъ «Писемъ объ изученіи природы». Нѣкоторыя статьи г. Каткова приписывались Бѣлинскому (мы не полагаемъ, чтобы сказали этимъ что нибудь оскорбительное для г. Каткова). Теперь на сколько партій раздѣлились эти люди, составлявшіе нѣкогда одну партію, въ которой рядомъ стояли г. Катковъ и покойный К. Аксаковъ? Отчего же разошлись эти люди? Отчего многіе изъ нихъ стали даже враждебны другъ-другу по образу мыслей? Намъ казалось, что низкими разсчетами не слѣдуетъ объяснять ни этого прежняго союза, ни этого послѣдующаго разрыва. Намъ казалось, что какъ ни жалко состояніе нашей литературы, но все-таки управляли въ ней симпатіями и антипатіями силы болѣе широкія и болѣе благородныя, чѣмъ денежный разсчетъ. Намъ казалось, что развивалась національная мысль, опредѣленнѣе становились убѣжденія, и отъ этого оказывалась надобность разойтись людямъ, стоявшимъ рука объ руку, поселялось несогласіе въ понятіяхъ, а вслѣдъ за нимъ возникала и борьба между людьми, думавшими и дѣйствовавшими за-одно, когда вопросовъ было не такъ много, вопросы были поставлены не

такъ опредѣленно и отвѣты на нихъ не могли быть такъ разнородны, какъ сдѣлались при дальнѣйшемъ развитіи общественной жизни. Эти разлуки бывали иногда тяжелы для сердца разстающихся, — по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ изъ нихъ. Сошлемся на опытъ каждаго, кто дѣйствовалъ въ литературѣ благородно: кому изъ нихъ не случалось нѣсколько разъ говорить себѣ то о томъ, то о другомъ, близкомъ прежде, соучастникѣ трудовъ и стремленій: «Мы перестаемъ понимать другъ-друга; мы стали чужды другъ-другу по убѣжденію, мы должны покинуть другъ-друга во имя чувствъ, еще болѣе чистыхъ и дорогихъ намъ, чѣмъ наши взаимныя чувства». Тотъ, кто пишетъ эти строки, началъ свою литературную дѣятельность позднѣе почтеннаго редактора «Русскаго Вѣстника»; но и ему пришлось уже испытать не одну такую потерю. Онъ можетъ сказать не шутя, что не совсѣмъ легко было ему убѣдиться нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что онъ и редакція «Русскаго Вѣстника» по мнѣніямъ своимъ о нѣкоторыхъ слишкомъ важныхъ вопросахъ не могутъ сочувствовать другъ другу. Что мнѣ былъ г. Катковъ? Я его тогда не зналъ въ лицо, онъ меня такъ же. Я никогда не разсчитывалъ быть его сотрудникомъ; онъ вѣроятно еще меньше могъ бы согласиться принять меня въ свои сотрудники. Ничего подобнаго личнымъ отношеніямъ или интригамъ тутъ быть не могло. Но было время, когда мнѣ пріятно было думать: «а мы можемъ дѣйствовать за-одно»; разсчетъ ли денежнаго выигрыша былъ тутъ? И пришло потомъ время, когда мнѣ тяжело было думать: «по вопросу, который теперь стоитъ впереди всего, мы не можемъ дѣйствовать за-одно», — что же въ самомъ дѣлѣ, денежную ли потерю я чувствовалъ такъ горько? И если я теперь думаю: «можетъ придти очередь другихъ вопросовъ, въ которыхъ мы можемъ сойдтись», — развѣ денежныя выгоды или другія дрязги заставляютъ меня желать этого? Пусть судьей будетъ самъ «Русскій Вѣстникъ».

Нѣтъ, я не умѣю писать. Къ чему этотъ искренній тонъ, этотъ порывъ чувства, которое сильнѣе и выше всѣхъ журнальныхъ дрязгъ? Къ чему этотъ неумѣстный паѳосъ въ статьѣ, начатой съ насмѣшливой мыслью и, правду сказать, съ презрительной мыслью? И какъ теперь изъ этой сферы мыслей, хоть нѣсколько достойныхъ честнаго гражданина, перейдти къ журнальной полемикѣ? Нѣтъ, лучше остановлюсь здѣсь; полемика пусть будетъ отложена до другаго раза. А первый отрывокъ пусть и будетъ законченъ надеждой на близость лучшаго развитія нашей литературной дѣятельности.

Но эта пора еще не наступила, и уже шевелится въ моей головѣ мелкій вопросъ о дрязгахъ: «что же подумаетъ «Русскій Вѣстникъ»,

что же подумаетъ публика? Вызовъ ли это на литературное примиреніе? не робость ли это? не подобострастіе ли?» Нѣтъ; въ чемъ въ другомъ, а въ литературной трусости едва ли самый «Русскій Вѣстникъ» заподозритъ пишущаго эти строки. Въ чемъ другомъ еще какъ случится, а въ литературной полемикѣ онъ не слишкомъ боится за себя. И примиренія по вопросамъ, о которыхъ можетъ она идти, онъ не ждетъ ни у «Русскаго Вѣстника» съ «Современникомъ», ни у какого другаго журнала съ «Русскимъ Вѣстникомъ» и «Современникомъ». Да-съ, послѣ отъ нечего дѣлать пошутимъ, посмѣемся, изобличимъ, вознегодуемъ, «втопчемъ въ грязь», «заклеймимъ», а теперь — какъ-то случилось разговориться такъ, что и то на умѣ.

Думалъ я подписывать эти статьи какимъ нибудь задорно-шуточнымъ псевдонимомъ; но судя по нынѣшнему, не одно шутовство въ нихъ будетъ, и потому стану подписывать подъ ними свою фамилію.

Н. Чернышевскій.

II.

А вотъ пришло и другое расположеніе духа.

Такъ какъ же, по низкому разсчету льстилъ «Современникъ» г. Тургеневу, по низкому разсчету теперь ругаетъ его?

Мы полагаемъ, что самъ г. Тургеневъ понимаетъ дѣло иначе: очень можетъ быть, что и «Русскому Вѣстнику» можно иначе понять его.

Почему г. Чичеринъ съ своими друзьями отдѣлился отъ «Русскаго Вѣстника»? Въ платѣ за статьи они не сошлись? Извѣстно литературному кругу, что разрывъ между ними произошелъ совсѣмъ не по этой причинѣ. Сначала имъ казалось, что они сходятся въ убѣжденіяхъ; потомъ они увидѣли, что расходятся,—и разошлись.

Нашъ образъ мыслей прояснился для г. Тургенева на столько, что онъ перестадъ одобрять его. Намъ стало казаться, что послѣднія повѣсти г. Тургенева не такъ близко соотвѣтствуютъ нашему взгляду на вещи, какъ прежде, когда и его направленіе не было такъ ясно для насъ, да и наши взгляды не были такъ ясны для него. Мы разошлись. Такъ ли? Ссылаемся на самого г. Тургенева.

Мы льстили ему! — Пусть укажутъ хотя одно слово лести, написанное хотя кѣмъ нибудь изъ нынѣшнихъ сотрудниковъ «Современника». Ни «Русскій Вѣстникъ», ни кто не въ состояніи указать

этого. Или пусть укажутъ хотя одно такое слово кѣмъ бы то ни было написанное въ «Современникѣ» съ той поры, когда русскіе журналы стали сколько нибудь похожи на журналы. Этого также нельзя указать. Да и такой ли человѣкъ г. Тургеневъ, чтобы не различить лести отъ искренняго тона и не оскорбиться лестью? Онъ не такого дурнаго тона и не такой неразборчивый человѣкъ. Льстить ему было бы невыгодно, если бы и была бы охота льстить.

Съ другой стороны — когда это были оскорбленія ему въ «Современникѣ»? Любопытно было бы, если бы кто указалъ, гдѣ и въ чемъ они были.

Что же такое было? Измѣнился нашъ взглядъ на положеніе, принадлежащее повѣстямъ г. Тургенева въ русской литературѣ. Это такъ. Но кто скажетъ, что это положеніе не измѣнилось? Развѣ не измѣнилась сама русская литература? Что же, намъ слѣдовало бы теперь повторять то, что думали прежде, при другомъ положеніи литературы, и чего уже не могли думать теперь?

А что за оборотъ—придавать дурной видъ шуткѣ, которая относилась вовсе не къ г. Тургеневу, а къ журналисту, да и не къ какому нибудь журналисту въ отдѣльности, а ко всѣмъ журналистамъ, — шуткѣ, имѣвшей тотъ смыслъ, что теперь авторъ хорошихъ повѣстей или статей беретъ за свой трудъ хорошія деньги, и нельзя журналисту держать его на антоніевской пищѣ, какъ дѣлалось когда-то? Тутъ было не одно имя г. Тургенева; тутъ говорилось о нѣсколькихъ писателяхъ, которыми наиболѣе дорожатъ журналы, — говорилось о г. Гончаровѣ, г. Костомаровѣ. Что тутъ обиднаго?

Или г. Тургеневъ разошелся съ «Современникомъ» изъ-за того, что «Современникъ» не согласился заплатить ему за какую нибудь повѣсть столько, сколько онъ хотѣлъ, или потому, что другой журналъ далъ дороже?—Вѣдь этотъ намекъ вы дѣлаете? А вы бы подумали лестенъ ли, пріятенъ ли такой намекъ — не для «Современника», а для самого г. Тургенева. И вѣдь вамъ, да и каждому журналисту очень хорошо извѣстно было, что намекъ этотъ совершенно лишенъ всякаго основанія. — Г. Тургеневъ помѣщаетъ свои произведенія тамъ, гдѣ ему пріятнѣе, а не тамъ, гдѣ ему больше даютъ,— развѣ кто нибудь торговался когда съ г. Тургеневымъ? Сколько мы его знаемъ, мы не полагаемъ, чтобы это было кому нибудь возможно, по характеру г. Тургенева. Онъ не изъ тѣхъ писателей, которые любятъ, или съ которыми нужно торговаться.

Къ чему жь была эта выходка? Развѣ къ тому, чтобы замѣшать г. Тургенева въ журнальныя дрязги? «Русскій Вѣстникъ» однажды ужь дѣлалъ это. Но полезно ли повторять неловкость, которая и въ первый разъ не была хороша?

Вотъ, что значитъ гнѣвная неразборчивость: хотѣли пощипать «мальчишекъ-свистуновъ», а по неловкости ущипнули г. Тургенева, человѣка совершенно посторонняго и ничѣмъ не заслужившаго вашихъ, непреднамѣренно задѣвающихъ его шпилекъ.

III.

Въ № 1 «Русск. Вѣстникъ» такъ лишь слегка пошалилъ (и какъ мило пошалилъ), а въ февральской книжкѣ онъ помѣстилъ капитальную статью противъ насъ, подъ названіемъ «Старые боги и новые боги».—Это заглавіе обозначаетъ, что мы, по врожденному намъ идолобострастію, не можемъ не валяться на колѣняхъ передъ какими-нибудь кумирами, и потому, низвергая прежнихъ, мы становимъ новыхъ, которые чуть ли не хуже прежнихъ, и провозглашаемъ слѣпое поклоненіе имъ. Что жъ, оборотъ придуманъ очень ловкій—мы всегда рады отдавать справедливость «Русск. Вѣстнику»; онъ задумалъ повести дѣло такъ, чтобы явиться защитникомъ правъ человѣческаго разума на свободу противъ насъ, порабощающихъ разумъ новому суевѣрію въ замѣнъ старыхъ предразсудковъ. Только одно изъ условій остроумія не соблюдено: вѣдь нужно, чтобы выдумка имѣла видъ правдоподобія,— безъ того она не будетъ остроумна, какъ бы ни была замысловата. А та часть публики, которая несогласна съ нами, видя въ насъ множество недостатковъ, никакъ не думала находить, чтобы мы воздвигали кумировъ. Оттого статья «Русскаго Вѣстника» и выходитъ—не больше, какъ забавна для той части публики, которая сочувствуетъ намъ, — неудачно выбранъ пунктъ обвиненій. Мы воздвигаемъ кумировъ!—сдѣлайте одолженіе, вините насъ въ этомъ почаще и побольше. Это хорошо.

Но посмотримъ на статью, истинно радующую насъ неискуснымъ выборомъ темы для обвиненій. Начинается она порицаніемъ за то, что мы говоримъ иногда уклончиво, стороною о разныхъ предметахъ, о которыхъ можно говорить прямо.

«Къ чему лукаво подмигивать, коварно намекать, завертываться въ аллегорію, расточать иронію, сыпать побасенками, когда дѣло просто, и нѣтъ ни малѣйшей надобности прибѣгать ко всѣмъ этимъ военнымъ хитростямъ?»

Хорошо. А зачѣмъ вся статья, начинающаяся этимъ порицаніемъ, написана именно тою самою манерою, которую порицаетъ за ея ненужность? зачѣмъ вся она до того «завертывается» въ разныя уловки, что многіе даже вообразили, будто ее надобно понимать

въ прямомъ, а не въ ироническомъ смыслѣ, будто «Русскій Вѣстникъ» въ самомъ дѣлѣ защищаетъ противъ насъ матеріализмъ? Къ чему же порицать другихъ за то, что приходится дѣлать и вамъ самимъ?

Далѣе слѣдуетъ очень милая «побасенка» объ Иванѣ Яковлевичѣ, — сильно, впрочемъ, отзывающаяся подражаніемъ статьѣ «Современника» о книжкѣ г. Прыжова. Зачѣмъ подражать тому, надъ кѣмъ смѣешься? Или, можетъ быть, это не подражаніе, а только иронія?

Дѣло сводится къ тому, что мы за наше безсмысліе сравниваемся съ Иваномъ Яковлевичемъ,—очень мило и граціозно; только зачѣмъ же заимствовать свое остроуміе у такихъ безсмысленныхъ людей, какъ мы? А что мы безсмысленны, вотъ вамъ доказательство:

«Женится ли Х.?» спрашивалъ кто-то у Ивана Яковлевича. «Безъ працы не бендзе кололацы,» таковъ былъ отвѣтъ. *Кололацы* — мудреное слово, но вопрошавшій былъ вѣроятно удовлетворенъ имъ, не добираясь до смысла. *Кололацы*—слово безъ смысла. А прислушайтесь: эти *кололацы* встрѣтятся вамъ такъ часто, что вы не поставите ихъ въ упрекъ бѣдному обитателю сумасшедшаго дома.

«*Кололацы*! *Кололацы*! А развѣ многое изъ того, что преподается и печатается — не *кололацы*? Развѣ философскія статьи, которыя помѣщаются иногда въ нашихъ журналахъ, — не *кололацы*?

«Дѣло не въ томъ, что вы говорите или пишете, во что вы вѣруете или не вѣруете, что полагаете или что отрицаете; дѣло не въ томъ, какія истины хотите вы проповѣдывать, суровыя или нѣжныя; а въ томъ, понимаете ли вы сами что говорите, способны ли вы мыслить или способны только вязать слова, которыя для людей немыслящихъ могутъ показаться очень эффектными, но которыя въ сущности не что иное, какъ *кололацы* Ивана Яковлевича.»

Мило, очень мило. «Кололацы бѣднаго обитателя сумасшедшаго дома», — какая деликатная полемика! Далѣе слѣдуютъ, все въ примѣненіи къ намъ же: «желтый домъ», «безсмысленный», «раболѣпство», — «фанатическое поклоненіе идоламъ, которые созданы нашимъ невѣжествомъ», — «оскверненіе мысли въ ея источникахъ», — «возмутительно», — это на одной 894 страницѣ; — разочтите же, сколько такихъ красотъ на 12 страницахъ статьи. Это значитъ, что другіе журналы не умѣютъ держать себя прилично, а Р. В. умѣетъ.

Послѣ этого начинается разборъ статьи г. Антоновича о «Философскомъ словарѣ»,—г. Антоновичъ ни мало не нуждается въ томъ, чтобы его защищали другіе, и оставляя эту часть статьи на доброе сердце г. Антоновича, приведу отрывки изъ конца ея, обращеннаго ко мнѣ:

Прочитавъ длинное назиданіе г. Антоновичу, Р. В. рекомендуетъ ему «одну статью, напечатанную въ трудахъ Кіевской Духовной Академіи».

«Статья эта, подъ заглавіемъ: *Изъ науки о человѣческомъ духѣ*, составляетъ довольно обширное сочиненіе. Авторъ ея,—профессоръ Кіевской академіи, г. Юркевичъ. Сочиненіе это вызвано нѣкоторыми статьями о философскихъ предметахъ, появившимися въ *Современникѣ*. Г. Юркевичъ разоблачаетъ наглое шарлатанство, выдаваемое за высшую современную философію, и разоблачаетъ такъ, что даже взыскательный г. Антоновичъ можетъ остаться доволенъ. Нѣтъ худа безъ добра: спасибо шарлатанству по крайней мѣрѣ за то, что оно послужило поводомъ къ появленію этого превосходнаго философскаго труда. Статья г. Юркевича не простое отрицаніе или обличеніе; но исполнена положительнаго интереса, и рѣдко случалось намъ читать по-русски о философскихъ предметахъ что-нибудь въ такой степени зрѣлое. Впрочемъ о статьѣ г. Юркевича мы не хотимъ говорить мимоходомъ. Въ слѣдующемъ нумерѣ *Русскаго Вѣстника* мы представимъ обширныя выдержки изъ этого трактата, который отличается всѣми признаками зрѣлаго самостоятельнаго, вполнѣ владѣющаго собою мышленія.

«Будемъ надѣяться, что философскія понятія господъ, пишущихъ въ *Современникѣ*, мало-по малу прояснятся, и что они найдутъ наконецъ возможность обходиться безъ шарлатанства. И теперь ужъ по нѣкоторымъ частямъ замѣтенъ значительный прогрессъ. Г. Чернышевскій, повидимому главный вождь этой дружины, начинаетъ уже говорить человѣческимъ языкомъ по предметамъ политической экономіи. Il s'humanise, ce monsieur. Въ послѣднихъ нумерахъ этого журнала мы съ удовольствіемъ прочли статьи за его подписью; въ нихъ уже нѣтъ тѣхъ безсмыслицъ, которыя выдавалъ онъ прежде за глубокую мудрость, почерпаемую со дна таинственнаго кладязя. Онъ судитъ здраво и согласно съ началами политической экономіи, такъ что ему нѣтъ теперь надобности отдѣлять себя отъ экономистовъ, которыхъ онъ бывало называлъ *узколобыми бѣдняками*. Такимъ является онъ теперь и самъ въ статьяхъ, подписанныхъ его именемъ. Надобно отдать ему справедливость; онъ хорошо пользуется уроками и не даромъ проводитъ время въ предварительной школѣ.

«Но если прежняя дичь остерегается заглядывать въ тѣ статьи г. Чернышевскаго, которыя подписаны его именемъ, то она еще отзывается въ другихъ, имъ не подписанныхъ. Тамъ еще тономъ шарлатанской ироніи говорится о *великихъ* русскихъ экономахъ, гг. Вернадскомъ, Бунге, Ржевскомъ, Безобразовѣ, къ которымъ причисляется г. де-Молинари, а наконецъ Каре (или какъ у насъ пишутъ Кери) и Бастіа. Статейка, о которой мы сейчасъ упоминали, очень курьезная статейка; это рецензія недавно вышедшей книги Каре *Письма къ президенту Соединенныхъ Штатовъ*. Въ ней есть одно замѣчательное мѣсто.»—(Пересказывается изъ этой статьи отрывокъ о драмѣ «Юдиѳь», заключаю-

щійся словами: «Историческій путь не тротуаръ Невскаго проспекта, онъ идетъ цѣликомъ черезъ поля, то пыльныя, то грязныя, то черезъ болота, то черезъ дебри. Кто боится быть покрытъ пылью и выпачкать сапоги, тотъ не принимайся за общественную дѣятельность»).

«Послѣ этого очаровательнаго эпизода, въ которомъ такъ и слышится скорбный вздохъ «Юдиѳи,» осквернившей себя для спасенія родины. рецензентъ снова обращается къ тарифу и свободной торговлѣ. Не могла бы эта прелестная поэзія ворваться сама собою въ такой сухой и прозаическій предметъ, еслибъ ея не призвало само сердце писавшаго. Она могла сказаться только изъ глубины души, она могла прорваться только неудержимою силой невольнаго откровенія. Столько слезъ и нѣжности въ этомъ разсказѣ, который явился неожиданнымъ оазисомъ среди пустыни протекціонныхъ пошлинъ, гдѣ вѣетъ совсѣмъ иной духъ, сухой и суровый!

«Дѣйствительно, не есть ли и шарлатанство нѣкотораго рода оскверненіе? Не великую ли жертву приносятъ тѣ доблестные общественные дѣятели, которыхъ неразумная чернь зоветъ шарлатанами? Но, о, новыя «Юдиѳи»! повѣдайте намъ, ради какихъ великихъ благъ пятнаете вы свою непорочную чистоту, «какой другой не видывали люди»?

«О, господа, не пятнайте себя понапрасну! Не приносите ненужныхъ жертвъ! Не оправдываете себя подвигомъ: никакого подвига не имѣется. Вы и себя обольщаете, и обманываете другихъ. Вы сами не знаете, вы сами не чувствуете, какая вы вредная задержка посреди этого общества съ неустановившимися силами, съ неокрѣпшею жизнію. Тѣмъ хуже, если вы люди способные. Современемъ, можетъ-быть, вы откажетесь отъ шарлатанства; ваши понятія станутъ яснѣе (начинаютъ же разъясняться мало-по-малу экономическія понятія г. Чернышевскаго, а это добрый задатокъ); послѣ вы хватитесь, но будетъ поздно. Съ презрѣніемъ оглянетесь вы на свое прошедшее, и можетъ-быть глубоко пожалѣете о шутовской роли, которую вы играете теперь.»

Эпизодъ о «Юдиѳи» дѣйствительно годился для того, чтобы посмѣяться надъ нимъ; и примѣненіе его къ моему «шарлатанству» сдѣлано мило,—этотъ отрывокъ статейки, нешутя, очень игривъ и ловокъ. Отъ души смѣюсь вмѣстѣ съ «Русскимъ Вѣстникомъ» надъ тѣмъ, какъ я уподобляюсь Юдиѳи величіемъ, жертвы приносимой мною для спасенія родины. Это очень забавно вышло; тутъ насмѣшка вполнѣ удалась «Русскому Вѣстнику». Да и патетическій тонъ эпизода о Юдиѳи дѣйствительно очень забавенъ своимъ не со всѣмъ удобнымъ помѣщеніемъ въ статейкѣ о сухомъ предметѣ, тарифѣ и Кери. Это отличная насмѣшка. Да, вѣдь разумѣется само собою, что эту статейку писалъ я,—«Русскій Вѣстникъ» на то и намекаетъ. Онъ не ошибся. Но я боюсь, что ошибся «Русскій Вѣстникъ» въ предположеніи, будто мои экономическія мнѣнія исправляются. Это я считаю за знакъ доброты ко мнѣ, не больше; благодарю, но принять

не могу. Дѣло объясняется иначе. До прошлаго года, я писалъ политико-экономическія статьи объ отдѣльныхъ вопросахъ, наиболѣе интересовавшихъ меня, — разумѣется, это были вопросы, которые мнѣ казались особенно плохо излагаемыми у писателей господствующей экономической школы. Потому въ этихъ статьяхъ не было почти ничего, кромѣ споровъ противъ господствующей теоріи, кромѣ изложенія мыслей, не успѣвшихъ попасть въ нее по своей новости или отвергаемыхъ ею за ихъ направленіе. Въ началѣ прошлаго года показалось мнѣ полезно дать русской публикѣ систематическій трактатъ о экономической наукѣ во всемъ ея объемѣ. Я сталъ переводить Милля и дѣлать къ нему дополненія. У самого Милля излагаются бо̀льшею частью вопросы безспорные; мои дополненія часто должны были относиться также къ такимъ вопросамъ. Вотъ отъ чего разница впечатлѣнія, производимаго моими прежними статьями и моимъ изданіемъ Милля. Тогда я говорилъ: буду излагать лишь то, въ чемъ я съ вами не согласенъ; въ переводѣ Милля имѣю цѣлью изложить все, что надобно думать о предметѣ, — и то, въ чемъ я не согласенъ, и то, въ чемъ согласенъ съ вами. Не дѣлаетъ чести проницательности «Русскаго Вѣстника», что онъ не догадался объ этой главной причинѣ разницы въ своемъ впечатлѣніи. Сказать ли другую причину? Упоминать о нихъ мнѣ самому довольно щекотливо, но я не поцеремонюсь, потому что не очень-то боюсь ни чьихъ насмѣшекъ, когда знаю, что говорю правду. Вотъ еще объясненіе тому, что «Русскій Вѣстникъ» сталъ находить статьи, подписанныя моимъ именемъ, менѣе «дикими». Моя репутація увеличивается — говорю это, не прикидываясь скромнымъ, потому что не слишкомъ-то горжусь своей литературной дѣятельностью. Почему же такъ? — Самъ «Русскій Вѣстникъ говоритъ:

«Жалкая литература! Мы находимся на школьномъ положеніи. Мысль наша не имѣетъ къ себѣ уваженія, и ей трудно уважать себя. Она прячется, роетъ норки; въ ней развиваются всѣ рабскія свойства» («Р. В.», мартъ. Литер. Обозр. стр. 21).

Послѣ этого объясненія, нечего мнѣ церемониться ни съ собою, ни съ другими. У многихъ это чувство смягчается нѣкоторымъ самодовольствомъ, не лишеннымъ справедливости. Каково бы ни было ихъ положеніе, но они въ немъ все-таки остаются честными людьми. Это ихъ нѣсколько утѣшаетъ. Я, какъ литераторъ, такъ же честенъ; но меня это нисколько не утѣшаетъ, и мое чувство къ литературѣ, въ томъ числѣ и къ моей долѣ въ ней, имѣетъ жосткость, ничѣмъ не смягченную. Кому угодно, тотъ можетъ сдѣлать это объясненіе предметомъ насмѣшки: я самъ знаю, что оно очень удобно можетъ быть обращено въ насмѣшку надо мной. Но смѣйтесь и бранитесь какъ хотите; а вы сами

знаете, что я тутъ правъ, и я знаю, что вы согласны со мной въ очень значительной степени.

Такъ вотъ я мертвъ поэтому къ похвалѣ и къ порицанію тому, что я пишу. Я самъ судья, произнесшій и себѣ въ числѣ другихъ приговоръ, который не поправишь и не испортишь ничѣмъ. И на то, какъ думаетъ обо мнѣ публика, я смотрю точно такъ же, какъ на толки о какой нибудь m-lle Ригольбошъ. Умна ли она, глупа ли она, хороша ли она, дурна ли она — все равно, она ведетъ такой образъ жизни, что никакими комплиментами не исправишь мнѣнія о ней.

Есть люди другаго рода: они чувствуютъ робость передъ извѣстностью. Таковъ «Русскій Вѣстникъ». Прежде онъ осмѣливался находить, что въ моихъ статьяхъ нѣтъ ничего, кромѣ дичи; теперь онъ робѣетъ высказывать это. Только и всего. Удовлетворены ли вы этимъ объясненіемъ, «Русскій Вѣстникъ»? Если нѣтъ, я, пожалуй, объяснюсь пообстоятельнѣй: себя я не слишкомъ-то жалѣю, а другихъ,—напримѣръ, хоть васъ,—разумѣется, не больше, чѣмъ себя. Слѣдовательно, объясненій со мной вамъ не выдержать,—не потому, чтобъ я былъ умнѣе васъ или владѣлъ перомъ искуснѣе васъ, а потому, что у меня языкъ развязанъ хоть въ этомъ отношеніи, а у васъ и въ немъ онъ связанъ.

Но я не все сказалъ, сказавъ, что къ своей литературной репутаціи я мертвъ. Къ себѣ, какъ къ человѣку, я не могу быть мертвъ. Я знаю, что будутъ лучшія времена литературной дѣятельности, когда будетъ она приносить обществу дѣйствительную пользу и будетъ дѣйствительно заслуживать доброе имя тотъ, у кого есть силы. И вотъ я думаю: сохранится ли во мнѣ къ тому времени способность служить обществу, какъ слѣдуетъ? Для этого нужна свѣжесть силъ, свѣжесть убѣжденій. А я вижу, что уже начинаю входить въ число «уважаемыхъ» (*) писателей, то есть писателей истаскавшихся, отстающихъ отъ движенія общественныхъ потребностей. Это горько. Но что дѣлать? Лѣта берутъ свое. Дважды молодъ не будешь. Я могу только чувствовать зависть къ людямъ, которые моложе и свѣжѣй меня. Напримѣръ, къ г. Антоновичу. Что жь? развѣ я стану скрывать, что дѣйствительно за-

---

(*) Изъ всего этого можно будетъ «Русскому Вѣстнику» извлечь очень насмѣшливыя замѣчанія противъ меня: «г. Чернышевскій думаетъ, что его репутація увеличивается,—какое пріятное самообольщеніе!»—«г. Чернышевскій изъ Юдина обращается въ m-lle Ригольбошъ» (развить параллель между нимъ и m-lle Ригольбошъ»). — «Онъ скорбитъ о томъ, что онъ уважаемый писатель — пусть онъ не горюетъ объ этомъ, его никто не уважаетъ» и т. д. и т. д. — Всѣ эти насмѣшки могутъ быть ѣдки и забавны, если написаны будутъ умно и живо.

видую имъ, завидую съ оттѣнкомъ оскорбленнаго въ свѣжести самолюбія, съ досадою опережаемаго?

Не угодно ли получить объясненіе и относительно того, какую пользу моему исправленію принесъ «Русскій Вѣстникъ»? Извольте. И тутъ скажу правду. Я просматривалъ «Русскій Вѣстникъ» при началѣ его изданія. Не припомню теперь хорошенько, до 17 или до 18 № перваго года изданія. Послѣ того до конца перваго года мнѣ случилось прочесть еще двѣ или три статьи въ слѣдующихъ книжкахъ, потому что въ тотъ годъ приносили «Русскій Вѣстникъ» изъ магазина въ мою квартиру. На второй годъ я сказалъ, чтобъ этого не дѣлали. И съ той поры до начала нынѣшняго мѣсяца я формально не читалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» ничего, за исключеніемъ четырехъ вещей, которыя всѣ и перечислю. Въ редакцію «Современника» была доставлена біографія Радищева со многими, по словамъ лица, ее передавшаго, важными дополненіями противъ того, что было напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Случилось такъ, что заняться сличеніемъ некому было, кромѣ меня. Я взялъ книжку «Русскаго Вѣстника» и сличилъ съ нею рукопись. Оказалось, что прибавленія неважны, и печатать ихъ не стоитъ. Лѣтомъ прошлаго года я прочелъ полемическія статьи по поводу г-жи Свѣчиной, вздумавъ написать объ этомъ казусѣ статейку, за неимѣніемъ другаго матеріала для журнала. Въ одномъ изъ нумеровъ «Русскаго Вѣстника», гдѣ была эта стрѣльба по г-жѣ Туръ, напечатана статья г. Малиновскаго (если не ошибаюсь) о пороховыхъ взрывахъ, кажется. Она какъ-то развернулась, и я прочелъ нѣсколько страницъ. Наконецъ, сидя однажды у постели больнаго, я прочелъ для него нѣсколько страницъ изъ повѣсти г-жи Кохановской; заглавія повѣсти не помню, а знаю только, что въ ней разсказъ ведется отъ лица женщины, часто вставляющей въ свою исторію отрывки изъ народныхъ пѣсенъ.

Довольны вы, «Русскій Вѣстникъ», этимъ объясненіемъ? Или можетъ быть вамъ любопытно будетъ узнать, отчего я не читалъ васъ? На первый разъ скажу: отъ глубокаго равнодушія. Если же угодно будетъ знать больше, я скажу и больше, — мнѣ все равно.

А теперь вотъ я началъ читать. — Скучныя времена, глупыя времена, — дай, думаю, поразвлекусь полемикою, на которую, какъ я слышу, напрашивается «Русскій Вѣстникъ». Вотъ, и развлекаюсь. Плохое развлеченіе, а все же лучше, чѣмъ запить съ тоски. Надоѣстъ — брошу, что бы вы тамъ ни писали обо мнѣ или о «Современникѣ». А пока еще не надоѣло, развлекаюсь, какъ видите.

IV.

Въ № 3 «Русскаго Вѣстника» литературное обозрѣніе начинается статьею съ очень заманчивымъ заглавіемъ: «Нашъ языкъ и что такое свистуны».—По цитатамъ, приведеннымъ изъ № 1, мы знали, что подъ этимъ именемъ «свистуновъ» «Русскій Вѣстникъ» разумѣетъ сотрудниковъ «Современника», и ждали, что вся статья будетъ посвящена ему. Нѣтъ, о «Современникѣ» и «Свисткѣ» говорится въ ней лишь мимоходомъ, а главное содержаніе статьи совсѣмъ не то: идетъ споръ съ «Основой» о томъ, способенъ ли малорусскій языкъ къ литературному развитію, потомъ споръ съ «Временемъ» объ историко-литературныхъ и эстетическихъ вопросахъ, наконецъ подробная диссертація о г-жѣ Толмачевой, доказывающая, что Камень-Виногоровъ былъ въ сущности правъ, а лишь неосторожно выразился.

Такое непредвидимое разнообразіе «свистуновъ» объясняется на стр. 20 словами: «всѣ мы (т. е. русскіе журналы и журналисты) болѣе или менѣе свистуны»—вотъ, какъ! ужъ и самого себя «Русскій Вѣстникъ» не исключаетъ изъ «свистуновъ», — за что же гнѣвъ на насъ? Самое замѣчательное мѣсто въ цѣлой статьѣ—слѣдующее разсужденіе о правахъ женщины и объ эманципаціи:

«Права женщины! Но кто же отнималъ у ней эти права, или какихъ еще правъ ей надобно? Въ гражданскомъ положеніи она, именно у насъ, ничѣмъ не уступаетъ мужчинѣ, она не подлежитъ опекѣ и совершенно самостоятельна. Въ домѣ она хозяйка, въ салонѣ она царица; въ литературѣ, въ искусствѣ, даже въ наукѣ, ей вездѣ есть мѣсто, былъ бы только талантъ и охота. Правда, у насъ нѣтъ амазонскихъ полковъ и женскихъ департаментовъ. Но неужели женщина этого хочетъ? Неужели это ей нужно? Наконецъ, если между министрами не бываетъ дамъ, то намъ извѣстно, что полъ женщины не лишаетъ ея правъ на верховную власть. У насъ были знаменитыя императрицы, на англійскомъ престолѣ восѣдаетъ теперь королева, на испанскомъ тоже. Какихъ же это правъ еще ей нужно? Въ обществѣ она окружена почетомъ; вѣка рыцарства выработали до идеальной тонкости отношенія мужчины къ женщинѣ въ образованномъ обществѣ. Тутъ личность женщины, не утратившей своего достоинства, есть нѣчто неприкосновенное и священное. Чего же можетъ хотѣть женщина? Неужели того, чтобъ быть эманципированною во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ считаетъ себя эманципированнымъ мужчина? Но хорошо ли, что мужчина считаетъ себя эманципированнымъ во всѣхъ отношеніяхъ? Пріятно ли будетъ ей самой сравняться съ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ? А если пріятно, такъ

что жь мѣшаетъ и женщинѣ пользоваться тѣми же правами? Увы, — какъ много женщинъ, которыя ими пользовались и пользуются, не слыхавъ ни о какой эманципаціи, и безъ помощи особыхъ доктринъ о своихъ правахъ! Для этого не нужно образованія, не нужно развитія умственнаго или нравственнаго, эта благодать достается сама собою, и лишь высшее нравственное развитіе, вкореняя въ душу чувство долга, спасаетъ, какъ мужчину, такъ и женщину, отъ этой даровой и всѣмъ легко доступной эманципаціи. Можетъ быть женщинѣ не достаетъ нѣкоторыхъ удобствъ эманципаціи, которыми пользуется мужчина? Но стоитъ ли толковать о такихъ мелочахъ, тѣмъ болѣе, что женщина можетъ имѣть своего рода удобства, какихъ не имѣетъ мужчина? Какъ бы то ни было однако, представимъ себѣ женщину эманципированную наравнѣ съ мужчиной. Пользуясь совершенно одинаковымъ съ мужчиной положеніемъ, женщина тѣмъ самымъ отказывается отъ всѣхъ особенностей собственно-женскаго положенія. Она уже не должна хотѣть и не можетъ требовать отъ мужчины того особаго уваженія, той деликатности, на которыя имѣетъ право женщина, оставаясь въ своемъ положеніи, высшемъ и привилегированномъ, котораго никто у ней не оспориваетъ, которымъ, напротивъ, всѣ дорожатъ, которое всѣ охраняютъ, удаляя отъ женщины эманципаторовъ съ грязными руками.»

Напрасно «Русскій Вѣстникъ» печатаетъ такія вещи. Говоримъ ему это въ предостереженіе. Какую роль тутъ онъ принимаетъ на себя? Стремленіе женщины къ эманципаціи онъ смѣшиваетъ съ желаніемъ развратничать. Это не хорошо. Это — обскурантизмъ. Если «Русскій Вѣстникъ» станетъ выказывать себя съ такой стороны, ему придется плохо. Дальше, чтобы отвратить женщину отъ желанія сравняться съ мужчиной, «Русскій Вѣстникъ» выставляетъ, что она лишится чрезъ это особенныхъ выгодъ своего нынѣшняго положенія: мужчины ужь не будутъ ей, какъ равной себѣ, оказывать «того особаго уваженія, той деликатности, на которыя имѣетъ она право, оставаясь въ своемъ положеніи, высшемъ и привилегированномъ»,—о чемъ это вы говорите? О комплиментахъ, галантерейностяхъ, о томъ, что женщина—царица общества, воздушное существо? о томъ, что ей привозятъ въ подарокъ конфеты? Да вѣдь это «особое уваженіе, эта деликатность» необыкновенно пошлы; ими унижается женщина; ими тяготится каждая не то, что эманципированная, а каждая женщина, имѣющая отъ природы умъ и чувствующая свое человѣческое достоинство. Вѣдь все отзывается средневѣковымъ взглядомъ на женщину, какъ на «даму сердца», то есть куклу, обязанную сидѣть на балконѣ и раздавать шарфы побѣдителямъ, а иногда и служить наградой побѣдителю. Вѣдь этимъ женщина ставится въ положеніе ребенка, на котораго не смотрятъ серьёзно, съ которымъ только шалятъ по снисхож-

тельной любезности. Или вы думаете о другомъ? Можетъ быть вы думаете, что признавъ женщину равной себѣ, отбросивъ притворныя деликатессы въ обращеніи съ нею, мужчина станетъ толкать ее на улицѣ? Но, вѣроятно, вѣдь и другъ-друга мужчины перестанутъ толкать на улицахъ. — А лучше всего начало выписаннаго отрывка: «Права женщины! Но кто же отнималъ эти права, или какихъ еще правъ ей надобно?» И черезъ нѣсколько строкъ повтореніе: «какихъ же это правъ еще ей нужно?» — Потрудитесь прочесть помѣщенную въ «Современникѣ» нынѣшняго года статью г. Филиппова «о гражданскихъ законахъ», — вотъ вы и увидите, какихъ правъ не достаетъ женщинѣ даже по гражданскимъ законамъ (не говоря уже о политическихъ правахъ и экономическихъ правахъ), тогда вы и не скажете, что «въ гражданскомъ положеніи женщина, именно у насъ, ничѣмъ не уступаетъ мужчинѣ». Да, надобно еще упомянуть объ одномъ: «Русскій Вѣстникъ» находитъ, что въоскорбленіи женщины «Современникъ» гораздо болѣе виноватъ, чѣмъ кто нибудь: г. Михайловъ, говоритъ «Русскій Вѣстникъ», явился мстителемъ за честь женщины, когда Камень-Виногоровъ «сказалъ два грубыя слова», —

«А гдѣ онъ былъ, когда въ томъ самомъ журналѣ, въ которомъ онъ печатаетъ свои эманципаціонныя статьи, предавалась самому ужасному поруганію тоже женщина, и при томъ женщина, которая пріобрѣла себѣ имя въ русской литературѣ? Мы говоримъ о тѣхъ критическихъ статьяхъ, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ являлись въ «Современникѣ» по поводу сочиненій графини Ростопчиной. Далѣе поруганіе идти не можетъ, еслибъ и хотѣло. Передъ этимъ поруганіемъ ничто, совершенно ничто, — камешки, брошенные г. Камнемъ-Виногоровымъ, — камешки, которые никуда бы не долетѣли и которыхъ никто бы не замѣтилъ, если бы не гаркнула вся эта стая, спущенная г-мъ Михайловымъ. Пусть эти менады, растерзавшія Камня-Виногорова, припомнятъ тѣ статьи.»

Вотъ видите ли, что: была нѣкоторая разница между нашими статьями о графинѣ Ростопчиной и случаемъ, о которомъ вы разсуждаете. То, что говорила г-жа Толмачева, находятъ справедливымъ и благороднымъ почти всѣ просвѣщенные люди (за исключеніемъ васъ, чего мы не ждали); а то, за что̀ мы осуждали г-жу Ростопчину, заслуживало строжайшаго осужденія по мнѣнію самыхъ крайнихъ эманципаторовъ; — графиня Ростопчина писала вещи въ духѣ «Фоблаза», прямо противоположномъ идеямъ эманципаторовъ, которые освобожденіе женщины считаютъ дѣломъ столь же мало похожимъ на развратъ, или ведущимъ къ разврату, какъ освобож-

даніе крѣпостныхъ крестьянъ. Не знать этого — стыдно, а притворяться незнающимъ — еще стыднѣе.

Что «Русскій Вѣстникъ» недаромъ причисляетъ себя къ [illegible], доказывается слѣдующею статьею, о книгѣ Гильдебранда — по тону своему она явно усиливается быть схожею съ нашими библіографическихъ статей, какъ и начало статьи «Старые боги и новые боги» явно навѣяно статьею «Современника» о житіи Ивана Яковлевича: та же шутливость, тѣ же пріемы, та же манера не церемониться съ иностранными знаменитостями — какъ это позволяетъ себѣ «Русскій Вѣстникъ» «топтать въ грязь авторитеты»! И зачѣмъ бранить тѣхъ, кому подражаешь? Хотя бы ту предосторожность взяли, чтобы нашими любимыми выраженіями не заимствоваться, придумать свои какія нибудь,—а то, напримѣръ, для обозначенія людей, пробавляющихся свѣдѣніями изъ вторыхъ рукъ, употребляетъ «Русскій Вѣстникъ» выраженіе: «привыкшіе почерпать свои данныя изъ французскихъ книжекъ» — ай, ай, ай! — откуда это выраженіе «французскія книжки?» — Это ужъ очень плохо, когда подражаніе доходитъ до заимствованія словъ.

V.

Въ № 4 «Русскаго Вѣстника» отдѣлъ литературнаго обозрѣнія и замѣтокъ доходитъ до такого совершенства въ наивности, что трудно будетъ даже при всей основательности «Русскаго Вѣстника» удержаться этому отдѣлу на подобной высотѣ.

Прежде всего отмѣтимъ длинную статью почтеннаго нашего ученаго г. Лонгинова въ защиту юбилея князя Вяземскаго съ обильными доказательствами, что князь Вяземскій одаренъ высокимъ поэтическимъ талантомъ. Оно должно быть такъ; надобно только сказать, что предметъ для апологіи выбранъ очень удачно. Русская литература будетъ помнить покровительство, какимъ она пользовалась отъ князя Вяземскаго, когда онъ находился прямымъ ея начальникомъ въ званіи товарища министра народнаго просвѣщенія. Да, она будетъ помнить съ надлежащей признательностью. Впрочемъ, и изложеніе мыслей у почтеннаго нашего библіографа также не дурно: образцомъ можетъ служить хоть слѣдующее невинное мѣсто: «безпрерывныя утраты милыхъ людей, безпрестанныя испытанія освобождаютъ его (князя Вяземскаго) вполнѣ отъ тѣхъ обмановъ, которые тревожатъ и увлекаютъ пламенную молодость». Это относится къ 1846 году, а князь Вяземскій родился въ прошломъ столѣтіи, да и то еще не въ самомъ кон-

цѣ столѣтія; такъ что ему въ 1846 г. было или подъ 60 лѣтъ, или за 60 лѣтъ. Ну, въ эти годы можно освободиться отъ пламенной молодости и безъ всякихъ испытаній. Тутъ приличнѣе бы вспомнить слова псалмопѣвца: «дніе лѣтъ нашихъ...» и т. д. — За апологіею юбилея и панегирикомъ поэтическому таланту кн. Вяземскаго слѣдуетъ статья о книжкѣ, изданной подъ редакціею г. Лонгинова, не сына и не отца и не брата предыдущаго Лонгинова, а того же самаго. Дѣло идетъ о письмахъ Карамзина къ Малиновскому, и «Русскій Вѣстникъ» гнѣвается за нашу непочтительность къ Карамзину. Наивности и тутъ очень много. Примѣромъ пусть послужатъ хоть слѣдующія строки: «Недавно кто-то, разбирая эти письма въ «Современникѣ» (говоритъ «Русскій Вѣстникъ»), отозвался съ большимъ презрѣніемъ и о нихъ, и о самомъ Карамзинѣ». — «Насъ удивило (продолжаетъ «Русскій Вѣстникъ» на той же страницѣ), что рецензентъ, приводя разные отрывки изъ писемъ Карамзина, выбралъ самыя незначительныя, могущія служить къ оправданію любимой (рецензентомъ или «Современникомъ») точки зрѣнія.»—Вотъ удивительно-то въ самомъ дѣлѣ: приводитъ человѣкъ изъ книги такія мѣста, которыми бы подтверждалось его мнѣніе о ней! Спросимъ теперь редакцію «Русскаго Вѣстника», какъ она по правдѣ думаетъ: можно ли вести «Литературное Обозрѣніе» съ сотрудниками столь наивными? Мистеръ Тутсъ въ «Домби и сынъ» Диккенса, тоже очень любившій писать, былъ человѣкъ благороднѣйшей души, прекраснѣйшаго трудолюбія; но могъ ли онъ быть рецензентомъ?

Имѣть ли и впредь сотрудниками въ «Литературномъ Обозрѣніи» предыдущихъ мистеровъ Тутсовъ, это мы совершенно предоставляемъ усмотрѣнію самого «Русскаго Вѣстника», не выражая своего мнѣнія о томъ. Но вотъ по поводу слѣдующей статейки нельзя ужь намъ будетъ оставить «Русскаго Вѣстника» безъ добраго совѣта.

Эта слѣдующая статейка—«Два слова объ Академіи Наукъ» Я. Грота. Г. Я. Гротъ—академикъ (по отдѣленію русскаго языка) и защищаетъ Академію, особенно отдѣленіе русскаго языка и словесности, это насъ не удивляетъ. Но какъ онъ защищаетъ это отдѣленіе! прелесть! Вотъ образчикъ. Тѣ, которые нападаютъ на отдѣленіе русскаго языка и словесности не хотятъ (говоритъ г. Я. Гротъ) соображать разныя обстоятельства въ организаціи Академіи, отъ членовъ ея независящія:

«Извѣстно ли, напримѣръ, публикѣ, что II отдѣленіе, занимающееся русскимъ языкомъ и литературой, существуетъ на совершенно другихъ основаніяхъ, нежели I физико-математическое и III историко-филологическое? Въ послѣднихъ двухъ члены состоятъ на жалованьѣ и многіе изъ нихъ получаютъ въ зданіяхъ академіи казенныя квартиры. Члены

отдѣленія русскаго языка не имѣютъ ни жалованья, ни квартиръ, и посвящаютъ себя академическимъ трудамъ изъ чести. Они получаютъ умѣренную плату только за самую несущественную часть своей академической дѣятельности, то есть за присутствіе въ засѣданіяхъ, да въ случаѣ печатанія трудовъ своихъ въ изданіяхъ отдѣленія—имѣютъ право на скудный гонорарій.»

Вотъ наивность-то. Ученому содружеству говорятъ, что труды его изъ-рукъ-вонъ плохи; а членъ ученаго содружества плачется передъ публикою, что мало даютъ имъ награды за труды:

«Подайте мальчику на хлѣбъ, —
Онъ Велизарія питаетъ.»

Дайте, дайте намъ по 1500 руб. жалованья съ казенною квартирою, — вѣдь мы русскій народъ питаемъ лексиконами, грамматиками и другими прекрасными трудами. Нѣтъ, тутъ наивность переступаетъ уже предѣлы приличія. Каждый встрѣчный, по прочтеніи статейки г. Я. Грота, удостовѣритъ редакцію «Русскаго Вѣстника», что мы даемъ ей чистосердечный, доброжелательный и совершенно вѣрный совѣтъ, совѣтуя ей отнынѣ и во вѣки вѣковъ не печатать статей г. Я. Грота. Онъ быть можетъ полезнѣйшій членъ отдѣленія русскаго языка и словесности; онъ безъ всякаго сомнѣнія — добродѣтельнѣйшій человѣкъ (только добродѣтельные возвышаются до такой трогательной простоты душевной),—только, воля ваша, статьи его неприличны.

VI.

Но вотъ капитальнѣйшая статья полемическаго отдѣла IV книжки «Русскаго Вѣстника»: «Изъ науки о человѣческомъ духѣ. П. Юркевича. Труды Кіевской Духовной Академіи. 1860». Въ «Старыхъ богахъ и новыхъ богахъ» «Русскій Вѣстникъ» обѣщалъ напечатать обширное извлеченіе изъ образцовой статьи г. Юркевича, мыслителя глубокаго, превосходнаго. Теперь онъ исполняетъ свое обѣщаніе. Въ IV книжкѣ онъ помѣстилъ начало извлеченія, а въ V хочетъ представить конецъ. Извлеченію предшествуетъ предисловіе отъ самого «Русскаго Вѣстника», — я это предисловіе прочелъ и тѣмъ удовольствовался. Дѣло для меня уже ясно изъ одного предисловія.

Статья г. Юркевича написана, какъ оказывается, въ опроверженіе моей статьи объ «антропологическомъ принципѣ». Это опроверженіе помѣщено въ журналѣ, издаваемомъ кіевскою духовною академіею, а самъ г. Юркевичъ — профессоръ этой академіи.

Я самъ—семинаристъ. Я знаю по опыту положеніе людей, воспитывающихся, какъ воспитывался г. Юркевичъ. Я видѣлъ людей, занимающихъ такое положеніе, какъ онъ. Потому смѣяться надъ нимъ мнѣ тяжело: это значило бы смѣяться надъ невозможностью имѣть въ рукахъ порядочныя книги, надъ совершенною безпомощностью въ дѣлѣ своего развитія, надъ положеніемъ, невообразимо стѣсненнымъ во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ.

Я не знаю, какихъ лѣтъ г. Юркевичъ; если онъ уже не молодой человѣкъ, заботиться о немъ поздно. Но если онъ еще молодъ, я съ удовольствіемъ предлагаю ему тотъ небольшой запасъ книгъ, какимъ располагаю.

О г. Юркевичѣ я кончилъ этимъ. Но «Русскій Вѣстникъ» — о немъ я еще не кончилъ, потому что долженъ сказать ему, что онъ (конечно, непреднамѣренно) поступилъ съ г. Юркевичемъ не хорошо. Всѣ мы, семинаристы, писали точно то же, что написалъ г. Юркевичъ. Если угодно, я могу доставить въ редакцію «Русскаго Вѣстника» такъ-называемыя на семинарскомъ языкѣ «задачи», то есть сочиненія, маленькія диссертаціи, писанныя мною, когда я учился въ философскомъ классѣ Саратовской семинаріи. Редакція можетъ удостовѣриться, что въ этихъ «задачахъ» написано то же самое, что должно быть написано въ статьѣ г. Юркевича,—да, я увѣренъ, что въ ней написано то же самое, хотя я еще не читалъ ея, и не прочту ея, не прочту и всего извлеченія, напечатаннаго въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а прочту въ корректурѣ тотъ отрывокъ изъ извлеченія, который отмѣтилъ я для вставки въ эту статью. Я впередъ знаю все, что я прочту въ немъ, все до послѣдняго слова, и очень многое помню наизусть. Извѣстно, какъ пишутся эти вещи, что пишется въ этихъ вещахъ,—то есть извѣстно это намъ, семинаристамъ. Другіе могутъ считать это новымъ, — могутъ, пожалуй, считать хорошимъ, какъ имъ угодно. А мы знаемъ, что это такое.

Если положеніе г. Юркевича измѣнится, то очень скоро ему станетъ непріятно вспоминать о своей статьѣ. Но еслибъ она осталась только въ «Трудахъ», она осталась бы неизвѣстна публикѣ. «Русскій Вѣстникъ» своимъ извлеченіемъ компрометируетъ его передъ публикой.

Мнѣ хотѣлось бы не приводить отрывковъ изъ этого несчастнаго извлеченія. Но я обязанъ передъ «Русскимъ Вѣстникомъ» сдѣлать это: вѣдь ему кажется, что я опровергнутъ статьею г. Юркевича; я не въ правѣ скрывать отъ своихъ читателей эту статью, опровергнувшую меня, по увѣренію «Русскаго Вѣстника».

Я не имѣю права перепечатывать больше, какъ третью часть статьи. Я вполнѣ долженъ воспользоваться своимъ правомъ. Статья

имѣетъ 27 страницъ. Я перепечатываю изъ нихъ 9, начиная съ того мѣста, гдѣ рѣчь обращается отъ общихъ разсужденій прямо ко мнѣ. Пришлось такъ, что послѣднія строки послѣдней страницы, до конца которой доходитъ мое право перепечатки, не заключаютъ въ себѣ полнаго періода, и въ концѣ послѣдней строки стоитъ только половина слова, другая половина котораго переносится на слѣдующую страницу. Что дѣлать, брать со слѣдующей страницы я не имѣю уже права, а до конца этой страницы я обязанъ воспользоваться вполнѣ своимъ правомъ, чтобы не лишить читателя ни одной буквы изъ той части побѣдоноснаго опроверженія моихъ мыслей, которую могу сообщать ему.

«Гдѣ рубка, тамъ летятъ щепки (говоритъ «Русскій Вѣстникъ»); гдѣ горячо и живо идетъ работа, тамъ возникаютъ и односторонности и ошибки, которыя не мѣшаютъ однако дѣлу подвигаться впередъ. Въ горячей работѣ часто некогда бываетъ осмотрѣться вокругъ, подвергнуть должной критикѣ свою мысль, и мы часто видимъ людей, заслуживающихъ полнаго уваженія, дѣльныхъ ученыхъ и испытателей, открывающихъ въ своей наукѣ новые горизонты, съ смутными понятіями о собственномъ дѣлѣ, съ теоріями, не выдерживающими никакой критики; но нелѣпости, въ которыя они впадаютъ, поучительны и интересны. Эти нелѣпости — въ то же время факты, образующіеся изъ извѣстныхъ условій и любопытные для психологическаго наблюденія. Фохту, Молешотту позволительно до нѣкоторой степени не отдавать себѣ должнаго отчета въ собственной точкѣ зрѣнія: занятые дѣломъ, которое въ ихъ рукахъ плодотворно и полезно, они не находятъ въ своемъ умѣ ни времени, ни мѣста анализировать свои понятія. Но весьма жаль видѣть людей, которые были бы способны къ чему нибудь лучшему, но которые вчужѣ нахватываютъ отовсюду все, что только есть односторонняго, фальшиваго и нелѣпаго, и въ этомъ полагаютъ всю мудрость, послѣднее слово знанія и мысли. Кто не помнитъ изъ временъ своей школьной жизни, съ какою жадностью дѣтскіе умы хватаются именно за то, въ чемъ нѣтъ никакого смысла, но что плѣняетъ ихъ своею рѣзкостію? Что естественно въ дѣтскомъ возрастѣ, то жалко въ зрѣломъ; что у мѣста въ школѣ, то нелѣпо въ литературѣ.

«Сочиненіе г. Юркевича вызвано нѣкоторыми статьями, появившимися въ нашихъ журналахъ по вопросамъ антропологическимъ. У насъ нѣтъ ни психологіи, ни физіологіи, но есть литературныя мечтанія о томъ и о другомъ; точно такъ же, какъ у насъ нѣтъ политической экономіи, а есть литературныя мечтанія о наилучшемъ устройствѣ человѣческаго общества; точно такъ же, какъ у насъ нѣтъ ни политическихъ наукъ, ни политической жизни, но за то появляются корреспонденціи о *говорильняхъ*, весьма похожія по своему грубому цинизму на донесенія нашихъ старинныхъ русаковъ, ѣздившихъ за-границу съ дипломатическими порученіями, хотя безъ ихъ простодушной наивности,

а взамѣнъ того съ фанфаронствомъ юнаго ума, ни въ чемъ неповиннаго, но вообразившаго себѣ, что онъ все испыталъ, все изъвѣдалъ, утомился подъ бременемъ знанія и опыта, и во всемъ видитъ суету сует-ствій.

«Ближайшимъ поводомъ къ труду г. Юркевича послужили статьи, напечатанныя въ № 4 и 5 «Современника», за 1860 годъ, подъ заглавіемъ: *Антропологическій принципъ философіи*. Замѣчательный трудъ г. Юркевича, несмотря на свой полемическій поводъ, представляетъ самостоятельный интересъ, и полемическій поводъ послужилъ автору только къ тому, чтобы высказаться опредѣлительнѣе и явственнѣе. Въ своей полемикѣ авторъ обнаруживаетъ очень тонкій тактъ. Онъ не прибѣгаетъ ни къ какимъ постороннимъ топикамъ; онъ не взводитъ никакихъ обвиненій, онъ беретъ мысль и судитъ ее по законамъ мысли; разбирая теорію, онъ имѣетъ въ виду только опредѣлить, объясняетъ ли она то, что обѣщаетъ объяснить. Съ благородною деликатностью онъ тщательно устраняетъ и предупреждаетъ все, что могло бы быть истолковано къ невыгодѣ разбираемыхъ статей съ какихъ либо точекъ зрѣнія, кромѣ чисто научныхъ. «Статьи: *Антропологическій принципъ философіи*, говоритъ онъ, какъ бы обращаясь къ своимъ слушателямъ въ духовной академіи, относятся къ философіи реализма, которая сдѣлала въ наше время такъ много открытій въ области душевной жизни, подарила насъ такими точными анализами явленій человѣческаго духа, что, по всей вѣроятности, это направленіе, рано или поздно, должно представить большіе интересы для самого богословія. Мы увѣрены, что науки богословскія особенно нуждаются въ точныхъ психологическихъ наблюденіяхъ и вѣрныхъ теоріяхъ душевной жизни. Въ этомъ отношеніи, повторяемъ, современный философскій реализмъ есть явленіе, мимо котораго богословъ не можетъ проходить равнодушно: онъ долженъ изучать эту философію опыта, если онъ хочетъ успѣха своему собственному дѣлу.»

«Но разбирая упомянутыя статьи съ точки зрѣнія логики и науки, г. Юркевичъ изобличаетъ всю фальшь, заключающуюся въ основѣ этихъ фразъ, повторяемыхъ съ чужаго голоса; полемическій тонъ его возвышается по мѣрѣ изложенія дѣла, и переходитъ къ концу въ безпощадный, но вполнѣ мотивированный приговоръ.

«Такого рода труды, какъ г. Юркевича, большая рѣдкость въ нашей литературѣ. Статья эта неизвѣстна публикѣ, потому что напечатана въ изданіи, почти не обращающемся въ ней. А потому мы думаемъ оказать услугу нашимъ читателямъ, если представимъ сколь можно болѣе обширныя выписки изъ этого труда. Сначала мы ограничимся лишь первымъ отдѣломъ его, гдѣ рѣчь идетъ о томъ вопросѣ, котораго вкратцѣ коснулись мы въ нашихъ вступительныхъ строкахъ: и чтобы не утомлять читателей, не привыкшихъ къ развитію подобныхъ вопросовъ, мы отложимъ выдержки изъ другой его половины до слѣдующей книжки нашего журнала.

«Сказавъ нѣсколько вступительныхъ словъ и объяснивъ поводъ своего труда, г. Юркевичъ продолжаетъ:

«Психологія не можетъ получать своего матеріала ни откуда, кромѣ внутренняго опыта. Ощущенія или представленія, чувствованія и стремленія суть такой матеріалъ, котораго вы нигдѣ не отыщете во внѣшнемъ опытѣ, и слѣдовательно ни въ какой области естествознанія. Правда, что психологія не можетъ рѣшить своей задачи безъ пособія физіологіи и даже механической физики, потому что условія для опредѣленныхъ измѣненій душевныхъ явленій лежатъ первѣе всего въ измѣненіяхъ живаго тѣла: въ этомъ отношеніи она пользуется результатами физіологіи, сравниваетъ явленія физіологическія съ душевными, и опредѣляетъ такимъ образомъ ихъ взаимную зависимость. Если это означаетъ, что она получаетъ свой матеріалъ изъ области физіологіи, то справедливо сказать, что и физіологія получаетъ свой матеріалъ изъ психологіи въ такомъ же смыслѣ: эти двѣ науки взаимно вліяютъ одна на другую, и успѣхи въ одной изъ нихъ поведутъ къ успѣхамъ въ другой. Тѣмъ не менѣе каждая изъ нихъ имѣетъ свой собственный матеріалъ и увеличиваетъ этотъ матеріалъ изъ области только ей доступной. Предметъ психологіи данъ во внутреннемъ самовоззрѣніи, естественныя науки не могутъ дать ей этого предмета, не могутъ увеличивать этого матеріала. Такъ, напримѣръ, оптика, развитая математически, изъясняетъ только положеніе рисунка въ нашемъ глазѣ и различныя направленія глазныхъ осей во время видѣнія; но она ничего не знаетъ объ этомъ видѣніи, для нея глазъ есть зеркало, отражающее предметы, а не органъ видѣнія. Только психологъ, наблюдающій внутренно, можетъ сказать, что въ то время, какъ оптикъ замѣчаетъ на тѣлѣ глаза изображенія опредѣленной величины и видитъ, что самое тѣло глаза получило опредѣленное направленіе, душа представляетъ такой-то предметъ, въ такомъ-то цвѣтѣ, на такомъ-то разстояніи и т. д. Также точно для акустики, которая развита математически, ухо есть только тѣлесный снарядъ, приходящій въ правильныя сотрясенія, когда ударяютъ на него волны воздуха; но что душа слышитъ, по поводу сотрясенія этого снаряда, бой барабана или музыкальную мелодію, объ этомъ акустика ничего не знаетъ. Это ясное и понятное раздѣленіе между предметами, извѣстными изъ опыта внутренняго, и предметами, извѣстными изъ опыта внѣшняго, совершенно выпущено изъ виду сочинителемъ разбираемыхъ нами статей, и вотъ почему онъ говоритъ такъ безусловно о матеріалахъ, которые представляютъ естественныя науки для рѣшенія вопросовъ нравственныхъ. «Физіологія, говоритъ сочинитель— «раздѣляетъ многосложный процессъ, происходящій въ живомъ человѣческомъ организмѣ, на нѣсколько частей, изъ которыхъ самыя замѣтныя: дыханіе, питаніе, кровообращеніе, движеніе, ощущеніе.»

«Кто никогда не былъ въ анатомическомъ театрѣ, тотъ, на основаніи этихъ словъ, можетъ вообразить, что тамъ профессоръ анатоміи показываетъ простому или вооруженному глазу слушателей систему пищеварительныхъ органовъ, кишекъ, нервовъ и систему ощущеній,

слѣдовательно систему представленій и мыслей, страданій и радостей, мечтаній и надеждъ. Въ приведенныхъ словахъ сочинитель, кажется, ясно говоритъ, что ощущеніе есть предметъ, такъ же данный *для* внѣшняго физіологическаго опыта, какъ сжатіе и растяженіе мускуловъ, движеніе крови, химическая переработка пищи въ желудкѣ и т. д

«Такимъ образомъ онъ раздѣляетъ основное заблужденіе или обольщеніе тѣхъ физіологовъ, которые въ послѣднее время думали замѣнить физіологіей такъ-называемую прежде психологію. Теперь мы видимъ почему онъ признаетъ за нравственными науками такое же достоинство точности и совершенства, какими отличается, напримѣръ, химія: съ его точки зрѣнія успѣхи этихъ наукъ находятся въ рукахъ естествознанія, или, опредѣленнѣе, физіологія своими средствами внѣшняго наблюденія изъясняетъ натуру тѣхъ предметовъ, которые, по мнѣнію психологовъ, вовсе не существуютъ для внѣшняго наблюденія. «Основаніемъ для той части философіи, говоритъ сочинитель, «которая разсматриваетъ вопросы о человѣкѣ, точно также служатъ естественныя науки, какъ и для другой части, разсматривающей вопросы о внѣшней природѣ. Принципомъ философскаго воззрѣнія на человѣческую жизнь со всѣми ея феноменами служитъ выработанная естественными науками идея о единствѣ человѣческаго организма; наблюденіями физіологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ человѣка. Философія видитъ въ немъ то, что видитъ медицина, физіологія, химія; эти науки доказываютъ, что никакого дуализма въ человѣкѣ не видно, а философія прибавляетъ, что еслибы человѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной своей натуры, другую натуру, то эта другая натура непремѣнно обнаруживалась бы въ чемъ нибудь, и такъ какъ она не обнаруживается ни въ чемъ, такъ какъ все, происходящее и проявляющееся въ человѣкѣ, происходитъ по одной реальной его натурѣ, то другой натуры въ немъ нѣтъ.»

«Этотъ текстъ очень опредѣленно показываетъ, что *для* его сочинителя нравственныя, или философскія науки суть только другое названіе для наукъ естественныхъ, которыя изъясняютъ всѣ предметы, доселѣ входившіе въ область философіи. Въ человѣческомъ организмѣ «философія видитъ то, что видятъ медицина, физіологія, химія». Какая же надобность въ этой наукѣ, которая еще разъ видитъ то, что уже прежде ея увидѣли другія науки? Къ доказательствамъ медицины, химіи и физіологіи, что «никакого дуализма въ человѣкѣ не видно, философія *прибавляетъ*, что, еслибы человѣкъ имѣлъ, кромѣ реальной своей натуры, другую натуру, то эта другая натура непремѣнно обнаруживалась бы въ чемъ нибудь, и такъ какъ она не обнаруживается ни въ чемъ... то другой натуры нѣтъ въ немъ». Итакъ, вотъ *для* чего нужна философія: она нужна, чтобы сдѣлать прибавленіе къ ученію естествознанія о единствѣ человѣческаго организма, — прибавленіе, которое можетъ сдѣлать и безъ нея даже самая пустая голова, какъ только ей удается понять этотъ выводъ естествознанія, что въ человѣкѣ не видно никакого дуализма. По всему замѣтно, что сочинитель не соединяетъ никакого опре-

дѣленнаго понятія съ словами: *нравственныя науки и философія*; и этого надобно было ожидать послѣ того, какъ онъ поставилъ ощущеніе, слѣдовательно представленіе и системы человѣческихъ мыслей, а съ ними и всѣ ряды чувствованій и стремленій, въ кругъ физіологическихъ предметовъ, данныхъ для внѣшняго опыта, какъ будто представленія и мысли существуютъ для глаза, который видитъ ихъ въ пространствѣ съ фигурами и красками, для руки, которая беретъ и поднимаетъ ихъ, для носа, который обнюхиваетъ ихъ и т. д.

«Послѣ этого ничего нѣтъ страннаго, если сочинитель выдаетъ за научныя истины психологіи, какъ точной науки, такія положенія, которыя вовсе не суть произведенія строгаго анализа. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ:

«Психологія говоритъ, что самымъ изобильнымъ источникомъ обнаруженія злыхъ качествъ служитъ недостаточность средствъ къ удовлетворенію потребностей, что человѣкъ поступаетъ дурно, то есть вредитъ другимъ, почти только тогда, когда принужденъ лишить ихъ чего нибудь, чтобы не остаться самому безъ вещи для него нужной... Психологія прибавляетъ также, что человѣческія потребности раздѣляются на чрезвычайно различныя степени по своей силѣ: самая настоятельнѣйшая потребность каждаго человѣческаго организма состоитъ въ томъ, чтобы дышать... Послѣ потребности дышать (продолжаетъ психологія) самая настоятельная потребность человѣка ѣсть и пить.»

«Спрашиваемъ, нужна ли тутъ психологія и притомъ, какъ точная наука, чтобы повторять то, что извѣстно всякому простому и неученому смыслу? Что скажетъ естествоиспытатель, если онъ послышитъ объ этихъ великихъ открытіяхъ строгаго психологическаго анализа, именно, что голодъ заставляетъ человѣка воровать, особенно же, что человѣкъ имѣетъ потребность дышать, ѣсть и пить?

«Между тѣмъ главная мысль, которая служитъ для сочинителя основаніемъ всѣхъ его изслѣдованій о человѣкѣ, имѣетъ свой особенный интересъ. «Принципомъ философскаго воззрѣнія на человѣческую жизнь, говоритъ онъ, со всѣми ея феноменами служитъ выработанная естественными науками идея о единствѣ человѣческаго организма; наблюденіями физіологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ человѣка». Говоримъ, что эта мысль имѣетъ свой особенный интересъ, потому что она отдѣляетъ научное знаніе о человѣкѣ отъ представленій общаго смысла.

«Когда греческій философъ Платонъ училъ, что тѣло человѣка создано изъ вѣчной матеріи, которая не имѣетъ ничего общаго съ духомъ, то онъ такимъ образомъ допускалъ дуализмъ *метафизическій*, какъ въ составѣ міра вообще, такъ и въ составѣ человѣка. Христіанское міросозерцаніе отстранило этотъ метафизическій дуализмъ: матерію признаетъ оно произведеніемъ духа; слѣдовательно, она должна носить на себѣ слѣды духовнаго начала, изъ котораго произошла она. Въ явленіяхъ матеріальныхъ вы видите форму, законообразность, присутствіе цѣли и идеи. Если человѣческій духъ развивается въ матеріальномъ

тѣлѣ, если его совершенствованіе связано съ состояніями тѣлесныхъ возрастовъ; то эта связь не есть насильственная, положенная безпредѣльнымъ произволомъ божественной воли: она опредѣляется смысломъ человѣческой жизни, ея назначеніемъ, или идеей. Матерія, какъ говоритъ Шеллингъ, стремится, порывается родить духъ: она не равнодушна къ цѣлямъ духа, она имѣетъ первоначальное и внутреннее отношеніе къ нимъ. Изучите хорошо тѣлесный организмъ человѣка, и вы можете отгадать, какія формы внутренней, духовной жизни соотвѣтствуютъ ему. Изучите хорошо эту внутреннюю жизнь, и вы можете отгадать, какой тѣлесный организмъ соотвѣтствуетъ ей. Итакъ, если сочинитель говоритъ, что «наблюденіями физіологовъ, зоологовъ и медиковъ отстранена всякая мысль о дуализмѣ человѣка»; то противъ этого нельзя возражать безусловно. Только мы хотѣли бы опредѣленно знать, о какомъ дуализмѣ говорится здѣсь.

«Извѣстно, что послѣ устраненія дуализма *метафизическаго* остается еще дуализмъ *гносеологическій*, дуализмъ знанія. Сколько бы мы ни толковали о единствѣ человѣческаго организма, всегда мы будемъ познавать человѣческое существо двояко: внѣшними чувствами — тѣло и его органы, и внутреннимъ чувствомъ — душевныя явленія. Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть физіологическое познаніе о человѣческомъ тѣлѣ, а во второмъ психологическое познаніе о человѣческомъ духѣ. Или и этотъ дуализмъ устраненъ наблюденіями физіологовъ, зоологовъ и медиковъ? Нашъ сочинитель, повидимому, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ положительно. Какъ мы видѣли, онъ относитъ ощущеніе къ предметамъ физіологіи наравнѣ съ системою кишекъ, мускуловъ, нервовъ и т. д. Слово: *дуализмъ*, какъ кажется, напугало его, и онъ уже не могъ выяснить себѣ, какъ и откуда психологія знаетъ о своихъ предметахъ.

«Кажется ясно, что мысль не имѣетъ пространственнаго протяженія, ни пространственнаго движенія, не имѣетъ фигуры, цвѣта, звука, запаха, вкуса, не имѣетъ ни тяжести, ни температуры; и такъ физіологъ не можетъ наблюдать ее ни однимъ изъ своихъ тѣлесныхъ чувствъ. Только внутренно, только въ непосредственномъ самовоззрѣніи онъ знаетъ себя, какъ существо мыслящее, чувствующее, стремящееся. Эти двѣ величины, то есть предметы внѣшняго и внутренняго опыта суть, какъ говорятъ психологи, несоизмѣримыя: научнаго, послѣдовательнаго перехода отъ одной изъ нихъ къ другой вы не отыщете. Физіологъ будетъ наблюдать самыя сложныя движенія нервовъ: но все же эти движенія, пока они существуютъ для внѣшняго опыта, то есть, пока онѣ суть пространственныя движенія, происходящія между матеріальными элементами, не превратятся въ ощущеніе, представленіе и мысль. Сочинитель говоритъ: «мы знаемъ, что ощущеніе принадлежитъ извѣстнымъ нервамъ, движеніе другимъ». Разберите это выраженіе. Когда внѣшній толчокъ дѣйствуетъ на нервъ, то будетъ ли это нервъ ощущенія, или нервъ движенія, все равно, онъ по поводу этого толчка придетъ въ движеніе, или сотрясеніе: это мы наблюдаемъ въ физіологическомъ опытѣ. Итакъ нужно сказать: мы знаемъ, что всякій нервъ при

ходитъ въ движеніе по поводу внѣшняго впечатлѣнія. Но что «извѣстнымъ нервамъ принадлежитъ ощущеніе», этого мы вовсе не знаемъ изъ физіологическаго опыта, потому что и эти «извѣстные нервы» представляютъ для внѣшняго физіологическаго опыта только движеніе, которое никогда не превращается на глазахъ наблюдающаго физіолога въ ощущеніе, представленіе и мысль. Или, какъ мы сказали выше, здѣсь физіологія получаетъ свой матеріалъ отъ психологіи. Только сравнивая опыты физіологическіе и психологическіе, мы убѣждаемся, что видѣніе такихъ-то и такихъ цвѣтовъ, слышаніе такихъ-то и такихъ тоновъ возможны для души только подъ условіемъ опредѣленныхъ движеній зрительнаго и слуховаго нервовъ.

«Но кто утверждаетъ, что самое это движеніе зрительнаго и слуховаго нервовъ есть уже ощущеніе опредѣленной краски и опредѣленнаго тона, тотъ не говоритъ ни одного яснаго слова. Попытайтесь провести въ мышленіи и построить въ воззрѣніи, какимъ это образомъ пространственное движеніе нерва, которое при всѣхъ усложненіяхъ должно бы, повидимому, оставаться пространственнымъ движеніемъ нерва, превращается въ непространственное ощущеніе, или въ желаніе. Положимъ, что вы послышали ученіе физики о зависимости объема тѣла отъ его температуры и о томъ, что съ измѣненіемъ его температуры *необходимо* измѣняется и его объемъ: что сказали бы о васъ, если бы вы превратили это отношеніе *необходимой* связи въ отношеніе *тождества* и стали разсуждать: температура тѣла превращается въ объемъ тѣла, объемъ тѣла есть не что иное, какъ его температура? А между тѣмъ ученіе нынѣшнихъ физіологовъ о томъ, что ощущеніе души есть не что иное, какъ движеніе нервовъ, основано именно на этомъ превращеніи *необходимой* зависимости явленій въ ихъ *тождество*. Если бы насъ спросили, какимъ образомъ температура *начинаетъ* быть объемомъ, то намъ пришлось бы отвѣчать: она никакъ не начинаетъ быть объемомъ; только по необходимому физическому закону она производитъ измѣненія въ тѣлѣ, которое безъ объема немыслимо. Такимъ же образомъ и на вопросъ: какъ движеніе нерва *начинаетъ* быть ощущеніемъ, мы должны были бы отвѣчать, что движеніе нерва никакъ *не начинаетъ* быть ощущеніемъ, что оно всегда остается движеніемъ нерва, только по необходимому закону (физическому или метафизическому, — объ этомъ спорятъ еще) это движеніе нерва производитъ измѣненія въ душѣ, которая немыслима безъ ощущеній, чувствъ и стремленій. Итакъ, если говорятъ, что движеніе нерва *превращается* въ ощущеніе, то здѣсь всегда обходятъ того дѣятеля, который обладаетъ этою чудною *превращающею* силой, или который имѣетъ способность и свойство рождать въ себѣ ощущеніе по поводу движенія нерва; а само это движеніе, какъ понятно, не имѣетъ въ себѣ ни возможности, ни потребности быть чѣмъ либо другимъ, кромѣ движенія.

«Странно и однако же справедливо, что сочинитель, такъ много говорящій въ своихъ статьяхъ о естественныхъ наукахъ, не имѣетъ яснаго представленія о ихъ методѣ и о ихъ предметѣ. Если философія про-

тивопоставляются точныя науки, то подъ этими послѣдними разумѣются въ такомъ случаѣ науки опытныя, слѣдовательно занимающіяся явленіями и не касающіяся вопроса о метафизической сущности вещей. Теперь опытная психологія и требуетъ признать только это феноменальное, или гносеологическое различіе, по которому ея предметъ, какъ данный во внутреннемъ опытѣ, не имѣетъ ничего сходнаго и общаго съ предметами внѣшняго наблюденія. Только на этомъ предположеніи возможна точная наука о душѣ, то есть о душѣ, какъ опредѣленномъ явленіи, подлежащемъ нашему наблюденію. Всякій дальнѣйшій вопросъ о сущности этого явленія, вопросъ о томъ, не сходятся ли разности матеріальныхъ и душевныхъ явленій въ высшемъ единствѣ и не суть ли онѣ простое послѣдствіе нашего ограниченнаго познанія, — поелику оно не постигаетъ подлинной, однородной, тождественной съ собою сущности вещей,—всѣ эти вопросы принадлежатъ метафизикѣ и равно не могутъ быть разрѣшены никакою частною наукою. Въ настоящее время, однако же, химія и физіологія нерѣдко берутся за рѣшеніе этихъ вопросовъ о сверхчувственной основѣ вещей, какъ будто эту сверхчувственную основу можно увидѣть въ химической лабораторіи или въ анатомическомъ театрѣ. Такъ, если физіологія говоритъ намъ о единствѣ нервныхъ процессовъ и душевныхъ явленій, то этимъ она не выражаетъ, что душевныя явленія должны представиться намъ въ научномъ опытѣ нервными процессами, или что нервные процессы должны представиться намъ въ научномъ опытѣ душевными явленіями: нѣтъ, разности, опытно данныя, между представленіями и нервными процессами остаются такими же на концѣ науки, какими были онѣ въ началѣ ея. Итакъ, ученіемъ объ этомъ единствѣ она только выражаетъ метафизическую мысль о сверхчувственномъ тождествѣ явленій матеріальнаго и духовнаго порядка: слѣдовательно она даетъ намъ мысль, которую ни утверждать, ни отрицать она не имѣетъ основанія. Нашъ сочинитель такъ же не различаетъ вопросовъ метафизическихъ отъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ принадлежитъ точнымъ или опытнымъ наукамъ. Онъ говоритъ: «принципомъ философскаго воззрѣнія на человѣческую жизнь со всѣми ея феноменами служитъ выработанная естественными науками идея о единствѣ человѣческаго организма». Кто знакомъ съ естествознаніемъ и философіею, тому извѣстно, что это понятіе и это слово *единство* имѣетъ чарующую прелесть для метафизика и почти не имѣетъ никакого значенія для естествоиспытателя. Успѣхъ естествознанія основанъ на томъ, что оно разрѣшаетъ всякое единство, всякую сущность, всякій субъектъ, всякій организмъ на *отношенія*, потому что только въ такомъ случаѣ оно можетъ подводить наблюдаемое явленіе подъ математическія пропорціи. Итакъ несправедливо, что идея единства человѣческаго организма выработана естественными науками. Правда, что нѣкоторые физіологи допускали особый принципъ органической жизни подъ именемъ жизненной силы: съ этой точки зрѣнія можно говорить о единствѣ человѣческаго организма, потому что жизненная сила доставляла бы различнымъ матеріямъ организма то вну-

тренное и дѣйствительное единство, какого они, какъ матеріальныя частицы, не могутъ имѣть сами по себѣ. Но извѣстно, какъ надобно думать объ этой жизненной силѣ, которую нельзя ни разложить никакимъ анализомъ, ни подвести подъ математическія пропорціи: какъ простое, какъ абсолютное, оно не можетъ идти въ соображеніе при эмпирическихъ наблюденіяхъ, хотя бы метафизика и доказала, что предположеніе такой силы необходимо.

«Замѣчательнымъ образомъ сходятся при вопросѣ о единствѣ человѣческаго организма естествознаніе и философія въ ихъ современномъ положеніи. Физіологія и химія разлагаютъ это единство на множество матеріальныхъ частей, которыя въ своихъ движеніяхъ подчинены общимъ физическимъ, а не частнымъ органическимъ законамъ. Итакъ, единство человѣческаго организма есть для нихъ феноменъ, есть нѣчто являющееся, кажущееся. Но откуда происходитъ этотъ феноменъ? Отчего множество представляется *намъ* какъ единство? Отчего капли дождя представляются *намъ* какъ радуга, а не какъ капли дождя? Отчего матеріальныя частицы, не имѣющія между собою внутренняго единства и сочетавающіяся по общимъ физическимъ законамъ, представляются *намъ* какъ единство, какъ цѣлость, какъ одинъ, въ себѣ законченный образъ? На эти вопросы отвѣчаетъ философія и притомъ съ математическою достовѣрностію: это происходитъ отъ свойствъ при......»

На этотъ разъ довольно; и о «Русскомъ Вѣстникѣ», пока, тоже довольно. Въ слѣдующій разъ развлекусь «Отечественными Записками».

Н. Ч.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

ГРАФА КАМИЛЛО БЕНЗО КАВУРА (*).

I.

Западная Европа въ переполохѣ, всего болѣе, разумѣется, французы: графъ Камилло Бензо Кавуръ внезапно скончался, утромъ 6-го іюня, послѣ шести кровопусканій въ два дня. Доктора, видите, думали сначала, что болѣзнь Кавура есть обыкновенный приливъ крови, повторявшійся съ нимъ нерѣдко; но потомъ нашли, что у него перемежающаяся лихорадка и послѣ кровопусканій стали его пичкать хиной; вскорѣ однако примѣтили, что это — тифъ, и стали давать опять что-то другое... А когда уже не было никакого средства спасти человѣка, рѣшили, что это у него подагра бросилась на верхнюю часть груди и на мозгъ. Туринцы очень разсержены на докторовъ; французы безъ всякаго сомнѣнія сердятся еще больше, вѣроятно сердятся не меньше, чѣмъ на злодѣйства друзовъ въ Сиріи. Да и

(*) Когда мы получили эту статью отъ г. Т—нова, обзоръ политической роли Кавура, помѣщенный на предъидущихъ страницахъ, былъ уже напечатанъ. Иначе, конечно, не стали бы мы помѣщать краткой статьи о предметѣ, болѣе подробно излагаемомъ въ біографіи, начало которой успѣло войти въ эту книжку.

какъ не сердиться? Смерть Кавура, по выраженію кого-то изъ государственныхъ мужей Англіи, есть бѣдствіе для всего цивилизованнаго міра, слѣдовательно тѣмъ болѣе для итальянцевъ, и тѣмъ болѣе для французовъ: извѣстно, что французы теперь привыкли смотрѣть на Италію — не только какъ на свою собственность, но даже больше — какъ на имѣніе, находящееся у нихъ въ опекѣ. И вдругъ они теряютъ довѣреннаго человѣка, который велъ всѣ ихъ счеты и выносилъ на своихъ плечахъ большую долю отвѣтственности!... Понятно, что для нихъ потеря гораздо ужаснѣе, чѣмъ для самихъ опекаемыхъ, пользовавшихся благодѣяніями довѣреннаго человѣка...

— Ah, je ne sais, qnel parti l'empereur prendra-t-il à present... Après la mort de Cavour il reste tout-à-fait dégagé, — таинственно говорилъ мнѣ вчера за обѣдомъ одинъ французъ, и, погруженный въ политическія соображенія, даже не взялъ слѣдующаго кушанья...

Въ самомъ дѣлѣ положеніе французовъ теперь очень печально: ну, что какъ ихъ погонятъ вдругъ на дняхъ драться съ итальянцами? И стыдъ, и горе, а дѣлать нечего — пойдешь, потому—сила, и потому противъ нея ничего не подѣлаешь... А все-таки нехорошо... И вотъ французы, какъ только прослышали о смерти Кавура, принялись убѣждать и заклинать итальянцевъ, чтобы они уже постарались вести себя хорошенько, какъ было при Кавурѣ, такъ-таки совершенно, какъ будто бы онъ и не умиралъ. Особеннымъ усердіемъ отличились журналы такъ-называемаго либеральнаго оттѣнка, служащіе выраженіемъ передовыхъ мнѣній французовъ. Они рѣшительно не уступили журналамъ офиціальнымъ и даже отчасти превзошли ихъ въ благонамѣренности. Правда, «Pays» очень рѣшительно возвѣстилъ, что итальянцы и безъ Кавура должны остаться кавуріанскими, иначе могутъ потерять свою свободу; а «Constitutionnel», объяснивши то же въ другихъ словахъ, прибавилъ надежду, что «впрочемъ народъ, *освобожденный Франціею*, съумѣетъ не попасть опять въ рабство». Это, какъ видите, очень сильно и хорошо. Но недурно въ своемъ родѣ разсудила и «Presse», увѣряя, что не только все, достигнутое Италіей, было дѣломъ Кавура, но что и въ будущемъ опять-таки надо полагаться на него же или на его политику, и вслѣдствіе этого рекомендуя итальянцамъ заняться не чѣмъ инымъ, какъ приготовленіемъ статуи Кавуру, которая должна быть ему поставлена въ залѣ итальянскаго парламента, *въ тотъ день, когда онъ соберется въ Капитоліи!*... Въ этомъ же родѣ разсуждаетъ и «Siècle», главный редакторъ котораго самъ удостоился статуи отъ итальянцевъ за любовь къ итальянскому дѣлу: онъ заклинаетъ Ита-

міръ «продолжать славное дѣло, которому Кавуръ далъ свое безсмертное имя». Словомъ, французы поютъ хоромъ: «будьте, милыя дѣти, умны и послушны; не вздумайте пошалить, пользуясь недостаткомъ надзора; повѣрьте,—гуверперъ умеръ, но розги остались... Не принуждайте же насъ прибѣгать къ розгамъ... Это было бы очень больно нашему опекунскому сердцу». И для лучшаго подтвержденія обязательныхъ увѣщаній, вслѣдъ за журнальными статьями летитъ изъ Парижа въ Туринъ телеграфическая депеша, предвѣщающая «неудовольствіе, если бы главою новаго министерства назначенъ былъ Ратацци». Ратацци, видите ли, хотя и совершенное политическое ничтожество, но считается честнымъ человѣкомъ и былъ противъ уступки Ниццы и Савойи...

Мѣсяца три тому назадъ, я описывалъ въ «Современникѣ» мое собственное впечатлѣніе отъ Кавура. Оно не было благопріятно для покойника. По всей вѣроятности я судилъ его даже слишкомъ строго, потому что это былъ первый государственный человѣкъ, котораго пришлось мнѣ видѣть вблизи на поприщѣ его общественной дѣятельности, разсуждающимъ о дѣлахъ, отчасти знакомыхъ мнѣ. Теперь я читаю во всевозможныхъ непрологахъ, и итальянскихъ, и иностранныхъ, — что это былъ если не самый лучшій, то ужь конечно одинъ изъ немногихъ самыхъ лучшихъ государственныхъ мужей всего свѣта, настоящихъ, прошедшихъ и будущихъ. Мнѣ лично, признаюсь, это не даетъ особенно лестнаго понятія о всѣхъ прочихъ-то герояхъ на томъ же поприщѣ: «если этотъ былъ чуть не лучше всѣхъ,—думаю я, — хороши же должны быть остальные-то!... Но ясно, что читатель не долженъ раздѣлять моего образа мыслей, ибо въ сужденіяхъ о Кавурѣ меня конечно уже предупредили «С.-Петербургскія Вѣдомости», вѣроятно не преминувшія оплакать «великую потерю» всего цивилизованнаго міра и пустить въ ходъ нѣсколько глубокомысленныхъ соображеній о томъ, что теперь будетъ съ Италіей и съ Европой...

Я, впрочемъ, и не намѣренъ излагать теперь своихъ сужденій, отчасти потому, что повторять ихъ слишкомъ много не стоитъ, отчасти же и потому, что хочу подражать одному благородному итальянцу. Итальянецъ этотъ долженъ былъ явиться въ судъ въ Неаполѣ по поводу одной статейки, оскорбительной для личности Кавура; какъ разъ наканунѣ дня, назначеннаго для суда, пришло извѣстіе о смерти министра; журналистъ немедленно объявилъ, что онъ лучше готовъ подвергнуться какому угодно наказанію безъ суда, нежели позволить себѣ представить въ свою защиту резоны противъ человѣка, «тѣло котораго еще не остыло». Его объявленія признано

было [illegible], и — что же сдѣлали? Сдѣлали то, что [illegible] рѣшили подождать, пока дѣло остынетъ, и отложили засѣданіе суда до слѣдующей недѣли.

Я поступаю еще самоотверженнѣе: не отлагаю только, а совсѣмъ оставляю мои непріязненныя размышленія о знаменитомъ покойникѣ, и вмѣсто суда надъ нимъ хочу изобразить теперь его біографію.

Можетъ быть, и въ этомъ предупредятъ меня «С.-Петербургскія» или «Московскія Вѣдомости», или, еще вѣроятнѣе, — «Современная Лѣтопись Русскаго Вѣстника»; но ихъ соперничества я не боюсь: мой трудъ долженъ взять верхъ въ благонамѣренности. Я пишу по тремъ біографіямъ и по нѣсколькимъ брошюрамъ о министерствѣ Кавура, которыхъ иначе нельзя назвать, какъ самыми безсовѣстными панегириками.

«Викторъ Эммануэль имѣлъ счастіе встрѣтить человѣка съ убѣжденіемъ глубокимъ, холодно-страстнымъ, терпѣливымъ и смѣлымъ, человѣка, котораго ничто не могло удалить отъ его цѣли, и который прямо, безъ уклоненія, привелъ Пьемонтъ, короля и Италію къ освобожденію. Этотъ человѣкъ — Кавуръ. Въ Сардиніи только и есть два имени — Викторъ Эммануэль и Кавуръ. Когда пьемонтцы произносятъ эти имена, — ихъ сердце бьется сильнѣе и слезы благоговѣнія и радости подступаютъ къ глазамъ. Они не говорятъ: графъ Кавуръ, а просто: *графъ*. Онъ для нихъ все. Все, что сдѣлало изъ Пьемонта страну благородную, мудрую, славную, свободную, — все пришло отъ Кавура, и за то безпредѣльна признательность къ этому министру — великому и простому, простому, какъ дѣловой человѣкъ, великому, какъ благодѣтель.»

Такъ начинаетъ жизнеописаніе Кавура одинъ французскій біографъ, писавшій въ 1859 г. Тогда еще не могло придти въ голову Итальянское королевство; но я не сомнѣваюсь, что и теперь біографъ готовъ повторить то же самое, подставивъ вмѣсто Пьемонта слово: Италія. Тѣмъ не менѣе остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что графъ Кавуръ — личность пьемонтская, и что самымъ горячимъ его поклонникамъ, вплоть до итальянской войны, не всходило и мысль дѣлать изъ него обще-итальянскаго героя, не смотря даже и подвиги его на парижскомъ конгрессѣ. И мы признаемся, что съ такой точки зрѣнія гораздо удобнѣе обозрѣвать жизнь туринскаго

министра, почему мы и постараемся удержаться на ней сколько возможно долѣе.

Французскій біографъ претендуетъ, что предки Кавура вышли въ люди очень недавно, чуть ли не при Карлѣ Альбертѣ; но французъ въ этомъ случаѣ является жалкою жертвою своего легкомыслія. По тщательнѣйшимъ изслѣдованіямъ родословное древо Кавуровъ теряется въ сумракѣ временъ. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что въ половинѣ XIII столѣтія одинъ изъ его предковъ владѣлъ помѣстьями въ маленькой республикѣ Кьери, существовавшей тогда въ Пьемонтѣ, и что папа Инокентій IV далъ ему грамоту, исключавшую его изъ общаго церковнаго проклятія, которое постигло тогда бѣдную республику. Какъ видите, исторія застаетъ родъ Кавуровъ въ очень благородныхъ расположеніяхъ.

По матери Кавуръ происходилъ отъ рода савойскаго, и умѣлъ цѣнить это. Однажды въ палатѣ, когда какой-то депутатъ сталъ говорить дурно о савойцахъ, Кавуръ прервалъ его восклицаніемъ: «сердце мое возмущается, когда обижаютъ савойцевъ, потому что въ жилахъ моихъ течетъ немножко савойской крови...» Мы замѣчаемъ это затѣмъ, чтобъ поставить на видъ читателю, каково же должно быть самоотверженіе Кавура, рѣшившегося для пользы отечества уступить Савойю императору французовъ. Указывали на Гарибальди, огорчившегося уступкою его роднаго города—Ниццы; Кавуръ, въ свою очередь, могъ указать на себя. Правда, впрочемъ, что понятія этихъ людей о спорномъ вопросѣ были нѣсколько различны: Гарибальди чувствовалъ себя итальянцемъ, и свой городъ принадлежащимъ Италіи; Кавуръ же находилъ, что, какъ Ницца, такъ и Савойя въ особенности—вовсе съ Италіей ничего общаго не имѣютъ, а естественнѣйшимъ образомъ принадлежатъ Франціи.

Впрочемъ, въ то время, какъ Кавуръ родился (10 авг. 1810 года, въ Туринѣ), весь Пьемонтъ былъ французской провинціей; только пять лѣтъ спустя получилъ онъ обратно свою независимость. По обыкновенному порядку вещей можно бы ожидать, что въ семейныхъ преданіяхъ и слѣд. въ воспитаніи мальчика останутся какіе нибудь враждебные слѣды противъ чужеземнаго занятія страны и противъ его виновниковъ. Но на дѣлѣ, какъ видимъ, не случилось ничего подобнаго. За то, по словамъ итальянскаго біографа Кавура, профессора Боаги,—онъ наслѣдовалъ отъ своего рода вотъ что:

«Графъ Камиллъ получилъ отъ предковъ своихъ то чувство, которое принадлежитъ древнимъ и знатнымъ породамъ, если только онѣ не вырождатся; это—внутреннее, инстинктивное чувство отечественной исторіи, которой часть составляютъ они сами, чувство, въ

которомъ сливаются для нихъ воспоминанія прошедшаго съ надеждами будущаго, и открывается основаніе, на которомъ государственный мужъ, призванный не только къ сохраненію, но и къ обновленію, строитъ свое зданіе и утверждаетъ свою политику. Это именно чувство и служитъ причиною, что люди, принадлежащіе къ фамиліямъ, уже прославленнымъ въ національной исторіи, оказываются болѣе способными продолжать ее, нежели тѣ, которые выходятъ изъ рода, долженствующаго въ первый разъ ознаменовать свое имя.»

Замѣтимъ, что это писано въ началѣ 1860 г., слѣд. едва ли слѣдуетъ выписанныя слова принимать даже за шпику противъ Гарибальди. Въ то время сторонники Кавура еще очень мало хлопотали о томъ, чтобъ не давать спуску Гарибальди, и потому высокія размышленія профессора Бонги могли быть высказаны безъ всякой задней мысли, просто, какъ искреннее убѣжденіе автора, вѣроятно тоже происходящего изъ древней и знатной фамиліи.

Воспитаніе графа Камилла намъ почти неизвѣстно; надо только предполагать, что въ немъ преобладало французское вліяніе. Французъ біографъ, восхваляя неутомимую дѣятельность Кавура, говоритъ презабавно: «графъ страшно работалъ всю свою жизнь,— усвоилъ французскій языкъ и французскія идеи, оставался нѣмымъ зрителемъ бѣдствій Италіи, давая себѣ клятву...» и пр. Болѣе глупой и нелогической рѣчи, конечно, мудрено и придумать, но на это претендовать нечего; а дѣло въ томъ, что «énorme travail» изученія французскаго языка былъ подъятъ Кавуромъ, конечно, въ раннемъ дѣтствѣ. Съ французской аристократіей родъ Кавуровъ находился, кажется, въ наилучшихъ отношеніяхъ: крестной матерью графа Камилло была сестра Наполеона, княгиня Полина Боргезе; первоначальное его воспитаніе было поручено французскому аббату Фрезе, замѣчательному сочиненіемъ французской исторіи савойскаго дома. Подъ руководствомъ почтеннаго аббата оставался графъ Камилло до четырнадцатаго года, а потомъ отданъ былъ отцомъ въ туринскую военную академію.

Что онъ дѣлалъ въ академіи—намъ опять неизвѣстно. Разсказываютъ только, что учился онъ прилежно, особенно успѣвалъ въ математикѣ и былъ нелюбимъ своими товарищами — за излишнюю наклонность къ сарказмамъ, соединенную съ натуральною гордостью, приличною его роду. Послѣднее обстоятельство можетъ быть важнѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда, для объясненія послѣдующей дѣятельности Кавура; кромѣ того, оно важно въ связи съ тѣми извѣстіями, какія мы имѣемъ о его родителяхъ. Мы увидимъ впослѣ-

ствіи, что онъ съ ними разошелся въ мнѣніяхъ: но самое важное— первыя впечатлѣнія жизни были, какъ оказывается, въ соотвѣтствіи съ семейными началами. А семейство Кавуровъ не пользовалось отличной репутаціей въ Туринѣ: отецъ графа Камилла занималъ какое-то важное административно-полицейское мѣсто въ городѣ и умѣлъ отправлять свои обязанности къ всеобщему неудовольствію; кромѣ того онъ занимался разными торговыми спекуляціями, очень выгодными для него, но положительно разорительными для массы потребителей. Все это не было тайной; но старикъ Кавуръ, исполненный сознанія своего дворянскаго достоинства и довольный барышами, относился самымъ презрительнымъ образомъ къ общественному мнѣнію. Гордый довѣріемъ Карла Альберта, въ то время принца Кариньянскаго, онъ былъ врагомъ всякихъ льготъ, реформъ, перемѣнъ, о правахъ народа не хотѣлъ и слышать, и если цѣнилъ кого нибудь, то лишь компанію важныхъ особъ, такихъ же аристократовъ и обскурантистовъ, какъ онъ, собиравшихся въ его салонѣ. Подъ такими вліяніями, приправленными моралью аббата Фрезе, росъ маленькій Камилло, и немудрено, что товарищи не любили его въ школѣ, особенно, когда вспомнимъ, что поступилъ онъ туда около 1823 г.

Само собою разумѣется, что еслибъ онъ былъ и набитымъ дуракомъ, то былъ бы въ школѣ «отличенъ» начальствомъ: это требовалось его происхожденіемъ и положеніемъ его отца. Но при этомъ Камилло былъ мальчикъ очень способный и прилежный. Нельзя думать, чтобъ онъ очень многому и очень хорошо научился въ семь лѣтъ, которыя пробылъ въ туринской военной школѣ; но по крайней мѣрѣ то, чему тамъ учили, онъ зналъ хорошо. Замѣчаютъ даже, что сидя постоянно за занятіями, онъ не имѣлъ достаточно придворной ловкости и «манеръ»: въ награду за хорошее ученье и поведенье, равно какъ и за службу отца, его было назначили пажемъ къ Карлу Альберту; но въ качествѣ пажа Камилло оказался никуда негоднымъ, и вскорѣ былъ лишенъ этой чести. Тутъ біографы Кавура приводятъ сарказмъ, произнесенный имъ по этому случаю въ отвѣтъ на нѣкоторыя насмѣшки и сожалѣнія... Біографы видятъ въ этомъ великое доказательство независимости характера, проявившаго уже въ столь раннемъ возрастѣ глубокое отвращеніе ко всякаго рода зависимости; но мы, боясь ошибиться, не станемъ рѣшать, были ль эти слова точно признакомъ независимости характера, или просто слѣдствіемъ ребяческой досады, очень понятной, при такомъ афронтѣ, въ воспитанникѣ туринской военной школы.

Въ 1829 году кончилъ графъ Камилло свой курсъ и вышелъ изъ школы съ чиномъ инженернаго лейтенанта. Отецъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы онъ сдѣлалъ военную карьеру, и молодой Кавуръ остался въ военной службѣ, хотя и не чувствовалъ къ ней ни малѣйшаго расположенія. Но служить пришлось ему недолго, — надежды благонамѣреннаго отца не оправдались: сынъ вдругъ оказался вольнодумцемъ, либераломъ и чуть ли не противникомъ власти. Это явленіе для насъ нисколько не представляется удивительнымъ, когда мы знаемъ, что такое былъ и чѣмъ всегда оставался либерализмъ Кавура; но для родителей его и того уже было слишкомъ много. Много было и для тогдашняго правительства пьемонтскаго: на молодаго Кавура уже обратили вниманіе очень зоркое. Въ 1831 году былъ онъ въ Генуѣ для надзора за устройствомъ новыхъ укрѣпленій, и тутъ началъ говорить до того либерально, что его невозможно было терпѣть болѣе на видныхъ мѣстахъ. Распорядились перевести его въ гарнизонъ маленькаго форта Барда... Кавуръ, конечно, осердился и сказалъ, что не хочетъ больше служить. Какъ видно, немилость къ нему была еще не очень грозна, потому что отставку онъ получилъ безъ особенныхъ затрудненій.

И очутился онъ на свободѣ, 22 лѣтъ, блестящій офицеръ, сынъ богатыхъ и знатныхъ родителей. Что ему дѣлать, въ чемъ убить свое время? Конечно, развлеченія всякаго рода были у него подъ рукою, и онъ никогда не пренебрегалъ ими, по замѣчанію его біографа. Но какъ человѣкъ неглупый и честолюбивый, онъ не могъ на нихъ успокоиться. При томъ же нѣкоторыя идеи, разъ запавшія ему въ голову, не могли ужь быть изъ нея выброшены... И вотъ онъ предался тому образу жизни, который такъ обыкновененъ и такъ знакомъ многимъ «передовымъ» людямъ недавнихъ временъ въ разныхъ странахъ Европы... Это жизнь созерцательнаго, платоническаго либерализма, крошечнаго, умѣреннаго и не иначе переходящаго изъ словъ въ дѣло, какъ тогда, когда ужь оставаться въ бездѣйствіи становится невыгодно и даже, пожалуй, опасно. Этакихъ людей много повсюду. Люди эти не настолько тупы, чтобы не понимать дикости нѣкоторыхъ дикихъ вещей, и потому охотно говорятъ противъ этой дичи, говорятъ обыкновенно тѣмъ охотнѣе, чѣмъ менѣе представляется имъ возможности перейти отъ словъ къ дѣлу... Но — или по темпераменту, или по своему внѣшнему положенію, они никакъ не могутъ дойти до послѣднихъ выводовъ, не въ состояніи принять рѣшительныхъ, радикальныхъ воззрѣній, которыя честнаго человѣка обязываютъ уже прямо къ дѣятельности, къ пожертвованіямъ... Нѣтъ, девизъ этакихъ людей — не дѣлъ

зла (т. е. какъ они понимаютъ опять) и даже по возможности дѣлать добро, когда это не представляетъ ни малѣйшаго риска. Дальше они нейдутъ.

Соображая все, что представляетъ намъ жизнь Кавура, мы находимъ, что съ самаго начала своей самостоятельной жизни онъ шелъ именно этимъ путемъ, до тѣхъ самыхъ поръ, какъ сдѣлался распорядителемъ цѣлаго королевства, — да и послѣ-то не очень измѣнился. Двѣнадцать лѣтъ его жизни, съ отставки до возвращенія изъ Англіи, намъ почти неизвѣстны и не ознаменованы ничѣмъ особеннымъ. Но, пользуясь отсутствіемъ внѣшне-занимательныхъ событій, мы сдѣлаемъ здѣсь нѣсколько замѣчаній о значеніи этого періода для внутренняго развитія и установленія характера и образа мыслей графа Кавура.

Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ, годахъ Пьемонтъ былъ едва ли не самою обскурантскою и деспотическою частью Италіи. Дурныя стороны правительства не могли не бросаться въ глаза молодежи, получившей хоть начатки какого нибудь образованія. Не могъ не видѣть этихъ дурныхъ сторонъ и Кавуръ, несмотря на внушенія родительскаго кружка. Такимъ образомъ недовольство, желаніе реформъ, ропотъ противъ нѣкоторыхъ правительственныхъ распоряженій—невольно проявились въ немъ; это было совершенно въ порядкѣ вещей, и иначе даже быть не могло. Неудовольствіе въ то время было въ Италіи общее, броженіе въ молодежи чрезвычайно сильно, а іюльская революція, только-что совершившаяся во Франціи, еще болѣе разгорячала и ободряла волновавшіеся умы. У молодаго Кавура была, кромѣ того, еще личная причина къ неудовольствіямъ—неудача служебной карьеры. Всѣ отзывы о немъ согласны въ томъ, что онъ всегда былъ очень гордъ и терпѣть не могъ подчиняться чужимъ приказамъ. Поэтому служить такъ, какъ тогда требовалось въ Пьемонтѣ, служить по молчалински, выжидая милостиваго вниманія начальства, онъ рѣшительно не могъ. А между тѣмъ какую нибудь роль надо было играть ему, хотя бы въ своемъ кружкѣ. Роль эта указывалась тогда прямо нѣкоторыми передовыми людьми: работать для единства и свободы Италіи. Начиная эту работу, многіе юноши, ровесники Кавура, уже насидѣлись и въ тюрьмахъ, и изгоняемы были, и за границей составляли общества и готовили великое дѣло единства Италіи, совершающееся теперь на нашихъ глазахъ. Но молодому Кавуру вовсе не по душѣ была такая дѣятельность: онъ окруженъ былъ комфортомъ, исполненъ разнаго рода наслѣдственныхъ претензій, связанъ былъ съ

аристократическимъ кружкомъ, и поэтому никакъ не могъ поддаться радикальной пропагандѣ, которою тогда увлечена была молодежь въ Италіи. Не то, чтобы онъ не признавалъ святости цѣли этой пропаганды, — но онъ не находилъ въ себѣ достаточно силъ и отваги, чтобы вѣрить достиженію этой цѣли. Люди, подобные ему, смѣялись въ то время надъ «единствомъ свободной Италіи», и ограничивали свою программу желаніемъ какихъ нибудь реформъ въ существующихъ правительствахъ. Да и относительно этихъ реформъ они далеко расходились съ радикалами. Тѣ всегда хотѣли коренныхъ измѣненій, требовали новаго направленія; эти желали, чтобъ все улучшалось понемножку, нимало не безпокоя установленнаго порядка. Тѣ требовали пособія и отъ министровъ и отъ государей, но работали и сами неутомимо, говоря: если вы не хотите, мы и безъ васъ сдѣлаемъ. Въ 1831 году, Маццини, уже изгнанникъ, писалъ къ Карлу Альберту письмо, чтобы убѣдить его вступить на либеральный путь, и оканчивалъ такимъ образомъ: «отъ васъ зависитъ — быть или *первымъ* между современниками, или *послѣднимъ* тираномъ Италіи». Люди кавуровскаго характера, напротивъ, ограничивались желаніями и надеждами на правительство и ничего не дѣлали для того, чтобы заставить его приступить къ реформамъ. Оттого Кавуръ и его друзья только въ 1847 году, 16 лѣтъ спустя послѣ письма Маццини, рѣшились выразить Карлу Альберту то же желаніе, какое было въ письмѣ, да и то высказали въ формахъ гораздо болѣе робкихъ. Кавуръ и тутъ находилъ, что еще опасно дѣйствовать слишкомъ рѣшительно... Для людей радикальной партіи, — идеи народной свободы и единства Италіи были потребностью жизни, какъ бы пищею ихъ, и они съ жадностью бросались на эту пищу, какъ голодные, не разбирая, пробилъ ли обычный часъ обѣда и накрытъ ли столъ. Кавуръ же былъ сытъ собственнымъ благосостояніемъ и относительной свободой, которою пользовался все-таки, несмотря на всеобщее стѣсненіе; поэтому онъ не очень рвался на предложенную пищу, и выбиралъ изъ нея то, что ему понравится, и очень заботился о томъ, чтобы покушать съ комфортомъ и не разстроить черезъ это ни одного изъ обычныхъ, ежедневныхъ занятій. Такимъ образомъ въ то время, какъ люди болѣе рѣшительные и преданные своей идеѣ, вызывали народъ на борьбу и, едва успѣвъ избѣжать тюрьмы, продолжали свою работу, подвергаясь всѣмъ неудобствамъ изгнанія, — въ это время Кавуръ, такой же юноша, какъ они, изумлялъ своимъ либерализмомъ дряхлыхъ обскурантовъ, собиравшихся въ салонѣ его отца и въ другихъ

Богатоубранныхъ палатахъ.

Отецъ смотрѣлъ на это косо, и молодой Кавуръ скоро повелъ жизнь довольно отдѣльную. У него, въ его собственномъ салонѣ, собирались уже люди, близкіе ему по убѣжденіямъ. Они толковали, толковали очень умно, по всей вѣроятности, бранили правительство и еще болѣе бранили сумасбродовъ, распространявшихъ по Италіи разныя вредныя утопіи. «Умъ Кавура, разсчетливый и холодный,— говоритъ біографъ его, взвѣшивалъ силы правительствъ, которыя стояли за себя, съ силами разныхъ сектъ, нападавшихъ на нихъ, и не находилъ возможности къ побѣдѣ сектаторовъ; притомъ же, онъ видѣлъ, что если правительства шли дурною дорогой, то секты слѣдовали, если возможно, еще худшимъ путемъ». Вслѣдствіе этого, Кавуръ, не смотря на свое увѣреніе въ парламентѣ нынѣшняго года, будто онъ «18 лѣтъ былъ заговорщикомъ», — никогда не былъ членомъ ни «Giovani Italia», ни другой подобной секты, не былъ замѣшанъ въ смутахъ 1833 года, и вообще, послѣ своей отставки, ничѣмъ не компрометировалъ себя предъ правительствомъ. Не видя возможности отличиться и выиграть что нибудь на государственномъ поприщѣ, онъ нашелъ, что надо заняться хоть гуано какимъ нибудь, и точно — предался мирнымъ занятіямъ гуано и вообще сельскимъ хозяйствомъ. Говорятъ, что началомъ употребленія гуано въ земледѣліи Пьемонтъ обязанъ Кавуру, и вѣроятно это самая важная услуга, оказанная имъ отечеству въ этотъ довольно длинный періодъ.

Но и гуано не удовлетворило графа; не лучшій успѣхъ имѣло и пробковое дерево. Молодой графъ рѣшилъ, что отечество тѣсно для него, и отправился путешествовать. Нѣсколько лѣтъ прожилъ онъ во Франціи и Англіи, постоянно находясь въ самомъ лучшемъ обществѣ, снискавъ уваженіе англійскихъ государственныхъ людей и обративъ на себя вниманіе французскихъ литературныхъ корифеевъ нѣсколькими статьями въ «Revue Nouvelle».

Изъ этихъ статей нѣкоторыя заслуживаютъ вниманіе именно въ томъ отношеніи, что показываютъ развитіе и направленіе идей Кавура въ это время. Читая ихъ, вы видите уже не юношу, безсознательно боящагося отказаться отъ выгодъ своего положенія для общаго дѣла, не наивнаго либерала, не знающаго, куда и во что ему броситься, чтобы прикрыть свое бездѣйствіе. Нѣтъ, здѣсь вы видите уже человѣка серьёзнаго, съ пользою прочитавшаго многихъ экономистовъ, научившагося «благоговѣть предъ удивительнымъ зда-

ніемъ англійской конституціи», и добывшаго строгія научныя основанія для оправданія своего поведенія. Такъ многія изъ его понятій высказываются въ статьѣ: «Des idées communistes et des moyens d'en combattre le développement». По основнымъ началамъ, по строгости логики и широтѣ воззрѣній, статью эту можно сравнить только съ знаменитою статьею г. Ржевскаго «о средствахъ къ развитію пролетаріата» (хотя заглавія обѣихъ статей и кажутся противоположными). Конечные выводы Кавура тѣ же самые, если мы хорошо помнимъ, — что и у г. Ржевскаго: идеи коммунизма (къ которому онъ, по обычаю, приплетаетъ и соціализмъ) суть слѣдствіе глупой зависти низшихъ классовъ къ высшимъ, основаны на невѣжествѣ и въ особенности на отсутствіи здравыхъ экономическихъ понятій. Средства противъ нихъ—распространеніе началъ политической экономіи, и въ то же время благотворительность къ бѣднымъ со стороны богатыхъ. Вотъ его слова изъ заключенія: «такимъ образомъ,— каждому свое дѣло: философъ и экономистъ въ тишинѣ своего кабинета опровергнутъ заблужденія коммунизма; но ихъ дѣло не будетъ плодотворно, если въ тоже время благородные люди, выполняя на дѣлѣ великій принципъ всеобщаго милосердія, не будутъ дѣйствовать на сердца, между тѣмъ какъ наука будетъ убѣждать разумъ».

Впрочемъ, біографъ Кавура, неизвѣстно почему, находитъ статью о средствахъ противодѣйствовать коммунизму, — не очень хорошею, и увѣряетъ, что «гораздо болѣе сообразно съ свойствомъ его генія» было другое произведеніе: «о положеніи Ирландіи и ея будущности». Здѣсь, какъ можно ожидать, онъ хвалитъ О'Коннеля за то, за что другіе бранятъ его, то есть за трусливую половинчатость его дѣйствій, и напротивъ, бранитъ за всякій шагъ нѣсколько рѣшительный. Гораздо любопытнѣе сужденія объ О'Коннелѣ показались намъ въ этой статьѣ мысли о Питтѣ. Рисуя портретъ Питта, Кавуръ какъ бы изображалъ самого себя, — по замѣчанію его біографовъ. Приведемъ же этотъ портретъ Питта, чтобы видѣть, каковъ Кавуръ, самъ себя изображающій.

«Объ этомъ знаменитомъ государственномъ мужѣ, пишетъ Кавуръ, — господствуетъ вообще мнѣніе чрезвычайно ложное. Впадаютъ обыкновенно въ самую грубую ошибку, представляя его приверженцемъ всякихъ злоупотребленій и угнетенія, въ родѣ лорда Эльдона или князя Полиньяка. Совсѣмъ напротивъ... Питтъ имѣлъ идеи своего времени: сынъ лорда Чатама не былъ ни другомъ деспотизма, ни поборникомъ религіозной нетерпимости. Съ умомъ по-

гучимъ и обширнымъ, — онъ любилъ власть, какъ средство, но не какъ цѣль. Онъ вступилъ въ политическую жизнь, ратоборствуя противъ ретроградной администраціи лорда Норта, и едва сдѣлавшись министромъ, провозгласилъ необходимость парламентской реформы. Конечно, Питтъ не былъ изъ тѣхъ горячихъ людей, которые, въ энтузіазмѣ своемъ къ великимъ интерсcамъ человѣчества, идутъ на опасности, несмотря ни на препятствія, воздвигнутыя противъ нихъ, ни на вредъ, который можетъ произойти отъ ихъ усердія. Онъ не былъ изъ тѣхъ, которые хотятъ перестроить общество въ основаніяхъ, при помощи всеобщихъ началъ и гуманитарныхъ теорій. Умъ глубокій и холодный, свободный отъ предразсудковъ, онъ не былъ одушевляемъ ничѣмъ инымъ, какъ любовью къ отечеству и къ славѣ. Въ началѣ своей карьеры онъ видѣлъ недостатки общественнаго устройства и хотѣлъ исправить ихъ. Если бы продолжалось его управленіе въ періодъ мира, то, конечно, онъ сдѣлался бы реформаторомъ въ родѣ Пиля и Каннинга, соединяя смѣлость и обширность видовъ одного съ благоразуміемъ и искусствомъ другаго. Но когда увидѣлъ онъ на горизонтѣ приближающійся ураганъ французской революціи,—то съ проницательностью, свойственною умамъ высшимъ, предусмотрѣлъ гибельность демагогическихъ принциповъ и опасность, которою угрожали они Англіи. Разомъ остановился онъ въ своихъ предначертаніяхъ реформъ, чтобы обратить все вниманіе на приготовлявшійся кризисъ. Онъ понялъ, что въ виду движенія революціонныхъ идей, угрожавшаго проникнуть и въ Англію, было бы безразсудно касаться священнаго ковчега конституціи и ослаблять національное къ ней уваженіе, принимаясь за передѣлку дурныхъ частей общественнаго зданія, освященнаго временемъ. Съ того дня, какъ революція, перешедши за предѣлы страны, въ которой родилась, стала грозить Европѣ, Питтъ не имѣлъ для себя другой цѣли, какъ — бороться противъ Франціи, чтобы воспрепятствовать ультра-демократическимъ идеямъ вторгнуться въ Англію. Этому высочайшему интерессу посвятилъ онъ всѣ свои силы, для него пожертвовалъ всѣми другими политическими соображеніями».

Характеръ Кавура и его воззрѣнія опредѣляются уже довольно ясно въ этихъ строкахъ, которыя въ самомъ дѣлѣ могутъ служить объясненіемъ его поведенія въ Италіи, когда онъ поставленъ былъ лицомъ къ лицу съ Гарибальди и «передовой партіей» (partito avonzoto). Какъ увидимъ, вся сущность его политики состояла въ томъ же, за что онъ превозноситъ Питта: сначала — желаніе кое-какихъ

улучшеній, планы реформъ, а затѣмъ — реакція противъ тѣхъ, кто хотѣлъ вести эти реформы дальше, реакція, внушенная страхомъ, чтобы реформы не зашли слишкомъ далеко и не коснулись «основъ общественнаго зданія».

Н. Т—НОВЪ.

ПОЛИТИКА.

ФРАНЦУЗСКІЯ ДѢЛА. — ВѢНСКІЙ ИМПЕРСКІЙ СОВѢТЪ И АДРЕСЪ ВЕНГЕРСКАГО СЕЙМА.

Давно ужь мы не говорили подробно о французскихъ дѣлахъ, потому что не представлялось въ нихъ отдѣльныхъ фактовъ, которые сами по себѣ могли бы назваться важными. Декретъ 24 ноября, давшій нѣсколько больше простора парламентскимъ преніямъ, циркуляры Персиньи о предоставленіи нѣсколько большаго простора журналистикѣ, пренія законодательнаго корпуса объ адресѣ, потомъ о бюджетѣ, теперь проэктъ закона объ уменьшеніи административнаго тяготѣнія надъ газетами, — все это пока только однѣ формальности, не дѣлающія никакой перемѣны въ дѣйствительномъ порядкѣ вещей, все это — мѣры, изъ которыхъ каждая незначительна. Вниманія заслуживаютъ онѣ лишь тогда, если разсматривать вмѣстѣ весь рядъ ихъ, чтобы различить по его направленію, къ чему идутъ дѣла. Направленіе времени ясно: существующая система видитъ свое несоотвѣтствіе съ расположеніемъ умовъ и входитъ въ сдѣлки съ нимъ. Одна сдѣлка за другою оказывается неудовлетворительна, и система дѣлаетъ надъ собою новыя усилія, чтобы вынудить у самой себя новую уступку, которая раздѣляетъ судьбу прежнихъ уступокъ, оказывается неудовлетворительна, потому что никакая система не можетъ серьёзно отрицать сама себя, стало быть не можетъ предложить ничего удовлетворительнаго направленію, отрицающему ее. О декретѣ 24 ноября мы говорили въ свое время.

Расширеніе круга преній въ законодательномъ корпусѣ было, при нынѣшнемъ составѣ его, одною формальностью, потому что изъ 250 депутатовъ только пятеро имѣютъ независимость; всѣ остальные выбраны были по рекомендаціи правительства и не могутъ не поддерживать его во всемъ, связавъ свою судьбу съ его участью. Набрать такое число преданныхъ лицъ нельзя было иначе, какъ изъ людей, безусловно преданныхъ тому, что̀ называется во Франціи «старымъ порядкомъ», то есть изъ приверженцевъ порядка дѣлъ, существовавшаго до революціи 1789 г. Но въ нѣкоторыхъ вещахъ правительство, по дипломатическимъ или торговымъ надобностямъ, должно отступать отъ принциповъ стараго порядка. Такъ, напримѣръ, затруднительно было бы изгнать войска и правителей Виктора-Эммануэля изъ присоединенныхъ къ Итальянскому королевству земель бывшей Папской области. А по понятію приверженцевъ стараго порядка слѣдуетъ сдѣлать это и возстановить папскую власть во всемъ ея прежнемъ размѣрѣ. Съ другой стороны, для упроченія союза съ Англіею и развитія французской торговли надобно было правительству понижать тарифъ; а значительная доля приверженцевъ стараго порядка — промышленники, заинтересованные въ поддержаніи протекціонизма; да и съ принципами стараго порядка согласна только запретительная система. Поэтому въ вопросахъ о тарифѣ и объ итальянскихъ дѣлахъ большинство членовъ законодательнаго корпуса — враждебно политикѣ правительства. Но связавъ себя съ нимъ безвозвратно, оно не можетъ противиться ему и въ этихъ случаяхъ и принуждено довольствоваться тактикою такого рода: вотировать противъ правительства оставляетъ оно лишь самымъ крайнимъ своимъ членамъ, а въ массѣ своей подаетъ голосъ за правительство; но чтобы ясно выказать свою враждебность, не могущую перейдти въ дѣло, и чтобы вынудить этою враждебностью нѣкоторыя уступки у правительства, большинство предоставляетъ говорить рѣчи только людямъ крайняго своего отдѣла, которые будутъ вотировать противъ правительства, такъ что характеръ преній прямо противорѣчитъ результату слѣдующаго за нимъ вотированья и служитъ предостереженіемъ для правительства. Такимъ образомъ пренія о параграфѣ адреса, относящемся къ Риму, и о таможенныхъ преобразованіяхъ были очень горячи во французскомъ законодательномъ корпусѣ; правительство тутъ было защищаемо только оффиціальными своими представителями, а рѣчи противъ него были очень многочисленны и сильны. Франція, давно не слышавшая парламентскихъ преній, слѣдила за ними съ большимъ одушевленіемъ. Этотъ фактъ выставляется теперь доказательствомъ, что она желаетъ возстановить парламентское правленіе. Видите ли, девять лѣтъ не бы-

ло открытыхъ признаковъ желанія, потому самое желаніе предполагалось несуществующимъ, — хотя не выражалось оно лишь благодаря мѣрамъ, принятымъ къ устраненію всякой возможности ему выражаться. Находились люди, принявшіе въ буквальномъ смыслѣ циркуляры новаго министра внутреннихъ дѣлъ Персиньи, что правительство признаетъ теперь необходимость свободы для Франціи; люди эти стали готовиться къ тому, чтобы воспользоваться провозглашенными уступками. Они были подкрѣплены въ своей увѣренности новымъ циркуляромъ Персиньи, приглашавшимъ всѣхъ замѣчательныхъ людей всѣхъ партій принять участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Циркуляръ этотъ доказывалъ только, что существующая система уже чувствуетъ недостаточность опоры, получаемой отъ ея приверженцевъ, и желаетъ привлечь на свою службу вліятельныхъ людей изъ другихъ партій. Но значительная часть общества всегда расположена понимать подобные документы не въ настоящемъ ихъ смыслѣ, а въ смыслѣ произвольно влагаемомъ въ нихъ только ея собственными желаніями. Въ іюнѣ должны были происходить выборы въ члены департаментскихъ совѣтовъ. Во времена парламентскаго правленія на департаментскіе совѣты обращалось мало вниманія. Эти собранія играютъ довольно значительную роль въ мѣстныхъ дѣлахъ: занимаются раскладкою государственныхъ податей, установляютъ мѣстные сборы для департаментскихъ надобностей, дѣлаютъ соображенія и выражаютъ требованія по мѣстнымъ дѣламъ. Но политическими дѣлами при существованіи парламента занимались они мало. Теперь не то. При нынѣшнемъ составѣ законодательнаго корпуса нельзя ждать отъ него дѣйствительнаго вмѣшательства въ государственныя дѣла, — онъ не можетъ не поддерживать правительства во всемъ. Люди, по несообразительности своей полагавшіе, что возможна оппозиція при господствующей системѣ, хотѣли войдти въ департаментскіе совѣты, чтобы придать имъ политическую роль. И отчего же не войдти? Циркуляръ Персиньи обѣщалъ свободу выборовъ. Но правительство увидѣло опасность и, несмотря на свои циркуляры, министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ надобность заниматься подготовленіемъ требуемаго результата выборовъ энергичнѣе, чѣмъ когда нибудь. Надобно впрочемъ отдать ему справедливость, что онъ умѣлъ согласить эту нужду съ прежними своими обѣщаніями. Онъ приглашалъ людей всѣхъ партій заняться общественными дѣлами. Что жь, правительство предлагало свою поддержку каждому человѣку, какой бы ни былъ онъ партіи, если только онъ обяжется защищать правительство. Значитъ, правительство въ самомъ дѣлѣ готово было допустить къ общественной дѣятельности благонамѣренныхъ людей изъ всѣхъ партій. Но оно, не щадя усилій,

отстраняло людей неблагонамѣренныхъ, то есть несоглашавшихся давать требуемыя обязательства. Благодаря этимъ усиліямъ, мало было выбрано непріятныхъ ему кандидатовъ. Оно такъ и должно быть: существующая во Франціи система такова, что оппозиція при ней невозможна. Система эта не можетъ выносить даже противорѣчія и той ничтожной группы пяти человѣкъ, которые успѣли попасть въ нынѣшній законодательный корпусъ. Они говорятъ въ законодательномъ корпусѣ безъ всякаго фактическаго вліянія на ходъ дѣла въ немъ: что бы ни говорили они, собраніе вотируетъ всѣ проэкты представляемые правительствомъ. Но все-таки рѣчи этихъ пяти человѣкъ очень вредно дѣйствуютъ на существующую систему, потому что возразить противъ нихъ она ничего не можетъ: она можетъ только заставлять законодательный корпусъ вотировать все, что требуетъ. А если остается безъ опроверженія взглядъ, противоположный нашему, нашъ взглядъ страдаетъ.

Рѣчи пяти противниковъ существующей системы въ законодательномъ корпусѣ важны тѣмъ, что степенью ихъ рѣзкости измѣряется непрочность системы. Мы не будемъ помѣщать здѣсь этихъ рѣчей, потому что онѣ были переводимы въ русскихъ газетахъ; и мы не хотимъ утомлять читателя повтореніемъ того, что онъ, конечно, уже знаетъ. Довольно будетъ привести изъ корреспонденціи Times'а отчетъ объ одномъ изъ засѣданій законодательнаго корпуса, отчетъ, очерчивающій кромѣ содержанія рѣчи, сказанной Жюлемъ Фавромъ, и физіономію законодательнаго корпуса. Мы выбираемъ для примѣра засѣданіе 18 іюня, когда преніе шло о проэктѣ закона, смягчающаго нынѣшнюю зависимость французской журналистики отъ административнаго благоусмотрѣнія. Сказавъ, что вниманіе французской публики занято ходомъ выборовъ въ департаментскіе совѣты, парижскій корреспондентъ Times'а продолжаетъ:

«Но превосходная рѣчь Жюля Фавра о журналистикѣ отвлекаетъ вниманіе публики отъ выборовъ. Тема была достойна такого оратора, и его противники признаются, что нѣсколько подобныхъ рѣчей нанесутъ тяжелый ударъ стѣснительнымъ законамъ, подъ покровительствомъ которыхъ можетъ только процвѣтать политическая продажность. А противники Жюля Фавра знатоки этого дѣла. Доводы его въ пользу свободы журналистики остались безъ отвѣта, потому что опровергнуть ихъ было нечѣмъ. Когда онъ говорилъ, ренегаты, обязанные своимъ возвышеніемъ свободѣ журналистики и задушившіе ее, сидѣли какъ на иголкахъ. Онъ сказалъ, что представленный правительствомъ проэктъ самъ по себѣ не заслуживаетъ критики, но достоинъ величайшаго вниманія положеніе журналистики, котораго онъ касается. Обязанность палаты становится разсмотрѣть, полезно ли это положеніе и сообразно ли оно съ достоинствомъ націи. По декрету 24 ноября пренія законо-

дательнаго корпуса стали печататься въ газетахъ, чего прежде не бывало,—результатъ этой перемѣны долженъ служить урокомъ: публика жадно читаетъ пренія, значитъ она интересуется общественными дѣлами. Но если палата хочетъ быть въ связи съ націею, она должна сдѣлать то, чтобы голосъ націи безпрепятственно доходилъ до нея. Если же депутаты, думая читать независимое мнѣніе писателя, читаютъ только мнѣніе, предписанное министромъ, то очевидно, они вводятся въ ошибку, которая будетъ гибельна. А положеніе вещей во Франціи дѣйствительно таково; таково вліяніе правилъ, только смягчаемыхъ, но сохраняемыхъ проэктомъ закона. Потому проэктъ — не больше какъ насмѣшка надъ палатою. Она должна понимать нужду въ совершенномъ отмѣненіи всѣхъ правилъ, стѣсняющихъ журналистику, которая одна въ силахъ подвергать администрацію дѣйствительной отвѣтственности передъ закономъ. Для этого нужно поставить газеты въ независимость отъ администраціи. Это требованіе называютъ слишкомъ поспѣшнымъ; но непостижимо, какимъ образомъ называютъ слишкомъ поспѣшнымъ требованіе отмѣны декрета, уже 9 лѣтъ тяготѣющаго надъ Франціею. Съ 17-го февраля 1852 года обстоятельства перемѣнились: признана надобность установить иной порядокъ дѣлъ, возстановить законность. Сохраненіе декрета 17 февраля — анахронизмъ.

«Морни, президентъ законодательнаго корпуса, прервалъ оратора замѣчаніемъ, что слова его противны присягѣ, данной нынѣшнему правительству (депутаты должны присягать, что признаютъ нынѣшнюю конституцію). Императоръ былъ избранъ довѣріемъ страны, чтобы спасти ее отъ гибельныхъ друзей г. Жюля Фавра.—Жюль Фавръ сказалъ, что имѣетъ право сдѣлать объясненіе противъ замѣчанія президента. Нѣкоторые депутаты кричали, что они не хотятъ слушать его объясненій. Но Жюль Фавръ настоялъ на своемъ. Онъ сказалъ: «я противопоставлялъ время диктатуры періоду, когда законы установляются свободною волею націи. Декретъ 1852 г. установленъ не волею націи, а волею одного человѣка». Члены палаты закричали, что воля этого человѣка была волею націи. Жюль Фавръ сказалъ: ««я — юристъ и растолкую вамъ вещи, которыхъ вы не понимаете»». Графъ д'Орнано сказалъ: «вамъ не нужно юристовъ». Жюль Фавръ продолжалъ: «закономъ у насъ называется то, что установлено правильно избранными національными собраніями, разсматривавшими и одобрившими проэктъ. Постановленій, не имѣвшихъ такого происхожденія, я не признаю закономъ». Президентъ протестовалъ противъ такой теоріи и сказалъ, что Жюль Фавръ зналъ, какой конституціи присягалъ, становясь депутатомъ, и потому нынѣшнія слова его противорѣчатъ его присягѣ. — Жюль Фавръ отвѣчалъ, что если такъ, у него отнимается свобода называть дурные законы дурными.—Морни сказалъ, что не смущается подобными уловками: «Вы можете порицать законъ и, кажется, я предоставлялъ вамъ полную свободу въ этомъ; но какъ президентъ, я не дозволю вамъ порицать происхожденіе существующей власти». — Жюль Фавръ возразилъ: «я говорилъ не о происхожденіи власти, а о законѣ, и я имѣлъ

право сказать, что онъ дуренъ и указать причины, по которымъ такъ думаю». Послѣ этого онъ продолжалъ свою прежнюю рѣчь, доказывая необходимость контроля независимой журналистики надъ администраціей. Онъ приводилъ примѣры тому, какъ при недостаткѣ этого контроля во Франціи похищаются у публики деньги биржевыми спекулянтами, дѣйствующими подъ защитою сильныхъ людей, и какъ нарушается право личной свободы. Онъ кончилъ свою рѣчь словами: «прошу васъ припомнить то замѣчательное засѣданіе, въ которомъ были произнесены слова, которыя вѣроятно не забыты вами. Франція начинала итальянскую войну. *Я* сказалъ тогда, что придетъ время, когда я потребую отъ правительства отчета о принципахъ, во имя которыхъ начинаетъ оно это дѣло. Война была успѣшна, Италія освободилась и я теперь требую того отчета. Во имя вѣчнаго права, я требую, чтобы моей родинѣ были возвращены ея законныя права. Свобода преній въ законодательномъ собраніи возстановлена. Должна быть возвращена свобода газетамъ.

Мы привели этотъ отрывокъ не потому, что любопытно для насъ мнѣніе Жюля Фавра,—оно давно извѣстно, и, вѣроятно, ни одинъ читатель не нуждался въ разъясненіяхъ нынѣшняго французскаго порядка дѣлъ, представляемыхъ знаменитымъ ораторомъ. Но любопытна неуступчивость, съ какою Жюль Фавръ твердитъ и твердитъ свои мысли палатѣ, въ противность ея негодованію, восклицаніямъ ея членовъ, замѣчаніямъ ея президента, — и замѣчательна уступчивость, съ какою палата и президентъ ея даютъ Жюлю Фавру одолѣвать ихъ сопротивленіе,—замѣчательно одолѣвающее ихъ чувство необходимости выслушивать Жюля Фавра, отвѣчающаго на ихъ требованія замолчать, что онъ—не замолчитъ, потому что право на его сторонѣ. Два года назадъ, даже годъ назадъ, этого еще не было: Жюль Фавръ останавливался, когда запрещали ему говорить, онъ чувствовалъ, что борьба будетъ напрасна; теперь не то. Онъ сознаетъ свою силу, палата передъ нимъ парализована сознаніемъ своего безсилія.

Дѣйствительно, сами кліенты существующей системы съ дерзостью отчаянія напоминаютъ ей о необходимости свернуть съ прежней дороги, бросить прежнія претензіи, уличаютъ безполезность усилій скрывать отъ палаты истину, которая уже извѣстна всѣмъ, и подрываетъ существующую систему. Это особенно выразилось въ преніяхъ о бюджетѣ. Уже года два или три законодательный корпусъ перепесталъ принимать бюджеты съ прежнимъ безусловнымъ признаніемъ всѣхъ цифръ за истину; уже года три онъ сталъ толковать о дефицитѣ, о чрезмѣрности расходовъ. Но тогдашнія замѣчанія были робки и деликатны. Теперь они высказываются другимъ тономъ: люди изъ большинства, люди, отдавшіе себя душою и тѣломъ во власть су-

ществующей системы, — вотъ ужь и они начинаютъ говорить тономъ Жюля Фавра. Они теперь уже прямо называютъ цифры бюджета «фальшивыми», «подложными», говорятъ министрамъ: вы обманываете палату и Францію, — и министры такъ же чувствуютъ себя безсильными передъ ними, какъ они чувствуютъ себя безсильными передъ Жюлемъ Фавромъ. Не противники правительства, — нѣтъ, самые близкіе кліенты его рѣзко говорили въ нынѣшній разъ о необходимости подвергнуть дѣйствія министровъ строгому контролю законодательнаго корпуса относительно расходованія государственныхъ суммъ. Они разсчитали, что министерство содержитъ подъ знаменами около 75 тысячъ солдатъ больше, чѣмъ можетъ содержать по бюджету, и что деньги на содержаніе этихъ лишнихъ солдатъ были получены или взяты незаконнымъ образомъ.

Но много разъ мы говорили о томъ, какъ отклоняются мысли французской публики отъ внутреннихъ дѣлъ внѣшними столкновеніями. Вотъ, напримѣръ, и теперь всѣ внутреннія дѣла забываются для соображеній, какъ императорское правительство развяжетъ свои разнорѣчащія отношенія по римскому вопросу. Газеты уже нѣсколько мѣсяцевъ наполняются извѣстіями и догадками о переговорахъ парижскаго правительства съ туринскимъ и папскимъ. Итальянское королевство послѣ долгихъ переговоровъ наконецъ признано Франціей. Что жь изъ этого? Какую существенную перемѣну произвелъ или означаетъ этотъ фактъ въ отношеніяхъ Франціи къ Италіи? Никакой перемѣны. Франція и прежде объявляла, что не одобритъ австрійцевъ, если они начнутъ войну для возстановленія своего перевѣса въ Италіи; точно то же остается и теперь. Прежде Франція объявляла, что не одобритъ туринское правительство, если оно начнетъ войну съ австрійцами для завоеванія Венеціи. Точно то же и теперь. Прежде Франція говорила, что ей самой непріятно занимать Римъ своими войсками, что она выведетъ ихъ при первой возможности, но что для этого надобно оградить какую-то независимость папы. Точно то же и теперь. Что же выигрываетъ Итальянское королевство отъ его признанія Франціею? Ничего не выигрываетъ, кромѣ того, что признано Франціей. Или само это признаніе было для чего нибудь нужно? Быть можетъ Франція угрожала существованію Итальянскаго королевства и признаніе было ручательствомъ, что Франція отказалась отъ мысли послать свои войска для разрушенія Итальянскаго королевства? Но подобной мысли французское правительство никогда не имѣло и сами итальянцы не имѣли подобнаго опасенія. Что же важнаго въ томъ, признано или не признано Итальянское королевство Франціею? Но вопросъ о признаніи удивительно занималъ со-

бою и французскую и итальянскую публику. — Дѣло объ очищеніи Рима французскими войсками нимало не измѣнилось отъ признанія Итальянскаго королевства Франціею. Переговоры о Римѣ давно уже ведутся между Парижемъ и Туриномъ. Ясно для всѣхъ, что французскія войска не могутъ долго оставаться въ Римѣ: желаніями туринскаго правительства теперь уже нельзя пренебрегать, потому что Итальянское королевство имѣетъ больше населенія, чѣмъ Пруссія и несмотря на всю медленность педантизма, съ какою формируется итальянская армія, она теперь простирается уже до 200 тысячъ, а скоро будетъ имѣть 300 тыс. солдатъ. Занимать столицу такого государства становится тяжело. Очищеніе Рима отъ французскихъ войскъ было рѣшено походомъ Гарибальди на Неаполь. Задача состоитъ въ томъ, надолго ли удастся оттянуть эту развязку, и нельзя ли будетъ получить за передачу Рима итальянцамъ какую нибудь уступку отъ нихъ.

Смерть Кавура до сихъ поръ еще не произвела замѣтной перемѣны въ ходѣ итальянскихъ дѣлъ, да вѣроятно и не произведетъ ея, кромѣ развѣ той разницы, что Рикасоли, занявшій мѣсто Кавура, не имѣетъ, да вѣроятно и не пріобрѣтетъ такой репутаціи непогрѣшительнаго и незамѣнимаго министра, какою пользовался Кавуръ. «Кавуръ нашелъ это нужнымъ»; или: «Кавуръ считаетъ это невозможнымъ»; или: «самъ Кавуръ сказалъ, что надобно понимать дѣло вотъ какъ»,—послѣ этого у большинства итальянской, да и всей европейской публики не оставалось уже никакихъ сомнѣній, что это дѣйствительно такъ, что дѣло ведется наилучшимъ образомъ. Какъ велось оно при Кавурѣ, расказываетъ краткій очеркъ его политической роли, помѣщенный въ этой книжкѣ «Современника», а подробнѣе разъясняется личность и дѣятельность Кавура въ біографіи, начало которой также помѣщено въ этой книжкѣ. Но какъ бы ни судили мы о дѣятельности Кавура, большинство думало иначе, а отъ мнѣнія много зависитъ. Подъ предводительствомъ человѣка, въ которомъ толпа увѣрена, она дѣйствуетъ смѣлѣе и ея смѣлость ободряетъ самого предводителя. Поэтому были бы расположены мы думать, что смерть Кавура—значительная потеря для итальянскаго дѣла, еслибъ оно сколько нибудь двигалось партіею, имѣвшею своимъ представителемъ Кавура. Впрочемъ, уже ни въ какомъ случаѣ не была смерть знаменитаго министра выигрышемъ для итальянскаго дѣла: партія, представителемъ которой былъ онъ, такъ многочисленна, что сохраняла управленіе дѣлами въ своихъ рукахъ, и Рикасоли, преемникъ Кавура, объявилъ, какъ извѣстно читателю, что будетъ неуклонно слѣдовать программѣ своего великаго предшественника. Посмотримъ, скоро ли пріобрѣтетъ Рикасоли такой же авторитетъ

геніальности, какой упрочился за Кавуромъ; а въ самодовольствіи онъ не уступаетъ Кавуру.

Мы не говоримъ о мелкихъ волненіяхъ, вспыхивающихъ по временамъ то въ одномъ, то въ другомъ итальянскомъ городѣ или округѣ, особенно въ бывшихъ неаполитанскихъ владѣніяхъ на материкѣ. Публика совершенно справедливо находитъ, что поводомъ къ этимъ безпорядкамъ, которые легко подавляются и не представляютъ никакой серьёзной опасности Итальянскому королевству, служатъ происки бурбонскихъ эмиссаровъ, и что съ отъѣздомъ Франциска II изъ Рима (при будущемъ удаленіи французовъ изъ Рима) этотъ поводъ исчезнетъ и страна успокоится. Разумѣется, такъ; но почему же бурбонскіе эмиссары успѣваютъ поднимать безпорядки противъ новаго правительства? — Новое правительство еще не нашло времени подумать о доставленіи простому народу какихъ нибудь существенныхъ выгодъ отъ новаго порядка вещей. Образованное общество, проникнутое потребностью политической свободы и національной независимости, предано новому порядку вещей; но какія преимущества онъ имѣетъ надъ прежнимъ, еще не видно для массы итальянскихъ простолюдиновъ, которые знаютъ только величину платимыхъ ими налоговъ.

Австрія чрезвычайно огорчена тѣмъ, что императоръ французовъ призналъ титулъ короля Италіи за Викторомъ-Эммануэлемъ, какъ будто силы Виктора-Эммануэля зависятъ отъ формы, по которой надписывается адресъ на депешахъ, передаваемыхъ его министрамъ парижскими министрами, или какъ будто бы какой нибудь титулъ можетъ помѣшать объявленію войны и отнятію областей, если имѣешь на то силу. Вѣдь вся Европа признавала за императоромъ австрійскимъ титулъ короля ломбардо-венеціанскаго, но это ни мало не помѣшало Кавуру отнять у него Ломбардію при первой возможности. Значительнымъ утѣшеніемъ австрійскому правительству служитъ преданность нѣмецкой партіи въ палатѣ депутатовъ имперскаго совѣта. Депутаты эти чрезвычайно либеральны: съ необыкновеннымъ жаромъ апплодируютъ Шмерлингу, превозносящему либерализмъ; и съ такимъ же жаромъ апплодируютъ ему, когда онъ говоритъ о необходимости спасти австрійское общее отечество отъ гибельныхъ замысловъ славянъ, мадяръ и итальянцевъ, составляющихъ три четверти населенія Австрійской имперіи. Нѣмецкая партія имперскаго совѣта убѣждена, что либерализмъ требуетъ подавить венгерское самовольство вооруженною рукой и не дать гибельной воли чехамъ, желающимъ признанія какихъ-то правъ какой-то своей національности, которой вѣнскіе либералы

рѣшительно не находятъ у чеховъ, а видятъ у нихъ однѣ только невѣжественныя мечты о сохраненіи этой мнимой славянской своей національности. По мнѣнію вѣнскихъ либераловъ, совершенно согласныхъ съ Шмерлингомъ, конституціонный порядокъ въ Австрійской имперіи долженъ быть упроченъ военными мѣрами противъ венгровъ, чеховъ и другихъ враговъ либерализма. Впрочемъ хороши и чехи: однимъ изъ правъ своихъ на свободу они выставляютъ то, что Виндишгрецъ покорилъ въ 1848 г. мятежную Вѣну чешскими войсками. Сначала чешскіе депутаты, называющіе себя гусситами и демократами, вступили было въ союзъ съ клерикальной и ультра-аристократической партіей, съ графомъ Кламъ-Мартиницемъ и кардиналами Раушеромъ и Шварценбергомъ, которые не только демократовъ и гусситовъ, но и нынѣшнихъ вѣнскихъ министровъ считаютъ революціонерами, достойными всякихъ временныхъ и вѣчныхъ казней за вражду противъ іезуитскаго владычества и феодальныхъ правъ. Такой союзъ свидѣтельствуетъ о степени политическаго такта у чешскихъ депутатовъ. Но почему-то онъ оказался непроченъ, и предводитель чешской партіи Ригеръ (впрочемъ достойнѣйшій человѣкъ, съ прекраснѣйшими намѣреніями), освободившись отъ своихъ феодальныхъ и клерикальныхъ союзниковъ, могъ въ засѣданіи палаты депутатовъ публично провозгласить, что онъ дѣйствительно гусситъ и демократъ, а не то, что приверженецъ іезуитовъ и феодалъ.

Чехи впрочемъ грѣшатъ только безтактностью, слѣдствіемъ недостаточности политическаго образованія. Нѣмецкая партія въ палатѣ депутатовъ имперскаго совѣта безтактностью не уступаетъ чехамъ: устройство, кажущееся ей либеральнымъ, она надѣется упрочить помощью военныхъ мѣръ, ведущихъ къ результату прямо противоположному, — но кромѣ того, и самая цѣль ея стремленій несправедлива: она непремѣнно хочетъ подчинить всѣ народности Австрійской имперіи нѣмецкому элементу и связать въ государство, подобное Франціи, имперію, разноплеменныя части которой могли бы ужиться только подъ формою федераціи. Пока австрійскіе нѣмцы будутъ слѣдовать за людьми такого образа мыслей, какъ Шмерлингъ и нѣмецкіе депутаты имперскаго совѣта, ничего хорошаго не дождутся они и для самихъ себя. У чеховъ, напротивъ того, основное стремленіе справедливо: они хотятъ, чтобы земля каждаго племени составляла особенное независимое цѣлое, связанное съ другими сосѣдними государствами только союзомъ на равныхъ правахъ. Но на вѣнскомъ имперскомъ совѣтѣ чехи находятся въ мень-

шинствѣ и непреклонное большинство составляютъ нѣмецкіе централизаторы.

Въ этомъ надобно искать коренную причину невозможности примиренія между Венгріею и западною частью Австрійской имперіи, подчиняющеюся вѣнской централизаціонной системѣ или по сочувствію централизаціоннымъ принципамъ, какъ нѣмецкія области, или какъ Чехія по безсилію, происходящему отъ политической неопытности. Формальною причиною сопротивленія венгровъ вѣнской системѣ выставляются старинныя права Венгріи на совершенную независимость отъ вѣнскаго правительства. Сами венгры обыкновенно довольствуются указаніемъ на эти свои права; но, разумѣется, преданіе потеряло бы живую силу, если бы дѣйствія, имъ оправдываемыя, не были внушаемы настоящимъ положеніемъ вещей. Венгры—народъ способный къ дѣйствительному, а не мнимому только конституціонному порядку и самоуправленію. Они видятъ, что западная половина Австрійской имперіи еще не въ силахъ провести въ свою жизнь ни того, ни другаго принципа, что она еще остается подчинена принципамъ совершенно инаго направленія и что соединиться съ этою частью въ какихъ бы то ни было имперскихъ совѣтахъ или парламентахъ, значило бы для Венгріи подчинить свою судьбу рѣшеніямъ такого большинства депутатовъ, которое неспособно отстаивать чьи бы то ни было права противъ произвола. Венгры дальновиднѣе чеховъ по своей политической опытности, и понимаютъ, что перенести рѣшеніе своихъ дѣлъ въ Вѣну было бы то же самое, что согласиться на добровольное подчиненіе прежней системѣ произвольнаго управленія. При своемъ политическомъ развитіи не могутъ они согласиться на это. А вѣнская система не захочетъ отказаться отъ господства надъ Венгріею безъ борьбы; изъ Пешта она можетъ быть вытѣснена лишь тѣмъ же способомъ, какъ изъ Венеціи. Потому едва ли можно избѣгнуть военной развязки венгерскаго вопроса. Венгры знаютъ это очень хорошо, и дѣло идетъ у нихъ лишь о томъ, какъ провести время до наступленія обстоятельствъ, при которыхъ война съ Австріею имѣла бы шансы успѣха. Одни думаютъ, что надобно въ это промежуточное время дѣйствовать рѣзко; другіе считаютъ преждевременную рѣзкость дѣломъ слишкомъ рискованнымъ и стараются избѣгать столкновеній. Въ этой разницѣ и состоитъ главное разнорѣчіе между радикальною и умѣренною партіями венгерскаго сейма. Конечно, сами предводители умѣренной партіи, Деакъ и Этвешъ, могутъ и вовсе не желать войны; но масса депутатовъ, слѣдующихъ за ними, вовсе не раздѣляетъ этого мнѣнія: она, подобно

радикальной партіи, считаетъ войну неизбѣжной и подаетъ голосъ за нѣкоторыя смягченія въ формахъ дѣйствій лишь временнымъ образомъ, въ ожиданіи благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ. При ихъ наступленіи, на сторонѣ Этвеша и Деака останется очень мало голосовъ; да и теперь большинство сейма принадлежитъ радикальной партіи, которая впрочемъ и сама въ иныхъ случаяхъ считаетъ полезнымъ уступать большинство защитникамъ болѣе мягкихъ формъ. Такъ было, напримѣръ, при подачѣ голосовъ о главномъ предметѣ первыхъ преній венгерскаго сейма, — о томъ, въ какой формѣ сеймъ выразитъ вѣнскому правительству требованія Венгріи: въ формѣ ли адреса императору, какъ предлагала умѣренная партія, или въ формѣ простаго «рѣшенія», представляемаго на принятіе императору. Форма адреса была предлагаема съ тою цѣлью, чтобы не выражать оффиціальнымъ образомъ господствующаго въ Венгріи мнѣнія, что императоръ австрійскій пользуется до сихъ поръ только фактическою властью надъ Венгріею, а по закону не признается королемъ Венгріи, которая не утверждала своимъ согласіемъ этой власти за нимъ. Форма «рѣшенія» прямо показывала бы, что венгерскій сеймъ не признаетъ законной власти надъ Венгріею за императоромъ австрійскимъ. Радикальная партія не соглашалась съ доводами въ пользу адреса, и по своему принципу должна была защищать форму «рѣшенія». Но послѣ долгихъ преній открылось новое соображеніе, заставившее и радикальную партію желать, чтобы принята была форма адреса. Если бы послано было въ Вѣну «рѣшеніе», вѣнское правительство могло бы долго оставлять его безъ отвѣта подъ тѣмъ предлогомъ, что нужно дать отвѣтъ подробный, требующій много времени для обработки. А если будетъ посланъ адресъ, положеніе дѣлъ должно будетъ тотчасъ же разъясниться принятіемъ или непринятіемъ депутаціи, которая повезетъ его къ императору: если депутація не будетъ принята, значитъ, вѣнское правительство само провозглашаетъ невозможность примиренія; если депутація будетъ принята, императоръ долженъ будетъ отвѣчать на ея рѣчь словами, по тону которыхъ будетъ видно, каковъ крайній предѣлъ уступокъ со стороны вѣнскаго правительства. Поэтому радикальная партія на предварительномъ своемъ собраніи рѣшила, что извѣстное число ея членовъ должны подать голосъ за адресъ, чтобы доставить ему большинство. Такимъ образомъ и доставлено было адресу большинство трехъ голосовъ. Но допуская умѣренную партію провести чрезъ сеймъ форму адреса, радикальная партія измѣнила въ своемъ духѣ проэктъ адреса, составленный Деакомъ. Изъ этихъ измѣненій наиболѣе важны два, показывающія,

въ чемъ заключается главный предметъ разногласія между партіями. Въ проэктѣ Деака адресъ начинался словами: «свѣтлѣйшій императоръ и король!» Радикальная партія потребовала замѣнить слова «императоръ и король» словомъ «господинъ». Это было принято сильнымъ большинствомъ. Въ проэктѣ Деака была фраза: «мы хотимъ покрыть завѣсой страданія прошлаго»,—это, разумѣется, означало, что сеймъ готовъ забыть незаконное по его мнѣнію управленіе послѣднихъ одиннадцати лѣтъ. Радикальная партія потребовала выбросить эти слова, потому что Венгрія не намѣрена забывать страданій, которымъ подвергалась. Большинство рѣшило вычеркнуть эту фразу.

О томъ, чего требовать отъ австрійскаго правительства, преній никакихъ не было, потому что въ этомъ обѣ партіи совершенно согласны: умѣренные одинаково съ радикалами хотятъ, какъ извѣстно читателю, совершенной отдѣльности Венгріи отъ остальной Австріи.

По телеграфическимъ депешамъ мы знаемъ, что послѣ долгихъ колебаній вѣнское правительство рѣшило не принимать адреса, въ которомъ венгры не даютъ императору австрійскому титула: «императоръ и король». Прежде говорили, что отвергнувъ адресъ, какъ документъ мятежнаго содержанія, императоръ распуститъ имперскій сеймъ и немедленно возстановится прежній военный порядокъ управленія Венгріею. Депеши молчатъ объ этомъ. Во всякомъ случаѣ непринятіемъ адреса начинается второй фазисъ вопроса: коренное несогласіе венгерскихъ требованій съ австрійскою системою признано. Посмотримъ, какія мѣры будутъ приняты австрійскимъ правительствомъ для усмиренія венгровъ и какъ разсудятъ венгры о возможности вооруженнаго сопротивленія при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, не представляющихъ для него благопріятныхъ комбинацій.

Въ Турціи умеръ одинъ султанъ, на мѣсто его провозглашенъ по законному порядку другой. Газеты разсуждаютъ о томъ, какую перемѣну произведетъ это въ турецкой системѣ. — Чтобы мы стали разсуждать объ этомъ, читатель конечно и не ожидаетъ.

Въ Америкѣ начались наступательныя дѣйствія союзныхъ войскъ противъ инсургентовъ, которые уже принуждены были безъ сопротивленія бросить одну изъ главныхъ своихъ позицій, крѣпость Гарперсъ-Ферри; этимъ отступленіемъ очистили они сѣверную часть Виргиніи, и театръ войны переносится теперь въ среднюю по-

лосу этого штата, который вѣроятно и весь будетъ мѣсяца черезъ полтора или два очищенъ отъ инсургентовъ. Значительныхъ сраженій еще не было; но уже произошло нѣсколько довольно большихъ стычекъ, въ которыхъ сѣверныя войска одерживали верхъ, какъ и слѣдовало ожидать.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВОСЕМЬДЕСЯТЪ СЕДЬМАГО ТОМА.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

МАЙ.

Стр.

ІЮНЬ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Іюня 24 дня 1861 года.

Цензоры *Ѳ. Еленевъ*. — *Ѳ. Веселаго*.

ОТЪ КОНТОРЫ «СОВРЕМЕННИКА».

Контора «Современника» считаетъ необходимымъ довести до свѣдѣнія гг. подписчиковъ своихъ слѣдующее:

Получивъ увѣдомленіе о желаніи получать журналъ и слѣдующія за это деньги, Контора Редакціи помѣщаетъ имя желающаго и адресъ, по которому книги должны высылаться, въ особые списки, которые сдаются въ Газетную Экспедицію санктпетербургскаго почтамта, при прошеніи высылать, по значущимся въ спискахъ адресамъ, книги журнала въ теченіе всего года. При этомъ вносятся въ Газетную Экспедицію впередъ деньги, слѣдующія за пересылку всѣхъ №№ журнала въ теченіе года, въ полученіи которыхъ Конторѣ выдаются росписки.

Затѣмъ, по выходѣ книжекъ, онѣ счетомъ, подъ росписку получателя, сдаются въ Газетную Экспедицію, которая, по имѣющимся у нея спискамъ, надписываетъ адресы. Если, въ теченіе года, Контора Редакціи получаетъ увѣдомленіе о перемѣнѣ адреса (*), она оффиціальнымъ образомъ, съ указаніемъ подписчика по нумеру, подъ которымъ онъ значится въ сданныхъ спискахъ, сообщаетъ объ этомъ Газетной Экспедиціи, и первая слѣдующая за этимъ извѣщеніемъ книжка высылается уже по новому адресу.

Изъ этого слѣдуетъ, что если кто либо изъ гг. подписчиковъ, получивъ какую либо книжку журнала, не получитъ предшествовавшихъ или слѣдующихъ за ней №№, то это будетъ яснымъ доказа-

---

(*) Въ этихъ увѣдомленіяхъ непремѣнно слѣдуетъ прописывать имя, фамилію и мѣсто, указанныя при подпискѣ на журналъ.

тельствомъ, что неисправность произошла отъ почтоваго вѣдомства. Въ такомъ случаѣ мы просимъ гг. подписчиковъ, всѣ жалобы присылать въ письмахъ прямо на имя г. директора Почтоваго Департамента и с.-петербургскаго почтъ-директора, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомлять Редакцію для того, чтобы и она, съ своей стороны, могла принять зависящія отъ нея мѣры для удовлетворенія всѣхъ справедливыхъ требованій. Въ этихъ увѣдомленіяхъ слѣдуетъ прописывать въ точности тѣ адресы, которые были означены при подпискѣ на журналъ, и пояснять — гдѣ именно жалующіеся подписались.

Не лишнимъ считаемъ также напомнить гг. жалующимся на позднее полученіе журнала, что «Современникъ» посылается въ почтамтъ не ранѣе, какъ чрезъ недѣлю по выходѣ книжки, когда всѣ его экземпляры отпечатаются и переплетутся, на что нужно время по большому числу печатаемыхъ экземпляровъ. Каждая книжка (какъ это дѣлалось и прежде) отправляется въ заклеенномъ наглухо конвертѣ съ бандеролью, на которой означается *день сдачи* книжки въ Газетную Экспедицію.

Равнымъ образомъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, и нынѣшній годъ при книжкахъ разсылаются *карты*, на которыхъ получатели должны означать не только то, что они получили книжку, но въ *какомъ видѣ* получили ее. Всякій экземпляръ вскрытый или разрѣзанный получатель въ правѣ обратить назадъ съ жалобою, которая будетъ представлена главному почтовому начальству.

Нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ присылаютъ также жалобы, въ которыхъ выражаютъ удивленіе, что не получаютъ первыхъ №№ журнала, тогда какъ тѣ же №№ получены другими въ однихъ съ ними городахъ. По справкѣ Редакціи постоянно оказывается, что это происходитъ оттого, что одни подписались ранѣе, а другіе позже. Такъ-какъ имена послѣднихъ сдаются въ Газетную Экспедицію позже лицъ, подписавшихся заблаговременно, то и книги высылаются имъ позже, тѣмъ болѣе, что разсортировка новыхъ подписчиковъ по городамъ занимаетъ въ Экспедиціи довольно времени.

Печатать позволяется. С.-Петербургъ, 15 іюня 1861 года.
Исправляющій должность цензора *Ө. Елагинъ*.